ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

II

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ II

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1963

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

Издание второе,
переработанное и дополненное

Под редакцией
А. А. ГРОМЫКО, И. Н. ЗЕМСКОВА, В. А. ЗОРИНА,
В. С. СЕМЕНОВА, С. Д. СКАЗКИНА, В. М. ХВОСТОВА

МОСКВА
Государственное Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1963

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ II

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ
1871—1914

Автор тома
В. М. ХВОСТОВ

МОСКВА
Государственное Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1963

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (1871—1914 гг.)

ВВЕДЕНИЕ

Парижская коммуна 1871 г., первая в мире пролетарская революция, хотя и подавленная силами буржуазной реакции, знаменовала открытие нового исторического периода. На протяжении последних трех десятилетий XIX в. старый капитализм эпохи свободной конкуренции превратился в капитализм монополистический, или, иначе говоря, в империализм. Эта высшая и последняя стадия развития капитализма характеризуется следующими основными экономическими признаками:

«1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» [1]. На рубеже XX столетия империализм в основном уже сложился.

Переход от свободной конкуренции к господству монополий совершился в результате действия экономических закономерностей, присущих капиталистическому обществу.

Но эти закономерности проявлялись в различных исторических и географических условиях. Национальные особенности различных стран оказывали свое влияние на действие общих закономерностей капитализма. В результате империализм, при общности основных признаков, приобрел в отдельных странах также и некоторые особенности.

В Англии империализм стал складываться ранее, чем где-либо. «Две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 22, стр. 253.

рынке»[1]. В стране, которая являлась обладательницей величайшей колониальной империи, империализм обрел колониальный характер[2]. Нигде эксплуатация колоний не играла такой роли в капиталистической экономике, как в Англии.

Развитие английской промышленности в конце XIX в. значительно замедлилось. Англия утеряла свое былое промышленное первенство. Но она осталась первой страной не только по размерам колониальных владений, но и по экспорту капитала, по объему своей внешней торговли, а также по тоннажу торгового флота. Ее военно-морские силы оставались крупнейшими во всем мире и сохраняли господство на большей части мировых торговых путей.

Гигантское распространение английского капитализма вширь, далеко за пределы Британских островов, доставляло огромные прибыли от грабежа колоний и создавало благоприятные условия для подкупа буржуазией верхушки рабочего класса в целях обеспечения социальной устойчивости буржуазного общества и государства.

В другой старейшей капиталистической стране — Франции в конце XIX в. индустриальное развитие замедлилось еще больше, чем в Англии. Но в то же самое время Франция превратилась во вторую после Англии колониальную державу вследствие захватов обширнейших территорий, совершенных правительством Третьей республики. Франция удерживала второе место в мире и по масштабам вывоза капитала. «Франция — это финансовая олигархия, Франция — это ростовщик всего света»[3], — писал В. И. Ленин, цитируя французского экономиста Лизиса-Летайера. «В отличие от английского, колониального, империализма, французский можно назвать ростовщическим империализмом»[4]. Ростовщический характер французского империализма сочетался с сохранением в народном хозяйстве страны относительно большого сектора мелкого товарного производства.

С переходом к империализму чрезвычайно усилилась неравномерность экономического и политического развития, всегда свойственная капитализму и составляющая, как показал В. И. Ленин, безусловный его закон[5]. «Период более или менее плавного распространения капитализма по всему земному шару сменился скачкообразным, катастрофическим развитием, что вызвало невиданные ранее рост и обострение

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 22, стр. 270.
[2] См. там же, стр. 231.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 24, стр. 367.
[4] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 22, стр. 231.
[5] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 21, стр. 311.

всех противоречий капитализма...» [1]. В то время как в старейших капиталистических государствах темпы роста промышленности замедлялись, в странах относительно молодого капитализма промышленность во второй половине прошлого века развивалась быстрыми темпами.

В Европе наиболее значительный рост капиталистической промышленности происходил в Германии. Развитие капитализма совершалось здесь, как и во всей Центральной и Южной Европе, в исторической среде, существенно отличной от старейших капиталистических стран Запада — Англии и Франции. В отличие от них буржуазно-демократическая революция потерпела здесь поражение, буржуазные преобразования остались незавершенными. Объединение Германии, как и объединение Италии, превращение феодально-абсолютистской Австрийской империи в дворянско-буржуазную Австро-Венгрию совершились в результате «революций сверху», силами старых монархий, ставших на путь буржуазного развития. Из числа этих стран Германия вследствие ряда благоприятных условий стала ареной бурного развития поистине гигантской капиталистической индустрии. Наоборот, в Австро-Венгрии и Италии значительное развитие промышленности произошло лишь в отдельных районах — на итальянском Севере, в Чехии, Нижней Австрии — при довольно застойном характере экономики этих стран в целом.

Франко-прусская война способствовала завершению объединения Германии под эгидой прусской монархии. Развитие капитализма и последующий его переход в монополистическую стадию совершались в Германии в обстановке реакционно-монархического режима, огромного влияния юнкерства и обилия феодальных пережитков в деревне и в политической жизни. Переход к империализму повсюду означал усиление реакции, но в Германии с ее полуабсолютистским политическим устройством оно принимало наиболее грубые формы и в большей мере, чем где-либо, сопровождалось разгулом шовинизма.

В Германии мощный монополистический капитал прочно сросся с юнкерским монархическим государством и его военным аппаратом. Старый прусский юнкерский милитаризм, полностью консервированный в лоне Германской империи, стал важнейшим орудием политики монополий и германского империализма новейшего типа. В результате всех этих особенностей исторического развития Германии империализм приобрел здесь юнкерски-буржуазный характер [2]. Он сочетал наличие

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961, стр. 10.

[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 27, стр. 306.

огромной промышленности, наиболее передовой в техническом и организационном отношении, отличавшейся высоким уровнем концентрации производства, с крепко сколоченным военно-бюрократическим аппаратом прусской монархии. Она предоставила германскому капитализму самую сильную армию того времени, только что подряд выигравшую три войны — с Данией, Австрией и, наконец, с Францией. А капитализм, в свою очередь, дал монархии и прусскому милитаризму технические и финансовые ресурсы в масштабах, ранее им не доступных. В результате в сердце Европы создалась сильная и агрессивная держава, располагающая высокоразвитой индустриальной базой и первоклассной военной машиной.

Сочетание передовой промышленности со всепроникающей силой государственного аппарата содействовало развитию в Германии элементов государственно-монополистического капитала. Они развились здесь раньше и сильнее, чем в большинстве других капиталистических стран. В Германии, писал Ленин, «мы имеем «последнее слово» современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, *подчиненной юнкерски-буржуазному империализму*» [1].

Таким образом, против Англии и Франции, захвативших богатейшие колонии и привыкших к господству на мировых рынках, «выдвинулась другая группа капиталистов, еще более хищническая, еще более разбойничья — группа пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты, но внесших в борьбу новые приемы развития капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию... Группа эта внесла начала огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма» [2]. Опираясь на свою экономическую и военную силу, Германская империя с большой бесцеремонностью принялась обеспечивать себе место среди более старых великих держав, заставляя их тесниться и сдавать многие позиции.

В России во второй половине XIX в. происходило довольно быстрое развитие капитализма. Тем не менее царская Россия оставалась страной экономически отсталой по сравнению с наиболее развитыми капиталистическими государствами. Развитие капитализма совершалось в России при сохранении еще большего числа феодальных пережитков в политическом и аграрном строе, нежели это было в Германии. «В России, — писал В. И. Ленин, — капиталистический империализм новей-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 27, стр. 306.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 24, стр. 368.

шего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм»[1].

Когда-то, в дни революции 1848 г., реакционеры всей Европы с надеждой взирали на самодержца всероссийского, ожидая от него помощи против возмутившихся народных масс. В начале XX в. положение в корне изменилось. Теперь царское самодержавие, содрогаясь под ударами русской революции, просило у западного империализма денежной и разной иной помощи для подавления своего народа и поддержания архаического государственного строя Российской империи. Достаточно сравнить положение царской империи в 1848 г. при Николае I и ее состояние в 1905 г., чтобы стало очевидным резкое падение международной роли русского самодержавия. К концу XIX в. царская Россия утеряла положение главы мировых реакционных сил. Она заняла в рядах мировой реакции более скромное место. «Царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции»[2], — говорил В. И. Ленин.

Царская Россия была огромным и выгодным полем приложения капитала более развитыми капиталистическими державами и прежде всего мировым ростовщиком — Францией. Финансовая зависимость царизма от западного империализма, в особенности от французского, в начале XX в. неуклонно возрастала. Однако Россия сохраняла положение одной из великих империалистических держав. Сталин допустил грубую ошибку, утверждая, будто ко времени первой мировой войны «царская Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы»[3].

Во время войны зависимость России от ее союзников чрезвычайно усилилась.

* *
*

Конец 60-х годов прошлого века и начало 70-х внесли коренную перемену в международную обстановку. Первопричиной было усиление неравномерности развития, свойственной капитализму, и в Европе наиболее ярко проявившейся в быстром индустриальном росте ранее отсталой Германии. Сначала перемена эта затронула континентальную Европу. В политической раздробленности Германии, а также Италии старые великие державы континента — и Франция, и Россия, и Австрия —

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 21, стр. 277. О русском империализме см. *А. Л. Сидоров.* В. И. Ленин о русском военно-феодальном империализме. «История СССР», 1961, № 3, стр. 47—70.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 22, стр. 327.

[3] «Большевик», 1941 г., № 9, стр. 4.

усматривали важную гарантию своей безопасности. С появлением единой Италии и в особенности сильной Германии положение стало несравненно более напряженным. Германская империя, выказавшая жадность до чужих земель, располагавшая большой военной мощью и наводнявшая рынки произведениями своей промышленности, внушала величайшую тревогу своим соседям. Рост германского капитализма и империализма привел к резкому обострению межгосударственных противоречий в Европе, а затем и во всем мире.

Противоречия между Германией и Францией достигли большой остроты еще в предшествующий исторический период, в связи с подготовкой объединения Германии, в котором французская буржуазия усматривала величайшую опасность для своего государства. Франко-прусская война и захват Германией Эльзаса и Лотарингии не сняли этих противоречий. Напротив, они сделали их еще более непримиримыми.

После создания Германской империи в Европе установился «вооруженный мир» — такой мир, под покровом которого шла беспрестанная подготовка к войне. С обострением неравномерности развития, проявлением которого и было быстрое возвышение Германии, резко нарушившее сложившееся соотношение сил между государствами, усилились взаимное недоверие, соперничество и страх капиталистических держав, исполненных враждебных замыслов по отношению друг к другу. Напряженность обстановки нарастала в условиях быстрого промышленного и технического прогресса, которые сделали возможным непрерывное усовершенствование оружия. Такая обстановка приводила к постоянной гонке вооружений, которой не знала предшествующая эпоха. Каждое мероприятие любой великой державы по увеличению своей военной мощи вызывало ответные шаги других держав, старавшихся не отстать от соседа, а, наоборот, обогнать его. Так создался механизм гонки вооружений, заключавшийся в том, что каждое мероприятие по усилению вооружения, где бы оно ни предпринималось, вызывало цепную реакцию новых вооружений в других государствах. Стоило кому-либо из них суметь при этом продвинуться дальше других — и эта цепная реакция ответных мер тотчас же возобновлялась. Гонка вооружений приобрела непрерывный характер.

В деле подготовки будущей войны дипломаты не отставали от военных. Почин принадлежал все той же Германии. Она первая приступила к созданию военного блока под своим руководством. В 1882 г. был заключен Тройственный союз, в который вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия.

В ответ Россия и Франция стали искать друг у друга опоры против Германии и ее союзников. Особенно напряженными

являлись франко-германские отношения: захват Германией Эльзаса и Лотарингии создавал для Франции угрожаемое положение; но со своей стороны и Германия опасалась французского стремления к реваншу. Пока германским канцлером был Бисмарк, он, страшась войны с Россией, всячески старался предотвратить ее сближение с Францией. Бисмарк стремился изолировать Францию, дабы придать будущей франко-германской войне локализованный характер. В течение некоторого времени германскому канцлеру удавалось тормозить франко-русское сближение.

Этот временный успех вытекал из объективных условий эпохи. Дипломатическим усилиям Бисмарка помогало наличие англо-русских противоречий: между этими двумя державами не прекращалась их давняя борьба за господство над обширными районами Азии. «Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов» [1]. Англо-русское соперничество приобрело особую остроту во время русско-турецкой войны. Но и в последующие годы оно не раз вспыхивало с большой силой и создавало угрозу военного взрыва. Взаимные распри России и Англии в борьбе за Ближний и Средний Восток вынуждали обеих соперниц не без опаски оглядываться на Германию и дорожить ее дружбой. Помогала Германии также и вражда между Францией и Англией, вызывавшаяся борьбой за колонии.

И все же, вопреки усилиям германской дипломатии, франко-русский союз в начале 90-х годов стал совершившимся фактом. Союз скреплялся займами, которые французский капитал щедро начал предоставлять русскому царизму. Так произошло оформление двух крупных военно-политических группировок: Тройственного союза в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии и двойственного франко-русского союза. Каждый из обоих военных блоков стремился обогнать другой по своей военной силе и уж во всяком случае не отстать от него. На каждое усиление вооруженных сил любого участника той или другой группировки все члены противного блока отвечали аналогичными мероприятиями. Так система военных блоков форсировала гонку вооружений и все более сгущала атмосферу взаимного недоверия и подозрительности.

Англия до поры до времени играла на противоречиях этих двух группировок континентальных держав. До начала XX в. она не примыкала ни к одной из них и следовала политике так называемой «блестящей изоляции». Англия стремилась сохранить свободу действий при назревающих в Европе междуна-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 23, стр. 116.

родных конфликтах. Она полагала, что союзники ей не нужны, ибо ее достаточно защищает море: при тогдашнем состоянии военной техники эти соображения имели основания. Более того, английская дипломатия рассчитывала, что взаимная борьба континентальных держав позволит ей отстаивать и расширять британскую колониальную империю с минимальным напряжением сил.

В конце прошлого века такому положению пришел конец. Сквозь сложную сеть переплетающихся интересов, многочисленных конфликтов и международных противоречий к концу прошлого века на первый план выдвинулись антагонистические противоречия между германским империализмом и империализмом английским — между сильнейшим и агрессивнейшим из новых конкурентов и самым могущественным старым хозяином колоний, рынков и морских путей.

Германия к концу XIX в. в ряде отраслей промышленности значительно обогнала Англию, а в других отраслях быстро приближалась к ее уровню. Между тем по размерам своих колоний и, следовательно, той территории, которая могла служить объектом монопольной эксплуатации для германского капитала, Германия чрезвычайно отставала от Англии и даже от Франции. Всюду на мировых рынках германский капитал сталкивался с давнишними укрепленными позициями английского и французского капитала. Повсеместно Англия и Франция с раздражением, ненавистью и опаской встречали вторжение непрошеного нового конкурента. Создалась резкая диспропорция между относительной мощью промышленного потенциала старых и более молодых капиталистических стран и исторически сложившимся распределением колоний, сфер влияния и рынков, на которых хозяйничали старые господа капиталистического мира вопреки относительному отставанию их индустриальной базы. Германский империализм в конце прошлого века стал стремиться к коренному переделу мира в свою пользу.

После 1871 г. Англия уже усматривала для себя опасность в поползновениях Германии добиться гегемонии на континенте. Однако на колониальной арене до последнего десятилетия XIX в. главными соперниками Англии оставались Россия и Франция. Теперь положение изменилось: эта роль перешла к Германии.

Рост капитализма, его переход в монополистическую стадию сопровождались в конце прошлого столетия огромным развитием колониальной экспансии. В связи с этим с середины 70-х годов в деятельности дипломатии на все более видное место выдвигается борьба за колонии. С разделом Африки и Азии в конце XIX и в первые годы XX в. создается колониальная

система империализма, развал которой совершается сегодня на наших глазах. Порабощение большей части человечества кучкой великих держав сопровождалось ожесточенной борьбой между ними. Если русско-турецкая, англо-афганская войны и завоевание Туркмении Россией обострили русско-английские отношения, то захват Египта Англией и вообще вся борьба за раздел Африки ухудшали отношения между Англией и Францией. Франко-итальянское соперничество приобрело напряженный характер после того, как Франция наложила свою руку на Тунис. Это и направило Италию на путь сотрудничества с Германией и Австро-Венгрией.

К тому же времени (т. е. к 80-м годам) относятся первые выступления Германии в качестве нового претендента на колониальные территории. По мере того как развертывалась торговая и колониальная экспансия Германской империи, нарастало обострение противоречий между Германией и Англией. Эти две державы к началу нынешнего века были крупнейшими капиталистическими государствами Европы. Поэтому постепенно именно между ними развился основной империалистический антагонизм, сыгравший главную роль в возникновении первой мировой войны. Поскольку Англия была величайшей колониальной державой, не удивительно, что именно с ней сталкивался в первую очередь германский империализм со своими притязаниями на передел колоний. Борьба между Германией и Англией приобрела особенно острые формы после того, как Германия стала покушаться на военно-морскую гегемонию старой «владычицы морей».

Следствием обострения англо-германских отношений было сближение Англии с теми державами, которые по тем или иным причинам также усматривали в Германии своего врага,— сначала с Францией, а затем и с царской Россией. Будучи ослаблен поражением в войне с Японией и первой русской революцией, царизм уже не представлял для английского империализма столь большой опасности, как раньше. Таким образом, на почве совместной борьбы против Германии английский империализм постарался наладить отношения с Францией и Россией, со своими старыми соперниками на колониальной арене, и сблизиться с франко-русской военной группировкой. Начиная с 1904 г. стала создаваться тройственная англо-франко-русская Антанта. По мере ее укрепления военному блоку, возглавляемому Германией, стали противостоять уже не две, а три великие державы. Англо-французские и англо-русские противоречия сохранились, но отступили на задний план. Вместе с тем англо-русское соглашение означало создание империалистического блока, направленного против национально-освободительной борьбы колониальных народов.

* *
*

Германская империя не была единственной великой индустриальной капиталистической державой новой формации. Еще более крупная промышленная мощь создалась вне Европы — в Соединенных Штатах Америки. В последней трети XIX в. США стали величайшей индустриальной страной мира. К концу века американский капитализм приобрел монополистический характер, что сопровождалось дальнейшим усилением внешней экспансии США. Они стали страной наибольшей концентрации капитала. Американские тресты уже в конце XIX в. являлись крупнейшими монополиями в мире, часто превосходящими по своему капиталу монополистические организации европейских стран.

По мере роста американского капитализма усиливались конкуренция и противоречия между США и Англией. Однако до окончания первой мировой войны эти противоречия не получили такой остроты, как англо-германские. Это объяснялось отчасти огромной емкостью внутреннего рынка США, что до поры до времени делало американский капитал менее настойчивым в проникновении на традиционные рынки Англии по сравнению с его немецким собратом.

Так же как и Россия, хотя и по иным причинам, США относились к числу капиталистических держав, в которых импорт капитала значительно превосходил его экспорт. В США такое положение продолжало существовать вплоть до первой мировой войны. Наличие крупных английских капиталов, вложенных в промышленность и железные дороги Соединенных Штатов, создавало тесное переплетение интересов английского и американского капитала, что также способствовало некоторому смягчению конкурентной борьбы между двумя англосаксонскими державами.

Уже в конце XIX в. в некоторых американских буржуазных кругах стали выдвигаться притязания на мировое господство. Однако фактически империалистическая экспансия США до первой мировой войны в основном сосредоточивалась на Американском континенте, в бассейне Тихого океана и на Дальнем Востоке. В этих районах, особенно в Латинской Америке, противоречия между США и Англией уже тогда были довольно острыми. Но как бы то ни было, англо-американское соперничество не привело к войне, в отличие от соперничества англо-германского.

В Латинской Америке Соединенные Штаты сталкивались не только с Англией. С нею вместе они терпели от бурного

вторжения германской конкуренции на рынки слаборазвитых стран Западного полушария. На Дальнем же Востоке в конце XIX в. главную опасность для своих империалистических интересов обе англосаксонские державы усматривали отнюдь не друг в друге и не в Германии, а в царской России. В Японии они видели союзника. Так обстояло дело до поражения, нанесенного царской России японским империализмом в русско-японской войне.

В Японии бурный рост капитализма, а затем создание империалистических монополий происходили при сохранении весьма многочисленных феодальных пережитков в деревне. В стране сохранилась полусамодержавная монархия. В Японии, как и в России, преобладал военно-феодальный империализм. В этих странах, указывал В. И. Ленин, «монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала» [1]. Выступление Японии на арене борьбы за раздел мира сыграло в Азии такую же роль, как появление Германской империи в Европе. Оно в огромной мере обострило положение, особенно борьбу держав за влияние в Китае и раздел этой страны. Наибольшей остроты достигли русско-японские противоречия.

После русско-японской войны японо-американское сотрудничество против России сменилось острым империалистическим соперничеством. Накануне первой мировой войны на горизонте уже маячил призрак грядущей войны между Японией и США за владычество на Тихом океане и в Восточной Азии.

Рост капитализма в Северной Америке и в Японии и вступление американского и японского империализма на арену империалистической борьбы за раздел и передел мира предвещали конец исключительного положения, которое Европа заняла на земном шаре с конца средних веков. Вплоть до начала XX в. европейские державы остаются на авансцене дипломатической борьбы. Это ярко проявляется, между прочим, в небольшом, но характерном факте: дипломатические представители великих держав в Вашингтоне и Токио очень долго остаются в ранге посланника, и только к самому концу прошлого века некоторые из держав одна за другой начинают их возводить в ранг послов. Только первая мировая война серьезно подорвала доминирующее положение Европы в мировой экономике и политике, а следовательно, и в дипломатии.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 23, стр. 104.

* *
*

По мере того как складывался империализм, внешняя политика капиталистических государств и вместе с тем их дипломатия становились на службу монополий. Особенности империализма в отдельных странах создавали специфические отличия в их политике и дипломатии, но они не меняли этого общего и коренного факта. Переход капитализма в империалистическую стадию развития повсеместно сопровождался тесным сращиванием капиталистических монополий с аппаратом буржуазного государства. Дипломатия не составила исключения среди других звеньев государственной машины. Усилилось прямое воздействие на нее монополистических объединений, банков и биржи. На дипломатию все большее влияние стали оказывать крупные капиталистические дельцы — финансовая олигархия. Интересы монополистического капитала чем дальше, тем в большей степени стали направлять деятельность официальной дипломатии во всех империалистических странах. Монополистический финансовый капитал, по мере того как он складывался, становился определяющим фактором деятельности буржуазной дипломатии.

Раньше всего и полнее всего превращение дипломатии в орудие монополистического капитала произошло в США. В дальнейшем то же самое постигло и Европу. В США дипломатическая служба была в руках непосредственных представителей монополий — адвокатов, состоявших у них на службе, партийных боссов обеих буржуазных партий, сменявшихся у власти и превратившихся в агентуру монополистического капитала.

В странах Европы дипломатические должности, как правило, по-прежнему замещались представителями дворянских фамилий. В трех абсолютистских и полуабсолютистских монархиях Центральной и Восточной Европы — Германской, Российской и Австро-Венгерской — это было безусловной нормой, из которой делалось мало исключений. В парламентарной Англии этот обычай соблюдался, пожалуй, даже еще строже. Дипломатическая служба оставалась здесь монополией представителей старой аристократии, воспитанников привилегированных колледжей-интернатов в Итоне и Гарроу, университетов Оксфорда и Кембриджа. Даже во Французской республике чиновники министерства иностранных дел комплектовались не только из буржуазии, но и из рядов дворянства. Однако та внешняя политика, которую осуществляла эта дворянская дипломатия, в Англии и Франции полностью служила интересам капиталистических монополий, а в империях Гогенцоллернов

и Габсбургов — интересам того блока монополистического капитала и помещичьего землевладения, которому — в различных комбинациях — принадлежала государственная власть. Русское самодержавие — власть крепостников-помещиков — во все большей степени должно было проводить внешнюю политику крупного капитала и служить интересам монополий.

Дворянское происхождение большей части дипломатических кадров обеспечивало сохранение многих стародавних порядков дипломатического обихода. Вплоть до первой мировой войны французский язык сохранял положение общепринятого дипломатического языка. В царской России даже внутренняя переписка между послами и министром до конца XIX в. обычно велась по-французски.

Современный империализм использовал в своей внешней политике тайную дипломатию, давно унаследованную буржуазией от абсолютной монархии. Все серьезные международные вопросы в период 1871—1917 гг., так же как и раньше, решались методами секретных переговоров. Чаще всего они велись по обычным дипломатическим каналам — между министром иностранных дел и послом соответствующего государства. Послы получали директивы и указания от своего министра иностранных дел, а в особо важных случаях — прямо от главы правительства или даже главы государства. Как правило, послам указания передавались шифрованными телеграммами или дипломатической почтой.

Этот метод поддержания дипломатических отношений и переговоров между государствами время от времени дополнялся непосредственными встречами министров иностранных дел и глав правительств, а также встречами глав государств, в ту пору преимущественно монархов. Несколько раз на протяжении этого периода собирались международные конгрессы и конференции: Берлинский конгресс в 1878 г., Гаагские конференции 1899 и 1907 гг., Алхесирасская конференция 1906 г., Лондонская конференция послов великих держав в 1912—1913 гг. и некоторые другие. Эти конгрессы и конференции лишь незначительно приоткрывали тайну, которая окружала дипломатическую деятельность всех правительств того времени.

Указания послам обычно давал министр иностранных дел. При этом общее направление внешней политики в государствах с парламентарным устройством — Англии и Франции — обычно предварительно обсуждалось на заседаниях правительства. В Германской империи согласно конституции имелся лишь один ответственный министр — рейхсканцлер. Вопросы внешней политики, как правило, решались на его докладе монарху. В США решающими фигурами являлись президент

и государственный секретарь. В царской России до 1905 г. не было единого правительства и премьер-министра. Вопросы внешней политики докладывал царю министр иностранных дел. В царской России из-за отсутствия кабинета министров издавна для наиболее ответственных политических решений собиралось «Особое совещание», состоявшее из министров и других сановников империи; на его заседаниях нередко председательствовал царь. В Германии и Австро-Венгрии важнейшие вопросы иногда выносились на «Коронный совет», тоже являвшийся совещательным органом при монархе и состоявший из им же назначенных сановников. В Японии, кроме совета министров, крупную роль в определении курса внешней политики играл совет «Генро», т. е. коллегия старейших политических деятелей, обычно участников так называемого переворота Мейдзи — буржуазной революции 1868 г.

Правда, ко времени первой мировой войны уже почти повсеместно имелись те или иные парламентские учреждения. В большей части капиталистических государств действовало всеобщее избирательное право (хотя обычно со значительными ограничениями). В США, Англии и Франции имелся режим буржуазной демократии, в двух последних — парламентарный строй с ответственностью правительства перед парламентом. Однако факты внешнеполитической истории периода 1871—1914 гг. свидетельствуют о том, что парламенты оказывали на дипломатию лишь слабое воздействие. Не они решали основные вопросы. Голос парламентов не был решающим при заключении союзов. Их формальные прерогативы, если даже они и существовали, обходились правительствами. Это имело место, например, при заключении франко-русского союза. Чтобы не представлять договор о союзе на утверждение французскому парламенту, договорному документу, скреплявшему союз, вместо межправительственного соглашения просто-напросто придали форму военной конвенции, подписанной начальниками генеральных штабов. Конвенцию утвердили французский президент и русский царь. С помощью такой нехитрой уловки обошли парламент при совершении этого важнейшего дипломатического акта. Тройственный германо-австро-итальянский союз был заключен совершенно секретно между правительствами без какого бы то ни было участия представительных парламентских учреждений.

Еще меньшее значение имели парламенты в решении вопросов войны и мира. Первая мировая война во всех странах, не исключая Англию, была начата правительствами без участия парламентов. Парламенты лишь задним числом одобрили совершившийся или, во всяком случае, предрешенный факт, проголосовав за военные кредиты. Подготовка к мировой

войне велась империалистическими правительствами в глубокой тайне от народных масс.

Буржуазно-демократические представительные учреждения не обладали средствами, позволявшими эффективно контролировать деятельность дипломатии. Парламенты оказывались обычно орудием в руках исполнительной власти, в свою очередь выполняющей волю финансовой олигархии. Решения подготовлялись чиновниками в министерствах иностранных дел, одобрялись министром и представлялись им на утверждение либо монарху, либо премьер-министру, либо же кабинету в целом. Получив их апробацию, они превращались в директиву и направлялись послам для исполнения. Такова была в ту пору обычная механика дипломатической работы.

Но если парламенты не оказывали большого влияния на содержание внешней политики правительств и на деловую секретную работу дипломатии, то нельзя сказать, чтобы развитие парламентских учреждений не привело к появлению в области внешней политики и дипломатии некоторых новых приемов. С появлением парламентов руководителям внешней политики государств пришлось периодически представать перед ними и перед избирателями. Это обстоятельство заставляло их гораздо больше прежнего заботиться о маскировке истинного смысла дипломатических актов и действий, о соответствующем пропагандистском оформлении внешней политики. Дипломаты периода абсолютизма были гораздо менее отягощены заботами такого рода.

Таким образом, с развитием буржуазной демократии капиталистическая дипломатия не перестала быть тайной. Под покровом секретности она даже совершала теперь несравненно более грязные дела, чем дипломатия старого времени. Дипломатия абсолютных монархий не могла развязывать столь разрушительных и столь кровавых войн: для этого просто не было технических возможностей, которые создались вместе с развитием капитализма. Да и колониальное закабаление народов, за отдельными исключениями, производилось тогда в несравненно более скромных масштабах.

Оставшись по-прежнему глубоко антинародной по своему характеру, дипломатия капиталистических государств по мере развития парламентаризма и буржуазной демократии должна была все тщательнее скрывать истинный характер своей деятельности и всячески приукрашивать перед общественностью свое неприглядное содержание. Буржуазная дипломатия стала еще более лживой. Она усвоила искусство демагогии, без которого могли обходиться дипломаты старого времени. Секретные переговоры в кабинетах приходилось дополнять потоками речей с трибуны перед публикой.

С появлением рабочих партий и других организаций трудящихся массы стали все чаще подавать голос также и в вопросах внешней политики. Волей-неволей империалистическим правительствам уже приходилось считаться с общественным мнением своих стран, с растущим рабочим движением. Поэтому буржуазная дипломатия стала усиленно заниматься обманом не только иностранных правительств, но и собственного народа. На смену таким корифеям кабинетной дипломатии, как Талейран, Меттерних, Александр I, пришел политик-демагог типа Ллойд-Джорджа или Клемансо. Бисмарк, предпочитавший переговоры в кабинете, но умевший виртуозно использовать прессу и парламент, Бюлов, являвшийся превосходным парламентским оратором и тактиком, как бы воплотили в себе оба эти типа.

Важным средством обмана масс становится для дипломатии буржуазная печать, теснейшим образом связанная с крупным капиталом. «Все большие газеты Пруссии, — писал в начале 70-х годов один русский дипломат своему министру, — находятся на содержании у различных банкиров» [1]. И в то же время с этой прессой поддерживал «интимные отношения» рейхсканцлер Германской империи. В результате подкупа правительством и прямой купли органов печати развивается «рептильная» пресса. Ею пользуются не только дипломаты в своей стране, но зачастую и иностранные правительства, а также их разведки. Пресса служит дипломатии не только как трибуна, с которой можно оправдывать свою политику посредством демагогических статей, но и как инструмент оперативной дипломатической работы: через нее можно пустить необходимую информацию или дезинформацию, произвести то или иное дипломатическое воздействие, сказать со страниц газеты за какой-либо неведомой или вымышленной подписью нечто такое, что затруднительно или нежелательно высказать прямо в лицо представителю другого государства.

Все чаще в целях дипломатической работы стали использоваться публичные выступления министра — в парламенте, в интервью, на каком-либо банкете, или перед избирателями, или же, наконец, на пресс-конференции, которые стали входить в повседневный обиход дипломатии.

С переходом к империализму внешняя политика капиталистических держав становилась все более агрессивной. Наси-

---

[1] Архив внешней политики России (АВПР), фонд Канцелярия, 1875 г., д. № 112, л. 256. Донесение посла в Вене Новикова Горчакову от 16(4) апреля 1875 г. № 51. В книге все события русской истории датированы по новому стилю. В ссылках на документы, в подлиннике датированные по старому стилю, указаны оба стиля: сначала новый, а затем, в скобках, старый.

лие и агрессия служили укреплению позиций империалистических государств, захвату чужих земель, уничтожению или ослаблению конкурента, а тем самым росту капитала и прибылей. Главными орудиями агрессивной империалистической политики были, конечно, вооруженные силы, экономическое давление и им подобные средства. Немаловажной является, однако, и роль дипломатии. Она помогала захватывать колонии, сферы влияния, обеспечивать рынки сбыта, выгодные концессии, контракты на займы и поставки. Она содействовала захвату стратегических позиций и военных баз, проторяла пути экспорту капитала, обеспечивала безопасность заграничных инвестиций. Политика империализма есть политика силы. «...В чем может заключаться, *при капитализме*, разрешение противоречия кроме как в *силе?*» [1], — говорил Ленин. В соответствии с такой природой империализма и его политики империалистическая дипломатия тоже является дипломатией насилия. Иногда этот факт маскировался, иногда раскрывался в полной обнаженности. Однажды английский посланник в Токио писал о японском правительстве, что оно «придает дипломатии значение только как подготовке к применению силы» [2]. И это писалось о кабинете Ито, отнюдь не принадлежавшего к числу «крайних» милитаристов! В большей или меньшей степени это положение может быть применено к любому империалистическому правительству и его дипломатии.

Политика агрессии, вызывая международную напряженность и провоцируя внешнюю опасность, служила не только внешнеполитическим, но и внутриполитическим целям господствующих классов. Она способствовала разжиганию шовинизма и национальной ненависти. Буржуазия использовала шовинистические чувства для отвлечения народных масс от классовой борьбы против капитала. Она стремилась поставить народ под знамя «национального единства». В качестве одного из многих примеров тесной связи, существующей в империалистической политике между внешней напряженностью и заботами об устойчивости социального порядка, можно привести высказывание осведомленного русского наблюдателя о французской политике реванша: «Расстаться с надеждою на возвращение Эльзаса и Лотарингии французы не могут еще и потому, что эта надежда объединяет лучшие силы Франции независимо от принадлежности к различным политическим

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 22, стр. 260.

[2] «British Documents on the Origins of the War. 1898—1914». London, 1927, vol. I, № 40, p. 27. Письмо Сатоу от 26 марта 1898 г.

партиям» [1]. Нет необходимости пояснять, что царский генерал, сделавший цитированное замечание, под «объединением лучших сил» подразумевал подчинение влиянию реакции широких слоев населения. Но еще более тесная связь имелась между внутренней реакцией и агрессивной внешней политикой в Германской империи. Очаг военной опасности, созданный Бисмарком в результате захвата Эльзаса и Лотарингии, превратился в источник живительной силы для армии — лучшей опоры монархии и пруссачества в Германской империи. Немецкому обывателю и его представителям в рейхстаге внушали, что экономия в расходах на армию повлечет за собой нашествие французов. Враг не станет спрашивать, чей это банк, государственный или частный, — вещал в рейхстаге фельдмаршал Мольтке, отстаивая закон об усилении армии. «Вспомним, как в 1813 г. французский маршал положил себе в карман гамбургский банк» [2], — продолжал свою речь кумир германской буржуазии. Так было при Бисмарке, так осталось и при Вильгельме II.

Одной из главных задач дипломатии является подготовка нужного для данного государства соотношения сил на международной арене. В рассматриваемую эпоху дипломатия прежде всего занималась организацией и укреплением военных блоков. Она ревностно наблюдала за тем, как бы не усилился соперник, бдительно следила за поддержанием «равновесия сил». При этом дипломатия сплошь и рядом смыкалась с разными видами политической и военной разведки. «Для империалистических государств дипломатия была и остается инструментом навязывания своей воли другим народам, орудием подготовки войн» [3].

Значительное место в деятельности дипломатии занимала вербовка новых союзников. Она приобретала особые формы, если дело шло о слабых или экономически отсталых государствах, как, например, о Балканских, которые по-прежнему служили предметом непрестанного внимания дипломатии великих держав. В отношении слабых государств вербовка в качестве союзников обычно сочеталась с бесцеремонным вмешательством империалистов в их внутренние дела. Она сопровождалась попытками поставить у власти «свою» партию, т. е. партийную или династическую клику, ориентирующуюся на данную великую державу. В последующем через посредство

[1] «Красный архив», 1932 г., т. 1—2 (50—51), стр. 82—83. Записка военного министра Куропаткина царю от 31 (19) октября 1900 г.

[2] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags, VIII. Legislaturperiode, I. Session, 1890/91, Bd I, S. 76.

[3] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 56.

этой клики производилось закабаление страны в политическом и финансово-экономическом отношениях.

По сравнению с предшествующей исторической эпохой (с началом и серединой XIX в.) в деятельности дипломатии чрезвычайно возросла роль колониальных вопросов. Конфликты из-за колоний следуют между великими державами один за другим почти беспрерывно. Конец XIX в. характеризуется сравнительно мирным ходом событий в Европе. Правда, гонка вооружений все набирала темпы, но после 1878 г. дело больше не доходило до войны. Зато вне Европы происходили непрестанные колониальные экспедиции и войны.

Предметом забот буржуазной дипломатии в сфере колониальных интересов были не только взаимоотношения с другими державами на почве борьбы за раздел, а потом за передел мира. Немалое место в ее работе занимала деятельность по сношениям с теми экономически слаборазвитыми странами, которые становились объектом закабаления со стороны капиталистических государств. Методы этого закабаления были весьма различны: тут и вооруженный захват, и военная оккупация, и кабальные займы, и назначение советников, и финансовый контроль, и вымогательство концессий. Не меньшее значение имели неэквивалентная торговля, раздел на сферы влияния стран, избежавших прямой аннексии, неравноправные договоры с ними, режим капитуляций и экстерриториальные сеттльменты — иностранные кварталы в городах. Наряду с «мирным» проникновением ведется подрывная работа в форме подготовки мятежей, дворцовых переворотов, создания марионеточных правительств. Национально-освободительные и революционные движения сплошь и рядом подавляются вооруженной силой, карательными экспедициями. Подготовка же вооруженного вмешательства возлагается на дипломатию. В борьбе против освободительных движений империалистическая дипломатия занимает весьма видное место в качестве одного из средств империалистической политики.

Последние десятилетия XIX в. заполнены борьбой за захват еще свободных колониальных территорий: лихорадочными темпами заканчивается раздел мира. В течение этого времени завершается дележ Африки. Последние «свободные» куски — Марокко и Триполитанию — расхватывают в начале XX в. Такая же судьба постигает в 80—90-х годах Юго-Восточную Азию и острова Тихого океана. Китай, Персия, Турция и Сиам превращаются в полуколонии. Империалистическая дипломатия опутывает их кабальными займами, концессиями и неравноправными договорами, их суверенитет по-прежнему нарушается режимом капитуляций. Экономическое развитие

стран Азии и Африки тормозилось империалистами посредством всех методов колониального угнетения.

Нападение Японии на Китай в 1894 г. послужило толчком к началу его раздела на сферы влияния. Такая же участь в дальнейшем постигла Персию. Если многие полуколонии и зависимые страны не были превращены в колонии полностью и сохранили национальную государственность и формальную независимость, то этим они обязаны, особенно Китай, героическому сопротивлению своих народов. Помогало им, впрочем, также и взаимное соперничество империалистов. Межимпериалистическими противоречиями широко пользовалась дипломатия феодальных правительств Китайской и Османской империй, Персии и других восточных государств, проявлявшая подчас большую изощренность.

Едва ли лучшим было положение государств Центральной Америки и Карибского бассейна, в которых североамериканский империализм орудовал методами то «дипломатии доллара», то «большой дубинки». Роль такой «дубинки» выполнял военно-морской флот Соединенных Штатов и десанты их морской пехоты.

Государства Южной Америки, сохраняя формально свой суверенитет, еще в XIX в. фактически попали в финансовую и экономическую зависимость от английского империализма, а в дальнейшем — от империализма США. Экономика Латинской Америки оказалась в кабале у этих великих держав. Англии уже в XIX в. и особенно в начале XX в. пришлось в этой части земного шара потесниться перед США и сдать им ряд важных позиций — особенно в южноамериканских республиках Тихоокеанского побережья, не говоря уже о государствах Центральной Америки.

Даже в Европе немало имелось стран, «политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости» [1]. Здесь к числу зависимых принадлежали Португалия, государства Балканского полуострова и др.

К началу XX в. раздел мира между капиталистическими государствами был в основном завершен. Капитализм вступил в монополистическую стадию. Войны — испано-американская (1898 г.) и англо-бурская (1899—1902 гг.), экономический кризис 1900 г. и, наконец, русско-японская война составили важнейшие вехи, знаменующие завершение перехода капитализма в его империалистическую стадию.

К этому времени сформировалась и колониальная система империализма. «Теперь сложилась система горстки (5—6 чис-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 22, стр. 250.

лом) «великих» империалистических держав, — писал В. И. Ленин, — из коих каждая угнетает чужие нации, причем это угнетение является одним из источников искусственной задержки падения капитализма, искусственной поддержки оппортунизма и социал-шовинизма господствующих над миром империалистских наций» [1].

Империалистическая дипломатия в каждой стране боролась не только за международные интересы монополистического капитала. Она была также одним из средств продления жизни существовавших внутренних порядков. В работе империалистической дипломатии служение внешней экспансии сочеталось с разрешением задач по укреплению реакции внутри страны. «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще... — указывал Ленин, — есть в корне не правильная, не марксистская, не научная мысль. И во внешней политике, и во внутренней одинаково, империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции» [2]. Эксплуатация колоний доставляла баснословные прибыли, позволяла буржуазии империалистических стран подкупать верхушку рабочего класса, ослаблять классовую борьбу пролетариата, помогала вносить раскол в ряды рабочего движения.

С завершением раздела мира началась борьба за его передел, за насильственное перераспределение колоний и сфер влияния. На рубеже XIX и XX вв. происходят первые войны за передел мира. Почин положили США, начав войну против Испании: сильный хищник стремился отнять колониальную добычу у более слабого. Испано-американская война была первой империалистической войной. В дальнейшем конфликты из-за передела мира и за захват последних «свободных» земель следуют один за другим, все учащаясь, интервалы между ними становятся все короче: за русско-японской войной последовал франко-германский конфликт из-за Марокко, дважды (в 1905 и 1911 гг.) ставивший человечество на грань войны. Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией чуть было не привела в 1909 г. эту державу к войне с Россией. В 1911 г. Италия начала войну против Турции ради захвата Триполитании. В 1912—1913 гг. произошли две балканские войны. Они явились прологом первой мировой войны.

Война 1914—1918 гг. была вызвана в первую очередь именно борьбой за передел мира. Главную роль играло при этом соперничество между Германией и Англией. Первая стремилась урвать себе побольше кусок от колониального пирога. Вторая, отстаивая свои империалистические позиции,

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 22, стр. 327.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 23, стр. 31.

стремилась устранить в лице Германии опасного конкурента. Она защищала от него свое морское и колониальное первенство.

Для Франции германские притязания на гегемонию представляли еще бо́льшую угрозу, чем для Англии. Со своей стороны Франция старалась вернуть Эльзас и Лотарингию, отнять у Германии Саарский угольный бассейн, по возможности часть Рейнского промышленного района. Как и Англия, она хотела захватить колониальные владения Германии.

Очень крупное значение сохраняли русско-германские и русско-австрийские противоречия, обостренные энергичной экспансией германского империализма в странах Ближнего Востока. Русский царизм стремился освободиться от соперника и занять там господствующее положение. Константинополь и проливы оставались важным яблоком раздора.

Все без исключения империалистические державы проводили агрессивную политику. Виновниками войны в 1914 г. были империалисты всех стран. Но особенно форсировал развязку войны германский империализм, считавший себя «обделенным» и наиболее энергично проводивший подготовку к войне за передел мира. Он развязал ее раньше, чем державы Антанты успели завершить намеченные им мероприятия по усилению своей военной мощи.

Примеры прошлого не могут не учитываться миролюбивыми силами, которые ведут в наше время борьбу против угрозы новой агрессии. Напрашивается параллель не только со второй мировой войной, за которую германский империализм и его фашистская агентура несут главную вину, но и с современной ролью германского милитаризма, восстановленного в Западной Германии, с агрессивной позицией ФРГ в важнейших проблемах современной международной жизни.

Тотчас после начала первой мировой войны дипломатия каждой из воюющих стран занялась сочинением версий, оправдывавших ее собственное правительство от обвинения в разжигании войны. В сериях так называемых «цветных» книг дипломаты всех стран старались внушить массам, что их правительства ведут оборонительную войну. В этом неприглядном деле империалистическая дипломатия нашла себе угодливого союзника в лице лидеров II Интернационала.

Когда парламенты в 1914 г. вотировали военные кредиты, депутаты социалистических партий в подавляющем большинстве проголосовали за ассигнование средств на антинародную империалистическую войну. Тем самым лидеры II Интернационала продемонстрировали публично свою измену делу рабочего класса, втоптали в грязь знамя пролетарского интернационализма. Социалисты стран Антанты стремились

изобразить захватническую войну как борьбу против прусского милитаризма, они обманывали народ, утверждая, будто бы она ведется «за торжество демократии». Не отставали от них и германские социал-демократы, пытавшиеся представить грабительскую войну своих империалистов за передел мира как войну против русского царизма и оправдать собственное реакционное правительство, сняв с него ответственность за мировую бойню. Такого рода искажения исторической истины еще и поныне делаются буржуазными публицистами и историками. При этом апологеты германского империализма особенно широко сумели распропагандировать свои взгляды.

Империализм создал почву для многообразных форм подкупа буржуазией верхушки рабочего класса. Эта рабочая аристократия и составила главную социальную базу оппортунизма, предавшего интересы пролетариата.

На Западе лишь отдельные представители левого крыла, как Карл Либкнехт, смело возвысили свой голос против войны и предоставления военных кредитов. Но только партия большевиков в России во главе с В. И. Лениным заняла последовательно революционную пролетарскую позицию в оценке империалистической войны.

* *
*

Вместе с развитием империализма росли и силы сопротивления ему. Среди них первое место принадлежит рабочему классу. Еще Маркс и Энгельс противопоставили внешней политике господствующих классов внешнюю политику пролетариата. В прогрессивной печати своего времени они с конца 40-х годов XIX в. систематически давали оценку международного положения и внешней политики важнейших государств с точки зрения интересов рабочего класса и призывали пролетариат к проведению самостоятельной политической линии в международных вопросах, соответствующей его классовым интересам. Уже в середине XIX в. массовые выступления рабочих срывали те или иные планы буржуазной дипломатии. Но это были только отдельные эпизоды, возникавшие далеко не часто, лишь при особенно благоприятном стечении обстоятельств.

Положение стало изменяться к началу XX в. К этому времени центр международного рабочего движения переместился в Россию. Еще в начале 80-х годов Маркс и Энгельс писали, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»[1]. Именно Россия стала родиной

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 305. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии».

ленинизма. Именно в России родился большевизм как политическое течение и партия нового типа. В силу чрезвычайной остроты классовых противоречий в условиях, когда гнет капитала умножался гнетом царского самодержавия, Россия стала слабейшим звеном империалистической системы, а русский пролетариат — передовым отрядом международного рабочего движения.

В. И. Ленин, исходя из положений Маркса, еще до Октябрьской революции развил принципы внешней политики пролетариата применительно к новым условиям империалистического периода. Он дал анализ империализма, как высшей стадии капитализма и как кануна социалистической революции. Ленин разработал стратегию и тактику революционной пролетарской партии в вопросах внешней политики, определил ее отношение к империализму и к империалистическим войнам как подчиненную часть общей революционной стратегии и тактики большевиков. Во взглядах Ленина на империализм и внешнюю политику, как они сложились еще до Октября, уже содержались многие основные положения разработанной им в дальнейшем социалистической внешней политики Советского государства.

В международном рабочем движении в период деятельности II Интернационала происходила острая борьба двух тенденций — революционной и оппортунистической. За исключением партии большевиков в России, ко времени возникновения первой мировой войны во всех рабочих партиях в крупных странах руководство было захвачено оппортунистами. Они привели к ослаблению сил рабочего движения. Призывы Штутгартского и Базельского конгрессов II Интернационала к борьбе против войны не были претворены в жизнь. Рабочий класс был предан оппортунистическими «вождями». В обстановке 1914 г. он не имел возможности предотвратить войну.

Империализм довел до крайнего напряжения противоречия между трудом и капиталом и все другие противоречия капитализма. Наибольшей остроты достигли эти противоречия в России в условиях империалистической войны. В России имелась последовательно революционная ленинская пролетарская партия, которая повела массы на революционную борьбу. В 1917 г. в России впервые в истории человечества победила пролетарская революция. Фронт империализма был прорван в слабейшем его звене. Создалось социалистическое Советское государство.

Рабочий класс не был единственной социальной силой, противостоящей империализму. Крестьянство было его естественным союзником. Крестьянское движение в России в 1905 и 1917 гг. имело огромное значение в борьбе против империа-

лизма. Нельзя сбрасывать со счетов антимилитаристское движение среди крестьян во Франции и в других капиталистических странах.

Но уже в те годы империалистический колониальный гнет порождал и другие силы противодействия. Народы Китая, Египта, Судана, Эфиопии, Южной Африки, Кореи, Филиппин и других стран оказывали героическое сопротивление захватчикам.

Антиимпериалистическая борьба народов проявлялась в нескольких формах. Феодальные монархии в странах Азии и Африки, ставших объектами империалистической агрессии, в ряде случаев организовывали отпор захватчикам. В Эфиопии и отчасти в Афганистане он был успешным. Чаще такой отпор терпел крах, причем феодальная верхушка шла на сделку с иностранными империалистами. Сделка местного феодализма с империалистами была весьма типичной. Феодалам она сохраняла частицу власти и экономические привилегии, империалистам давала «туземный» аппарат для подавления народного протеста, для выжимания всех соков из населения, для создания условий для неэквивалентного обмена и т. д. Задача империалистической дипломатии сводилась к политической подготовке не только колониальных захватнических войн, но и сделок с правящими феодальными кругами.

В ряде стран происходили народные восстания, руководство которыми нередко оказывалось в руках феодальных элементов. Главной силой этих восстаний было крестьянство. Идеология его носила архаический средневековый характер, обычно с религиозным оттенком.

По мере становления буржуазных наций развиваются движения, выступавшие под новым, демократическим знаменем. Многие буржуазные группировки в колониальных и зависимых странах не шли дальше умеренного либерализма и требований частичного реформирования существовавших феодальных порядков и колониального режима. Такие группировки обычно делали ставку на соглашение с феодалами и империалистами. Но растут и подлинно народные, демократические национально-освободительные движения, опирающиеся на крестьянство, а в некоторых случаях уже и на зарождающийся пролетариат. В эти движения вовлекается бо́льшая или меньшая часть национальной буржуазии.

Колониальная система находилась в своем зените. Но уже появились первые грозовые молнии, предвещавшие ее будущее потрясение. Первая русская революция 1905—1907 гг. оказала революционизирующее воздействие на все угнетенные народы как Европы, так и Азии. «Русская революция вызвала движение во всей Азии, — указывал В. И. Ленин. — Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее вос-

стание 1905 года оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении *сотен и сотен* миллионов людей, неискоренимо»[1]. Подъем освободительного движения захватил Индию, Египет и другие арабские страны. В ряде стран Азии, как, например, в Китае, Индии, в Северной Персии, стало зарождаться рабочее движение. Молодой рабочий класс делал еще только первые свои шаги. Но он выступал в авангарде революционной борьбы. Началось пробуждение Азии.

Опаснейшим врагом пробуждающихся угнетенных народов был империализм — европейский, американский, японский. В Азии главными душителями национального движения выступали Англия, США, царская Россия и Япония.

Китайское восстание 1900 г., а затем революции 1905—1911 гг. в Персии, Турции и Китае доставили немало хлопот дипломатии всех империалистических стран. В 1900 г. ей удалось создать на некоторое время единый фронт империалистических держав для совместной борьбы против национально-освободительного движения великого китайского народа. Она подготовляла различные виды интервенции против персидской, турецкой и китайской революций. С 1907 г., несмотря на сохранявшиеся глубокие противоречия, Англия, Россия и Япония стали почти союзниками. Их сотрудничество было направлено не только против германского империализма, как общего их соперника. Оно служило подавлению национально-освободительных движений. Достижение сговора в целях совместного удушения революционного движения в угнетенных странах составило одну из важнейших задач дипломатии большинства империалистических государств.

Основной опорой национально-освободительного движения объективно являлся международный рабочий класс. Но установлению союза пролетарской революции в капиталистических странах с национально-освободительным движением колониальных и зависимых стран немало препятствовал оппортунизм руководства II Интернационала и его партий. Они поддерживали разобщенность антиимпериалистических сил. К союзу революционного пролетариата с национально-освободительным движением угнетенных народов всегда призывали большевики. Великая Октябрьская социалистическая революция в России явилась могучим стимулом к новому подъему национально-освободительной борьбы угнетенных народов.

Первая мировая война и Октябрьская революция знаменовали начало общего кризиса капиталистической системы. Побе-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 23, стр. 244.

да Великой Октябрьской социалистической революции в России положила конец историческому периоду, когда капитализм был единственной и всеохватывающей господствующей общественной системой. Она означала рождение новой общественной системы — социалистической. В истории человечества началась новая эра — эра крушения капитализма и утверждения коммунизма.

Новый период открылся и в истории дипломатии. Вместе с Советской Россией — первым социалистическим государством — родилась совершенно новая дипломатия, коренным образом отличная от дипломатии старого мира.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОСЛЕ ФРАНКФУРТСКОГО МИРА (1871—1875 гг.)

Франко-германские отношения в 1871—1873 гг.

Франкфуртский договор положил конец франко-прусской войне, но не ослабил давней вражды между Германией и Францией. Он только углубил разделявшую их пропасть. Франция не могла примириться с навязанными ей условиями грабительского мира.

Состояние вражды, взаимных подозрений и страха, усиленное творцами Франкфуртского мира, было выгодно буржуазной и дворянской реакции по обе стороны франко-германской границы. Порождая опасность войны, оно вело к гонке вооружений и росту милитаризма — главной опоры реакционных сил как в Германии, так и во Франции в их борьбе против рабочего движения. Внешняя политика переплеталась с внутренней. Аннексия немцами Эльзаса и Лотарингии явилась, по справедливому замечанию Маркса и Энгельса, наилучшим средством «увековечить в обновленной Германии военный деспотизм» [1]. Во Франции, как и в Германии, аннексия стала питательным источником шовинизма, посредством которого господствующие классы рассчитывали отвлечь массы от социалистических идей. «Если французский шовинизм, пока существовала *прежняя* система *государств*, находил известное материальное оправдание в том, что с 1815 г. столица Франции — Париж, а тем самым и сама Франция оказывалась, после немногих проигранных сражений, беззащитной, то какую новую пищу получит этот шовинизм, как только граница пройдет на востоке — у Вогезов, а на севере — у Меца?» [2] — писали основоположники марксизма. Если в 1870 г. германское вторжение оказалось легко осуществимым, то с потерей Лотарингии германская угроза еще более приблизилась к Парижу. Словно дамоклов меч, нависла над Францией опасность нового немецкого нашествия и вызывала стремление к реваншу.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 271.
[2] Там же, стр. 271—272.

Правда, в 1871 г. большинству французских политиков было ясно, что на ближайшие годы Франция нуждается в мире: страна была слишком ослаблена, чтобы вновь вести войну. Тьера с полным основанием упрекали в пресмыкательстве перед Бисмарком. Но и его противники слева, не исключая Гамбетты, как и его оппоненты справа вроде де Бройля и Деказа, тоже не думали, что Франция в скором времени сможет с шансами на успех начать новую войну против Германии. После опыта 1870 г. для всякого здравомыслящего француза было очевидно, что вообще не следует тягаться с Германией один на один, без союзников. Не подлежало также сомнению, что, пока Франция не восстановит своих вооруженных сил, никто не вступит с ней в союз. Итак, в 70-х годах правящие круги Франции не помышляли о развязывании войны.

Но в то же время все течения в правящих кругах Франции сходились на том, что страна должна как можно скорее восстановить свои вооруженные силы и обзавестись союзниками. Она должна быть готова встретить во всеоружии всегда возможное новое нападение восточного соседа. Так мыслил Тьер, который до 1873 г. нес ответственность за внешнюю политику Франции и слыл сторонником мирных отношений с Германией. В 1872 г. Тьер в следующих словах изложил свой взгляд на этот вопрос: «Если в Европе возникнет конфликт... — писал он, — то будет вполне естественным, что мы захотим использовать представившийся случай» [1]. В ожидании такого момента Франция, по мнению Тьера, должна восстанавливать свою армию и подготовлять почву для будущих союзов.

И Тьер и наиболее видные его преемники на посту руководителей французской внешней политики — монархисты герцоги де Бройль и Деказ — рассматривали в качестве будущих союзников Франции в первую очередь Россию, но также Австро-Венгрию и Англию. Лидер буржуазных республиканцев Гамбетта и его группировка придерживались сходной точки зрения.

Французское правительство хорошо сознавало трудности, связанные с подысканием союзника для почти безоружной Франции, но надежды на успех не теряло. «Мы знаем, — писал Ж. Фавр, министр иностранных дел в правительстве Тьера, — насколько интимны отношения, связывающие петербургский и берлинский дворы. Не подвергая себя риску несомненной неудачи, мы не можем сегодня требовать от России какой-либо услуги, могущей привести к серьезному охлаждению отношений между обоими правительствами. Но семя будущего конфликта несомненно имеется. Чрезмерное разви-

[1] «Documents diplomatiques français (1871—1914)», 1-ère série, t. I, Paris, 1929, № 151, p. 177.

тие прусского могущества рано или поздно заставит его вспыхнуть, ибо новая Германская империя больше не может расширяться, не угрожая безопасности России» [1].

С тревогой наблюдал германский канцлер, как разбитая Франция восстанавливает свои силы. Ему казалось, что это происходит слишком быстро. В правящих кругах Берлина возникал вопрос: не предотвратить ли возрождение Франции новым нападением? Для дипломатических приемов германской дипломатии весьма характерна линия, усвоенная ее руководителем: не сделав ни одной попытки смягчить франко-германские противоречия, Бисмарк сразу принялся за дрессировку побежденной Франции методом нажима и угроз. В апреле — мае 1872 г. между Францией и Германией шли переговоры о способах досрочной уплаты еще остававшихся не выплаченными 3 млрд. контрибуции. Тьер рассчитывал добиться за это досрочной эвакуации оккупационных германских войск с французской территории. В принципе Бисмарк на это соглашался: он торопился скорей получить деньги. Но предложенный Тьером способ погашения долга не удовлетворял германское правительство. Торгуясь с французами по этому вопросу, германская дипломатия одновременно стремилась затормозить восстановление вооруженных сил разбитого соседа.

Чтобы добиться своего, Бисмарк не скупился на грубости в адрес Франции. Вскоре он стал на путь прямых угроз. На политическом горизонте появился призрак новой войны. В мае 1872 г. Бисмарк сообщил германскому послу в Париже, что у кайзера нет недостатка в советчиках, которые рекомендуют незамедлительно напасть на Францию. Германия, продолжал канцлер, вот уже два месяца, как завершила военные приготовления, которые позволяют ей последовать этим советам... [2] Подобными угрозами германская дипломатия стремилась держать безоружную Францию в состоянии изоляции и покорности.

Соглашение трех императоров

Бисмарк больше всего заботился о том, чтобы Франция не смогла найти себе союзников. Он старался привлечь на сторону Германской империи возможных друзей Франции. Таким образом канцлер рассчитывал держать ее в состоянии политической изоляции. По меткому выражению русского дипломата графа Петра Шувалова, Бисмарка преследовал «кошмар коалиций».

---

[1] «Documents diplomatiques français (1871—1914)», 1-ère série, t. I, № 21, p. 42.

[2] «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd I, Berlin, 1922, Nr. 70, S. 117. (В дальнейшем: «Die Grosse Politik»). Ср. *Ю. В. Борисов,* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира, М., 1951, стр. 83, 91 и др.

Этот кошмар не случайно нарушал покой германского канцлера. Международное положение начала 70-х годов давало ему достаточно оснований опасаться сближения Франции с Австрией и Россией.

Самим фактом своего существования Германская империя с военной машиной прусского милитаризма, уже сумевшей показать Европе свою силу, представляла угрозу для всех своих соседей. Естественно, что это должно было содействовать их сплочению перед лицом общей опасности.

В начале 70-х годов нельзя было поручиться за то, что Австро-Венгрия, разбитая пруссаками в 1866 г., не встанет на путь политики реванша. Все зависело от исхода внутренней борьбы в среде господствующих классов габсбургской монархии. Феодальная аристократия австрийской ее половины, католическая церковь и влиятельные придворные круги во главе с эрцгерцогом Альбрехтом не примирились с поражением при Садовой и с потерей всех былых позиций Габсбургов в Германии. Они думали о сближении с Россией и Францией ради борьбы против Германской империи. Противную группировку составляла буржуазия Австрии и дворянство Венгрии. Они требовали забвения прошлого и сближения с Германией, дабы, опираясь на ее поддержку, со всей энергией обратиться на подавление освободительных стремлений угнетенных славянских наций Австро-Венгрии, их единоплеменников на Балканском полуострове и на борьбу против их покровительницы — России. Национальное движение славянских народов, а также румын и итальянцев угрожало венгерским помещикам потерей Словакии, Хорватии, Трансильвании и расположенных там поместий. Австрийской буржуазии оно грозило утерей гегемонии на рынках Балкан, всего бассейна Среднего и Нижнего Дуная, потерей Триеста и доступа к Адриатике.

Как раз в феврале 1871 г. в австрийской половине Габсбургского государства добилась успеха антигерманская группировка: к власти пришел феодально-клерикальный кабинет графа Гогенварта, враждебный новосозданной Германской империи.

Для германского правительства этот успех оказался непрочным. Министерство Гогенварта недолго оставалось у власти. Оно пало уже в октябре 1871 г. На смену ему пришло правительство немецких либералов, сторонников тесной дружбы с Германией. Это обстоятельство значительно облегчало Бисмарку осуществление намеченного им сближения с Австро-Венгрией.

Вскоре после падения Гогенварта австро-венгерским министром иностранных дел стал граф Дьюла Андраши. Как истый представитель мадьярских магнатов, Андраши видел в России

и в славянах главных врагов, а в Германии и Англии — желанных союзников. Андраши стремился к союзу с Германией, надеясь заострить его против России и привлечь к нему также Англию. В августе 1871 г., незадолго до своего назначения министром иностранных дел, Андраши сопровождал императора на курорт Гаштейн. Там состоялось свидание императора Франца-Иосифа с Вильгельмом I и Бисмарком. Свидание это положило начало длинному ряду монарших встреч, которые сыграли немалую роль в дипломатической истории 70-х годов прошлого века.

В Гаштейне Андраши попытался вовлечь Бисмарка в фарватер антирусской политики. Германский канцлер отклонил эти попытки. Он хотел поддерживать дружественные отношения и с Австро-Венгрией и с Россией. «Союз трех императоров» — вот та комбинация, к которой он стремился. Создание австро-русско-германского союза было тем дипломатическим маневром, при помощи которого Бисмарк рассчитывал предотвратить возможность как грозной коалиции в составе Австрии, Франции и России, так и достаточно опасной двойственной франко-русской комбинации.

Канцлер боялся России. И именно потому, что Россия внушала ему страх, он придавал исключительное значение поддержанию так называемых «традиционных дружественных отношений» с царским правительством. Канцлер страшился войны с Россией. Он считал, что эта война вследствие гигантских размеров своего театра, сурового климата страны противника, стойкости русского солдата, при неисчислимых людских резервах России и ее неисчерпаемых природных ресурсах привела бы Германию к катастрофе. К тому же Бисмарк знал, что вооруженное столкновение с Россией почти неизбежно повлечет вмешательство Франции и превратится в непосильную для Германии войну на два фронта. Канцлер очень боялся русской революции и появления на месте России царской — России демократической. Особенно его пугала перспектива освобождения Польши, которое могла принести с собой русская революция. Бисмарк старался поддерживать в России самодержавный строй и не раз отговаривал представителей русского царизма от каких-либо реформ или уступок во внутренней политике. В союзе трех императоров он усматривал не только полезную для Германской империи внешнеполитическую комбинацию, но и одно из орудий борьбы против революционных движений в России, Польше, Германии и славянских областях Австро-Венгрии. «Сохранение элементов монархического строя в Вене и Петербурге и на основе их обоих в Риме, является для нас в Германии задачей, совпадающей с сохранением государствен-

ного порядка у нас самих» [1]. Так характеризовал первый германский канцлер антиреволюционное острие союза трех императоров.

В начале 70-х годов обстоятельства складывались благоприятно для задуманной Бисмарком коалиции — союза трех восточноевропейских монархий. Вскоре после беседы с Бисмарком в Гаштейне Андраши обратился к английскому правительству, с тем чтобы попытаться осуществить свой план австро-английского сближения против России. Однако он скоро убедился, что, хотя английская буржуазия и «сочувствует» Австро-Венгрии, все же от кабинета Гладстона не приходится ждать действительного участия в борьбе против России за преобладание на Балканах. Английская дипломатия избегала каких-либо союзных обязательств. Свои расчеты она строила на взаимных противоречиях держав континента. Ничего не имея против того, чтобы Австрия вела политику, враждебную России, Гладстон стремился к англо-русскому сближению. Он был уверен, что силою обстоятельств Австро-Венгрия и без связывающего Англию договора в нужный момент будет тем не менее в распоряжении британского кабинета. Порукой тому — австро-русские противоречия на Балканском полуострове.

Правительство Австро-Венгрии не хотело быть пешкой в игре британской дипломатии. После неудачных поисков союзника против России Андраши оставалось лишь одно: волей-неволей договариваться с этой соперницей Австро-Венгрии, значительно превосходившей ее по силе и влиянию. Возможность такого сговора облегчалась тем, что борьба между Россией и Австрией за преобладание на Балканах в начале 70-х годов временно ослабла и не принимала особо острых форм.

У царской России также были основания искать сближения с Австро-Венгрией. Царя страшила перспектива австро-германского сотрудничества. Русская дипломатия надеялась обезвредить это сотрудничество посредством австро-русского соглашения.

В сентябре 1872 г. Франц-Иосиф должен был приехать в Берлин, чтобы отдать визит Вильгельму I и продемонстрировать, таким образом, «забвение» войны 1866 г. В Петербурге о предстоящем визите узнали из Берлина сначала по неофициальным придворным каналам — об этом написал царю личный чтец Вильгельма I, некий Шнейдер, присовокупив от себя к этой информации замечание о желательности присутствия Александра в качестве третьего участника встречи монархов.

Известие о приезде австрийского императора в Берлин посеяло в русском правительстве беспокойство. Во время смотра

---

[1] *О. Бисмарк.* Мысли и воспоминания, т. II, М., 1940, стр. 224.

Балтийского флота император Александр II неожиданно обратился к германскому послу: «Вам не писали из Берлина, — спросил царь, — не хотят ли меня видеть там одновременно с австрийским императором? Как вы думаете, будет ли это приятно королю?» В своем донесении Вильгельму посол сообщал: «Император поднял этот вопрос таким образом, что, если вашему величеству его план не подходит, я буду иметь полную возможность оставить его без ответа, как невзначай брошенное замечание» [1].

Бисмарк и его кайзер, однако, нашли, что намек царя следует использовать. По мнению канцлера, приезд царя в Берлин может «обескуражить» те элементы, которые «угрожают миру». Он разумел Францию и ее друзей в различных странах.

В сентябре 1872 г. в Берлине состоялось свидание трех императоров. Само по себе оно имело демонстративное значение. Бисмарк иронически повествовал об этом английскому послу лорду Одо Расселу: «Впервые в истории три императора сели вместе обедать в интересах мира... Я хотел бы, чтобы они образовали дружную группу вроде трех граций Кановы... Я желал бы, чтобы они стояли молчаливо и позволяли восхищаться собой. Но я решил не давать им говорить. И этого я добился, как это ни было трудно, так как все трое воображают себя более значительными государственными людьми, чем они являются на самом деле» [2].

Зато во время этой встречи монархов между сопровождавшими их министрами происходили оживленные переговоры. Примечательно, что министры почти не обсуждали политических вопросов втроем, чаще беседы велись между ними по двое, с глазу на глаз, и эта деталь подчеркивала недоверие, с самого начала разъедавшее вновь созданную дипломатическую комбинацию.

Вся деятельность дипломатии протекала в те годы под свежим впечатлением Парижской коммуны и страха перед возможностью ее повторения. Не удивительно, что министры подробно обсуждали «опасность», которую представлял Интернационал для существующего общества. Говорили и о мерах борьбы против него. Больше всех уделял этому внимание австро-венгерский министр [3]. Особенно много беседовал он с Горчаковым — русским канцлером и министром иностранных дел. Горчаков постарался использовать берлинскую встречу,

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd I, Nr. 121, S. 197—198.

[2] «The Slavonic (and East European) Review», March 1930, vol. VIII, № 24, p. 703—704. Донесение Рассела Гренвилю от 12 сентября 1872 г.

[3] «The Slavonic Review», December 1929, vol. VIII, № 23, p. 405; ibid., March 1930, vol. VIII, № 24, p. 705.

чтобы оторвать Австрию от Англии и обезопасить западную границу России на случай англо-русского столкновения.

Свидание трех императоров почти совпало с началом англо-русского конфликта из-за Хивы. Континентальным союзником Англии против России в это время могла быть только Австро-Венгрия: Франция была разбита Германией и слишком слаба, Германия искала благоволения России. Сближение с Австрией представлялось для России весьма заманчивым, поскольку лишало Англию единственного возможного союзника.

В свою очередь Андраши добивался от Горчакова некоторых гарантий на Балканах. Он доказывал, что великосербское движение противоречит интересам Австро-Венгрии, что часть подданных империи принадлежит к той же сербской нации и могла бы в результате этого движения проникнуться освободительными стремлениями [1]. Горчаков заверил Андраши, что Россия и не думает поддерживать великосербскую пропаганду. Русское правительство, говорил Горчаков, вполне удовлетворено status quo на Балканском полуострове.

Между обоими министрами была достигнута устная договоренность. Они условились, что Россия и Австро-Венгрия будут придерживаться сохранения status quo на Балканах и принципа «невмешательства» в балканские дела в случае, если помимо их воли status quo на полуострове будет все-таки нарушено.

Что касается Бисмарка, то главной его целью в дни свидания трех императоров оставалась изоляция Франции. Однако как раз это менее всего входило в намерения русского правительства. Вокруг французского вопроса и завязался в Берлине дипломатический поединок двух канцлеров.

Во франко-прусской войне 1870 г. Россия соблюдала по отношению к Германии благожелательный нейтралитет. Но после войны дальнейшее ослабление разбитой Франции представлялось для России невыгодным. Франко-германский антагонизм существенно усиливал позиции царской России. Установление полной гегемонии Германии в Западной Европе таило в себе для России огромную опасность. Объективная обстановка рождала франко-русскую солидарность. Поэтому в дни дипломатических собеседований в Берлине Горчаков сделал все, чтобы притупить антифранцузское острие, которое германский канцлер стремился придать берлинскому свиданию. С этой целью Горчаков встретился с французским послом в Берлине Гонто-Бироном. Он дал ему понять, что Россия не станет поддерживать Германию против Франции, если немцы вздумают

---

[1] «The Slavonic Review», December 1929, vol. VIII, № 23, p. 402. Доклад Горчакова царю от 9 сентября (28 августа) 1872 г.

мешать французам восстанавливать свою армию. «Я вам это уже говорил и рад это повторить, — заявил Горчаков, — нам необходима сильная Франция» [1].

Гонто-Бирон сделал правильный вывод из этой беседы. Он сообщил в Париж, что Бисмарк не получил от берлинской встречи того, чего хотел.

Однако независимая линия, проводимая русской дипломатией в отношении к Франции, вовсе не означала, что в Петербурге совсем не дорожили поддержанием русско-германской дружбы. Эта дружба закрепляла порабощение Польши и развязывала руки для борьбы против Англии. В начале 1873 г. по инициативе русского фельдмаршала графа Берга, наместника Царства Польского, возник проект заключения формальной военной конвенции России с Германией. Договор обеих держав о взаимной военной помощи должен был иметь оборонительный характер. Бисмарк одобрил мысль фельдмаршала. Однако он многозначительно подчеркнул, что военная конвенция «не будет иметь силы, если к ней не примкнет Австрия» [2].

В начале мая 1873 г. Вильгельм I приехал с визитом в Петербург. Его сопровождали Бисмарк и Мольтке. Там и была подписана русско-германская военная конвенция. «Если какая-либо европейская держава, — гласила ст. 1 этой конвенции, — напала бы на одну из двух империй, то последняя в возможно кратчайший срок получит помощь в виде армии из двухсот тысяч человек боеспособного войска». Подписали конвенцию два генерала — Мольтке и Берг. В тот же день, 6 мая, она была ратифицирована обоими монархами.

В июне того же года Александр II в сопровождении Горчакова отправился в Вену. То был первый визит русского царя в австрийскую столицу после Парижского конгресса. Вследствие этого поездка приобретала демонстративное политическое значение: Россия как бы заявляла о забвении той «неблагодарности», которой Австрия «удивила мир» во время Крымской войны.

Царь и Горчаков попытались склонить австрийских правителей примкнуть к русско-германской конвенции. Но те отказались. По их мнению, это могло вовлечь Австрию в войну против Англии. Вместо военной конвенции австрийцы предложили России иное соглашение. Оно и было подписано 6 июня 1873 г. в Шенбрунне, под Веной. Документ имел форму договора между монархами, и под ним стояли только их подписи. Оба императора обязывались, в случае возникновения разногласий в конкретных вопросах, договариваться друг с другом, дабы эти разногласия «не возобладали над соображениями более высо-

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. I, № 156, p. 181.
[2] «Die Grosse Politik...», Bd 1, № 126, S. 203.

кого порядка». В случае угрозы нападения со стороны третьей державы оба монарха обязывались условиться друг с другом «о совместной линии поведения». Если бы в результате достигнутой договоренности потребовались военные действия, характер их определила бы военная конвенция, которую в таком случае еще надлежало заключить.

Нетрудно заметить, что соглашение от 6 июня 1873 г. носило довольно расплывчатый характер. 23 октября, по приезде в Австрию, германский император присоединился к Шенбруннскому договору. Он-то и получил неточное наименование союза трех императоров. На деле это был не союзный договор, а скорее консультативный пакт.

Русская дипломатия заключила этот договор, ибо он давал некоторые гарантии безопасности западной границы империи. Этим приходилось особенно дорожить ввиду враждебной политики Англии в странах Востока. Но Горчаков был далек от того, чтобы идти на поводу у Бисмарка и уплатить ему ту цену, за которую сотрудничество с Германией могло бы стать прочным: последующие события показали, что Россия не позволяла Германии установить свою гегемонию в Западной Европе посредством нового ослабления Франции. В одном все три участника соглашения были единодушны: они усматривали в договоре выражение солидарности монархий перед лицом революционного движения.

Франко-германский конфликт 1874 г.

Почти одновременно с заключением соглашения трех императоров во Франции пало правительство Тьера. К власти пришли крайние монархисты. Германское правительство и военщина опасались, что в качестве правоверных католиков они сумеют договориться с клерикальным венским двором. Но еще большее беспокойство вызывали в Берлине отношения французских монархистов с русским царизмом. Бисмарк полагал, что в качестве его политических единомышленников они скорее, чем республиканцы, завоюют доверие русского царя. Словом, в Берлине боялись, что с приходом к власти монархистов Франция станет более «союзоспособной». Еще важнее было то, что Франция начала быстро восстанавливать свою армию. В 1872 г. она приняла систему всеобщей воинской повинности наподобие германской.

В сентябре 1873 г. германские оккупационные войска обязаны были покинуть французскую территорию: состояние оккупации, а следовательно, и полной беззащитности Франции миновало. Теперь Франция получила возможность проявлять большую независимость в своей внешней политике. Это чрезвычайно усилило подозрительность и нервозность Бисмарка.

Чтобы предотвратить воссоздание вооруженных сил Франции, канцлер был готов прибегнуть к угрозе войной. Еще в 1871 г. он говорил своим подчиненным, что лишь только создастся убеждение, что Франция готовится к войне, Германии «незачем ждать», а, напротив, «надо будет тотчас же ударить» [1]. Никто, конечно, не примет всерьез ссылку канцлера на подготовку к войне со стороны только что разбитой и все еще бессильной Франции. Верно лишь то, что германский рейхсканцлер думал о нанесении превентивного удара.

Германское правительство не упускало ни одного предлога для выступлений против Франции. Французские реваншисты доставляли их в достаточном количестве. В августе 1873 г. епископ города Нанси выступил с «пастырским посланием». Он призывал верующих молиться за возвращение Эльзаса и Лотарингии в лоно Франции. В епархию епископа входила и часть германской Лотарингии. Послание было прочитано с церковных кафедр и опубликовано в католической печати на немецкой территории. Бисмарк решил использовать этот повод для дипломатического наступления против западной соседки. Он потребовал от французского правительства репрессий против князя церкви, призывавшего новых германских подданных к отделению от своего государства.

Новый министр иностранных дел Франции герцог де Бройль рассыпался в заверениях, что правительство отнюдь не поддерживает реваншистскую пропаганду. Однако от репрессий против епископа он постарался уклониться. Переговоры затянулись. Германская дипломатия мобилизовала против Франции прессу. Канцлер располагал влиятельной печатью, которая послушно подчинялась его указаниям. Для содержания этой прессы у Бисмарка имелись специальные суммы. Он распоряжался почти бесконтрольно фондами, которые образовались из средств, конфискованных у свергнутой Ганноверской династии. «Вельфский фонд» и был источником для оплаты услуг этой «рептильной», т. е. пресмыкающейся, печати, как ее называли в оппозиционных Бисмарку кругах. По поводу выступления нансийского епископа в немецкой прессе была открыта яростная кампания. Францию обвиняли в подготовке реванша, и тем самым подготовляли общественное мнение к репрессиям и даже войне против нее. Печать, оплаченная германским правительством, «требовала» от своего хозяина репрессивных мероприятий против Франции. Она распространяла инсинуации о международном клерикальном заговоре, о сговоре французских правящих кругов с немецкими католиками, в ту пору

[1] *A. Waldersee.* Denkwürdigkeiten, Bd 1, Stuttgart und Berlin, 1925, S. 139.

находившимися в состоянии острого конфликта с германским правительством: дело происходило в самый разгар так называемого «культуркампфа».

В 1873 г. в Германии разразился жестокий экономический кризис. В капиталистических кругах многие усматривали в вооружениях и в войне средство преодоления экономических трудностей. «Ни одно правительство не будет таким глупым, — писал Бисмарк германскому послу в Париже, — чтобы предоставить противнику выбор времени для начала войны и ждать момента, который покажется удобным для врага, раз оно вопреки своему желанию вынуждено считать войну неизбежной. Германский деловой мир требует ясного политического горизонта. Он еще перед войной 1870 г. не раз высказывался за то, что начало войны для него менее пагубно, чем без конца продолжающаяся угроза ее возникновения» [1].

С военной точки зрения война с Францией в 1874—1875 гг. была бы, несомненно, выгодна для Германии, которая располагала в то время еще бо́льшим перевесом в силах, чем во время франко-прусской войны. Через несколько лет положение могло измениться...

Гораздо сложнее была дипломатическая сторона проблемы. Вопрос заключался в том, можно ли обеспечить нейтралитет других великих держав и локализовать франко-германскую войну по примеру 1870 г. Существо дела правильно выразил английский посол в Париже лорд Лайонс. «Было бы нетрудно спровоцировать и раздавить Францию», — писал он своему правительству. — «Но можно ли будет сделать это, не вызвав бури в других странах?» [2]

Французское правительство почуяло опасность. 26 декабря 1873 г. его посол в Берлине Гонто-Бирон сообщил о воинственных высказываниях начальника генерального штаба Мольтке. Посол выражал опасение, что Германия готовит войну.

Русский посол в Берлине Убри считал, однако, что его французский коллега еще недооценивает всей опасности. Он сообщил в Петербург о «чувстве ненависти», которым Бисмарк руководствуется в отношениях с Францией. «Систематическая оппозиция, — писал Убри, — которую он объявил ей, — лучшее доказательство этого. И нужно признаться, что она (т. е. оппозиция. — *В. Х.*) может завести очень далеко». Французский посол «озабочен положением. Но он не отдает себе в нем точного отчета. Он всегда считает, что будущее военного закона —

---

[1] «Die Grosse Politik...», Bd 1, № 137, S. 221. Письмо Бисмарка Арниму от 30 октября 1873 г.

[2] *Lord Newton.* Lord Lyons, vol. II, London, 1913, p. 50.

это большой двигатель политической деятельности Бисмарка. Этой иллюзии он лишится с принятием закона»[1].

Убри оказался прав. Обострение франко-германских отношений действительно использовалось правительством Германии для гонки вооружений и получения от рейхстага дополнительных средств на армию. Но это было не единственной его целью. Главным было поддержание во Франции постоянного страха перед Германией, состояния зависимости от нее. Бисмарк без обиняков заявил русскому послу, что он взял себе за правило всегда и везде систематически противодействовать французской политике[2]. В апреле 1874 г. рейхстаг принял военный закон, увеличивавший ассигнования на нужды армии и закреплявший военный бюджет на семь лет. В этом вопросе Бисмарк добился своей цели, но тем не менее кампания против Франции продолжалась. Значит она была вызвана не только стремлением воздействовать на рейхстаг, усилить прусский милитаризм, разжечь шовинизм в народе, заклеймить католическую антипрусскую оппозицию в качестве друга католической Франции, обвинив ее в национальном предательстве. Имелась, следовательно, еще и иная цель.

К этому времени во Франции де Бройля на посту министра иностранных дел сменил Деказ. Новый министр решил смелым маневром парировать угрозы Бисмарка. Он знал, что ни Австро-Венгрия, ни Россия, ни Англия не желали дальнейшего усиления Германии. Деказ обратился в Вену, Петербург и Лондон с заявлением, что Германия намерена начать войну против Франции. Он просил защиты. В Австрии Деказ ловко использовал историю с епископом города Нанси. Он сумел затронуть католические чувства Франца-Иосифа и заинтересовать влиятельные клерикальные круги. В Вене, как и в Петербурге, представления французских послов были встречены сочувственно. Французский демарш как раз совпал с визитом Франца-Иосифа в Петербург, куда император прибыл 13 февраля 1874 г. в сопровождении графа Андраши. Здесь, в русской столице, Горчаков и Андраши предприняли объединенную демонстрацию в пользу Франции: они совместно посетили французского посла и заверили его, что их правительства осуждают действия Бисмарка.

Англия тоже сказала свое слово, хотя и с запозданием. Королева написала личное письмо Вильгельму I. Виктория преду-

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1874, д. № 23, л. 450—455. Конфиденциальное письмо Убри Горчакову от 14(2) февраля 1874 г. Цит. также в кн.: *Ю. В. Борисов.* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира, стр. 174.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1874, д. № 23, л. 104—107. Донесение Убри Горчакову № 25 от 14 (2) февраля 1874 г.

преждала императора, что если Германия начнет новую войну против Франции, это может повести к плачевным последствиям [1].

Расчет Деказа оказался верным: Бисмарку пришлось ретироваться. 17 февраля он отдал распоряжение приостановить дальнейшее развитие конфликта, вызванного антигерманским выступлением французского епископа [2]. «Я думаю, что удар, который вам хотели нанести, для данного момента парирован», — так в беседе с французским дипломатом резюмировал Андраши этот инцидент.

Миссия Радовица (февраль 1875 г.)

Международное положение в 1874 г. складывалось явно неблагоприятно для Бисмарка. Надо было принимать более действенные меры для изоляции Франции. И канцлер решил начать с обработки наиболее опасного из ее заступников — с России.

В качестве приманки для России сам собой намечался Ближний Восток. Во-первых, русское правительство было весьма заинтересовано в его делах. Во-вторых, Ближний Восток в те времена еще мало интересовал Германию: ее экономическое проникновение в эту область только что начиналось. А Бисмарк всегда старался подарить своим друзьям то, что ему самому не принадлежало...

Купить поддержку России против Франции (или хотя бы безразличие к ее участи) в обмен за германскую поддержку на Ближнем Востоке — такую идею не раз высказывал Бисмарк еще в предыдущие годы. Во время визита в Петербург в 1873 г. он намекал на это Горчакову: «единственным средством для Пруссии проявить свою благодарность» за услуги, оказанные ей царским правительством во время франко-прусской войны, — говорил Бисмарк, — «является предоставление в распоряжение России всего того влияния, каким Пруссия обладает на Востоке» [3].

В начале февраля 1875 г. Бисмарк направил в Петербург со специальной миссией одного из своих дипломатов, Радовица, который пользовался особым доверием канцлера. Предлогом была болезнь германского посла. Почему-то вместо поверенного в делах из числа советников посольства заменить посла должен был специально присланный чиновник. Вся фальшь этого предлога стала очевидной, когда посол совсем некстати поправился. Он должен был пережидать в Германии, пока Радовиц не закончит в Петербурге выполнение возложенного на него поручения.

---

[1] «The letters of Queen Victoria», 2nd series, vol. II, London, 1926, p. 314.

[2] «Die Grosse Politik...», Bd 1, № 150, S. 238 и прим. к нему.

[3] «Красный архив», 1922, т. I, стр. 21. Доклад Горчакова царю от 1 мая (19 апреля) 1873 г.

История миссии Радовица весьма характерна как образец дипломатического зондирования. Первые беседы Радовица в Петербурге отличались большой туманностью. Посланец Бисмарка лишь осторожно нащупывал почву. Горчакову Радовиц заявил, что цель его приезда — «еще более выявить теплую дружбу наших дворов». Царю он сказал, что его задача — установить путем обмена мнениями единство политической линии России и Германии.

Царь выразил радость по поводу согласия, существующего между тремя императорскими дворами, и заявил о своем намерении поддерживать status quo на Востоке. Кому достанется Константинополь в случае распада Турции? — говорил он. Кто будет тогда держать в узде те народы, которые живут сейчас под властью Порты? — спросил он также. Александр определенно заявил, что он предпочел бы сохранить в Турции существующее положение. Радовиц понял, что обстановка для серьезной сделки не благоприятна. Он ограничился общими фразами о политическом сотрудничестве, одновременно и многозначительными и туманными.

В последующие дни немецкий дипломат принялся за урегулирование со Стремоуховым, директором Азиатского департамента российского министерства иностранных дел, второстепенных балканских вопросов. Это и являлось его официальной задачей во время пребывания в Петербурге. После инцидента с французским епископом Бисмарк стал чинить России мелкие неприятности по балканским делам, — для крупных козней пока не представлялось случая. Теперь Радовиц должен был уладить эти вопросы к обоюдному удовлетворению. Доверенный Бисмарка заявил своему русскому собеседнику, что всем германским консульским агентам на Ближнем Востоке предполагается направить циркуляр, в котором будет сказано, что первейшая их обязанность заключается в том, чтобы на месте своего пребывания «констатировать то полнейшее согласие, которое существует между Петербургом и Берлином» [1]. В ответ Радовицу было обещано провести аналогичное мероприятие также и с русской стороны.

Мелкие конфликты, касавшиеся Сербии и Черногории, были быстро исчерпаны. «Радовиц явно старался расширить рамки дискуссии», — сообщал Горчаков русскому послу в Германии. Но в Петербурге на приманку не шли: «ему ответили, что мы не имеем в виду ничего иного, кроме спокойствия Востока в качестве элемента общего мира. И мы не вышли за рамки этого тезиса». Я знаю из конфиденциальных источников, продолжал

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1875, д. № 20, л. 572. Письмо Горчакова Убри от 11 февраля (30 января) 1875 г.

Горчаков, что у Радовица вырвалось замечание, что «Стремоухов ускользал у него из рук как угорь» [1].

И все же 27 февраля 1875 г. Бисмарк поручил своему посланцу предпринять новый шаг. Радовиц должен был сделать сложное и тщательно продуманное заявление: «...чем более желательным является для нас (т. е. для Германии. — *В. Х.*) полное развитие дружбы обеих империй на Востоке, где интересы и влияние России столь значительно преобладают, тем менее можем мы упускать из виду... что в других районах, где у Германии поставлены на карту интересы наиболее близкие ей, дружба обоих дворов не всегда получает такое выражение, которое делало бы ее очевидной для всех. Мы чувствительны не в Сербии и даже не в Польше, но там, откуда Европе угрожает опасность войны, т. е. на Западе». И вот, русскому правительству с германской стороны делалось через Радовица предложение: ясно заявить Франции, что она не может рассчитывать на поддержку со стороны России. «Не полезно ли, — продолжал Бисмарк, — дать русским представителям у наших западных соседей (т. е. во Франции. — *В. Х.*) напоминание в смысле упомянутого выше циркуляра (агентам на Ближнем Востоке. — *В. Х.*) и в духе нашей тесной дружбы. Недавно проявились признаки живучести старой приверженности влиятельных русских кругов к Франции и ко всему французскому. Здесь (в Берлине. — *В. Х.*) это не вызывает удивления, но мы хотели бы иметь уверенность в том, что князь Горчаков наблюдает за подобными элементами, враждебными нашей дружбе, и обезвреживает их влияние». «Ничто так не поощряет во Франции воинственных настроений, как вера в русские симпатии к Франции, возбуждаемая некоторыми идущими из России влияниями». «Поэтому является важным, — заключал Бисмарк свои директивы Радовицу, — чтобы те впечатления, которые создает во Франции и в соседних с нею странах политика обеих империй, не вызывали таких заключений, которые наносили бы ущерб единству обоих императорских дворов» [2]. Таким образом, за поддержку на Ближнем Востоке Бисмарк требовал от России, чтобы она покинула Францию.

---

[1] АВПР, фонд посольства в Берлине, 1875, д. № 3168, л. 134—135. Письмо Горчакова Убри, датированное 28 (16) марта (фактически написанное 25 (13) марта) 1875 г.

[2] *H. Holborn,* Bismarcks europäische Politik zu Beginn der siebziger Jahre und die Mission Radowitz. Berlin, 1925, S. 139—140. Приложение 19: письмо Бисмарка Радовицу от 27 февраля 1875 г. Ср. *А. З. Манфред.* Внешняя политика Франции. 1871—1891 гг. М., 1952, стр. 148—149; *Л. С. Ерусалимский,* Военная тревога 1875 г. РАНИОН, Институт истории. Ученые записки, т. VI, М., 1928, стр. 158.

Радовиц выполнил поручение своего шефа, по-видимому, с крайней осторожностью. 7 марта он доложил канцлеру, что несколько раз высказывал Горчакову эти мысли. Отвечая своему немецкому собеседнику, Горчаков отрицал наличие во Франции «особой агитации против Германии». От просьбы послать циркуляр русским представителям во Франции и в соседних странах русский министр отделался ссылкой на то, что все русские послы уже ознакомлены с копией циркуляра, посланного представителям в странах Востока. Этого, по его мнению, достаточно. Вообще Горчаков слушал Радовица неохотно и рассеянно и откровенно заявил Радовицу, что сам «питает симпатии к Франции». Он заметил, правда, что эти симпатии не оказывают влияния на его политические действия. «Князь Горчаков, — доносил Радовиц Бисмарку, — испытывает крайнее неудовольствие, когда затрагивают эту тему, и рассматривает почти как отсутствие деликатности, когда его побуждают говорить о его политике по отношению к Франции» [1]. Радовицу не удалось добиться изменения русской политики в вопросе франко-германских отношений.

Военная тревога 1875 г.

В это время во Франции подготовлялось принятие закона об увеличении состава полка с трех батальонов до четырех. В случае осуществления такой реорганизации контингент французской армии мирного времени, по немецким расчетам, увеличивался на 144 тыс. человек. В ответ на эти мероприятия бисмарковская пресса пустила слух, будто французское правительство срочно, по любой цене, закупает в Германии большое количество лошадей для армии. Характерно, что это было сделано одновременно с директивой Радовицу поставить вопрос о позиции России по отношению к Франции. 4 марта 1875 г. был издан императорский указ о запрещении вывоза лошадей. В эпоху, когда артиллерия и обозы передвигались исключительно на конной тяге, такой указ был в высшей степени многозначительным.

Бисмарк пытался скрыть от русского посла истинный характер этого предмобилизационного мероприятия. Он уверял, что указ вызван якобы необходимостью сохранить конское поголовье для приближающихся полевых работ. Все же канцлер не мог не признать, что «обычно от этой меры пахнет порохом» [2].

Несколько раньше, 3 февраля, Германия предъявила из ряда вон выходящие требования Бельгии. Речь шла об измене-

[1] *H. Holborn*, Bismarcks europäische Politik zu Beginn der siebziger Jahre und die Mission Radowitz, S. 145. Письмо Радовица Бисмарку от 7 марта 1875 г. Ср. *E. Wertheimer*, Graf Julius Andrássy, Bd II, Stuttgart, 1913, S. 226.

[2] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. 1, № 371, p. 385.

нии ее внутреннего законодательства. Поводом послужили антигерманские выступления бельгийских католиков. Такое вмешательство во внутренние дела Бельгии могло создать в любой момент предлог для разрыва с ней, для вторжения и использования бельгийской территории в целях военных действий против Франции.

Нажим на Бельгию продолжался и в дальнейшем. Его сопровождали угрозы по адресу Франции. В начале апреля германское правительство развязало против Франции кампанию в газетах, которая может служить одним из примеров использования печати как орудия дипломатии. «Журналистика, излюбленное политическое оружие князя Бисмарка, — писал 20 апреля 1875 г. русский посол, — становится одним из самых главных его занятий» [1]. В инспирированной Бисмарком статье «Кёльнише цейтунг» от 5 апреля 1875 г. в приподнятом тоне указывалось на вероятность союза Франции с Австрией и Италией и на спешные военные приготовления Франции против Германии. 9 апреля последовала также инспирированная канцлером статья в рептильной газете «Пост» под кричащим заголовком «Предвидится ли война?». Статья опровергала сообщение «Кёльнише цейтунг» о нелояльности Австрии, но полностью подтверждала сведения об угрожающей позиции Франции. Эти статьи произвели сенсацию.

В беседах с дипломатами в Берлине проводилось своеобразное разделение труда: Бисмарк твердил о том, что Франция готовит немедленное нападение, а начальник генерального штаба Мольтке — что Германия должна предупредить «агрессию» и что «война, таким образом, станет неизбежной, если Франция не ограничит свои вооружения». Со всех сторон ползли самые тревожные слухи.

Бельгийскому посланнику в эти дни Мольтке прямо заявил, что «Германия будет вынуждена воспрепятствовать осуществлению» французского военного закона. «Если Франция не ограничит свои вооружения, война станет неизбежной» [2], — угрожал германский фельдмаршал. Посланник опасался, что Бисмарк выступит «против бельгийского католического министерства», обвинит его в «соучастии с Францией и в предоставлении прохода французским войскам через бельгийскую территорию». Это будет для Германии предлогом, писал он, чтобы «оккупировать Бельгию под видом предупредительного мероприятия» [3].

---

[1] «Красный архив», 1938, т. 6 (91), стр. 122. (Перевод исправлен по подлиннику).

[2] Там же, стр. 127. Ср. *Ю. В. Борисов.* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира, стр. 222.

[3] «Красный архив», 1938, т. 6 (91), стр. 127—128.

Бисмарк действительно говорил бельгийскому посланнику, что, по его мнению, французская армия двинется на Германию через Бельгию. В германских военных кругах, сообщал бельгийский посланник своему правительству, уже намечают результаты новой войны: захват Бельфора и Люксембурга и 10 миллиардов контрибуции [1].

В беседе с английским послом Мольтке пожаловался на французские вооружения и выдвинул следующий тезис: «Не та держава желает войны, которая ее начинает, а та, которая предпринимает мероприятия, вынуждающие другую державу выступить» [2]. Германия, продолжал начальник генерального штаба, должна считаться с обстановкой. «Держава, выступающая вовремя, спасает многое... Если бы в 1871 г. Германия проявила инициативу вместо того, чтобы ждать, пока Франция объявит ей войну, немцы сберегли бы сто тысяч человек» [3]. Мольтке, таким образом, откровенно развивал идеи «превентивного» нападения на Францию.

Напряженность обстановки продолжала нарастать. 5 мая германский посол в Париже по поручению канцлера заявил французскому министру иностранных дел, что его правительство не удовлетворено миролюбивыми заверениями французского правительства. Правительство германского рейха, говорил посол, рассматривает военные мероприятия Франции как угрозу для Германии [4]. Накануне прибытия царя в Берлин, 8 мая, русский посол в Париже информировал Горчакова о том, что во Франции «страх перед вторжением преобладает над всеми другими заботами». Он сообщал, что из Брюсселя только что поступила тревожная информация. «Король Леопольд, — писал посол Горчакову, — просит вашей защиты и умоляет вас добиться от нашего государя таких слов в пользу Бельгии, которые остановили бы Германию» [5].

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1875, д. № 18, л. 463. Депеша Убри Горчакову № 108 от 3 мая (21 апреля) 1875 г. Там же, фонд Секретный архив, д. № 18, л. 52—54. Секретная депеша Убри Горчакову № 95 от 20 (8) апреля 1875 г. См. «Красный архив», 1938, т. 6 (91), стр. 123, 127—128.

[2] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 18, л. 78. Депеша Убри Горчакову № 113 от 9 мая (27 апреля) 1875 г. См. «Красный архив», 1938, т. 6 (91), стр. 133. Цит. в кн.: *Ю. В. Борисов.* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира, стр. 221. (Перевод исправлен по подлиннику.)

[3] «Красный архив», 1938, т. 6 (91), стр. 134. (Перевод исправлен по подлиннику.)

[4] «Die Grosse Politik», Bd I, № 172, S. 269.

[5] АВПР, фонд Канцелярия, 1875, д. № 88, л. 432, 434. Личное письмо Орлова Горчакову от 8 мая (26 апреля) 1875 г. Цит. в кн.: *Ю. В. Борисов.* Русско-французские отношения после Франкфуртского мира, стр. 232.

Военная обстановка благоприятствовала нападению на Францию. «Вооружение Германии завершено или находится накануне завершения», — сообщал Убри. «Все войска получили винтовки Маузера», превосходящие французское ружье Шаспо. Перевооружение артиллерии заканчивалось к 1 июля 1875 г.[1] А германская артиллерия уже во время франко-прусской войны значительно превосходила французскую.

И тем не менее маневры Бисмарка оказались неудачными: французы не дали себя запугать. Деказ сумел обернуть против Бисмарка то самое оружие, которым тот действовал против Франции. Собирая решительно все, что только можно было услышать об агрессивных замыслах канцлера, Деказ постарался мобилизовать Россию и Англию на выступление в пользу Франции.

21 апреля 1875 г. уже вернувшийся в Берлин Радовиц заявил французскому послу за обедом, что в связи с военными приготовлениями Франции многие германские политические деятели считают необходимой превентивную войну. Эту беседу и использовал Деказ. Он вызвал к себе парижского корреспондента «Таймс» Бловица. Результатом их беседы явилась тревожная заметка в этой ведущей английской газете и вслед за ней — резкая антигерманская кампания в английской прессе. Одновременно Деказ разослал французским представителям за границей копию донесения Гонто о беседе с Радовицем. Министр предлагал французским послам и посланникам обратить внимание на германскую военную угрозу тех правительств, при которых они состояли.

Призыв Деказа и на этот раз, как и в 1874 г., не остался без ответа. Французский посол в Петербурге получил от Горчакова и царя заверения в активной дипломатической поддержке со стороны России.

В Лондоне французский демарш совпал с поступлением тревожных сведений относительно планов германского вторжения в Бельгию. Угрозы в адрес Франции и Бельгии вызвали в Лондоне не меньшую тревогу, чем в Петербурге. Дизраэли, который в 1874 г. сменил Гладстона на посту премьера, был явно обеспокоен возможностью захвата Бельгии, появления Германии у берегов Па-де-Кале и перспективой нового разгрома Франции: наличие в Западной Европе нескольких соперничающих великих держав оставалось основной картой английской дипломатической игры. Английская политика ввиду этого всегда стремилась к поддержанию «европейского равновесия» и к предотвращению гегемонии той или иной державы на Европейском континенте.

[1] «Красный архив», 1938, т. 6 (91), стр. 126. Личное и сов. секретное письмо Убри Горчакову от 2 мая (20 апреля) 1875 г.

Подобно тому как Англия в свое время боролась вместе с Россией против Наполеона, так и теперь Дизраэли выступил против Бисмарка рука об руку с русским правительством. «Бисмарк — это поистине новый Бонапарт, — заявлял Дизраэли, — он должен быть обуздан». «Возможен союз между Россией и нами для данной конкретной цели» [1], — писал он в другой раз.

Лорд Дерби, министр иностранных дел в кабинете Дизраэли, поручил послу в Берлине Расселу «употребить все усилия», чтобы положить конец «недоразумениям» между Францией и Германией. «Полагают, — писал Дерби, — что русский император будет говорить в этом же смысле во время своего пребывания в Берлине. Если он сделает это, вы должны его всемерно поддержать в интересах сохранения мира» [2].

Правительство Англии сделало попытку привлечь к совместному дипломатическому выступлению в Берлине также Австро-Венгрию и Италию. Из Лондона систематически распускались слухи, будто Германия готовится напасть на Австрию. Успеха в этом британская дипломатия не имела: ее попытки мобилизовать против Германии Австро-Венгрию и Италию на этот раз потерпели неудачу [3].

10 мая царь в сопровождении Горчакова прибыл в Берлин. Тут и разыгрался финал дипломатического поединка Горчакова и Бисмарка. Утром, тотчас по прибытии русских гостей, произошла встреча обоих канцлеров. Бисмарк рассыпался в заверениях, что не собирается нападать на Францию. Все тревожные слухи он приписывал махинациям биржевиков, которые играют на понижение. Он ссылался на интриги герцога Деказа, «заинтересованного в биржевых операциях». Бисмарк заявил, что Мольтке в политике — «молокосос» и что его заявления о превентивной войне не стоит и слушать. Обвинять же самого Бисмарка в намерении вызвать войну — значит считать его идиотом [4].

Вечером того же дня посол Одо Рассел обедал у Бисмарка. За столом он сообщил канцлеру о том, что поручил ему передать лорд Дерби. С тем же нахальством Бисмарк повторил английскому послу все ранее сказанное Горчакову.

Перед отъездом из Берлина Горчаков послал всем русским

---

[1] *W. F. Monypenny* and *G. Buckle.* The life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield, vol. V, London, 1920, p. 421—422.

[2] *H. Temperley* and *L. M. Penson.* Foundations of British foreign policy from Pitt to Salisbury. Cambridge, 1938, p. 352.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1875, д. № 112, л. 311—315. Сов. секретное донесение Новикова Горчакову № 62 от 20(8) мая 1875 г. Ср. тел. Орлова № 32 от 5 мая (24 апреля) 1875 г. — там же, д. № 88, л. 486.

[4] «Красный архив», 1938, т. 6 (91), стр. 134—135.

посольствам и миссиям следующую телеграмму: «Император покидает Берлин вполне уверенный в господствующих здесь миролюбивых намерениях, обеспечивающих сохранение мира» [1]. Хотя эта телеграмма и была послана шифром, однако ее содержание вскоре стало достоянием гласности. Телеграмма Горчакова создавала впечатление, что лишь воздействие России предотвратило вторичный разгром Франции. Такое впечатление еще усиливалось благодаря тому, что в печать телеграмма попала в искаженном виде. В газетах вместо слов «обеспечивающих сохранение мира» было напечатано: «теперь (т. е. после воздействия царя. — *В. Х.*) мир обеспечен».

Эта телеграмма привела Бисмарка в бешенство. Он саркастически заявил в лицо Горчакову, что русскому канцлеру, очевидно, хочется прослыть «спасителем Франции». Он говорил, что для прославления канцлера-миротворца можно устроить театр в германском посольстве в Париже и там показывать русского дипломата в виде ангела-хранителя, в белой одежде, с крыльями и надписью: «Горчаков покровительствует Франции». По свидетельству самого Бисмарка, он жаловался и царю на «нечестный» поступок Горчакова. Александр слушал германского канцлера молча, покуривая и слегка улыбаясь. Его ответ Бисмарку не лишен был дипломатического лукавства. Царь заметил, что не следует принимать всерьез всякое проявление «старческого тщеславия».

События 1875 г. окончательно убедили Бисмарка в том, что Россия — главное препятствие для агрессии против Франции.

По сравнению с Россией роль Великобритании в противодействии воинственным планам германского правительства была менее значительной: ведь Англия не располагала большими сухопутными силами. Английское правительство хорошо понимало истинное значение своего выступления против Германии. Вот что писал по этому поводу министр иностранных дел Дерби: английское выступление против Германии «не представляло риска и не причинило затруднений Англии, однако создало видимость, будто мы в большей мере способствовали достижению желанного результата, чем это было на самом деле» [2].

Британский премьер всячески старался раздуть эту «видимость». Он стремился преувеличить роль Англии в срыве агрессивных замыслов германского правительства против Франции и тем набить себе цену и в Париже и в Берлине.

Несколько лет спустя Горчаков в секретном отчете о деятельности вверенного ему министерства следующим образом описывал миссию Радовица и последующую военную тревогу:

---

[1] «Красный архив», 1938, т. 6(91), стр. 135.

[2] *W. F. Monypenny* and *G. Buckle.* The life of Disraeli, vol. V, p. 424.

«Быстрота, с которой Франция восстанавливалась из руин, его (Бисмарка. — *В. Х.*) беспокоила. Он посылает г-на Радовица с чрезвычайной миссией в Петербург, чтобы позондировать нас на предмет соглашения, которое имело бы основой поддержку Германией наших планов на Востоке.

Но мы не имели никаких особенных видов в отношении Востока. Наша политика проводилась там в полной гласности. Мы не имели никаких оснований расставаться со свободой действий, которой мы располагали». В дальнейшем «опасения германского правительства относительно военного восстановления Франции проявились с такой живостью, что вся Европа была взволнована. Ему приписывалась идея не ждать, пока Франция будет готова, и начать войну, которую считали неизбежной. Обеспокоенное французское правительство воззвало к нашей моральной поддержке. Общее положение испытывало последствия этого волнения. Императорский кабинет не мог к этому оставаться безразличным. Мы всегда громко и искренне заявляли, что мы никогда не будем поощрять Францию к войне реванша; что если бы она ее предприняла, то сделала бы это на свой собственный страх и риск; и что она подверглась бы опасности иметь против себя все державы, желающие сохранить мир. Но мы не могли бы смотреть хладнокровно на то, чтобы в условиях мира, без какой-либо уважительной причины, единственно в предвидении будущих возможностей, Германия ринулась на безоружную Францию, чтобы завершить ее разгром. Исчезновение такого существенного политического фактора было несовместимо с нашими интересами» [1].

События мая 1875 г. нанесли удар союзу трех императоров, что явилось важным выигрышем для Англии, не говоря уже о Франции.

Эти события получили оценку основоположников марксизма с точки зрения революционного пролетариата. В статье «Официозный вой о войне» Энгельс писал: «Истинной представительницей милитаризма является не Франция, а германская империя прусской нации» [2].

Классовая база внешней политики Германской империи и Третьей Французской республики

События 1870—1871 гг. привели в Германии к созданию нового государства — Германской империи, а во Франции — к замене бонапартистской империи так называемой Третьей республикой. Естественно, что такие значительные перемены видоизменили и внешнюю политику и подвели под нее несколько иную социальную основу. Классовую базу как внешней, так и

[1] АВПР, ф. барона Жомини, д. № 39, л. 21—22. Политический отчет царю за период 1855—1880 гг.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 18, стр. 565.

внутренней политики Германской империи после Франкфуртского мира составляли крупная буржуазия и прусское юнкерство. В партийном отношении буржуазия была представлена партиями национал-либералов и «свободных консерваторов». После некоторого фрондирования во второй половине 70-х годов к ним приблизилась консервативная партия — основная партийная организация юнкеров. За этими силами шла более консервативная часть мелкой буржуазии и интеллигенции в протестантских районах страны. За юнкерством следовала большая часть прусского крестьянства, в те годы почти сплошь находившегося под влиянием протестантской церкви. Крупный капитал, прусское юнкерство и те, кто шел за ними, поддерживали внешнюю политику канцлера. Все существенные стороны этой политики отвечали их классовым интересам. Германская промышленность больше, чем кто-либо, выиграла от приобретения железорудной базы в Лотарингии, хотя огромное значение лотарингской руды не сразу было осознано в полной мере. Напряженные отношения с Францией давали постоянные поводы для усиления армии, о чем более всего заботилось юнкерство, поставлявшее офицерские кадры. Плохие отношения обеспечивали военные заказы, т. е. дополнительное финансирование промышленности за счет государственного бюджета, содействовавшее поддержанию экономической конъюнктуры.

Конфликт с Францией позволял правительству и его сторонникам внушать крестьянским массам и бюргерству, что без повседневной заботы об армии последует французское нашествие и крестьянские усадьбы, как и домашние очаги бюргеров, будут выданы захватчикам на разграбление.

В дальнейшем крупный капитал и юнкерство, иначе говоря национал-либералы, и обе консервативные партии сплотились еще теснее: помимо совместной поддержки милитаризма и вооружений, после перехода к протекционизму в 1879 г. их сблизила взаимная защита таможенных пошлин, снижавших уровень жизни народных масс и вызывавших их сопротивление. Нечего и говорить, что в области внутренней политики господствующие классы объединяла борьба против рабочего движения, с поразительной быстротой нараставшего в Германии в 70—80 годах.

Верхушечную оппозицию политике бисмарковского правительства составляли те реакционные силы, которые противодействовали объединению Германии под главенством Пруссии: католическая церковь, дворянство и часть династий мелких государств, ныне вошедших в состав империи. Эти элементы чувствовали себя в новом германском государстве оттертыми от власти и были враждебно настроены по отношению к Пруссии. Они вели за собой в те годы в католических районах

большинство крестьянства и мелкой буржуазии, в то время как крупный капитал и здесь по большей части поддерживал имперское правительство, канцлера и его политику. Всеми этими оппозиционными группировками руководила католическая церковь и созданная ею клерикальная антипрусская политическая партия, получившая кличку «партии центра». В области внешней политики она явно льнула к тем, против кого Бисмарк вел борьбу, — к Франции, которой управляли такие же клерикалы, как и собравшиеся в партии центра. Она до некоторой степени разделяла с французами неприязнь к Пруссии и блокировалась с враждебными Пруссии поляками — тоже католиками. Вместе с польской аристократией и с главой всех католиков, сидевшим в Ватикане, партия центра была настроена враждебно по отношению к России и упрекала Бисмарка за то, что он якобы заискивает перед ней. Освобождение Польши означало бы ослабление, если не гибель Пруссии. Быть за поляков и за французов уже само по себе значило стать врагом Бисмарка и его правительства. Ответом правительства этому виду оппозиции был «культуркампф» — борьба против католической церкви.

В оппозиции к имперской политике находилась также небольшая часть крупного капитала, интеллигенции и мелкой буржуазии, политически ориентировавшихся на леволиберальные группировки, не представлявшие в Германии значительной силы. В последующем, после введения покровительственных пошлин, левые либералы объединили социальные слои, заинтересованные в свободе торговли. Во внешней политике они требовали сближения с Англией и борьбы с Россией. Им импонировал английский парламентаризм и свободная торговля. К ним примыкали крупнокапиталистические круги, тесно связанные с английским капиталом — банки, купечество Гамбурга и Бремена и т. п.

Кроме этой верхушечной оппозиции в Германской империи в 70-х годах росло массовое сопротивление, несравненно более опасное. Рабочий класс быстро освобождался от влияния буржуазных партий и становился под знамена социал-демократии. Германская социал-демократия вела борьбу против милитаризма и агрессивной политики Бисмарка. Однако в области международных проблем, особенно в более поздние годы, она оказалась неспособной последовательно противопоставить политике Германской империи революционную пролетарскую политику. Ее взгляды на внешнюю политику в некоторых вопросах не очень далеко ушли от немецких левых либералов: лидеры социал-демократии выступали за сближение с Англией и борьбу против России, в которой они продолжали видеть главную опору реакции в Европе и в Германии. Между тем

в 70-х годах Германская империя была, пожалуй, более надежной опорой реакции в России, чем русский царизм — реакции в Германии.

Во Франции Третья республика была государством крупного капитала. Не только республиканцы, но и монархические клики, особенно орлеанисты и бонапартисты, также были связаны с теми или иными группами финансовой олигархии, группировками крупного капитала. Дворянские элементы не играли самостоятельной роли. Очень большое значение имела церковь, удерживавшая под своим влиянием значительную часть населения, особенно в деревне. Восстановление вооруженных сил, моральное отклонение Франкфуртского договора, пусть юридически и фактически действующего, надежда на реванш когда-то в будущем, возбуждение в народе страха перед повторением германского нашествия и ненависти к пруссакам, поиски союзников — таковы были внутриполитические и пропагандистские основы внешней политики Франции после Франкфуртского мирного договора.

Такого внешнеполитического курса придерживались монархисты, ставшие у власти после того, как Мак-Магон сменил Тьера в качестве главы французского государства. Такого же курса придерживались и радикалы, составлявшие оппозицию слева, невзирая на резкие расхождения с правительством по вопросам внутренней политики. Такую же в основном внешнюю политику проводила и группа Гамбетты в рядах «умеренных» республиканцев. Иначе говоря, этот курс являлся политической линией большей части французской буржуазии. За ней следовали крестьянство и мелкая буржуазия, находившиеся частью под клерикальным влиянием (особенно на западе и северо-западе), частью под влиянием радикалов и «умеренных» республиканцев.

Монархисты справа, гамбеттисты в «центре» и радикалы слева требовали сосредоточения всех сил Франции против Германии, возражали против их отвлечения за океан ради колониальных захватов. Идея отпора всегда возможной новой германской агрессии и надежды на реванш в будущем переплетались со всей внутренней политикой этих партий. На изложенных внешнеполитических принципах зиждилось влияние каждой из этих группировок, невзирая на всю их взаимную враждебность. Их позиции усиливались агрессивностью германской политики. Никто не мог, конечно, поручиться, что Германия не нападет на Францию. А при таких условиях нетрудно было доказывать народу, что интересы государственной безопасности требовали концентрации сил и внимания против Германии.

Монархисты стояли за реванш не только потому, что шовинистический национализм составлял одну из важнейших основ

их пропаганды. Реванш и военная опасность побуждали всячески усиливать вооруженные силы Франции, а руководящая верхушка армии и флота была надежной опорой монархизма. Не только в качестве французов и националистов, но и в качестве правоверных католиков французские монархисты ненавидели протестантскую Пруссию, Пруссию «культуркампфа».

Радикалы были не меньшими националистами, чем монархисты. Они, как, впрочем, и почти вся буржуазия, усматривали в шовинизме противовес социализму. Во Франции более, чем где-либо, вся буржуазная политика, не исключая и внешнюю, стояла под знаком страха перед Коммуной и ненависти к ней. Идея национального единства для борьбы против «наследственного» врага, грозящего новым вторжением и новым разорением каждому крестьянскому двору, во Франции, как и в Германии, противопоставлялась буржуазией идеям пролетарского интернационализма и классовой борьбы. Страх мелкого буржуа перед новым германским нашествием являлся важным фактором в политической жизни Франции.

Россия и Англия были для сторонников антигерманской политики желанными друзьями и союзниками. Весь этот внешнеполитический курс лишь условно можно назвать реваншистским. Скорее в те годы преобладал призыв к бдительности в отношении возможности нового германского нападения. Но этот призыв действительно сопровождался выражением надежды на возвращение Эльзаса и Лотарингии, а равно и готовностью выступить против Германии, если бы только та оказалась в затруднительном положении и подвернулся союзник.

Но если государственная безопасность Франции, равно как и реваншистские вожделения, требовали концентрации всех сил государства в Европе, то экономические интересы некоторых узких, но могущественных капиталистических групп влекли в совсем иные географические районы. В 70-х годах во Франции, как и в Англии, началась пропаганда колониальных захватов.

Франко-прусская война прервала колониальную экспансию, широко развернутую Наполеоном III в Мексике, Кохинхине и Сенегале, в Сирии и в Египте. Обострение франко-германских отношений парализовало колониальную активность Франции. Это было одной из причин англо-французского сближения, наступившего после Франкфуртского мира и достигшего кульминационной точки в 1874—1875 гг., когда Англия вместе с Россией вступилась за Францию.

Во Франции имелась в 70-х годах и иная внешнеполитическая линия, отличная от правительственной. Она была направлена на возобновление колониальной экспансии. Это было чревато осложнениями с Англией, как колониальной державой.

Но одновременная вражда со страшным восточным соседом и с крупнейшей морской державой была для Франции, конечно, невозможной и даже самоубийственной. Поэтому круги, заинтересованные в колониальной экспансии, стремились к примирению с Германией и публичному или чаще молчаливому отречению от потерянных провинций. Носителями этого течения являлись те капиталистические круги, которые были наиболее тесно связаны с эксплуатацией колоний. Их партийной опорой была часть «умеренных» республиканцев, особенно группировка, возглавлявшаяся Ферри. Провал монархистов и приход «умеренного» республиканца Греви на пост президента республики усилил влияние этих кругов. Однако народная ненависть к немцам, к пруссакам, память об ужасах их нашествия и страх перед его повторением не позволяли Ферри и «колониальной партии» быть последовательными до конца и публично дать моральную апробацию Франкфуртского договора.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АНГЛО-РУССКАЯ БОРЬБА НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В 70-Х ГОДАХ XIX в.

Совместное выступление России и Англии против опасности германской гегемонии на континенте Западной Европы совершилось в 1875 г. вопреки ожесточенной борьбе, происходившей между обеими державами в Азии.

Еще в первой половине XIX в. британское правительство выдвинуло своеобразное объяснение англо-русских отношений в этой части света. Согласно английской версии, Россия непрерывно наступала на подступы к Индии, захватывая одну область за другой. Целью русской политики объявлялся захват этой страны, что являлось чистейшим вымыслом. Сама же Англия якобы лишь обороняла свои индийские владения и защищала неприкосновенность Османской империи, через которую пролегает как бы мост из Европы в Индию. Эта версия развивалась во множестве английских Синих книг и в парламентских дебатах. Она была подхвачена известными публицистами Урквартом, а позже Раулинсоном и усвоена авторами многих исторических книг. Влияние ее распространилось за пределы Англии.

Версия эта была грубо тенденциозной. Положение было вовсе не таково, будто бы Россия только наступала, а Англия только оборонялась. В Средней Азии сталкивались два встречных потока экспансии. И Россия и Англия вели наступательную политику, и при этом обе опасались друг друга.

Не иначе обстояло дело и на Ближнем Востоке. Обе державы добивались преобладающего влияния в Константинополе и всячески пытались помешать друг другу в достижении этой цели. Царская Россия, стремясь к контролю над проливами, одновременно старалась предотвратить возможный переход ключей от Черного моря в британские руки.

Ближайшими мотивами как для русских, так и английских завоеваний в Средней Азии являлись обычно стратегические соображения и интересы торговли, а также стремление укрепить свою власть над уже завоеванными странами посредством демонстрации своей военной мощи. В Индии британские коло-

низаторы пребывали в вечном страхе перед народным восстанием. Считалось, что приближение любых иностранных войск к ее пределам неминуемо вызовет взрыв народного возмущения. Это также побуждало к распространению английского влияния, а по возможности и полного господства на окрестные страны — Персию, Афганистан, на соседние области Китая и Бирму.

Завоевания обычно содействовали расширению источников колониального сырья и рынков сбыта для капиталистической промышленности обеих метрополий. Особенно большое значение приобрел в дальнейшем среднеазиатский хлопок для русской промышленности.

Присоединение к России влекло за собой установление колониального режима. Оно содействовало росту русского капитализма «вширь» и продлению существования «устарелых учреждений» [1], т. е. царского самодержавия и феодальных пережитков в России. Таким образом, присоединение Средней Азии отвечало коренным интересам царизма, русского военно-феодального империализма. Расширение рынка сбыта русских товаров отвечало и потребностям буржуазии. В последующие годы к этому прибавилось создание собственной хлопководческой базы.

Но вместе с тем включение Средней Азии в состав России постепенно приобщало трудящихся среднеазиатских стран к русскому революционному движению. Это делало присоединение к России явлением объективно прогрессивным с точки зрения народов Средней Азии. Этого преимущества отнюдь не приобретали азиатские страны, подпавшие под власть или под влияние Англии: для них иностранное завоевание не несло ничего, кроме колониального угнетения. Контакта с прогрессивными силами Англии у народов британских колоний почти не создавалось. Да и в самой Англии силы эти в ту пору отнюдь не переживали расцвета.

Англо-русская борьба в Средней Азии в 70-х годах прошлого века наглядно иллюстрирует то положение, что «наступали» обе стороны.

Английскую политику в Средней Азии, Афганистане, Персии лондонский кабинет направлял только в смысле определения общего курса. Конкретное его осуществление находилось в руках вице-короля Индии. Английские агенты орудовали в Афганистане, проникали в Туркмению и в Западный Китай. Обычно в качестве английских агентов выступали офицеры разведки. Они подчинялись командованию англо-индийской армии и в конечном счете вице-королю. В свою очередь эти

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 3, стр. 593 и 595.

офицеры вербовали агентуру из рядов местного населения — обычно из числа ханов. Активно действовала в интересах Англии агентура турецкого султана. Эта темная шпионская и диверсионная деятельность играла в английской политике в Средней Азии роль, не уступавшую по важности официальной дипломатии.

С русской стороны туркестанский генерал-губернатор также пользовался значительной независимостью от Петербурга. Он тоже раскинул обширную сеть связей с местными феодальными властителями и племенами.

Английская дипломатия в Западном Китае

В Западном Китае английские колониальные власти снабжали из Индии оружием и денежными средствами авантюриста Якуб-бека, в 60-х годах поднявшего в Кашгарии мятеж против китайского правительства. Якуб-бек захватил в Кашгарии власть и отложился от Китая. Английская дипломатия и разведка наладили связь с Якуб-беком. Они использовали при этом турецкого султана, в те годы находившегося в сетях у английского правительства. Ища у Англии защиты от своих подданных, поднявших знамя борьбы за национальное освобождение, султан предоставил в распоряжение англичан, хотя и являвшихся «неверными», весь свой авторитет халифа и помогал им сколько мог устраивать свои дела в мусульманских странах. Султан пожаловал Якуб-беку титул эмира и настраивал его в духе объединения всех мусульманских властителей против России. Россия тоже пыталась установить связи с Якуб-беком. Но под влиянием султана и английской агентуры Якуб-бек занял враждебную позицию в отношении не только Китая, но и России. К Якуб-беку было снаряжено официальное английское посольство. В первый раз кашгарский правитель из осторожности отказался его принять — не доверял англичанам. Но англо-индийские власти это не смутило. Летом 1873 г. они направили в Кашгар второе посольство, и на этот раз оно было принято. Они вручили кашгарскому властителю письма от английской королевы и от вице-короля Британской Индии. Посольство привезло также ценные подарки: батарею артиллерийских орудий, партию винтовок и крупную сумму денег. Формально оружие шло от султана. Якуб заключил с англичанами кабальный торговый договор, предоставив им право экстерриториальности.

Члены английского посольства принялись разъезжать по мало известной, неизученной стране; с особым вниманием они разведывали дороги, ведущие к русской границе. Англичане построили Якуб-беку несколько небольших оружейных заводов, рассчитывая использовать Якуба и против России и против Китая — смотря по надобности.

Якуб-бек не довольствовался властью над Кашгарией. Уже в течение нескольких лет он стремился распространить свое владычество дальше на север. Вместе с его владениями расширилась бы и сфера влияния Англии.

Русское правительство со своей стороны приняло меры, чтобы закрыть Якуб-беку и англичанам пути на север. В 1870 г. оно заняло своими войсками Музартский перевал на Тянь-Шане, а летом 1871 г. — город Кульджу и весь Илийский край. 20 апреля 1871 г. на междуведомственном совещании под председательством военного министра Милютина было постановлено, что «вмешательство наше в дела Западного Китая имеет единственной целью оказать содействие китайцам к восстановлению их власти в отторгнутых западных провинциях Китайской империи» [1]. Местные русские военные власти пытались придать русскому господству в оккупированном районе постоянный характер, но получили указание из Петербурга «избегать всяких мер, клонящихся к упрочению нашего владычества в Илийском крае» [2]: русское правительство в этот момент стремилось сохранить с Китаем нормальные отношения.

Между тем в результате феодальных усобиц и недовольства населения в самой Кашгарии, положение Якуб-бека было подорвано. В 1877 г. он умер, и смерть его еще более ослабила созданное им государственное образование. Китайское правительство смогло ликвидировать «излюбленное детище англичан», как называл государство Якуб-бека туркестанский генерал-губернатор Кауфман [3].

Англо-русские переговоры о разделе Средней Азии

Главным объектом английской экспансии в Средней Азии был, однако, не Синьцзян, а Афганистан. Оттуда английские колонизаторы готовились протянуть руки и в Туркмению.

В 1869 г. в Афганистане закончился шестилетний период феодальных усобиц. Эмир Шер-Али одолел своих противников и приступил к политической централизации страны под своим владычеством. Английское правительство в лице вице-короля Индии лорда Майо решило завербовать Шер-Али, превратив его в проводника своего влияния. 27 марта 1869 г. вице-король встретился с эмиром в Амбале, на территории Британской Индии. На первом же заседании конференции Шер-Али начал переговоры со следующего заявления: «В самом начале моего правления, когда в Афганистане вспыхнули восстания, я просил оказать мне помощь, однако Англия отклонила мою просьбу. Поэтому я возвращаю вам деньги и оружие, которые вы только

[1] АВПР, фонд Главный архив, разд. 1—9, 1870—1872 гг., д. № 10, л. 49.
[2] Там же, 1878—1879 гг., д. № 8, л. 5.
[3] См. «Исторический вестник», 1911, т. 124, стр. 899.

что послали. Я не могу пойти на заключение с вами договора». Как показал последующий ход конференции, это заявление было сделано лишь для того, чтобы подготовить себе лучшую позицию для дипломатических переговоров. На самом деле эмир оказался не столь уж неприступным. В результате долгих споров он принял от англичан оружие и ежегодную денежную субсидию.

Шер-Али настаивал на заключении союзного договора. Он требовал обязательства Англии признать власть в Афганистане за ним и его законным наследником. Таковым англичане должны были признать младшего сына эмира Абдуллу-хана. Лорд Майо отклонил это требование: английское правительство не хотело закрывать для себя возможности продолжать обычную игру, которую оно вело во всех феодальных монархиях Востока — противопоставлять правителю в случае недостаточной его покорности соперника-претендента. Вице-король дал все же обязательство не вмешиваться во внутренние дела Афганистана и отказался от посылки туда резидентов-англичан, появления которых эмир боялся более всего на свете, считая, что английские резиденты станут средоточием направленных против него интриг. Зато Шер-Али не отказал вице-королю в обещании согласовывать свою внешнюю политику с правительством Британской Индии.

Шер-Али не отказался от английских денег и оружия, но затаил недовольство и подозрительность в отношении англичан. Народ же Афганистана упрекал эмира в том, что он продался англичанам [1].

В начале 1869 г. английское правительство, во главе которого стоял тогда лидер либералов Гладстон, предложило царскому правительству создать между владениями России и Англии в Средней Азии нейтральную зону, которая была бы неприкосновенна для обеих и предотвращала бы непосредственное их соприкосновение. Русское правительство согласилось с созданием такого промежуточного пояса и предложило включить в состав его Афганистан, что должно было предохранить страну от захвата Англией. Английское правительство предприняло встречный ход: оно потребовало значительного расширения нейтральной территории на север, на области, составлявшие предмет вожделений царской России. Договориться не удалось [2].

В том же 1869 г. осенью переговоры между правительствами России и Англии возобновились. Для их ведения в Петербург

---

[1] См. *Сеид-Касем Риштия.* Афганистан в XIX веке. М., 1958, стр. 321—325; *Н. А. Халфин.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). М., 1959, стр. 74—77.

[2] «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872—1885 гг.» Спб., 1886, ч. I, стр. 2—4.

прибыл представитель вице-короля Индии Форсайт. С ним было достигнуто соглашение, утвержденное в последующем и царем и английским правительством. Было постановлено, что территорией Афганистана признаются области, находящиеся в «действительном» владении Шер-Али. Англия обязалась принять все меры, чтобы «отвратить» эмира от попыток расширить свои владения, а Россия обещала препятствовать бухарскому эмиру нападать на афганскую территорию [1].

Но где же проходили границы владений Шер-Али? Этого точно не знал никто, не исключая, вероятно, и самого афганского повелителя. Было условлено, что обе стороны — Россия и Англия — соберут сведения об этих местностях. Такое постановление позволяло протянуть время и открывало широкое поле и для конфликтов и для компромиссов — в зависимости от намерений каждой державы. Проволочка во времени каждой стороне была полезна в том смысле, что позволяла кое-какие земли захватить дополнительно до того, как будет достигнуто окончательное размежевание.

Вскоре между русским и английским правительствами выявились разногласия в истолковании достигнутого в 1869 г. соглашения. Английское правительство утверждало, что Шер-Али принадлежит все то, чем владел его предшественник и отец эмир Дост Мохаммед. Так толковался этот вопрос в депеше вице-короля Индии Майо статс-секретарю по делам Индии герцогу Аргайлю. 20 мая 1870 г. этот документ был вручен через посла русскому правительству в качестве изложения точки зрения английского кабинета. Фактически же положение было таково, что целым рядом ханств, на которые распространялось владычество Дост Мохаммеда, Шер-Али не владел. Русское правительство не желало признавать эти ханства за английским агентом, каковым оно в ту пору считало Шер-Али.

1 ноября 1871 г. оно поручило своему послу в Лондоне предложить английскому правительству совместное проведение политики, направленной на поддержание «нынешнего территориального status quo» в Средней Азии. Оно предлагало игнорировать «исторические» претензии на те или иные местности — иначе говоря, претензии Шер-Али на былые владения его отца. Предлагалось, чтобы в духе соглашения 1869 г. Россия и Англия обоюдно удерживали каждая в своей сфере влияния — афганского, бухарского и кокандского эмиров от захватов чужих владений, включая и территории мелких ханств [2].

---

[1] См. «История дипломатии», изд. 2, т. I, М., 1959, стр. 823; «Афганское разграничение», стр. 4.

[2] АВПР, фонд Главный архив, разд. 1—9, 1869—1875, д. № 20, л. 258—262, 268—271, 278—282, 284—289. Две депеши Горчакова послу в Англии Бруннову от 1 ноября 1871 г. за №№ 3177 и 3178, а также письма: дирек-

Но английское правительство не согласилось с этим предложением. Оно упорно стремилось продвинуть сферу своего влияния дальше на север. Именно в этом его стремлении заключался смысл спора о северной границе Афганистана, возобновившегося между Англией и Россией после того, как в Петербурге получили депешу лорда Майо.

17 октября 1872 г. лондонский кабинет потребовал от царского правительства признания северной границей Афганистана реки Аму-Дарья от верховьев до пункта Ходжа Салех на среднем течении в Туркменской степи [1].

Ответ русского правительства последовал 19 декабря. Оно принимало границу по течению Аму-Дарьи ниже территории ханств Бодахшан и Вахан. Но эти два ханства оно отказывалось признать подвластными Афганистану [2].

Однако в дальнейшем позиция царского правительства изменилась. Уступая повторным настояниям Лондона, 31 января 1873 г. оно признало северной границей Афганистана линию, предложенную Англией [3].

Своей уступкой в вопросе о Вахане и Бодахшане царское правительство преследовало определенную цель: ослабить противодействие Англии завоеванию Хивинского ханства. 4 декабря 1872 г. Особое совещание под председательством Александра II приняло решение об организации похода на Хиву.

10 июня 1873 г. русские войска взяли столицу Хивинского ханства. Вслед за тем с ханом был заключен договор. Он становился вассалом царя, отказался от самостоятельных внешних сношений с другими государствами. Хива подпадала под протекторат царской России.

Завоевание Хивы совершилось без серьезных международных осложнений. Дело ограничилось протестами в английской печати. Правда, 7 января 1874 г., т. е. более чем через полгода после занятия Хивы русскими войсками, английский министр иностранных дел лорд Гренвиль направил британскому послу в Петербурге письмо с поручением вручить копию с него царскому правительству.

В письме указывалось, что в случае дальнейшего продвижения России к Мерву соседние с Хивой туркменские племена могут попытаться искать спасения от русских на афганской территории. При этом легко могут возникнуть столкновения между русскими войсками и афганцами. Английский кабинет выражал надежду, что русское правительство не откажется

тора Азиатского департамента Стремоухова Бруннову и Горчакова туркестанскому ген.-губернатору Кауфману от 4 ноября 1871 г.

[1] См. «Афганское разграничение», ч. I, стр. 4—6; ч. II, стр. 3—5.

[2] См. там же, ч. II, стр. 4—13.

[3] См. там же, ч. I, стр. 6; ч. II, стр. 25.

признать «независимость» Афганистана важным условием безопасности Британской Индии и спокойствия Азии. Строго говоря, стремление оградить от русских сферу своего влияния составляло все деловое содержание этого крайне многословного послания. Против подчинения Хивинского ханства английское правительство возражений не заявило [1]. Это и понятно: оно само стремилось проделать то же самое с Афганистаном. Горчаков вновь заверил английское правительство, что Россия считает Афганистан лежащим «полностью вне сферы ее действий». Это было повторением заявлений, неоднократно делавшихся еще в предшествовавшем десятилетии. Если эмир афганский опасается осложнений из-за туркменских племен, гласил далее ответ Горчакова, то пусть заранее даст знать туркменским вождям, чтобы они не рассчитывали на поддержку с его стороны [2].

Переговоры об афганской границе являются типичным образчиком дипломатии колонизаторов. Речь шла об Афганистане, но вместо него в переговорах в качестве стороны выступало английское правительство, присвоившее себе «право» представлять эту страну.

При дальнейших переговорах с Англией Горчаков (в меморандуме от 29 апреля 1875 г.) указывал, что соперничество между Россией и Англией противоречит их обоюдным интересам. Для устранения этого соперничества, по мнению русского министра, было бы желательным сохранить между ними в Средней Азии «промежуточный пояс», или буфер, который предохранил бы их от непосредственного соседства. Таким буфером мог бы служить Афганистан; необходимо лишь, чтобы его независимость была признана обеими сторонами. Тут же Горчаков заверял, что Россия не намерена больше расширять свои владения в Средней Азии — ни со стороны Бухары, ни в туркменских степях.

Переход английского правительства к усиленной экспансии в Средней Азии. Подготовка войны против Афганистана

Однако консервативное правительство Дизраэли, в 1874 г. сменившее кабинет либерала Гладстона, пришло к власти под знаменем расширения британской колониальной империи. То было одним из проявлений резкого усиления интереса английской буржуазии к колониальной экспансии, обозначившегося в начале 70-х годов. Внимание к колониям возросло в связи с усилением конкуренции на мировых рынках —

---

[1] АВПР, фонд Главный архив, разд. 1—9, 1869—1875, д. № 20, л. 520. Письмо Гренвиля английскому послу в Петербурге от 7 января 1874 г. Опубл. в «Journal de St. Pétersbourg» 3. IV (22. III) 1874, № 77.

[2] АВПР, фонд Главный архив, разд. 1—9, 1869—1875, д. № 20, л. 520. Письмо Горчакова Бруннову от 21 января 1874 г. Опубл. в «Journal de St. Pétersbourg» 3. IV (22. III) 1874 г.

особенно со стороны Германии. Все эти явления были связаны с начавшимся переходом капитализма в его империалистическую стадию. Непосредственная обстановка — экономический кризис, разразившийся в 1873 г. в Германии, Австро-Венгрии и США, — также способствовала стремлению к внешней экспансии.

Кабинет Дизраэли стал на путь экспансии и колониальных захватов в самых различных районах земного шара — и в Южной Африке, и в Египте, и в Турции. Средний Восток не составлял исключения. Английское правительство усилило засылку своих агентов в Персию и Туркмению, вело там с их помощью военно-политическую разведку и стремилось мобилизовать против России всех мусульманских государей этого района — от Якуб-бека и туркменских феодалов до шаха персидского. В то же время правительство Дизраэли приступило к подготовке полного порабощения Афганистана.

Оно хотело бы договориться об этом с Россией. В связи с совместным выступлением России и Англии против Германии в мае 1875 г. между ними на некоторое время наступило заметное улучшение отношений, что не мешало им, конечно, продолжать интриги в Персии, Туркмении и Западном Китае. «Ничто не может помешать России и Англии договориться друг с другом в Азии» [1], — заявил 13 мая 1875 г. лорд Дерби, министр иностранных дел в кабинете Дизраэли, русскому послу Шувалову. По словам Дерби, «там хватит места для обеих».

Но предлагая договориться, английское консервативное правительство отказывалось от идеи «буфера» в качестве базы для сговора с Россией. Оно предлагало России стать на путь прямого раздела Средней Азии. Новый британский кабинет по существу отказался подтвердить русскому правительству признание независимости Афганистана. Вместо этого в октябре 1875 г. английский кабинет заявил, что сохраняет по отношению к этому государству полную свободу действий.

Горчаков ответил в феврале 1876 г., сделав при этом выводы, вытекавшие из новой английской позиции. Подтверждая достигнутое в 1873 г. соглашение о границе Афганистана и повторив, что эта страна остается «вне сферы действий» России, он заявил, что русское правительство считает переговоры о промежуточном поясе законченными. Оба правительства полностью сохранят свободу действий в отношении стран этого пояса, но будут принимать во внимание взаимные интересы и по мере возможности избегать непосредственного соседства.

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1875, д. 71, т. I, л. 297—299. Донесение Шувалова царю № 54 от 13 (1) мая 1875 г.

Россия тотчас же и воспользовалась «свободой действий», прокламированной английским премьером в отношении стран «промежуточного пояса»: 17 февраля 1876 г. появился царский указ о присоединении к Российской империи Кокандского ханства.

Дизраэли явно поспешил. Англии было несравненно труднее, чем России, добиться намеченных ею захватнических целей. Завоевание Афганистана должно было натолкнуться на огромные природные препятствия и на готовность афганского народа любой ценой отстоять независимость.

До назначения Дизраэли премьером отношение Англии к Шер-Али в общем, несмотря на взаимные неудовольствия, оставалось покровительственным. Шер-Али, ориентируясь с конца 60-х годов на Англию, в угоду ей вел политику, враждебную России. Он стремился не только укрепиться на южных берегах Аму-Дарьи, но и распространить свое влияние на Туркмению.

Правда, покровительство эмиру английское правительство осуществляло, что называется, с камнем за пазухой. Чтобы покрепче держать его в руках, английские власти поддерживали тесные связи с его соперниками среди афганских феодалов. Это был прием, типичный для дипломатии колонизаторов в не вполне централизованных феодальных государствах, где можно широко использовать взаимную вражду феодальных клик. В частности, англо-индийское правительство скрыто помогало сыну эмира Якуб-хану, являвшемуся правителем Герата и все время строившему козни против своего отца.

Шер-Али, поддерживая с англичанами тесные связи, не брезгуя брать от них деньги и выполнять многие их пожелания, стремился, однако, избежать полного подчинения Англии. В июле 1873 г. состоялась англо-афганская конференция в Индии, в г. Симл. Эмира представлял Сеид Нур-Мухаммед-хан. Он требовал признания Англией династии эмира, большей помощи деньгами и оружием и пересмотра вынесенного англичанами арбитражного решения об афгано-персидской границе в Сеистане, крайне невыгодного для Афганистана. Английские представители вновь выдвинули требование, уже отвергнутое ранее афганским эмиром, о допущении английских резидентов в Герат и Кандагар [1].

Вопрос о том, как навязать эмиру свою агентуру, был основным для английской дипломатии в отношениях с Афганистаном. В феодальной стране со слабой центральной властью и усобицами феодальных группировок появление британских

[1] *Bisheshwar Prasad.* The Foundations of India's Foreign Policy. Vol. I. 1860—1882. Bombay, 1955, p. 132—144.

резидентов означало бы верный шаг к подрыву афганского государства изнутри и к овладению им. Ввиду этого вопрос об английских резидентах и занял центральное место в последующих переговорах между Англией и Афганистаном.

Отказ афганского уполномоченного в Симле удовлетворить домогательства англичан оказался поворотным пунктом в англо-афганских отношениях. Английское правительство начало теперь борьбу против непослушного эмира. Оно усилило поддержку Якуба.

Эмир принял свои меры: вопреки англичанам, он в 1874 г. провозгласил своим наследником младшего сына Абдулла-хана. В ноябре 1874 г. Якуб был заключен в тюрьму.

Вице-короли Индии лорд Майо и его преемник Норсбрук являлись противниками немедленного завоевания Афганистана. Они придерживались так называемой «политики выжидания». Политика эта подвергалась ожесточенным нападкам в печати и в парламенте со стороны представителей «форвард полиси», или «политики наступления». Поборником «форвард полиси» выступал Раулинсон. Дизраэли пришел к власти с намерением осуществить «политику наступления» на практике. Правительству Британской Индии поручалось вновь потребовать от Афганистана согласия на водворение британских резидентов в Герате и Кандагаре.

Норсбрук возражал против нового курса. Он медлил с исполнением возложенных на него задач по скорейшему развязыванию войны против Афганистана. В ноябре 1875 г. министр по делам Индии в правительстве Дизраэли лорд Солсбери предписал вице-королю принудить эмира принять в Кабуле английскую миссию, не уведомляя о том, что ее предполагается сделать постоянной. Миссия должна была пригрозить эмиру: если он не допустит английских офицеров в Герат и не станет сотрудничать с Англией, то его независимости будет грозить опасность. Норсбрук снова стал возражать. Тогда Дизраэли без долгих разговоров уволил его в отставку [1].

В апреле 1876 г. на пост вице-короля вступил ставленник Дизраэли лорд Литтон. Перед отъездом в Индию он получил инструкции от правительства. Он должен был уведомить эмира, что Англия готова «защищать» Афганистан и «помогать» эмиру, она признает его наследника, но для этого она должна

---

[1] *Сеид Касем Риштия.* Афганистан в XIX веке, стр. 359—366; *Bisheshwar Prasad.* The Foundations of India's Foreign Policy, vol. I, p. 151—161; *Н. А. Халфин.* Провал британской агрессии в Афганистане, стр. 84; *Н. А. Халфин.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века). Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия, выпуск CX. Исторические науки, книга 24. Ташкент, 1957, стр. 79.

знать, что происходит на афганских границах. Поэтому в важнейшие пункты должны быть допущены английские офицеры для инспектирования всех пограничных районов. В то же время эмира поощряли к завоеванию Меймене и других туркменских ханств близ северо-западных границ Афганистана. По сведениям русских военных властей, туда было отвлечено около половины всей афганской армии. Переправить ее обратно на границу Британской Индии при бездорожье и враждебности покоренных туркмен, узбеков и таджиков левобережья Аму-Дарьи было бы эмиру не легко [1].

В мае 1876 г. Литтон потребовал от эмира приема в Кабуле английского посольства.

Шер-Али отказался принять посольство вице-короля в своей столице. Он более чем когда-либо был убежден, что допустить английских резидентов в свою страну — значит образовать центры интриг и диверсий, опасных для независимости страны и власти эмира. Но Шер-Али дал согласие вести переговоры на индийской территории. Было условлено, что переговоры состоятся в Пешаваре. Туда и прибыл представитель эмира афганского Нур-Мухаммед.

Переговоры открылись в январе 1877 г. Представитель эмира огласил длинный список жалоб на вмешательство Англии в дела Афганистана. Переговоры вновь показали афганцам, что целью английского правительства является подчинение Афганистана: принуждение его к отказу от самостоятельных сношений с иностранными государствами, размещение английских офицеров-резидентов в важнейших центрах страны и на ее границах. Последнее было англичанам необходимо не только для интриг против эмира, но и для проникновения в Бухару и в Туркмению.

Шер-Али опять отклонил английские домогательства. Он заявил через Нур-Мухаммеда, что скорее погибнет, чем уступит [2]. Вице-король дал ответ в оскорбительном тоне. Он признал дальнейшие переговоры бесполезными.

Уполномоченный эмира Нур-Мухаммед умер в Пешаваре при странных обстоятельствах, оставляющих место для подозрений в убийстве. Эмир хотел направить в Пешавар нового представителя и был готов к уступкам. Но вице-король прервал

---

[1] *А. Я. Соколов.* Английская колониальная политика в Афганистане накануне второй англо-афганской войны (1878—1880 гг.). Труды Среднеазиатского гос. университета. Новая серия, вып. 152. Историч. науки, кн. 33, стр. 67. *Bisheshwar Prasad.* The Foundations of India's Foreign Policy, vol. I, p. 161—171.

[2] *Сеид Касем Риштия.* Афганистан в XIX веке, стр. 382—396; *Н. А. Халфин.* Провал британской агрессии в Афганистане, стр. 92.

переговоры, хотя и был осведомлен о примирительных намерениях Афганистана [1]. Новому представителю эмира надменно сообщили на границе, что в его приезде не нуждаются. Вопрос о начале войны против Афганистана был решен английским правительством еще в 1876 г.

Английские колонизаторы начали непосредственные военные приготовления. В ноябре 1876 г. они добились от соседа Афганистана, властителя Келатского ханства договора о признании им протектората Англии. В Келате имелось большое недовольство против господствовавшей феодальной группы. На этом и сыграла дипломатия вице-короля: она предложила хану помощь против его собственных подданных. Келат предоставил англо-индийскому правительству право содержать войска на его территории.

Тотчас же после подписания договора с ханом вице-король направил в Келат отряд войск для занятия Кветты, которая была очень важна на случай войны против Афганистана. Кветта обеспечивала господство над Боланским перевалом, через который шла дорога на Кандагар. Англичане укрепили Кветту, и она должна была послужить базой для подготовлявшегося наступления на Афганистан по Кандагарскому операционному направлению. Кветта была также удобным местом для ведения интриг против эмира среди феодалов Западного Афганистана. Тогда же были отремонтированы дороги к афганской границе и сооружен мост через Инд. В 1876 г. английские колонизаторы овладели княжеством Читрал, примыкающим к Афганистану с востока и открывающим путь в Бодахшан. Так были подготовлены плацдармы для вторжения в Афганистан.

В порядке дальнейшей подготовки к войне англо-индийское правительство в начале 1877 г. наложило эмбарго на вывоз в Афганистан оружия. На границе с Афганистаном в районе горных проходов, ведущих в эту страну, началось сосредоточение соединений англо-индийской армии. Литтон порвал с Афганистаном отношения. В течение 1877 г. англо-индийские войска захватили территорию некоторых пограничных племен и проложили по ней дороги, облегчавшие вторжение в Афганистан. Литтон планировал расчленение Афганистана посредством отделения Герата и Кандагара [2].

Готовясь к нападению, английское правительство вместе с тем попросило турецкого султана направить в Кабул посольство с тем, чтобы сделать еще одну попытку уговорить Шер-Али подчиниться англичанам и объединиться с ними «для об-

[1] *Bisheshwar Prasad.* The Foundations of India's Foreign Policy, vol. I, p. 200.

[2] *B. Balfour.* The history of Lord Lytton's Indian Administration, 1876—1880. London, New York and Bombay, 1899, p. 246—247.

щих действий против русских». В апреле 1877 г. началась русско-турецкая война и Дизраэли думал о нанесении России удара в Средней Азии[1]. Посольство было послано, конечно, за английский счет. Оно благополучно прибыло в Кабул. Султан, готовясь к войне с Россией и подстрекаемый Англией, предлагал эмиру союз для борьбы за ислам против христианской России и шиитской Персии. Успеха он не имел[2]. Эмир понимал, что союз с Англией против России и появление английских войск в Афганистане станет концом для независимости его страны.

Еще в июле 1876 г. Шер-Али отправил письмо туркестанскому генерал-губернатору Кауфману, в котором выразил надежду на укрепление дружественных отношений между Афганистаном и Россией. Ввиду нарастания английской угрозы 15 сентября Шер-Али послал Кауфману новое письмо, в котором заявил о желательности установления непосредственных политических связей с Россией. Туркестанский губернатор отвечал ему в благожелательном духе[3].

Шер-Али, безусловно, боялся Англии. Он колебался, прежде чем принял решение о сопротивлении ее притязаниям. Эмир не был вполне безразличен к советам султана, авторитет которого высоко чтился в мусульманском мире. Но с другой стороны эмир испытывал давление народа. «Под давлением народного движения... — сообщал 17 марта 1877 г. Кауфман, — Шер-Али должен был покориться воле населения, не желавшего допустить английского вмешательства в дела Афганистана»[4]. После разрыва переговоров в Пешаваре и неудачи султанского посольства война против Афганистана была для английского правительства вопросом решенным. Дело было только за военной подготовкой, которая велась полным ходом.

Английская и русская экспансия в Туркмении

В Туркмении английские агенты настраивали местных ханов против России и снабжали их оружием. Литтон стремился захватить Мерв[5]. В 1877 г. Литтон поручил капитану Бэтлеру организовать и вооружить отряды

[1] *W. F. Monypenny* and *G. Buckle*. The life of Disraeli, vol. VI, p. 155, 171, 172.

[2] *Н. А. Халфин*. Провал британской агрессии в Афганистане, стр. 95; *А. Я. Соколов*. Английская колониальная политика в Афганистане накануне второй англо-афганской войны. Труды Среднеазиатского гос. ун-та. Нов. серия, вып. 152. Историч. науки, кн. 33, стр. 68.

[3] *А. Я. Соколов*. Там же, стр. 79 (по материалам архива туркестанского генерал-губернатора; автор не вполне ясно излагает ответ Кауфмана эмиру и не называет его даты).

[4] Цит. по кн.: *Н. А. Халфин*. Провал британской агрессии в Афганистане, стр. 95. Письмо Кауфмана Милютину.

[5] См. *Н. А. Халфин*. Английская колониальная политика на Среднем Востоке, стр. 45—60; *B. Balfour*. The history of Lord Lytton's Indian Administration, p. 247.

туркмен для действий против России. Об этом замысле стало известно русской разведке. Царское правительство заявило официальный протест против деятельности Бэтлера, и англичанам пришлось его отозвать. Вице-король отказался возместить провалившемуся диверсанту некоторые расходы. Разозленный агент отомстил Литтону. Он рассказал о своей миссии в печати, разоблачив вице-короля, как организатора диверсионных предприятий.

Русское наступление в Закаспии началось еще в 1869 г. основанием Красноводска в качестве укрепленного пункта. На этом дело тогда и ограничилось. В 1877 г. был занят Кизыл-Арват. Генеральное наступление на Туркмению относится уже к периоду после русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Англо-русское соперничество в Персии

Большое значение имела политика России и Англии в Персии и их борьба за влияние в этой стране. Для английских колонизаторов Персия была важна как район, образующий западные подступы к Индии.

Особое стратегическое значение придавалось английскими правящими кругами Персидскому заливу, глубоко вдающемуся в континент. Вследствие этого залив позволял колонизаторам проникнуть далеко на север, опираясь на военно-морские силы, составлявшие основу английской военной мощи. Большая часть арабских шейхов на западном (турецком) побережье Персидского залива состояла у Англии на содержании. В заливе постоянно крейсировали корабли британского военного флота. Позиции Англии в этих районах укреплялись также в результате давних и прочных связей английских консулов и разведчиков с вождями кочевых племен Южной Персии. В пределах Турции Англия уже давно и цепко держала в своих руках монополию на судоходство по Шат-эль-Арабу, Тигру и Евфрату. Пароходство по этим рекам находилось в руках английской компании, принадлежавшей семейству Линч. Крупным пайщиком компании являлось правительство Британской Индии, т. е. английская колониальная власть.

Через Персию англичане проложили линию индо-европейского телеграфа, связывавшего Лондон с Калькуттой. Это было сделано на основе концессий, полученных от шахского правительства. В 1863 г. была выдана концессия на телеграфную линию от Ханекина на персидско-турецкой границе через Тегеран до Бендер-Бушира на берегу Персидского залива. От этого пункта был проложен подводный кабель в Индию. В 1867 г. английское правительство получило согласие России и Пруссии на сооружение через их территории телеграфной линии в Индию. В 1870 г. англичане получили от шаха концессию на продолжение этой линии индо-европейского телеграфа от рус-

ской границы по персидской территории. Несмотря на то, что телеграфная линия сооружалась в Персии английской компанией за счет персидской казны, эксплуатация телеграфа была предоставлена компании, т. е. англичанам. Телеграфные конторы пользовались в Персии правом экстерриториальности. Охрана телеграфных линий, особенно в кочевых районах Южной Персии, давала возможность английскому правительству и его колониальным властям в Индии находить предлоги для вмешательства в дела Персии, что усиливало позиции Англии в этой стране.

Персия имела для Англии стратегическое значение. Она рассматривалась англичанами в качестве плацдарма для возможных военных действий против России в Закавказье и для подрывной деятельности в Туркмении. С точки зрения первой из этих задач был особенно важен персидский Азербайджан, со второй — преимущественно Хорасан. Но в этих персидских провинциях, особенно в Азербайджане, в отличие от южных районов Персии позиции у Англии были весьма слабыми и укрепить их, несмотря на большие старания, не удавалось.

Согласно ст. 6 англо-персидского договора 1857 г., Персия обязана была прибегать к английскому посредничеству при урегулировании споров о своих восточных границах. Английское правительство активно использовало эту прерогативу, чтобы создавать постоянные распри между Персией и Афганистаном. Оно преуспело полностью в своей политике разжигания вражды между обеими соседними феодальными монархиями. Но оно не избегло ненависти со стороны как Персии, так и Афганистана за крайнее двуличие и своекорыстие при осуществлении посреднических функций.

В 1870—1871 гг. английская миссия под начальством генерала Гольдсмита в сопровождении вооруженного отряда осуществляла разграничительные работы в Южном Белуджистане. Эта область была поделена между Персией и Келатом[1]. Разграничение было проведено весьма пристрастно в пользу Келата, иначе говоря, самой Англии: Келатское ханство, хотя еще и не стало британским протекторатом, но уже находилось в сфере влияния Англии.

В 1872 г. миссия Гольдсмита принялась за разграничение в Сеистане[2]. Она немало потрудилась провести границу таким образом, чтобы и Персия и Афганистан, которым принадлежала эта область, испытывали максимальные неудобства и непре-

---

[1] *P. Sykes.* History of Persia, 3rd ed., vol. II, London, 1930, p. 361.

[2] Об этом см. в кн.: *Н. А. Халфин.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке, стр. 65—69.

рывно ссорились друг с другом, пытаясь улучшить свое положение за счет соседа. Гольдсмит провел разграничительную линию в северной части Сеистана по реке Гильменд, а затем дальше на юг по воображаемой прямой от плотины Банд-и-Сеистан до Кух-и-Малик-и-Сиах на стыке границ Афганистана, Персии и Келата [1]. Линия границы была намечена таким образом, что ее проведение на местности по географическим условиям было делом технически в высшей степени трудным. Демаркация границы привела поэтому к серьезным конфликтам между Афганистаном и Персией. Но как раз этого-то и хотели английские колонизаторы, действовавшие по принципу «разделяй и властвуй». Часть земель, которые Афганистан считал своими, британский посредник закрепил за Персией. Но последняя была стеснена в их использовании, ибо многие источники воды для орошения этих земель мудрый арбитр оставил за Афганистаном. Афганцы зарились на отошедшие к Персии земли, а персы жадно глядели на афганскую воду. Допуск персов к реке Гильменд даже на небольшом протяжении ее течения афганская сторона считала нетерпимым [2].

Не менее значительной была заинтересованность в Персии царской России. Для русского капитализма эта страна представляла очень крупный интерес в качестве важного рынка сбыта. Русский экспорт в Персию быстро возрастал. В последней трети XIX в. торговля с Россией составляла свыше половины всего торгового оборота Персии. В отличие от Англии, которая практиковала значительный импорт в Персию своих товаров, но мало оттуда вывозила, торговля с Россией носила двусторонний характер, причем вывоз из Персии в Россию даже немного превышал русский ввоз туда. Такой характер русско-персидской торговли и большие ее масштабы содействовали упрочению русского влияния в Персии: персидская буржуазия и помещики чрезвычайно дорожили русским рынком.

Персия была очень важна для царского правительства также и стратегически, как страна, граничащая с Россией. В случае, если бы России пришлось вести войну на других своих границах или втянуться в какие-либо политические осложнения, Персия, в зависимости от уровня русского влияния и общего состояния русско-персидских отношений, могла либо стать плацдармом для нападения на Россию в Закавказье, либо же, наоборот, обеспечить безопасность России на данном участке русских границ.

Для русско-персидских отношений немаловажным было и

---

[1] *P. Sykes.* History of Persia, vol. II, p. 362.

[2] *Сеид Касем Риштия.* Афганистан в XIX веке, стр. 337—338.

то, что правительство Персии находилось в постоянных конфликтах с Турцией на почве пограничных споров. При натянутости русско-турецких отношений в 70-х годах у России и Персии оказывался общий противник в лице Османской империи.

Располагая в Закавказье значительной военной силой, царское правительство было в состоянии оказывать на Персию сильное давление. Экономическая зависимость Персии от русского рынка еще более повышала влияние царской России в этой стране.

Вплоть до конца 90-х годов Россия и Англия оказывались в Персии единственными соперниками. Французское влияние, которое в начале XIX в. временами бывало значительным, теперь свелось к нулю. Германское же в 70—80-х годах в Персию еще не проникало. Англо-русское соперничество привело к тому, что ни один из двух конкурентов не захватил Персии. Феодальное шахское государство формально не стало колонией и сохранило официально независимость. Англо-русское соперничество помогло персидскому народу предотвратить полную утерю национальной государственности.

Тем не менее Персия в конце XIX в. превратилась, подобно китайской цинской монархии и султанской Турции, в полуколонию европейского капитализма. Шах Наср Эд-Дин числился суверенным государем. Фактически же, лавируя между Россией и Англией, он с трудом сохранял подобие независимости. Нередко это лавирование терпело фиаско, и шах оказывался марионеткой в руках то одной, то другой державы.

Концессия Рейтера

В 1872 г. английские капиталисты произвели генеральную атаку на Персию в целях полного ее закабаления. Крупный представитель лондонской финансовой олигархии банкир Ю. Рейтер, владелец всемирно известного телеграфного агентства, носящего его имя, обратился к шахскому правительству с просьбой предоставить ему концессию колоссального объема. В случае удовлетворения его домогательств Рейтер мог занять монопольное положение в важнейших отраслях экономики страны. Английский делец обеспечил себе содействие первого министра (садр-азама) мирзы Хуссейн-хана. Садр-азаму при устройстве дел Рейтера помогал персидский посланник в Англии Муксин-хан. Многие стороны дела с выдачей концессии Рейтеру остаются темными. Русские дипломаты располагали сведениями, что англичане выплатили Хуссейн-хану 60 тыс. туманов, а Муксину — 30 тыс. Два других сановника получили взятки более скромного размера — по 4 тыс. туманов[1]. Крупную роль

[1] АВПР, фонд Главный архив, V — Аз., д. № 21, л. 2; фонд Персидский стол, д. № 2993, л. 111—112, 139.

сыграла поддержка со стороны английского правительства и его миссии в Тегеране. Поддержка оказывалась, должно быть, очень энергично, но в весьма секретном порядке. Официально английское правительство заявило, что оно предоставляет Рейтеру только «моральную» помощь. Оно, впрочем, все же публично одобрило концессию, заявив, что «с удовлетворением рассматривает усилия правительства шаха, направленные на приумножение богатств Персии» [1]. Так была охарактеризована концессия, имевшая целью расхищение персидского национального достояния и переход его в руки английских капиталистов.

Во всяком случае, Рейтеру удалось вырвать у шаха договор, беспримерный в истории колониальной политики и дипломатии всех капиталистических стран, вместе взятых. Содержание этого поразительного концессионного контракта в основных чертах сводится к нижеследующему.

Персидское правительство предоставляло Рейтеру основать в Лондоне компанию или несколько компаний для осуществления на территории Персии «общественно-полезных работ, являющихся целью данной концессии». В чем же должны были заключаться эти «общественно-полезные» предприятия?

Прежде всего Рейтеру, или, точнее, созданной им компании, предоставлялось на 70 лет «исключительное» право на сооружение железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива, а также таких веток от этой магистрали, какие сам концессионер сочтет необходимыми, включая соединение с железными дорогами других стран «в сторону Европы или Индии». Это условие концессионного контракта практически предоставляло Рейтеру почти что монополию на железнодорожное строительство в Персии. Рейтер получал «исключительную привилегию», т. е. полную монополию на строительство трамвайных линий.

Персидское правительство обязывалось безвозмездно предоставлять концессионеру земельные участки, необходимые для железных дорог и связанных с ними сооружений. Оно обязывалось помочь концессионеру в приобретении частновладельческих земель, пользуясь в случае необходимости правом принудительной экспроприации. Обеспечивался и ряд льгот в получении нужных для концессионера строительных и иных материалов. Он освобождался от налогов, получал разрешение на беспошлинный ввоз оборудования и т. д.

Но концессия не исчерпывалась предоставлением привилегий на строительство путей сообщения. Рейтеру и его возможным компаньонам на тот же 70-летний срок давалось «полное и

---

[1] АВПР, фонд Главный архив, V — Аз., д. № 21, л. 2; фонд Персидский стол, д. № 2993, л. 107.

исключительное» право эксплуатировать на всей территории персидского государства каменноугольные шахты, железорудные, медные, свинцовые, нефтяные разработки и даже «все прочие шахты по их (концессионеров) усмотрению».

Персидское правительство должно было получать ежегодно 20% чистого дохода от железных дорог концессионера и 15% от его шахт и рудников.

Но и это не все. Концессионеру предоставлялось «исключительное право» на осуществление, опять же на всей территории Персии, оросительных работ, включая «изменение течения рек», устройство плотин, колодцев, каналов и водоемов. Концессионер получал право свободно распоряжаться всеми землями, которые станут пригодными для земледелия благодаря подведенной им воде. Он же должен был установить «продажную цену воды» — правда, с согласия правительства. «Вопросы ирригации являются, как известно, жизненно важными на Востоке. Власть, передаваемая таким образом в руки английских капиталистов, неизбежно будет огромной» [1], — так комментировали эту статью концессионного контракта в российском министерстве иностранных дел.

Рейтеру предоставлялось также «исключительное и полное» право на эксплуатацию во всей Персии государственных лесов.

Вдобавок ко всему этому персидское правительство гарантировало Рейтеру на весь вложенный им капитал годовой доход в размере 5% плюс 2% на амортизацию. Эта гарантия обеспечивалась доходами от шахт, вод, лесов и таможен персидского государства. Гарантия должна была вступить в силу после того, как Рейтер завершит строительство железной дороги от Решта на Каспийском побережье до Исфагани. В целях обеспечения концессионеру необходимых для такой гарантии доходов ему на началах аренды предоставлялось управление всеми персидскими таможнями сроком на 25 лет.

Наконец, в случае, если бы персидское правительство решило в будущем выдать кому-либо привилегию на учреждение банка, то Рейтер имел бы предпочтительное перед всеми другими соискателями право на ее приобретение. Такое же предпочтение ему предоставлялось на предприятия по снабжению газом, мощению улиц, благоустройству столицы, на дорожные работы, устройство почты, телеграфа, мельниц, фабрик и заводов.

---

[1] АВПР, фонд Персидский стол, д. № 2993, л. 1—4. «Совершенно секретный меморандум о концессии, предоставленной правительством шаха господину Рейтеру», составленный в мае 1873 г.

Этот чудовищный кабальный договор был подписан 25 июля 1872 г. и ратифицирован шахом. Персидское правительство долгое время держало его в секрете, очевидно, отдавая себе отчет в крайней его одиозности.

Если бы концессия Рейтера была реализована, Персия превратилась бы в полную колонию Англии. Все экономическое развитие страны было бы отдано в руки английского капитала.

Концессия вызвала крайнее недовольство в иранском народе. Если же говорить о международно-дипломатической реакции на концессионный договор, то тут решающее значение имела позиция царской России. Русское правительство было в высшей степени возмущено этим актом шаха.

Концессия Рейтера грозила огромным ущербом для русской буржуазии, заинтересованной в торговле с Персией. «Наша торговля как на пограничной линии, проходящей по Кавказу, так и на Каспийском море, — говорилось в меморандуме, составленном в министерстве иностранных дел, — неизбежно испытает действие этой меры» [1] — разумелась намечавшаяся передача персидских таможен в английские руки. Констатировав все эти неприятные перспективы, в царском министерстве иностранных дел обдумывали шаги, посредством которых можно было бы сорвать выполнение концессионного контракта. Была, например, выдвинута мысль помешать Рейтеру доставить в Решт оборудование и материалы, необходимые для сооружения железной дороги. Завезти их туда без особых транспортных трудностей можно было только через русскую территорию [2].

Весной 1873 г. шах отправился в путешествие по Европе и в мае посетил Петербург. Здесь Горчаков заявил ему, что русское правительство «очень поразил» ратифицированный шахом концессионный договор. Горчаков сказал шаху прямо в лицо, что этот акт скомпрометировал его авторитет и достоинство. Русскому правительству трудно понять, как шах согласился подписать такой договор. Наср Эд-Дину указали на осложнения, которые возникнут у него с Россией в случае сохранения концессионного договора в силе.

Шах был «потрясен». Горчаков, очевидно, сумел его сильно напугать. Во всяком случае царский министр добился обещания Наср Эд-Дина расторгнуть договор с Рейтером [3].

Шах и сделал это, воспользовавшись тем, что Рейтер не сумел развернуть работы по строительству железной дороги в установленный контрактом 15-месячный срок. Рейтер смог

[1] АВПР, фонд Персидский стол, д. № 2993, л. 1—4. «Совершенно секретный меморандум о концессии, предоставленной правительством шаха господину Рейтеру».

[2] Там же.

[3] АВПР, фонд Персидский стол, д. № 2993, л. 6 и 62—63.

провести только чисто показные работы — соорудить земляную насыпь протяженностью всего около двух километров. На организованную Рейтером церемонию открытия работ ни шах, ни представители персидских властей демонстративно не прибыли [1]. 23 октября 1873 г. мирза Хуссейн-хан по приказу шаха известил Рейтера по телеграфу о расторжении концессии. 28 октября о ликвидации весьма непопулярного договора народу было объявлено в газете «Иран» [2]. Шах сообщил русскому посланнику, что он отказался перенести срок начала работ. «Рейтер не выполнил обещания, — заявил шах, — я аннулирую контракт и прошу телеграфировать князю Горчакову, что я выполнил свое обещание и надеюсь, что он со своей стороны будет содействовать поддержанию дружбы и хороших отношений между Россией и Персией» [3].

Рейтер опротестовал расторжение концессионного договора и потребовал уплаты компенсации, опираясь на поддержку английской миссии в Тегеране.

Провалу рейтеровской концессии не мало содействовали затруднения, которые встретил Рейтер в финансировании задуманных предприятий. Его попытки получить необходимый капитал оказались безуспешными [4]. Промышленный подъем и грюндерская горячка, охватившие всю Европу в начале 70-х годов, подошли к концу. В Германии и Австро-Венгрии в 1873 г. разразился жесточайший экономический кризис; в Англии чувствовалось его приближение.

Русское правительство, сорвав концессию Рейтера, попыталось взять строительство железных дорог в Персии в свои руки. 1 января 1874 г. (20 декабря 1873 г.) под председательством Горчакова состоялось Особое совещание для обсуждения этого вопроса. Было признано «весьма желательным и полезным во всех отношениях» провести железную дорогу от Тифлиса к Тавризу. Совещание предполагало, что персидское правительство гарантирует 6—7% годовых на действительную стоимость отрезка дороги, пролегающего по персидской территории, а русское правительство приобретет выпущенные облигации, т. е. обеспечит потребный капитал. Обеспечением гарантии послужили бы сборы персидской таможни на реке Аракс, «которая может быть слита с нашею и образовать международные таможенные учреждения на границе» [5]. Дело повели под видом частного предприятия во главе с отставным военным

[1] АВПР, фонд Персидский стол, д. 2993, л. 224.
[2] Там же, л. 190, а также фонд Главный архив, V — Аз., д. № 21, 1873 г., лл. 170—173.
[3] АВПР, фонд Главный архив, V — Аз., д. № 21, 1873 г., л. 170.
[4] Там же, л. 54—56.
[5] АВПР, фонд Персидский стол, д. № 2995, л. 56—57.

инженером генералом Фалькенгагеном. Русскому посланнику поручалось поддержать его ходатайство перед шахом и подчеркнуть разницу с концессией Рейтера: «...не имея широких размеров последней, оно (предприятие Фалькенгагена. — *В. Х.*) тем не менее направлено к развитию промышленности и торговли Персии; оно не захватывает, подобно предприятию Рейтера, монополии всех отраслей промышленности и торговли страны и не вторгается в область правительственных учреждений» [1].

Если бы этот проект был осуществлен, то было бы упрочено преобладание русской торговли в Северном Иране. Усилились бы и стратегические позиции России.

Осенью 1874 г. шах отклонил предложение Фалькенгагена. Русский посланник Бегер объяснял отказ «опасением персиян полного русского влияния в Азербайджане» [2]. Несмотря на эту неудачу, срыв проекта Рейтера уже сам по себе был крупным успехом царского правительства в Персии.

Несколькими годами позже оно добилось еще одного успеха большой важности. В 1878 г. в Тегеране произошло восстание солдат шахской армии. Перепуганный шах решил принять меры против повторения в будущем столь опасных событий. Он обратился к царскому правительству с просьбой оказать ему помощь в создании надежной воинской части.

Просьбу эту в Петербурге решили уважить. В 1879 г. в Тегеран прибыл полковник Домантович. Его сопровождали три офицера русской службы и шесть казачьих урядников. Под их руководством была создана так называемая «казачья бригада». Командиром ее был назначен Домантович с подчинением лично шаху. Бригада должна была охранять шаха от его народа, а также служить для подготовки офицерских кадров из персов. Она стала единственным боеспособным и по-современному обученным и вооруженным соединением персидской армии. Вместе с тем, «казачья бригада» стала дополнительным орудием русского влияния в Персии.

Общим итогом англо-русской борьбы в Средней Азии и Персии было дальнейшее распространение колониального режима, прогрессировавший раздел среднеазиатских стран и быстрое превращение Персии в полуколонию Англии и России.

---

[1] АВПР, фонд Персидский стол, д. № 2995, л. 86—88.
[2] Там же, л. 303—304 и 396; язык подлинника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС (1875—1877 гг.)

Герцеговинское восстание и европейская дипломатия

Едва улеглась франко-германская военная тревога, как в том же 1875 г. обострилась другая кардинальная проблема международной политики — восточный, или, лучше сказать, ближневосточный вопрос. То был «вопрос о сохранении турецкого владычества в славянских, греческих и албанских областях, а также и спор об обладании входом в Черное море» [1]. В середине 70-х годов турецкий гнет вызвал очередной взрыв национального протеста. Начался новый политический кризис Турецкой империи, продолжавшийся около трех лет — до 1878 г.

Летом 1875 г. в славянских областях на крайнем Северо-Западе Османской империи, сначала в Герцеговине, а затем и в Боснии, произошло восстание христианского населения, крестьянского в своем большинстве, против феодально-абсолютистского и национально-религиозного гнета султанской Турции. Повстанцы боролись за национальную самостоятельность. Они требовали землю, находившуюся в руках мусульманского дворянства. Восстание встретило горячее сочувствие в Сербии и Черногории. Народы этих стран стремились завершить национальное освобождение южного славянства.

Южнославянское национальное движение было направлено в первую очередь против Турции. Но оно представляло опасность и для Австро-Венгрии. Под скипетром Габсбургов жило несколько миллионов южных славян. Каждый успех в деле национального освобождения южного славянства от гнета Турции означал приближение того дня, когда должно было свершиться освобождение угнетенных народов Австро-Венгрии. Австрийская буржуазия и венгерские помещики были злейшими врагами славянской свободы. Господствуя над обширными территориями со славянским и румынским населением, они в случае торжества славянского дела рисковали потерять большую

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 1, т. XVI, ч. II, стр. 38.

часть своих земель, рынков, богатства и власти. Массовое движение народов, подрывавшее империю султанов, было одним из проявлений буржуазной революции и борьбы против феодализма. Оно вызвало вмешательство великих держав и активную деятельность их дипломатии. Цели держав были различны.

Чтобы предотвратить освобождение славянских народов, австро-венгерское правительство под влиянием австрийской буржуазии и мадьярского дворянства стремилось поддерживать целостность Османской империи и тормозить освобождение из-под ее ига как южных славян, так и румын.

Напротив, Россия покровительствовала славянскому национальному движению. Реальная основа этой политики заключалась в том, что русское правительство усматривало в славянах союзников против Османской империи и Австро-Венгрии. Эти два многонациональных государства были поработителями южного славянства. Но они же были и противниками России в борьбе за господство на Ближнем Востоке и особенно на Балканском полуострове. Русское влияние на Балканах являлось важнейшим препятствием для успеха австрийско-мадьярской экспансии в этом районе. Оно же было главной угрозой для обветшалой власти султанов.

Важнейшие интересы царского правительства на Ближнем Востоке сосредоточивались на вопросе о проливах. В ту эпоху Босфор и Дарданеллы имели крупнейшее значение для всего юга России. Через них проходил единственный выход для всей морской торговли Южной России и через них же мог проникнуть к южнорусскому побережью вражеский военный флот — по примеру того, как это и произошло во время Крымской войны. Если бы Османская империя развалилась, проливы лишились бы своего векового хозяина — ослабевшего и поэтому ставшего для царской России безопасным.

Кто стал бы новым повелителем этого ключевого стратегического пункта и важнейшего торгового пути? Претендентом на господство в проливах была Англия, стремившаяся к преобладающему влиянию в Османской империи на проходивших через ее земли путях из Европы в Индию. Главным соперником Англии выступала сама царская Россия. Каждый из претендентов стремился к тому, чтобы утвердить в проливах свое господство и не позволить сделать это своему противнику. Достигнуть этих целей можно было либо путем прямого захвата проливов, либо же посредством сделки с султаном, на многое готовым в критическую минуту ради сохранения власти или ее подобия. Примеры такого решения давали Ункиар-Искелесский договор или же руководящее положение, занятое Англией в Константинополе в период Крымской войны.

Преобладающее влияние на Балканах обеспечивало стратегически господство над европейским побережьем проливов или по крайней мере давало возможность держать их под угрозой и, следовательно, под некоторым контролем. Ввиду этого царская Россия не намеревалась допустить господства на Балканах Австро-Венгрии или Англии, а те в свою очередь не желали утверждения там преобладающего влияния России. Но если Австро-Венгрия противилась освобождению славян от турок из опасения прецедента для собственных славянских подданных, то в отличие от нее Россия поддерживала славянские народы в их борьбе за освобождение. Степень поддержки, правда, изменялась. Ее интенсивность в немалой мере зависела от изменений в позиции Турции и атмосферы русско-турецких отношений.

Для Австро-Венгрии значение Балканского полуострова было иное, чем для России. Для ее господствующих классов было не столь важно, что Балканы составляют подступы к проливам и к турецкой столице. В первую очередь влияние там было необходимо для обуздания национально-освободительного движения, а затем ввиду возраставшего значения рынка Балканских стран для австрийской промышленности.

Имелась также разница в характере балканских интересов между различными господствующими классами Австро-Венгрии. Борясь против славянской свободы и русского влияния на Балканах, мадьярское дворянство не особенно стремилось в те времена к прямому присоединению балканских областей. Мадьярские помещики опасались всякого усиления славянского элемента в монархии Габсбургов. «Мадьярская ладья переполнена богатством, — заметил однажды Андраши, — всякий новый груз, будь то золото, будь то грязь, может ее только опрокинуть». Главную свою задачу на Балканском полуострове мадьярское дворянство усматривало в удушении национально-освободительных движений.

Что касается австрийской буржуазии, то она разделяла с мадьярскими помещиками ненависть к славянам и страх перед ростом удельного веса славян внутри двуединого австро-венгерского государства. Но, с другой стороны, австрийский капитал вступил на путь экспансии на Балканах. Едва ли не главным средством проникновения туда в начале 70-х годов являлось для него получение железнодорожных концессий и строительство железных дорог — прежде всего большой магистрали к турецкой столице.

В наибольшей экономической зависимости от Австро-Венгрии из всех Балканских стран в 70-х годах находилась Сербия. Преобладающая часть сербского экспорта шла либо в Австро-Венгрию, либо же через австро-венгерские порты. Своего

выхода к морю Сербия не имела. Для воздействия на Сербию Австро-Венгрия располагала сильными средствами давления: как строить железную дорогу к Эгейскому морю, на Салоники? Через Боснию или же через Белград? То или иное решение многих подобных вопросов имело для маленькой Сербии жизненное значение. Помощи против австро-венгерского засилия сербское правительство искало у России.

Когда началось герцеговинское восстание, Андраши заявил «Высокой Порте» — так именовалось правительство Османской империи, — что рассматривает эти беспорядки как внутреннее турецкое дело. Поэтому он не намерен ни вмешиваться в них, ни чем-либо стеснять военные мероприятия турок против повстанцев. Он явно предпочел бы, чтобы турки утопили восстание в крови.

Однако удержаться на этой позиции Андраши не удалось. В Австрии имелись влиятельные элементы, которые рассчитывали иначе решить южнославянский вопрос: они думали включить южнославянские области западной половины Балкан в состав габсбургского государства, начав с захвата Боснии и Герцеговины. Таким образом, наряду с Австрией и Венгрией эти области вошли бы как третья составная часть в монархию Габсбургов. Из дуалистической державы Австро-Венгрия превратилась бы в «триалистическую». Сторонники этой программы в отличие от мадьяр и от австрийской буржуазии готовы были согласиться с тем, чтобы в восточной части Балкан утвердилось влияние России. С ней они рекомендовали заключить полюбовную сделку. Замена дуализма триализмом должна была ослабить в империи влияние мадьяр. На такой позиции стояли военные, клерикальные и феодальные круги австрийской половины Австро-Венгрии.

Императору Францу-Иосифу очень хотелось хотя бы чем-нибудь компенсировать себя за потери, понесенные в Италии и Германии. Поэтому он с большим сочувствием прислушивался к голосу сторонников захвата Боснии и Герцеговины. Поборники такой политики энергично поощряли антитурецкое движение в этих областях. Весной 1875 г. они организовали путешествие Франца-Иосифа в соседнюю Далмацию. Во время этой поездки император принимал представителей герцеговинского католического духовенства, которые приветствовали его как защитника христиан от мусульманского ига. Эта поездка наряду с предшествовавшей католической агитацией в немалой мере поощрила герцеговинцев решиться на восстание.

Русское правительство также считало необходимым оказать помощь восставшим славянам. Оно надеялось таким путем восстановить среди них свой престиж, подорванный поражением в Крымской войне. Поддержка герцеговинцев со стороны Австро-

Венгрии подливала масла в огонь: русское правительство отнюдь не хотело уступать Габсбургам роль покровителя славянства.

Вмешиваясь в дела Балкан, русское правительство не желало затевать серьезный конфликт с Австро-Венгрией. Стремясь поддержать авторитет России среди славян и при этом не поссориться с Австро-Венгрией, Горчаков решил проводить вмешательство в балканские дела в контакте с этой державой. Такая политика соответствовала и принципам соглашения трех императоров. Ясно, конечно, что за такого рода политикой австро-русского «сотрудничества» на деле скрывалось соперничество обеих «союзниц» за влияние на Балканском полуострове. Для каждой из них смысл сотрудничества заключался в том, чтобы не позволить сопернице действовать самостоятельно.

В августе 1875 г. Горчаков поставил в Вене вопрос о желательности совместного выступления в защиту славян. Он высказал мнение, что восставшим провинциям нужно предоставить широкую автономию, наподобие той, какой пользуется Румыния. Иначе говоря, он клонил дело к почти полной независимости Боснии и Герцеговины.

Создание еще одного южнославянского княжества отнюдь не улыбалось венгерским магнатам, представителем которых являлся австро-венгерский министр иностранных дел, не одобрявший поездку своего кайзера в Далмацию и связанные с этим пропагандистские выступления. Да, впрочем, и организаторы поездки кайзера желали видеть балканских славян подданными Габсбургов, а вовсе не самостоятельными.

Но вскоре Андраши должен был согласиться на совместное выступление с Россией в защиту повстанцев: иначе пришлось бы передать герцеговинское дело в руки одной России. Совместные действия начались с того, что Австро-Венгрия, Россия и Германия с согласия трех других великих держав Европы предложили Турции направить в восставшие области международную комиссию в составе консулов шести держав в целях посредничества между турецким правительством и повстанцами. Турция согласилась. Однако посредническая деятельность консулов не привела к примирению сторон.

В русских правящих кругах, так же как и в австро-венгерских, не было единства. В них имелась группировка, тяготевшая к славянофильству и выступавшая против горчаковской политики «союза трех императоров» и соглашения с «Европой» по делам Балканского полуострова. При дворе это течение возглавлял наследник престола. Славянофилы выступали в качестве друзей славянства. Течение это заключало в себе различные элементы. Но основная часть славянофильских деятелей

рассчитывала завершить освобождение славянских народов с помощью России и сплотить молодые славянские государства вокруг нее. Славянофильство 70-х годов было дворянско-буржуазным течением, и большинство его представителей видело в своей политике средство укрепления царского самодержавия. Славянофилы рассчитывали при этом использовать сочувствие значительной части демократической интеллигенции к освободительной борьбе и симпатии русского народа к своим единоплеменникам. Поддержка «славянского дела», по мысли руководящих деятелей славянофильства, должна была «объединить Россию» вокруг царского трона, иначе говоря, ослабить оппозицию царизму и быстро нараставшее под знаменем народничества революционное движение. Несмотря на близость лидера славянофилов И. С. Аксакова, как директора банка, к московским капиталистическим кругам, славянофильство не являлось отражением сколько-нибудь серьезных экономических интересов русской буржуазии, для которой Балканы в качестве рынка не имели существенного значения.

Иную позицию в балканских делах занимала умеренно либеральная буржуазия, петербургские крупные банки и биржа. Связанные с железнодорожным грюндерством и иностранным капиталом и заинтересованные в его привлечении в Россию, эти круги стояли в тот момент за сохранение мира и за действия на Балканах только в согласии с «Европой», что обрекало русскую дипломатию на крайнюю умеренность в смысле поддержки славянского движения. Курс русских бумаг падал при каждом активном шаге царского правительства в балканских вопросах [1]. Плохое состояние государственной казны требовало от царского правительства именно такой политики, какой желала петербургская биржа. Представителем умеренной линии в правительстве был решительный противник войны министр финансов Рейтерн.

Противники славянофильской политики были и в реакционных дворянских кругах. Там имелись элементы, чуждые славянофильству и его попыткам опереться на какие-либо «народные чувства». В этих кругах не разделяли славянофильских иллюзий, будто успехи «славянского дела» укрепят самодержавие в России. Полагали, напротив, что «внутренние волнения» «еще более могли бы обостриться, если Россия во внешних делах станет держаться освободительных начал» [2].

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1876, д. № 20, л. 333. Письмо Убри от 17(5) ноября 1876 г.

[2] «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. I. Политические события, предшествовавшие войне. Под ред. ген.-лейт. Домонтовича. Издание военно-истор. комиссии Главного штаба. Спб., 1899, стр. 23.

В рядах русской дипломатии типичным представителем консерваторов-реакционеров был бывший начальник «Третьего отделения» посол в Лондоне граф Петр Шувалов. Славянофилы же считали своей опорой посла в Константинополе графа Игнатьева. Он щеголял «славянскими симпатиями», но его действительная политическая линия была далека от подлинно славянофильской: Игнатьев стремился решить ближневосточные проблемы, включая вопрос о босно-герцеговинском восстании, посредством сепаратного русско-турецкого соглашения. Ему мыслился русско-турецкий союз, наподобие Ункиар-Искелесского договора, как основа русского влияния в Турции и на Балканах. Именно не без воздействия Игнатьева султан издал ирадэ от 2 октября и фирман от 12 декабря 1875 г., в которых возвещал реформы, включая уравнение христиан в правах с мусульманами, снижение податей и т. п., что должно было успокоить повстанцев без помощи великих держав. Эта политика также не увенчалась успехом, как и посреднические попытки консулов: повстанцы не доверяли обещаниям турецкого правительства.

Царь Александр II и Горчаков, его министр иностранных дел, разделяли страх перед войной и ее возможными последствиями. Но оба они лавировали между славянофилами и их противниками, не говоря уже о необходимости считаться с финансовыми возможностями. Фактическая политика царского правительства являлась результатом действия этих противоречивых сил.

Горчакову казалось, что можно что-то сделать для славян, а вместе с тем и для повышения престижа России без риска войны, если действовать заодно с Австро-Венгрией.

Андраши тоже, хотя и скрепя сердце, считал необходимым кое-что все же предпринять в пользу славян в рамках «союза трех императоров», дабы предупредить вмешательство Сербии и единоличные действия России. Но если Горчаков стремился расширить размеры уступок со стороны Турции, то Андраши намерен был ограничиться самыми минимальными мероприятиями. В конце концов он добился от Горчакова значительного сужения первоначальной русской программы. Покровительство христианам свелось к плану административных реформ, осуществления которых державы должны были потребовать у султана. Такое сокращение требований никак не способствовало популярности Горчакова в славянофильских кругах.

30 декабря 1875 г. Андраши вручил правительствам всех держав, подписавшим Парижский трактат 1856 г., ноту, излагавшую проект реформ в Боснии и Герцеговине. В этом документе содержалось приглашение к совместным действиям с целью добиться принятия этой программы как Портой, так и повстанцами.

Все державы изъявили свое согласие с предложениями Андраши. Однако, соглашаясь с его программой, Россия вкладывала в нее свой собственный смысл. Андраши в требовании реформ усматривал путь к восстановлению власти султана; напротив, Горчаков видел в реформах шаг к будущей автономии, а затем и к независимости восставших областей.

31 января 1876 г. проект Андраши был передан Порте послами всех держав, подписавших Парижский трактат.

Турция приняла «совет» держав и дала свое согласие на введение реформ, предложенных послами. Но вожди повстанцев, почуяв враждебный им характер австро-венгерского проекта, решительно его отвергли. Они заявили, что не могут сложить оружие, пока турецкие войска не будут выведены из восставших областей и пока со стороны Порты имеется лишь одно голословное обещание, без реальных гарантий со стороны держав. Они выдвинули и ряд других условий. Таким образом, дипломатическое предприятие Андраши потерпело крушение.

Тут на сцену снова выступила русская дипломатия. Она поддержала требования повстанцев, но эти требования были отвергнуты Турцией. Тогда Горчаков предложил Андраши и Бисмарку обсудить создавшееся положение при встрече трех министров, приурочив его к предстоящему визиту царя в немецкую столицу.

Предложение Горчакова было принято. Встреча состоялась в мае 1876 г. Она совпала с отставкой великого визиря Махмуд-Недима-паши. Махмуд являлся проводником русского влияния; его падение означало, что турецкое правительство теперь склонится к английской ориентации[1]. Разумеется, такое изменение курса турецкой политики не могло не отразиться на отношении русского правительства к Османской империи. К тому же восстание против турецкого ига ширилось. Оно охватило Болгарию.

Русское правительство, как и раньше, предпочитало потребовать у Турции предоставления автономии всем славянским областям Балканского полуострова. С этой идеей Горчаков и приехал в Берлин. По-прежнему ему хотелось урегулировать восточный вопрос посредством «союза трех императоров» и «европейского концерта», который предоставил бы России и Австро-Венгрии мандаты на устройство автономных областей на Балканах.

Однако австро-венгерский министр не допускал и мысли, чтобы дело освобождения славянства увенчалось существенным успехом, а влияние России восторжествовало хотя бы над ча-

---

[1] *Ю. А. Петросян.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958, стр. 86—93.

стью Балкан. Андраши решил провалить горчаковский план. Он не отверг его открыто. Превознося предложения Горчакова как шедевр дипломатического искусства и расточая лесть по адресу русского дипломата, Андраши внес в его проекты столько поправок, что они совершенно утратили свой первоначальный характер и превратились в расширенную ноту самого Андраши от 30 декабря 1875 г. Новым по сравнению с этой нотой было лишь то, что теперь предусматривалось некоторое подобие тех гарантий, которых требовали повстанцы. Окончательно согласованное предложение трех правительств, известное под названием «Берлинский меморандум», заключалось заявлением, что в случае если намеченные в нем шаги не дадут должных результатов, три императорских двора договорятся о принятии «действенных мер ...ради предотвращения дальнейшего развития зла» [1]. В чем эти «действенные меры» выразятся — об этом меморандум умалчивал.

Берлинский меморандум был принят тремя державами 13 мая 1876 г. На следующий же день английский, французский и итальянский послы были приглашены к германскому канцлеру; здесь они застали Андраши и Горчакова. Русский министр заявил, что Порта не осуществила ни одной из обещанных ею реформ. Цель трех императорских дворов заключается в сохранении целости Османской империи; однако это обусловливается облегчением участи христиан, иначе говоря, созданием «улучшенного status quo». Таков был новый дипломатический термин, которым Горчаков выразил основную идею Берлинского меморандума.

Правительства Франции и Италии незамедлительно ответили, что они согласны с программой трех императоров. Но Англия в лице кабинета Дизраэли высказалась против нового вмешательства в пользу балканских славян. Англия, подобно Австро-Венгрии, не желала допустить ни их освобождения, ни усиления русского влияния на Балканах. Руководители британской внешней политики считали Балканы плацдармом, откуда Россия могла угрожать турецкой столице, а следовательно, выступать в роли соперника Англии, оспаривая у нее первенствующее влияние в Турции и на всем Востоке.

Как раз в это время Дизраэли подготовлял целый ряд мероприятий по расширению и укреплению британского владычества над Индией. Он подчинил Англии Келат и замышлял завоевать Афганистан. Он уже приступил к овладению Суэцким каналом и закреплению тем самым английского господства в восточной части Средиземного моря. После прорытия

[1] «Русско-германские отношения 1873—1914 гг. (Документы из секретного архива б. министерства иностранных дел)». Центрархив, М., 1922, стр. 48—49.

канала через Суэцкий перешеек (в 1869 г.) основные коммуникационные линии Британской империи пролегали через Средиземное море. В связи с этим английское правительство стремилось подчинить своему контролю не только Египет, но и всю Турецкую империю. Это обеспечило бы господство Англии над всем Ближним Востоком. Преобладающее влияние в Турции позволило бы Англии еще крепче запереть Россию в Черном море. Тем самым не только ограждались от нее важнейшие имперские коммуникации, но и сама Россия ставилась бы в зависимость от Англии как фактической хозяйки проливов.

Имелись у английского правительства и другие соображения. В связи с замышлявшейся в Лондоне агрессией против Афганистана вполне возможными были осложнения с Россией в Средней Азии. Однако для Англии было несравненно выгоднее развязать борьбу с Россией не в Средней Азии, где Англия одна стояла лицом к лицу со своим конкурентом, а на Ближнем Востоке, где можно было бы провести борьбу чужими руками — с помощью Австро-Венгрии и Турции. Своим отказом принять Берлинский меморандум Дизраэли завоевал господствующее влияние в турецкой столице, сделал новый шаг к превращению Турции в орудие английской политики, расстроил «европейский концерт» в Константинополе, еще более ослабил «союз трех императоров» и поощрил Турцию на сопротивление их требованиям. Нельзя также не учитывать, что для Дизраэли улучшение участи балканских славян представлялось нежелательным и по соображениям внутренней политики; в этом случае, говорил он, «автономия Ирландии стала бы менее абсурдной» [1].

Подавление болгарского восстания и сербо-турецкая война

Тем временем на Балканах произошли новые события. Почти одновременно с появлением Берлинского меморандума турки подавили восстание в Болгарии. Усмирения сопровождались дикими зверствами. В Пловдивском санджаке в течение нескольких дней черкесы и башибузуки (иррегулярная турецкая кавалерия) вырезали около 15 тыс. человек. Они подвергали свои жертвы жестоким пыткам и надругательствам. После того, как сопротивление было сломлено, лидер младотурок «либерал» «Мидхат-паша и его сообщники все еще вешали и бросали в тюрьму несчастный народ» [2]. Всего в Болгарии было убито не менее 30 тысяч человек. Гнусная расправа над болгарами способствовала росту симпатий к славянам во всей Европе.

---

[1] *W. F. Monypenny* and *G. Buckle.* The life of B. Disraeli, vol. VI. London — New York, 1920, p. 13. Ср. *R. W. Seton-Watson,* Disraeli, Gladstone and the Eastern question. London, 1935, p. 22.

[2] *R. W. Seton-Watson,* Disraeli, Gladstone and the Eastern question, p. 59.

Дизраэли старался как-нибудь замолчать турецкие зверства. Чтобы еще больше подстрекнуть Порту к неуступчивости, он послал к проливам английский флот; британские военные корабли стали на якоре в Безикской бухте, неподалеку от входа в Дарданеллы.

Было ясно, что, располагая поддержкой Англии, турецкое правительство отклонит Берлинский меморандум. Невзирая на это, Горчаков все-таки хотел вручить его Порте. Было согласовано, что это и будет сделано представителями всех великих держав, кроме Англии.

Однако в этот момент в Константинополе произошли важные события. 30 мая 1876 г. был свергнут своими новыми министрами, а затем убит султан Абдул-Азис, которого подозревали в намерении уступить «Европе». На престол был возведен Мурад V. Это событие совершилось в обстановке бурного подъема турецкого национализма и мусульманского фанатизма. 6 июня Горчаков предложил отсрочить выступление пяти держав до прояснения политической обстановки [1]. Австро-венгерское правительство не склонно было в нем участвовать, да и сам Горчаков, очевидно, боялся отказа турок принять Берлинский меморандум. В этом случае предстояло либо отступить с униженнем, либо предпринимать решительные и весьма рискованные меры... «Не желая войны, вы (т. е. русское правительство. — *В. Х.*), мне кажется, были заинтересованы в том, чтобы затормозить вашу деятельность» [2], — так резюмировал русскому послу свои впечатления от тактики Горчакова канцлер Германской империи. И он не ошибся.

Между тем на Балканах назревали новые осложнения. Южное славянство было охвачено национальным подъемом. Сербскому и черногорскому правительствам становилось все труднее противиться национальным требованиям своих народов. И Сербия и Черногория уже готовились к вооруженному вмешательству в пользу босно-герцеговинских повстанцев. Представители России и Австрии в Белграде и Цетинье официально предостерегали против этого. Но там не придавали этим дипломатическим представлениям особого значения. В России велась сильнейшая кампания в поддержку славян. Большая часть господствующих дворянских кругов видела в этом средство к укреплению влияния России на Балканах, а также и к ослаблению революционного движения внутри страны. Борьба за свободу славян должна была отвлечь русский народ от борьбы за свою

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1876 г., д. № 25, л. 25; циркулярная телеграмма Горчакова от 6 июня (25 мая) 1876 г. Там же, д. № 18, л. 433—436. Донесение Убри царю № 123 от 8 июня (27 мая).

[2] Там же, д. № 18, л. 474. Донесение Убри царю № 133 от 13 (1) июня 1876 г.

собственную свободу. Демократические силы русского общества действительно сочувствовали национально-освободительному движению славянских народов против жестокого гнета султанской империи. Это не означает, конечно, что они одобряли агрессивную политику царского правительства на Балканах.

Во всяком случае, сербы были уверены, что, если Сербия и Черногория начнут войну, Россия, невзирая на официальные предостережения, не допустит их разгрома турками.

Андраши предлагал русскому правительству совместное вооруженное вмешательство: оно помешало бы Сербии выступить в пользу турецких славян, чему стремилось воспрепятствовать венгерское дворянство, и передало бы Боснию и Герцеговину в руки соседней Австро-Венгрии — в соответствии с пожеланиями военно-аристократических кругов Австрии.

Но для России участие в такой интервенции представлялось неприемлемым. Царское правительство требовало для Боснии и Герцеговины автономного статуса и колебалось отдать их Австро-Венгрии. Согласие на это могло подорвать влияние России на Балканах и вызвать протесты славянофильских кругов внутри страны.

30 июня 1876 г. сербский князь Милан объявил войну Турции. То же самое сделал князь черногорский Николай. В Сербию отправилось около 4 тыс. русских добровольцев, в том числе много офицеров, во главе с генералом Черняевым, которого Милан назначил главнокомандующим сербской армией. Из России поступала также значительная денежная помощь.

Русский царизм затевал опасную игру. Фактически поощряя и повстанцев и сербское правительство, он рисковал конфликтом с великими державами, к которому Россия не была подготовлена ни в военном, ни в финансовом отношении. Само царское правительство крайне опасалось такого конфликта. «Может выйти то же, что было в Крымскую войну — опять вся Европа опрокинется на нас» [1], — говорил Александр II военному министру Милютину. И тем не менее царское правительство вело политику, чреватую такого рода осложнениями.

Объяснялась столь противоречивая линия шаткостью внутреннего положения правительства Александра II в годы аграрного кризиса, все большего обнищания крестьянства и так называемого «дворянского оскудения». На этой основе рос дворянско-буржуазный либерализм и все громче раздавались требования конституции. В крестьянских массах быстро назревало недовольство. В стране нарастали революционные настроения, усиливалось народническое движение. В таких условиях царское правительство надеялось отвлечь народ от внутренних про-

[1] «Дневник Д. А. Милютина», т. II, М., 1949, стр. 58.

блем популярной славянской политикой. Оно хотело внешними успехами укрепить свое положение внутри страны; с другой стороны, именно из-за непрочности своего положения оно боялось обнаружить слабость, отступив перед упорством турок и оппозицией Запада. В конечном счете мотивы внутренней политики одержали верх. Обострение классовой борьбы в стране определило деятельность царской дипломатии.

Рейхштадтское свидание

Сербо-турецкая война усилила опасность общеевропейского взрыва. Австро-венгерское правительство очень хотело бы произвести интервенцию против Сербии и оккупировать Боснию и Герцеговину. Но Горчаков настаивал на невмешательстве, а вопреки России Австро-Венгрия действовать не решалась. Если бы победила Турция, тогда обстановка в корне изменилась бы: почти неизбежно встал бы вопрос о вмешательстве России ради спасения Сербии. При этом было бы не легко избегнуть конфликта с Австро-Венгрией. А в Петербурге такого конфликта опасались не меньше, чем в Вене. Если бы, наоборот, победила Сербия, то можно было бы ожидать развала Османской империи. В этом случае еще труднее было бы предотвратить жестокую схватку великих держав из-за турецкого наследства. Политика царского правительства во второй половине 1876 г. пыталась решить нелегкую дипломатическую задачу: оказать поддержку балканским славянам, но при этом не столкнуться с Австро-Венгрией.

Первая попытка найти решение этой задачи после начала сербо-турецкой войны имела место при свидании Александра II и Горчакова с Францем-Иосифом и Андраши в Рейхштадтском замке, в Чехии, 8 июля 1876 г. В результате состоявшихся там переговоров не было подписано ни формальной конвенции, ни даже протокола. Итоги достигнутого сговора были изложены обеими сторонами каждой в отдельности в двух записях. Одна была продиктована Андраши, другая Горчаковым. Эти две записи, никем не заверенные и притом в ряде пунктов расходившиеся друг с другом, являлись единственными документами, в которых закреплены были результаты рейхштадтских переговоров. Согласно обеим записям, в Рейхштадте было условлено «в настоящий момент» придерживаться «принципа невмешательства». Если же обстановка потребует активных выступлений, решено было действовать по взаимной договоренности.

В случае успеха турок обе державы «потребуют восстановления довоенного status quo в Сербии». Что касается Боснии, Герцеговины, а равно и Болгарии, державы будут настаивать в Константинополе на том, чтобы они получили устройство, основанное на программе, изложенной в ноте Андраши и в Берлинском меморандуме.

В случае победы сербов «державы не окажут содействия образованию большого славянского государства». Впрочем, под давлением России Андраши все-таки согласился на территориальное приращение для Сербии и Черногории. Сербия согласно горчаковской записи получала «некоторые части старой Сербии и Боснии», Черногория — Герцеговину и порт на Адриатическом море[1]. По записи Андраши, Черногория получала лишь часть Герцеговины. «Остальная часть Боснии и Герцеговины должна быть аннексирована Австро-Венгрией». По русской же записи, Австрия имела право аннексировать только «турецкую Хорватию и некоторые пограничные с ней (т. е. с Австрией) части Боснии, согласно плану, который будет установлен впоследствии». О правах Австрии на Герцеговину в русской записи вообще не упоминалось. Ясно, что Рейхштадтское соглашение таило в себе источник недоразумений и конфликтов: Австро-Венгрия претендовала на всю Боснию и Герцеговину, а Россия не желала соглашаться на их передачу сопернице.

Далее, по Рейхштадтскому соглашению Россия получала согласие Австрии на возвращение Юго-Западной Бессарабии, отторгнутой у России в 1856 г., и на присоединение Батума.

В случае полного развала Европейской Турции Болгария и Румелия должны были, по русской версии, образовать независимые княжества, по австрийской записи — автономные провинции Османской империи; по австрийской версии, такой провинцией могла стать и Албания. Русская запись не упоминала об этом. Эпир, Фессалию (по австрийской записи также и Крит) предполагалось передать Греции. Наконец, «Константинополь мог бы стать вольным городом»[2].

Рейхштадтское соглашение вызвало тайное недовольство у германского канцлера, который, не желая слишком острого австро-русского конфликта, не хотел и какой-либо австро-русской интимности — в особенности без участия Германской империи, которая в Рейхштадте не была представлена. Бисмарк вовсе не желал, чтобы России удалось без войны оказать покровительство славянам. Наоборот, он очень хотел, чтобы Россия поглубже завязла в восточных делах. Он всячески провоцировал осложнения между Россией, с одной стороны, Англией и Турцией — с другой. Еще в самом начале 1876 г. он выступил перед английским и русским правительствами с проектом раздела Турции, скрытая цель которого заключалась в том, чтобы перессорить друг с другом Англию, Россию и Францию из-за дележа турецкого наследства. Бисмарк рассчитывал

[1] См. «Русско-германские отношения. 1873—1914 гг.», стр. 37—39.
[2] См. там же.

привлечь Англию, предлагая ей захватить Египет. Подтолкнув Англию на захват этой страны, Бисмарк надеялся поссорить ее с Францией; тем самым предупреждалась бы возможность повторения английского вмешательства во франко-германские отношения. Так за кулисами германский канцлер осторожно плел свою сложную дипломатическую сеть.

По поводу провокационных предложений Бисмарка о разделе Османской империи Горчаков назвал его великим искусителем. В Лондоне тоже не поддались на провокацию. Когда после первых сербских неудач Горчаков предложил созыв международной конференции, чтобы обсудить сложившееся положение, Бисмарк отклонил всякую инициативу в этом смысле. Он не желал способствовать мирному соглашению!

Антитурецкая кампания в Англии. Дизраэли и вопрос о судьбах Турции

Между тем обстоятельства вынудили Дизраэли несколько изменить свой внешнеполитический курс. В Англии были наконец оглашены подробные сведения о турецких зверствах в Болгарии. Гладстон использовал «болгарские ужасы» как оружие для атаки против Дизраэли.

Для кампании против консервативного правительства имелась к этому времени неплохая почва. После Крымской войны Англия, как и Франция, неоднократно предоставляла Турции довольно значительные займы, на которых наживались крупнейшие барыши. Займы выпускались из 5—6% годовых — намного выше среднего процента того времени — да еще при 6—7% комиссионных в пользу банкиров. Один из займов был выпущен по курсу 43,5 за 100. До 1875 г. турецкому правительству на таких условиях было одолжено около 200 млн. ф. ст., т. е. до 2 млрд. руб. Эти ростовщические операции разоряли Турцию. В октябре 1875 г. она вынуждена была объявить государственное банкротство. Заинтересованные в турецких займах капиталистические круги Англии были встревожены и возмущены: они требовали от Дизраэли нажима на несостоятельного должника. Но Дизраэли оберегал Турцию: она нужна была ему как орудие против России. Такая политика премьера вызывала крайнее раздражение кредиторов Турции. Гладстон дал им прекрасный материал для агитации. «Болгарские ужасы» стали одним из лозунгов кампании, направленной против Дизраэли. Политика Дизраэли была чревата опасностью войны против России. А широкие массы английского народа и особенно рабочий класс стояли за сохранение мира. Демократические слои населения сочувствовали освободительной борьбе балканских народов. Часть буржуазии была настроена против Турции.

Затруднительное положение консервативного правительства пришлось для России как нельзя более кстати. Русской дипломатии нужно было спасать Сербию. Оказалось, что с сербской

армией туркам удалось справиться гораздо легче, чем с партизанскими повстанческими отрядами в Боснии и Герцеговине. 26 августа 1876 г. князь Милан обратился к представителям держав в Белграде с просьбой о посредничестве для прекращения войны. Все великие державы ответили согласием. Английский посол в Константинополе предложил турецкому правительству предоставить Сербии перемирие на один месяц и немедленно начать переговоры о мире. Перемирие должно было распространяться и на босно-герцеговинских повстанцев. Послы пяти других держав поддержали это требование.

31 августа в Константинополе произошел новый переворот. Мурад V был объявлен безумным, и на престол возведен его младший брат Абдул-Гамид II. Новое турецкое правительство соглашалось прекратить военные действия, но настаивало, чтобы одновременно было заключено прелиминарное соглашение об условиях мирного договора. При этом оно выдвинуло весьма жесткие условия мира. «Европейский концерт» под влиянием России отклонил домогательства турецкого правительства, и Дизраэли этому не препятствовал. Турция ограничилась приостановкой военных действий (до 3 октября).

4 сентября 1876 г. в письме к Дерби британский премьер развил свои взгляды на дальнейшее развитие восточного кризиса. Он выражал сомнение в возможности скорого соглашения и полагал, что дело затянется до весны, когда «Россия и Австрия начнут продвигать свои армии на Балканы» и за этим последует «решение восточного вопроса». «А если это так, — продолжал он, — то благоразумно, чтобы мы взяли руководство в свои руки». Дизраэли намечал «раздел балканской добычи между Россией и Австрией при дружеских услугах Англии». Наиболее интересной была заключительная часть его плана. «Константинополь с соответствующим районом должен быть нейтрализован и превращен в свободный порт под защитой и опекой Англии по примеру Ионических островов» [1]. Это был план фактического раздела Турции, мало напоминающий распространенную легенду, будто бы Дизраэли был последовательным охранителем ее целостности. «Нет разницы между нашим планом и разделом» Турции, пояснил он в письме к Дерби 23 сентября 1876 г. Дизраэли стремился к одному — к установлению господства Англии на Востоке [2]. Он обдумывал вопрос о приобретении военной базы в Черном море [3].

---

[1] *W. F. Monypenny* and *G. Buckle*. The life of Disraeli, vol. VI, p. 52.

[2] *R. W. Seton-Watson*, Disraeli, Gladstone and the Eastern question. p. 88. Еще до кампании по поводу резни в Болгарии, 9 июня 1876 г. Дизраэли предлагал Шувалову договориться на случай развала Турции о ее разделе (там же, стр. 40—42).

[3] Там же, стр. 99.

Для публики же Дерби выдвинул следующую программу мирного урегулирования: мир с Сербией на основе status quo, местная автономия для Боснии, Герцеговины и Болгарии. Программа соответствовала предначертаниям Биконсфильда, как теперь стал именоваться Дизраэли, получивший титул лорда.

Программа Дерби была принята остальными пятью державами. Однако Австро-Венгрия согласилась на нее неохотно и, несомненно, не искренне, без всякого намерения ей следовать. Австро-венгерское правительство не допускало автономии для Боснии и Герцеговины, ибо это означало шаг к их национальному освобождению и объединению с Сербией. Оно желало захвата этих областей. С другой стороны, русское правительство, в отличие от австро-венгерского, полностью и с охотой принимало автономию для Боснии, Герцеговины и Болгарии. Но оно разгадало замыслы Биконсфильда в отношении захвата Константинополя и стремилось застраховать свои интересы в проливах. Горчаков решил выступить с предложением ввести в Мраморное море соединенную эскадру из судов всех великих держав. Ясно, что это ограждало турецкую столицу от притязаний Биконсфильда. Незачем пояснять, что, внося такое предложение, царское правительство менее всего заботилось о Турции. Оно думало о собственных интересах.

Свой план русское правительство изложило в конце сентября 1876 г. в форме письма царя австрийскому императору. Содержание его было доведено до сведения правительств других великих держав. Горчаков предлагал добиться автономии для восставших областей Турции. Чтобы принудить султана к уступчивости, Россия временно оккупировала бы Болгарию, Австро-Венгрия — Боснию, а флоты шести держав вошли бы в проливы [1].

Австро-венгерское правительство отклонило русское предложение. Ответ был изложен в письме кайзера Франца-Иосифа царю от 3 октября 1877 г. Он решительно отвергал идею автономии славянских областей и считал бесполезной их оккупацию, если она должна быть временной. Он намекал, однако, на возможность сделки на основах, намеченных в Рейхштадте, где австро-венгерская сторона претендовала на постоянное овладение Боснией и Герцеговиной.

10 октября Александр II подписал новое письмо Францу-Иосифу. Он соглашался достигнуть договоренности в смысле реализации Рейхштадтского соглашения, на что австрийский кайзер 23 октября подтвердил полное свое согласие, дав, впрочем, понять, что цену он заломит немалую. Переписка монар-

---

[1] *С. С. Татищев.* Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II, СПб, 1903, стр. 325.

хов показала, что, отвергая автономию для славянских областей, Австро-Венгрия с охотой принимала ту поправку русского правительства к программе Дерби, которая предусматривала совместную военно-морскую демонстрацию в проливах.

Однако как раз этот пункт русского предложения вызвал возражения со стороны Лондона. Британский премьер разоблачил свои тайные замыслы, отклонив идею коллективной оккупации Дарданелл и Босфора.

Отвергнув проект Горчакова, английское правительство широко использовало его, дабы через прессу устрашить общественное мнение перспективой русского вторжения в Болгарию. Брошена была фраза, будто появление русских войск в Болгарии и явится началом настоящих «болгарских ужасов». Премьер-министр смело пользовался тем обстоятельством, что публика не имела возможности прочесть его собственное письмо лорду Дерби! А ведь в этом письме не кто иной, как он сам, предусматривал возможность введения русских войск в эту страну.

Между тем в течение всех этих переговоров, т. е. в сентябре и октябре 1877 г., Турция продолжала затягивать вопрос о заключении перемирия. После временной приостановки военные действия были в октябре возобновлены. К концу месяца положение Сербии стало катастрофическим. Медля с решительным выступлением на защиту своего протеже, царское правительство рисковало политическим провалом, который мог ему обойтись весьма дорого.

Миссия генерала Вердера

В Петербурге колебались в выборе того или иного курса: «европейский концерт» явно не приносил желаемых результатов. Там задавали себе вопрос: следует ли России становиться на путь самостоятельных действий? И дорого ли платить при этом Австро-Венгрии за ее согласие на такой курс? Прежде, чем принимать решение, Горчаков сделал попытку выяснить позицию германского правительства. Бисмарк сам подал ему повод для такого зондажа.

Герцеговинское восстание застало Германию в довольно тягостном дипломатическом положении — после отпора, данного Бисмарку Горчаковым, Деказом и Дизраэли в дни военной тревоги 1875 г. Обострение восточного вопроса пришлось очень кстати для германского правительства. Осложнения на Востоке перессорили Россию с Англией и вследствие этого лишили Францию тех союзников, которые наметились для нее в 1874—1875 гг. Таким образом, казалось, была закреплена ее дипломатическая изоляция. Вот почему канцлер продолжал по мере своих сил и возможностей разжигать пламя, охватившее Ближний Восток.

Впрочем, восточный кризис представлял для Бисмарка и

некоторую опасность. Она заключалась в возможности австро-русской войны. Руководитель немецкой дипломатии очень хотел русско-турецкой, а еще больше — англо-русской войны. Но он боялся полного разрыва между обоими своими партнерами по союзу трех императоров; это заставило бы его произвести между ними выбор, что было до крайности затруднительно. Принять сторону России или просто соблюдать нейтралитет Бисмарк считал невозможным; в этом случае Австро-Венгрия, как слабейшая сторона, либо была бы разбита, либо пошла на полную капитуляцию перед Россией. В обоих случаях это означало усиление России, которое Бисмарк находил чрезмерным и опасным. С другой стороны, ему не хотелось и стать на сторону Австрии против России и втянуться в конфликт с нею. Он был твердо уверен, что русско-германская война неизбежно осложнится вмешательством Франции, превратится в тяжелую войну на два фронта.

Как уже говорилось, в августе Бисмарк отклонил проект Горчакова о созыве европейской конференции. Однако он постарался устранить неприятный осадок, который мог после этого остаться в Петербурге. С этой целью канцлер послал в Россию фельдмаршала Мантейфеля в качестве специального представителя кайзера. Ему было поручено приветствовать царя по случаю его приезда в Варшаву на маневры. 3 сентября 1876 г. Мантейфель передал царю письмо Вильгельма. Кайзер писал, что память об услугах, оказанных Германии с 1864 по 1871 г., будет руководить германской политикой по отношению к России — «что бы ни случилось».

Очень скоро Бисмарку стало ясно, что, посылая Мантейфеля, он, пожалуй, перестарался. В ответном письме Вильгельму Александр II предупреждал, что, «несмотря на все желание поддержать в восточном вопросе согласие держав, на котором основывается мир, он может оказаться вынужденным занять особую и сепаратную позицию». На этот случай царь хотел знать, может ли он быть уверенным в помощи Германии. И царь и Горчаков еще рассчитывали на нее. То была с их стороны жестокая ошибка.

На многозначительный вопрос царя германское правительство, вопреки всем дипломатическим обычаям, ничего не ответило. В середине сентября через русского посла в Берлине сделано было напоминание о письме Александра II. Посол сообщил о согласии русского правительства с программой Дерби. Но при этом добавил, что оно считает необходимым настаивать перед Портой на ее осуществлении, а не просто подавать «советы» о желательности следовать ее положениям. Посол просил ответить: «Какую позицию займет Германия, если достоин-

ство России обяжет ее к единоличному выступлению» против султанской империи в случае ее отказа принять предложение держав? [1] Бисмарк снова уклонился от ответа.

В конце концов Александру надоело ждать. Минуя обычный дипломатический канал, он обратился к военному уполномоченному германского императора в Петербурге генералу Вердеру. Царь попросил Вердера ускорить официальный ответ на его вопрос, будет ли Германия в случае австро-русской войны занимать такую же позицию, какую сохраняла Россия в 1870 г., во время войны Германии с Францией?

Дальше отмалчиваться было уже невозможно. 23 октября 1876 г. германский посол Швейниц получил наконец предписание своего правительства передать русскому правительству ответ, имевший неисчислимые политические последствия.

«Из внимания к дружеским отношениям трех императоров, — говорилось в этом письме, — мы сначала сделаем попытку убедить Австрию, чтобы в случае русско-турецкой войны она поддерживала с Россией мир. Эти усилия не безнадежны, судя по всему тому, что известно о намерениях Австрии. Если бы они не увенчались успехом и если бы, несмотря на все наши старания, мы не смогли предотвратить разрыв между Россией и Австрией, то и тогда для Германии еще не было бы оснований выйти из состояния нейтралитета. Но нельзя наперед утверждать, что такая война, особенно если в ней примут участие Италия и Франция, не приведет к последствиям, которые заставят нас выступить на защиту наших собственных интересов. Если счастье изменит русскому оружию перед лицом коалиции всей остальной Европы и мощь России будет серьезно и длительно поколеблена, то это не может отвечать нашим интересам. Но столь же глубоко будут задеты интересы Германии, если возникнет угроза для австрийской монархии и для ее положения в качестве европейской державы или для ее независимости: это приведет к исчезновению одного из факторов, на которых основывается европейское равновесие» [2].

Практически этот ответ означал, что Германия не станет поддерживать Россию против Австро-Венгрии и не позволит России ее разгромить. Канцлер советовал русским через Швейница на случай войны с Турцией купить нейтралитет Австро-Венгрии, предоставив ей захватить Боснию.

Только в одном случае Бисмарк готов был пожертвовать Австро-Венгрией. В инструктивном разговоре со Швейницем, перед его отъездом в Петербург, канцлер заявил, что согласен

[1] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 19, л. 5. Телеграмма Горчакова Убри от 13(1) сентября 1876 г. Там же, д. № 19, л. 11. Письмо Убри Горчакову от 15 (3) сентября 1876 г. «Die Grosse Politik...», Bd II, № 234.

[2] «Die Grosse Politik...», Bd II, № 251, S. 76.

активно поддержать Россию в случае, если она гарантирует Германии обладание Эльзас-Лотарингией. В интимной беседе с одним из близких людей Бисмарк еще откровеннее формулировал свои замыслы. «При нынешних восточных осложнениях, — заявил канцлер, — единственной выгодой для нас могла бы быть русская гарантия Эльзаса. Эту комбинацию мы могли бы использовать, чтобы еще раз совершенно разгромить Францию» [1]. Уверенности, что такая комбинация удастся, у Бисмарка не было. Все же он осторожно нащупывал почву — слишком уж соблазнительная открывалась перспектива.

Швейниц подробно изложил Горчакову первую часть ответа Бисмарка. «Мы ждали от вас бóльших вещей, — разочарованно ответил русский канцлер, — а вы привезли нам только то, что мы и так знаем давно» [2]. В дальнейшем разговоре Швейниц прямо намекнул на то, что русская гарантия Эльзаса и Лотарингии, зафиксированная в договоре, могла бы коренным образом изменить позицию Германии. Но Горчаков решительно отклонил такое соглашение. «Это принесло бы вам мало пользы, — заявил он. — В наше время договоры имеют очень малую ценность». «Однако вы сами только что выражали сожаление, что мы не связаны с вами никаким договором» [3], — ядовито отпарировал Швейниц. Русское правительство не соглашалось выдать Францию на произвол Германии: в этом случае преобладание Германии в Европе стало бы нетерпимым и опасным для России.

В приведенных дипломатических переговорах нагляднее, чем где-либо, наметилась та расстановка сил, которая постепенно стала определяться в результате франко-прусской войны: Россия и Франция, с одной стороны, Германия и Австро-Венгрия — с другой. В 1876 г. обе эти группировки еще не нашли своего оформления в каких-либо договорах, однако они уже достаточно отчетливо маячили на международном горизонте.

Миссия барона Мюнха

В результате запроса, сделанного царем через посредство Вердера, русское правительство сделало важные и неприятные для себя выводы. Оно убедилось, что воевать с Австрией — значит рисковать войной с Германией. Следовательно, ссориться с Австрией было опасно и воевать с Турцией можно не иначе, как предварительно обеспечив себе австрийский нейтралитет, поскольку тыл русской армии на балканском театре военных действий и ее коммуникации Австро-Венгрия имела возмож-

[1] *Lucius von Ballhausen.* Bismarck — Erinnerungen. Stuttgart — Berlin, 1921, S. 93.

[2] *H. L. Schweinitz.* Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz, Bd I. Berlin, 1927, S. 361.

[3] Ibid., S. 362.

ность держать под ударом своей армии. Цена австро-венгерского нейтралитета в Рейхштадте была только намечена. Надлежало ее уточнить.

Австро-русское соглашение представлялось желательным и для Австрии. Дело в том, что австро-венгерское правительство через специального уполномоченного барона Мюнха задало Бисмарку почти тот же самый вопрос, какой царь поставил перед ним через Вердера. Мюнх указал Бисмарку на крайнюю опасность, которую, по мнению его правительства, будет представлять оккупация Болгарии русскими войсками. Канцлер отвечал, что никакой особой опасности он в этом не усматривает и советует в таком случае Австрии оккупировать Боснию. Если же Австрия захочет противодействовать России, она может договориться с Англией. Бисмарк дал понять, что в таком деле Австрии нечего рассчитывать на Германию. Хотя Бисмарк и не желал допустить разгрома Австро-Венгрии Россией, он вовсе не склонен был и воевать против России за балканские интересы Австро-Венгрии. С другой стороны, стараясь предотвратить австро-русскую войну, канцлер отнюдь не собирался мешать России начать войну против Турции. Напротив, Бисмарк по-прежнему считал полезным эту войну разжечь.

Русский ультиматум

Новый «повелитель правоверных», известный впоследствии как «кровавый султан», прославившийся массовой резней армян, был человек жестокий и трусливый, вместе с тем очень хитрый и изворотливый. Дипломат он был неплохой: никто лучше него не умел играть на соперничестве великих держав. Турция была охвачена приступом национализма и мусульманского фанатизма. Учитывая это и твердо уповая на противоречия между державами, новое турецкое правительство упорствовало в отказе от каких-либо уступок христианскому населению восставших областей: они не нужны, заявляло турецкое правительство, ибо скоро во всей империи будут введены конституция и реформы. Оно настаивало на своих жестких требованиях к Сербии.

Не сумев договориться об условиях мира на Балканах, державы 5 октября под угрозой разрыва дипломатических отношений снова потребовали у Порты немедленного заключения перемирия с Сербией. После этого должна была быть созвана конференция для установления мира на Востоке. На это выступление «европейского концерта» турецкая дипломатия ответила своеобразным и ловким маневром. 10 октября Порта согласилась предоставить Сербии перемирие. При этом она выразила готовность обеспечить перемирие сразу на срок в 6 месяцев. Такой жест внешне выглядел миролюбиво, но на деле он откладывал на длительный срок заключение мира. В кругах европейской дипломатии не без основания полагали,

что турецкое правительство рассчитывало на возможное изменение обстановки в благоприятном для Порты смысле. Приведя свою армию в порядок и дождавшись благоприятного времени года, Турция могла бы возобновить войну. Такая перспектива вполне устраивала австро-венгерское правительство, равно как и английское. Французы тоже не возражали. «Очевидно, кабинеты не требовали лучшего, чем тянуть переговоры о перемирии подольше и дать туркам время измотать сербов» [1].

Россия 14 октября 1876 г. отклонила турецкое предложение. Русское правительство посоветовало Сербии отказаться от столь длительного перемирия. Сербское правительство последовало совету России. Однако положение Сербии становилось все более критическим. Милан молил о помощи. Царскому правительству приходилось спасать свой престиж. 15 октября в Ливадии состоялось Особое совещание под председательством царя, с участием наследника, Горчакова, министра финансов Рейтерна, военного министра Милютина, министра императорского двора Адлерберга и посла в Турции Игнатьева. Мирную политику отстаивали Рейтерн и Милютин. Было решено настаивать на скорейшем созыве конференции в Константинополе для обсуждения будущего устройства христианских областей Турецкой империи на Балканском полуострове. Если конференция не состоится или не приведет к положительным результатам — приступить к мобилизации армии. Это еще не будет означать решения начать войну, а только меру, призванную заставить Турцию стать уступчивее. В случае если выяснится все же неизбежность войны — начать ее немедленно, еще зимой, заключив конвенцию с Румынией о пропуске войск через ее территорию и соглашение если не о союзе, то о нейтралитете с Австро-Венгрией [2].

31 октября царское правительство впервые решилось на сепаратное выступление: Игнатьев вручил Порте ультиматум с требованием немедленно заключить перемирие продолжительностью от 6 недель до 2 месяцев. Для ответа давался 48-часовой срок. При этом указывалось, что в случае отклонения русских требований последует разрыв дипломатических отношений России с Турцией. Напуганная Порта поспешила принять предъявленные ей требования. Она отказалась, таким образом, от своего первоначального замысла затянуть состояние войны до весны, а также и от того, чтобы обеспечить себе еще до заключения перемирия, т. е. до отказа от военных действий,

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1876, д. № 20, л. 325б. Письмо Убри Горчакову от 6 ноября (25 октября) 1876 г.

[2] «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны», вып. I, стр. 28—29. Ср. «Дневник Д. А. Милютина», т. II, стр. 93—95. Милютин датирует совещание 16(4) октября.

выгодные условия мира. Русский ультиматум спас Сербию от полного разгрома. По признанию самих сербов, если бы с ультиматумом опоздали на одни сутки, то турки овладели бы Белградом и вконец разорили бы Сербию [1].

Константинопольская конференция

После достигнутого успеха русское и английское правительства сделали еще одну совместную попытку решить балканский вопрос с пользой для себя, но без войны, на основе «европейского концерта», т. е. соглашения всех великих держав. Королева испросила у царя согласия на приезд английского посла в Ливадию. Там в начале ноября 1876 г. в разговорах между послом лордом Лофтусом, Горчаковым и царем вновь была обсуждена идея созыва международной конференции; в случае ее срыва русское правительство заранее оставляло за собой свободу действий: если Турция не пойдет на уступки и «Европа» останется пассивной, Россия вынуждена будет действовать одна. Царь при этом категорически заверил Лофтуса, что Россия не стремится к захвату Константинополя и что если бы дело дошло до оккупации Болгарии русскими войсками, то их пребывание там было бы только временным.

Английское правительство выступило с официальным предложением о созыве конференции. Предложение было адресовано участникам Парижского трактата. Никто из них не возражал. Конференцию решено было созвать в Константинополе. Уполномоченным России был назначен граф Игнатьев.

Вопреки соглашению о созыве конференции, 9 ноября в речи на традиционном банкете у лорда-мэра Лондона Биконсфильд недвусмысленно грозил России войной. В ответ 11 ноября Александр II выступил с публичным заявлением в Москве. Он сказал, что хочет мира, но что в случае, если Турция не проведет тех реформ, которых от нее требуют (в интересах ее христианских подданных), он твердо решил действовать независимо и уверен, что вся Россия его поддержит. Этот намек на возможность единоличного выступления России должен был подкрепить ее дипломатические позиции на предстоящей конференции. Вместе с тем он свидетельствовал о том, что в правящих кругах царской России усилилось влияние сторонников войны. За этой речью последовала частичная мобилизация русской армии — всего около 20 дивизий.

Военные приготовления делались также и в Англии. На Мальте происходило сосредоточение некоторого количества английских войск. 29 октября военное министерство направило группу английских офицеров для инспектирования турецких

[1] «Записки гр. Н. П. Игнатьева». «Исторический вестник», май 1914 г., стр. 457.

укреплений во Фракии и для изучения возможности посылки английских вооруженных сил в Константинополь. В результате этой поездки полковник Хом представил записку о мерах, которые следует принять, «в случае если для Великобритании станет необходимым обеспечить себе гарантии для постоянной оккупации Англией обоих берегов Дарданелл — европейского и азиатского» [1].

От Англии на конференцию прибыл лорд Солсбери, который считался представителем умеренной группировки кабинета, склонной к соглашению с Россией. По прибытии в Константинополь Солсбери установил контакт с Игнатьевым.

11 декабря там начались предварительные переговоры. Представители великих держав договорились о необходимости предоставления Боснии, Герцеговине и Болгарии статуса автономных провинций Османской империи. При этом Болгария в угоду австрийцам была разделена в меридиональном направлении на Восточную и Западную. Россия отказывалась от оккупации Болгарии, а Австро-Венгрия — Боснии и Герцеговины. За введением автономного устройства в каждой провинции должна была наблюдать европейская комиссия, назначенная всеми великими державами.

23 декабря состоялось официальное открытие конференции. К этому дню султан с благословения английского посла Эллиота подготовил ошеломляющий маневр. Предварительно он назначил великим визирем лидера «новых османов» Мидхат-пашу, сторонника конституционного правления. Внезапно во время заседания конференции ее участники были оглушены артиллерийским салютом. Изумленные делегаты не успели опомниться, как турецкий представитель, министр иностранных дел Саффет-паша, поднялся со своего кресла. «Великий акт, — торжественно провозгласил паша, — который совершился в этот момент, изменил форму правления, существовавшую в течение 600 лет: провозглашена конституция, которой его величество султан осчастливил свою империю». «Ввиду этого важного события» труды конференции были объявлены Саффетом совершенно излишними: ведь предоставив конституцию, падишах уже дарует все необходимые права и реформы. На этом основании Турция отклонила решения конференции.

Английский посол Эллиот был душой разыгранной комедии; с ним Биконсфильд вел личную переписку через голову лорда Солсбери и своего министра иностранных дел лорда Дерби.

Перед участниками конференции стоял вопрос, что делать дальше. Русский делегат предложил силой принудить Турцию

---

[1] *W. L. Langer.* European Alliances and Alignments, N. Y., 1956, p. 105.

принять решение держав. Солсбери лично склонялся к такому же решению. Но он получил из Лондона категорическое предписание отклонить всякое давление на Турцию.

Участники конференции пребывали в крайнем смущении. От угроз они перешли к просьбам; Порте было предложено принять проект конференции хотя бы в урезанном виде. В случае отказа грозили отозвать послов. Этот шаг, однако, не означал разрыва дипломатических отношений: в турецкой столице остались бы поверенные в делах.

Явная слабость держав лишь раззадоривала турок. Опираясь на тайную поддержку английского премьера, Порта вторично отвергла предложения конференции. Чтобы кое-как спасти свое лицо, державы ответили отозванием послов из Константинополя. Но эта демонстрация была холостым выстрелом: он не напугал турецких правителей.

Бисмарк провоцировал русское правительство на авантюру. Он советовал начать войну против Турции. Он рекомендовал русским не церемониться при этом с Румынией и обещал посодействовать достижению полюбовного соглашения с венским кабинетом[1]. Расчет германского правительства заключался в том, чтобы покрепче запутать Россию (а также и Англию) в делах Ближнего Востока.

Солсбери к концу конференции пришел к выводу, что русское правительство искренне стремится уладить дело миром. Он располагал сведениями о том, что Бисмарк содействовал срыву Константинопольской конференции[2]. В том же самом обвиняли его и в Петербурге.

Единственным реальным результатом конференции, а скорее — русского ультиматума от 31 октября явилось обращение турецкого правительства к сербскому и черногорскому с предложением начать переговоры о мире. 28 февраля был подписан сербо-турецкий мирный договор на началах довоенного status quo. Но с Черногорией мир так и не был заключен: она требовала территориальных приращений, на которые турки не соглашались.

Дипломатия болгарского национально-освободительного движения

Соотношение классовых и национальных сил было на Балканах таково, что славянские народы не имели практической возможности свергнуть турецкое иго своими средствами. Мешало взаимное соперничество монархий — сербской, черногорской, греческой и румынской. Не случайно обе последние оставили Сербию без помощи

---

[1] См. *С. С. Татищев.* Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II, стр. 348 и сл.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1877, д. № 70, т. I, л. 34, 35, 42. Депеши Шувалова Горчакову № 9 и 11 от 5 февраля (24 января) 1877 г. Ср. «The letters of Queen Victoria», 2nd ser., vol. II, p. 516.

в ее войне против Турции. Не меньше препятствовала освободительному движению ослаблявшая его борьба различных церквей, а также происки Австро-Венгрии и Англии. Все это позволяло туркам топить в крови славянские восстания. Национально-освободительному движению балканских славян приходилось обращаться к помощи извне. Народ понимал это. Вот что писали, например, болгарские женщины города Тырнова в обращении к русским женщинам: «Знайте, сестры, что наше положение становится со дня на день опаснее, и если не придет на помощь великодушный русский народ, мы скоро будем все истреблены... Просим вас выразить нашу искренность и преданность русскому народу, на который мы смотрим, как на единственного нашего освободителя; уверьте его с нашей стороны, что мы готовы принести и остальных сынов наших в жертву на поле битвы, если только русские батальоны явятся у пределов Болгарии» [1].

Исторически сложилось так, что национальное освобождение славянских народов Османской империи совершалось не посредством народной революции, хотя она повсюду нарастала, а в результате поражения султанской Турции во внешних войнах. Босно-герцеговинские повстанцы искали помощи у славян Австро-Венгрии и в России, деятели болгарского освободительного движения — главным образом у последней. Южнославянское освободительное движение развивало собственную дипломатическую деятельность, нередко путая карты турецкой дипломатии. В Болгарии носителем этой деятельности было Болгарское центральное благотворительное общество [2] — эмигрантская организация в Бухаресте, ставшая во главе национально-освободительного движения. После поражения, понесенного болгарами в мае 1876 г., Общество решило организовать новое восстание. В связи с этим оно вступило в сношения со славянскими странами. 1 октября 1876 г. Общество обратилось к министру иностранных дел Сербии Ристичу с просьбой оказать помощь в организации болгарских формирований на территории Сербии [3]. Тремя днями позже оно адресовало аналогичную просьбу Одесскому славянскому благотворительному обществу [4].

---

[1] «Освобождение Болгарии от турецкого ига». Документы в трех томах, т. I. М., 1961, стр. 504.

[2] Такое название было принято для маскировки политического характера этой организации. Сразу же после начала русско-турецкой войны Общество переименовало себя в Болгарский центральный революционный комитет (см. *Д. Косев.* Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 409, 423; *В. Д. Конобеев.* Материалы о национально-освободительном движении в Болгарии накануне русско-турецкой войны — в сб. статей «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М., 1953, стр. 317).

[3] См. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, стр. 414—415.

[4] См. там же, стр. 420—421.

Два деятеля Общества были направлены в Петербург, чтобы договориться о помощи со стороны русского правительства. Помимо материальной, болгары просили и о дипломатической поддержке: через посредство России они хотели добиться от Румынии разрешения на создание болгарских отрядов на румынской территории [1].

В то же время предпринимались попытки повлиять на позицию великих держав в болгарском вопросе. Летом 1876 г. делегация, состоявшая из двух буржуазных литераторов, Д. Цанкова и М. Балабанова, с согласия болгарских церковных властей и эмигрантской буржуазии посетила столицы всех европейских великих держав, стараясь вызвать сочувствие к Болгарии и добиться поддержки ее интересов на европейской конференции. Особенно сердечный прием делегация встретила в России. Она была принята царем, Горчаковым и Милютиным.

Болгарское национально-освободительное движение заботилось о том, чтобы заявить свои требования на международной арене. Турецким обещаниям ввести реформы и уравнять христиан в правах с мусульманами болгары не доверяли, наученные горьким опытом. Их основным требованием являлась полная политическая автономия. «Болгарский народ, — писали болгарские эмигранты в обращении к царю 12 ноября 1876 г., — не будет доволен никакими другими правами, кроме полной политической автономии...» [2]. Для обсуждения политической программы национально-освободительного движения Болгарское центральное благотворительное общество созвало в Бухаресте Болгарский народный собор. Он заседал с 30 ноября по 4 декабря 1876 г. По вопросу о будущем устройстве собор единодушно высказался за создание конфедерации всех славянских и других христианских народностей Европейской Турции. Такая конфедерация представляла бы собой державу, способную защитить себя. Однако в политическую программу требование конфедерации по тактическим соображениям решено было не включать [3]. Программа предусматривала создание самостоятельной и независимой Болгарии, в которую, по мнению Болгарского собора, должны были войти все территории, где преобладало болгарское население. Собор считал таковыми Болгарию, Фракию и Македонию [4].

Порта намеревалась ввести в заблуждение участников Константинопольской конференции относительно позиции болгарского народа. Специально подобранные турецкими властями

[1] См. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, стр. 420—421.
[2] Там же, стр. 480.
[3] См. там же, стр. 520—521.
[4] См. там же, стр. 557.

болгарские «представители» должны были заявить, будто болгары вовсе не желают никакой автономии, доверяют якобы турецкому правительству и удовлетворены турецкой конституцией. Но эти усилия фальсифицировать волю болгарского народа были парализованы руководством национально-освободительного движения. Еще до открытия Константинопольской конференции болгарская делегация вручила петицию уполномоченным великих держав. В этом документе указывалось, что болгары хотят полной автономии своей страны. Она должна составить одну провинцию, ибо раздел затруднит образование в будущем единого болгарского государства.

Наибольшие надежды возлагали болгары на Россию. 13 декабря 1876 г. Болгарское центральное благотворительное общество обратилось к Горчакову с письмом, в котором просило поддержать на конференции болгарскую политическую программу. Для гарантии ее осуществления Болгария должна быть оккупирована иностранными войсками. В письме пояснялось, что болгарский народ имеет при этом в виду «как по традиции, так и по сочувствию» русские войска, ибо только эти «храбрые и единоплеменные с болгарами войска» могут водворить порядок в развалившейся Оттоманской империи и «способствовать исполнению политической программы болгарского народа» [1].

Болгары обращались к России с прямой просьбой начать войну против Турции и освободить Болгарию. В своем адресе царю болгарские эмигранты в Румынии умоляли Александра II спасти их от «несносного турецкого ига». «Пошли свое храброе войско, — писали они, — и избавь Болгарию, потому что еще немного — и болгарский народ исчезнет с лица земли...» [2]

Независимо от реакционных классовых целей царского правительства и вопреки им, Россия и ее борьба против Османской империи оказывались главной надеждой угнетенных народов Балканского полуострова.

Будапештская конвенция

После неудачи миссии Вердера и Мюнха, осенью 1876 г. между Россией и Австро-Венгрией, в развитие переписки царя с австрийским кайзером, начались переговоры относительно позиции Австро-Венгрии в случае русско-турецкой войны.

15 января 1877 г. в Будапеште была наконец подписана секретная конвенция, которая обеспечивала России нейтралитет Австро-Венгрии в войне против Турции. В обмен Австро-Венгрии предоставлялось право оккупировать своими войсками Боснию и Герцеговину. При этом Австро-Венгрия обязывалась

---

[1] «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, стр. 556—557.
[2] Там же, стр. 481.

не распространять военных операций на Румынию, Сербию, Болгарию и Черногорию, а Россия — на Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию. Австро-Венгрия давала, впрочем, согласие на участие Сербии и Черногории в войне на стороне России.

Дополнительная конвенция была подписана 18 марта, но датирована 15 января — днем подписания первой конвенции — и предусматривала ожидаемые результаты предстоящей войны. Территориальные приобретения в Европе ограничивались: для Австро-Венгрии — Боснией и Герцеговиной, исключая Ново-Базарский санджак, т. е. территорию, отделяющую Сербию от Черногории, о которой должно было последовать особое соглашение; для России — возвращением Юго-Западной Бессарабии. Таким образом, Россия уступила в вопросе о Боснии и Герцеговине. Договор, заключенный в Будапеште между Россией и Австро-Венгрией, был договором о дележе Турции [1].

В договоре подтверждались условия Рейхштадтского договора о недопущении создания большого славянского государства на Балканах. Болгария, Албания и «оставшаяся часть Румелии могли бы стать независимыми государствами». Подтверждалось Рейхштадтское соглашение о судьбах Фессалии, Эпира и Крита, равно как и Константинополя. О нем снова было постановлено, что он «мог бы стать вольным городом». Обе конвенции — и основная и дополнительная — были подписаны Андраши и русским послом в Вене Новиковым. Теперь Россия могла воевать, но результаты ее возможной победы были заранее урезаны до минимума. За нейтралитет Австро-Венгрии Россия уплачивала ей высокую цену. Помимо опасности политической изоляции, Россию вынуждала к уступчивости стратегическая обстановка: угроза, которую представляла для русских войск, проникших на Балканы, австро-венгерская армия, сосредоточенная на трансильванском плацдарме. Угроза эта была особенно опасна вследствие отсутствия у России военного флота на Черном море. При таких условиях исключалось широкое использование Россией морских коммуникаций. Сухопутные же пути сообщения австро-венгерская армия держала все время под шахом.

Франко-германская военная тревога 1877 г. и Лондонский протокол

Между тем восточный кризис вызвал резонанс на франко-германской границе. На Константинопольской конференции французская дипломатия стремилась создать видимость англо-франко-русского сотрудничества, чему помогала позиция как Солсбери, так и Игнатьева. Большого эффекта эти старания не дали: Бисмарк полагал, что группировки 1875 г. более не существует. После

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 670.

срыва Константинопольской конференции, в январе 1877 г., по своему обычаю используя печать в качестве дипломатического орудия, Бисмарк вновь поднял тревогу. Он придрался к слухам о концентрации французской кавалерии вблизи германской границы. 10 февраля 1877 г. русский посол сообщил из Берлина, что ряд признаков «позволяет предположить, что здесь в правительственных сферах начинают одерживать верх тенденции, мало благоприятные для Франции» [1]. И действительно, германское правительство принялось обрабатывать как Россию, так и Англию. Россию Бисмарк убеждал, что ей надо скорее начать войну. Он твердил: Россия «должна идти вперед. Нельзя допустить возможности говорить, что Россия отступила перед Турцией». «Внутреннее положение, — пугал он царское правительство, — испытало бы от этого последствия» [2]. Германия не стала бы возражать и против завоевания Россией Константинополя. Так соблазнял Бисмарк царское правительство [3].

Что касается англичан, то «в своих беседах с лордом Одо Росселем, — сообщал 5 февраля 1877 г. русский посол в Англии, — германский канцлер никогда не упускал случая подчеркнуть следующие два пункта: неизбежность войны между Россией и Турцией» и «выгоду, которую представляет для Англии овладение Египтом». Такой шаг насмерть поссорил бы ее с Францией на долгие годы [4]. В связи с выходом очередной Синей книги Дерби сообщил Шувалову: «Для нас было бы невозможным опубликовать советы, которые нам давал князь Бисмарк. Это вызвало бы во всем мире слишком большое изумление» [5]. Более того, в конце января 1877 г. германский канцлер обратился к английскому послу с еще более рискованным предложением, нежели захват Египта. Бисмарк уверял посла, будто бы Франция подготавливает вторжение в Германию. Для предотвращения этой опасности, заявил он, Германия должна принять меры предосторожности. Меры эти, по словам Бисмарка, несомненно, будут истолкованы Францией как провокация. Возможно, последует война. Канцлер просил у Англии обязательства соблюдать «благожелательный нейтралитет». В обмен он предлагал свое сотрудничество в турецких делах.

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1877, д. № 19, л. 195. Депеша Убри Горчакову № 45 от 10 февраля (29 января) 1877 г.

[2] Там же, 1877, д. № 19, л. 457—458. Донесение Убри от 4 января 1877 г. (23 декабря 1876 г.). Сохранен язык подлинника.

[3] Там же, 1877, д. № 19, л. 237. Депеша Убри Горчакову № 55 от 28 (16) февраля 1877 г.

[4] Там же, 1877, д. № 70, ч. 1, л. 31. Депеша Шувалова Горчакову № 8 от 5 февраля (24 января) 1877 г.

[5] Там же, д. № 70, ч. 1, л. 90. Депеша Шувалова № 20 от 13(1) февраля 1877 г.

В феврале Бисмарк пошел еще дальше. Он предложил Англии заключить оборонительный и наступательный союз. Очевидно, Бисмарк хотел впутать Россию в войну с Турцией, чтобы тем временем окончательно сокрушить Францию. Британский кабинет рассмотрел немецкое предложение и отказался его принять. В беседе с Шуваловым Биконсфильд заявил, что интересы как Англии, так и России требуют, чтобы Франция не была низведена до положения второстепенной державы, что, несомненно, было бы результатом новой войны между Германией и Францией [1].

В Вене тоже были обеспокоены возможностью немецкой расправы с Францией. Австро-венгерский посол в Берлине предупреждал своего русского коллегу: «Князь Бисмарк не будет огорчен, если на Востоке возникнут осложнения, так как он хочет иметь руки свободными в отношении Франции» [2]. «Ясно, что князь Бисмарк хотел бы втянуть нас в войну», — доносил в том же смысле русский посол в Париже Орлов 17(5) марта 1877 г. «Опасения перед нападением (Германии. — *В. Х.*), которые периодически возобновляются во Франции, не являются лишенными основания» [3]. Раньше Орлов сообщал, что во Франции, вопреки благоприятной для России политике президента Мак-Магона и министра иностранных дел Деказа, держатели турецких ценных бумаг «видят в нас (русских. — *В. Х.*) врагов своего благополучия». «Тьер встал на сторону Турции», — так писал Орлов еще 16 января 1877 г. [4] Но вот все изменилось: «Тьер стал нашим сторонником» [5], — сообщал Орлов неделей позже. Это было следствием резкого обострения германской опасности. Донесения русского посла весной 1877 г. ярко рисуют страх французского правительства и населения перед германским вторжением.

Результат новой франко-германской военной тревоги был совсем не тот, которого добивался Бисмарк: испугавшись перспективы дальнейшего усиления Германии, кабинет Биконсфильда, хотя, может быть, и не сам он лично, возымел желание достигнуть компромисса с Россией [6]. В феврале 1877 г. между русским послом в Лондоне Петром Шуваловым и лордом

---

[1] См. документы, опубликованные Сетоном-Ватсоном в «Slavonic Review», vol. IV, March 1926, № 12, p. 746—747; *С. Горяинов.* Босфор и Дарданеллы. Спб., 1907, стр. 310—311.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1877, д. № 19, л. 80. Депеша Убри Горчакову № 18 от 20(8) января 1877 г.

[3] Там же, д. № 88, л. 174. Письмо Орлова Горчакову от 17(5) марта 1877 г.

[4] Там же, л. 153—154. Письмо Орлова Горчакову от 16(4) января 1877 г.

[5] Там же, л. 166. Письмо Орлова от 25(13) января 1877 г.

[6] *W. L. Langer.* European Alliances and Alignments, p. 111—112.

Дерби начались переговоры насчет совместного представления Турции. Ей рекомендовалось осуществить те реформы, которые само турецкое правительство уже ранее соглашалось провести «под условием самостоятельного их применения». Русское правительство стремилось выйти из осложнений с миром — лишь бы только это можно было сделать без ущерба для престижа царизма на Балканах и внутри России. Для этого надо было заставить Порту пойти хотя бы на минимальные уступки. Чтобы вырвать их, требовалась совместная угроза ей со стороны всех великих держав не ограничиться уговорами и советами, а прибегнуть к мерам принуждения.

Граф Игнатьев под предлогом лечения глаз был послан в турне по европейским столицам для согласования с другими великими державами такого рода коллективного выступления «европейского концерта». Сначала Игнатьев посетил Берлин, где встретился с германским канцлером. Бисмарк принял русский проект. Более того, 4 марта он обещал Игнатьеву «гарантировать исполнение Австрией всех обязательств» по ее соглашениям с Россией и соблюдение ею благожелательного нейтралитета в случае войны России с Турцией. Бисмарк говорил, что хотел бы «вечной дружбы с Россией». Но взять еще бóльшие обязательства Германия не сможет, пока Россия «сохраняет за собой право выбора между Францией и Германией в случае конфликта между ними». Такой конфликт канцлер считал «неизбежным в недалеком времени». Франция мечтает о реванше, утверждал он. Бисмарк повторил свое предложение официально, через посла в Петербурге.

Горчаков ответил ему, что Россия не давала Франции никаких обещаний на случай франко-германского конфликта. Этим Горчаков и ограничился. Он сохранил, таким образом, за Россией свободу действий — то самое «право выбора», которое Бисмарк хотел. бы устранить. В Петербурге появились сомнения — выполнит ли Бисмарк свои обещания после такого ответа [1].

Игнатьев продолжал свою поездку. Он направился в Париж и в Лондон. В случае успеха задуманного коллективного выступления держав в Константинополе и демобилизации турецкой армии Россия изъявляла готовность тоже приступить к демобилизации. По справедливому замечанию Биконсфильда,

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1877 г., д. № 21, л. 481, телеграмма Убри Горчакову от 4 марта (21 февраля) 1877 г.; д. № 20, л. 488, телеграмма Горчакова Убри от 5 марта (22 февраля); д. № 48, л. 117а, телеграмма Убри от 7 марта (23 февраля); там же, л. 5, телеграмма Игнатьева Горчакову от 7 марта (23 февраля); там же, л. 32, донесение Игнатьева от 13 (1) марта; д. № 34, л. 28, докладная записка Горчакова царю от 19 (7) марта 1877 г. Ср. «Русская старина», 1914 г., март, стр. 508—509, и «Дневник Д. А. Милютина», т. II, стр. 144.

русское правительство искало лишь «золотого моста» для отступления с некоторым почетом [1].

Таким золотым мостом должен был стать протокол, о содержании которого договорились Шувалов и Дерби и который 31 (19) марта 1877 г. представители шести держав подписали в Лондоне. Участники этого документа «принимали к сведению заключение мира» между Турцией и Сербией. Они приглашали Порту «упрочить это умиротворение возвращением войск в положение мирного времени» и «приведением в исполнение в возможно непродолжительном времени реформ, необходимых для спокойствия и благосостояния» христианских областей. «Если бы державы еще раз ошиблись в своих ожиданиях и положение христианских подданных султана не было бы улучшено», то участники протокола «оставляли за собой право совместно рассудить о мерах, которые они признают наиболее действенными для обеспечения благосостояния христианского населения и всеобщего мира». Это был весьма скромный вывод, не обещавший возможности каких-либо особенно сильных мер давления на Турцию. Английское правительство заявило при подписании протокола, что, если не последует демобилизации как в Турции, так и в России, протокол будет рассматриваться как аннулированный.

9 апреля Порта отклонила Лондонский протокол. Она заявила, что рассматривает его как вмешательство во внутренние дела Турции, «противное достоинству турецкого государства».

Что касается Бисмарка, то он сообразил, как бы угроза франко-германской войны не привела к англо-русскому, а значит и к турецко-русскому миру. Чтобы предупредить подобную неприятность, канцлер обещал России устроить ей заем в 100—200 млн. золотых рублей на военные нужды через близкого ему банкира Блейхредера [2]. Одновременно Бисмарк занял примирительную позицию в отношении французов. Так изворачивался Бисмарк, дабы спровоцировать русско-турецкую войну и углубить конфликт между Россией и Англией. В результате ослабления напряженности франко-германских отношений Биконсфильду уже незачем стало продолжать заигрывать с Россией. Именно в расчете на помощь Англии турки и решились отклонить Лондонский протокол.

---

[1] «The Slavonic Review», vol. IV, March 1926, № 12, p. 748. Биконсфильд говорил Шувалову о желательности англо-русского соглашения на случай «смерти больного человека», т. е. развала Турецкой империи. Ср. *W. F. Monypenny* and *G. Buckle*. The life of Disraeli, vol. VI, p. 126.

[2] См. *С. С. Татищев*. Император Александр II, т. II, стр. 367; АВПР, фонд Канцелярия, 1877, д. № 19, л. 264. Депеша Убри Горчакову № 61 от 18 (6) марта 1877 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА (1877—1878 гг.) И БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС (1878 г.)

Русско-турецкая война

На отклонение Турцией Лондонского протокола Россия немедленно (15 апреля 1877 г.) ответила мобилизацией еще 7 пехотных и 2 кавалерийских дивизий. 16 апреля с Румынией был подписан договор о проходе русских войск через ее территорию. 23 апреля Россия порвала дипломатические отношения с Турцией. Демонстративно мобилизовав часть армии еще минувшей осенью, царскому правительству трудно было отступить, ровно ничего не добившись от Турции для покровительствуемых им славян. Это еще больше уронило бы его престиж. Царь прибыл в Кишинев, где находилась ставка верховного главнокомандующего. Там 24 апреля 1877 г. он подписал манифест об объявлении войны Турции. Активные военные действия на балканском театре начались, однако, только в конце июня.

У Биконсфильда была мысль использовать начало русско-турецкой войны для оккупации Дарданелл. Но такой план не встретил сочувствия ряда влиятельных членов английского кабинета. Англия ограничилась тем, что 6 мая Дерби вручил Шувалову ноту. В ней сообщалось, что Англия не может допустить, во-первых, блокады Россией Суэцкого канала, во-вторых, оккупации Египта, хотя бы только на время войны, в-третьих, захвата Константинополя и изменения статуса проливов и, в-четвертых, продвижения русских к Персидскому заливу.

Русский посол в Лондоне был встревожен возможностью английского выступления против турецкой столицы и проливов. Шувалов всегда являлся сторонником англо-русского сотрудничества. Он немедленно испросил у Горчакова разрешения прибыть в Петербург. В столице он доложил о серьезности положения.

Русское правительство, только что начав войну, уже подумывало, как бы скорее ее окончить на сколько-нибудь приемлемых условиях. Оно поспешило успокоить англичан в отно-

шении Египта и Суэца. Что касается Константинополя и проливов, то англичанам было заявлено, что овладение ими не входит в намерения царя. Русское правительство подчеркнуло, что судьба Константинополя и проливов может быть решена только по общему соглашению держав. Другими словами, Россия обязывалась не решать вопроса единолично и в то же время стремилась застраховать себя от вероятных покушений на проливы со стороны Англии.

Русский канцлер не ограничился вышеприведенными заверениями. Он поручил Шувалову заявить, что Россия готова заключить мир на умеренных условиях; пусть только турки запросят его раньше, чем русские армии перейдут Балканский хребет. Предложения русского правительства представлялись более скромными, чем даже последний вариант требований Константинопольской конференции. Так, например, конференция предполагала, что Болгария будет простираться на юг почти до Адрианополя и за Родопские горы; теперь Россия готова была ограничиться самостоятельностью части Болгарии, расположенной к северу от Балканского хребта, территориальными приращениями для Сербии и Черногории и автономией для Боснии и Герцеговины. Для себя, в случае быстрого заключения мира, Россия готова была удовольствоваться возвращением Юго-Западной Бессарабии и уступкой ей Батума. Австро-Венгрия, если она пожелает, могла бы получить компенсацию в Боснии и Герцеговине. В случае, если бы ход военных событий привел к занятию Константинополя русскими войсками, то его оккупация будет лишь временной. В свою очередь Англия должна обязаться соблюдать нейтралитет и не оккупировать проливов и турецкой столицы [1]. 8 июня 1877 г. Шувалов сообщил эту программу лорду Дерби.

Британское правительство отвергло русские предложения. Оно признало недопустимым хотя бы временное появление русских войск в Константинополе. Сам Биконсфильд был готов тотчас же захватить Дарданеллы и послать флот к Константинополю. Ему только не хватало согласия кабинета. Немалую роль играла и оппозиция либеральной партии, решительно возражавшая против помощи туркам.

Еще 19 мая 1877 г. английское правительство начало переговоры с Австро-Венгрией о союзе против России. Англия готова была послать свой флот в проливы и доставить туда австро-венгерские войска. Австро-Венгрии предлагалось ударить в тыл русской Дунайской армии. Ясно было, что риск

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1877, д. 122, л. 157—159. Письмо Горчакова Шувалову от 30(18) мая 1877 г. *С. Горянинов.* Босфор и Дарданеллы, стр. 316—318; *С. С. Татищев.* Император Александр II, т. II, стр. 382—385.

союзников был бы неравным. Английскому флоту не грозила встреча с русскими военными кораблями по той простой причине, что таковых в Черном море не имелось. Правда, и австрийская армия могла надеяться на сравнительно легкий успех в борьбе против русских войск за Дунаем: они оказались бы в клещах между австрийцами и турками. Но после этого Австрии предстояла бы война со всеми вооруженными силами России. Австрийское правительство правильно оценило положение. Поразмыслив, оно уклонилось от союза и предложило англичанам ограничиться совместной политической линией в вопросах будущего устройства Востока. Об этом и состоялось соглашение — в форме обмена письмами между министрами иностранных дел 26 июля и 14 августа 1877 г. От объявления мобилизации Австро-Венгрия отказалась. Английское же правительство 17 июля предупредило в Петербурге, что в случае занятия Константинополя русскими войсками, хотя бы временно, Россия не может рассчитывать на нейтралитет Англии.

Пока шли все эти переговоры, военные действия развивались своим чередом, сначала весьма медленными темпами. Только 23 июня русские начали переправляться через Дунай. И хотя с момента объявления войны прошло два месяца, турки не подготовили серьезного сопротивления своему противнику при форсировании столь мощной водной преграды. Теперь развитие военных действий ускорилось, и уже 19 июля 1877 г. отряд генерала Гурко овладел Шипкинским перевалом, преодолев рубеж Балканского хребта. Казалось, после этого русские войска двинутся за Балканы, развивая наступление в направлении турецкой столицы. 27 июля в Лондон пришло паническое донесение от посла в Константинополе Лайарда[1]. Посол сообщал, будто русские скоро подойдут к Адрианополю и, вероятно, двинутся на Галлипольский полуостров, командующий над входом в Дарданеллы. Под влиянием этого сообщения Биконсфильд решил предложить султану «пригласить» в проливы британскую эскадру; она стояла наготове в Безикской бухте.

Но паника оказалась напрасной. Лайард даже не успел выполнить данное ему Биконсфильдом поручение. В тот самый день, когда отряд Гурко взял Шипку, из Виддина, с сербского театра военных действий, турецкая армия под командованием Османа-паши вошла в Плевну, что создавало серьезную угрозу правому флангу и коммуникациям русской армии. Весть об этом дошла до Лондона с опозданием, но по ее получении там успокоились. Война явно затягивалась: это и требовалось, с точки зрения английских интересов.

[1] Он сменил на этом посту Эллиота.

Иначе реагировал на события Андраши. В момент, когда положение русской армии стало затруднительным, он ощутил прилив необычайной храбрости. Удовлетворяя требования венгерского дворянства и позабыв обещания соблюдать нейтралитет, он предложил своему правительству двинуть войска в Румынию, чтобы перерезать русские коммуникационные линии. Однако план министра потерпел крушение: ему воспротивились австрийские военные круги. Они были убеждены, что даже и теперь война с Россией не под силу Австро-Венгрии.

Только 10 декабря 1877 г. русские взяли Плевну. Это событие вновь изменило обстановку на театре военных действий и вызвало усиленную деятельность дипломатии. Незадолго до падения Плевны русское правительство сообщило Германии и Австрии свой проект основ будущего мира. В нем предусматривалось: образование болгарского вассального княжества теперь уже в широких границах, намеченных Константинопольской конференцией; автономия Боснии и Герцеговины с передачей их под управление Австрии, если последняя этого пожелает; полная независимость Сербии, Черногории и Румынии; возвращение России Юго-Западной Бессарабии; компенсация Румынии за счет Добруджи; присоединение к России Карса, Батума, Ардагана и Баязета; уплата контрибуции. Наконец, намечалось некоторое изменение режима проливов: «прибрежные государства» Черного моря, т. е. в частности Россия, получали право в случаях, когда в том представится надобность, проводить через проливы военные суда, но только поодиночке и всякий раз по специальному разрешению султана.

Турция не получила действенной поддержки от Англии, подстрекавшей ее к войне. Турция была разбита и грозила уступить русским требованиям, если не последует помощь со стороны Англии. 13 декабря английское правительство выразило «серьезную надежду», что, если русские войска перейдут Балканы, они не займут ни Константинополь, ни Галлиполи. Оно вновь предупредило Россию, что даже временная оккупация Константинополя заставит Англию принять «меры предосторожности». Ответ русского правительства гласил: взятие Константинополя не входит в намерения России и Галлипольский полуостров не будет оккупирован, если ни турки, ни англичане не станут сосредоточивать там свои войска. Россия не может, однако, гарантировать, что ход военных действий не заставит ее временно занять турецкую столицу.

Для Биконсфильда представляло величайший соблазн занятие проливов и Константинополя. Еще в августе 1877 г. премьер писал Лайарду: «Хотел бы видеть наш флот во внутренних водах Турции и переход Галлиполи в наши руки в ка-

честве материальной гарантии» [1]. Он говорил даже о вступлении в войну на стороне Турции, о высадке английских войск в Батуме и в Варне. Однако внутри английского кабинета продолжались споры, следует ли в самом деле принимать такие меры. Кабинет был единодушен только в одном — в готовности бросить в огонь Австро-Венгрию.

24 декабря разбитая Турция обратилась к державам с просьбой о посредничестве. Откликнулось только английское правительство. Оно уведомило об этом обращении Петербург. Ответ Горчакова гласил: если Порта хочет кончить войну, то с просьбой о перемирии она должна обращаться прямо к главнокомандующему русской армией. Дарование перемирия обусловливалось предварительным принятием положений будущего мирного договора. Русское правительство при этом подтверждало свою готовность передать на обсуждение международной конференции те пункты договора, которые затрагивают «общеевропейские интересы».

8 января 1878 г. Порта обратилась к русскому главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу (старшему) с просьбой о перемирии.

Наступление русских войск развивалось успешно. Царское правительство и главнокомандование не особенно торопились с фактическим началом переговоров.

К тому же со стороны правительства Австро-Венгрии поступили возражения по поводу сообщенных ему условий мира, которые Россия предполагала предъявить Турции. Царь и Горчаков были этим взволнованы и напуганы. 17 января Александр II приказал главнокомандующему не предъявлять сразу турецким уполномоченным русских «оснований мира», а затребовать от них их собственные предложения относительно условий прекращения военных действий. «Нам важно выиграть время, — пояснял Горчаков, — чтобы прийти к соглашению с Австрией» [2].

К этому времени турецкое правительство уже получило согласие на присылку своих уполномоченных к главнокомандующему для получения русских условий. Уполномоченные уже выехали из Константинополя и находились в пути на Казанлык, где располагалась в тот момент русская главная квартира. 20 января главнокомандующий принял турецких уполномоченных и спросил, какие условия мира предлагает сама

---

[1] *H. Temperley* and *L. M. Penson.* Foundations of British foreign policy, p. 361. Письмо Биконсфильда Лайарду от 6 августа 1877 г.

[2] «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг.», вып. II, Спб., 1900, стр. 9; *С. С Татищев.* Император Александр II, т. II, стр. 432.

Турция. Оба прибывших паши ему ответили, что никаких инструкций о предъявлении мирных условий победителю они не получили и посланы лишь для того, чтобы выслушать условия, которые им будут сообщены. Главнокомандующий — брат царя — не сумел выйти из затруднения. Он сообщил туркам русские условия мира [1], нарушив, таким образом, отданный ему приказ. На другой день турецкие уполномоченные отклонили большую часть русских требований. Однако им было заявлено, что эти условия не могут быть изменены, и пока Турция их не примет, о перемирии не может быть речи. Турецкие уполномоченные запросили инструкций у султана. Больше недели они не получали никакого ответа. А тем временем русские войска продолжали быстро продвигаться к турецкой столице.

Главнокомандующий 22 января направил царю телеграмму с предложением занять Константинополь и Галлиполи и тем самым преградить английскому флоту доступ в проливы. Однако он получил предписание «ни в каком случае не отступать от сделанного нами Англии заявления, что мы не намерены действовать на Галлиполи». Ему запрещалось вступать в Константинополь, разве что об этом попросят сами жители или представители иностранных держав. «В случае вступления иностранных флотов в Босфор» предлагалось «войти в дружеское соглашение с начальниками эскадр относительно водворения общими силами порядка в городе». Даже «в случае иностранного десанта в Константинополь» предписывалось «избегать всякого столкновения с ним, оставив войска наши под стенами города». Таким образом, главнокомандующему запрещалось вступать в турецкую столицу [2].

Английский кабинет беспрерывно обсуждал положение. Королева Виктория писала премьеру истерические письма, уверяя, что, «будь она мужчиной, она немедленно отправилась бы бить русских» [3]. Султан не решался проявить инициативу и просить о присылке английских кораблей, как это ему все время подсказывал Биконсфильд через Лайарда. Абдул-Гамид ссылался на то, что боится русских, но, очевидно, страх его распространялся на обе стороны, и перспектива оказаться зажатым в своей столице между русской армией и английским флотом представлялась султану отнюдь не заманчивой.

---

[1] «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг.», вып. II, стр. 10; *С. С. Татищев.* Император Александр II, т. II, стр. 432—433.

[2] *С. С. Татищев.* Император Александр II, т. II, стр. 435—436. «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг.», вып. II, стр. 16.

[3] *R. W. Seton-Watson.* Disraeli, Gladstone and the Eastern question, p. 267.

По поручению Биконсфильда из Лондона снова запросили Вену: не склонны ли там объявить мобилизацию? Сам Андраши был готов на этот шаг. Однако по требованию военного командования он вынужден был повторить англичанам отказ, ссылаясь, между прочим, на то, что мобилизация стоит больших денег; только крайняя необходимость может побудить Австро-Венгрию на такое мероприятие.

Под влиянием тревожных сообщений из Константинополя английский кабинет 23 января принял наконец решение об отправке британского флота в проливы. У парламента было испрошено 6 млн. ф. ст. на военную подготовку. Между прочим, кабинет рассчитывал, что такой шаг поощрит двинуться вперед и Австро-Венгрию. В знак протеста против принятого решения два министра, лорды Дерби и Карнарвон [1], подали в отставку. Но вот поступила телеграмма от Лайарда: турки приняли русские условия [2]. Затем — еще телеграмма: султан просил либо отказаться от посылки эскадры, либо публично заявить, что она послана против его, султана, ясно выраженной воли. Тут же отменив свое решение, кабинет послал адмиралу Хорнби новый приказ: немедленно вернуться в Безикскую бухту. После этого и лорд Дерби возвратился на свой пост. Дерби сковывал воинственные аллюры Биконсфильда и поддерживавших его колониальных кругов. Премьер вынужден был считаться со своим министром иностранных дел. В случае его отставки, писал Биконсфильд королеве, консерваторы не смогут удержать за собой промышленные центры [3].

31 января 1878 г. в Адрианополе турки подписали соглашение о перемирии. Оно включало согласие Турции на предложенные ей предварительные условия мирного договора.

Австро-Венгрия потребовала передачи условий будущего русско-турецкого мира на обсуждение международной конференции. Австрийцы мотивировали перед русским правительством свое требование тем, что русские условия мира нарушают, по их мнению, Рейхштадтское и Будапештское соглашения: Болгарское княжество проектировалось столь обширным, что на Балканах в его лице должно было возникнуть большое славянское государство. А между тем в Рейхштадте и Будапеште как раз этого-то и было условлено не допускать. После некоторых колебаний английское правительство присоединилось к требованию Австро-Венгрии о созыве международного конгресса.

---

[1] Статс-секретарь по делам колоний.

[2] *W. F. Monypenny* and *G. Buckle*. The life of Disraeli, vol. VI, p. 230.

[3] *R. W. Seton-Watson*. Disraeli, Gladstone and the Eastern question, p. 301.

Царское правительство не рискнуло пойти на конфликт с двумя великими державами. Русская армия и запасы военного снаряжения пострадали от войны; финансовое положение государства было не из легких. Ввиду этого царское правительство официально подтвердило, что оно готово передать на обсуждение международного конгресса все те условия будущего мирного договора, которые затрагивают «общеевропейские» интересы. Под таковыми в первую очередь разумелся вопрос о проливах.

Шовинистическая агитация приняла в Англии истерический характер. Такую обстановку Биконсфильд использовал для того, чтобы снова отдать приказ адмиралу Хорнби идти в Дарданеллы. 8 февраля кабинет принял соответствующее решение. При этом адмиралу было сообщено, что английский посол должен получить согласие султана на проход судов через проливы. Флот двинулся в Дарданеллы. Войдя в пролив, корабли стали на якорь в ожидании султанского разрешения. Простояв некоторое время и ничего не дождавшись, адмирал Хорнби снялся с якоря и направился обратно в Безикскую бухту. Вскоре выяснилось, что султан не посмел пропустить британский флот к Константинополю из опасения, что в таком случае город займут русские войска.

В Петербурге неразберихи было не меньше, чем в Лондоне. Узнав о движении британского флота, царь 10 февраля хотел было приказать главнокомандующему ввести войска в Константинополь. Горчаков и военный министр Милютин возражали, и царь изменил свое решение: лишь высадка английского десанта должна была явиться сигналом для оккупации турецкой столицы. Но когда советники ушли, Александр II, оставшись один, снова передумал и опять склонился к тому, чтобы занять Константинополь. Кончил же он совершенно неожиданным решением: протелеграфировал главнокомандующему один за другим оба приказа [1].

Между тем странные упражнения британского флота грозили сделать его предметом всеобщего посмешища. На здании английского посольства в Константинополе однажды утром нашли наклеенное кем-то объявление: «Между Безикой и Константинополем утерян флот. Нашедшему будет выдано вознаграждение» [2]. 12 февраля адмирал Хорнби вновь получил приказ двинуться в Мраморное море, хотя бы и без разрешения султана.

Британский флот прошел через Дарданеллы и 15 февраля бросил якорь у Принцевых островов. Флот прошел пролив без

---

[1] *С. С. Татищев.* Император Александр II, т. II, стр. 447—448.
[2] *W. L. Langer,* European Alliances and Alignments, p. 136.

разрешения султана и в явное нарушение международных норм, установленных конвенцией 1871 г. В ответ на приближение британского флота русские войска были придвинуты ближе к турецкой столице, заняв местечко Сан-Стефано в 12 километрах от Константинополя. Это было сделано «с тем, чтобы поставить их относительно Царьграда в те же условия, в которых находилась английская эскадра» [1], которой требовалось около часа, чтобы подойти к столице.

Английское правительство грозило, что вступление русских войск в Константинополь вызовет разрыв дипломатических отношений. Правительство Австрии тоже заявляло, что в случае оккупации Константинополя русскими войсками оно отзовет своего посла из Петербурга. Русское правительство ограничилось распоряжением главнокомандующему в случае вступления английских кораблей из Мраморного моря в Босфор занять пункт на его побережье севернее Константинополя. Впрочем, практически этого выполнять не пришлось.

Сан-Стефанский мир

3 марта 1878 г. в Сан-Стефано был подписан прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией.

В эту пору вследствие болезни престарелого Горчакова в деятельности русской дипломатии начал сказываться недостаток необходимого единства. Один из самых влиятельных послов, Петр Шувалов, проводил в Лондоне примирительную линию. Сходной позиции держался и сам Горчаков; ее поддерживали его ближайшие сотрудники в министерстве — Жомини, Гирс и др. Однако весьма влиятельной фигурой в рядах русских дипломатов оставался бывший посол в Турции граф Игнатьев. Его-то и уполномочил царь вести мирные переговоры с Турцией. Крайний сторонник великодержавной русской политики, Игнатьев властно продиктовал Порте условия мира.

Сан-Стефанский договор расширял территорию Болгарии по сравнению с границами, намеченными Константинопольской конференцией; ей передавалась значительная часть Эгейского побережья. Болгария становилась княжеством в номинальной вассальной зависимости от султана, простиравшимся от Дуная и Черного моря до Эгейского моря на юге и албанских гор на западе. Турецкие войска лишались права оставаться в пределах Болгарии. В течение двух лет ее должна была занимать русская армия. Для покровительниц турок — английской и австро-венгерской дипломатии — такое положение представлялось неприемлемым.

---

[1] Донесение главнокомандующего царю от 26 (14) февраля 1878 г. «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—78 гг.», вып. II, стр. 26.

Британское правительство опасалось, что, включив Болгарию в сферу своего влияния, Россия фактически станет средиземноморской державой. Вдобавок новые границы Болгарии так близко подходили к Константинополю, что проливы и турецкая столица оказывались под постоянной угрозой удара с болгарского плацдарма. Ввиду этого Сан-Стефанский договор встретил со стороны Англии резко отрицательное отношение.

Столь же мало отвечал Сан-Стефанский договор и интересам Австро-Венгрии. В Рейхштадте и в Будапештской конвенции от 15 января 1877 г. было условлено, что не будет допущено создания большого славянского государства на Балканах. Чтобы предупредить образование такого государства, Константинопольская конференция разделила в своем проекте Болгарию на две части по меридиональному направлению; Западная Болгария должна была войти в сферу австрийского влияния. Теперь русские не стали придерживаться этих проектов. Болгария должна была стать единым государством, которое охватывало бы значительную часть Балканского полуострова.

Сан-Стефанский договор предусматривал также полную суверенность Черногории, Сербии и Румынии, предоставление Черногории порта на Адриатике, а румынскому княжеству — Северной Добруджи, возвращение России Юго-Западной Бессарабии, передачу ей Карса, Ардагана, Баязета и Батума, а также некоторые территориальные приобретения для Сербии и Черногории. В Боснии и Герцеговине должны были быть проведены реформы в интересах христианского населения, равно как на Крите, в Эпире и Фессалии. Турция должна была уплатить возмещение в размере 1 миллиарда 410 млн. руб. Однако большая часть этой суммы покрывалась за счет территориальных уступок со стороны Турции. Фактической уплате подлежало 310 млн. рублей. Вопрос о проливах русские в Сан-Стефано не ставили.

Берлинский конгресс 1878 г.

Андраши официально выступил с предложением созвать международный конгресс для обсуждения всех условий мира между Россией и Турцией, а не только статуса проливов, на что еще раньше соглашался Горчаков. Русское правительство соглашалось на обсуждение тех условий, которые имеют «европейский характер».

Уступчивость русской дипломатии объяснялась соотношением сил, которое сложилось с самого начала восточного кризиса. Война с Турцией создавала для России риск столкновения с Англией и Австрией. Царское правительство боялось идти на такой конфликт, особенно ввиду позиции, занятой Германией. Еще 19 февраля 1878 г. Бисмарк произнес знаменитую речь, в которой заявил, что в восточном вопросе он не

более как «честный маклер»: его задача — поскорее привести дело к концу. Таким образом, Германия публично устранилась от активной поддержки русского правительства. Все же царская дипломатия еще раз попыталась заручиться такой поддержкой. Она помнила, как тот же Бисмарк усиленно подстрекал русское правительство начать войну против Турции. Но оказалось, что канцлер успел превратиться в миротворца. Теперь он «советовал» России в интересах мира согласиться на созыв конгресса. Очевидно, Бисмарк рассчитывал, что германская дипломатия сумеет кое-что заработать в этом международном ареопаге: продемонстрировать изоляцию России, дать ей почувствовать свою слабость, углубить англо-русские противоречия. Русскому правительству не оставалось ничего другого, как примириться с необходимостью отдать условия мира на суд и решение международного конгресса. Главнокомандующие обеими армиями (Балканской и Кавказской) великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, военный министр Милютин, министр финансов Рейтерн, равно как и Горчаков, — все считали дальнейшую войну крайне нежелательной. В конце марта Игнатьев был послан в Вену с целью договориться с австро-венгерским правительством. Если бы это удалось, Англия оказалась бы изолированной на конгрессе. Однако аппетиты австро-венгерского правительства теперь простирались гораздо дальше рамок, установленных Будапештской конвенцией. Оно претендовало уже не только на захват Боснии и Герцеговины, но и желало получить в той или иной форме политический и экономический контроль над всей западной частью Балканского полуострова. С этой целью оно старалось отодвинуть границы Болгарии возможно дальше на восток. Стремясь обеспечить себе свободный путь на Салоники, к побережью Эгейского моря, австро-венгерское правительство не допускало также и присоединения Ново-Базарского санджака к Сербии и Черногории и его раздела между ними. Соглашение на основе передачи западной части Балкан под влияние Австро-Венгрии русскому правительству представлялось неприемлемым. Игнатьев уехал, не достигнув договоренности.

Биконсфильд после всех колебаний в эту решающую минуту понял свою тактическую задачу. Необходимо было внушить русскому правительству убеждение, что Англия в самом деле готова воевать, в случае если Россия не уступит. Поэтому Биконсфильд продолжал демонстративные военные приготовления. В знак протеста против этих мероприятий лорд Дерби вторично, и на этот раз окончательно, ушел в отставку. Для русского правительства уход лорда Дерби с поста министра был большой потерей. Этот член кабинета более

всего сдерживал враждебные настроения Биконсфильда. Кое-что значила для России и леди Дерби. Как известно, супруга министра с самого возникновения кризиса информировала русского посла о том, что происходило в английском кабинете — в той мере, в какой это могло служить целям политики ее мужа [1].

Переписка Александра II с главнокомандующим свидетельствует о том, что весной 1878 г. в Петербурге были напуганы и всерьез принимали опасность войны. 18 марта царь писал своему брату: «Англия ищет только предлога, чтобы объявить нам войну», — хотя на деле в Лондоне отнюдь не были к этому готовы.

Преемником лорда Дерби стал лорд Солсбери. То был человек крупных дипломатических дарований. Он не разделял многих замыслов Биконсфильда и сомневался в правильности его политики. Однажды Солсбери высказал мнение, что, поддерживая Турцию, Англия «ставит не на ту лошадь». Солсбери давно был сторонником соглашения с Россией, но в отличие от Дерби он полагал, что предварительно ее следует хорошенько запугать, дабы сделать более сговорчивой. На это и были рассчитаны первые его выступления, которые побудили Шувалова запросить нового министра, каких же, в сущности, изменений Сан-Стефанского договора добивается английское правительство? Результатом этого запроса явились переговоры, которые 30 мая 1878 г. закончились подписанием англо-русского соглашения. По этому соглашению Болгария отодвигалась от Константинополя за оборонительную линию Балканского хребта. Англия обязывалась не возражать против передачи России Батума и Карса и против возвращения ей Бессарабии. От захвата Баязета Россия отказывалась.

Английский кабинет компенсировал себя, захватив Кипр. Биконсфильд еще в 1877 г. думал о приобретении военно-морской базы в восточной части Средиземного моря. Теперь его кабинет согласился на это, и султану был предъявлен проект англо-турецкого договора. «В случае, если Батум, Ардаган, Карс или одно из этих мест будут удержаны Россией», — гласил этот документ, Англия обязывается «силой оружия» помочь султану защищать азиатские владения Турции против всякого нового посягательства России. Дальнейший текст договора свидетельствовал, что английская «помощь» предлагалась Турции далеко не бескорыстно. «Дабы предоставить Англии возможность обеспечить условия, необходимые для выполнения ее обязательств, — читаем мы в до-

[1] *R. W. Seton-Watson.* Disraeli, Gladstone and the Eastern question, p. 250.

говоре, — его императорское величество султан соглашается предоставить ей оккупацию и управление островом Кипром». В случае, если Россия возвратит Турции Карс и другие свои приобретения в Армении, Кипр будет эвакуирован Англией, и весь договор потеряет силу. Эта оговорка (сделанная в приложении к договору) была чистейшим лицемерием: ведь по англо-русскому соглашению от 30 мая Англия уже дала согласие оставить Карс за Россией. Что же могло побудить царскую Россию его возвратить? Наконец, султан обещал ввести реформы, улучшающие положение его христианских подданных в азиатских владениях Турции[1]. Такое обязательство султана перед Англией позволяло ей вмешиваться во внутренние дела Турции. Захват Кипра являлся существенным элементом английской экспансии в Азии, которая составляла главную задачу консервативного правительства.

Для ответа султану был дан 48-часовой срок; иначе говоря, ему был предъявлен Англией ультиматум. 4 июня Кипрская конвенция была подписана. И все же султан отказался издать фирман, оповещающий об уступке Кипра. Биконсфильд не смутился такой «мелочью»; англичане оккупировали остров без всякого фирмана. Султану ничего не оставалось, как задним числом сообщить своим подданным о «добровольной передаче острова».

6 июня между Англией и Австрией было подписано соглашение о проведении согласованной политической линии на предстоящем конгрессе. Правительство Австро-Венгрии согласилось с английской точкой зрения по вопросу о Болгарии. Оба правительства условились не допускать расширения болгарской территории южнее Балканского хребта и ограничить срок русской оккупации Болгарии шестью месяцами. Англия в свою очередь обязывалась поддержать притязания Австро-Венгрии на Боснию.

Конгресс открылся 13 июня 1878 г. в Берлине. Участвовали в нем только шесть великих держав и Турция. Представители Балканских государств были допущены в Берлин, но они не являлись участниками конгресса. Делегации великих держав возглавлялись министрами иностранных дел или же премьерами — Бисмарком, Горчаковым, Биконсфильдом, Андраши, Ваддингтоном и Корти[2]. Каждая делегация состояла из нескольких человек. Из так называемых вторых делегатов большую роль играли Солсбери и Шувалов. Председательствовал Бисмарк, как хозяин. Был установлен следующий метод

[1] *G. Noradounghian*, Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman (1856—1878), vol. III, Paris, 1902, p. 522—523. *Г. Н. Реутов.* Из истории захвата Кипра Англией. «Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 136—151.

[2] Двое последних являлись делегатами от Франции и Италии.

работы. Председатель предлагал повестку заседания и излагал очередной вопрос; затем открывались дебаты. Если обнаруживались серьезные разногласия, председатель резюмировал прения, закрывал заседание и переносил разрешение спорного вопроса на обсуждение заинтересованных делегаций в порядке частных переговоров. Когда стороны приходили к соглашению, на одном из следующих заседаний вопрос ставился вновь для официальной формулировки постановлений конгресса. Они являлись обязательными для всех участников только в случае общего согласия, иначе говоря, единогласного их принятия — как это обычно бывает при установлении международных норм. На Берлинском конгрессе впервые было произведено отступление от монополии французского языка в дипломатической практике: по причине весьма ограниченных познаний во французском Биконсфильд выступал по-английски.

К представителям Балканских государств и Турции председательствующий Бисмарк относился с нескрываемым презрением. Турецким делегатам он грубо заявил, что судьбы Турции ему достаточно безразличны. Если же он и тратит свое время на конгрессе в летнюю жару, то делает это только ради предотвращения конфликтов между великими державами. Он сокрушался, сколько энергии уходит на обсуждение судьбы таких «вонючих гнезд», как Ларисса, Трикала или другие балканские города.

Положение русской дипломатии на конгрессе было трудным: Англия и Австро-Венгрия были открытыми противниками, Бисмарк вел себя двулично, разыгрывая «честного маклера». Во Франции Деказ в конце 1877 г. уступил место Ваддингтону, представителю правого крыла республиканцев. Он сменил русскую ориентацию французской политики на английскую и германскую и поддерживал на конгрессе Англию. Он надеялся на подачки со стороны последней на колониальном поприще и на сотрудничество в предстоявшем урегулировании турецких долговых обязательств.

Основные контуры решений конгресса были намечены уже в англо-русском соглашении от 30 мая. Но там границы Болгарии были определены лишь в общих чертах. Между тем их детали в связи со стратегическим значением балканских перевалов имели весьма серьезное значение. Поэтому вокруг этих проблем шли оживленные дебаты. Споры вызвал также вопрос об объеме прав султана в южной части Болгарии, расположенной к югу от Балканского хребта: здесь решено было образовать автономную провинцию Османской империи под наименованием Восточная Румелия. Выход к Эгейскому морю она не получила.

Вскоре же после открытия конгресса в английской печати появилось разоблачение англо-русского соглашения от 30 мая. Это вызвало сенсацию. Раскрытие перед общественностью предварительной сделки с Россией побудило Дизраэли занять на конгрессе самую непримиримую позицию: в Англии его упрекали в излишней «уступчивости», тем более, что Кипрская конвенция, которой он с лихвой себя вознаградил, все еще оставалась тайной для публики. 20 июня из-за разногласий по поводу статуса Восточной Румелии и судеб Варны и Софийского санджака Дизраэли даже заказал себе экстренный поезд, угрожая покинуть конгресс. В конце концов при посредничестве Бисмарка спорные вопросы были улажены: англичане согласились на передачу Варны и Софийского санджака Болгарии; русские в свою очередь уступили, дав согласие на предоставление султану права держать свои войска в Восточной Румелии. Срок русской оккупации Болгарии был установлен в 9 месяцев, но за Россией осталась миссия организовать правительственную власть в Болгарском княжестве — правда, при участии консулов других великих держав.

Вопрос об оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией прошел на конгрессе более или менее гладко. Англия и Германия поддерживали Австрию, а Россия не могла отступить от обязательств, принятых еще по Будапештской конвенции 1877 г. Турция возражала, но ее голос не был принят во внимание. Очень раздражена была Италия, желавшая получить себе «компенсации» за усиление Австро-Венгрии. «На каком основании итальянцы требуют себе приращения территории? Разве они опять проиграли сражение?» — иронически заметил один русский дипломат: он намекал на территориальные приобретения Италии, полученные после войны 1866 г., невзирая на сокрушительное поражение при Кустоцце. Немцы и австрийцы предлагали Италии взять Тунис; впрочем, одновременно Бисмарк предлагал его также и французам...

Русские территориальные приобретения в Азии опять едва не привели к кризису конгресса. Солсбери и Биконсфильд утверждали, будто по соглашению от 30 мая они не давали России своей санкции на присоединение Батума, а согласились лишь на его оккупацию. В обмен за уступку в этом вопросе они требовали согласия России на английское толкование статуса проливов, стараясь добиться для английского флота доступа в Черное море. Солсбери объявил, что принцип закрытия проливов, установленный конвенциями 1841, 1856 и 1871 гг., носит характер обязательства держав перед султаном. Следовательно, это обязательство отпадает, в случае если сам султан пригласит в проливы тот или иной флот. Со стороны русской делегации такое толкование встре-

тило решительный отпор. Шувалов выступил с декларацией, в которой заявил, что обязательство о закрытии проливов державы приняли не только перед султаном, но и друг перед другом. Кончилась эта полемика тем, что Батум был все же отдан России при условии, впрочем, объявления его свободным портом. Россия получила также Карс и Ардаган. Баязет оставили за Турцией. Наконец, конгресс оставил в силе постановление Сан-Стефанского договора о Бессарабии, Добрудже, о независимости Черногории, Сербии и Румынии. Было постановлено, что Парижский трактат и Лондонский договор 1871 г. «сохраняют свою силу во всех тех постановлениях, которые не отменены или не изменены» теми или иными статьями Берлинского трактата. Это означало сохранение установленного режима проливов. Оба односторонних заявления, сделанных по этому поводу, — русское и английское — констатировали, однако, разногласия в толковании существующих договоров.

13 июля конгресс закончил свою работу подписанием Берлинского трактата, изменившего Сан-Стефанский договор. Россия была лишена значительной части плодов своей победы. Но и национальные интересы балканских народов грубо попирались в угоду политическим и стратегическим соображениям Англии и Австро-Венгрии. Болгарский народ конгресс лишил единства, которое обеспечивал ему Сан-Стефанский договор. Для Боснии и Герцеговины турецкое владычество конгресс заменил австро-венгерским. Против новых хозяев вспыхнуло восстание, которое было жестоко подавлено. «Защитники» Турции — Англия и Австрия — без выстрела захватили: первая — Кипр, вторая — Боснию и Герцеговину. Таким образом, существо Берлинского трактата сводилось к частичному разделу Турции. «Грабят Турцию» [1], — так характеризовал В. И. Ленин Берлинский конгресс.

Совсем иначе оценивал Ленин русско-турецкую войну. С точки зрения общего хода исторического процесса и судеб балканских народов она носила объективно прогрессивный характер. «Основным объективным содержанием исторических явлений» во время русско-турецкой войны являлись, как указывал Ленин, «буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества» [2]. Война способствовала национальному освобождению балканских народов. Она воссоздала национальное болгарское государство. Одним из ее последствий была ликвидация турецкого феодализма в Болгарии.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 672.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 26, стр. 144.

Во время войны Маркс опасался, как бы она не укрепила царизм и не задержала назревание революции в России. И действительно, именно к этому стремилось царское самодержавие. Но его реакционные цели не осуществились. По своим фактическим результатам русско-турецкая война далеко не отвечала тому, к чему стремилось объявившее ее царское правительство. Она не укрепила, а ослабила влияние царизма на международной арене, а тем более его положение внутри России.

Реакционные правящие круги царской России сознавали это. Они испытывали немалое неудовольствие и смущение по поводу того, что обстановка подсказывала им такого союзника, как национальное движение балканских народов. В следующем десятилетии Александр III заявил однажды: «В 1876 и 1877 годах наше несчастье заключалось в том, что мы шли с народами, вместо того, чтобы идти с правительствами. Российский император всегда должен идти только с правительствами». Это изречение, конечно, не дает действительной картины того, что происходило в те годы, но оно верно рисует настроение царя.

Действительные объективные результаты русско-турецкой войны отвечали не замыслам царизма, а чаяниям прогрессивных сил русского народа. Ход истории привел к тому, что русский солдат кровью своей помог освобождению болгарского народа и других угнетенных народов Балкан, где и поныне с благодарностью помнят о его великом подвиге. «Свое национальное освобождение Болгария получила из рук русского народа. Этот факт укрепил в среде болгарского народа глубокие традиции признательности и любви к русскому народу» [1]. Так оценивал освобождение Болгарии Г. М. Димитров. Та часть армянского народа, которую русские войска избавили от турецкого владычества, благодаря этому была спасена от массового физического истребления, постигшего в последующем армян, оставшихся в пределах Турции.

---

[1] *Г. М. Димитров.* В чем спасение Болгарии. М., Госполитиздат, 1944, стр. 10.

ГЛАВА ПЯТАЯ

АВСТРО-ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ДОГОВОРА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ

Предпосылки австро-германского союза

Русско-турецкая война и Берлинский конгресс привели к фактическому распаду «союза трех императоров». Обострение противоречий между Россией и Австро-Венгрией пересилило «монархическую солидарность» между Габсбургами и Романовыми. При этом выяснилось, что в конфликте между ними Германская империя, если дойдет до серьезной драки, будет на стороне Габсбургов. После того как объединение Германии произошло по прусскому «малогерманскому» пути, сохранение Австро-Венгрии стало для господствующих классов Германской империи политической необходимостью. Военный разгром или внутреннее разложение «лоскутной» австро-венгерской монархии, в которой обе господствующие нации составляли меньшинство населения, привело бы или к расширению России или же к созданию национальных славянских государств. В отношении последних основательно или нет, но существовала почти общая уверенность, что эти молодые государства в страхе перед Германией, ее политической и экономической экспансией будут ориентироваться на Россию и Францию. Правители Германской империи предпочитали сохранить в дунайском бассейне Австро-Венгрию и при этом добиться, чтобы это непрочное и архаическое государственное образование политически ориентировалось на Германию. Россия даже и без славянских союзников была сильнее Австро-Венгрии, а значит, и опаснее для Германии. Это побуждало германское правительство к поддержке Австро-Венгрии и стремлению ослабить Россию.

С другой стороны, быстрый рост могущества Германской империи, обусловленный бурным развитием капитализма, делал эту державу весьма опасной для других государств Европы и порождал у них стремление не допускать дальнейшей передвижки в соотношении сил в ее пользу.

Между тем характер франко-германских отношений, как они сложились после Франкфуртского мира, делал вполне воз-

можным новый конфликт между обеими соседками. Если бы такой конфликт остался локализированным, то новое поражение Франции и еще большее усиление Германии стали бы неизбежными. А вторичный разгром Франции привел бы к установлению гегемонии Германской империи на всем континенте Западной Европы.

Такое положение всегда рассматривалось как нетерпимое не только для Франции, но и для других великих держав, в том числе для России и Англии, которые наряду с Германией являлись среди них сильнейшими. Впрочем, нисколько не улыбалась подобная перспектива и Австро-Венгрии, как показала ее позиция во время франко-германских осложнений 1874 г. Таким образом, объективная обстановка создавала определенную почву для англо-франко-русско-австрийской коалиции против Германской империи.

Однако между возможными участниками этой потенциальной коалиции имелись глубокие противоречия. Их обострение и умелое использование давали германской дипломатии лучший шанс на избавление от «кошмара коалиций». Германская дипломатия немало потрудилась над использованием англо-русских противоречий. Но особенно богатые возможности сулили ей противоречия между Россией и Австро-Венгрией — при условии, что в габсбургской монархии у власти окажутся те группировки господствующих классов, которые главных своих врагов видели в славянских народах и в России. Использование австро-русских противоречий и заключение союза с Австро-Венгрией диктовались для Германской империи весьма серьезными интересами ее юнкерско-буржуазной верхушки: они способствовали бы укреплению международных позиций Германии.

В 1871 г., после окончания войны, германский генеральный штаб впервые составил план сосредоточения и развертывания вооруженных сил, исходя из возможности войны сразу на двух фронтах — не только против Франции, но и против России[1]. В то же время во всех предположениях генштаба не исключалась и война против Австро-Венгрии. Представлялось весьма желательным застраховать себя на будущее от враждебности с ее стороны и исключить возможность сближения Австро-Венгрии с Россией и Францией — наподобие «коалиции Кауница», противостоявшей Фридриху II в Семилетней войне.

Ухудшение русско-германских отношений

Поведение германского правительства в дни восточного кризиса, наглядно подтвердившее, что в случае австро-русской войны Германия поддержит Австро-Венгрию, имела следствием ухудшение русско-германских отноше-

[1] *H. Moltke.* Die deutschen Aufmarschpläne 1871—1890. Berlin, 1929, S. 4—14, 65—67, 77—82.

ний. После Берлинского конгресса славянофильская печать подняла шумную кампанию. Славянофильские публицисты во главе с И. Аксаковым обвиняли русскую дипломатию в том, что она якобы по малодушию растеряла все успехи, добытые русской кровью. Еще более страстно выступала славянофильская пресса против Бисмарка. Она негодовала, что он предал Россию, упрекала его в черной неблагодарности за забвение помощи, которую Россия оказала Пруссии во время франко-прусской войны. Этот мотив был в дальнейшем подхвачен правительственными кругами. Стараясь оправдаться перед дворянско-буржуазным общественным мнением, царское правительство не препятствовало разоблачению двусмысленной политики германского канцлера.

Бисмарк не остался в долгу. Со своей стороны, через рептильную прессу он пустил в широкое обращение версию о «неблагодарности» России. Этот мотив настойчиво развивался и в дипломатической корреспонденции германского канцлера. Он утверждал, будто на Берлинском конгрессе сделал для России больше, чем все ее дипломаты, вместе взятые.

Несмотря на провокационный характер и двуличие германской политики, после окончания конгресса ни царь Александр II, ни Горчаков, подавив обиду, первоначально не заняли позиции, враждебной Германии и ее канцлеру. Напротив, русская дипломатия всемерно искала поддержки со стороны германских делегатов в созданных Берлинским конгрессом комиссиях, занятых уточнением новых границ на Балканах и реализацией других постановлений конгресса.

Первый враждебный шаг был предпринят Бисмарком. В октябре 1878 г. германским делегатам в этих комиссиях было предписано усвоить линию поведения, для России весьма неблагоприятную. После всех дипломатических неудач, в обстановке чрезвычайного политического напряжения внутри страны, царское правительство крайне болезненно восприняло такой поворот германской политики.

Еще более важным источником охлаждения русско-германских отношений явились экономические противоречия.

Германия была одним из важнейших рынков для русского сырья. В 1879 г. она поглощала 30% экспорта России. В качестве потребителя русских товаров она стояла на втором месте, непосредственно за Англией. Между тем мировой аграрный кризис, начавшийся в 70-х годах, чрезвычайно обострил борьбу за рынки продовольственных и сырьевых товаров. Прусское юнкерство настойчиво требовало ограждения отечественного рынка от иностранной конкуренции. В угоду юнкерам в январе 1879 г. под видом карантинных мероприятий Бисмарк установил почти полный запрет ввоза русского скота. Внешним

поводом для этого явились эпизоотии, вспыхнувшие в некоторых местностях России. Это мероприятие жестоко ударило по карману русских помещиков и еще более усилило антигерманскую кампанию в русской прессе. Германский посол в Петербурге генерал Швейниц писал, что «мероприятия против ветлянской чумы вызвали (в России) больше ненависти, нежели все остальное», включая Берлинский конгресс. Эти мероприятия, отмечал Швейниц, «образуют прямо-таки поворотный пункт в отношении русских к немцам» [1].

После проведения карантинных мер, именно 31 января 1879 г., уже не только оппозиционная славянофильская печать, но и связанная с Горчаковым петербургская газета «Голос» открыла кампанию против Бисмарка. Германский канцлер не уклонился от боя. Так началась нашумевшая на всю Европу «газетная война» двух канцлеров.

За стеснением ввоза скота в том же 1879 г. в Германии последовало введение пошлин на импортный хлеб. Хлебные пошлины ударили по русскому сельскому хозяйству еще больнее, чем «ветеринарные» мероприятия. Они грозили серьезно подорвать русскую денежную систему.

Русско-германские экономические противоречия не исчерпывались конкуренцией русского и прусского сырья и хлеба на германском рынке. Не менее, а пожалуй, даже еще более острая борьба развертывалась между русским и германским капитализмом за внутренний рынок России. Экономической основой этой борьбы являлся рост русской промышленности, с одной стороны, и германской экономической экспансии — с другой. Русский капитал хотел освободиться от иностранной конкуренции на отечественном рынке. Германские «претензии» клонятся «к тому, чтобы поставить Россию... в те отношения к Германии, в каких... Турция и Египет находятся по отношению к Англии и Франции... обратить Россию в рынок преимущественно германских произведений в подрыв русской промышленности» [2]. Так писал Катков, идеолог русского протекционистски настроенного капитала.

До второй половины 70-х годов германские промышленные изделия находили в России довольно беспрепятственный сбыт. С 1876 г. русское правительство начинает поднимать ввозные пошлины. В связи с восточным кризисом, расходами на подготовку к войне и падением курса русских ценных бумаг, 10 ноября 1876 г. царское правительство издало постановление о взимании таможенных пошлин в золоте, что, учитывая курс бумажного рубля, было равносильно общему повышению пошлин на 48%.

[1] *H. L. Schweinitz.* Denkwürdigkeiten. Bd II, S. 40.

[2] *М. Н. Катков.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1879 г. М., 1898, стр. 125.

Царское правительство все более отходило от сравнительно либеральной таможенной политики 60-х годов. «Со второй половины 70-х годов в России происходит резкий поворот от умеренной покровительственной системы к интенсивному и с каждым годом возрастающему протекционизму» [1]. Повышения пошлин домогались промышленники; правительство уступало им тем охотнее, что рассчитывало извлечь кое-что от увеличения таможенных доходов для оскудевшей казны.

Германская буржуазия, сама требовавшая от своего правительства высоких пошлин, тем не менее сочла себя жестоко задетой русским протекционизмом. Враждебное отношение германской буржуазной общественности к России во время русско-турецкой войны объяснялось главным образом стеснениями для германского экспорта в Россию. В дни восточного кризиса осенью 1876 г. русский посол в Берлине советовал предоставить германским капиталистам «кое-какие торговые облегчения на наших границах». «Если что-нибудь может быть сделано в этом смысле, — продолжал Убри, — то будет оказано превосходное воздействие на общественное мнение Германии, которое постоянно жалуется на стеснения, которые испытывает торговля на наших границах». Посол указывал, что «наши враги» используют стеснения германского экспорта в Россию, чтобы влиять на германское правительство во враждебном России смысле [2]. Влияние части бюрократических кругов, связанных с железнодорожным грюндерством, с финансировавшими его банками, главным образом петербургскими, не приостановило развития протекционизма. Недостаточно влиятельными оказались и интересы владельцев металлургических предприятий Петербурга и Прибалтики, работавших на импортном угле и занятых переработкой заграничного металла. Повышения пошлин настоятельно требовали другие группировки русских капиталистов: московские и иваново-вознесенские текстильщики, тяжелая промышленность Юга и Урала. И именно эти круги брали верх. «Конец семидесятых и восьмидесятые годы характеризуются удовлетворением большей части ходатайств промышленников относительно повышения таможенных пошлин» [3] со стороны правительства. В Германии под влиянием кризиса 1873 г. и роста монополий наблюдается сходное явление. Но повышение германских пошлин на промышленные изделия отражалось больше на англо-германских отношениях, чем на

[1] *М. Н. Соболев.* История русско-германского торгового договора. Пг., 1915, стр. 12.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1876, д. № 20, л. 335. Весьма секретное и личное письмо Убри Горчакову от 17(5) ноября 1876 г.

[3] *М. Н. Соболев.* История русско-германского торгового договора, стр. 19.

отношениях Германии с Россией. Экспорт фабрикатов из России в Германию был ничтожен, и на отношения с Россией влиял преимущественно немецкий аграрный протекционизм. Итак, русско-германские отношения резко ухудшились под влиянием борьбы русских и прусских аграриев за германский рынок и борьбы германской и русской промышленности за русский рынок. Ухудшение отношений между господствующими классами Германии и России явилось той почвой, которая облегчила германской дипломатии создание новой дипломатической комбинации огромной важности.

Нельзя полностью сбрасывать со счетов и позицию католической партии так называемого Центра. Внешней политике Бисмарка, представлявшей интересы прусского юнкерства и крупного германского капитала, Центр противопоставлял политику южно- и западногерманских клерикалов, искавших опоры в католической Австро-Венгрии, и некоторых южногерманских буржуазных кругов, заинтересованных в торговле с Австро-Венгрией и Балканами. В начале ноября 1876 г. лидер центра Виндгорст четко противопоставил эту политику бисмарковской. Он ополчился против заявления канцлера, что Восток слишком далек от Германии, чтобы там могли пострадать германские интересы. Это верно, говорил лидер Центра, если смотреть на Восток с берегов Шпрее (т. е. из Берлина). Иначе обстоит дело, если взглянуть на него с Дуная (т. е. из Южной Германии). Виндгорст призывал к экспансии на Ближнем Востоке: «Германская и австрийская цивилизации должны быть распространены на Восток». Клерикалы и их партия требовали политики, открыто враждебной России.

Австро-германский союз (7 октября 1879 г.)

Руководитель германской политики на этот раз отнюдь не сожалел, что отношения с Россией ухудшились. На данном этапе это благоприятствовало его целям, так как позволяло закрепить давно задуманное им тесное сближение с Австро-Венгрией. Существенную трудность создавало для Бисмарка упорное сопротивление престарелого императора Вильгельма, который не желал заключать союз против русского царя. Чтобы преодолеть это препятствие, канцлер старался убедить своего кайзера во враждебности России. В записках, представленных монарху, Бисмарк пытался доказать, будто Россия после Берлинского конгресса заняла в отношении Германии угрожающую позицию. Бисмарк использовал при этом личное письмо, которое Александр II написал Вильгельму 15 августа 1879 г. В этом послании царь жаловался на поведение Германии в вопросах, связанных с реализацией Берлинского трактата. Царь обвинял германского канцлера в том, что тот предпринимает недружественные действия из ненависти к

Горчакову. Заканчивалось письмо предупреждением, что «последствия этого могут стать гибельными для обеих наших стран» [1].

Для Бисмарка письмо Александра II явилось истинной находкой. Старый кайзер был обижен упреками царя. Но даже и эта обида не заставила Вильгельма изменить отрицательное отношение к австро-германскому союзу. Германский император решил сделать попытку объясниться с царем. Для этого он послал к нему своего адъютанта фельдмаршала Мантейфеля.

Александру II удалось успокоить посланца германского кайзера. Царь выразил желание лично поговорить с Вильгельмом. Тот согласился на эту встречу, невзирая на возражения Бисмарка. Свидание состоялось 3—4 сентября в Александрове, на русской территории, близ границы. К большому неудовольствию канцлера Вильгельм вернулся в Берлин совершенно примиренный со своим племянником. Он и слушать больше не хотел о союзе с Австрией.

Не смущаясь несогласием монарха, Бисмарк продолжал переговоры с Андраши. 21 сентября канцлер приехал в Вену. Там он условился с австро-венгерским министром о тексте союзного договора. Переговоры не обошлись без серьезных трудностей. Первоначально Бисмарк добивался от Австро-Венгрии такого соглашения, которое было бы направлено не только против России, но и против Франции. Однако Андраши наотрез отказался от этого. Андраши рассказывает, что после долгой и жаркой дискуссии канцлер поднялся со своего кресла, подошел к австро-венгерскому министру и, глядя ему в упор в глаза, начал угрожающим тоном: «Все, что я могу сказать вам, — это подумайте хорошенько о том, что вы делаете. В последний раз я вам советую оставить ваши возражения». Затем, еще более повысив голос, он продолжал: «Примите мое предложение, иначе... иначе я приму ваше». «Но, — добавил канцлер уже со смехом, намекая на старого кайзера, — это доставит мне уйму неприятностей» [2]. Таким образом, Бисмарк уступил.

Австро-германский союзный договор был принят в основном в формулировке Андраши. Первая статья договора гласила: «В случае, если бы одна из двух империй, вопреки надеждам и искреннему желанию обеих высоких договаривающихся сторон, подверглась нападению со стороны России, обе высокие договаривающиеся стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всею совокупностью вооруженных сил своих

---

[1] *С. С. Татищев.* Император Александр II, т. II, стр. 666. Приложения.

[2] *E. Wertheimer.* Graf Julius Andrássy, sein Leben und seine Zeit, Bd III. Stuttgart, 1913, S. 284.

империй и соответственно с этим не заключать мира иначе, как только сообща и по обоюдному согласию». В случае нападения не России, а какой-либо другой державы обе стороны обещали друг другу лишь благожелательный нейтралитет, если только к агрессору не присоединится Россия. В последнем случае немедленно вступала в силу статья первая, и каждая из договаривающихся держав обязывалась вступить в войну на стороне своей союзницы. Договор должен был остаться секретным; одним из мотивов этого было то, что Андраши опасался серьезной оппозиции в австрийском парламенте.

Договор, специально заостренный против России, был явно неприемлем для Вильгельма. Чтобы сломить сопротивление кайзера, Бисмарк по возвращении из Вены, 26 сентября, созвал прусский совет министров и получил от своих коллег согласие на коллективную отставку, в случае если союз с Австрией не будет заключен. В конце концов император уступил: 7 октября договор был подписан в Вене графом Андраши и германским послом князем Рейсом.

После того как договор был подписан, Бисмарк составил проект письма кайзера к царю; он считал необходимым как-то объяснить Александру II свою поездку в Вену. Письмо представляло образец дипломатической мистификации, имевшей целью замаскировать истинную цель и содержание австро-германского союза. Царю сообщали, что свидание Бисмарка с Андраши было вызвано желанием последнего объяснить причины своей предстоящей отставки. При этом якобы было заключено соглашение об обоюдной солидарности Германии и Австрии в деле поддержания мира; содержание этого мнимого соглашения, состоявшее из общих фраз, сообщалось Александру в специальном меморандуме. В довершение всего русское правительство приглашалось «присоединиться» к этому мифическому договору!

Старик-император собственноручно переписал предложенный ему текст и послал его царю, скрепив документ своей подписью [1].

После поездки в Вену канцлеру пришлось встретиться на курорте Гаштейн с русским послом в Париже Орловым. Тот, смеясь, спросил Бисмарка, не затем ли он ездил в Вену, чтобы заключить союз против России. Канцлер, не моргнув глазом, ответил, что, напротив, он ездил для того, чтобы предостеречь Австрию от всяких враждебных России намерений [2].

Австро-германский союзный договор по форме имел как бы оборонительный характер. Он предусматривал обоюдную

[1] См. *С. С. Татищев.* Император Александр II, т. II, стр. 696—697.

[2] См. «Русско-германские отношения. 1873—1914». «Красный архив», т. I, М., 1922, стр. 89.

военную помощь в случае нападения России на одного из союзников.

Но кому же при возникновении того или иного конфликта принадлежало решение вопроса, кто на кого напал в каждом данном случае? Фактически, поскольку война скорее всего могла возникнуть вследствие каких-либо австро-русских столкновений из-за Балканского полуострова, решение вопроса о том, кто является нападающей стороной, на деле оказывалось за германским правительством. Иначе говоря, оно могло само решать вопрос о наступлении casus foederis, а практически о том, начинать войну против России или нет. Решение было бы, конечно, принято в зависимости от соотношения сил и собственных интересов. Практически германское правительство имело полную возможность по своему произволу придать договору агрессивный характер. Германия могла напасть на Францию, и, если бы Россия вступилась за последнюю, Германии была бы обеспечена поддержка Австро-Венгрии. Новый союз косвенно был, таким образом, направлен и против Франции. Австро-германский договор вскоре стал становым хребтом возглавляемого Германией агрессивного милитаристского блока. Австро-германский союз оказался источником неисчислимых международных осложнений и послужил впоследствии одним из главных дипломатических орудий развязывания первой мировой империалистической войны в 1914 г.

Заключение австро-германского союза положило начало оформлению тех военных коалиций, которые в дальнейшем столкнулись в первой мировой войне. Почин в создании военных блоков принадлежал господствующим классам Германской империи и их дипломатии. Германия в конечном счете дорого заплатила за заключение союза с Австро-Венгрией, хотя расплата наступила и не сразу — только в начале 90-х годов. Договор против России в конце концов привел к провалу всей политики Бисмарка, главной целью которой была изоляция Франции. Последствием австро-германского союза — якобы о мире, а на деле о войне в Европе — явился союз между Россией и Францией.

Международное положение и внешняя политика России после Берлинского конгресса

Заключая союз с Австро-Венгрией, Бисмарк не закрывал глаза на таившиеся в нем опасности. Однако он был уверен, что этот враждебный России акт сойдет ему с рук. В силу финансового истощения и тревожного внутреннего положения страны царское правительство и думать не могло о возобновлении в ближайшие годы наступательной политики — за исключением разве только Средней Азии. Потребность в передышке вызывалась еще и тем, что новая война помешала бы завершить

преобразование русской армии, задуманное военным министром Д. А. Милютиным.

Между тем международное положение России было чревато опасностями. Восточный кризис и Берлинский конгресс усилили напряженность русско-английских отношений. Налицо была опасность конфликта с Англией. Ее военно-морской флот оставался в проливах. После русско-турецкой войны Англия фактически установила свое господство в Дарданеллах и на Босфоре. «При теперешнем положении дел, — записал Милютин в своем дневнике 22 марта 1879 г., — Англия уже владеет фактически и Константинополем и проливами. Настоящий хозяин в столице Турции уже не султан, а представитель Англии». «Флот английский, — продолжал Милютин, — хотя бы и вышел из Мраморного моря, может во всякое время снова войти в проливы и даже в Черное море; никто ему воспрепятствовать не может» [1].

Правда, вскоре после окончания Берлинского конгресса начались англо-русские переговоры об отводе британского флота при одновременной эвакуации русских войск из окрестностей Константинополя. 10 августа (29 июля) 1878 г. английский министр иностранных дел лорд Солсбери в беседе с русским поверенным в делах заявил о желании английского правительства заключить с русским правительством соглашение в этом смысле [2]. Российское министерство иностранных дел приветствовало это заявление. «Является несомненным, — говорилось в письме министерства поверенному в делах в Лондоне, — что со своей стороны мы не упустим абсолютно ничего, чтобы прийти к соглашению с английским правительством и с Портой в целях наибольшего возможного ускорения отвода русской армии и английского флота от Константинополя» [3].

Вскоре выяснилось, однако, что англичане мыслили себе соглашение о взаимном отводе вооруженных сил на условиях более чем своеобразных. Когда русский поверенный в делах начал обсуждать с Солсбери подробности сделки, предложенной английской стороной, то оказалось, что в обмен на эвакуацию русских войск из окрестностей Константинополя английское правительство готово было отвести свой флот не далее как только в Галлиполи, т. е. в Дарданельский пролив. Совсем же вывести флот из проливов оно намеревалось лишь после

---

[1] «Дневник Д. А. Милютина», т. III. М., 1950, стр. 127.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1878, д. № 81, т. I, л. 282. Телеграмма поверенного в делах в Англии Бартоломея от 10 августа (29 июля) 1878 г.

[3] Там же, 1878, д. № 81, т. II, л. 677. Проект письма поверенному в делах в Лондоне от 13 (1) августа 1878 г., утвержденный царем.

отвода всех русских войск в пределы Восточной Румелии и Болгарии [1]. Русское правительство сообщило в Лондон, что, по его мнению, нет оснований для задержки флота в Галлиполи [2]. При такой позиции англичан 29 (17) сентября поверенному в делах в Лондоне было поручено сообщить им, что русское правительство ставит отвод своей армии в зависимости от точного выполнения Турцией условий Берлинского трактата [3].

В 1879 г. русское правительство, опасаясь захвата проливов Англией, обсуждало проект обращения к великим державам. В нем предлагалось по общему соглашению постановить, что «в случае окончательного распадения турецкой империи не будет допущено занятие Константинополя и проливов ни одною из больших держав» [4].

Фактически английский флот оставался в Мраморном море до весны 1879 г., и вплоть до этого времени имела место непосредственная военная угроза русскому югу. Чувство тревоги ни на минуту не покидало правящие круги Петербурга. Русское правительство на протяжении второй половины 1878 г. не раз запрашивало от своего посольства в Лондоне информацию по вопросу о том, готовится ли Англия к войне против России в близком времени [5].

Наконец английские военные корабли покинули проливы. Но военно-морской флот Англии продолжал господствовать в восточной части Средиземного моря. Царское правительство по-прежнему опасалось, что в случае нового конфликта с Англией ее флот опять появится в проливах, а оттуда войдет в Черное море. На Берлинском конгрессе выяснилось, что Англия отнюдь не намерена соблюдать принцип закрытия проливов для военных судов. При отсутствии у России флота на Черном море его тысячеверстное побережье являлось открытым для пушек английских кораблей, а вся черноморская торговля России — отданной на произвол Англии.

Перед лицом такой опасности России прежде всего нужно было обзавестись военным флотом на Черном море. Но, во-первых, флот нельзя было построить в один день; во-вторых, на его постройку нужны были большие средства, которых у царского правительства не было. Приступить к постройке военного флота оно смогло лишь в 1881 г., через три года после

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1878, д. № 81, т. I, л. 283. Телеграмма поверенного в делах в Лондоне Бартоломея от 13 (1) августа 1878 г.

[2] Там же, д. № 81, т. II, л. 688. Депеша МИД от 15(3) августа 1878 г. поверенному в делах в Лондоне.

[3] Там же, л. 709. Телеграмма МИД поверенному в делах в Лондоне от 29(17) сентября 1878 г.

[4] «Дневник Д. А. Милютина», т. III, стр. 126.

[5] АВПР, фонд Канцелярия, 1878, д. № 81, т. II, л. 695. Депеша МИД поверенному в делах в Лондоне от 23(11) августа 1878 г.

окончания русско-турецкой войны. Особое совещание, собравшееся 6 сентября 1881 г., решило построить на Черном море флот, превосходящий турецкий и способный в случае угрозы со стороны Англии доставить ко входу в Босфор одним эшелоном 30-тысячный десантный корпус с артиллерией с целью закрыть английской эскадре доступ в Черное море[1]. Спущены же на воду первые броненосцы на Черном море были только в 1885—1886 гг. Необходимых плавучих средств для доставки десанта к берегам Босфора царское правительство не создало даже и ко времени первой мировой войны: после 1871 г., т. е. после образования Германской империи, основные денежные средства и основное внимание были обращены на подготовку к возможной войне против нее.

Отвлечение средств к западной границе затрудняло подготовку к борьбе против Англии. Тем сильнее Россия была заинтересована в том, чтобы выйти из состояния той политической изоляции, в которой она оказалась на Берлинском конгрессе. При этом русская дипломатия стремилась отдалить от Англии ее вероятных союзников, прежде всего соратницу Англии на Берлинском конгрессе — Австро-Венгрию.

Имелось также в виду дать почувствовать Англии, что Россия может причинить ей серьезные неприятности в столь чувствительном месте, как северо-западные дальние подступы к Индии.

В том же плане предполагалась попытка оторвать Турцию от Англии. Наконец при отсутствии черноморского флота важно было продвинуть хотя бы сухопутные силы России поближе к проливам.

Первую из этих задач русская дипломатия рассчитывала разрешить возобновлением соглашения трех императоров; вторую — продвижением русских в Средней Азии; решение третьей отчасти предусматривалось тем же соглашением трех императоров. Но, главное, этому неожиданно помог в 1882 г. захват Англией Египта; он оттолкнул Турцию от Англии, окончательно разоблачил всю фальшь английской политики «сохранения Османской империи» и разрушил англо-турецкий союз. Четвертую задачу русское правительство рассчитывало осуществить путем укрепления русского влияния в Болгарии и организации болгарской армии под руководством русских офицеров. Господствуя на болгарском плацдарме, Россия могла держать проливы под ударом. Таковы были цели, которые после Берлинского конгресса выдвинула перед руководителями русской дипломатии международная обстановка.

[1] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика великих держав на Дальнем Востоке, 1860—1895, М., 1956, стр. 358; *В. Хвостов.* Проблемы захвата Босфора в 90-х годах XIX века. «Историк-марксист», 1930, т. 20, стр. 102.

Осуществление указанных дипломатических задач совпало с переменами в руководстве русской внешней политикой. Князю Горчакову в 1879 г. минул 81 год. С конца лета 1879 г. он почти устранился от дел по дряхлости и из-за расстроенного здоровья. Формально Горчаков оставался министром до 1882 г., но с 1879 г. управление министерством было поручено товарищу министра Н. К. Гирсу. Гирс был разумным чиновником, довольно трезво мыслящим политиком. Однако ему были присущи крайняя робость и нерешительность. Он боялся ответственности. К тому же, не имея ни связей, ни состояния, он очень дорожил своим служебным положением и окладом. Перед новым царем, Александром III, Гирс трепетал. Когда министр отправлялся к царю на доклад, его ближайший помощник Ламздорф, случалось, шел в церковь молиться о благополучном исходе. Гирс обладал определенной системой взглядов на задачи царской дипломатии. Он был согласен с Горчаковым в отрицательном отношении к славянофильским тенденциям и в необходимости поддерживать согласие с «Европой». Но вся деятельность Гирса свидетельствует о том, что он в гораздо большей степени был привержен идеям «союза трех императоров» и особенно сотрудничеству с Германией, нежели его предшественник. По сравнению с Горчаковым, Гирс был более сдержан в поддержке Франции в случае новой германской агрессии или угроз против этой державы. Он неустанно заботился о том, чтобы не задевать немецких интересов, и старался быть приятным Бисмарку. Обострение англо-русских отношений толкало к тому, чтобы заботиться о мире и согласии с наиболее опасной державой из числа непосредственных соседей России.

В 1878—1881 гг., т. е. в последние годы царствования Александра II, через голову Гирса на руководство русской дипломатии оказывала воздействие фигура более сильная — военный министр Д. А. Милютин. Милютин участвовал в ряде военных кампаний, однако по своему складу он был больше профессором военного искусства и первоклассным военным организатором, нежели полководцем и боевым генералом. Милютин не имел дипломатического опыта, но, в отличие от Гирса, был волевой и более независимой личностью. Пока он пользовался влиянием, т. е. пока был жив Александр II, Милютин оказывал большое воздействие на руководство внешней политикой России. Главную задачу этой политики он видел в том, чтобы обеспечить стране мирную передышку для завершения реорганизации армии, предпринятой вскоре же после франко-прусской войны и еще не законченной. Большое политическое значение имела предпринятая Милютиным передислокация ряда соединений с юга и из центральных областей

России в пограничные с Германией западные губернии. Причин для того было несколько: кавказские войны закончились, а за западной границей после 1871 г. оказалась мощная военная держава, показавшая себя в событиях 1876—1878 гг. далеко не дружественной по отношению к России.

Из всех потенциальных противников России Германия после своего объединения была наиболее опасным. Это явилось одним из важнейших факторов, определявших русскую политику. Военные мероприятия Милютина были рассчитаны на подготовку к столкновению именно с Германией: после 1871 г. нельзя было игнорировать возможность русско-германской войны. Но Милютин менее всего желал эту войну вызвать. Он был полностью согласен с Гирсом в необходимости всемерно поддерживать мир с Германской империей. Степень подготовленности к войне была не в пользу России. Планы русского генерального штаба были рассчитаны на оборону [1].

Немало забот вызывал в Петербурге враждебный поворот в тактике германской дипломатии в международных комиссиях по исполнению постановлений Берлинского трактата. Трактат отдавал исполнение содержавшихся в нем постановлений в руки «европейского концерта», т. е. шести великих держав. Европейская комиссия, состоявшая из их представителей, должна была осуществить разграничение Болгарии с Турцией и Румынией. Князь болгарский и генерал-губернатор Восточной Румелии, согласно Берлинскому трактату, тоже утверждались султаном с согласия великих держав. Статья 24 трактата предусматривала посредничество великих держав, в случае если Греция и Турция не смогут договориться относительно изменения греко-турецкой границы. Фактически речь шла об уступке Турцией Фессалии. Статья 61 обязывала Порту осуществить «улучшения и реформы» в областях, населенных армянами, обеспечить безопасность армян от черкесов и курдов и периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, подписавшим трактат державам, «которые будут наблюдать за их (этих мер. — *В. Х.*) применением». Даже те области Балканского полуострова, которые в течение девяти месяцев должны были оставаться оккупированными русскими войсками, т. е. Болгарское княжество и особенно Восточная Румелия, не миновали опеки со стороны «европейского концерта». Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия и Италия не проливали крови, но на Берлинском конгрессе их правительства присвоили себе право вмешиваться в дела Балканского полуострова и в отношения между Россией и Турцией.

[1] *А. М. Зайончковский.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926, стр. 31—32.

Дневник Милютина за летние месяцы 1878 г., да и дальше, пестрит жалобами на «нахальство» и «возмутительные проделки» англичан, которые «решительно забрали Турцию под свою опеку» [1]. Когда русское правительство в августе 1878 г. начало отвод своих войск из окрестностей Константинополя, из Фракии, Македонии и из района Эрзерума, то в ряде эвакуированных русскими пунктов турки тут же учиняли резню славянского и армянского населения. Терпеть такое положение значило для русского правительства ставить на карту свое влияние на Порту, свой престиж среди всего славянства и среди армян. Русское правительство не желало уступить без борьбы свое влияние на Балканах и в Армении.

Поскольку царское правительство оказалось изолированным во всех комиссиях, созданных для исполнения постановлений Берлинского трактата, оно было лишено возможности использовать этот аппарат, созданный Берлинским конгрессом. Петербург располагал, правда, таким мощным рычагом давления на своих противников, как наличие русской оккупационной армии, все еще занимавшей значительную часть европейской Турции. На этот рычаг в конце концов и нажали. 27 сентября 1878 г. русская главная квартира была отведена из окрестностей турецкой столицы в Адрианополь, но после этого эвакуация русских войск из Турции была приостановлена. Русское правительство прибегло к этому средству с большой неохотой: оно опасалось, что задержка с эвакуацией русских войск может втянуть его в новые международные осложнения.

Во избежание такого риска царское правительство приложило старания к тому, чтобы вывести себя из состояния изоляции. Оно надеялось достигнуть этого на старых путях соглашения «трех императоров», казалось бы, достаточно скомпрометированного во время русско-турецкой войны в результате враждебности Австро-Венгрии и провокационного поведения Германии. Однако, невзирая на этот печальный опыт, царское правительство решило искать выхода из изоляции путем сближения опять-таки с Веной и Берлином. Такое решение было принято после того, как Горчаков в августе 1878 г. сдал дела Гирсу и уехал лечиться за границу. Теперь в качестве советников царя по вопросам внешней политики выступали Гирс и Милютин. Осенью 1878 г. около царя некоторое время находился посол в Лондоне Шувалов, бывший второй уполномоченный русского правительства на Берлинском конгрессе.

В сентябре Шувалов во время своего отпуска посетил Вену, где был любезно принят императором Францем-Иосифом и Андраши. Они распространялись перед царским дипломатом

[1] «Дневник Д. А. Милютина», т. III, стр. 76, 77, 92 и др.

о своем желании поддерживать с Россией самые дружественные отношения[1]. Это натолкнуло царское правительство на мысль послать Шувалова в Австро-Венгрию с важным дипломатическим поручением.

Из дневника Милютина явствует, что именно эти три сановника — Милютин, Гирс и Шувалов — присутствовали в Ливадии на совещании у царя при обсуждении вопроса относительно зондажа в Вене и Берлине. Было решено, что Шувалов отправится из Крыма к своему посту в Лондон через Австро-Венгрию и Германию и по пути повидается с Андраши, а затем, в случае надобности, также и с Бисмарком. Главной задачей Шувалова было выяснение намерений австро-венгерского кабинета с тем, чтобы убедиться, «есть ли в самом деле возможность восстановить желаемое кн. Бисмарком прежнее единство в действиях трех империй в отношении Турции, дабы побудить ее к скорейшему исполнению всех условий Берлинского трактата и тем устранить причины, заставляющие нас, против воли, держать значительные силы за Балканами»[2]. Так записал в своем дневнике Милютин. Насколько было правильным его утверждение относительно пожеланий Бисмарка — это вопрос особый. Но из его слов ясно, что «единство в действиях трех императоров», во всяком случае, отвечало желаниям самого царского правительства. Об этом свидетельствуют инструкции Шувалову, изложенные в весьма секретной депеше Гирса от 1 ноября 1878 г.[3]

В беседах с Андраши Шувалову поручалось изложить австро-венгерскому министру те мотивы, которые заставили русское правительство временно приостановить отвод своей армии. Мотивировалось это «беспорядками, угрожавшими безопасности христиан в тех районах, из которых мы должны были уйти, и побуждавшими их к массовому бегству». Шувалов должен был указать, что отвод русских войск произойдет не раньше, чем Турция подпишет с Россией предусмотренный в Берлинском трактате «дополнительный акт» об урегулировании финансовых и других вопросов. Под финансовыми вопросами разумелась выплата Турцией военного возмещения, обусловленного Сан-Стефанским договором. Шувалову поручалось также отметить, «что ни Греция, ни Сербия, ни в особенности Черногория еще не вступили во владение» теми территориями, которые отходили к ним от Турции по постановлению Берлинского конгресса. В заключение Шувалов должен был попросить

---

[1] *С. С. Татищев.* Император Александр II, т. II, стр. 533.

[2] «Дневник Д. А. Милютина», т. III, стр. 100.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1878, д. № 81, т. II, л. 723. Проект инструкций графу Шувалову, утвержденный царем, от 1 ноября (20 октября) 1878 г.

австро-венгерское правительство «не отказать нам в своей моральной поддержке», если обстоятельства станут задерживать отвод русской армии.

Если бы переговоры с Андраши увенчались успехом, Шувалову поручалось поехать в Берлин, сообщить о результатах Бисмарку и договориться с ним «относительно наиболее практичных мер для дальнейших шагов, основанных на соглашении трех императорских дворов». Шувалову предоставлялось, однако, самому судить о целесообразности переговоров с германским канцлером.

11 ноября 1878 г. Шувалов прибыл в Вену. В это время возникли осложнения между Австро-Венгрией и Турцией в связи с передачей Боснии и Герцеговины. В представлении русского правительства момент являлся удачным для прощупывания возможности восстановления контакта с Веной и Берлином.

В момент прибытия Шувалова в Вену Андраши находился в Будапеште, и Шувалову пришлось отправиться в венгерскую столицу. Там 12 ноября 1878 г. у него состоялась встреча с Андраши. Содержание их беседы известно из донесения Шувалова [1]. Шувалов указал австро-венгерскому министру на желательность сближения между Россией и Австро-Венгрией и заверил его, что царь намерен точно придерживаться постановлений Берлинского конгресса. Он жаловался, что турки саботируют выполнение многих постановлений Берлинского трактата: касательно передачи Черногории Подгорицы и некоторых других районов и т. д. Русский представитель просил Андраши о совместном дипломатическом воздействии на Турцию в целях урегулирования спорных вопросов в желательном для России смысле и о согласии на продление срока пребывания русских войск на турецкой территории.

В ответ на заявление Шувалова его собеседник начал пространно говорить о том, что общественное мнение Австро-Венгрии якобы уже и так обвиняет его, Андраши, в излишних симпатиях к России. Он заверял Шувалова, что не поддается этому нажиму. Со своей стороны, он обвинял русских представителей на Балканах в агитации за единую Болгарию, т. е. против Берлинского трактата, расчленившего эту страну. Ответ на вопросы Шувалова Андраши обещал дать на следующий день. Действительно, 13 ноября он встретился с Шуваловым и сделал ему следующее сообщение: о безопасности христианского населения вне пределов Болгарского княжества согласно Берлинскому трактату должна-де заботиться не одна Россия, а «вся Европа». Он решительно высказался против продления сроков русской оккупации — разве что на несколько дней или недель — и ре-

[1] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 37/38/40, л. 26—39. Письмо Шувалова Гирсу № 1 от 12 ноября (31 октября) 1878 г.

комендовал бросить славянских беженцев на произвол судьбы. Он отказал России в каком-либо содействии также и в вопросе о заключении русско-турецкого договора, подтверждающего те статьи Сан-Стефанского договора, которые не были заменены постановлениями Берлинского трактата: этот вопрос Австро-Венгрии не касается, это, дескать, дело России и Турции. Словом, почти по всем пунктам представитель русского правительства получил полный отказ. Единственный вопрос, в котором Андраши готов был оказать некоторую помощь, — это вопрос о турецко-черногорских отношениях. Он согласился с тем, что Россия не эвакуирует территорий, расположенных к югу от Восточной Румелии, пока турки не уйдут из Подгорицы и других местностей, переходящих к Черногории [1].

Еще перед отъездом в Будапешт во время своего краткого пребывания в Вене Шувалов повидал германского посла в Австро-Венгрии Рейса. Шувалов поставил его в известность о цели своего приезда и просил сообщить об этом в Берлин. На другой же день в Будапеште, тотчас после первой беседы с Андраши, Шувалов получил ответ германского канцлера. Бисмарк сообщал, что он был бы весьма удовлетворен, если бы оказалось возможным австро-русское соглашение. Никакой активности, однако, Бисмарк проявить не собирался. «Как Вы видите, — доносил Шувалов Гирсу, — он остается верен своей роли первосвященника; он соглашается благословить соглашение, но он ничего не делает для того, чтобы его достигнуть» [2]. Сочтя тщетными надежды на германскую помощь и на то, что германское правительство окажет на Андраши воздействие в смысле, желательном для России, Шувалов отказался от бесед с Бисмарком.

Так закончилась неудачей первая попытка русского правительства восстановить соглашение «трех императоров».

Константинопольский мирный договор и эвакуация русских войск из Турции. Воссоздание болгарского национального государства

Начало 1879 г. принесло русскому правительству некоторое облегчение в области внешней политики: задержка эвакуации русских войск из Турции побудила в конце концов турецкое правительство подписать мирный договор с Россией. Акт этот совершился в Константинополе 8 февраля 1879 г. [3] Договор устанавливал, что условия Берлинского трактата заменили те статьи прелиминарного Сан-Стефанского договора, которые были отменены или

[1] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 37/38/40, л. 40—45. Письмо Шувалова Гирсу № 3 от 13(1) ноября 1878 г.

[2] Там же, л. 24—25. Письмо Шувалова Гирсу № 2 от 12 ноября (31 октября) 1878 г.

[3] Текст договора см.: «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917». М., 1952, стр. 207—210.

изменены на Берлинском конгрессе. Остальные же условия Сан-Стефанского мира были «окончательно определены» новым, Константинопольским договором. Военное вознаграждение, причитающееся России от Турции, было установлено в сумме 802 500 тыс. франков (255 млн. рублей), не считая претензий русских подданных за убытки, понесенные ими во время войны. Общая сумма таких претензий не должна была превышать 26 750 тыс. франков. Кроме того, Турция должна была оплатить России часть расходов по содержанию турецких военнопленных.

Эти постановления имели не столько финансовое, сколько политическое значение: при крайней финансовой немощи турецкого правительства наличие у Турции финансовых обязательств перед Россией являлось в руках царского правительства средством давления на Турцию.

Согласно Константинопольскому договору обе стороны взаимно обязались не преследовать и не допускать никаких преследований российских или турецких подданных, заподозренных в сношениях с неприятельскими армиями во время войны. Объявлялась полная амнистия всем турецким подданным, замешанным «в последних событиях, имевших место в областях Европейской Турции», т. е., иначе говоря, всем участникам национально-освободительного движения против турецкого владычества. Вскоре русскому правительству удалось добиться от султана обещания не вводить в близком времени турецкие войска в Восточную Румелию, на что ему предоставлял право Берлинский трактат. Таким образом, после ухода русских войск в Восточной Румелии в качестве единственной вооруженной силы осталась местная милиция. Она была вооружена русским правительством, «дабы дать болгарам возможность подобно албанцам отстаивать свою независимость». Так говорилось в директиве новому главнокомандующему русскими войсками Тотлебену от 24 (12) октября 1878 г.[1]

После подписания мирного договора русские войска в течение февраля — марта 1879 г. были выведены со всех турецких территорий, за исключением провинции Восточная Румелия и Болгарского княжества, где они имели право оставаться в течение девяти месяцев после ратификации Берлинского трактата, т. е. до апреля 1879 г. После этого им предоставлялся трехмесячный срок для осуществления эвакуации.

22 февраля 1879 г. в Тырнове русский комиссар в Болгарии Дондуков-Корсаков открыл болгарское Учредительное собрание, призванное принять первую конституцию болгарского государства, возрожденного благодаря победам русского оружия.

[1] *С. С. Татищев.* Император Александр II, т. II, стр. 519.

Комиссар предложил собранию проект «Органического устава», выработанный русскими властями в Болгарии (а затем подвергнутый пересмотру в Петербурге) [1]. Открывая Собрание, Допдуков-Корсаков заявил, что этот проект имеет своей целью только облегчение трудов собрания, что члены Собрания ни в какой мере не связаны им, так что Собранию принадлежит право свободно решить вопрос о характере конституции [2]. В день годовщины Сан-Стефанского договора Собрание вручило комиссару адрес, в котором депутаты торжественно заявляли о том, что болгарский народ никогда не забудет «великого значения этого священного дня, который будет для них... символом беспримерной в истории братской любви народа русского к болгарам». Депутаты были настроены крайне враждебно к постановлениям Берлинского конгресса, оставившего часть болгарского народа под ненавистным турецким игом. В предварительных полуофициальных переговорах с депутатами русский комиссар не без труда уговорил их стать на почву берлинских решений [3], т. е. приступить к обсуждению конституции для Болгарского княжества в тех урезанных территориальных пределах, которые были ему отведены конгрессом по воле врагов Болгарии и всего славянства.

Тырновское собрание приняло конституцию Болгарского княжества. Болгария становилась конституционной монархией, но в ней вводилось всеобщее избирательное право (для мужчин) и устанавливалась свобода печати, собраний и союзов. Вопрос о вассальных отношениях князя к султану, установленных Берлинским трактатом, был обойден молчанием. Русский комиссар утвердил конституцию, и она вступила в силу.

29 апреля 1879 г. на основе этой конституции в Тырнове открылось Великое народное собрание для выборов князя. Русское правительство провело на этот пост своего кандидата — представителя одного из второстепенных немецких княжеских домов, принца Александра Баттенбергского, причем порукой верности этого немецкого принца России и «славянскому делу» в глазах царского правительства являлись родственные связи Баттенберга: он доводился племянником русской императрице.

Однако вскоре же после своего водворения в Болгарии выяснилось, что царское правительство допустило грубую ошибку: князь Александр стал проводником австро-венгерской и английской политики. По прибытии князя в Болгарию русское временное управление закончилось и комиссар российского

---

[1] *И. В. Козьменко.* Петербургский проект Тырновской конституции 1879 г. «Исторический архив», 1949, т. IV, стр. 184—324.

[2] См. *Н. Р. Овсяный.* Русское управление в Болгарии в 1877—79 гг., т. II. Спб., 1906, стр. 59—60.

[3] Там же, стр. 57—58.

правительства отбыл в Россию. В июле 1879 г. последние части русских войск покинули Болгарию [1].

Эвакуация русских войск вновь ослабила влияние царского правительства на Балканах. Урегулирование остававшихся неразрешенными вопросов, связанных с исполнением Берлинского трактата, стало еще более затруднительным. А вопросов таких летом 1879 г. оставалось все еще немало: дело шло в первую очередь о демаркации границ Болгарии, Сербии, Греции и Черногории.

Положение русских представителей в комиссиях по разграничению ухудшилось также и ввиду возросшей враждебности германского правительства. «Во всех комиссиях наши делегаты не находят поддержки ни в ком. Германия уже положительно является везде заодно с Австрией», — писал в своем дневнике Милютин 7 августа (26 июля) 1879 г. «Государь продолжает быть озабоченным» [2], — заключил Милютин свою запись.

Возобновление соглашения трех императоров

В обстановке, когда враждебность Германии, казалось, возрастала изо дня в день и когда Александр II написал упомянутое выше письмо кайзеру, Горчаков, еще числившийся министром иностранных дел, находясь на курорте в Бадене, дал интервью корреспонденту французской газеты «Солей», в котором выразил пожелание, чтобы Франция «была сильной».

Горчаков был не одинок в правящих сферах России, когда он высказывался за сближение с Францией — а его интервью, конечно, могло быть понято только как выступление в пользу такого сближения. Однако правительство Александра II не пошло по тому пути, по которому был склонен пойти Горчаков. Царь и его ближайшие советники — Милютин, Гирс, министр императорского двора Адлерберг — думали не о сближении с Францией, а о восстановлении дружбы с Германией и о соглашении с ней. Вопреки циркулировавшим слухам, никаких предложений Франции о заключении союза русское правительство не делало [3]. И когда Александр II, раздраженный враждебным поведением германской дипломатии, в своем письме жаловался кайзеру на поведение различных германских дипломатических агентов в Турции, он действительно был преисполнен забот по поводу ухудшения русско-германских отношений.

Вскоре после того, как было отправлено письмо кайзеру, царю была доложена записка, представленная бывшим русским

---

[1] См. *Н. Р. Овсяный.* Русское управление в Болгарии, т. II, стр. 98.

[2] «Дневник Д. А. Милютина», т. III, стр. 151.

[3] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 41/45, л. 13, помета Александра II на записке Сабурова от 30(18) сентября 1879 г.; *А. З. Манфред.* Внешняя политика Франции, стр. 237—240.

посланником в Афинах Сабуровым, который летом 1879 г. на немецком курорте Киссинген встречался с Бисмарком. Сабуров дважды — 22 и 26 июля — беседовал с германским канцлером. В своей записке, датированной 25 августа 1879 г., Сабуров, резюмируя впечатления от этих разговоров, приходил к выводу, что «наши отношения с Германией двигаются к кризису, более серьезному, чем мы склонны думать» [1]. Записка Сабурова произвела на царя большое впечатление. Она «пролила новый свет на обстановку», — писал граф Ламздорф, один из руководящих чиновников министерства иностранных дел. Вместе с тем в министерстве пришли к заключению, что в словах Бисмарка «можно рассмотреть известную тенденцию к тому, чтобы отвести бурю посредством откровенных объяснений» [2].

Между тем подоспел срок отъезда царя из Петербурга в Варшаву на маневры и последовали переговоры с Мантейфелем, а затем с Вильгельмом в Александрове. Затем Бисмарк отправился в Вену, и наконец состоялось подписание секретного союзного договора между Германией и Австро-Венгрией.

Германский канцлер надеялся, что ему удастся безнаказанно проделать этот враждебный России маневр, воспользовавшись ее ослаблением и политической изоляцией. Но он не собирался совершенно рвать с восточным соседом и впрягаться в колесницу антирусской политики Австро-Венгрии, а точнее сказать — мадьярского дворянства. Посредством австро-германского союзного договора Германия привязывала к себе Австро-Венгрию, обещав ей при определенных условиях помощь против России. Таким образом, германская дипломатия приобрела для Германии союзника против России. Но теперь руководитель этой дипломатии рассчитывал воспользоваться теми трудностями, которые переживал русский царизм, чтобы приковать к себе также и Россию и удержать ее от сближения с Францией. Почти до самого конца 80-х годов германскому канцлеру удавались эти сложные и хитрые маневры. Он ловко использовал австро-русские и англо-русские противоречия, ставя и Россию и Австро-Венгрию в зависимость от благорасположения Германии. Средством привязать Россию к Германии должно было стать возобновление соглашения «трех императоров».

Хотя царская дипломатия догадывалась о том, что германский канцлер готов искать с нею сделки, тем не менее не удивительно, что поездка Бисмарка в Вену не на шутку ее

---

[1] «Русско-германские отношения. 1873—1914», стр. 65—66.

[2] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 46/50, л. 2—3. Исторический обзор, составленный Ламздорфом и содержащий резюме первой фазы русско-германских переговоров о возобновлении соглашения «трех императоров». *С. Д. Сказкин.* Конец австро-русско-германского союза. РАНИОН, Ин-т истории, т. I. М., 1928, стр. 103—132.

встревожила. Мистификаторское письмо кайзера не внесло успокоения, так как не было принято всерьез. Из Варшавы и Александрова царь направился в Ливадию, куда вскоре был вызван Сабуров, представивший здесь еще пять записок, в которых он более подробно излагал летние беседы с Бисмарком. Основной вывод Сабурова сводился к тому, что необходимо начать с Германией переговоры и восстановить с ней дружественные отношения [1].

Эта точка зрения была одобрена Гирсом, Милютиным и царем.

Сабурову было дано поручение отправиться в Берлин и добиваться нормализации отношений. Русское правительство предпочитало бы заключить с Германией соглашение и притом вдвоем, без Австрии. Сабуров, которого прочили послом в Константинополь, вскоре получил назначение на пост посла в Берлине. Гирс и Милютин принимали при этом все меры к тому, чтобы держать Горчакова как можно дальше от тех переговоров, которые было поручено вести Сабурову.

Помимо соображений балканской политики и антагонизма с Англией к восстановлению согласия с Германией влекли непосредственно экономические интересы помещичьего класса. Экономические мероприятия германского правительства, направленные против интересов русских помещиков, нимало не умаляли заинтересованности русского дворянства в удержании немецкого рынка. В условиях аграрного кризиса конца 70-х—начала 80-х годов новых рынков для сельскохозяйственных продуктов отыскать не представлялось возможным. Экономические интересы русских помещиков требовали хороших отношений с Германией, дабы предотвратить новые враждебные меры с ее стороны против русского экспорта. К русско-германскому сближению толкала и обоюдная ненависть к революции со стороны правящих классов обеих стран. Вместе с тем сближение с Германией должно было обеспечить безопасность западной границы России, прикрыть тыл для борьбы с Англией в Средней Азии и позволить без помех завершить преобразование армии. Оно почиталось Милютиным за самую главную задачу, но тормозилось недостатком средств. «Наша слабость по сравнению с нашими противниками, — писал Гирс Шувалову 5 января 1879 г. (24 декабря 1878 г.), — заключается, главным образом, в том, что, как известно, наши финансы истощены. В связи с этим лучшее средство для того, чтобы вновь стать достаточно сильными и иметь возможность импонировать нашим противникам, заключается в восстановлении нашего финансового равновесия, а для этого прежде всего необходимо

[1] «Русско-германские отношения. 1873—1914 гг.», стр. 79—85.

избегать бесполезных и неуместных осложнений». Всеми изложенными соображениями и определялась внешняя политика царского правительства после Берлинского конгресса — в последние годы царствования Александра II и в начале царствования Александра III.

* *
*

Бисмарк встретил Сабурова любезно. Но он поставил условием, чтобы соглашение было тройственным, чтобы в нем кроме России и Германии участвовала также Австро-Венгрия. Переговоры, которые начались между Сабуровым и Бисмарком, а затем и новым австро-венгерским министром иностранных дел бароном Гаймерле, оказались чрезвычайно длительными. Они продолжались около полутора лет[1]. Нелегко было достигнуть соглашения между Россией и Германией. Не сразу русское правительство согласилось на привлечение Австро-Венгрии. Еще больше затруднений и проволочек причиняло австро-венгерское правительство: оно долго колебалось, прежде чем стать на путь соглашения с Россией и восстановления союза «трех императоров».

Для правящих кругов монархии Габсбургов вопрос об ориентации их внешней политики стоял следующим образом: либо Австро-Венгрия будет сотрудничать с Англией в целях совместной борьбы против России в интересах австрийской экспансии на Балканах, либо же Австро-Венгрия попытается достигнуть соглашения с Россией о том или ином размежевании интересов на Балканском полуострове. Как обычно, австрийская буржуазия и венгерское дворянство предпочитали антирусский курс, в то время как австрийская земельная аристократия и славянские круги — фактически буржуазия — стояли за соглашение с Россией. Пока в Вене имелась надежда на тесное сотрудничество с Англией против России, Андраши, как и его преемник Гаймерле, не желали идти на мировую с главным соперником Австро-Венгрии.

Однако в апреле 1880 г. наступило событие, сделавшее Австро-Венгрию более сговорчивой. В Англии произошла смена правительства — пал консервативный кабинет Биконсфильда и к власти пришло правительство либеральной партии во главе с Гладстоном.

В своей программной предвыборной речи, произнесенной 27 ноября 1879 г., Гладстон заявил, что он будет проводить политику экономии в расходах, сохранения мира, поддержания «европейского концерта», т. е. согласованных действий шести

[1] См. *С. Д. Сказкин*, Конец австро-русско-германского союза, стр. 132—173.

великих держав. Он заявил далее, что намерен «избегать ненужных обязательств, способных запутать» Англию [1]. На практике смысл этой либеральной фразеологии свелся к попытке проводить в наиболее последовательной форме традиционную политику английской буржуазии — бить своих противников чужими руками. Гладстон собирался проводить эту политику более последовательно, чем Биконсфильд, который заключил англо-турецкий союз и установил англо-австрийское сотрудничество, что могло втянуть саму Англию в войну с Россией. Сразу же после своего вступления в должность новый министр иностранных дел лорд Гренвиль 4 мая 1880 г. направил английским послам при правительствах пяти великих держав циркулярную телеграмму, в которой предлагал объединить их усилия дабы с целью положить конец проволочкам турецкого правительства в исполнении постановлений Берлинского трактата, добиться от Порты тех уступок, которые были предусмотрены в трактате в пользу Греции, Черногории и армян [2]. Это означало, что Англия отходит от поддержки Турции, практиковавшейся Биконсфильдом, и приближается к точке зрения русского правительства.

Осенью 1880 г. и в начале 1881 г. правительство Гладстона совместно с русским принудило Турцию уступить Греции Фессалию и осуществить наконец исправление границы Черногории, предусмотренное Берлинским трактатом. «Мысль, что интересы Англии требуют поддержания Оттоманской империи силой оружия, не составляет основы или части нашей политики» [3], — писал Гладстон.

Рассчитывать на поддержку Англии Австро-Венгрия больше не могла. Ведь уже при Биконсфильде у англичан постоянно имелось стремление толкнуть Австро-Венгрию на первую линию огня против России, а самим остаться в стороне. А теперь и того хуже: вырисовывались перспективы англо-русского соглашения [4] — иллюзорные, но успевшие напугать австро-венгерские правящие круги.

Долгое время в Вене и Будапеште никак не хотели поверить тому, что Англия изменила свою тактику в отношении России и Турции. Но в конце концов австро-венгерскому правительству пришлось убедиться, что от Англии ждать помощи не приходится. Его колебаниям пришел конец, и 18 июня 1881 г. был наконец подписан австро-русско-германский договор.

---

[1] *H. Temperley* and *L. Penson.* Foundations of British foreign policy (1792—1902), p. 391—392.

[2] Ibid., p. 395—396.

[3] Ibid., p. 398.

[4] См. *С. Д. Сказкин.* Конец австро-русско-германского союза, стр. 135 и сл.

Подобно договору 1873 г., он вошел в историю под названием «союз трех императоров», хотя на самом деле он тоже не являлся военным союзом. В отличие от договора 1873 г., который был консультативным пактом, новый договор в первую очередь представлял собой соглашение о нейтралитете.

Согласно статье первой этого договора все три договаривающиеся стороны взаимно обязались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае, если бы одна из них оказалась в состоянии войны с четвертой великой державой. В переводе с языка дипломатических формул на более простой эта статья фактически означала, что Россия обязывается перед Германией соблюдать нейтралитет во франко-германской войне, а Германия и Австро-Венгрия гарантируют то же самое России на случай англо-русской войны. Последующий абзац статьи первой распространял гарантию нейтралитета и на случай войны одной из трех держав с Турцией, при том, однако, непременном условии, чтобы между всеми тремя участниками договора было предварительно заключено соглашение о результатах этой войны.

По обстоятельствам международной обстановки того времени это постановление означало, что Австро-Венгрия и Германия обязывались соблюдать нейтралитет в случае новой русско-турецкой войны, при условии, что их интересы, прежде всего интересы Австро-Венгрии, будут заранее обеспечены чем-то вроде нового издания Рейхштадтского и Будапештского соглашений, посредством которых Австро-Венгрия оградила свои интересы и обеспечила себе компенсацию перед минувшей русско-турецкой войной.

Согласно статье второй Россия в согласии с Германией заявляла «о своем твердом решении уважать интересы Австро-Венгрии, вытекающие из ее нового положения, обеспеченного ей Берлинским трактатом». Под «новым положением» Австро-Венгрии подразумевалась оккупация Боснии и Герцеговины. Далее говорилось, что все три участника договора «дают взаимное обещание в том, что какие-либо изменения в территориальном status quo в Европейской Турции могут произойти не иначе, как по их взаимному соглашению». Подписывая такое обязательство, как Россия, так и Австро-Венгрия как бы взаимно страховались от разных неприятных неожиданностей и подвохов, которых каждая из них всегда ожидала от другой.

Согласно статье третьей «все три двора признают европейский и взаимно обязательный характер принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл для военных кораблей, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами и формулированного в декларации второго уполномоченного

России на заседании Берлинского конгресса от 12 июля». Это постановление договора трех императоров означало присоединение Германии и Австро-Венгрии к русскому толкованию режима проливов. Тем самым отклонялась английская интерпретация принципа их закрытия, изложенная Солсбери на Берлинском конгрессе и сводящаяся к тому, что обязательство соблюдать этот принцип державы приняли только перед турецким султаном, но не друг перед другом, и только на тот случай, если этот принцип будет выражен в «свободно принятом» решении султана. Присоединяясь к русской точке зрения, Германия и Австро-Венгрия отрицали за Англией право вводить свой флот в проливы и Черное море по соглашению с Турцией.

В статье третьей содержалось, далее, обязательство всех трех участников договора «сообща следить» за тем, чтобы Турция не допускала исключения из правила закрытия проливов, предоставляя проливы для военных операций какой бы то ни было воюющей державы. «В случае нарушения этого условия или чтобы предотвратить таковое», все три правительства обязывались предупредить Турцию, «что они в подобном случае будут считать, что она находится в состоянии войны со стороной, в ущерб которой это будет сделано, и что с этого момента она лишается преимуществ территориальной неприкосновенности, обеспеченной Берлинским трактатом».

Это последнее постановление статьи третьей представляло для русского правительства большую важность. Оно обеспечивало ему дипломатическое содействие Германии и Австро-Венгрии против Турции, если та отступит от принципа закрытия проливов для иностранных военных кораблей и возымеет намерение пропустить английский военный флот в Черное море. Договор «трех императоров» должен был оставаться секретным.

К договору был приложен протокол, конкретизировавший вторую статью договора и устанавливавший договоренность по нескольким балканским проблемам. Согласно протоколу, Австро-Венгрия сохраняла за собою «право» аннексировать оккупированные ею турецкие провинции Боснию и Герцеговину «в тот момент, который она найдет для этого подходящим». Все три державы обязывались, далее, «в случае надобности» совместно «отклонить Порту» от занятия своими войсками Восточной Румелии и Балканского хребта: русское правительство было озабочено тем, чтобы не допустить турецкие войска в болгарские земли. Три державы соглашались также «не противиться возможному соединению Болгарии с Восточной Румелией» «в случае, если бы этот вопрос был выдвинут силою вещей». С другой стороны, участники договора обязывались «отклонять болгар от всяких агрессивных действий по отношению

к соседним провинциям, именно Македонии, и объявить им, что в подобном случае они действовали бы на свой страх и риск». Три правительства условливались снабдить своих представителей и агентов на Востоке общей инструкцией, «предписывающей им стремиться сглаживать их разногласия в каждом отдельном случае дружескими переговорами, а в случае, когда бы это им не удалось, сноситься по этому поводу со своими правительствами».

Если внимательно рассмотреть пункты протокола, то нетрудно убедиться в том, что он, с одной стороны, обеспечивал интересы Австро-Венгрии в Боснии, Герцеговине и Македонии, через которые пролегает путь из Австро-Венгрии на Салоники. С другой стороны, он обеспечивал также интересы Болгарии и России, предусматривая меры по предотвращению появления турецких войск в Восточной Румелии и обязывая державы вопреки Берлинскому трактату не противиться воссоединению Южной Болгарии («Восточной Румелии») с Северной (т. е. с Болгарским княжеством).

Уязвимое место всей дипломатической комбинации, нашедшей свое выражение в русско-австро-германском договоре 1881 г., заключалось в том, что согласие «трех императоров» могло держаться лишь до тех пор, пока не обострятся вновь австро-русские противоречия, теперь постепенно смягчавшиеся после окончания русско-турецкой войны. Иначе говоря, соглашение «трех императоров» было прочно лишь постольку, поскольку положение на Ближнем Востоке оставалось более или менее спокойным.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ В АФРИКЕ

В течение последней трети прошлого века была в основном создана колониальная система современного капитализма. Она включила в себя старые колониальные владения, приобретенные капиталистическими государствами в годы «свободного» капитализма и еще раньше, в эпоху первоначального накопления. К этим старым владениям в период перехода от капитализма к империализму добавились новые обширные колониальные территории, захваченные капиталистическими государствами в течение 70—90-х годов XIX столетия.

В колониальной экспансии этого времени дипломатия играла выдающуюся роль. Содержание колониальной дипломатии существенно изменилось с переходом к империализму.

Ранее, за исключением Индии, Канады, Австралии и Алжира, капиталистические колонизаторы обычно ограничивались захватом опорных пунктов на побережье, обеспечением «прав» и привилегий для торговли.

Теперь дело шло уже о захватах огромных территорий в Африке и Юго-Восточной Азии, о разделе на сферы влияния полуколониальных государств, о борьбе за получение разнообразных концессий. Навязывание кабальных займов приобрело несравненно большее распространение. По мере того как раздел мира подходил к концу и колониальные владения различных государств все теснее смыкались друг с другом, чрезвычайно усложнялись задачи их разграничения и размежевания сфер влияния великих держав. Их колониальная дипломатия становилась одним из орудий империалистической борьбы сначала за раздел, а затем и за передел мира.

Переход к империализму и усиление колониальной экспансии в конце XIX в.

Переход капитализма в империалистическую фазу сопровождался резким обострением свойственной капитализму неравномерности развития. В конце XIX — начале XX в. это обострение проявлялось прежде всего в возрастающей неравномерности развития старейших и более молодых капиталистических стран — Англии и Франции, с одной стороны, Германии и США — с другой.

За три-четыре года промышленного подъема в начале 70-х годов (1870—1873) в Германии было основано больше акционерных обществ, чем за два предшествующих десятилетия — хотя эти последние отнюдь не являлись временем застоя. В 1873 г. высокой конъюнктуре пришел конец: в Германии, а затем в США разразился экономический кризис. В 1877 г. он захватил Англию. Кризис чрезвычайно обострил конкуренцию на мировом рынке. Каждый рядовой английский буржуа ощутил и осознал новое положение, сложившееся в мировой экономике: Англия больше уже не являлась гегемоном мирового рынка. У нее появились опасные конкуренты. Мало того. Индустриальная мощь этих конкурентов росла гораздо быстрее, нежели развивалась английская промышленность.

Так обострение неравномерности развития приводило к усилению конкуренции в мировой торговле. «При жестокой торговой конкуренции, которая ныне свирепствует во всем мире подобно урагану, потеря рынка является непоправимым ущербом; приобретение же рынка является положительным приобретением для национального могущества» [1]. Так писал лорд Керзон — один из наиболее видных деятелей английского империализма. Усиление конкуренции побуждало искать такого рода рынки, на которых можно было бы укрыться от нее, установить свою монополию. Раньше всего тенденция к поискам защищенных рынков проявилась у буржуазии старых капиталистических стран — Англии и Франции.

Спасение от конкуренции они искали в колониях. Они первые стали на стезю новых колониальных захватов. Им же досталась и львиная доля колониальной добычи. Таким образом, неравномерность в развитии капиталистической промышленности привела страны старой, отстающей промышленности к погоне за колониями и создала новую неравномерность развития — неравномерность доли капиталистических стран в разделе колоний и сфер влияния, а в дальнейшем, как следствие этого — постановку более молодыми странами вопроса о переделе мира.

Стремление к обладанию колониями стояло в связи с развитием капиталистических монополий. «Монополии всего прочнее, — писал В. И. Ленин, — когда захватываются в одни руки *все* источники сырых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники и т. п. Владение колонией одно дает

---

[1] *G. N. Curzon.* Persia and the Persian question, vol. II. London, 1892, p. 604.

полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником» [1].

Переход к империализму характеризуется, как известно, ростом экспорта капитала. За сохранность своих инвестиций капиталисты могли быть всего спокойнее в тех странах, где политическая власть находилась в руках их собственного правительства, т. е. в колониях. Один из видных политических деятелей крупной французской буржуазии 80-х годов, Жюль Ферри, принадлежавший к числу наиболее активных поборников колониальной экспансии, говорил, что «для богатых стран колонии являются одним из самых прибыльных способов помещения капитала». «Я заявляю, — подчеркивал он, — что Франция, которая переполнена капиталом и которая вывезла не малое его количество, должна обратить внимание на эту сторону колониального вопроса... Так же стоит вопрос и о рынках для наших товаров» [2].

Колониальная проблема имела для буржуазии и социальную сторону. Ленин показал на примере русского военно-феодального империализма, как внешняя экспансия, развитие капитализма «вширь» [3], помогает сохранению феодальных пережитков в метрополии. В высокоразвитых капиталистических странах Запада положение было во многих отношениях иным. Но и здесь колониальная экспансия содействовала укреплению существующего строя. Колониальные сверхприбыли расширяли для буржуазии возможности подкупа верхушки рабочего класса, подготавливали почву для реформизма, для внесения раскола в рабочее движение.

Тот же Ферри заявил, говоря о значении колоний для устойчивости существующих порядков: «Потребности Европы насыщены. Необходимо поднять новые массы потребителей в других частях света, иначе мы ввергнем современное общество в банкротство и подготовим к началу XX века социальную катастрофу, последствия которой нельзя учесть».

Известны аналогичные высказывания английских колониалистов. «Чемберлен, — писал Ленин, — проповедовал империализм, как «истинную, мудрую и экономную политику», указывая особенно на ту конкуренцию, которую встречает теперь Англия на мировом рынке со стороны Германии, Америки, Бельгии» [4]. Сесилю Родсу принадлежит заявление: «чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики,

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 380.

[2] Цит. по кн.: *W. L. Langer.* The Diplomacy of Imperialism, N. Y., 1951, p. 75.

[3] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 3, стр. 595.

[4] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 376.

должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров...»[1]. В колониальных захватах буржуазия усматривала, следовательно, также и средство предотвращения социальной революции: расширение капитализма «вширь» должно было укрепить его положение в метрополии. Не последнюю роль играли здесь и соображения идеологического порядка: покорение отсталых стран содействовало распространению расистской и шовинистической пропаганды, что должно было, по замыслам реакционных буржуазных политиков, отвлекать народные массы от социалистических идей.

Пока не было поколеблено промышленное и торговое первенство Англии, колонии были не столь уж необходимы английской промышленной буржуазии. 40—60-е годы XIX в. были периодом некоторого сокращения английских колониальных захватов. В те годы даже многие консерваторы смотрели на колонии несколько скептически. Известно замечание Дизраэли, что колонии — жернова на шее Англии. Еще в 1866 г. Дизраэли писал лорду Дерби, что Англия только выиграет, отделавшись от всех колоний, кроме Индии и владений в Средиземном море[2]. Канада и другие «белые» колонии получили широкую автономию, и их отпадение рассматривалось в Англии как вопрос времени. Крайние фритредеры в лице Кобдена выступали против «кровожадного идола империи».

Перелом в оценке колоний начался во второй половине 60-х годов. Гражданская война в США и вызванный ею хлопковый голод продемонстрировали английской буржуазии значение собственных сырьевых ресурсов. В 1868 г. был основан «Королевский колониальный институт». Тогда же в Англии возникло сильное движение в пользу укрепления империи посредством ее превращения в федерацию. Самоуправляющиеся колонии, говорили участники этого движения, т. е. Канада, Австралийские колонии, Новая Зеландия и Южная Африка, должны развиваться вовсе не в сторону постепенного отпадения от метрополии. Напротив, они должны стать на путь более тесного сближения с нею, хотя и на основе новых связей, а именно посредством создания федерации стран Британской империи.

Решающий перелом в отношении к колониям произошел под влиянием роста иностранной конкуренции, под влиянием кризисов 1867 г. и 70-х годов. Консервативная партия стала на путь широкой пропаганды колониальных захватов. В 1872 г., выступая в Кристалл-палас в Лондоне, Дизраэли объявил себя сторонником «имперской идеи», поборником всемерного укрепле-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 376.

[2] *W. F. Monypenny* and *G. Buckle.* The life of Disraeli, vol. IV, p. 476.

ния и расширения Британской империи. Преемник Дизраэли на посту лидера тори лорд Солсбери в 1890 г. говорил: «10 лет тому назад мы фактически были хозяевами Африки... не имея надобности устанавливать там протектораты или нечто подобное — просто в силу того, что мы господствовали на море и имели значительный опыт в обращении с туземцами» [1]. Теперь положение изменилось: повсюду, в том числе и в Африке, у Англии появились соперники. Легче всего свое преобладание Англия могла сохранить там, где она располагала политической властью, т. е. превратив возможно более обширные области в свои колонии.

В дальнейшем либеральная партия на практике также повела политику усиленной колониальной экспансии. В ее рядах в 80-х годах выделилась группа «юнионистов» с Джозефом Чемберленом во главе, которая заняла открытую и крайнюю колонизаторскую позицию. Во Франции главными проводниками колониальной политики были правые («умеренные») республиканцы — партия крупного капитала.

В 70-х годах, особенно же в связи с затянувшейся депрессией 80-х годов, идет лихорадочная погоня за новыми рынками сбыта. Усиливается экспансия в экономически отсталые страны, изобилующие сырьем и дешевой рабочей силой. Захватываются не только территории, имеющие реальное хозяйственное значение, но и такие, которые могут приобрести его в будущем. Капиталистическими государствами аннексируются целые страны нередко просто для того, чтобы не позволить овладеть ими конкуренту. В особенности это относится к районам, имеющим стратегическое значение. По мере того как росло число держав, соревнующихся в колониальной эксплуатации, все чаще производились захваты земель, которые могли бы служить конкуренту в качестве плацдармов или баз для развития его колониальной экспансии или для нанесения ударов по чужим колониям.

С переходом к империализму, с ростом экспорта капиталов и усиленной колониальной политикой связано развитие железнодорожного строительства в отсталых странах и развернувшаяся вокруг него борьба за великие железнодорожные пути.

Если говорить о дипломатии, то в ее деятельности резкое возрастание роли колониальных проблем, никогда не являвшихся ей чуждыми, впервые сказалось в Англии с приходом к власти кабинета Дизраэли в 1874 г. Главное внимание в своей колониальной политике лидер тори уделял укреплению британского господства над Индией и расширению английских владений и английского влияния на всем Востоке. Прорытие

[1] *G. Cecil.* Life of Robert Marquis of Salisbury, vol. IV. London, 1932, p. 225.

Суэцкого канала и перемещение кратчайшего морского пути в Индию в Средиземное море связало еще теснее, чем это было раньше, борьбу за влияние на Турцию с борьбой за пути в Индию. А наличие на Ближнем Востоке того же самого соперника, с которым Англия сталкивалась в Средней Азии — таким соперником и там и тут являлась царская Россия, — требовало постоянной координации английской политики на Балканах с политикой в Средней Азии.

Англия и Суэцкий канал

С открытием Суэцкого канала перед английским правительством встала важная задача — овладеть новым путем в Индию и на Дальний Восток, пролегавшим теперь через Средиземное море, Суэц и Красное море.

Владея Гибралтаром и Аденом, Англия контролировала выходы из этих морей в океаны. Военно-морская база Англии на Мальте являлась сильной позицией вблизи наиболее узкого и наиболее поддающегося блокаде района Средиземного моря. Но сам канал оставался вне контроля Англии.

В коммерческом отношении он был в руках французской компании. Политически же, пролегая по территории Египта, канал находился в руках правительства хедива (так именовался египетский монарх) и его сюзерена — турецкого султана. Власть последнего была скорее номинальной. Египет же являлся слабым государством, которое легко могло попасть в руки какой-либо великой европейской державы. В таком случае эта держава и стала бы хозяйкой Суэца. Скорее всего такая угроза могла бы исходить от той же Франции — в то время второй морской державы после Англии, располагавшей сильными экономическими и политическими позициями в странах Леванта — Восточного Средиземноморья. Суэцкий канал оказывался уязвимым пунктом на основной коммуникационной линии Британской империи.

Чтобы помочь делу, Дизраэли для начала обеспечил Англии экономическое господство над каналом. Он воспользовался тем, что египетский хедив Измаил, испытывая острую нужду в деньгах, решил продать принадлежавшие ему 176 600 акций Компании Суэцкого канала. Всех акций имелось 400 тысяч. Акции хедива практически могли обеспечить контроль над Компанией Суэцкого канала. Когда Дизраэли узнал об этом намерении хедива, он немедленно, не теряя времени на проведение кредитов через парламент, с помощью банкирского дома Ротшильда 25 ноября 1875 г. приобрел у египетского властителя его акции. Теперь экономический контроль над каналом был английскому правительству обеспечен.

Но одно экономическое влияние ему казалось совершенно недостаточным. В случае если бы Франция приобрела поли-

тическую гегемонию в самом Египте или вообще в восточной части Средиземного моря, коммерческий контроль над каналом, конечно, не мог бы обеспечить Англии господство над путем в Индию. Захват проливов Россией тоже создал бы угрозу имперским коммуникациям в Средиземном море и Суэцкому каналу — конечно, только в будущем и в том случае, если бы Россия обзавелась сильным военным флотом на Черном море. Противодействуя России во время восточного кризиса 1875—1878 гг., Дизраэли боролся не только за преобладание в Турции, за Афганистан и прилегающие районы Средней Азии, но и за господство над Суэцким каналом.

Финансовое закабаление Египта

Продажа акций не спасла финансы египетского государства. В ноябре 1875 г. хедив обратился к английскому правительству с просьбой рекомендовать ему двух специалистов по финансовым вопросам. Реакция английского кабинета была довольно неожиданная. Лорд Дерби ответил, что предлагает послать в Египет «специальную миссию для переговоров по поводу просьбы его высочества дать ему совет по финансовым делам» [1].

Хедив просил прислать двух опытных служащих, а английское правительство подменило этот вопрос совсем другим — о назначении миссии и преподании советов. Хедив, учитывая свое стесненное финансовое положение, счел невозможным отказаться от этого непрошеного предложения, и в Египет отправилась миссия во главе с генеральным казначеем Кейвом.

Кейву была дана инструкция, в которой указывалось, что «успех финансового управления зависит столько же от разумного ограничения обязательств и расходов страны, сколько и от развития ее ресурсов и хозяйственного управления» [2]. Вместо финансовых специалистов было решено послать в Египет контролера для обследования государственных финансов и управления. Английское правительство решило использовать трудное финансовое положение хедива, чтобы навязать ему свой контроль или даже протекторат в обмен за предоставление займа — обычный дипломатический прием буржуазной дипломатии при переговорах с экономически слабыми странами.

Хедив позволил Кейву обследовать свои финансы, но соглашения достигнуть не удалось. Французское правительство, обеспокоенное миссией Кейва, послало в Каир собственного представителя, которому было поручено противодействовать всем начинаниям английской миссии [3]. Французы предложили хе-

[1] *Ф. А. Ротштейн.* Захват и закабаление Египта. Изд. 2, М., 1959, стр. 24.

[2] Там же.

[3] См. там же, стр. 28.

диву финансовую помощь на несколько менее жестких условиях. Хедив, пользуясь англо-французским соперничеством, рассчитывал избавиться от Кейва.

Английское правительство в свою очередь решило сорвать французский проект санирования («оздоровления») египетских финансов. Чтобы добиться этого, оно пригрозило хедиву опубликовать доклад Кейва, рисовавший состояние египетских финансов в крайне пессимистическом духе. Хедив, естественно, заявил протест против вероломного разглашения доверенных Кейву государственных тайн.

Дизраэли ответил новым маневром. Он встал в позу поборника гласности. Воспользовавшись запросом в парламенте, он заявил, что был бы рад опубликовать доклад Кейва, но возражения хедива не позволяют ему это сделать. Своим заявлением Дизраэли создал самое безотрадное впечатление о финансовом положении Египта. В результате курсы египетских бумаг на бирже тотчас же упали. «Помощь» и «советы» Кейва, таким образом, окончательно подорвали кредит Египта, лишили его доступа к денежным рынкам. Вскоре, 8 апреля 1876 г., египетское правительство было вынуждено объявить о своей финансовой несостоятельности [1].

Однако при всем вероломстве политика английского правительства была не слишком ловкой. Дизраэли рассчитывал загнать хедива в кабалу к Англии. На деле банкротство заставило египетского правителя активизировать переговоры с французскими банкирами. В мае он достиг с ними соглашения о консолидации египетского долга. Ценой этой «помощи» должно было явиться установление международного финансового контроля, обеспечивающего платежи по займам. Органом такого контроля становилась организация кредиторов — «Касса египетского государственного долга».

Франко-египетская сделка была невыгодна для Англии. Английское правительство стремилось к определенной цели — всецело подчинить Египет своему влиянию. Теперь же в Египте водворялся международный, фактически же по преимуществу французский финансовый контроль в лице «Кассы египетского долга».

В ноябре 1876 г., кроме опеки со стороны «Кассы», хедиву было навязано два финансовых контролера: один из них был, правда, англичанин, но зато другой — француз. Первый контролировал доходы, второй — расходы египетской казны. Такой порядок устанавливал англо-французский кондоминиум (совместное господство) над Египтом.

---

[1] См. *Ф. Ротштейн.* Захват и закабаление Египта, стр. 28.

Английскому правительству этот исход был невыгоден. Для французского он явился большой победой. Франция, более слабая на море и скованная антагонизмом с Германией, не могла и думать о том, чтобы полностью прибрать Египет к своим рукам. Все, чего она в силах была добиваться, так это того, чтобы не позволить Англии установить там свою единоличную гегемонию. Международный финансовый институт в лице «Кассы» и двойственный англо-французский контроль оказывались серьезным препятствием для установления в Египте полновластного господства одной Англии.

Английское правительство вынуждено было согласиться на невыгодное для него решение египетского вопроса ввиду малоблагоприятной международной ситуации. Восточный кризис обострялся. Это были дни «берлинского меморандума», когда «союз трех императоров» еще далеко не был разорван. В таких условиях Англия никак не решалась ссориться с Францией. Недаром Бисмарк, стремясь вызвать англо-французский конфликт, настойчиво советовал англичанам, не мешкая, захватить Египет!

Несколько позже лорд Солсбери следующим образом разъяснил причины, побудившие английский кабинет согласиться на кондоминиум над Египтом. Перед Англией, говорил он, имелись три пути: либо она могла отказаться от Египта, но это «означало бы позволить французам преградить нам путь в Индию»; либо же Англия могла «монополизировать» Египет, но это было бы «весьма близко к риску войны». Момент для этого был совсем неподходящим. Пришлось прибегнуть к третьему выходу: поделить с Францией влияние над Египтом [1]. Исход был далеко не идеальный с английской точки зрения, но ничего лучшего пока добиться не представлялось возможным.

На практике система англо-французского финансового контроля явилась орудием беспощадного выколачивания ресурсов страны ради своевременной оплаты купонов египетских иностранных займов. В 1877 г. из 9,5 млн. фунтов общей суммы своих государственных доходов Египет истратил 7,5 млн. на уплату иностранным кредиторам. За вычетом дани Турции и выдачи гарантированных дивидендов по акциям Суэцкого канала на все нужды внутреннего управления осталось около миллиона фунтов, т. е. лишь немногим более 10% бюджета [2].

Разорив Египет, англо-французские банкиры использовали плачевное положение египетских финансов для еще большего закабаления страны. В августе 1878 г. администрация «Кассы государственного долга» заставила хедива (после еще одного «обследования» его финансов) создать новое правительство,

---

[1] *G. Cecil.* Life of Salisbury, vol. II, p. 331—332.

[2] См. *Ф. А. Ротштейн.* Захват и закабаление Египта, стр. 54.

поставив во главе его некоего Нубар-пашу, агента иностранного капитала, и назначить в этом правительстве иностранцев на ряд министерских постов [1].

Этот новый акт на пути к полному закабалению крупнейшей арабской страны колонизаторы прикрывали с беспредельной наглостью либеральной фразеологией. Они утверждали, что финансовые злоключения Египта проистекают из-за того, что хедив располагает абсолютной властью. Для устранения финансовых злоупотреблений, заявляла пресса, связанная с банкирским домом Ротшильдов, необходимо создать «ответственное министерство». Эта лицемерная терминология была лишь словесным прикрытием самого беззастенчивого грабежа. Кабинет Нубара действительно игнорировал хедива, но с отстранением последнего на второй план нести «ответственность» правительству уже вообще было не перед кем: парламент был в Египте чистой фикцией. «Ответственное министерство» иностранных клевретов фактически означало полную безответственность, кроме, конечно, ответственности перед банкирами — держателями египетских займов.

Первоначальный план установления «ответственного министерства» был английского происхождения, его автором являлся вице-председатель «Кассы египетского долга» сэр Риверс Вильсон, который предполагал ввести в министерство только одного-единственного иностранца, а именно самого себя. Он предназначал себе портфель министра финансов.

Но французы сумели расстроить планы предприимчивого англичанина. Они добились того, что министром общественных работ был назначен француз, и кроме него в кабинет Нубара вошел в качестве министра итальянец. Препятствия на пути захвата Египта Англией все умножались благодаря изворотливости французской дипломатии.

Взаимное соперничество не мешало, впрочем, английским и французским банкирам совместно эксплуатировать и разорять Египет. Хозяйничанье агентуры иностранных банкиров вызвало взрыв национального возмущения. 18 февраля 1879 г. египетские офицеры задержали карету Нубар-паши, когда он ехал вместе с Риверсом Вильсоном. Оба они были арестованы.

Нубар и Вильсон были освобождены благодаря вмешательству хедива. По некоторым данным, он был причастен к выступлению офицеров. Во всяком случае, в результате их выступления он вернул себе власть. Кабинет Нубара был уволен, включая и министров-иностранцев. Так закончился первый период иностранного финансового контроля, установленный в 1876 г.

[1] См. (также и для последующего) *Ф. А. Ротштейн.* Захват и закабаление Египта, стр. 63—72.

Возмущению капиталистов-кредиторов и капиталистической прессы не было пределов. Однако английское правительство втайне рассчитывало извлечь пользу из всего происшедшего. Ему показалось, что с удалением международного министерства расчищается почва для сепаратных действий Англии. «Мы не имеем никакого желания составлять компанию Франции; еще менее можем мы допустить, чтобы Франция приобрела в Египте какое-либо особое влияние» [1], — писал в эти дни Солсбери британскому послу в Париже. Если раньше английская пресса поносила хедива и его «варварское» правительство, то теперь такой орган Сити, как «Таймс», вдруг заполнил свои страницы нападками на хозяйничанье Нубара и иностранных кредиторов [2].

Зато заинтересованные банкиры были охвачены смятением, опасаясь за свои доходы. Они, однако, быстро сумели себе помочь. Парижский Ротшильд отказался выплатить египетской казне остаток по последнему займу, реализованному им для Египта еще при Нубаре. Эти суммы предназначались для удовлетворения претензий держателей египетского краткосрочного долга. Среди них было много немецких капиталистов и, между прочим, личный банкир и друг Бисмарка Блейхредер. Германское правительство обратилось к хедиву с резким протестом против дискриминации держателей краткосрочных обязательств. Протест был поддержан дружественным австро-венгерским правительством. Франция, конечно, также присоединилась — ведь система кондоминиума и министерство Нубара служили в первую очередь французским интересам. Таким образом, главный ее антагонист в Египте — Англия — оказался изолированным перед лицом единого фронта Франции, Германии и Австро-Венгрии. Канцлер Германской империи при этом не только отстаивал прибыли Блейхредера. Он следовал обычному своему правилу — не упускать ни одного случая, когда можно втянуть Францию в осложнения с Англией и тем отвлечь ее силы и ее внимание подальше от германской границы.

Английское правительство почувствовало себя одиноким. Оно оробело и не посмело противодействовать франко-германо-австрийскому блоку. Совместным давлением держав Измаила принудили отречься от престола. Это произошло 26 июня 1879 г. [3] Хедивом был провозглашен его сын Тевфик, которого вскоре же заставили восстановить двойственный англо-французский контроль с обязательством не увольнять иностранных финансовых комиссаров иначе, как с согласия их правительств.

---

[1] *G. Cecil.* Life of Salisbury, vol. II, p. 352.
[2] См. *Ф. А. Ротштейн.* Захват и закабаление Египта, стр. 85—86.
[3] См. там же, стр. 89—91.

Результаты реставрации иностранного режима были те же, что и в течение первого его сеанса: потрясающее разорение страны и новое национальное восстание под руководством полковника Ахмета-Араби 9 сентября 1881 г.

Египетские патриоты добились того, что молодой хедив на некоторое время подчинился их руководству. Он составил министерство из патриотов — сначала из умеренных, а затем и из более радикальных. В международную дипломатию все более вторгался новый фактор — национально-освободительное движение угнетенных народов. На протяжении XIX в. он сильно влиял на дипломатию в Европе, в Латинской Америке, в Китае — при тайпинах. Теперь этот фактор сказался и в Африке.

У новых министров вскоре же возник конфликт с иностранными контролерами и стоявшей за ними международной биржей. В начале 1882 г. контролеры были фактически устранены от дел.

События в Египте совпали с приходом во Франции к власти кабинета Гамбетты. Новый председатель совета министров предложил английскому правительству (теперь уже не Биконсфильда, а Гладстона) сделать хедиву совместное предостережение против любых попыток изменить «установленный в Египте порядок вещей». Гамбетта предполагал, что в случае невыполнения хедивом этих требований против Египта будут применены меры принуждения в виде совместной англо-французской военной интервенции [1].

Но Гладстон и его министр иностранных дел лорд Гренвиль были противниками совместного вооруженного вмешательства: зачем им было допускать в Египет французские войска? С них более чем достаточно было и французских финансистов! Англия подготовляла свое сепаратное выступление.

Конъюнктура для этого стала теперь более благоприятной. Только что, в мае 1882 г., образовался Тройственный союз. Договор остался тайным, но самый факт сближения Италии с Германией и Австро-Венгрией был очевиден, и Франция особенно остро почувствовала, что все ее силы необходимы ей в Европе. К тому же Германия теперь перешла в египетском вопросе на сторону англичан. Их стремились ободрить, поощрить к сепаратному выступлению. Теперь именно такая позиция Германии способствовала ее цели: углублению англо-французского антагонизма.

Все же в течение некоторого времени правительство Гладстона колебалось предпринять решительный шаг для захвата Египта. Французское правительство, особенно после того как

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. IV, № 213, 224, p. 204—205, 215; *А. З. Манфред.* Внешняя политика Франции 1871—1891 годов, стр. 302—303.

во главе его встал Гамбетта, стремилось втянуть Англию в совместную борьбу против национально-освободительного движения. Это установило бы англо-французский союз, которого желал Гамбетта, и сковало бы инициативу Англии в Египте. Английское правительство с неохотой согласилось с французским проектом ноты, а затем и с предложением о совместной посылке Англией и Францией военных кораблей в Александрию.

Дальнейшие замыслы английского правительства в борьбе против национально-освободительного движения раскрывает следующее донесение английского генерального консула в Египте Малета: «Нынешнее (египетское) министерство до сих пор явно стремилось уменьшить англо-французский протекторат... несомненно, наше влияние уменьшается со дня на день. Мы не сможем достигнуть снова власти до тех пор, пока военное господство (т. е. арабские офицеры-националисты. — *В. Х.*) не будет сломлено... Мне кажется, что некоторые осложнения острого характера должны произойти, прежде чем будет достигнуто какое бы то ни было удовлетворительное решение египетского вопроса, и что было бы разумнее ускорить их, чем стараться задержать» [1].

Английское правительство действительно взяло курс на провоцирование «осложнений острого характера» и вооруженной интервенции. Сначала из осторожности оно выступило в качестве сторонника интервенции официального сюзерена Египта — Турции. Это была бы замаскированная интервенция Англии [2], которая сразу убила бы двух зайцев: задушила национальное движение и устранила влияние Франции.

В Константинополе по инициативе главным образом Франции была созвана конференция послов великих держав [3]. Французы старались на ней связать инициативу англичан. Средством для этого должно было быть принятие всеми державами обязательства «не искать в Египте каких-либо территориальных приобретений или исключительных выгод» [4]. Англия, не желая себя преждевременно разоблачить, вынуждена была принять такое обязательство, вскоре же ею нарушенное. Английское правительство использовало конференцию для поддержки проекта турецкой военной экзекуции над Египтом. Другие державы согласились с этим. Но они обставили свое согласие на турецкую интервенцию такими условиями, которые не позволяли превратить эту интервенцию в орудие Англии. Но тут британская дипломатия опередила своих партнеров.

---

[1] Цит. по кн.: *Ф. А. Ротштейн.* Захват и закабаление Египта, стр. 152—153.

[2] См. там же, стр. 156.

[3] Там же, стр. 172—174.

[4] См. там же, стр. 176.

Оккупация Египта

Пока дипломаты вели переговоры в Константинополе, в Египте нарастало национально-революционное движение. Хедив позорно бежал от революции из Каира в Александрию под защиту стоявших на рейде английских и французских кораблей. В июне 1882 г. в Александрии вспыхнуло народное восстание, направленное против иностранцев. Было убито несколько сот человек, в том числе около 50 подданных различных европейских держав. Вслед за тем сходные движения произошли и в других местностях. Предвидя интервенцию, египетское национальное правительство стало укреплять Александрию. И вот, повод для провокации был найден! На александрийском рейде уже в течение некоторого времени стояла англо-французская эскадра. Английский адмирал Сеймур сообщил своему правительству, что возводимые на берегу укрепления серьезно угрожают судам. Это и явилось предлогом для английского вмешательства. 3 июля Сеймур получил приказ добиться прекращения фортификационных работ, а в случае необходимости разрушить уже возведенные укрепления.

Английское правительство постаралось отделаться от посылки турецких войск, которая теперь стала для него обременительной.

У власти во Франции в это время находился Фрейсинэ. Он готов был послать войска в Египет, особенно на Суэцкий перешеек. Но французский парламент отказался санкционировать участие в интервенции, и Фрейсинэ вынужден был уйти в отставку. По мнению большинства палаты, Франция не могла отвлекать свои силы из Европы. Она должна была неотступно соблюдать бдительность в Вогезах. Французские корабли были отозваны из Александрии.

Между тем англичане действовали: 10 июля Сеймур вручил ультиматум египетским властям, а 11 июля в 7 часов утра началась бомбардировка укреплений и самого города, который вскоре в ряде мест был объят пламенем. Через два дня последовала высадка десанта. 2 августа части англо-индийской армии заняли Суэц. 13 сентября египетские войска были разбиты при Тель-эль Кабире. 15 сентября был взят Каир. В течение короткого времени англичанами был оккупирован весь Египет.

Правительство Гладстона лицемерно заявило, что оно не имеет намерения удерживать Египет. Английские войска уйдут оттуда тотчас же, как только внутреннее состояние страны позволит им отказаться от своей якобы тягостной миссии. До 1922 г., по исчислению одного французского публициста, Англия сделала более 66 подобных заверений [1]. Но британские войска продолжали оставаться в стране.

[1] *Juliette Adam.* L'Angleterre en Egypte. Paris, 1922, p. 73.

На деле Гладстон не только не вывел войска из Египта, но попытался распространить британскую оккупацию и на Судан. Впрочем, тут колонизаторы потерпели неудачу: в начале 1885 г. восставшие арабы, руководимые вождем, известным под именем Махди, истребили в Хартуме английский отряд во главе с генералом Гордоном.

В начале 1883 г. по требованию англичан хедив издал указ об уничтожении двойственного контроля. В Египет был послан сэр Эвелин Бэринг, участник банкирского дома Бэрингов, одной из богатейших династий английской финансовой олигархии. Бэринг занял скромный по внешности пост британского генерального консула и дипломатического агента. На деле он стал фактическим повелителем страны. В течение 23 лет Бэринг, получивший впоследствии титул лорда Кромера, руководил политикой Египта.

Франция не примирилась с захватом Египта Англией. Через «Кассу египетского долга», через смешанные суды, существовавшие в Египте в силу наличия там режима капитуляций, Франция стала чинить всяческие препятствия английской политике в этой стране. Особенно сильным орудием являлась «Касса египетского долга», в которой Франции принадлежала влиятельная роль. Касса распоряжалась значительной частью государственных доходов Египта и, следовательно, имела возможность вмешиваться в управление страной. Борьба за Египет чрезвычайно обострила англо-французские противоречия.

В то же время захват Францией Туниса обострил франко-итальянский антагонизм.

Захват Туниса Францией (1881 г.)

Франция не решилась послать войска в Египет. Это означало бы длительное отвлечение крупных сил из метрополии на борьбу с египетским народом, а также со своим партнером и конкурентом — Англией. При этом учитывалось, что в Египте в соперничестве двух держав Англия всегда оказалась бы сильнее Франции. Превосходство Англии обеспечивало ее первенство на море. Серьезным тормозом для французской колониальной экспансии был франко-германский антагонизм. Он не позволял отвлекать крупные силы от восточной границы Франции. При его наличии ссора с Англией была крайне опасной, а в Египте такая ссора была более вероятна, чем в любой другой области колониальной экспансии.

Относительную сдержанность, проявленную Францией в Египте в 1882 г., не следует понимать как признак отсутствия колониальных вожделений у правящих кругов Третьей республики. Там, где риск осложнений представлялся менее опасным, Франция не отставала от Англии в своей активности на арене колониальных захватов.

Двигателем колониальной политики Французской республики являлись интересы ее финансовой олигархии. В конце 1877 г. к власти во Франции пришло республиканское министерство. Умеренные республиканцы были теснейшим образом связаны с крупным капиталом. Они попытались несколько улучшить франко-германские отношения. Это давало им возможность вступить на путь активной колониальной политики, «руководимой, — по определению Энгельса, — биржевыми спекулянтами».

Повороту правительственной политики предшествовал новый курс в финансовой политике некоторых руководящих банков. Почин положил «Лионский кредит», который в 70-х годах стал на путь расширения вывоза капитала в колониальные и зависимые страны. Наиболее энергичным проводником колониальной экспансии стал один из лидеров умеренных республиканцев, Жюль Ферри, самый подлый «из подлых палачей Коммуны» и один «из самых законченных представителей той оппортунистической буржуазии, которая хочет управлять Францией только для того, чтобы высасывать соки из нее и ее колоний»[1]. Так характеризовал Энгельс этого государственного деятеля, брата директора франко-египетского банка.

Первой жертвой французского капитала стал Тунис. Командуя вместе с Мальтой и Сицилией над самым узким местом Средиземного моря, Тунис имел немалое значение для борьбы за господство в Средиземноморском бассейне. Большую важность представлял он и для поддержания французского господства над Алжиром — в качестве сопредельной с ним страны. Овладев Тунисом, Франция в качестве восточной границы своих североафриканских владений приобретала море и пустыню. Возможный переход Туниса в руки Италии грозил неприятными последствиями для положения Франции на Средиземном море. Владея Сицилией, Италия, захватив Тунис, могла бы отрезать Францию от Леванта и Суэцкого канала, от путей в Индокитай и на Дальний Восток.

Еще в 60-х годах Тунис попал в финансовую кабалу к английскому и французскому капиталу. Займы предоставлялись Тунису из ростовщических процентов — из 12 или даже 15. Комиссионные банков составляли до 30% ссужаемой суммы. В 1869 г. тяжелое финансовое положение этой страны привело к организации Международной комиссии тунисского долга, которая в обеспечение уплаты по займам захватила контроль над значительной частью государственных доходов Туниса. В комиссии хозяйничали французы, англичане и итальянцы; между ними шла ожесточенная борьба. Французские

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 1, т. XVI, ч. II, стр. 386.

капиталисты получили концессию на телеграф; из-за железнодорожных концессий шла грызня между представителями английского, французского и итальянского капитала.

Когда в дни Берлинского конгресса в печати было разоблачено заключение Кипрской конвенции, французская делегация готовилась заявить протест, который мог причинить Англии немалые хлопоты. Чтобы задобрить французов, Биконсфильд повидал Ваддингтона: он обещал ему в обмен за захват Кипра Англией не чинить препятствий поглощению Францией Туниса.

Министр иностранных дел Ваддингтон был представителем того типа французских политиков, который породила во Франции среда «республиканцев-оппортунистов», тесно связанных с колониальными интересами крупного капитала. Русский посол в Париже Орлов остроумно назвал Ваддингтона «англичанином по происхождению и пруссаком из страха».

В свою очередь Бисмарк тоже предложил французам Тунис: канцлеру очень хотелось занять Францию такими проблемами, которые обострили бы ее отношения с другими державами, в данном случае с Италией. Это соображение побудило германского канцлера через статс-секретаря ведомства иностранных дел Бюлова одновременно сулить тот же Тунис и итальянцам. Германская дипломатия добивалась, чтобы они не протестовали против захвата Боснии Австро-Венгрией, но зато покрепче сцепились бы с Францией.

После Берлинского конгресса французское правительство принялось энергично подготовлять захват Туниса. Италия старалась помешать. Французский капитал при содействии дипломатии стремился проникнуть во все отрасли народного хозяйства страны. Ожесточенная схватка разгорелась между французским акционерным обществом «Бон-Гуэльма» и итальянской компанией «Рубаттино» за железную дорогу Тунис — Голетта. Борьба развертывалась и вокруг других концессий.

Обычным способом проникновения в Тунис было приобретение иностранным капиталом земли и феодальных прав. Из-за покупки огромных поместий крупного феодала Хереддина в 1880 г. разгорелась жаркая схватка между французским Марсельским обществом и английским подданным неким Леви. Марсельская компания купила у Хереддина его земли, но Леви при поддержке тунисского правительства оспаривал законность сделки, ссылаясь на шариат. Дело долго тянулось в тунисских судах. В конце концов французы выиграли процесс. Но тут вмешалась английская дипломатия. Она заставила французское правительство отказаться от поддержки притязаний Марсельского общества. Не выгорело дело и с дорогой Тунис — Голетта.

Внутри Франции у колонизаторов тоже возникли трудности. В рядах самой умеренной республиканской партии про-

тив захвата Туниса возражал Гамбетта. Он был согласен в этом вопросе с оппозицией — монархистами и радикалами.

В 1880 г. к власти пришел кабинет Ферри. Ему, как и другим поборникам колониальной экспансии, очень хотелось полностью захватить Тунис, оккупировав его французскими войсками. Главным препятствием для осуществления этого плана было серьезное внутреннее противодействие в самой Франции. Вся оппозиция — и радикалы, и монархисты — сходилась на том, что Франция не может отвлекать силы от германской границы. Ферри постарался тщательно замаскировать свои действия: он изобразил поход на Тунис как мероприятие, необходимое для безопасности Алжира. На тунисско-алжирской границе издавна время от времени происходили инциденты, вызывавшиеся столкновениями с кочевыми арабскими племенами. Один из налетов племени крумиров Ферри постарался изобразить в качестве события, серьезно угрожающего спокойствию Алжира. Ферри заявил, что французы вынуждены «помочь» тунисскому бею водворить порядок в его владениях. Под видом такой «помощи» французский экспедиционный корпус оккупировал важнейшие центры Туниса.

Теперь дипломатии оставалось оформить совершившийся факт: бей должен был сам дать согласие на захват своей страны французами. Французское правительство хотело таким актом связать бею руки, чтобы помешать ему подстрекать своих подданных к сопротивлению захватчикам. В летнюю резиденцию бея, Бардо, явились командир экспедиционного корпуса генерал Бреар и французский дипломатический агент в Тунисе Рустан. Французские представители прибыли с внушительным воинским эскортом. Они заявили бею, что их правительство готово сохранить за ним корону, но под условием, что он признает протекторат Франции. Тут же бею был вручен готовый текст договора. На раздумье ему было дано несколько часов. Чтобы облегчить тунисскому властителю бремя сомнений, ему дали знать, что неподалеку от Бардо под охраной французских штыков находится наготове один тунисский принц, являющийся претендентом на престол бея. После краткого размышления бей счел за благо подписать так называемый Бардоский договор (1881 г.). Франция вынудила у бея согласие держать в Тунисе свои войска и определять его внешнюю политику. В 1883 г. по конвенции, подписанной в Ла Марса, над Тунисом был формально установлен протекторат Франции.

Однако не только один Тунис оказался в кабале у французского капитала. Ареной его активной деятельности был весь бассейн Средиземного моря. На востоке — не только Египет, но и другие области Османской империи. На западе — не говоря об Италии и Испании, рынок которых Франция стреми-

лась монополизировать, — также Марокко, которое французские колонизаторы уже в 70-х годах надеялись превратить в свою колонию. Они проникали туда методом постепенного просачивания, подчиняя своему влиянию отдельные племена и насаждая свою агентуру, широко используя архаические феодальные институты для приобретения земель и привилегий.

Английское правительство пыталось мобилизовать другие державы на противодействие Франции в Марокко. Этой цели должен был служить созыв при посредстве Испании в 1880 г. международной конференции в Мадриде. Была заключена конвенция, запрещавшая всем государствам добиваться в Марокко преимущественного положения перед другими. Испания поддержала Англию. Германия стремилась в то время сохранить Марокко в качестве одного из яблок раздора между Англией и Францией. Чем глубже ее главный враг на континенте увязал в колониальных авантюрах, тем большее удовлетворение испытывала берлинская дипломатия. В итоге постепенное проникновение французов в Марокко продолжалось.

Заключение Тройственного союза (1882 г.)

Захват Туниса Францией был не только эпизодом в борьбе за преобладание на Средиземном море. Он оказал влияние и на группировку сил в Европе. Поощряя французское правительство на захват Туниса, Бисмарк совершил ловкий дипломатический маневр. Он вовлек Италию и Францию в ожесточенную борьбу из-за этого куска Северной Африки. Как ни парадоксально это звучит, но, оказывая Франции дипломатическую поддержку против Италии, Бисмарк делал обиженных им итальянцев своими союзниками. Он, можно сказать, пинками загонял Италию в свой политический лагерь. В момент захвата Туниса французами в Италии стояло у власти министерство Кайроли. Премьер был поборником присоединения Триеста и Трентино, так называемой «неискупленной Италии», «Italia irredenta», остававшейся под властью Габсбургов. Ненависть к Австрии делала «ирредентистов» франкофилами: где же, как не в Париже, было искать поддержки против страны, являвшейся союзницей Берлина?

Незадолго до вторжения французских войск в Тунис Кайроли публично заверял встревоженный парламент, что никогда Франция не совершит столь вероломного акта. Когда же этот шаг был все же сделан, Кайроли подал в отставку. Уходя, он заявил, что в его лице со сцены сходит последнее франкофильское министерство в Италии.

Конфликт с Францией побуждал Италию искать сближения с австро-германским блоком. Где уж было Италии, с финансами, вечно находящимися на грани банкротства, тягаться сразу и с Францией, и с центральными державами? Да и на-

верстать где-либо в другом месте то, что она упустила в Тунисе, Италия могла, только опираясь на сильную военную державу. Бисмарк назвал итальянских правителей шакалами, которые крадутся за более крупными хищниками.

Промышленная буржуазия Италии, старавшаяся оградить себя от французской конкуренции, настойчиво стремилась к союзу с Германией. Хотел его и итальянский король. Гумберт I полагал, что сближение с монархическими странами упрочит его трон. Обострение «римского вопроса», т. е. вопроса о статусе Ватикана, явилось для итальянских правящих кругов дополнительным стимулом искать опоры у Германии — инициатора «культуркампфа».

Еще до оформления Бардоского договора итальянская дипломатия попыталась неофициально позондировать почву в Берлине. В качестве посредника был избран берлинский корреспондент одной из больших итальянских газет. Бисмарк принял этот зондаж довольно сухо. Все же он уведомил журналиста, что из Рима путь в Берлин пролегает через Вену. Итальянское правительство поняло намек. Как ни велика была в Италии ненависть к былому угнетателю, но она решилась сделать попытку сблизиться с Австрией. В январе 1881 г. в Вену явился итальянский тайный агент. Пристрастие к неофициальным посредникам взамен обычных методов дипломатических сношений не было случайностью. Оно свидетельствовало о слабости Италии; из этой слабости проистекала неуверенность итальянского правительства в себе и боязнь конфуза в случае отклонения его авансов. Ввиду этого оно и стремилось в данном случае действовать менее официальными путями.

Сближение с Италией сулило Австрии обеспечение тыла на случай войны с Россией. Поэтому в Вене после ряда проволочек согласились на союз с Италией — как ни презирал эту страну австрийский двор. Бисмарку же Италия была нужна для изоляции Франции. Все это привело к тому, что в конце 1881 г. завязались официальные переговоры. 20 мая 1882 г. был подписан союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, известный под названием Тройственного союза. Он был заключен на пять лет и затем неоднократно продлевался, просуществовав до 1915 г.

Согласно этому договору два его участника — Германия и Австрия — обещали Италии военную поддержку в случае «неспровоцированного» нападения Франции. Такое же обязательство возлагалось на Италию в случае нападения Франции на Германию. Что касается Австрии, то она и теперь, так же как и по австро-германскому договору 1879 г., освобождалась от оказания Германии помощи против Франции.

Далее, все три участника Тройственного союза обещали

друг другу благожелательный нейтралитет в случае войны с любой другой великой державой, кроме Франции, и военную помощь, если бы один из них подвергся нападению сразу со стороны двух великих держав. Практически пункт о нейтралитете означал прежде всего гарантию для Австрии нейтралитета Италии в случае австро-русской войны.

Договор 20 мая 1882 г. существовал параллельно с австро-германским союзом 1879 г., направленным против России, и с соглашением «трех императоров» 1881 г. В совокупности они образовали систему союзов, в центре которой стояла Германия.

Что касается Италии, то ее участие в антифранцузском военном блоке имело и более глубокую причину, нежели соперничество из-за Туниса или потребность Савойской монархии в опоре против революции или притязаний Ватикана. Такой причиной было стремление молодой промышленной буржуазии, быстро развивавшейся в северной части страны, освободиться от засилья французского капитала на итальянском рынке. Нечто сходное наблюдалось и в Испании.

Захват Конго (1878—1884 гг.)

Борьба великих держав за раздел Африки не ограничилась северной частью материка. Еще в 1876 г. бельгийский король Леопольд II, большой предприниматель и делец, создал под своим председательством так называемую Международную ассоциацию для исследования и цивилизации Африки. «Деляга, финансист, аферист... Типик!!» [1] — характеризовал Ленин коронованного спекулянта. Организация ассоциации являлась своеобразным методом дипломатической маскировки. Выраженная в этом наименовании и в публичных декларациях филантропическая и научная задача ассоциации была не более как ширмой. Истинной целью ассоциации был захват и эксплуатация бассейна реки Конго. Леопольд привлек к себе на службу знаменитого исследователя этих областей американца Стэнли. В 1879 г. Стэнли во главе экспедиции вновь отправился в бассейн Конго. Он основал там ряд опорных пунктов и заключил около 400 договоров с туземными вождями. К лету 1884 г. большая часть бассейна Конго оказалась под контролем Леопольда. Существенную помощь оказывали ему миссионеры — Леопольд позаботился обеспечить себе поддержку Ватикана.

В отношениях с местными племенами обходились, как правило, без услуг официальной дипломатии. Но скоро потребовалась и она. У Леопольда и Стэнли в Конго нашлись соперники. Французское правительство тоже решило наложить руку на богатства Центральной Африки. В район нижнего Конго была послана экспедиция во главе с морским офицером де Браззa, который основал там укрепленные базы.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 502.

Видя, что Франция и Бельгия близки к тому, чтобы захватить весь бассейн Конго, английское правительство 26 февраля 1884 г. подписало договор с Португалией, по которому признавало ее «права» на устье реки. Цель этой сделки была ясна: Англия передавала устье Конго, основной торговой артерии Центральной Африки, в руки государства, еще с XVII в. являвшегося ее сателлитом.

В это время во Франции к власти вторично пришел Жюль Ферри — тот самый, который уже провел захват Туниса. Он заявил протест против англо-португальского договора. Англо-французские противоречия перебрасывались, таким образом, и в Центральную Африку. Бисмарк не преминул использовать благоприятный случай, чтобы еще более разжечь это соперничество. К тому же у самой Германии тоже возник острый конфликт с Англией на колониальной арене. Ввиду всего этого Бисмарк присоединился к протесту Ферри.

Берлинская конференция

Под нажимом Франции и Германии Англия и Португалия были вынуждены отказаться от своего договора относительно устья реки Конго. Они согласились передать вопрос о Конго международной конференции. Официально с инициативой ее созыва выступила Германия, и конференция открылась в Берлине в ноябре 1884 г. Германия, Франция и США совместно поддержали претензии короля Леопольда и отклонили притязания Португалии и Англии. Они предпочитали отдать Конго вместе с устьем реки слабой Бельгии, безопасной для их интересов, нежели позволить Англии хозяйничать там за спиной Португалии. В феврале 1885 г. Берлинская конференция закончилась подписанием «Заключительного акта». Бассейн Конго и некоторые соседние области были объявлены зоной свободной торговли.

За товары, привезенные в пределы этой зоны, не взималось никаких пошлин — ни ввозных, ни транзитных. Все иностранцы пользовались там теми же правами, что и «туземные подданные» в отношении приобретения собственности, промышленной деятельности и т. д. Все участники «Акта» обязывались «уважать нейтралитет» территорий, составляющих согласно договору зону свободной торговли. Была установлена свобода судоходства для торговых судов всех наций по Конго и его притокам на началах «совершенного равенства». Для обеспечения исполнения этих постановлений предусматривалось создание международной комиссии из представителей всех государств, подписавших «Акт», т. е. всех великих держав Европы, США и нескольких малых государств. «Совершенно свободным» было также объявлено судоходство всех наций по реке Нигер с ее притоками. Однако в отличие от Конго применение

этих начал на Нигере по настоянию Англии и Франции было возложено не на международную комиссию, а на обе эти державы — каждую в пределах своих владений.

Во время конференции происходили переговоры между ассоциацией и Португалией о разграничении их владений. При этом Португалия все же выговорила себе участок южного берега реки Конго в ее устье. Северный достался ассоциации.

Вскоре владения ассоциации были преобразованы в «Независимое государство Конго», связанное с Бельгией личной унией в лице общего короля. 1 февраля 1885 г. Леопольд официально уведомил об этом всех участников «Заключительного акта» Берлинской (иначе «Африканской») конференции, и вскоре новое «государство» получило их признание. На деле оно было колонией бельгийского короля, подвергавшейся беспощадной и хищнической эксплуатации со стороны ряда компаний, участником которых состоял коронованный делец вкупе с воротилами бельгийского капитала, тесно связанного с французским и английским.

Колониальная политика Бисмарка

Ко времени Берлинской конференции назрел острый англо-германский конфликт. Еще во время франко-прусской войны германские капиталисты, особенно крупные торговые и судоходные фирмы Гамбурга и Бремена, требовали приобретения колоний. В 70—80-х годах эти требования становились все более настойчивыми. Их поддерживали такие столпы нарождавшейся в Германии финансовой олигархии, как директор гигантского банка «Дисконто-Гезельшафт» Ганземан, банкирский дом «Блейхредер» и другие.

Бисмарк долгое время относился к вопросу о колониях сдержанно и даже холодно. Известно его выражение, что если бы молодая Германская империя завела себе колонии, то она уподобилась бы польским шляхетским семьям, у которых имеется соболья шуба, но нет ночной рубашки. Вместе с тем Бисмарк развивал и ту мысль, что центральное положение Германии в Европе, создавая ей по крайней мере два угрожаемых фронта, не позволяет рисковать конфликтом с Англией из-за колоний.

Тем не менее германскому канцлеру в конце концов пришлось уступить. Не только нажим со стороны буржуазии побудил его вступить на стезю колониальной политики. На него повлияло и то обстоятельство, что международное положение представлялось в начале 80-х годов исключительно благоприятным для Германии. Захваты Туниса Францией, Египта Англией, Туркмении Россией крайне обострили франко-итальянские, англо-французские и русско-английские отношения; взаимные распри остальных держав обеспечивали прочное поло-

жение Германии в Европе. Создавшееся положение неплохо отразила карикатура, появившаяся в юмористическом журнале «Кладдерадач». Она изображала земной шар, на вершине которого в кресле развалился Бисмарк. Внизу, где изображена Азия, из окошка с надписью «Мерв» высовывается физиономия Александра III. Вокруг Индийского океана беснуются, грозя друг другу кулаками, англичанин и француз. Бисмарк говорит: мне только на руку, если другие найдут себе занятие там внизу. Тогда здесь наконец наступит покой. Этот «покой» он и решил использовать для обзаведения колониями.

В 1883 г. бременский купец Людериц основал поселение в Юго-Западной Африке, в районе Ангра-Пекена, и обратился к Бисмарку с просьбой о протекторате. Бисмарк запросил английское министерство иностранных дел, имеет ли Англия притязания на эту местность. В ответ он получил заявление, вскоре публично подтвержденное, что всякое покушение на эти пустынные берега Англия сочтет нарушением своих законных прав. Бисмарк ответил вопросом: на чем основывает Англия свои права? Лорд Гренвиль замешкался с ответом. Он запросил статс-секретаря колониального ведомства лорда Дерби. А лорд Дерби запросил правительство Капской колонии — главное заинтересованное лицо с английской стороны. Капштадт также ответил не сразу.

Подождав некоторое время и не получив ответа, Бисмарк решил поставить англичан перед совершившимся фактом. 24 апреля 1884 г. он провозгласил протекторат Германии над Ангра-Пекена и прилегающим побережьем. Так возникла первая германская колония — Германская Юго-Западная Африка.

5 мая 1884 г. Бисмарк поручил своему послу сообщить лорду Гренвилю, что для Англии выгоднее всего было бы признать совершившийся факт. Колоний у Англии, дескать, много, и небольшие германские владения не могут ей нанести ущерб. В Лондоне думали иначе. Однако в конце концов, после длительной и острой дискуссии, англичане вынуждены были примириться с происшедшим событием. Вслед за тем в течение 1884—1885 гг. германский флаг был поднят в Камеруне, в Того, в Германской Восточной Африке и в северо-восточной части Новой Гвинеи.

Борьба за Южную и Западную Африку

В Южной Африке англо-германский колониальный конфликт принял острые формы. Еще в начале 70-х годов английские колонизаторы задались целью монополизировать эту часть материка. Главными целями экспансии являлись алмазные и золотые прииски. В 1871 г. правительство Гладстона в угоду заинтересованным капиталистам аннексировало у населенной бурами Республики Оранжевой реки алмазный район Кимбер-

лея. В 1877 г. консервативное правительство Биконсфильда провозгласило аннексию другой бурской республики — Трансвааля и оккупировало важнейшие центры страны. Вскоре буры подняли восстание и осадили английский гарнизон в Претории. Отряд, посланный ему на выручку из Наталя, был разбит бурами при Меджуба-Хилл в феврале 1881 г.

К этому времени (с апреля 1880 г.) премьер-министром Англии был уже Гладстон. После поражения он не возобновлял попыток завоевать Трансвааль. Англо-трансваальский договор 1884 г. ограничивал английские «права» на Трансвааль обязательством трансваальского правительства доводить до сведения лондонского кабинета договоры, заключаемые им с иностранными державами (за исключением договоров с соседней Республикой Оранжевой реки).

При напряженных отношениях Англии с бурами вторжение немцев грозило стать особенно опасным для английской монополии в Южной Африке. В ответ на водворение немцев в Юго-Западной Африке англичане поспешили овладеть Бечуаналендом. Это было сделано по политическим соображениям: нужно было предотвратить возможность установления территориальной связи между немцами из их новых владений и бурскими республиками. Приобретение Бечуаналенда исключало подобную возможность; вместе с тем оно открывало англичанам пути для дальнейшей экспансии на север, в экономически весьма заманчивые, богатые области Матабеле, Машона и пр.

Экспансия проводилась здесь не столько английским правительством, сколько подвизавшимися в Южной Африке британскими капиталистами во главе с Сесилем Родсом. Родс выступал при этом и в роли дипломата, заключая «трактаты» с местными негритянскими царьками. Так, например, в 1888 г. Родс подписал с властителем Машона и Матабеле Лобенгулой документ, являющийся одним из любопытнейших памятников колониальной дипломатии. Сначала Родс обрабатывал Лобенгулу через миссионеров, спекулируя на конфликтах Матабеле с бурами. В результате этой обработки Лобенгула подписал договор о дружбе с Англией, а затем о предоставлении Родсу и его компаньонам монопольного права на эксплуатацию недр в своих владениях. За это он получил тысячу ружей с патронами, ежемесячную субсидию в 100 ф. ст. (ему и его наследникам) и речную канонерку. В 1889 г. была учреждена возглавляемая Сесплем Родсом Южноафриканская привилегированная компания, которой британское правительство передало в эксплуатацию и в управление вновь приобретенные области[1]. В честь Родса эти земли были названы Родезией.

[1] О захвате Родезии см.: *А. Б. Давидсон*, Матабеле и Машона в борьбе против английской колонизации. М., 1958.

Еще раньше, в 1886 г., такие же права были предоставлены «Объединенной африканской компании для торговли в дельте Нигера», объединившей английские фирмы, которые вели дела в бассейне этой реки. Из бассейна Сенегала в верховья Нигера проникли французы. Между английскими и французскими колонизаторами разгорелась ожесточенная борьба за размежевания в бассейнах Нигера и Сенегала.

Подобными же методами действовали европейские колонизаторы разных наций и в других частях Африки. «Африка прямо сдана в аренду компаниям» [1], — писал Ф. Энгельс. «Машоналэнд и Наталь взяты во владение для биржи Родсом», — продолжал он. В эксплуатацию и управление акционерным компаниям были переданы, кроме английских Родезии и Нигерии, германские колонии Восточная и Юго-Западная Африка.

Египетский финансовый вопрос в 1884 г.

Побочной целью германской колониальной активности было стремление ущемить кабинет Гладстона, который не поддерживал австрийцев на Балканах и пытался улучшить отношения с Россией. Бисмарк хотел показать этому кабинету, что ему следует считаться с центральными державами.

Очередной случай доставила для этого Бисмарку конференция держав-кредиторов Египта по финансовым делам этой страны, созванная по почину британского правительства летом 1884 г. в Лондоне. Английская оккупация и борьба против народного восстания в египетском Судане довели финансы Египта до полного расстройства. Таков был ближайший результат водворения там «порядка» англичанами. Кабинет Гладстона полагал, что издержки египетской казны, вызванные английской оккупацией, должен покрыть кто угодно, но только не Англия. Английское правительство предложило конференции передать египетской казне излишки доходов, накопившихся от тех бюджетных поступлений, которые были забронированы за Кассой египетского долга на уплату кредиторам процентов по долгам Египта. По действовавшему тогда порядку (по египетскому закону 1880 г.) эти излишки были предназначены на погашение капитальной суммы долга. Английское предложение было сделано, невзирая на то что Франция была до крайности раздражена оккупацией Египта. Ничего не было предпринято Гладстоном и для того, чтобы умилостивить враждебно настроенное германское правительство. Результатом такой непредусмотрительности был полный провал английских предложений. Органы международного финансового контроля в Египте стали и для Франции и для Германии обычным орудием их

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 1, т. XVI, ч. II, стр. 512.

политики во всех случаях, когда требовалось доставить Англии неприятности. Англия вынуждена была подписать 29 октября 1888 г. с другими державами конвенцию, устанавливавшую свободу плавания по Суэцкому каналу в мирное и военное время для всех торговых и военных судов без различия флага. На канале не допускались военные действия. Однако английское правительство тут же сделало оговорку, из которой явствовало, что постановления конвенции не будут им соблюдаться, пока продолжается оккупация Египта войсками «ее британского величества».

Сомали и Эфиопия

В целях давления на Англию французское правительство решило проникнуть в Эфиопию, в пределах которой лежат истоки Голубого Нила и откуда, правда при больших затратах, можно было влиять на уровень воды в Ниле, а следовательно, на экономику и благосостояние Египта.

Франция соорудила морскую базу в Джибути и завязала сношения с Эфиопией. Английское правительство было обеспокоено. Оно предпочитало видеть в Эфиопии, вблизи от истоков Нила, лучше слабую Италию, нежели более сильную Францию. Заручившись согласием Англии, итальянское правительство, еще с 1870 г. владевшее портом Ассаб, в 1885 г. захватило Массову, положив начало своей будущей колонии Эритрее. Оно обосновалось также к югу от Эфиопии в Сомали. Здесь были созданы плацдармы для дальнейшего наступления на Эфиопию. Однако при такой попытке в 1887 г. итальянские колонизаторы потерпели поражение и вынуждены были отступить.

В буржуазной литературе широко распространено ложное представление, что африканские народы, сталкиваясь с колонизаторами, были совершенно неспособны отстаивать свои интересы посредством переговоров. Африканских царьков колонизаторы подкупали грошовыми подарками, спаивали и заставляли подписывать кабальные договоры, смысла которых те даже и не понимали. Это действительно случалось. Но далеко не везде и не всегда. Не говоря уже об Эфиопии, имелись случаи, когда вожди негритянских племен оказывались неплохими дипломатами и вели с европейцами длительные и упорные переговоры, отстаивая интересы своих народов и уступая только подавляющему превосходству в силах. Часто это случалось только в результате кровопролитных войн.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БОРЬБА ЗА РАЗДЕЛ АЗИИ В КОНЦЕ 70-х И В 80-х ГОДАХ XIX в.

В Азии в конце 70-х и в течение 80-х годов колониальная экспансия распространялась почти с такой же стремительностью, как и в Африке. Однако состав участников колониального грабежа был здесь иным. Правда, обе крупнейшие колониальные державы Запада, Англия и Франция, участвовали на первых ролях в дележе как того, так и другого континента. Но в Азии к ним добавился еще третий партнер — царская Россия, которая в борьбе за Африку активного участия не принимала. К числу претендентов на господство над странами Азии присоединяются также Япония и — чем дальше, тем больше — Соединенные Штаты Америки. Зато роль Италии, участвовавшей в разделе Африки, в Азии остается совсем малозаметной. Германия в 70—80-х годах также еще не совершает в Азии каких-либо захватов. Она участвует, впрочем, в дележе островов Океании и тем самым в борьбе за Тихий океан.

Встречные потоки экспансии — английской, русской, французской, японской и американской — сталкивались друг с другом, и эти столкновения, так же как и в Африке, приводили к нарастанию противоречий между капиталистическими державами. С другой стороны, колониальная экспансия встречала сопротивление народов. Это приводило к войнам — колониально-захватническим для колонизаторов, национально-освободительным — для народов Азии.

В 70—80-х годах в Азии образовалось несколько узлов международных противоречий, как бы фокусов наибольшего напряжения борьбы за раздел мира, за распространение колониальной системы.

Первое место по остроте и масштабам конфликтов по праву занимает ближневосточный узел, возникший в результате борьбы европейских государств за Османскую империю. Кульминационной точкой развития противоречий явилась здесь русско-турецкая война.

Финансовый контроль над Турцией

Поражение в войне с Россией привело Турцию к дальнейшему закабалению ее европейским капиталом.

После банкротства 1875 г. и русско-турецкой войны турецкие финансы находились в полном расстройстве. Турция вторично объявила банкротство. Это позволило банкирам-кредиторам навязать ей иностранный финансовый контроль.

Два года шли переговоры между Портой и кредиторами. Наконец в 1881 г. состоялось соглашение. Результаты его были закреплены в так называемом Мухарремском декрете, изданном султаном в том же 1881 г., в декабре, или в месяце мухарреме по мусульманскому календарю. Сумма внешнего государственного долга Турции была определена в 2,4 млрд. франков [1]. Для обеспечения платежа процентов и погашения капитальной суммы долга было создано так называемое Управление оттоманского государственного долга. Оно состояло из представителей кредиторов различных национальностей; фактически руководящая роль принадлежала французским и английским банкирам.

Управлению оттоманского долга был передан целый ряд важнейших источников дохода турецкой казны, как, например, поступления от табачной и соляной монополий, часть таможенных сборов, налоги с шелководства и рыболовства, гербовый сбор и пр. Из одного этого перечня ясно, какое значительное влияние могло оказывать Управление долга на турецкое правительство. Французский капитал занял господствующее место в Оттоманском банке и в управлении табачной монополией.

Мухарремский декрет был крупным шагом на пути превращения Турции в полуколонию европейского капитала. Это превращение облегчалось наличием режима капитуляций и усугублялось многочисленными концессиями, принадлежащими иностранным капиталистам.

Несмотря на экономическую мощь французского капитала, политическое преобладание в Турции после Берлинского конгресса принадлежало Англии. Ее политическое влияние подкреплялось силой британского военно-морского флота. Влияние Англии поддерживалось, впрочем, и экономическими факторами: английская торговля с Турцией была весьма значительной и превосходила французскую.

Обстановка изменилась в связи с захватом Египта Англией. Это до крайности осложнило англо-турецкие отношения. Первенствующее влияние в Константинополе в 80-х годах перешло к России.

---

[1] *А. Ф. Миллер.* Краткая история Турции, М., 1948, стр. 99. *D. Blaisdell.* European financial control in the Ottoman Empire. N. Y., 1929, p. 90—107.

Англо-афганская война и миссия генерала Столетова в Кабуле

Рядом с ближневосточным узлом международных противоречий следует поставить политически тесно связанный с ним среднеазиатский узел. Объектами борьбы в Средней Азии в конце 70-х и в 80-х годах являлись Афганистан и Туркмения. Русско-турецкая война была использована английским правительством для закабаления Афганистана и других областей Средней Азии. Толкая Турцию на конфликт с Россией, правительство Биконсфильда при посредстве Турции сковывало внимание своей соперницы и значительную часть ее сил на Ближнем Востоке. Тем самым помимо своих целей в Османской империи оно надеялось достигнуть важного результата в Средней Азии: обеспечения английской агрессии против Афганистана от активного вмешательства России.

В свою очередь, русское правительство обдумывало мероприятия, которые могли бы воспрепятствовать замыслам Англии в Средней Азии, а вместе с тем заставить лондонский кабинет стать более сговорчивым и в вопросах, касающихся Турции. При этом деятельность обеих дипломатий — русской и британской — развертывалась одновременно. В то время как английская подготовляла агрессию против Афганистана, русская готовила захват территорий, граничащих с ним на севере, и предпринимала меры противодействия Англии.

Вскоре после того, как в феврале 1878 г. английский военный флот вошел в Дарданеллы, и в те самые дни, когда английская и австро-венгерская дипломатия маневрировала, добиваясь пересмотра Сан-Стефанского мирного договора, в Петербурге принялись отыскивать такие рычаги, посредством которых Россия могла бы оказать контрдавление на своих противников. После того как в Англии был объявлен призыв резервистов, русское правительство предприняло в ответ сосредоточение войск Туркестанского военного округа в районах Чарджуя (на Аму-Дарье), Джамы и в Алайской долине. Это произошло в мае 1878 г. Затем последовал, говоря словами Маркса, «шахматный ход русских в Афганистане» [1]. Эмир теперь искал сближения с Россией. Он был исполнен недоверия и вражды к Англии. «Мне известно, — писал эмир турецкому султану, — что англичане... пренебрегают узами дружбы и ведут себя неискренне. Мои усилия постоянно направлены на то, чтобы держать их на расстоянии». «Дружба англичан, — продолжал Шер-Али, — это — слово, написанное на льду». Эмир подчеркивал, что Англия не оказала помощи султану, когда он больше всего в этом нуждался. Он призывал султана

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 1, т. XXIV, стр. 502.

отказаться от союза с англичанами и «прийти к пониманию с русскими» [1].

Эмир в течение некоторого времени уже поддерживал переписку с туркестанским генерал-губернатором. Теперь царское правительство, считаясь с возможностью войны со стороны Англии, решило направить в Кабул миссию во главе с генерал-майором Столетовым. Решение было вынесено еще в конце апреля, но миссия выехала из Ташкента 9 июня 1878 г.

Предпринимая обе эти меры — сосредоточение войск и отправку миссии, русское правительство подготовляло себе плацдарм, с которого оно могло отстаивать перед Англией свои интересы на Балканах посредством ответных действий в Средней Азии.

Вместе с тем русское правительство пыталось предотвратить английскую экспансию непосредственно в Средней Азии, направленную в первую очередь на захват Афганистана, а затем Туркмении, где весьма активно действовала английская агентура [2].

Прибытие генерала Столетова могло приобрести при известных обстоятельствах важное значение в смысле действенной поддержки Афганистана и борьбы против Англии. Однако версия, изобретенная английской дипломатией и публицистикой и утверждающая, будто бы именно появление русской миссии в Кабуле побудило правительство Биконсфильда начать войну против Афганистана, является совершенно несостоятельной. Такого рода концепция основана на грубой фальсификации фактов. Стремление Англии к захвату Афганистана выяснилось еще во время первой англо-афганской войны, т. е. в 1838—1842 гг. Подготовка к новой войне против Афганистана началась в 1874—1875 гг., вскоре же после прихода к власти торийского кабинета. Ближневосточный кризис 1875—1878 гг. и последующее ослабление России создали благоприятную обстановку для возобновления английских попыток расширить пределы Британской Индии (forward policy) и захватить Афганистан. Захват Кветты, сосредоточение англо-индийских войск у горных проходов, ведущих в Афганистан из Индии, постройка мостов через Инд, Пешаварская конференция — все эти факты свидетельствуют о том, что военная и дипломатическая подготовка войны против Афганистана производилась английскими правящими кругами задолго до прибытия Столетова в афганскую столицу.

---

[1] Письмо эмира в действительности, по-видимому, написано летом 1878 г. *S. R. Townshend Mayer* and *I. C. Paget.* Afghanistan, its political and military history. London, 1879, Appendix, p. 191.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1879, д. № 80, л. 36—38. Депеша Горчакова Шувалову от 12 февраля (31 января) 1879 г.

Посылка миссии Столетова имела целью продемонстрировать перед Англией сотрудничество России с эмиром Шер-Али в борьбе против нее. Царское правительство хотело, выказав свой интерес к Афганистану, напугать Англию и побудить ее к уступчивости на Ближнем Востоке. Летом 1878 г. английский посол в Петербурге обратился в российское министерство иностранных дел с запросом относительно сосредоточения русских войск в Средней Азии. Ему ответили, что эти военные меры вызваны враждебным поведением английского правительства по отношению к России. Они будут отменены, если только Англия со своей стороны изменит свое отношение [1].

Кауфман и Столетов были склонны оказать Афганистану военную помощь против Англии. Эмир просил о ней. В Кабуле Столетов выработал с эмиром даже проект союзного договора.

В конце августа 1878 г. Столетов был вызван из Кабула для доклада царю. Покинув афганскую столицу, он оставил во главе миссии генерала Разгонова. Когда Столетов прибыл в Россию, в октябре 1878 г. в Ливадии под председательством Александра II состоялось совещание. Для участия в нем был также вызван русский посол в Лондоне Петр Шувалов. Столетов, отражая мнение Кауфмана, предлагал заключить с эмиром союз и предоставить Афганистану военную помощь. Кауфман считал, что если англичане захватят Афганистан и обоснуются на Аму-Дарье, «интригам их в нашу сторону не будет предела» [2].

Однако так далеко правительство не пошло. Перед лицом давно и тщательно подготовленной английской агрессии царское правительство не отваживалось оказать Афганистану военной помощи. Эмиру через Кауфмана советовали протянуть англичанам «ветвь мира». Было также принято решение в нужный момент предпринять в Лондоне попытку обеспечить независимость Афганистана дипломатическими средствами. Русское правительство рассчитывало использовать при этом то беспокойство, которое вызвало в английских правящих кругах пребывание русской миссии в Кабуле. Расчет русской дипломатии не оправдался: англичане не испугались и напали на Афганистан. С другой стороны, давний замысел английской дипломатии связать Россию осложнениями на Ближнем Востоке, дабы не позволить ей предпринять серьезные военные меры помощи Афганистану, оказался правильным.

Английское правительство, со своей стороны, через вице-короля Индии еще 14 августа 1878 г. уведомило эмира, что к

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1878, д. № 81, т. II, л. 660—661. Письмо Горчакова поверенному в делах Англии Бартоломею от 18(6) июля 1878 г.

[2] Письмо Кауфмана Милютину от 1 декабря 1878 г.

нему направляется английский представитель генерал Чемберлен для переговоров по неотложным вопросам. Эмир отклонил эту миссию. Он сослался на траур по наследном принце. Кроме того, сообщал эмир, он не может принять английского представителя, поскольку ему навязывают его силой. Пусть пройдет некоторое время, продолжал эмир, и он сам пригласит в Кабул представителя Англии [1].

На отказ эмира последовало грубое письмо пешаварского губернатора, который настаивал на приеме английского посланца. Получив это письмо, эмир приказал не пропускать английскую миссию через границу. Одновременно он подтвердил готовность принять эту миссию в будущем, если только не будет предпринято попытки навязать ее силой. Вице-король Индии лорд Литтон, однако, приказал Чемберлену немедленно отправиться в Кабул вопреки запрету эмира. Литтон явно искал не соглашения путем переговоров с афганским правительством, а повода для разрыва и войны [2].

21 сентября афганская пограничная стража отказала Чемберлену в разрешении перейти границу. Тогда английское правительство направило эмиру ультиматум. Он был изложен в письме Литтона к Шер-Али от 2 ноября 1878 г. Эмир титуловался в нем всего лишь «вали Кабула и зависящих от него местностей», а не государем Афганистана. Он должен был принести извинения за неуважительное отношение к английскому представителю и незамедлительно принять постоянную миссию Англии в Кабуле. Англия претендовала также на протекторат над некоторыми племенами, проживающими в Афганистане вдоль границы с Индией. Срок ультиматума был поставлен до 20 ноября — небольшой, учитывая плохие средства связи в Афганистане того времени [3].

Русские советы умеренности вызвали у эмира тяжелое разочарование. Он не последовал им и лишь немного смягчил тон отрицательного ответа Литтону. Но раньше чем ответ эмира успел прибыть по назначению, англо-индийские войска 20 ноября 1878 г. начали вторжение в пределы Афганистана. Давно подготовлявшаяся англо-афганская война началась.

Вскоре, в начале декабря, русское правительство в соответствии с решениями, принятыми в Ливадии, предприняло в Лондоне шаги в целях противодействия экспансии своего английского соперника. 9 декабря 1878 г. Горчаков телеграфировал Шувалову и поручил ему сообщить англичанам, что царь готов дать эмиру совет «стараться положить конец нынешнему

---

[1] См. *Сеид Касем Риштия.* Афганистан в XIX веке, стр. 401—402.

[2] См. там же, стр. 402—403.

[3] *B. Balfour.* The History of Lord Lytton's Indian Administration, p. 292—295.

столкновению с Англией». Но это может быть сделано только при условии, что Англия «будет уважать независимость Афганистана». Если такое предложение, продолжал Горчаков, будет принято, то русская миссия немедленно покинет страну [1].

Шувалов незамедлительно выполнил поручение. Первая реакция английской стороны была довольно неожиданной. Солсбери не сумел скрыть своего удивления, что миссия все еще пребывает в столице эмира. Он полагал, что она уже уехала оттуда. Тем самым британский министр полностью разоблачил всю несостоятельность легенды, распространявшейся английской пропагандой и гласившей, будто бы именно пребывание русской миссии явилось причиной, побудившей Англию начать войну против Афганистана.

Высказав Шувалову свое неудовольствие по поводу того, что русская миссия все еще находится в Кабуле, Солсбери перешел к существу русского предложения. Он принялся рассуждать по поводу термина «независимость»: его можно-де понимать весьма различно. С полной ясностью он заявил только, что Англия во всяком случае потребует допуска постоянного английского посольства в Кабул и «исправления границы» Афганистана с Британской Индией. Солсбери подразумевал захват Хайберского перевала и других стратегических пунктов большой важности, открывающих пути для вторжения в Афганистан. Обладание этими пунктами позволило бы Англии держать Афганистан под постоянной угрозой английского нашествия. Солсбери кончил тем, что обещал послу доложить русское предложение кабинету [2].

Ответ английского правительства Солсбери сообщил Шувалову на следующий же день. Кабинет отказался принять предложение царя и отверг всякое вмешательство России в англо-афганский конфликт. Выражалось пожелание, чтобы русская миссия была отозвана из Кабула «без промедления» [3].

Шувалов заявил Солсбери, что такая позиция английского правительства делает отозвание русской миссии из Кабула «невозможным» [4]. Посол намекнул на вероятность посылки русских войск в Мерв [5], расположенный неподалеку от афганской границы.

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1878, д. № 81, т. II, л. 759. Телеграмма Горчакова Шувалову от 9 декабря (27 ноября) 1878 г.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1878, д. № 80, т. I, л. 161—165. Депеша Шувалова № 150 от 11 декабря (29 ноября) 1878 г.

[3] Там же, л. 169—170. Депеша Шувалова № 152 от 12 декабря (30 ноября) 1878 г.

[4] Там же, л. 173. Депеша от 12 декабря (30 ноября) 1878 г.

[5] Там же, д. № 81, т. I, л. 240. Письмо Шувалова от 24 (12) декабря 1878 г.

Такого рода язык оказался более доходчивым до сознания английского правительства. Между Шуваловым и Солсбери завязались переговоры. Уже через несколько дней в обмен на обязательство русского правительства отозвать миссию из Кабула Шувалов добился от Солсбери подтверждения обязательств Англии по прежним англо-русским соглашениям относительно Афганистана. Английское правительство сделало официальное заявление о том, что оно и впредь будет рассматривать «как обязательные для обеих сторон» все соглашения, заключенные между Россией и Англией по вопросу об Афганистане и Средней Азии. Эта договоренность была оформлена посредством обмена письмами между Шуваловым и Солсбери 19 декабря 1878 г.

Что же представляли собой эти прежние соглашения, которые теперь официально подтверждались обеими сторонами? Длинный ряд нот, которыми, начиная с 1872 г., обменивались Англия и Россия по вопросу об Афганистане, завершился английским меморандумом от 25 октября 1875 г. В этом документе правительство Англии заявляло, что политика, проводимая доселе обоими правительствами, имела целью «поддерживать целостность Афганистана» [1]. При этом английское правительство высказывалось за необходимость продолжения этой политики также и в будущем. В меморандуме устанавливалось, что во всех переговорах, происходивших между Россией и Англией, Афганистан рассматривался как «независимое государство, которое должно остаться вне сферы действия России» [2]. Английский меморандум остался, так сказать, «последним словом», произнесенным в англо-русской нотной переписке по вопросу об Афганистане. Таким образом, в этой переписке так и не была устранена только что цитированная формула, исключавшая «независимое государство» Афганистан из сферы влияния России, но отнюдь не из сферы влияния Англии. При всем том необходимость соблюдать «целостность» Афганистана и рассматривать его как «независимое государство» английское правительство подтвердило, хотя в отношении «независимости» это было сделано не без двусмысленности. Таково было содержание прежних «соглашений», обязательность которых была теперь подтверждена. Юридически их подтверждение страховало от формальной аннексии Афганистана и от его расчленения, но не от попыток поставить его под опеку Англии.

15(3) декабря 1878 г. русской миссии в Кабуле было послано из Петербурга указание покинуть афганскую столицу. Это указание совпало по времени с решением эмира Шер-Али

---

[1] «Causes of the Afghan war». London, 1879, p. 250.
[2] Там же, стр. 246.

оставить Кабул ввиду приближения к городу английских войск. Он решил отправиться в Петербург, дабы там предать гласности действия англичан против Афганистана и искать поддержки. Покидая страну, эмир передал управление сыну. Русская миссия покинула Кабул одновременно с главой государства. Они двинулись на север по направлению к русской границе, но Шер-Али не пришлось ее достигнуть. Он заболел в пути и умер в Мазари-Шерифе в феврале 1879 г.

Несмотря на данное русскому правительству обязательство уважать целостность Афганистана, Биконсфильд 10 декабря 1878 г. возвестил в парламенте о захвате трех главных горных проходов, связывающих Индию с Афганистаном. Предполагается отнюдь не завоевание Афганистана и вовсе не аннексия афганской территории, лицемерно заявил британский премьер, а только «научное исправление границ» между Британской Индией и Афганистаном![1] Так появилось в английском дипломатическом лексиконе новое выражение для словесной маскировки захвата чужой земли.

Биконсфильд объявил также о намерении водворить в Афганистане английскую миссию[2]. Докладывая об этих намерениях английского правительства, Шувалов в своих донесениях отметил «бесстыдство» англичан[3]. Он с сомнением задавал вопрос: «достаточно ли словесных заявлений с их стороны относительно готовности соблюдать независимость Афганистана»?[4]

Сомнения Шувалова полностью разделялись в Петербурге. В связи с этим царское правительство предприняло еще шаг, рассчитанный на одну из следующих двух возможностей: либо сдержать английскую экспансию в Средней Азии, либо же развязать себе руки. 12 февраля 1879 г. Горчаков поручил Шувалову[5] сделать английскому правительству новое представление в том случае, если английские притязания не ограничатся Хайберским проходом, Курамской долиной и, «может быть, Кандагаром». Шувалов должен был заявить, что ввиду нарушения Англией ее обязательств по старым соглашениям, которые устанавливали целостность и независимость Афганистана, Россия, со своей стороны, возвращает себе свободу действий в Средней Азии. Предупреждая об этом английское правитель-

---

[1] «Selected Speeches of the Earle of Beaconsfield», vol. II. London, 1882, p. 244.

[2] Ibidem.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1878, д. № 81, т. I, л. 292. Телеграмма Шувалова от 6 декабря (24 ноября) 1878 г.

[4] Там же, л. 232. Письмо Шувалова от 15(3) декабря 1878 г.

[5] АВПР, фонд Канцелярия, 1879, д. № 80, л. 40—53. Сов. секр. депеша Горчакова от 12 февраля (31 января) 1879 г.

ство, писал Горчаков Шувалову, «мы имеем в виду остановить его, если это возможно» [1]. Попытка эта не увенчалась успехом: англичане не остановились.

Новый эмир, Якуб-хан, продержался до весны. Но 26 мая 1879 г. в местечке Гандамак он подписал мирный договор с делегатом англо-индийского правительства майором Каваньяри. Как заявляет афганский историк, это был самый унизительный и кабальный договор из всех, когда-либо подписанных афганскими государями [2]. Афганистан обязывался не вступать в какие-либо сношения с иностранными державами, иначе как с согласия англо-индийского правительства. Он уступал англичанам части афганской территории, включавшие важнейшие горные проходы, связывающие страну с Индией, — ключевые стратегические позиции на пути англо-индийской армии в Афганистан. Эмиру назначалась денежная субсидия. В Кабуле водворялся постоянный английский резидент, располагавший вооруженной охраной. Эмир обязывался произвести реконструкцию дорог по соглашению с Англией и при ее помощи. Англичанам предоставлялось проведение телеграфной линии из Кабула в Индию. Английские войска должны были, однако, покинуть Афганистан.

От ориентации на Россию, которой придерживался Шер-Али в последние годы царствования, дипломатия эмира перешла к капитуляции перед Англией. Смысл Гандамакского договора сводился к тому, что Афганистан ставился под английский протекторат. В июне 1879 г. в Кабуле водворился в качестве постоянного представителя Англии майор Каваньяри. Он принялся бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела страны.

Гандамакский договор означал грубое нарушение английских обязательств о сохранении независимости и целостности Афганистана. Английское правительство не без оснований рассчитывало на то, что Россия ослаблена войной с Турцией, запугана тяжелым дипломатическим поражением на Берлинском конгрессе и поэтому не рискнет оказать Англии в Афганистане противодействие вооруженной силой. Русское правительство вынуждено было теперь думать об ограждении себя от английского проникновения хотя бы в Туркмению, на которую, впрочем, и без того были направлены его собственные захватнические замыслы. Оно приступило к подготовке экспедиции в Ахал-Текинский оазис.

Вскоре обстановка в Афганистане изменилась, однако, в неблагоприятную для Англии сторону. Произошло это благодаря

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1879, д. № 80, л. 40. Сов. секр. депеша Горчакова от 12 февраля (31 января) 1879 г.

[2] См. *Саид Касем Риштия*. Афганистан в XIX веке, стр. 418.

афганскому народу. В августе 1879 г. в Кабуле произошло выступление солдат местного гарнизона, а затем вспыхнуло народное восстание. Повстанцы перебили членов английской миссии, ее охрану и всех находившихся в Кабуле англичан. В Афганистане началась народная война против захватчиков.

Английское командование приняло свои меры. В октябре 1879 г. отряд под начальством Робертса подошел к Кабулу. Дипломатия афганской феодальной верхушки все время колебалась между стремлением отстоять свою независимость от иноземцев и страхом перед народными массами и различными претендентами на престол. Эмир Якуб изменил своему народу. Он явился в ставку Робертса и сдался англичанам. Но лишь после ожесточенного боя английским войскам удалось взять Кабул, который был подвергнут страшному разрушению.

Несмотря на это народная война все разрасталась. Английский отряд, занявший Кабул, был заблокирован афганцами в укрепленном лагере близ столицы. Война явно затягивалась. Дизраэли тем не менее намеревался довести ее до полной победы и до захвата всего Афганистана.

Между тем русское правительство предприняло новый маневр. Оно разрешило выезд в Афганистан Абдуррахман-хану, проживавшему в Ташкенте в эмиграции под русским покровительством. Это был сын бывшего эмира Мухаммеда Афзальхана, правившего Афганистаном в 1866—1867 гг., внук знаменитого Дост Мухаммеда. Абдуррахман пользовался в Афганистане значительным влиянием. Скоро он овладел Афганским Туркестаном и возглавил сопротивление англичанам в северной части Афганистана.

Английские власти в Индии были напуганы успехами Абдуррахмана. Чувствуя затруднительность положения своих войск в Афганистане, они прибегли к помощи дипломатии. Они решили привлечь Абдуррахмана на свою сторону. Афганский историк следующим образом описывает этот маневр: «Вместо того, чтобы начать борьбу против этого человека, ставшего при поддержке русских правителем северных провинций Афганистана и выступавшего против англичан с намерением захватить власть в Кабуле, англичане сами пригласили его занять трон. Таким приемом англичане мастерски разрешили одну из наиболее трудных для них политических задач и разрушили планы русских»[1]. Обработку Абдуррахмана начали с того, что британский представитель в Кабуле Гриффин направил ему письмо. Оно было передано через служанку сестры Абдуррахмана, проживавшую в Кабуле. Гриффин в любезном тоне спрашивал Абдуррахмана о целях его прибытия в Афганистан.

[1] *Сеид Касем Риштия.* Афганистан в XIX веке, стр. 439.

Абдуррахман понял цель этого послания. Он откровенно ответил, что «его цель заключается в том, чтобы потребовать возвращения ему страны предков». Если англичане хотят установить с ним дружбу и сотрудничество, то они должны отказаться от «женского посредничества» и приступить к установлению союза посредством достойных и авторитетных представителей [1]. Послав ответ, Абдуррахман продолжал борьбу, расширяя сферу своего господства в стране. Гриффин, однако, не прекратил зондаж, направив Абдуррахману второе письмо.

Весной 1880 г. войска Абдуррахмана подошли к Кабулу. Здесь он получил еще одно послание, подписанное кроме Гриффина английским командующим генералом Стюартом. То было прямое официальное приглашение прислать в Кабул представителя для присутствия на церемонии провозглашения Абдуррахмана эмиром. Абдуррахман не заставил себя упрашивать, но предварительно он провозгласил себя эмиром сам...

Далее, по предложению английской стороны состоялось свидание Абдуррахмана с английскими генералами Робертсом и Стюартом, а также с Гриффином.

Эта дипломатическая встреча происходила в довольно своеобразной обстановке в окрестностях Кабула. Абдуррахман прибыл для беседы с англичанами в сопровождении большого войска, которое заняло позиции вблизи от места встречи. Англичане тоже прибыли с крупным отрядом войск, которые, в свою очередь, заняли позиции против афганцев. Для участников этого свидания были разбиты шатры. В них на виду у двух армий, готовых к бою, и произошла беседа.

Гриффин заявил, что воцарение Абдуррахмана полностью соответствует пожеланиям и стремлениям английского правительства. Он выразил надежду, что новый эмир поведет дружественную политику в отношении Англии. Та, в свою очередь, готова оказывать ему помощь и содействие. Гриффин просил о новой встрече для обсуждения проекта договора между Англией и Афганистаном [2]. Абдуррахман сначала было отказался, но после некоторых проволочек вынужден был согласиться: без этого англичане не впускали его в столицу, а он не меньше англичан был заинтересован в том, чтобы покончить дело миром и не допустить разрастания народной войны. Раньше чем передать Абдуррахману Кабул, англичане заставили его подписать новый договор с Англией. Английское правительство признавало Абдуррахмана эмиром, уплачивало ему крупную сумму под видом возвращения налогов, которые должны были поступить в казну эмира за время английской

---

[1] См. *Сеид Касем Риштия.* Афганистан в XIX веке, стр. 439—440.
[2] См. там же, стр. 445—446.

оккупации, и возвращало захваченную у афганцев ранее артиллерию. Оно по-прежнему предоставляло эмиру субсидию. Англия отказалась от содержания в Кабуле резидента-англичанина, располагающего вооруженной охраной, и ограничивалась там представителем из индийских мусульман без каких-либо войск. Но в остальном подтверждались условия Гандамакского договора. За Англией остался контроль над внешними сношениями Афганистана. Абдуррахман дал англичанам молчаливое согласие на раздробление своей страны: Кандагар с прилегающей областью, где англичане чувствовали себя в военном отношении прочнее, чем в Кабуле, становился отдельным вассальным княжеством. Там водворялся английский гарнизон [1], а на престол был возведен английский ставленник.

Между тем в Герате другой претендент на афганский престол, Аюб-хан, продолжал борьбу против Англии и против Абдуррахмана. Летом 1880 г. Аюб дошел со своими войсками до Кандагара. Там в начале сентября он был разбит Робертсом и бежал, но, несмотря на это, местные племена упорно продолжали войну.

Биконсфильд и лорд Литтон держали курс на расчленение Афганистана. Они старались организовать интервенцию Персии в афганские распри, дабы оторвать от Афганистана Герат. Однако русская дипломатия сорвала заключение англо-персидского договора, отговорив шахское правительство от его подписания [2].

После падения кабинета Биконсфильда Гладстон решил отказаться от затяжной и тяжелой борьбы. Новый кабинет весной 1881 г. отозвал войска из Кандагара обратно в Индию. Биконсфильд от лица оппозиции протестовал в парламенте, но тщетно [3].

После ухода англичан Абдуррахман повел борьбу за Герат и Кандагар. К осени 1881 г. он захватил оба эти пункта и таким образом воссоединил Афганистан под своей властью. Однако страна осталась под протекторатом Англии, хотя и не столь полным, как в период оккупации Кабула английскими войсками. Как бы то ни было, русскому правительству не удалось помешать Англии распространить свое влияние на Афганистан.

---

[1] См. *Сеид Касем Риштия.* Афганистан в XIX веке, стр. 450; «Новая история стран зарубежного Востока», изд. МГУ, т. II, 1952, стр. 308.

[2] См. там же, стр. 306—307; ср. *М. А. Бабаходжаев.* Английская агрессивная политика в Афганистане и борьба афганского народа за независимость в 70-е годы XIX в. Сб. «Независимый Афганистан», М., 1958, стр. 243.

[3] «Selected Speeches of the Earle of Beaconsfield», vol. II, p. 270. Речь от 4 марта 1881 г.

Завоевание Туркмении

Царское правительство торопилось закрепить за собой Туркмению и не пустить англичан из Афганистана дальше на север. Первая экспедиция русских войск в Туркмению в 1879 г. не принесла успеха. В 1880 г. поход в Туркмению был предпринят вторично. В 1881 г. отряд под начальством Скобелева взял Ахал-Текинский оазис. Через три года, в 1884 г., русские заняли Мерв [1]. Русские войска вышли теперь в район, непосредственно прилегающий к пределам Афганистана. Впрочем, его границы не были точно определены как раз на этом участке, простирающемся от персидских владений на западе до Аму-Дарьи на востоке.

Английское правительство на основе англо-афганского договора 1880 г. присвоило себе прерогативы на ведение переговоров от имени афганского правительства о разграничении Афганистана с Россией. Для определения границы на местности была создана англо-русская смешанная комиссия. Входившие в нее английские офицеры усиленно провоцировали эмира Абдуррахмана на конфликт с Россией. Английское правительство не желало установления дружественных, добрососедских отношений между Россией и Афганистаном и было заинтересовано в осложнении отношений Афганистана с его северным соседом. В 1884 г. при подстрекательстве англичан афганцы направили свои войска в оазис Пенджде, населенный туркменами из племени сарыков, и заняли его, в то время как к этому оазису уже приближались русские войска. Абдуррахман просил при этом у английского правительства военной помощи, чтобы удержать Пенджде. Действиями афганцев руководили английские офицеры. Однако в более серьезной военной помощи англичане отказали эмиру. Они заявили ему, что и без поддержки английских войск, «какое бы место ни было занято афганскими войсками, русские не посмеют тронуть его» [2].

Англо-русский конфликт 1885 г.

В марте 1885 г. русские войска вошли в непосредственное соприкосновение с афганскими войсками близ Пенджде. В последних числах марта афганцы в районе Таш-Кепри переправились на левый берег реки Кушки, которая разделяла расположение русских и афганских войск. Через несколько дней там произошел бой, в котором афганцы потерпели поражение [3].

---

[1] См. *М. Н. Тихомиров.* Присоединение Мерва к России. М., 1960, стр. 147—161.

[2] «Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана». Русск. перев., т. I. Спб., 1901, стр. 325—326. Ср. для последующего «Афганское разграничение», ч. 1, стр. 34 и сл.; ч. 2, док. № 23 и сл., стр. 93 и сл.

[3] «Афганское разграничение», ч. 2, док. № 115, стр. 287 и сл. Рапорт начальника Закаспийской области от 11 апреля (30 марта) 1885 г.

Эмир Абдуррахман пишет в своей автобиографии, что едва начался бой, как «английские офицеры сейчас же бежали в Герат, совместно со всеми своими войсками и свитой». Афганские войска вынуждены были оставить занятую ими туркменскую территорию. Не удивительно, что поражение, понесенное афганцами в результате неуклюжей английской провокации, уронило престиж и влияние Англии в Афганистане [1].

Английское правительство требовало, чтобы при предстоявшем разграничении Россия предоставила Афганистану Пенджде, а также некоторые другие туркменские территории. Русское правительство отказалось выполнить это требование, ссылаясь на то, что земли эти населены туркменами и никогда не принадлежали Афганистану.

В результате непрошеного вмешательства Англии в отношения между Россией и Афганистаном англо-русские отношения, несколько улучшившиеся после падения Биконсфильда, вновь стали весьма напряженными. После боя на реке Кушке на некоторое время возникла даже опасность войны. В своей таблице главнейших кризисов в международной политике великих держав Ленин отмечает: «1885: Россия на волосок от войны с Англией» [2].

Планируя войну против России, английское правительство и его военные органы намечали главный удар нанести ей со стороны Черного моря, подобно тому как это было сделано в Крымскую войну. При этом в Лондоне проектировали тесное сотрудничество с Турцией. Ее руками англичане рассчитывали воевать против России на Закавказском театре. Предполагалось также, что Турция пропустит английский военный флот в Черное море. Намечался десант на кавказском побережье и диверсия с моря против Одессы.

Опасность заключалась для России в том, что она оставалась тогда все еще почти безоружной на Черном море. Правда, в 1881 г. на Особом совещании было постановлено приступить к сооружению черноморского флота. Но к 1885 г., когда разразился англо-русский конфликт, первые русские черноморские броненосцы только что были спущены на воду и до их вступления в строй было далеко. Что касается английских планов нанесения удара по Кавказу, то следует иметь в виду, что именно Кавказ являлся базой для операций русских войск в Туркмении. Их коммуникации шли через Красноводск, по Каспийскому морю, на Баку. Железная дорога Оренбург — Ташкент еще не была построена.

---

[1] См. «Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана», т. I, стр. 326—327.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 668.

Русское правительство предприняло попытку расстроить английские военные планы дипломатическими средствами. В этих целях царская дипломатия использовала русско-австро-германский договор 1881 г., который в 1884 г. был продлен на новое трехлетие. В апреле 1885 г. царское правительство обратилось к германскому и напомнило ему о ст. 3 договора «трех императоров». Оно предложило совместно воздействовать на Турцию, как это и было предусмотрено в этой статье, побудив султана соблюдать принцип закрытия проливов.

Германское правительство на этот раз выполнило свое договорное обязательство. В целях давления на Турцию оно мобилизовало не только Австро-Венгрию, связанную договором 1881 г., но и Италию, не являвшуюся его участником, однако к этому времени ставшую союзницей Германии. Была привлечена также и Франция: ее отношения с Англией осложнились после того, как та захватила Египет. В итоге русская дипломатия застраховала царское правительство от опасности англо-турецкого сговора и обеспечила соблюдение Турцией принципа закрытия проливов для иностранных военных кораблей[1]. Кавказ и русское Черноморское побережье оказались неуязвимыми для Англии. Русское правительство принимало также дипломатические шаги к обеспечению безопасности со стороны Балтики, добиваясь строгого нейтралитета Швеции и Дании.

Вопреки подстрекательству англичан эмир афганский занял в пограничном споре умеренную позицию. Он не собирался позволить втянуть себя в войну с Россией. В последующих переговорах английское правительство должно было отказаться от требований в отношении Пенджде. Оно признало этот оазис владением России. В обмен Россия согласилась передать Афганистану район Зульфагара, на который афганцы также заявляли претензии, сохранив, однако, в русском владении восточный выход из Зульфагарского горного прохода. Достигнутое соглашение было зафиксировано в протоколе, подписанном в Лондоне 10 сентября 1885 г.[2] В дальнейшем в течение 1886—1888 гг. границы были уточнены на местности. Это тоже было сделано при посредничестве англичан: смешанная разграничительная комиссия была не русско-афганской, а русско-английской.

Течение афганского кризиса оправдало договор «трех императоров» с точки зрения интересов царской дипломатии. В этой

---

[1] Обо всем этом эпизоде см. «Die Grosse Politik...», Bd IV, № 764, 765, 767, 768, S. 113—116; Bd VII, № 1376, S. 24—27; «Documents diplomatiques français», 1-ère série, vol. VI, № 6, 8, 10, 12, 14, p. 6—14; *K. Schünemann*, Die Stellung Österreich-Ungarns in Bismarcks Bündnispolitik. «Archiv für Politik und Geschichte», 1926, Hf. 7—8, S. 118.

[2] См. «Афганское разграничение», ч. 2, стр. 379.

связи встает вопрос о мотивах, которые побудили германское правительство выполнить свои обязательства, что далеко не всегда являлось для Бисмарка правилом. Противники упрекали Бисмарка в том, что, оказав содействие России, он воспрепятствовал якобы возникновению англо-русской войны. Прежде всего такие упреки делал Гольштейн, когда-то ближайший сотрудник канцлера, а позже ставший одним из тех, кто содействовал его отставке. Противники канцлера доказывали, что помощь, оказанная России, была ошибкой с точки зрения интересов Германской империи [1]. Документы свидетельствуют, однако, что противники Бисмарка напрасно порицали своего старого шефа, точно так же как почитатели канцлера напрасно хвалили его за «миролюбие». Бисмарк, так же как и Гольштейн, считал англо-русскую войну выгодной для Германии. Помогая России обеспечить закрытие проливов, он заботился вовсе не о предотвращении англо-русской войны. Как раз наоборот: он хотел предотвратить возможность англо-русского сближения. Оставшись без поддержки, русское правительство могло, по мнению Бисмарка, пойти на уступку Англии, договориться с ней и переориентировать свою политику против Германии. «Если бы возник англо-русский союз, — писал Бисмарк в докладной записке кайзеру, — он смог бы в любой момент усилить себя посредством присоединения Франции». Этот союз «стал бы основой такой коалиции, ничего опаснее которой для Германии и быть не может» [2].

Англо-русское соперничество в Персии

В тесной связи с англо-русской борьбой в Средней Азии и агрессией Англии в Афганистане находилось англо-русское соперничество в Персии. Во время русско-турецкой войны Персия оказывала России некоторую поддержку: у нее были давние пограничные споры с Турцией. В 1879 г. русское влияние в Тегеране значительно возросло в результате создания персидской казачьей бригады под командованием русских офицеров. Бригада, будучи единственным персидским воинским соединением, представлявшим определенную боевую ценность [3], являлась важной военной опорой шахского режима и реакции в Персии. Завоевание Туркмении привело к дальнейшему укреплению стратегических позиций

---

[1] См. «Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst», Stuttgart und Leipzig, 1907, S. 507; *F. Holstein*, Lebensbekenntnis in Briefen an eine Frau. Berlin, 1932, S. 164; для более раннего времени аналогичные мысли — в воспоминаниях Лерхенфельда (*H. Lerchenfeld-Koefering*. Erinnerungen und Denkwürdigkeiten, Berlin, 1935, S. 142—143).

[2] «Die Grosse Politik...», Bd IV, № 777, S. 125.

[3] *G. N. Curzon*. Persia and the Persian question, vol. II, p. 593.

России у северных рубежей Персии. Русское влияние доминировало во всех северных провинциях страны: в Персидском Азербайджане, Гиляне и Мазандеране. Утверждение русских в Туркмении чрезвычайно усилило русское влияние в Хоросане. Были прекращены постоянные набеги туркменских феодалов на эту провинцию Персии и установлена определенная граница. 9 декабря 1881 г. в Тегеране была подписана конвенция о разграничении между российскими и персидскими владениями к востоку от Каспийского моря. Были возвращены на родину персы, захваченные туркменами и находившиеся в рабстве у туркменских ханов.

Русские власти развили энергичную деятельность по превращению в своих агентов ханов и вождей различных племен в Хоросане. Достигалось это разными средствами, уже давно применявшимися царскими консулами в северных провинциях Персии: подкупом, предоставлением поддержки и протекции в разного рода случаях, запугиванием, скупкой земли и феодальных прав. В отношении Хоросана центром такого рода деятельности являлся Ашхабад — резиденция администрации вновь созданной Закаспийской области. В дальнейшем таким центром стал Мешхед, где в 1889 г. было учреждено русское генеральное консульство.

Экспансии царской России в Хоросане немало способствовало получение концессии на сооружение шоссейной дороги от Ашхабада до Кучана, построенной в 1882 г. и обеспечившей связь русских владений с главным городом Хоросана Мешхедом. Русская торговля вытесняла из Хоросана английскую. Во всей Северной Персии стали преобладать русские товары. Русско-персидская торговля быстро развивалась и заняла в Персии первое место. Персия становилась важным рынком для русской текстильной, сахарной, нефтяной промышленности. В 1883 г. царское правительство отменило беспошлинный транзит иностранных товаров через Закавказье, что сразу ослабило конкуренцию иностранных товаров с русскими на рынках Северной и Центральной Персии.

Английское правительство в ответ на это в 1888 г. добилось от шахского правительства разрешения на открытие судоходства по реке Каруну, впадающей в Шатт-эль-Араб неподалеку от побережья Персидского залива. Английские колонизаторы получили также концессию на сооружение шоссе от расположенного на Каруне города Шуштер к Тегерану. Путь по Каруну стал важным каналом для проникновения английских товаров на персидский рынок.

Большим успехом английского капитала и английского правительства явилась концессия на основание Шахиншахского

банка, выданная персидским правительством в 1889 г. сроком на 60 лет. Формально эта концессия должна была служить возмещением за потери Рейтера, понесенные им вследствие аннулирования его концессии в 1873 г. Банку были предоставлены весьма широкие права, обеспечившие ему чрезвычайно большое влияние на шахское правительство и экономическую жизнь Персии.

В следующем 1890 г. персидское правительство передало английскому капиталисту Тальботу монополию на скупку, обработку и продажу табака. Эта концессия распространялась на всю страну. Однако грабительские действия монополии вызвали столь сильное народное возмущение, что шах вскоре же счел необходимым ликвидировать ее. Тальбот сорвал за это с персидского правительства крупную неустойку.

Русский капитал в Персии не отставал, однако, в своей активности от английского. В противовес Шахиншахскому банку крупный русский капиталист Поляков основал в 1890 г. Учетно-ссудный банк Персии. Незадолго до этого, в 1888 г., другой капиталист, Лианозов, получил концессию на рыбные промыслы на персидском побережье Каспия. В 1893 г. была получена концессия на постройку шоссе от порта Энзели на Каспийском побережье до Тегерана, а в 1895 г. от Казвина на Хамадан. Постройка этих дорог содействовала росту русской торговли в Северной Персии. В марте 1889 г. русское правительство получило от шаха сроком на пять лет исключительное право на разработку проектов строительства в Персии железных дорог и подыскание компании для осуществления этих проектов, с тем чтобы в течение этого срока такое право не предоставлялось никому другому. Русские предприниматели Хомяков, Третьяков, Корф начали переговоры с персидским правительством о концессии на сооружение Трансперсидской железной дороги от Решта до южного побережья Персии. Проект натолкнулся на противодействие английского правительства.

Но оппозиция англичан не была непреклонной. Лондонский кабинет высказывал готовность заключить с Россией соглашение по железнодорожному вопросу и при этом распространить сотрудничество и на другие спорные вопросы, разделявшие в Персии Россию и Англию.

В получении концессии на трансперсидский железнодорожный путь была заинтересована группа крупных русских капиталистов, связанных с парижским Учетным банком [1]. Однако царское правительство вскоре изменило свое отношение к проекту Трансперсидской дороги. Влиятельные капиталистические круги в России опасались, что Трансперсидская дорога

[1] «Красный архив», 1933, т. I (56), стр. 35—48.

будет больше способствовать проникновению английских товаров с побережья Аравийского моря в Северную Персию, чем русских товаров в южную часть страны. Вместе с тем царское правительство считало постройку Великой Сибирской железной дороги более настоятельной необходимостью, чем Трансперсидской. Оно опасалось, что столь грандиозное предприятие, как строительство железнодорожного пути до Владивостока, не позволит изыскать ресурсы для сооружения Трансперсидской дороги. Вследствие этого русская дипломатия добилась в Тегеране, но уже в 1890 г., обязательства шахского правительства не предоставлять в течение 10 лет каких-либо железнодорожных концессий иначе, как с согласия правительства России. Уже из одного этого факта явствует, сколь сильно было влияние царского правительства в Тегеране.

Но в Южной, Юго-Восточной и частично в Центральной Персии преобладало влияние Англии. Английский военно-морской флот по-прежнему неограниченно господствовал в Персидском заливе, на Аравийском море и в Индийском океане. Он обеспечивал возможность в любое время быстро доставить на южное побережье Персии англо-индийские войска из Бомбея и Карачи.

В кругах английских колонизаторов уже вынашивалась идея раздела страны между Англией и Россией. Об этом свидетельствует, например, появившаяся в 1892 г. книга лорда Керзона «Персия и персидский вопрос», которая стала для английских колонизаторов как бы библией по персидским делам. В своих писаниях Керзон обливал грязью русский народ. В то же время он отчетливо выдвинул идею раздела Персии с русским царизмом. Заявив, что Россия якобы вот-вот захватит северные провинции, лорд Керзон продолжал: «Через всю Персию может быть проведена линия от Сеистана на востоке, через Керман и Йезд на Исфахан и далее на запад на Буруджир, Хамадан и Керманшах, к югу от которой никакое враждебное политическое влияние не может быть терпимо» [1].

Выдавая себя за защитников Персии, английские колонизаторы не только намечали ее раздел, но и поощряли внутри персидского государства центробежные силы в лице феодальных властителей племен южной части страны — бахтиар, кашкайцев, белуджей и др.

Если с Россией Персия имела активный торговый баланс, то ее торговля с Англией была пассивной. Рынки Центральной и Южной Персии приносили английскому капиталу высокие прибыли. Вместе с тем английские колонизаторы усматривали в развитии англо-персидской торговли и в английских капита-

[1] *G. N. Curzon.* Persia and the Persian question, vol. II, p. 621.

ловложениях в Персии помимо экономических выгод важное средство укрепления своего политического влияния в этой стране [1].

В то время как Северная Персия становилась сферой влияния царской России, в Южной Персии все более укреплялось господство Англии. В Тегеране обе державы с переменным успехом вели борьбу за влияние на шахское правительство. Но в целом в конце XIX в. чаша весов чаще склонялась в пользу царской России.

Начало японской агрессии

Третий узел противоречий в Азии находился на Дальнем Востоке.

Если на Среднем Востоке имелось только два главных соперника — Россия и Англия, то на Дальнем Востоке их было значительно больше. К старым участникам борьбы за влияние в Китае — Англии, США, России и Франции — в 70-х годах XIX в. прибавилась Япония.

После «революции Мейдзи» Япония стала на путь быстрого капиталистического развития. В течение 70—80-х годов она постепенно создала довольно значительную военную силу и превратилась в агрессивную державу, угрожавшую миру на Дальнем Востоке. Японская агрессия явилась новым фактором, который во все возрастающей мере стал влиять на политическую обстановку в Восточной Азии.

В 1872 г. японцы захватили острова Рюкю, которые составляли одно из вассальных государств Китая. При этом были применены коварные дипломатические приемы из практики феодальной дипломатии. Король Рюкю был обманом заманен в Японию и там задержан. Острова были поставлены под протекторат Японии, а затем, в 1879 г., аннексированы ею и превращены в префектуру Окинава. Япония приобрела важную стратегическую позицию на морских подступах к Китаю: острова Рюкю контролируют выход из Восточно-Китайского моря в океан. Китайское правительство протестовало, но японцы оставили эти протесты без внимания.

В 1874 г. японское правительство предприняло следующий акт агрессии: оно попыталось захватить остров Тайвань (Формозу). Это не только позволило бы Японии овладеть богатствами острова, но и обеспечило бы ей плацдарм в непосредственной близости от китайского побережья, распространило бы японский контроль на второй выход из Восточно-Китайского моря, выводящий в Южно-Китайское.

В качестве предлога было использовано убийство на Тайване рыбаков с островов Рюкю, потерпевших кораблекрушение. К этому инциденту и придралось японское правительство

[1] *G. N. Curzon.* Persia and the Persian question, vol. II, p. 604, 618.

в поисках предлога для выступления: оно заявило, что жители Рюкю находятся теперь под его покровительством. Оно направило на Тайвань вооруженный отряд в 3600 человек, который высадился на острове. Агрессия была предпринята при поддержке правительства США.

Население острова оказало отпор захватчикам. Японские войска на Тайване испытывали недостаток продовольствия, страдали от эпидемий. На этот раз и правительство Китая под давлением народа не ограничилось протестом. Оно предприняло кое-какие меры к сопротивлению захватчикам, направив на Тайвань войска численностью около 11 тыс. бойцов. Японцы не были подготовлены к борьбе с превосходящими силами китайцев. Японское правительство вынуждено было отказаться от захвата Тайваня и вступило в переговоры с китайским правительством. Переговоры завязались при содействии английского посланника в Пекине [1].

Китайское правительство вынуждено было 31 октября 1874 г. подписать с японскими представителями протокол. В этом документе оно признало, что «туземное население на Тайване повинно в убийстве японских подданных». Таким образом, у Китая вынудили признание островов Рюкю японской территорией. Это и был главный выигрыш Японии во всем этом деле. Китай должен был также уплатить Японии возмещение в сумме полумиллиона таэлей. Такова была та цена, получив которую, захватчики убрались восвояси: они сознавали трудности борьбы на Тайване.

Наибольшее внимание японское правительство уделяло подготовке захвата Кореи. Этот полуостров стратегически является как бы мостом с японских островов на континент. Он выводит в Маньчжурию, как в ту пору именовались Северо-восточные провинции Китая. Они составляли ближайший к Японии плацдарм на континенте для агрессии против китайской столицы. Кроме того, Корейский полуостров занимает ключевую позицию у выхода из Японского моря. Таким образом, стратегическое значение Кореи для дальнейшего развития японской агрессии было весьма значительным.

В XIX в. Корея была отсталой феодальной страной. Подобно Вьетнаму, островному королевству Рюкю и некоторым другим государствам, ее король числился в вассальной зависимости от китайского императора. На деле Корея была независима.

Стремясь подчинить себе Корею, японское правительство в начале 70-х годов не раз посылало своих уполномоченных в

---

[1] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895 гг. М., 1956, стр. 261—262; *Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая, т. I, М., 1955, стр. 327—328.

корейский порт Пусан для переговоров с представителями корейского короля, добиваясь установления дипломатических отношений. Однако корейское правительство опасалось серьезных для Кореи последствий вследствие проникновения японцев в страну, и успеха они не добились [1].

Тогда Япония прибегла к помощи «дипломатии канонерок». В апреле 1875 г. три японских военных корабля вошли в устье реки Ханган, на которой расположена столица Кореи — Сеул [2]. С помощью этой экспедиции японские колонизаторы намеревались убить сразу двух зайцев. Первая их цель была разведывательная: обследовать водные подступы к Сеулу, произведя промеры фарватера. Во-вторых, экспедиция преследовала цель, так сказать, «дипломатическую»: спровоцировать те или иные инциденты, которые можно было бы использовать в качестве предлогов для посылки в Корею более крупных сил. Когда японские суда вошли в Ханган и стали производить промеры глубин, прибрежный корейский форт дал предупредительные выстрелы. В ответ японцы подвергли форт ожесточенному обстрелу, высадили десант на остров Енджондо, перебили гарнизон, захватили и разрушили расположенное там укрепление [3]. В сентябре японцы произвели новую демонстрацию в целях устрашения Кореи: к острову Канхвадо подошел японский военный корабль. Угрожая оружием, командир потребовал согласия Кореи на установление торговых отношений. Последовал отказ, и опять дошло до кровопролития [4]. В январе 1876 г. японское правительство снова направило к корейским берегам два военных корабля и три транспорта с 800 солдат. Японцы высадились на острове Канхвадо. Так проводилось запугивание корейского правительства.

Внутри правящих феодальных кругов Кореи велась жестокая внутренняя борьба между ультраконсервативной группировкой тевонгуна (регента), ярого сторонника «закрытых дверей», и более склонной к сделкам с колонизаторами кликой королевы Мин. Во время японских военных демонстраций именно эта клика и стояла у власти. Корейское правительство направило на остров Канхвадо двух представителей для переговоров с высадившимися там японцами.

Тогда же (в январе 1876 г.) японское правительство послало в Пекин своего представителя Мори Аринори. Он должен был

---

[1] См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа». М., 1953, стр. 88—89.

[2] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 270.

[3] См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 89—90.

[4] См. *Ли Чен Вон.* Очерки новой истории Кореи, М., 1952, стр. 45.

побудить китайское правительство посоветовать своему корейскому вассалу «открыть двери» для Японии, оказать хороший прием посланной в Корею японской миссии и заключить с Японией договор. «Иначе, — запугивал Мори, — Корея навлечет на себя неисчислимые беды»[1]. Китайские дипломаты возразили, что переговоры с Кореей нужно вести по взаимному согласию, не прибегая к силе. Они указали Мори на неправомерность действия японских кораблей против Кореи. Они ссылались при этом на японо-китайский договор 1871 г., содержавший взаимное обязательство не нападать друг на друга, а также на зависимые земли и государства.

Но Мори объявил, что сюзеренитет Китая над Кореей является номинальным. Поэтому, продолжал он, обязательства, содержащиеся в японо-китайском договоре, к Корее не относятся. Для характеристики японской дипломатии не безынтересен разговор, который при этом произошел между Ли Хунчжаном — весьма влиятельным китайским сановником, наместником столичной провинции Чжили, — и уполномоченным японского правительства.

— Мне кажется, что на договоры нельзя полагаться, — заметил Мори.

— Мир народов зависит от договоров. Как вы можете утверждать, что полагаться на них нельзя? — наставительно ответствовал Ли.

— Договоры подходят для обычных торговых отношений, — возразил японец. — Но великие национальные решения определяются соотношением сил народов, а не трактатами.

— Это ересь! — воскликнул Ли. — Полагаться на силу и нарушать договоры несовместимо с международным правом.

— Международное право также бесполезно, — пренебрежительно возразил Мори[2].

Верное капитулянтской политике, которую проводил Ли Хун-чжан, цинское правительство Китая кончило тем, что уступило настояниям Мори. Оно подало в Сеуле совет принять японские требования.

Корейское правительство, запуганное периодическими угрозами со стороны японского военного флота, согласилось «открыть двери» своей страны японцам. 26 февраля 1876 г. на острове Канхвадо был подписан так называемый Канхваский договор «о мире и дружбе» между Японией и Кореей. Этот акт и положил начало закабалению Кореи Японией.

---

[1] *T. F. Tsiang.* Sino-Japanese Diplomatic Relations 1870—1894. «Chinese Social and Political Science Review», April, 1933, vol. XVII, № 1, p. 57.

[2] Ibid., p. 58—59.

Канхваский договор представляет весьма своеобразный документ дипломатии колонизаторов[1]. Фактически он являлся типическим примером неравноправного договора, однако начинался он с заявления о том, что «Корея в качестве самостоятельного государства обладает равными суверенными правами с Японией».

Последующие статьи содержали условия, явным образом неравноправные, нарушающие положения статьи первой. Договор устанавливал дипломатические отношения между Кореей и Японией. Он предоставлял Японии право учредить миссию в Сеуле, где до этого времени не имелось никаких иностранных представителей. В свою очередь Корея могла содержать миссию в Токио. Для японской торговли были открыты три корейских порта: Пусан, Инчхон, Вонсан. В открытых портах японцы могли арендовать землю, дома и т. д. Была установлена свобода торговли. Японские моряки получали право производить исследование корейских берегов и составлять морские карты. Это означало широкие возможности для ведения военной и политической разведки. Этим целям служили и консульские агенты, которых Япония могла теперь содержать в корейских портах. Подобно японской дипломатической миссии в столице, консулы стали проводниками японского влияния и организаторами подрывной работы. Японцы получали в открытых портах привилегии экстерриториальности. Такие же привилегии получали, правда, корейцы в Японии. Однако их почти не было там, и этой привилегией некому было пользоваться — в отличие от японцев в Корее, которые вскоре буквально наводнили эту страну.

Установление свободы торговли между обеими странами привело к наплыву в Корею иностранных товаров и разорению местного ремесла и кустарных промыслов. По дополнительному соглашению, заключенному в августе 1876 г., японское правительство добилось для японских подданных беспошлинного ввоза японских товаров в Корею, права на использование в Корее японской валюты в качестве платежного средства, а также на неограниченный вывоз корейской монеты. Эти привилегии японских колонизаторов привели в полное расстройство денежную систему Кореи и ее финансы. Они вызывали в народе все возраставшую ненависть к японцам, а вместе с тем и к иностранцам вообще.

Канхваский договор покончил с феодальной политикой самоизоляции Кореи, «закрытия» страны для иностранцев. Корея вовлекалась в водоворот мирового капиталистического

---

[1] «Treaties and conventions between the Empire of Japan and other powers». Tokio, 1899, p. 1—4.

хозяйства. Но на смену старозаветной политике «закрытых дверей» пришло отнюдь не развитие экономических и культурных связей на основе равноправия и взаимной выгоды, а постепенное колониальное закабаление Кореи капиталистическими колонизаторами. Несмотря на проникновение в Корею также и других колонизаторов, японцы приобрели в ней преобладающее влияние: им помогала географическая близость Японии, ее фактическая монополия на современную военную и военно-морскую силу в районе Кореи. Вследствие сравнительной удаленности Кореи от единственной достаточно оборудованной не японской военно-морской базы на Дальнем Востоке — от английского Гонконга — все европейские флоты, включая английский, в корейских водах были слабее японского. Об американском флоте нечего и говорить. Что касается царской России, то до сооружения Сибирской дороги она была на Дальнем Востоке крайне слаба в военном отношении и поэтому совершенно неспособна противостоять Японии в Корее, хотя в Петербурге в высшей степени неблагожелательно смотрели на проникновение японцев в эту страну.

Будучи не в силах противостоять Японии, США и европейские державы старались все же обеспечить себе кое-какие позиции в Корее. Вслед за японо-корейским договором последовала серия неравноправных договоров Кореи с различными капиталистическими государствами [1].

Американская экспансия в Корее

Первыми за Японией по пути навязывания Корее неравноправных договоров пошли США. Чтобы добиться заключения такого договора, были использованы различные методы. Первое место занимала опять-таки «дипломатия канонерок»: к корейским берегам был направлен корвет американского флота под командованием адмирала Шуфельдта. Ему было предписано «добиться открытия корейских портов для американских товаров» [2]. Шуфельдт начал с того, что зашел в Иокогаму, дабы обеспечить себе японское посредничество.

Но японское правительство и не подумало поддерживать американские домогательства. Вместо этого оно использовало свое влияние в Корее для срыва замыслов правительства США. Шуфельдт правильно понял, что Япония намерена «монополизировать торговлю Кореи» и «управлять ею железной палкой» [3].

Потерпев неудачу в Японии, Шуфельдт отправился в Пусан. Там он быстро убедился, что ему ничего не удастся до-

---

[1] См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 92; *Ли Чен Вон.* Очерки новой истории Кореи, стр. 54.

[2] Цит. по кн.: *Ли Чен Вон.* Очерки новой истории Кореи, стр. 55.

[3] Цит. по кн.: *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 278.

биться. Поняв это, американский адмирал направился на своем корвете в Китай. Теперь цель его заключалась в том, чтобы получить поддержку своих требований со стороны сюзерена Кореи — Китая. Переговоры с Шуфельдтом повел тот же Ли Хун-чжан. Этот сановник цинской монархии, слывший крупнейшим китайским дипломатом второй половины прошлого века, являлся представителем компрадорской буржуазии и связанной с нею части феодального класса. Он вел политику уступок колонизаторам, небезвыгодную для компрадоров. Свою капитулянтскую линию Ли прикрывал теорией «самоусиления» Китая. Пока оно не будет достигнуто и в особенности пока не будут созданы крупные, по-европейски оснащенные и обученные вооруженные силы, до тех пор, по мнению Ли, Китай должен уступать иностранцам. Так и в данном случае Ли уступил американским домогательствам.

Справедливость заставляет признать, что, капитулируя перед США, Ли Хун-чжан преследовал скрытую цель. Подобно многим дипломатам слабеющих феодальных восточных империй, Ли Хун-чжан стремился использовать взаимные противоречия различных колониальных держав в интересах цинской монархии. С изощренной хитростью старый сановник по временам успешно стравливал одних колонизаторов с другими. Он утверждал, что США будут якобы служить в Корее полезным противовесом японскому влиянию. Не решаясь твердо противостоять домогательствам иноземных захватчиков, Ли Хун-чжан рассчитывал на их взаимные противоречия. Он называл такую политику «применением одного яда против другого» [1]. В связи с усиливающимся влиянием Японии Ли писал одному высокопоставленному лицу в Корее: «...не самая ли лучшая для нас политика — нейтрализовать один яд посредством другого, противопоставлять одной силе другую? Вам следует использовать всякую возможность, чтобы установить договорные отношения с западными странами, которые вы будете использовать для обуздания Японии» [2].

Еще находясь в Китае, Шуфельдт получил уведомление о согласии корейского правительства заключить договор с США. Прибыв в Корею, он 22 мая 1882 г. подписал с ее правительством договор, по которому между Соединенными Штатами и Кореей устанавливались дипломатические отношения. Американцам предоставлялась в Корее консульская юрисдикция, до тех пор пока само правительство США не признает, что

[1] *R. T. Pollard.* American Relations with Korea 1882—1895. «The Chinese Social and Political Science Review», vol. XVI, № 3, Oct. 1932, p. 426.

[2] *H. F. MacNair.* Modern Chinese history. Shanghai, 1923, p. 512; Ср. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 281.

корейское судопроизводство соответствует американским нормам [1]. США получали право наиболее благоприятствуемой нации. Таким образом, на них распространялись привилегии, которые Япония вырвала для себя у Кореи по Канхваскому договору. Вслед за США с Кореей заключили сходного типа договоры Англия и другие европейские государства.

Развитие японской агрессии против Кореи

Однако японские капиталисты и японское правительство успешно одолевали своих конкурентов. Японская торговля заняла в Корее доминирующее положение. Страна была наводнена японскими торговцами, комиссионерами, ремесленниками. Многие из них являлись агентами японского правительства и вели по заданиям его органов разведывательную и подрывную работу. Подкупом и угрозами Япония создавала свою партию при королевском дворе в Сеуле. В Токио клонили дело к полному колониальному закабалению Кореи и ее народа. Против него и была в основном направлена японская политика.

Вскоре, однако, корейский народ сказал свое слово. В 1882 г. в Сеуле вспыхнуло восстание солдат, направленное против японского засилья и против реакционного корейского режима. К солдатам примкнула городская беднота. В результате восстания было убито несколько корейских сановников и много японцев. Было сожжено здание японской миссии.

Японское правительство не замедлило использовать этот инцидент в своих целях. Оно направило военные корабли к Инчхону (Чемульпо), порту близ Сеула, и предъявило Корее ультиматум с двухдневным сроком для ответа. В случае отклонения японцы угрожали войной.

Запуганное корейское правительство приняло японские требования: обязалось подвергнуть наказанию корейцев, виновных в нападении на японскую миссию и на японских подданных, уплатить возмещение за убытки. Корейское правительство должно было принести извинения в Токио. Главное же, в Сеул вводилось определенное количество японских войск для охраны миссии [2]. Договор, устанавливавший все эти обязательства, был подписан 30 августа 1882 г. Согласно дополнительному соглашению от той же даты «пределы действия договора» 1876 г. распространялись сначала на 50 корейских ли, а через два года — на 100 ли «во все стороны» от свободных портов [3].

---

[1] См. *Ли Чен Вон.* Очерки новой истории Кореи, стр. 56.

[2] См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 89; *Ли Чен Вон.* Очерки новой истории Кореи, стр. 61.

[3] «Treaties and conventions between the Empire of Japan and other powers», p. 11.

Правители Кореи пытались опереться на Китай. По просьбе корейского короля цинское правительство направило в Сеул для подавления солдатского восстания пять батальонов своих войск — около 3 тыс. человек. Затем, в 1883 г., был заключен корейско-китайский договор о торговле, согласно которому подтверждалась вассальная зависимость Кореи от Китая. Китайским купцам и товарам был разрешен доступ не только в открытые порты, но и во внутренние районы страны. Этим путем в Сеуле и Пекине думали противодействовать засилью Японии, хотя на основе принципа наибольшего благоприятствования права, предоставленные Китаю, получили и Япония и США, а также все другие иностранные государства, которые заключили в эти годы договоры с Кореей. Дело свелось к тому, что Японии еще шире открыли ворота для проникновения в Корею.

Японская миссия организовала в Сеуле дворцовый переворот. 4 декабря 1884 г. прояпонская клика с помощью японских войск свергла правительство и создала новое, ориентирующееся на Японию. Тем не менее утвердить в Корее полное господство Японии на этот раз не удалось. Через два дня прояпонское правительство было свергнуто. Сделано это было с помощью китайских войск.

Последовали китайско-японские переговоры по вопросу о судьбах Кореи. 18 апреля 1885 г. между Японией и Китаем был заключен в Тяньцзине договор. Обе стороны взаимно обязались в четырехмесячный срок отвести из Кореи свои войска. Обе они обязывались также не посылать в Корею своих офицеров в качестве инструкторов. Далее договор гласил: «Согласовано, что в случае, если бы в Корее произошли какие-либо потрясения серьезного характера, которые вынудят соответствующую страну, или обе, послать войска в Корею, они сделают друг другу предварительное письменное уведомление о своем намерении. После того, как осложнения будут улажены, они выведут свои войска» [1].

Иностранные войска покидали Корею, но над ней нависала опасность нового их появления. Смысл этого договора заключался в том, что Китай, считавшийся сюзереном Кореи, отныне не мог посылать туда войска без ведома Японии. Более того, Китай признал за Японией право на ввод в Корею войск при соблюдении определенного условия — предварительного уведомления китайского правительства.

Тем не менее фактически после декабрьских событий 1884 г. в Корее упрочилось китайское влияние. В Корею был назначен китайский «камгук» — нечто вроде наместника. Им стал Юань Ши-кай, впоследствии приобретший известность как палач

[1] «Korea. Treaties and agreements». Washington, 1921, p. 7—8.

китайской революции. На некоторое время Юань Ши-кай стал подлинным хозяином корейской политики. Китайская торговля, составлявшая в 1885 г. около четверти оборотов японской, в начале 90-х годов почти сравнялась с нею [1]. Оба правительства субсидировали экспорт в Корею, стремясь закрепиться в экономике страны. Борьба за Корею обострялась. Японское правительство не прекращало усилий, направленных на вытеснение китайцев из Кореи. Претензии Китая в Корее имеют лишь «сентиментальный» и «исторический» характер, заявил в 1889 г. Ли Хун-чжану японский представитель Ито Хиробуми. У Японии, продолжал он, ее претензии солиднее: они основываются на экономической необходимости — на потребности в рынках и в территории для колонизации.

Английская экспансия на Дальнем Востоке в 70—80-х годах XIX в.

Английский капитал также продолжал политику экспансии на Дальнем Востоке. Главным предметом вожделений английских колонизаторов по-прежнему оставался Китай, и особенно бассейн реки Янцзы. Английская торговля занимала в Китае по объему своих оборотов первое место как по импорту, так и по экспорту. Во главе китайских морских таможен в должности генерального инспектора с 1859 г. стоял англичанин. В течение многих лет пост этот оставался за британским подданным. Таким образом, англичане контролировали один из важнейших источников дохода китайской казны. Английские капиталисты хозяйничали в Шанхайском международном сеттльменте — цитадели иностранного капитала в Китайской империи. В их руках был основанный в 1864 г. Гонконг-Шанхайский банк, тесно связанный с финансовой олигархией Лондона. Этот банк оказывал влияние на банковские дела, денежное обращение и состояние кредита во всем Китае. В дальнейшем в английских руках оказалось пароходство по реке Янцзы. Английские суда занимали первое место в перевозках из Европы в Китай и обратно. Англия была единственным государством, которое располагало хорошо оборудованной большой военно-морской базой в китайских водах — Гонконгом. Долгое время Гонконгский порт был единственной современной военной базой на всем Дальнем Востоке — до тех пор, пока Япония не создала современные военно-морские базы в своих портах. Лишь позже за Японией последовали Россия и Германия. Наконец, владея Сингапуром, Англия держала в руках ворота из Европы на Дальний Восток. Англичане считали себя хозяевами всех морей, омывающих Южный и Центральный Китай. И такое мне-

[1] См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 111.

ние было близким к истине. В результате всего этого английское влияние обычно одолевало в Пекине влияние других колонизаторов. Английские капиталисты получали крупные прибыли от эксплуатации Китая. США и по размерам торговли и по силе политического влияния в 70—80-х годах значительно отставали от Англии.

Однако наиболее агрессивным кругам английской буржуазии положение, достигнутое Англией в результате опиумных войн, казалось недостаточным. С переходом к империализму в Англии стали раздаваться голоса в пользу захвата Китая и превращения огромной страны из полуколонии в полную колонию. «Китай неизбежно достанется нам подобно Индии, если только... американцы нас не опередят» [1], — писал, например, Чарльз Дилк. Претендуя на Китай, этот влиятельный идеолог английского империализма готов был поделить Дальний Восток и Тихий океан с Америкой. На заре империалистической эпохи Дилку рисовалась картина англо-американского господства над миром: «Через Калифорнию и Сандвичевы острова, через Японию, которая быстро становится американской, и Китай, побережье которого уже принадлежит Британии, наша (англосаксонская) раса, кажется, продвигается на запад, к мировому господству» [2]. Дилк, конечно, грубо ошибался, принимая навязанные Японии неравноправные договоры за полное подчинение этой страны. Да и в отношении Китая он преувеличивал английские успехи. Однако такое высказывание, приведенное в одной из самых популярных книг в Англии того времени, вследствие увлечений и гипербол автора ровно ничего не теряет в своей важности: оно характеризует стремления, которыми руководствовались тогда английские колонизаторы, и те цели, которые они преследовали.

Прорытие Суэцкого канала, установление телеграфной связи с Шанхаем, захват Египта — все это значительно расширило для Англии практические возможности закабаления Китая.

В 70-х годах Англия предпринимала шаги в целях проникновения во внутренние районы великой страны. Английское правительство и его власти в Индии уделяли большое внимание разведыванию сухопутного пути через Верхнюю Бирму в Южный Китай. Путь этот открыл бы для Англии рынок одного из внутренних районов Китая, причем географическое положение защищало здесь англичан от иностранной конкуренции.

---

[1] *Ch. W. Dilke.* Greater Britain, 5th edition. London, 1870, p. 561—562.
[2] Ibid., p. 197.

Английская политика, как и прежде, использовала различные средства давления и предлоги, чтобы открыть финансовой олигархии лондонского Сити еще более широкие возможности для внедрения в Китайскую империю. В начале 1875 г. английская экспедиция, разведывавшая дорогу из Бгамо (в Верхней Бирме) в китайскую провинцию Юньнань, вступив на территорию Китая, встретила вооруженное сопротивление. Разведчики вынуждены были повернуть обратно, но в происшедших столкновениях 21 февраля 1875 г. был убит сотрудник английской миссии в Пекине, выехавший навстречу экспедиционному отряду в качестве переводчика.

Английская дипломатия использовала этот инцидент, чтобы потребовать от цинского правительства новых уступок — допущения английской торговли на реке Янцзы. Это означало экономическое вторжение английских колонизаторов с побережья далеко в глубь Центрального Китая. Стремясь запугать цинское правительство и оказать на него давление, английский посланник прибег к прямой лжи. Он заявил китайцам, будто из Рангуна к китайской границе послан значительный отряд англо-индийских войск. Это был образчик наглости, типической для колониальной дипломатии буржуазии. Посланник угрожал бомбардировкой китайского побережья и разрывом дипломатических отношений. В целях подкрепления этой угрозы он покинул столицу, перенеся свою резиденцию на английский военный корабль, находившийся в порту Чифу.

Такого рода шаг должен был оказать устрашающее воздействие на китайцев. Переговоры посланник все же продолжал. Они были длительными. Конфликт с Россией на Ближнем Востоке побудил правительство Дизраэли смягчить свою позицию и сделать Китаю уступки в первоначальных английских требованиях. В сентябре 1876 г. в городе Чифу была подписана англо-китайская конвенция. Цинское правительство обязалось уплатить некоторое денежное возмещение, открыть для иностранной торговли еще один порт на побережье и несколько пунктов по течению реки Янцзы — меньшее количество, чем требовали англичане сначала. Английское правительство получило право послать миссию в Юньнань. Чифуская конвенция предусматривала, однако, одну важную уступку и со стороны Англии: согласие на повышение Китаем ввозных пошлин на опиум. Это постановление вызвало в Англии резкий протест в кругах заинтересованных капиталистов и побудило правительство затянуть ратификацию Чифуской конвенции до 1885 г. Тем не менее китайское правительство выполнило все остальные постановления этого неравноправного договора [1].

[1] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 205—207.

Усиливавшееся проникновение иностранного капитала в глубь страны затруднялось наличием в Китае внутренних пошлин — так называемого лицзина. Усилия колонизаторов сосредоточились теперь на требованиях об отмене лицзина и на предоставлении иностранцам права селиться на всей территории Китайской империи. Особенно добивалось этого правительство США. Успеха эти притязания, впрочем, пока не имели: цинское правительство опасалось, что такие уступки еще более подорвут его положение и авторитет в стране.

Конфликт царского и цинского правительств в Синьцзяне

Из подобных же соображений исходило цинское правительство и в своих отношениях с русским царизмом. После того как соединенными усилиями России и Китая были сорваны английские планы проникновения в Кашгарию и Синьцзян и ликвидировано государство Якуб-бека, для царского правительства настало время выполнить свое обязательство и возвратить Китаю Илийский край. Однако оно решило теперь извлечь для себя выгоду из оккупации его войсками части китайской территории. Главной целью русского правительства являлось расширение русской торговли с Китаем по огромной сухопутной границе и отмена еще существовавших в Китае многочисленных ограничений этой торговли. В этом были весьма заинтересованы русские капиталисты, в особенности Московского района, Урала, Сибири и Средней Азии. Так же как и Средняя Азия, Внутренний и Западный Китай, а равно Монголия представляли для русского капитализма в качестве рынков большой интерес, так как они были почти ограждены от западной конкуренции: «При значительной отдаленности от портовых городов и от главных китайских рек, — писал русский консул в Чугучаке Скачков, — мы редко встречались бы там с англичанами» [1].

Для переговоров по поводу Илийского края в Петербург прибыл представитель цинского правительства Чун Хоу. Главные условия, выдвинутые с русской стороны, были определены на нескольких особых совещаниях, состоявшихся в течение 1876—1879 гг. под председательством Милютина. Заключались эти условия в следующем: отмена ограничений для русской торговли, в частности предоставление права русским купцам посылать караваны во Внутренний Китай, возвращение Китаю Кульджи и Илийского края, за исключением, однако, долины реки Текес и Музартского горного прохода через Тянь-

[1] Письмо консула в Чугучаке Скачкова от 18(6) мая 1861 г. Цит. по кн.: *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 227.

Шань — важнейшего пути из Илийского края в Китайский Туркестан [1].

Чун Хоу пошел на значительные уступки русскому царизму. 2 октября (20 сентября) 1879 г. он и Гирс подписали так называемый Ливадийский договор. Согласно этому договору восстанавливалась власть китайского правительства в Илийском крае и определялись условия передачи ему временно занятой русскими территории. Однако Ливадийский договор предусматривал уступку Китаем небольшого участка на западе Илийской долины, бассейна реки Текес и Музартского перевала. В иностранной печати и историографии содержание договора подвергалось грубым искажениям. Утверждалось, будто бы Россия аннексировала весь Илийский край с Кульджей и т. д., что не соответствовало действительности.

Договор предоставлял русским подданным право беспошлинной торговли в Монголии и застенном Западном Китае, разрешал отправку караванов не только через Калган на Тяньцзинь, но, кроме того, через Цзяюй-Гуань (Сучжоу) на Ханькоу, предоставлял право вести торговлю в нескольких городах Китая, указанных в договоре. В городах Западного Китая и в Монголии учреждалось семь новых русских консульств [2].

Однако Ливадийский договор не получил в Пекине одобрения. Недовольство цинского правительства было вызвано главным образом содержавшимися в договоре постановлениями об изменении границы в долине реки Текес. Китайское правительство отказалось ратифицировать Ливадийский договор. Дипломат Чун Хоу был присужден к смертной казни посредством отсечения головы. Командующий войсками в Западном Китае Цзо Цзун-тан призывал к войне с Россией. В ответ царское правительство направило в дальневосточные воды эскадру своего флота.

Конфликт был, однако, улажен миром: русское правительство пошло навстречу пожеланиям китайского правительства. Оно согласилось начать переговоры о пересмотре Ливадийского договора. Чун Хоу был помилован, но в Петербург для новых переговоров был направлен другой представитель — Цзен Цзи-цзе.

24 февраля 1881 г. между Россией и Китаем в Петербурге был подписан взамен Ливадийского новый договор. Русские отказывались от приобретений в долине Текеса и Музартского перевала. За Россией остался западный клочок Илийской долины «для поселения в оной тех жителей этого края, которые

---

[1] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 232—233.

[2] Там же, стр. 233.

примут российское подданство», иначе говоря, не пожелают жить под владычеством Цинской династии. Кроме того, во изменение Ливадийского договора, для русских караванов по Петербургскому договору был сохранен лишь один путь, а именно через Калган и Тун-Чжоу в Тяньцзинь, а не два пути, как это предусматривалось Ливадийским договором. Русским подданным предоставлялось право отправляться для торговых дел в Сучжоу, но далее этого пункта русские караваны не имели права проходить. В этом состояло одно из отличий Петербургского договора от постановлений Ливадийского договора, согласно которому русским купцам разрешалось направлять караваны вплоть до Ханькоу.

Было сохранено и подтверждено право русских подданных на беспошлинную торговлю в Монголии и застенном Западном Китае и предусмотрено снижение вывозных пошлин на кирпичный чай. Статья относительно открытия консульств получила теперь следующую формулировку: «Принадлежащее российскому правительству по договорам право назначать консулов в Или, Тарбагатае, Кашгаре и Урге распространяется отныне на города Сучжоу (Цзяюй-Гуань) и Турфан. В городах Кобдо, Улясутае, Хами, Урумчи и Гучене российское правительство будет учреждать консульства по мере развития торговли и по соглашению с китайским правительством»[1]. Сохранилась выговоренная Россией по Ливадийскому договору амнистия для участников восстания. Тем не менее большая часть уйгурского и дунганьского населения Илийского края, опасаясь репрессий, предпочла переселиться в Россию.

Англия, Россия и Китай

В 1885 г., во время англо-русского конфликта из-за Афганистана, английское правительство старалось осложнить положение России. Оно провоцировало маньчжурских правителей Китая на антирусские выступления, но без успеха. В то же время английское правительство подготовляло базы для действий против Владивостока. Для этого оно захватило остров Комуньдо близ южного побережья Кореи. В дальнейшем (в 1887 г.) оно эвакуировало его ввиду настойчивых требований России и Китая.

В течение всего рассматриваемого времени, особенно в периоды обострения русско-английских отношений, английская дипломатия стремилась подтолкнуть Китай на конфликты с Россией — совершенно так же, как она это делала в Турции, Персии и Афганистане. В целом эти усилия лондонского кабинета остались без серьезных результатов. Цинское правительство

---

[1] «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917», стр. 215.

боялось идти на серьезные осложнения с Россией. В Средней Азии Россия была много сильнее Китая в военном отношении.

Правда, на Дальнем Востоке да и вдоль южных границ Сибири и Забайкалья этого утверждать никак нельзя: царское правительство не располагало здесь серьезными силами и не имело транспортных средств для их подвоза. Военно-морские силы России во Владивостоке были малы и не располагали базами для действий в китайских водах. Защита границы с Китаем при огромной ее протяженности была для России делом нелегким. Все это тормозило экспансию царской России.

Царское правительство было весьма заинтересовано в расширении русской торговли в Китае. В этом вопросе оно активно отстаивало интересы русской буржуазии. Еще больше оно заботилось о сохранении своих владений на Дальнем Востоке и обеспечении их безопасности, охраняемой в ту пору незначительными силами, оторванными от жизненных центров России гигантскими расстояниями и бездорожьем. Ввиду всего этого в 80-х гг. царское правительство стремилось поддерживать с Китаем мирные отношения — тем более что любой конфликт на Дальнем Востоке мог только затруднить положение России в Европе, на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

Что касается цинского правительства, то оно сознавало, что конфликт с Россией сделает его еще более беспомощным перед лицом Англии, США, Франции и Японии, всегда готовых предъявить Китаю и примыкающим к нему вассальным государствам все новые и новые требования, направленные на их закабаление. Поэтому оно, со своей стороны, тоже предпочитало с Россией ладить и разрешать споры мирными средствами. Примером такого урегулирования является устное соглашение, заключенное Ли Хун-чжаном и русским поверенным в делах в Пекине Ладыженским в 1886 г. Россия и Китай обязывались не изменять существующего положения Кореи и блюсти целостность ее территории [1].

Сибирская железная дорога

В 1885 г., в дни англо-русского конфликта из-за Афганистана обозначилась возможность действий британского флота против русского Дальневосточного побережья. Проникновение Японии в Корею тоже создавало потенциальную угрозу для дальневосточной окраины. Вовлечение Кореи в мировое капиталистическое хозяйство и борьба держав за господство над этой страной создали на Дальнем Востоке новую политическую и стратегическую обстановку. Положение царской России оказывалось при этом отнюдь не завидным: на Дальнем Востоке и в Восточ-

[1] См. *А. Л. Нарочницкий*. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 395.

ной Сибири, очень слабо населенных, она располагала ничтожными силами, а переброска войск на Дальний Восток через необозримые пространства могла осуществляться либо пешком, походным порядком, либо в лучшем случае гужом, на лошадях. Само собой разумеется, что такие способы представляли чрезвычайные трудности, а главное, требовали столь длительного времени, что подкрепления, посланные из Европейской России или даже из Западной Сибири, скорее всего опоздали бы к месту назначения, появились на театре военных действий уже после того, как противник успел бы достигнуть существенных успехов. Вскоре после афганского инцидента царское правительство поставило вопрос о сооружении гигантской железной дороги через Сибирь до Владивостока. Постройки Сибирской дороги требовали экономические интересы русского капитала. Этого давно добивались промышленники особенно Московского района и Урала, заинтересованные в расширении рынков. «Для развития фабричного производства в России нет другого средства, как иметь обеспеченный и выгодный рынок в Азии», — в Туркестане, Персии и Китае, — писал Н. Шавров, крупный деятель «Общества содействия русской промышленности и торговле», пропагандируя постройку железной дороги в Сибирь и к границам Китая [1]. Вся русская металлургия жаждала заказов на рельсы и другие материалы для железнодорожного строительства столь грандиозного масштаба.

В 1891 г., пользуясь приливом денег из Франции, Россия начала строить великую Сибирскую железную дорогу. В 1892 г. министром финансов Российской империи был назначен С. Ю. Витте. 18 ноября 1892 г. он представил Александру III докладную записку о Дальнем Востоке, в которой наметил широкую финансовую и политическую программу. Сибирская дорога, по мысли Витте, должна была отвлечь грузы от Суэцкого канала и стать проводником русских промышленных изделий на китайский рынок. Дорога «обеспечит русскому военному флоту все необходимое и даст ему твердую точку опоры в наших восточных портах, — писал Витте. — Посему, — продолжал он, — с открытием дороги этот флот может быть значительно усилен и, в случае политических осложнений как в Европе, так и на Азиатском Востоке, получит в высокой степени важное значение, господствуя над всем международным коммерческим движением в тихоокеанских водах» [2]. Записка Витте была первым наброском дальневосточной программы русского

[1] Цит. по кн.: *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 227.

[2] *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928, стр. 60.

правительства, вдохновителем которой стал новый министр финансов. Программа эта означала переход к широкой экспансии.

Колониальная экспансия в Юго-Восточной Азии

Четвертый узел международных противоречий сложился на почве борьбы за колониальное порабощение Юго-Восточной Азии — Индокитая, Бирмы, Индонезии, Малайского полуострова. Основными участниками раздела Юго-Восточной Азии являлись Англия, Франция и Нидерланды. Для Франции дело шло о расширении позиций, захваченных ею в Индокитае еще в 60-х годах, когда она обосновалась в Южном Вьетнаме (в Кохинхине) и в Камбодже. Французские колонизаторы намеревались обеспечить за собой ресурсы всего Индокитая — Аннама и особенно Тонкина (Северного Вьетнама), как богатейшей его части. Оттуда они стремились проникнуть в Южный Китай. Нидерландские колонизаторы, уже давно укрепившиеся на побережье островов Индонезии, теперь проникали во внутренние районы и старались завладеть всей страной, дабы эксплуатировать ее несметные богатства.

Что касается Англии, то еще в 50-х годах она захватила Нижнюю Бирму с Рангуном. Предметом дальнейших вожделений являлась Верхняя Бирма. Оттуда имелось в виду проникнуть в Южный Китай, где уже в 70-х годах ощущалось столкновение английских и французских интересов.

Однако цели английской политики не исчерпывались этим. Они были значительно сложнее и многообразнее. Кроме стремления к расширению сферы колониальной эксплуатации, Англия была озабочена безопасностью восточных подступов к Индии от приближения французов. Отсюда — англо-французское соперничество в Таи (Сиаме), отделяющем Индию и Бирму от Индокитая. Другой задачей английского правительства являлось сохранение в своих руках контроля над морским путем на Дальний Восток, ключом к которому являлось обладание Сингапуром. Чтобы укрепить господство над этим важнейшим стратегическим пунктом, Англия произвела в 70-х годах захват Малайского полуострова и установила протекторат над расположенными там султанатами. Малайский полуостров стал в дальнейшем важнейшим поставщиком олова и каучука и принес огромные прибыли английскому капиталу.

Французская экспансия в Индокитае

15 марта 1874 г. французские колонизаторы навязали королевству Аннам, занимавшему центральную часть Вьетнама, кабальный неравноправный договор, фактически означавший установление протектората Франции над всем Вьетнамом, поскольку власть аннамского короля распространялась и на Тонкин, т. е. северную часть Вьетнама. Фран-

цузское правительство по букве этого договора признавало независимость и суверенитет короля Аннама. Этим оно наносило удар по сюзеренным правам Китая. Французы обещали предоставлять королю по его просьбе «помощь и поддержку» для «поддержания порядка и спокойствия» в его государстве, защиты от внешнего нападения и для борьбы с пиратами у побережья королевства. «Из признательности за эту защиту» король обязывался «согласовывать свою внешнюю политику с французской». В Аннаме водворялся французский резидент в ранге посланника. Франция поставляла Аннаму некоторое количество оружия, инструкторов, инженеров, экспертов по финансовым вопросам для организации налоговой и таможенной службы. Обеспечивались свобода деятельности католических миссионеров и права католической церкви. Три порта, включая Ханой в Тонкине, открывались для торговли. В них разрешалось свободное поселение, коммерческая и промышленная деятельность французских граждан и вообще иностранцев и назначались французские консулы с охраной до 100 человек. Разрешалось судоходство по Красной реке от устья до границы китайской провинции Юньнань. Для разбора тяжб между вьетнамцами и иностранцами (независимо от национальности) создавалась смешанная французско-аннамская система юстиции, в которой французская сторона была представлена французским резидентом. Тяжбы между французами в Аннаме подлежали исключительно юрисдикции резидента. Уголовные преступления французов и иностранцев подлежали юрисдикции французских судов в Кохинхине (в Сайгоне) [1]. Положения договора открывали страну для проникновения французского капитала и создавали привилегированное положение для французских граждан.

Китайское правительство, считая аннамского короля вассалом цинского императора, отказалось признать франко-вьетнамский договор. Само вьетнамское правительство вскоре было вынуждено просить у Китая помощи против бесцеремонных действий колонизаторов. В 1876 г. вьетнамский император возобновил прекращенную было отправку дани в Пекин, символизировавшей признание сюзеренитета богдыхана [2]. В 1879 г. он направил к цинскому двору специального представителя с просьбой об оказании военной помощи. По рекомендации цинских властей Вьетнам обратился к Лю Юнь-фу, бывшему генералу тайпинских войск, обосновавшемуся со своими солдатами на границах между Юньнанью и Вьетнамом, где они

---

[1] «Affaires du Tonkin», 1-ère partie. Paris, 1883, p. 1—10.

[2] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 202 и 294.

занимались земледелием и скотоводством. Войска этого генерала носили наименование «черных флагов». Приняв приглашение, они перешли во Вьетнам, где расположились по течению Красной реки. Французские колонизаторы стали готовить военную экспедицию против «черных флагов».

Китайское правительство через своего посланника в Париже заявило французскому правительству, что Вьетнам является вассалом Китая и что в связи с этим китайское правительство не может признать договор, заключенный между Францией и Вьетнамом [1]. Ли Хун-чжан заявил французскому посланнику, что «Вьетнам уже давно принадлежит Китаю и если Франция попытается захватить его, то Китай не оставит этого без внимания» [2].

Французское правительство настаивало на действительности договора 1874 г. Оно направило в Тонкин войска. Они попытались проникнуть в глубь страны и организовать судоходство на Красной реке.

Колонизаторы встретили, однако, сопротивление со стороны вьетнамского народа и «черных флагов». Французы смогли утвердиться только в немногих центрах, главным образом в Хайфоне и Ханое [3]. Германская угроза Франции в 1875 и 1877 гг., осложнения на Ближнем Востоке и в Египте, наконец, захват Туниса делали в тот момент для французского правительства затруднительной организацию более сильной экспедиции для завоевания Вьетнама.

Французское правительство пыталось добиться своих целей посредством дипломатии. В 1882 г. через своего посланника оно потребовало в Пекине эвакуации «черных флагов» и регулярных китайских войск, которые тем временем тоже были введены в Тонкин. Между Францией и Китаем начались переговоры.

Китайская сторона в обмен за отвод войск желала добиться от Франции некоторых гарантий: заверения в том, что она не предпримет агрессивных действий против Вьетнама и не будет покушаться на сюзеренитет Китая над этой страной. Но позиция цинской монархии в этих переговорах была весьма непоследовательной. Она не раз склонялась к сделке с колонизаторами за счет вьетнамского народа. Особенно падким на такие сделки показал себя Ли Хун-чжан.

Переговоры осложнялись для Китая внутренней борьбой в правящих кругах Цинской империи. Борьба происходила

---

[1] См. *Фань Вэнь-лань*. Новая история Китая, т. I, стр. 334—336.

[2] См. там же, стр. 336.

[3] См. *А. Л. Нарочницкий*. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 296; *Фань Вэнь-лань*. Означ. соч., стр. 338.

между двумя милитаристскими кликами. Первая — компрадорско-феодальная — настаивала на уступках иностранцам, — вторая — старофеодальная — требовала борьбы против «заморских дьяволов».

Фактически в ходе переговоров цинское правительство пошло на значительные уступки, предавая национальные интересы. Однако колонизаторы настаивали на подтверждении договора 1874 г. и закреплении за ними всех привилегий, вырванных ими у Вьетнама по этому кабальному договору. На столь наглые требования китайская сторона все же колебалась дать согласие.

Между тем вьетнамский народ продолжал борьбу не без успеха. Французский отряд в Ханое был разбит вьетнамцами и «черными флагами». В июне 1883 г. аннамское правительство потребовало вывода французских войск из Тонкина.

Вместо этого французское правительство активизировало там военные действия. Цель заключалась в том, чтобы привести в полную покорность феодальную верхушку Вьетнама и управлять страной с ее помощью. Именно эту цель преследовала дипломатия колонизаторов в столице Аннама — Гуэ. Но вьетнамские войска, поддерживаемые населением, «черными флагами» и китайскими регулярными войсками, отказались сложить оружие. Военные действия продолжались.

Французы продолжали требовать в Пекине вывода из Тонкина китайских войск, но без успеха. 16 ноября 1883 г. китайское правительство объявило, что присутствие французских войск в Тонкине является нарушением мира со стороны Франции [1].

Однако в правящих кругах Цинской империи по-прежнему не было единства. Ли Хун-чжан продолжал клонить дело к капитуляции. 11 мая 1884 г. он подписал в Тяньцзине конвенцию с французским представителем Фурнье, капитаном фрегата. Согласно этой конвенции Китай обязывался вывести свои войска из Тонкина и признать любые договоры между Францией и Вьетнамом. Китайско-тонкинская граница открывалась для иностранной торговли. В обмен за столь далеко идущие уступки Франция гарантировала неприкосновенность китайской границы с Тонкином. Она отказывалась от заявленных ею претензий на контрибуцию. Несмотря на эти уступки со стороны французов, конвенция означала капитуляцию Китая [2].

---

[1] См. *А. Л. Парочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 308.

[2] *Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая, т. I, стр. 341; *А. Л. Парочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 311.

Во Франции между тем обстановка переменилась. В 1883 г. к власти пришло правительство, связанное с капиталистическими кругами, заинтересованными в эксплуатации Индокитая. Это было второе правительство Жюля Ферри. Ему казалось мало даже и уступок, зафиксированных в Тяньцзиньской конвенции. Переговоры с Китаем и Тяньцзиньская конвенция были для Ферри только средством выиграть время и подготовиться к войне. Интересы колонизаторов доминировали в кабинете Ферри. Индокитайский банк, связанный со столпами французской финансовой олигархии, включая банк «Контуар д'Эсконт», оказывал на Ферри огромное влияние. Энгельс писал о колонизации «в интересах биржевых афер, которую Франция теперь прямо и неприкрыто проводит в Тунисе и Тонкине» [1]. Ферри был лично материально заинтересован в предприятиях, связанных с Индокитаем.

Правительство Ферри решило завершить во что бы то ни стало завоевание Северного Вьетнама (Тонкина). Оппозиция такой политике со стороны монархистов-клерикалов ослаблялась тесным союзом биржевиков и их основной партии — умеренных республиканцев — с католическими миссионерами, развивавшими активную деятельность во Вьетнаме и Китае. Летом 1884 г. Ферри счел, что Франция уже готова к колониальной войне с Китаем.

6 июня 1884 г. французские колонизаторы навязали аннамскому правительству еще один договор, уже полностью и официально превращавший страну во французский протекторат. Сюзеренитет Китая над Вьетнамом упразднялся. Франции предоставлялось право в случае нападения какого-либо государства на Вьетнам воспрепятствовать оккупации его территории иностранным государством. Французские войска могли занять любой пункт во Вьетнаме. В Северном Вьетнаме (Тонкине) сбор налогов переходил в руки французских властей [2].

Вслед за тем французское командование спровоцировало столкновение с китайскими войсками в районе стратегически важного пункта Ланг-Сон. Происшедший там инцидент был объявлен «нападением» со стороны Китая.

12 июля правительство Ферри предъявило цинскому правительству ультиматум. В нем содержалось требование об уплате (вопреки договоренности, достигнутой в Тяньцзине) контрибуции в размере 250 млн. франков. Так орудовала дипломатия обнаглевших колонизаторов.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 1, т. XXVII, стр. 331.

[2] См. *А. Л. Нарочницкий*. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 311—312.

Цинское правительство отвергло это домогательство: согласие слишком подорвало бы его престиж внутри страны.

После отклонения ультиматума французы перенесли военные действия на китайскую государственную территорию: на побережье Китая и в его территориальные воды. К берегам Китая была направлена эскадра французского военно-морского флота под командованием адмирала Курбе. Началась франко-китайская война.

Военные действия были открыты Францией без объявления состояния войны. Французская дипломатия изобрела для обозначения начатой войны новый термин — состояние репрессалий. Китай со своей стороны не решался выступить в роли стороны, объявившей войну. Сложившееся положение было, однако, очень невыгодно для Китая: отсутствие состояния войны лишало его прав воюющей стороны и юридически ограничивало его возможности в смысле заграждения входа в открытые порты [1].

Во время войны между Францией и Китаем не прекращались дипломатические переговоры. Велись они через англичан, главным образом через английского руководителя китайских морских таможен Роберта Харта. Цинское правительство настаивало на сохранении права на получение дани с Вьетнама, что символизировало сюзеренитет над этой страной. Оно не прочь было поладить с колонизаторами за счет Вьетнама и требовало присоединения к Китаю Восточного Тонкина с важными стратегическими пунктами Ланг-Соном и Лаокаем.

Французское правительство отказывалось признать сюзеренитет Китая над Вьетнамом. Оно требовало, чтобы китайские власти прекратили поддержку «черных флагов», которым тайно помогал губернатор провинции Юньнань Чэн Юй-ин.

Колонизаторы встретились в войне против Китая с непредвиденными трудностями. Правда, эскадра Курбе нанесла большие потери китайскому флоту и ущерб побережью. Большего сделать она не могла. Операции десантного отряда, высаженного на Тайване, были мало эффективными. На тонкинском театре войны положение французов было трудное.

28 марта 1885 г. французы понесли от китайских войск поражение под Ланг-Соном и поспешно оставили этот пункт. Когда весть об этом дошла до Парижа, кабинет «тонкинца» Ферри был свергнут палатой. Его провожало негодование французского народа. Опасаясь собравшейся толпы, Ферри покинул здание парламента — Бурбонский дворец — через черный ход.

---

[1] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 316.

Между тем в китайском народе нарастал национальный подъем. Цинское правительство Китая, опасаясь за свою власть ввиду национального подъема, не захотело использовать победу, одержанную под Ланг-Соном. Оно поспешило заключить мир с Францией. 9 июня 1885 г. был подписан мирный договор на началах полного отказа Китая от сюзеренитета над Тонкином. Франции предоставлялась там полная свобода действий. Захват Вьетнама стал совершившимся фактом. Только через 60 лет вьетнамский народ смог освободиться от ига империалистических захватчиков. Для иностранной торговли открывались два пункта на тонкинско-китайской границе. В случае постройки железных дорог в Юньнани и Гуанси китайское правительство обязывалось поручить это дело французским предпринимателям и инженерам. Имелась, правда, оговорка, что это условие не создаст для Франции «исключительной привилегии». Французы возвращали Китаю оккупированные их войсками пункты на Тайване и захваченные ими острова Пэнхуледао.

Захват Верхней Бирмы

Английские колониальные круги, заинтересованные в торговле с Китаем, неодобрительно относились к французской экспансии в Индокитае. Что касается франко-китайской войны, то в Лондоне ее осуждали, опасаясь, что военные действия повредят английской торговле. В то же время там были довольны, что важнейший колониальный соперник увяз в дорогостоящей колониальной авантюре. Однако победы Китая англичане отнюдь не желали: это затруднило бы его эксплуатацию и подорвало бы там положение всех иностранцев.

Франко-китайская война позволила англичанам выторговать у Китая более выгодные условия обложения импортного опиума и изменение в этом смысле Чифуской конвенции. Получив льготные условия для отравления китайцев опиумом, английское правительство в 1885 г. ратифицировало наконец эту конвенцию.

Чего действительно хотели в Лондоне — на Даунинг-стрит и в Сити, — в правительстве Британской Индии, в английских кругах шанхайского сеттльмента и Гонконга, так это того, чтобы победа досталась Франции не так скоро и подороже. Особенно опасались в Англии проникновения французского капитала в Южный Китай, а также приближения французской экспансии к восточным подступам к Индии. Английская дипломатия позаботилась о том, чтобы франко-китайский мирный договор не создал французам монопольного положения в Юньнани.

Захват Францией Аннама и Тонкина ускорил захват Англией Верхней Бирмы. Король Тхибав пытался опереться на Францию и другие европейские державы. С этой целью он в

1883 г. отправил посольство в европейские столицы. 15 января 1885 г. в Париже был подписан франко-бирманский договор. Франция получала право наибольшего благоприятствования и назначения консульских представителей. Французам разрешалось проживать в Верхней Бирме и заниматься там коммерческой деятельностью, приобретать имущество. Проникновение Франции угрожало влиянию Англии в этой стране.

Английское правительство решило приступить к захвату Верхней Бирмы. В 1885 г. по реке Иравади было направлено около десяти тысяч англо-индийских войск. Они без особого труда захватили Верхнюю Бирму. Тхибав был захвачен в плен и увезен на чужбину, его столица — разграблена. 1 января 1886 г. была провозглашена аннексия Бирмы.

Верхняя Бирма номинально считалась вассалом Китая. Но в отличие от Вьетнама здесь цинское правительство не оказало противодействия европейским захватчикам. В 1888 г. английские войска захватили княжество Сикким в Гималаях. В 1891 г. цинское правительство признало протекторат Англии над Сикимом, санкционировав также и этот захватнический акт.

Результаты борьбы за раздел Азии

Борьба за раздел Азии в 70—80-х годах привела к закабалению Афганистана Англией, захвату Туркмении русским царизмом, Вьетнама — Францией, Малайского полуострова и Бирмы — Англией, островов Рюкю — Японией. Происходило интенсивное проникновение японских колонизаторов в Корею.

Результаты борьбы за Азию несколько отличались от того, что имело место в Африке. В Азии сохранились государства, превращенные в полуколонии, т. е. подвергнутые колониальному закабалению, но все же сохранившие национальную государственность, хотя и ущемленную неравноправными договорами. Полуколониями стали Китай, Персия, Турция, Сиам (Таи).

Раздел и закабаление Азии везде наталкивались на ожесточенное сопротивление народа, которое чаще всего подавлялось. Силы колонизаторов в те времена обычно значительно превосходили силы народных масс в странах Азии.

Однако в сердцах порабощенных народов затаилась жгучая ненависть к колонизаторам — почва для будущего мощного подъема национально-освободительного движения уже образовалась. Создание колониальной системы несло с собой ферменты брожения, которые в будущем должны были привести ее к гибели. Правда, в 80-х годах до этого было еще далеко.

Борьба за раздел Азии, так же как и Африки, повлекла за собой обострение противоречий между главными колониальными державами — Англией, Францией и Россией. Это обстоя-

тельство не преминуло отразиться на политической обстановке в Европе: оно затрудняло возможность англо-русско-французского сотрудничества, проявившегося в 1875 г., и поощряло агрессивные устремления Германской империи.

Протест народных масс самых различных стран Азии против засилья иностранных колонизаторов и гнета местных феодалов в 80—90-х годах вновь врывается в качестве мощного фактора в международную политику на Дальнем Востоке и во многом определяет деятельность дипломатии. Это относится как к дипломатии капиталистических держав Европы, Америки, Японии, так и феодальной дипломатии стран Дальнего Востока — Китайской империи и корейского королевства. После франко-китайской войны по Китаю прокатилась новая волна народных выступлений против миссионеров и иностранцев вообще. «Заморские дьяволы», говорилось в одном из памфлетов, направленных против иностранцев, желают, чтобы Китай «с севера до юга был покрыт иностранными железными и грунтовыми дорогами, горы и реки Китая — естественные рубежи страны — оказались бы в полном распоряжении иностранцев... миллионы китайцев служили бы им, миллионы китайских богатств текли бы в их казну» [1].

Сплошь и рядом народная ненависть обращалась также против цинских властей. Грозное восстание тайпингов не было позабыто правящими кругами Китая. Народное движение заставляло продажную феодально-компрадорскую дипломатию Цинской империи подчас оказывать сопротивление колонизаторам из опасения окончательно скомпрометировать себя в глазах народа. Но бывало и обратное: помыслы правящей клики обращались к сделке с иностранными державами в надежде найти у них опору против непокорных подданных богдыхана...

Не менее сильное влияние оказывало народное движение в Китае и на дипломатию капиталистических государств. Опасаясь подъема национального движения, в тревоге за барыши и имущество своих капиталистов на Дальнем Востоке правительства капиталистических государств вынуждены были подчас несколько сдерживать свои хищнические аппетиты, иногда считаться с интересами Китая. С другой стороны, общий страх колонизаторов перед народной революцией в огромном Китае по временам смягчал их взаимные противоречия, сплачивал конкурирующие капиталистические державы в совместной борьбе против эксплуатируемых ими народов Дальнего Востока. Несмотря на многообразие и сложность того воздействия, ко-

[1] «The anti-foreign riots in China in 1891». Shanghai, 1892; цит. по кн.: *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 404

торое оказывали народные массы стран Восточной Азии на международную политику, в конечном счете они были главным препятствием для превращения Китая из полуколонии в колонию, основным оплотом его самостоятельного национального бытия. Так, например, именно страх перед народным возмущением не позволял цинскому правительству удовлетворять многократные настойчивые домогательства иностранных правительств об отмене внутренних таможенных сборов (лицзина) и другие требования, направленные на расширение доступа иностранцев в Китай. И этот же страх перед революцией сковывал колонизаторов, в ряде случаев удерживая их от подкрепления своих домогательств вооруженной силой.

В 1891 г. выступления против иностранцев были особенно многочисленными. Правительства капиталистических государств через своих посланников в Пекине и консулов в различных точках Китая грозили применением военной силы. В Усюе английский консул угрожал местным властям бомбардировкой и сожжением города, если движение против иностранцев не будет подавлено незамедлительно[1]. В Пекине посланники добились казни ряда вождей народного движения, выплаты миссионерам возмещения за убытки и издания в июне 1891 г. императорского указа об увольнении и понижении в ранге чиновников, допустивших народные выступления против иностранцев. Эти жестокости и унижения вели к тому, что, несмотря на подавление открытых возмущений, глухая ненависть против иностранных хищников неуклонно нарастала в массах.

В международную борьбу за Азию был вовлечен и отдаленный северо-западный район Тихого океана. Царская Россия в условиях конфликта с Англией, назревавшего на Балканах и в Турции, стремилась обеспечить свой плохо защищенный тыл на Тихом океане. Военная неподготовленность царской России заставляла ее добиваться возможно более полного урегулирования отношений с Японией. Царское правительство хотело освободиться от притязаний Японии на Сахалин, для обороны которого у отсталой царской России на Дальнем Востоке не хватало средств. За отказ Японии от ее необоснованных и беззаконных претензий царизм отдал ей по договору от 7 мая 1875 г. Курильские острова, издавна принадлежавшие России.

---

[1] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 405.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС И ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ (1885—1890 гг.) ЗАКЛЮЧЕНИЕ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА

Болгарский кризис 1885—1886 гг.

В середине 80-х годов надвинулись события, вновь переместившие центры мировых бурь из Африки и Азии на Балканы и в Вогезы. Это вызвало резкое изменение всей международной ситуации.

18 сентября 1885 г. в главном городе Восточной Румелии Пловдиве (Филиппополе) произошло восстание. Болгарский народ изгнал турецкого губернатора с его чиновниками и провозгласил воссоединение «обеих Болгарий». После некоторых колебаний князь болгарский Александр, бывший принц Баттенбергский, объявил себя князем объединенной Болгарии. Массовое народное движение внесло свои поправки в деятельность международной дипломатии, расчленившей Болгарию на Берлинском конгрессе.

За семь лет до этого в Сан-Стефано и на Берлинском конгрессе русское правительство боролось за создание «Великой Болгарии». Болгария получила национальную свободу благодаря героизму и отваге русского солдата. С другой стороны, Александр Баттенбергский был посажен на болгарский престол царским правительством. Казалось, оно должно было бы приветствовать совершившийся факт.

Но на деле получилось иначе: в течение истекших семи лет отношения русского царизма с болгарской крупной буржуазией и самим князем Александром резко изменились, хотя народные чувства с обеих сторон остались неизменными.

Австро-Венгрия вела успешную борьбу против русского влияния в Болгарии. При этом она опиралась на экономическую зависимость болгарской буржуазии от австрийского капитала. Особенно острый конфликт возник из-за строительства железных дорог. Царское правительство было заинтересовано в постройке линий от Дуная на юг, к Балканскому хребту. Эти дороги в случае новой войны с Турцией облегчили бы наступление русских войск за Балканские горы. Что касается австрийской буржуазии, то она была заинтересована в скорейшем окончании строительства железной дороги, соединяющей Вену с

Белградом, Софией и Константинополем. Эта магистраль строилась при ближайшем участии венских банков так называемым Обществом восточных железных дорог. Она должна была содействовать завоеванию балканского рынка австрийским капиталом, а вместе с тем способствовать подчинению балканских стран политическому влиянию Австро-Венгрии. Большая часть болгарской крупной буржуазии, связанная с австрийским рынком, поддерживала австро-венгерский проект. В 1880 г. австро-венгерское правительство договорилось с Сербией о постройке дороги от Белграда до болгарской границы; в 1883 г. состоялось соглашение с Болгарией и Турцией о продолжении этой линии по болгарской территории. Таким образом, в борьбе России с Австро-Венгрией за железнодорожное строительство в Болгарии победа оказалась на стороне австрийцев. Баттенберг действовал в их интересах.

Усиливать непокорного болгарского князя царь Александр III не хотел. В ответ на прокламацию воссоединения Северной и Южной Болгарии царь — ограниченный человек крайних реакционных взглядов — поручил своему министру иностранных дел протестовать против нарушения Болгарией Берлинского трактата — того самого постановления этого трактата о разделе Болгарии, которое так упорно оспаривалось Россией! Одновременно царь отозвал из болгарской армии русских офицеров, которые, собственно говоря, являлись ее создателями.

Все это произошло как раз в момент, когда у Болгарии нарастал конфликт с Сербией. После русско-турецкой войны князь Милан был возмущен тем, что царское правительство взяло под свое покровительство Болгарию. Он считал, что в Сан-Стефано, а затем и на конгрессе в Берлине царское правительство не отстаивало, как должно, интересов Сербии. Ввиду этого Милан переменил ориентацию и взял курс на Австро-Венгрию. За ее поддержку он заплатил ей кабальным торговым договором, заключенным 6 мая 1881 г. Между тем экономическая зависимость Сербии от Австро-Венгрии и без того была очень велика: сербский экспорт не имел другого рынка, кроме австрийского; вывоз через Салоники себя не окупал. За торговым договором последовало заключение австро-сербского союза, подписанного 28 июня 1881 г. То был неравноправный договор, превращавший Сербию в вассала Австро-Венгрии.

Договор обязывал сербское правительство не терпеть на своей территории национально-освободительной пропаганды, направленной против Австро-Венгрии. За это Австро-Венгрия обязывалась не допускать у себя враждебной деятельности против династии Обреновичей и не возражать против присвоения князем Миланом королевского титула. Ст. 4 договора, по существу, устанавливала австрийский протекторат над

Сербией. «Без предварительной договоренности с Австро-Венгрией, — гласила эта статья, — Сербия обязуется никогда не вести переговоров о политических договорах и не заключать их с другими правительствами». Далее договор устанавливал австро-сербское военное сотрудничество. Ст. 7 обеспечивала Сербии австро-венгерскую поддержку, если обстоятельства позволят ей сделать территориальные приобретения со стороны ее «южных границ», за исключением, однако, Ново-Базарского санджака. Основываясь именно на этой статье, Милан ввиду расширения Болгарии и решил добиваться компенсаций для Сербии. Он потребовал помощи у австро-венгерского правительства.

Австро-венгерским министром иностранных дел был в это время граф Кальноки. Он гораздо более, чем Андраши, был расположен вступить на путь экспансии на Балканах. Это соответствовало стремлениям военных и клерикальных кругов, интересам железнодорожных предпринимателей, строивших дороги на Балканах, и связанного с ними банковского капитала. Австро-венгерское правительство поощрило Милана начать войну против Болгарии. Венские банкиры ссудили сербскому князю необходимые средства. 14 ноября 1885 г. Сербия напала на Болгарию. Однако ее постигла неудача: болгарская армия наголову разбила сербов. Только вмешательство Австро-Венгрии спасло Милана: австрийский посланник в Белграде поспешил в ставку болгарского князя и ультимативно потребовал от него немедленно приостановить наступление своей армии. Мир был в дальнейшем подписан на основе довоенного status quo.

После одержанной болгарами победы для царя стало еще труднее лишить Баттенберга Румелии. Перед царским правительством открывались различные пути: либо примириться со свершившимся фактом, либо предпринять против Баттенберга какие-то энергичные меры. Русское правительство не пошло ни по одному из этих путей. Оно предпочло им третий: обратилось к своим партнерам по союзу трех императоров с предложением о совместном дипломатическом давлении, с тем чтобы добиться от Баттенберга отказа от Румелии и восстановления там status quo. Сложилось парадоксальное положение: политика Александра III добивалась теперь как раз того, против чего русская дипломатия изо всех сил боролась на Берлинском конгрессе.

Попытка царской дипломатии заставить Австро-Венгрию, главную соперницу России на Балканах, работать вместе с Турцией над восстановлением русского престижа в Болгарии представлялась как будто безнадежной. Но эта политика, проводником которой был преемник Горчакова Гирс, нашла себе совершенно неожиданного союзника в лице злейших врагов России — мадьярских помещиков.

Вожди мадьярского дворянства в румелийских событиях усмотрели лишь одно — усиление одного из славянских государств. Цепляясь за status quo как за магическую формулу своей балканской политики, они потребовали, чтобы Кальноки добивался его восстановления. Тем самым заклятые противники австро-русского сотрудничества невольно помогли его продлению на некоторый срок: они неожиданно сошлись с царской Россией на общей программе действий.

Что касается Германии, то с первых же дней румелийских событий германский канцлер занял ту самую позицию, которую он обычно занимал и во время кризиса 1875—1877 гг.: он будто бы заранее соглашался со всем тем, о чем Россия договорится с Австро-Венгрией. В интимном кругу канцлер с прусской грубостью заявлял, что его мало интересуют «овцекрады с Нижнего Дуная»; он дал инструкцию германскому послу в Константинополе «утопить в чернилах» весь румелийский вопрос.

В Константинополе состоялась конференция послов, на которой большинством участников была принята следующая программа: «улучшение» внутреннего законодательства Восточной Румелии с сохранением ее, однако, под властью турецкого генерал-губернатора. Англия протестовала. Так послы и не достигли общего согласия.

Однако вскоре оказалось, что принятое решение некому провести в жизнь. Австро-Венгрия ни за что не согласилась бы допустить в Болгарию русские войска; султан колебался послать войска свои: Россия по-прежнему не желала их появления в Румелии и оградила болгар от турецкой оккупации[1]. Положение осложнялось тем, что вслед за Сербией Греция также потребовала компенсаций и грозила Турции войной.

В этот момент английская дипломатия в лице нового премьера Солсбери предприняла ловкий маневр. Солсбери понял, что вследствие ухудшения отношений между царем и Баттенбергом Болгария из русского плацдарма перед Константинополем превращается в барьер на пути России к турецкой столице: чем этот барьер будет шире, тем труднее будет его взять. Поэтому Солсбери обещал туркам оградить их от войны с Грецией. В подкрепление этого обещания британская эскадра должна была отправиться в греческие воды. В обмен за такую услугу Солсбери уговорил султана не только не посылать своих солдат в Восточную Румелию, но, напротив, заключить полюбовное соглашение с болгарским князем.

Турецко-болгарское соглашение явилось весьма своеобразным актом. Им подтверждалось, что Румелия является турец-

---

[1] См. *Iono Mitev.* L'attitude de la Russie et de l'Angleterre à l'égard de l'Union de la Bulgarie en 1885. Sofia, 1960.

кой провинцией. Она управляется губернатором, назначенным султаном. Таким образом, буква Берлинского трактата была соблюдена: юридически Северная и Южная Болгария оставались разделенными. Но губернатором Восточной Румелии султан по турецко-болгарскому соглашению должен был назначить князя болгарского. Таким образом, фактически в Северной и Южной Болгарии устанавливалось одно правительство.

Россия была вынуждена в начале 1886 г. санкционировать это турецко-болгарское соглашение, к злорадному удовольствию своего «союзника» Кальноки. После победы, одержанной английской дипломатией в румелийском вопросе, англо-австрийское влияние уже решительно возобладало в болгарском правительстве.

Откровенная ориентация на Австро-Венгрию усилила в Болгарии оппозицию, враждебную Баттенбергу. Все, кто был им недоволен, естественно, искали опоры в России. В августе 1886 г. болгарский князь был низложен своими противниками — не без содействия агентов царского правительства. В Софии водворилось русофильское правительство во главе с митрополитом Климентом и вождем либеральной партии Цанковым.

Но не успела еще русская дипломатия отпраздновать эту победу, как правительство Климента в свою очередь было свергнуто; у власти водворилось регентство из трех человек во главе со Стамбуловым. То был крупный капиталист, лидер консервативной партии, связанный с орудовавшими на Балканах австрийскими железнодорожными дельцами и державшийся австрийской ориентации. Перед царизмом снова встал вопрос: как восстановить свое влияние на болгарское правительство?

Русско-германские экономические противоречия

Ответ на этот вопрос пришлось давать в обстановке, осложненной русско-германскими противоречиями. В основе их лежали не только австро-русские противоречия на Балканах и союз Германии с Австро-Венгрией, но и экономическая борьба, которая развернулась между русской и германской промышленностью. Объектом этой борьбы был внутренний рынок России, на котором до конца 70-х годов господствовала германская индустрия. Германская буржуазия сама требовала у себя дома высоких пошлин. Она сочла, однако, свои интересы жестоко задетыми русским протекционизмом. Завоевание русского рынка было бы началом постепенного закабаления России германским капиталом. То было проявлением германского «натиска на Восток», «Drang nach Osten».

Русский протекционизм мешал наступлению немецкого капитала и был призван обеспечить русским капиталистам отечественный рынок. Поэтому немецкая пресса поднимала крик при каждом новом указе о повышении той или иной пошлины.

И действительно, германская промышленность в 80-х годах стала терять русский рынок, на котором преобладала в предыдущие десятилетия.

Бисмарк был весьма чувствителен к интересам германской тяжелой индустрии. Его дипломатия прилагала немало стараний, чтобы изыскать рынки для сбыта германских товаров в условиях депрессии 80-х годов. В 1883 г. канцлер склонил Турцию передать военные заказы от Армстронга Круппу и Маузеру. В 1885 г. он добился для Круппа заказов у китайского правительства. Пытался Бисмарк вырвать и сербские военные заказы из рук французских фирм, но здесь он потерпел неудачу. Зато ему удалось обеспечить германским предприятиям поставку оружия и железнодорожных материалов для Румынии и Италии. Но наиболее важным по своему объему оставался все-таки русский рынок. В нем были заинтересованы такие столпы тяжелой индустрии, как фирма Круппа, силезский угольно-металлургический магнат и помещик князь Хенкель фон Доннерсмарк и другие. Бисмарк не раз обращался к царскому правительству с просьбами, угрозами, добиваясь снижения пошлин. Все было напрасно: русские пошлины росли. В 1884—1885 гг. было проведено новое их повышение. Царское правительство с готовностью шло навстречу домогательствам промышленников. Оно рассчитывало покрыть за счет увеличения таможенного дохода дефицит государственного бюджета.

Через свою прессу Бисмарк принялся запугивать Россию стеснениями русского экспорта в Германию и повышением пошлин на хлеб. Газеты канцлера грозили также, что Германия помешает намечавшейся конверсии русских займов. При финансовой слабости царского правительства и при зависимости русского сельского хозяйства от германского рынка это были серьезные предупреждения.

В начале мая 1886 г. состоялась беседа между Бисмарком и русским послом Павлом Шуваловым. Канцлер заявил послу, что, с его точки зрения, Россия имеет право послать в Болгарию войска и вообще любыми средствами восстановить свое влияние на болгарское правительство. Мало того, «Австрия, — продолжал Бисмарк, — не имеет никакого права высказывать зависть по отношению к вашим действиям, и я не премину дать ей это почувствовать». Затем Бисмарк перешел к вопросу о русских пошлинах. «Вы, кажется, намерены в ближайшее время поднять тарифы на железо и уголь, — сказал канцлер. — Я не стану скрывать, что эта мера окажет самое плачевное влияние на нашу промышленность».

Не требовалось большой проницательности, чтобы понять, что Болгария предлагалась России в обмен за таможенные

уступки. Но Бисмарк не удовольствовался такого рода воздействием на царское правительство. По своей обычной манере он решил, что вслед за пряником полезно показать и хлыст. Канцлер начал плакаться, что как ни «антипатична» ему всякая мера против русского экспорта, однако ему трудно противостоять натиску аграриев, требующих нового повышения таможенных ставок на хлеб [1].

Ближайшей своей цели Бисмарк добился: намеченное повышение пошлин на железо и уголь было отсрочено.

Канцлер, однако, не терял надежды и на большее. Летом 1886 г. он всячески обхаживал царское правительство. Он помог России избавиться от порто-франко, установленного в Батуми согласно постановлению Берлинского конгресса. «Лет через десять вы будете господствовать в этих водах», — заметил он Шувалову.

Посол охотно подхватил эту тему. Он стал объяснять Бисмарку, как важно для России обеспечить свою безопасность в районе проливов. Бисмарк принял наивный вид и заметил, что ведь международные договоры гарантируют закрытие проливов. На это Шувалов возразил, что нельзя основывать безопасность только на одних трактатах. «Мы должны иметь возможность, — заявил посол, — повесить замки на нашу дверь». Бисмарк помолчал немного. Затем он произнес: «Ну что же, если вы их повесите, то с нашей стороны вы, конечно, не встретите препятствий».

Шувалов был в восторге. Но на Александра III заявление германского канцлера не произвело большого впечатления. Против последней фразы шуваловского донесения царь лаконично пометил на полях: «Еще бы» [2]. Царское правительство вовсе не помышляло в эти годы о приобретении проливов. И Бисмарк напрасно рассчитывал спровоцировать Россию на новое выступление против Турции.

Если бы царское правительство и было расположено пойти на сделку с Бисмарком, то заключить ее было бы довольно трудно. И не только вследствие военной слабости России на Черном море: русские протекционистские буржуазные круги быстро почуяли опасность для своих пошлин. Их глашатай, известный журналист Катков, начал в «Московских ведомостях» кампанию против внешней политики правительства, основанной на «союзе трех императоров». Газета требовала разрыва с Германией и сближения с Францией.

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1886 г., д. № 18, л. 197, 200—201, 203. Донесение Шувалова от 20(8) мая 1886 г.

[2] Там же, л. 218—220. Донесение Шувалова от 22(10) июня 1886 г.

Каким путем в условиях царской России мог Катков проводить такую агитацию, станет понятным, если учесть его связи в правительственных сферах, где имелось сильное антигерманское течение. В частности, многие представители высших военных кругов стояли за сотрудничество с Францией. Такова была, например, позиция генерала Скобелева, а после его смерти — генерала Обручева, долголетнего начальника русского генерального штаба. Да и сам Александр III, хотя и не отказался еще от соглашения «трех императоров», был настроен к Германии весьма подозрительно. В особенности недолюбливал он ее канцлера. Как-то на полях посольского донесения он наградил Бисмарка совсем не дипломатическим эпитетом: «обер-скот»...

Обострение франко-германских противоречий

Сложность обстановки усугублялась тем, что почти одновременно с событиями в Румелии возникло обострение франко-германских отношений. Европа оказалась лицом к лицу с двумя кризисами: один вспыхнул на Балканах, другой грозил разразиться на Рейне.

Поражение, понесенное французами от китайских войск в Тонкине, вызвало значительные перемены во французской внутренней политике. Весть об отступлении от Ланг-сона вызвала в Париже взрыв бурного протеста против неудачной колониальной политики и привела к падению кабинета Ферри.

Его противники постарались использовать эти события в собственных целях. Осенью того же 1885 г. во Франции произошли парламентские выборы. Они принесли поражение «умеренным». Усилились как монархисты, так и радикалы. Иначе говоря, упало влияние сторонников заигрывания с восточным соседом. Возросло влияние реваншистов всех мастей. Летом 1886 г. началась агитация генерала Буланже, призывавшего к подготовке реванша. В том же году Буланже вошел в правительство, получив портфель военного министра и принялся проводить энергичные мероприятия по усилению армии.

В свою очередь, германское правительство снова стало помышлять о расправе с Францией. Перед германскими правящими кругами встал вопрос, не использовать ли им те трудности, которые сулила России болгарская проблема. Быть может, Россия снова запутается в балканских делах, и это позволит обеспечить ее нейтралитет в случае войны Германии с Францией?

Впрочем, игру германской дипломатии портило одно обстоятельство: болгарский вопрос мог породить австро-русский конфликт. Он грозил германской дипломатии немалыми хлопотами. Если бы Австро-Венгрия действительно угодила в беду, то вместо выгодной сделки с Россией Германии предстояла

тяжелая война против нее, скорее всего чреватая войной на два фронта, ибо в случае русско-германской войны следовало ожидать вмешательства в нее Франции.

Международное положение Германии осложнялось. Перед лицом враждебной Франции Бисмарку нельзя было ссориться с Россией. Нельзя было также терять и Австро-Венгрию. Канцлер старался ладить с обеими. Однако при обострении их взаимных отношений на почве болгарского вопроса сделать это было нелегко: после августовских событий в Болгарии Бисмарку пришлось призвать на помощь всю свою дипломатическую изворотливость.

Крах «союза трех императоров»

Незадолго до свержения Баттенберга Бисмарк встретился с Кальноки на курорте в Киссингене. Здесь они договорились о поддержании «союза трех императоров» на базе невмешательства в болгарские дела. В тот момент «невмешательство» практически означало, что в угоду России Германия и Австро-Венгрия предоставляют свободу действий врагам Баттенберга.

Когда Баттенберг пал, Бисмарк устами своего официоза громогласно заявил, что это событие не касается германского правительства, что, пожалуй, оно заслуживает даже положительной оценки [1]. На другой день после контрпереворота в Софии Бисмарк встретился с Гирсом в Франценсбаде. Они условились предпринять совместные шаги перед султаном, чтобы тот в качестве сюзерена не допускал реставрации свергнутого князя [2].

Когда об этом узнали в Вене, Кальноки запротестовал. Ведь еще совсем недавно, в Киссингене, они договорились с Бисмарком о «невмешательстве» в болгарские дела, а теперь немцы собирались произвести демарш в Константинополе. Последовали австро-германские переговоры. В результате их при очередной встрече с русским поверенным в делах Бисмарк имел несколько сконфуженный вид — что, вообще говоря, ему отнюдь не было свойственно. В конце концов он заявил, что ничего не имеет против того, чтобы Россия силой выдворила из Болгарии враждебное ей правительство. Пусть только она сначала договорится об этом с Австро-Венгрией! Впрочем, канцлер тут же и признал, что едва ли это достижимо. Со своей же стороны он давал понять, что в своей помощи России он не пойдет дальше «непризнания» Баттенберга, в случае если бы тот вернулся в Софию [3].

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1886 г., д. № 18, л. 73. Секретное донесение № 17 Муравьева Влангали от 23(11) августа 1886 г.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1886 г., д. № 70, л. 327. Телеграмма Гирса из Франценсбада от 27(15) августа 1886 г.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1886 г., д. № 18, л. 292—301. Письмо Муравьева Гирсу от 30(18) августа 1886 г.

Тем временем 25 сентября 1886 г. в болгарскую столицу прибыл специальный эмиссар царя генерал Каульбарс. Он имел поручение добиться согласия болгарских регентов на водворение в Болгарии «законного» правительства — иначе говоря, нового князя. Подразумевалось, что им должен стать человек, дружественный русскому царю.

Генерал действовал неумело. Он еще более испортил отношения между болгарскими регентами и царем. Кончилось дело отозванием Каульбарса и разрывом дипломатических отношений между Петербургом и Софией. Политическая атмосфера стала еще более напряженной. Царское правительство заговорило об оккупации Болгарии.

На самом деле это были пустые разговоры. Царь боялся послать свои войска в Болгарию. Угрозы оккупацией были вызваны лишь желанием петербургских правителей побудить «союз трех императоров» дипломатическим путем привести болгарских регентов к покорности и тем предотвратить возможность неприятной для Австрии перспективы — появления в Болгарии русской армии.

Но Кальноки и стоявшие за ним круги венгерского дворянства не понимали истинной цели русской дипломатии. Они всерьез боялись нового появления царских войск в сердце Балкан по примеру 1877—1878 гг. Опасения эти разделялись в Англии.

9 ноября на традиционном банкете у лондонского лорд-мэра Солсбери произнес по адресу России резкие слова. А через несколько дней после этого, выступая перед венгерской делегацией (венгерской частью двуединого парламента), Кальноки пошел еще дальше. Он прямо пригрозил войной в случае появления русских войск в Болгарии.

С самого начала болгарского кризиса английское правительство стремилось втянуть Австрию и Германию в конфликт с Россией. Со своей стороны Бисмарк с не меньшим усердием трудился над тем, чтобы спровоцировать англо-русское столкновение, а самому при этом остаться в стороне.

Вскоре после того, как консерваторы в 1885 г. сменили либералов у власти, новый премьер Солсбери послал к Бисмарку своего личного секретаря Кёрри со специальной миссией. Цель ее заключалась в том, чтобы подтолкнуть Германию на борьбу против России.

Это вовсе не входило в расчеты Бисмарка. Он, со своей стороны, всегда стремился к тому, чтобы осложнить англо-русские отношения. Бисмарк ответил английскому правительству, что «Англия ни в коем случае не может рассчитывать на союз с Германией против России». Как неоднократно высказывался Бисмарк, он не желал, чтобы немцы таскали для

Англии каштаны из русского огня. Он считал, что чем пассивнее будет держаться Германия в восточном вопросе, тем больше будет шансов, что англичане решатся сами выступить против России, бок о бок с Австро-Венгрией. Таким образом, столь желанный для германского правительства англо-русский конфликт был бы налицо. Канцлер настойчиво уговаривал австрийцев не ссориться с Россией, до тех пор пока у них не будет абсолютной уверенности, что Англия также не уклонится от борьбы. При этом Бисмарк неустанно твердил, что Австро-Венгрии не следует рассчитывать на поддержку Германии в войне из-за Болгарии: ведь договор 1879 г. распространяется лишь на случай прямого нападения России на австро-венгерскую территорию. «Если Англия не пойдет впереди, — писал в другой раз глава германского правительства, — глупа будет Австрия, если будет на нее рассчитывать. Если Черчилль (один из влиятельных министров кабинета Солсбери. — *Ред.*) боится выступить вместе с Австрией и Турцией, то ради чего же тогда одна Австрия должна ухватить кошку за хвост? Чтобы потом быть покинутой Англией?» [1] Следующая записка ясно определяет суть политики канцлера: «Мы должны стремиться сохранить свои руки свободными, чтобы в случае, если дело дойдет до разрыва с Россией из-за восточных вопросов, мы не были тотчас же втянуты в конфликт, так как все наши силы понадобятся нам против Франции. Если мы останемся нейтральными в войне Австрии и ее союзников против России, то мы сможем избежать войны с Францией, так как последняя не может начать войну, пока мы не втянуты в борьбу с Россией... Если мы выдержим намеченную здесь линию, то весьма вероятно, что обе войны, которые угрожают Европе, могут пройти отдельно одна от другой» [2]. Таким образом, Бисмарк ясно формулирует свои цели: избежать войны на два фронта и обеспечить условия для локализации возможных будущих войн, разбить порознь, сначала Францию, а уже затем Россию.

С осени 1886 г. по мере ухудшения австро-русских отношений канцлер начинает энергично работать над установлением англо-австрийского сотрудничества. Он стремится связать Англию возможно более твердыми обязательствами перед Австро-Венгрией, а также и Италией на случай их совместных действий против России, а отчасти и против Франции.

Может показаться, что Бисмарк совершил поворот в своей политике в сторону открытого антирусского курса. Однако это было бы упрощенным и неправильным пониманием его поли-

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd IV, № 866, S. 273. Пометы Бисмарка.
[2] Ibid., № 900, S. 322—323.

тики. Бисмарковская дипломатия была очень сложна: канцлер одновременно проделывал маневры в разных направлениях.

Еще в середине октября 1886 г. Бисмарк настойчиво предостерегал Шувалова против оккупации Болгарии. Но вот 21 ноября 1886 г. в Берлин приехал брат царя великий князь Владимир Александрович. Во время визита сын канцлера, ставший к этому времени с помощью своего родителя статс-секретарем ведомства иностранных дел, в продолжительной беседе с великим князем опроверг все то, что и он сам и его отец совсем недавно говорили русскому послу, предостерегая против посылки русских войск в Болгарию. Теперь России предоставлялась на это carte blanche — совсем как минувшей весной, когда Бисмарк думал купить у царского правительства таможенные уступки.

Что же заставило канцлера вернуться к своей весенней позиции? Дело в том, что в октябре 1886 г. Бисмарк узнал о намечающемся сближении России с Францией. А 5 ноября 1886 г. французский премьер Фрейсинэ рассказал германскому послу, будто Россия предлагала Франции союз против Германии. На самом деле это было выдумкой: разговоры о союзе вело вовсе не русское правительство, а приезжавшие в Париж агенты и друзья Каткова. Но Бисмарк принял сообщение Фрейсинэ за чистую монету. Это не удивительно, если учесть, что в России действительно имелось сильное течение в пользу франко-русского сближения.

В такой обстановке германский канцлер и предпринял один из самых сложных маневров, какие только знает история дипломатии. С одной стороны, он не скупится на авансы России и подталкивает ее на военную интервенцию в Болгарии. С другой — сдерживает Австрию в ее противодействии России. В то же время канцлер работает над активизацией английской политики и стремится вызвать англо-русский конфликт, будучи готов в этом случае спустить и Австро-Венгрию с цепи, на которой он ее твердо решил держать, пока не последует выступление Англии. Однако для Германии Бисмарк намерен был даже и в этом случае оставить руки свободными и сохранить «дружественные» отношения с Россией.

Этим не исчерпывалась замысловатая игра, которую вела германская дипломатия. Одновременно с маневрами в области англо-австро-русских отношений канцлер довел до крайней степени возбуждения газетную кампанию против Франции.

Эта кампания имела для Бисмарка большое значение как для его внешней, так и для внутренней политики. Исключительный закон, проведенный канцлером против социалистов, не давал ожидаемых результатов. Выборы в 1881 и 1884 гг. оказались для правительства крайне неудачными. Партия

центра держала себя слишком независимо. К тому же император Вильгельм I дряхлел, и надвигалась смена монарха, немало смущавшая канцлера, привыкшего при старом кайзере к полному самовластию. Предстояло, наконец, возобновление закона об утверждении военного бюджета на семилетний срок (так называемого септенната) и значительное усиление армии. В такой обстановке канцлер был заинтересован в том, чтобы вызвать в стране взрыв шовинизма. Он уже не раз успешно применял подобный прием. И теперь его пресса снова науськивала немцев против Франции, подхватывала и непомерно раздувала все факты реваншистской пропаганды. А французские националисты своими выходками сами помогали тому, чтобы антифранцузская кампания германского канцлера не оставалась без пищи.

Военная тревога в январе 1887 г.

Принявшись с конца октября усердно ухаживать за русским правительством, Бисмарк добился известного успеха: обман удался, хотя и не надолго. В конце 1886 г. Александр III на некоторое время проникся доверием к повороту в германской политике. «Теперь действительно видно, — заметил он, — что Германия заодно с нами в болгарском вопросе» [1]. Царя особенно заботил один, в сущности, не основной вопрос: как бы ненавистный ему Баттенберг не вернулся в Болгарию. Это было бы для Александра III личным оскорблением. Петру Шувалову было поручено, отправившись в Берлин «по частным делам», переговорить по этому вопросу с германским канцлером. Шувалов должен был добиться, чтобы кайзер запретил Баттенбергу, как офицеру немецкой службы, возвращение на болгарский престол.

Петр Шувалов, так же как и брат его Павел, с 1885 г. занявший пост посла в Берлине, был давнишним сторонником тесной дружбы с Германией. У Бисмарка он был persona grata. Когда Петр Шувалов прибыл в Берлин, он вместе с братом побеседовал сперва с сыном канцлера Гербертом Бисмарком. Тот заверил, что его отец окажет царю содействие в деле Баттенберга. Вслед за тем братья Шуваловы по собственному почину перешли к вопросу о дальнейшей судьбе «союза трех императоров»: срок договора 1884 г. истекал предстоящим летом. Петр Шувалов предложил Герберту Бисмарку возобновить договор без участия Австрии; отношения России с этой державой слишком уж испортились после событий минувшей осени. Двойственный русско-германский договор должен был строиться на следующей основе: Россия гарантирует Германии свой нейтралитет в случае франко-германской войны. При этом,

[1] «Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890)». М. — Л., 1926, стр. 4.

заявил Шувалов, «безразлично, нападет ли Франция на Германию, или же вы начнете против нее войну и наложите на нее 14 миллиардов контрибуции, или даже посадите прусского генерала в качестве парижского губернатора» [1]. Предложение Шувалова было по условиям 80-х годов столь смелым, что сам Бисмарк, читая донесение сына, поставил на полях вопросительный знак.

В обмен Шувалов просил у Германии обязательства, что она не станет препятствовать России овладеть проливами и восстановить русское влияние на правительство Болгарии. «С большим удовольствием», — пометил канцлер на донесении Герберта.

Через несколько дней братья Шуваловы и Бисмарк, сидя за бутылкой шампанского, составили проект договора на только что изложенной основе. Были, впрочем, добавлены еще некоторые важные пункты — они обязывали Россию «ничего не предпринимать против территориальной целостности Австро-Венгрии» и признавали Сербию сферой австрийского влияния [2].

Бисмарк был в восторге от бесед с Шуваловыми. На другой день, 11 января 1887 г., предстояло большое выступление канцлера в рейхстаге. Этого выступления ждал весь политический мир. Бисмарк говорил весьма смело. В его речи были две основные мысли: дружба с Россией и вражда с Францией. «Дружба России для нас важнее, чем дружба Болгарии и чем дружба всех друзей Болгарии в нашей стране» [3], — заявил канцлер. О возможности войны с Францией Бисмарк высказался в том смысле, что никто не может знать, когда эта война придет: быть может, через 10 лет, а может быть, и через 10 дней. Руководящий сотрудник иностранного ведомства Гольштейн, посвященный во все его тайны, записал в своем дневнике в день парламентского выступления канцлера: «Теперешний план заключается в том, что мы сражаемся против Франции, а Россия в качестве платы за свой нейтралитет получает свободу рук на Ближнем Востоке» [4].

В эти дни германские дипломатические представители в Константинополе и Софии получили из Берлина предписание — в болгарском вопросе самым энергичным образом поддерживать русскую политику.

Бисмарк сделал из беседы с Шуваловыми и другие практические выводы. Он усилил дипломатический нажим на западноевропейском международном фронте. 13 января 1887 г. он

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd V, № 1062, S. 212—213.
[2] Ibid., № 1062, 1063, S. 212—215.
[3] *O. Bismarck.* Die gesammelten Werke, Bd XIII. Berlin, 1930, S. 212.
[4] «Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins», Bd II. Berlin — Frankfurt, 1957, S. 374.

обратился к бельгийскому правительству с запросом: принимает ли оно меры (и какие именно) для обеспечения своего нейтралитета в случае якобы возможного французского вторжения в Бельгию? 22 января поверенному в делах в Париже было предписано срочно представить сведения о французских военных приготовлениях. Канцлера, как он заявлял в своем письме, «занимает вопрос, не следует ли обратить внимание французского правительства на то обстоятельство, что его военные приготовления заставляют сомневаться в его миролюбии». 28 января Бисмарк побеседовал с французским послом. Тот заверил канцлера в мирных намерениях Франции. Бисмарк ему ответил, что и не сомневается в миролюбии существующего правительства. Однако его положение представляется непрочным. «Но если Буланже станет председателем совета министров или президентом республики, — угрожающе заключил канцлер, — тогда будет война» [1].

В конце января германским правительством было принято решение о призыве 73 тыс. резервистов на учебные сборы. Они были назначены на 7 февраля и проводились в Лотарингии. По существу это было началом сосредоточения войск на французской границе [2]. В феврале французы перехватили телеграмму близкого к Бисмарку банкира Блейхредера, который сообщал, что война решена и что канцлер ждет только заявления России о нейтралитете [3]. 30 января на заседании прусского министерства Бисмарк оповестил своих коллег о возможности войны в течение ближайших же недель. Он заявил, что на следующей неделе в прусский ландтаг должен быть внесен проект закона о займе в 300 млн. марок на покрытие первых военных издержек. Рейхстаг был распущен ввиду провала закона о септеннате, а новые выборы предстояли лишь 20 февраля. Очевидно, Бисмарк не считал возможным подождать еще три недели и решил обратиться за санкцией военного займа к парламенту Пруссии. «Едва ли можно поверить, — записал в своем дневнике один из прусских министров, — что Бисмарк хочет применить такое радикальное средство только как избирательный маневр. Это означает войну» [4].

31 января в газете «Пост» появилась инспирированная статья под заглавием «На лезвии ножа». В ней доказывалось, что Франция лихорадочно вооружается, что шовинистические чувства накалены в ней до последнего предела, что Буланже является в Париже господином положения и что, придя к вла-

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. VI, № 415, p. 426.

[2] См. *В. М. Хвостов.* Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г. «Исторические записки», кн. 18, стр. 217.

[3] «Documents diplomatiques français», t. VI, № 437, p. 453—454.

[4] *Lucius von Ballhausen.* Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart — Berlin, 1921, S. 366.

сти, он обязательно начнет войну. Вслед за этой статьей поползли тревожные слухи, будто Германия готовит ультиматум Франции с провокационным требованием отставки военного министра. Агенты германского канцлера усердствовали вовсю. Сам же он в течение всего этого времени с нетерпением ждал известий о судьбе проекта русско-германского договора, предложенного Петром Шуваловым.

Но привезенный Шуваловым в Петербург плод его личной дипломатии не встретил одобрения даже со стороны такого германофила, как Гирс. Министр нашел, что Шувалов продешевил, наобещав Бисмарку гарантию целостности Австро-Венгрии и ее преобладания в Сербии.

Царь отнесся к проекту Шувалова еще более отрицательно. 17 января на докладе царю Гирс, к ужасу своему, убедился, что его повелитель не только отвергает проект Шувалова, но что под вопросом стоит вся проводимая Гирсом политика германской ориентации. Ближайший сотрудник Гирса Ламздорф записал в этот день в своем дневнике: «По-видимому, интриги Каткова или какие-нибудь другие пагубные влияния опять сбили нашего государя с пути. Его величество высказывается не только против Тройственного союза (с участием Австро-Венгрии. — *Ред.*), но даже против союза с Германией. Ему будто бы известно, что союз этот непопулярен и идет вразрез с национальным чувством всей России; он признается, что боится не считаться с этими чувствами...» [1] По приказу царя Гирс предписал Павлу Шувалову пока что совершенно воздержаться от разговоров с Бисмарком о заключении русско-германского договора. В брюссельском органе царского правительства была опубликована инспирированная статья, в которой многозначительно указывалось, что, допустив разгром и поглощение Франции Германией, Россия «обречет себя на ужасное будущее» [2].

Между тем поднявшаяся военная тревога повергла французское правительство в подлинное смятение. Сначала министр иностранных дел Флуранс решил было обратиться за помощью к России. 21 января, крайне взволнованный, он приехал к русскому послу барону Моренгейму, чтобы обратить внимание русского правительства на агрессивные замыслы Германии. Почти одновременно через полуофициального агента министр запросил Моренгейма, может ли Франция рассчитывать на моральную поддержку России в случае, если Германия будет настаивать на разоружении французской армии или выступит с другим провокационным требованием.

---

[1] «Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890)», стр. 34—35.
[2] «Le Nord», 20. II. 1887.

22 января депеша Моренгейма прибыла в Петербург. Ознакомившись с ней, Гирс предложил Александру ответить французам до крайности сдержанно. Но тот решил иначе. На вопрос, будет ли Франции оказана «моральная поддержка», он реагировал пометкой: «Конечно, да» [1]. Министру именно так и полагалось ответить французам. Но Гирс остался верен себе. Прежде чем передать французам решение царя, он решил предварительно разузнать в Берлине, «имеют ли сведения Моренгейма какие-либо основания».

Ради этого 23 или 24 января Павел Шувалов по поручению Гирса отправился к Бисмарку. Содержание происшедшего между ними разговора точно неизвестно. Шувалов, по-видимому, удовлетворился трафаретными заверениями Бисмарка, что тот не собирается нападать на Францию. Однако основное значение этого разговора заключалось в другом: не в том, что было сказано, а в том, о чем русский посол умолчал. Следуя инструкции из Петербурга, Шувалов ровно ничего не сказал своему собеседнику насчет того вопроса, который больше всего интересовал канцлера: Шувалов промолчал о судьбе проекта, составленного его братом Петром. После беседы с Шуваловым Бисмарк испытывал большое беспокойство. Это явствует хотя бы из того, что 24 января он счел нужным разослать прусским посланникам при германских дворах циркулярную депешу. Им поручалось довести до сведения немецких правительств, что в своей речи 11 января канцлер по тактическим соображениям якобы умышленно преувеличил сердечность русско-германских отношений [2].

В тот же день, 24 января, Бисмарк предпринял новый дипломатический ход. По его поручению посол в Лондоне граф Гатцфельд явился в министерство иностранных дел и повел там следующий разговор: Германия, заявил он, не хочет войны с Францией, но тем не менее эта война «очень близка». Затем посол с настойчивостью задал вопрос, будет ли Англия в случае войны поддерживать Австрию и Турцию против России. Солсбери ответил, что, по его мнению, Англия должна это сделать, но ввиду неуверенности в позиции парламента он не может взять на себя твердые обязательства.

Дав такой неопределенный ответ, Солсбери решил, не связывая себе рук, все-таки подбодрить Бисмарка. Недаром премьер писал британскому послу в Париже о своей надежде, что франко-германская война избавит Англию от той «непрерывной пытки, которой Франция подвергает ее» в различных частях света [3]. 4 февраля близкая к Солсбери газета «Стандард»

[1] «Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890)», стр. 45—46.
[2] «Die Grosse Politik», Bd V, № 1006, S. 117.
[3] *Newton.* Lord Lyons, vol. II, p. 386.

поместила статью о бельгийском нейтралитете. В ней указывалось, что Бельгия — самый удобный путь для вторжения немцев во Францию, и ставился вопрос, что должна будет предпринять Англия, если Германия действительно двинется по этому пути. Ответ давался совершенно определенный: в таком случае для Англии было бы «неразумно» защищать Бельгию. «Англия не может стать на сторону Франции против Германии, — заключала газета. — Этим Англия спутала бы основные цели английской политики во всех точках земного шара». Так изменилась позиция Англии с 1875 г. вследствие обострения борьбы за раздел мира, в которой Франция в ту пору все еще оставалась для Англии более опасным соперником, чем Германия. Таким образом, в случае новой франко-германской войны Бисмарк мог уверенно рассчитывать на то, что Англия воздержится от вмешательства в этот конфликт.

Весьма благоприятна для Германии была и позиция Италии. Итало-французские противоречия не исчерпывались конфликтом из-за Туниса. Шла острая борьба за итальянский внутренний рынок между французской промышленностью и молодой промышленностью Италии. Италия разорвала торговый договор с Францией. В 1886 г. между обеими «латинскими сестрами» началась таможенная война.

Совсем иной была политика России. Московский генерал-губернатор князь Голицын записал в своем дневнике 28 января, что в связи с напряженным положением на Рейне правительство на всех железных дорогах России законтрактовало вагоны для перевозки войск [1]. В первые дни февраля Бисмарку наконец стало уже совершенно ясно, что проект Шувалова не встретил одобрения царя и что, следовательно, на гарантию русского нейтралитета рассчитывать не приходится.

При таких условиях германскому канцлеру оставалось только одно — отказаться от плана нападения на Францию. 6 февраля французский посол в Берлине телеграфировал в Париж о разряжении атмосферы. 17 февраля Бисмарк в письме послу в России Швейницу констатировал, что, очевидно, предложение Шувалова успеха в Петербурге не имело.

Как же вело себя в дни военной тревоги французское правительство?

В январские дни 1887 г. французские политики были совершенно парализованы страхом. Сделав было 21 января описанную выше попытку заручиться сотрудничеством России, Флуранс в последующие дни проникся, однако, убеждением, что

---

[1] Цит. по статье: *Г. П. Морозов.* Русско-французские отношения во время военной тревоги 1887 г. «Французский ежегодник» 1959 г. Изд. АН СССР, 1961, стр. 266.

единственное спасение Франции заключается в том, чтобы вести себя как можно тише и не дразнить Бисмарка какими-либо симптомами сближения с Россией. «Если мы только пошевелимся, Бисмарк бросится на нас» [1], — твердил Флурансу из Берлина французский посол Эрбетт, являвшийся подлинным вдохновителем этой политики «непротивления злу».

26 января посол в Петербурге Лабуле по собственной инициативе обратился к Гирсу с вопросом: окажет ли Россия его родине моральную поддержку, продвинет ли она свои войска к границе Пруссии и не связана ли она какими-либо обязательствами по отношению к Германии? Гирс сухо ответил, что Россия никакими обязательствами не связана (что было не вполне точно) и поэтому располагает свободой действий. «И вы позволите мне сохранить таковую, — довольно резко добавил он, — не принимая никаких обязательств по отношению к вам» [2]. Сколь это ни удивительно, обескураживающий ответ русского министра обрадовал Флуранса. Заявление Гирса избавляло его от необходимости продолжать переговоры с Россией, которые, по его мнению, представляли бы опасность: они могли бы еще больше раздражить германского канцлера и спровоцировать немецкую агрессию.

В феврале — марте 1887 г. французское правительство оправилось от испуга. Оно поставило в Петербурге вопрос о направлении туда со специальной миссией бывшего французского посла в Вене маркиза де Вогюэ, располагавшего связями в Петербурге, слывшего знатоком русской литературы. Вогюэ должен был договориться о позиции Франции в случае образования против России вооруженной коалиции с участием Германии. Это должен был быть зондаж возможности франко-русского союза. Русское правительство отклонило приезд Вогюэ. К этому времени непосредственная опасность войны миновала. Царь счел миссию Вогюэ в данный момент «несвоевременной» [3].

Средиземноморская Антанта

Опасность войны оживила переговоры, которые велись между Англией и Австрией, а также между Англией и Италией. Международная обстановка побуждала Австро-Венгрию и Италию искать союза с Англией. У Англии с ними, а также и с Германией в ту пору были общие враги — Россия и Франция. Но тем не менее Солсбери решительно отклонял все предложения заключить союзный договор, содержавший твердые

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, vol. VI, № 428, p. 442.

[2] «Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890)», стр. 53.

[3] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 106/113. Донесение Моренгейма от 7 марта (23 февраля) 1887 г.

военные обязательства. Борьбу с Россией и Францией он рассчитывал провести силами держав Тройственного союза. В крайнем случае для предотвращения перебежки Италии во французский лагерь он готов был пойти на соглашение менее обязывающего характера — о проведении согласованной политической линии. Однако даже и с этим он не спешил.

Тогда в начале февраля 1887 г. Бисмарк пригрозил Солсбери, что, если соглашение с Италией и Австрией не будет заключено, Германия прекратит поддержку Англии в египетских финансовых делах. Угроза подействовала.

12 февраля 1887 г. состоялся обмен нотами между Италией и Англией. В этих нотах обе стороны обязывались сотрудничать в деле поддержания status quo на берегах Средиземного, Черного, Эгейского, Адриатического морей и на побережье Северной Африки. «В случае, если по причине каких-либо роковых событий, — гласила британская нота, — сохранение status quo во всей полноте окажется невозможным, обе державы желают, чтобы никакая иная великая держава не распространяла своего владычества в какой-либо части этих побережий».

Но в британской ноте указывалось также, что «характер этого сотрудничества должен быть установлен, когда явится в нем надобность, смотря по обстоятельствам каждого данного случая» [1]. В письме к королеве Солсбери давал следующее толкование этому типичному образчику творчества английской дипломатии того времени. «Английская нота так составлена, — докладывал он, — что оставляет совершенно свободным суждение, должно ли сотрудничество с итальянским правительством в каждом данном случае доходить до оказания военной помощи» [2].

24 марта к соглашению с некоторыми оговорками примкнула Австро-Венгрия. Присоединялась она не особенно охотно: Кальноки боялся, как бы такое «сотрудничество» против России без определенных военных обязательств Англии не кончилось тем, что коварный Альбион втянет Австро-Венгрию в конфликт с Россией, а затем ретируется, оставив ее воевать против России одну или вдвоем с Италией.

«Дело» Шнебеле

20 апреля немецкой полицией был арестован французский пограничный полицейский комиссар Шнебеле, которого немецкие власти подозревали в организации шпионажа. Немецкие пограничники заманили Шнебеле на германскую территорию. Пограничный полицейский чиновник Гауч послал Шнебеле письмо с

---

[1] *A. F. Pribram.* Politische Geheimverträge Oesterreich-Ungarns, Bd I. Wien und Leipzig, 1920, S. 38.

[2] «Letters of Queen Victoria», 3rd series, vol. I, p. 272.

приглашением прибыть в определенный пункт на немецкой стороне границы для текущих деловых переговоров по вопросам пограничного режима. Едва Шнебеле переступил границу, как был схвачен немецкими полицейскими.

Возник очередной франко-германский конфликт. Французским властям нетрудно было доказать, что в отношении Шнебеле немцами была учинена провокация. Последовала кампания во французской прессе. Правительство заявило в Берлине протест по дипломатической линии. Оно провело некоторые подготовительные мероприятия военного порядка. Французское правительство перед лицом явной провокации отказалось, однако, приступить к мобилизации, которой требовал военный министр — генерал Буланже.

Ответ германского правительства на французский протест гласил, что по делу Шнебеле ведется следствие. Если окажется, что обвинение против него не обосновано, этот французский чиновник будет освобожден.

Провокация оказала Бисмарку некоторую помощь: новый конфликт помог провести в рейхстаге увеличенный военный бюджет на новое семилетие. Но позиция русского правительства осталась для Германии неблагоприятной. К тому же эта полицейская провокация была сработана слишком грубо. Как бы то ни было, 30 апреля 1887 г. Шнебеле был освобожден.

Французское правительство удовлетворилось этим и сочло инцидент исчерпанным. Он характерен для природы франко-германских отношений, как они развивались на базе Франкфуртского мира: любой второразрядный конфликт был чреват военной опасностью.

Договор перестраховки

К моменту завершения англо-итальянских переговоров Бисмарку уже стало совершенно ясно, что проект Шувалова потерпел неудачу. Но, убедившись в этом, канцлер все-таки не терял надежды договориться с русским правительством, дабы обеспечить нейтралитет России на случай войны с Францией. Чтобы добиться этого, он с половины февраля принялся вредить России всюду, где только мог: таким методом он надеялся убедить царя в пользе германской «дружбы». Чиня России множество крупных и мелких неприятностей, канцлер в то же время то и дело возобновлял разговоры о русско-германском соглашении. В наиболее полной форме идея русско-германского соглашения была развита перед русским послом в Константинополе Нелидовым уже известным читателю Радовицем, к этому времени занявшим пост германского посла в Турции. Интересы России, говорил Радовиц, сосредоточены на Востоке. Германия это всецело признает: она готова предоставить там России полную свободу действий при условии, что в случае «нападения Фран-

ции на Германию Россия останется нейтральною». «Это искреннее убеждение и основная политическая теория канцлера» [1].

Однако русское правительство в это время вовсе не собиралось поднимать восточный вопрос и тем более нападать на Турцию. Русская дипломатия отказывалась от предложенной ей неравноценной сделки. «Мы дали бы Германии немедленную выгоду, — писал по этому поводу Жомини, советник российского министерства иностранных дел, — а в обмен получили бы преимущество эвентуальное и отдаленное» [2].

И все же усилия Бисмарка не пропали даром: в апреле 1887 г. царь дал наконец согласие на возобновление переговоров с Германией о замене истекавшего договора «трех императоров» двойственным русско-германским соглашением. Переговоры начались в Берлине между Павлом Шуваловым и Бисмарком. 11 мая 1887 г. посол передал канцлеру русский проект договора двух держав. Первая статья этого проекта гласила: «В случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сохранит по отношению к ней благожелательный нейтралитет». Вокруг этой статьи и развернулись наиболее жаркие споры. Заслушав русский проект, Бисмарк сделал несколько сравнительно второстепенных замечаний, а затем, как повествует Шувалов, «канцлер обратился к своей любимой теме: он снова стал говорить о Константинополе, о проливах и т. д. и т. п. Он повторил мне, — сообщал Шувалов, — что Германия была бы очень рада, если мы там обоснуемся и, как он выразился, получим в руки ключ от своего дома». Словом, Бисмарк, по своему обычаю, торговал чужим добром.

Он предложил Шувалову составить отдельную, особо секретную статью, содержащую согласие Германии на захват проливов царским правительством. «Это соглашение, — заметил канцлер, — такого рода, что его следует спрятать под двойное дно». Он предложил Шувалову отредактировать к следующей их встрече проект соответствующей статьи.

Полагая, что он сделал максимум возможного, чтобы соблазнить русское правительство и побудить его пойти на уступки, Бисмарк перешел к самому главному. Он взял портфель, извлек из него какую-то бумагу и прочел изумленному Шувалову текст австро-германского союзного договора. При этом Бисмарк выразил «сожаление», что обстановка 1879 г. заставила его заключить такой союз. Теперь он уже связан и в силу этого

---

[1] АВПР, фонд Посольство в Константинополе, 1887 г., д. № 83, л. 129. Весьма доверительное письмо Нелидова от 4 марта (20 февраля) 1887 г.

[2] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 99/107, л. 51. Записка советника МИД барона Жомини от 27(15) февраля 1887 г.

должен настаивать на том, чтобы из будущего русско-германского договора о нейтралитете был исключен один случай, а именно, когда Россия нападет на Австрию. Шувалов стал возражать, но недостаток времени заставил прервать беседу.

Через два дня встреча состоялась снова. Шувалов возобновил свои возражения; Бисмарк также стоял на своем. Тогда 17 мая Шувалов предпринял встречный ход. Он предложил канцлеру добавить к постановлению об ограничении германских обязательств на случай войны между Россией и Австрией следующую оговорку: «а для России исключается случай нападения Германии на Францию». Смысл этого добавления был очень ясен и прост. Он по существу сводился к следующему: вы, немцы, не хотите нам позволить в случае надобности разбить Австрию. Хорошо. Но имейте в виду, что и мы не позволяем вам разбить Францию. Обещая свой нейтралитет в случае ее нападения на вас, мы будем лишь сдерживать ее собственные агрессивные замыслы, подобно тому как и вы обещаете это сделать в отношении вашей союзницы Австрии. Но вам напасть на Францию мы не позволим! Бисмарк тотчас же понял это и был до крайности недоволен заявлением посла. Но Шувалов оказался столь же тверд, как и его собеседник. Было перепробовано немало различных редакций. Наконец сошлись на нижеследующем тексте первой статьи договора:

«В случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сторона будет хранить по отношению к первой благожелательный нейтралитет и приложит все старания к локализации конфликта. Это обязательство не относится к войне против Австрии или Франции в случае, если бы таковая возгорелась вследствие нападения на одну из этих держав одной из высоких договаривающихся сторон».

Статья вторая касалась балканского вопроса:

«Германия признает права, исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове, и особенно законность ее преобладающего и решительного влияния в Болгарии и в Восточной Румелии. Оба двора обязуются не допускать никаких изменений в территориальном status quo названного полуострова, не сговорившись предварительно между собой».

Статья третья воспроизводила статью договора 1881 г. относительно закрытия проливов.

К договору был приложен особый протокол. В нем Германия обязывалась оказать России дипломатическое содействие, если русский император найдет нужным «принять на себя защиту входа в Черное море» в целях «сохранения ключа к своей империи». Германия обещала также никогда не давать согласия на реставрацию принца Баттенбергского на болгар-

ском престоле. Договор вместе с протоколом был подписан Шуваловым и Бисмарком 18 июня 1887 г. Он получил название договора перестраховки: застраховавшись против России и Франции с помощью союзов с Австро-Венгрией и Италией, Германия теперь как бы перестраховывалась посредством соглашения с Россией.

Обещая России согласно новому русско-германскому договору свой нейтралитет в случае нападения на нее Австро-Венгрии, Бисмарк, с другой стороны, еще в 1879 г. гарантировал Австрии военную помощь в случае нападения на нее России. Следует отметить, что ни один из этих договоров не содержал определения, что следует считать нападением. Решение вопроса, кто на кого напал, Бисмарк оставлял за собой, предлагая положиться на его «лояльность». Ясно, что тем самым он создавал себе орудие для давления и на Россию и на Австро-Венгрию.

Сложность положения усугублялась тем, что с 1883 г. существовал австро-румынский союз, в силу которого Австрия должна была оказать военную помощь Румынии в случае нападения на нее России. К этому договору немедленно после его подписания примкнула и Германия. Таким образом, она была обязана и в случае войны России против Румынии объявить России войну. Между тем по новому русско-германскому договору Германия обязывалась перед Россией соблюдать в подобном случае нейтралитет. Положение было таково, что могло поставить в тупик и самого искушенного дипломата. Но Бисмарка оно не смущало. Он быстро вывернулся, мимоходом бросив замечание, что для Румынии у Германии все равно не нашлось бы большого количества войск [1]. В 1888 г. германский канцлер возобновил договор с Румынией, нимало не смущаясь тем, что у него уже имелось противоречащее соглашение с Россией.

Гораздо больше тревожила Бисмарка недостаточность русских обязательств на случай войны с Францией. С этой точки зрения соглашение с Россией не удовлетворяло германского канцлера. Вскоре же по подписании договора он решил привести в действие все рычаги для давления на Россию, дабы добиться от нее большего.

Бисмарк начал с того, что уклонился от помощи России, когда та хотела воспрепятствовать избранию на болгарский престол неприемлемого для нее австрийского ставленника — принца Фердинанда Кобургского. Затем при содействии германского канцлера 12 декабря 1887 г. было заключено новое англо-австро-итальянское соглашение; оно продолжало полити-

[1] «Die Grosse Politik», Bd VI, № 1162, S. 24. Помета Бисмарка.

ческую линию, намеченную соглашением от 12 февраля — 24 марта. Еще более действенными обещали быть средства экономического давления. Германская пресса развернула широкую кампанию против русского кредита. Был издан указ, запрещавший правительственным учреждениям помещать свои средства в русские бумаги. Рейхсбанку запрещалось принимать эти бумаги в залог. О новом займе в Берлине русскому правительству не приходилось и думать. Наконец, на исходе 1887 г. эта серия враждебных России мероприятий нашла свое завершение: в Германии были повышены пошлины на хлеб.

Ухудшение русско-германских отношений

Результатом всех мероприятий, предпринятых Германией против России, было резкое ухудшение русско-германских отношений. Оно совпало с еще более острым кризисом в отношениях России с Австро-Венгрией.

Причиной кризиса была энергичная поддержка, которую Австро-Венгрия оказывала новому болгарскому князю, в то время как Россия упорно уклонялась от его признания, объявив его узурпатором. Осенью Кальноки в публичной речи подверг критике русскую политику. Царское правительство в свою очередь приняло в отношении Австрии угрожающий тон. Все это сопровождалось шумной газетной перебранкой.

Особую серьезность придавало этим событиям то обстоятельство, что они совпали с переброской нескольких соединений русской армии на австрийскую границу. На самом деле эта переброска была частью большого плана изменения дислокации русской армии, который был выработан уже давно, еще до русско-турецкой войны. Но в накаленной атмосфере 1887 г. австрийцы очень испугались этих военных мероприятий России.

Русская дипломатия (и даже Гирс) не думала рассеивать эти страхи. Она рассчитывала использовать их для давления на Австрию в вопросе о судьбах болгарского княжеского престола.

В довершение всего осенью, во время пребывания Александра III в Копенгагене у родителей его жены, царю были представлены документы, из которых явствовало, что Бисмарк активно поддерживает князя Фердинанда.

На обратном пути из Копенгагена раздраженный и встревоженный царь остановился в Берлине. Бисмарк встретил его весьма своеобразно. За день до приезда Александра он издал упомянутый выше указ, запрещавший залог русских ценностей в Рейхсбанке. А затем, показав, таким образом, когти, при личной встрече канцлер со всем своим красноречием постарался убедить царя, что Германия вовсе не заинтересована в поддержке Фердинанда Кобургского. При этом, разумеется, Бисмарк доказывал подложность переданных царю документов.

В это время прусский генеральный штаб, фельдмаршал Мольтке и его заместитель генерал-квартирмейстер Вальдерзее, ссылаясь на военные приготовления России, требовали превентивной войны против нее. Они указывали на значительный перевес Германии в отношении боевой готовности и предостерегали, что в скором времени соотношение сил может измениться. Но Бисмарк не хотел войны против России. Канцлер предвидел необычайные трудности этой войны. Он знал, что она неизбежно осложнится вмешательством Франции, и понимал все тяготы войны на два фронта. Бисмарк запугивал Россию, но решительно противился воинственным планам генерального штаба.

К концу декабря русское правительство поняло, что угрозы по адресу Австрии ему ничего не дадут. Но и Бисмарк в свою очередь убедился, что не достигнет тех целей, которые перед собой ставил, и лишь окончательно испортит русско-германские отношения. Тогда канцлер переменил фронт. Он помог царю получить демонстративное удовлетворение, добившись от султана, как сюзерена Болгарии, прокламации о незаконности избрания Фердинанда. Последний, впрочем, остался на престоле, хотя и не был признан де-юре.

После заявления султана политическая атмосфера несколько разрядилась. Но состояние Европы напоминало тяжелое похмелье. Германское правительство не сумело направить русскую политику в нужный ему политический фарватер. Своим нажимом на Россию германский канцлер достиг результатов, прямо обратных тем, к которым стремился: собственной рукой он заложил фундамент того самого франко-русского союза, предотвращению которого он после 1871 г. в течение стольких лет отдавал свои силы.

Необходимые ему деньги, в которых отказывали в Берлине, царское правительство получило в Париже. В 1887 г. были заключены первые царские займы во Франции, а в 1888—1889 гг. на парижском денежном рынке была проведена огромная финансовая операция по конверсии русского государственного долга. С тех пор один заем следовал за другим. Французский капитал стал главным кредитором царизма. Вскоре царская Россия стала важнейшей сферой экспорта французского капитала. Дальнейшие события показали, каким важным политическим орудием явились эти займы в отношениях Франции с царской Россией.

После событий 1887 г. прогерманская клика Фердинанда Кобургского вовлекла Болгарию в орбиту австро-германской политики. Влияние русского царизма на Балканах было ослаблено. Но ни ошибки реакционной царской политики, ни преступная деятельность болгарской правящей клики не смогли

ослабить чувства солидарности, связывающего болгарский народ с русским. Это чувство осталось политическим фактором, с которым в той или иной мере вынуждена была считаться и дипломатия кобургской камарильи.

Одним из результатов ухудшения русско-германских и франко-германских отношений явилось свертывание германской колониальной экспансии. Ссориться с Англией Германии стало опасно. С 1886 г. Бисмарк не предпринимал новых колониальных захватов, если не считать некоторого расширения территории ранее приобретенных колоний. В 1889 г. он даже предложил Солсбери заключить союз против Франции, но получил отказ.

Солсбери и английская политика «блестящей изоляции»

Во внешней политике Солсбери придерживался так называемой «блестящей изоляции» Англии. Он полагал, что Англия всегда сможет использовать конфликты континентальных держав, чтобы спокойно устраивать свои колониальные дела во всех частях света. По личным свойствам этот министр был как будто создан для такой политики. Умный и тонкий дипломат, но великий медлитель, ленивый аристократ, без особых усилий оказавшийся во главе торийской партии, он был лишен кипучей энергии Бисмарка, который в непрестанных боях пробивал себе дорогу к власти. Но зато лорд Солсбери превосходил Бисмарка выдержкой. «Смотреть и выжидать» — такова была его тактика. В лице Солсбери Бисмарк имел наиболее сильного противника на арене европейской дипломатии.

В течение пяти лет между Бисмарком и Солсбери длился скрытый поединок. Борьба шла за то, кто из двух партнеров сумеет втянуть другого в конфликт с Россией. Выигрышной картой Бисмарка были англо-русские противоречия и порожденные ими англо-австро-итальянские соглашения. Однако эти полуобязательства всегда давали Англии возможность ускользнуть от участия в войне. Да к тому же Россия не обнаруживала больше намерения ввязаться на Балканах в какие-либо авантюры большого масштаба. Возвращение либералов к власти могло свести на нет даже и это небольшое отступление от политики самоизоляции, допущенное консервативным кабинетом. Козыри Солсбери были сильнее: он мог рассчитывать на непримиримость венгерского дворянства в отношении России: если оно втянет Австрию в войну, то имелись шансы, что и Германия волей-неволей вынуждена будет выступить на помощь своей союзнице.

Внимание британской дипломатии было приковано к проблемам колониальной экспансии. Одной из главных ее забот было поддержание и расширение английского господства или

влияния в странах, сопредельных с Британской Индией или составлявших подступы к ней, — в Персии, Афганистане, Османской империи, в Бирме, Сиаме и т. д. Величайшее внимание уделяла она укреплению позиций Англии в Египте и на Суэцком канале. Она была преисполнена хлопот по обеспечению интересов английского капитала в Китае. Английская дипломатия должна была все время драться с соперниками за то, чтобы урвать побольше кус в происходившем разделе Африки. Ей приходилось заниматься множеством проблем, связанных с каждой из британских военно-морских баз, раскиданных по всем важнейшим морским путям земного шара. Либералы предпочли бы добиваться этих целей по договоренности с Россией — главным соперником в Азии. Консерваторы, включая Солсбери, считали, что успеха достигнуть будет легче, если усилить на Россию нажим, поощрив ее главных противников на континенте — Германию и Австро-Венгрию. Но и те и другие практически исходили в своей политике из общей предпосылки: чем острее будет борьба между другими великими державами, чем глубже станут разделявшие их противоречия, тем легче будет «правительству ее величества» и его дипломатии отстаивать интересы английской буржуазии во всех частях света. Что касается обороны Британских островов, то их защищает военный флот, поскольку он располагает господством на море. Зачем же Англии при таких обстоятельствах связывать себе руки союзами с той или иной группировкой держав континента? В английских правящих кругах по большей части держались того мнения, что это только стеснило бы Англию, затруднило бы ей игру на противоречиях между другими государствами.

Отставка Бисмарка

Ко времени переговоров с Англией в 1889 г. положение Бисмарка пошатнулось. В марте 1888 г. умер Вильгельм I, а через три месяца скончался и его сын Фридрих III. На престол вступил Вильгельм II. Самовлюбленный, суетливый, любитель театральных поз и напыщенных речей, всегда стремившийся играть эффектную роль, молодой кайзер скоро поссорился с властным старикомканцлером, который не терпел вмешательства в свою политику. Между канцлером и кайзером имелись серьезные разногласия по вопросу об отношении к России. Генерал Вальдерзее, сменивший в 1888 г. дряхлого Мольтке, продолжал настаивать на превентивной войне против России; молодой кайзер склонялся к этой точке зрения. Бисмарк, как всегда, считал войну против России гибельной.

В силу целого ряда обстоятельств, преимущественно внутренней политики, в марте 1890 г. Бисмарк вынужден был уйти в отставку после 28 лет пребывания на посту главы правитель-

ства сначала Пруссии, а затем Германской империи. Это случилось в тот момент, когда между ним и Шуваловым уже начались переговоры о возобновлении договора перестраховки, срок которого истекал в июне 1890 г.

Новый канцлер — генерал Каприви был заражен настроениями генерального штаба. Он считал, что избежать войны с Россией нельзя и что договор с ней ввиду этого бесполезен. Таковы же были взгляды и советника ведомства иностранных дел барона Гольштейна. Этот чиновник, скромный по рангу, начал свою карьеру, исполняя обязанности бисмарковского шпиона за своим непосредственным начальником — послом в Париже графом Арнимом. Рассказывали, что Гольштейну доводилось подслушивать беседы Арнима, лежа под большим диваном в приемной посольства. Берлинское высшее общество подвергло Гольштейна остракизму, но он держался прочно благодаря всемогущему канцлеру. Это не мешало тому же Гольштейну принимать живейшее участие в интригах против Бисмарка в расчете на то, что после ухода канцлера к нему самому перейдет фактическое руководство внешней политикой Германской империи.

Гольштейн не ошибся. Каприви мало смыслил в дипломатии. Не особенно опытен в ней был и новый статс-секретарь — Маршаль фон Биберштейн. Между тем Гольштейн прекрасно знал все дела, обладал редкой трудоспособностью и вскоре прибрал к рукам всю германскую дипломатию. Гольштейн чуждался всякого публичного выступления: он умел действовать только в недрах своего кабинета. Основной чертой его характера была крайняя подозрительность. Она порождала у Гольштейна вечные, часто фантастические сомнения и страхи: нередко в своих политических выкладках он исходил из совершенно химерических положений. После отставки Бисмарка Гольштейн вообразил, что возобновление договора перестраховки крайне опасно: при ухудшившихся отношениях русское правительство может использовать этот документ, чтобы, познакомив с ним австрийцев, взорвать Тройственный союз.

Это опасение было чистой фантазией. Никто так не боялся разглашения тайны русско-германского договора, как царь Александр III, чрезвычайно считавшийся с катковскими кругами. Как бы то ни было, Гольштейн, Маршаль и Каприви решили, что договор возобновлять не следует.

Бисмарк как дипломат

С уходом Бисмарка завершился крупнейший этап в истории германской дипломатии. Бисмарк был единственным выдающимся дипломатом Германской империи. Он являлся представителем прусского юнкерства и крупной германской буржуазии в период борьбы за национальное объединение Германии, а

затем за упрочение единого германского государства. Он жил и действовал в эпоху, когда империализм еще далеко не сложился. Проблемы колониальной политики не стояли для Бисмарка на первом плане. Не помышлял он и о создании мощного германского военного флота. Изоляция Франции составляла главную задачу дипломатии первого германского канцлера, а высшим своим достижением он счел бы новую локализованную войну против Франции — лишь бы удалось добиться прочных гарантий против вмешательства третьих держав. Такая война превратила бы Германию в гегемона Западной Европы.

Интересы укрепления реакционного строя юнкерско-буржуазной Германской империи требовали поддержания международной напряженности, наличие которой служило оправданием гонки вооружений и укрепляло прусский милитаризм. А именно он-то и являлся важнейшим оплотом созданного Бисмарком государства. Политика, которую основатель империи проводил в отношении Франции — да и не только Франции, — наилучшим образом служила развитию милитаризма и упрочению реакции.

Отличительной особенностью дипломатии Бисмарка был ее боевой и насильнический характер; в этом смысле канцлер был с ног до головы представителем прусского военного государства. К Бисмарку полностью применимо определение Никольсона, что «немецкая политика является в основном политикой силы» [1]. Когда Бисмарк видел перед собой противника, то первым побуждением канцлера было отыскать наиболее уязвимые его места, чтобы как можно сильнее по ним ударить. Нажим и удар были для Бисмарка средством не только побеждать врага, но и добывать себе друзей. Чтобы обеспечить верность союзника, Бисмарк всегда держал против него камень за пазухой. Если подходящего камня в его распоряжении не оказывалось, он старался запугать своих друзей всяческими мнимыми неприятностями, которые он якобы может им причинить, лишь только найдет это нужным.

Если нажим не помогал или при всей его изобретательности Бисмарку не удавалось отыскать никакого средства давления или шантажа, он обращался к другому излюбленному своему приему — подкупу, при этом чаще всего за чужой счет. Постепенно у него выработались своего рода стандарты взяток. Англичан он покупал содействием в делах Египта, продавал им голос немецкого представителя в органах международного финансового контроля в этой стране; русских — предоставлением помощи или свободы действий при решении той или иной

[1] *Г. Никольсон.* Дипломатия. Госполитиздат, 1941, стр. 88.

из проблем Балканского полуострова; французов — поддержкой в деле захвата самых разнообразных колониальных территорий. Ассортимент таких «подарков» был у канцлера достаточно велик.

Менее охотно применял Бисмарк такой дипломатический прием, как компромисс, которым столь богаты летописи дипломатии англосаксонских стран. Конечно, на протяжении долгой дипломатической деятельности канцлера найдется немало компромиссов; достаточно вспомнить хотя бы переговоры с Шуваловым о формуле нейтралитета в договоре перестраховки. Но в общем это был не его стиль.

Бисмарк являлся большим реалистом. Он любил, когда это требовалось, толковать о монархической солидарности. Однако это не мешало ему в 70-х годах поддерживать республиканцев во Франции и в Испании в противовес монархистам, поскольку он тогда считал, что республиканские правительства в этих странах, с точки зрения интересов Германской империи, будут наиболее удобными.

Бисмарк не давал простора чувствам в своей политике: он всегда старался руководствоваться исключительно расчетом. Если какое чувство иногда и врывалось в его логику, то чаще всего — гнев. Гнев и ненависть были, пожалуй, единственными эмоциями, которые порой могли на время отклонить канцлера с пути холодного и трезвого расчета.

Бисмарк полагал, что в политике уместно любое вероломство, позволительна любая гнусность. Пример с русско-германским договором показывает, что Бисмарку ничего не стоило подписать два несовместимых обязательства: лояльное выполнение одного из них исключало выполнение другого. Эмсская депеша не исчерпывает списка совершенных им провокаций. В сущности, в течение всего своего канцлерства он занимался непрерывным провоцированием русско-турецких, англо-русских или франко-английских конфликтов.

Другой чертой дипломатии Бисмарка была исключительная активность. Бисмарк был энергичной, чрезвычайно деятельной натурой, которая буквально не знала покоя. Его мозг непрерывно и неутомимо работал над изысканием все новых дипломатических комбинаций.

Читая доклады Бисмарка императору, его инструкции послам и записки, которые он порой диктовал для самого себя или для уяснения своих взглядов ближайшим сотрудникам, нельзя не поражаться тем, какое множество сторон международной ситуации охвачено и связано друг с другом в этих документах. Перед читателем развертывается бесконечно сложная и вместе с тем цельная и продуманная политическая концепция. Из-под пера этого политического дельца нередко

выходили строки, которые по своему характеру больше напоминают углубленный теоретический анализ международного положения или серьезную научную статью, нежели служебную записку. Если бисмарковский анализ международного положения поражает многосторонностью и сложностью, то практические выводы, которые Бисмарк делал из этого анализа, отличались многообразием намечаемых дипломатических комбинаций. Простота не принадлежала к особенностям бисмарковской политики, несмотря на то что цель ее бывала обычно выражена с предельной ясностью.

Бисмарк почти всегда отчетливо знал, чего он хочет, и умел развивать поразительное волевое напряжение для достижения своей цели. Шел же он к ней иногда и напролом, но чаще сложными, порой запутанными, темными, всегда разнообразными и беспокойными путями.

После первой мировой войны немецкие историки, фальсифицируя прошлое, часто изображали Бисмарка как непогрешимого политика. Таковым он, конечно, не был. Список его ошибок достаточно велик. Не достиг он и самой главной цели своей дипломатии — изоляции Франции: ее сближение с Россией началось еще в годы его канцлерства. Но тем не менее он был крупнейшим дипломатом Германии. Если же сравнить его с деятелями последующего поколения, с теми, которые руководили политикой Германии после его отставки, то он и в самом деле может показаться «недосягаемым» и «непогрешимым» политиком.

Бисмарка часто изображают чуть ли не другом России. Это неверно. Он был ее убежденным врагом, ибо усматривал в ней главное препятствие для германской гегемонии в Европе. Бисмарк всегда старался вредить России. Он стремился втянуть ее в конфликты с Англией, Турцией. Но канцлер был достаточно умен, чтобы понимать, какая огромная сила таится в русском народе. Он сознавал опасности войны с Россией, войны, всегда чреватой вмешательством Франции. Такая война могла сгубить его детище — юнкерско-буржуазную Германскую империю с прусской монархией во главе.

Бисмарк видел, что царская власть сковывает силы России, и это было одной из причин, почему он решительно предпочитал царское самодержавие всякому другому русскому режиму. Бисмарк был непримиримым и свирепым врагом русского революционного движения.

Всячески вредя России, Бисмарк старался это делать чужими руками. Грозным предостережением звучат строки, посвященные им проблеме русско-германской войны. «Эта война с гигантскими размерами своего театра была бы полна опасностей, — указывал Бисмарк. — Примеры Карла XII и Наполеона

доказывают, что самые способные полководцы лишь с трудом выпутываются из экспедиции в Россию»[1]. Последующие руководители германской политики, включая нынешних боннских правителей, могли бы почерпнуть немало для себя полезного из этих мыслей основателя рейха. Он был твердо убежден, что война с Россией явилась бы для Германии «большим бедствием». Если бы даже военное счастье улыбнулось Германии в борьбе против восточного соседа, то и тогда «географические условия сделали бы бесконечно трудным доведение этого успеха до конца»[2].

Но Бисмарк шел дальше. Он не только сознавал трудности войны с Россией. Он полагал, что если бы даже вопреки ожиданиям Германии удалось добиться полного успеха в чисто военном смысле этого слова, то и тогда она не достигла бы настоящей политической победы над Россией. Канцлер считал, что нельзя победить русский народ. Полемизируя со сторонниками нападения на Россию, Бисмарк в 1888 г. писал: «Об этом можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, что Росспя... была бы «разгромлена». Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах русских... Эти последние, даже если их расчленить международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути. Это — неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей...»[3]

Строки эти отнюдь не свидетельствуют о симпатиях канцлера к России. Они говорят о другом: старый хищник был осторожен и зорок.

«Новый курс» германской политики

Дипломатия Бисмарка ставила своей задачей предотвращение непосильной войны на два фронта, изоляцию Франции и подготовку локализованной войны против нее. Дипломатия Каприви считала эту задачу невыполнимой и нереальной. Новый канцлер взял «новый курс». Его дипломатия исходила из предпосылки, что Германия должна готовиться к войне против франко-русского блока. Эта дипломатия развивала иной вариант внешней политики Германской империи, отличной от бисмарковской. Заключался он в том, чтобы со-

---

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, vol. V, № 168, p. 176.

[2] *G. Cecil.* Life of Robert Marquis Salisbury, vol. III. London, 1931, p. 258.

[3] «Die Grosse Politik», Bd VI, № 1340, S. 302– 303.

здать в целях успеха подготовки к войне на два фронта такую группировку держав, которая превосходила бы по своей силе Россию и Францию, взятых вместе.

Ключ к разрешению задачи находился в руках Англии. Ее присоединение к Тройственному союзу дало бы ему безусловное превосходство над франко-русской группой. Оно обеспечило бы верность Италии, открытое побережье которой не позволяло ей идти против Англии — владычицы Средиземного моря. Оно помогло бы привлечь и Турцию на сторону Тройственного союза.

Сближение было начато договором, заключенным между Германией и Англией летом 1890 г. Германия уступала Англии ряд важных территорий в Африке, включая области Виту и Уганда, открывавшие доступ к верховьям Нила. Германское правительство согласилось на установление британского протектората над Занзибаром, центром восточноафриканской торговли. В обмен Англия уступала Германии остров Гельголанд. Стратегическое значение этого небольшого островка было огромно. Гельголанд является ключом к германскому побережью Северного моря. Британское адмиралтейство и дипломатия в те годы недооценивали важность этой позиции.

Порвав договор с Россией, новое германское правительство должно было усилить внимание не только к Англии, но и к своим партнерам по Тройственному союзу. Особенно много хлопот доставила Италия. В 1886 г. перед началом таможенной войны Франция поглощала почти половину — 45% — всего итальянского экспорта; французский капитал держал в руках итальянские банки и был главным кредитором Италии. Не удивительно, что французский нажим на эту экономически слабую страну давал свои результаты. Хозяйственные тяготы усиливали никогда не умиравшие в Италии профранцузские и антиавстрийские ирредентистские тенденции.

Итальянские сторонники сближения с Францией располагали сильной аргументацией. Они указывали, что Тройственный союз принес с собой непосильное бремя вооружений, что экономическая борьба с богатой Францией только разоряет Италию.

Ориентации на Францию придерживались итальянские республиканцы. Среди них издавна были сильны ирредентизм и ненависть к Габсбургам. Их симпатии принадлежали республиканской Франции. Республиканцы отражали недовольство мелкой буржуазии и крестьянства, на которых падало основное бремя разорительной таможенной войны с Францией, дезорганизовавшей хозяйственную жизнь Италии.

Но противники Тройственного союза имелись и в рядах итальянской «правой». Так, их было немало в дворянской

среде, которая в отличие от промышленной буржуазии ровно ничего не выигрывала от вражды с Францией. Ватикан, а вместе с ним все клерикальные круги тяготели к ней. Правда, папа Лев XIII, занявший папский престол в 1878 г., в начале своего понтификата рассчитывал на поддержку Бисмарка. Папа знал, что германский канцлер хотел бы закончить культуркампф и примириться с Ватиканом и с немецкими католиками. Но вскоре папе пришлось убедиться, что столь благонамеренные желания не помешали Бисмарку заключить в 1882 г. союз с безбожным итальянским королевством, отнявшим у папы светскую власть. И Лев XIII стал склоняться снова на сторону Франции. В конце 1890 г. Лявижери, один из французских кардиналов, публично заявил о признании республики. Его выступление было поддержано многими видными католиками. Папа со своей стороны молчаливо одобрил позицию кардинала. Итальянское правительство пребывало в страхе, как бы Франция не поддержала папских претензий на восстановление светской власти.

Опорой верности Тройственному союзу в Италии являлся кабинет Криспи. Этот политический деятель представлял крупную промышленную буржуазию, центром влияния которой была северная часть страны. Итальянские промышленники выигрывали от таможенной войны с Францией, от которой страдали все другие слои населения.

«Торговля, кредит, железные дороги, наша политика — все зависело у нас от Франции, — указывал Криспи. — Наше правительство было вассалом наполеоновской империи. Когда же после провозглашения республики мы попробовали освободиться от политической и экономической зависимости, которую наложили на нас договоры и привычка, тогда, естественно, получилось тяжелое положение, начался конфликт, который продолжается и до сих пор и который прекратится лишь тогда, когда мы целиком и полностью завоюем свою независимость», — так характеризовал Криспи франко-итальянские отношения в одной из своих речей в 1889 году. «Мы должны напрячь все силы, — писал он, — чтобы освободиться от засилья французского рынка» [1].

Сила противодействия антифранцузской политике крупного капитала была, однако, очень велика в разоренной стране, в которой буржуазное общество было расколото между двумя центрами притяжения: династией и церковью. Положение Криспи пошатнулось, а с ним вместе пошатнулась и надежность Италии как союзника центральных держав.

---

[1] *F. Crispi.* Memoirs, v. III, London, 1914, p. 216.

Германское правительство старалось поддержать Криспи. Прежде всего оно старалось предотвратить в Италии грозивший ей экономический и финансовый крах. Оно поощряло приток германских капиталов. Немецкие банки помогали Италии избежать государственного банкротства. Вместе с тем германский капитал финансировал итальянскую промышленность, быстро отвоевывавшую у французской внутренний рынок своей страны. Германский капитал использовал обстановку для проникновения в экономику Италии.

Французы обнаруживали активность в пустынном хинтерланде Триполитании. Криспи беспокоился, как бы Франция и здесь не опередила Италию, подобно тому как за десять лет перед тем это случилось в Тунисе. Итальянский премьер выражал опасения, что Франция заменит протекторат над Тунисом прямой аннексией. Еще больше тревожился он по поводу возможного сооружения военно-морской базы в Бизерте. Это представило бы, по его мнению, для безопасности Италии серьезную угрозу. Правительство Криспи зарилось на Триполитанию, но боялось ее захватить.

Новому правительству Германской империи очень хотелось укрепить положение Криспи. Это стало одной из главных задач дипломатии при «новом курсе». Германская дипломатия старалась добиться от английского правительства каких-либо обязательств по оказанию Италии помощи в ее захватнических планах в Африке. Однако, успех дипломатии Каприви — Гольштейна, так же как и Криспи, был невелик. Все, чего удалось добиться, — это обещания английского правительства (к которому присоединилось и германское) не допускать захвата Триполитании какой-либо другой державой, кроме Италии. Поддержка же захватнических планов самой Италии в отношении Триполитании была обещана в слишком неопределенной форме: ее готовы были оказать не ранее, чем наступит «подходящий момент». Когда же именно такой момент наступит, на этот счет не было дано ни малейшего указания.

Таможенная политика Каприви

В конце 1890 г. состоялось личное свидание Каприви с Криспи. Итальянский министр выпрашивал у немецкого партнера по военному блоку экономическую помощь — в первую очередь таможенные уступки в целях облегчения итальянского экспорта в Германию, что могло бы частично компенсировать потери на французском рынке. Криспи выдвигал проект установления экономического сотрудничества между державами Тройственного союза. Расширение доступа итальянских товаров на германский рынок должно было помочь Италии устоять перед экономическим нажимом Франции.

Чтобы удержать Италию в Тройственном союзе, Каприви пришлось согласиться на значительные таможенные уступки.

Австро-Венгрия тоже домогалась их у Германии. Роль Австро-Венгрии как союзницы возросла для Германии после ее разрыва с Россией. Обе союзницы Германской империи ввозили в нее преимущественно продукты своего сельского хозяйства. И в Италии, и в Австрии, и особенно в Венгрии аграрии домогались облегчений для сбыта в Германию. Их продукты конкурировали на германском рынке с произведениями юнкерских поместий. Политика укрепления Тройственного союза посредством экономического сближения его участников серьезно нарушала интересы германо-прусского помещичьего класса.

Вопреки бешеному сопротивлению аграриев правительство Каприви с 1891 по 1894 г. заключило новые торговые договоры с Италией, Австро-Венгрией и с целым рядом других государств. Все эти договоры основывались на однородном принципе. Это были договоры, основанные на взаимно согласованных так называемых конвенционных тарифах, а не просто на принципе наибольшего благоприятствования. Германия снижала свои пошлины на сельскохозяйственные продукты, выговаривая себе взамен от своих партнеров снижение обложения вывозившихся из Германии фабрикатов. Эти договоры явились средством расширения рынков для германской промышленности. Они отвечали поэтому интересам довольно значительной части немецкой буржуазии, в особенности связанной с экспортными отраслями промышленности и с судоходством. Торговые договоры были вместе с тем орудием внешней политики Германской империи, направленной на укрепление союза с Италией и Австро-Венгрией.

Однако политика Каприви сделала германских аграриев непримиримыми врагами «нового курса». Вскоре после своей отставки бывший канцлер предпринял яростные нападки на внешнюю политику своего преемника, обвиняя его в пагубном для Германии осложнении русско-германских отношений. В 1896 г. Бисмарк дошел до разглашения государственной тайны. Он раскрыл через прессу существование договора перестраховки и разоблачил отказ Каприви от возобновления этого соглашения с Россией. Юнкерство и консервативная партия энергично поддерживали кампанию бывшего канцлера. От помещиков не отставала, впрочем, и часть представителей крупного капитала, причем как раз наиболее влиятельная: против «нового курса» выступили хозяева монополистической тяжелой промышленности. Они негодовали по поводу отказа Каприви от важных колониальных владений и от дальнейшей колониальной экспансии. «Бисмарковская фронда» стала огром-

ной политической силой. Она подготовляла новый поворот германской внешней политики.

Этот поворот был ускорен банкротством внешней политики Каприви. Каприви порвал договор с Россией, чем толкнул ее на союз с Францией. Но при этом новый канцлер не смог компенсировать потерю русской дружбы союзом с Англией.

Уже в начале 1891 г. появились симптомы ослабления Тройственного союза. Несмотря на все усилия германского правительства и германских банков, 31 января 1891 г. пал кабинет Криспи. Его сменил правый кабинет маркиза ди Рудини. Новый премьер завязал переговоры с Францией. Правда, вскоре же выяснилось, что переговоры эти не приведут к положительному результату и не обеспечат нормализации франко-итальянских отношений. Единственным результатом переговоров был увеличившийся страх Каприви перед угрозой франко-итальянского сближения. Рудини сильно запугал германского канцлера и заставил его согласиться на некоторые политические уступки Италии при возобновлении договора о Тройственном союзе.

Возобновление состоялось досрочно, в мае 1891 г. Германия приняла добавочное обязательство: она обещала оказать Италии военную помощь не только в случае нападения Франции на итальянские владения (как это предусматривалось согласно первоначальному договору 1882 г.) и не только для отражения попыток Франции расширить свои владения в Северной Африке (добавление 1887 г.). Теперь германские обязательства помощи распространялись и на захват Италией тех или иных территорий, если обе союзницы признают невозможным сохранение status quo в Северной Африке.

Возобновление союза сопровождалось демонстрациями сближения между его участниками и Англией. В конце июня и в начале июля английская эскадра посетила австрийские и итальянские порты и встретила там необычайно торжественный и радушный прием. Современникам эти демонстрации сначала показались весьма многозначительными.

Правительство Каприви, продолжая свою новую таможенную политику в резком конфликте с юнкерством, стремилось купить поддержку возможно более широких кругов буржуазии. Оно предприняло меры для расширения доступа германской промышленности на русский рынок. Для достижения этой цели Каприви и его сотрудники клонили дело к таможенной войне.

Русско-германские торговые отношения упирались в вопрос о русских пошлинах на промышленные изделия. Германское правительство настаивало на таком значительном снижении

этих пошлин, которое в буржуазных кругах России признавалось совершенно непримлемым. В целях нажима и вымогательства уступок у России германское правительство стало облагать русские товары по повышенному тарифу по сравнению с экспортом из стран, уже заключивших с Германией торговые договоры. Летом 1893 г. русское правительство ответило введением повышенного тарифа на германские товары. Между Германией и Россией началась таможенная война.

В том же 1893 г. было проведено очередное усиление германской армии. Штаты мирного времени были увеличены на 80 тыс. человек. Это мероприятие еще более ухудшило русско-германские отношения.

Крах попыток англо-германского сближения

Германское правительство пожинало плоды отдаления от России. Вскоре стало ясно, что проекты англо-германского сближения потерпели крах. Особенно безнадежными стали они после того, как в 1892 г. в Англии пало консервативное министерство. Либералы были еще менее расположены к принятию каких-либо союзных обязательств. С большим трудом Каприви получил от нового статс-секретаря Форейн-офис лорда Розбери письменное заявление о том, что лично он полагает необходимым для нового кабинета придерживаться средиземноморской Антанты 1887 г. Но Розбери отказался дать такое обязательство от имени кабинета. Английское правительство упорно отклоняло многократные предложения примкнуть к Тройственному союзу, которые делала ему германская дипломатия в период канцлерства Каприви (т. е. с 1890 по 1894 г.). Во время острого конфликта между Англией и Францией в борьбе за влияние в Сиаме в 1893 г. Розбери сам было обратился к немцам с просьбой о сотрудничестве против Франции. Но едва обозначился мирный исход инцидента, как премьер немедленно пошел на попятную и взял назад свои предложения.

Хотя правительство Каприви упорно боролось за расширение доступа германских товаров на русский рынок, имевший для германской промышленности огромное значение, тем не менее ему не удалось купить поддержку магнатов тяжелой индустрии. Рейнско-рурские и силезские концерны не одобряли снижения немецких пошлин. Ведь высокие тарифы способствовали повышению цен на внутреннем рынке и облегчали возможность демпинга. Магнаты тяжелой промышленности не собирались ссориться с юнкерами, сотрудничеством с которыми весьма дорожили и без которого нарушался реакционный фронт против рабочего класса. Тяжелая промышленность не допускала свертывания колониальной экспансии. Напротив, она была в числе тех, кто требовал ее расширения.

Классовой опорой внешней политики Каприви была лишь менее влиятельная часть буржуазии.

В 1894 г. Каприви получил отставку. Попытка вести германскую политику без поддержки со стороны юнкерства и тяжелой промышленности потерпела полный провал. Третий канцлер Германской империи, престарелый князь Гогенлоэ, взял курс на «исправление ошибок» своего предшественника. Торговые договоры являлись международными обязательствами, заключенными на десятилетний срок. Расторгнуть их было не так-то легко. Но в их рамках правительство могло создать аграрпям ряд льгот и привилегий. Оно и начало раздавать им щедрые подачки. В то же время правительство стало на путь усиленной колониальной экспансии. Это означало поворот на восстановление блока крупного капитала и юнкерства во внутренней политике, курс на борьбу с Англией — во внешней.

Франко-русский союз (1891 — 1893 гг.)

Русское правительство сделало свои выводы из отказа правительства Каприви от возобновления договора перестраховки и из попыток Германии сблизиться с Англией. Франция отныне должна была стать не только кредитором, но и союзником Российской империи.

Лично Гирс, правда, по мере своих сил тормозил сближение с Францией. Когда весной 1891 г. французское правительство, оправившись от испуга, объявшего его в 1887 г., поставило в Петербурге вопрос о союзе, оно сначала получило уклончивый ответ. Царскому правительству скоро пришлось об этом пожалеть: парижский Ротшильд тут же отказал ему в очередном займе, вдруг вспомнив об участи своих единоверцев-евреев в империи царя Александра III.

Франция в условиях 90-х годов нуждалась в военном союзе больше, чем Россия. При этом финансовую зависимость царизма от французского капитала она могла использовать, чтобы побудить Россию связать себя союзными обязательствами. Не следует, однако, видеть в этой зависимости единственную основу франко-русского союза. Хотя и не так сильно, как Франция, но и царское правительство тоже боялось остаться изолированным перед лицом Германии. Особенно встревожилось оно после того, как 6 мая 1891 г. состоялось возобновление Тройственного союза, сопровождавшееся демонстрациями дружбы между его участниками и Англией.

В ответ в июле 1891 г. французский флот прибыл с визитом в Кронштадт; при встрече эскадры царь Александр III с непокрытой головой прослушал «Марсельезу». То было невиданное зрелище: самодержец всероссийский обнажил голову при звуках революционного гимна.

Одновременно с кронштадтской демонстрацией был заключен франко-русский консультативный пакт (самый термин, впрочем, в ту пору еще не употреблялся). Пакту была придана довольно сложная форма. 21 августа 1891 г. Гирс послал русскому послу в Париже Моренгейму письмо для вручения французскому министру иностранных дел Рибо. Письмо начиналось с указания на причины, которые ближайшим образом вызывали заключение франко-русского соглашения. Гирс указывал на «положение, создавшееся в Европе благодаря открытому возобновлению Тройственного союза и более или менее вероятному присоединению Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом». В письме, далее, выдвигалось такое предложение: «В случае, если мир оказался бы действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны уславливаются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий настоятельным для обоих правительств». 27 августа Рибо ответил письмом на имя Моренгейма. В нем он подтверждал согласие французского правительства со всеми положениями Гирса и, кроме того, ставил вопрос о переговорах, которые заранее уточнили бы характер предусмотренных данным соглашением «мер». По существу, Рибо предлагал заключение военной конвенции [1].

Летом 1892 г. в Петербург приехал заместитель начальника французского генерального штаба. Во время его пребывания в русской столице военная конвенция была согласована и предварительно подписана представителями генеральных штабов [2]. После этого по приказу царя ее текст был послан на политическую апробацию министру иностранных дел.

Гирс считал, что обмена прошлогодними письмами о взаимной консультации вполне достаточно, и положил проект конвенции под сукно. В таком положении дело оставалось до декабря 1893 г. Панамский скандал, создавший некоторую неустойчивость внутреннего положения Франции, помогал Гирсу тормозить оформление военной конвенции.

Сдвинуть с мертвой точки дело франко-русского сближения помогло германское правительство, развязав против России таможенную войну и проведя закон о новом усилении армии. В результате в 1893 г. русская эскадра демонстративно от-

---

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. VIII, № 514, 515, p. 684—685; «Сборник договоров России с другими государствами», № 40, стр. 278—280.

[2] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. IX, № 444 и сл., p. 643—677; «Сборник договоров России с другими государствами», № 40, стр. 281—282.

дала визит французскому флоту в Тулоне. 27 декабря 1893 г. Гирс был вынужден сообщить французам, что царь одобрил проект франко-русской военной конвенции.

Статья первая этой конвенции гласила:

«Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию.

Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию».

Статья вторая устанавливала, что «в случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из входящих в него держав Франция и Россия по поступлении этого известия и не ожидая никакого предварительного соглашения мобилизуют немедленно и одновременно все свои силы и придвинут их как можно ближе к своим границам». Далее определялось количество войск, которое будет двинуто Россией и Францией против Германии как сильнейшего члена враждебной группировки. Во время переговоров о содержании конвенции французская сторона очень добивалась, чтобы Россия поменьше сил направляла на австрийский фронт. Для французов было очень важно, чтобы возможно большее количество русских войск было брошено против Германии. Это вынудило бы германское командование отвлечь на восток больше сил с французского фронта. С утверждением военной конвенции франко-русский союз был оформлен. То был милитаристский реакционный блок.

Высокой ценой расплачивалось германское правительство за близорукость и самонадеянность своей дипломатии: расплатой явился франко-русский союз. Хотя соглашения 1891 и 1893 гг. и оставались строго секретными, но празднества в Кронштадте и Тулоне достаточно ясно говорили общественности о том, что происходило за кулисами. Об этом свидетельствовали и русские займы во Франции. Большая часть русской буржуазии приветствовала союз с Францией, развязывавший руки для мероприятий против германской конкуренции. Правда, часть помещичьих кругов тянула по-старому к Германии. И не только из монархической солидарности, но и в надежде добиться лучших условий сбыта сельскохозяйственной продукции.

Германия осложнила отношения с Россией, но она не добилась взамен союза с Англией. Германское правительство попыталось было исправить свою ошибку и вновь сблизиться с Россией. В 1894 г. таможенная войпа закончилась заключением русско-германского торгового договора. Это приоткрывало путь и для нормализации политических отношений.

Потребность восстановить неосторожно нарушенные нормальные отношения с Россией была тем сильнее, что влия-

тельные капиталистические круги Германии все решительнее требовали приобретения обширных колоний; это означало, что внешняя политика Германии должна вступить на антианглийский путь. Опасность одновременного отчуждения и от России и от Англии была слишком очевидна. За восстановление прежних отношений с Россией агитировал опальный Бисмарк; он развернул энергичную борьбу против политики правительства Вильгельма II. Но франко-русский союз стал уже фактом. Устранить его Германия не смогла.

Итоги развития международных отношений с 1871 по 1893 г. можно резюмировать словами Энгельса: «Крупные военные державы континента разделились на два больших, угрожающих друг другу лагеря: Россия и Франция — с одной стороны, Германия и Австрия — с другой» [1]. Англия оставалась пока вне этих двух блоков; она продолжала строить свою политику на их противоречиях. Хотя Англия и отклоняла союз с Германией, но все же до середины 90-х годов английская дипломатия тяготела скорее к германской группировке. Объективно уже в течение довольно долгого времени нарастал англо-германский антагонизм. В середине последнего десятилетия прошлого века он стал открытым и проявился самым бурным образом.

Энгельс во всех своих выступлениях по международным вопросам разоблачал политику господствующих классов и отстаивал дело мира и интересы пролетариата. Война, если она начнется, писал он, будет вестись с целью помешать революции: «в России — чтобы предупредить общее выступление всех недовольных... в Германии — чтобы поддержать Бисмарка; во Франции — чтобы подавить победоносное движение социалистов и восстановить монархию.

Для французских и немецких социалистов не существует эльзасского вопроса. Немецкие социалисты слишком хорошо знают, что аннексии 1871 г., против которых они всегда протестовали, служили точкой опоры для реакционной политики Бисмарка, как внутренней, так и внешней. Социалисты обеих стран одинаково заинтересованы в сохранении мира, так как именно им придется оплачивать все издержки войны» [2]. Энгельс противопоставлял своекорыстной политике господствующих классов, чреватой опасностью войны, политику мира и пролетарского интернационализма. Энгельс разоблачал антинародную агрессивную природу и Тройственного союза, и вновь созданного франко-русского. Он бичевал политику как Бисмарка, так и русского царизма, не щадил и политики господствующих классов других держав.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. I, т. XVI, ч. II, стр. 33.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 327.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НАЧАЛО АНГЛО-ГЕРМАНСКОГО АНТАГОНИЗМА

Англо-германский антагонизм

С тех пор как Пруссия разбила Францию и создала Германскую империю, Англия не могла не опасаться новых актов немецкой агрессии: дальнейшее усиление Германии привело бы к ее гегемонии на континенте Европы. Многие проницательные британские политики не упускали из виду этой угрозы. Об этом говорит сотрудничество с Россией в 1875 г. Впрочем, среди государственных деятелей Англии не было недостатка и в охотниках разрешить колониальные конфликты с Россией или Францией, спровоцировав войну Германской империи против этих держав. Именно так рассуждал Солсбери в 1887 г. Позже он понял опасность такой политики.

Вскоре после событий 1871 г. к угрозе утверждения гегемонии Германии присоединилась опасность германской торговой конкуренции. Начиная с кризиса 1873 г. Англия все острее ощущала успехи своего нового соперника. В 1883—1885 гг. Германия захватила первые колонии. С этих пор она начала выступать не только в качестве торгового конкурента Великобритании, но и как ее соперник в борьбе за раздел колониальных территорий. Тем не менее в течение 70—80-х годов, невзирая на торговую конкуренцию, политические отношения между Германией и Англией, за исключением отдельных моментов, оставались нормальными, а порой даже дружественными. Объясняется это тем, что главными соперниками Англии на арене колониальной политики продолжали быть Россия и Франция.

Положение резко изменилось в последнем десятилетии прошлого века, когда произошло чрезвычайное усиление внешней экономической экспансии германского капитализма. Об этом говорил прежде всего бурный рост немецкого экспорта. Если за десятилетие с 1880 по 1890 г. он возрос с 3090 млн. марок до 3400 млн.[1], т. е. примерно на 10%, то в течение после-

[1] *A. Sartorius von Waltershausen.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte 1815—1914. Jena, 1920, S. 306.

дующего десятилетия экспорт увеличился до 4611 млн. марок[1], или на 36%. Английский исследователь истории англо-германского соперничества с полным основанием заявляет, что в Великобритании по отношению к германской конкуренции «преисполненная удивления досада», характерная для 80-х годов, в 90-х сменилась «паникой»[2].

Усиление германской экспансии было вызвано развитием капитализма, переходившего в империалистическую стадию. При этом рост германского капитализма значительно опережал по своим темпам рост британского. В этом заключалось едва ли не главное проявление закона неравномерности развития капитализма, если говорить о Европе конца XIX и начала нынешнего века. Эта неравномерность и явилась первопричиной углубления англо-германских противоречий со всеми их политическими последствиями, приведшими к коренной перестановке сил на международной арене.

В последние десятилетия XIX в. германская промышленность и банки достигли высокой степени концентрации. В угольной промышленности, в металлургии, в электротехнической и химической индустрии, а также в банковском деле уже утвердилось господство огромных предприятий, концернов и синдикатов, стремившихся к монополии. Одним из показателей возросшей заинтересованности германского капитализма во внешней экспансии может служить создание специально для деятельности за границей дочерних предприятий. Примером может служить «Дейче банк». Для эксплуатации малоазиатских дорог этот банк основал «Общество Анатолийских железных дорог». Вместе с венским «Банкферейн» он скупил акции «Общества Восточных железных дорог», в руках которого находились дороги Балканского полуострова и железнодорожная связь Константинополя с Центральной Европой. В 1890 г. «Дейче банк» для руководства всеми своими железнодорожными предприятиями на Ближнем Востоке при участии венского «Банкферейн» учредил «Банк для восточных железных дорог» с резиденцией в Цюрихе.

Еще раньше, в 1886 г., «Дейче банк» организовал дочернее общество «Германский заморский банк» для финансирования сделок с Латинской Америкой.

В 1894 г. крупнейшие немецкие банки — «Дейче банк», «Дисконто-гезельшафт», «Дрезденер банк», «Дармштадтер

---

[1] «Statistical abstract for the principal and other foreign countries in each year from 1899 to 1909—10». № 37. London, 1911, p. 58.

[2] *R. J. S. Hoffman.* Great Britain and the German trade rivalry 1875—1914. Philadelphia, 1933, p. 82.

банк», «Берлинер хандельсгезельшафт» и «Шафгаузеншер банкферейн» — при участии некоторых австрийских и швейцарских банков открыли в Милане «Итальянский коммерческий банк» [1], который стал важным каналом проникновения германского капитала в Италию. Это в свою очередь содействовало упрочению Тройственного союза, так что новый банк стал одним из приводных ремней германской политики в Италии.

Банк «Дисконто-гезельшафт» еще в 1880 г. имел пай в предприятиях ганзейского торгового дома Годефруа в Полинезии. В 80-х годах этот банк организовал «Новогвинейскую компанию», которая получила в монопольную эксплуатацию все немецкие владения на Новой Гвинее. В 1887 г. «Дисконто-гезельшафт» был одним из основателей «Бразильского банка для Германии», а в 1889 г. — «Германско-Азиатского банка», занявшегося финансированием сделок с Восточной Азией. Он был также заинтересован в эксплуатации германских колоний в Африке. Это лишь некоторые примеры, свидетельствующие об экспансионистских устремлениях германского монополистического капитала в конце 80-х и в начале 90-х годов XIX в. Аналогичные факты можно было бы привести не только из сферы банковского дела, но и из самых различных отраслей экономики. В Австро-Венгрии в 90-х годах действовало свыше сотни немецких фирм. В Италии их тоже было около ста. Еще больше насчитывалось в России. На Востоке, в Латинской Америке, в США — всюду быстро росло количество германских фирм или их отделений.

В связи с бурным развитием германского капитализма и его все усиливавшейся экспансией с середины последнего десятилетия XIX в. перед германской политикой встала новая задача огромной важности — создание обширной колониальной империи и завоевание «сфер влияния» в экономически отсталых странах. Для разрешения этой задачи мобилизовалась, конечно, и дипломатия юнкерско-буржуазного государства. Задача была продиктована интересами капитала, требованиями крупной буржуазии. Юнкерство же не без основания рассчитывало, что колониальные захваты потребуют увеличения армии и флота, откроют доходные должности в аппарате колониальной администрации. Борьба за колонии форсировалась и шовинистическими настроениями широких кругов. Насаждали эти настроения государственная школа, церковь, капиталистиче-

---

[1] *J. Riesser.* Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration im Zusammenhang mit der Entwicklung der Gesamtwirtschaft in Deutschland. Jena, 1912, S. 371—372; *K. Helfferich.* Georg von Siemens, Bd II. Berlin, 1923, S. 219.

ская пресса. Их стимулировал невиданный рост экономической и политической мощи империи.

В это время раздел мира уже приближался к своему завершению. Германии приходилось думать не столько о завоевании «свободных» земель, сколько о том, чтобы отнять колонии и сферы влияния у других капиталистических держав. Дело шло, таким образом, не о разделе, а о переделе уже захваченных территорий.

Еще недавно, в 1890 г., Каприви был готов на уступки Англии в колониальном вопросе и на деле доказал это. Однако договор об обмене Занзибара и других земель Африки на Гельголанд вызвал такую бурю возмущения против канцлера, что о продолжении курса, воплощенного в этом договоре, уже не приходилось и помышлять.

К середине 90-х годов, когда приобретение колоний стало едва ли не важнейшей проблемой внешней политики Германии, англо-германские отношения начали быстро ухудшаться [1]. Мощь Германии побуждала британских политиков все подозрительнее, все враждебнее и опасливее относиться к Германии и с недоверием встречать ее авансы в адрес Англии.

Конфликт из-за железнодорожных концессий в Турции

Английское правительство, где только могло, препятствовало экономической экспансии немецкого капитала. Не оставалась в стороне и британская дипломатия. За колониальными конфликтами 80-х годов в Африке в начале следующего десятилетия последовала попытка сорвать проникновение германского капитала в турецкое железнодорожное строительство.

К 1888 г. была закончена постройка магистрали из Австро-Венгрии на Константинополь. Тогда же «Дейче банк» выкупил у турецкого правительства небольшую железнодорожную линию от Хайдарпаша (на азиатском берегу Босфора) до Исмита (у крайней восточной точки Мраморного моря). Одновременно банк получил концессию на продолжение этой дороги до Анкары [2]. Так было положено начало проникновению германского капитала в железнодорожное дело Османской империи.

Турецкое правительство предоставило концессионеру гарантию определенного минимума доходности с каждого километра пути, страховавшую концессионера за счет турецкого налогоплательщика от возможных убытков. Одновременно герман-

---

[1] См., например, меморандум Дж. А. К. Тилли от 5 января 1905 г. об отношениях между Германией и Великобританией в 1892—1904 гг. «British Documents», vol. I, p. 332—337.

[2] *K. Helfferich.* Georg von Siemens, Bd III, S. 38.

ская финансовая группа устроила султану заем на текущие надобности в 1,5 млн. ф. ст.

Перед совершением сделки на концессию до Анкары «Дейче банк» запросил мнение канцлера. Бисмарк ответил концессионеру, что возражений против задуманного предприятия он не имеет, согласен поддержать просьбу банка о выдаче концессии, но в дальнейшем никакой поддержки этому «авантюристическому предприятию» не окажет[1]. Бисмарк твердо держался своего мнения о незаинтересованности Германии в турецких делах; он рассчитывал, что при такой позиции Германии легче будет извлекать барыш из соперничества других держав на Ближнем Востоке.

Бисмарк учитывал значение турецкой армии в случае войны против России и направил в Турцию германскую военную миссию генерала фон дер Гольца. Но он придавал так мало значения германской железнодорожной концессии в Турции, что через несколько дней, как видно из документов, уже забыл о запросе «Дейче банк».

Вильгельм II с гораздо большим интересом относился к германской экспансии в Турции. Еще будучи наследником, он был близок к тем военным кругам, которые полагали, что война с Россией неминуема. Как и многие генералы, Вильгельм считал, что в этой войне Турцию необходимо будет использовать в качестве союзника. Турецкие железные дороги приобретали в связи с этим для Германии не только экономический, но и военно-политический интерес.

Дорога на Анкару была построена в 1892 г., причем поставки материалов для ее сооружения привели к тому, что германский экспорт в Турцию с 1888 по 1893 г. вырос более чем в 3 раза.

С 1891 г. султан вступил с немецкими финансистами в переговоры о продолжении этой дороги на Багдад. Он отверг различные предложения французского капитала, не желая усиливать в своей стране его экономическую мощь, которая и без того была очень велика и казалась Абдул-Гамиду чрезмерной. Политика султана основывалась на противопоставлении одних империалистов другим. В 1892 г. он в основном договорился с немцами.

Но тут-то и вмешалось английское правительство. Его посол заявил султану протест против продления построенной немцами дороги. Это, заявил он, нанесет ущерб британской линии Смирна (Измир) — Айдин. Султан заколебался.

---

[1] *H. Holborn.* Deutschland und die Türkei 1878—1890, Berlin, 1926, S. 87—93.

Тогда германское правительство незамедлительно приняло свои контрмеры. Оно выступило в Лондоне против непрошеного вмешательства английской дипломатии в ущерб германским коммерческим предприятиям. Германское правительство при этом грозило лишить Англию своей поддержки в египетских делах. Напуганный этой угрозой, лорд Кромер настоял в Лондоне на незамедлительном прекращении противодействия немецким железнодорожным предприятиям в Анатолии.

Согласно концессионному договору, подписанному 15 февраля 1893 г., «Общество Анатолийских дорог» должно было построить в Турции две железнодорожные линии: одну — от Эскишехира, расположенного на линии Исмит — Анкара, до Коньи, вторую — от Анкары до Кайсери с последующим продолжением на Сивас, а затем на Диярбекир, Багдад. Фактически была проложена только более доходная линия — на Конью. Ее постройка была завершена в 1896 г.

Противодействие англичан проникновению германского капитала в Анатолию оставило в Берлине свой след. И это тем более, что к этому времени, точнее говоря в 1893 г., Гольштейн и Каприви окончательно убедились в том, что им не удастся привязать Англию к Тройственному союзу. Если говорить о руководителях немецкой дипломатии, то именно осознание ими этого факта послужило непосредственным поводом для резкого поворота в германской политике по отношению к Англии. Объективные противоречия между германским и английским капитализмом оказались сильнее устарелых политических концепций «нового курса», сторонники которого тешили себя надеждами на установление тесного англо-германского сотрудничества.

И вот с этого времени всюду, где только было возможно, германская дипломатия начала оказывать всяческое противодействие британской колониальной политике.

До сих пор Германия поддерживала Англию в Египте. Германская дипломатия и теперь продолжала оказывать ей свою «помощь» в египетском вопросе, но стала все грубее использовать его в качестве средства шантажа ради вымогательства у Англии колониальных уступок. В других же районах Африки германская дипломатия открыто выступала против Англии.

Германия и Англия в Центральной Африке

Чувствительный удар английским интересам был нанесен немцами в Центральной Африке.

В целях закрепления своего господства над Египтом правительство Англии стремилось захватить верховья Нила. В это время уже обсуждались проекты различных гидротехнических сооружений, которые позволили бы регулировать уровень воды в Ниле, а сле-

довательно, и влиять на всю экономику Египта. Важным шагом для закрепления Англии в верховьях реки было приобретение Уганды. Но окончательно этот захват вопроса не решал. Франция с двух сторон подбиралась к верхнему Нилу, и обладание Угандой не могло помешать французской экспансии. Обосновавшись в верховьях Нила, Франция со временем могла бы создать англичанам в Египте величайшие трудности. Согласно своей традиции, английская дипломатия попыталась остановить ее чужими руками.

Первое направление французской экспансии к долине Нила пролегало через Эфиопию (Абиссинию). Здесь дипломатия Франции подбивала негуса Менелика продвинуть границы его государства на запад, до самого Нила. Франция расширяла свои военно-морские базы в Джибути и Обоке, хлопотала перед негусом о концессии на железную дорогу Джибути — Аддис-Абеба и далее к озеру Тана, т. е. к истокам Голубого Нила.

Второй путь проникновения к Нилу шел с запада, со стороны Французского Конго через Судан.

Чтобы преградить французам доступ в долину Нила по первому из этих направлений, т. е. с востока, английская дипломатия использовала Италию. Для этого она поддерживала ее проникновение в Эфиопию. В марте 1891 г. Англия договорилась с итальянским правительством о размежевании сфер влияния в Восточной Африке. Англия признала Эфиопию сферой влияния Италии и выговорила проведение западной границы итальянской сферы на достаточном удалении к востоку от основной нильской артерии. В Лондоне Италии не боялись, и она должна была, по замыслам английских политиков, служить заслоном против французов.

Для того же, чтобы преградить доступ к великой африканской реке с запада, английское правительство заключило соглашение с Германией. Согласно англо-германскому договору от 15 ноября 1893 г. территория Камеруна до озера Чад на севере и бассейн реки Шари признавались сферой немецкого влияния[1]. Английская дипломатия рассчитывала вызвать у Германии конфликт с Францией, поскольку та претендовала на эти области.

Но, подписав это соглашение, германское правительство тотчас же завязало переговоры с французами. 15 марта 1894 г. оно заключило соглашение, по которому ограничивало свои владения Камеруном, а французской стороне предоставило свободу действий на всем пространстве к востоку от его

[1] «Trattati, convenzioni, accordi, protocolli ed altri documenti relativi all' Africa. 1825—1906», vol. I. Roma, 1906, N 148, p. 412—414.

границы [1]. Одним словом, немецкая дипломатия подвела Англию. Та передала Германии весь Центральный Судан с единственной целью не допустить туда французов. А теперь немцы как раз и предоставили Франции доступ в эту область. Германская дипломатия доставила, таким образом, Англии крупную неприятность.

Чтобы помочь делу, английское правительство придумало новый ход: если не удалось вклинить немецких колонизаторов между Нилом и французскими владениями в бассейне Конго, то не попытаться ли прибегнуть к помощи Бельгии? Не прошло и десяти дней после подписания франко-германского договора, как английское правительство направило в Брюссель бывшего дипломатического агента в Занзибаре Реннела Родда. Он должен был завязать переговоры с королем Леопольдом II, главой «Независимого государства Конго». Дабы надежнее обеспечить секретность этой миссии, была применена своеобразная маскировка: Родд сначала отправился в Берлин, а уже оттуда окольным путем проехал в Брюссель. Британский представитель быстро достиг соглашения с Леопольдом: Англия от имени Египта передавала государству Конго на началах аренды левый берег Нила от озера Альберта до местечка Фашоды и бассейн левого притока Нила Бахр-эль-Газаль. Новые бельгийские владения — формально государства Конго — загораживали французам дорогу к реке.

В свою очередь Леопольд от имени Конго сдавал Англии в аренду полосу земли в 25 километров шириной от южного побережья озера Эдуарда до северной оконечности озера Танганьика. Тем самым Англии обеспечивалась связь между британскими владениями в бассейне верхнего Нила и Британской Южной Африкой. По арендованной территории предполагалось проложить телеграфную линию. В дальнейшем здесь проектировалось сооружение участка грандиозной трансконтинентальной железной дороги Каир — Кэптаун. Инициатором и главным поборником этого проекта был Сесиль Родс. Подписание договора между Англией и Конго состоялось 12 мая 1894 г. [2]

Договор английского правительства с Леопольдом вызвал резкие протесты французских колонизаторских кругов. Правительство Франции быстро установило контакт с Германией. 27 мая правительства обеих стран заявили — каждое отдельно — протесты против договора между Англией и Конго. Особенно резким было выступление германского правительства.

---

[1] «Recueil des traités de la France», t. 20. Paris, 1900, p. 117—121.

[2] «Trattati, convenzioni, accordi, protocolli ed altri documenti relativi all' Africa», vol. I, N 154, p. 435—437.

Тогдашний английский премьер Розбери заметил, что в подобном тоне переговоры можно вести разве что с Монако.

Леопольд II испугался гнева правительств двух великих держав — соседей Бельгии. Каждая из них располагала средствами давления на нее. Французское правительство готовилось применить против бельгийцев в Центральной Африке военную силу.

Что касается Англии, то в кабинете Розбери имелась оппозиция против договора. При таких условиях и учитывая нажим со стороны Германии и Франции, а также опасения Леопольда, английское правительство попыталось сманеврировать: оно отказалось от параграфа, предусматривавшего передачу Англии полосы земли между двумя озерами. Частичной уступкой в Лондоне рассчитывали успокоить Германию, которую прямым образом задевал только этот пункт договора: он нарушал «права» и интересы немецких фирм, заинтересованных в железнодорожном строительстве в германской Восточной Африке. В Лондоне думали уступкой одному из противников расколоть их фронт.

Но не тут-то было!

Кайзер и его правительство решили доконать договор, которым так дорожили англичане. В Берлине было постановлено продолжить поддержку Франции в ее борьбе против англо-бельгийского договора. В то же время делались намеки, что Германия могла бы отступиться, если бы английское правительство пошло на уступки ей на островах Самоа. Но в Лондоне решили, что лучше отступить, чем поддаваться на такой шантаж.

В результате давления из Парижа и Берлина 14 августа 1894 г. Леопольд по соглашению с Францией отказался от оккупации левого берега Нила и бассейна Бахр-эль-Газаль. Путь к Нилу с этой стороны остался для Франции открытым. И именно этим путем в конце концов французы и достигли Нила, заняв Фашоду и вступив в острейший конфликт с англичанами.

Выступление германской дипломатии против договора Англии с Конго не было единичным эпизодом. Напротив, противодействие английской политике стало для нее системой. С 1893—1894 гг. правительство Германии повсюду, где могло, отыскивало рычаги давления на Англию.

Пангерманский союз и его агитация

В 1891 г. в Германии образовался так называемый Пангерманский союз. Формальным поводом для его создания был протест колониальных кругов против уступок, сделанных Англии по договору 1890 г. Новая организация включала ряд видных парламентариев, преимущественно

из национал-либеральной и консервативной партий, промышленников, профессоров, юристов, отставных генералов и офицеров. Союз финансировался крупными концернами тяжелой промышленности. Его подлинным хозяином была монополистическая тяжелая индустрия.

Пангерманский союз оказал немалое влияние на деятельность германской дипломатии. Он занимался пропагандой империалистической экспансии. «У нас еще нет такого рынка, — говорилось в манифесте Союза, — который при всех условиях был бы обеспечен для нашей промышленности, ибо нам недостает собственных достаточно емких колоний». Союз проповедовал превосходство немцев над всеми другими народами. Немецкая культура провозглашалась самой высокой в мире. Многие бредовые идеи гитлеровского фашизма впоследствии были заимствованы из арсенала пангерманцев.

Пангерманский союз требовал создания обширной колониальной империи в Африке и в Южной Америке. Он призывал германское правительство к переделу колоний Англии и Франции, а также малых колониальных владельцев — Португалии, Бельгии, за счет которых поживиться было безопаснее. Пангерманский союз и его пресса выступили с проповедью «Machtpolitik» — «политики силы». Они советовали не стесняться такими «пустяками», как международное право — вроде, например, торжественно признанного самой Германией нейтралитета Бельгии. Тем более не стоило, по мнению пангерманцев, церемониться с «доктриной Монро».

Особое внимание уделяли пангерманцы Турции. Они носились с идеей превращения всей Османской империи в немецкую колонию. Междуречье Тигра и Евфрата должно было стать житницей Германской империи и ее хлопковой плантацией, которая дала бы ей недостающее продовольствие и сырье. В дальнейшем пробудился интерес и к мосульской нефти. Турки и арабы должны были очутиться на положении рабов немецких господ.

Требуя колониальной экспансии, пангерманцы, пожалуй, еще больше интересовались захватами в Европе. Скандинавия, Голландия, Дания и часть Швейцарии должны были, по их замыслам, войти в состав Германской империи. Ту же участь пангерманцы готовили Бельгии и Восточной Франции; здесь их особенно интересовало побережье Па-де-Кале — по соображениям стратегическим, а железорудные бассейны Бриэй и Лонгви — по мотивам экономическим. «Рейх до тех пор не будет насыщен, пока в Дюнкерке, Лилле, Артрайте — в Нижненемецкой земле, в Нанси, Люневиле, Туле и Вердене — в древнем герцогстве Лотарингия — французское трехцветное знамя

не падет к ногам германского орла»[1]. Такого рода разнузданные шовинистические призывы постоянно раздавались со страниц пангерманской печати.

Что касается «Востока», то пангерманцы стремились к ограблению и расчленению России. Они требовали захвата Прибалтики и даже Украины и Кавказа. Среди пангерманцев было много остзейских немцев, особенно баронов и лютеранских пасторов, рассчитывавших изгнать русских из Прибалтики и полностью поработить латышей, эстонцев, финнов и литовцев, поставив их под владычество Германской империи.

Пангерманцы были злейшими врагами славян. Все славяне, в частности народы Балканского полуострова, должны были, по их планам, встать под ярмо германского империализма.

Союзную Австро-Венгрию многие пангерманцы предполагали «объединить» с Германской империей. Поглотив Австро-Венгрию, Голландию, Данию и т. д., Германия должна была образовать «Срединную Европу».

Вместе с Балканами Австро-Венгрия составила бы для немцев мост в Турцию, по которому, предполагали идеологи пангерманизма, пойдет немецкий «натиск на Восток», пресловутый «Drang nach Osten».

Легкомысленно толкая Германию и на Восток, против России, и за океан, против Англии и Америки, пангерманцы бросали вызов всем величайшим державам мира. В упоении растущей мощью Германии эти авантюристы считали, что удар немецкого «бронированного кулака» разрешит все проблемы мировой политики. Некоторые представители пангерманизма звали сначала на борьбу с Англией, другие предлагали начать с разгрома России и Франции. Но были и такие, которые считали, что тевтонский меч зарубит всех зараз...

Пангерманский союз был численно не очень велик, но его пропаганда постепенно захватывала самые широкие круги немецкой буржуазии. Юнкерская и буржуазная печать с 90-х годов, чем дальше, тем больше заполняется призывами к захватам как в колониях, так и в Европе. Вот что писал популярный тогда в Германии журнал «Zukunft». Призывая к войне против Франции, журнал считал необходимым отнять у нее ряд восточных департаментов, а дабы избежать увеличения инонациональных элементов в Германской империи, искоренить все местное французское население. Воззвав сначала к традициям древнегерманских варваров, автор этой статьи в «Zukunft» продолжал: «Как, не хотите же вы обратиться к огню и мечу и уничтожить или изгнать жителей? — спросят

[1] Пангерманский автор вместо современных употребляет древнегерманские названия. Цит. по кн.: *O. Hammann.* Der neue Kurs. Berlin, 1918, S. 164.

нас с ужасом. — Конечно, нет, друзья. Я намерен держаться в рамках полуварварства... Я не хочу ничего сверх двух средств, применяемых цивилизованными народами, — экспроприации и контрибуции»[1]. Шовинистическим ядом такого рода пропаганды германские империалисты десятилетиями отравляли сознание немецкого народа.

Пангерманские настроения овладевали кайзером и многими членами его правительства. Воинственные выступления Вильгельма II часто не уступали по своей агрессивности призывам пангерманской печати. Они даже поставляли ей крылатые словечки и лозунги, на которые кайзер был большим мастером. Германская буржуазия прониклась убеждением, что прежняя политика Германской империи была слишком старомодной, только «европейской» политикой. Теперь империя должна вести «мировую политику» («Weltpolitik»).

Было бы, конечно, преувеличением сказать, что уже в 90-х годах прошлого века германская дипломатия, канцлеры и сам сумасбродный кайзер полностью принимали захватническую программу пангерманцев. Этого тогда еще не было. Но влияние пангерманизма возрастало. Основная мысль — о необходимости широчайшей экспансии — была полностью усвоена Вильгельмом II, такими канцлерами, как Бюлов, такими министрами, как адмирал Тирпиц или Кидерлен-Вехтер.

Защитниками политики империалистической экспансии стали и правые лидеры социал-демократии. Через них империалистические идеи проникали в ряды рабочего класса. Только он мог служить внутри страны и действительно служил определенным тормозом для агрессивной политики крупного капитала и юнкерства. Но ревизионисты раскалывали пролетариат, разлагали его, как это происходило, впрочем, и в других странах. Они ослабляли рабочий класс как силу, противодействующую грабительской политике правящих классов.

Революционные деятели социал-демократической партии, как, например, Бебель, подвергали политику правительства резкой критике. Но они не до конца понимали ее существо, не учитывали, что совершается переход к новой фазе капитализма, к империализму. Они порицали борьбу против Англии главным образом потому, что ошибочно усматривали причину антианглийского курса в угодничестве перед царизмом, хотя на деле германская политика нарушала интересы России с той же бесцеремонностью, что и интересы Англии. Такая критика била мимо цели. Она по большей части оставляла в стороне интересы крупного капитала — действительную основу империалистической политики Германской империи.

---

[1] «Die Zukunft», 31. XII. 1892, Bd I, № 14, S. 636.

Германская политика, начиная с конца XIX в., становится все более агрессивной, а ее провокации все более наглыми. Финалом явились первая мировая война и крах Германской империи в 1918 г.

Притязания Германии на мировую гегемонию, конечно, болезненно задевали Англию с ее огромными колониальными владениями. Объективно назревал непримиримый англо-германский антагонизм.

Германия и Англия в Южной Африке. Набег Джемсона и телеграмма Вильгельма II Крюгеру

Особенно резкое обострение англо-германских отношений обозначилось на почве борьбы за раздел Южной Африки. В 1886 г. в Трансваале были обнаружены богатейшие в мире золотые россыпи. Английские капиталисты поспешили завладеть ими. Над большей частью приисков приобрела контроль финансовая группа Сесиля Родса. Трансвааль наводнили британские колонисты. Вскоре у Родса и руководимой им золотопромышленной компании «Консолидейтед голдфилдс» возникли острые конфликты с правительством Трансвааля и его президентом Крюгером.

Могущество южноафриканской клики английской финансовой олигархии было огромным. Родс не только контролировал большую часть золотопромышленности Южной Африки. Он был председателем компании «Де-Беерс», монополизировавшей там добычу алмазов. Родс стоял также во главе Привилегированной южноафриканской компании, которой британское правительство в 1889 г. передало как эксплуатацию, так и управление громадной территорией, простирающейся от северной границы Бечуаналенда и Трансвааля до южных пределов Бельгийского Конго и озер Танганьика и Ньяса. Родс был тесно связан с лондонским домом Ротшильдов и с другими столпами финансовой олигархии лондонского Сити.

В 1890 г. Родс стал премьером Капской колонии. Он являлся как бы живым воплощением сращивания финансовой олигархии с государственным аппаратом. В английском правительстве он с 1895 г. имел своего человека в лице министра колоний Джозефа Чемберлена.

Возглавляемая Родсом южноафриканская группировка английского финансового капитала вела в Южной Африке активную захватническую политику; в конце концов она вовлекла английский народ в затяжную войну против буров. Нигде, пожалуй, в ту эпоху не выявилось так наглядно превращение буржуазной дипломатии в слугу монополистического капитала, как в южноафриканской политике Англии.

Сесиль Родс исподволь готовил захват Трансвааля. Для этого использовались различные приемы из арсенала коло-

ниальной дипломатии. Организовывалась агентура внутри этой республики, вербовавшаяся из рядов английских колонистов. Посредством этой агентуры велась подрывная работа против бурского государства. В то же время Англия старалась изолировать Трансвааль от внешнего мира. Захватив Бечуаналенд, она отрезала буров от германских владений в Юго-Западной Африке. Прибрав к рукам земли зулусов, она преградила Трансваалю самостоятельный выход к морю. У бурских республик оставалось одно-единственное окно во внешний мир — через порт Лоренцо-Маркес в португальской колонии Мозамбик. Но через это-то окно и поторопился пролезть в Трансвааль опаснейший конкурент английского капитала.

В начале 90-х годов англичанам в Южной Африке пришлось столкнуться с чрезвычайно энергичной немецкой экспансией. Германский капитал с помощью своего правительства и вопреки противодействию Сесиля Родса обеспечил сооружение железной дороги, связавшей Трансвааль с океаном, минуя английские владения: была построена линия от столицы Трансвааля Претории до Лоренцо-Маркес на Индийском океане. Формально дорога принадлежала Португалии. Германская дипломатия тщетно добивалась полной ее передачи правительству Трансвааля или даже прямо в немецкие руки. Для обеспечения своих интересов в этом районе правительство Германии в январе 1895 г. направило два военных корабля в бухту Делагоа, в которой расположен Лоренцо-Маркес. Германский капитал активно развивал торговые связи с Трансваалем. Там было им вложено от 300 млн. до 500 млн. марок немецких денег.

В южноафриканских делах были заинтересованы влиятельные капиталистические круги Германии. Значительные интересы имели там «Дейче банк» и «Берлинер хандельсгезельшафт». Руководитель «Дейче банк» Георг фон Сименс рассчитывал, что участие в южноафриканской золотопромышленности эмансипирует германский капитал от Лондона, как мирового центра сделок с золотом. Берлинский банкирский дом Вильгельм Кнаппе фактически контролировал Трансваальский национальный банк. Крупные гамбургские торговые дома во главе с А. Верманом вели с Трансваалем значительную торговлю. Только в центре южноафриканской промышленности — Иоганнесбурге проживало до 15 тыс. немецких колонистов. По всему Трансваалю была раскинута сеть объединявших их клубов[1].

Немецкая дипломатия не скрывала от англичан, что Германия считает себя заинтересованной в Трансваале — в том, чтобы не допустить его захвата Англией, в беспрепятственном

[1] См. *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951, стр. 91—92.

развитии сношений с этой африканской страной и в прямом сообщении Претории с океаном через Лоренцо-Маркес. Буржуазная шовинистическая пресса Германии вела кампанию в защиту немецких интересов в Южной Африке, против английских притязаний на Трансвааль, в поддержку буров. Последним старались внушить, что Германская империя является их защитником от покушений Англии. В январе 1895 г. президент Трансвааля Крюгер публично заявил, что рассчитывает на помощь Германии против Англии.

Германская дипломатия в Южной Африке преследовала несколько целей: обеспечение там прямых экономических интересов германского капитала, давление на Англию посредством поддержки бурских республик и учинения возможно больших неприятностей своей сопернице. Обострение отношений с Англией кайзер рассчитывал использовать и во внутриполитическом плане — получить от рейхстага дополнительные ассигнования на строительство военного флота. Германская дипломатия не раз выказывала готовность продать Англии свое согласие на захват бурских республик в обмен на колониальные компенсации в каких-либо других районах. В общем эта цель преобладала в намерениях германской дипломатии. Она готова была предать покровительствуемых ею буров, если только Англия предоставит Германии другой кусок Африки.

Британское правительство через своего посла в Берлине 1 февраля 1895 г. протестовало против оказания поддержки бурам. Посол подчеркнул, что Англия в этом вопросе «весьма чувствительна» и не допустит нарушения своих интересов. 14 октября посол повторил протест. Статс-секретарь Маршаль намекнул ему на возможность откупиться от Германии, предоставив ей отступное в другой части Африки. Британский посол не обнаружил, однако, никакого намерения продолжать разговор на эту тему.

В последующие дни кайзер вызвал английского военного атташе Суэйна. Как это часто случалось с Вильгельмом, он вел беседу в крайне возбужденном тоне. Вопрос он поставил несколько иначе, чем Маршаль. Англия, заявил кайзер, должна присоединиться к Тройственному союзу! Если она не сделает этого, тем хуже будет для нее.

То была старая песня «нового курса» Каприви, уже давно ставшего старым и отжившим. Никакого положительного отклика в Лондоне немецкие домогательства не вызвали. Там не желали поддаваться на немецкий шантаж.

Родс и связанная с ним группа крупнейших капиталистов (Бейт, Филиппс, Барнато) были чрезвычайно встревожены германской активностью. Они боялись, как бы Трансвааль, где находились их несметные богатства, вдруг не ускользнул из

рук английского капитала. Поэтому они решили скорее покончить с его самостоятельностью. В начале 1895 г. британская агентура приступила к организации заговора в Иоганнесбурге. Там была сосредоточена большая часть английских колонистов, наводнивших после открытия приисков золотоносную область Трансвааля. Эти «уитлендеры» («чужеземцы»), как их называли, ненавидели буров, которые платили им тем же. Агенты Родса контрабандой переправляли оружие в Иоганнесбург. Мятеж был назначен на 27 декабря 1895 г. Одновременно в Трансвааль должен был вторгнуться из Бечуаналенда отряд полиции Южноафриканской компании. Во главе отряда стоял управляющий компанией некий Джемсон.

Когда весть о рейде Джемсона дошла до Берлина, пресса и правящие круги Германии пришли в крайнее возбуждение по поводу этого происшествия. Особенно неистовствовал кайзер. Немецкому послу в Лондоне 31 декабря была дана директива: запросить английское правительство, одобряет ли оно налет на Трансвааль. В случае утвердительного ответа послу предписывалось затребовать паспорта. К этому времени премьером и статс-секретарем Форейн-офис снова стал Солсбери: не так-то легко было спровоцировать этого тертого дипломата. Он понял, чем грозит появление немецкого посла в его кабинете в обстановке событий в Трансваале. Не дав послу вымолвить ни слова, премьер сразу заявил, что просит его избегать всякого выражения, которое может быть истолковано как угроза. Иначе, заявил он, создалось бы нетерпимое положение. Посол граф Гатцфельд высказал свой запрос в корректных выражениях. В ответ британский премьер, не моргнув глазом, выразил неодобрение поступку Джемсона, хотя налет на Трансвааль был организован с ведома членов его кабинета.

Осторожность премьер-министра пришлась Англии как нельзя более кстати — это доказало последующее развитие событий. В последнюю минуту организаторы заговора нашли, что у них еще не все готово. Восстание было перенесено на 6 января. Вопреки этому отряд Джемсона двигался на Иоганнесбург.

1 января 1896 г. статс-секретарь германского ведомства иностранных дел Маршаль обратился к французскому послу с предложением установить соглашение по ряду конкретных вопросов и этим отнять у Англии возможность играть на франко-германских противоречиях. Маршаль говорил о необходимости положить предел «ненасытному аппетиту англичан». Этот шаг был задуман как начало создания лиги континентальных держав против Англии. План такого объединения был набросан Гольштейном в меморандуме от 30 декабря 1895 г.[1] По расче-

[1] «Die Grosse Politik», Bd XI, № 2640, S. 67—69. О южноафриканских событиях и англо-германском конфликте см. *А. С. Ерусалимский.* Внеш-

там германской дипломатии, угроза образования континентальной коалиции должна была сделать Англию более сговорчивой: испугавшись, она уступит в пользу Германии какие-либо колониальные территории, согласится на сотрудничество с Тройственным союзом и т. д.

Не дожидаясь французского ответа, немецкое правительство 2 января 1896 г. поручило своему послу в Лондоне передать ноту английскому правительству: Германия заявляла решительный протест против налета на Трансвааль. Она не допустит внесения каких-либо изменений в его статус. Посол отправил ноту в Форейн-офис в тот же день вечером. Нота была составлена в таких выражениях, что могла привести к разрыву отношений между двумя странами.

Но авантюру английских колонизаторов постигла неудача. Отряд Джемсона был окружен бурами и 2 января 1896 г. взят в плен вместе со своим главарем. Руководители заговорщиков в Иоганнесбурге были арестованы. Предприятие Родса закончилось провалом.

В тот же вечер в Берлине узнали о поражении Джемсона. Послу в Лондоне немедленно телеграфировали предписание задержать отправку ноты, если только еще не поздно. Доставленная ночью в опустевший Форейн-офис, нота лежала там нераспечатанной. Благодаря этой случайности германский посол успел взять ее обратно. Провал английской авантюры повлек за собой и срыв немецкой провокации.

3 января утром состоялось совещание кайзера с канцлером Гогенлоэ, Маршалем и высшими чинами морского ведомства. Вильгельм II, находившийся в возбужденном состоянии, предлагал объявить германский протекторат над Трансваалем и даже направить туда войска, не останавливаясь перед риском войны с Англией. Его советники отвергли этот план.

Однако было решено все-таки учинить антианглийскую демонстрацию. Сошлись на том, что в то же утро кайзер пошлет телеграмму президенту Крюгеру. Так и сделали.

Вильгельм поздравил президента с тем, что ему и народу Трансвааля удалось, «не прибегая к помощи дружественных держав», собственными силами «восстановить мир», нарушенный «вооруженными бандами», и «отстоять независимость страны» [1]. Телеграмма кайзера была опубликована. В Англии ее восприняли как вызов. Телеграмма означала, что если бы буры не справились сами, то «дружественная держава», т. е.

няя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 86—123; *Lovell R. J.* The struggle for South Africa, 1875—1899. N. Y. 1934.

[1] «Die Grosse Politik», Bd XI, № 2610, S. 31—32.

Германия, пришла бы к ним на помощь, иначе говоря, выступила против Англии.

Последовал один из величайших скандалов в истории дипломатии нового времени.

Последствия южноафриканского кризиса

Английская империалистическая печать во главе с «Таймс» приветствовала «налет Джемсона»; столь же живо выражала она огорчение по поводу его неудачи. Когда стала известна телеграмма Вильгельма Крюгеру, в Англии поднялась настоящая буря. Кампанию открыла «Таймс» 4 января. Немедленно же в протест включилась большая часть английской прессы. «Морнинг пост» угрожающе писала, что Англия никогда не забудет нанесенного ей оскорбления и угроз германского кайзера. «Сатердей ревью» обозвала Вильгельма «деспотом, похожим на фронтового фельдфебеля». В Лондоне толпа била стекла в немецких магазинах. Годами накопившаяся ненависть к главному торговому конкуренту выливалась наружу. Англо-германский антагонизм вскрылся во всей остроте. После телеграммы Вильгельма Крюгеру резко усилилась агитация против германской торговой конкуренции.

Обострив отношения с Англией, германское правительство очень скоро убедилось в том, что проект континентальной лиги потерпел полную неудачу. Правда, сначала французская печать столь же резко, как и германская, нападала на джемсоновский рейд. Однако 6 января в «Тан» появилась весьма многозначительная статья, в которой отвергались «противоестественные союзы». Скоро выяснилось, что Германии не приходится рассчитывать на сотрудничество Франции. Царское правительство также не склонно было оказывать немцам поддержку в южноафриканском вопросе.

В 1896 г. между Германией и Англией возник новый колониальный конфликт — в Занзибаре. Не прекращались горячие споры из-за границ колонии Того.

Обострение англо-германского антагонизма ослабило Тройственный союз. И Австро-Венгрия и Италия дорожили своими отношениями с Англией: первая — в целях борьбы против России на Ближнем Востоке, вторая — против Франции и вследствие своей зависимости от морской мощи Англии. Конфликт с Англией поставил бы под угрозу все итальянское побережье и внешнюю торговлю Италии, шедшую преимущественно морскими путями. После того как глава Тройственного союза поссорился с Англией, становилось ясным, что участие в этом союзе может вовлечь и Италию в опасную для нее борьбу против «владычицы морей».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА

Японская экспансия и обострение дальневосточного вопроса

В те самые годы, когда происходило обострение англо-германского антагонизма, на Дальнем Востоке также развертывались события большого значения. После попытки Японии совершить переворот в Корее и превратить ее в колонию (1884 г.) и китайско-французской войны (1884—1885 гг.) там установилось сравнительное спокойствие. Теперь пришел конец миру в этом районе. Наиболее глубокой причиной этого был быстрый рост японского капитализма, происходивший в специфических условиях страны, где феодальные и милитаристские элементы обладали огромным влиянием.

Господствующие классы Японии не примирились с китайским влиянием в Корее, усилившимся после событий 1884 г. Правительство микадо продолжало вынашивать планы захвата этой страны.

К 1894 г. в Корее обосновалось до 20 тыс. японцев, главным образом торговцев. Японский капитал при поддержке правительства делал судорожные усилия, чтобы удержать свои позиции на корейском рынке. Но это не удавалось: доля Японии в корейском импорте во второй половине 80-х годов значительно снизилась, в то время как доля Китая возросла [1]. Японское правительство засылало в Корею свою агентуру под видом торговцев, ремесленников и под другими личинами. В самой Японии поддерживали корейскую эмиграцию во главе с представителями феодального рода Кимов.

Весной 1894 г. лидер этой группы Ким Ок Кюн, сторонник буржуазных реформ, был заманен агентурой Минов в Шанхай и убит. Власти иностранного сеттльмента выдали его труп корейскому правительству, которое решило совершить над ним обряд смертной казни, публично четвертовав мертвое тело.

---

[1] См. *Ли Чен Вон.* Очерки новой истории Кореи, стр. 74.

Японское правительство задумало использовать этот случай для демонстрации сочувствия корейской оппозиции, а также собственной «цивилизованности», не способной якобы мириться со столь варварскими обычаями. Оно заявило через своего посланника в Сеуле протест против «казни» покойника. Протест был отклонён [1]. Инцидент вошел в летописи дипломатии в качестве редкостного примера политического конфликта из-за судеб трупа. В Японии этот «конфликт» послужил отправным пунктом для разнузданной шовинистической пропаганды против корейского правительства и за захват Кореи Японией.

Заинтересованность крупного капитала во внешней экономической экспансии Японии усиливалась из-за узости внутреннего рынка, обусловленной сохранением множества феодальных порядков в деревне. Захватнические вожделения крупной буржуазии, как и стремления феодальных кругов увековечить архаические порядки в политическом и аграрном строе страны, толкали к агрессивному курсу во внешней политике. Недостаточность внутреннего рынка, тормозившая развитие капитализма, с точки зрения буржуазии должна была быть компенсирована расширением внешних рынков. Самурайство в свою очередь рассчитывало поправить за счет войны и экспансии свое пошатнувшееся положение. Агрессивная внешняя политика Японии стимулировала рост милитаризма и увеличение вооруженных сил. Это обеспечивало самурайству заработок и офицерские должности.

Экономическое развитие страны, рост в ней буржуазных элементов, разорение самурайства — все это усиливало борьбу буржуазной и дворянской оппозиции против господства аристократических клановых клик Тесю и Сацума, установившегося после незавершенной буржуазной революции 1868 г. В начале 80-х годов оппозиция оформилась в политические партии — Дзиюто и Кайсинто. В 1889 г. в Японии была введена конституция. Хотя политический строй сохранил полуабсолютистский характер, оппозиция все же значительно усилила свое влияние. Она яростно нападала на правительство.

В обстановке острых внутренних конфликтов начала 90-х годов и нараставших агрессивных тенденций господствующих классов правительство рассчитывало упрочить свое положение внутри страны в результате успешной войны. Об этом прямо говорил, например, японский посланник в Вашингтоне. «Наше внутреннее положение, — указывал он, — является критическим, а война против Китая улучшит его, возбудив патриоти-

[1] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.). М., 1956, стр. 54—57.

ческие чувства народа и более тесно привязав его к правительству» [1]. Японская военщина и правительство давно вели приготовления к войне, и в начале 90-х годов генеральный штаб считал, что они закончены. Правительство лишь выжидало подходящий момент для начала войны ради захвата Кореи и Тайваня, а если повезет, то и других земель.

Дипломатическая борьба на Дальнем Востоке развертывалась в условиях разложения феодальных порядков в азиатских странах. Кризис феодальных отношений и вторжение иностранного капитала приводили к обострению классовой борьбы. Не миновала этого и Корея — в ту пору одна из наиболее отсталых стран Дальнего Востока. В 1893 г. в Корее вспыхнуло большое крестьянское восстание, руководимое сектой тонхаков. Крестьянская война была направлена против реакционного феодального режима и бессовестной эксплуатации страны иностранным капиталом. Тонхаки ополчались против «западных варваров» и против «лилипутов», как они именовали японцев.

Корейское правительство, возглавлявшееся феодальной кликой Минов, родичей королевы, было до крайности напугано народным восстанием. Цинская монархия усматривала в тревоге сеульского правительства повод для дальнейшего укрепления своего влияния в Корее. Главный резидент цинского правительства в Сеуле Юань Ши-кай настойчиво советовал корейскому двору призвать для усмирения повстанцев войска сюзеренной державы.

Реакционное правительство Кореи было готово на этот шаг, лишь бы подавить возмущение собственных подданных. 5 июня 1894 г. оно обратилось с официальной просьбой к «сановнику по делам Севера» Ли Хун-чжану, с тем чтобы он «выделил некоторое количество войск и срочно прислал их для усмирения мятежников» [2].

Китайская дипломатия этого времени функционировала в высшей степени своеобразно. В Пекине находилась резиденция императора и помещался Цзунлиямынь — коллегиальный орган, состоявший из цинских чиновников, ведавший иностранными делами. А в Тяньцзине сидел «сановник по делам Севера», он же наместник столичной провинции Чжили. Именно через него фактически велась значительная часть сношений с иностранными государствами. Наместники ряда других провинций, особенно тех, где имелись порты, открытые для иностранной торговли, также сносились с иностранными представите-

---

[1] См. *W. L. Langer.* The Diplomacy of Imperialism, p. 173.

[2] *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 112.

лями. Наличие нескольких центров дипломатической деятельности отражало полуфеодальный характер страны.

Получив сообщение с просьбой корейского правительства прислать китайские войска, Ли Хун-чжан доложил об этом Цзунлиямыню и одновременно приказал ускорить военную подготовку. Уже 9 июня 1894 г. в корейских портах поблизости от центра восстания начали высаживаться китайские войска. Еще 6 июня китайский посланник в Токио информировал японское правительство о посылке войск в Корею в соответствии с постановлением Тяньцзиньского договора 1885 г. В это время корабль с первым эшелоном японских войск уже был на пути в Корею [1].

В Японии в этот момент у власти стоял второй кабинет графа Ито Хиробуми. Он находился в весьма затруднительном положении. Оппозиция разоблачала многочисленные злоупотребления, совершенные правящими кругами. Весть о предстоящей высадке китайцев в Корее явилась для правительства желанным поводом к тому, чтобы втянуть страну во внешние конфликты. Они отвлекли бы внимание общественности от внутренних вопросов. Внешняя экспансия «укрепила классовый союз помещиков и буржуазии, еще теснее связав их с монархией» [2].

Немедленно, 7 июня, японский посланник в Пекине уведомил Цзунлиямынь, что Япония со своей стороны также пошлет в Корею войска. В качестве предлога японская дипломатия для начала сослалась на необходимость обеспечить защиту своих подданных и охрану миссии от угрозы со стороны повстанцев — предлог, можно сказать, классический в практике обоснования агрессии дипломатией буржуазных государств.

9 июня, т. е. одновременно с прибытием китайских частей, с японских кораблей в Инчоне был высажен десант морской пехоты. На следующий день он вступил в Сеул. На подходе у японцев имелась еще целая армейская бригада. Столица Кореи оказалась в руках японской военщины. Это дало Японии значительное преимущество в развязанной ею борьбе за Корею. Вместе с тем, заняв Сеул, японские вооруженные силы оказались на пути от корейско-китайской границы к району высадки китайских войск, находившемуся к югу от Сеула.

Китайское и корейское правительства были озадачены. Они протестовали против японской агрессии, настойчиво требуя незамедлительно приостановить высадку японских войск.

Дипломатия Японии действовала с величайшей бесцеремонностью. На протест китайского правительства японцы дали

---

[1] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 130, 132—134.

[2] *Е. М. Жуков.* Капиталистическое развитие Японии. «Всемирная история», т. VII, гл. XV, стр. 252.

ответ, подобных которому не много встречается даже в летописях буржуазной дипломатии. «Если бы не было оснований для отправки войск в какой-либо район, — заявил японский посланник, — зачем бы мы стали это делать?» [1]

При всей обнаженности японской агрессии дипломатия Токио не пренебрегала кое-какой маскировкой истинных целей своего правительства. Это было признано необходимым, имея в виду общественное мнение Европы и Америки. На деле японское правительство стремилось закабалить Корею, лишить ее всякой независимости. Но эту цель оно прикрывало фразами о защите Кореи от покушений со стороны Китая. Япония, видите ли, не может признать сюзеренитета Китайской империи над Кореей. Так говорили японцы.

Этим приемом не исчерпывались попытки прикрытия грубой агрессии либеральными лозунгами. Через несколько дней было выдвинуто другое объяснение присутствия японских вооруженных сил: они должны, оказывается, обеспечить проведение в Корее широких реформ.

14 июня Ито созвал внеочередное заседание правительства. Было постановлено предложить Китаю совместно подавить восстание тонхаков, а после этого создать смешанную японо-китайскую комиссию для проведения «реформ»: «чистки» корейского правительства, водворения порядка в стране, проверки состояния финансов и сокращения расходов. Реализация этого проекта означала бы совместную с Китаем опеку над Кореей. Японское правительство рассчитывало, что Китай не согласится с этим предложением. Тогда оно сепаратно принудит правительство Кореи провести намеченные реформы! Император утвердил эту программу действий своей дипломатии. Для Китая она была заведомо неприемлема. Японское правительство сознательно держало курс на развязывание войны.

16 июня министр иностранных дел Муцу вызвал китайского посланника. Он изложил ему предложение о совместном подавлении восстания и создании смешанной комиссии. «Если обстановка того потребует, — запугивал собеседника японский министр, — наше правительство может выступить самостоятельно... Мы обращаемся к вам отнюдь не за разрешением...» [2]

Посланник выразил крайнее недовольство японским проектом. Со своей стороны он предложил вывести из Кореи войска обоих государств. Спор продолжался в течение пяти часов, и беседа затянулась за полночь.

---

[1] *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 137.

[2] См. там же, стр. 158.

Китайское правительство категорически отвергло японские предложения. Оно объявило, что «усмирение мятежников» в Корее уже закончено — восстание в середине июня действительно пошло на убыль. Реформы корейское правительство, по мнению Китая, должно проводить самостоятельно. Япония не имеет никакого права вмешиваться во внутренние дела Кореи: даже Китай — сюзерен Кореи — не делает этого. После подавления восстания как японские, так и китайские войска должны быть выведены из Кореи — этого требует Тяньцзиньский договор. Китайское правительство понимало, что проведение «реформ» послужит для Японии лазейкой, через которую она проберется к руководству всей корейской политикой, чтобы сделаться фактической хозяйкой страны.

Японское правительство настаивало на своих предложениях. Без проведения реформ, заявило оно, Япония «не сможет эвакуировать свои войска».

Всю фальшь либеральной фразеологии японской дипломатии насчет проведения реформ полностью разоблачает беспримерная по своему цинизму директива японского правительства посланнику в Корее, отправленная 15 июня 1894 г., когда восстание уже кончалось. «Как на причину оставления японских войск в Корее, — гласил этот документ, — вам следует совершенно открыто и официально сослаться на необходимость командирования инспекционной группы чиновников дипломатической миссии или консульства для обследования положения в районах, которые были охвачены мятежом. Обследование нужно всячески затягивать. Проинструктируйте эту группу в том духе, чтобы она намеренно включала в свои донесения сведения, которые были бы противоположны истинному положению вещей и говорили об отсутствии мира в этих районах» [1].

14 июля японский поверенный в делах в Пекине Комура по поручению Токио ультимативно заявил китайскому правительству, что, поскольку оно не проявляет склонности пойти навстречу Японии, его правительство «снимает с себя всякую ответственность за могущие произойти чрезвычайные события». Замысел японского правительства был совершенно ясен: «Я решил воспользоваться случаем, — откровенно сообщает Муцу в своих мемуарах, — и попытаться урегулировать ухудшившиеся взаимоотношения между Китаем и Японией, а если это не удастся, ускорить неизбежный разрыв» [2]. Не менее цинично высказывался другой японский дипломат, тоже игравший веду-

---

[1] Эту директиву, как и цитированные выше документы, приводит в своей книге «Дипломатическая история японо-китайской войны» японский исследователь Табохаси Киёси (стр. 167).

[2] См. там же, стр. 173.

щую роль в развязывании войны против Китая. «Вызвать столкновение между японскими и китайскими войсками нелегко, — доносил начальству посланник в Сеуле Отори. — Поэтому я, — продолжал он, — потребовал аудиенции у короля Кореи, чтобы прежде всего поставить перед ним вопрос о реформах внутреннего управления. Я полагаю, что вряд ли можно найти лучший повод для конфликта между Японией и Китаем» [1].

Корейское правительство после некоторых проволочек ответило японцам, что условием проведения реформ является предварительный вывод японских войск.

13 июля Муцу направил Отори следующую директиву, не менее откровенную, чем только что цитированные документы. «Наша ближайшая задача в настоящий момент заключается в том, — говорилось в ней, — чтобы ускорить столкновение между Японией и Китаем. Для её осуществления хороши любые средства. Всю ответственность за этот шаг принимаю на себя. Пусть вас, господин посланник, это не беспокоит» [2].

В правящих кругах Китая имелись разногласия по поводу того политического курса, которому надлежит следовать. Император Гуансюй и его окружение, включая лидера «южной группировки» цинских сановников — главу налогового приказа Вэн Тун-хэ, толковали о войне с Японией. В противоположность им Ли Хун-чжан, лидер «северной клики», считал, что Китай к войне не подготовлен. С ним был согласен глава Цзунлиямыня маньчжурский принц Цин и другие влиятельные лица, ориентировавшиеся на вдовствующую императрицу Цыси. Все надежды они возлагали на помощь со стороны иностранных держав. Политическая линия, фактически проводившаяся китайским правительством, рождалась в результате столкновения мнений этих двух группировок [3].

Политика Англии и России на Дальнем Востоке в начале 90-х годов XIX в.

Расчеты Ли Хун-чжана на вмешательство европейских держав не были совсем беспочвенными. Огромное влияние, которым пользовалась Англия в Китае и в Корее, и значительные экономические интересы, которыми располагал английский капитал на Дальнем Востоке, естественно, вызывали у английской буржуазии серьезную заинтересованность в том, чтобы не допу-

---

[1] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 175.

[2] Там же, стр. 192—193.

[3] Там же, стр. 274—279, 294—295; *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 617.

скать в этих странах усиления какого бы то ни было конкурента. Англия претендовала на преобладающее влияние на всем Дальнем Востоке — и в Китае, и в Корее, и в самой Японии. Идеалом английской политики на Дальнем Востоке был японо-китайский союз под гегемонией Великобритании. Такой союз обеспечил бы британские экономические интересы в этих странах и позволил бы создать серьезную угрозу России на Дальнем Востоке на случай любых англо-русских осложнений — будь то даже на Ближнем Востоке или в Средней Азии. Японо-китайский конфликт срывал все планы такого рода.

Не могла не оказывать на Англию влияния и японская торговая конкуренция. В конце 80-х и в 90-х годах она уже довольно чувствительно задевала английских капиталистов. Особенно сильное раздражение вызывала эта конкуренция у текстильных фабрикантов Ланкашира, в купечестве Гонконга, шанхайского сеттльмента и других центров британского капитала в Восточной и Юго-Восточной Азии. Выразителем интересов английской буржуазии, заинтересованной в делах Дальнего Востока, являлась основанная в 1889 г. в Лондоне «Китайская ассоциация», которая быстро приобрела существенное политическое влияние.

Сильными позициями располагала Англия и в Корее. В 1885 г. корейское правительство назначило англичанина на пост главного уполномоченного по таможням. В импорте в Корею английские товары занимали первое место. Следовало ожидать, что захват Кореи Японией положит конец влиянию Англии в этой стране.

Англо-японские противоречия не исчерпывались сказанным. Английские капиталисты, имевшие дела в Японии, были весьма заинтересованы в сохранении тех привилегий, которые предоставлялись там иностранцам на основе неравноправных договоров. Между тем одна из основных внешнеполитических задач японского правительства заключалась в том, чтобы освободиться от этих остатков полуколониального положения страны. Этого требовали как интересы японской буржуазии, так и национальные чувства народа. Протест против неравноправных договоров поднял волну национализма. Она грозила смести любое правительство, которое не проявило бы максимальной энергии для устранения этих унизительных обязательств. США, Россия и другие державы уже дали японскому правительству согласие на их пересмотр — с оговоркой si omnes, т. е. при наличии согласия всех других участников этих договоров.

Только Англия тянула: она больше всех была заинтересована в японской торговле. На долю Великобритании приходилась почти половина всего импорта в Японию. В 1888 г. на

Англию приходилось 5100 тыс. ф. ст. из 11 200 тыс. Английские фирмы в открытых портах Японии и связанная с ними печать развернули кампанию против отказа от преимуществ, предоставляемых неравноправными договорами [1].

Переговоры с Англией о пересмотре этих договоров японское правительство начало еще в конце 80-х годов. В 1890 г. кабинет Солсбери наконец согласился на пересмотр, но при условии, что Япония в законодательном порядке предоставит иностранцам право владения земельной собственностью на всей территории страны. Такой закон содействовал бы инвестиции в Японии английского капитала, экспорт которого приобретал для Великобритании все большее и большее значение.

В Японии это домогательство вызывало чрезвычайное раздражение. Дальнейшее упорство английского правительства в своем требовании вызвало бы крайнюю ненависть и могло серьезно осложнить англо-японские отношения [2].

Таково было состояние японо-английских отношений, когда в середине июня 1894 г. Ли Хун-чжан обратился к посланнику О'Конору с просьбой о посредничестве в конфликте между Китаем и Японией. Несколькими днями позже через консула в Тяньцзине Ли Хун-чжан попросил английское правительство направить свою Дальневосточную эскадру в японские воды в целях военно-морской демонстрации против Японии. В этом случае, говорил сановник по делам Севера, Япония непременно испугается и выведет свои войска из Кореи [3].

На обращение Ли английское правительство ответило, что оно готово предпринять попытку побудить Японию вывести войска из Кореи, но при условии, если Китай согласится на проведение там реформ. Вскоре с английской стороны было добавлено выдвинутое уже японцами предложение о совместном гарантировании Японией и Китаем целостности Кореи и об уравнении японцев в правах с китайцами в Корее в области торговли.

После обычных проволочек и колебаний китайское правительство ответило, что предварительно из Кореи должны быть выведены войска обеих сторон. Это — предпосылка дальнейших переговоров. Японское правительство наотрез отказалось принять такое условие.

Реализация английского предложения означала бы установление совместной опеки Китая и Японии над Кореей. При таком исходе Англия рассчитывала противопоставить и Китай, и

---

[1] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 427—430.

[2] См. там же, стр. 432—433.

[3] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 234.

Японию России и сохранить свои собственные позиции в Корее. Статс-секретарь Форейн-офис лорд Кимберли советовал Китаю «быть поуступчивее», дабы избежать войны с Японией [1]. Английское предложение было направлено на достижение китайско-японского компромисса, но на основе односторонних уступок Китая и его фактического, хотя, может быть, и не юридического, отказа от сюзеренитета над Кореей. Не удивительно, что позиция Англии вызвала большое недовольство в Китае.

Тут Ли Хун-чжан обратился с просьбой о посредничестве к русскому посланнику Кассини. Он надеялся противопоставить, таким образом, Англии Россию и побудить тем самым англичан занять позицию, более благоприятную для Китая.

Английское правительство в свою очередь попыталось организовать коллективное посредничество великих держав, что отрезало бы пути для самостоятельных действий России. Из этой попытки у английской дипломатии ничего не вышло: Англия столкнулась с нежеланием США, Германии и Франции предпринимать какие-либо активные шаги.

Впрочем, беспокойство лондонских правящих кругов оказалось преждевременным. Царское правительство после некоторых колебаний отказалось от активного посредничества. Оно слишком опасалось вовлечения в войну на столь отдаленном театре военных действий, где располагало незначительными силами. Свое вмешательство царское правительство ограничило малым: оно предложило в Токио свое посредничество, а когда японское правительство вежливо, но твердо его отклонило, русский посланник 30 июня 1894 г. посетил Муцу и порекомендовал ему вывести войска из Кореи. Он вручил ноту, которая содержала предостережение: в случае возникновения осложнений, всю ответственность за них будет нести Япония [2].

Но еще за несколько дней до этого Муцу спросил посланника, намерена ли Россия вмешаться в конфликт иными средствами, кроме дипломатических. Посланник ответил, что его инструкции содержат только предписание вручить ноту. Муцу заключил, что вооруженного выступления России не последует [3].

Международная обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке летом 1894 г., благоприятствовала японским милитаристам: ни Россия, ни Англия, не говоря уже о других державах, не намеревались оказывать Японии серьезное сопротивление.

---

[1] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 595.

[2] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 221.

[3] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 608—609.

Японское господство в Корее нанесло бы известный ущерб Англии. Она не хотела японо-китайской войны. Но еще меньше желала она портить отношения с Японией. В самый разгар японо-китайского конфликта кабинет Розбери снял свои требования о предоставлении иностранцам права на владение земельной собственностью. В результате этой уступки 16 июля 1894 г. был наконец подписан англо-японский торговый договор, содержавший отказ Англии от экстерриториальности и ряда других односторонних преимуществ. Розбери писал, что он стремился «иметь Японию на своей стороне» [1]. Подписание договора в разгар японо-китайского конфликта явилось манифестацией в пользу Японии.

Это, конечно, поощряло японские правящие круги на продолжение агрессии. Необходимо учесть, что далеко не вся английская буржуазия была настроена отрицательно по отношению к Японии. Хозяева металлургии и машиностроения выигрывали от индустриализации Японии, расширяя сбыт оборудования для ее фабрик, заводов, железных дорог. «Европейские купцы, — писал лорд Керзон, — приведены в замешательство этим развитием Японии. Однако можно указать, что любая убыль иностранного импорта... может быть с избытком возмещена растущей покупательной силой Японии в отношении иностранных изделий, как, например, машин, которые она не может производить сама» [2]. В английских политических сферах Керзон был не одинок со своими симпатиями к Японии. Они были довольно распространенными, особенно в консервативной партии. Прояпонскую позицию занимала газета «Таймс». Ее придерживались англо-индийские круги. Их особенно привлекала идея возможного использования Японии против России.

Но царская Россия тоже не собиралась выступать против Японии, хотя ей отнюдь не улыбалось установление японского господства в Корее, соседней с ней стране. Позиции России на Дальнем Востоке в военном отношении были крайне уязвимыми. Из-за отсутствия железных дорог дальневосточные владения были оторваны от жизненных центров страны. Поэтому царское правительство в 1894 г. соблюдало большую осторожность в японо-китайском конфликте. Оно боялось осложнить отношения со спорящими сторонами. К тому же силы Японии обычно недооценивались в Петербурге. В 1894 г. в русских правящих сферах не было ясности, чего же, собственно говоря, следует опасаться — захвата Кореи Японией или же Китаем. Царское правительство предпочитало status quo — слабую, отсталую Корею, не допуская в ней господства какой-либо силь-

[1] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 604.

[2] См. там же, стр. 428.

ной державы. Но, как и Англия, царская Россия не пошла дальше словесных заявлений в Токио насчет ответственности за войну. Такими жестами предотвратить японскую агрессию было немыслимо. Для этого нужны были более действенные средства. Никто, однако, их тогда не применил.

В последний момент, 24 июля 1894 г., английское правительство предложило другим великим державам потребовать одновременного отвода японских и китайских войск на равное расстояние от корейской столицы, с тем чтобы их разделяла нейтральная зона. Все державы, кроме США, выразили готовность поддержать этот проект. Китай согласился с ним. Но японское правительство, вместо того чтобы ответить, начало военные действия против Китая. Оно было уверено, что никакая третья держава не выступит против Японии. Оно не обманулось в своих расчетах. Британское правительство только выговорило у Японии исключение Шанхая из сферы военных действий. Английская эскадра бдительно наблюдала за соблюдением этого условия, важного для британской торговли.

Японо-китайская война

19 июля 1894 г. японскому посланнику в Сеуле была направлена телеграмма, уполномочивавшая его вызвать разрыв с Кореей и Китаем в любой момент по его усмотрению. На следующий же день, 20 июля, посланник вручил ультиматум корейскому правительству. От него требовалось немедленно удалить из Кореи китайские войска. Ответ надлежало дать не позднее 22 июля. Нота содержала угрозу, правда, выраженную языком нарочито туманным: «...если ответ не будет получен в указанное время, я буду вынужден, — писал посланник, — принять решение самостоятельно» [1].

Корейская Палата по иностранным делам долго и тщательно составляла ответ. Она несколько раз согласовывала текст с заместителем генерального резидента китайского правительства. Сам Юань Ши-кай тайно покинул Сеул, переодевшись в чужое платье. «После того как бунтовщики на юге были приведены в покорность, мы неоднократно просили цинское правительство вывести войска, — говорилось в корейском ответе. Однако последнее еще не вывело войск; точно так же войска вашей страны продолжают оставаться в Корее. В настоящее время мы вновь потребовали от заместителя генерального резидента... передать китайскому правительству просьбу о срочной эвакуации из Кореи своих войск...» [2] Таким образом, корейское правительство удовлетворило требование Японии.

---

[1] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 197.

[2] См. там же, стр. 200.

Но для Японии война была делом решенным, и притом война немедленная. И Отори, основываясь на полученной им директиве, не дожидаясь ответа корейцев, принял решение приступить к военным действиям в 12 часов ночи 22 июля 1894 г., «независимо от того, будет ли получен ответ или нет». Так излагает события японский исследователь дипломатической истории японо-китайской войны [1].

Рано утром 23 июля японский пехотный полк подошел к королевскому дворцу в Сеуле и разогнал охрану. Затем солдаты захватили дворец. Король и королева фактически оказались под арестом, правительство было отстранено. Многие представители клики Минов бежали из Сеула. Корейский гарнизон города был разоружен.

Оккупанты решили поставить у власти вместо свергнутой клики Минов новое правительство из своих людей во главе с заядлым реакционером — отцом короля, бывшим регентом, по-корейски тевонгуном, известным, кстати сказать, как убежденный противник каких бы то ни было реформ.

Первая цель японской агрессии была достигнута. Япония стала хозяйкой Кореи. Ради этого японская дипломатия использовала ввод войск, вмешательство во внутренние дела вплоть до насильственного свержения правительства и создания марионеточного режима. Этот режим держался на сделке между реакционными феодальными кликами Кореи и японскими захватчиками. Направлена сделка была против корейского народа. Подавление крестьянского движения и колониальная эксплуатация страны японским капиталом составляли действительные цели этого антинародного сговора.

Правительство тевонгуна тотчас же порвало вассальные отношения к Цинской империи. В августе 1894 г. оно заключило с Японией соглашение, по которому Корея обязалась провести в жизнь реформы, «следуя рекомендациям японского правительства». Это означало переход руководства политикой Кореи к японцам. По этому же соглашению Японии предоставлялось право построить две железные дороги, связывающие Сеул с Пусаном и Инчоном. Ей были сделаны также и другие уступки.

25 июля утром начался второй акт дальневосточной драмы: японский флот открыл огонь по китайским кораблям. Был потоплен транспорт с китайскими войсками, зафрахтованный у английской компании и шедший под британским флагом.

Так была развязана японо-китайская война. Началась она без предварительного официального объявления — случай в ту

---

[1] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 201.

эпоху почти беспрецедентный, давно не встречавшийся в международной практике цивилизованных государств. Объявление войны последовало только 1 августа, когда военные действия были уже в полном разгаре.

Таким образом, японская дипломатия ввела в международную практику нового времени обычай начинать войну без предварительного объявления. Это было противозаконным даже с точки зрения сложившегося к тому времени буржуазного международного права, отражавшего практику прошлых лет. Однако такой метод развязывания войны внезапным ударом, без предуведомления противной стороны, полностью отвечал духу надвигавшейся империалистической эпохи — духу насилия, грабежа и разбоя. Война служила экспансии японского капитала. Япония «стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене», — писал Ленин [1].

Инициатива в военных действиях сразу же была захвачена японцами. Они сначала уничтожили группировку цинских войск, сосредоточенную еще в июне к югу от Сеула для подавления восстания тонхаков. Затем 15—16 сентября 1-я японская армия нанесла поражение крупным силам цинской Северной армии в районе Пхеньяна. В октябре 1894 г. наступавшие японские войска вышли на реку Ялу, форсировали ее и вторглись в восточную часть Мукденской (Фынтяньской) провинции. Еще 17 сентября 1894 г. японский военно-морской флот нанес в Корейском заливе тягчайшее поражение Северному флоту цинской монархии. Обеспечив себе господство в Желтом море, японская императорская ставка, не теряя сил на фронтальное наступление против китайских войск к западу от Ялу, предприняла стратегический бросок в обход их, начав 24 октября высадку частей 2-й армии на Ляодунском полуострове. Через месяц японцы захватили здесь главную базу Северного флота — Порт-Артур (Люйшунь). Затем 13 декабря они заняли Хайчен, откуда открывалась возможность нанесения дальнейшего удара либо на Ляоян на север, либо же на Цзиньчжоу и далее на Шаньхайгуань — на основном пекинском направлении. Однако японская ставка ограничилась в Южной Маньчжурии удержанием занятых позиций и перебросила части 2-й армии в Шандун к Вэйхайвэю.

Здесь агрессор наткнулся на весьма упорное сопротивление. Особенно ожесточенным оно было на острове Люгундао, составлявшем центральный узел морской обороны Вэйхайвэйской крепости. Бои за Вэйхайвэй продолжались с 20-х чисел января 1895 г. до середины февраля, когда японцы овладели им.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 5, стр. 83.

Таким образом, в ходе войны Китай лишился военно-морского флота. Северная армия, считавшаяся относительно лучшей частью сухопутных сил цинской монархии, была разбита наголову. Обе военные базы, господствующие над морскими подступами к столичной провинции Чжили, находились в руках противника — «два ключа к нашим морским воротам», как называла Порт-Артур и Вэйхайвэй в своем обращении к богдыхану Ханьлиньская академия[1]. Поражение Китая и победа Японии в конечном счете были вызваны экономико-техническим и военным превосходством Японии, быстро шедшей по пути капиталистического развития. Феодальной и полуколониальной цинской монархии стало не под силу тягаться с восточным соседом.

«Сановник по делам Севера» потерпел полное фиаско в своих упованиях на помощь европейских держав, а император — еще более жестокий провал в надеждах на силы цинской армии и флота. Гнилая цинская монархия привела страну к тяжелому поражению.

Вопрос о мирных переговорах и Симоносекский мирный договор

Все державы, имевшие интересы на Дальнем Востоке, были в той или иной мере озабочены разразившимися там событиями.

Более всего тревожились в Петербурге. 21 августа 1894 г. там было созвано особое совещание для обсуждения политики, которой следует придерживаться в связи с японо-китайской войной. Гирс доложил, что, по его мнению, Ли Хун-чжан, настаивая на вмешательстве России, стремился втянуть ее в конфликт с Японией. Совещание признало активное вмешательство не отвечающим интересам России. Оно рекомендовало действовать совместно с другими державами, стремясь к скорейшему окончанию войны и к сохранению status quo в Корее. Последнее рассматривалось как основная задача русского правительства на Дальнем Востоке[2].

В октябре 1894 г. английское правительство выступило с предложением о посредничестве в заключении мира. Причиной этого демарша явилось беспокойство по поводу возможного перенесения военных действий в районы Тяньцзиня, Гонконга и даже Шанхая, вопреки принятому Японией обязательству относительно последнего. Вовлечение этих важнейших центров британского капитала в сферу военных операций нанесло бы немалый ущерб экономическим интересам Англии. В основу мирного договора английское правительство предлагало поло-

[1] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 382.

[2] «Красный архив», 1932, № 3(52), стр. 62—67. Журнал особого совещания 21(9) августа 1894 г.

жить международную гарантию независимости Кореи и возмещение Китаем стоимости военных расходов Японии.

Китайское правительство отвергло эти условия. Ему нелегко было согласиться на отказ от сюзеренитета над Кореей, не могло оно и обременить бюджет. Еще труднее было признать себя побежденным. Оно считало, что английские условия односторонне благоприятствуют Японии. В Пекине еще надеялись на поворот военного счастья.

Не согласилось на английские условия и правительство Японии. Оно рассчитывало, что продолжение войны принесет ему новые успехи и выгоды. И оно не ошиблось в расчете. Английское посредничество провалилось.

В начале ноября инициативу проявило правительство США. До сих пор оно уклонялось от какого бы то ни было участия в коллективных шагах, предлагавшихся английским правительством. В усилении Японии оно видело средство несколько ослабить положение тех держав, которых оно считало своими главными соперниками на Дальнем Востоке — России и Англии. Теперь правительство США сочло полезным выступить. Одним из побудительных мотивов явились распространившиеся опасения, что в Китае в случае новых поражений произойдет народное восстание, возникнет революционный кризис, который может смести все сеттльменты и все привилегии иностранного капитала. Не выдвигая каких-либо конкретных условий будущего мира, правительство США предложило свои услуги для завязки мирных переговоров и получило согласие обоих воюющих государств.

После падения Порт-Артура настроение в Пекине совсем упало. Цинское правительство решило просить мира и было готово на большие уступки. Его победоносный противник, особенно императорская ставка, не торопился кончать войну. Однако японцы считали неполитичным откровенно уклоняться от мирных переговоров. Они сначала затягивали ответ, но затем дали все же свое согласие на прибытие в Японию китайских представителей для переговоров о мире.

Встреча с представителями Китая состоялась 1 февраля 1895 г. в Хиросиме, где находилась японская ставка. При первой же беседе раскрылись истинные замыслы японского правительства. Ито сразу придрался к редакции полномочий китайских представителей и к их, по его мнению, недостаточно высокому рангу. Эту придирку японцы сделали предлогом для срыва переговоров. Китайским представителям в грубой форме предложили отправиться домой. Во время пребывания в Японии им даже не предоставили права телеграфной шифропереписки со своим правительством. Китайским делегатам

пришлось прибегнуть к помощи одного из иностранных консульств, чтобы установить телеграфную связь с Пекином.

После провала первой попытки переговоров китайское правительство назначило своим представителем Ли Хун-чжана. На желательность его назначения намекала японская сторона. Очевидно, правительство Японии рассчитывало на сговорчивость этого сановника, близкого к компрадорской буржуазии и зарекомендовавшего себя целой серией сделок, в которых он предавал иностранцам национальные интересы своей родины.

К этому времени Вэйхайвэй был уже взят. Настроение в японских правящих кругах изменилось. Ито стоял теперь за прекращение войны, так как боялся китайского народа. Премьер полагал, что, если японские войска овладеют Пекином, «власть правящей маньчжурской династии будет поколеблена, во всех концах страны начнутся народные восстания». Он боялся также, что в этом случае может последовать интервенция великих держав. «Вопреки нашим стараниям всеми средствами воспрепятствовать вмешательству третьих держав, — писал японский премьер, — это вызовет их энергичное совместное выступление в целях защиты интересов коммерсантов. Словом, мы сами подтолкнем их к вмешательству» [1]. Действительно, английский флот крейсировал в Печилийском заливе и мешал нападению японцев на крепость Дагу, прикрывавшую морские подступы к Тяньцзиню. Причиной был опять-таки страх перед революцией и за участь сеттльментов в Тяньцзине и в других городах.

Ито на этот раз взял верх над военными, которые были склонны продолжать войну и предпринять поход на Пекин. Они сдались тем легче, что положение японской армии было не блестящим. Свирепствовала холера, истощились ресурсы.

Итак, страх самих захватчиков и буржуазии других капиталистических стран перед народной революцией в Китае заставил японских милитаристов дать наконец согласие на открытие переговоров о мире. Цинская монархия привела Китай к поражению. Предел дальнейшим успехам Японии положил китайский народ. Грозный призрак тайпинов избавил Китай от новых бед и еще больших унижений.

Японское правительство дало знать в Пекине через посредство американской дипломатии, что бесполезно посылать представителя для мирных переговоров, если ему не будет предоставлено полномочий обсуждать вопросы об отторжении территории и возмещении военных издержек. Цинский двор опять долго колебался. Кончил он тем, что уполномочил

---

[1] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 448.

Ли Хун-чжана вести переговоры о территориальных уступках. Во избежание новых придирок текст его полномочий был заранее согласован с японским правительством через посредство посланника США.

Японскими представителями были назначены Ито и Муцу. В качестве места переговоров победители избрали японский город Симоносеки.

Ли Хун-чжан прибыл туда 18 марта. Его сопровождала свита из 66 человек [1]. Характерно, что японо-китайские переговоры велись не на французском языке, как было в те времена общепринято в международной практике, и не на национальных языках воюющих сторон. Обе стороны пользовались в Симоносеки английским языком, что было тогда новостью в дипломатическом обиходе.

Первая встреча китайских и японских уполномоченных состоялась 20 марта 1895 г. Она открылась заявлением Ли Хун-чжана: цинский дипломат предложил немедленно прекратить военные действия и заключить перемирие. Ито сказал, что ответ он даст на следующий день.

После этого завязалась беседа на общие темы. Она не лишена интереса, ибо характеризует дипломатов цинской монархии. Как сообщает Муцу, Ли Хун-чжан «беспрерывно восхищался заслугами премьер-министра Ито и прогрессом в области реформ», достигнутым Японией. Говоря о положении в странах Востока и Запада, Ли Хун-чжан предостерегал японцев: распри между братьями могут навлечь на них беды со стороны. Ли подчеркнул целесообразность заключения союза между Японией и Китаем. Тем самым он намекал на необходимость скорейшего мира. «Весь этот поток красноречия, — продолжает Муцу, — ...преследовал единственную цель — вызвать к себе наше сочувствие». Муцу называет Ли Хун-чжана «старой лисицей», а его лесть «обычной беседой восточного дипломата за чашкой чаю» [2].

Немедленное прекращение военных действий до начала широких переговоров японская ставка считала невыгодным. Но чтобы не отклонять китайское предложение слишком уж открыто, она прибегла к очередной уловке. На втором заседании, состоявшемся на следующий день, Ито заявил, что Япония согласна заключить перемирие, но при условии оккупации ее войсками Дагу, Тяньцзиня и Шаньхайгуаня. Железная дорога Тяньцзинь — Шаньхайгуань должна была перейти под контроль японских военных властей. Японская тактика

---

[1] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 476.

[2] См. там же, стр. 478.

заключалась в следующем: выдвинуть столь жесткие условия перемирия, чтобы китайская сторона сама отказалась от его заключения и согласилась вести переговоры о мире при непрекращавшихся военных действиях.

Выслушав эти условия, даже капитулянт Ли Хун-чжан возмутился. Он возражал против грабительских требований, выдвинутых японцами. Ему быстро пришлось убедиться в бесплодности прений. Но японскую хитрость он раскусил и от идеи перемирия не отказался, предложив отложить этот вопрос на некоторое время, с тем чтобы сначала его ознакомили с японскими условиями мирного договора.

Ли Хун-чжан достиг только одного: он вынудил Ито сознаться в том, что Япония не хочет прекращения военных действий. Отвечая Ли, Ито заявил, что он покажет ему условия мира не ранее, чем китайская сторона с полной определенностью снимет предложение о заключении перемирия.

Ли Хун-чжан снесся по телеграфу с Пекином и подтвердил неприемлемость японских условий перемирия.

Курс японского правительства на затяжку войны был разоблачен, и это грозило осложнить его положение. Ито, во всяком случае, очень опасался реакции Европы.

На обратном пути из зала заседания в свою резиденцию Ли Хун-чжан стал жертвой покушения: китайскому представителю было нанесено серьезное ранение. Покушение организовали сторонники продолжения войны из рядов военщины. Смерть или ранение Ли должны были содействовать задержке переговоров до того момента, пока японцами не будет захвачен Пекин [1].

Опасения Ито за международное положение Японии в результате покушения возросли еще более. Боялся он и народного восстания в Китае, и вмешательства великих держав в японо-китайские переговоры. Он знал, что в европейских столицах не хотят похода японцев на Пекин из страха перед возмущением народных масс Китая. Поэтому Ито уговаривал руководителей военщины согласиться на безоговорочное прекращение военных действий. Покушение на уполномоченного Китая на японской территории, по мнению премьера, давало удобный предлог для выступления держав против Японии. И он добился своего: военщина вынуждена была согласиться на заключение соглашения о перемирии без условий об оккупации Дагу, Тяньцзиня и вообще каких-либо китайских городов, еще не занятых японцами. Однако острова Тайвань и Пэнхуледао

[1] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 685—686.

(Пескадорские) изымались из сферы перемирия. Японцы сохраняли возможность продолжать операции по овладению этими островами. Соглашение о перемирии было подписано 30 марта 1895 г.

На следующий день японская делегация прислала лежавшему в постели Ли Хун-чжану проект мирного договора. Он предусматривал признание Китаем «полной независимости Кореи» [1]. При наличии там марионеточного правительства, державшегося на японских штыках, «независимость» могла быть только маскировкой фактического господства Японии в этой стране. Наиболее тяжелыми для Китая были требования территориальных уступок. Японский проект предусматривал отторжение Ляодунского полуострова и всей южной части Мукденской провинции, включая город Ляоян. Китай должен был отдать также острова Тайвань и Пэнхуледао. Он облагался контрибуцией в сумме 300 млн. купинских лан (иначе таэлей) под видом возмещения военных расходов. Это составляло по тогдашнему курсу около 600 млн. руб. Далее, японское правительство требовало от Китая заключения торгового договора на тех же основах, что и с западными государствами, т. е. на началах неравноправия. Ряд условий был направлен на расширение доступа иностранному капиталу в Китай. Он обязывался открыть для постоянного проживания японских подданных и для их занятий коммерческой деятельностью еще семь городов, включая Пекин. Японским подданным предоставлялось право навигации по верхнему течению Янцзы, доселе остававшемуся закрытым для иностранцев, и по некоторым другим рекам. Японцы освобождались от уплаты внутренних таможенных пошлин (лицзина) за ввозимые ими товары. Им разрешалось заниматься во всех открытых городах промышленной деятельностью и ввозить необходимые для этого машины. Снятие запрета с импорта машин имело огромное значение для экспорта в Китай иностранных капиталов. Западные державы давно домогались отмены лицзина. Японская дипломатия рассчитывала примирить европейские державы с усилением Японии посредством тех статей договора, которые расширяли возможности для иностранного капитала [2]. Ведь на основе принципа наибольшего благоприятствования преимущества, предоставленные Японии, распространились бы и на другие государства. В условиях происходившего тогда перехода капитализма в империалистическую фазу облегчение экспорта капитала

---

[1] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 506.

[2] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 691.

приобрело для всех капиталистических стран огромное значение.

Итак, Китаю были предъявлены условия поистине грабительские.

В правящей китайско-маньчжурской верхушке шли горячие споры. Главным противником территориальных уступок выступал Вэн Тун-хэ. Ли Хун-чжан долго не получал из Пекина ответа на свой запрос: как отнестись к японским условиям. В ожидании директив, он представил японской стороне пространные возражения по ее проекту.

Ответила японская дипломатия в высшей степени грубо и нагло: если «и на этот раз произойдет срыв переговоров, то стоит только дать приказ, как 60—70 наших транспортных судов немедленно погрузят огромную армию, двинутся в Китай и доставят войска на поле боя. Тогда уже о судьбе Пекина не придется и говорить». Победители в своих угрозах преступали все правовые нормы: «Если переговоры будут прерваны, мы не можем гарантировать, что полномочный представитель Китая, покинув нашу страну, сможет благополучно вернуться в Пекин. Сейчас не такое время, чтобы затягивать переговоры» [1].

Наконец из Пекина пришел ответ. Ли Хун-чжану предлагалось убедить японцев ограничить территориальные приобретения каким-либо одним районом и снизить возмещение до 100 млн. лан.

9 апреля китайская делегация представила встречный проект мирного договора. Обязательство признавать независимость Кореи должно было быть обоюдным — его должна была предоставить также и Япония. Территориальные уступки ограничивались Ляодунским полуостровом и островами Пэнхуледао, а контрибуция — 100 млн. лан. Ли умышленно сосредоточил свои усилия на сохранении за Китаем Тайваня. Он рассчитывал, что против аннексии Порт-Артура выступит Россия.

В ответ 10 апреля японцы предложили свой новый, лишь немного смягченный проект. Главные уступки заключались в некотором уменьшении территории, уступаемой в Южной Маньчжурии, в снижении контрибуции («возмещения») до 200 млн. лан, в отказе от требования об упразднении лицзина. Именно по новому японскому проекту и начался торг, которому были посвящены еще два заседания. От обсуждения китайского проекта Ито отказался. Тем самым он поставил Ли Хун-чжана в тяжелое положение: при рассмотрении статей японского проекта Ли непрерывно должен был выступать в роли просителя.

---

[1] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 519—520.

Но все его аргументы в пользу смягчения условий оставались тщетными. Ито упорно повторял, что, представив второй проект, он сказал свое последнее слово. Дальнейших уступок не будет! «Упоенные победой, они стали так жадны и наглы, что никакие доводы рассудка на них не действуют», — писал Ли Хун-чжан Цзунлиямыню о своих японских партнерах [1].

Ито вел переговоры в тоне ультиматума. Для ответа он дал Ли Хун-чжану четырехдневный срок. Китаю предоставлялось без всяких дальнейших разговоров либо принять, либо отвергнуть японские требования. В последнем случае японцы возобновили бы военные действия. 14 апреля цинский двор уполномочил Ли Хун-чжана принять японские условия мира [2].

17 апреля 1895 г. японо-китайский мирный договор был подписан. По месту его подписания он назван Симоносекским. Китай односторонне признавал полную независимость Кореи, Япония получила Ляодунский полуостров с портами Артур и Даляньвань по линии от устья реки Ялу до Инкоу и устья Ляохе, так что Ляоян все-таки остался за Китаем. К победителю переходили также острова Тайвань и Пэнхуледао. Китай уплачивал «возмещение военных издержек» в сумме 200 млн. лан, обязывался заключить неравноправный торговый договор, для иностранной торговли открывались четыре новых города (а не семь, как намечалось первоначально). Японцам разрешалось в открытых городах и портах заниматься промышленной деятельностью, ввозить машины и т. д. Обмен ратификационными грамотами должен был состояться в Чифу в течение двадцати дней после заключения договора, т. е. до 8 мая 1895 г. Подписав договор, Ли Хун-чжан и его спутники отбыли из Симоносеки на родину.

Отторжение исконной китайской земли вызвало бурный протест населения. Во время войны остров Тайвань так и не был занят японцами, и вследствие этого народ имел там возможность активно выразить свое негодование по поводу насильственного отторжения от родины. 24 мая на Тайване была провозглашена республика. Когда японские захватчики высадили свои войска, там с огромной силой поднялось народное восстание. Японским милитаристам потребовалось немало времени, чтобы сломить народное сопротивление [3]. Справиться с народом оказалось намного сложнее, чем с войсками Цинской империи.

---

[1] См. *Табохаси Киёси.* Дипломатическая история японо-китайской войны (1894—1895 гг.), стр. 526.

[2] См. там же, стр. 534.

[3] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 795—796, 828.

Вмешательство России, Франции и Германии в японо-китайские отношения

После тяжелых поражений, которые Япония нанесла Китаю, правительственные сферы Петербурга начали осознавать действительные масштабы японской опасности. Только тогда стало для них ясным, что на Дальнем Востоке появилась новая великая держава — сильная и в высшей степени агрессивная.

Как вести себя в связи с новыми событиями на Дальнем Востоке? Этот вопрос стал в Петербурге предметом обсуждения ряда «особых совещаний» [1].

В правящих кругах царской России конкурировали два политических курса. Один заключался в том, чтобы, не мешая Японии реализовать плоды ее победы, компенсировать себя чем-либо. В качестве такой компенсации намечались то захват в Корее незамерзающего порта для зимовки русского Тихоокеанского флота, то отторжение у Китая части Северной Маньчжурии для спрямления пути Сибирской железной дороги. Фигурировали и иные объекты. Другой курс предусматривал отпор Японии под флагом защиты целостности Китая и независимости Кореи, с тем чтобы не позволить победителю укрепиться неподалеку от русских границ и на подступах к китайской столице, не позволить ему овладеть западным побережьем Корейского пролива, заперев Россию в Японском море.

Если совещание от 21 августа 1894 г. заседало в момент, когда ход войны был еще неясен, то второе Особое совещание, собравшееся 1 февраля 1895 г., находилось уже перед фактом полной победы Японии. Оставались неизвестными только размеры аппетита победителя: условия мира японцы держали в секрете. Председательствовал на совещании «генерал-адмирал», великий князь Алексей Александрович. Он заявил, что согласно «высочайшему повелению» совещанию надлежит обсудить меры, которые «следовало бы принять для ограждения наших интересов на Крайнем Востоке». Напомнив решения, принятые предшествовавшим совещанием 21 августа 1894 г., председательствующий поставил вопрос, следует ли и в новых, изменившихся условиях продолжать придерживаться «в корейском деле» совместных действий с другими державами, или же теперь России следует перейти к «самостоятельному» образу действий.

После смерти Гирса (в 1894 г.) во главе министерства иностранных дел временно стал заместитель («товарищ») мини-

---

[1] Журналы особых совещаний от 21 (9) августа 1894 г., 1 февраля (20 января) 1895 г. и 11 апреля (30 марта) 1895 г. см. «Красный архив», 1932, т. 3 (52), стр. 62 и след.

стра Шишкин. Он недооценивал остроту положения. Если Япония и Англия и впредь будут держать себя «корректно», как, по мнению этого чиновника, они держали себя до сих пор, то нет оснований ставить вопрос о каких-либо компенсациях для России. Таков был смысл выступления Шишкина. Утверждение Японии в Порт-Артуре, Вэйхайвэе, не говоря уже о Корее, задело бы, по его словам, русские интересы. Но опасаться такой возможности было бы «преждевременно».

Председательствующий попросил присутствующих высказаться о том, какой же именно объект было бы выгоднее занять «в случае крайности». В записке, представленной министерством иностранных дел, предусматривалась возможность захвата Россией острова Каргодо в Корейском проливе. По мнению составителей записки, в случае оккупации Японией Кореи, обладание этим островом могло бы обеспечить России свободу выхода из Японского моря.

Военный министр Ванновский признал захват Каргодо целесообразным, но возможным «только в случае крайности».

Однако управляющий морским министерством держался иного мнения. Именно ему пришлось бы обеспечивать операцию по овладению островом. И он рекомендовал искать компенсации на суше. «Лучше всего было бы занять части Маньчжурии», — советовал он.

Но тут снова выступил военный министр. Он считал, что реализация этого предложения моряков вызвала бы «затруднения».

Таким образом, глава русского морского ведомства предпочитал искать компенсаций на континенте, а военный министр, распоряжавшийся наземными силами, — на море... Это отражало слабость вооруженных сил царской России на Дальнем Востоке.

Министр финансов Витте полагал, что пока по-прежнему следует придерживаться политики невмешательства. Он предложил действовать на Дальнем Востоке «сообща с Англией», но в то же время принять меры к увеличению русских военно-морских сил на Тихом океане.

Совещание постановило усилить Тихоокеанскую эскадру, с тем чтобы «наши морские силы в тех водах были по возможности значительнее японских». Министерству иностранных дел поручалось «войти с Англией и другими европейскими державами, преимущественно же с Францией, в соглашение относительно коллективного воздействия на Японию в том случае, если бы японское правительство при заключении мира с Китаем предъявило требования, нарушающие наши существенные интересы. При этом министерство иностранных дел должно

иметь в виду, что главная цель, которую мы должны преследовать, — это сохранение независимости Кореи»[1].

Решения совещания были утверждены царем, и в соответствии с ними Шишкин начал переговоры с Англией и Францией. Три державы сошлись на том, что сначала необходимо разведать, в чем, собственно, состоят те условия, которые Япония намерена предложить Китаю.

В Лондоне были согласны с мнением Петербурга: сохранение независимости Кореи должно составить основу будущего мирного договора. Французское правительство поддерживало точку зрения своей союзницы. Посланники России, Англии и Франции в Токио по поручению своих правительств преподали Японии совет соблюдать «умеренность». Особенно предостерегали они против похода японских войск на Пекин, опасаясь народного восстания, которое смело бы все привилегии иностранцев.

Правительство Японии более всего боялось англо-русского сближения. Японские дипломаты твердили, что Япония и не помышляет покушаться на захват Кореи. Но они умели хранить тайну, и условия мирного договора оставались неизвестными.

Только 21 февраля, когда в Пекине уже было принято решение согласиться на территориальные уступки, японское правительство сочло целесообразным через своего посланника в Петербурге, всячески подчеркивая крайнюю доверительность этого сообщения, информировать о том, что оно намерено потребовать у Китая Порт-Артур или Вэйхайвэй. Необходимость захвата одного из этих пунктов посланник мотивировал тем, что Китай будет готовиться к войне-реваншу, и в предвидении новой войны Японии якобы необходимы эти крепости[2]. Такое обоснование напоминает аргументацию немецкой дипломатии в 1871 г. в пользу аннексии Эльзаса и Лотарингии. На деле именно этот захватнический акт и явился главным фактором обострения франко-германских отношений.

Русский посланник в Токио очень ярко вскрыл в одном из своих донесений связь агрессивных планов японской военщины с задачами укрепления ее позиций внутри страны. «Военные, — писал посланник, — держатся прежде всего за стратегические пункты Порт-Артур и Даляньвань, и притом скорее из интересов партии, чем из политических расчетов. Опасаясь потерять после заключения мира свое нынешнее влияние, некоторые главари военной партии полагают, что, удержав эти стратегиче-

---

[1] «Красный архив», 1932, т. 3(52), стр. 67—74.

[2] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 676.

ские пункты Китая, они будут в состоянии в любой момент вызвать события, которые сделают их (главарей военщины. — *В. Х.*) необходимыми»[1].

Несмотря на полученную им информацию относительно японских замыслов, царское правительство больше месяца никак не могло определить линию своего поведения в отношении Японии и ее претензий.

Отчасти эти колебания объясняются тем, что российское министерство иностранных дел все еще оставалось без хозяина. Только в марте был назначен новый министр — посол в Вене князь Лобанов-Ростовский. Он был ловким дипломатом и обладал многолетним опытом. Но он тоже не сразу решился на те или иные действия. Сначала Лобанов склонялся к выводу, что недостаток сил вынудит Россию стать на путь «сотрудничества» с Японией и обеспечить себе ту или иную компенсацию. Николай II одобрил идею «компенсации» и предполагал захватить Порт Лазарева в Корее с полосой земли, соединяющей порт с русскими владениями.

Но Лобанов взвешивал и другую возможность — потребовать у японцев отказа от наиболее одиозной из их претензий — от Порт-Артура, обладание которым означало постоянную угрозу китайской столице и было чревато подчинением китайского правительства влиянию Японии.

«Но если они отвергнут наше требование, — спрашивал себя Лобанов. — Что тогда?

Должны ли мы прибегнуть к принудительным мерам и можем ли мы в таком случае рассчитывать на содействие других держав?»

Вот это-то существенное обстоятельство Лобанов и решил выяснить. У англичан он успеха не имел. Британский посол заявил русскому министру, что его правительство, по всей вероятности, не решится на принудительные меры против Японии. За последнее время, говорил посол, общественное мнение Англии все более склоняется на сторону Японии[2].

В действительности английское правительство руководствовалось другими мотивами. Убедившись в значительности военной мощи Японии, оно решило наладить с ней отношения, дабы иметь возможность использовать ее против России. Окончательно решение не выступать против Японии созрело в Лондоне после того, как выяснилось, что та отказалась от занятия Пекина. Ведь падение цинской монархии, а вместе с нею

---

[1] Цит. по кн.: *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 675—676.

[2] См. там же, стр. 693.

и всей сложной полуколониальной системы в Китае наибольший ущерб нанесло бы именно английскому капиталу — в конце XIX в. он получал от эксплуатации Китая больше выгод, чем кто-либо другой.

Английская дипломатия пыталась даже, правда безуспешно, внушить цинскому правительству мысль о перенесении столицы в Нанкин. Переезд правительства на юг, поближе к Гонконгу и иностранному сеттльменту в Шанхае, привел бы к огромному возрастанию английского влияния на Китай[1]. Но практически такого рода проекты оказались нереальными.

В Лондоне было также сочтено, что японские мирные условия нарушают в первую очередь интересы России. Английское правительство решило предоставить России самой ссориться с Японией. Не без удовольствия предвкушало оно при этом выгоду, которую сумеет извлечь из ухудшения русско-японских отношений. Решение воздержаться от участия в выступлении против Японии британский кабинет окончательно принял 6 апреля.

Но Лобанов не ограничился выяснением позиции одной Англии. Он предложил Франции и Германии совместно заявить протест японскому правительству: аннексия Порт-Артура станет для Японии длительным препятствием к восстановлению добрых отношений с Китаем и будет постоянной угрозой для мира в Восточной Азии.

До сих пор германское правительство упорно уклонялось от всякого участия в каком-либо умиротворяющем воздействии на воюющие стороны. Оно стремилось как можно сильнее разжечь пожар войны на Дальнем Востоке.

Но запрос русского министра пал тем не менее в Берлине на благоприятную почву — несравненно более благоприятную, чем предшествующие запросы, поступавшие из Лондона.

Дело в том, что провал попыток «нового курса» добиться сотрудничества с Англией и обострение колониального и торгового соперничества с нею породили у кайзера и его правительства во главе с новым канцлером князем Гогенлоэ стремление сблизиться с Россией. Это стремление не ограничилось прекращением таможенной войны и заключением в 1894 г. торгового договора. В Берлине желали политической близости. В начале 1895 г. граф Павел Шувалов, много лет состоявший царским послом в Берлине, покидая свой пост, испросил прощальной аудиенции у кайзера. И вот Вильгельм использовал эту беседу, чтобы предложить через Шувалова русскому прави-

[1] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 754.

тельству восстановить отношения, подобные тем, которые существовали до разрыва договора «перестраховки».

Шувалов заметил, что ведь само же германское правительство отказалось от возобновления договора, сделав это в не особенно любезной форме.

Вильгельм возразил, что виноват Каприви. Он был честным человеком, но ему «не хватало ума». При этих словах император поднес руку ко лбу, «что должно было указать, — поясняет Шувалов, — на пустоту в голове Каприви» [1].

В другой раз в беседе с Лобановым-Ростовским Вильгельм прямо предложил России взять проливы.

«Не правда ли, — заметил по этому поводу Лобанов Ламздорфу, — это любопытно. Император Вильгельм нам предлагает Константинополь и все, что мы только хотим, чтобы оторвать нас от Франции...»

«Чтобы мы дали ему раздавить Францию, после чего он сможет всецело подчинить нас своему руководству», — ответил Ламздорф.

«Как это было и раньше», — согласился с ним его шеф [2], имея, очевидно, в виду миссию Радовица и тому подобные предложения.

Эксцентричность проявлений «дружбы» Вильгельма раздражала русских дипломатов, так же как раньше английских. «Эта скотина, германский император, завел привычку адресовать нашему государю телеграммы политического содержания, — рассказывал Лобанов Ламздорфу в другой беседе. — Император не знает, что на них отвечать, и передает их мне». «Император сам направляет свою внешнюю политику! Но это же фикция. Он ничего не может без своего министра», — либеральничал Лобанов. «Недавно, — говорил он далее, — Вильгельм прислал телеграмму, где спрашивал, что будет Россия делать в случае катастрофы в Константинополе». «И это в телеграмме клером?» — спросил Ламздорф. «Да, можно ли так вести дела? Дурак!» — заключил министр.

Эти своеобразные беседы показывают, что в 1895 г. в Берлине жаждали возобновления близости с Россией.

8 апреля Лобанову-Ростовскому был дан оттуда на его запрос безоговорочно положительный ответ: германское правительство выражало согласие незамедлительно предпринять демарш в Токио одновременно с Россией. Вильгельм II, утверждая проект телеграммы в Петербург, подчеркнул, что

---

[1] См. «Красный архив», 1931, т. 3(46), стр. 21—23. Копия письма Шувалова от 17 января 1895 г.

[2] ЦГАОР, фонд 568—И, д. № 42. Дневник Ламздорфа. Тетрадь третья (запись от 21 октября 1895 г.).

готов сделать это и без Англии [1], отношения с которой у Германии к этому времени успели уже основательно испортиться.

Таким образом, в позиции германского правительства произошел крутой поворот. Оно понимало, что война все равно идет к концу, разжечь ее вновь не представляется возможным, и хотело усилить влияние Германии на Дальнем Востоке. Вмешательство в мирные переговоры могло способствовать этому. Заставляя прислушиваться к своему голосу в делах Дальнего Востока, оно думало подготовить почву для захвата военно-морской базы в тихоокеанских водах.

После категорического согласия Германии французское правительство никак не могло отказать России в поддержке: иная позиция означала бы публичное засвидетельствование слабости франко-русского союза. Это играло бы на руку только одной Германии.

Обеспечив себе поддержку двух великих держав, царское правительство стало действовать с большей энергией. Спустя несколько дней, 11 апреля, Лобанов явился на новое особое совещание уже с сообщением, что германское правительство заявило ему о своей готовности присоединиться к любому выступлению России за ограничение японских завоеваний. От Франции было получено обещание «сообразовать свои действия с нашими».

Ввиду новой, более благоприятной обстановки большинство членов совещания во главе с Витте высказалось за то, чтобы изгнать Японию с материка. Не без колебаний отказался Николай II от Порта Лазарева и утвердил (16 апреля) журнал совещания [2]. Таким образом, Россия взяла на себя роль «защитника Китая» от посягательств Японии.

23 апреля 1895 г. представители России, Германии и Франции в Токио одновременно, но каждый в отдельности потребовали от японского правительства отказа от Ляодунского полуострова. Германская нота оказалась наиболее резкой. Она была составлена в оскорбительном тоне.

К этому времени Россия значительно усилила свою эскадру на Тихом океане. Вместе с Францией и Германией она располагала в дальневосточных водах внушительными военно-морскими силами, которые могли серьезно угрожать морским коммуникациям японской армии на континенте с их базой на Японских островах.

Выступление трех великих держав произвело на японцев отрезвляющее действие. Правительство Японии сочло себя

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd IX, № 2237, S. 265.

[2] См. *А. Л. Нарочницкий.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, стр. 699—700.

вынужденным отказаться от приобретений на материке. Оно оговорило, однако, свою уступку условием, что предварительно Китай ратифицирует Симоносекский договор. После этого, лишь только последует обмен ратификационными грамотами, Япония публично объявит о готовности смягчить условия мира. 8 мая 1895 г. в китайском городе Чифу состоялся обмен ратификационными грамотами, а 10 мая японское правительство заявило о возвращении Китаю Ляодуна. Оно, правда, выговорило себе за это увеличение контрибуции на 30 млн. лан. В ноябре 1895 г. было подписано японо-китайское соглашение о пересмотре Симоносекского мирного договора.

Вмешательство в японо-китайские отношения было проделано Лобановым с большим успехом. Оно явилось важной и эффективной победой России и поражением японской дипломатии, которая не сумела учесть соотношение сил.

Предоставив России свою поддержку против Японии, германское правительство преследовало довольно сложные цели. Оно стремилось втянуть Россию в конфликт на Дальнем Востоке и отвлечь ее внимание от германской и австрийской границ. «Я сделаю все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так, чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке», — заверял Николая Вильгельм. Ибо несомненно, продолжал кайзер, «что для России великой задачей будущего является дело цивилизации азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил своих твоим помощником». Вместе с тем германские империалисты рассчитывали, что, вмешиваясь в дела Дальнего Востока, они сумеют урвать и себе какой-либо кусок добычи за счет Китая. «Надеюсь, — писал кайзер царю, — что, как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесешься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не «стеснит» тебя» [1].

Успехи русской дипломатии в Китае

Достигнутый успех был шагом к развертыванию русской империалистической экспансии в Китае. Вскоре царская дипломатия использовала момент, когда Китаю понадобились деньги на уплату японцам контрибуции. Китайское правительство начало было переговоры с лондонскими, парижскими и берлинскими банкирами. Эти финансисты явно стремились закабалить Китай. Предполагалось дать заем при условии установления международного контроля над китайскими финансами.

[1] «Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг.» Пг. — М., стр. 8.

Такой контроль был бы для царского правительства серьезным препятствием. Он означал бы рост чужого влияния в Китае и умалял бы роль России. По инициативе Витте царское правительство решило вмешаться. Воспользовавшись соперничеством французских и немецких банкиров, Витте предложил китайскому правительству заем в 150 млн. руб. золотом под гарантией русского правительства. Фактически заем был предоставлен в сумме 100 млн. рублей. Витте помогли его тесные связи с французским финансовым капиталом. Китай получал 94 за 100 из 4% годовых. Французские банкиры взялись реализовать эти деньги. При заключении займа китайское правительство официально заявило о своем решении не предоставлять ни одной иностранной державе контроля над своими финансами. В случае, если бы права такого рода были все же предоставлены кому-либо, они должны были автоматически распространиться и на русское правительство. Как немецкий, так и английский капитал был отстранен от этой финансовой комбинации.

В конце 1895 г. по инициативе Витте был основан Русско-Китайский банк. Он был учрежден группой французских банков и Петербургским международным банком под покровительством русского правительства, которое обеспечило своим представителям руководящее положение в правлении. Устав банка предусматривал самые разнообразные операции на Дальнем Востоке. Помимо обычных банковских функций имелось в виду финансирование китайских властей, хранение налоговых поступлений, получение железнодорожных и иных концессий на всей территории Китая.

Активизация русской политики на Дальнем Востоке была бы невозможной без помощи французского капитала. Вместе с возрастанием роли французского капитала в дальневосточной политике России чрезвычайно выросла и роль министерства финансов Российской империи и его главы Витте. Так франко-русский союз, возникший как противовес военному блоку, возглавляемому Германией, и тесный контакт русского царизма с парижской биржей содействовали переходу России к широкой империалистической экспансии на Дальнем Востоке. Осторожной оборонительной политике, которой придерживалась Россия на Дальнем Востоке в 70—80-х годах, теперь наступил конец.

Следующим шагом Витте было создание специального фонда для подкупа цинских сановников. Он хотел добиться с их помощью получения от Китая железнодорожной концессии в северо-восточных провинциях, или, как их обычно именовали во времена цинской династии, в Маньчжурии.

Как раз в это время началась ожесточенная борьба за железнодорожные концессии в Китае. В ней приняли участие капиталистические группировки Англии, Франции и США. Все эти дельцы пользовались поддержкой своих правительств. Прямым конкурентом русского железнодорожного строительства в Маньчжурии явился американский банковский синдикат, который проектировал грандиозную дорогу Кантон — Ханькоу — Пекин и далее на соединение с Сибирской магистралью. Осуществление этого проекта означало бы установление железнодорожной связи Маньчжурии с Центральным и Южным Китаем, с его открытыми портами, где царил европейский капитал. Американский проект грозил наводнением Маньчжурии европейскими и американскими товарами, с которыми русская промышленность не могла бы конкурировать. Он создавал серьезные препятствия для политического преобладания России в Северном Китае. Между тем, Витте хотел изолировать Маньчжурию от центров иностранного капитала в Китае и привязать ее экономически к Сибирской магистрали. Этому должно было служить сооружение железной дороги в Северной Маньчжурии, находившейся в руках русских и соединявшей Забайкалье с Владивостоком почти по прямой линии через китайскую территорию. Это ориентировало торговлю Маньчжурии на Россию и на Владивостокский порт и несколько сокращало долгий путь из Европейской России до Владивостока.

Переговоры о предоставлении концессий было решено перенести из Пекина в Россию, подальше от конкурентов. В конце апреля для этих переговоров в царскую столицу приехал Ли Хун-чжан; предлогом явилось присутствие на коронации Николая II. Иностранцы в Пекине наперебой подкупали цинских министров. Витте тоже дал Ли Хун-чжану огромную взятку.

Результатом переговоров был так называемый Московский договор от 3 июня 1896 г. об «оборонительном союзе» против Японии. В случае ее нападения на Китай, на Корею или на восточноазиатские владения России каждая из договаривающихся сторон должна была прийти на помощь другой всеми сухопутными и морскими силами, какими она будет располагать в тот момент. Ни одна из них не заключит мира без согласия другой. Для облегчения подвоза русских войск при выполнении этого договора Китай соглашался на сооружение железной дороги через Северную Маньчжурию на Владивосток. Постройка и эксплуатация дороги предоставлялись Русско-Китайскому банку. Китайское правительство заключало с ним об этом специальный контракт. Союзный договор вступал в силу с момента утверждения этого контракта императором Китая.

Ли была обещана взятка в 3 млн. руб., но из них около 2 млн. ухитрились задержать уплатой. В дальнейшем (в 1901 г.) смерть престарелого китайского сановника помогла русскому правительству сэкономить эти деньги. Витте добивался также и ответвления дороги на юг, к Ляодуну. Однако, несмотря на взятки, этой концессии он не получил.

Контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги был подписан представителем китайского правительства и Русско-Китайским банком 8 сентября 1896 г. Для сооружения и эксплуатации этой дороги банк учреждал Акционерное общество Китайско-Восточной железной дороги. Концессионный контракт устанавливал, что ширина колеи КВЖД должна быть такой же, как и на русских железных дорогах. Земли, принадлежавшие Обществу, а также его доходы освобождались от всяких пошлин и налогов. Обществу предоставлялось право самостоятельно устанавливать железнодорожные тарифы. Особое значение получило право Общества на «безусловное и исключительное управление своими землями», т. е. всей полосой отчуждения. Условия концессионного договора превращали эту полосу в нечто вроде большого, вытянутого русского сеттльмента [1]. Общество КВЖД завело даже свою собственную вооруженную полицию. Через 80 лет железнодорожная линия должна была безвозмездно отойти к китайскому правительству. Через 36 лет оно приобретало право выкупа дороги. Практически Общество Китайско-Восточной железной дороги существовало в значительной мере на средства русской казны.

В дальнейшем экспансия царского правительства на Дальнем Востоке была тесно связана с деятельностью Русско-Китайского банка и Общества Китайско-Восточной железной дороги. Эти предприятия в свою очередь находились в тесном контакте, с одной стороны, с крупнейшими банками Парижа и Петербурга, а с другой стороны, с министерством финансов Российской империи, т. е. с царской казной. Руководство дальневосточной политикой царизма, начиная с 1895 г., все более переходило к министру финансов С. Ю. Витте — крупнейшему государственному деятелю царской России в конце XIX и начале XX в. Руководящая роль Витте отчасти определялась тем, что в экспансии на Дальнем Востоке большую роль играли железнодорожное строительство, финансовое закабаление Китая и привлечение французского капитала для этих целей. Вслед за Дизраэли Витте был едва ли не крупнейшим «некарьерным» дипломатом, выдвинувшимся в конце XIX в. Но лидер английских консерваторов пришел к дипломатической деятельности

[1] См. *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии. Л., 1928, стр. 127.

в качестве партийного политика; что касается Витте, то он вступил на дипломатический путь благодаря своему положению министра финансов, который являлся как бы посредником между русской государственной казной и международной биржей.

Крупных успехов достигла русская дипломатия и в Корее. К моменту окончания японо-китайской войны японцы были там хозяевами положения. Новая вспышка крестьянского восстания была ими подавлена в конце 1894 г. Однако народные массы таили против захватчиков острую ненависть. В феодальном классе существовала сильная антияпонская группировка, возглавлявшаяся королевой Мин. Она поддерживала связи с русской миссией. 6 июля 1895 г. по инициативе королевы из правительства были изгнаны японские ставленники. Вместо них король назначил сторонников русской ориентации.

Японские милитаристы взяли, впрочем, реванш. В ночь на 8 октября 1895 г. японский посланник Миура организовал убийство королевы с помощью «соси» — банд, используемых в Японии для предвыборного террора и политических убийств. Покончив с нею, как главой антияпонской партии, посланник произвел новую смену правительства. Японцы подготовляли низложение короля и возведение вместо него на корейский трон своей марионетки — внука тэвонгуна.

11 марта 1896 г. король бежал из дворца и вместе с наследником престола получил убежище в русской миссии. Король уволил правительство японских ставленников и заменил его правительством, состоявшим из сторонников России. Японцы вынуждены были уступить. 14 мая 1896 г. в Сеуле было заключено соглашение, подписанное с русской стороны посланником Вебером, а с японской — Комурой. Обе стороны уславливались дать королю «дружеский совет» — возвратиться в свой дворец, «как скоро исчезнет всякое сомнение в его безопасности». Японцы принуждены были гарантировать безопасность короля и признать русофильское правительство Кореи. «Оба представителя, — говорилось далее, — всегда будут стараться советовать его величеству назначать министров из лиц просвещенных и умеренных» [1]. Это постановление утверждало нечто вроде совместной русско-японской опеки над королем, при явном преобладании России, поскольку фактически правительство состояло из лиц, дружественных ей.

Россия соглашалась, чтобы Япония временно содержала в Корее не свыше 200 жандармов для охраны телеграфной линии между Сеулом и Пусаном, две роты войск для охраны япон-

[1] «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917», № 43, стр. 290—291.

ского сеттльмента в Сеуле, по одной роте — в Пусане и Генсане. Но Россия тоже получала согласие Японии на содержание охраны русской миссии и консульств, «не превышающей количества японских войск в тех же местностях». Это было крупным выигрышем для России, ибо до тех пор в Корее были только японские войска, численность которых теперь ограничивалась.

Вскоре в Москву прибыл маршал Ямагата — лидер японской военщины, после войны едва ли не наиболее влиятельное лицо в Токио. И вот Лобанов-Ростовский, только что закончив здесь переговоры с Ли Хун-чжаном о союзном договоре и концессии на КВЖД, подписал с японским маршалом еще одно соглашение о Корее. Русское и японское правительства уславливались «советовать корейскому правительству прекратить излишние расходы». Если Корее потребуется заем, то оба правительства «общими силами» окажут ей свое содействие. Соглашение касалось и корейской армии. Русское и японское правительства «попытаются совершенно предоставить Корее... сформирование и содержание туземных вооруженных сил и полиции в количестве, достаточном для поддержания внутреннего порядка без иностранной помощи». Если в Корее возникнут новые вопросы, то «на взаимных представителей обоих правительств будет возложено поручение прийти по таковым предметам к полюбовному соглашению» [1]. Этот документ, вошедший в историю под названием «соглашение Лобанов — Ямагата», подтверждал и расширял совместный русско-японский протекторат над Кореей, установленный соглашением Комуры и Вебера. Япония была вынуждена отказаться в Корее от монопольного положения, завоеванного ею во время японо-китайской войны. Корейское правительство пригласило теперь русских военных инструкторов и финансового советника. Особо было условлено, что оба правительства не будут посылать в Корею своих войск без взаимного уведомления, а в случае необходимости установят «зоны действия войск обоих государств». Японское правительство предлагало русскому разделить Корею на сферы влияния по 38-й параллели, но получило отказ. Влияние русского империализма торжествовало и в Пекине, и в Сеуле.

Как показывают изложенные факты, японская агрессия против Китая имела далеко идущие последствия. До японо-китайской войны Дальний Восток для всех европейских держав был районом сравнительно второстепенного значения. Даже Англию он интересовал гораздо меньше, чем Европа, Индия, Ближний Восток и Средняя Азия. Теперь все изменилось:

---

[1] «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917», № 45, стр. 295—296.

Дальний Восток сразу выдвинулся на авансцену мировой политики. Конечно, этот факт подготовлялся постепенно развитием экономических связей Европы и США со странами Восточной Азии, нарастанием заинтересованности международного капитала в эксплуатации этих стран. Но именно японская агрессия дала толчок к крайнему усилению борьбы капиталистических государств за раздел Китая и господство на Дальнем Востоке.

В международную обстановку и деятельность дипломатии великих держав обострение дальневосточной проблемы внесло серьезные изменения. Оно отвлекло часть сил и внимания царской России от Европы и Ближнего Востока, усилило русско-английские противоречия, породило глубокие противоречия между Россией и США, до этого ограничивавшиеся локальными конфликтами в северо-западной части Тихого океана. В конце концов обострение дальневосточной проблемы привело к русско-японской войне.

Обострение дальневосточного вопроса и англо-русских противоречий из-за Восточной Азии сначала замедляло развитие дипломатических последствий англо-германского антагонизма. Англии приходилось по возможности избегать обострения отношений с Германией, поскольку углублялась борьба с Россией.

Но зато несколько позже влияние дальневосточных конфликтов на англо-германские отношения стало прямо противоположным. Франция осталась в Европе почти без поддержки со стороны России, крепко увязшей на Дальнем Востоке. Война из-за него между Россией и Японией форсировала англо-французскую Антанту. Тем самым война содействовала коренной перестановке сил на мировой арене, вызванной развитием англо-германского антагонизма. Именно он привел к радикальной перестановке фигур на дипломатической шахматной доске: сближению Англии с Францией. Но события на Дальнем Востоке влияли на ход и на темпы этой перестановки и наложили определенный отпечаток на те формы, в которых она совершалась.

Еще более глубокое воздействие оказало усиление борьбы капиталистических держав за преобладание на Дальнем Востоке, за колониальную эксплуатацию этого района, на внутреннее положение в Китае, в Корее, на Филиппинах. Произошло дальнейшее внедрение капитализма в экономику этих стран. Результатом было также нарастание национально-освободительного движения. Оно становилось все более и более мощным фактором не только внутренней истории стран Дальнего Востока, но и международной борьбы. Оно оказывало сильнейшее воздействие и на деятельность дипломатии.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 1894—1897 гг.

Армянский вопрос и англо-русские отношения

Одновременно с развертыванием японской агрессии на Дальнем Востоке снова становилось неспокойно в Турции и на Балканах. В середине 90-х годов в Османской империи разразился очередной внутренний кризис. Берлинский трактат оставил значительную часть армянского народа под игом турок. История показала, что это решение капиталистических держав было роковым для турецких армян: оно обрекло их на физическое истребление.

Различные причины внутреннего порядка в начале 90-х годов вызвали активизацию освободительной борьбы армянского народа. В ответ султан Абдул-Гамид организовал массовую резню армянского населения в ряде местностей Малой Азии, а затем и в самой столице своей империи. В разжигании ненависти между многочисленными народами своего государства он видел лучшее средство укрепления султанского абсолютизма.

Не каждый взрыв национально-освободительного движения в Турции и не каждая кровавая репрессия доставляли султанскому правительству затруднения международного порядка. Последует ли международный конфликт — это зависело в основном от господствовавших классов великих держав: если их собственные интересы не требовали в данный момент использования внутреннего кризиса в Османской империи, тогда национальная борьба разыгрывалась внутри нее и ужасающие трагедии гнусных расправ, чинимых султанами над их нетурецкими подданными, мало кого трогали в Европе. Иначе складывалось дело, если интересы той или иной державы толкали ее на вмешательство в дела Османской империи. Тогда по различным каналам, включая консульскую и посольскую информацию, страницы печати заполнялись описанием турецких зверств и выражением симпатий к гонимому христианскому населению Турции. Печать проводила мобилизацию общественного мнения и подготовляла почву для действий основного орудия внешней политики — дипломатии.

Подъем армянского национального движения конца прошлого столетия принадлежит к числу тех внутренних осложнений в империи султанов, которые привели к международно-политическому кризису. Случилось это главным образом потому, что английское правительство сочло целесообразным воспользоваться событиями в Турции для своих целей и предприняло вмешательство в ее дела.

Формальное основание для такого шага британская дипломатия нашла в статье 61 Берлинского трактата 1878 г., которая гласила:

«Блистательная Порта обязуется осуществить без дальнейшего замедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями,

в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением» [1].

Действительной причиной антитурецкого курса английской политики было падение британского влияния в Турции и переход султана к ориентации на Россию, Францию и Германию. Захват Египта осложнил англо-турецкие отношения. Спала личина поборника целостности Османской империи, которую раньше носило британское правительство. С другой стороны, после русско-турецкой войны царское правительство не помышляло о захвате Константинополя и проливов. Оно предпочитало поддерживать султана в качестве «стража» у ворот из Средиземного моря в Черное. Вместе с тем в Константинополе усиливалось влияние Германии: ее офицеры инструктировали турецкую армию. Их начальник, прусский юнкер генерал фон дер Гольц, превратился даже в фон дер Гольц-пашу. Железнодорожное строительство в Турции перешло в большей своей части к германскому капиталу. Он энергично вытеснял англичан из турецких железнодорожных и некоторых иных предприятий.

Английское правительство рассчитывало своим вмешательством в пользу армян запугать султана, дабы заставить его примириться с оккупацией Египта и сменить царскую и кайзеровскую дружбу на британскую. Таким образом, оно надеялось снова подчинить Турцию английскому влиянию, как это было при Пальмерстоне и Дизраэли.

Была у Англии и другая цель. Морской путь в Индию обеспечивался британским господством в Египте и на Кипре, равно как и недопущением русского контроля над проливами. Но к Индии имеются и сухопутные подступы. В представлении английских правящих кругов такими подступами помимо Афганистана являлись Персия, Месопотамия (Ирак), Аравийский полуостров и Малая Азия, составляющие как бы мост из Европы в Индию. Внимание британской дипломатии было приковано ко всему поясу земель, обрамляющих Индийский океан и особенно Персидский залив. Эти обширные области должны были стать сферой исключительного британского влияния. Англия захватила у Персии Бахрейнские острова. Она навязала свой протекторат ряду арабских султанов и шейхов на побережье Персидского залива и Аравийского моря. Султан воспринимал это самым болезненным образом: ведь то были его давние вассалы. Проект железной дороги Кейптаун — Каир нашел свое продолжение в проекте железной дороги Каир — Калькутта. Так постепенно в Англии набрасывались контуры грандиозной азиатско-африканской империи с Индийским океаном посредине.

В качестве средства достижения этих целей своей внешней политики на Ближнем Востоке английское правительство использовало попеременно два дипломатических метода: то оно прибегало к давлению на султана, требуя от него реформ в армянских вилайетах, — тут британская дипломатия выступала задрапированной в благопристойную тогу, сотканную из либеральной и гуманистической фразеологии; то вдруг захватническая природа капиталистической политики обнажалась: на смену либеральным толкам о реформах выдвигались откровенно захватнические планы раздела Турции. Требование реформ служило тому, чтобы, запугав угрозами вмешательства, заставить султана примириться с пребыванием англичан в Египте и вернуться к ориентации на Англию. Это восстановило бы преобладающее влияние Великобритании во всей Османской империи. Не удавалось это — английская дипломатия обраща-

[1] «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917», № 27, стр. 205

лась к проектам раздела владений падишаха. Это могло доставить полное обладание некоторыми их кусками, наиболее важными для господствующих классов Англии. Существо этой политики метко определил американский историк Лангер: политика Солсбери, пишет он, «заключалась в том, чтобы брать себе что можно взять и оставлять то, что приходилось оставлять» [1].

Действительную основу проармянских симпатий английской дипломатии вскрывают два донесения турецкого посла в Лондоне, которые султанские чиновники весной 1896 г. продали русскому посольству. «Если оттоманское правительство хочет действовать сообразно своим интересам, финансовым и иным, — говорил лорд Солсбери турецкому дипломату, — оно должно изменить нынешнюю политику. Поднимая вопрос о Египте, Порта причинит себе лишь беспокойство, ничего не выгадывая» [2].

Ввиду ухудшения англо-германских отношений у британского кабинета наблюдалась тенденция к смягчению англо-русских отношений. Англия вела с Россией переговоры о разграничении на Памире, успешно окончившиеся заключением соглашения в марте 1895 г. В конце 1894 г. английское правительство, еще продолжая искать с Россией контакта в вопросах японо-китайской войны, в то же время пыталось договориться с нею на основе частичного раздела Турции: оно хотело, чтобы царизм признал господство Англии в Египте и заставил султана сделать то же самое. За это Англия предоставила бы России оккупировать Турецкую Армению.

9 ноября 1894 г. в речи на банкете у лорд-мэра премьер Розбери высказался за сближение с Россией. Но царское правительство в то время было не особенно заинтересовано в захвате Армении. Оно понимало, что английское предложение поссорит его с Турцией — это составляло одну из главных задач английской дипломатии.

После массовой резни армян в Сасуне в августе 1894 г. английское правительство предложило державам сначала провести обследование на месте, силами иностранных консулов, а несколько позже (в феврале 1895 г.) выступило с проектом реформ, с тем чтобы потребовать от султана их осуществления.

Германия, а за нею и обе ее союзницы отказались. Германское правительство делало ставку на широкое внедрение германского капитала в Турцию при помощи султанского правительства. Это был курс на господство над всей Османской империей через посредство ее феодальной верхушки.

Напротив, царское правительство и его французский союзник согласились с английским предложением: они не хотели позволить Англии действовать самостоятельно. Вместе с тем они стремились умерить ее нажим на султана, который, с их точки зрения, вел себя совсем неплохо. Особенно правительство Французской республики было заинтересовано в том, чтобы поддержать султана в его сопротивлении англичанам в Египте. Поэтому в течение 1894—1896 гг. между тремя державами, вмешавшимися в армянские дела, завязалась борьба: английское правительство стремилось усилить нажим на султана, а русское и французское — свести требования к нему до минимума.

Летом 1895 г. новый премьер Солсбери пошел дальше в антитурецкой политике: он излагал уже план раздела Турции, избрав было себе сначала в качестве партнера немцев.

---

[1] *W. L. Langer.* The Diplomacy of Imperialism, p. 672.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 29, л. 172. Донесение Нелидова от 9 апреля (28 марта) 1896 г. Приложения.

Началось с просьбы итальянского правительства, чтобы Англия уступила Италии Зейлу в Восточной Африке. Просьба эта была поддержана перед англичанами немецким правительством. Солсбери отказался, но выразил готовность отдать итальянцам две области Османской империи — Триполитанию и Албанию. Так как в последней была заинтересована Австро-Венгрия, то в Берлине заключили, что британский премьер хочет взорвать Тройственный союз. Выяснилось также, что помимо своего окончательного утверждения в Египте Англия при разделе Турции имела виды на Месопотамию, Аравию и Крит.

Узнав, что передача Албании итальянцам считается в Германии неприемлемой, Солсбери дал понять, что может компенсировать Италию в других местах, например в Марокко и даже Тунисе, т. е. за счет Франции. Он заявил, что готов пойти России навстречу в вопросе о проливах. Но германский кайзер и его правительство не поддержало и этого варианта. Англо-германский антагонизм был уже слишком глубоким и острым, взаимное недоверие и противоречивые интересы не позволяли договориться. В Берлине решили, что цель Солсбери сводится к тому, чтобы перессорить все державы континента. В этом выводе там, очевидно, не ошиблись. Царское правительство располагало сведениями, что Англия собирается захватить бухту Суда на о. Крит.

1 ноября 1895 г. Австро-Венгрия предложила ввести в проливы флоты шести держав. Цель заключалась в том, чтобы преградить дорогу сепаратным действиям России, которых Австро-Венгрия опасалась. Английское правительство отклонило австрийское предложение.

Для давления на султана Солсбери был готов отдать приказ флоту войти в проливы. Но первый лорд адмиралтейства Гошен возражал. Он говорил, что, войдя туда, флот окажется запертым, как в мышеловке, между французской и русской эскадрами. Солсбери ворчливо ответил Гошену, что если его корабли сделаны из стекла, то понятно, что придется изменить политику. В ноябре 1895 г. кабинет счел посылку флота в Дарданеллы невозможной [1].

26 августа 1896 г. армянские националисты захватили здание Оттоманского банка в Константинополе. Они засели в нем, обороняясь от турецкой полиции и угрожая взорвать дом со всеми миллионными ценностями, хранившимися в этом представительстве международной финансовой олигархии. Армянские организации разослали иностранным посольствам просьбы о вмешательстве в защиту армянского народа.

В ответ на захват банка власти и мусульманское духовенство организовали резню армян руками стамбульского люмпен-пролетариата. Положение в Турции стало критическим. В столице воцарилась паника. Финансовые круги — они были либо армянские, либо греческие, либо западные — вопияли об интервенции держав в целях гарантии огромных материальных интересов, которым угрожает «анархия».

На помощь британским дипломатам с Мальты в восточную часть Средиземного моря была направлена сильная английская эскадра. Войдет ли она в проливы? Это осталось загадкой.

Султан, встревоженный до предела, обратился к русскому послу Нелидову. Падишах просил выяснить, чего, собственно, хотят англичане. Он настаивал на срочном ответе. «В общих выражениях он говорит о соглашении с нами о совместной защите Дарданелл. Но, зная его двуличие, я полагаю, — доносил Нелидов, — что не следует вступать на этот путь, если только он... не укажет сам точных основ соглашения». Хотя Нелидов сохранил осторожность и сдержанность, но он тоже был очень взволнован: «Я не могу не обратить самым настойчивым образом вни-

[1] *M. Jefferson.* Lord Salisbury and the Eastern question, 1890—1898. «The Slavonic and East European Review», December 1960, p. 57.

мание императорского правительства на огромную опасность, которую представила бы для нас европейская акция на Босфоре, которая навсегда заперла бы нас в Черном море» [1].

В Петербурге полностью разделяли опасения посла перед появлением иностранного, и особенно британского, флота в проливах. Русское правительство известило английское, что в таком случае Черноморский флот немедленно войдет в Босфор. С самого начала кризиса царское правительство твердо решило ни под каким видом не допускать утверждения Англии в проливах [2]. «Вся торговля южной России, — говорил Лобанов-Ростовский, — не имея другого выхода, кроме проливов, окажется тогда отданной на произвол Англии» [3].

Царская дипломатия не оставляла у англичан сомнения в своем резко отрицательном отношении к появлению иностранных флотов в проливах. Французское правительство, напротив, в интересах французского капитала отнюдь не считало нежелательным присутствие иностранных кораблей в Золотом Роге — но, конечно, не одних только английских. Однако оно пока не намеревалось идти наперекор своей союзнице.

Английский империализм не решался действовать в одиночку: на поддержку Германии рассчитывать не приходилось, а одна Австро-Венгрия мало могла помочь. Таким образом, царское правительство спасло султана от раздела Турецкой империи; себе же оно развязало руки для продолжения экспансии, только что начатой на Дальнем Востоке.

Британский премьер лорд Солсбери, так же как и его предшественник, был бы рад достигнуть соглашения с Россией о совместных действиях против султана и, возможно, о разделе Османской империи. В 1896 г. два важных фактора делали такое соглашение для Англии особенно желательным. Первым из этих факторов являлось решение приступить к завоеванию Судана. Английское правительство хотело распространить свое господство с Нижнего Нила на верхнюю часть нильского бассейна. Это укрепило бы и позиции Англии в Египте. При этом экспедицию в Судан в Лондоне намеревались финансировать за счет средств Египта, которыми распоряжались иностранные банкиры, представленные в международной Кассе египетского долга. Соглашение с Россией помогло бы сломить сопротивление Кассы, в которой доминирующую роль играла союзница России Франция, а точнее, французский капитал. Вторым фактором было крайнее обострение отношений Англии с Германией, наступившее в начале 1896 г. из-за Южной Африки. Ухудшение англо-германских отношений само по себе делало для Англии желательным улучшение отношений с другими своими противниками, включая Россию [4]. О стремлении сблизиться с Россией говорил родственник королевы принц Луи Баттенбергский, посетивший царя летом 1896 г. Министр иностранных дел Лобанов заявил принцу, что сближению мешает английская оккупация Египта, затягивающаяся до бесконечности. Она создает необеспеченность свободы навигации по Суэцкому каналу и Красному морю. Между тем прогрессирующее развитие отношений с Дальним Востоком вызывает у России заинтересованность в том, чтобы никто не мог нарушить свободы сообщения с Восточной Азией [5].

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 29, л. 240; д. № 28, л. 571. Телеграммы Нелидова от 26 (14) августа и 3 сентября (22 августа) 1896 г.

[2] См. *В. Хвостов.* Ближневосточный кризис 1895—1897 гг. «Историк-марксист», 1929, № 13, стр. 26.

[3] ЦГАОР, фонд 568 — И, д. № 42, л. 50. Дневник Ламздорфа за 1895 г. Тетрадь III. Приложение. Запись беседы Лобанова с Вильгельмом II 13 (1) октября 1895 г.

[4] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 128, л. 370—375. Письмо Стааля от 16 (4) марта 1896 г.

[5] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 129, л. 128. Письмо Лобанова Лессару от 18 (6) июня 1896 г.

Непосредственно после резни армян в Константинополе о соглашении заговорил английский посол в Турции Ф. Карри. Он беседовал с Нелидовым и с французским послом о желательности сближения с Россией и Францией [1]. Целью должно было стать совместное давление на султана — либо с тем, чтобы заставить его сменить великого визиря, либо же установить в Турции «порядок, гарантированный Европой». Эти предложения не встретили сочувствия ни у Нелидова, ни в Петербурге. Замена власти султана порядком, «гарантированным Европой», ни в какой мере не отвечала интересам царской России. «Я решительно против подобного соглашения с Англией, — писал Николай II. — Это было бы на деле первым шагом к постепенному разделу Турции» [2]. Как видим, со времен беседы Николая I с Гамильтоном Сеймуром Петербург и Лондон поменялись ролями.

В конце сентября 1896 г. Николай II нанес визит королеве Виктории в Шотландии, в замке Бальморал. Королева и премьер-министр Солсбери старались внушить царю идею англо-русского «сближения» [3]: султан должен быть смещен; Египет должен остаться за Англией; в вопросе о проливах Солсбери глухо намекал на возможность уступок в пользу России [4].

Нетрудно было понять, что, предлагая отдать им Египет, англичане закладывали мину под франко-русский союз. Даже Николай II, при всей своей ограниченности, понял это. К тому же турецкое правительство, создавая для Англии трудности, интересов России не задевало. Зачем же было смещать султана? Николай отказался от такого шага. Но, не разобравшись, он согласился с британским премьером, чтобы послы держав в Константинополе разработали проект реформ, которые султану будет предложено провести. Если он откажется, то предполагалось принудить его силой [5].

3 октября русский посол в Лондоне Стааль беседовал с Солсбери. Посол называл беседу лишь «эхом того, что говорилось в Бальморале». «Следуя приказаниям императора, я поддержал, — доносил посол, — перед Солсбери те соображения, которые не позволяют нам присоединиться к предложениям, выдвинутым британским представителем в Константинополе. Они равносильны установлению опеки над султаном и на деле направлены на его смещение». И тут Стааль привел своему собеседнику целый ворох аргументов, которые должны были доказать, что подрыв власти султана лишь осложнит положение: «эхо» вносило коррективы в опрометчивые слова царя. Собеседники коснулись также «вопросов будущего». Солсбери заявил, что для него менее всего приемлем на берегах Босфора «призрак султана рядом с могущественной Россией, действующей от его имени. Он предпочитает ясные решения. Он вспоминает слова... императора (Николая II) о том, что интересы России связаны с проливами. Урегулирование этого серьезного вопроса в духе пожеланий России, несомненно, встретило бы живейшую оппозицию в Европе. Но эта оппозиция придет не от Англии. Напротив, эта последняя не сочтет свои интересы непосредственно угрожаемыми и проявит готовность договориться с нами». «Несомненно, — добавлял по-

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 29, л. 205—207. Весьма секретное письмо Нелидова от 9 сентября (28 августа) 1896 г.; д. № 27, т. II, л. 566—569, конфиденциальное донесение Нелидова № 139 от 25 (13) сентября; д. № 139, л. 192. Телеграмма Моренгейма от 10 сентября (28 августа) 1896 г.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 29, л. 434. Телеграмма Шишкина Нелидову от 12 сентября (31 августа) 1896 г.

[3] «The letters of Queen Victoria», 3rd series, vol. III, p. 82, 87.

[4] *M. Jefferson.* Lord Salisbury's conversations with the Tsar at Balmoral 27 and 29 September 1896. «The Slavonic and East European Review», December 1960, p. 219—220.

[5] Ibid., p. 216—217.

сол, — эти сообщения лорда Солсбери не являются положительными заявлениями. Туман будущего лишает их полной определенности» [1].

Что касается Египта, то Солсбери заявил, что возможность соглашения зависит от характера русских требований. Если Россия удовольствуется отменой оговорок, сделанных в свое время Англией по поводу применения конвенции 1888 г., «то британское правительство готово аннулировать эти оговорки». Оно согласно обсудить и другие гарантии свободного прохода через Суэцкий канал. «Но если речь идет о переговорах об эвакуации долины Нила и о том, чтобы поднять египетский вопрос в целом, тогда дело меняет свой характер». На такой основе Солсбери считал переговоры невозможными.

Политика Франции

Из Лондона Николай отправился с визитом в Париж. Его ждали здесь вопросы, пожалуй, даже более сложные, чем в Англии. Ко времени своей поездки он остался без министра иностранных дел. Лобанов-Ростовский скоропостижно умер 30 августа 1896 г. Преемник ему назначен еще не был. Николай ездил в сопровождении товарища министра Шишкина, временно управляющего министерством, человека без собственной точки зрения и недалекого. Около еще более скудоумного Николая во время его ответственного путешествия не было никого, кто мог бы ему подать дельный совет.

У французского правительства в связи с положением в Турции появились свои заботы. Ближний Восток вслед за Российской империей представлял важнейшую сферу экспорта французского капитала. В одной только Турции было вложено более 2,5 млрд., возможно даже 3 млрд., франков [2]. Чтобы оценить эту сумму, надо заметить, что общий размер инвестированного за границей французского капитала исчислялся в то время приблизительно в 27 млрд. франков. Таким образом Турция поглотила около 10% всего капитала, экспортированного Францией.

У французских владельцев находилось 60% облигаций оттоманского государственного долга, приблизительно на 1,5 млрд. франков [3]. 336 млн. франков французских денег было вложено в турецкие железные дороги; около 160 млн. франков — в промышленные и торговые предприятия в Турции; 176 млн. — в ближневосточные отделения французских банков. В действительности французские банки распоряжались гораздо большими суммами. Они первенствовали в Управлении оттоманского долга. В Оттоманском банке преобладающее влияние принадлежало Banque de Paris et des Pays Bas и группе банкирских домов, связанных с Union Parisienne. Английский капитал все больше привлекался инвестициями в пределах Британской империи и в Америке, выказывая мало склонности к усилению своей деятельности в Турции. Он явно уступал там почву французскому капиталу. Иным было положение в области внешней торговли: тут Англия довольно прочно удерживала первое место. Как бы то ни было, заинтересованность французского капитала в Турции была очень значительной. Русская политика сохранения status quo, т. е. поддержания Османской империи, полностью отвечала интересам капитала и правительства Франции. Ее капиталистам требовались, однако, специальные меры для предотвращения возможного финансо-

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 182, л. 248—253. Секретная записка Стааля от 3 октября (21 сентября) 1896 г.

[2] *E. M. Earle.* Turkey, the great powers and the Bagdad railway. New York, 1935, p. 154—155. Приводимая им цифра относится к 1903 г., но до тех пор с 1896 г. не произошло существенных перемен. Ср. АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 27, т. I, л. 99. Донесение Нелидова № 17 от 28 (16) января 1896 г.; там же, л. 10. Донесение Нелидова № 2 от 14 (2) января 1896 г.

[3] *E. M. Earle.* Turkey, the great powers and the Bagdad railway, p. 155. Нелидов в указанных донесениях долю Франции в турецких государственных ценностях определял в две трети. (АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 27, т. I, л. 10. Донесение Нелидова № 2 от 14 (2) января 1896 г.)

вого банкротства турецкого государства и обеспечения сохранности и прибыльности иностранных инвестиций. Царское правительство в принципе не противилось проведению подобных мероприятий. Но не все те методы, которые готовы были применить для санирования турецких финансов французские капиталисты и правительство Третьей республики, являлись приемлемыми для русского царизма. «Россия и Франция обе в очень высокой степени заинтересованы в восточном вопросе, хотя и в различных сферах, — говорил Нелидову французский посол в Турции Камбон. — Россия, как ближайшая соседка, заинтересована более на политической, территориальной и военно-морской почве. Вопрос о проливах для нее первостепенной важности. Франция, напротив, имеет материальные интересы; более 3 млрд. французских денег помещено в турецкие займы и предприятия. Без предварительной договоренности союзницы легко могут столкнуться, защищая свои интересы» [1].

Острота этих столкновений, следует отметить, часто преувеличивалась и раздувалась иностранной дипломатией и публицистикой, особенно германской и английской. Часто желаемое они принимали за действительное. Но столкновения все же случались. Одно из них разыгралось как раз осенью 1896 г., когда возникли опасения за прочность Османской империи. Что сталось бы с французскими деньгами, вложенными в обветшалое государство султана, если бы оно рассыпалось, было бы разделено или, наконец, в силу крайней денежной нужды прибегло к государственному банкротству? Крах и раздел Турции грозили целости французских капиталов.

В качестве наилучшей гарантии их сохранности французским банкирам представлялось максимальное расширение международного контроля над турецкими финансами посредством расширения сферы компетенции Управления оттоманского долга. По соглашению, заключенному в 1881 г. между Портой и ее кредиторами и положенному затем в основу Мухарремского указа султана, совет Управления оттоманского долга ведал лишь доходами, забронированными в качестве обеспечения платежей по долговым обязательствам турецкой казны. С точки зрения французских кредиторов, совету следовало бы заняться также и общим «оздоровлением» турецких финансов. Его функции могли бы быть распространены не только на всю совокупность государственных доходов Турции, но и на расходы, включая оплату чиновничества и армии. Фактически это означало бы переход власти из рук султана к западным банкирам, преимущественно французским, выступающим под прикрытием международного органа финансового контроля [2].

Для российской дипломатии такой путь был совершенно неприемлем: «Переход в европейские руки экономических средств Турции был бы равносилен нейтрализации Оттоманской империи и замене слабого, но все-таки еще нѐзависимого ее правительства сильным, но неприязненным нам международным устройством» [3]. Такой результат противоречил бы основной задаче русского правительства — законсервировать слабую Турцию, независимую от Запада и зависимую от России [4].

Осенью 1896 г. Аното получил возможность воспользоваться безначалием, царившим тогда в русском министерстве иностранных дел.

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 27, т. I, л. 98—99. Донесение Нелидова № 17 от 28 (16) января 1896 г.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 169, л. 264—272. Донесение Капниста № 72 от 23 (11) ноября 1896 г.; там же, д. № 29, л. 481—484. Проект инструкции Нелидову от 8 декабря (26 ноября) 1896 г.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 27, т. I, л. 13. Донесение Нелидова № 2 от 14 (2) января 1896 г.

[4] См. *В. Хвостов.* Ближневосточный кризис 1896—1897 гг. «Историк-марксист», 1929, № 13, стр. 25—26.

И ему чуть-чуть не удалось побудить царское правительство согласиться на то самое, что Нелидов именовал «интернационализацией» Турции и что фактически означало бы видоизменение полуколониальной эксплуатации Турции в невыгодном для царизма направлении.

Аното воспользовался визитом Николая II в Париж, где царь пробыл с 6 по 8 октября 1896 г. Ему был оказан весьма торжественный прием. Французский министр уговорил Николая и сопровождавшего его Шишкина утвердить совместные инструкции послам России и Франции в Константинополе, которые содержали в себе как раз все те французские пожелания, на которые до сих пор царское правительство категорически отказывалось дать свое согласие [1]. Эти инструкции предусматривали сближение с Англией. Предполагалось достигнуть соглашения по египетскому вопросу, «но при условии взаимных удовлетворений как в том, что касается будущего авторитета администрации египетского долга», так и в том, «что касается необходимых гарантий нейтрализации Суэцкого канала». Об эвакуации Египта в инструкциях не упоминалось и только глухо говорилось о необходимости «установления в Египте порядка, более согласного с принципом целостности Оттоманской империи». Очевидно, Аното предполагал санкционировать оккупацию Египта, обеспечив имевшиеся там экономические интересы Франции и получив от Англии некоторые уступки в отношении навигации по Суэцкому каналу.

Инструкции предполагали, далее, расширение компетенции Управления оттоманского долга, причем русское правительство соглашалось послать своего делегата в это учреждение, которое оно до тех пор игнорировало. Царское правительство, таким образом, сделало шаг в сторону установления над Турцией международного контроля.

И Николай, и Шишкин, очарованные оказанным им приемом, вернулись чрезвычайно довольные парижскими соглашениями. Шишкин был в восторге от составленных инструкций обоим послам в турецкой столице. «Император много беседовал с Аното в Версале, — рассказывал Шишкин Ламздорфу, — он целиком одобряет расширение компетенции Управления оттоманского долга с введением туда русского представителя». «Мы сделали в Париже большое дело» [2], — заключил Шишкин.

Однако в Петербурге привезенные из Парижа инструкции получили совсем иную оценку. Возражал Витте, влияние которого все возрастало. Возражал и наиболее влиятельный чиновник министерства иностранных дел — Ламздорф. Некоторые послы тоже выступили с протестом. Сидевший в Вене Капнист ограничился ироническими письмами, в которых открыто издевался над Шишкиным. «В Вене, — сообщал он Шишкину, — в парижском соглашении видят результат личного влияния господина Аното» [3]. «Какие своеобразные понятия, — писал он немного позже, — господин Аното имеет о нашей дипломатии, раз он в момент посещения Парижа русским императором предлагает подобную линию поведения, столь мало согласную со всей внешней политикой России и ее интересами» [4].

Что касается посла в Турции Нелидова, то он начал с того, что добился разрешения на приезд в Петербург. Прибыв туда, он заявил, что скорее уйдет в отставку, чем согласится следовать парижским инструкциям. Тотчас по приезде он представил Николаю записку по этому вопросу и нашел поддержку у Витте и Ламздорфа.

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 29, л. 454—465. Секретные инструкции Нелидову (составленные в Париже и утвержденные царем 19 (7) октября 1896 г.).

[2] ЦГАОР, фонд 568 — И, д. № 46. Дневник Ламздорфа за 1896 г. Тетрадь III, стр. 4, и «Вложения» в дневник, л. 18.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 169, л. 232—234. Донесение Капниста № 63 от 12 ноября (31 октября) 1896 г.

[4] Там же, л. 268. Донесение Капниста № 72 от 23 (11) ноября 1896 г.

О силах противодействия проведал французский посол граф Монтебелло. Но Николай II заверил посла, что по-прежнему поддерживает достигнутое в Париже соглашение. Он «надеется» переубедить Витте и Нелидова. Вместо этого, прочитав записку последнего, царь сразу же переубедился сам. «Чем больше я думаю об этом деле, — писал он, — тем сильнее мне кажется, что мы сделали крупный промах», и «от этих мыслей Аното нам надо отказаться».

«В добрый час, — заметил по этому поводу Ламздорф в своем дневнике, — но зачем же тогда было давать себя связать в Париже формальными обязательствами, зачем писать «вполне согласен» на проекте инструкций и зачем обещать Монтебелло позавчера, в четверг, на аудиенции постараться убедить Нелидова и Витте. Молодой государь меняет свои точки зрения с ужасающей быстротой» [1].

Капнист, узнав об отказе от парижских соглашений, испытывал «истинное облегчение». Как и Нелидов, он был убежден, что расширение прав Управления оттоманского долга «должно было привести к господству над Турцией вшестером». «К счастью, — писал он Шишкину, — привезенная вами в Петербург комбинация г-на Аното не могла выдержать серьезного рассмотрения и теперь оставлена» [2].

Было действительно решено отказаться от той линии, которая была зафиксирована в парижских инструкциях. Нелидов подготовил проект новой инструкции, который был утвержден царем. Чтобы несколько успокоить французов, новая инструкция предлагала послу сделать султану заявление, в котором говорилось, что, в случае если он посягнет на доходы, закрепленные за Управлением оттоманского долга, державы установят над Турцией финансовый контроль еще более стеснительный, чем тот, который был определен декретом 1881 г.[3] Тем не менее Аното был «крайне удручен» провалом своей комбинации. Его положение было «поколеблено этой неудачей». В палате он ожидал атаки со стороны оппозиции, со стороны радикалов, особенно Думерга, «который в качестве министра финансов в кабинете Буржуа является рупором всех наших держателей турецких фондов, крупных и мелких». «Вы ослабили нашу партию» [4], — жаловался Аното.

Давление английской дипломатии на Турцию. Проект Нелидова

Между тем британский кабинет, не решившись на сепаратное выступление против Турции, искал других путей для своих интриг против султана. Беседа с Николаем II предоставила для этого некоторые возможности. 20 октября 1896 г. английское правительство обратилось к другим великим державам с нотой, в которой предлагало поручить их послам в турецкой столице выработать проект реформ уже не только для армянских вилайетов, но для Османской империи в целом. Отказываясь от сепаратных действий и не сумев достигнуть сделки с Россией (и Францией), английское правительство прибегало к методу «европейского концерта». При условии, что с проектом реформ, выработанных послами, предварительно согласятся правительства всех шести держав, надлежало навязать проект султану посредством «мер принуждения». В Бальморале Николай согласился с существом предложений, включенных в английскую ноту. Но в Петербурге царя его советники уговорили и тут пойти на попятную и отказаться

[1] ЦГАОР, фонд 568 — И, д. № 46. Дневник Ламздорфа за 1896 г. Тетрадь III, стр. 7—8. Записи от 12 ноября (31 октября), 14 (2) и 15 (3) ноября 1896 г.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 169, л. 269. Донесение Капниста от 23 (11) ноября, № 72.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 29, л. 481—484. Инструкция Нелидову, утвержденная 8 декабря (26 ноября) 1896 г.; там же, л. 220. Письмо Нелидова французскому послу в Петербурге графу Монтебелло от 20 (8) ноября.

[4] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 139, л. 451—453 и 472—473. Письма Моренгейма от 26 ноября (14) и от 10 декабря (28 ноября) 1896 г.

от применения «мер принуждения». Странное впечатление оставляли первые шаги Николая на дипломатическом поприще!

24 ноября царское правительство совершило, однако, новый зигзаг. Оно вернулось к позиции, занятой царем в Бальморале. Инициатором, видимо, был Нелидов. Вскоре по прибытии в Петербург он принялся готовить поворот во внешней политике правительства. 30 ноября 1896 г. Нелидов подал царю записку, в которой указывал на шаткое положение Турции и возможность утверждения там иноземного влияния. Переход проливов из рук слабой Турции в более сильные угрожал бы безопасности России в Черном море и закрывал ей выход в Средиземное море. Дабы предотвратить эту опасность, Нелидов предложил произвести захват входа в Босфор, внезапно высадив десант на обоих его берегах. 5 декабря совещание под председательством царя постановило выполнить этот план в том случае, если державы, в соответствии с предложенным Солсбери проектом реформ, решат предпринять морскую демонстрацию против Турции и для этого введут в проливы свои эскадры.

На совещании Нелидову возражал Витте. Он опасался, что реализация его проекта приведет к войне [1]. Когда проект был все-таки принят, Витте обратился за помощью к обер-прокурору святейшего синода Победоносцеву, который имел на царя большое влияние. Совместно они уговорили Николая отказаться от осуществления нелидовского проекта. Видимо, им помогло союзное правительство. Франция тоже сказала свое слово, и отнюдь не в пользу Нелидова [2].

12 декабря, воспользовавшись необходимостью ответа на английскую ноту от 20 октября, французское правительство выдвинуло три условия своего согласия на обсуждение предложенного Англией проекта реформ: 1) сохранение целостности Османской империи; 2) исключение кондоминиума шести держав над ней; 3) исключение сепаратных действий какого бы то ни было рода со стороны каждой из великих держав. Последнее условие устраняло возможность осуществления проекта Нелидова.

Французское предложение пришлось как нельзя более кстати тем руководящим деятелям русского правительства, которые выступили против Нелидова. Царское правительство ответило Франции согласием.

Проект Нелидова остался клочком бумаги. 18 декабря его автор телеграфировал, что «три пункта» Аното «могут чрезвычайно стеснить нас в исполнении решений секретного заседания 5 декабря» [3]. Но в ответ на это ему было сообщено из Петербурга, что «император нашел три пункта Аното согласными со своими видами». «Невозможно, в самом деле, договариваться с державами об общих действиях (имелись в виду переговоры послов о реформах. — *В. Х.*), оставляя у них по отношению к России подозрения относительно задних мыслей о сепаратном выступлении». «Этим мы рискуем развязать им руки и создать для других предлог для таких же самостоятельных выступлений». Дальше Нелидову разъясняли, что решения от 5 декабря не имеют «никакого отношения к текущей фазе наших переговоров». Они могут вступить в силу лишь

---

[1] См. *В. Хвостов.* Проект захвата Босфора в 1896 г. «Красный архив», 1931, т. 4—5 (47—48), стр. 64—67.

[2] См. *В. Хвостов.* Проблема захвата Босфора. «Историк-марксист», 1930, т. 20, стр. 100—129; *В. Хвостов.* Проект захвата Босфора в 1896 г. «Красный архив», 1931, т. 4—5 (47—48), стр. 50—55.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 29, л. 307. Телеграмма Нелидова от 18 (6) декабря 1896 г.

«как следствие неожиданных событий», которые не следует искусственно приближать [1].

В итоге ближневосточного кризиса 1894—1896 гг. в Османской империи в основном все осталось по-старому. Проект реформ был выработан послами, но так и не был вручен султану.

Какова была истинная цена заботам английского кабинета о либеральных реформах, видно из того, что все требования на этот счет англичане готовы были снять в тот самый момент, когда «кровавый султан» вернется к ориентации на Англию. Давление на султана чередовалось у английской дипломатии с заигрываниями с ним. «Лорд Солсбери, — доносил Нелидов, — унижается до лести, чтобы заслужить доверие падишаха и оторвать его от интимности с Францией и Россией» [2]. А в конце 1896 г. английское правительство обещало султану финансовую помощь за подчинение английскому руководству [3].

Минуты колебания бывали и у Абдул-Гамида. «Глуп я был, что рассорился с англичанами, — говорил он одному из приближенных. — Отсюда все мои несчастья» [4]. Но в основном он продолжал придерживаться ориентации на русско-французскую группу, с одной стороны, и на Германию — с другой, пугая их по временам возможностью примирения с Англией.

Дипломатия Османской империи в период кризиса 1894—1896 гг. основывалась, как и обычно, на использовании противоречий между великими державами. В этом деле Абдул-Гамид орудовал с немалой ловкостью. «Чем больше взглядов и интересов представлено в его личном окружении и в политической сфере, — сообщал германский посол Маршаль, — чем острее сталкиваются противоречия, чем более насаждается и распространяется недоверие, тем более обеспеченными считает Абдул-Гамид свою личную безопасность и свою политическую власть от покушений изнутри и извне. Он знает, какие люди во дворце являются шахматными фигурами России, Франции, Англии и т. д..., он знает, кого из его окружения «интересуют» цели иностранных держав; он знает, что честолюбивые и враждующие друг с другом члены его министерства имеют своих агентов во дворце; он поощряет все эти противоречия, использует одних против других, там возбуждает надежды, там дает обещания, чтобы в конце концов не исполнить ни тех, ни других» [5]. Пользуясь разногласиями капиталистических держав, султан прибегал к проволо́чкам, всячески затягивал ответы на их домогательства. Тактикой проволо́чек он владел в совершенстве. Султан лично направлял турецкую дипломатию, совершенно заслонив собою Порту. Русский посол следующим образом описывал дипломатию «зулюма», как именовали режим Абдул-Гамида. «Все дела сосредоточены в Ильдызе (резиденции султана. — *В. Х.*), — писал Нелидов. — Отсюда отправляются важнейшие инструкции турецким послам и посылаются сообщения пребывающим здесь иностранным представителям. Составлением их занимается обычно сам Абдул-Гамид» [6]. Своей цели — сохранения прогнив-

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 29, л. 486. Телеграмма Шишкина Нелидову, утвержденная Николаем и отправленная 20 (8) декабря 1896 г. Ср. проект личного письма Шишкина Нелидову от 29 (17) декабря 1896 г. (отправленного 30 (18) декабря). (Там же, л. 495—498.) Черновик написан рукой Ламздорфа. (Там же, л. 499—501.)

[2] Там же, л. 166. Весьма секретное донесение Нелидова от 9 апреля (28 марта) 1896 г.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 29, л. 286—287. Секретная телеграмма Жадовского от 28 (16) ноября 1896 г.

[4] ЦГАОР, фонд 568 — И, д. № 43. Дневник Ламздорфа за 1895 г. Тетрадь IV, стр. 32. Запись от 5 декабря (23 ноября) 1895 г.

[5] «Die Grosse Politik», Bd XII, T. II, S. 568.

[6] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 27, т. II, л. 622. Донесение Нелидова № 152 от 7 октября (25 сентября) 1896 г.

шего феодально-абсолютистского режима и национально-религиозного гнета — Абдул-Гамид во время кризиса 90-х годов добился полностью.

В международном отношении «армянская Антанта» осталась эпизодом. Более прочного соглашения между Англией и русско-французской группой не последовало. Наоборот, установилось временное сотрудничество между обоими континентальными военными блоками, при сохранении, однако, коренного антагонизма между ними, взаимного недоверия и подозрений. Начатое совместным вмешательством в японо-китайскую войну, это сотрудничество продолжалось во время кризиса на Ближнем Востоке на основе совместной поддержки Турции против Англии.

Со стороны Австро-Венгрии и Италии делались попытки продолжать политику сближения с Англией путем укрепления средиземноморской и балканской Антант 1887 г. Но успеха попытки эти не имели. Английский кабинет и раньше не соглашался на уточнение своих обязательств по этим соглашениям касательно действий против России и Франции. Теперь тем более не было оснований ждать от него шагов в этом направлении. Отношения Англии с главой Тройственного союза ухудшились. Менее чем когда-либо она была склонна вести борьбу с Россией не чужими, а своими собственными силами.

Что касается германского правительства, то оно было в высшей степени удовлетворено изоляцией Англии, выявившейся ныне не только на Дальнем, но и на Ближнем Востоке.

Германская дипломатия действовала здесь так же, как и в Восточной Азии. Она стремилась обострить англо-русские противоречия. С одной стороны, Германия оказывала русскому правительству поддержку в его борьбе против англичан, за status quo в Турции, с другой — та же германская дипломатия натравливала Англию на Россию. Она подстрекала Лондон послать в проливы британский флот, заявляя, что это было бы самым верным средством воздействия на султана. В то же время она обещала в Петербурге содействие против Англии и поощряла царское правительство захватить проливы. В общем германское правительство всячески стремилось спровоцировать англо-русский конфликт. Разумеется, двойная игра германской дипломатии не оставалась тайной для руководителей как английской, так и русской внешней политики. Англо-германские отношения продолжали сохранять весьма напряженный характер. Царское правительство не отказывалось от сотрудничества с Берлином, но при этом твердо держалось за союз с Францией.

После шатаний Николая II и Шишкина в октябре 1896 г., русская дипломатия вернулась в то русло, по которому ее в свое время направил Лобанов-Ростовский в согласии с Витте: укрепление союза с Францией, сотрудничество с Германией по отдельным вопросам и не в ущерб франко-русскому союзу, развитие экспансии на Дальнем Востоке, «замораживание» ближневосточного вопроса посредством поддержки султана, оппозиция против Англии в Египте.

Греко-турецкая война

В начале 1897 г. народные массы Ближнего Востока вновь оказали свое воздействие на международную обстановку и на деятельность дипломатии капиталистических государств. В феврале 1897 г. вспыхнуло восстание греческого населения на острове Крит. Восставшие требовали полного освобождения от турецкого ига и присоединения острова к «эллинской родине» — Греции. Они ни в коем случае не желали довольствоваться автономией в рамках ненавистной Османской империи. А именно это хотела навязать им дипломатия великих держав, которые выступили в качестве душителей греческого национально-освободительного движения.

Вся Греция была охвачена национальным подъемом. Король, опасавшийся потери короны, и правительство Греции вынуждены были послать в критские воды военные корабли и высадить десант на помощь повстанцам. Державы — ретивее всех Германия — выступили против Греции. Инициативу проявил сам кайзер, вмешавшись в переговоры. Он лично объехал посольства великих держав в Берлине, предлагая организовать объединенные действия военно-морских сил против греческого флота, а если потребуется, объявить блокаду Пирея. Кайзер подготовлял своим заступничеством за Турцию почву для проникновения туда немецкого капитала.

Английское правительство ответило, что сначала султан должен предоставить Криту полную автономию в рамках Османской империи. Русское правительство предложило компромисс: султан предоставит Криту автономию, но греческому правительству державы пошлют ультиматум с предложением вывести с Крита свои вооруженные силы. Если оно этого не сделает, то к Греции будут применены меры принуждения. Это предложение и было принято. 2 марта представители держав вручили турецкому и греческому правительствам тождественные ноты.

Турция приняла требования держав, Греция их отвергла. Греческое правительство заявило, что не может удовольствоваться автономией и требует присоединения Крита к Греции — правда, после предварительного проведения на острове плебисцита. Перед державами встал вопрос о применении к Греции мер принуждения, но они долго не могли договориться о характере таких мер. Кончилось тем, что была объявлена блокада Крита. Однако Англия вскоре же отказалась от участия в совместных действиях.

Греческое правительство не стало считаться с державами. Оно заявило, что если они помешают ему взять Крит, то оно поднимет восстание греческого населения в Македонии и в других местах Турции и двинет в Македонию свою армию. 13 марта 1897 г. в Греции была объявлена всеобщая мобилизация. Султан со своей стороны сосредоточивал силы на греческой границе. Теперь державы, включая Англию, договорились блокировать порт Воло, через который из-за недостатка железных дорог проходило питание всем необходимым греческой армии, расположенной в Фессалии. Но они запоздали: 17 апреля греческие войска открыли военные действия против Турции. Султан, при поощрении со стороны Германии, ответил объявлением войны.

Турция располагала значительным превосходством в силах. Турецкая армия нанесла греческим войскам тяжелое поражение. Турки приблизились к воротам Аттики. Однако, по выражению турецкого историка, «одержанная победа принесла османам очень мало выгоды» [1]: по инициативе Англии последовало вмешательство держав в целях перемирия. Германский кайзер обусловил его предварительным согласием Греции отозвать все свои вооруженные силы с Крита и удовольствоваться его автономией в составе Османской империи. Греческое правительство согласилось, но султану этого теперь было уже мало. Он требовал передачи ему Фессалии и уплаты контрибуции. Царь написал личное письмо султану, побуждая его к уступкам. Абдул-Гамид последовал этому требованию. 19 мая было заключено перемирие, а 18 сентября — мир на началах status quo ante bellum, если не считать незначительного исправления границы в Фессалии в интересах Турции. Греции ввиду плачев-

---

[1] «Тарих» (История Турции; Изд. Турецкого исторического общества). Перев. с турецкого Е. Гольмана (на правах рукописи), т. III. М., Ин-т востоковедения, 1937, стр. 66—67.

ного состояния ее финансов был навязан международный контроль к выгоде финансовой олигархии великих европейских держав.

Криту была предоставлена широкая автономия. После долгих споров и пререканий в 1898 г. принц Георг Греческий был назначен комиссаром острова с мандатом от четырех держав — Англии, России, Франции и Италии.

Германия и Австро-Венгрия протестовали. Они отозвали с острова свои корабли и воинские контингенты и вышли из «концерта» держав. Германия «положила свою флейту на стол» — так выразился по этому поводу Бюлов, новый статс-секретарь по иностранным делам.

Хотя у султана фактически отобрали Крит, невзирая на одержанную им победу, тем не менее победа эта продемонстрировала довольно значительную силу турецкой армии и продлила существование Османской империи, а также личного режима Абдул-Гамида.

В. И. Ленин видел смысл армянских волнений и греко-турецкой войны в освобождении буржуазного общества от феодализма. Завершено оно было только на Крите. Движение армянского народа было подавлено. Македония осталась под властью Турции. Ближневосточный кризис 90-х годов пришел к концу. Дипломатия капиталистических держав содействовала подавлению национально-освободительного буржуазно-демократического движения угнетенных наций Османской империи. Она способствовала сохранению архаического феодального и полуколониального режима в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке.

Россия и Австро-Венгрия на Балканах в 90-х годах XIX в.

Царское правительство в 90-х годах выступало против национально-освободительного движения в Османской империи вместе со злейшими его врагами — Германией и Австро-Венгрией. Русские традиции поддержки христианских подданных султана были отброшены царским правительством. Тем не менее соперничество России с Австро-Венгрией на Балканах продолжалось.

После воцарения в Болгарии Фердинанда Кобургского на всем Балканском полуострове установилось экономическое и политическое преобладание Австро-Венгрии. Исключение представляла только Греция, где господствовал английский и французский капитал. Одно время русское влияние первенствовало только в крохотной Черногории.

Однако засилье габсбургской монархии и австрийского капитала постепенно снова вызвало в балканских государствах поворот в пользу России. С падением министерства Стамбулова в Болгарии и с окончанием правления короля Милана в Сербии обе страны, казалось, вновь переходили к русской ориентации. В Болгарии министерство Стоилова искало примирения с Россией. Оно стремилось добиться признания царем Фердинанда Кобургского в качестве князя Болгарии.

И такое признание последовало. После крещения наследника болгарского престола по православному обряду русское правительство в 1896 г. посоветовало султану в качестве сюзерена Болгарии обратиться к державам с предложением признать Фердинанда. Наступал конец той «политической монополии», которой в течение восьми лет привыкла пользоваться в Болгарии Австро-Венгрия [1]. Это сразу же ударило по карману австрийской буржуазии: Болгария денонсировала весьма выгодное для Австрии торговое соглашение 1889 г. Австрии пришлось согласиться на повышение болгарских пошлин на фабрикаты на 25%, и вдобавок многие товары кроме пошлины были обложены акцизом. При

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1895 г., д. № 111, л. 81—83. Донесение Капниста от 22 (10) августа 1895 г.; АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 169, л. 181—184. Донесение Капниста № 50 от 5 августа (24 июля) 1896 г.

этом новый закон об акцизе был составлен так, что обложение падало как раз на товары, которые ввозились преимущественно из Австрии [1].

В Сербии экономические позиции Австрии оставались еще очень прочными. Как раз в 1895 г. сербское правительство заключило в Вене заем на крайне тяжелых условиях. Русский дипломат сообщал, что экс-король Милан получил крупную взятку от венских банкиров за «советы», преподанные им своему сыну [2]. Но и в Сербии полная политическая гегемония Австро-Венгрии, как она существовала при Милане, пришла к концу. В 1894 г. перестал существовать австро-сербский договор 1881 г., фактически лишавший страну возможности вести самостоятельную политику.

Наконец, в столице Османской империи русское влияние тоже возрастало. Если ко всему этому добавить опасения австро-венгерских правящих кругов, что балканские государства могут забыть свою взаимную борьбу [3] и, опираясь на Россию, стать центром притяжения для южных славян Австро-Венгрии, тогда станет понятным страх перед Россией, владевший умами политических деятелей в Вене и Будапеште.

Австро-русское соглашение 1897 г.

Правительства Австро-Венгрии и Италии в течение ближневосточного кризиса многократно пытались добиться в Лондоне уточнения английских обязательств по средиземноморской и балканской австро-англо-итальянским Антантам 1887 г. Возвращение к власти консерваторов, последовавшее в 1895 г., преисполнило надеждой итальянское и австро-венгерское правительства. Однако их просьбы со стороны нового британского кабинета так же неизменно встречали отказ, как и у его либерального предшественника. Обострение англо-германского антагонизма уничтожило последние шансы на успех усилий Австро-Венгрии получить в Лондоне твердые обязательства помощи против России.

Уклонение Англии от серьезного соглашения с Австро-Венгрией и Италией заставило немецкое правительство еще сильнее добиваться старой цели Бисмарка — австро-русского соглашения по спорным балканским вопросам. «Мы должны добиваться, чтобы венский кабинет не вводил свою восточную политику во враждебное России русло до тех пор, пока по отношению к Англии дело идет лишь о настроениях и надеждах, а не о твердых договорных условиях» [4]. Аналогичные советы подавались и в Риме [5].

Отказ Англии от тесного сотрудничества с Австро-Венгрией вызвал со стороны последней попытки заручиться более активной помощью Германии на случай осложнений с Россией из-за вопросов Балканского полуострова. 29 февраля 1897 г. один из руководящих сотрудников австро-венгерского министерства иностранных дел, граф Вельзерсхеймб, имел довольно необычный разговор с князем Лихновским — первым секретарем германского посольства в Вене. Вельзерсхеймб начал с того, что в самых пессимистических тонах обрисовал положение Австро-Венгрии. Каждый, кто знаком с австрийскими условиями, объяснял он Лихновскому, должен понять, что успехи России на Балканах не могут здесь не беспокоить. Для Австро-Венгрии является вопросом жизни или смерти не допустить, чтобы русское влияние распространилось до самой Адриатики. Уже сейчас это влияние растет и в Сербии и в Болгарии.

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1895 г., д. № 110, л. 14—17. Донесение поверенного в делах в Вене Бенкендорфа № 2 от 7 февраля (26 января) 1895 г.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1895 г., д. № 111, л. 25—26. Письмо Бенкендорфа от 2 мая (20 апреля) 1895 г.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1896 г., д. № 169, л. 84—86. Донесение Капниста № 22 от 2 апреля (21 марта).

[4] «Die Grosse Politik», Bd XI, № 2665, S. 102.

[5] Ibid., № 2655, S. 86—88.

Что же станется с Австро-Венгрией, если Россия захватит Константинополь? Австро-Венгрия совершенно изолирована в защите своих важнейших интересов. Италия — союзник непригодный; Англия, видимо, хочет совсем отойти от балканских дел; Германия смотрит на них с безразличием и советует Австро-Венгрии договориться с Россией о разделе сфер влияния. Но такой сговор, рассуждал австрийский граф, ровно ни к чему не поведет. Россия, по его мнению, все равно не прекратит своих интриг также и в австрийской сфере. Чего же стоит Тройственный союз для Австрии? — спрашивал Вельзерсхеймб. На что он ей нужен? Ведь Австрии, собственно говоря, безразлично, кому принадлежит Эльзас-Лотарингия.

«Вот как?!» — раздраженно начертал Вильгельм на полях донесения Лихновского.

Вельзерсхеймб заметил еще, что, поссорившись с Англией, Германия отняла у Австро-Венгрии возможность договориться с британским правительством. Интересы держав Тройственного союза расходятся, заключал австрийский дипломат. Стремясь к сближению с Россией, Германия приносит в жертву балканские интересы Габсбургов. После такого вступления Вельзерсхеймб перешел к делу и заявил, что правительство Австро-Венгрии должно знать, какую же, собственно, помощь окажет ей Германия в случае столкновения с Россией на Востоке. Ведь «союз с Германией существует для Австро-Венгрии лишь при условии, что он обеспечивает защиту против России. Будь такая защита излишней, отпала бы необходимость в союзных отношениях, и они потеряли бы смысл» [1].

В ответ на это излияние из Берлина последовала такая отповедь, что у австро-венгерских правителей, как говорится, душа ушла в пятки. Гогенлоэ придрался к замечанию Вельзерсхеймба, что Германия, поссорившись с Англией, помешала австро-английскому соглашению. Если австрийское правительство полагает, заявил канцлер, что его союзница Германия мешает ему в его внешней политике, то она охотно освободит Австро-Венгрию от всяких союзных обязательств. Это гневно-ироническое заявление сопровождалось категорическим подтверждением отказа Германии распространить союзные обязательства на случай конфликта между Австро-Венгрией и Россией из-за вопросов Балканского полуострова [2]. Союзный договор имеет в виду лишь прямое нападение на Австро-Венгрию.

В результате всей этой перепалки германский посол мог сообщить, что австро-венгерский министр иностранных дел Голуховский все свои надежды возлагает ныне на Тройственный союз... Посол давал понять, что в Вене смирились и не предъявляют Германии никаких претензий.

Как ни дорожили в Вене и Будапеште сотрудничеством с Лондоном, но в новой обстановке правительство Австро-Венгрии сочло себя вынужденным договориться с Россией. Совместные усилия по поддержанию status quo на Балканах в течение ближневосточного кризиса 1894—1897 гг. облегчали эту задачу. Особенно большое значение имело то обстоятельство, что Россия не использовала своего влияния в Софии и Белграде для возбуждения македонского вопроса, к которому Австро-Венгрия была особенно чувствительна. Наоборот, вместе с нею царское правительство принимало меры к тому, чтобы в Македонии все осталось по-старому.

В апреле 1897 г. кайзер Франц-Иосиф и Голуховский нанесли визит в Петербург. Их ожидал наилучший прием. К этому времени Николай II

[1] «Die Grosse Politik», Bd XI, S. 117. Приложение к № 2673.
[2] Ibid., № 2674, S. 119.

нашел, наконец, преемника Лобанову: министром иностранных дел был назначен Муравьев. Между ним и Голуховским состоялись важные переговоры. Тут и было достигнуто дружественное соглашение между Россией и Австрией. Обе державы обязались поддерживать status quo на Балканах. В случае если бы, вопреки их стараниям, сохранить status quo не удалось, Россия и Австрия «заранее отвергают всякую мысль о завоеваниях на Балканском полуострове». Они взаимно обязывались договориться об обоюдных интересах, которые им придется учесть при возможных территориальных переменах на Балканском полуострове.

Было установлено, что вопрос о Константинополе и проливах имеет «общеевропейский характер» и не должен служить предметом сепаратных австро-русских соглашений. Австро-Венгрия подтверждала признание принципа закрытия проливов как обеспечивающий «законную безопасность» России.

Соглашению была придана форма обмена письмами. Эта форма ясно отразила разногласия, оставшиеся между договаривающимися сторонами. Австро-венгерский министр иностранных дел в своем письме от 8 мая 1897 г. выговаривал для своей страны право в случае необходимости превратить оккупацию Боснии и Герцеговины в аннексию и, кроме того, присоединить Новобазарский санджак. Если поддержание status quo станет невозможным, Голуховский предусматривал в своем письме образование независимой Албании и раздел остальной части Балкан между существующими балканскими государствами, с тем, однако, чтобы между ними не было нарушено «равновесие сил». Оставаясь злейшим врагом славянства, так же как и в дни восточного кризиса 70-х годов, Австрия не допускала образования большого славянского государства.

Ответная нота нового русского министра иностранных дел Муравьева отказывалась точно фиксировать все эти «вопросы будущего». Вопрос об аннексии Боснии, Герцеговины и Новобазарского санджака потребовал бы «специального рассмотрения». Говорить о создании Албании и разделе Балкан между малыми балканскими государствами «преждевременно». Вопросы эти «очень трудно разрешить в настоящее время». Соглашение свелось, в сущности, лишь к пункту о сохранении status quo [1]. Впрочем, на данном этапе такая договоренность имела реальное значение, так как обе стороны были заинтересованы в том, чтобы на некоторое время, по образному выражению Лобанова-Ростовского, «заморозить» восточный вопрос [2]. Для России это было нужно, чтобы иметь свободу рук на Дальнем Востоке, для Германии — дабы раздуть дальневосточный конфликт, поживиться за счет Китая, ослабить влияние России на Балканах. Австро-Венгрии же пока что было не до внешних авантюр ввиду тяжелого внутреннего кризиса, охватившего ее в эти годы.

Во всяком случае, будущие события показали, что австро-русское соглашение для своего времени было прочным. Оно фактически оставалось в силе около десяти лет. Лишь в 1908 г. status quo на Балканах был нарушен в результате действий правительства Австро-Венгрии.

Итало-эфиопская война (1895—1896 гг.)

В разгар ближневосточного кризиса произошли важные события в Африке, по условиям того времени весьма необычные: европейская «великая» держава — Италия — потерпела сокрушительное поражение от африканского народа, на независимость которого она покусилась.

---

[1] См. «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917», № 47, стр. 303—308.

[2] См. *В. Хвостов.* Ближневосточный кризис 1895—1897 гг. «Историк-марксист», 1929, т. 13, стр. 52—53.

В некоторых кругах итальянской буржуазии вынашивались грандиозные колониальные планы[1]. «У итальянцев глаза больше желудка», — заметил как-то Бюлов еще в бытность свою германским послом в Риме[2]. Эфиопия должна была стать ближайшей жертвой итальянских колонизаторов. Они использовали вражду между отдельными эфиопскими феодалами — «расами»: властитель области Шоа Менелик вел борьбу против негуса (императора) Иоанна, и в лице непокорного шоанского феодала Италия приобрела себе союзника.

Силы негуса ослаблялись войной с суданцами, которую разжигали английские империалисты. В 1887 г. итальянское правительство начало вторжение в Эфиопию, но вскоре сочло себя вынужденным отозвать свои войска обратно. В ожидании натиска итальянцев Иоанн в 1887—1888 гг. предложил властителю Судана халифу Абдуллаху заключить мир и союз против европейских колонизаторов — итальянских и английских. Но соглашение двух африканских государств не состоялось: Абдуллах не пожелал связаться с другим африканским государем, поскольку тот был христианином. На послание Иоанна с предложением союза Абдуллах ответил, что это возможно только в том случае, если негус перейдет в ислам. На деле Абдуллах не отказывался от захватнических видов на Эфиопию. Это отсутствие солидарности и единства между африканцами оказало роковое влияние. Судан скоро стал жертвой английского империализма.

Негус Иоанн был убит во время войны с суданцами. Это обстоятельство вместе с современным оружием, полученным от итальянцев, облегчило Менелику победу в феодальной распре над сторонниками Иоанна. Итальянское правительство намеревалось использовать успех Менелика, чтобы закабалить Эфиопию. 2 мая 1889 г. между новым негусом и правительством Италии был подписан так называемый Уччиальский договор. Италия получила в свое владение территорию будущей Эритреи[3]. В параграфе 17 Уччиальского договора указывалось, что «его величество негус негести[4] Эфиопии будет иметь право пользоваться услугами правительства его величества итальянского короля для всех переговоров по делам, связанным с другими державами и правительствами». Так звучал эфиопский текст. В итальянском же тексте слова «будет иметь право» были переведены словом «соглашается». Право прибегать к итальянскому посредничеству превращалось, таким образом, в отказ от самостоятельной внешней политики, т. е. в итальянский протекторат. Из-за толкования этого договора между итальянским и эфиопским правительствами вскоре же после его заключения возник конфликт.

Утвердившись на троне, Менелик стал на путь энергичного отпора колонизаторам.

Все попытки итальянцев дипломатическими методами (в которых немалую роль играли жульнические приемы, подобные «ошибке» в переводе Уччиальского договора) заставить негуса Менелика признать итальянский протекторат ни к чему не привели. В июне 1894 г. такое требование было предъявлено Менелику в ультимативной форме. Итальянцы грозили войной. Но Менелик ответил, что войны не боится.

Несмотря на поддержку со стороны Англии (которую итальянское правительство считало, впрочем, совершенно недостаточной), междуна-

---

[1] *J. L. Glanville.* Italy's Relations with England. 1896—1905. Baltimore, 1934, p. 13.
[2] «Die Grosse Politik», Bd VIII, № 1995, S. 372.
[3] «Trattati, convenzioni, accordi, protocolli ed altri documenti relativi all' Africa», vol. I, p. 219—221.
[4] «Царь царей» — титул императора Эфиопии.

родная обстановка складывалась для итальянцев не особенно благоприятно. Франция и Россия поддерживали Эфиопию как дипломатически, так и поставками оружия через Джибути, откуда караванным путем его переправляли в Шоа. Всего таким путем было будто бы доставлено около 130 тыс. ружей [1].

С окончанием периода дождей, в октябре 1895 г., итальянские войска начали вторжение в Эфиопию из Эритреи, располагая силами в 17—20 тыс. человек. Итальянский командующий генерал Баратьери отклонил предложение Менелика начать мирные переговоры на базе территориального status quo и отказа итальянцев от параграфа 17 Уччиальского договора. Вскоре колонизаторам пришлось пожалеть о своей несговорчивости: 28 февраля — 1 марта 1896 г. итальянская экспедиционная армия потерпела полный разгром в битве при Адуа.

Правительство Криспи, бросившееся в неудачную колониальную авантюру, вынуждено было уйти в отставку основательно скомпрометированным, при негодовании широких масс. Финансовая слабость не позволила Италии продолжать войну, как это намеревался сделать Криспи [2]. Сменивший Криспи кабинет Рудини заключил с Эфиопией мир. Согласно Аддис-Абебскому мирному договору (от 26 октября 1896 г.), Италия признала полную независимость Эфиопии; Уччиальский договор был аннулирован [3]. Падение Криспи означало удар по Тройственному союзу.

Правительство Эфиопии сумело организовать борьбу народа за независимость своей страны и использовало разногласия между империалистами, чтобы обеспечить себе снабжение оружием. Эфиопский народ ценой героических усилий отстоял свою независимость.

---

[1] *T. Palamenghi-Crispi.* L'Italia coloniale e Francesco Crispi. Milano, 1928, p. 157—159; «Die Grosse Politik», Bd VIII, № 1999, 2002, S. 376, 378—379; Bd XI, № 2754, 2764, 2817, S. 218—219, 228—229, 289—291; *Ю. Л. Елец.* Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н. С. Леонтьева. Спб., 1898, стр. 124.

[2] *T. Palamenghi-Crispi.* L'Italia coloniale e Francesco Crispi, p. 185.

[3] «Trattati, convenzioni, accordi, protocolli ed altri documenti relativi all' Africa», vol. 1, p. 508—509.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

БОРЬБА ЗА РАЗДЕЛ КИТАЯ

ПЕРЕГОВОРЫ ОБ АНГЛО-ГЕРМАНСКОМ СОЮЗЕ

После опиумных войн и первых неравноправных договоров сложилась система полуколониальной эксплуатации полуфеодального Китая капиталистическими государствами Европы и Америки. Эта система слагалась из многочисленных привилегий иностранному капиталу, грубо нарушавших национальную государственность. Она тем не менее все же сохранилась, хотя и ущемленная. Главными факторами, которые мешали капиталистическим державам полностью поработить страну, являлись, во-первых, сопротивление китайского народа и страх капиталистов перед революцией в Китае, а во-вторых, взаимное соперничество капиталистических хищников, мешавших друг другу превратить Китай в колонию в полном смысле этого слова.

Однако с переходом к империализму усилилась тяга капиталистических колонизаторов к разделу Китая, к захватам его территорий и превращению его из полуколонии в колонию.

После японо-китайского мира (1895 г.) и ограбления Китая Японией важным шагом на пути его закабаления явилась уступка, вырванная у цинского правительства английской дипломатией: согласно императорскому указу, изданному в июне 1896 г., произведения отечественной промышленности, выработанные с помощью современных машин, при вывозе в другие города Китая или за границу облагались специальным налогом в размере 10% стоимости. Импортные иностранные товары облагались пошлиной только в размере 5—7½%. Следовательно, этот акт цинских властей означал удушение молодой национальной капиталистической промышленности [1]. Одним из проявлений тенденции к разделу Китая явилось занятие иностранными колонизаторами в течение 1897—1898 гг. ряда китайских портов.

---

[1] См. *С. Л. Тихвинский.* Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй. М., 1959, стр. 134.

Захват китайских портов. Борьба за концессии

Почин положила Германия. Кайзеровское правительство стремилось приобрести военно-морскую базу в дальневосточных водах. Этого требовали интересы экспансии германского капитала в Китае. Выбор бывшего командующего немецкой дальневосточной эскадрой адмирала Тирпица (ставшего теперь морским министром) пал на бухту Цзяочжоу на южном побережье Шаньдунского полуострова.

После того как три европейские державы заставили Японию согласиться на пересмотр условий мирного договора, германское правительство вскоре же предъявило Китаю претензию на эту бухту.

Последовал отказ. Глава Цзунлиямыня князь Цин отказался обсуждать столь «беспрецедентное» притязание. Если его удовлетворить, заявил он, другие державы не замедлят предъявить свои требования.

Германское правительство решило прибегнуть к силе. Однако предварительно оно провело некоторую дипломатическую подготовку. Дело в том, что Россия располагала согласием китайского правительства на якорную стоянку ее военных кораблей в бухте Цзяочжоу. В августе 1897 г. Вильгельм II посетил царя в Петергофе. Во время этого визита император постарался выяснить, не грозит ли захват Цзяочжоу конфликтом с Россией. Николай II ответил кайзеру, что Россия заинтересована сохранить для своего военно-морского флота доступ в Цзяочжоу до тех пор, пока она не приобрела себе базу где-либо севернее этого порта. Царь заявил, что не станет возражать, если германские суда воспользуются бухтой Цзяочжоу, но только по согласованию с русским военно-морским командованием Тихоокеанского флота. В конце октября германское правительство известило Пекин и Петербург о своем намерении использовать Цзяочжоу как стоянку для своей эскадры. В Пекине немецкие дипломаты заявили о согласии Николая II. Однако русское правительство поспешило им напомнить, что свою готовность предоставить якорную стоянку в Цзяочжоу царь обусловил предварительным запросом русского военно-морского командования на месте. «С каким лицом китайцы встретят внезапное появление немецких кораблей!» — заметил заместитель царского министра иностранных дел Ламздорф, от которого германский поверенный в делах домогался согласия на захват облюбованной бухты.

В начале ноября 1897 г. в Шаньдуне были убиты два немецких миссионера. Это дало Германии желанный предлог для решительных действий. Вильгельм II сообщил царю, что вынужден занять Цзяочжоу, дабы обеспечить защиту миссионеров,

Кайзер выражал надежду, что Николай II не станет возражать. При этом он ссылался на петергофские переговоры.

Ответ царя гласил, что Цзяочжоу не принадлежит России; ввиду этого он не может ни одобрить, ни осудить отправки туда германской эскадры. Получив этот уклончивый ответ, Вильгельм II тем не менее отдал своим кораблям приказ войти в бухту.

Зондаж был произведен и в Лондоне. Здесь не возражали против намеченного немцами захвата и не без удовольствия предвкушали русско-германский конфликт.

9 ноября в Берлине было получено известие, что русское правительство в лице министра иностранных дел Муравьева протестует против захвата Цзяочжоу. Муравьев напомнил, что Россия получила от Китая обязательство в случае передачи Цзяочжоу иностранной державе сохранить за Россией право первой претендовать на эту гавань. Царский министр заявил, что он «скорбит» по поводу задуманного немцами шага [1]. Русская Тихоокеанская эскадра получила приказ отправиться в Цзяочжоу тотчас же, как только туда войдут германские корабли.

Правительство кайзера было раздражено выступлением Муравьева. Но оно считало целесообразным решить спор посредством компромисса с Петербургом: пусть Россия не возражает против захвата Цзяочжоу Германией. Пусть она вознаградит себя приобретением какого-либо другого порта! Не дожидаясь конца переговоров, немцы применили свой излюбленный дипломатический прием: они поставили Россию перед совершившимся фактом, высадив 14 ноября 1897 г. десант на побережье Цзяочжоу. Возникла угроза русско-германского конфликта.

Однако, видя непреклонность Германии, царское правительство пересмотрело свою позицию. Оно решило не перечить немцам и компенсировать себя за счет Китая. В декабре 1897 г. российская эскадра бросила якорь на рейде Порт-Артура. В Берлине кайзер и его правительство с восторгом приветствовали этот шаг. Вильгельм II совсем осмелел. Провожая в Китай с воинскими подкреплениями своего брата принца Генриха, он произнес в Киле нашумевшую речь, в которой угрожал «бронированным кулаком» расправиться с каждым, кто осмелится задеть Германию.

Поворот в политике русского правительства имел свои причины. Для России было бы всего выгоднее на данном этапе не допустить захвата китайских портов. Из этого первоначально

---

[1] См. *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, изд. 2. М.—Л., 1955, стр. 56.

и исходил Муравьев. Открытый и незамерзающий порт царское правительство приметило не в Китае, а в Корее. Но занятие порта в Корее вызвало бы сопротивление Японии, которую, возможно, поддержала бы Англия. Строительство Сибирской дороги еще не закончилось, царское правительство не было готово к войне с Японией. К тому же Германия заняла решительную позицию, и трудно было помешать ей захватить Цзяочжоу. В конце концов Муравьев счел за благо лучше взять Порт-Артур, где сопротивление обещало быть менее серьезным, чем в Корее. Витте возражал против захвата Порт-Артура. Он указывал, что этот шаг противоречит духу московского договора о русско-китайском союзе.

26 ноября 1897 г. под председательством царя состоялось совещание министров. Витте предлагал не искать «компенсаций в неприязненных действиях против Китая», а «направить нашу эскадру в Цзяочжоу и приказать ей стоять там, доколе Германия не покинет этого порта». Военный и морской министры тоже не поддержали идеи захвата Порт-Артура. На совещании было решено воздержаться от этого шага. Но вопреки этому Николай II утвердил предложение Муравьева, отвечавшее его собственным желаниям.

Появление русских кораблей на порт-артурском рейде вызвало в Лондоне большее беспокойство, чем захват Цзяочжоу. Хотя отношения с Германией были у Англии в тот момент хуже, чем с Россией, однако в Китае Россия могла причинить английским интересам гораздо больше вреда, чем Германия. Более того, нараставший англо-германский антагонизм как раз в Китае еще не успел разрушить сотрудничества между английскими и германскими банками. Позиции России на Дальнем Востоке, и особенно в Пекине, были значительно сильнее немецких. Русское влияние после событий 1895 г. было в китайской столице очень велико. Успехи России в Маньчжурии вызывали опасения за интересы английского капитала также и в других районах Китая.

С лета 1897 г. между Россией и Англией обострилась борьба за финансовое влияние на китайское правительство. Дело в том, что оно нуждалось в новом займе для уплаты Японии очередного взноса в счет контрибуции, наложенной по Симоносекскому договору. Каждая из двух соперниц стремилась навязать цинскому правительству свои условия и заполучить в свои руки предоставление займа, сулившее немалые выгоды. В Лондоне опасались, что выступление царской России в роли кредитора цинской монархии приведет к дальнейшему росту ее влияния в Китае. Еще в 1895 г. между Немецко-Азиатским и Гонконг-Шанхайским банками было достигнуто соглашение о сотрудничестве в кредитовании китайского правительства на

началах паритета [1]. Но эта англо-германская банковская группа, так же как и в 1895 г., обусловливала предоставление займа согласием китайского правительства на учреждение иностранного контроля над его финансами. Предъявлялись Китаю и другие кабальные требования.

14 декабря 1897 г. цинское правительство обратилось к российскому министру финансов. Витте согласился устроить заем без установления контроля, но при условии предоставления русским подданным монополии на железнодорожные и промышленные предприятия в Маньчжурии и Монголии. Он требовал, кроме того, выдачи Обществу КВЖД концессии на линию, ведущую от магистрали на Владивосток к гавани на Желтом море, которая будет намечена для этой цели, а также права соорудить там порт, открытый для захода всех судов под русским флагом, включая военные [2].

Об этом предложении Ли Хун-чжан тотчас же «по секрету» уведомил Лондон. Он рассчитывал, что это известие заставит английских капиталистов быть уступчивее.

Он не ошибся: банкиры умерили свои претензии. В то же время английское правительство забеспокоилось, как бы царская Россия не прибрала полностью Маньчжурию к рукам, а Англия не осталась бы без компенсации. Оно заявило в Пекине решительный протест против займа на русских условиях. Но царское правительство не менее категорично протестовало против английского займа. Британские корабли вошли в порт-артурскую бухту и бросили якорь рядом с русскими. Наступила очередь царского правительства проявлять беспокойство и возмущение. Оно не замедлило обнаружить их и в Пекине, и в Лондоне.

В Пекине британские дипломаты щедро раздавали взятки цинским сановникам, добиваясь согласия на заключение займа у английских банков. Царское правительство в свою очередь отпустило для подкупа мандаринов миллион рублей. «Если этой суммы будет мало, можно увеличить» [3], — телеграфировал Витте агенту министерства финансов в Пекине Покотилову. Взятки перемежались с различными угрозами в адрес Китая в случае заключения им контракта на заем у англичан.

Направив эскадру в Порт-Артур и показав, так сказать, когти, британский премьер решил сделать попытку договориться с Россией. Английские корабли получили приказ

---

[1] См. *А. С. Ерусалимский.* Проникновение германских монополий в Китай на рубеже XIX и XX вв. «Вопросы истории», 1960, № 9, стр. 76.

[2] См. *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 69.

[3] Там же, стр. 74.

покинуть Порт-Артур. 17 января 1898 г. Солсбери поручил английскому послу в Петербурге О'Конору «спросить г. Витте, не представляется ли возможным, чтобы Англия и Россия действовали в Китае совместно...» «Мы пойдем далеко навстречу коммерческим целям России на Севере, — писал Солсбери, — если увидим, что она желает сотрудничать с нами» [1]. О'Конор переговорил вместо Витте с Муравьевым. Не очень точно выполнил он поручение и по содержанию. Он высказался перед русским министром о желательности соглашения относительно «всей сферы наших взаимных интересов» — не только по вопросам Дальнего Востока. И Муравьев и Витте, с которым позже О'Конор тоже встречался, выразили согласие на подобные переговоры. В качестве сферы русских интересов оба указали северные районы Китая. Царь, встретившись с послом на балу, подтвердил ему готовность к соглашению с Англией.

Дипломатическое положение Англии в эти годы было не из блестящих. После телеграммы Вильгельма Крюгеру отношения с Германией осложнились. Надвигалась схватка с Францией из-за верховьев Нила. К тому же назревал конфликт с Россией на Дальнем Востоке. Англия была изолирована, поссорившись сразу и с Германией, и с франко-русской группой. Из числа трех соперниц Англии Солсбери ввиду наличия франко-германского антагонизма не особенно боялся Франции. В возможность сговора Англии с Германией он не верил. Сговор Гонконг-Шанхайского банка с Немецко-Азиатским не предотвратил ожесточенного англо-германского соперничества: немцы лезли в бассейн Янцзы, заповедную зону английского капитала, стремясь получить там железнодорожные концессии. Поэтому британский премьер предпочел добиваться соглашения с Россией, чтобы таким образом оградить дальневосточные интересы английского капитала и уменьшить число его врагов. Ведь уже в дни ближневосточного кризиса 1896 г. Солсбери намекал в Петербурге на желательность соглашения с Россией. В обоих случаях — и на Ближнем, и на Дальнем Востоке — лорд Солсбери, конечно, норовил по мере своих сил и способностей обмануть партнера, который, со своей стороны, имел точно такое же намерение. Короче говоря, в открывшихся англо-русских переговорах царила обычная атмосфера империалистической дипломатии.

Узнав о положительной реакции русского правительства, британский премьер 25 января 1898 г. поручил послу предложить в Петербурге план грандиозного раздела Китайской и

---

[1] «British Documents», vol. I, № 5, p. 5. Телеграмма Солсбери О'Конору от 17 января 1898 г.

Османской империй на сферы влияния при сохранении номинально целостности и той и другой. Долину Хуанхэ и области к северу от нее Солсбери готов был предоставить России в качестве сферы ее преобладающего влияния. Бассейн Янцзы должен был быть признан сферой такого же влияния Англии. В Турции царской России в качестве сферы влияния предназначались области, прилегающие к Черному морю, включая проливы, и Северная Месопотамия. Для Англии Солсбери хотел получить Южную Месопотамию с Багдадом, Аравию и турецкие владения в Африке (включая, конечно, Египет). «Нельзя ли договориться, — писал Солсбери послу, — чтобы в тех случаях, когда в отношении этих территорий наши советы (подаваемые турецкому или китайскому правительствам) расходятся, менее заинтересованная держава уступала бы и поддерживала другую?» [1]

Царское правительство решило, что в завязавшихся переговорах с Англией надо прежде всего получить от нее согласие на захват Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Даляньванем и на соединение их с КВЖД русской железнодорожной линией. В этом случае оно выразило готовность отказаться в пользу английских банкиров от предоставления займа Китаю и открыть Даляньвань для международной торговли. Такая договоренность «может стать пробным камнем» для будущего соглашения по «более обширной программе» [2].

И вдруг во время англо-русских переговоров в Петербург пришло тревожное известие: цинское правительство 1 марта 1898 г. подписало с Гонконг-Шанхайским банком контракт о займе в 16 млн. ф. ст.! Гарантией служили доходы от морских и внутренних таможен. Несколько ранее, 9—11 февраля и 13 февраля, Китай обязался перед Англией не отчуждать в пользу какой-либо третьей державы территории в бассейне реки Янцзы и сохранить за английским подданным должность главного инспектора морских таможен до тех пор, пока британская торговля преобладает в Китае над торговлей других стран.

Вопрос о займе к этому времени уже стал предметом англо-русских переговоров. Поэтому в Петербурге эти соглашения были восприняты как проявление крайней нелояльности со стороны коварного Альбиона.

Вдобавок пришла и другая весть: 6 марта 1898 г. было подписано германо-китайское соглашение, по которому Китай передавал Германии порт Циндао с окрестной территорией на побережье бухты Цзяочжоу на началах аренды сроком на 99 лет. В окружающей арендованную территорию 50-километ-

---

[1] «British Documents», vol. I, № 9, 16, p. 8, 12—13.
[2] «Красный архив», 1927, т. 6(25), стр. 118.

ровой зоне немецкие войска пользовались правом свободного передвижения, китайские же войска могли быть туда введены не иначе как по соглашению с германским правительством.

Одновременно цинское правительство предоставило Германии концессию на постройку двух железнодорожных линий в Шаньдуне. Они должны были связать немецкую морскую базу в Цзяочжоу с проектировавшейся магистралью Тяньцзинь — Нанкин и с бассейном реки Хуанхэ. Германские подданные получали право разработки горных богатств в 15-километровой полосе по обе стороны от обеих железных дорог. Один из пунктов германо-китайского договора гласил: «Китайское правительство строго обязывается во всех случаях, когда ему понадобится иностранная помощь людьми, капиталом или материалами для какой-либо цели в Шаньдунской провинции, предложить соответствующее предприятие или поставку материалов в первую очередь германским промышленникам и торговцам» [1]. Тем самым немецкая дипломатия создавала в этом районе Китая монопольное положение для капитала своей страны. Лишь «в том случае, когда германские промышленники или торговцы не будут склонны принять на себя осуществление подобных предприятий или доставку материалов, Китай будет иметь право поступать дальше по своему усмотрению». Таким образом, Шаньдун превращался в сферу влияния Германии. Буржуазия и юнкерство единодушно приветствовали захват Цзяочжоу. Политика собирания сил господствующих классов, т. е. укрепления блока юнкерства и крупного капитала, проводившаяся после отставки Каприви, с приобретением сферы влияния в Китае получила новый большой стимул. Один из лидеров тяжелой индустрии, крупнейший капиталист Кардорф, заявил с трибуны рейхстага: «Поскольку германская индустрия открыла себе в Китае рынок сбыта, промышленники воздержатся от того, чтобы снова искать для себя выгод путем снижения аграрных пошлин в будущем» [2].

Следует сказать, что в Берлине генеральный штаб очень боялся, как бы Китай не решился на сопротивление. Война из-за Цзяочжоу представлялась трудной и дорогостоящей. Поборники захвата Цзяочжоу, прежде всего военно-морское командование, строили свои расчеты на том, что цинское правительство побоится стать на путь сопротивления. И они не ошиблись: прогнившая феодально-компрадорская правящая клика капитулировала и на этот раз.

---

[1] *J. V. A. MacMurray.* Treaties and agreements with and concerning China. 1894—1919, vol. I. N. Y., 1921, p. 116.

[2] Цит. по кн.: *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 394.

Столь крупных успехов добились обе соперницы России — Германия захватила Цзяочжоу, Англия закрепила за собой должность генерального инспектора китайских таможен и добилась подписания Китаем контракта на заем у Гонконг-Шанхайского банка. В таких условиях царское правительство отнюдь не намеревалось отказаться от притязаний на военно-морскую базу в Порт-Артуре. Оно опасалось, что если промедлить, то Порт-Артур захватят англичане.

2 марта оно потребовало от цинского правительства сдать России в аренду Ляодунский полуостров с портами Артур и Даляньвань и выдать концессию на железную дорогу от какого-либо пункта на КВЖД до этих портов. Принципиальный ответ русский поверенный в делах просил дать не позже чем через пять дней. Двум сановникам — Ли Хун-чжану и Чжан Ин-хуану — снова дали взятки по полмиллиона лан (около 700 тыс. рублей) каждому. Царская дипломатия действовала тем энергичнее, что американский синдикат во главе с Башем при участии ряда крупных американских фирм домогался в Пекине концессий на железные дороги в Маньчжурии.

Цинское правительство снова капитулировало. 27 марта 1898 г. был подписан договор об аренде Россией Ляодунского полуострова сроком на 25 лет. Даляньвань объявлялся портом, открытым для иностранной торговли. Китайское правительство давало согласие распространить концессию, дарованную им Обществу КВЖД, на сооружение железной дороги от владивостокской линии до Даляньваня.

Царское правительство, становясь следом за Германией на путь захвата китайской территории, подрывало свое влияние в Пекине. Оно разрушало сотрудничество с цинской монархией, которое установилось было у него с весны 1895 г.

Английское правительство практически не воспрепятствовало переходу Ляодунского полуострова с обоими важнейшими портами к России. Но получила их Россия не по соглашению с Англией и не в условиях англо-русского сближения, как этого хотели бы в Петербурге и о стремлении к чему заявляло британское правительство в широковещательных предложениях Солсбери. Напротив, после получения Китаем займа у Гонконг-Шанхайского банка дипломатическая борьба между Англией и Россией возобновилась с удвоенной силой. Она происходила под аккомпанемент усилившейся перебранки в печати обеих стран и воинственных заявлений английских государственных деятелей во главе с министром колоний Дж. Чемберленом. После захвата Порт-Артура английское правительство стояло перед альтернативой: либо противодействовать России силой, организовав антирусскую коалицию на Дальнем Востоке, либо же «компенсировать» себя — опять-таки, конечно,

за счет Китая, вырвав у него новые уступки. Лидер наиболее крайних империалистов в кабинете Солсбери — министр колоний Чемберлен толкал правительство на первый путь.

Ввиду этого 8 марта 1898 г. оно запросило правительство Соединенных Штатов: может ли Англия рассчитывать на его поддержку в противодействии попыткам других держав ограничить свободу торговли всех наций в Китае, получить там для себя льготные условия, либо же добиться уступок китайского побережья.

Ответ пришел отрицательный. В Вашингтоне были заняты подготовкой к захвату Кубы и Филиппин. Там в данный момент было не до Порт-Артура!

Тогда 17 марта Чемберлен предложил японскому послу в Лондоне сотрудничество и даже союз против России. Посол Като поддержал этот план перед своим правительством. Но со стороны кабинета Ито предложение Чемберлена не встретило одобрения. Японское правительство в то время весьма опасалось конфликта с Россией. Оно еще не было готово к войне против нее, как, впрочем, и Россия к войне с Японией. А кроме того, русская дипломатия своевременно намекнула в Токио на возможность уступок в Корее.

При такой обстановке в Лондоне склонились к политике «компенсации». 15 марта 1898 г. английское правительство запросило согласие японского правительства на аренду Англией Вэйхайвэя, как только его эвакуируют японские оккупационные войска, остававшиеся там после японо-китайской войны.

«Будет ли это приятно японскому правительству?» — запрашивали англичане через своего посла в Токио[1]. Согласие японцев было получено незамедлительно.

Английский кабинет попытался через О'Конора уговорить Муравьева отказаться от военной базы в Порт-Артуре. В обмен за это англичане предлагали свое согласие на аренду «незамерзающей торговой гавани» и на ее соединение с КВЖД. Это предложение потерпело в Петербурге полное фиаско.

После этого 25 марта 1898 г. вопрос об отношении Англии к захвату Порт-Артура был поставлен на заседании кабинета. Переговоры с США и Японией обнаружили, что Англии не найти союзников, чьими руками можно было бы драться с Россией. Кабинет постановил не рисковать войной ради изгнания России из Порт-Артура. В тот же день Англия потребовала от китайского правительства уступки Вэйхайвэя, на северном побережье Шаньдуна, дабы иметь собственную базу на подступах к Пекину. Вэйхайвэй должен был служить некоторым

[1] «British Documents», vol. I, № 28, p. 20.

противовесом Порт-Артуру[1]. Английское правительство заявило также претензии на увеличение своих владений на полуострове Цзюлун (Коулун) на материке против Гонконга. Аренда Цзюлуна была оформлена англо-китайским договором от 9 июня, а аренда Вэйхайвэя — 1 июля 1898 г.

Англия постаралась, таким образом, не отстать от конкурентов, которые нарушили ее былую монополию в Китае. Кроме закрепления должности генерального инспектора морских таможен и захвата Цзюлуна и Вэйхайвэя, британская дипломатия добилась расширения прав английского судоходства по рекам Китая. Главное же, она получила фактическое признание бассейна реки Янцзы, богатейшей части Китая, в качестве сферы влияния Англии. Отчасти такое признание содержалось в обязательстве, принятом Китаем перед Англией, не отчуждать территории в этом районе третьим государствам. Оно было закреплено также соглашением между англичанами и немцами о разграничении сфер железнодорожного строительства в Китае. В 1897 г. связанный с иностранными фирмами китаец Жун Хун приобрел право на строительство железной дороги от Тяньцзиня до Нанкина протяженностью около тысячи километров. 23 августа 1898 г. он заключил с англо-американским синдикатом контракт о займе для строительства этой дороги. Однако Германия, уже закрепившаяся в Шаньдуне, возражала против проведения через эту провинцию каких-либо дорог без участия немецкого капитала. Англо-американский синдикат отступил. Немцы не удовлетворились этим и стали ходатайствовать о предоставлении им концессии на всю линию от Тяньцзиня до реки Янцзы. Но Англия в свою очередь не желала, чтобы дорогу через долину Янцзы, которую она считала сферой своего исключительного влияния, строили немцы. Тогда с германской стороны было сделано предложение о разграничении сфер железнодорожного строительства. 1—2 сентября 1898 г. состоялось соглашение между группами английских и германских банков. За последними признавалась монополия на железнодорожные концессии в Шаньдуне и в бассейне Хуанхэ (за исключением провинции Шаньси). Германские банки со своей стороны признали аналогичные права Англии в бассейне Янцзы и в Шаньси. Это соглашение было важным актом в начинавшемся разделе мира между объединениями капиталистов.

Относительно дороги от Тяньцзиня до Янцзы было договорено, что участки ее к югу и к северу от Шаньдуна будет строить англо-германский синдикат: южную часть — англичане, север-

[1] См. *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 87—96.

ную — немцы. 18 мая 1899 г. представители этого синдиката заключили с китайским правительством предварительное соглашение о строительстве дороги Тяньцзинь — Чжэньцзян (город ниже Нанкина по Янцзы) и о выпуске займа для финансирования строительства. Окончательное соглашение было заключено много позже — 13 января 1908 г.[1]

Несмотря на эти успехи, достигнутые Англией, приобретение Порт-Артура Россией вызвало в Англии большое озлобление. Заинтересованные в Китае капиталистические группы осаждали правительство требованиями положить предел русскому проникновению в эту страну.

Как же мотивировали они свою тревогу?

Сегодня Россия захватила Порт-Артур, ключ к морским подступам к Тяньцзиню и Пекину; завтра она захватит и самый Пекин. Освоение Маньчжурии может ее занять на некоторое время. После этого Россия будет иметь возможность проникнуть в провинцию Чжили. А «между Чжили и Янцзы не имеется естественных преград». Так говорилось в петиции «Китайской ассоциации» — влиятельного органа капиталистических кругов Англии, связанных с Дальним Востоком, представленной лорду Солсбери 14 апреля 1898 г.[2] Этими кругами буржуазии руководил страх перед потерей китайского рынка.

Английское правительство было весьма озабочено его сохранением. Оно было склонно к сделке с царским правительством, но такой, которая обезвредила бы Россию в качестве соперника. Не удавалось достигнуть выгодной сделки — оно возобновляло борьбу.

Английское правительство завязало с цинским правительством переговоры о продолжении Шанхайгуаньской железной дороги до Ючжуана и далее на Цзиньчжоу и Синьминь, в глубь Маньчжурии, дабы не допустить монопольного положения России в этой части Китая. Маневр этот до известной степени удался. Оценивая сооружение железной дороги как явную угрозу своим интересам, царское правительство дало Англии согласие на сделку с ней, хотя и более ограниченного масштаба, нежели та, которую предлагал британский премьер в январе 1898 г. 28 апреля 1899 г. было достигнуто соглашение о размежевании сфер железнодорожного строительства в Китае. Великобритания обязывалась не домогаться концессий к северу от Великой Китайской стены и обещала не препят-

---

[1] *J. V. A. MacMurray.* Treaties and agreements with and concerning China, vol. I, p. 266—267, 684—697; *P. H. Kent.* Railway enterprise in China. London, 1907, p. 148—152, 260—266; *Г. Ефимов.* Внешняя политика Китая. 1894—1899 гг. М., 1958, стр. 262—264.

[2] См. *Э. Д. Гримм.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке, стр. 125.

ствовать русским ходатайствам о концессиях в этой зоне. Россия принимала аналогичные обязательства в отношении бассейна реки Янцзы. Это соглашение стороны довели до сведения китайского правительства.

Английские капиталистические круги в Китае неоднократно предлагали своему правительству установить английский протекторат над Китаем от Великой стены на севере и до дельты реки Жемчужной на юге, поставив там правительство из своих людей[1]. Осуществлению этих планов мешали две причины: страх перед возмущением китайского народа и противодействие других капиталистических держав — противников Англии, в первую очередь России.

Франция тоже не пожелала выйти из грабежа Китая с пустыми руками. 27 марта 1897 г. цинское правительство предоставило бельгийскому банковскому синдикату предварительную, а 26 июня 1898 г. — окончательную концессию на важнейшую железную дорогу — Пекин — Ханькоу. За этим синдикатом стоял французский капитал[2]. Франция еще по договору от 20 июня 1895 г. обеспечила себе права на горные и железнодорожные концессии в Южном Китае и снижение китайских пошлин на товары, ввозимые через границу с французским Индокитаем. 7 марта 1898 г. Франция потребовала для себя угольную станцию в Южном Китае, концессию на железную дорогу от границы Вьетнама до города Юньнань-фу и некоторые другие преимущества. 9—10 апреля 1898 г. состоялся обмен нотами, который зафиксировал согласие цинского правительства на французские требования. При этом в качестве угольной станции Франции был уступлен на началах аренды порт Гуанчжоувань в провинции Гуанси. Французский капитал развертывал наступление на Южный Китай. Русская и французская дипломатия работали в контакте: каждая поддерживала в Пекине претензии своей союзницы.

Английская буржуазия и ее правительство были крайне недовольны выдачей концессий русским, бельгийцам и французам. Английский посланник заявил китайцам, что выдача концессии на дорогу Пекин — Ханькоу есть «акт сознательной враждебности» к Великобритании. Он требовал компенсаций. Действия дипломатии были поддержаны сосредоточением в китайских водах значительных военно-морских сил Англии.

До конца 1898 г. английский капитал получил от цинского правительства девять концессий на сооружение железных дорог общей протяженностью 2800 миль, включая магистраль

---

[1] См. *С. Л. Тихвинский.* Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй, стр. 390.

[2] См. *П. Т. Мун.* Империализм и мировая политика. М.—Л., 1928, стр. 237—238.

Тяньцзинь — Чженьцзян. Россия заняла в битве капиталистов за концессии второе место, получив концессии на 1530 миль железнодорожного пути, Германия — на 720, Франция — на 420, Бельгия — на 650, США — на 300 миль [1].

Чтобы избежать англо-японского сговора против России и создания на Дальнем Востоке враждебной коалиции, царское правительство пошло на уступки Японии в Корее. Они были зафиксированы в соглашении от 25 апреля 1898 г. Подписали его в Токио царский посланник Розен и японский министр иностранных дел Ниси. Правительства России и Японии обязывались «воздерживаться от всякого непосредственного вмешательства во внутренние дела этой страны», не назначать в Корею военных инструкторов и финансовых советников «без предварительного между собой соглашения по сему предмету». Поскольку советники корейского правительства были тогда русскими, это постановление означало важную уступку именно со стороны России. Практически царское правительство отозвало своих советников из Кореи. Только что учрежденный Русско-Корейский банк прекратил свою деятельность. По соглашению Розен — Ниси царское правительство обязалось также не препятствовать «развитию торговых и промышленных сношений между Японией и Кореей» [2]. Обязательство было одностороннее. Принимая его, Россия фактически соглашалась на экономическое завоевание Кореи японским капиталом. Захват Порт-Артура не только ослабил русское влияние в Пекине; этот акт заставил царское правительство сделать серьезные уступки в Корее.

Итак, к концу 90-х годов совершился раздел значительной части Китая на сферы влияния. Англия сохранила за собой богатейшую часть страны — долину реки Янцзы и области к югу от нее, включая Гуандун с Кантоном. Россия приобрела в качестве сферы влияния северо-восточные провинции (Маньчжурию), Германия — Шаньдун, Франция — области, пограничные с Тонкином. Япония в 1898 г. вернула себе преобладающее влияние в Корее, потерянное было ею после пересмотра Симоносекского мира. «Одно за другим, европейские правительства так усердно принялись грабить, то-бишь «арендовать» китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая» [3]. Так Ленин на заре империалистической эпохи безоговорочно осудил политику капиталистических держав на Дальнем Востоке. В отличие от него западноевропейские

---

[1] *H. David.* Zur Politik der Grossmächte im Fernen Osten. 1894—1902. Zürich, 1932, S. 51.

[2] «Сборник договоров России с другими государствами», № 49, стр. 313—314.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 4, стр. 380.

социалистические партии не развернули никакой серьезной кампании протеста против этой захватнической политики. В самой сильной из них — германской социал-демократии — уже проявлялись все признаки усиления оппортунизма. Намечался раскол в рабочем движении. Правда, Бебель выступил в рейхстаге по поводу захвата Цзяочжоу с гневным обличением своего правительства. Но центральный орган «Форвертс» занял оппортунистическую позицию. Несколькими месяцами позже Бернштейн в своей книге «Проблемы социализма и задачи социал-демократии» взял захват Цзяочжоу под свою прямую защиту [1].

В Китае грабеж страны «европейскими варварами» вызвал рост буржуазно-либерального движения за реформы и за превращение абсолютной монархии в конституционную. Это течение общественно-политической мысли возглавлял Кан Ю-вэй. В 90-х годах зародилось и революционно-демократическое движение во главе с Сунь Ят-сеном. Оно было еще очень слабым. Что же касается Кан Ю-вэя и его единомышленников, то, возмущаясь капитулянтством реакционеров перед иностранцами, они требовали введения воинской повинности, организации народной милиции и отпора иноземцам. Они рассчитывали при этом противопоставить одну великую державу другой, обычно склоняясь к ориентации на Англию и Японию [2]. В период «ста дней» либерального правления императора Цзай Тяня они не успели сделать многого. Интересны внешнеполитические взгляды главы левого крыла реформаторов Тань Сытуна. Он выдвинул идею союза пяти угнетенных стран: Китая, Кореи, Афганистана, Персии и Турции [3]. Реакционный переворот 21 сентября 1898 г. положил конец краткой эре реформ.

Переговоры об англо-германском союзе. Чемберлен и Бюлов как дипломаты

Широкое соглашение Англии с Россией по делам Дальнего и Ближнего Востока достигнуто не было. Русская дипломатия не пожелала связывать себе руки. Отчасти ею руководил страх, что соглашение с Англией взорвет франко-русский союз. Ведь Англия требовала от России, чтобы та санкционировала оккупацию Египта. Но как посмотрят на это в Париже?

В Петербурге, кроме того, очень хорошо запомнили историю с китайским займом у Гонконг-Шанхайского банка. Поведение Англии в этом деле рассматривалось по меньшей мере как нелояльное, если не сказать бесчестное.

[1] О позиции германской социал-демократии см. в кн.: *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 394—401.

[2] О взглядах Кан Ю-вэя на внешнюю политику см. в кн.: *С. Л. Тихвинский.* Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй, стр. 152, 166—168, 170, 189, 207, 258, 290—291.

[3] См. там же, стр. 215.

Видя, что сделка с Россией не налаживается, британское правительство начало искать иных политических комбинаций. Раз Россия не соглашалась на заключение сделки, Англия стала готовить против нее атаку. Сначала в Лондоне намеревались использовать для этого США и Японию. Это не удалось. Франция в расчет не шла: она была союзницей России.

В таких условиях некоторые члены английского кабинета поставили вопрос: нельзя ли уменьшить количество противников Англии, договорившись с немцами? Быть может, их руками удастся нанести удар по несговорчивой России?

Соглашение с Германией представляло деликатную дипломатическую задачу. Телеграмма Вильгельма Крюгеру отнюдь не свидетельствовала о дружелюбной позиции Германии по отношению к Великобритании. В конце 1897 г. новый статс-секретарь германского ведомства иностранных дел фон Бюлов выступил в рейхстаге с речью, которая для англо-германских интересов не предвещала ничего доброго. Бюлов заявил, что «немцам довольно уже глядеть на то, как другие делят сладкий пирог». Пора и им добыть для себя «место под солнцем».

Солсбери учитывал агрессивные настроения империалистической Германии. Он был раздражен вымогательством разных колониальных уступок, которое стало правилом для германской дипломатии и лично кайзера Вильгельма. Солсбери сомневался в возможности англо-германского соглашения. Но министр колоний Чемберлен, лидер наиболее крайних империалистов, был сторонником сговора с немцами. Он считал своевременным заключение англо-германского союза. Он замышлял заключить договор не только с Германией, но и с Соединенными Штатами. Ему и было поручено завязать переговоры с германским правительством. Солсбери не возражал, хотя и относился к этой попытке без энтузиазма. Встреча Чемберлена с германским послом состоялась в доме банкира Ротшильда 29 марта 1898 г., через день после подписания соглашения об аренде Россией Ляодунского полуострова.

На фоне дипломатических обычаев и нравов конца минувшего века Джозеф Чемберлен представлял довольно своеобразную фигуру. Дипломаты карьеры, почти исключительно дворяне, воспитанные на французском языке, выросшие в обстановке так называемого высшего света, не без удивления смотрели на этого бирмингамского промышленника и на его манеру вести политические дела. Когда германский посол граф Пауль фон Гатцфельд встретился у Ротшильда с Чемберленом, чопорный немецкий дипломат был ошеломлен его поведением: без всякого предварительного зондирования и без дальних слов английский министр колоний предложил послу

заключить союз между Германией и Англией. Союз должен был опираться «на взаимное соглашение относительно политики в Китае и в других местах».

По мнению профессиональных дипломатов, Чемберлен вел переговоры со всеми ухватками «современного купца». Свои предложения он, подобно товару, прямо выкладывал на стол, будучи убежден, что за хорошую цену всегда можно сделать выгодное дело.

Чемберлен по своему политическому весу занимал в британском правительстве второе место после премьера Солсбери. Он был прямым представителем не только бирмингамской тяжелой индустрии, но также южноафриканской золотопромышленности и связанного с ней дома Ротшильдов. То была одна из самых могущественных группировок монополистического капитала Англии. Точнее будет сказать, что Чемберлен был не представителем, а одним из ведущих участников этой клики. Кроме того, он являлся акционером «Королевской компании Нигера», которая находилась в остром конфликте с французскими колонизаторами[1]. Ближайший союзник Чемберлена внутри правительства — герцог Девонширский был тесно связан с текстильщиками Ланкашира, особенно тревожившимися за китайский рынок.

Родс и Ротшильд искали с Германией сделки, которая позволила бы им проглотить Трансвааль. Это была как раз та группировка английских монополистов, которую кайзер задел всего сильнее и болезненнее своей телеграммой Крюгеру. Теперь эта узкая, но влиятельная клика искала соглашения с Германией, лишь бы та не вмешивалась больше в англо-бурские отношения.

Гораздо более широкие круги крупной и средней буржуазии были охвачены тревогой за позиции Англии в Китае. Воротилы английских сеттльментов на Дальнем Востоке, Гонконг-Шанхайский банк и текстильный Ланкашир только и искали, чьими бы руками вести бой против России.

Гатцфельд, конечно, немедленно передал в Берлин сделанное ему предложение. Здесь рассмотрением проекта Чемберлена тотчас же занялись руководители германской дипломатии. Ее руководство как раз обновилось.

В 1897 г. во главе ведомства иностранных дел Германии стал Бернгард фон Бюлов. Он оставался руководителем германской дипломатии 12 лет — до 1909 г. — сначала в качестве статс-секретаря, а затем канцлера. Бюлов был превосходным оратором, остроумным собеседником, умел бли-

[1] *G. W. F. Hallgarten.* Imperialismus vor 1914, Bd I. München, 1951, S 392.

стать в свете. Он был находчив, ловок и изворотлив; в дипломатической беседе, как и в парламенте, он умел мгновенно находить выход из самых трудных положений, притом с элегантностью, которой мог бы порой позавидовать сам Горчаков. Можно сказать, что Бюлов был превосходным тактиком.

Но стратегом он был слабым. Продумывать более отдаленные цели и перспективы внешней политики Бюлов не был способен. Его неглубокий и ленивый ум скользил по поверхности явлений. У Бюлова было достаточно терпения, чтобы часами разучивать перед зеркалом предстоящую речь в рейхстаге, тщательно подыскивая не только нужные слова, но также интонацию и мимику. Но серьезно изучать вопрос, всесторонне обдумывать международное положение — на это его не хватало.

Чего недоставало статс-секретарю, то восполнял давний советник иностранного ведомства Гольштейн. Этот дипломат подсказывал Бюлову общие политические идеи.

В начале 90-х годов, в дни канцлерств Каприви и Гогенлоэ, Гольштейн пришел к выводу, что Германии не удастся добиться с Англией договоренности, основанной на твердых и равных обязательствах. С тех пор руководящей идеей дипломатии Гольштейна стало балансирование между Россией и Англией, дабы использовать одну против другой.

Летом 1898 г. в письме к кайзеру Бюлов следующим образом формулировал эту политику, вдохновителем которой был Гольштейн: «Общее соглашение с Англией при теперешнем международном положении оказалось бы направленным против России и уменьшило бы безопасность восточной германской границы... С другой стороны, при теперешней европейской конъюнктуре для нас совершенно немыслимо заключить соглашение с Россией... которое не оказалось бы заостренным против Англии, т. е., иначе говоря, не ограничивало перспектив на приобретение нами колоний... Поэтому ваше величество несомненно правильно решили пока... не связывать себя ни с той, ни с другой стороной» [1].

Дипломатия Гольштейна, заключавшаяся в игре на англо-русских противоречиях, основывалась на ложной предпосылке. Гольштейн был убежден, что англо-русские противоречия непримиримы и что соглашение между обеими державами исключено. Исходя из этого, он и строил свою политику. Гольштейн не уловил основных изменений, происходивших в международной обстановке. Он не понял того, что новый англо-германский антагонизм был уже не менее глубоким, нежели старые англо-русские или англо-французские противоречия. Герман-

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. I, № 3802, S. 248—249.

ская политика «свободных рук» на деле привела к малоудобному положению «между двух стульев», а лучше сказать, между двух огней, ибо в конце концов Германия поссорилась и с Англией, и с Россией.

Надо отдать, однако, должное и Гольштейну и Бюлову. Получив из Лондона от Гатцфельда предложение Чемберлена, оба они сразу поняли, что посредством заключения союза английская дипломатия рассчитывает втянуть Германию в конфликт с Россией. Они решили, что предложение Чемберлена неприемлемо, ибо противоречит их политике «свободных рук».

Но руководители немецкой дипломатии не заявили английскому министру прямо о своем отказе. Они попытались извлечь из его предложений пользу на арене колониальной политики.

Для начала послу в Лондоне было поручено сообщить Чемберлену, что договор о союзе с Германией обязательно должен быть утвержден парламентом. Без этого Англия сможет уклониться от выполнения союзных обязательств.

1 апреля 1898 г. Гатцфельд встретился с Чемберленом и изложил ему содержание ответа. Тот сразу же согласился, что договор следует представить парламенту. Английский министр пояснил, что, предлагая союз, он вовсе не имеет в виду отобрать у России то, что она уже приобрела. Нет, Англия и Германия должны лишь совместно сказать России: «Мы готовы признать ваши позиции, но вы не должны идти дальше. Остальная часть Китая (вне Маньчжурии. — *В. Х.*) находится под нашим (Англии и Германии) совместным покровительством» [1]. При этом Германия будет выступать в качестве протектора Шаньдуна и его хинтерланда, а Англия — Центрального и Южного Китая. Германии отводились, таким образом, области, непосредственно примыкавшие к русской сфере влияния. Германия, по замыслу Чемберлена, должна будет подготовить в своей сфере хорошую китайскую армию под командованием немецких офицеров, чтобы она могла дать отпор России.

Выяснилось коренное противоречие интересов: Чемберлен старался втянуть Германию в борьбу с Россией из-за Китая. Между тем в Берлине были совершенно убеждены, что, чем глубже Россия там завязнет, тем сильнее будут позиции Германии в Европе. Кайзер и его дипломатия все время завлекали царскую Россию в Китай. А Чемберлен хотел, наоборот, побудить их препятствовать ей там. С его стороны это было

[1] *J. L. Garvin.* The life of Joseph Chamberlain, vol. III, London, 1934, p. 265—266.

весьма наивным замыслом, не имевшим никаких шансов на успех.

Из донесения Гатцфельда Бюлов и Гольштейн узнали, что Чемберлен согласен с их требованиями насчет одобрения договора парламентом. Что же они предприняли, получив это известие?

Они тут же изобрели новое возражение Чемберлену: сам факт публичного обсуждения договора, направленного против России, может побудить ее вместе с Францией напасть на Германию. А британский парламент, может быть, еще возьмет да и отклонит союз с Германией! Это вполне возможно, если учесть враждебность английской прессы и общественного мнения. Ввиду этого германское правительство не может в существующих условиях предоставить Англии какие-либо «гарантии».

Но отказывая англичанам в союзе, Бюлов не желал порывать с ними переговоров. Он выдвинул контрпредложение: раньше, чем толковать о союзном договоре, надо бы позаботиться об умиротворении общественного мнения. В Германии оно тоже настроено весьма враждебно к Англии. Германское правительство предлагало выработать сначала соглашения по отдельным колониальным вопросам. Это могло бы улучшить политическую атмосферу! Гатцфельд сделал соответствующие намеки.

Английское правительство поняло их. Чемберлен предложил урегулировать старые споры о расширении границ Того, германской колонии в Африке. Себе он хотел получить бухту Делагоа, ключ к Трансваалю.

«Дешево!» — заметил на это Гольштейн [1]. В Берлине норовили оторвать кусок пожирнее, чем приращение территории Того. Но английский кабинет и особенно Солсбери весьма раздраженно реагировали на немецкие требования. Они воспринимали их как докучливое вымогательство.

В свою очередь в Берлине досадовали на английское правительство. «Почему Англия именно нам не желает ничего дать во всех частях света?» — спрашивал Бюлов британского посла. В широких кругах буржуазии обеих стран взаимное отношение оставалось до крайности враждебным. Англо-германский союз не встречал сколько-нибудь широкого сочувствия ни в Англии, ни в Германии (в последней за исключением социал-демократии и леволиберальных группировок буржуазии).

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. I, № 3793, S. 226. Пометы Гольштейна.

Вильгельм II попытался извлечь из демарша Чемберлена дипломатический барыш, пошантажировав также и Россию. Он написал личное письмо Николаю II, сообщая, что Англия обратилась к нему с чрезвычайно заманчивыми предложениями. Кайзер давал понять, что предложения эти направлены против России. Он осведомлялся: что же даст ему царь, если Германия откажется от сделки с Англией?

Ответ русской дипломатии не был лишен находчивости. По предложению Муравьева Вильгельму сообщили, что совсем недавно Англия обращалась и к России с далеко идущими предложениями. Они были отклонены. Как поступить Германии, это кайзер должен решить сам. Этим ответом в Петербурге и ограничились. На вопрос Вильгельма, что Россия предложит Германии за отказ от союза с Англией, отклика не последовало. Попытка Вильгельма II шантажировать Россию кончилась неудачей.

Как раз в апреле 1898 г., в то время когда происходили англо-германские переговоры о союзе и предъявлялись немецкие претензии насчет колониальных уступок, крупные события произошли в Западном полушарии: США начали войну против Испании.

Германские правящие круги только и высматривали, где бы урвать себе колониальную добычу. Видя, что подготовляется экспроприация испанских колоний, они тотчас возмечтали захватить все испанские владения на Тихом океане, в том числе и Филиппинские острова. Немецкая эскадра была направлена в Манилу — якобы для защиты германских подданных. Бюлов попытался было убедить английское правительство, что лучший способ подготовить почву для англо-германского союза — это помочь Германии в приобретении испанских колоний, на которые претендовали США. Однако немецким дипломатам пришлось убедиться, что английское правительство отнюдь не склонно ссориться с великой американской державой.

Англо-германское соглашение о разделе португальских колоний

Больше успеха имело другое предложение Бюлова. Он высказал мысль о разделе португальских колоний в Африке. В эту пору английское правительство подготовляло захват Трансвааля в угоду золотопромышленникам и связанным с ними капиталистическим кругам во главе с С. Родсом, Ротшильдом и Дж. Чемберленом. Одной из главных задач стратегической и дипломатической подготовки был захват контроля над Делагоа и устранение немецкого вмешательства в англо-бурские отношения. Ради овладения этой бухтой лондонское Сити довело Португалию до банкротства и теперь предлагало ей заем под залог доходов от ее колоний и при условии передачи

Англии контроля над Делагоа и железной дорогой оттуда на Преторию.

Германское правительство заявило протест и потребовало своей доли. Чтобы расстроить англо-португальский сговор, немцы оказали давление в Лиссабоне. Интересы французских держателей португальских ценных бумаг позволили германскому правительству на короткое время привлечь Францию к участию в этом нажиме.

Как ни раздражал германский шантаж английские правящие круги, но на этот раз кабинет решил, что придется дать Германии какое-либо отступное: только бы избавиться от нее в Трансваале и в Делагоа!

За солидную долю в португальских колониях германское правительство охотно выражало готовность предать буров Англии. Такое вероломство облегчалось тем обстоятельством, что «Дейче банк» к этому времени потерял интерес к южноафриканским золотым приискам [1].

После долгого торга 30 августа 1898 г. было подписано два англо-германских соглашения. В первом устанавливалось, что, если Португалия пожелает заключить заем под залог доходов своих колоний, Англия и Германия совместно предоставят ей деньги. Предполагалось, что Англия получит при этом в залог доходы от таможен в Южном Мозамбике, включая район Делагоа, и в Центральной Анголе, а Германия — в Северном Мозамбике, в южной и северной частях Анголы, а также на острове Тимор. В соглашении говорилось о намерении сохранять целостность Португалии.

Второе соглашение было секретным. В случае, если бы сохранение целостности португальских владений, необходимость чего была только что торжественно подтверждена, оказалась «невозможной», тогда обе стороны обязывались не допустить вмешательства третьих держав. Обе стороны взаимно отказывались также от каких бы то ни было притязаний на зону своего партнера. Эта несколько замысловатая формула означала, что Германия и Англия обоюдно предоставляли друг другу полную свободу действий — каждой в своей зоне.

Соглашение сопровождалось обменом нотами, тоже секретными. В них-то и разъяснялась суть дела. В нотах устанавливалось, что если одна из договаривающихся сторон совершит территориальные приобретения в своей зоне, то этот акт не войдет в силу, пока другая сторона не обеспечит себе аналогичных выгод в своей [2]. Иначе говоря, это было тайное соглаше-

[1] См. *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 450.

[2] «British Documents», vol. I, № 90, 91, 92, p. 71—75; «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. I, № 3872, S. 347—355.

нне о разделе владений мелкого колониального хищника между двумя крупными. Документ этот полностью вскрывает лицемерие заявлений, сделанных в несекретном соглашении насчет «целостности» владений Португалии. «Перл», — заметил В. И. Ленин по поводу этой грабительской сделки [1].

Но Солсбери и Чемберлену не очень-то улыбалось давать Германии новые куски Африки, тем более что в португальских колониях давно хозяйничал английский капитал. Еще в мае 1898 г. в Лондоне между Солсбери и Гатцфельдом произошел разговор, в котором выяснилось нежелание англичан поступиться своей колониальной монополией. Гатцфельд заметил, что сейчас «первая задача состоит в том, чтобы путем уступок в текущих мелких вопросах подготовить общественное мнение обеих стран к более тесному сближению». Солсбери ответил, что он согласен, однако не понимает, почему Англия должна при этом все время быть «дающей» стороной, а Германия — только «принимающей» дары. Гатцфельд возразил на это, что дело ведь идет о колониях, поэтому он не может согласиться с такой постановкой вопроса. Каждому известно, что «Англия имеет почти все, мы же, напротив, обладаем очень малым» [2], — заявил он.

В обмен за раздел португальских владений германское правительство обещало прекратить всякую поддержку бурских республик. Это имело для Англии немаловажное значение. Поэтому-то англичане и решили в данном случае уступить.

Но уступка была сделана только на бумаге. Договор о разделе португальских колоний никогда не был претворен в жизнь. Английский кабинет принял свои меры, чтобы договор остался мертвой буквой. Договор был сформулирован с английской стороны очень хитро и тонко. Раздел португальских колоний был намечен на тот случай, если бы Португалия пожелала заключить заем под залог своих колоний. И вот, подписав об этом договор с немцами, английское правительство незамедлительно позаботилось о том, чтобы такой заем Португалии не понадобился. С английской помощью Португалия достала деньги в Париже без залога своих колоний и удовлетворила претензии кредиторов. Английские министры посмеивались над тем, как ловко они обыграли немецкую жадность.

14 октября следующего, 1899 г. Англия подтвердила старинный договор с Португалией, впервые заключенный еще в XVII столетии и с тех пор много раз возобновлявшийся. Этот договор предоставлял Португалии британскую гарантию

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 508.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. I, № 3798, S. 236—237.

неприкосновенности ее территорий — как в Европе, так и в колониях [1].

Это был еще один новый перл дипломатического обмана. Подтверждение англо-португальского договора, известного под названием Виндзорского, было проведено англичанами в секретном порядке. Однако в дальнейшем немцы узнали об этом акте в результате нескромности одного дипломата. Со временем в Берлине поняли, что английское правительство обманывает немцев: оно только сулит им португальское добро, а на деле ободряет Португалию, обещая ей помочь в сохранении ее владений [2].

Переговоры о союзе между Германией и Англией были начаты английской стороной в ходе борьбы за раздел Китая. Попытка использовать Германию в качестве английского орудия против России не удалась. Но не увенчалась успехом и попытка Германии превратить переговоры о союзе в средство передела Африки в свою пользу. Итогом переговоров был рост взаимного недоверия. Это отражало нарастание антагонистических противоречий между английским и германским империализмом.

Многие сторонники германской колониальной экспансии порицали соглашение от 30 августа. В числе его противников находился Пангерманский союз. Он поднял шум под предлогом протеста против предательства буров правительством Германской империи. Отказавшись от поддержки Трансвааля и от притязаний на бухту Делагоа, правительство кайзера выдало англичанам те рычаги, с помощью которых Германия могла оказывать политическое давление на Англию. В обмен германское правительство получило от британского кабинета бумажные обещания; ему был сервирован «воображаемый обед», по выражению известного английского публициста Гарвина, биографа Джозефа Чемберлена [3].

В сущности, под маской выгодной сделки скрывался для Германии крупный проигрыш. Соглашение о разделе португальских колоний оказалось блефом. Отказ же от поддержки буров был реальной уступкой со стороны Германии. Вдумчивый наблюдатель уже тогда, в 1898 г., мог бы убедиться, что англо-германский союз невозможен. Стороны говорили на разных языках. Немцы воспринимали предложения Чемберлена как попытку заставить Германию таскать для Англии каштаны из русского огня; англичане считали вы-

---

[1] «British Documents», vol. I, №-118, p. 93—94. Ср. *W. L. Langer.* Diplomacy of Imperialism, p. 625.

[2] *B. Bülow.* Denkwürdigkeiten, Bd I. Berlin, 1930, S. 274.

[3] *J. L. Garvin.* The life of Joseph Chamberlain, vol. III, p. 313.

могательством колониальные притязания немцев. Эти обоюдные впечатления составляли только субъективную сторону англо-германских отношений.

Германский военно-морской закон 1898 г.

Объективно антагонизм был еще более глубоким, нежели сами его участники успели это осознать. И этот антагонизм все более обострялся.

В 1897 г. произошли новые события, этому способствовавшие: Канада ввела таможенные льготы (преференциальные тарифы) для английских товаров. Это означало отступление от принципа наибольшего благоприятствования. А этот принцип лежал в основе торговых отношений между Германией и Англией, а также всеми ее владениями согласно торговому договору 1865 г. Германское правительство заявило о нарушении этого договора и приняло репрессивные меры против канадского импорта. Тогда британское правительство, недолго думая, заявило о расторжении договора 1865 г. Для Германии английский рынок имел слишком большое значение. Поэтому на основе ежегодно возобновляемого решения Союзного совета (бундесрата) она продолжала предоставлять Англии режим наибольшего благоприятствования. Тем не менее торговые отношения двух величайших торговых наций всего мира оказались лишенными устойчивой правовой основы. Пока в Англии сохранялся режим свободной торговли, все шло сравнительно гладко. Но в Англии нарастало движение в пользу введения пошлин и преференциального тарифа для колоний и доминионов. В случае успеха протекционистов в Англии или отказа бундесрата возобновить свое решение о продлении режима наибольшего благоприятствования неминуемо возникла бы англо-германская таможенная война. При колоссальных масштабах взаимной торговли эта война имела бы огромные разрушительные последствия [1]. Создавшееся неустойчивое положение усиливало напряженность политической атмосферы. При этом германский импорт в Англию и Британскую империю значительно преобладал над английским импортом в Германию, так что в случае таможенной войны наибольшие потери понесла бы немецкая сторона. «До тех пор, пока Германия оставалась всецело зависимой в своем коммерческом процветании от сохранения британской системы свободной торговли, ее экономическая жизнь оставалась неустойчивой, и это все сильнее сознавалось во всей Европе» [2] — вплоть до начала первой мировой войны в 1914 г. Из такого положения вытекала одна из причин для вступления Германской империи

[1] *R. J. S. Hoffman.* Great Britain and the German Trade Rivarly, p. 284.
[2] Ibid., p. 285.

на путь военно-морских вооружений. Сильный военный флот должен был оградить Германию от угрозы «закрытия британских рынков или, во всяком случае, ослабить силу удара, когда он последует» [1].

Теперь дело не исчерпывалось уже колониальными притязаниями Германии, торговой конкуренцией, стремлением к гегемонии. Добавился новый фактор, осложнявший отношения Англии и Германии: опасность закрытия рынков Британской империи для немецких товаров.

Еще важнее было то, что Германия приступила к сооружению сильного военно-морского флота. Этого требовали те же самые классовые силы, которые являлись двигателями всей новой «мировой политики» Германской империи, политики колониальной и торговой экспансии и антианглийского курса. В создании сильного военного флота был заинтересован крупный капитал, прежде всего монополисты тяжелой промышленности, включая таких магнатов, как Крупп, Штумм и Кардорф. В ногу с ними шли судостроительные фирмы, крупные банки, особенно «Дисконто-гезельшафт» и его руководитель Ганземан, колониальные круги, как, например, гамбургский торговый дом Вермана. В рейхстаге за усиление флота выступали обе главные партии крупного капитала — национал-либеральная и имперская. Шумную пропаганду развил Пангерманский союз. Специально для популяризации идеи создания большого военного флота заинтересованными кругами был создан «Флотский союз». Сам кайзер возглавил движение за создание военно-морской мощи империи. Вильгельм требовал от рейхстага крупных ассигнований на осуществление этой задачи.

Престарелый канцлер князь Гогенлоэ испытывал немалые трудности: реализовать указания коронованного повелителя было делом весьма затруднительным. Предстояло изъять у налогоплательщиков многие сотни миллионов марок. Оппозицию «безбрежным флотским планам» составляла социал-демократия, а также партия свободомыслящих, представлявшая либеральную буржуазию.

Но и внутри самой правящей верхушки Германской империи имелось сильное сопротивление увеличению расходов на военно-морской флот. Прежде всего возражала армия — главная опора прусско-германского трона. Прусская военщина опасалась, что отвлечение средств на строительство флота нанесет ущерб сухопутной мощи Германской империи. Она с враждебной ревностью поглядывала на рост конкурирующей военной касты в лице морского офицерства.

---

[1] *R. J. S. Hoffman.* Great Britain and the German Trade Rivarly, p. 285.

Все эти возражения кайзер и канцлер могли бы преодолеть. Но социальная база прусского милитаризма — могущественный юнкерский класс, исходя из своих экономических интересов, тоже не поддерживал флотских планов буржуазии. Со времен заключения торговых договоров Каприви юнкерство никак не могло успокоиться. Оно фрондировало, добиваясь отмены этих договоров и требуя множества различных льгот. Во главе юнкерской фронды до самой своей смерти фактически стоял Бисмарк, проживавший в отставке в своем поместье в Саксонском лесу. В соседнем Гамбурге газета «Гамбургер нахрихтен» служила ему рупором. Время от времени бывший канцлер наводил панику на кайзера и на правительство своей критикой, разоблачениями и угрозами. Юнкерство в принципе не возражало против строительства военного флота. Но оно не желало идти навстречу правительству, пока его поддержка не будет оплачена со щедростью, способной удовлетворить ненасытные аппетиты юнкеров. Их лозунг гласил: «Без Каница — лидера аграриев — не будет кораблей». Юнкеров надо было купить, иначе монополистический капитал не получил бы денег на строительство мощного линейного флота.

Сопротивление рабочего класса созданию большого флота и дальнейшему увеличению военных расходов развертывалось в условиях бурного роста рабочего движения, освободившегося от «исключительного закона». В социал-демократии усиливался ревизионизм, но он не смог на этот раз заглушить протеста народных масс.

Грозные факты, свидетельствовавшие о недовольстве пролетариата, оживляли в среде господствующих классов различные планы репрессий. Выдвигались проекты наподобие бисмаркского исключительного закона против социалистов. Вынашивалась идея государственного переворота и ликвидации тех куцых прерогатив, какими все же обладал рейхстаг. Однако разлад между буржуазией и юнкерством мешал организации солидарного наступления реакции на рабочий класс, как мешал он и созданию больших военно-морских сил.

Чтобы развернуть натиск на рабочее движение и приступить к сооружению мощного военного флота, правительству Германской империи надо было сплотить крупную буржуазию и юнкерство, привлекая последнее серьезными экономическими уступками. На этот путь и стало правительство Гогенлоэ. Крупный капитал должен был получить ассигнования на военно-морской флот, т. е. военные заказы; юнкера — многомиллионные подачки под видом «защиты сельского хозяйства». И то и другое предоставлялось за счет налогоплательщика и потребителя, т. е. за счет усиленной эксплуатации народных масс. Наступление на рабочий класс наряду со строительством

флота было целью политики «собирания сил» реакции, так называемой «Sammlungspolitik». Она была внутренней политической предпосылкой выкачивания из населения средств на постройку кораблей и развитие военно-морского флота.

В 1897 г. из правительства были изгнаны ненавистные юнкерству последние представители «нового курса» Каприви, включая статс-секретаря по иностранным делам барона Маршаля фон Биберштейна. Карьера их была принесена в жертву юнкерам — на алтарь сплочения юнкерства и крупного капитала. На смену пришли новые люди. В числе их, кроме Бюлова, был адмирал Тирпиц — глава военно-морского ведомства. На него возложили задачу создания огромного военного флота. Бюлов и Тирпиц являлись теми людьми, которым в первую очередь предстояло проводить «мировую политику» складывавшегося германского империализма.

Дотоле, имея могущественную армию, Германия на море довольствовалась кораблями береговой обороны. Теперь положение стало изменяться. В марте 1898 г. правительству наконец удалось провести через рейхстаг закон об усилении военного флота. К 1904 г. состав флота должен был быть доведен до 17 линейных кораблей, 9 броненосных, 26 легких крейсеров и соответствующего числа миноносцев и различных мелких судов [1]. Для выполнения намеченной программы предстояло в течение семи лет построить 7 линейных кораблей, 2 тяжелых и 7 легких крейсеров. С обоснованием необходимости постройки флота перед рейхстагом выступил Тирпиц. «Морские интересы Германии, — заявил он, — возросли со времени основания империи совершенно неожиданным образом. Их обеспечение сделалось для Германии вопросом жизни. И если препятствовать или серьезно вредить этим морским интересам, страна пойдет навстречу сначала экономическому, а затем политическому упадку. Что вы ни возьмете: политический престиж Германии... сохранение жизненно важных морских артерий Германии в случае войны, защиту немецких граждан в далеких странах или защиту и представительство там немецких торговых интересов — все эти интересы находят свою опору... только в немецком флоте» [2]. Германские империалисты считали, что, располагая большим военно-морским флотом, Германия добьется от Англии существенных уступок в колониальной сфере. Англия предпочтет, по их мнению, уступки риску войны, если германский флот будет внушать ей страх. Война станет для Англии рискованной даже и в том случае, если бы

---

[1] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages». 9. Legislaturperiode, V. Session. 1897/98. Anlageband III, S. 1774—1775.
[2] Ibid., Bd. I, S. 46.

германский флот, достигнув внушительных размеров, все-таки оставался меньше английского. Тирпиц писал, что его удовлетворила бы пропорция 2 : 3 или 10 : 16.

На самом деле тирпицевская «идея риска» потерпела провал. Строительство германского военно-морского флота привело Англию не к уступкам, а к гонке морских вооружений, направленной на сохранение своего морского первенства. И в этой гонке английский колониальный империализм имел все преимущества перед германским: Германия вынуждена была делить свои ресурсы между морскими и сухопутными вооружениями, отдавая преимущества последним; Англия же могла отдать военно-морским силам безусловное предпочтение.

В Англии первую германскую морскую программу встретили сравнительно спокойно. Очевидно, значение ее еще не было полностью оценено. Она и в самом деле была еще не очень велика. Но программа 1898 г. была только началом.

Появление сильного военного флота делало Германию самым опасным из всех врагов Великобритании. Оба других противника Англии — и Россия и Франция были менее опасны. Россия в силу своего географического положения не могла и думать о нападении на Британские острова; пока ее черноморский флот не имел выхода в открытое море, она не способна была покуситься и на морские коммуникации Британской империи. Франция, расположенная поблизости от Англии, обладала значительным флотом. Но ее главным противником всегда была Германия. Французский военный потенциал и ресурсы страны были недостаточны для того, чтобы посягнуть на Англию при наличии страшного германского соседства. Ни Россия, ни Франция не могли тягаться с Англией по масштабам промышленного производства. В отличие от Германии они не являлись ее победоносными конкурентами на мировых рынках. Они лишь оспаривали ее позиции в тех или иных колониальных районах. Германия безусловно была намного сильнее Франции. Она была сильнее и царской России — не только экономически, но и в военном отношении.

Правда, пока у Германии не было большого военного флота, она могла чинить Англии затруднения только дипломатическим путем. Но по мере развития своей военно-морской мощи Германия стала представлять все большую военную опасность как для самих Британских островов, так и для морских коммуникаций, связывающих их с другими частями империи, с источниками продовольствия и сырья, без подвоза которых метрополия не могла существовать.

В 1898 г. еще далеко не все в Англии осознали тот факт, что наиболее опасным империалистическим противником Великобритании является именно Германская империя. Политика

наращивания военно-морской силы требовала от германского правительства некоторого периода осторожности, пока флот не достигнет значительной боевой мощи. Но сознавалось это или еще нет, а объективно англо-германский антагонизм уже вступал в новую фазу. До тех пор все враждебные акции Германии против Англии имели главной целью вынудить ее на уступки в колониальном вопросе. За враждой у германского правительства таилось стремление к выгодному соглашению с Англией. Создание мощного линейного флота объективно означало уже нечто совсем иное — покушение на морскую гегемонию «владычицы морей» и начало подготовки к вооруженной борьбе против нее.

Нельзя не учитывать и пропагандистской стороны дела. Без обострения отношений с Англией германскому правительству было почти невозможно получить средства на строительство флота. По соображениям внутренней политики эти огромные новые расходы были бы немыслимы, если бы не существовало осложнений с Англией и не велась бы антианглийская пропаганда, которая их раздувала и внедряла в народное сознание идею английской опасности. Германской дипломатии предстояло приспосабливаться к потребностям военно-морской политики правительства. Антианглийский курс внешней политики составлял внешнеполитический аккомпанемент развития военно-морского флота, так же как политика сплочения реакционных сил была ее внутриполитическим сопровождением.

В области внешней политики Тирпиц, морские и колониальные круги требовали сближения с Россией и борьбы против Англии. Тут их голос сливался с гневными окриками Бисмарка. Он ловко эксплуатировал в своей пропаганде разрыв договора перестраховки с Россией, произведенный Вильгельмом после отставки создателя империи.

Англо-германский антагонизм нарастал вследствие обострения империалистических противоречий между двумя могущественными капиталистическими государствами, вступившими в фазу империализма: с одной стороны, вековая владычица морей, хозяйка бескрайней колониальной империи, с другой — молодая, но быстро растущая индустриальная держава, рвущаяся изо всех сил вперед, бесцеремонно проталкивающаяся на все рынки земного шара.

Английский империализм хотел бы задушить конкурента. «Германия должна быть уничтожена», — перефразировал известные слова Катона еженедельник «Сатердэй ревью».

Германский империализм стремился ограбить старую «мастерскую мира», отобрать у нее все ее колониальное достояние.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ИСПАНО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА (1898 г.)

В конце XIX в. процесс перехода капитализма в последнюю фазу своего развития уже приближался к завершению: основные признаки империализма вполне оформились или, во всяком случае, были близки к этому. «Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1899—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе 1900 года — вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории»[1]. Первая из этих вех, война между США и Испанией, была первой войной, целью которой являлся не захват свободных территорий, еще не ставших жертвой колонизаторов, а передел колоний, уже имевших «владельца».

Таможенные тарифы на службе монополий и их дипломатии

90-е годы прошлого столетия были периодом быстрого нарастания внешней экспансии американского капитализма. Как и капиталистические страны Европы, США вступали в империалистическую фазу развития. По пути образования капиталистических монополий Соединенные Штаты шли первыми, обгоняя Европу. Во многих основных отраслях американской промышленности в 90-х годах уже создавались монополистические объединения. В других по меньшей мере имелись корпорации, близкие к монополии и претендовавшие на обладание ею.

В то же время территориальные захваты США на северо-американском континенте пришли к концу. На севере Соединенным Штатам приходилось уважать границу британского доминиона. На юге новые прямые захваты за счет Мексики также оказывались политически затруднительными. Экономически вся территория США уже была в основном освоена американским капитализмом вплоть до Тихого океана. Словом, расширение географических рамок внутреннего рынка прекратилось. Крайние шовинисты («джингоисты») требовали захвата Канады и Мексики. Практически такие претензии оказывались нереалистичными.

А между тем в результате создания монополий быстро стали возрастать экспансионистские тенденции американского капитала. Жестокий промышленный кризис 1893 г. в свою очередь усилил их. Экспортная торговля США более чем утроилась за последнее тридцатилетие прошлого столетия. Американский вывоз возрос с 393 млн. долл. в 1870 г. до 1227 млн. к началу XX в.[2] Оставаясь величайшим рынком для экспорта европейского капитала, США со своей стороны начали вывозить капитал.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 30, стр. 164.

[2] «Historical Statistics of the United States». Washington, 1960, p. 537—538.

С этими экономическими сдвигами связана и активизация американской дипломатии. Пока она все еще вела себя довольно сдержанно в делах европейских. Это и не удивительно: в 90-х годах внешняя экспансия американского капитала по-прежнему направлялась по преимуществу в Латинскую Америку и на Дальний Восток. В соответствии с этим именно там находилась и главная сфера деятельности дипломатии Соединенных Штатов. Для проникновения США в эти районы огромное стратегическое значение имело бы сооружение канала через Панамский перешеек или по соседству с ним, через Никарагуа. Такой канал значительно сокращал морской путь в бассейн Тихого океана от капиталистического сердца Америки, находящегося на Атлантическом побережье США. В 90-х годах США создают сильный военный флот. Канал позволил бы собрать в один кулак военно-морские силы Соединенных Штатов и свободно маневрировать ими, направляя их в Тихий океан или Атлантику, смотря по надобности. Пока канала не имелось, США вынуждены были дробить свой флот на две эскадры — Тихоокеанскую и Атлантическую.

Над подступами к будущему каналу господствовали острова Карибского бассейна. Ввиду этого правительство США возымело к этим островам величайший стратегический интерес. На заре своего развития американский империализм еще не смел и помышлять о захвате вест-индских колоний Англии или даже Франции. Но тем сильнее возбуждали его аппетиты владения слабой Испании.

А именно Испании принадлежала Куба — самый крупный из островов Карибского моря. Испания же владела и соседним островом Пуэрто-Рико. Оба эти острова господствуют над входом в Карибское море и над путями от Атлантического побережья США к Панамскому перешейку. В 90-х годах, с переходом к империализму и усилением американской экспансии, давний интерес правящих кругов США к Кубе и Пуэрто-Рико возрос еще более. Жестокий колониальный режим, установленный в испанских колониях реакционной монархией Бурбонов, вызывал крайнюю ненависть населения. Позиции Испании в ее владениях были шаткими. На Кубе они были подорваны мощным освободительным движением, которое привело в 1868 г. к десятилетней войне за независимость.

В лице американского империализма у кубинцев появился новый враг. Он был тем опаснее, что выступал под личиной освободителя. Среди американской правящей верхушки наиболее рьяным сторонником захвата жемчужины Антильского архипелага являлось командование военно-морского флота. Роль военно-морских кругов в политике США возрастала вместе с усилением экспансионистских тенденций складывавшегося монополистического капитала.

На Кубе у американской буржуазии имелись крупные экономические интересы: к середине 90-х годов около 50 млн. долл. было вложено там — больше всего в плантации сахарного тростника, но также в горное дело и другие предприятия. Торговый оборот США с Кубой достиг в первой половине 90-х годов 100 млн. долл. Он составлял в эти годы в среднем 6—7% всего внешнеторгового оборота США. Куба являлась главным экспортером сахара в США. Из нее ввозился тростниковый сахар-сырец, который перерабатывался на рафинадных заводах Сахарного треста, созданного в 1888 г. и почти (на четыре пятых) монополизировавшего рафинадное производство, а также торговлю сахаром в Соединенных Штатах. Именно Куба была основным поставщиком Сахарного треста. Введенный республиканцами протекционистский тариф 1890 г. (так называемый тариф Мак-Кинли) устанавливал пошлину на рафинад, но допускал для сахара-сырца беспошлинный доступ в США. «Это означало, что... Сахарный трест за ввозимое им сырье не платил никаких

пошлин, тогда как получаемый им очищенный продукт был защищен от конкуренции со стороны европейских и других стран пошлиной в два цента на фунт». Акции Сахарного треста «взлетели вверх ввиду миллионных прибылей», которые сулил новый тариф [1].

Правительство Испании было обеспокоено: его колония экономически быстро переходила в руки американского капитала. В том же 1890 г. испанское правительство повысило на Кубе ввозные пошлины на иностранные товары на 25%. Это отвечало интересам фабрикантов и судовладельцев метрополии, а также позволяло выкачать из колонии побольше доходов для алчной колониальной администрации и вечно дефицитного государственного бюджета.

Повышение пошлин задевало интересы американских экспортеров. Американский закон 1890 г. о таможенном тарифе предоставлял президенту возможности для борьбы против подобных мероприятий иностранных правительств, направленных против интересов капитала Соединенных Штатов. Президент имел право повышать американские пошлины на сахар, кофе, кожи, чай и некоторые другие товары, если они ввозятся из таких стран, которые устанавливают «невыгодные» для Соединенных Штатов пошлины на их продукцию. Закон предусматривал также и возможность заключения соглашений с теми странами, с которыми возник конфликт, на основе взаимных уступок. Это постановление таможенного закона должно было дать правительству США орудие для давления на отдельные страны Западной Европы, где широко применялись разного рода стеснения американского сельскохозяйственного экспорта. Многие из этих стран в свою очередь вывозили сахар в США, и право президента повышать пошлины на этот продукт могло нанести им определенный ущерб. Еще более мощное средство давления постановления тарифного закона Мак-Кинли создавали в отношении Латинской Америки. Вашингтонское правительство старалось подчинить ее влиянию США. Особенно усердствовал в этом отношении государственный секретарь Блейн.

Едва возник испано-американский конфликт из-за кубинских пошлин, как республиканец президент Гаррисон воспользовался своей прерогативой. В ответ на повышение Испанией пошлин на Кубе президент поднял пошлины на табак и сахар-сырец — главные предметы кубинского экспорта. Испанское правительство сразу же усмотрело в новых правах президента «рычаг, предназначенный, по-видимому, для того, чтобы вырвать Кубу из владения европейской державы» [2].

Оно не ошиблось. Закрытие американского рынка неизбежно вело к полнейшему развалу экономики Кубы и Пуэрто-Рико, основанной на вывозе табака и особенно сахара в США. Блейн действительно полагал, что повышение кубинских пошлин следует использовать для того, чтобы «вызвать кризис в ненормальных отношениях Кубы с Испанией и Соединенными Штатами» [3]. «Осознав несоответствия в системе своей торговли, — пишет хорошо осведомленный американский автор, — кубинцы должны были прийти в отчаяние и восстать» [4].

Испанское правительство поняло опасность и пошло на уступки. 31 июля 1891 г. было заключено так называемое соглашение Кановаса — Фостера. Теперь американские товары вновь стали наводнять Кубу в ущерб испанским фабрикатам. Зато кубинский сахар свободно проникал в Соединенные Штаты.

---

[1] *L. H. Jenks.* Our Cuban colony. N. Y., 1928, p. 38.
[2] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd I, London, 1935, S. 33.
[3] *L. H. Jenks.* Our Cuban colony, p. 39.
[4] Ibid., p. 38.

Но вскоре обстановка резко обострилась. При Кливленде, новом президенте от демократической партии, в США вместо тарифа Мак-Кинли в 1894 г. был введен другой тариф, названный именем Вильсона. В целом он был более либеральным. Значительное число пошлин понижалось по сравнению с тарифом Мак-Кинли. Однако с сахаром поступили прямо противоположным образом. Первоначальный правительственный проект предусматривал для него беспошлинный ввоз. Но затем по требованию Сахарного треста на импортный сахар-сырец была установлена пошлина в размере 40% цены. Трест установил к этому времени теснейший союз с внутренними производителями сахарной свеклы и с плантаторами штата Луизиана, производившими сахарный тростник.

На сахар-рафинад по тарифу Вильсона была установлена пошлина еще более высокая, чем на сырец. В первую очередь Сахарный трест и его союзники намеревались вытеснить с американского рынка немецкий и австро-венгерский сахар. Германия в качестве его поставщика занимала в США второе место после Кубы, но в отличие от нее ввозила преимущественно рафинад.

Следующий — и самый сильный удар — наносился Кубе. «Тариф Вильсона восстанавливал пошлину на ввоз сахара-сырца, сохраняя более высокое обложение рафинированного сахара. Это автоматически уничтожало принцип взаимности в отношении Кубы. Так как цены на сахар падали, то последствия изменений тарифа со всей силой обрушились на кубинских производителей сахара» [1]. Иначе говоря, США стали на путь разорения Кубы. Все говорило о том, что оправдываются подозрения испанского правительства насчет намерения правительства Соединенных Штатов выжить Испанию с этого острова.

Тариф Вильсона положил конец действию соглашения Кановаса — Фостера: оно распространялось исключительно на условия применения американского таможенного закона 1890 г. Вместе с отменой этого закона, с точки зрения правительства США, потеряло силу и соглашение о способах его применения. Согласно новому тарифу кубинский сахар с 1894 г. обложили сильно повышенными пошлинами. Сахарный трест нажил огромные барыши: разница в цене сахара-сырца и рафинада увеличилась больше, чем обложение сырца, и попала в кассы треста.

Таможенные мероприятия со стороны США оказали разрушительное воздействие на экономику Кубы, и тем самым они форсировали наступление там революционного взрыва [2]. Сбыт сахара катастрофически сократился, его производство на Кубе стало быстро падать, а нищета и безработица — расти. В условиях жестокой эксплуатации острова Испанией и безобразного произвола колониальных властей экономический кризис довел до крайнего накала возмущение широких масс кубинского народа.

15 февраля 1895 г. испанское правительство издало закон о создании на Кубе Консультативного совета при генерал-губернаторе. Этот закон вопиющим образом нарушал прежние обещания, данные кубинцам правительством метрополии о предоставлении острову более широкой автономии. 24 февраля 1895 г. на Кубе началось новое восстание против невыносимого испанского владычества.

То было демократическое национально-освободительное движение. Его целью являлось низвержение реакционного колониального режима. Но вскоре оно было использовано американским империализмом в захватнических целях — для того, чтобы отнять у Испании ее колонии и подчинить их своему господству. Стратегические замыслы военно-

[1] *L. H. Jenks.* Our Cuban colony, p. 40.
[2] *S. F. Bemis.* A Diplomatic History of the United States. N. Y., 1936, p. 437; см. *Л. Ю. Слезкин.* Испано-американская война 1898 года. М., 1956, стр. 37.

морских кругов и махинации с таможенными тарифами подготовляли почву для последующей экспансии США.

Официально правительство Кливленда заявило, что США будут соблюдать «нейтралитет» в событиях на Кубе. Кубинские патриоты закупали в США оружие и контрабандой переправляли его на Кубу. Американские власти нередко преследовали лиц, занятых организацией помощи кубинскому народу. Корабли военного флота США задержали значительное число зафрахтованных судов с оружием для повстанцев [1]. Бывало, впрочем, и иначе: желая оказать нажим на Испанию, власти США смотрели сквозь пальцы на помощь антииспанскому движению.

Цели американского империализма

Ровно никакого сочувствия к освободительному движению кубинского народа американский капитал не питал. Имеется большое число свидетельств, говорящих о том, что владельцы американских предприятий на острове боялись подлинной его независимости и не желали ее. Они ненавидели кубинских повстанцев и перспективе независимости Кубы решительно предпочитали даже испанское владычество. И это несмотря на попытки испанского правительства противодействовать экономической экспансии США на Кубе.

Но, кроме сохранения испанского господства и завоевания независимости, имелась третья альтернатива — переход Кубы в руки США. Наиболее агрессивные круги американского империализма с самого начала провоцировали обострение ситуации на Кубе. Американские же капиталисты, вложившие деньги на острове, хотя и желали видеть Кубу колонией США, но сначала придерживались более умеренной позиции: они опасались убытков, связанных с потрясением испанского режима. Они предпочитали, чтобы испанские власти немедленно подавили восстание [2].

Позиция американских капиталистов на Кубе изменилась, когда выяснилось, что Испания не способна справиться с восстанием. Тогда эти капиталисты, неся от него материальный ущерб, в большинстве своем стали рьяными поборниками интервенции Соединенных Штатов.

Переход Кубы в их руки мог совершиться различными путями. Можно было бы пытаться вытеснить Испанию с Кубы, не прибегая к войне. К этому стремился демократ Кливленд, а в начале своего президентства также и республиканец Мак-Кинли, избранный президентом в конце 1896 г. Этот «ангел-хранитель» трестов [3] преследовал свою цель с удвоенной энергией. Американские капиталисты на Кубе, так же как и оба президента, предпочли бы овладеть островом, не прибегая к военным средствам.

Но можно было захватить Кубу и посредством войны. К этому стремилась группа крайних империалистов во главе с влиятельным сенатором Лоджем и не менее влиятельным заместителем морского министра Теодором Рузвельтом. К сторонникам войны принадлежал также и военный министр Олджер (Alger). Они старались повернуть на путь войны президента Мак-Кинли.

Разногласия вызывала также форма будущего господства американских колонизаторов над теми владениями, которые либо тем, либо иным путем, но предполагалось обязательно отторгнуть от Испании. Вопрос стоял следующим образом: должна ли состояться формальная аннексия испанских колоний Соединенными Штатами либо же целесообразнее установить над ними фактическое владычество США, но

---

[1] *Miguel Varona Guerrero.* La guerra de Independencia de Cuba 1895—1898, vol. II. La Habana, 1946, p. 1303—1304; vol. III, p. 1538.

[2] См. *Л. И. Зубок.* Очерки истории США (1877—1918). М., 1956, стр. 235.

[3] См. там же, стр. 101.

прикрытое фиктивной независимостью, с установлением марионеточного правительства, официально независимого, а на деле во всем покорного США. Об этом шли споры в правительственных сферах, в конгрессе, да и в более широких кругах американской буржуазии. В том, что у Испании надо отобрать ее владения и фактически поставить их в той или иной форме в колониальную зависимость от Америки — в этом в кругах американских империалистов установилось полное единодушие.

Кроме Кубы, из-за которой конфликт непосредственно и возник, кроме Пуэрто-Рико, в случае краха испанской колониальной империи правительство США предполагало захватить также и испанские владения на Тихом океане, в первую очередь Филиппинские острова. Они привлекали господствующий класс США в качестве опорного пункта в Восточной Азии. Военная база потребовалась там в связи с быстро возраставшим интересом американского капитала к китайскому рынку с его потенциально безграничными возможностями. В деловых кругах Соединенных Штатов «Китай стал занимать выдающееся место в мечтах о будущих рынках для американской продукции»[1]. Имелся также некоторый интерес и к экономическим возможностям на самом Филиппинском архипелаге.

Пропагандистская подготовка конфликта с Испанией и роль дипломатии

В Соединенных Штатах имелась сильная оппозиция политике империалистических захватов. Значительная часть американского капитала обходилась внутренним рынком, обладавшим гигантскими размерами. Оппозиция опиралась на часть мелкой буржуазии, фермерство и рабочий класс. Прогрессивные круги в США сочувствовали освободительной борьбе кубинцев. Американский народ в массе своей враждебно относился к трестам, империалистической политике и колониальным захватам. В конгрессе в предыдущие годы не раз терпели провал проекты приобретения военных баз в Карибском бассейне и аннексии Гавайских островов. Это обстоятельство делало для американских империалистов очевидной необходимость специальной и широко поставленной обработки общественного мнения. Раз они хотели добиться обладания Кубой, Пуэрто-Рико и Филиппинами, надо было провести пропагандистскую подготовку внутри страны. Без этого им не побороть бы противодействия политике захватов, а также закоренелый изоляционизм значительной части американской общественности, убежденной, особенно на Среднем Западе, в том, что дела других стран ее не касаются и только вовлекают в ненужные расходы.

Еще в 80-х годах началась идеологическая подготовка американской общественности к политике империалистической экспансии вне североамериканского континента. Обработке общественного мнения служила воинственная империалистическая публицистика, и прежде всего нашумевшие книги Мэхена, друга Т. Рузвельта и Лоджа. Писания Мэхена насаждали культ морской, а вместе с тем и всякой иной военной мощи. Работа Мэхена «О влиянии морской силы на историю» стала в конце прошлого века одной из наиболее популярных книг в США. Пропаганде империалистической политики служили также псевдодарвинистские писания, в которых к жизни общества произвольно прилагались заимствованные из биологии идеи борьбы за существование. Пропагандировалось учение о «предопределении судьбы», якобы возложившей на англосаксонскую «высшую расу» «бремя белого человека», которому предназначено господство над миром. Пастор Стронг писал «о божественном предопределении» англосаксов к господству над другими народами.

---

[1] *J. W. Pratt.* A History of United States foreign policy. Englewood Cliffs. N. Y., 1955, p. 363. Ср. его же Expansionists of 1898. N. Y., 1951, p. 266—267.

«Эта могучая раса, — заявлял он, — двинется на Мексику, на Центральную и Южную Америку, на острова, на Африку, и далее» [1]. Профессор Колумбийского университета Барджес утверждал, что англосаксы и немцы создали будто бы лучшие в мире демократические общественные институты и вследствие этого прямо-таки обязаны насаждать цивилизацию во всем мире. Колониальные захваты, если верить профессору, являются их долгом...

К президентским выборам, которые предстояли в США осенью 1896 г., республиканская партия готовилась под лозунгом проведения «твердой, смелой и преисполненной достоинства» внешней политики. Республиканцы требовали усиления военно-морского флота, обеспечения за Соединенными Штатами контроля над будущим межокеанским каналом, захвата военной базы в Вест-Индии и т. д. [2] Политика внешней экспансии и высоких таможенных пошлин стала знаменем республиканской партии.

После начала восстания на Кубе основная роль в обработке общественного мнения в интересах захватнической политики выпала на долю желтой прессы, полностью находившейся на службе у монополий. Она явилась главным распространителем шовинизма. Вместе с тем американские империалисты и их печать использовали в своих целях распространенное в народе сочувствие к освободительной борьбе кубинцев. Разглагольствования насчет поддержки национально-освободительного движения кубинского народа служили пропагандистским прикрытием захватнической политики США. Они легли также в основу политической фразеологии, усвоенной американской дипломатией.

В печати наибольшую активность проявлял Херст и особенно его орган «Джорнел», а также другой воротила желтой прессы — Пулитцер, издававший газету «Уорлд». Испанские реакционеры дикими безобразиями, творимыми ими на Кубе, щедро поставляли материал своим противникам. Газеты Пулитцера и Херста конкурировали друг с другом в живописании испанских жестокостей на Кубе. Они стремились разжечь таким способом ненависть к испанцам в широкой американской публике. В то же время они пускали в ход ложь и клевету, чтобы дискредитировать кубинскую революцию, и охотно подхватывали злостные измышления, распространяемые с той же целью испанскими колонизаторами. От «Джорнел» и «Уорлд» не отставала нью-йоркская «Сан». Вовсю старались и информационные агентства, снабжавшие материалом печать всей страны, особенно же провинциальные органы, не располагавшие собственной корреспондентской сетью. Желтая пресса истошно вопила о необходимости вооруженного вмешательства Соединенных Штатов ради «свободы Кубы» и защиты американских граждан. Оба мотива варьировались в зависимости от обстоятельств.

Приемы желтой прессы рисует следующий случай. Херст направил на Кубу известного художника Ремингтона, с тем чтобы он сделал зарисовки, показывающие испанские зверства. Вскоре тот прислал Херсту телеграмму из Гаваны: «Все спокойно. Здесь нет беспорядков. Войны не будет. Я возвращаюсь». Херст, как сообщают его американские биографы, якобы послал художнику следующий ответ: «Прошу остаться. Вы обеспечите рисунки, а я обеспечу войну» [3].

Разоблачение испанских колонизаторов само по себе было прогрессивным делом. Но под пером Херста и ему подобных оно представляло сплошное лицемерие. Героическая борьба небольшого кубинского народа, стоившая ему к весне 1898 г. до 200 тыс. жизней, при населении

---

[1] *J. W. Pratt.* Expansionists of 1898, p. 6.
[2] *J. W. Pratt.* A History of United States foreign policy, p. 368.
[3] *S. F. Bemis.* A Diplomatic History of the United States, p. 442. Прим.

в ту пору около $1^1/_2$ млн., использовалась империалистами в их своекорыстных целях — для замены испанского владычества на Кубе и в Пуэрто-Рико колониальным господством США.

Одним из важных поставщиков материалов для антииспанской пропаганды были американские консулы и их донесения. Консульская служба не только вела разведку, собирала полезную для правительства США информацию, но и тщательно выбирала из этой информации факты и слухи, пригодные для американской пропаганды в печати.

От прессы в деле обработки масс не отставали многочисленные протестантские церкви и секты, шумевшие по поводу бесчеловечности испанских усмирителей. Католическая церковь вела себя сдержанно — симпатии Ватикана находились на стороне испанской монархии.

Так взаимодействовали различные приводные ремни империалистической внешней политики американских трестов: экономическое давление посредством разорительных пошлин ускорило внутренний взрыв на Кубе; империалистическая публицистика, печать и церковь обрабатывали сознание американского народа. Тем временем подготовлялись основные рычаги внешней политики — дипломатия, а за нею и вооруженные силы. Армия и флот готовились продолжить захватническую политику иными, военными средствами.

Деятельность американской дипломатии при Кливленде. Международное положение США

В феврале 1896 г. кубинский вопрос обсуждался в конгрессе, причем раздавались требования о вооруженном вмешательстве США. Обе палаты приняли совпадающие резолюции. В них рекомендовалось правительству признать повстанцев воюющей стороной и предложить Испании «добрые услуги» для достижения мира на Кубе.

Но президент оставил без последствий эти рекомендации. Против признания особенно возражали американские сахарные плантаторы на Кубе и действовавшая там Испано-Американская железоделательная компания, связанная с Рокфеллером и кливлендской группой капиталистов [1]. Американские капиталисты на Кубе были полны ненависти к борцам за свободу кубинского народа и их революционному правительству. Президент разделял эти чувства. Но независимо от личных симпатий и антипатий признание революционного правительства было для Кливленда неприемлемо: оно могло стеснить маневроспособность его политики при определении будущих судеб острова и форм американского господства над ним.

Уклонившись от признания кубинского правительства, президент США избрал иной путь, вступить на который должна была ему помочь дипломатия. Она вышла теперь на политическую авансцену.

4 апреля 1896 г. государственный департамент направил ноту испанскому посланнику в Вашингтоне. Документ этот содержал ни более ни менее как предложение о сотрудничестве Соединенных Штатов с Испанией в «незамедлительном умиротворении острова»! В качестве основы сотрудничества предлагалось сохранение суверенных прав Испании при условии предоставления Кубе «самоуправления». Государственный секретарь Олни предлагал «добрые услуги» своего правительства для достижения мира на Кубе на изложенных условиях [2].

Предложения США означали предательство кубинского народа, отказ ему в государственной независимости и в то же время американ-

---

[1] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1263—1264.

[2] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1897» (далее — «Foreign Relations of the United States»). Washington, 1898, p. 540—544. *Л. С. Владимиров.* Дипломатия США в период американо-испанской войны. М., 1957, стр. 37—38.

скую помощь Испании в ликвидации национально-освободительного движения. В ноте утверждалось, что победа повстанцев якобы не принесет мира. Если Испания уйдет с острова совсем, то там начнется-де борьба между черными и белыми.

Расчет Вашингтона был не сложен: принятие Испанией американского предложения открыло бы для США возможность широкого вмешательства в дела Кубы. В качестве сильнейшего партнера в испано-американском сотрудничестве они смогли бы взять в свои руки все урегулирование кубинского вопроса. Смысл предложения Кливленда — Олни сводился к тому, чтобы без войны против Испании утвердить на Кубе не только экономическое, но и политическое влияние США и в то же время использовать испанские военные силы для удушения революционного движения, опасного для американского капитала.

Стремление Кливленда обойтись без войны понятно. Его предложение Испании было продиктовано не только реакционной ненавистью крупного американского капитала к кубинским революционерам, но и поистине бедственным положением государственных финансов и валюты США в период с 1893 по 1896 г. Доходило до того, что казначейство не могло даже уплатить жалованье офицерам армии [1].

Испанское правительство сразу поняло из ноты госдепартамента, куда клонят США, внося свои предложения о «добрых услугах». Оно было хорошо осведомлено и об их финансовом положении. Не ожидая для себя от «добрых услуг» Вашингтона ровно ничего доброго, оно отклонило коварные предложения Олни. Об этом испанский министр иностранных дел герцог Тетуанский уведомил правительство США нотой от 22 мая 1896 г. Политический режим на Кубе, писал он, может быть изменен Испанией не ранее, чем там прекратится восстание. Правительство США могло бы помочь умиротворению, продолжал министр, строгим соблюдением обещанного им нейтралитета, пресекая незаконную отправку из США флибустьерских экспедиций. «Добрые» же его «услуги» испанцами вежливо отклонялись. В испанской ноте утверждалось (не без легкой иронии и отнюдь не без основания), что от «добрых услуг» США откажутся также и кубинские повстанцы [2]. И это не удивительно: кубинский народ добивался действительной независимости, а вовсе не опеки США да еще при сохранении суверенных прав испанской монархии.

Положение Испании между тем все более осложнялось. Летом 1896 г. началось восстание против испанского владычества на Филиппинских островах.

Подготовляя захват испанских колоний, США рассчитывали на благожелательность Англии. И действительно, в это время британское правительство взяло курс на урегулирование своих многочисленных споров и разногласий с США, и на сближение с ними. В числе этих разногласий особенную остроту приобрел конфликт из-за границ Венесуэлы. Дело шло о разграничении между этой южноамериканской республикой и Британской Гвианой. США в 1895 г. вмешались в этот спор: президент заявил, что не допустит удовлетворения английских претензий, ибо они противоречат доктрине Монро.

В 1896 г. Англия уступила Соединенным Штатам в конфликте с Венесуэлой. Этот шаг свидетельствовал о стремлении британского империализма к соглашению с США. Конечно, соглашение не снимало объективных противоречий между США и Англией. Но оно

[1] См. *Л. С. Владимиров.* Дипломатия США в период американо-испанской войны, стр. 39—40; *Л. И. Зубок.* Очерки истории США, стр. 133—138.

[2] См. *Л. С. Владимиров.* Дипломатия США в период американо-испанской войны, стр. 44.

свидетельствовало о стремлении сторон к их смягчению и к сотрудничеству в борьбе против других держав.

Исход американских президентских выборов 1896 г. закрепил курс на англо-американское сотрудничество. Основным вопросом этих выборов была не внешняя и даже не таможенная политика, а вопросы денежного обращения. «Дешевые деньги» или золотая валюта? Вот проблема, которая больше всего волновала тогда Америку.

Поборниками падающей серебряной валюты и биметаллизма были капиталисты семи штатов, производивших серебро. Они вели за собой широкие круги задолжавшего фермерства, ослепленного идеей «дешевых денег», которые облегчили бы уплату долгов. В «дешевых деньгах» часть фермерства усматривала панацею от всех одолевавших его зол. Все противники полноценной золотой валюты были в области внешней политики ярыми врагами Англии — чемпиона золотого стандарта.

В валютном вопросе имелась очень важная внешнеполитическая сторона. В ту пору между США и Англией существовали отношения должника и кредитора. Соединенные Штаты Америки вплоть до первой мировой войны были самым крупным должником на всем земном шаре. Самым же крупным мировым кредитором являлась английская финансовая олигархия. С Соединенных Штатов она, по заявлениям американских биметаллистов, получала одних лишь процентов приблизительно на 200 млн. долл. ежегодно [1]. Английские капиталисты, само собою понятно, желали получать свои деньги в полноценной валюте. Не удивительно, что лондонское Сити и его слуга — правительство Соединенного Королевства — являлись поборниками золотого обращения. В Америке их верными союзниками были капиталисты восточных штатов. Будучи связаны с лондонским денежным рынком наитеснейшим образом, они выступали в пользу золотой валюты, а вместе с тем и за дружбу с Англией. Богатейший представитель финансовой олигархии Уолл-стрита — Дж. П. Морган находился в постоянном контакте с лондонским домом Ротшильда. «Если бы сторонники серебра победили в США, непосредственные потери английского капитала составили бы десятки миллионов долларов, и установление англо-американской дружбы было бы задержано на многие годы» [2]. Победа Мак-Кинли означала победу сторонников золотой валюты. Их торжество обеспечивало самые важные интересы Сити.

Установление сотрудничества между США и Англией имело огромное значение для всей дальнейшей политики обеих держав и для общего мирового положения. Из всех европейских держав только владычица морей Великобритания располагала реальными средствами, чтобы создать серьезные затруднения для американской агрессии в Западном полушарии. Сближение с Англией было в те годы для США предпосылкой проведения политики империалистической экспансии. Недаром именно апологет империалистической политики Мэхен выступал застрельщиком союза с Англией. Твердая валюта в США гарантировала лондонскому Сити верные проценты на гигантские капиталы, инвестированные в великой заокеанской республике. Твердая валюта была для США главным условием улучшения отношений с Англией, а нормальные англо-американские отношения в свою очередь облегчали американскую экспансию.

Вскоре по вступлении в должность Мак-Кинли назначил послом в Лондон Хэя, убежденного сторонника сотрудничества с Англией.

---

[1] *B. A. Reuter.* Anglo-American Relations during the Spanish-American war. N. Y., 1924, p. 48.

[2] *B. A. Reuter.* Anglo-American Relations during the Spanish-American war. N. Y., 1924, p. 51.

Английское правительство склонно было признать преобладающее влияние США в Карибском бассейне и предоставить им свободу рук против Испании при условии ответной поддержки Соединенными Штатами Англии против России в делах Дальнего Востока.

Обострение отношений с Германией и международная изоляция английского империализма также побуждали Англию искать сближения с США. У Соединенных Штатов и Англии оказались общие противники: Германия и Франция симпатизировали Испании и они же были антагонистами Англии. В Лондоне помнили телеграмму кайзера Крюгеру. Там готовились к войне с бурами и к решающей схватке с Францией за Судан. Россия рассматривалась в Англии как главный противник в Восточной Азии. Такой взгляд постепенно распространялся и в Соединенных Штатах [1]. Наличие общих противников создавало почву для сотрудничества. Правда, степень вражды с каждой из трех держав Европейского континента была у обеих англосаксонских держав различной. У Англии отношения с ними были несравненно более острыми, чем у Соединенных Штатов.

Сближение США и Англии не снимало глубокого англо-американского антагонизма. Он развивался на почве борьбы за влияние в Латинской Америке, торговой конкуренции, американского протекционизма, преграждавшего доступ английским товарам на внутренний рынок США. Противоречия не раз вызывали в дальнейшем острую борьбу между США и Англией. Тем не менее установление между ними сотрудничества, хотя и не полного, во многом определило международную обстановку, в которой происходило дальнейшее развитие кубинского вопроса: если кого из европейских стран правительство Соединенных Штатов и побаивалось, так это Англии с ее мощным военно-морским флотом и влиянием в странах Американского континента. И то и другое позволяло Англии доставлять США многочисленные и серьезные затруднения. Сближение с Англией развязывало Соединенным Штатам руки, поскольку дело шло о международной дипломатической подготовке конфликта.

Политика и дипломатия правительства Мак-Кинли

В предвыборной борьбе республиканцы критиковали Кливленда за слабость в отношении Испании и за плохую защиту американских интересов на Кубе, имущества и прибылей американского капитала. Новый президент Мак-Кинли и его государственный секретарь Шерман оба были ставленниками магнатов тяжелой промышленности и Рокфеллера. Таковым же был и Маркус Ханна — главный «босс» республиканской партии, режиссер, направлявший ее избирательную кампанию, крупный капиталист, владелец металлургических и угольных предприятий.

Новый президент согласно порядкам того времени вступил в должность в марте 1897 г. У его предшественника, Кливленда, была мысль заполучить Кубу посредством покупки ее у Испании. Сначала Мак-Кинли тоже обратился к этой идее. Однако зондаж, предпринятый через испанское посольство в Лондоне, убедил его в нереальности такого плана [2].

Новая администрация начала в кубинском вопросе с того, что испросила (и получила) от конгресса 50 тыс. долл. на оказание помощи американским гражданам, «пострадавшим» от событий на Кубе. При

---

[1] См. *Р. М. Бродский.* Влияние испано-американской войны 1898 г. на русско-американские отношения. «Наукові записки Львівського університету», т. XLIII, вып. 8. Львов, 1957, стр. 6—16.

[2] *S. F. Bemis.* A Diplomatic History of the United States, p. 440; *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1270.

обсуждении этого вопроса в конгрессе дебаты приняли характер антииспанской военной пропаганды.

В конгрессе вновь был поднят вопрос о признании за кубинцами прав воюющей стороны, и 20 мая 1897 г. сенат вторично высказался в пользу такого шага. Палата представителей на этот раз не последовала его примеру. Что же касается правительства, то новый президент столь же мало был склонен признать повстанцев, как и прежний обитатель Белого дома.

В Соединенных Штатах к сторонникам войны постепенно присоединились наиболее ожесточенные противники Мак-Кинли во время избирательной кампании — биметаллисты, агентура владельцев серебряных рудников, поборники «дешевых денег» из аграрных штатов Юга, примыкавшие к оппозиционной демократической партии, и даже часть популистов — фермерской партии. Эти элементы рассчитывали, что война, усилив финансовые трудности, приведет к инфляции и вынудит правительство разрешить свободную чеканку серебра [1].

Летом 1897 г. Мак-Кинли назначил в Мадрид нового посланника — генерала Вудфорда. Свое высокое воинское звание он сочетал с участием в одной из фирм на Уолл-стрите. Положение Вудфорда было особым: наряду с донесениями в государственный департамент он докладывал непосредственно президенту. «Нельзя разумно требовать или надеяться на то, что политика простого бездействия может быть безопасно продолжена». Так гласила инструкция, преподанная Вудфорду, датированная 16 июля 1897 г. и подписанная государственным секретарем. Испания должна положить конец разрушительной войне. Она должна «предложить соглашение, почетное как для нее, так и для ее кубинской колонии». Соединенные Штаты предлагают Испании для этой цели свои «добрые услуги».

Далее в инструкции подробно обосновывалось «право» на вмешательство в дела Кубы, которым США якобы обладают. «Испания, — говорилось в ней, — конечно, не может рассчитывать на то, что наше правительство будет оставаться бездеятельным, допуская нанесение ущерба крупным интересам». Предлагая «добрые услуги», посланник не должен смягчать остроты положения. Он не может скрывать «убеждения президента, что в случае бесплодности его нынешней попытки, его долг перед своими соотечественниками сделает необходимым принятие быстрого решения относительно действий, которых может потребовать время и наступление критических обстоятельств» [2].

По прибытии в Мадрид Вудфорд тотчас установил контакт с английским послом Друммондом Вольфом и ознакомил его с американской точкой зрения [3].

23 сентября 1897 г. Вудфорд изложил американские предложения в духе полученных им инструкций в ноте, адресованной испанскому правительству. В конце выражалась надежда, что в течение октября испанское правительство либо прибегнет к «добрым услугам» США, либо же сможет представить «удовлетворительные заверения в том, что мир на Кубе будет быстро восстановлен усилиями Испании» [4].

При посредстве «добрых услуг» восстановление мира на Кубе практически «могло привести к протекторату в качестве разумного и желанного результата». Так резюмировал цель американской политики сам Вудфорд в донесении президенту 17 октября 1897 г. Не исключено, что

---

[1] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1267.

[2] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 558—561.

[3] *A. B. Reuter.* Anglo-American Relations during the Spanish-American War, p. 64—65.

[4] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 572.

эти «добрые услуги» могут «принести и аннексию в качестве необходимого конца», писал посланник далее в этом же документе [1]. Таким образом, Белый дом и его представитель в Мадриде вели дело к захвату Кубы в той или иной форме.

Между тем в Испании произошел правительственный кризис. На смену консерваторам 14 октября 1897 г. было сформировано либеральное правительство во главе с Сагастой. Министром иностранных дел был назначен Гульон. Новое правительство попыталось расколоть и ослабить повстанцев и умиротворить Кубу с помощью реформ. Губернатор генерал Вейлер, отличившийся особенной свирепостью, был отозван. Было заявлено о предстоящей якобы ликвидации концентрационных лагерей. Подготовлялся проект автономного устройства для Кубы при сохранении над ней, однако, суверенитета Испании.

Испанское правительство попыталось использовать эту реформу в интересах своей дипломатии. Еще до внесения проекта в кортесы (парламент), 23 октября 1897 г., правительство Сагасты дало ответ на американскую ноту. Испанское правительство пространно доказывало в ней, что предоставление автономии приведет к умиротворению Кубы. Оно настоятельно просило Соединенные Штаты пресечь поставки оружия кубинским повстанцам. Предложение «добрых услуг» Соединенных Штатов испанские либералы обходили молчанием. Они настойчиво повторяли: все, что США должны сделать, — это прекратить вмешательство в дела Кубы [2].

Повстанцы к испанским «реформам» отнеслись отрицательно. Кубинские революционеры требовали для своей родины полной независимости.

Отказ испанского правительства удовлетворить американские требования не вызвал со стороны правительства США немедленных ответных действий. Но зато в новогоднем послании президента уже прямо говорилось о возможности интервенции Соединенных Штатов на Кубе. Вашингтон усилил подготовку к войне как в военно-техническом, так и в пропагандистском отношениях.

Ради пропагандистской подготовки американские империалисты цеплялись за любой повод для антииспанских выступлений. Немало материала дал для кампании в печати инцидент с испанским посланником в Вашингтоне Дюпюи де Ломом. Заключался он в следующем.

В начале 1898 г. американская агентура в Гаване на почтамте выкрала и передала кубинским националистам частное письмо посланника знакомому испанскому журналисту, совершавшему путешествие по Кубе. 9 февраля кубинская повстанческая хунта опубликовала письмо в американских газетах. Посланник отзывался в нем о президенте Соединенных Штатов в выражениях весьма мало почтительных. В своем письме де Лом задевал и Англию. Он указывал, что она стремится втянуть США в войну с Испанией, дабы связать им руки. В Англии, писал де Лом, были бы рады войне [3].

В американской прессе по поводу перехваченного письма поднялась шумиха. Газеты негодовали по поводу оскорбления президента. Английская печать вторила американской. Подливая масло в огонь, она усилила резонанс скандала.

Правительство США ухватилось за этот инцидент и постаралось всемерно его раздуть в целях обработки американского общественного мнения. Через Вудфорда оно потребовало отзыва де Лома в качестве

---

[1] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1283.

[2] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 582—589.

[3] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 1007—1022; *Э. Сатоу.* Руководство по дипломатической практике. М., 1947, стр. 267.

persona non grata: «Такого рода выражения о президенте Соединенных Штатов делают посланника бесполезным в качестве посредника при откровенном и искреннем общении между США и Испанией».

Но испанский посланник уже успел сам поставить перед правительством Испании вопрос о своем отозвании. Когда Вудфорд заявил испанскому министру иностранных дел о требовании американского правительства, министр ему ответил, что правительство Испании сожалеет о нескромности своего представителя, но что де Лом уже подал в отставку.

Немалый шум был поднят и в связи с выступлением сенатора Проктора, побывавшего на Кубе и выступившего в качестве очевидца с трибуны сената с разоблачением испанских жестокостей и страданий населения.

Но больше всего пищи для пропаганды против Испании доставила американским империалистам гибель броненосца «Мэн». Этот корабль был послан президентом на рейд Гаваны якобы с дружеским визитом, а на самом деле в предвидении возможности вооруженной интервенции. 15 февраля 1898 г. на броненосце произошел взрыв огромной силы, и судно затонуло. Погибло 266 человек экипажа.

Желтая американская пресса тотчас же потребовала немедленного объявления войны Испании. В Гавану была направлена правительственная комиссия из американских офицеров для расследования. При этом правительство США провокационным образом не сочло даже нужным запросить согласия Испании на прибытие этой комиссии. Когда испанское правительство потребовало ее удаления и предложило провести расследование совместно, правительство США отказало и в том и в другом.

Американская комиссия представила отчет, опубликованный 28 марта 1898 г., когда президент препроводил его конгрессу. В докладе сообщалось, что взрыв произошел якобы от внешней причины. Таковой могла быть только подводная мина. Правительство США направило в Мадрид ноту, в которой ответственность за гибель корабля возлагалась на Испанию, поскольку «Мэн» затонул в ее территориальных водах.

Испанское правительство со своей стороны провело расследование причин катастрофы. В результате его испанцы доказывали, что взрыв не был вызван извне, а объясняется чисто внутренними причинами. Много лет спустя, в 1911 г., корпус погибшего броненосца был поднят на поверхность, и при этом обнаружились некоторые данные, подтвердившие правильность заключения, сделанного испанцами. Американский историк Джонсон считает наиболее вероятным, что взрыв был организован американскими сторонниками войны против Испании. Они опасались, как бы конфликт не был разрешен мирно, и «готовы были пойти на отчаянные действия, лишь бы вызвать новые осложнения» [1].

С такой же провокационной бесцеремонностью, как и при расследовании гибели «Мэн», правительство США умышленно действовало в целом ряде других случаев. Так, испанское правительство потребовало отзыва американского консула в Гаване генерала Ли, в высшей степени нахально занимавшегося шпионажем и организацией подрывной деятельности. Но вопреки международным обычаям правительство США отказалось удовлетворить это требование.

Любой из только что изложенных инцидентов можно было трактовать по-разному. Правительство Соединенных Штатов и его дипломатия старались повернуть развитие каждого из них таким образом,

---

[1] *W. F. Johnson.* America's foreign relations. N. Y., 1916, vol. II, p. 251; *А. И. Елинов.* К вопросу о виновниках взрыва броненосца «Мэн». «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 120—129; *Л. С. Владимиров.* Дипломатия США в период американо-испанской войны, стр. 95—96.

чтобы вызвать максимальное осложнение испано-американских отношений.

Важным элементом подготовки Соединенных Штатов к войне явилось обеспечение им военной поддержки со стороны повстанцев на Филиппинских островах. Правительство США с согласия Англии направило свою Тихоокеанскую эскадру в Гонконг, как на ближайшую к Филиппинам удобную военно-морскую базу. Вместе с тем там оказалось возможным завязать связи с филиппинцами. В Гонконге находился проживавший в эмиграции лидер филиппинских националистов Агинальдо. Еще в 1897 г. осенью с ним установил связи американский консул в Гонконге. Теперь командующий американской эскадрой командор Дьюи, не дожидаясь, пока все корабли его эскадры прибыли в Гонконг, по поручению своего правительства направил к Агинальдо одного из подчиненных ему офицеров для установления тайного контакта.

Встреча состоялась 16 марта 1898 г. Офицер посоветовал Агинальдо вернуться на Филиппины и возглавить там вооруженную борьбу за независимость против Испании. Он обещал помощь со стороны Соединенных Штатов и заверял, будто сами они в колониях не нуждаются. Эти беседы продолжались до 1 апреля. Затем Агинальдо покинул Гонконг и направился в Сингапур[1]. Но Дьюи по прибытии в Гонконг вступил в сношения с филиппинской Патриотической хунтой, оставшейся там после отъезда ее руководителя.

В Сингапуре филиппинского лидера разыскал местный американский консул Пратт. Они встретились 24 апреля — в момент начала испано-американской войны. По свидетельству филиппинской стороны, переговоры между Агинальдо и Праттом закончились подписанием соглашения. Оно предусматривало объявление независимости Филиппин и образование там федеративной республики. Впредь до проведения выборов Агинальдо должен был сформировать филиппинское правительство. В создании филиппинской государственности временно должна была принять участие комиссия из американцев и европейцев по назначению командора Дьюи. Над Филиппинами устанавливался протекторат США в такой же форме, как и над Кубой[2].

Эта аналогия с Кубой весьма примечательна: о судьбе Кубы было только что, 19 апреля, заявлено в объединенной резолюции обеих палат конгресса.

Какое же будущее сулила Кубе эта резолюция? В ней говорилось, что США не намерены устанавливать над Кубой какую-либо свою юрисдикцию или контроль иначе как в целях установления мира на острове. Из текста изложенного американо-филиппинского соглашения явствует, что филиппинцы должны были оказаться точно в таком же положении, что и кубинцы, — американский контроль над ними мог быть только временным.

Скоро филиппинскому народу пришлось убедиться в том, что его обманули, как только перестали в нем нуждаться в качестве пушечного мяса.

Но в начале испано-американской войны обман этот еще не был разоблачен. Американцам на Филиппинах еще доверяли. Дьюи через Пратта торопил Агинальдо с возвращением на родину. Американское правительство и командование были заинтересованы в том, чтобы взвалить на повстанцев всю тяжесть борьбы против испанских войск на островах Филиппинского архипелага. Так же как и на Кубе, США использовали на Филиппинах национальное движение в интересах

---

[1] См. *А. А. Губер.* Филиппинская республика 1898 года и американский империализм, изд. 2. М., 1961, стр. 141—142.

[2] См. там же, стр. 142.

своей империалистической политики. В узковоенном смысле трюк этот Соединенным Штатам удался полностью.

В начале 1898 г. правительство США стало торопиться с началом войны. Повстанцы на Кубе добились слишком крупных успехов. Промедление с началом войны грозило правительству США тем, что Куба освободится сама, силами своего народа, и станет действительно независимой. Этого в Вашингтоне хотели избежать во что бы то ни стало. Поэтому и прибегали к одной провокации за другой, форсируя развязку.

9 марта 1898 г. конгресс отпустил дополнительные кредиты на военную подготовку. Принимались меры по приведению в боевую готовность частей армии и военно-морского флота. В конце марта правительство сосредоточило Атлантический флот в Ки-Уэсте, у Флориды, неподалеку от берегов Кубы. Другая эскадра, в Гонконге, ожидала приказа для того, чтобы начать военные действия против Филиппин.

20 марта государственный департамент телеграфировал Вудфорду, что если Испания немедленно не восстановит мир на Кубе, то обстановка на острове потребует «действий» со стороны США.

23 марта 1898 г. Вудфорд встретился с Гульоном в присутствии министра колоний Морета. Американский дипломат не знал ни одного языка, кроме своего родного, и Морет служил переводчиком. Вудфорд заявил все, что ему было поручено. Он сказал при этом, что если в течение ближайших дней не будет достигнуто удовлетворительного соглашения, которое установило бы мир на Кубе, то президент передаст вопрос об отношениях с Испанией на решение конгресса, включая и вопрос о взрыве броненосца «Мэн». Гульон, крайне напуганный, просил отсрочки до начала дождливого сезона. Но посланник заявил, что это не представляется возможным. Правительство США желает, чтобы Испания прекратила войну немедленно [1].

Кубинское повстанческое правительство уже отклонило автономию, предложенную Испанией. Оно согласилось бы только на полный отказ Испании от Кубы. При таких условиях выполнение требования США означало бы для Испании капитуляцию. После многих лет войны ей предстояло униженно просить мира у своих восставших подданных. Испанская правящая клика ничего так не боялась, как открытого унижения. Подрыв престижа мог привести к свержению прогнившей испанской монархии. Из страха перед революцией испанское правительство упрямо отказывалось от серьезных уступок. А Соединенные Штаты нарочито предъявляли ему как раз такие требования, которые были для него заведомо неприемлемыми.

США, безусловно, подрывали реакционный режим на Кубе, на Филиппинах и в самой Испании. Но они делали это с единственной целью: забрать ее колонии в свои руки, обманув чаяния национально-освободительного движения.

Несколько дней испанское правительство колебалось. 29 марта американский посланник потребовал немедленного заключения перемирия на срок до 1 октября. Ответа он требовал в двухдневный срок. То был ультиматум! 31 марта Сагаста, Гульон и Морет встретились с Вудфордом. Они сообщили, что правительство согласно на прекращение военных действий только при условии, если повстанцы обратятся с просьбой о перемирии к испанскому главнокомандующему на Кубе. Как пояснил Сагаста, это условие вызывалось соображениями внутренней политики, т. е. страхом перед революцией в Испании. Главнокомандующий определит и срок, а также условия перемирия. Восстановление мира, указывалось в ответе, испанское правительство намерено доверить будущему

---

[1] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 692, 696—697, 698—703.

кубинскому парламенту — ожидаемому плоду реформ Сагасты. Испанское правительство предлагало (уже не в первый раз) передать на арбитражное решение вопрос о гибели броненосца «Мэн» [1].

Чтобы смягчить отказ от американского посредничества, Гульон 3 апреля выдвинул перед Вудфордом мысль о посредничестве папы. Он сказал, что сам Лев XIII предложил его — якобы по инициативе не кого иного, как президента Мак-Кинли [2].

Ответ американского правительства гласил, что США не предлагали посредничества папы и остаются при своем прежнем предложении. Перемирие должно быть предложено Испанией, а не повстанцами и принято этими последними. И сделано это должно быть немедленно. Подчеркивая остроту обстановки, 4 и 5 апреля Шерман направил Вудфорду инструкции о порядке его отъезда в случае разрыва отношений [3].

Коллективное выступление европейских держав

Испанское правительство было до крайности напугано действиями США. Если оно не шло на все уступки безоговорочно, то только потому, что еще больший страх внушала ему перспектива полной компрометации перед собственной страной и революции как следствие этого. Оно обратилось за помощью к «европейскому концерту». Испанское правительство попросило державы посоветовать США передать конфликтные вопросы, вытекающие из их заявления от 23 марта, на третейское решение [4]. Арбитр назван не был. Подразумевался же папа римский.

Классовые интересы, затронутые конкуренцией американских сельскохозяйственных продуктов и протекционистской политикой Соединенных Штатов, оказывали свое влияние на правительства европейских государств и на их отношения с США. Международное положение США несколько осложнилось летом 1897 г. вследствие нового повышения американских таможенных пошлин. Оно последовало 25 июля с принятием тарифа Дингли и усилило в Европе раздражение против США. В августе Вильгельм II во время визита в Петергоф излагал царю и Витте проект таможенного объединения Европы против США [5]. Однако проект этот не встретил сочувствия, и дело ограничилось разговорами. Лидер аграриев граф Каниц призывал к сотрудничеству европейских государств против американских трестов, «объединенных в сенате Соединенных Штатов». Германия стеснила ввоз мяса из США, запретила ввоз американских свежих овощей и ввела ветеринарные меры предосторожности, затруднявшие ввоз лошадей. Вся пресса заняла позицию, враждебную США. «Палачи индейцев» — так честила янки газета католического центра «Германия». Исключения составляли органы социал-демократической печати, а также две «свободомыслящие» газеты, отражавшие интересы банкиров, связанных с американским капиталом, и гамбургских судовладельцев.

Конечно, причинить Соединенным Штатам какую-либо неприятность на почве их конфликта с Испанией и тем заставить их быть с Германией поосторожнее в торговых делах — такая мысль была весьма соблазнительна для германского правительства и лично для кайзера. Соблазн усиливался чувствами монархической солидарности с испанским королевским домом и стремлением предотвратить в Испании революцию, способную в какой-то мере «поколебать основы» в остальной Европе.

---

[1] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 726—727.
[2] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 732; *Л. С. Владимиров.* Дипломатия США в период американо-испанской войны, стр. 100.
[3] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 733—734.
[4] «Die Grosse Politik», Bd XV, N 4129, S. 16.
[5] См. *С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 121—122.

Между Германией и Соединенными Штатами, двумя относительно молодыми и быстро растущими капиталистическими государствами, уже входившими в империалистическую стадию развития, существовали глубокие противоречия. Их полностью сознавала дипломатия обеих сторон. Вот что писал, например, на этот счет германский посол в Вашингтоне Хольлебен 1 января 1898 г.: «Противоречия между Германией и Соединенными Штатами в экономических вопросах, все более и более обостряющиеся со времени великого подъема, испытанного Германией в качестве экономической силы, ныне, поскольку дело идет о настроениях в США, вступили в острую стадию. Сейчас Германия в здешней прессе и в обывательских разговорах является безусловно самой ненавидимой страной. Эта ненависть относится в первую очередь к стесняющему конкуренту, но она переносится также и на чисто политическую почву... Нас называют бандитами и грабителями с большой дороги, — продолжает Хольлебен. — То обстоятельство, что недовольство против нас заходит так далеко и проявляется сильнее, чем против других конкурентов, объясняется здесь, так же как и в Англии, страхом перед нашей возрастающей конкурентоспособностью в хозяйственной области и перед нашей энергией и возрастающей мощью в области политической» [1].

Значение американского рынка было для германского капитала огромным — немецкий вывоз в США составлял в середине 90-х годов свыше 90 млн. долл., или 360 млн. марок в год. Американский экспорт в Германию даже превышал эту цифру, но заинтересованность германских капиталистов в рынке Соединенных Штатов, по убеждению германской дипломатии, была тем не менее большей, чем заинтересованность американцев в торговле с Германской империей. При таких условиях к любым репрессиям против США Германии приходилось прибегать с большой осторожностью.

Но главный мотив германской политики заключался не в этом. Германский империализм и его правительство надеялись воспользоваться испано-американским конфликтом, дабы урвать для себя какие-либо лакомые куски колониальных территорий [2]. Энергичное вмешательство держав в пользу Испании могло бы в какой-то мере содействовать предотвращению войны. Но это менее всего отвечало намерениям кайзера и его правительства. Дело в том, что именно на конфликте между США и Испанией германское правительство и рассчитывало погреть руки.

После некоторых колебаний германское правительство решило соблюдать сдержанность и не мешать США напасть на Испанию. Кстати, так было спокойнее и с точки зрения интересов германского экспорта в США, а также германского трансатлантического судоходства. А оно имело крупнейшее экономическое значение для «ганзейских вольных городов» — Гамбурга и Бремена.

Испанское правительство еще в феврале 1898 г. в смятении, вызванном военной подготовкой американского флота, запросило Берлин: не согласится ли императорское правительство возглавить европейскую акцию в защиту монархического принципа от нападения Американской республики? Бюлов отклонил эту честь. Он адресовал испанскую дипломатию к державе, материально наиболее заинтересованной. А таковой была Французская республика [3].

Перед ее правительством, хотя и достаточно реакционным, все же трудно было говорить на тему о монархической солидарности. Аргумен-

[1] Воспроизведено по архивным материалам в кн.: *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd I, S. 148—150.

[2] О позиции Германии см. *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 459—478.

[3] «Die Grosse Politik», Bd XV, N 4123, S. 7—8 и N 4126, S. 12—14; *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1287.

тацию испанцам пришлось перестроить заново. Но именно в Париже испанское правительство встречало подлинное сочувствие. Большие экономические интересы французского капитала побуждали правительство Третьей республики поддержать Испанию. Французский капитал был главным ее кредитором, наиболее крупным держателем испанских бумаг. Французский капитал финансировал и войну против повстанцев на Кубе. Так, в начале 1896 г. он предоставил испанскому правительству заем в 25 млн. песет, которые пошли на военные цели. Французское общественное мнение было настроено враждебно к США.

Но, несмотря на заинтересованность французского капитала в том, чтобы избавить своего должника от поражения и банкротства, правительство Франции не решилось взять на себя инициативу дипломатического вмешательства в пользу Испании. Парижская биржа, а за нею и правительство приветствовали бы продажу Кубы Америке. Прекращение войны на Кубе укрепило бы курсы испанских ценностей, особенно в том случае, если бы Испании при уступке Кубы удалось избавиться и от обременительного кубинского долга. Но в Мадриде на продажу колонии не соглашались [1].

Аното кончил тем, что последовал примеру Бюлова: он адресовал испанцев в другую столицу. Бюлов указал на Париж, а Аното — на Вену. Там габсбургский двор якобы особенно симпатизировал испанскому королевскому дому: королева-регентша Испании являлась по рождению габсбургской эрцгерцогиней.

В наиболее резкой форме антиамериканские тенденции были выражены министром иностранных дел Австро-Венгрии графом Голуховским, принадлежавшим к земельной знати габсбургской монархии. 20 ноября 1897 г. он выступил перед комиссией по иностранным делам венгерской делегации. В своей речи министр призвал европейские правительства сплотиться против «уничтожающей конкуренции заморских стран, с которой мы на каждом шагу во всех областях частью уже сталкиваемся, частью же должны ожидать этого в ближайшее время» [2].

Но сначала и австрийцы отказались проявить инициативу. Из Вены (и из Берлина) испанскому правительству посоветовали обратиться в Ватикан: папа должен-де выступить в роли третейского судьи в испано-американском споре... Решение «святейшего отца» позволит испанской монархии уступить требованиям США. Папский авторитет, говорили испанцам, защитит монархию от возмущения ее благочестивых католических подданных.

Папская дипломатия была склонна принять предложение при условии, что Испания заранее изъявит в секретном порядке согласие отказаться от Кубы. Но в Мадриде не шли на такое условие. В Вашингтоне же вообще от всякого арбитража отказывались. Понятно, что Ватикан уклонился от предложенной ему миссии.

И уже совсем никакой поддержки не получила Испания от двух других великих держав Европы, от двух соперниц — России и Англии. В Петербурге относились ко всякому антиамериканскому выступлению в высшей степени отрицательно. Русское правительство считало свои отношения с Вашингтоном традиционно дружественными и не желало ссориться с ним. В условиях обострения борьбы за Дальний Восток царское правительство менее чем когда-либо собиралось выступать против США; оно опасалось толкнуть их на дальнейшее сближение с Англией и Японией. В Петербурге при этом недооценивали того, насколько далеко уже зашло сотрудничество США с противниками России

[1] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1294—1295.
[2] Ibid., S. 144—145.

на Дальнем Востоке. Позиция России, благожелательная Соединенным Штатам, оказывала влияние и на Францию, умеряя ее происпанские тенденции.

Что касается Англии, то ее правительство не хотело выступать против США в значительной степени именно потому, чтобы закрепить и расширить наметившееся сотрудничество с Америкой на Дальнем Востоке против России. Ведь как раз весной 1898 г. после захватов Цзяо-Чжоу Германией и Порт-Артура Россией Англия предлагала США совместную акцию. Таким образом, взаимное соперничество делало и Россию и Англию заинтересованными в поддержании хороших отношений с США.

Австро-венгерское правительство предстало перед царем ходатаем за Испанию. С помощью Франции австрийцам удалось добиться согласия царского правительства на чисто формальное участие России в коллективном выступлении «европейского концерта».

Кое-что пытался теперь сделать Ватикан. Папа был заинтересован в том, чтобы поддержать католическую монархию в Испании. Он рассчитывал на влияние католических избирателей в США: католический епископат немало помог Мак-Кинли на выборах. Папа послал в Вашингтон доверенное лицо из среды высшего духовенства в целях содействия мирному урегулированию спора. Он надеялся нажить на этом посредничестве политический капитал, но успеха в Вашингтоне не имел.

В конце концов Австро-Венгрия все же решилась взять инициативу на себя. 2 апреля 1898 г. Голуховский обратился к правительствам европейских великих держав с циркулярной нотой, приглашая совместно выступить в Вашингтоне.

Это обращение решило дело. Все остальные пять держав изъявили согласие при условии «si omnes», т. е. каждая ставила условием согласие всех остальных. 5—6 апреля 1898 г. послы шести держав в Вашингтоне составили проект коллективной ноты. 7 апреля 1898 г. русский посол получил — самым последним в ряду своих коллег — полномочие участвовать во вручении ноты. В тот же день это и было сделано совместно шестью послами. Нота была вручена ими лично самому президенту. Английский посол заранее уведомил правительство США о характере ноты и по его просьбе настоял перед своими коллегами на некотором смягчении ее текста [1].

В своей ноте послы не упоминали об арбитраже, о котором в конце марта ходатайствовало перед державами испанское правительство. От имени своих правительств они обращались с «настоятельным призывом к чувствам гуманности и умеренности президента и американского народа». Они выражали надежду, что дальнейшие переговоры США с Испанией приведут к соглашению, которое обеспечит сохранение мира и даст необходимые гарантии «восстановления порядка» на Кубе.

Мак-Кинли ответствовал послам довольно пространным заявлением. Его слова были не лишены юмора. Он сообщил шести послам, что правительство США высоко оценивает гуманный и бескорыстный характер их выступления. Оно надеется, что и они в свою очередь оценят столь же «бескорыстные» усилия Соединенных Штатов поскорее покончить с создавшейся на Кубе «невыносимой» ситуацией [2].

Правительство США хорошо знало, что Европа не желает усиления великой заокеанской державы. Но оно знало также о благоприятной ему позиции Англии и России, а также и о том, что при взаимном соперничестве европейских держав они никогда не сговорятся о совместном

[1] См. *Л. С. Владимиров.* Дипломатия США в период американо-испанской войны, стр. 117.

[2] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 740—741.

более активном вмешательстве. Выступить же сепаратно ни одна из них не решится из опасения толкнуть Соединенные Штаты на сближение с кем-либо из ее соперников. И правительство США было спокойно.

Испано-американская война

Испанское правительство пыталось всячески избежать войны. Видя, что США непреклонно стоят на своем, оно наконец перестало упорствовать. В Мадриде приняли значительную часть американских требований. 5 апреля Вудфорд сообщил, что Испания на днях объявляет перемирие и готова начать переговоры с кубинцами. Гульон вручил ему текст подготовленного манифеста королевы-регентши. Сам Вудфорд признавал, что проект отвечает требованиям США, и советовал удовольствоваться этой уступкой [1]. Несколькими днями позже (10 апреля) испанский посол официально уведомил государственный департамент об уступке своего правительства.

Если бы правительство США действительно было заинтересовано в благополучии Кубы, то оно вполне могло удовлетвориться достигнутым. Но правительству Мак-Кинли в уступках, сделанных Испанией, не хватало главного — принятия его «добрых услуг». Оно хотело не мира и независимости для Кубы, а права на вмешательство в ее дела. В Вашингтоне оставили сообщение испанского правительства о сделанных им важных уступках фактически без внимания. Испанскому правительству сухо ответили, что конституционный долг требует от президента передачи всего комплекса испано-американских отношений на рассмотрение конгресса. Если испанское правительство предложит перемирие, президент информирует об этом конгресс. И только.

На следующий день, 11 апреля 1898 г., американский генеральный консул Ли по указанию государственного департамента покинул Кубу. За ним последовали американские граждане. Это было прелюдией к войне.

В тот же день президент обратился к конгрессу с посланием об отношениях между США и Испанией в связи с войной на Кубе.

Каковы же были те рекомендации, которые Мак-Кинли представил конгрессу?

Уже зная о том, что Испания действительно объявила о перемирии и готова на переговоры с повстанцами, президент тем не менее писал в своем послании, что, по его убеждению, война на Кубе будет продолжаться до полного истощения одной из сторон или их обеих. Такая перспектива, продолжал президент, несовместима с сознанием цивилизованного общества. Поэтому необходимо принять меры к немедленному восстановлению мира.

Далее в послании сообщалось о предложениях, сделанных Испании, и о прежнем ее ответе (от 31 марта), который объявлялся неудовлетворительным.

Констатировав это, президент переходил к обоснованию права США на вмешательство. Он приводил четыре мотива, оправдывающие, по его мнению, американскую интервенцию. В качестве первого указывалось на необходимость положить конец жестокостям, происходящим у порога Соединенных Штатов. Вторым мотивом служила ссылка на необходимость защиты американских граждан и их собственности на Кубе. Третьим — нарушение интересов американской торговли и бизнеса. Наконец, указывал президент, события на Кубе угрожают безопасности США и вовлекают их в расходы. Президент просил конгресс уполномочить его принять меры, способные обеспечить полное и окончательное прекращение военных действий — о чем Испания уже и так объявила! — обеспечить создание на Кубе устойчивого правительства, способного

[1] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 734—735.

поддерживать порядок, выполнять международные обязательства, установить там мир, спокойствие и безопасность граждан.

Ради достижения этих целей президент просил права применить вооруженные силы Соединенных Штатов. В конце своего послания он кратко упомянул, что вчера, т. е. 10 апреля, им было получено официальное сообщение о том, что Испания объявила о прекращении военных действий [1]. Совсем замолчать столь важный факт, уже известный печати, Мак-Кинли не мог при всем своем желании.

Шовинистически настроенное большинство конгресса не пожелало посчитаться с тем, что появился реальный шанс для установления мира на Кубе.

По посланию президента обе палаты конгресса 19 апреля приняли объединенную резолюцию. В этом документе конгресс предъявил Испании новое требование в дополнение к предъявленным ей ранее и ею принятым — обычный прием буржуазной дипломатии, когда она хочет во что бы то ни стало довести переговоры до разрыва. Конгресс потребовал теперь от Испании, чтобы она немедленно отказалась от власти над Кубой и управления ею и эвакуировала свои вооруженные силы с острова и из его территориальных вод.

Конгресс удовлетворил просьбу президента и уполномочил его использовать сухопутные и морские силы США для проведения в жизнь данной резолюции.

Конгресс учитывал быстро распространявшееся по всему миру понимание истинных целей США. Поэтому конгресс заверял в своей резолюции о признании им права кубинского народа на независимость. Конгресс отрицал какие бы то ни было намерения Соединенных Штатов установить на Кубе свою юрисдикцию или контроль, «за исключением целей умиротворения». По достижении «умиротворения» конгресс обязывался передать «управление и контроль над островом его народу». Популисты из западных штатов добились в конгрессе этого заявления об отказе от завоевательных целей [2].

Впрочем, такое заверение было необходимо также и по другим причинам: надо было обеспечить Соединенным Штатам военную помощь со стороны повстанцев на Кубе и на Филиппинах. К тому же оговорка о возможности установления на Кубе американского контроля в целях «умиротворения» придавала принятому конгрессом обязательству каучуковый характер. В дальнейшем американская империалистическая дипломатия весьма активно использовала фразу о признании права Кубы на независимость. На первый взгляд эта фраза многим империалистам показалась неприятной и стеснительной. Но на деле она послужила им для обмана народов Кубы и Филиппин.

Президент незамедлительно (20 апреля) утвердил резолюцию конгресса.

Весьма характерно, что в объединенную резолюцию не был включен пункт о признании кубинского революционного правительства и провозглашенной им Республики Куба. Отсутствие этого пункта тем более показательно, что в сенате предлагалось признать кубинское правительство и что оно фактически уже контролировало больше половины острова [3].

В тот же день, когда президент утвердил резолюцию конгресса, государственный секретарь послал американскому посланнику в Мад-

---

[1] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 750—760.

[2] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1309. Резолюцию конгресса см. в «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 763.

[3] «The Record of American Diplomacy», p. 377. Письмо Дэя Вудфорду от 26 марта 1898 г.

риде телеграмму клером. Посланнику поручалось передать испанскому правительству резолюцию конгресса. Если до полудня 23 апреля не последует удовлетворительного ответа на содержавшиеся в ней требования, президент прибегнет к вооруженным силам Соединенных Штатов, как его уполномочил на то конгресс [1].

Телеграмма была явно рассчитана на то, чтобы вызвать разрыв и войну. Об этом свидетельствовала и отправка этой телеграммы не шифром, а открытым текстом. Вследствие такого способа отправки по всему миру быстро разнеслась весть, что Испании предъявлен наглый ультиматум в момент, когда она пошла на уступки. Большой и сильный хищник загонял мелкого хищника в тупик и не позволял ему избежать драки.

Оберегая свой шаткий престиж внутри страны, правительство Испании не стало дожидаться вручения ему провокационных ультимативных требований Соединенных Штатов. 21 апреля оно направило Вудфорду ноту о прекращении дипломатических отношений, поскольку президент одобрил резолюцию конгресса, «которая равносильна объявлению войны».

Так оно фактически и было. Уже 22 апреля, не дожидаясь истечения срока их собственного ультиматума, США открыли военные действия. В этот день их эскадра вышла из Ки-Уэста для установления блокады Кубы. В этот же день американский военный корабль захватил испанское торговое судно [2].

23 апреля 1898 г. Испания ответила на открытие военных действий объявлением состояния войны. 25 апреля это сделали и США. Для освобождения Кубы военное выступление США не было нужно: испанское господство к этому времени уже было сломлено в результате героической борьбы кубинцев. Лучшие демократические деятели кубинского освободительного движения предостерегали от опасностей, связанных с вмешательством США.

Существо войны для Соединенных Штатов было с предельной четкостью определено В. И. Лениным: «Грабят Кубу и Филиппины» [3]. Но и со стороны Испании война тоже была империалистической, несправедливой войной — войной за сохранение колоний и спасение архаического реакционного социально-политического строя в метрополии.

Державы европейского континента в испано-американской войне сохраняли нейтралитет. Что касается Англии, то речь Чемберлена в Бирмингаме в мае 1898 г. о желательности англосаксонского союза была шумной демонстрацией «дружбы» с Америкой и укрепляла международное положение Соединенных Штатов. Именно посол США Хэй и инспирировал выступление Чемберлена. Он внушил ему, что консервативному правительству не следует «предоставлять оппозиции монополию на выражение доброй воли по отношению к Америке» [4].

С началом конфликта с Испанией «новый поток капиталов полился из Лондона (и через Лондон) в Нью-Йорк не только для финансирования войны, но и для долгосрочных вложений». Таким инвестициям благоприятствовал наблюдавшийся промышленный подъем.

Испания, напротив, испытывала нужду в деньгах. Лондонский денежный рынок не откликался на ее просьбы. Обычные кредиторы — французские банки стали остерегаться вкладывать средства в столь ненадежное дело, как военное предприятие гнилой испанской монархии.

---

[1] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 764—765.

[2] См. *Л. С. Владимиров.* Дипломатия США в период американо-испанской войны, стр. 130—131.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 669.

[4] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1324.

За исключением Англии и России, отношение к Соединенным Штатам во время испано-американской войны было почти всюду враждебным. Таким было оно в Западной Европе. Еще более враждебно и до крайности настороженно относились к США в Латинской Америке. Там опасались, что победоносная война поощрит «северного колосса» на дальнейшую экспансию, и искали сближения с европейскими державами. И Германия, да и казалось бы дружественная Соединенным Штатам Англия, не упускали случая, чтобы воспользоваться приливом страха и ненависти к янки и укрепить свои позиции в Латинской Америке. Англия стремилась к дружбе с Соединенными Штатами, но в практике буржуазной дипломатии «дружба» никогда не исключает готовности подставить ножку «другу» в удобный для этого момент. И Германия, и Англия, и Франция стремились разжечь в республиках Латинской Америки вражду к Соединенным Штатам. Большая часть латиноамериканской прессы была им враждебна. Подкуп некоторых органов американскими посланниками не принес желаемых результатов. Стали раздаваться голоса в пользу сплочения республик Центральной и Южной Америки против США [1].

Дипломатия различных государств широко использовала во время войны пропаганду и прессу в интересах своей внешней политики.

Испанская дипломатия распускала слухи о том, будто США собираются нарушить интересы других держав Европы: хотят якобы захватить Танжер в Марокко. Такая информация распространялась и через печать и в дипломатических беседах, из которых она опять-таки просачивалась в газеты.

Английские влиятельные круги, само правительство, газета «Таймс» и другие руководящие органы прессы использовали военную обстановку для того, чтобы распространять в Америке различные действительные и вымышленные данные о враждебности к Соединенным Штатам всех европейских держав — за единственным исключением Англии! Великие державы континента, внушала британская пропаганда, замышляют коалицию против США. Такие заявления сопровождались рекламированием благожелательности Англии: британское правительство к такой коалиции не только никогда не примкнет, но оно постарается оградить Соединенные Штаты от грозящей им опасности — и т. д. и т. п. Английской политике содействовало то обстоятельство, что американская пресса в ту эпоху в снабжении информацией зависела от английских информационных агентств. Центральная европейская контора американского агентства Ассошиэйтед Пресс находилась в Лондоне. И там его усиленно снабжали материалами, способными усилить в США вражду к европейскому континенту. Больше всего доставалось при этом Германии [2].

Американский посол в Берлине Уайт, озабоченный ухудшением отношений и враждебной кампанией в печати обеих стран, предложил новое в практике того времени средство: посылку в Берлин американского журналиста, немца по происхождению, для воздействия на немецкую печать и для снабжения американской печати информацией, благоприятной для отношений между Германией и США. Имелось в виду создать информационную американо-германскую службу, свободную от английского влияния. Этот проект, однако, не получил одобрения в Вашингтоне.

Война США против Испании продолжалась менее четырех месяцев. Американский военно-морской флот, располагая значительным перева-

---

[1] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1311—1312.

[2] Ibid., S. 1364.

сом сил, разбил две испанские эскадры — одну 1 мая 1898 г. в Манильской бухте, на Филиппинах, другую 3 июня 1898 г. близ Сантьяго на Кубе — обе состоявшие из негодных устарелых кораблей. В результате господство на море в районе испанских владений было закреплено за США. Испания лишилась какой-либо возможности посылать подкрепления на театры военных действий.

Английское правительство снабжало американские военные корабли в Гонконге углем и боеприпасами. В то же время оно повсеместно отказывало в этом испанскому флоту. Контролируя пути из Европы на Дальний Восток, оно создало невозможные условия для движения испанской эскадры через Суэцкий канал к Филиппинам. Испанские корабли вынуждены были возвратиться в отечественные порты.

Вся тяжесть войны против Испании на суше — и на Кубе и на Филиппинах — пала на революционные повстанческие армии. Правительство США и его командование использовали национально-освободительное движение в своих целях: они провели войну с ничтожными собственными потерями — кровью филиппинцев и кубинцев.

Действия войск США на суше были весьма ограниченными. 21 июля 1898 г. они высадились на Пуэрто-Рико и, встречая лишь слабое сопротивление, захватили этот остров собственными силами. Но на Кубе взятие Сантьяго американским десантом было бы невозможным без поддержки со стороны повстанцев. А на Филиппинах «штурм» Манилы произошел уже после подписания перемирия и никакого военного значения не имел. Других операций на суше против испанских войск американская армия не проводила.

Захват столицы Филиппин был произведен после предварительного секретного соглашения американского командования с испанским. Цель состояла в том, чтобы помешать переходу крупнейшего города Филиппинского архипелага в руки повстанцев, т. е. в руки филиппинского народа.

Точно так же и в Сантьяго на Кубе повстанцы были устранены от распоряжения городом в результате совместных усилий американского и испанского командования: классовая солидарность и ненависть к народному движению помогли противникам преодолеть разделявшие их международные противоречия и установить взаимный контакт.

Наиболее передовые лидеры повстанцев скоро поняли, что Соединенные Штаты их обманут. Командование национальных армий на Кубе и Филиппинах протестовало против устранения революционных войск от занятия важнейших центров. Протест остался без последствий!

Притязания германского империализма

Из великих держав наибольшую активность в связи с испано-американской войной проявила Германская империя. В стремлении использовать войну для захвата новых колоний правительственные и особенно морские круги Германии обратили свое внимание в первую очередь на Филиппины. В Манильскую бухту была послана из китайских вод германская эскадра. Она подошла к Маниле 12 июня 1898 г. и бросила якоря неподалеку от американских кораблей. По своей силе эскадра превосходила американскую, и ее появление не могло не вызвать в США возмущения и опасений. Пресса США начала антигерманскую кампанию. Германская печать отвечала в тон американской.

Не надеясь захватить Филиппинские острова полностью или хотя бы получить долю в их разделе, германская дипломатия выдвинула идею нейтрализации архипелага под совместной гарантией нескольких держав. Такое решение позволило бы германскому империализму проникнуть на острова и выжидать благоприятного момента для дальнейшего закрепления и расширения там своих позиций.

Одновременно с приказом эскадре идти в Манилу германское правительство начало активную дипломатическую деятельность. Послу в Лондоне Гатцфельду было поручено договориться с английским правительством по поводу судьбы Филиппин. Момент казался в Берлине благоприятным, ибо как раз в это время с английским правительством велись переговоры об англо-германском сближении. Тем не менее попытка сговориться с Англией по поводу Филиппин не дала результатов [1].

Тогда в Берлине решили поискать соглашения непосредственно с Соединенными Штатами. 9 июля заместитель статс-секретаря Рихтгофен изложил американскому послу Уайту германские притязания. Они включали ликвидацию кондоминиума трех держав над архипелагом Самоа и переход этих островов в единоличное владение Германии. Кроме того, намечалось приобретение Германией части испанского колониального наследства на Тихом океане, а именно Каролинских островов. Но в качестве самой важной цели Рихтгофен назвал «приобретение надежных морских баз на Филиппинах, а возможно, и на островах Зулу» [2].

Ответ Вашингтона (от 13 июля) был мало утешительным для германских империалистов. Государственный департамент сухо указал, что США еще не владеют Филиппинами и никаких баз раздавать там не могут. Не владеют они и Каролинами. Острова Самоа не имеют отношения к конфликту между Соединенными Штатами и Испанией. При этом в Вашингтоне настаивали на отводе германской эскадры из филиппинских вод. А в Германии в то же самое время крайние империалисты требовали, чтобы эта эскадра прекратила бездействие и захватила Филиппины!

Германское правительство отказалось отозвать эскадру. Для некоторого смягчения обстановки Рихтгофен уведомил посла Уайта, что Германия готова увести с Филиппин один корабль [3]. Но захватить берега, обозреваемые с палуб этих самых германских кораблей, она тоже не решалась — ни силой, ни посредством сближения с инсургентами, ни путем сделки с испанскими властями. А эти последние летом 1898 г. предлагали германскому адмиралу сдать ему Манилу, лишь бы она не досталась американцам, а тем более филиппинским революционерам [4].

Лидер филиппинских повстанцев Агинальдо был склонен к сделке с Германией. Чувствуя, что американцы их обманут, филиппинцы стали искать связей с другими империалистическими державами, с тем чтобы противопоставить США их соперников. Прежде всего через германского консула в Маниле и через командира германской эскадры они обратились в Берлин, предложив Германии протекторат над Филиппинами и даже филиппинский престол немецкому принцу [5].

Германское правительство ограничилось тем, что использовало пребывание своих кораблей в филиппинских водах как средство давления на США ради вымогательства у них какой-то доли в американской военной добыче. Кроме того, пребывание эскадры у Филиппин и трения с Соединенными Штатами служили кайзеру и его правительству важ-

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XV, № 4146, S. 39—40. Прим.; см. *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 469; *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1326.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XV, № 4157, S. 58.

[3] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1346—1357; *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 469—470.

[4] «Die Grosse Politik», Bd XV, № 4149, 4150, S. 42—44.

[5] Ibid., N 4146, S. 39.

ную службу в интересах их внутренней политики — они помогали пропаганде в пользу создания первоклассного германского военного флота [1].

Между тем в США сторонники аннексий развивали все большую активность. Президент и правительство укреплялись в решимости не упускать случая и не только установить фактический контроль США над Кубой и Пуэрто-Рико, но прибрать к рукам также и Филиппинский архипелаг. Германского шантажа они не очень боялись: серьезных реальных неприятностей Германия доставить не могла, поскольку ни Англия, ни Россия не стали бы ее поддерживать. Более того, что касается английского правительства, то оно решительно не желало допускать Германию на Филиппины.

Когда в конце июля 1898 г. немцы снова стали намекать через Уайта на необходимость дать им компенсации, посол получил из Вашингтона нагоняй: зачем позволил он себя втянуть в беседу на подобную тему! Ему указали, что судьба Филиппинских островов будет решена в переговорах между обеими воюющими сторонами — такова была непреклонная позиция, занятая правительством Соединенных Штатов.

Германское правительство предприняло попытку обойти эту позицию с фланга. Оно вернулось к мысли о нейтрализации Филиппин и о соглашении с Англией по этому сюжету. В августе в Лондоне был произведен соответствующий зондаж. Но немецкие предложения не встретили у Солсбери поддержки. «Он возразил мне, — сообщал Гатцфельд, — что Англия не имеет особого интереса к будущей судьбе Филиппин» [2].

На военную добычу США зарилась не только Германия. Без стеснений отклонило правительство США (в начале августа 1898 г.) попытку Японии проникнуть на Филиппины: японское правительство предложило Соединенным Штатам свою «помощь» в установлении на Филиппинах «хорошего управления». Это «любезное» предложение встретило в Вашингтоне не особенно любезный отказ [3].

Переговоры о перемирии

Испанское правительство сознавало безнадежность своих шансов в войне. В стране произошли серьезные волнения, вызванные вздорожанием хлеба и военными поражениями. Не менее сильно желал мира кредитор Испании — французский империализм. Аното еще в июне высказывался в пользу мира, ибо продолжение войны «еще более обесценит испанские бумаги, держателями коих являются многие французы, уже понесшие огромные убытки» [4].

Французское правительство и выступило посредником между США и Испанией, успешно отстранив в Мадриде от этого дела Англию, также предлагавшую свои услуги. В Париже боялись — и не без основания, — что Англия использует посредничество для укрепления своих позиций в районе Гибралтара [5].

По согласованию между Мадридом и Парижем французскому послу в Вашингтоне Жюлю Камбону было поручено произвести зондаж наме-

---

[1] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1359.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XV, № 4166, S. 71; *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1360—1363; см. *А. С. Ерусалимский* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 470.

[3] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1362.

[4] Ibid., S. 1360. Прим. 4.

[5] См. *Л. С. Владимиров.* Дипломатия США в период американо-испанской войны, стр. 183—185; «Красный Архив», 1933 г., т. 5 (60), стр. 3—59, «Испано-британский конфликт 1898—1899 гг.».

рений американского правительства. 26 июля Камбон по просьбе Испании передал государственному секретарю ноту с предложением заключить мирный договор. Основой договора должно было стать урегулирование статуса Кубы.

Попытка ограничить содержание мирного договора кубинским вопросом и обеспечить за Испанией сохранение Филиппин успеха не имела. Не удалась и попытка французского правительства добиться согласия США на созыв международной конференции, которая определила бы судьбу Филиппинского архипелага.

Но тем не менее теперь и Вашингтон был заинтересован в мире. В американском народе усиливались антиимпериалистические настроения. Экспедиционные силы на Кубе страдали от плохого санитарного состояния. Военные цели США были достигнуты. Продолжение войны теряло смысл и могло принести лишь ущерб.

После получения испанских мирных предложений в Белом доме под председательством Мак-Кинли состоялось совещание для выработки ответа Соединенных Штатов. Часть членов правительства считала необходимым настаивать на захвате всего Филиппинского архипелага. Другие считали более осторожным удовлетвориться приобретением там военно-морских баз.

30 июля Камбону был вручен американский ответ. Испания должна была отказаться от всяких прав на Кубу; Пуэрто-Рико и все свои мелкие островки в Вест-Индии Испания должна была уступить Соединенным Штатам в качестве «компенсации» военных расходов и ущерба, нанесенного американским гражданам во время кубинского восстания. На Филиппинах США требовали права оккупировать Манилу и ее гавань, пока мирный договор не определит характер будущего «контроля, владения и управления» Филиппинским архипелагом.

Камбон принялся убеждать Мак-Кинли изменить формулировку в американском ответе относительно Филиппин. Посол все еще надеялся отстоять суверенитет Испании на архипелаг: тем самым укрепился бы кредит и платежеспособность должника французского капитала. Вместо слова «владение» посол просил поставить в американском ответе «распоряжение». Это последнее выражение, в отличие от термина «владение», могло бы толковаться как оккупация островов, а не как полное отторжение их от Испании.

Мак-Кинли уступил — отчасти из-за разногласий в своем правительстве, отчасти же в целях дезориентации европейских держав и некоторой, весьма желательной для США, отсрочки надвигавшегося конфликта с филиппинскими повстанцами.

Камбон еще несколько дней продолжал торговаться. Он пытался отстоять для Испании Пуэрто-Рико. Но тут Мак-Кинли оказался непреклонным. Он твердо стоял на том, что участь Пуэрто-Рико дискуссии не подлежит [1].

7 августа правительство Испании приняло американские условия. Оно сделало при этом оговорку, опять-таки насчет Филиппин; оно заявило, что свое согласие на американские требования Испания не рассматривает априори как отказ от суверенитета над Филиппинскими островами.

Было ясно, что спор разгорается именно из-за Филиппин. Вот тут-то, дабы укрепить свои позиции в предстоящих переговорах и не допустить захвата города филиппинцами, правительство США стало подготовлять захват Манилы. Американское командование предложило Агинальдо не вводить в Манилу филиппинские войска. Он протестовал, но подчинился.

---

[1] *Л. С. Владимиров.* Дипломатия США в период американо-испанской войны, стр. 189—196.

С подготовкой военные власти замешкались. Атака на столицу Филиппин началась только утром 13 августа — уже после того, как 12 августа в Вашингтоне был подписан протокол о перемирии.

Содержание протокола совпадало с условиями, выдвинутыми американской стороной. Но о Филиппинах в протоколе было сказано, что «контроль, распоряжение и управление» ими будут определены в мирном договоре. Военные действия приостановились. Мирные переговоры было условлено начать в Париже не позже 1 октября 1898 г. За Испанию ее правительство подписать протокол уполномочило французского посла в США.

Испанское правительство опротестовало законность акта о капитуляции Манилы. Оно указало, что он был подписан уже после соглашения о прекращении военных действий и вследствие этого не имеет законной силы.

Через несколько дней в Берлине было получено согласие правительства Испании продать Германии Каролинские и Марианские острова. Испанское правительство предпочло ликвидировать остатки своих колониальных владений на Тихом океане. Оно предпочитало сделку с Германией, опасаясь, что иначе американцы захватят также и эти испанские владения, оставшиеся совершенно беззащитными. Что касается германского правительства, то оно было готово приобрести не только Каролины, но и любое из испанских владений. Германо-испанское предварительное соглашение о продаже островов было заключено 10 сентября 1898 г.

Дабы ослабить оппозицию со стороны Германии захвату Филиппин, правительство США приказало Дьюи воздержаться от захвата Каролинских и Марианских островов. Исключение составил, впрочем, наиболее важный из них — остров Гуам. Его американцы забрали себе. Германскому правительству в результате всех его вымогательств пришлось удовольствоваться мелкой разменной монетой. К январю 1899 г. Германия и Испания сошлись в цене за эти острова — в сумме 17 млн. марок.

Империалистические круги в Германии были «разочарованы» тем, что им приходится ограничиваться такой малостью. Больше других было, кажется, удовлетворено гамбургское купечество. Кайзер толковал о том, что, когда его военный флот станет более сильным и «преодолеет переходную стадию», тогда для Германии наступит время «рассчитаться» с Соединенными Штатами [1].

Испано-американская мирная конференция

Для внутренней аудитории Мак-Кинли облек свое решение аннексировать Филиппины в нижеследующую лицемерно-пуританскую форму. «Истина заключается в том, — заявил президент, — что я не хотел Филиппин и не знал, что делать с ними, когда они свалились нам в качестве дара божьего... Везде я искал совета... но получал мало помощи. Сначала я думал, что мы возьмем только Манилу... Я ходил по ночам по комнатам Белого дома... и я не стыжусь рассказать вам, джентльмены, что я падал на колени и просил всемогущего бога ниспослать мне просветление и руководство. И вот однажды поздно ночью оно снизошло на меня. Я не знаю, как это случилось, но мне стало ясно: во-первых, что мы не можем вернуть их Испании — это было бы трусливо и бесчестно, во-вторых, что мы не можем отдать их Франции или Германии, нашим торговым соперникам на Востоке, — это было бы плохим бизнесом; в-третьих, мы не можем предоставить их самим себе — они не созрели для самоуправления

[1] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1374.

и там установятся анархия и дурное управление, значительно худшее, чем было испанское; в-четвертых, что нам не остается ничего другого, как только взять их целиком и воспитать филиппинцев, цивилизовать и христианизировать их и с помощью божьей сделать для них все наилучшее, как для собратьев, ради которых тоже умер Христос. И тогда я лег в постель и заснул, и заснул здоровым сном» [1].

Это ханжеское заявление может служить одним из типичных для своего времени образчиков способа преподнесения империалистических захватов общественности собственной страны. В различных своих речах Мак-Кинли отрицал наличие в США империализма. Он заявлял, что империализм вообще возможен только в Европе и якобы исключительно в «империях», т. е. в монархиях.

1 октября 1898 г. в Париже открылась испано-американская мирная конференция. Каждая делегация состояла из пяти человек. Делегацию США возглавлял бывший заместитель государственного секретаря Дэй; членами ее были лица, не являвшиеся профессиональными дипломатами: два сенатора, редактор газеты «Нью-Йорк трибюн» и член Верховного суда [2]. Ни Кубе, ни Филиппинам не было дозволено прислать на конференцию своих представителей.

Основной проблемой переговоров явились Филиппины. Внутри американского правительства сохранялись на этот счет некоторые разногласия. Инструкция, преподанная американской делегации 16 сентября перед ее отъездом из Вашингтона, гласила, что на Филиппинах США «не могут удовольствоваться меньшим», нежели уступка им острова Лусон — важнейшего острова Филиппинского архипелага [3]. Формулировка «не могут довольствоваться меньшим» допускала расширение американских притязаний, что и было сделано в ходе переговоров [4]. Когда в начале ноября 1898 г. выяснились результаты выборов в конгресс и победа республиканцев, Мак-Кинли решил, что наконец наступил подходящий момент для заявления претензий на аннексию всего Филиппинского архипелага в целом. Для смягчения атмосферы американское правительство предложило Испании уплатить ей за уступку Филиппин 20 млн. долл.

29 ноября испанское правительство заявило о своем согласии на американские условия. 10 декабря 1898 г. мирный договор был подписан. Он завершил войну между США и Испанией.

Договор предусматривал (в ст. 1) отказ Испании от всяких претензий на суверенитет над Кубой и оккупацию острова войсками США. На время оккупации США брали на себя обязательства по охране жизни и собственности на оккупированной территории. О сроке оккупации не говорилось ни слова. Это позволяло затянуть оккупацию на длительное время. Что с Кубой станется потом — этого договор не определял.

Далее, Испания уступала по мирному договору (по ст. 2) Соединенным Штатам Пуэрто-Рико, все другие свои владения в Вест-Индии и остров Гуам.

Она уступала также (ст. 3) весь Филиппинский архипелаг. США уплачивали ей за него 20 млн. долл. в течение трех месяцев после обмена ратификационными грамотами [5].

---

[1] *A. Vagts*. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1380.

[2] См. *А. А. Губер*. Филиппинская республика 1898 года и американский империализм, стр. 213.

[3] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 908.

[4] См. *А. А. Губер*. Филиппинская республика 1898 года и американский империализм, стр. 215.

[5] «Foreign Relations of the United States, 1898», p. 832—833.

Дипломатия кубинского и филиппинского национальных правительств

Парижский мирный договор был заключен вопреки воле филиппинского народа, так же как и против воли народов Кубы и Пуэрто-Рико. Это был империалистический договор.

Все обещания о предоставлении независимости, данные Соединенными Штатами представителям филиппинцев, были попраны, лишь только Испания была разбита и войска филиппинских революционеров, овладевшие почти всем архипелагом, оказались более не нужными для американского империализма.

Еще в разгар войны против Испании, 12 июня 1898 г., в городе Кавите была провозглашена независимость Филиппин и создана Филиппинская республика. Пока продолжалась борьба с испанцами, американское командование давало понять, что оно признает независимость Филиппин. Более того, именно обеспечение этой независимости оно объявляло своей целью в войне.

То были насквозь фальшивые заявления. Лишь только война кончилась, на Филиппинах, как и на Кубе, был установлен американский оккупационный режим. США явно не собирались выполнять свои лицемерные обещания о предоставлении независимости — ни Кубе, ни Филиппинам.

8 сентября американский командующий на Филиппинских островах генерал Отис ультимативно потребовал вывода филиппинских войск из тех предместий Манилы, куда они успели проникнуть еще до взятия города американцами. Отис угрожал применить силу.

Агинальдо скрыл унизительные требования Отиса от народа и армии. Он начал переговоры с американским генералом. Но филиппинский президент добился от Отиса только согласия изложить свое требование к филиппинцам в более вежливых выражениях. После того как это было сделано, Агинальдо счел необходимым отвести свои войска [1]. Но было несомненным, что, несмотря на эту уступку, назревает конфликт между Филиппинской республикой и американским империализмом.

Период испано-американской войны дает один из примеров нового вида дипломатической деятельности — дипломатии национально-освободительных движений.

2 августа 1896 г. революционное правительство Кубы утвердило положение о представительстве за границей. Центр его должен был находиться в Нью-Йорке. Персонал представительства состоял из шести человек. Один из секретарей должен был постоянно находиться в Вашингтоне. Кубинское представительство не раз, но без успеха ставило перед США вопрос о признании кубинских повстанцев воюющей стороной.

В середине мая 1898 г. правительство Республики Кубы направило в Вашингтон вице-президента Капоте, чтобы официально заявить там, что целью кубинского восстания является полная независимость Кубы как по отношению к Испании, так и к Соединенным Штатам [2].

Правительство Филиппинской республики тоже создало свою национальную дипломатию. Она скоро поняла бесполезность апелляции к правительству США. Филиппинская дипломатия стала пытаться применять иной метод: завязывание отношений с другими империалистическими державами — соперниками американского империализма, и прежде всего с Германией. Есть сведения, что филиппинскому прави-

---

[1] См. *А. А. Губер.* Филиппинская республика 1898 года и американский империализм, стр. 185.

[2] См. *Л. С. Владимиров.* Дипломатия США в период американо-испанской войны, стр. 144.

тельству удалось в течение 1898—1900 гг. добиться поставок некоторого количества оружия из Германии (через Гамбург) [1]. Немецкая сторона эти факты отрицала, но это делалось скорее из внимания к отношениям с США, нежели из внимания к истине.

Правительство Филиппинской республики с лета 1898 г. развернуло борьбу за международное признание молодой республики как независимого государства [2].

Свои внешние сношения филиппинское правительство вело через Патриотическую хунту, по-прежнему находившуюся в Гонконге. Оттуда легче было поддерживать связи с заграничными представителями филиппинского правительства, которые у него имелись в целом ряде иностранных государств: в Вашингтоне, Лондоне, Париже, Токио и в некоторых других столицах. Декретом от 24 августа 1898 г. хунта была конституирована как «исполнительный орган», представляющий правительство Филиппинской республики за границей.

6 августа 1898 г. президент республики Агинальдо обратился к правительствам иностранных государств с просьбой о формальном признании Филиппинской республики в качестве независимого государства.

27 сентября 1898 г. представитель Филиппинской республики Агонсильо прибыл в Вашингтон. Он добился аудиенции у президента и 1 октября был принят Мак-Кинли. Мак-Кинли держал себя любезно, но у Агонсильо сложилось мнение, что он не склонен признавать Филиппинскую республику [3].

Когда началась мирная конференция в Париже, Агонсильо был направлен туда в качестве представителя филиппинского правительства. Американские делегаты отказались его принять. Филиппинский представитель переслал им свои соображения в письменном виде, но американская делегация и не подумала учесть точку зрения филиппинского народа, судьбу которого она намеревалась вершить.

Когда договор был подписан, Агонсильо опубликовал 12 декабря во французской печати протест против этого акта. Он ссылался, в частности, при этом на соглашение, заключенное филиппинскими повстанцами с Соединенными Штатами, по которому те обещали помочь Филиппинам в достижении независимости [4].

Поскольку предстояла ратификация договора американским сенатом, то филиппинское правительство решилось прибегнуть к новому приему: оно постаралось воздействовать на американскую общественность. Именно эта задача и оказалась в центре внимания молодой, едва родившейся национальной дипломатии.

Война усилила в США «антиимпериалистическое» течение. Начиная с 1898 г. в стране создавались так называемые антиимпериалистические лиги. Они развернули борьбу против предстоящей ратификации Парижского мирного договора. Исчерпывающий анализ антиимпериалистического движения в Соединенных Штатах дал В. И. Ленин. «Империалистская война против Испании 1898 года, — писал он, — вызвала оппозицию «антиимпериалистов», последних могикан буржуазной демократии, которые называли войну эту «преступной», считали нарушением конституции аннексию чужих земель, объявляли «обманом шовинистов» поступок по отношению к вождю туземцев на Филиппинах, Агвинальдо (ему обещали свободу его страны, а потом высадили амери-

---

[1] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1392.

[2] См. *А. А. Губер.* Филиппинская республика 1898 года и американский империализм, стр. 211 и след.

[3] См. там же, стр. 212—213.

[4] См. там же, стр. 220.

канские войска и аннектировали Филиппины)... Но пока вся эта критика боялась признать неразрывную связь империализма с трестами и, следовательно, основами капитализма, боялась присоединиться к силам, порождаемым крупным капитализмом и его развитием, она оставалась «невинным пожеланием»» [1].

Все же это был протест против империалистической политики войн и захватов. Протест родился одновременно с первой империалистической войной, какой была война между США и Испанией. Потенциально главной социальной опорой антиимпериалистического движения был пролетариат. Движение пользовалось поддержкой значительной части мелкой буржуазии и фермерства. Оно было политически незрелым, как был весьма незрелым и американский рабочий класс, не говоря уже о мелкой буржуазии. Идеология антиимпериалистов была всего лишь идеологией буржуазного пацифизма. Руководство этим движением народного протеста против империализма и аннексий было в значительной мере захвачено прожженными капиталистическими политиками в лице боссов демократической партии. Находясь в оппозиции и готовясь к очередной избирательной кампании 1900 г., когда они надеялись свалить республиканцев, лидеры демократов эксплуатировали народное недовольство и протест масс против империализма.

Наряду с демократическими слоями населения против ратификации Парижского мирного договора выступала часть крупного капитала. К числу противников аннексии Филиппин, а значит, и Парижского договора принадлежал, например, Сахарный трест. Он выступал против захвата «сахарных островов» на Тихом океане, поскольку оттуда получали дешевое сырье конкурирующие с ним фирмы западных штатов [2]. Влияли и все упрочивавшиеся связи Сахарного треста с производителями сахарного тростника и сахарной свеклы в Соединенных Штатах. И те и другие, естественно, не желали конкуренции сахара с Филиппин, Гавайских островов и т. д. Иное дело — Куба. Там Сахарный трест сам владел плантациями сахарного тростника, так же как и связанная с ним фирма «Аткинс». Противником захвата Филиппин был Карнеги — магнат тяжелой промышленности. Однако большая часть тяжелой индустрии и вообще крупного капитала к этому времени стояла за захват испанских владений [3]. Политику этих кругов и проводил Мак-Кинли.

При слабости американского антиимпериалистического движения ставка, которую делали на антиимпериалистов филиппинские националисты, оказывалась весьма ненадежной. Но Филиппинская республика была совершенно изолирована. Ей не на кого было опереться в предстоявшей борьбе не на жизнь, а на смерть против империализма США. При таких условиях вполне понятно, что она искала помощи у американских антиимпериалистов и вообще у всех противников ратификации Парижского договора.

Правительство Филиппинской республики поручило Агонсильо возвратиться из Европы в Вашингтон, дабы развернуть там борьбу против Парижского договора и его ратификации, опираясь на внутреннюю оппозицию в Соединенных Штатах.

Прибыв в американскую столицу, представитель Филиппин стал добиваться положения посланника. Он намеревался официально вручить президенту верительные грамоты. Но на свое обращение к государственному секретарю — им стал теперь Хэй — Агонсильо ответа не получил.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 409.

[2] См. *А. А. Губер.* Филиппинская республика 1898 года и американский империализм, стр. 230.

[3] *J. W. Pratt.* Expansionists of 1898, p. 233.

В течение января 1899 г. филиппинский представитель направил государственному секретарю три меморандума, в которых требовал признания независимости Филиппин. Агонсильо указывал на возможность вооруженного конфликта между США и Филиппинской республикой. Решение сената Соединенных Штатов, предупреждал он, принятое без согласия филиппинского народа, не будет иметь для него обязательной силы [1].

Одновременно с той работой, которую Агонсильо проводил в США, дипломатическая деятельность национального правительства Филиппинской республики развертывалась и по другому каналу — путем непосредственных переговоров филиппинского командования с генералом Отисом в качестве американского командующего на Филиппинах. В другом его качестве — американского генерал-губернатора Филиппинских островов — правительство республики официально отказало Отису в своем признании.

Чуя опасность столкновения, Отис старался выиграть время: войск у него было мало и он ожидал прибытия транспортов с подкреплениями. Ввиду этого генерал испросил в Вашингтоне полномочия вступить в переговоры с филиппинским командованием. Филиппинцы со своей стороны не отказывались от переговоров, и они открылись 11 января [2].

Американская сторона требовала признания суверенитета США над Филиппинами. Филиппинская — настаивала на независимости республики. Когда независимость будет признана, тогда, говорили филиппинские делегаты, можно будет обсудить характер отношений между Филиппинской республикой и Соединенными Штатами. Боясь конфликта с США, филиппинские делегаты готовы были даже признать протекторат США, но обязательно при условии предварительного формального признания Филиппинского государства. Американцы на это не соглашались, и 31 января 1899 г. переговоры были прекращены.

В ближайшие же дни, 4 февраля 1899 г., в результате провокационных решений президента и столь же вызывающих действий американского командования на Филиппинах началась вооруженная борьба. Непосредственные причины ее заключались в том, что командование США приступило к расширению сферы американской оккупации, которая до того фактически ограничивалась почти что одним городом Манила. Теперь американское командование приступило к захвату всего архипелага. Первые выстрелы были произведены с американской стороны [3]. Это не помешало Отису, а вслед за ним и Мак-Кинли объявить филиппинцев агрессорами.

Провокация войны на Филиппинах помогла Мак-Кинли избежать тяжелого поражения в конгрессе и добиться ратификации сенатом Парижского договора. Даже при наличии ловкой провокации и мгновенно сфабрикованной легенды об агрессии филиппинцев договор прошел в сенате с большим трудом. Он собрал 57 голосов при 27 против — лишь на 1 больше требуемых двух третей голосов. Многие считали, что именно возникновение войны на Филиппинах предопределило положительное решение сената [4].

Оказала свое влияние также и двурушническая позиция руководства демократической партии. После громких слов протеста против аннексий ее лидер Брайян на деле поддержал захватническую политику республиканцев. Он поручил нескольким сенаторам-демократам проголо-

---

[1] См. *А. А. Губер.* Филиппинская республика 1898 года и американский империализм, стр. 234.
[2] См. там же, стр. 235.
[3] См. там же, стр. 241.
[4] См. там же, стр 243.

совать за ратификацию Парижского договора [1]. Демократы стремились завоевать себе популярность в рабочих и фермерских массах, выступая публично против империализма, войн и захватов. Но в решающий момент они поддержали империалистическую политику и обеспечили захват ценной колонии. Обе партии уже были представительством монополистического капитала. «Разница между той и другой партией становилась все меньше» [2], — справедливо указывал В. И. Ленин.

Для филиппинского правительства открытие военных действий за два дня до начала дебатов в сенате по вопросу о ратификации договора, а по существу об аннексии Филиппин, было обстоятельством в высшей степени невыгодным и неприятным. Развязав войну, генерал Отис совершил вероломный, но точно рассчитанный ход.

Чтобы выйти из состояния изоляции, филиппинцы установили некоторые связи с японским правительством, но без серьезных результатов. Агонсильо развил в Европе во время войны довольно энергичную деятельность по мобилизации общественного мнения через печать. Президент и правительство Филиппинской республики получали в большом числе изъявления сочувствия из демократических кругов Европы и США. Но реальной помощи не приходило, да и неоткуда было ее ожидать. В конце февраля 1899 г. германское правительство отозвало из филиппинских вод еще остававшийся там последний немецкий военный корабль. Удовольствовавшись Каролинскими и Марианскими островами, оно отказалось теперь от всякого противодействия Соединенным Штатам на Филиппинах [3].

Таким образом, едва закончив империалистическую войну против Испании, империализм США развязал войну против Филиппинской республики. То была война за порабощение филиппинского народа. Эта реакционная война оказалась для американских колонизаторов более трудной, чем война против Испании.

Военные действия и жестокие репрессии в американо-филиппинской войне были не единственным методом к тому, чтобы сломить сопротивление филиппинцев. Правительство США делало попытки внести раскол в ряды филиппинских патриотов. Оно старалось привлечь на свою сторону «консервативные элементы», употребляя выражение бывшего государственного секретаря Шермана — главы специальной комиссии, направленной президентом на архипелаг.

Эта тактика со временем дала успех. Она содействовала разложению филиппинской буржуазии и правого крыла национального движения. В результате Агинальдо в апреле 1901 г. капитулировал.

Народная борьба продолжалась еще свыше года и закончилась только в 1902 г. Сопротивление филиппинского народа было подавлено превосходящей силой. Филиппины стали колонией США.

Характер и значение испано-американской войны

Американский империализм запоздал к разделу мира. Территорий, еще не захваченных другими капиталистическими державами, осталось уже совсем немного ко времени выхода США на пути широкой экспансии вне континента Северной Америки. Чтобы захватить первые свои колонии, американскому империализму пришлось вести войну не только с народами тех стран, которые он хотел захватить, но и с другим капиталистическим государством — колониальным владельцем этих территорий. Испано-американ-

---

[1] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1381.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 22, стр. 193.

[3] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1393.

ская война была войной не за захват еще «свободных», неподеленных земель, а за передел колониальных владений. Она была первой империалистической войной, т. е. войной, «вызванной дележом добычи между двумя разбойниками» [1].

Война была порождена интересами монополистического капитала и обусловлена неравномерностью развития капитализма. Быстро и высоко поднявшийся капитализм Соединенных Штатов, принимавший монополистический характер, отнял колонии у отсталой и слабой Испании.

Одним из важных последствий испано-американской войны был быстрый рост милитаризма в США — усиление армии и особенно военного флота. Главными поборниками гонки вооружений были монополисты, господствовавшие в тяжелой промышленности США. В некоторых империалистических кругах США нередко уже проявлялось стремление к мировому господству. Вот что говорил, например, 9 января 1900 г. сенатор Бевериджс: «Из всех рас бог выделил американский народ как свою избранную нацию для конечного руководства возрождением мира. Это божественная миссия Америки, и она даст нам всю выгоду, всю славу, все то счастье, которое доступно человеку» [2].

Следствием войны было также усиление противоречий между США и другими крупнейшими империалистическими державами. Наиболее обнаженно выступал американо-германский империалистический антагонизм. «Соединенные Штаты *имеют «виды»* на Южную Америку и борются *с растущим в ней влиянием Германии...»* [3] — писал Ленин. Германский военно-морской атташе в Вашингтоне в ноябре 1900 г. следующим образом оценивал германо-американские отношения: «В то время как в США признают, что Англия пока должна сохранить ведущую роль» в смысле военно-морской мощи, «здесь твердо верят в возможность завоевать второе место без особого напряжения. И именно наши (т. е. германские. — *В. Х.*), целеустремленные успехи последнего года в сочетании с рядом политических и экономических противоречий возбудили беспокойство и опасения. Печать и публицисты, как, например, Мэхен, время от времени указывают на возможность того, что мы обоснуемся в Южной Америке (Бразилии или Вест-Индии)».

Указав на этот страх перед Германией, атташе выражал опасения и со своей стороны. «Соединенные Штаты, — продолжал он, — помимо гигантского хозяйственного и промышленного соперничества, которое они ведут с таким успехом, идут к новым целям в развитии своей мощи также и в военной и морской областях» [4].

Американо-английские противоречия были до некоторой степени скрыты от глаз внешних наблюдателей покровом «сотрудничества» против общих врагов. Уже чувствовалось, однако, что не за горами борьба США против морского и колониального первенства британского империализма.

От войны между США и Испанией, между молодым и одряхлевшим колониальными хищниками, необходимо отличать справедливую войну кубинского и филиппинского народов. Их национально-освободительное движение было сначала не без ловкости использовано, а затем предано империалистами США. «Американский народ... — говорил В. И. Ленин, — оказался играющим роль наемного палача, который в угоду богатой сволочи в 1898 году душил Филиппины под предлогом «освобождения»

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 30, стр. 354.
[2] Цит. по «The Record of American Diplomacy», p. 388.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 187.
[4] *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1394.

их»[1]. Американская дипломатия сыграла в этом позорном деле немалую роль.

И на Кубе и на Филиппинах народные массы, подняв восстание против испанских колонизаторов, оказали самое непосредственное влияние на ход международной политики и на изменение международной обстановки. Именно они были главным военным и политическим фактором, который обеспечил победу над Испанией и крах ее колониальной империи. Вовсе не вооруженные силы Соединенных Штатов сыграли тут первую роль. Но в обоих случаях — и на Кубе и на Филиппинских островах — национально-освободительное движение еще не было достаточно сильным, достаточно опытным, сознательным и бдительным. Последовательно демократические элементы внутри его были еще слишком слабыми, чтобы суметь избавить свою родину от колониализма США, захватившего испанское наследство. Американский империализм не позволил народам Больших Антильских островов и Филиппинского архипелага, сбросившим вековое иго Испании, стать на путь независимого национального развития. Народ Кубы добился подлинной независимости только в наши дни. Народ Пуэрто-Рико еще ждет своего часа. В наши дни с трибуны ООН Фидель Кастро с горечью говорил о том, как в 1898 г. кубинский народ поверил декларации конгресса США от 20 апреля 1898 г., в которой провозглашалось право Кубы на независимость. Поверил и был обманут. Та же участь постигла и другие страны, освободившиеся от Испании.

Важное значение имел захват американским империализмом Гавайских островов[2]. В 1893 г. на Гаваях был организован мятеж американских колонистов против местного правительства, в результате чего власть перешла в руки американских капиталистов, обосновавшихся на островах. Сопротивление рабочего класса, антиимпериалистическое движение, а также противодействие производителей сахарной свеклы, владельцев плантаций сахарного тростника и заправил Сахарного треста задерживало оформление этого захвата. В 1898 г. оно совершилось: США аннексировали Гавайские острова.

Аннексионистские замыслы США вызвали в 1897 г. резкий протест японского правительства, но он не предотвратил аннексии. США пошли Японии на некоторые уступки в вопросе о положении японских иммигрантов. В Токио поняли, что большего не добьются, и до поры до времени смирились с захватом Гаваев Америкой.

Овладев Гавайскими островами, США приобрели тем самым важнейшую военную базу, опорный пункт для борьбы за господство над Тихим океаном и Восточной Азией. Вскоре, в 1899 г., раздел архипелага Самоа доставил США еще одну базу в тихоокеанских водах.

Историческое значение испано-американской войны заключается не только в том, что это была первая империалистическая война за передел мира, но и в том, что она привела к развитию антиимпериалистического движения.

При всей его слабости позиция лучших демократических сил антиимпериалистического движения в США нередко была более прогрессивной, чем у многих социалистов II Интернационала. Так, руководство ведущей его партии — германской социал-демократии в связи с испано-американской войной скатилось к прямой апологии американского империализма. Социал-демократический орган «Форвертс» захлебывался от восторга по поводу американских побед: «Никакого милитаризма... и тем не менее какая огромная, подавляющая элементарная

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 28, стр. 45.

[2] Об этом см. *Г. П. Куропятник.* Захват Гавайских островов. М., 1958.

сила» [1]... Эти пошлости писались по поводу победы американского флота над старыми, едва державшимися на воде испанскими кораблями в Манильской бухте, победы, одержанной при огромном перевесе в силах.

Значение испано-американской войны состоит также в том, что во время нее на международную арену вступили дипломатии филиппинского и кубинского государств, порожденные освободительным движением. Национальная дипломатия выступила робко, и ее пребывание на дипломатической сцене было непродолжительным. И тем не менее нельзя пройти мимо этого факта, все значение которого обрисовывается только в наши дни, когда рушится колониальная система империализма, в создании которой война 1898 г. играла не последнюю роль. Рядом с буржуазно-дворянской дипломатией капиталистического мира, рядом с отживавшей свой век дипломатией феодальных монархий Востока на дипломатической сцене на мгновение показалась новая, национально-демократическая дипломатия революционного народа, борющегося за освобождение от колониального гнета.

[1] Цит. по кн.: *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1313.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЗАВЕРШЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА РАЗДЕЛ МИРА

Раздел Судана и фашодский инцидент

Едва кончилась испано-американская война, как внимание мировой общественности было привлечено к новому мировому конфликту: во второй половине 1898 г. произошла последняя и решающая схватка между английским и французским империализмом в борьбе за владычество над верховьями Нила. По сути дела, решался вопрос о господстве над всем Суданом, о захвате англичанами земель для сооружения дороги от Каира до Капштадта, о закреплении владычества Англии над Египтом и Суэцким каналом.

Преодолев тропические джунгли и болота Центральной Африки, экспедиция французского капитана Маршана после тяжелого двухлетнего похода добралась до Нила. На левом берегу реки 10 июля 1898 г. она заняла местечко Фашода. Здесь на башне заброшенной старинной египетской крепости Маршан поднял французский флаг. Он направил курьеров с донесениями правительству — одного через Эфиопию, другого через Конго, по тому пути, по которому он сам шел со своей экспедицией. Вождю племени шилуков Маршан навязал договор о протекторате.

Между тем с севера навстречу французскому отряду вверх по Нилу двигался экспедиционный корпус английского генерала Китченера, выступавшего в маскарадном костюме «сирдара» — военачальника египетских войск. Корпус состоял из английских и египетских частей, и «сирдар» действовал от имени и Англии и Египта. 2 сентября 1898 г. войска Китченера разбили арабов при Омдурмане — на западном берегу Нила, против столицы Судана Хартума. Этот город был занят победителями. Глава суданского государства дервишей халиф Абдаллах бежал. Войска его были рассеяны. В Хартуме английские колонизаторы учинили над побежденными жестокую и гнусную расправу.

Через четыре дня после битвы при Омдурмане Китченер получил сообщение о пребывании в Фашоде французского отряда. Английский командующий немедленно направился туда по реке с флотилией из пяти канонерок. Разыгрался характерный эпизод колониальной дипломатии.

При приближении к Фашоде Китченер выслал вперед лодку с офицером, который доставил Маршану письмо «сирдара», датированное 18 сентября. Китченер сообщал о победе, одержанной над дервишами, и своем предстоящем прибытии в Фашоду.

Его флотилия пришла туда на следующий же день, 19 сентября, и тогда же Маршан посетил Китченера на борту его канонерки. Китченер отдал ему визит на берегу. Маршан заявил английскому командующему, что его правительство поручило ему оккупировать область Бахр-эль-Газаль и страну шилуков по левому берегу Белого Нила до Фашоды.

Китченер возразил, что не может признать французской оккупации какого бы то ни было района в долине Нила. Он вручил письменный протест против пребывания французских войск, которое, по его утверждению, нарушает права египетского и британского правительств. «Сирдар» уведомлял, что с его прибытием власть в Фашоде перешла к правительству Египта, и сообщил фамилию назначенного им коменданта. Иначе говоря, он дал Маршану понять, что ему следует убраться восвояси.

Французский отряд не покинет Фашоду иначе как по приказу своего правительства — гласил ответ Маршана. Французский офицер заявил, что, объявив об установлении в Фашоде власти хедива, Китченер затронул вопрос, который может быть разрешен только посредством дипломатических переговоров между правительствами или же на международной конференции. Маршан протестовал против назначения египетского коменданта: ведь вот уже несколько месяцев, как в Фашоде имеется французский. Вместе с тем он просил Китченера предоставить возможность послать на одном из английских пароходов в Каир французского офицера, чтобы оттуда снестись по телеграфу с Парижем и запросить инструкции у своего правительства.

Китченер не обратил никакого внимания на протест Маршана. Едва расставшись с ним, он водрузил свой флаг в полукилометре к югу от французского на полуразрушенных городских укреплениях Фашоды. Там был оставлен гарнизон в составе батальона египетских войск и одной канонерки.

Вождя шилуков Китченер заставил отказаться от договора с Маршаном. Запуганный колонизаторами вождь заявил

с наивной хитростью, что он подписал договор якобы лишь потому, что принял французский отряд за английский...

На следующий же день Китченер направился дальше на юг. Поднявшись по Белому Нилу до впадения в него реки Собат, он установил вооруженный пост на берегу реки, оставив там еще один батальон с канонеркой. Затем он повернул назад с остальной флотилией. Проходя мимо Фашоды, он письменно через своего коменданта нагло уведомил Маршана, что страна находится под управлением английских военных властей и что всякие перевозки по реке военных материалов запрещены. По существу, отряд Маршана был заблокирован англичанами. Маршан направил Китченеру письменный протест против распоряжения о запрете перевозок.

9 октября в Фашоду пришла английская канонерка, посланная Китченером, чтобы доставить одного из офицеров Маршана в Каир для установления связи с местным французским дипломатическим агентом и с Парижем.

Так протекали события в далеком Судане, где роль дипломатов играли военные [1].

Положение сторон было неравное. Англичане располагали в Судане экспедиционным корпусом численностью свыше 20 тыс. хорошо вооруженных войск с обеспеченными коммуникациями и прочной базой снабжения в Египте. Французы — отрядом в 100 с лишним человек, одним речным пароходом и несколькими шаландами. Заняв Фашоду, Маршан не имел ни телеграфной, ни какой-либо другой связи со своим правительством. Он ожидал помощи из Эфиопии, но она не приходила и не пришла: негус Менелик послал к Нилу слишком незначительные силы. Он был отвлечен борьбой против мятежного феодала раса Мангаши. Англо-французский поединок начинался при силах, просто несоизмеримых.

Политика сторон

Так обстояло дело на «месте происшествия». Не иначе складывалось и общее соотношение сил между Англией и Францией.

Английское правительство ко времени столкновения с Францией из-за верховьев Нила успело добиться улучшения отношений с Германией — пусть временного, но весьма для него полезного в момент англо-французского конфликта [2]. Английское правительство сумело также застраховать себя от любых неприятностей в Западном полушарии со стороны США. На море оно обладало подавляющим военным превосходством над французским флотом. Англия располагала в 1898 г. 34 броненосцами

[1] «British Documents», vol. I, № 193—194, p. 167—168 и др.; «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XIV, № 352 (прил.), 383 (прил. II), 445, p. 548, 593, 683, 691.

[2] См. главу XII.

не старше 10 лет и со скоростью хода свыше 16 узлов. Франция имела только 10 таких кораблей, Россия — 17, причем часть их была заперта в Черном море. Считалось, что Англия на море сильнее России, Франции и Германии, вместе взятых [1]. Значительную часть французских колоний, торговый флот и морскую торговлю — все это Англия могла легко уничтожить или захватить. Кроме того, серьезный конфликт с Англией для Франции всегда мог вызвать обострение на восточной ее границе: такова уж была природа франко-германских отношений после Франкфуртского мира.

Фактически в тот момент — в 1898 г. — военного выступления Германии против Франции опасаться, видимо, не приходилось. Да если бы в англо-французскую войну вмешалась Германия, то Франции была бы обеспечена помощь России. Но нельзя не учитывать, что война двойственного союза против тройственного при одновременной войне против Англии для франко-русского империалистического блока была бы, конечно, наихудшим из всех мыслимых вариантов европейской войны.

Внутреннее положение в обеих странах тоже было весьма различным, и преимущество опять-таки оказывалось на стороне английского империализма.

Английская буржуазия была почти единодушна в стремлении к монопольному обладанию Верхним Нилом. В нем она усматривала средство закрепить владычество над Египтом. А это в свою очередь обеспечивало господство над Суэцким каналом, т. е. над путем в Индию, Восточную Африку, в Австралию и на Дальний Восток. Суэц стал как бы осью всей британской колониальной системы.

Но для английского империализма в Судане решался не только вопрос о Суэцком канале. От исхода борьбы за Судан зависело установление территориальной связи между британскими владениями на противоположных концах африканского континента, возможность сооружения железной дороги от Каира до Капштадта. Как заявил британский посол в Париже, экспедиция Маршана «перерезает наши коммуникационные линии между Северной и Южной Африкой, установление которых... является целью нашей политики» [2].

Стремление к установлению монопольного господства английского империализма над всем бассейном Нила поддерживалось не только консерваторами, но и либералами. В либеральной партии возобладала группа либералов-империалистов во главе с Розбери. Ханжеские протесты сторонников Гладстона против завоевания Судана мало что значили. Протестующие голоса немногих либеральных газет, вроде «Манчестер гардиан»,

[1] *W. L. Langer.* The Diplomacy of Imperialism, p. 560.
[2] «British Documents», vol. I, № 214, p. 182.

тонули в шумихе шовинистической пропаганды. Иной более влиятельной оппозиции, кроме либерально-пацифистской, в Англии конца прошлого века не существовало. Марксисты были очень слабы.

В отличие от Англии, отношение французской буржуазии к вопросам внешней политики не было единым. Ее внимание раздваивалось между колониями и Эльзас-Лотарингией. Колониалисты, последователи Ферри, поборники соглашения с Германией, стояли за борьбу против Англии. Сторонники реванша, особенно из числа радикалов, искали соглашения с нею.

Дело Дрейфуса до крайности обострило общеполитическое положение в стране. Осенью 1898 г. Париж был потрясен большой стачкой. Происходили массовые демонстрации. И если сторонники Мильерана занимали в отношении колониальной политики соглашательскую позицию, то гедисты были довольно последовательными выразителями революционного пролетарского протеста. Внутренний кризис не располагал правительство к тому, чтобы ввязываться в серьезный конфликт из-за колониального вопроса, неспособного вызвать национальный подъем. Нельзя забывать также заинтересованности французской буржуазии в английском рынке: Англия была лучшим покупателем продукции французской промышленности и сельского хозяйства. Она поглощала около 25% французского вывоза.

На что же рассчитывало в таких условиях правительство Франции, направляя Маршана к Фашоде?

Эти расчеты не на всех стадиях были тождественными. Планы французского правительства менялись.

Когда Маршан отправился в путь (в июле 1896 г.), французским министром иностранных дел был Аното. Он рассчитывал использовать экспедицию Маршана как рычаг для давления на Англию в самом крупном из колониальных споров с нею — в египетском вопросе.

Аното казалось, что обстановка складывается благоприятно для Франции. В результате заключения мира с Грецией, рассуждал французский министр, турецкий султан развязал себе руки для вмешательства в египетские дела; во Францию едет миссия негуса Менелика, с которой предстоит обсудить вопрос о принадлежности обоих берегов Белого Нила; отряд Маршана приближается к этой реке с запада; с востока к Нилу двигается экспедиция, посланная Менеликом; соперничество в Китае, а также выступления Чемберлена обострили русско-английские отношения. «Из совокупности этих фактов следует, что Англия, ранее защищенная в Египте от какого-либо соседства, по-видимому, должна будет столкнуться там с новыми трудностями». «Взятие Хартума, если оно произойдет в конце лета или осенью,

может привести к переговорам»: захват столицы Судана, полагал Аното, встревожит заинтересованные государства. В переговорах, предметом которых станет весь египетский вопрос, примут участие все державы, имеющие интересы в Египте и задетые этим фактом. Аното ожидал от предполагаемых переговоров «самых серьезных последствий» [1].

Таким образом, миссия Маршана в качестве средства давления на Англию должна была действовать в составе целой большой системы других рычагов того же назначения. В числе их не последнее место занимало в политике Аното эпизодическое сотрудничество с Германией. Вопрос заключался только в том, как вся эта система сработает на практике.

Расчеты Аното на новые затруднения Англии в Египте и на переговоры, которые могут подорвать там ее положение и вынудить к уступкам, были построены на песке. Султан не предпринял ничего серьезного. Эфиопский негус, правда, послал экспедицию к Нилу. В июне 1898 г. она достигла его близ впадения реки Собат. Эфиопы были совсем близко от Фашоды. Но они повернули обратно, страдая от болезней и недостатка пищи. Практически Маршан не получил из Эфиопии поддержки. Англо-русские отношения действительно обострялись — тут Аното не ошибся. Русское правительство готово было оказать поддержку любой инициативе Франции в Египте. Об этом русские говорили не только французам. Дипломатический агент России в Каире официально заявил о позиции своего правительства хедиву. Но это не могло принести Франции большой пользы, раз она не могла пригрозить Англии войной и раз Англия располагала в Египте поддержкой государств Тройственного союза.

Итак, Аното ошибочно оценивал обстановку. Но распутывать узел, завязавшийся в Судане в результате экспедиции Маршана, пришлось не ему. В конце июня 1898 г. произошла смена правительства. Новое министерство возглавил радикал Бриссон, а на посту министра иностранных дел Аното сменил Теофиль Делькассе. Редкий случай произошел в истории Третьей республики с ее министерской чехардой: Делькассе сохранял портфель восемь лет, до 1906 г.

Новый глава французской дипломатии был когда-то гамбеттистом, а затем соратником Деруледа, лидера «Лиги патриотов». Делькассе состоял одно время генеральным секретарем этой реваншистской организации. Он был убежден, что Германская империя является главным врагом Франции. Уже одно это не располагало Делькассе к тому, чтобы ввязываться в конфликт с Англией.

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, vol. XIV, № 236, p. 351.

Но все-таки и Делькассе тоже хотел что-либо да получить от англичан посредством маршановской экспедиции, раз уж она была в пути.

Через несколько дней после того как кабинет Бриссона вступил в исполнение обязанностей, поступило запоздалое донесение Маршана, датированное 1 января: он создал укрепленные посты по реке Суэ и собирается идти к Нилу. Маршан рассчитывал быть в Фашоде 15—20 мая.

Маршан ошибся в расчетах на два месяца. Но к моменту получения в Париже его новогоднего донесения он все-таки уже находился в Фашоде. Французское правительство ничего об этом не знало из-за отсутствия средств связи. Новому правительству пришлось определять свою политику без какой-либо информации из того района, где назревало серьезнейшее международное столкновение.

Министерство колоний полагало, что Маршан должен ограничиться занятием Фашоды и не идти дальше ввиду незначительности его отряда. Но раньше, чем сформулировать инструкции Маршану, министр колоний, естественно, запросил мнение своего коллеги из ведомства иностранных дел.

Министерство колоний предвидело, что отряд Маршана рано или поздно встретится с войсками Китченера. Оно предлагало заранее определить позицию, которую должно занять в таком случае французское правительство. Оно считало необходимым сделать попытку получить от турецкого султана, номинального сюзерена Судана, заявление о «согласии с французской политикой на Верхнем Ниле» и добиться от него передачи Франции осуществления его суверенных прав («делегированного суверенитета») в этом районе. Такой шаг султана легализовал бы пребывание французских войск в верховьях Нила [1].

Получив запрос коллеги, Делькассе тотчас же поручил аппарату своего министерства срочно подготовить необходимые материалы. Они были представлены на рассмотрение министра 18 июля 1898 г. «С точки зрения международного права законность нашего вмешательства является спорной», — говорилось в представленной записке. Тем не менее интересы развития французской колонии на Верхнем Убанги, необходимость добиться эвакуации Египта, нейтрализации Суэцкого канала и Красного моря делают для Франции желательным «получить, по крайней мере, солидный залог» в верховьях Нила. Занимая сильную позицию в этом районе, в котором Англия весьма чувствительна, можно будет добиться от нее важных уступок в перечисленных спорных вопросах.

Что же могло служить таким залогом, по мнению чиновников министерства иностранных дел?

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XIV, № 246, p. 366.

Франция должна была захватить территорию в бассейне Верхнего Нила по левому берегу реки, от границы Государства Конго на юге до 10-й параллели на севере, включая Фашоду и область Бахр-эль-Газаль, а также весь бассейн реки Шари.

Судан к северу от 10-й параллели министерство готово было признать владением Англии. И за это оно рассчитывало получить ее согласие на эвакуацию и нейтрализацию Египта и Суэцкого канала: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы капитан Маршан утвердился на очень сильной позиции на Верхнем Ниле вплоть до того дня, когда переговоры, завязанные между заинтересованными державами, позволят нам прийти к соглашению, содержание которого по возможности приближалось бы к тому, что сейчас намечено»[1]. И эту «сильную позицию» должен был занять отряд менее чем в 150 человек!

В записке, насколько можно судить по той ее части, которая опубликована, не было ничего, кроме пожеланий, продиктованных хорошим аппетитом на колониальные территории. Она отражала политику прежнего хозяина Кэ д'Орсэ — Габриэля Аното.

Делькассе не последовал советам своего аппарата. Понял ли он нереальность его проектов, или же сказалась общая антигерманская направленность его политической установки? Она побуждала избегать конфликта с другой великой державой.

Во всяком случае, Делькассе затянул ответ на запрос своего коллеги из министерства колоний. Там терпеливо прождали около полутора месяцев! 19 августа министр колоний направил Делькассе письмо с просьбой ускорить ответ[2]. Но и этого оказалось недостаточно. Делькассе продолжал волокиту.

Между тем Китченер приблизился к Хартуму.

1 сентября Делькассе направил запрос в Петербург. Он поручил послу графу Монтебелло узнать точку зрения царского правительства на сложившееся положение[3].

Пока Делькассе ожидал ответа, пришло второе напоминание от министерства колоний[4]. Очевидно, дальше тянуть дело было уже невозможно, и Делькассе пришлось высказаться. Он изложил свою точку зрения на заседании совета министров, а затем 7 сентября дал официальный ответ[5].

Делькассе указал на то, что за последнее время международная ситуация изменилась для Франции в худшую сторону:

---

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XIV, № 258, p. 386—389.
[2] Ibid., № 296, p. 463.
[3] Ibid., № 315, p. 496.
[4] Ibid., № 323, p. 509.
[5] Ibid., № 329, p. 515—517.

Германия сблизилась с Турцией, сюзереном Египта, и с Англией. Предстоит встреча Маршана с канонерками англо-египетской армии. Согласно последней информации, со стороны Эфиопии Маршану практической помощи ожидать не приходится. Следовало бы рекомендовать Маршану наибольшее благоразумие. Ему необходимо заняться обеспечением коммуникаций, а вперед не двигаться.

Совет министров поддержал Делькассе. 9 сентября 1898 г. министр колоний направил телеграмму в Либревиль генеральному комиссару французской колонии Конго с поручением возможно скорее доставить Маршану инструкцию правительства в духе предложений Делькассе.

Инструкция до Маршана не дошла. Через несколько дней после того, как в Париже наконец удосужились ее послать, произошла встреча командира французской экспедиции с «сирдаром». Весь интерес инструкции заключается, таким образом, только в том, что она характеризует политический курс, с самого начала усвоенный кабинетом Бриссона: соблюдать осторожность.

Переговоры между английскими и французскими колонизаторами о разделе Судана

7 сентября Делькассе принимал английского посла Монсона. Вся речь французского министра была рассчитана на смягчение обстановки. Делькассе заявил послу, что, каковы бы ни были разногласия относительно Египта, он тем не менее восхищен умелостью Китченера и героизмом его войск. Маршан, сказал Делькассе, пошел к Нилу якобы ради обеспечения африканских владений Франции от дервишей. Где он сейчас находится, этого французское правительство не знает. Но куда бы ни завела Маршана борьба против дервишей, не следует упускать из виду, что ни ему, ни Китченеру не надлежит делать политические выводы из тех экспедиций, которыми они руководят. Это — дело обоих правительств. Делькассе выразил пожелание избежать конфликта на месте и высказал надежду, что английское правительство даст Китченеру такие директивы, которые позволили бы предотвратить столкновение. По мнению французского правительства, все разногласия между двумя странами могут быть разрешены дружественным образом.

Эта первая беседа, которой французская сторона открыла дипломатические переговоры по вопросу о Фашоде и Верхнем Ниле, говорит о многом. Она свидетельствует, что Делькассе занял позицию оборонительную. Он заботился в первую очередь о том, чтобы избежать конфликта, предотвратив возможность какого-либо провокационного шага со стороны Китченера.

Монсон обещал Делькассе передать его заявление в Лондон правительству [1]. В своем донесении посол правильно уловил суть дела: Франция не хочет обострять обстановки.

Английский кабинет тоже очень хорошо понял все преимущества своего положения. 9 сентября Солсбери телеграфировал Монсону директивные указания, определившие позицию Англии в фашодском конфликте: «Если Делькассе возвратится к вопросу, то я поручаю вам разъяснить ему, что вследствие военных событий последних недель все территории, которые были подчинены халифу (т. е. дервишам. — *В. Х.*), переходят к британскому и египетскому правительствам по праву завоевания. Правительство ее величества не считает, что это право подлежит дискуссии, но оно будет готово обсудить в духе, предложенном Делькассе, различные существующие ныне территориальные разногласия, относящиеся к тем областям, которые не затронуты настоящим заявлением» [2]. Короче говоря, бассейн Нила, включая Фашоду, объявлялся принадлежащим Англии и Египту, находившемуся у нее в полном подчинении. С Францией англичане соглашались вести переговоры по территориальным вопросам только вне Нильского бассейна. Было ясно, что английское правительство решило полностью изгнать оттуда французского соперника и закрепить свое господство над Египтом, овладев верховьями реки, питающей эту страну.

Солсбери, очевидно, рассчитывал, что Франция уступит и не станет доводить свое сопротивление до крайности. Во всяком случае, Китченер не предъявил Маршану прямого требования очистить занятую территорию. Он ограничился заявлением о «незаконности» пребывания французской экспедиции в бассейне Нила и о принадлежности всего его пространства Англии и Египту.

10 сентября 1898 г. Монсон вручил Делькассе в несколько перефразированном виде текст телеграммы Солсбери. Делькассе ограничился тем, что обратил внимание посла на неопределенность границ той территории, которая принадлежала дервишам [3].

13 сентября в Париже был получен ответ Муравьева на запрос, сделанный ему Делькассе. Ответ был ободряющим. Русский министр заявил, «что в данном деле, как и во всех вопросах, касающихся Египта, императорское правительство готово идти вместе с Францией и согласовать свою позицию с французской». Муравьев сказал, что по первому впечатлению «протест султана, поддержанный великими державами, мог бы

---

[1] «British Documents», vol. I, № 188, p. 163—164.
[2] Ibid., № 189, p. 164.
[3] Ibid., № 190, p. 164—165.

иметь шансы на успех»[1]. Весьма благоприятным было и отношение русской прессы[2].

Создается впечатление, что в Петербурге не верили в возможность англо-французской войны, отнюдь не были огорчены англо-французской ссорой и готовы были поддержать Францию, а заодно несколько заострить англо-французский конфликт.

Итак, французское правительство могло рассчитывать на поддержку России: оно фактически требовало от своей союзницы в фашодском инциденте даже меньше того, что та ему предлагала. Месяцем позже это подтвердилось во время визита Муравьева в Париж.

Русский министр прибыл туда в самый разгар фашодского конфликта — 15 октября 1898 г. В тот же день он имел продолжительную беседу со своим новым французским коллегой. С первых же слов Делькассе заверил Муравьева в своей приверженности франко-русскому союзу. Его политика, заявил он, будет «идти рука об руку» с русской.

Беседа обратилась сначала на русское предложение о созыве Гаагской конференции. «Затем г-н Делькассе коснулся жгучего для Франции вопроса — занятия французами Фашоды». Он ознакомил Муравьева с ходом англо-французских переговоров и «выразил убеждение, что спорный вопрос этот в скором будущем решится полюбовно и что, уступив свои права на Фашоду, Франция получит удовлетворение, а именно свободный доступ к левому берегу Белого Нила».

Муравьев ожидал, что Делькассе будет просить у России «поддержки в переговорах с Англией». Однако этого не случилось. «По-видимому, — писал Муравьев царю, — парижская печать неправильно передавала взгляды правительства республики. Г-н Делькассе не только не обращался ко мне с подобным ходатайством, но даже объявил мне, что он ни в коем случае не намерен ставить вопрос о Фашоде на почву нынешнего общеевропейского положения, а что скорее думает придать ему чисто колониальный характер».

Президент Ф. Фор, с которым Муравьев тоже встретился, совсем не касался фашодского инцидента и говорил только об общей враждебности Англии к его стране[3].

Благоприятная позиция русского правительства не побудила Делькассе изменить принятый им курс; но в последующие дни он стал несколько храбрее в своих беседах с англичанами.

---

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XIV, № 347, p. 542.
[2] Ibid., № 375, p. 582.
[3] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 155/160б, л. 124—125, 128. Докладная записка Муравьева царю от 17 октября 1898 г.

Возможность для этого представилась Делькассе вскоре же после получения ответа от французского посольства в Петербурге. 18 сентября он снова встретился с Монсоном. Министр дал ответ на английское заявление, изложенное в телеграмме Солсбери. Если даже и согласиться, сказал Делькассе, что все бывшие владения дервишей по праву завоевания принадлежат Англии и Египту, то это никак нельзя применять к Фашоде, завоеванной французскими войсками.

Монсон решительно отклонил попытку Делькассе обеспечить признание за Францией права на Фашоду. Английское правительство, повторил он, отказывается вести по поводу Фашоды какие бы то ни было переговоры. Оно уже давно заявило, что любое вторжение в бассейн Нила будет рассматриваться как недружественный акт. Английское правительство в самом деле предупреждало об этом в Париже в 1894 г. по дипломатическим каналам, а 24 марта 1895 г. публично, устами парламентского заместителя министра иностранных дел (в так называемой декларации Грея).

— Но Франция никогда не признавала Верхний Нил английской сферой влияния, — возразил Делькассе. И он принялся доказывать этот факт ссылками на документы.

Монсон прервал его.

— Положение на Верхнем Ниле является серьезным, — сказал посол предостерегающим тоном. — Необходимо повторить, что Фашода входит в состав территорий, которые английское правительство решило удержать за собой. По этому вопросу никакой компромисс невозможен [1].

27 сентября английское правительство направило французскому через своего посла в Париже меморандум, в котором сообщалось о встрече Китченера с Маршаном и о заявлении английского главнокомандующего: Англия не признает французской оккупации какой бы то ни было части долины Нила. В тот же день Делькассе доложил британский меморандум совету министров.

Вечером он пригласил Монсона и поблагодарил за информацию о положении французской экспедиции. Но французскому правительству, продолжал он, необходимо получить донесение от самого Маршана. Нельзя ли через посредство английского правительства известить Маршана, чтобы он выслал в Каир одного из своих офицеров? Там имелся французский дипломатический агент, и через него офицер мог бы телеграфировать в Париж.

Монсон повернул разговор на обострение. Из слов Делькассе, заявил посол, он делает заключение, что французское

[1] «British Documents», vol. I, № 191, p. 165—166.

правительство решило не отзывать Маршана, пока не поступит его донесение. Так ли это? Он, Монсон, рассматривает вопрос как срочный. Отказывается ли Делькассе отозвать Маршана немедленно?

Несколько мгновений длилось напряженное молчание. Затем Делькассе сказал нечто весьма важное. Он сообщил послу, что французское правительство готово на большие уступки. Но если Монсон потребует от него невозможного — имелся в виду уход из Фашоды под давлением Англии, — то ответ может быть только один — разумеется, отрицательный. Французское правительство готово начать переговоры, даже и не дожидаясь доклада Маршана, но это и все, что оно может сделать.

Словом, Делькассе намекнул, что Франция готова уступить: французы согласны уйти из Фашоды. Но они сделают это не под давлением, а только в результате переговоров и соглашения.

— Но из телеграммы британского премьера вам известно, — возразил Монсон, — что правительство ее величества не станет дискутировать по поводу таких вопросов, как права на Фашоду.

Делькассе ответил, что если переговоров не будет, то разрыва не избежать. Телеграмма Солсбери составлена в слишком неопределенных выражениях. Французское правительство должно иметь ясное и точное представление, на какие именно территории распространяются английские претензии. Впрочем, он не хочет обострять вопрос. Он хочет только, чтобы Монсон передал Солсбери его просьбу и «не загонял его в тупик, отказав в ее удовлетворении».

В Париже, продолжал Делькассе, уже и так говорят, что Маршана бросили на произвол судьбы и что он, Делькассе, является виновником «национального позора».

Монсон ответил, что готов уведомить премьера о пожеланиях своего собеседника. Делая это, сказал осторожный посол, он ни в какой мере не связывает ни себя, ни свое правительство [1].

На другой же день Монсон сообщил английский ответ — он передал текст телеграммы британского премьера.

Солсбери изъявил согласие передать сообщение Делькассе «французскому исследователю, который находится в затруднительном положении на Верхнем Ниле». Но Англия, добавил премьер-министр, не отвечает за здоровье и безопасность Маршана, если он будет мешкать с очищением занимаемой им ныне территории [2]. В этих словах звучала угроза.

---

[1] «British Documents», vol. I, № 196, p. 169—170.
[2] Ibid., № 197, p. 170—171.

Во время следующей беседы (28 сентября) Делькассе повторил просьбу «не загонять его в тупик». «Но вы, конечно, не порвете с нами из-за Фашоды?» — спросил он.

«Именно этого-то я и боюсь», — ответил Монсон вежливо-угрожающе. В сущности, он как раз и намекал на то, что разрыв отнюдь не исключен.

«Что же, в таком случае мы будем не одни», — заявил Делькассе, намекая на помощь России [1].

В последующие дни переговоры возобновил французский посол в Лондоне де Курсель. Если Маршан должен отступить, то до какого же, собственно, пункта? — спрашивал он английского премьера. Надо же договориться об этом. Переговоры о разграничении необходимы, настаивал посол. Базу для соглашения по согласованию с Делькассе де Курсель намечал следующую: Франция очистит Фашоду, но сохранит доступ к Нилу, т. е. часть его левого берега южнее Фашоды и вплоть до границы Конго.

Ошибочным является распространенное представление, будто в фашодском инциденте спор шел только из-за формы — безоговорочный ли уход французского отряда из Фашоды по требованию англичан или же переговоры, эвакуация по соглашению и сохранение достоинства Франции. На самом деле вопрос стоял иначе. Французское правительство готово было отдать Фашоду, но оно требовало другой участок левого побережья Верхнего Нила. О нем-то и шел спор: о территории, а не только об одном престиже.

Солсбери ответил де Курселю, что недостаточно знаком с географией Африки, чтобы обсуждать вопросы разграничения. Кроме того, он должен посоветоваться с кабинетом. Последние слова фигурируют, впрочем, только во французской версии этой беседы. В записи Солсбери их нет [2].

Теперь полностью становится ясной разница между политикой Аното и Делькассе. В отличие от того, что замышлял Аното, Делькассе не пытался ставить вопрос о положении Англии в Египте и о статусе этой страны. Он готов был также уступить Фашоду. Но он хотел приобрести выход к Нилу и область Бахр-эль-Газаль, соединяющую берег Верхнего Нила с французскими владениями по рекам Конго и Убанги.

9 октября 1898 г. газета «Матэн» поместила инспирированную заметку. В ней подчеркивалось, что для Франции дело идет о выходе к Нилу, а не о том, чтобы чинить препятствия английской политике в бассейне этой реки. Это был очень

---

[1] «British Documents», vol. I, № 198, p. 171.

[2] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XIV, № 414, p. 632—635; «British Documents», vol. I, № 203, p. 173—175.

многозначительный намек. Газета давала понять, что Франция готова снять свои протесты против пребывания англичан в Египте. Делькассе ограничивался, таким образом, попыткой выторговать кое-что для Франции при территориальном разграничении в Судане. Начал он этот торг с того, что запросил доступ к верхнему Нилу.

Но английская пресса не подхватила пробных шаров «Матэн». В ней царило крайнее возбуждение. «Возможность вооруженного конфликта с Францией в случае, если та не подчинится требованиям правительства королевы, рассматривается как почти единственный исход из нынешних затруднений, — так оценивало настроение английской буржуазной общественности французское посольство в Лондоне. — Либералы выказывают себя такими же, если даже не еще более непримиримыми, чем сторонники кабинета» [1]. 20 октября Хикс-Бич, канцлер казначейства, по английским понятиям второе лицо в правительстве после премьера, в публичной речи заявил, что в вопросе о Фашоде «Великобритания решила не уступать». Печально, если между двумя великими державами возникнет война. «Но бывает, — продолжал он, — зло худшее, чем война. Мы выполним наш долг» [2].

Французский военно-морской атташе в Лондоне 18 октября сообщил начальнику морского штаба, что, по его наблюдениям, Англия «хочет непременно начать войну». На море она «почти в два раза сильнее нас» [3], — заключал атташе. 25 октября он передал информацию, согласно которой «английский флот полностью готов к любым событиям» [4].

Положение было острое. «Англия на волосок от войны с Францией» [5], — характеризовал В. И. Ленин существо фашодского конфликта.

«Достаточно намека на оскорбление французского флага, чтобы в стране поднялась буря возмущения», — так докладывал Монсон своему премьеру. Посол опасался возможности вмешательства других держав в англо-французский конфликт [6].

Проводя свои военные приготовления и выживая французов из Фашоды, английское правительство все же по-прежнему воздерживалось от прямого требования о немедленном отступлении Маршана. Тем самым оно содействовало предотвращению разрыва и войны. На «умеренность» его дипломатии, очевидно,

---

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XIV, № 443, p. 679.
[2] Ibid., примечание 3.
[3] Ibid., № 440, p. 675.
[4] Ibid., № 454, p. 708.
[5] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 668.
[6] «British Documents», vol. I, № 204, p. 175—176.

повлияли слова Делькассе насчет того, что Франция «не будет одинока», что Россия ее поддержит [1].

23 октября 1898 г. Делькассе с еще большей определенностью повторил Монсону, что, если будет дано принципиальное согласие на доступ Франции к Нилу, французское правительство без колебаний предпишет Маршану очистить Фашоду [2].

Это сообщение было предметом рассмотрения британского кабинета 27 октября 1898 г. В тот же день состоялась встреча премьер-министра с французским послом в Лондоне де Курселем. Солсбери начал с повторения старой позиции: «Пока он не будет точно знать, что Маршану послан приказ об отступлении, он ничего не сможет сказать о последующих переговорах. Он не может торговаться или предлагать какую-либо сделку или компенсацию за эвакуацию Фашоды».

Этого никто и не предлагает, ответил де Курсель. Франция, продолжал он, покинет Фашоду по своей доброй воле. Но раньше, чем это сделать, она должна знать дальнейшие намерения английского правительства в отношении территориального разграничения.

Ответив так, де Курсель предпринял довольно тонкий дипломатический ход. Он выражал готовность уступить в том, что касалось внешней стороны дела, предназначенной для публики. Эвакуация Фашоды совершилась бы без каких-либо переговоров. Это означало уступку по сравнению с прежней французской позицией и позволяло английскому кабинету представлять дело так, что он полностью настоял на своем.

В то же время Курсель в своем ответе отнюдь не собирался отдать Фашоду бесплатно. Он намеревался получить от Солсбери секретные обязательства в отношении территориального разграничения и подсказывал такую форму, в которой англичанам всего легче было бы их предоставить. Иначе говоря, Фашода все же должна была сослужить ту роль, которая с самого начала предназначалась ей французским правительством, — залога при дипломатическом торге — правда, меньшего масштаба, чем предполагал Аното.

Вместе с тем предложение Курселя позволяло Франции уйти из Фашоды «добровольно», т. е. сохраняя престиж. Курсель предлагал объявить публично, что Фашода, окруженная труднопроходимыми болотами, вовсе не подходит для Франции в качестве выхода к Нилу. Именно поэтому она-де и освобождается французскими войсками. Курсель напомнил Солсбери о предложении, которое Делькассе сделал Монсону 23 октября.

[1] «British Documents», vol. I, № 218, 221, p. 183—185.

[2] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XIV, № 449, p. 698.

Спорили они еще долго. Кончилась беседа тем, что Солсбери обещал подумать и поискать форму, которая позволила бы выйти из кризиса [1].

Раздумывал премьер недолго. Его ответ пришел в тот же вечер в виде секретной памятной записки. В ней повторялся отказ от переговоров с Францией до эвакуации ею Фашоды. Но одновременно в записке сообщалось, что если Маршан получит приказ освободить Фашоду, то тем самым будут устранены препятствия для дискуссии по вопросу о разграничении. Французское правительство будет иметь возможность открыть с Англией переговоры о границе «в этих районах». Солсбери, впрочем, оговаривался, что эти переговоры неизбежно будут длительными, ибо потребуют сбора исторической и географической информации, которая сейчас якобы отсутствует. Пока она не поступит, английское правительство «не в состоянии принять на себя никакого обязательства относительно тех выводов, к которым оно сочтет нужным прийти» [2].

Записка Солсбери означала некоторую уступку: теперь он еще до приказа об эвакуации Фашоды давал согласие вести переговоры о разграничении — после того как эвакуация состоится. Но уступка его была минимальная: предоставить Франции доступ к Нилу Солсбери в своей памятной записке не обещал. Наоборот, в ней содержалось предупреждение, что результат переговоров ни в какой мере не является предрешенным. Не было, правда, и прежней оговорки, что переговоры могут касаться только территорий вне Нильского бассейна. Курсель советовал удовольствоваться достигнутым [3].

Тем временем пал кабинет Бриссона. Ему на смену 1 ноября пришел кабинет во главе с Дюпюи. Новое правительство сразу приняло давно намеченное решение: отозвать французский отряд. 3 ноября Делькассе, сохранивший свой пост, направил через дипломатического агента в Каире приказ Маршану. Ему предписывалось оставить Фашоду со всеми своими людьми и возвратиться во Францию. Приказ был мотивирован плохим санитарным состоянием отряда. Обратный путь было предписано избрать по реке Собат через Эфиопию на Джибути [4]. Об этом решении 4 ноября Курсель официально уведомил британского премьер-министра, причем оно подавалось в таком виде, как будто Франция приняла его добровольно.

---

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XIV, № 459, p. 719—722.

[2] «British Documents», vol. I, № 223, p. 187.

[3] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XIV, № 465, p. 727—732.

[4] «British Documents», vol. I, № 226, 227, p. 188.

Казалось бы, теперь должны последовать англо-французские переговоры. Но на вопрос французского посла Солсбери ответил, что «ввиду состояния умов в обеих странах» переговоры о разграничении не представляется желательным открыть немедленно.

Но когда же? Этого премьер не сказал!

Обманет ли он французское правительство? Курсель подозревал, что Солсбери выжидает: если наступит «успокоение умов», то он начнет переговоры и даст французам частичное удовлетворение. На случай же, если возбуждение сохранится, премьер хочет выиграть время для фактической оккупации англичанами спорных районов Бахр-эль-Газаля. В Сити, докладывал Курсель, уже идет крупная спекуляция на предполагаемых естественных богатствах этого района, ровно никому в точности не известных. Эта спекуляция укрепляет силы, выступающие против переговоров с Францией о судьбе Бахр-эль-Газаля. Затрудняют переговоры также распространенные в Лондоне опасения, что, владея этой областью, Франция сможет оказывать влияние на уровень воды в Ниле, воздвигнув какие-либо гидротехнические сооружения[1].

5 ноября Солсбери выступал в Сити. Он прославлял победы в Судане, славословил Китченера. Он сообщил об отозвании Маршана. Но между Францией и Англией, указал премьер, остались еще спорные вопросы, которые потребуют длительных дискуссий. Солсбери, следовательно, все-таки публично подтвердил готовность начать переговоры[2].

9 ноября Солсбери вновь выступил с публичной речью. То было ежегодное политическое выступление на банкете у лондонского лорда-мэра. Премьер сказал, что после встречи англичан с французами в Фашоде возникла возможность войны. Однако ее удалось избежать в результате «здравого смысла», проявленного французским правительством. Но общее положение в мире, подчеркнул оратор, не позволяет Англии отменить предпринятые ею военные приготовления.

И действительно, английский флот оставался в состоянии полной боевой готовности. Это было связано не только с начавшейся подготовкой к войне против буров, но и с предстоящими переговорами с Францией. Военная подготовка могла служить средством давления, которое должно было принудить ее отказаться от доступа к Нилу. 15 ноября Чемберлен выступил в Манчестере с речью, в которой требовал от Франции уступки во всех спорных проблемах, а не только в касающихся бассейна

---

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XIV, № 488, 491, p. 760, 763—767.

[2] Ibid., № 492, p. 768.

Нила. Чемберлен перечислил все другие колониальные споры, имевшиеся у Англии с Францией. По его словам, французская политика чинит во всем мире трудности английскому правительству. Это занятие надо прекратить, если Франция желает жить в хороших отношениях с Англией. Опираясь на полную готовность флота, Чемберлен предпринимал нажим на Францию по всему фронту колониальной борьбы, требуя отступления перед английским империализмом. Нечего и говорить, что от Франции требовали безоговорочного отказа от всего бассейна Нила.

Посол в Париже Монсон публично заявил, что французское правительство ведет якобы «политику булавочных уколов» в отношении Англии. Такая политика «может принести эфемерное удовлетворение недолговечным министерствам, но неизбежно вызовет крайнее раздражение по ту сторону Канала».

Англо-французские отношения оставались напряженными. Французское посольство в Лондоне полагало, что единственный способ избежать войны с Англией — это показать ей, что Франция к войне полностью подготовлена. Характерна пометка Делькассе на донесении посольства: «Чего же можно этим достигнуть, поскольку дело идет о первой морской державе?» [1]

В декабре 1898 г. в Лондон прибыл новый французский посол — Поль Камбон. Его встретили вежливо, но при этом английские министры не выразили ни малейшего желания начать переговоры. Они ждали, пока запуганная Франция откажется от притязаний на область Бахр-эль-Газаль, т. е. на выход к Нилу. Пометка Делькассе свидетельствует, что эти ожидания были достаточно реалистичными: руководитель внешней политики Третьей республики не видел возможности для серьезной борьбы против английского империализма.

Для Франции война с Англией потенциально всегда влекла за собой определенный риск нападения Германии: последняя могла бы воспользоваться удобным случаем для нового разгрома своей западной соседки. Делькассе из страха перед Англией решил завязать переговоры с Берлином: надо было выяснить, чего следует ожидать со стороны Германии, можно ли рассчитывать на ее нейтралитет в случае дальнейшего обострения англо-французского конфликта.

Характер франко-германских отношений не располагал к откровенности. Делькассе не решился официально запросить Берлин. Он использовал посредника неофициального. Через парижского корреспондента «Кёльнише цейтунг» он сообщил в начале декабря германскому правительству о своем желании достигнуть франко-германского сближения. Ответ был дан

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XIV, № 523, p. 810.

15 декабря 1898 г. на страницах той же газеты: «Франко-германское сближение станет возможным лишь тогда, когда слова «Эльзас и Лотарингия» исчезнут из словаря французских государственных деятелей и французской прессы» [1].

Делькассе предпринял еще новые попытки. Несколько позже, через одного влиятельного и богатого судовладельца, Делькассе предложил в Берлине обменять Эльзас и Лотарингию на одну из французских колоний. Само собой разумеется, что и на этот раз он получил отрицательный ответ. Германское правительство дало Делькассе понять, что только формальный отказ французского правительства от надежд на возвращение Эльзаса и Лотарингии может обеспечить прочное франко-германское сотрудничество.

Французское правительство вынуждено было продолжать отступление перед Англией. Оно отказалось от области Бахр-эль-Газаль и от выхода к Нилу. Притязания на возвращение Эльзаса и Лотарингии, как показывают факты, французское правительство не могло продать не только за этот район, но даже и за весь Нильский бассейн или любую другую колонию. Итак, Франция капитулировала перед Великобританией в борьбе за бассейн Нила. После того как она отступила из Фашоды и спасовала в борьбе за доступ к верховьям реки, никто в Англии всерьез уже не мог бояться, что французы возобновят борьбу за Египет: со слишком важными козырями Франция теперь рассталась. Вместе с тем проиграла и Германия: Англия, упрочив свое положение в Египте, стала гораздо меньше нуждаться в ее поддержке в египетских делах.

Когда капитуляция Франции свершилась, в Лондоне изменили курс. Добившись своего, английское правительство решило протянуть пряник побитому врагу. В феврале 1899 г. оно открыло с Францией те самые переговоры, в которых ей отказывали до капитуляции. Очень быстро, уже 21 марта 1899 г., между Лондоном и Парижем было достигнуто соглашение. «Англия и Франция делят Африку» [2], — записал В. И. Ленин в своих тетрадях по империализму.

Африканские владения обеих держав были разграничены. Франция оказалась окончательно удаленной из бассейна Нила. Но теперь она получила за это некоторые компенсации, которые до капитуляции в борьбе за Нил ей не соглашались предоставить. Граница между французскими и английскими владениями в Африке была проведена в основном по водоразделу между бассейнами озера Чад и реки Конго, с одной стороны, и бассейном Нила — с другой. За отказ от него Франция

---

[1] Цит. по кн.: *W. L. Langer.* The Diplomacy of Imperialism, p. 568.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 492.

получила значительный кусок Судана к западу от Дарфура. Захват этой территории позволил соединить территориально владения Франции в Северной и Западной Африке с ее центральноафриканскими колониями.

Англо-французское соглашение 1899 г. завершало раздел Центральной Африки. Но еще предстояла борьба между империалистами за северную и южную часть континента. Что касается последней, то ее час уже пробил: английский империализм готовился проглотить бурские республики.

Багдадская железная дорога

Но еще до того, как совершилось нападение на буров, в другой части света — в Азии произошли весьма важные события. В 1898 году, столь богатом событиями на колониальной арене, германский империализм развернул борьбу за концессию на постройку железной дороги в Малой Азии через Багдад к Персидскому заливу. Это предприятие должно было стать в его руках орудием закабаления Турции. Германский капитал с переходом в империалистическую фазу приобретал все большую заинтересованность в проникновении в Османскую империю. Деятельность немецкой дипломатии по получению концессии на Багдадскую дорогу свидетельствует о возраставшем влиянии капиталистических монополий на политику Германской империи. По мере того как расширялись их экономические интересы во всех частях света, они все сильнее тянули правительство, а вместе с тем и страну на путь опасных авантюр.

В 1896 г. германский капитал в лице «Общества анатолийских железных дорог» завершил сооружение железной дороги на Конью. Теперь уже нельзя было больше утверждать, будто у Германии нет интересов на Ближнем Востоке. Германский империализм явно собирался превратить Турцию в свою колонию.

Политика германского правительства в греко-турецкой войне и в критском вопросе была рассчитана на установление тесного контакта с турецкой правящей верхушкой, дабы с помощью местной феодальной реакции открыть империю султанов для эксплуатации германскими монополиями. Германия поддерживала Османскую империю против Греции, поставляла туркам оружие и военных инструкторов и таким образом помогла им одержать победу над греческой армией. Правительство кайзера отвергло кандидатуру греческого принца на пост губернатора Крита. В 1898 г. Германия вышла из европейского концерта, когда большинство его участников заняло в критском вопросе антитурецкую позицию.

Кайзер не мог обходиться без поз. Теперь он принял совершенно новую. Вильгельм II выступил в качестве рыцаря-защитника мусульманства. Помощь, оказанная султану против

его мятежных христианских подданных, должна была расположить Абдул-Гамида к Германии и проторить германскому капиталу пути в обширные пространства Османской империи.

В 1897 г. в Константинополь был назначен новый германский посол — бывший статс-секретарь ведомства иностранных дел Маршаль фон Биберштейн. Миссия его заключалась в подготовке дальнейшего проникновения германского капитала в Турцию. Германская промышленность получила новые заказы на вооружение для турецкой армии. Главной же задачей Маршаля было обеспечение продолжения немецкой железной дороги от Коньи к Персидскому заливу. Бывший министр «нового курса», Маршаль начал свою дипломатическую деятельность с разрыва «договора перестраховки» с Россией. Он не был чужд идеям генерального штаба об использовании против России турецкой армии.

С «кровавым султаном» Маршаль был единомышленником: Абдул-Гамид тоже очень хотел построить железную дорогу на Багдад. Конечно, султан преследовал при этом собственные цели — облегчить сообщение с восточными окраинами своей империи, получить возможность быстрее перебрасывать туда войска и тем упрочить свою власть в этих далеких краях.

«Дейче банк», его директор Сименс, директор «Общества анатолийских железных дорог» Цандер сначала не торопились с постройкой железной дороги к Персидскому заливу. Их страшили трудности финансирования этого предприятия.

Но вот немецкому капиталу стало угрожать появление конкурентов. Самым серьезным была французская компания, давно владевшая линией Смирна — Кассаба. Имелись, однако, и другие претенденты на сооружение Багдадской дороги. Теперь Сименс встревожился. Он ни в коем случае не намеревался упускать дело из своих рук.

Посол Маршаль обсудил вопрос с Цандером на месте, в Константинополе. Они пришли к следующим выводам:

«1. Наступил момент для подготовки продолжения Анатолийской железной дороги от Анкары на Кесарию. 2. Одновременно «Общество анатолийских дорог» должно обеспечить себе преимущественное право строительства дороги дальше, на Багдад, с исключением всякой иностранной конкуренции. 3. Когда эти предпосылки будут выполнены, следует взяться всерьез за желательный султану проект приведения в судоходное состояние Евфрата и Тигра, а также основания судоходной компании на обеих реках» [1]. Турецкое правительство должно было предоставить «Обществу анатолийских железных дорог» гарантию определенного уровня доходности с каждого километра пути.

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 3975, S. 466.

Это была целая программа проникновения германского капитала в Османскую империю.

Банк хотел облегчить дело финансирования нового предприятия, обеспечив некоторое участие в выпуске облигаций Багдадской дороги прусского государственного финансового предприятия «Seehandlung». Но прусское министерство финансов на это не дало согласия [1]. Отказ в финансовой поддержке со стороны казны не умалил, однако, интереса «Дейче банк» к задуманному делу. Большое внимание проявляла к нему и германская тяжелая промышленность. Ее воротилы чуяли немалую поживу на поставках рельсов, паровозов, вагонов и пр.

Стремясь подчинить Турцию своему влиянию, германское правительство вынашивало и другие планы. Так, например, оно хотело лишить Францию издавна принадлежавшего ей исключительного права на покровительство всем католикам, проживавшим в Турции. По замыслам кайзера и его советников, укреплению германского влияния в этой стране должна была немало послужить поездка туда Вильгельма II. Цель путешествия была объявлена благочестивая: кайзер пожелал посетить Палестину, дабы поклониться «святым местам».

Паломничество кайзера к «святым местам» и прибыли германского капитала

Вильгельм выехал в октябре 1898 г. Его сопровождал статс-секретарь иностранного ведомства Бюлов. Уже одно это говорило о политическом характере поездки. За кайзером следовали также многочисленные представители духовенства. Тут были и лютеранские пасторы, был и католический архиепископ. По пути высокопоставленный паломник посетил Константинополь и нанес визит султану. Не приученный к визитам своих коллег-монархов, Абдул-Гамид был польщен в высшей степени. Одновременно с кайзером в Константинополе оказался и директор «Дейче банк» Георг фон Сименс: он завязал здесь переговоры о концессии на продление железнодорожной линии от Коньи до Багдада, а также на оборудование порта в Хайдарпаша.

Из Константинополя кайзер отправился в Иерусалим, а затем побывал в Дамаске. Здесь пасторы и католический архиепископ отступили на задний план. Вслед за посещением гроба господня кайзер поклонился усыпальнице султана Саладина. В публичной речи он объявил себя вечным другом турецкого султана и 300 миллионов мусульман, почитающих его как своего халифа. В ответ на красноречие кайзера старший из присутствовавших представителей мусульманского духовенства объявил, что отныне все эти 300 миллионов каждодневно будут

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 3976—3977, S. 467—472.

призывать аллаха ниспослать свое благословение на немецкого императора...

Абдул-Гамиду речь Вильгельма и весь разыгранный им спектакль понравились чрезвычайно. Султан был ярым приверженцем панисламистских идей. Речь кайзера оказывала им мощную поддержку, позволяла смелее вести пропаганду и интриги среди мусульманских подданных Англии и России. Коронованный богомолец немало помог «Дейче банк» получить искомые концессии на выгодных условиях.

О сооружении порта переговоры были закончены очень быстро. Протестовала, правда, французская компания, эксплуатировавшая причалы Константинопольского порта. Ее протест поддерживало французское посольство. Но немцы быстро одержали верх. Уже в январе 1899 г. султан издал ирадэ (указ) о предоставлении «Дейче банк» концессии на это сооружение, а в марте был подписан и концессионный контракт.

Германское правительство и буржуазия высоко оценили успехи Вильгельма II в новой роли коммивояжера. «В качестве уже достигнутых экономических успехов поездки кайзера, — писал Бюлов, — надо отметить концессию на сооружение порта в Хайдарпаша, концессию на прокладку немецкого кабеля от Констанцы до Константинополя, укрепление существующих деловых отношений между турецким правительством и крупными германскими фирмами» [1] — главным образом, поставщиками вооружения.

Однако с дорогой на Багдад и далее на Басру и к заливу дело обстояло значительно сложнее. Трудности встретились здесь с различных сторон: их чинили англичане, французы, русские и больше всего, пожалуй, турки.

Сделка германских и французских банкиров

Французское правительство было в высшей степени раздражено немецкими интригами, направленными на подрыв влияния Франции. Оно дорожило своим правом покровительства католикам на Востоке и в основном отстояло его, сумев заручиться поддержкой Ватикана. Но еще более дорожили французские правящие круги своим финансово-экономическим влиянием, чтобы не сказать финансовым господством, в Османской империи. Уже немецкие дороги до Анкары и до Коньи были им неприятны. Концессию на портовые сооружения в Хайдарпаша пришлось проглотить, как горькую пилюлю. Но германская дорога через всю Османскую империю — это, казалось, уже слишком!

Впрочем, немного поразмыслив, воротилы французской финансовой олигархии передумали: они решили пойти на

[1] «Die Grosse Politik», Bd XII, T. II, № 3347, S. 579, примеч.

мировую с непрошеным немецким конкурентом. С этим выводом согласилась и их политическая агентура — правительство Третьей республики.

Чем вызвано было такое решение? Французские правящие круги поняли, что султан никогда не предоставит этой концессии французскому капиталу, поскольку он и так уже стал слишком силен в султанских владениях. Абдул-Гамид действительно не желал предоставлять французскому капиталу новых важных позиций. Финансовое влияние Франции в Турции было достаточно большим, чтобы внушать султану страх перед дальнейшим его возрастанием — но все же не настолько сильным, чтобы запугать повелителя правоверных до потери им способности к сопротивлению. Абдул-Гамид жаждал построить дорогу к Персидскому заливу. И при этом он намеревался использовать это предприятие для того, чтобы противопоставить французам и англичанам немцев, по возможности перессорив всех их друг с другом.

Учитывая эти обстоятельства, французская финансовая олигархия отказалась от бесполезного сопротивления «Дейче банк» и решила пойти с ним на сделку. Ее опора — Оттоманский банк, ранее вдохновлявший борьбу против немецких концессий, круто изменил свою линию. 12 апреля 1899 г. французский посол в Турции Констан, лично связанный с крупнейшими французскими банкирами — Оттингером и Мале, главными акционерами банка «Юнион паризьен» [1], предложил германскому послу Маршалю «соглашение (антанту) между немецким и французским капиталом в отношении экономических предприятий в Турции». Так резюмировал суть французского предложения германский посол [2]. Французский делец Берже (Berger), президент Управления оттоманского государственного долга, которое тоже находилось под главенством французских капиталистов, обратился с аналогичным предложением к Сименсу [3].

Глава «Дейче банк» по-прежнему предвидел трудности в финансировании столь значительного предприятия, как дорога до Персидского залива. Сименс считал, что ресурсов германского денежного рынка может не хватить. Он был весьма заинтересован в том, чтобы привлечь французский и английский капитал. Это обеспечило бы также содействие Управления оттоманского долга, помощь которого была бы весьма ценной.

В германском правительстве сначала думали иначе: хотели, чтобы Багдадская дорога была чисто немецким предприятием. Но затем уступили Сименсу.

---

[1] См. *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 497.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 3983, S. 481.

[3] Ibid., № 3986, S. 484—485.

Последовали переговоры между «Дейче банк» и Оттоманским банком, за которым стояли столпы парижской финансовой олигархии. Переговоры закончились довольно быстро. 6 мая 1899 г. между обоими банками было заключено соглашение. Оттоманский банк — точнее, стоявшая за ним группа французских банкиров — принимал участие в строительстве Багдадской дороги в размере 40% акционерного капитала. 60% оставались за «Дейче банк» [1]. За ним закреплялось и руководство всем делом. Сименс ловко добился своей цели: он обеспечил сотрудничество парижской биржи в финансировании предприятия и в полной мере сохранил за собой главенствующую роль.

Это соглашение между двумя банками заняло важное место в начавшемся разделе мира между союзами монополистов. Оно означало, что французский капитал счел себя вынужденным уступить германскому капиталу первое место в эксплуатации Турции, забронировав за собой второе.

В дальнейшей своей деятельности дипломатия обоих государств — и Германской империи и Французской республики — в ближайшие годы в вопросах Багдадской железной дороги исходила из соглашения между банкирами.

Позиция английского империализма

Иначе сложились у «Дейче банк» отношения с английским империализмом. «Серьезное дипломатическое противодействие, — сообщал Маршаль, — я встретил только со стороны английского посольства» [2]. Английская финансовая группа, возглавляемая неким Рехницером, выступила против «Дейче банк» в качестве конкурирующего претендента на багдадскую концессию. Она выдвинула проект постройки железной дороги на Багдад из Александретты, т. е. с побережья Средиземного моря. Английская дипломатия активно поддерживала домогательства Рехницера. Была приведена в движение английская агентура внутри турецких правящих кругов: своих людей у англичан оставалось там все еще немало.

Но верх снова одержали немцы. Проект Сименса обеспечивал султану связь его столицы с отдаленным Багдадом. Проект дороги Александретта — Багдад скорее изолировал этот город от центра султанской империи и связывал Багдад со Средиземноморьем, где господствовал британский флот. Но предпочтение, которое султан отдавал германскому банку, объясняется не только преимуществами его проекта и даже не только стремлением ликвидировать французско-английское финансовое

---

[1] *K. Helfferich.* Georg von Siemens, Bd III, S. 96—97. Ср. *E. M. Earle.* Turkey, the great powers and the Bagdad railway, p. 59; *Г. Л. Бондаревский.* Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток. Ташкент, 1955, стр. 133.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 3992, S. 504.

засилье. Германия имела в глазах падишаха еще и другое преимущество. Абдул-Гамид считал, что немцы не в состоянии отхватить у него кусок его владений, подобно тому как англичане сделали уже это на Кипре и в Египте, а теперь грозили повторить на побережье Персидского залива.

Перспектива постройки немцами железной дороги в этот заповедник британского империализма сразу же встревожила Лондон. Железная дорога означала проникновение немецких товаров. Она давала бы возможность подвозить войска на подступы к Британской Индии. Междуречье Тигра и Евфрата (современный Ирак) и побережье залива рассматривались в Лондоне как своего рода кордон на дальних подступах к индийской границе.

Особенное беспокойство по поводу проектов «Дейче банк» проявляли англо-индийские круги и, кажется, больше всех вице-король Индии лорд Керзон. Чужой порт на Персидском заливе эти круги — да и не только они — рассматривали как угрозу Индии. Появление немцев в этих краях могло подорвать монопольное положение английского империализма на путях и подступах к «жемчужине британской короны» — на самом заливе, в Аравийском море, в Южной Персии и на Аравийском полуострове. Англичане держали в своих руках судоходство по Шатт-эль-Арабу, Тигру и Евфрату — главное средство сообщения в условиях тех бездорожных мест. Короче говоря, железная дорога наносила бы удар по позициям Англии в весьма важном для нее районе.

Английское правительство приняло некоторые меры предосторожности. Наиболее целесообразным конечным пунктом Багдадской железной дороги на побережье Персидского залива мог бы служить Кувейт, располагавший прекрасной гаванью. Местный шейх был довольно независим от турецкой администрации. Английское правительство (через вице-короля) заключило с шейхом секретный договор: он обязывался не уступать принадлежавшей ему территории никакой державе и не принимать у себя представителей иностранных правительств без согласия британского. Главное же, шейх поступал к англичанам на содержание: ему была назначена субсидия в 15 тыс. индийских рупий. Ему были также обеспечены «добрые услуги» английского правительства в различных делах, интересующих этого феодального властителя. «Правительство Индии было уполномочено предотвратить силой любую попытку турок напасть на Кувейт»[1]. Таково было содержание тайного договора, подписанного 23 января 1899 г.

[1] «British Documents», vol. I, p. 333.

Это был образчик дипломатии колонизаторов. Договор устанавливал английский протекторат над удобным портом в Персидском заливе и препятствовал выходу сюда германской железнодорожной колеи. В 1901 г. султан по наущению из Берлина послал в Кувейт войска, чтобы привести к покорности неверного вассала. Англичане направили в Кувейт крейсер и не допустили туда турок. 6 сентября 1901 г. Турции было навязано соглашение, запрещавшее ей посылку войск в Кувейт. Со своей стороны Англии пришлось принять на себя аналогичное обязательство. Заметим, что нефть, составляющая в наше время главное богатство Кувейта, была обнаружена там позднее.

В дальнейшем, весной 1903 г., Ленсдаун сделал многозначительное правительственное заявление в палате лордов: создание какой-либо державой морской базы в Персидском заливе будет рассматриваться английским правительством как серьезная угроза интересам Англии. «Мы несомненно будем противодействовать этому всеми средствами, находящимися в нашем распоряжении». В ноябре вице-король Индии Керзон совершил демонстративную поездку по заливу в сопровождении индийской эскадры британского военного флота[1]. В Южной Персии было учреждено несколько новых английских консульств, в Британском Белуджистане сооружена дорога к персидской границе и принят ряд других мер для упрочения влияния британского империализма.

Но внутри английской финансовой олигархии имелась в высшей степени влиятельная группировка, которая высказалась против всякого противодействия «Дейче банк» и германскому правительству в их турецких предприятиях. Это была южноафриканская группа монополистов во главе с Сесилем Родсом. Ее поддерживал дом Ротшильдов. В правительстве ее по-прежнему представлял Джозеф Чемберлен. Эта мощная группа готовила войну против буров ради захвата несметных богатств Южной Африки. Южноафриканские монополисты готовы были на многое, лишь бы только Германия не мешала им захватить бурские республики.

«Дейче банк» это было известно. У него установился тесный контакт с представителями южноафриканских монополий. Не лишено интереса, что, отправляясь вслед за кайзером в Константинополь, Сименс взял с собой свою дочь и вместе с нею дочь Джозефа Чемберлена. А немногим позже, 10 марта 1899 г., в Берлин приехал Сесиль Родс. На следующий же день он был принят Вильгельмом II. Родс прибыл хлопотать о проекте, с которым он носился уже несколько лет. Речь шла о сооружении железнодорожной и телеграфной линий от Капштадта до

[1] *P. Sykes.* A history of Persia, vol. II, p. 379—380.

Каира. Фактически оставалось проложить рельсовый путь от Булавайо в Родезии до соединения с южной оконечностью египетской железнодорожной сети, ибо от Капа до Булавайо дорога уже была построена. Трассу можно было продолжить либо через Бельгийское Конго, либо же через Германскую Восточную Африку. Родс уже побывал в Брюсселе, но договориться с Леопольдом ему не удалось: тот заломил слишком высокую цену. В Берлине же Родса встретили с распростертыми объятиями. О телеграфе было тотчас же достигнуто формальное соглашение. Что касается железной дороги, то к ее сооружению через германскую территорию тоже отнеслись благожелательно, но этот вопрос оказался более сложным и не был разрешен до конца. Родс просил кайзера и его советников не препятствовать Англии в Южной Африке и за то соглашался предоставить немцам свободно орудовать в Турции. По сути, Родс заключил с немцами еще одно соглашение о разделе мира между капиталистическими монополиями и их правительствами: германское правительство отступалось от буров, предавало их полностью и предоставляло свою поддержку проекту Капштадт — Каир. В обмен английские монополисты обещали не мешать «Дейче банк» развивать свои предприятия в Турции. Но сделка эта не была оформлена на бумаге. Она осталась устным сговором и оказалась недолговечной.

Чемберлен рассчитывал даже на большее. Кроме отказа немцев от поддержки буров он думал получить от них еще и другие услуги, например в Марокко, включая согласие Германии на захват Англией Танжера. Английский министр колоний поддерживал усилия Сименса заполучить участие английского капитала в багдадском предприятии.

В последнем Чемберлен не успел. Серьезные переговоры об участии английского капитала тогда не развернулись. Они начались только позже, в 1902—1903 гг., и закончились полным провалом [1]. За участие в «Обществе Багдадской дороги» выступал ряд крупнейших банкирских домов Сити во главе с Ротшильдом и Ревельстоком, главой фирмы Бэринг. Оппозицию возглавляли: компания Линч, которая располагала фактической монополией на пароходство по рекам Месопотамии, судоходная компания «Peninsular and Oriental Steam Navigation Company», поддерживавшая рейсы из Англии в Персидский залив и в Индию и тоже являвшаяся почти что монополистом в сфере своей деятельности. Главное же, оппозицию возглавляло правительство Британской Индии. В конце концов эти силы взяли верх [2]. Но случилось это много позже, в 1903 г.

[1] «British Documents», vol. I, p. 333—334.

[2] См. *Г. Л. Бондаревский.* Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток, стр. 265—266, 286—287.

Во время же борьбы за предварительный концессионный договор после провала проекта Рехницера со стороны английского правительства серьезного сопротивления не оказывалось: обеспечив свои позиции в Кувейте, оно склонялось в пользу партнерства с «Дейче банк» в его железнодорожном предприятии в Турции.

Переговоры о концессионном договоре

Пожалуй, больше всего возни доставили «Дейче банк» и ревностно его поддерживавшей германской дипломатии сами турки. Прежде всего имелись разногласия относительно трассы дороги. Султан предпочел бы провести ее на Багдад от Анкары. Сименс и Цандер настаивали на более южном направлении — от Коньи. Такая линия была бы короче, проходила бы по менее сложной местности, дальше от русской границы и вызвала бы меньшее противодействие со стороны русского правительства. Вместе с тем линия от Коньи дешевле обходилась и требовала меньших сумм по километрическим гарантиям от турецкой казны. Султану пришлось уступить.

Но на этом споры не закончились. Маршаль объяснял задержку переговоров очень просто: «Геометрическая аксиома, что прямая составляет кратчайшее расстояние между двумя точками, турку в деловых отношениях незнакома. Турок предпочитает окольную дорогу, хотя бы она вела через пропасти, горы и обрывы. Усложнение простых вещей рассматривается здесь как дело, полезное для блага государства»[1]. Вероятно, Маршаль был прав в такой оценке турецких порядков времен Абдул-Гамида. Но причины проволочек со стороны Турции этим, безусловно, не исчерпывались. У турок были веские политические соображения, заставлявшие их медлить и соблюдать осторожность. Султана смущала возможность массового наплыва немцев в Турцию и колонизации ими Малой Азии в результате постройки там немецкой железной дороги. Это вынужден был признать сам Маршаль, докладывая о ходе переговоров по поводу железнодорожной концессии. «Постепенно у турок создалось тревожное чувство, — писал он, — что вследствие постоянного увеличения числа иностранных предприятий их собственное влияние на экономическое и политическое развитие страны уменьшается, а иностранное возрастает»[2]. Короче говоря, турецкие правящие круги понимали, что они перестают быть хозяевами в своем доме. Султану очень хотелось, чтобы новая дорога стала собственностью турецкой казны, а «Общество анатолийских дорог» выступало бы в качестве подрядчика-строителя, а затем арендатора, эксплуатирующего дорогу.

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 3992, S. 498.
[2] Ibidem.

Германское правительство по согласованию с «Дейче банк» решительно отклонило это предложение. После долгих споров переговоры завершились 27 ноября 1899 г. В этот день султан издал ирадэ о предоставлении «Обществу анатолийских железных дорог» предварительной концессии на условиях, выдвинутых немецкой стороной: Общество обязывалось в течение восьми лет построить железную дорогу от Коньи до Багдада и Басры. Дорога составит собственность «Общества анатолийских дорог», но за турецким правительством останется право выкупа ее на определенных условиях. Турецкое правительство обязывалось обеспечить гарантию доходности с каждого километра дороги, размер которой должен быть установлен дополнительным соглашением. На этих началах султан поручал своему правительству заключить предварительный концессионный договор. Через год «Общество анатолийских дорог» обязывалось представить Порте проект окончательной конвенции. Изыскательные работы должны были начаться незамедлительно. На основе этого ирадэ 23 декабря 1899 г. предварительный концессионный договор и был подписан. Ни на что большее, чем на такое предварительное обязательство турецкого правительства, немцы в 1899 г. не претендовали и претендовать не могли. Они просто не в состоянии были предложить проект окончательного договора. У них не было еще данных ни о точной трассе, ни о стоимости постройки, ни о доходности дороги[1]. «Дейче банк» крайне торопился устранить возможных конкурентов и закрепить за собой важное предприятие, обеспечивающее экономическое и политическое влияние в Малой Азии и Месопотамии. И этого банк добился с помощью германской дипломатии.

Окончательный договор был подписан, однако, лишь после новых долгих препирательств о размерах километрической гарантии и о трассе будущего рельсового пути. Чтобы преодолеть сомнения и волокиту со стороны турок, «Дейче банк» устроил султану заем и дал турецким сановникам колоссальную взятку в 10 миллионов франков. Подписание договора состоялось 5 марта 1903 г.[2] Он обеспечивал германскому капиталу изрядные прибыли за счет турецкой казны, а вернее, турецкого налогоплательщика. Для строительства дороги от Коньи до Багдада и Басры «Общество анатолийских железных дорог», а фактически его хозяин «Дейче банк», создавало новую компанию — «Общество Багдадской железной дороги». Предусматривалось также сооружение нескольких боковых веток, в том числе к Ханекину на персидской границе. Отсюда

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 3992, S. 493.

[2] «Bagdad Railway» № 1 (1911), Cd. 5635. Stationary Office, London, May 1911, p. 2—13.

германские товары грозили вскоре хлынуть в Персию, где до того русские и англичане не знали никакого третьего конкурента. Два вопроса остались неразрешенными: не был определен конечный пункт дороги на берегу Персидского залива, главное же, не были определены источники покрытия километрической гарантии. Без разрешения второго вопроса концессионеры не собирались приступать к строительству [1].

Багдадская дорога и царская Россия

У Багдадской дороги, как германского предприятия, имелось два главных противника: английский империализм и империализм русский. Первый промолчал ввиду крайней занятости другими империалистическими предприятиями. Про второй этого сказать нельзя.

Правда, немцы выбрали такой момент, когда не только Англия была поглощена захватнической войной в Южной Африке, но и царское правительство увязло в авантюрах на Дальнем Востоке. Тем не менее в Петербурге не отнеслись безучастно к внезапно развернувшейся бурной экспансии германского империализма на Ближний Восток. Там сразу поняли все значение происходящего: германская стальная колея грозила как бы перерезать выход из Черного моря. Царское правительство не без основания полагало, что захват немцами важных экономических позиций в Турции может привести к политической гегемонии Германии в этой стране, включая район проливов и столицу.

Правда, на месте событий, в Константинополе, русская дипломатия в отличие от английской официально соблюдала нейтралитет в отношении турецко-германских переговоров о концессии. При отсутствии свободных капиталов Россия не могла противопоставить «Дейче банк» какой-либо свой проект, как это сначала пыталась сделать Англия [2]. Но это не значит, что царская дипломатия бездействовала. Она завязала с немцами переговоры, исход которых имел важные последствия.

15 апреля 1899 г. русское правительство через своего посла в Германии Остен-Сакена предложило Бюлову заключить соглашение о Малой Азии. Бюлов сказал, что не может сейчас ответить «ни да ни нет, но ожидает конкретных предложений» [3]. 24 апреля таковые последовали. Остен-Сакен посетил Бюлова. Россия, заявил он, желает сохранения турецкого государства и совершенно не намерена вызывать его распад. Но она не в состоянии считать, что государство султана является долговечным.

---

[1] См. *Г. Л. Бондаревский.* Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток, стр. 208.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 3992, S. 504—505.

[3] Ibid., № 4017, S. 540.

В случае, если Османская империя распадется, Россия не сможет потерпеть утверждения в Константинополе какой-либо другой державы. На случай ее распада Россия должна иметь уверенность в том, что получит проливы и тем самым ключ к Черному морю.

Сообщая все это, Остен-Сакен сделал вид, что говорит от себя лично. Его министр — Муравьев — очень-де склонен договориться с Англией. Нельзя ли, спрашивал русский дипломат, для предотвращения столь нежелательного оборота дел подготовить и представить царю проект соглашения, в котором Германия успокоила бы Россию насчет проливов, а Россия в свою очередь предоставила бы немцам свободу рук в Малой Азии?

Бюлов обещал подумать [1].

Результат размышлений был отрицательный. Фактический вдохновитель немецкой дипломатии Гольштейн решительно выступил против всякого соглашения с Россией. Аргументация у него была старая: такое соглашение взорвет Тройственный союз. В конце концов в Берлине было решено отклонить русское предложение.

Отказ Бюлов хотел завуалировать. При очередной встрече, когда русский посол снова затронул вопрос о русско-германском соглашении, Бюлов объявил, что готов заключить с Россией даже союз. И не только с Россией, но и с ее союзницей Францией. Однако только при одном обязательном условии: если все трое взаимно гарантируют друг другу свои нынешние владения.

Остен-Сакен ответил, что Франция не готова к этому; она не захочет отказаться от мысли о возвращении Эльзас-Лотарингии.

Именно на такой ответ Бюлов и рассчитывал: он намеревался переложить на партнера ответственность за отказ от соглашения.

По сути дела, маневр Бюлова был грубым и бил мимо цели. Ведь вовсе не о союзе его просили. Остен-Сакен дал ему это понять и вновь поставил вопрос о заключении с Германией письменного соглашения о проливах.

— А что же Россия письменно обещает за это нам? — цинично спросил Бюлов.

— Свободу рук в области промышленной и коммерческой деятельности в Малой Азии; русско-германское сотрудничество там и даже в Персии, — гласил ответ.

Бюлов не поддержал этой идеи. Он не высказал послу никакого мнения [2]. По существу же его молчание означало отказ.

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 4018, S. 542—543.
[2] Ibid., № 4020, S. 547.

Царское правительство было настолько обеспокоено упрочением германского влияния в Турции, что, несмотря на отрицательный результат зондажа Остен-Сакена, решило повторить попытку. Уже не посол, а сам русский министр возобновил предложение германскому послу в Петербурге: за признание русских интересов в проливах Россия одобрит немецкие действия в Малой Азии.

Слова Муравьева привели кайзера в ярость. Он начертал на полях донесения посла: «Сколь бесконечно великодушно и милостиво! Приблизительно так, должно быть, разговаривал Николай I с Фридрихом-Вильгельмом IV. Но при мне дела, черт возьми, обстоят иначе! Прошу Вас! Каблуки вместе, стоять смирно, г-н Муравьев, когда говорите с германским императором» [1]. Эта нелепая тирада раскрывает крайнее недовольство германских правящих сфер русскими предложениями.

Что касается непосредственного собеседника Муравьева — посла Радолина, то он, в стиле Бюлова, отделался от министра малосерьезными замечаниями о том, что никакого конфликта между Германией и Россией быть якобы не может. Интересы у них разные: у России — политические, у Германии — только коммерческие. Радолин сослался также на союз России с Францией как на препятствие для русско-германского соглашения.

8 ноября Николай II нанес Вильгельму визит в Потсдаме. Ни царь, ни сопровождавший его Муравьев уже не возвращались к вопросу о соглашении. Муравьев ограничился тем, что выразил пожелание, чтобы немцы не строили в Турции таких линий, которые бы «прямо противоречили русским стратегическим или финансовым интересам. Было бы необходимо, — продолжал он, — чтобы Германия предварительно информировала Россию о своих планах в этой области. Тогда было бы легко избегнуть недоразумений» [2]. Это было Муравьеву обещано Бюловом. Но соблюдать обещание в Берлине, по-видимому, сочли делом излишним [3].

Много жалоб и опасений вызывала в Петербурге деятельность германского военного атташе в Турции Моргена. Он подавал советы султану об укреплении Босфора и развивал подозрительную для русских активность в местностях, примыкающих к Закавказью.

Истинная причина немецкого отказа от предложенного с русской стороны договора заключалась в том, что положение Германии представлялось в это время руководителям ее политики исключительно благоприятным. После захвата

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 4022, S. 554.
[2] Ibid., Bd XIII, № 3548, S. 229.
[3] См. *Л. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 500.

Порт-Артура Россией и в связи с подготовкой войны в Южной Африке Англия добивалась немецкой дружбы. Франция пошла в Турции на сделку с Германией. При таких условиях германская дипломатия не видела надобности ограничивать свои аппетиты на Ближнем Востоке. Она считала лишним связывать себе руки. Зачем заключать соглашение с Россией, когда, казалось, гораздо выгоднее продолжать балансирование между Россией и Англией, наживаясь за счет их обеих. Гольштейн и Бюлов преувеличивали остроту англо-русских противоречий и считали, что двум соперницам никогда не удастся договориться друг с другом, а тем более объединиться против Германии.

Зачем же при такой выгодной для Германии обстановке считаться на Ближнем Востоке с интересами России или Англии?

Экспансия на Дальнем Востоке сковала силы царской России. Ее дипломатия не смогла приостановить проникновение Германии в Турцию. Русское правительство пыталось, правда, добиться у султана отказа от окончательного оформления концессии или хотя бы его отсрочки. Но эти усилия остались безрезультатными. Германское влияние оказалось в Константинополе более сильным. Чего же тут Германии было церемониться?

Буржуазная немецкая печать почти единодушно приветствовала сооружение Багдадской железной дороги. Социал-демократия сначала утверждала в своих газетах, что поездка кайзера в Турцию не имеет никакого значения. Затем она осудила его путешествие как «излишество и жажду подвигов мировой политики»[1]. Но никакой массовой кампании протеста против затевавшейся империалистической авантюры, чреватой гибельными последствиями для всеобщего мира и для самой Германии, социал-демократы не развернули. Их «сопротивление» империалистической авантюре практически ограничивалось речами в рейхстаге да отдельными газетными статьями. Реформистское же крыло социал-демократической партии выражало одобрение проекту постройки Багдадской дороги.

Русско-турецкое соглашение

Частично русскому военно-феодальному империализму все же удалось оградить свои интересы. «Заботы императорского правительства, — писал 5 апреля 1900 г. русский министр иностранных дел в циркулярном письме послам, — должны направляться к тому, чтобы не допустить утверждения политического преобладания какой бы то ни было иностранной державы

---

[1] См. *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 492, 503.

в пределах Малой Азии» [1]. Раньше само турецкое правительство не допускало туда иностранцев. Теперь, продолжал Муравьев, положение изменилось. Ввиду этого «настоятельно возникла необходимость во всяком случае оградить от иностранного захвата местности, соприкасающиеся с нашей кавказской границей и южным побережьем Черного моря при посредстве особого соглашения с Оттоманским правительством». После долгих настояний 31 марта 1900 г. царской дипломатии удалось получить от турецкого правительства формальное обязательство. Оно имело форму письменного заявления, подписанного министром иностранных дел. В случае, если турецкое правительство, говорилось в нем, «сочтет своевременным строительство железных дорог» в Малой Азии, «в зоне, прилегающей к Черному морю, и в случае, если оно не станет их строить само, оно предоставит концессии на эти линии русским капиталистам». Условия будут «совершенно одинаковы» с условиями концессии на Багдадскую дорогу. При строительстве железных дорог в упомянутой зоне должны быть приняты во внимание коммерческие интересы обоих государств, т. е. России и Турции. «Ветвь от Ада-Базара до Гераклиэ, строительство которой уже решено, а также линия Анкара, Кайсери, Сивас, Харпут, Диярбакыр и Ван составляют исключение».

Таково было содержание декларации турецкого правительства. Поясняя ее смысл, русский посол в Турции Зиновьев писал по начальству: «Предполагаемая турецким правительством железная дорога от Анкары через Кайсери, Сивас, Харпут и Диярбакыр до Вана, каковая, вероятно, никогда не осуществится, должна считаться как бы южной границей выговоренной нами... зоны» [2].

Железнодорожные вопросы не исчерпывали русско-германского конфликта из-за влияния в Турции. В Петербурге были обеспокоены и раздражены усилением германских позиций в турецкой армии. В ней росло число германских офицеров, так же как увеличивалось количество немецких советников в гражданских ведомствах.

Царское правительство крайне опасалось проникновения немцев в Турцию. Они хотят «включить в союз против нас Турцию, охватить наши границы от Эрзерума до Полангена» [3]

---

[1] АВПР, фонд Политархив, д. № 3659, л. 175—177. Циркулярное письмо Муравьева от 5 апреля (23 марта) 1900 г.

[2] Там же, л. 202—207. Депеша Зиновьева № 58 от 6 апреля (24 марта) 1900 г. и приложенный к ней текст декларации турецкого правительства от 31 марта.

[3] «Красный архив», 1932, т. 5—6 (54—55), стр. 59. Из дневника А. Н. Куропаткина.

(на Балтике. — *В. Х.*) — так выразил существо этих опасений военный министр генерал Куропаткин. «Нам следует, — писал Николай II, — совершенно ясно и категорически выяснить цель более чем дружеской связи германского императора с турецкой армией» [1].

Так, интересы монополистического капитала побуждали Германскую империю протягивать руки к богатствам Ближнего Востока. Здесь эти интересы вовлекли Германию в новые серьезные конфликты — и с Россией и с Англией. «Дейче банк» готовился класть в карман прибыли от своих турецких предприятий. Кайзер наслаждался украшением своей короны.

Руководители германской дипломатии Гольштейн и Бюлов не понимали реального положения Германии. Первый, запершись в кабинете, подозрительно и скрупулезно анализировал каждую мелочь. Он изыскивал какие-то тайные опасности, связанные, по его мнению, со всяким соглашением с Россией. Изобретая опасности тайные, Гольштейн не замечал явных и действительно страшных: заключались они в том, что Германия шла навстречу конфликтам и с Россией и с Англией сразу.

Второй из этих двух деятелей, блистая с трибуны рейхстага и на дипломатических приемах, старался легкомысленной болтовней скрыть факты от глаз противников и изобразить проникновение могучей германской державы в крупнейшую страну Ближнего Востока как невинное коммерческое дело. Возмездие пришло не сразу. Но через несколько лет оно пришло. Имя ему было — Антанта.

Но уже теперь, на пороге нового столетия, стало анахронизмом знаменитое изречение старого Бисмарка о том, что для Германии весь Восток не стоит костей даже одного померанского гренадера...

Гаагская конференция 1899 г.

Одновременно с развертыванием экономической экспансии Германия безостановочно увеличивала свои вооружения на суше и на море. Конец 90-х годов ознаменовался новым этапом в развитии военной техники и в гонке вооружений. Почин снова исходил от Германии: ее армия приняла на вооружение скорострельную полевую пушку. Германская полевая 77-миллиметровая пушка образца 1896 г. делала 6—10 выстрелов в минуту, в то время как ранее число выстрелов равнялось 1—2. За Германией последовала Франция, введя известную 75-миллиметровую пушку образца 1897 г. Но в России и Австро-Венгрии перевооружение артиллерии наталкивалось на недостаток

[1] Цит. по кн.: *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 502. Прим. 157.

денежных средств. Военный министр Куропаткин предложил договориться с Австро-Венгрией: обоюдно отложить перевооружение артиллерии[1]. Эта идея была отвергнута, ибо обрекала русскую армию на отставание по сравнению с армиями других держав. Но мысль русского правительства продолжала работать в направлении возможного сокращения издержек без относительного уменьшения военной мощи.

Финансовая нужда навела русское правительство на мысль выступить с проектом созыва первой международной конференции по ограничению вооружений. Это и было сделано 24 августа 1898 г.

В этот день российский министр иностранных дел Муравьев вручил меморандум всем аккредитованным в Петербурге иностранным дипломатическим представителям. Правительства призывались приступить к изысканию «на путях международной дискуссии наиболее действенных средств к тому, чтобы обеспечить всем народам блага действительного и прочного мира, и прежде всего — положить конец прогрессирующему развитию вооружений».

Русское правительство предлагало созвать конференцию для обсуждения этих вопросов.

Этот акт царского правительства поставил перед империалистической дипломатией новую задачу — маневрирование по вопросу о разоружении. Как правило, такое маневрирование проводилось и проводится дипломатией империалистических государств в двух основных направлениях: во-первых, в целях обмана масс и ослабления народного протеста против гонки вооружений. Эти дипломатические цели достигаются обычно посредством инсценировки мнимых усилий по разоружению. Во-вторых, «разоружительные» маневры нередко предпринимались ради того, чтобы повлиять на соотношение вооруженных сил между державами, изменив его в свою пользу — например, посредством запрещения или ограничения тех видов оружия, в которых противник более силен. В обоих случаях на буржуазную дипломатию возлагалась еще одна важная задача: позаботиться о переложении на другие государства ответственности за срыв дела разоружения и за продолжение гонки вооружений. В той или иной мере задачи эти возникли уже в 1898—1899 гг. — в связи с первым опытом постановки вопроса о разоружении, пионером которого выступила Россия.

Русское правительство конкретизировало программу предложенной конференции 11 января 1899 г. Первый пункт его предложений достаточно ясно говорил о финансовых мотивах русской инициативы. В нем предусматривалось «заключение

[1] См. «Красный архив», 1932, т. 1—2 (50—51), стр. 70—73. Письмо военного министра Куропаткина Муравьеву от 13 марта 1900 г.

международного соглашения на подлежащий установлению срок, устанавливающего неувеличение существующих размеров состава мирного времени сухопутных и морских сил». На тот же срок предлагалось заморозить и существующий уровень военных бюджетов. В русском проекте далее предлагалось изучить возможность в будущем уже не замораживания, а сокращения и того и другого — и численности вооруженных сил и размера бюджетов.

Русское правительство не упускало из виду пропагандистской стороны дела: оно вносило предложение, рассчитанное на завоевание популярности. Немалую роль играл и страх перед революционным протестом народных масс: «...новейший милитаризм, — указывало царское правительство, — дает мощное орудие в руки растлевающей пропаганде социализма» [1]. Болтовня о разоружении должна была помочь в борьбе против революции. Но главная цель заключалась все-таки в том, чтобы сохранить существующее соотношение сил без новых расходов, которые царизму было гораздо труднее покрывать, чем его соперникам — германскому и английскому империализму. Численность русской армии была достаточно большой, и увеличивать ее не было военной необходимости, не говоря уже — финансовой возможности. При таком положении было бы выгодно заморозить военные расходы.

Кайзер Вильгельм разгадал смысл русского предложения с неожиданной проницательностью и остротой, свойственной иногда крайним неврастеникам. «Вся конференция, — писал он, — в большей или меньшей степени направлена против нашего военного развития, которое Россия желала бы застопорить, с тем чтобы противостоять нам с более слабых, неполноценных позиций. Им денег не хватает» [2].

Вильгельм и его советники были решительными противниками русского предложения. Они не желали и думать о каком бы то ни было разоружении или ограничении вооружений. С редкостным нахальством они послали в качестве одного из немецких представителей на мирную конференцию некоего профессора Штенгеля, только что выступившего с публичным докладом, направленным против идеи вечного мира. Война является, по мнению уважаемого профессора, необходимой принадлежностью божественного порядка вещей. Об этом, по словам Штенгеля, с полной несомненностью свидетельствует священное писание...

Подбирая представителей такого сорта, германская дипломатия шла в Гаагу с твердым намерением провалить любое

[1] «Красный архив», 1932, т. 1—2 (50—51), стр. 74. Записка МИД от 5 апреля (24 марта) 1898 г.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XV, № 4257, S. 196, прим.

противодействие гонке вооружений. Ей очень хотелось свалить на Англию одиум отказа от русского предложения о замораживании вооружений. Но сделать этого она не сумела: немецкие делегаты на конференции сразу же опрометью ринулись в бой.

Французские правящие круги и особенно армия тоже были недовольны инициативой своей союзницы. Во Франции возникли опасения, что разоружение будет равносильно отказу от всех чаяний на возвращение Эльзаса и Лотарингии. Больше всего французов беспокоил вопрос, не предложит ли Россия прекратить перевооружение армий скорострельной полевой пушкой — французская армия в этом деле продвинулась вперед весьма значительно и не желала отказываться от прекрасного образца, принятого ею на вооружение. Успокаивать союзника в Париж поехали сразу и Муравьев и Куропаткин. Страхи насчет Эльзас-Лотарингии и 75-миллиметровой пушки русские министры рассеяли [1]. Но французской поддержки в вопросе о прекращении новых вооружений им обеспечить не удалось.

Строго говоря, позиция английского правительства была не менее отрицательной. «Что касается предложения ограничить морские силы, — так гласило заключение лордов адмиралтейства, — то их лордства полагают... что невозможно обеспечить, чтобы условия какого-либо соглашения выполнялись». «Предложение запретить усовершенствование оружия», по мнению достопочтенных лордов, отвечало бы «интересам диких народов» и было бы, следовательно, «ретроградным шагом». Не иначе обстояло дело в отношении правил ведения войны: «Их лордства против того, чтобы связывать руки нашей стране» [2].

От адмиралтейства не отставало и английское военное ведомство: «Нежелательно, чтобы какое-либо обязательство ограничило численность и стоимость содержания вооруженных сил ее величества» [3]. Так гласили меморандумы обоих военных ведомств. И эти документы были переданы премьер-министром английской делегации в качестве официальной директивы, призванной определять ее линию на Гаагской конференции.

Американский делегат заявил, что США далеки от Европы. Поэтому американская военная политика европейских правительств не касается. Он давал понять, что это не их дело. В кулуарах член американской делегации, известный капитан Мэхен, высказывался еще откровеннее. Он говорил английскому представителю, что Соединенные Штаты никогда не согласятся даже и обсуждать вопрос о каком-либо ограничении

---

[1] См. «Красный архив», 1932, т. 1—2 (50—51), стр. 81—88. Записка Куропаткина от 31 октября 1898 г.

[2] «British Documents», vol. I, № 274, p. 224—225.

[3] Ibid., № 276, p. 226.

их морских вооружений. Он указывал, что США, наоборот, должны значительно увеличить свой военно-морской флот [1].

Но как бы ни относилось к идее разоружения то или иное правительство, от участия в конференции ни одно из них не отказалось. Конференция собралась в Гааге, в Голландии, 18 мая 1899 г. и заседала по 29 июля. Участвовали представители 26 государств.

Конференция заранее была обречена на неудачу: это вытекало из изложенной позиции руководящих держав. Наиболее рьяно против ограничения вооруженных сил выступила германская делегация. Другие участники конференции, охотно предоставив германским милитаристам шуметь по этому поводу, держали себя более сдержанно, а по существу были с ними заодно. Русские предложения частично и очень слабо поддержала итальянская делегация, если не считать робкого сочувствия со стороны некоторых малых стран. Оно и понятно: итальянское правительство испытывало еще более острую финансовую нужду, чем русское. Итак, по финансовым мотивам русское и отчасти итальянское правительства стояли за ограничение гонки вооружений, в то время как более богатые державы — Германия, следовавшая за ней Австро-Венгрия, Франция, Англия и США — выступали за необузданное продолжение этой гонки.

В итоге конференция ровно ничего не принесла в смысле разоружения; на ней не было достигнуто никакого соглашения даже об ограничении новых вооружений. Она, правда, разработала некоторые международные правила ведения войны, изложенные в двух конвенциях: о законах и обычаях сухопутной войны и о применении к морской войне начал Женевской конвенции (1864 г.) о защите больных и раненых. Трудно было бы перечислить случаи последующего постоянного нарушения международно-правовых норм, установленных в этих документах, со стороны различных буржуазных правительств.

Кроме этих конвенций были приняты декларации о запрещении на пятилетний срок «метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов», о «неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушливые или вредоносные газы», о запрещении разрывных пуль. Много споров вызвал проект обязательного международного арбитража. Вопросы, связанные с государственным достоинством и с «жизненными интересами» того или иного государства, решительно и единогласно исключались из сферы такого арбитражного разбирательства, но русские и англичане предлагали сделать его

[1] «British Documents», vol. I, № 282, p. 231.

обязательным для менее важных споров между государствами. Конференция приняла конвенцию «О мирном разрешении международных споров». В ней предусматривалось создание Постоянной палаты третейского суда с местопребыванием в Гааге. По настоянию Германии принудительный арбитраж был полностью отвергнут. Германский делегат откровенно объяснял в кулуарах, что арбитражная процедура может нанести Германии ущерб: Германия, говорил он, лучше всех подготовлена в военном отношении. У нее мобилизация и сосредоточение армии займут каких-нибудь 14 дней или немногим больше. Противники могут использовать арбитражную процедуру, чтобы выиграть время для военных приготовлений; так будут сведены на нет те преимущества, которые обеспечиваются Германии совершенством ее железнодорожной сети и мобилизационной системы.

Германский империализм продемонстрировал в Гааге свою особую агрессивность; в деле саботажа мер по ограничению вооружений он, бесспорно, взял первый приз. «Германия составляет военный центр тяжести Европы, и всякая идея об осуществлении любого сокращения нынешних военных тягот на суше, все равно большого или малого, неизбежно провалится, если не получит поддержки из Берлина. А оттуда она поддержки не получит; напротив... Германия ни при каких условиях не будет участвовать в каком-либо ограничении, еще менее — в сокращении вооружений» [1]. А при таких обстоятельствах ни Россия, ни Франция тоже не смогут сделать этого. Так оценивал положение компетентный английский военный, участвовавший в Гаагской конференции.

Начало англо-бурской войны

Прошло около года после того, как прекратились военные действия в Западном полушарии и лишь несколько месяцев после первой в длинном ряду разоружительных конференций. И уже вновь разразилась империалистическая война — на этот раз в южной части Африканского континента.

Единственной причиной этого конфликта было стремление английских капиталистических монополий установить свою политическую власть над золотыми приисками Трансвааля, экономически уже находившимися в их руках. Бурское государство, по мнению Родса и его лондонских друзей и компаньонов, не обеспечивало всех возможностей для извлечения максимальных прибылей. Ввиду этого они решили Трансвааль завоевать, а заодно и союзную с ним Республику Оранжевой Реки. Овладев Восточным Суданом и всем бассейном Нила,

[1] «British Documents», vol. I, № 282, p. 229.

английский империализм намеревался сделать следующий шаг в своих захватах в Африке.

При подготовке захвата Южной Африки задача английской дипломатии была двоякая: во-первых, она должна была изыскать такие предлоги для войны, которые маскировали бы истинную ее цель, являвшуюся слишком уж неприглядной; во-вторых, дипломатии необходимо было обеспечить невмешательство других держав.

В качестве предлога для войны английское правительство сознательно избрало вопрос о положении так называемых уитлендеров. Так именовались иностранцы, преимущественно англичане, которые наводнили Трансвааль после открытия золотых россыпей в Уитватерсранде. Бурское правительство отказывало этим искателям наживы в полноте политических прав. Оно боялось, что пришельцы оттеснят буров на задний план в собственном их государстве. Именно из вопроса об избирательных правах английская дипломатия и решила создать casus belli: нельзя же было открыто объявить народу, что людей посылают умирать ради прибылей господина Родса и банкирского дома Ротшильдов!

Общественность старались убедить в том, что бурское правительство угнетает англичан в Южной Африке. Пропаганда велась по целому ряду каналов. Поставку материала для нее в большой мере взяли на себя само английское правительство и его должностные лица. Они щедро подготовляли документы с нарочито пропагандистскими целями. Особенно большой шум удалось вызвать опубликованием одного из писем верховного комиссара в Южной Африке А. Мильнера министру колоний Чемберлену. Комиссар не жалел цветов красноречия: положение англичан в Трансваале сравнивалось в его письме с жалкой судьбой древнеспартанских илотов!

В Южной Африке действовала организованная золотопромышленными монополиями Южноафриканская лига, во главе которой стоял сам Сесиль Родс. Она возбуждала против буров английское население Южной Африки. И она же поставляла в изобилии взрывчатый материал для печати в Англии. Организовывались также петиции королеве от уитлендеров с жалобами на тяжкое их положение.

Пресса Англии, находившаяся в руках крупного капитала, вела энергичную кампанию. Английские империалисты следовали примеру американских: собираясь воевать за монопольные прибыли, они старались убедить свой народ и весь мир, что борются якобы за высокогуманное дело. Таким образом, совершенствовалась и укреплялась богатая традиция дипломатии англосаксонских стран по пропагандистскому прикрытию империалистической политики. Подготовка англо-бурской

войны явила в этой области новые шедевры ханжества и лицемерия. Буров, отстаивавших свою независимость, искусно выдавали за притеснителей англичан, а английских колонизаторов-поработителей — за людей угнетенных, борющихся за справедливость и демократические права.

Политически война в Южной Африке стала для Англии возможной с того времени, как был улажен фашодский конфликт. С этого времени английское правительство и южноафриканская группа капиталистических монополий взяли курс на обострение отношений с Трансваалем и Республикой Оранжевой Реки.

Переговоры с бурскими правительствами вел верховный комиссар Мильнер. Это был ставленник Родса и Чемберлена, представитель крайней империалистической группировки в английских правящих кругах. В согласии с Родсом, Чемберленом, Ротшильдами Мильнер поставил себе цель во что бы то ни стало довести с бурами дело до разрыва. Вместе с тем английскому правительству нужно было выиграть время. Оно хотело приучить общественное мнение Англии к мысли о неизбежности войны. Необходимо было также успеть сосредоточить в Южной Африке достаточные вооруженные силы.

Стоило бурам принять те или иные требования английской дипломатии, как англичане немедленно предъявляли новые. Расчет заключался в том, чтобы не позволить конфликту замереть. Чемберлен цинично писал Мильнеру 2 сентября 1898 г., что он поражен достигнутым «прогрессом»: «Три месяца назад мы не могли бы начать войну. Это значит, что нас не допустили бы до этого». Говоря так, Чемберлен имел в виду настроение народа и даже части буржуазной общественности. «Теперь нам уже будут оказывать достаточную поддержку, хотя все еще с величайшей неохотой и при наличии значительного меньшинства, которое все еще будет против нас». Но общественность окажет поддержку военному курсу только при условии, что политическая игра будет вестись правительством «по всем правилам», т. е. если все будет сработано достаточно умело и тонко. Если Крюгер примет требования насчет избирательных прав для уитлендеров, продолжал министр колоний, то надо будет предъявить ему ультиматум, содержащий такие требования, как признание британского сюзеренитета над Трансваалем, разоружение буров «и я не знаю, какие еще, которые с несомненностью принудили бы к войне».

«Но можем ли мы сделать это сейчас?» — спрашивал себя Чемберлен. «Нет еще», — гласил его ответ. Время для ультиматума еще не пришло. «Мы должны использовать до конца предложения об избирательных правах и получить ясный отказ (от буров. — *В. Х.*)... раньше, чем мы потребуем от них боль-

шего. Когда мы потребуем большего, это приведет к войне. Поэтому до того как мы сделаем это, нам необходимо иметь в Южной Африке достаточные силы»[1].

В сентябре — октябре 1899 г. в Лондоне уже обдумывали условия ультиматума, который предполагалось вручить правительству Трансвааля. В то же время в Южную Африку направляли войска из Англии и Британской Индии. Оба бурских правительства знали, что английское правительство обязательно начнет против них войну. Они знали также, что в данный момент военные приготовления Англии еще не закончены. Они решили, что с их стороны неразумно предоставлять англичанам время для завершения военной подготовки. Опережая противника, они направили ему ультимативное требование отвести войска и вернуть обратно части, находившиеся в пути. Английское правительство отказалось рассматривать эти требования. 11 октября 1899 г. началась англо-бурская война.

Вооруженные силы буров быстро нанесли англичанам несколько значительных поражений. Но колонизаторы подвозили подкрепления. Весной 1900 г. они перешли в наступление. После упорной борьбы английские войска заняли обе столицы бурских республик — Преторию и Блюмфонтэйн. К осени 1900 г. многим наблюдателям казалось, что победа англичанами уже одержана.

Однако к концу года выяснилась полная ошибочность таких предположений. Английским империалистам пришлось убедиться, что сопротивление противника не сломлено. Буры начали партизанскую войну. Англичане оказались хозяевами лишь тех пунктов, где стояли их воинские части. Вокруг простиралась враждебная страна, которая кишела партизанскими отрядами. Они непрерывно угрожали английским коммуникациям и не позволяли англичанам удаляться сколько-нибудь от места расположения их воинских частей. Так как Англия, имея громадный флот, располагала сравнительно небольшой армией, то справиться с бурскими партизанами оказалось очень трудно. В Южную Африку пришлось перебросить до 250 тыс. человек. Понадобилось более двух лет упорной борьбы, пока буры наконец не запросили мира.

Неспособность справиться с таким малым народом, как буры, нанесла чувствительный удар военному и политическому престижу Англии. Англо-бурская война началась в условиях обострения как англо-русских, так и англо-французских отношений. Во Франции антианглийская пропаганда после Фашоды достигла апогея: часть прессы даже провозглашала лозунги «Нил — за Рейн!», «Пирамиды — за Страсбургский собор!».

---

[1] *J. L. Garvin.* The life of Joseph Chamberlain, vol. III, p. 458—459.

В России позиция и правительства и газет тоже была неблагоприятной для Англии. Между берлинским же и лондонским правительствами складывались странные отношения: в дипломатических беседах упоминалась даже возможность союза, и в то же время то и дело проявлялась затаенная крайняя ненависть. Германская печать была куда враждебнее к Англии, чем даже русская и французская. Фактически английское правительство не имело друзей в Европе, оно было изолировано и опасалось, как бы державы не воспользовались затруднениями, порожденными для него войной в Южной Африке. О былой «блестящей изоляции» Великобритании говорить уже не приходилось: изоляция, правда, осталась, но блеск ее померк.

Английская дипломатия старалась застраховать Англию от иностранного вмешательства в войну. Телеграмма кайзера Крюгеру, немецкие попытки создать континентальный блок против Англии — все это заставляло в первую очередь опасаться серьезного вмешательства со стороны Германии. Соглашение 1898 г. о разделе португальских колоний было направлено именно на то, чтобы купить нейтралитет Германии в Южной Африке.

Чтобы закрыть пути для вмешательства держав континента в англо-бурские отношения, английскому правительству надобно было предотвратить возможность сговора друг с другом обеих континентальных группировок. С Россией отношения у Англии немного улучшились, поскольку в 1899 г. с ней было достигнуто соглашение о сферах железнодорожного строительства в Китае. С Францией — улажен фашодский кризис и подписано соглашение о размежевании в Центральной Африке. Но историки согласны в том, что ключ к обстановке находился в Берлине: без уверенности в благожелательном отношении Германии ни Россия, ни тем более Франция не решились бы на серьезный конфликт с Англией.

Англо-бурская война и Германия. Раздел островов Самоа

Вильгельм II и его правительство хорошо знали, что Англия нуждается в германской дружбе. Они постарались не упустить благоприятного момента. Соглашение о разделе португальских колоний их не удовлетворяло: в сущности, оно заключало одни лишь посулы на будущее (они еще не догадались, что соглашение таит в себе обман). Германские правящие круги хотели извлечь из затруднений Англии более осязательные колониальные выгоды. И вот в августе 1898 г. германская дипломатия поставила вопрос о разделе архипелага Самоа.

Борьба за эти тихоокеанские острова уже имела свою историю. С 1889 г. над Самоа был установлен кондоминиум трех держав — Германии, Англии и Соединенных Штатов. Теперь

германское правительство задумало получить архипелаг или хотя бы часть его в полное свое владение. Оно рассчитывало создать там военно-морскую базу для своего флота в тихоокеанских водах.

Английскому кабинету очень не хотелось отдавать Германии Самоа. Немецкое предложение о разделе архипелага встретило оппозицию со стороны правительств Австралии и Новой Зеландии. Английская дипломатия старалась мобилизовать и США для противодействия германским замыслам.

Позиция Соединенных Штатов не вполне совпадала с английской. США еще в 1878 г. заключили договор с самоанским королем и обеспечили себе «право» на устройство угольной станции в прекрасной гавани Паго-Паго на острове Тутуила. В 1898 г. американские империалистические круги развили значительную активность в пользу аннексии всего архипелага. Правительство Мак-Кинли, только что закрепив за США Филиппины, Гуам и Гаваи, захватив в январе 1899 г. остров Уэйк, весьма склонно было приобрести на Тихом океане еще одну базу. Это не значит, что в вопросе о Самоа правительство США было согласно с германским: разделу Самоа американские империалисты предпочли бы захват всего архипелага. Немецкое соседство на нем представлялось им обременительным. В споре о Самоа, несмотря на имевшиеся разногласия, США все-таки держались ближе к Англии.

Не встретив сочувствия у своих партнеров, германское правительство решилось добиться своей цели иными средствами. Его действия могут рассматриваться как типический образчик методов колониальной дипломатии. Кайзеровское правительство затеяло на островах смуту, чтобы скомпрометировать и разрушить систему кондоминиума. Повод начать на архипелаге большую свару предоставила немцам смерть самоанского короля: он скончался как раз вовремя для них, в августе 1898 г. А в следующем месяце на германском корабле на Самоа был доставлен его соперник Матаафа — находившийся в изгнании претендент на самоанский престол. Матаафа пользовался поддержкой многих самоанских племенных вождей. С помощью германского консула он был возведен на трон.

Но имелся на этот трон и другой соискатель и, по-видимому, более «законный» — сын умершего короля. Он пользовался поддержкой и США и Англии. По договору 1889 г. конфликт из-за престолонаследия подлежал рассмотрению верховного судьи Самоа. Этот пост занимал американец Чемберс. Он объявил претензии Матаафа незаконными.

Местный германский консул и немец, возглавлявший муниципалитет столичного города Апиа, не уступали, однако, в энергии американскому блюстителю самоанской законности.

Оба предприимчивых деятеля просто-напросто закрыли расположенное в Апии возглавлявшееся Чемберсом высокое судебное учреждение.

Между местными сторонниками обоих претендентов начались кровавые столкновения: и Германия и США имели на архипелаге свою «партию», точнее, свою агентуру, развивавшую активную подстрекательскую деятельность. Правительства США и Англии направили в самоанские воды военные корабли. Они обстреляли Апию, где орудовал Матаафа и командовали немцы. Во время бомбардировки американцы повредили здание германского консульства. Но немецкие империалисты своей цели достигли: им удалось посеять на Самоа полнейшую неурядицу. Ссылаясь на нее, германское правительство настаивало, что помочь может только раздел островов.

Солсбери возразил германскому послу, что Англия от раздела ничего не выиграет. А в Австралии согласятся изменить существующий кондоминиум разве только при условии, если весь архипелаг полностью перейдет к Англии [1].

С немецкой стороны англичан пытались шантажировать. Гатцфельд по обыкновению стращал Солсбери перспективой сближения Германии с Россией. Оно обязательно последует, утверждал он, если только английское правительство не пойдет Германии навстречу в вопросе об этих небольших и далеких островах, затерявшихся в Тихом океане. К таким угрозам в Лондоне уже привыкли, и они производили там весьма слабое впечатление.

Неожиданно немцы получили возможность использовать в своих целях закулисные связи одного из самых влиятельных капиталистов Англии. Как и в вопросе о Багдадской дороге, германская дипломатия попыталась воспользоваться приездом Сесиля Родса. Поскольку в Берлине пошли навстречу его проекту, Родс со своей стороны обещал похлопотать в Лондоне насчет раздела Самоа [2]. Он выполнил свое обещание. Но и ему не удалось поколебать упорство английского премьер-министра.

Переговоры между Лондоном и Берлином сильно обострились. Дошло до того, что 11 апреля 1899 г. Бюлов предложил Гатцфельду пригрозить английскому правительству разрывом дипломатических отношений: Германия прекратит их до тех пор, пока Англия не согласится с предложенной Германией процедурой разрешения разногласий из-за Самоа [3].

Гатцфельд понял всю нелепость инструкций своего начальства и настоятельно посоветовал ему отложить угрозу разрывом

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 4040, S. 576.
[2] Ibid., № 4047, S. 583.
[3] Ibid., № 4062, S. 601—602.

отношений. А неофициально, через Ротшильда, он дал понять английскому правительству, как может обернуться дело.

В Берлине согласились с советом посла. Ограничились тем, что Вильгельм демонстративно отказался от уже объявленной поездки в Англию на лодочные гонки в Кауз. Свой отказ он сопроводил письмом королеве, заполненным пространными жалобами на дурное поведение ее премьер-министра. Солсбери, утверждал кайзер, относится к немцам, как к каким-нибудь португальцам или патагонцам! Английское правительство должно научиться обращаться с немцами, «как с равными» [1].

Виктория ответила своему внуку наставительной отповедью. Она поучала Вильгельма, как следует себя вести: нельзя писать другому монарху о его министре в таких выражениях, какие он позволил себе о ее премьере [2].

Конфликт из-за Самоа привел в крайнее раздражение обе стороны. В Германии и правительство и пресса были разъярены нежеланием англичан хотя бы немного поступиться своей колониальной монополией. В Англии были возмущены настойчивостью германских покушений на эту монополию. «Политика Германской империи... — открытый шантаж» [3], — писал Чемберлен Солсбери в сентябре 1899 г. Тем не менее, он советовал отдать немцам Самоа в уплату за их нейтралитет в Южной Африке.

Осенью 1899 г. обстановка изменилась. Учитывая положение, складывавшееся для Англии в связи с началом бурской войны, правительство Великобритании решило еще раз уступить немецким домогательствам. После долгого торга 14 ноября 1899 г. было подписано соглашение, по которому Германия получила два острова из архипелага Самоа, включая Уполу с городом Апиа; другие два острова этого архипелага были переданы США, в том числе Тутуилу с портом Паго-Паго. Англия отказалась от всяких претензий на Самоа; за это она приобретала острова Тонга и часть Соломоновых островов, принадлежавших Германии. Англия поделила с ней небольшую спорную территорию в Африке на границе английской колонии Золотой Берег и германского Того.

Так или иначе, очередной конфликт был улажен. В ознаменование этого в конце ноября 1899 г. Вильгельм в сопровождении Бюлова наконец прибыл в Англию, в замок Виндзор: на состязания в Каузе кайзер уже опоздал.

Когда высокий гость собирался в Англию, советники снабдили его запиской, содержавшей напутствия, как ему себя

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 4074, S. 615—619; ср. «British Documents», vol. I, № 141, p. 117—118.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XIV, T. II, № 4076, S. 620—621.

[3] *J. L. Garvin.* The life of Joseph Chamberlain, vol. III, p. 334.

держать во время визита. Все советы сводились, в сущности, к одному: поменьше разговаривать на политические темы. Эта мудрая рекомендация была продиктована не только крайней болтливостью Вильгельма. В записке указывалось, что Солсбери в течение многих лет привык отклонять немецкие претензии следующей фразой: «Вы требуете слишком дорого за вашу дружбу». Только что германское правительство вырвало себе в качестве подачки острова Самоа. Вильгельму рекомендовалось больше ничего у англичан не вымогать и не клянчить, а главное — не раскрывать своих карт. Особенно сдержанно предлагалось держаться с Солсбери: «Отделаться от него как можно скорее, с безупречной вежливостью, но в обыденных выражениях справившись о здоровье его супруги» [1].

Заботы относительно обращения с Солсбери оказались совершенно излишними. Премьер отнюдь не жаждал встречи с немцами. Сославшись на тяжелую болезнь жены, он уклонился от всякого участия в приеме гостей. Через посла Лассельса Солсбери порекомендовал Бюлову вместо него побеседовать с Чемберленом. Но посол, передавая этот совет, тут же сообщил, что Чемберлен будет говорить только от себя лично, а не от имени кабинета [2]. Таким образом, политическое значение визита кайзера и всех сопутствующих ему бесед существенно умалялось.

Чемберлен действительно встретился и с кайзером, и с Бюловом. Вильгельму он заявил, что желательно «генеральное соглашение между Германией, Англией и Америкой». Кайзер возразил, что этот проект может вызвать сомнения у обеих сторон. Английским традициям не отвечало бы заключение формального союза. На Германию же накладывают определенные ограничения дружественные отношения, которыми она якобы располагает с Россией. Лучше, заявил кайзер, договариваться «от случая к случаю», по конкретным вопросам. Вместо «генерального соглашения» кайзер явно хотел новых соглашений о дележе колоний.

Английский министр повторил и Бюлову свою мысль о желательности «общего соглашения» — «поскольку мы нуждаемся друг в друге», пояснил он. Бюлов на это дал понять, что Германия пока что в Англии вовсе не нуждается. С Россией у Германии хорошие отношения. Во Франции же о Фашоде теперь думают чаще, чем о Седане!

Чемберлен стал говорить об опасностях, которые исходят от России в Восточной Азии. Придет время, заявил он, Россия усилит свою армию сотнями тысяч китайцев и татар (! — *В. Х.*).

---

[1] *B. Bülow.* Denkwürdigkeiten, Bd I, S. 311—312.
[2] Ibid., S. 314.

Для борьбы против нее Англия нуждается в помощи Германии и США. Чемберлен откровенно признал, однако, что Солсбери не желает союза с Германией. Он не хочет связывать себе рук. Чемберлен повторил, что Англия не станет мешать Германии в Малой Азии. Кайзеру при вторичной беседе он предлагал еще забрать кусок атлантического побережья Марокко, в то время как сама Англия желала бы получить Танжер [1].

Германский посол в Лондоне Гатцфельд правильно расшифровал истинный смысл предложения Чемберлена о «генеральном соглашении» с Германией: теперь, когда англичане терпят поражения в Южной Африке, Чемберлен занят только одной мыслью — довести войну с бурами до благополучного конца; ради этого английский министр очень хотел бы поссорить Германию с Россией и Францией [2].

Едва кайзер и его спутники покинули Англию, как Чемберлен выступил с речью в Лейчестере и публично высказался за новый тройственный союз между германской «расой» и обеими ветвями англосаксонской. В разговоре с кайзером и Бюловом он говорил о «генеральном соглашении». Теперь он прямо произнес слово «союз».

В США пресса реагировала на эту речь весьма отрицательно: Америка не может связывать себя союзами. Не лучше было встречено предложение Чемберлена и в Германии. 11 декабря Бюлов выступал в рейхстаге. О речи Чемберлена и о его предложении заключить союз Бюловом не было сказано ни слова. Зато он заявил, что хотя с Англией отношения у Германии дружественные, но все же надо построить мощный военно-морской флот, такой, чтобы с его помощью можно было отразить нападение самой сильной морской державы. Чемберлен потом жаловался, что Бюлов окатил его струей холодной воды.

Жаловаться, собственно говоря, было нечего. Если бы Бюлов знал о Виндзорском договоре, то, вероятно, в своем выступлении он взял бы еще несколькими нотами выше. Он еще не подозревал, что английское правительство, заключив соглашение с Германией о разделе португальских колоний, теперь, 14 октября 1899 г., заключило соглашение с Португалией о гарантии целостности этих же самых колоний. Соглашение о разделе было платой немцам за предательство буров. А соглашение о гарантии целостности того же самого, что обещались поделить и отобрать, было платой португальцам (— за запрещение транзита оружия в Трансвааль через бухту Делагоа).

Никакого англо-германского или англо-германо-американского союза, конечно, не получилось. Но главного англичане

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XV, № 4398, S. 118.
[2] *B. Bülow.* Denkwürdigkeiten, Bd I, S. 324.

достигли: Германия, какие бы ни возникали у нее трения с Англией, оставалась нейтральной на всем протяжении 32-месячной англо-бурской войны. Германское правительство действительно полностью отказалось от былого покровительства бурам.

Интрига по поводу вмешательства в англо-бурскую войну

Следуя своей политике поджигательства, германская дипломатия подстрекала другие державы выступить против Англии. 18 октября 1899 г. Бюлов обратил внимание французского посла на тождественность интересов Германии и Франции в Африке. Делькассе клюнул на приманку. Точка зрения Бюлова могла бы быть поддержана, отвечал он послу. Эта точка зрения заслуживает того, чтобы ее изучить совместно с Россией. Но когда французский посол попробовал в беседе с Бюловом осведомиться, как же он представляет себе эти обоюдные интересы, тот уклонился от дальнейших переговоров. Бюлов ответил, что вопрос интересный и что он подумает — точно он слышал об этом впервые и как будто не от него же самого исходила инициатива обсуждения этого вопроса! Через несколько дней до Делькассе дошло, что в Берлине из кругов ведомства иностранных дел распускаются слухи, будто французский посол сделал Бюлову сообщения, которые тот воспринял «с осторожностью». «Эта перестановка ролей, — писал Делькассе своему послу, — делает еще более очевидной необходимость величайшей осторожности»[1]. Обычно о всех неосторожных шагах, совершенных с русской или с французской стороны, незамедлительно передавалось из Берлина в Лондон с целью осложнения англо-русских и англо-французских отношений.

В конце декабря 1899 г. и в начале января 1900 г. английские военные корабли задержали германские пароходы, шедшие в Делагоа, по подозрению в провозе контрабанды для буров. Подозрение не подтвердилось. Действия британских моряков были незаконными.

Из Берлина в Лондон посыпались резкие протесты. 6 января Бюлов сопроводил их угрозой организовать против Англии коалицию континентальных держав[2].

Это угрожающее заявление объясняет многое в весьма запутанных дипломатических интригах последующих дней. В ряду немецких подстрекательств других держав на выступление против Англии наибольшее значение имеет беседа Вильгельма с русским послом в Берлине 13 января 1900 г.

Кайзер посетил посла в связи с наступлением русского нового года — он приходился в XIX в. на 13 января по новому

[1] *E. Bourgeois* et *G. Pagès*. Les origines et les responsabilités de la grande guerre. Paris, 1922, p. 281—282.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XV, № 4425, 4429, S. 453—454, 457.

стилю. Беседа, сообщал Остен-Сакен, сначала коснулась текущих событий, и в этой связи Вильгельм «высказался с большой похвалой относительно мобилизации нашего армейского корпуса на Кавказе и его быстрой переброски к Кушке», на афганскую границу. Кайзер «усмотрел в этом подтверждение своего тезиса о том, что только одна Россия может парализовать могущество Англии и нанести ей, если понадобится, смертельный удар». Далее император заявил, что если царь когда-либо «вынужден будет направить свои войска в Индию, то он (кайзер. — *В. Х.*) гарантирует, что никто в Европе не двинется с места. Он будет охранять наши границы». «По сути дела, — заключал Остен-Сакен, — если мои впечатления меня не обманывают, кайзер, несмотря на свою сдержанность в отношении Англии... сохраняет раздражение против нее, и при благоприятных обстоятельствах его можно побудить на совместные действия с ее врагами при единственном условии, что мы тоже будем в числе их». Кайзер дает понять, докладывал далее Остен-Сакен, что имеющиеся в данный момент благоприятные условия для обуздания «империалистических притязаний Англии» никогда более не повторятся. Посол сообщил также, что Вильгельму внушает большое недоверие Франция. Посол полагал, что берлинский кабинет «находится в нерешительности, какого поведения ему придерживаться, и он ищет вдохновения (inspirations) в комбинациях, которые он не имеет, однако, смелости уточнить» [1].

Как же отнеслось царское правительство к намекам Вильгельма относительно совместного выступления против Англии?

Российский министр иностранных дел придерживался мнения, что «мысль об участии России в каком бы то ни было союзе или коалиции держав против Англии должна быть совершенно исключена». Эту точку зрения Муравьев подробно развил как раз тогда же в представленной царю пространной докладной записке, где было дано обстоятельное обоснование русской политики на период англо-бурской войны [2].

В записке своей Муравьев отклонял целесообразность территориальных приобретений, включая захват военно-морских баз где бы то ни было. Он указывал однако, что Россия должна быть готова в любую минуту «предупредить наших соперников на берегу Босфора». Впрочем, морской министр в своем заключении по записке Муравьева констатировал, что на деле такой готовности не имеется. Муравьев намечал и другую

[1] АВПР, фонд Посольства в Берлине, 1900 г., д. № 64, л. 1—3. Письмо Остен-Сакена Муравьеву от 19 января 1900 г. Немецкие версии этой беседы дают превратную картину.

[2] См. «Красный архив», 1926, т. 5(18), стр. 6. Записка Муравьева, одобренная царем 7 февраля (25 января) 1900 г.

задачу политики русского империализма в Турции — получение уже известного нам согласия султана на «отграничение определенного района», в пределах которого он не будет выдавать железнодорожных концессий. Ставились также задачи в Персии, Афганистане и на Дальнем Востоке. Все они были рассчитаны на использование затруднений Англии в Южной Африке. Но при этом ни в какой мере не предусматривалось вмешательства в англо-бурские отношения. Наоборот, отмечалось, что для осуществления намеченных мероприятий в Азии Россия должна сохранять свои силы мобильными.

И если тем не менее германские внушения дали свои плоды, если 27 февраля 1900 г. Муравьев зондировал французское правительство насчет возможности совместного с Германией посредничества в целях скорейшего «прекращения кровопролития», то, видимо, русский министр преследовал ту же цель, что Бюлов и кайзер. Те желали скомпрометировать Францию и Россию перед Англией, а Муравьев надеялся достигнуть в Лондоне того же самого в отношении Германии. Осложнения между нею и Англией могли быть только полезными для русской дипломатии.

На зондаж русского министра Делькассе ответил согласием принять участие в посредничестве. Сделал он это неохотно и только при условии, что именно Германия, а не кто-либо другой возьмет на себя инициативу предположенного выступления.

Переговорив с французами, Муравьев вновь обратился в Берлин. Он сделал это через Остен-Сакена 3 марта 1900 г.

Однако обстановка к этому времени несколько изменилась. Германские пароходы были уже отпущены, и английское правительство согласилось уплатить компенсацию. Русскому послу ответили в Берлине, что Германия готова принять участие в задуманном посредничестве. Но она сделает это лишь в том случае, если Россия сначала выяснит в Лондоне, как там на это посмотрят! Иначе говоря, Бюлов подсовывал Муравьеву инициативу, которую тот хотел возложить на Бюлова. В своем ответе немцы указывали также, что осложнениями с Англией Германия может рискнуть только при одном условии: если Франция, Германия и Россия взаимно гарантируют друг другу свои владения. Бюлов повторял уже знакомое предложение: пусть Франция откажется от притязаний на Эльзас и Лотарингию.

Муравьев возразил, что французское правительство, сделав такой шаг, не продержится на своем месте и одних суток. Оценивая эти скрещивающиеся интриги германской и русской дипломатии, можно согласиться с выводом английского историка Тэйлора: «Хотя русские... несомненно, сделали первый шаг 3 марта, он был спровоцирован германской инициа-

тивой»[1]. «В самое последнее время... — писал Муравьев, — император Вильгельм находил весьма желательным полюбовное соглашение между Россией, Германией и Францией... и признавал полезным... обуздать Англию». Это, писал далее русский министр, и побудило Россию выступить со своим предложением[2].

Германская дипломатия поспешила извлечь барыш из переговоров с Муравьевым. Вильгельм II решил использовать этот случай, дабы еще более осложнить англо-русские отношения. Он принялся хвалиться перед англичанами, будто не кто другой, как он, спас Англию от образования враждебной коалиции. Кайзер сообщил королеве и принцу Уэльскому о предложении Муравьева. Но русская дипломатия тоже не дремала: она в свою очередь уведомила англичан, что сами немцы предлагали России вмешательство в пользу буров, но Россия уклонилась от этого!

Вмешательство европейских держав в англо-бурскую войну не состоялось. Единый континентальный блок против Англии еще раз оказался неосуществимым. Дело ограничилось тем, что все участники переговоров о вмешательстве старались испортить отношения друг другу с Англией, наушничая в Лондоне один на другого. Именно стремление осложнить отношения соперника с Англией, а заодно напугать ее саму и составляло главную цель так называемых предложений о вмешательстве со стороны обоих военных блоков континента.

Однако соперники Англии все-таки сумели извлечь пользу из затруднительного положения британского империализма. Как уже было упомянуто, царское правительство решило использовать обстановку, чтобы добиться новых успехов в Афганистане, Персии и на Дальнем Востоке. Всего меньше удалось достигнуть в Афганистане. 6 февраля 1900 г. русское правительство известило английский кабинет, что потребности торговли и территориальное соседство с Афганистаном не позволяют России далее воздерживаться от прямых сношений с этой страной. Предварительно были усилены русские войска на афганской границе. В это время англо-индийская армия была ослаблена отправкой многих частей в Южную Африку. К тому же происходило большое восстание пуштунских племен на северо-западной границе Индии. Англия протестовала против поползновений царизма проникнуть в Афганистан. Предприняв несколько попыток завязать сношения с афганским

---

[1] *А. Дж. П. Тэйлор.* Борьба за господство в Европе. 1848—1918. М., 1958, стр. 402, прим.; см. *E. Bourgeois* et *G. Pagès.* Les origines et les responsabilités de la grande guerre, p. 286—288.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, д. № 37, л. 131—132. Письмо Муравьева Остен-Сакену от 7 марта (23 февраля) 1900 г.

правительством и потерпев неудачу[1], в Петербурге отказались от этих замыслов. Однако в расчете на англо-русское соперничество новый эмир Хабибулла, вступивший на престол в 1901 г., демонстративно отказался от британской субсидии.

В Персии, где тоже продолжалась борьба за влияние между русским и английским империализмом, русская дипломатия достигла более важных успехов. Шахское правительство нуждалось в деньгах. В Лондоне ему готовы были предоставить заем, но только при условии установления постоянного английского контроля над таможнями. Персы соглашались на контроль только на случай неисправности платежей по займу. На этом разногласии сделка расстроилась. Тут-то и вмешалась царская Россия. Она не стала настаивать на постоянном контроле. В январе 1900 г. Россия предоставила шахскому правительству заем в $22^1/_2$ млн. рублей. Обеспечением являлись таможенные доходы северных и центральных провинций. За счет поступлений по этому займу персидское правительство должно было выплатить свою задолженность английскому Шахиншахскому банку и обязывалось в течение десяти лет не занимать денег у какой-либо другой державы. Тогда же, в начале 1900 г., шахское правительство продлило на новое десятилетие свое обязательство не разрешать иностранцам строительства железных дорог в Персии (Англия располагала сходным обязательством шаха в отношении Южной Персии). В 1902 г. Персия заключила в России второй заем — на 10 миллионов рублей[2] и предоставила концессию на постройку шоссейной дороги Джульфа — Тавриз. Затем между Россией и Персией был заключен новый торговый договор, выгодный для русской торговли. Персидская казна обеспечивала себе повышение таможенных доходов, но повышенное обложение касалось товаров, ввозившихся преимущественно не из России. При заключении персидских займов русская дипломатия проявила в тот момент куда больше ловкости, чем германская в тех же географических районах. Русское правительство не наложило руки на таможни в портах Персидского залива. Этим оно фактически сохраняло возможность для нормализации отношений с Англией в Персии. В русской буржуазной печати и правительственных кругах всплывала мысль о захвате порта на Персидском заливе, но правительство решило на данном этапе

---

[1] *W. Habberton.* Anglo-Russian relations concerning Afghanistan 1837—1907. «Illinois Studies in the Social Sciences», vol. XXI, № 4, Urbana, 1937, p. 69—74.

[2] См. «Красный архив», 1933, т. 1(56), стр. 49. Журнал особого совещания от 20(7) июня 1904 г.; ср. *P. Sykes.* A history of Persia, 3rd ed., vol. II, p. 375—376.

воздержаться от этого [1]. Немецкая же дипломатия в деле Багдадской дороги не позаботилась о том, чтобы германская экспансия как-либо обошла места, наиболее чувствительные для английского империализма. Тем самым германская дипломатия еще более обострила англо-германский антагонизм.

Политика бурских республик

Во время англо-бурской войны буры пытались противопоставить английской империалистической агрессии, кроме вооруженного сопротивления, также и свою дипломатию. У правительства Трансвааля был представитель в Европе, некий Лейдс. В сентябре 1900 г. сам президент Крюгер выехал в Европу просить защиты. В том же году европейские столицы объезжала делегация трансваальского правительства. Она хлопотала о посредничестве держав с целью заключения мира в Южной Африке на основе признания независимости Трансвааля и Оранжевой республики. Автор знаменитой «телеграммы Крюгеру» и его министры отказались принять в тяжелую для него минуту того самого Крюгера, которому когда-то они так много обещали. Отказало германское правительство в приеме также и бурской делегации. Лучше всего буров принимали в Париже и Петербурге. Но реальной помощи не оказали и там. Разве только усиление русских войск на афганской границе несколько стесняло англичан в переброске в Южную Африку частей их индийской армии.

Трудно было действовать в те времена дипломатии народа, борющегося за свою независимость. Все козыри были на стороне империалистов и их дипломатии. И все же буры добились большего, чем, например, филиппинцы.

Помогло широкое сочувствие мировой общественности. В демократических слоях симпатии к бурам были продиктованы сочувствием к борьбе за национальную независимость. Тот факт, что сами буры являлись колонизаторами и угнетателями негритянского населения, был мало известен в Европе и еще не привлекал внимания демократической общественности. В других кругах европейских стран сочувствие бурам диктовалось империалистическим соперничеством с Англией. Большую роль сыграла необычайная стойкость сопротивления буров английским войскам. В итоге буры добились того, что английскому правительству пришлось согласиться вести с ними переговоры о мире, как с воюющей стороной, на началах равноправия. Буры вынуждены были отказаться от независимости и признать себя подданными британской короны. Но они су-

[1] См. «Красный архив», 1926, т. 5(18), стр. 13, 19, 22. *Б. В. Ананьич.* Из истории англо-русского соперничества в Персии, Ленингр. пед. ин-т им. Герцена, Ученые записки, том 194, стр. 233.

мели добиться широкой внутренней автономии. Мирный договор был подписан в Фереенингене 31 мая 1902 г.

Война против буров содействовала в Англии росту шовинистических настроений, получивших кличку «джингоистских». Консервативная партия полностью поддерживала правительство. Однако значительные слои английского народа и особенно рабочего класса протестовали против войны. В широких кругах рабочего класса преобладали антивоенные настроения. Конгресс тред-юнионов, хотя и незначительным большинством, принял в 1900 г. резолюцию с протестом против войны. «Пробуры», как стали именовать противников войны, располагали большим влиянием в либеральной партии. Им противостояла внутри нее группа «либералов-империалистов» во главе с Розбери, Греем, Асквитом. Учитывая антивоенные настроения, широко распространенные в массах, лидер партии Кэмпбелл-Баннерман и значительная часть ее руководства в 1901 г. сочли целесообразным осудить на словах захватническую войну. Никакой действительной борьбы против войны либералы, конечно, не развернули. Массовой же партии рабочего класса в Англии еще не существовало, так же как ее не было и в США во время войны с Испанией [1].

Революционный протест международного рабочего класса против империалистической политики нашел некоторое отражение в резолюции Парижского конгресса II Интернационала в 1900 г. По докладу Р. Люксембург конгресс принял резолюцию, содержавшую решительное осуждение милитаризма и агрессии. Конгресс призывал рабочих к борьбе против них. Резолюция содержала программу этой борьбы в международном масштабе: партиям, входившим в Интернационал, рекомендовалось обратить внимание на воспитание молодежи в антимилитаристском духе и на ее организацию в целях борьбы против милитаризма. Социалистам-депутатам парламентов во всех странах предлагалось голосовать против любых расходов на военные надобности, включая военные экспедиции в колониях. Постоянная международная комиссия, созданная Интернационалом, должна была организовать и направлять по единому общему плану антимилитаристскую пропаганду. Парижский конгресс осудил колониальную политику и призвал рабочий класс к борьбе против нее. Конгресс высказался за создание социалистических партий в колониальных странах.

Империализм в те годы был на подъеме. Шло огромное расширение колониальной системы и ее перестройка в интересах монополистического капитала. Слабыми были еще антиимпе-

[1] *Elie Halévy.* Histoire du peuple Anglais au XIXe siècle. Epilogue (1895—1914). I. Les impérialistes au pouvoir (1895—1905). Paris, 1926, p. 89—105.

риалистические силы. Тем не менее национально-освободительное движение уже тогда оказывало серьезное противодействие империалистической политике. Сопротивление буров доказало это. Оно было бы еще более сильным, если бы не ослаблялось расовой враждой: борясь против английского империализма, буры сами выступали в роли жестоких угнетателей по отношению к «чернокожим». Они боролись не только за независимость, но и за монополию на эксплуатацию исконного населения Южной Африки.

Германская военно-морская программа

Германское правительство воспользовалось англо-бурской войной для создания первоклассного военно-морского флота. Пока длилась эта война, Англия оставалась заинтересованной в нейтралитете Германии и в добрых отношениях с нею. Это должно было ослабить английские протесты против нового военно-морского закона, задуманного кайзером, Тирпицом и Бюловом. Было очевидно, что, невзирая на переговоры о сотрудничестве и даже о союзе, основная борьба за передел мира развернется именно между Германией и Англией. Готовясь к этой борьбе, германский империализм форсировал развитие своего военно-морского флота.

Враждебная реакция Англии была неизбежна. Вопрос мог стоять только о силе этой реакции. В разгар бурской войны в Берлине решили, что момент наиболее благоприятен и что как раз теперь и надо бросить вызов Англии в борьбе за морское первенство.

Выполнение программы, предусмотренной недавно принятым законом 1898 г., было намечено завершить к 1904 г. Но теперь кайзер и его правительство решили незамедлительно внести в рейхстаг новый закон о военно-морском флоте. Закон должен был значительно увеличить темпы и масштабы строительства военных кораблей, а следовательно, и размеры потребных расходов.

Правительство ожидало встретить в рейхстаге сильную оппозицию — и не ошиблось. Противодействие оказывали социал-демократы, за исключением некоторых крайне правых реформистов. Социал-демократия выступала против новых расходов, падавших на трудящихся дополнительным бременем. Партия заявляла, что флот нужен только Круппу и владельцам судостроительных верфей. Социал-демократы негодовали так же по поводу того, что строительство флота ведет к осложнению отношений с «либеральной» парламентарной Англией. Особенно большую заботу о добрых отношениях с Англией проявлял лидер реформистского крыла партии Бернштейн [1].

[1] См. *А. С. Ерусалимский*. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 534—535.

Возражения социал-демократической партии, даже лучших ее представителей в лице Бебеля, не говоря уже о Бернштейне, отнюдь не были принципиальным последовательно марксистским протестом. Но все же это был протест, который тем более страшил правительство, что он совпал с подъемом массового стачечного движения.

Трудности правительства усугублялись еще не преодоленным расколом внутри господствующего лагеря. Крупный капитал энергично требовал создания военно-морской мощи. Заказы на корабли, пушки, броню, на оборудование портов сулили немалые барыши. Заказы эти были особенно необходимы фирмам именно теперь, поскольку промышленный подъем подходил к концу, ожидался экономический кризис. И он действительно разразился в 1900 г. Правительственные заказы на большие суммы должны были, по замыслам монополистов, переложить издержки кризиса на плечи налогоплательщиков.

Но, конечно, заинтересованность крупного капитала в создании мощного флота этим не исчерпывалась. Он усматривал во флоте главное средство колониальных захватов и расширения сфер влияния, обеспечения своих заморских торговых и иных интересов. Словом, военно-морской флот был орудием в борьбе за передел мира. Лишь малая часть буржуазии, связанная с торговлей и легкой промышленностью, ориентировавшаяся на партию свободомыслящих, выступала против усиления флота.

Иной была позиция юнкерства. Оно все еще находилось в конфликте с правительством и буржуазией по ряду вопросов экономической политики: правительство и магнаты рурско-рейнской тяжелой промышленности были заинтересованы в строительстве канала Эльба — Рейн; юнкерство считало, что канал приведет к снижению цен на продукты сельского хозяйства. Со своей стороны оно требовало таможенной войны против США и России, ликвидации торговых договоров, унаследованных от «нового курса» Каприви. Правительство и буржуазия считали необходимым соблюдать осторожность в мероприятиях такого рода, опасаясь ответных репрессий, результатом которых могло явиться ограничение внешних рынков для немецкой промышленности. В ответ юнкерство возражало против новых издержек на военно-морской флот. В известной мере повторилась обстановка, в которой проходил закон о флоте в 1898 г.

Влиятельное положение юнкерского класса в империи, и особенно в Пруссии, заставляло правительство очень и очень считаться с юнкерской фрондой. Подъем рабочего движения, обострение классовой борьбы делали для правительства особенно настоятельным скорейшее сплочение сил имущих классов для совместного наступления на пролетариат. Юнкерство в

лице руководства Союза сельских хозяев и консервативной партии понимало, что без него не обойдутся. Оно намеревалось за поддержку второго морского закона еще раз сорвать с правительства и кайзера максимально высокую плату.

В 1899 г. истекал срок военного закона 1893 г., на семь лет установившего размеры армии. Новый военный закон предусматривал создание трех новых армейских корпусов, доводя общее число их (в мирное время) до 23. Закон вводил (впервые) на вооружение армии пулеметы, предусматривал придание полевой артиллерии каждой пехотной дивизии. Это несколько умиротворяло юнкерство, создавало для его отпрысков новые офицерские должности. Правительство отложило сооружение канала, затруднило ввоз мяса из США, пообещало и другие меры на благо юнкерского класса.

В конце концов к 1900 г. правительство достигло восстановления того блока юнкерства и крупного капитала, который еще во времена Бисмарка был классовой базой Германской империи и в котором политика Каприви создала серьезную трещину. «Политика сплочения» («Sammlungspolitik») означала восстановление единства между капиталом и юнкерством. Это достигалось на основе усиления совместного наступления на рабочий класс, повышения таможенной «защиты» цен на продовольствие, а также строительства мощного военного флота. Внешнеполитической частью этой программы было развертывание «мировой политики». Такова была программа германского империализма на рубеже XX столетия, сформулированная кайзером, Бюловом, Тирпицом и прусским министром финансов Микелем[1]. Программа эта означала наступление реакции внутри страны, гонку вооружений, политику внешней экспансии.

Предстояло обработать общественность. В 1899—1900 гг. Тирпиц и монополисты тяжелой промышленности организовали большую пропагандистскую кампанию. Они вели ее через Пангерманский союз, Колониальный союз и особенно «Флотский союз», специально для этого созданный в 1898 г. и финансировавшийся Круппом и другими представителями тяжелой индустрии. В течение зимы 1899—1900 гг. союз организовал 3 тыс. публичных выступлений в различных частях Германии в пользу строительства мощного военного флота. Эта пропаганда должна была убедить немцев в том, что им необходим сильный флот, такой сильный, чтобы даже для самой мощной военно-морской державы нападение на Германию было связано с серьезным риском. Сторонники военно-морского закона заявляли, что сейчас, когда большого флота у Германии не имеется,

[1] См. об этом *E. Kehr.* Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894—1901. Berlin, 1930.

вся ее огромная внешняя торговля беззащитна и отдана на произвол Англии. В пропаганде широко использовались такие факты, как захват Филиппин Соединенными Штатами, обстрел Апии англо-американским флотом и весь спор из-за островов Самоа, особенно же захват англичанами немецких судов в южноафриканских водах. Кайзер, Бюлов и Тирпиц втроем пили за здоровье английских офицеров, задержавших эти пароходы: ведь эти люди помогли им протащить закон о военном флоте!

Вся пропаганда за строительство флота носила антианглийскую направленность. Правда, в интересах дипломатии, как и при подготовке первого флотского закона, вносилась оговорка: чтобы сделать нападение на Германию и на ее морские интересы рискованным даже для Англии, германский флот не обязательно должен занять первое место. Достаточно ему будет и второго. Такие заявления делались неоднократно, в том числе и Тирпицом. Они были рассчитаны на то, чтобы хоть немного успокоить Англию: на ее морское первенство Германия, дескать, не покушается.

Но эта пропагандистская оговорка не уничтожала подчеркнуто антианглийской направленности внешней политики воссоздаваемого юнкерско-буржуазного блока. Строительство флота неизбежно придавало внешней политике германского правительства антианглийский, а отчасти и антиамериканский характер. В Лондоне теперь понимали положение таким образом, что Германия приступила к подготовке войны против Англии.

Немецкий военно-морской закон 1900 г. развязал ожесточенную гонку морских вооружений. Он имел для отношений Германии с Англией последствия столь же роковые, как сооружение Багдадской дороги для отношений с Россией. Германский империализм нарушал интересы обеих этих держав, он беззастенчиво спекулировал на их взаимных противоречиях. Его дипломатия старалась каждую из них запугать перспективой сговора Германии с ее соперницей, твердо уповая на то, что Россия и Англия никогда не смогут примириться друг с другом и сплотиться против Германии. Германская политика «свободы рук» была рассчитана на то, чтобы вымогать уступки и у той и у другой.

Если своей военно-морской программой «политика сплочения» была заострена против Англии и отчасти США, то в своей экономической части она оборачивалась против Соединенных Штатов и России. Именно против этих двух крупнейших поставщиков сельскохозяйственных товаров на мировом рынке были заострены те меры по «защите» сельского хозяйства, которыми собирались оплатить юнкерам поддержку военно-морской программы и вообще прекращение фронды с их стороны. Внутренняя политика германского империализма сплеталась

с внешней, а обе вместе вели к обострению международных империалистических противоречий.

12 июня 1900 г. германское правительство провело через рейхстаг новый закон, предусматривающий увеличение состава флота и объема судостроительной программы. По этому закону германский флот должен был состоять из 34 линейных кораблей, 11 тяжелых и 34 легких крейсеров и около 100 миноносцев, не считая резервной эскадры из 4 броненосцев, 3 тяжелых и 4 легких крейсеров [1]. Программа 1900 г. была серьезным покушением на английское морское первенство. Германский империализм, строя флот, явно готовился к борьбе с Англией за коренной передел мира. В Англии печать начала кампанию против Германии и за усиление английского флота.

Экономический кризис 1900 г.

Кризис 1900 года, сыгравший большую роль в становлении империализма, явился мощным усилителем антагонизма между крупнейшими империалистическими странами, и особенно между Германией и Англией. Кризис обострил конкуренцию на всех рынках. Он форсировал развитие бросового экспорта, ускорил процесс концентрации производства и капитала. При этом Германия значительно опережала Англию и в темпах концентрации и в демпинге, который совершался в Германии под прикрытием протекционистских пошлин, облегчавших монопольное овладение внутренним рынком. Вывоз черных металлов из Германии в Англию за период кризиса возрос с 4298 тыс. марок в 1899 г. до 49 361 тыс. в 1902 г. Наоборот, вывоз их из Англии в Германию сократился с 35 837 тыс. до 7220 тыс. Соответственно и вывоз железных изделий из Германии в Англию возрос с 1899 по 1902 г. с 27 268 тыс. марок до 45 912 тыс.; из Англии же в Германию вывоз железных изделий опять-таки сократился — с 13 855 тыс. в 1899 г. до 7945 тыс. в 1902 г. [2] Этих цифр достаточно, чтобы понять, как жестоко страдала в условиях кризиса английская металлургия от германской конкуренции. Это имело тем большие политические последствия, что в английском консервативном правительстве того времени имелось одиннадцать министров, являвшихся основателями или директорами семнадцати акционерных обществ. Двенадцатым был сам премьер Бальфур, сменивший в качестве главы кабинета своего дядю, маркиза Солсбери. Новый премьер, тоже отпрыск аристократического рода Сесилей, являлся вместе с тем главой крупного сталелитейного предприятия [3]. Британские министры ощущали германскую конкуренцию как личный

[1] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages. 1898—1900. Anlageband VII, S. 5429.

[2] *G. W. F. Hallgarten.* Imperialismus vor 1914, Bd I, S. 462.

[3] Ibid., S. 463.

ущерб в буквальном смысле этого слова, а может быть, и как потенциальную угрозу банкротства и разорения.

Серьезная опасность возникла для английских судоходных фирм. Американский концерн Моргана подчинил себе огромную английскую компанию «Уайт стар лайн». Возникший в результате этого морганавский трест вступил в соглашение с немецкой Гамбургско-Американской компанией. Оба монополистических объединения начали совместную борьбу против других английских фирм, крупнейшей из которых являлась «Канард лайн». Английское государство поддержало судоходные компании с помощью крупных субсидий. Опираясь на них, английские фирмы начали борьбу, и притом не столько против Моргана, сколько против немцев.

Изменения в условиях франко-русского союза

В последние годы XIX в. в условия франко-русского союза были внесены некоторые изменения. Инициатива исходила от Франции, а точнее говоря, от Делькассе. Как он докладывал президенту республики, его беспокоило то обстоятельство, что срок действия франко-русской военной конвенции был ограничен сроком существования Тройственного союза.

Дело в том, что последние годы прошлого столетия ознаменовались резким обострением хронического внутреннего кризиса, которым был поражен социальный и государственный организм австро-венгерской монархии. Славянские народы, особенно чехи, все настойчивее добивались независимости. Возник глубокий и острый конфликт между обеими половинами двуединого государства Габсбургов — Австрией и Венгрией, где нарастала тенденция к полному отделению. В австрийской половине монархии усиливались реакционные великогерманские элементы, добивавшиеся «аншлюса» — присоединения Австрии к Германской империи. В обстановке нарастания центробежных сил повсеместно складывалось мнение о недолговечности Австро-Венгрии. «Что, если умрет император Франц-Иосиф, который в настоящее время представляется единственной объединяющей силой между соперничающими и даже враждебными расами, что, если Австрии будет угрожать разложение... из которого, возможно, где-то попытаются извлечь выгоду?» Делькассе при этом рисовалась опасность угрожающего усиления Германии за счет поглощения австрийских земель в случае развала габсбургской монархии. «Что другое, — продолжал французский министр, — может в большей мере подорвать всеобщий мир и нарушить равновесие сил в Европе?»

Но распад Австро-Венгрии будет означать конец Тройственного союза. И следовательно, в тот самый тревожный момент, когда франко-русская военная конвенция станет особенно не-

обходимой, она в силу принятого постановления о сроке ее действенности перестанет существовать вместе с породившим ее Тройственным союзом. Делькассе писал президенту, что этот «пробел» во франко-русском союзе его беспокоил с самого момента назначения министром иностранных дел[1]. В августе 1899 г. под предлогом ответного визита Муравьеву Делькассе отправился в Петербург, с тем чтобы добиться заполнения этого «пробела».

В русском правительстве военный министр Куропаткин настаивал на удовлетворении французских пожеланий: «Если мы отпустим Делькассе с пустыми руками, то мы сыграем на руку Германии и партии во Франции, которая ищет сближения с Германией». Такой партией были в первую очередь колониальные круги[2]. Результатом поездки Делькассе явилось франко-русское соглашение, оформленное посредством обмена письмами между двумя министрами иностранных дел — Муравьевым и Делькассе 9 августа 1899 г.[3]

В письмах подтверждалась действенность политического соглашения от 1891 г. и военной конвенции 1893 г. и содержались два новых момента, отсутствовавших ранее. Если в соглашении 1891 г. официальной целью обеих договаривающихся сторон — России и Франции — объявлялось поддержание мира, то теперь добавлялась еще и вторая цель — поддержание «равновесия сил в Европе». Оно могло бы быть нарушено в результате распада Австро-Венгрии и захвата части ее Германией. Второе новшество заключалось в том, что военная конвенция объявлялась сохраняющей силу до тех пор, пока будет действовать политическое соглашение 1891 г., являвшееся бессрочным. Следовательно, союзные военные обязательства России и Франции, определенные военной конвенцией, сохраняли свою силу также и в случае развала Австро-Венгрии и ликвидации в связи с этим Тройственного союза.

Через год, летом 1900 г., состоялось совещание начальников генеральных штабов России и Франции. Принятые ими решения, зафиксированные в протоколе 2 июля, вносили во франко-русский союз еще два важных изменения. Начальники штабов признали, что «при известных обстоятельствах» в случае объявления мобилизации только в Австро-Венгрии и в Италии, но не в Германии, для обеих союзниц «может оказаться неудобным» произвести мобилизацию автоматически, «без предварительного соглашения», как того требовал § 2 военной кон-

[1] «Documents diplomatiques français», 1-ère série, t. XV, № 255, p. 438—439.

[2] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 373/380, л. 123. Письмо Куропаткина Муравьеву от 5 августа (24 июля) 1899 г.

[3] См. «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917», № 51, стр. 319—321.

венции. Такая поправка означала ослабление России в случае конфликта с Австро-Венгрией и уступку точке зрения французского генштаба. Впрочем, в феврале 1901 г. на следующем совещании начальников генеральных штабов, эта уступка была урезана: было условлено, что предварительное соглашение требуется только на случай частичной мобилизации в Австро-Венгрии или Италии. В случае же общей их мобилизации таковая должна была последовать автоматически и во Франции и в России.

Еще более существенным было впервые предпринятое на совещании 1900 г. распространение союзных военных обязательств России и Франции на случай войны против Англии — правда, не автоматически, как против Германии, а только при условии, что оба правительства приняли бы специальное решение «об оказании взаимной помощи в возможной войне с Англией». «Если Англия нападет на Францию, — говорилось в протоколе, — то Россия в состоянии совершить тактическую диверсию в пользу Франции на границах Афганистана и Британской Индии» с целью «произвести в Англии большой моральный эффект». Указывалось, что после завершения строительства железной дороги Оренбург — Ташкент Россия сможет сосредоточить для этой цели в течение 6 недель до 300—350 тыс. человек. Если же Англия нападет на Россию, «Франция может произвести в пользу России диверсию путем концентрации на побережье Ламанша от 100 до 150 тыс. человек». Таким образом, имелся в виду только случай нападения со стороны Англии. Если бы война с Англией «перешла в войну с Германией», то Германия стала бы для обеих союзниц основным противником. Таким образом, франко-русский союз отныне оказался заостренным и против Англии, хотя Германия и теперь признавалась «главным врагом»[1]. Будущее показало, что эта антианглийская направленность франко-русского союза оказалась недолговечной.

При февральской встрече 1901 г. начальники генеральных штабов предусмотрели возможность войны, вызванной притязаниями Германии на некоторые области Австро-Венгрии. В этом случае все силы обеих союзниц предполагалось направить на разгром Германии.

Французская сторона настаивала на ускорении постройки железной дороги в Среднюю Азию[2]. Для этой цели Франция в 1901 г. предоставила царскому правительству заем.

[1] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 373/380, л. 143—148. Резюме переговоров от 2 июля (19 июня) 1900 г. между генеральными штабами русской и французской армий относительно применения ст. 4 военной конвенции 1892 г.

[2] Там же, д. № 374, л. 153—156. Протокол совещания от 21(8) февраля 1901 г. между начальниками генеральных штабов русской и французской армий.

Коротко говоря, изменения в характере франко-русского союза были вызваны обострением борьбы за раздел колоний, в которой Россия и Франция сталкивались с Англией, а также угрозой усиления Германии за счет Австро-Венгрии в случае ее распада. В целом эти перемены свидетельствовали о нарастании международных противоречий и дальнейшем осложнении обстановки в связи с вступлением в эпоху империализма. В борьбе между франко-русским блоком и Англией, как и в его борьбе с германо-австрийской группировкой, все стороны преследовали империалистические реакционные цели.

Царское правительство и международная биржа

Кризис 1900 г. увеличил зависимость России от французского капитала. Русское правительство в лице Витте еще до кризиса предпринимало шаги к тому, чтобы проложить себе пути на денежные рынки Лондона, Нью-Йорка и Берлина и таким образом освободиться от односторонней зависимости от французского капитала.

В лондонском Сити глава английского дома Ротшильдов в июне 1898 г. в беседе с агентом министерства финансов Татищевым сетовал на отказ русского правительства от соглашения с Англией (о разделе Китая и Турции), предложенного ему Солсбери в начале года. Пока политические отношения не улучшатся, размещение русского займа в Лондоне немыслимо, заявил крупнейший представитель английской финансовой олигархии. Все, чего удалось достигнуть в Лондоне, — это через банк Шредера разместить летом 1899 г. один крупный железнодорожный заем.

В США в 1898—1899 гг. через петербургского банкира Ротштейна велись переговоры с Морганом, но к успеху они не привели. С началом народного восстания в Китае в 1900 г. и экономическим кризисом Морган отказался от задуманной операции [1].

Существенных результатов удалось добиться только в Берлине, где Мендельсон в 1902 г. выпустил значительный заем. Французские банкиры были крайне встревожены, и Витте, видимо, временно улучшил посредством успешного обращения к Мендельсону положение царской России на парижской бирже [2]. Но кризис 1900—1903 гг. обескровил немецкий денежный рынок сильнее, чем французский, и всерьез противопоставить Берлин Парижу не удалось. Кризис повысил нужду царизма

---

[1] См. *Б. А. Романов* и *Б. В. Ананьич*. Попытки С. Ю. Витте открыть американский денежный рынок для русских займов (1898—1902 гг.). «Исторический архив», 1959, № 1, стр. 123—140 и № 2, стр. 115—135.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1902 г., д. № 74, л. 75—76. Письмо Урусова от 26(13) марта 1902 г.

в деньгах и в то же время затруднил размещение займов. Зависимость от французского кредитора в конечном счете не уменьшилась, а возросла.

* *
*

К концу XIX в. раздел мира между капиталистическими государствами был в основном завершен. Захват Судана английским империализмом, англо-французские разграничения в Западной и Центральной Африке, захват бурских республик, раздел островов Тихого океана — все это привело к тому, что «свободных» земель уже почти не осталось. Имелись формально независимые государства в Азии и Африке, но почти все они были превращены в полуколонии и поделены на сферы влияния. Государства Латинской Америки были опутаны сетями финансово-экономической зависимости — частью от Англии, частью от США. «Когда $^{9}/_{10}$ Африки оказались захваченными (к 1900 году), когда весь мир оказался поделенным, — наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а следовательно, и особенно обостренной борьбы за раздел и за передел мира» [1].

К концу прошлого века международные противоречия усилились. Англия, продолжая колониальное соперничество с Францией и Россией, приобрела нового противника в лице Германской империи. Германия, невзирая на то, что внешне у нее снова произошло некоторое сближение с Россией, по существу оставалась врагом франко-русского блока; Багдадская дорога даже углубила противоречия с Россией. Вместе с тем Германия стала ожесточенным соперником Англии. Вопрос заключался в том, какие противоречия окажутся более глубокими: противоречия ли между Германией и Англией или же между Англией, Россией и Францией? Иначе говоря, какая из трех мыслимых дипломатических группировок осуществится: англо-франко-русское согласие, англо-германский блок или же континентальная лига против Англии? История решила вопрос в пользу первой из перечисленных комбинаций. У Германии обострились противоречия одновременно и с Россией и с Англией. Конечным результатом явилось ее поражение в 1918 г.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 422.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ДОКТРИНА «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» И ПОЛИТИКА «БОЛЬШОЙ ДУБИНКИ» (1899—1904 гг.)

Испано-американская война была для Соединенных Штатов подготовкой к дальнейшей империалистической экспансии. За захватами Кубы, Пуэрто-Рико, Филиппин и Гуама, за аннексией Гавайских островов последовали в 1899 г. захваты еще одной тихоокеанской базы — на Самоа и опорного пункта на острове Уэйк.

Очередными задачами внешней политики США теперь стали: обеспечение за американским капиталом китайского рынка; овладение зоной постройки канала, соединяющего Атлантику с Тихим океаном; закрепление гегемонии США на подступах к этому великому водному пути будущего, т. е. в бассейне Карибского моря и странах Центральной Америки.

«Доктрина Хэя» («открытые двери» в Китае)

Решению первой из перечисленных задач должна была служить так называемая «доктрина открытых дверей».

В эти годы американские империалисты уже стали рассматривать Китай как важнейший рынок будущего для вывоза товаров и капитала [1]. Раздел Китая на сферы влияния противоречил интересам США. Американский империализм распространял свои аппетиты не на какую-либо часть Китая, а на всю великую страну в целом. В будущем он рассчитывал подчинить себе весь Китай в качестве одной огромной «сферы влияния». США стремились предотвратить растаскивание Китая по кускам другими империалистами. Это, кстати, позволяло им на ближайшее время принять позу «защитника Китая» — приблизительно так, как кайзер Вильгельм сделал это в отношении Турции. Особенно насторожили амери-

[1] См. *А. А. Фурсенко.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895—1900. М. — Л., 1956, стр. 110—112, 145—148 и др.; *Г. Ефимов.* Внешняя политики Китая. М., 1958, стр. 328 и сл.; *С. Б. Горелик.* Политика США в Маньчжурии в 1898—1903 гг. и доктрина «открытых дверей». М., 1960. стр. 45—46. *Ch. S. Campbell.* Special business interests and the open door Policy. New Haken. 1951.

канских империалистов захваты Цзяочжоу и Порт-Артура, русские концессии в Маньчжурии, англо-германское и англо-русское соглашения о разграничении сфер железнодорожного строительства.

6 сентября 1899 г. государственный секретарь США Хэй поручил американским послам обратиться к правительствам Англии, Германии, Франции и России (а в ноябре — к Японии и Италии) с нотами, в которых провозглашал так называемую доктрину «открытых дверей» в Китае. Хэй приглашал присоединиться к этому принципу. Он предлагал каждому из правительств заявить:

«1. Что оно не будет никоим образом покушаться на права какого-либо договорного порта или нарушать какие-либо законные интересы (других держав) в пределах любой из так называемых «сфер интересов» или арендованных территорий, каковые оно (т. е. данное правительство. — *В. Х.*) может иметь в Китае.

2. Что ныне существующий китайский договорный таможенный тариф будет применяться ко всем товарам, выгруженным или доставленным во все такие порты (за исключением «свободных портов») безотносительно к тому, какой бы стране они не принадлежали; следуемые при этом пошлины будут взиматься китайским правительством.

3. Что оно не будет взимать с судов иной национальности, заходящих в какой-либо порт в подобной «сфере», более высоких судовых сборов, чем те, которые будут взиматься с судов его собственной национальности, а равно и более высоких железнодорожных тарифов на линиях, сооруженных, контролируемых или эксплуатируемых в его сфере» [1].

Американских правителей не смущало разительное противоречие между этой доктриной, требовавшей возможно более свободной торговли в Китае, и собственной таможенной политикой, оградившей рынок США и их владений почти запретительными пошлинами.

В ноте английскому правительству государственный секретарь отмечал, что общее соглашение о проведении политики «открытых дверей» приблизило бы возможность совместного воздействия великих держав на цинское правительство, чтобы побудить его провести «административные реформы», необходимые для усиления его власти в стране. Многие провинциальные наместники и губернаторы, с американской точки зрения, были слишком тесно связаны с Англией и Россией, и потому США стояли за укрепление цинской монархии. Идея же совместных действий «концерта» великих держав должна была,

[1] «Foreign Relations of the United States, 1899», p. 131.

по мысли государственного департамента, затруднить для других сепаратные выступления.

Английское, германское, французское, японское и итальянское правительства ответили на ноту Хэя согласием. По большей части это было, впрочем, сделано в малообязывающих общих выражениях. Английское правительство, всегда заявлявшее о своей приверженности принципу «открытых дверей», теперь отказалось, однако, распространить его на арендованную Англией китайскую территорию на материке против Гонконга [1].

Японская торговля в Корее и в Китае даже и без тарифных льгот имела огромные преимущества вследствие близости расстояния между Японией и этими странами. Ввиду этого Япония имела возможность без особого ущерба для себя воздержаться от возражений на ноту Хэя.

В Петербурге мнения разделились. Муравьев считал, что Россия не может идти «наперекор общепринятому державами политико-экономическому началу». Иначе она может «дать повод к образованию весьма опасной для интересов наших коалиции держав на Дальнем Востоке» [2].

Муравьев полагал, что согласие на «открытые двери» в Маньчжурии может оказаться даже полезным: оно позволит добиться в обмен признания со стороны США преобладающего влияния России в этой части Китая. Из разговора с Хэем русский посол вынес впечатление, что договоренность в этом смысле вполне возможна [3].

Возражения исходили от Витте, ближе всех других царских министров связанного с Русско-Китайским банком и другими русскими предприятиями в Маньчжурии. Витте считал недопустимым связывать себе руки в отношении железнодорожных тарифов. Он опирался при этом на юридический довод, не лишенный формальной убедительности: концессионный договор на КВЖД предоставляет право установления тарифов акционерному обществу этой железной дороги. Правительство не может изменять договор «русских частных людей с китайским правительством» [4]. По остальным вопросам, поставленным в американской ноте, и он готов был занять гибкую позицию.

---

[1] *A. L. P. Dennis.* John Hay в серии «The American Secretaries of State and their diplomacy», ed. by S. F. Bemis, vol. IX. N. Y. 1929, p. 141—142.

[2] *А. А. Фурсенко.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей, стр. 159.

[3] См. *С. Б. Горелик.* Политика США в Маньчжурии..., стр. 49—53; *А. А. Фурсенко.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей, стр. 157.

[4] Письмо Витте Муравьеву от 26 декабря 1899 г. опубликовано в кн.: *А. А. Фурсенко.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей, стр. 220—223.

Правительство США было очень заинтересовано в успехе своей инициативы с провозглашением доктрины «открытых дверей» в связи с предстоявшими президентскими выборами. Принятие всеми державами доктрины «открытых дверей» упрочило бы позиции республиканцев в деловом мире, заинтересованном в китайском рынке. С другой стороны, доктрина выглядела «либерально» и могла бы способствовать отражению критики общей политики США со стороны «антиимпериалистов». Положительные ответы пяти держав были налицо. На содержавшиеся там оговорки в госдепартаменте предпочли закрыть глаза, чтобы не умалять перед избирателями масштабов своего достижения. Не хватало ответа одной России, и вот в конце декабря 1899 г. американский посол посетил российское министерство иностранных дел и обратился с просьбой дать ответ безотлагательно, хотя бы и «в самой уклончивой форме» [1].

Это своеобразное ходатайство было удовлетворено царским правительством с большой поспешностью. Смысл его ответа сводился к согласию на принцип «открытых дверей» во всех портах Китая, за исключением арендованной Россией территории на Ляодунском полуострове. Но русская нота обходила молчанием вопрос о железнодорожных тарифах.

Поскольку русский ответ не был полным отказом, правительство США решило изобразить его перед публикой в качестве согласия. Так ему было выгоднее с точки зрения интересов предвыборной кампании. 20 марта 1900 г. Хэй поручил американским послам и посланникам подтвердить правительствам шести держав получение их ответов и заявить, что рассматривает все их как окончательное и полное согласие с политикой «открытых дверей». «Несносная поспешность Хэя» [2], — заметил по этому поводу Николай II.

Доктрина «открытых дверей» составила существенный этап в выработке специфических методов колониальной политики Соединенных Штатов. Либеральная личина скрывала империалистические притязания куда более обширные, чем у многих других, более откровенных участников борьбы за порабощение Китая.

Англо-американский договор о Панамском канале

Другой центральной проблемой внешней политики американского империализма явилось обеспечение монопольного господства США над будущим межокеанским каналом. Все возраставший интерес к экономической эксплуатации Китая усиливал стремление американского империализма

---

[1] *А. А. Фурсенко.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей, стр. 162.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1900 г., д. № 109, т. II, л. 359. Помета царя от 28 марта 1900 г. на телеграмме Кассини от 27 марта; *Фурсенко,* озн. соч., стр. 163.

к сокращению морского пути в Тихий океан от Атлантического побережья Соединенных Штатов. Канал давал также возможность перебрасывать по мере надобности Атлантическую эскадру военно-морского флота на Дальний Восток, а Тихоокеанскую эскадру в Атлантику, ибо путь вокруг мыса Горн был слишком длительным. Постройки канала все настоятельнее требовали военно-морские круги. Этого же добивались капиталисты, заинтересованные в экспансии на рынках Восточной Азии. Но имелись и силы противодействия: то были владельцы трансконтинентальных железных дорог, которым прорытие канала грозило снижением прибылей. Большая часть делового мира, однако, высказывалась за необходимость скорейшего его сооружения.

Вопрос о создании канала обсуждался уже несколько десятилетий: в 1850 г. Англия и США подписали так называемый договор Клейтона — Бульвера о нейтрализации будущего канала и о свободе плавания по нему. Англия и США обязывались совместно охранять нейтралитет и безопасность канала и приглашали все остальные державы присоединиться к ним в осуществлении этой задачи. Дипломатические и юридические формулы договора Клейтона — Бульвера означали исключение возможности единоличного контроля США над будущим каналом.

Президент Грант еще в 60-х годах XIX в. высказался за полновластное господство Соединенных Штатов над межокеанским путем. Правительство США стало добиваться пересмотра договора Клейтона — Бульвера [1].

Ст. 1 договора 1850 г. прямо запрещала «оккупировать, укреплять или колонизировать какую-либо часть Центральной Америки». Между тем после заключения договора Англия не раз захватывала в этом районе те или иные территории. Правда, впоследствии она вынуждена была отказаться от них. Тем не менее в Соединенных Штатах многие считали договор Клейтона — Бульвера нарушенным и потерявшим силу. Русский посол Кассини полагал, что этой точки зрения придерживалась большая часть конгрессменов [2].

Война в Южной Африке и изоляция Англии побудили английский кабинет прислушаться к пожеланиям США. Правительство Мак-Кинли воспользовалось благоприятным моментом и в 1898 г. потребовало от Англии пересмотра договора. Британский кабинет согласился.

---

[1] См. *Л. И. Зубок.* Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна. 1900—1939. М., 1948, стр. 205—232; *С. А. Гонионский.* История панамской «революции». М., 1958, стр. 39—40.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1900 г., д. № 109, т. I, л. 39, 67. Депеши Кассини № 7 и 12 от 13 февраля и 13 марта 1900 г.

5 апреля 1900 г. государственный секретарь Хэй и английский посол в Соединенных Штатах лорд Паунсфот подписали новый договор о режиме еще не существующего канала. В нем устанавливалось, что канал может быть построен под руководством правительства США — либо за его счет, либо частными лицами или акционерным обществом. Англия и США совместно подтверждали принцип его нейтрализации. Канал объявлялся имп свободным и открытым в военное и мирное время для прохода военных и торговых судов всех наций на основе полного равенства в отношении взимаемых платежей и других условий прохода. Запрещалась блокада канала и «осуществление на нем права войны», а также возведение укреплений, господствующих над каналом или примыкающими водами. Другие государства приглашались присоединиться к договору.

По новому акту управление каналом всецело переходило к США. В этом заключалась уступка Англии по сравнению с договором Клейтона — Бульвера. Но ответственность за соблюдение принципа нейтрализации канала по-прежнему несли совместно США и Англия. В случае присоединения к договору других государств последние разделили бы эту ответственность с обеими англосаксонскими державами. Таким образом, Соединенные Штаты получали далеко не полный политический и военный контроль над каналом. Кое-что Англия даже выигрывала от нового договора: сохранявшиеся за нею важные прерогативы основывались бы теперь на бесспорном международном обязательстве, в то время как договор Клейтона — Бульвера, по существу, потерял силу.

Договор вызвал в США протесты. Особенно резко возражали крайние империалисты во главе с Теодором Рузвельтом, бывшим в то время губернатором штата Нью-Йорк. В письме к Хэю [1] Рузвельт указывал, что США должны иметь право укреплять канал. Кроме того, по его мнению, договор противоречил «доктрине Монро», которая запрещает европейским державам осуществлять контроль в какой бы то ни было форме над любой частью Западного полушария, за исключением ранее приобретенных ими территорий. А новый договор как раз предполагал участие европейских держав в контроле над весьма важной территорией Нового Света: над зоной межокеанского канала. Сенат принял договор с поправками, которые меняли его смысл. Они предоставляли США исключительное и безраздельное господство над будущим каналом.

Английское правительство отказалось включить в уже подписанный договор поправки, односторонне внесенные сенатом

[1] Опубликовано в кн.: «The American Secretaries of State and their diplomacy», vol. IX, p. 154—156.

Соединенных Штатов. Но оно согласилось начать новые переговоры о пересмотре договора. В связи с осложнением обстановки в Южной Африке Англия сочла себя вынужденной сделать важные уступки. Пересмотренный договор был подписан 18 ноября 1901 г. теми же лицами — Хэем и Паунсфотом. В нем указывалось, что он полностью заменяет договор Клейтона — Бульвера, о чем первый вариант договора Хэя — Паунсфота умалчивал. Таким образом, неудобный для США договор 1850 г. устранялся полностью, вместе со всеми правами, которые он предоставлял Англии и присоединившимся третьим государствам. Принцип нейтрализации канала в новом варианте был сохранен, но его обеспечение становилось исключительной прерогативой США. Было опущено имевшееся ранее запрещение укреплять канал, отпало постановление о том, что он должен быть открыт для всех судов «как в военное, так и в мирное время». В результате этих изменений нейтрализация канала была сведена к фикции. США предоставлялось право содержать в районе канала «такую военную полицию, какая может оказаться необходимой для защиты канала от беззаконий и беспорядков». Было изъято предложение третьим державам присоединиться к договору [1].

Новый англо-американский договор стал известен под названием договора Хэя — Паунсфота. Он делал Соединенные Штаты единственным хозяином будущего межокеанского канала. Правительство США не замедлило дать договору удобную для себя интерпретацию. Нейтрализацию канала оно понимало весьма условно. Государственный секретарь заявил в сенате, что если США сами окажутся в состоянии войны, то они имеют якобы «право закрывать канал для всех других воюющих государств и защищать его... всеми средствами, которые окажутся необходимыми» [2].

Поскольку другие державы в договоре не участвовали, его политический смысл сводился к следующему: Англия соглашалась отдать канал в распоряжение Соединенных Штатов. В обмен за это США гарантировали английским кораблям свободный проход через канал на равных условиях с американскими — по крайней мере, пока США не находились в состоянии войны. Ввиду крупных размеров английской торговли с западным побережьем Южной Америки и Соединенных Штатов такая гарантия имела для Англии немаловажное значение.

---

[1] *W. M. Malloy.* Treaties, conventions, international acts, protocols and agreements between the United States and other Powers, vol. I. Washington, 1910, p. 782—784.

[2] Цит. по кн.: *J. W. Pratt.* A history of United States foreign policy, p. 399—400.

Фактический захват Панамского перешейка Соединенными Штатами

После скандального банкротства французской «Компании Панамского канала» организовалась так называемая «Новая компания Панамского канала» — тоже французская. Она располагала концессией на его сооружение, выданной правительством республики Колумбия, в состав которой входил Панамский перешеек. Однако «новая» компания, подобно старой, оказалась не в состоянии использовать концессию и соорудить канал. Она жаждала продать свои права, пока срок ее концессии еще не истек.

Кроме трассы через перешеек имелась другая технически возможная трасса для прорытия канала — по территории республики Никарагуа. Там уже имелся концессионер и тоже несостоятельный: американская «Компания никарагуанского морского канала». Она ничего не могла сделать без субсидий правительства США. В конгрессе и в его кулуарах развернулась ожесточенная борьба за выбор трассы — через Панамский перешеек или же через Никарагуа.

Главным лоббистом французской компании выступал некий Кромвель, совладелец крупной адвокатской конторы «Кромвель и Салливэн», той самой, в которой позже подвизался Дж. Ф. Даллес. В пользу панамского направления и, следовательно, французской компании были завербованы влиятельнейшие боссы республиканской партии Марк Ханна и Теодор Рузвельт. В 1900 г. Рузвельт был избран вице-президентом, а затем, после смерти Мак-Кинли, стал президентом Соединенных Штатов. У никарагуанской компании также были свои покровители во главе с сенатором от штата Алабама Морганом.

Нет необходимости излагать все перипетии ожесточенной борьбы двух клик крупных бизнесменов. Борьба продолжалась с 1899 до лета 1902 г.[1] Параллельно у правительства США происходили переговоры с французской компанией. Заручившись мощной поддержкой в правящих кругах США, компания заломила за свои «права» несуразно высокую цену. От имени компании в переговорах с американским правительством выступал ее крупный акционер и главный инженер, авантюрист и спекулянт Бюно-Варилья.

В палате представителей американского конгресса пересилили сторонники никарагуанской компании. Палата приняла билль о строительстве канала через Никарагуа.

---

[1] См. *Л. И. Зубок.* Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, стр. 214—218; *С. А. Гонионский.* История панамской «революции», стр. 43—63. См. для последующего обе означ. работы, а также «Diplomatic history of the Panama Canal», Washington, 1914.

Это обстоятельство встревожило воротил французской компании. Когда законопроект перешел в сенат, то в решающий момент в начале 1902 г. руководство французской компании спустило цену до 40 млн. долл. Этот шаг содействовал исходу борьбы в пользу панамского направления. По наблюдениям русского посла, владельцы трансконтинентальных железных дорог объединились со сторонниками канала через Панаму в усилиях провалить закон о сооружении канала через Никарагуа [1]. Поддержка президента и Марка Ханна завершила дело. 28 июня 1902 г. был издан закон — «акт Спунера», который уполномочивал президента выкупить права французской компании за 40 млн. долл., включая принадлежавшую ей железную дорогу, перерезавшую Панамский перешеек. Президент должен был договориться с Колумбией о предоставлении Соединенным Штатам полосы земли «в постоянное владение» для сооружения канала. Только в случае, если бы эти две задачи решить не удалось, закон позволял президенту начать переговоры с правительствами Никарагуа и Коста-Рики о сооружении канала по никарагуанской трассе. Выделялись средства на строительство — до 135 млн. долл. на канал через Панамский перешеек (плюс 40 млн. на расчеты с французской компанией) и до 180 млн. в случае прорытия канала через Никарагуа.

Исход борьбы капиталистических клик, воплощенный в «акте Спунера», определил направление дальнейшей деятельности американской дипломатии в вопросе о межокеанском канале. Собственно, договоренность с французской компанией уже имелась. Поэтому задача заключалась теперь в переговорах с правительством Колумбии. Либерализм и «открытые двери» тут были забыты. США старались, напротив, надежно запереть на будущем канале все двери и ключи положить в свой карман. Главными средствами дипломатии были военные корабли и десанты морской пехоты. Их воздействие дополнялось силой доллара. Дипломатия «большой дубинки» и дипломатия доллара работали рука об руку, в полном контакте. Общее руководство осуществлял сам президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт.

Правительство Колумбии и ее президент Маррокин занимали двойственную и колеблющуюся позицию. С одной стороны, они опасались убытков в случае прорытия канала через Никарагуа и ревниво наблюдали за отношениями этой республики с Соединенными Штатами. Но с другой стороны, их страшило проникновение империализма янки на Панамский перешеек. Сначала переговоры велись со стороны Колумбии через

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1900 г., д. № 109, т. I, л. 319. Депеша Кассини № 73 от 18 декабря 1900 г.

ее министра иностранных дел Маринеса Сильва, который был для этого командирован в Вашингтон. Американские требования к Колумбии носили явно колонизаторский характер. Договориться не удалось, и Сильва отбыл домой. Переговоры были возобновлены посланником Колумбии в США Конча. И с ним тоже государственному департаменту не удалось достигнуть соглашения. По требованию Т. Рузвельта Конча был отозван своим правительством. Дальше переговоры продолжались с поверенным в делах Эрраном. С ним 22 января 1903 г. государственный секретарь Хэй подписал договор, получивший название договора Хэя — Эррана. Не успели высохнуть чернила, как Эрран получил от своего правительства телеграмму с указанием не подписывать этого кабального соглашения. Указание запоздало: Эрран уже успел украсить документ своим автографом.

Договор Хэя — Эррана санкционировал передачу правительству США концессионных прав и имущества «Новой компании Панамского канала», включая железную дорогу. США получали от Колумбии сроком на 100 лет монопольное право на строительство канала, его эксплуатацию и контроль над ним. Им предоставлялась в пользование и распоряжение зона шириной 5 километров (3 мили) по каждому берегу канала. В этой зоне устанавливалась система смешанных судов, т. е. нечто близкое колониальному режиму капитуляций. Режим канала должен был быть установлен в соответствии с договором Хэя — Паунсфота, включая разрешение содержать в зоне канала американскую военную полицию. В договоре предусматривалось, что Колумбия может оказаться не в состоянии обеспечить оборону канала. В таком случае эта обязанность возлагалась на американские вооруженные силы. США уплачивали Колумбии за выдачу концессии 10 млн. долл. единовременно и мизерную сумму в 250 тыс. долл. ежегодно.

Сенат США ратифицировал этот колонизаторский договор. В Колумбии же он вызвал возмущение. Колумбийский президент колебался.

Тогда государственный секретарь Хэй пригрозил «большой дубинкой»: если договор не будет ратифицирован Колумбией, заявил он, то ближайшей зимой Соединенные Штаты примут такие меры, которые заставят каждого друга этой южноамериканской страны пожалеть об ее отказе от договора [1].

На этот раз угрозы со стороны янки возымели противоположное действие: 12 августа 1903 г. колумбийский сенат единогласно отклонил договор Хэя — Эррана.

Узнав об этом, президент Теодор Рузвельт пришел в ярость. В письмах и беседах этого времени он щедро расточал бранные

[1] См. *С. А. Гопионский.* История панамской «революции», стр. 90.

слова по адресу «низких тварей» — так именовал президент колумбийцев. «Акт Спунера» позволял президенту обратиться к никарагуанскому варианту канала. Но Т. Рузвельт твердо решил проложить канал через Панамский перешеек. То ли его располагали к этой трассе ее существенные преимущества — она была значительно короче, чем никарагуанская, то ли пристрастие президента определялось связями, установившимися у него с дельцами, поддерживавшими французскую компанию; то ли, наконец, он руководствовался желанием «проучить» строптивую латиноамериканскую республику, решившуюся перечить Соединенным Штатам! Видимо имели место все три мотива. Рузвельт впоследствии откровенно рассказал о своих замыслах в своей «Автобиографии»: «Я был готов порекомендовать конгрессу провести немедленную оккупацию перешейка каким бы то ни было образом и приступить к прорытию канала» [1]. Рузвельт даже подготовил проект послания конгрессу в этом смысле.

Но у правительства США имелось про запас и другое средство решения вопроса о канале через Панаму. Бюно-Варилья не забывал о 40 миллионах, причитавшихся его компании. В течение некоторого времени он запугивал Маррокина перспективой восстания на перешейке и его отделения от Колумбии. Угрозы не возымели действия. Тогда через служащих Панамской железной дороги Бюно-Варилья связался с местными сепаратистами. Американская разведка на Панамском перешейке тоже не сидела сложа руки. Она навербовала там значительную агентуру. В ее рядах был крупный землевладелец Аранго и несколько железнодорожных служащих. Среди них наиболее активным был некий Амадор Герреро, бывший врач, работавший на железной дороге. 13 сентября Хэй предложил Т. Рузвельту следующую программу действий: подождать восстания на перешейке против Колумбии и, когда оно начнется, сразу же произвести заблаговременно подготовленную интервенцию, выступив в поддержку мятежников [2]. К такому образу действий президент и склонился.

На смену дипломатам на первые роли теперь вышли разведчики, их агенты и командиры военных кораблей.

В сентябре 1903 г. из Панамы в Нью-Йорк отправился Амадор под предлогом необходимости лечения сына. По прибытии он связался с Кромвелем, а 23 сентября туда же приехал Бюно-Варилья. Здесь все трое договорились о дальнейших совмест-

---

[1] *Th. Roosevelt.* An Autobiography. N. Y., 1946, p. 521. См. (также и для последующего) *С. А. Гонионский.* История панамской «революции», стр. 110—135.

[2] «The American Secretaries of State and their diplomacy», vol. IX, p. 163—164.

ных действиях. Из Нью-Йорка Бюно-Варилья отправился в Вашингтон и там установил личный контакт с государственным департаментом. При его посредничестве этот авантюрист 9 октября был представлен президенту. Из бесед с Рузвельтом и государственным секретарем Бюно-Варилья убедился, что в случае если на перешейке начнется мятеж, то США вмешаются и не позволят Колумбии послать войска для подавления мятежников. Это было все, в чем он нуждался.

Конечно, Рузвельт и Хэй понимали, что в лице Бюно-Варилья и других заговорщиков перед ними авантюристы чистой воды. Приходилось соблюдать некоторую осторожность. Хэй не чуждался переписки с панамскими конспираторами. Но когда один из них, некий Габриэль Дюк, прямо попросил у государственного секретаря денег на подкуп офицеров панамского гарнизона, то Хэй счел за благо воздержаться от ответа. В беседах с Бюно-Варилья Рузвельт и Хэй явили образчик империалистической дипломатии, осуществляемой через негласных агентов. «Бюно-Варилья не имеет ни от меня, ни от Хэя никаких заверений... — писал Рузвельт. — Но он очень способный парень, и это уже его дело догадаться о том, что̀ наше правительство будет предпринимать. Я не сомневаюсь в том, что он способен сделать очень точную догадку и дать своим людям соответствующие советы. Он был бы очень глуп, если бы не сумел об этом догадаться» [1]. Непревзойденную сцену разыграл Хэй: не произнося неосторожных и связанных риском слов, государственный секретарь США в беседе с Бюно-Варилья с многозначительным видом подарил ему книгу о капитане Маклине — авантюристе, успешно подвизавшемся как раз в Центральной Америке. «Капитан Маклин», сообщает Бюно-Варилья, — это был «пароль, которым мы обменялись с г. Хэем» [2].

Президент и Хэй предполагали осуществить интервенцию не иначе, как под предлогом обеспечения свободы транзита через перешеек. Более полустолетия назад, в 1846 г., Соединенными Штатами был заключен договор с Новой Гранадой, как в те времена именовалась Колумбия. По этому договору США гарантировали нейтралитет Панамского перешейка и свободу транзита через него от одного океана к другому. По этому же договору США гарантировали также суверенитет Новой Гранады над перешейком. Теперь американское правительство думало сослаться на свои обязательства защищать свободу транзита. Ведь она могла бы быть нарушена, если бы колум-

[1] Цит. по кн.: «The American Secretaries of State and their diplomacy», vol. IX, p. 166—167; *С. А. Гонионский.* История панамской «революции», стр. 123.

[2] «The American Secretaries of State and their diplomacy», vol. IX, p. 167.

бийцы начали подавлять мятеж! О том, что тот же самый договор обязал их защищать суверенитет Колумбии, в Белом доме собирались спокойно «позабыть».

После столь плодотворного пребывания в столице Соединенных Штатов Бюно-Варилья вернулся в Нью-Йорк. Здесь он выдал Амадору 100 тыс. долл. на первые расходы по организации мятежа [1].

Все было продумано до мелочей. Были заготовлены даже проекты обращения к народу и конституции нового государства, которое предполагалось основать на Панамском перешейке. Предусмотрительность простиралась так далеко, что супруга Бюно-Варилья вышила флаг нового государства. Мятеж был назначен на 3 ноября [2].

15 и 16 октября военная и морская разведки информировали президента относительно обстановки на перешейке и о ходе подготовки восстания. А 19 октября трем кораблям американского военного флота были отданы приказы идти к перешейку и держаться неподалеку от него [3].

Еще через день, 20 октября, Амадор Герреро покинул Нью-Йорк и отправился обратно в Панаму. Там доллары сделали свое дело. Американская разведка и сами заговорщики завербовали колумбийского губернатора Панамы, генерала, являвшегося начальником гарнизона города, командира канонерки, стоявшей на панамском рейде, и ряд других офицеров.

Слухи, что в Панаме затевается что-то неладное, дошли до Боготы. Колумбийское правительство решило направить на перешеек верные ему войска. В то же время оно запросило государственный департамент, какую позицию займут США в случае, если на перешейке вспыхнут беспорядки?

Ответ гласил: Соединенные Штаты вмешаются исключительно с целью обеспечения свободного транзита. При этом подразумевались обязательства США по договору 1846 г. По поводу этого ответа колумбийский президент сказал, что в нем хитрость лисицы соединилась с силой слона для того, чтобы ограбить беззащитную Колумбию.

1 ноября 1903 г. правительство Колумбии заявило о своем намерении возобновить с США переговоры по поводу заключения договора о прорытии канала [4]. Но эта уступка не помогла ему, так же как в свое время Испании не помогло ее согласие прекратить военные действия на Кубе. В Вашингтоне твердо

---

[1] *J. W. Pratt.* A history of United States foreign policy, p. 407—408.

[2] См. *С. А. Гонионский.* История панамской «революции», стр. 119.

[3] «The American Secretaries of State and their diplomacy», vol. IX, p. 165.

[4] См. *С. А. Гонионский.* История панамской «революции», стр. 104.

решили отнять Панамский перешеек у Колумбии и превратить этот стратегически важный район в колонию США.

С приближением времени мятежа военные корабли США согласно приказу направились к перешейку — одни к порту Колон на Карибском его побережье, другие к Панаме — на Тихоокеанском. Командирам было предписано не допускать высадки колумбийских войск в любом пункте в пределах 50 миль от Панамы и поддерживать свободный транзит через перешеек. Приличия ради им запрещалось допускать также и высадку повстанцев [1]. Правительство США смело могло отдать такое приказание: мятежники находились на самом перешейке и им не требовалось высаживаться там. В случае надобности командирам американских кораблей поручалось высадить десант и оккупировать железную дорогу. Командиров предупреждали, что колумбийские войска направляются морем к перешейку. Военный корабль Соединенных Штатов «Нашвилл» прибыл в Колон 2 ноября вечером. Утром следующего дня в порт вошло колумбийское судно с войсками. Вследствие какой-то ошибки секретные инструкции командиру «Нашвилла» запоздали, и колумбийский отряд численностью около 400 человек беспрепятственно высадился на берег. Он имел указания двигаться в Панаму. Но американец, управляющий железной дорогой, отказался погрузить солдат, сославшись на отсутствие подвижного состава, который он предварительно заслал на противоположный конец линии. Он взялся доставить в Панаму лишь двух колумбийских генералов. Они прибыли туда поездом. Сначала их встретили с почетом на вокзале, а через час или два арестовали «как заговорщиков».

Государственный департамент, узнав о высадке колумбийцев, был объят беспокойством: как бы колумбийский отряд не добрался до города Панамы! Взволнованные руководители госдепартамента засыпали телеграммами и консула в Колоне и вице-консула в Панаме с предписаниями командирам американских кораблей ни в коем случае не допускать отправки солдат из Колона в Панаму и запросами, почему же запоздали инструкции командиру корабля. Сообразительность железнодорожной администрации избавила, впрочем, правительство США от неприятных последствий.

Вечером того же дня, 3 ноября, в городе Панаме был произведен «переворот». В связи с высадкой колумбийцев в Колоне переворот решили совершить досрочно. Была разыграна комедия с «арестом» подкупленного губернатора, арестованы немногие офицеры, оставшиеся верными правительству, составлен «правительственный комитет», куда вошел Аранго с не-

[1] *J. W. Pratt.* A history of United States foreign policy, p. 408.

сколькими соучастниками. На следующий день было публично провозглашено образование нового государства — Республики Панама. Амадор Герреро стал президентом. В тот же день город Колон, где стоял колумбийский отряд, был оккупирован десантом, высаженным с американского корабля. «Нашвилл» открыл огонь по стоящей на рейде колумбийской канонерке. Колумбийский полковник был запуган. Ему дали 8 тыс. долл., с тем чтобы он немедленно погрузился со своими солдатами на пароход и скорее отбыл восвояси.

На другой стороне перешейка колумбийская канонерка обстреляла было Панаму. Но и здесь Соединенные Штаты самым непосредственным образом вмешались в ход событий: по указанию госдепартамента американский вице-консул уведомил командира канонерки, что правительство США, «отвечающее за поддержание мира и сохранение свободного транзита через перешеек, желает, чтобы он воздержался от бесцельного обстрела города» [1]. К Панаме подходили американские военные корабли, и колумбийская канонерка поспешила ретироваться.

Новоиспеченное правительство через американского вице-консула в Панаме обратилось к США с просьбой о признании. Просьбу удовлетворили с быстротой поразительной — уже 6 ноября признание совершилось. В Боготе только в этот день распространилась весть о панамской «революции». Правительству пришлось выставить охрану для защиты американской миссии от народного гнева. Оно предприняло еще одну, довольно беспомощную попытку договориться с правительством США, наивно пытаясь получить его согласие на отправку колумбийских войск в Панаму. Получив отказ, правительство Колумбии заявило протест, оставшийся без ответа. Колумбийской правительственной делегации, направленной в Колон, адмирал, командовавший собравшимися там американскими кораблями, не позволил даже высадиться на берег.

На другой день после переворота Бюно-Варилья был назначен посланником Республики Панама в США. При этом он получил довольно своеобразные полномочия представлять республику не только перед правительством Соединенных Штатов, но и перед всеми правительствами, имеющими посольства и миссии в Вашингтоне. Главной задачей нового посланника было заключение с США договора о строительстве Панамского канала. И это было сделано с предельной быстротой: уже 18 ноября 1903 г. договор был подписан.

Заработав для своей компании 40 миллионов долларов, Бюно-Варилья вскоре сообщил панамскому правительству, что

---

[1] Цит. по кн.: *С. А. Гонионский.* История панамской «революции», стр. 129.

складывает с себя обязанности посланника республики. Весной 1904 г. этот проходимец возвратился во Францию.

Правительство США знало, что делало, когда организовывало и поддерживало мятеж на Панамском перешейке: по договору Хэя — Бюно-Варилья оно получило еще больше привилегий, чем даже по договору Хэя — Эррана. По новому договору (ст. 1) США гарантировали независимость Панамской республики. Ширина зоны канала увеличивалась с 6 до 10 миль (16 километров). Вся зона передавалась Соединенным Штатам уже не на 100 лет, а «на вечные времена». Вне этой зоны Панама уступала США права пользования и контроля на земли, которые «могут оказаться необходимыми для постройки, поддержания эксплуатации, приведения в санитарное состояние и защиты названного канала». США получили — тоже «на вечные времена» — группу из четырех небольших островов в Панамском заливе (ст. 2). Зоной канала США, согласно договору, «будут владеть и пользоваться, как если бы они были сувереном территории» (ст. 3). Панама уступала США — опять же навеки — постройку, поддержание и эксплуатацию всей системы сообщений по каналам или железным дорогам через ее территорию между Карибским морем и Тихим океаном (ст. 5). В городах Панама и Колон, оставшихся вне зоны канала, США получали право приобретать недвижимость. Оба города должны были подчиняться всем санитарным распоряжениям американских властей, причем правительство Соединенных Штатов получало право «принудить их к этому», если бы правительство Панамы не смогло это сделать.

Такие же права и власть предоставлялись Соединенным Штатам в деле поддержания общественного порядка в обоих городах, если бы, по мнению Соединенных Штатов, Панамская республика оказалась неспособной выполнить эти функции (ст. 7). Не следует забывать, что один из этих городов стал столицей новой республики. Легко себе представить, чего стоила в те времена ее «независимость»!

В договоре от 18 ноября 1903 г. повторялись положения договора Хэя — Эррана о передаче США концессионных прав «Новой компании Панамского канала» (ст. 8), о денежных платежах со стороны США «за сделанные уступки» (ст. 14), с той существенной разницей, что платежи эти теперь предназначались уже не Колумбии, а Панамской республике, о нейтрализации канала в соответствии с постановлениями договора Хэя — Паунсфота (ст. 18) и т. д. Большое значение имела ст. 23: «Если бы когда-либо оказалось необходимым употребить вооруженные силы для ограждения безопасности или защиты канала или пользующихся им судов, или железных дорог, или вспомогательных сооружений, — гласила она, — то США будут

иметь право во всякое время и по своему усмотрению пользоваться в этих целях своей полицией и своими сухопутными и морскими силами и сооружать укрепления». Панама (по ст. 25) соглашалась, кроме того, продать или уступить Соединенным Штатам земли на обоих своих побережьях для устройства на них «морских или угольных станций». Так выглядел договор с Панамой — произведение дипломатии «большой дубинки». Для ее подкрепления американские военно-морские силы остались в портах Панамской республики. Новое государство с самого рождения было оккупировано Соединенными Штатами.

По сравнению с грабительским американо-панамским договором от 18 ноября 1903 г. даже такие сочные плоды империалистической дипломатии, как концессионные договоры на Багдадскую или на Китайско-Восточную железную дорогу, могут показаться документами, преисполненными уважения к национальному суверенитету.

Договор Хэя — Бюно-Варилья был одобрен сенатом Соединенных Штатов 23 февраля 1904 г. Имелась оппозиция: возглавлял ее сенатор Морган, представитель группы дельцов, выступавших за никарагуанскую трассу канала. Газета «Нью-Йорк таймс» назвала политику Теодора Рузвельта «скандальной, недостойной и бесчестной». Протестовали, конечно, и антиимпериалисты. Большая же часть буржуазной прессы поддерживала президента и его политику «большой дубинки».

Сооружение канала закончили через десять лет — в 1914 г.

Колониальное закабаление Кубы

Одновременно с закабалением Панамы правительство Соединенных Штатов завершило усилия по превращению Кубы в свою колонию [1]. В ходе испано-американской войны остров был оккупирован американскими войсками. Отказавшись признать кубинское революционное правительство, США установили на острове свои оккупационные власти во главе с военным губернатором. Вопреки многократным обещаниям президента и конгресса предоставить Кубе независимость, в Парижском мирном договоре это обязательство не нашло своего отражения. Там говорилось только об оккупации острова Соединенными Штатами. Из текста договора можно заключить, что американский оккупационный режим мыслился как временный, но срок для его ликвидации установлен не был.

Президент Мак-Кинли и его правительство решили не давать обещанной народу Кубы свободы. Они замыслили установить над островом протекторат Соединенных Штатов. Об этом свидетельствовало президентское послание конгрессу от 5 де-

[1] См. *Л. И. Зубок.* Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, стр. 283—293.

кабря 1899 г. «Новая Куба, — писал президент, — будет нуждаться в том, чтобы быть связанной с нами узами особой интимности и силы, если ей должно быть обеспечено длительное благосостояние».

Сохранить на Кубе в неприкрытом виде оккупационный режим было нелегко. Слишком силен был там подъем национального самосознания, слишком развиты освободительные стремления народа, сложившиеся в течение вековой борьбы против иноземного господства. Уступая требованиям кубинцев, правительство США согласилось назначить выборы в Учредительное собрание. Об этом было объявлено в приказе губернатора от 25 июля 1900 г. Тем же приказом на собрание возлагались две задачи: во-первых, оно должно было разработать конституцию Кубы; во-вторых, эта конституция должна была включать специальный раздел о характере отношений между Кубой и ее фактическим новым господином. Текст этого раздела должен был предварительно быть согласован с правительством Соединенных Штатов.

Учредительное собрание открылось в ноябре 1900 г. Оно разработало конституцию и приняло ее 21 февраля 1901 г. Но в конституции не содержалось никаких постановлений об отношениях с Соединенными Штатами. Кубинская республика мыслилась в этом документе как совершенно независимое государство. Учредительное собрание игнорировало приказ оккупантов.

В ответ правительство США прибегло к средствам давления. В конгрессе как раз предстояло утверждение ассигнований на армию. Военный министр Рут подготовил проект поправки к закону об ассигновании потребных средств. Поправка гласила, что президент уполномочивается прекратить военную оккупацию Кубы, как только там будет создано правительство, действующее на основе такой конституции, которая определила бы будущие отношения между Кубой и Соединенными Штатами. Тут же обстоятельно излагался характер этих отношений. Во-первых, Куба не должна была заключать каких-либо договоров с иностранными державами, которые подрывали бы ее независимость или предоставляли бы иностранцам контроль над какой-либо частью кубинской территории. Навязывая Кубе такое условие, правительство США старалось застраховать себя от возможности появления на Кубе военных баз или концессий европейских держав. Во-вторых, Куба должна была принять обязательство не заключать займов, превышающих ее платежеспособность. Особую важность представляло третье условие: Кубе предлагалось признать за США право на интервенцию в целях «защиты» ее независимости и для поддержания на острове правительства, способного защитить жизнь, собственность, лич-

ную свободу и выполнять обязательства перед Соединенными Штатами. Не трудно видеть, что американский империализм хотел зафиксировать за собой право вмешиваться во внутренние дела Кубы ради установления там угодного ему правительства. На Кубу возлагалась также обязанность продать Соединенным Штатам или сдать им в аренду землю, необходимую для организации угольных станций и военных баз в пунктах, подлежащих дополнительному согласованию [1]. Все эти обязательства должны были составить часть кубинской конституции и вместе с тем быть оформлены в виде договора Кубы с Соединенными Штатами.

Поправка, фактически сформулированная Рутом, была внесена сенатором Платтом и вошла в историю под названием «поправки Платта». Это должно было маскировать ее правительственное происхождение.

Американский сенат принял поправку. Кубинское же Учредительное собрание решительным образом осудило ее содержание. Особое негодование вызвало притязание США на вмешательство в дела Кубы. В Вашингтон была направлена специальная делегация для переговоров, но в американской столице посланцы кубинского народа быстро убедились, что ждать уступок — дело напрасное. От принятия условий «поправки Платта» зависело прекращение ненавистной американской оккупации. Учредительное собрание Кубы уступило нажиму американского империализма. Содержание «поправки Платта» вошло в кубинскую конституцию как ее неотъемлемая часть в виде специального приложения и составило основу «постоянного договора» об отношениях Кубы с Соединенными Штатами, заключенного 22 мая 1903 г. Еще до этого, в феврале, было подписано соглашение о сдаче Кубой в аренду Соединенным Штатам двух морских баз — в Гуантанамо, остающейся и поныне опорным пунктом американского империализма на Кубе, и в Байа-Онда. Президентом Кубинской республики был избран Э. Пальма — человек, весьма угодный правительству Соединенных Штатов. Политика «большой дубинки» орудовала на Кубе не хуже, чем в Панаме.

В 1906 г. Пальма организовал свое собственное переизбрание, не чуждаясь при этом самых грязных махинаций. Эксплуатация страны американским капиталом и произвол американских агентов вызвали на Кубе восстание. Пальма обратился к Т. Рузвельту с просьбой о помощи. Американский империализм откликнулся на призыв своего ставленника. К берегам Кубы были направлены военные корабли. 12 сентября они бросили якорь на рейде кубинской столицы. Через несколько

[1] *J. W. Pratt*, A history of United States foreign policy, p. 415.

дней туда же прибыли наводить порядок военный министр Тафт, преемник Рута, и помощник государственного секретаря Р. Бекон. Словом, США прибегли к «праву» интервенции. Тафт был поставлен губернатором Кубы и на некоторое время даже возглавил временное правительство острова. Американские войска оставались в Кубинской республике до января 1909 г. Но уже в июне 1912 г. в ее пределы снова была введена морская пехота США для подавления восстания негритянского населения.

Американская дипломатия постоянно вмешивалась в дела Кубы и грозила репрессиями. Особенно ревниво следила она за тем, чтобы на Кубе не предоставлялось концессий капиталу других стран, кроме США, а перед американскими предпринимателями все двери были открыты настежь.

Нетрудно видеть, что «поправка Платта» сделала независимость Кубы такой же фикцией, в какую договор Хэя — Бюно-Варилья превратил независимость Панамы. Куба стала страной, в финансовом, экономическом и политическом отношении зависимой от американского империализма.

США и англо-германское выступление против Венесуэлы

В конце 1901 г. в Карибском бассейне, который США так быстро прибирали к рукам, возник международный конфликт с участием европейских держав. Германия, Англия и Италия заявили материальные претензии правительству Венесуэлы. Речь шла о возмещении убытков, понесенных гражданами этих стран во время внутренних волнений в стране, о компенсации за задержание торговых судов венесуэльскими военными кораблями, о взыскании просроченных долгов. Германское правительство решило прибегнуть к репрессалиям: подвергнуть блокаде побережье Венесуэлы и даже оккупировать некоторые порты. В 1902 г. оно предложило английскому правительству предпринять эти действия совместно. В Лондоне согласились, но с поправкой. Там предложили захватить канонерки, составлявшие военный флот Венесуэлы, но высказались против занятия портов, ибо оно могло потребовать значительного числа войск[1]. 7 декабря 1902 г. представители обеих держав в Венесуэле предъявили ее правительству ультимативные требования об удовлетворении их претензий. Не дождавшись ответа, германские и английские корабли частью захватили, а частью потопили венесуэльский военный флот, обстреляли прибрежные укрепления. 20 декабря Германия и Англия объявили блокаду побережья Венесуэлы. К ним присоединилась и Италия. «Выколачивают долги из Венесуэлы», — отметил Ленин[2].

[1] «British Documents», vol. II, № 172, 177, p. 154, 160.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., изд. 4, т. 39, стр. 669.

Правительство США было предуведомлено английским и германским правительствами о предполагаемых репрессивных мерах против латиноамериканской страны. Теодор Рузвельт и его правительство не возражали. Препятствовать взысканию платежей с несостоятельного должника им не позволяла их капиталистическая логика.

Но демонстрация силы со стороны великих держав Европы в Карибском море была тем не менее американским империалистам и лично президенту в высшей степени неприятна. В США поднялось недовольство действиями трех европейских держав. Больше всего оно было направлено против Германии. В прессе, в конгрессе, в правительственных кругах ей приписывали захватнические планы в Карибском море и в Южной Америке. С раздражением вспоминали в США о пребывании германской эскадры в Манильской бухте во время войны против Испании. Капитал, вложенный в кораблестроительную промышленность, включая влиятельные судостроительные фирмы «Крамп» и «Скотт», а также военно-морские круги использовали вражду к Германии для развертывания агитации в пользу нового усиления военного флота [1]. Положение осложнялось выступлением Аргентины: министр иностранных дел Драго 29 декабря 1902 г. обратился к США с нотой. В ней осуждались действия европейских держав в отношении Венесуэлы. Это был своего рода манифест стран-должников, вошедший в международное право под именем «доктрины Драго». Аргентина провозглашала принципиальную недопустимость применения в международных отношениях силы в целях взыскания долгов.

Вся политика Рузвельта в отношении стран Латинской Америки решительно противоречила «доктрине Драго». Но выступать против американской республики в поддержку европейских держав тоже было в высшей степени неполитично. Это могло бы подорвать позиции США в Латинской Америке.

Чтобы найти выход из создавшегося положения, Т. Рузвельт подсказал венесуэльскому правительству мысль о передаче спора на третейское разбирательство. Венесуэльский диктатор президент Киприано Кастро послушался этого совета. Через посредство США он предложил Англии, Германии и Италии решить спор путем арбитража. Флот США провел при этом в Карибском море весьма внушительные «маневры».

Предложение было принято. Три державы предложили президента США в качестве третейского судьи. Если же он не сможет принять на себя эту обязанность, дело предлагалось передать на рассмотрение недавно учрежденного Гаагского трибунала. Между послами Германии и Англии и посланником

[1] «British Documents», vol. II, № 180, 184, 189, p. 162, 163, 166.

Венесуэлы в Вашингтоне начались переговоры о подробностях. Германия занимала наиболее несговорчивую позицию.

Во время переговоров германские корабли возобновили бомбардировку венесуэльского побережья. Английская эскадра к ним не присоединилась, и это содействовало дальнейшему обострению англо-германских отношений. Английский посол в Вашингтоне по секрету от германского коллеги поддерживал контакт с госдепартаментом. Попытки германского правительства взять в вашингтонских переговорах курс на дальнейшее обострение отношений с Венесуэлой вызвали возражения Рузвельта. По договоренности с англичанами он обратился 31 января 1903 г. к германскому правительству, настаивая на скорейшем урегулировании конфликта с Венесуэлой. В Лондоне, со своей стороны, старались умерить немецкие требования. 7 мая были подписаны протоколы между Венесуэлой и тремя державами о порядке удовлетворения их претензий. Блокада побережья была снята.

Этот эпизод сыграл большую роль в развитии политики американского империализма. Поскольку США стремились к монопольному господству в Западном полушарии, для них важно было предотвратить повторение таких случаев, как выступление трех европейских государств против Венесуэлы. Империалисты знали, что поводов для таких выступлений в Латинской Америке с постоянными государственными банкротствами всегда будет сколько угодно. Но, конечно, избежать повторения подобной интервенции со стороны европейцев Рузвельт думал отнюдь не на путях «доктрины Драго»: он менее всего предполагал отказываться от методов насилия в каких бы то ни было случаях, особенно же если дело шло о взыскании долгов. Президент наметил иное решение для предотвращения выступлений европейских держав против американских республик.

Из «доктрины Монро», по мнению Рузвельта, следовало сделать новый вывод: «Хронический беспорядок (wrongdoing) или же неспособность, следствием которой является общее ослабление связей цивилизованного общества, может вызвать в Америке, как и повсюду, настоятельную потребность в интервенции какой-либо цивилизованной нации. В Западном полушарии приверженность Соединенных Штатов к «доктрине Монро» может принудить их в вопиющих случаях таких беспорядков или неспособности, хотя и с неохотой, исполнять роль международной полицейской силы». Этот свой «вывод» из «доктрины Монро» Рузвельт публично изложил в послании конгрессу 6 декабря 1904 г.[1]

[1] «Foreign Relations of the United States, 1904», p. XLI. См. *М. А. Окунева,* Происхождение и характер латиноамериканской доктрины Теодора Рузвельта. «Новая и новейшая история», 1961 г., № 5, стр. 52—64.

Таково было изобретенное Теодором Рузвельтом «теоретическое обоснование» «права» США на вмешательство во внутренние дела стран Американского континента, т. е. «политики большой дубинки». «Выводы» из «доктрины Монро», во-первых, должны были дать Соединенным Штатам повод для вмешательства в дела латиноамериканских государств в качестве «полицейской силы», чтобы возможно полнее подчинить их своему влиянию; во-вторых, рузвельтовские «выводы» из «доктрины Монро» были направлены на всемерное уменьшение европейского влияния в Америке. Вмешательство США в дела американских государств должно было иметь превентивный характер и предотвращать всякие поводы для интервенции европейцев. Соединенные Штаты становились жандармом Америки. Новоявленный полицейский выступал с «доктриной Монро» в качестве эмблемы на своей кокарде и с полицейской дубинкой в руках. «Доктрина Монро» полностью превратилась в идеологическо-дипломатическое орудие империалистической политики США.

Закабаление Доминиканской республики

Уже в самом непродолжительном времени США выступили в полицейской роли по отношению к Доминиканской республике [1]. Ее финансовые дела находились в полном расстройстве. Правительство Т. Рузвельта поторопилось вмешаться. Оно опять ссылалось при этом на необходимость предотвратить интервенцию европейских кредиторов. Держателями долговых обязательств Доминиканской республики были французские, бельгийские, германские капиталисты. Но самыми крупными являлись американские в лице нью-йоркской «Компании по развитию Сан-Доминго». В 1903—1904 гг. правительство США добилось от Доминиканской республики в интересах этой компании передачи ей таможен в некоторых портах, с тем чтобы их доходы служили обеспечением долгов. Но такое преимущество для одного кредитора по сравнению с другими вызвало протесты со стороны европейских держателей доминиканских долговых обязательств. Из-за контроля над таможенными доходами республики мог разыграться международный конфликт, который снова привел бы к активизации европейских держав в Карибском море.

По поручению государственного департамента американский посланник в Доминиканской республике Даусон порекомендовал президенту Моралесу обратиться к правительству США с предложением взять на себя бремя руководства таможнями и взиманием таможенных пошлин, дабы за счет этого источника

[1] См. *Л. И. Зубок.* Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, стр. 348—352.

доходов удовлетворить претензии уже всех кредиторов. 20 января 1905 г. в столице Доминиканской республики Сан-Доминго было подписано соглашение с правительством Соединенных Штатов. США гарантировали территориальную целостность Доминиканской республики, брали на себя упорядочение ее внешних и внутренних долговых обязательств, а также управление таможнями и таможенными доходами, из которых 45% должно было выделяться в бюджет республики, а остальное шло на уплату долгов и процентов по ним. Рузвельт хотел провести это соглашение помимо сената, распоряжением исполнительной власти. Но это вызвало со стороны конгресса столь сильный протест, что президент распорядился переделать подписанный документ, изъяв оттуда постановления, которые могли бы особенно затруднить прохождение договора в сенате. Так обязательство США гарантировать территориальную целостность Доминиканской республики было заменено обязательством «уважать» ее целостность. Не дожидаясь затянувшегося решения сената о ратификации договора в Доминиканской республике был высажен десант морской пехоты. Американский офицер был поставлен во главе управления таможнями.

В 1907 г. сенат утвердил договор. Тем временем была проведена также конверсия долга Доминиканской республики на нью-йоркской бирже. Новый заем выпустил банкирский дом «Кун, Леб и К°». Все это привело к тому, что Доминиканская республика вслед за Кубой и Панамой оказалась опутанной сетями экономической и финансовой зависимости от Соединенных Штатов. «Уважение целостности» Доминиканской республики, гарантированное США, на деле выразилось в том, что американский капитал проглотил ее целиком.

Политический нажим США обеспечивал экспансию американского капитала в странах Центральной Америки, а эта экспансия в свою очередь укрепляла политическое влияние Соединенных Штатов. Дипломатия и десанты морской пехоты пробивали дорогу доллару, а доллар в свою очередь облегчал работу дипломатии и вооруженной силы. «Политика «большой дубинки», проводившаяся Теодором Рузвельтом, — пишет советский историк политики Соединенных Штатов в Центральной Америке, — была неотъемлемой частью «дипломатии доллара». Т. Рузвельт подготовлял путь для проникновения американских банкиров и промышленников в страны Карибского бассейна» [1]. Вслед за Кубой, Панамой и Доминиканской республикой жертвами дипломатии доллара и «большой дубинки»

---

[1] *Л. И. Зубок.* Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, стр. 85—86.

стали Никарагуа, Гаити, а затем и другие страны Центральной Америки. Уже в период президентства Мак-Кинли и Рузвельта Центральная Америка и Карибское море были превращены в сферу преимущественного влияния США. Не составляла исключения и крупнейшая страна этого района Мексика. При диктатуре Диаса произошло подчинение экономики Мексики капиталу Соединенных Штатов. Позже, ко времени первой мировой войны Мексика стала жертвой большой вооруженной интервенции США.

В большинстве стран Центральной Америки Англия сочла себя вынужденной отступить на второе место. Иначе обстояло дело в Южной Америке. Там влияние английского империализма оставалось преобладающим, особенно в Аргентине, Чили, Бразилии, Уругвае, Колумбии.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

НА ПУТЯХ К РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ (1900—1903 гг.)

Народное восстание в Китае

В то время как в Южной Африке шла война и резонанс ее слышался то в Персии, то в Афганистане, то в Марокко и даже на островах Самоа, в то время как американский империализм подчинял себе Центральную Америку, на Дальнем Востоке назревали события еще более крупные: там началась мощная реакция народных масс на колониальную экспансию капиталистических держав. Закабаление и частичный раздел Китая вызвали в стране широкое антиимпериалистическое народное движение. В 1898—1899 гг. произошел ряд местных вспышек. Начавшись в Шаньдуне, движение перекинулось в Чжили, Шаньси и северо-восточные провинции (Маньчжурию). В мае 1900 г. оно вылилось в большое народное восстание. Им руководило тайное общество «Ихэтуань», что значит «ополчение мира и справедливости». Ранее это общество называлось «Ихэцюань» — «кулак во имя мира и справедливости». Слово «кулак» в наименовании этой организации дало повод иностранным империалистам окрестить повстанцев «боксерами».

Восстание в основе своей носило крестьянский характер. Оно было направлено против иностранцев — «рыжих дьяволов». Но крестьянские массы были полны ненависти также к китайским помещикам и продажной цинской бюрократии.

Уровень сознательности народных масс Китая был еще низок[1]. Идеология повстанцев основывалась на старокитайских представлениях феодальной эпохи и не освободилась от традиционного почитания императорской власти. Были среди ихэтуаней люди, обращавшиеся к памяти о династии Минов, противопоставляя ее цинским правителям. Но большинство руководителей восстания шло под лозунгами преданности царствующей династии. «Смерть иностранцам!»[2] — гласил их призыв. Объективно движение «Ихэтуань» сыграло прогрессивную роль. Несмотря на свою идеологическую отсталость, оно содействовало развитию антиимпериалистической борьбы.

В мае — июне 1900 г. восстание охватило районы Пекина и Тяньцзиня. Начались волнения на Пекин-Тяньцзиньской железной дороге. Пекинской иностранной колонии и дипломатическим миссиям грозила опасность изоляции от внешнего мира. Цинские власти, сами находясь в крайнем страхе перед массовым восстанием, старались отвести от себя грозу. Они прилагали усилия к тому, чтобы направить народную ненависть всецело против иностранцев, обломить у народного движения антифеодальное острие.

---

[1] См. *Ху Шэн.* Агрессия империалистических держав в Китае. М., 1951, стр. 132 и сл.

[2] Там же, стр. 134.

В рядах цинской правящей клики происходила борьба. Старофеодальная группировка во главе с императрицей Цыси и князем Дуанем пыталась использовать ихэтуаней в своих целях[1]. Сторонники императрицы демагогически приняли позу покровителей движения против иноземцев. Помещичьи феодальные круги боялись чужеземных новшеств. Ненависть ко всему новому и иностранному помогла Цыси и Дуаню стать на этот путь. Такой курс встречал оппозицию среди части правящей верхушки. Оппозицию представляли наместники провинций района реки Янцзы — большей частью агенты английского империализма, связанные с компрадорской буржуазией, а также наместник Шаньдуна Юань Ши-кай и Ли Хун-чжан.

В районе столицы повстанцы стали господами положения. Это заставило цинскую монархию искать путей к тому, чтобы взять движение в свои руки. 10 июня князь Дуань был назначен главой Цзунлиямыня.

13 июня отряды «Ихэтуань» появились в самом Пекине. 15-го была прервана телеграфная и почтовая связь китайской столицы с внешним миром. 20 июня на улице Пекина был убит германский посланник Кеттелер. Вслед за тем повстанцы осадили дипломатические миссии. «Известия тревожного характера, получаемые теперь из Китая, как и следовало ожидать, страшно взволновали здешнее общество и заслонили на некоторое время своим грозным величием все заботы о предстоящей президентской кампании»[2] — так описывал русский посол в США состояние умов в стране своего пребывания. Не иначе обстояло дело и в Европе. Великий китайский народ поднялся на борьбу против империализма. И от одной мысли об этом содрогались империалисты всех стран.

В устье реки Бейхэ были сосредоточены военные корабли великих держав. Двухтысячный сводный отряд, составленный из моряков, был высажен на берег. Он предпринял попытку пробиться к Пекину, но потерпел неудачу. С моря подход к Тяньцзиню по реке Бейхэ запирала крепость Дагу. Адмиралы, командовавшие эскадрами, 16 июня 1900 г. направили ультиматум коменданту крепости, требуя капитуляции. Получив отказ, они подвергли бомбардировке форты. 17 июня крепость была взята силами десанта. Цинское правительство в ответ объявило войну державам-интервентам.

Было очевидно, что для захвата китайской столицы империалистам наличных сил недостаточно. Для этого требовалась более значительная интервенция заинтересованных империалистических держав. Ее объявленной официальной целью было освобождение дипломатических представительств и пекинской иностранной колонии. Но на самом деле организаторы интервенции пеклись не только о жизни и здравии своих соотечественников. Главным стимулом их выступления была боязнь за империалистические привилегии в Китае. Что их надо сохранить во что бы то ни стало — в этом после долгих лет беспрерывной взаимной грызни все империалисты оказались согласны друг с другом. «Душат Китай все вместе: Германия+Россия+Соединенные Штаты+Япония+Англия+Франция»[3], — писал В. И. Ленин.

Но солидарность империалистов в деле подавления национального движения не ликвидировала противоречий между ними.

Какими силами подавить восстание? Уже на этот счет сговориться оказалось нелегко.

За переговорами скрывалась старая борьба за влияние в Китае. Ясно было, что, кто «освободит» пекинский посольский квартал, тот и

---

[1] См. *Фань Вэнь-лань.* Новая история Китая, т. I, стр. 523—525.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1900 г., д. № 109, т. 1, л. 174. Депеша Кассини № 38 от 20 июня 1900 г.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 669.

станет хозяином столицы. Английская дипломатия предлагала поручить подавление «боксеров» японцам, ибо рассчитывала образовать из них в Пекине заслон против России. Японским правящим кругам пришелся весьма по вкусу этот план: им хотелось утвердиться в Пекине с санкции других держав. Но в России смотрели на японскую интервенцию резко отрицательно. Не менее враждебно относились к ней в Берлине. Кайзер хотел, чтобы главную роль играли его собственные войска. Он рассчитывал, что это поможет германскому империализму занять новые позиции в Китае. В конце июня России и Германии удалось сорвать английское предложение.

После этого договорились на том, что все великие державы пошлют в Пекин воинские контингенты. На пост главнокомандующего международной карательной экспедицией Вильгельм II предложил германского генерала Вальдерзее. Россия приняла это предложение: она предпочитала германское командование и японскому и английскому. На русское же командование никогда не согласились бы ни Англия, ни Япония. К России нехотя присоединилась Франция. После этого и другим державам пришлось принять кандидатуру Вальдерзее. Кайзер был весьма польщен, что международным корпусом будет командовать его генерал. Он произвел Вальдерзее в фельдмаршалы. 27 июля 1900 г., обращаясь к отправлявшимся в Китай войскам, Вильгельм публично призывал их учинить там самую свирепую расправу. «Пощады не давать, пленных не брать», — приказывал кайзер. Пусть китайцы столь же твердо запомнят германское имя, как в свое время народы Европы запечатлели в памяти гуннов и их вождя Аттилу! В таком стиле еще много распространялся коронованный глава германского империализма.

Впрочем, когда германский фельдмаршал прибыл на театр военных действий, восстание в основном было подавлено. Еще до его прибытия из Тяньцзиня на Пекин двинулся международный экспедиционный корпус под командованием старшего из находившихся на месте офицеров — русского генерала Линевича. Силами свыше 20 тыс. войска империалистов 14 августа вступили в Пекин и «освободили» миссии. Цинское правительство покинуло столицу и бежало в город Сиань.

Когда прибыл Вальдерзее, ему пришлось ограничить свою деятельность карательными экспедициями против китайских городов и деревень. Иностранные офицеры подвергли варварскому грабежу пекинские дворцы; японские милитаристы перещеголяли всех, вывезя домой вместе с другой добычей китайский государственный серебряный запас [1]. В то время как империалисты грабили Пекин и избивали китайцев, буржуазная печать кричала о «желтой опасности», якобы угрожающей западной культуре.

Иностранная интервенция не ограничилась районом столицы. В июле, в разгар восстания, повстанцы совершили нападения на русские железные дороги в Маньчжурии. Значительная часть построенного пути была разрушена. Воспользовавшись этим, царское правительство ввело свои войска в северо-восточные провинции Китая. К середине октября ими была оккупирована вся Маньчжурия.

Иностранными войсками был захвачен также и Шанхай, хотя в отличие от Маньчжурии этот город и не был охвачен восстанием. Тем не менее английское правительство высадило в Шанхае десант. Английская дипломатия укрепляла связи с наместниками бассейна Янцзы. Она клонила к тому, чтобы насадить в районе Янцзы марионеточные правительства, независимые от Пекина, но зато весьма зависимые от Англии [2].

---

[1] В Китае была серебряная валюта.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XVI, № 4702, 4703, S. 202—204.

Вслед за англичанами французское и германское правительства также направили к Шанхаю свои вооруженные силы. В устье реки Янцзы были сосредоточены военные корабли этих держав. Официально немецкие и французские корабли прибыли для наблюдения за стоявшими там судами китайского флота; фактически — чтобы не позволить англичанам занять шанхайский район единолично [1].

Русское правительство с такой же ревностью смотрело на международную интервенцию в северной части страны: оно опасалось, как бы появление там иностранных войск не усилило в китайской столице враждебного России иноземного влияния. Оно держало в руках Маньчжурию, но ему было не по себе от того, что теперь Пекин, Тяньцзинь и другие пункты Чжилийской провинции оказались оккупированными международным экспедиционным корпусом. Царское правительство предпочло бы избавиться от его соседства. 25 августа 1900 г. Ламздорф, сменивший умершего Муравьева на посту министра иностранных дел, поручил русским послам уведомить правительства великих держав о целях русской политики в Китае. Посылая туда войска вместе с другими державами, Россия, как заявлял русский министр иностранных дел, стремилась только защитить дипломатические миссии и оказать помощь китайскому правительству в подавлении беспорядков. Нападение «мятежников», писал Ламздорф, «ничем не вызванное бомбардирование Благовещенска» побудили русское правительство занять Маньчжурию. Как только там будет восстановлен порядок и «будут приняты необходимые меры к ограждению рельсового пути», русские войска якобы покинут этот край — «если, однако, этому не послужит препятствием образ действий других держав».

Все это составляло, так сказать, вступление. Суть русского демарша заключалась в последней части телеграммы: там указывалось, что, поскольку миссии уже освобождены, а китайское правительство, при котором аккредитованы дипломатические представители держав, в Пекин еще не вернулось, правительство России переведет своего посланника из китайской столицы в Тяньцзинь и выведет свои войска. Их дальнейшее пребывание представляется там «бесцельным». Китайское правительство возвратится в свою столицу и само восстановит там окончательный порядок. Лишь одновременно с китайским правительством вернется туда и российский посланник. Поручая послам довести все изложенное до сведения правительства, при котором они аккредитованы, русский министр иностранных дел выражал надежду, что оно «вполне разделит наш взгляд» [2].

В это время после смерти Муравьева (в июне 1900 г.) фактическим руководителем русской дальневосточной политики стал Витте. Его курса придерживался и новый министр иностранных дел граф Ламздорф, обязанный своим назначением всемогущему министру финансов. Предлагая вывод иностранных войск, царское правительство стремилось устранить из Пекина чуждое влияние. Оно предпочитало иметь в столице своим соседом слабое китайское правительство, а не военные власти шести великих держав. Русская дипломатия явно рассчитывала на сепаратный сговор с Китаем. Она хотела помочь китайскому правительству отделаться в столице от оккупантов. В Петербурге надеялись приобрести таким путем руководящее влияние в Пекине и обеспечить себе прочные позиции в Маньчжурии.

---

[1] См. *Фань Вэнь-лань*. Новая история Китая, т. I, стр. 560—561; *С. Г. Лившиц*. Английская политика в Китае в 1900—1901 гг. «Краткие сообщения Ин-та востоковедения», 1958, № 34, стр. 16—27.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1900 г., д. № 18, л. 382—383. Циркулярная телеграмма Ламздорфа от 25 (12) августа 1900 г.

Державы отвергли это предложение, и из Пекина ушли одни только русские войска. Этот шаг означал сближение царского правительства с цинским.

Английская и японская печать усилила пропаганду против России. Антирусская газетная кампания отражала интересы империалистических кругов, заинтересованных в том, чтобы подольше задержаться в Пекине, получше закрепиться там и в то же время поскорее изгнать Россию из Маньчжурии.

Несколько иной была позиция США. Большая часть печати там тоже заняла по отношению к России враждебную позицию. В стране же боролись противоположные влияния. «Многочисленный класс фермеров и большинство американской публики... желают скорого отозвания войск не только из Пекина, но даже вообще из Китая и будут с радостью приветствовать всякий выход из китайских затруднений», — сообщал русский поверенный в делах. Под «большинством публики» он, очевидно, разумел рабочих, городскую мелкую буржуазию и интеллигенцию. «Противниками этой точки зрения, — продолжал тот же дипломат, — являются миссионеры, железнодорожники, пароходовладельцы и вообще весь промышленный и торговый мир, дорожащий китайским рынком и не желающий, чтобы Соединенные Штаты уступили свои выгоды другим державам. Эти люди, имеющие большое значение при теперешнем режиме, оказывают сильное давление на нынешнюю администрацию. Президенту же, ввиду предстоящих выборов, приходится лавировать между этими противоположными течениями» [1]. Чтобы угодить одним, президент официально отклонил русское предложение о переводе дипломатических миссий из Пекина в Тяньцзинь. Но в угоду другой стороне он в конце сентября частично последовал примеру России и вывел большую часть американских войск из китайской столицы.

Это отнюдь не означает, что американское правительство занимало по отношению к России дружественную позицию. Подобно русскому, оно стремилось усилить свое влияние на цинское правительство и в борьбе за это выступило главным соперником России в Пекине. Ради утверждения своего влияния правительство США, так же как и царское, старалось создать у китайской общественности, а более всего у прогнившей цинской монархии впечатление, что оно ведет в Китае какую-то особую политику, якобы отличную от других держав. США делали в Китае ставку на цинскую монархию и центральное правительство. Это отвечало их политике, направленной на то, чтобы в будущем весь Китай, а не какую-то его часть подчинить своему влиянию и сделать сферой своей эксплуатации.

Поддержка целостности Китая и доктрина «открытых дверей» составляли, так сказать, парадный фасад американской политики дальнего прицела. За этим фасадом, вопреки официальным заявлениям, во влиятельных кругах в США выдвигалось немало притязаний на захват китайской территории. Автор доктрины «открытых дверей» — государственный секретарь Хэй сетовал в письмах к друзьям на то, как трудно ему вести политику среди перекрещивающихся влияний: «От нас хотят, чтобы мы охраняли целостность Китая и одновременно раскалывали его на части — таково задание, и мы должны его выполнить, как умеем». Так, командующий американскими войсками в США генерал Чеффи предлагал захватить опорные пункты в столичной провинции Чжили и угольную станцию в заливе Самса. Его предложения встретили поддержку со стороны военного министра Рута и ряда

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1900 г., д. № 109, т. I, л. 238. Депеша поверенного в делах де Воллана от 12 сентября 1900 г. Ср. *Ch. S. Campbell.* Special business interests and the Open Door policy. New Haven, 1951, p. 65—74.

других политических деятелей [1]. Они не были осуществлены вследствие противодействия Японии [2].

Соперничество империалистов в бассейне Янцзы

Что касается политики германского империализма, то она тоже вдохновлялась надеждой на будущие барыши на китайском рынке. Самым жирным куском был бассейн Янцзы. «Вопрос о Янцзы доминирует над всеми остальными, — писал заместитель Бюлова Дернталь. — Поскольку мы (т. е. Германия) не можем рассчитывать, по крайней мере в обозримый промежуток времени, на то, чтобы монополизировать район Янцзы, наша задача должна заключаться в том, чтобы по меньшей мере помешать монополизированию его Англией» [3]. Фактически английское влияние преобладало в этом районе, а оккупация Шанхая создавала Англии возможности для еще более полного подчинения богатейшей части Китая. Германское правительство подозревало Англию в намерении в той или иной форме захватить Шанхай, а то и весь бассейн Янцзы. Поэтому Германия и спешила связать сопернику руки.

С августа 1900 г. германское правительство выступает перед английским с коварным предложением о совместной англо-германской гарантии принципа «открытых дверей» и равных условий для торговли всех наций в бассейне реки Янцзы. Сам кайзер при личной встрече с принцем Уэльским предложил заключить соглашение в этом духе. За этими юридическо-дипломатическими формулами скрывалась попытка сковать английскую инициативу.

Английская дипломатия довольно ловко смешала немцам карты: почему в соглашении надо говорить только об одном районе Китая? Солсбери предложил германскому правительству заключить соглашение о соблюдении принципа «открытых дверей» и гарантировании территориальной целостности в отношении не только бассейна Янцзы, но и всей Китайской империи. Согласившись вступить с немцами в эти переговоры, английская дипломатия преследовала свою собственную цель: она хотела втянуть Германию в борьбу против России за Маньчжурию.

Как только немцы поняли замысел своего партнера, они тотчас же стали искать лазейку, через которую можно было бы ускользнуть из расставленной ловушки и уклониться от столкновения с Россией. Бюлов парировал удар: он предложил, чтобы соглашение распространялось на территорию Китая в такой мере, «насколько они (Германия и Англия) могут оказывать там влияние». Скрытый замысел Бюлова заключался в том, что в Маньчжурии обе договаривающиеся державы заведомо никакого влияния оказывать не могли. Поэтому предложенная им формула изымала эту часть Китая из сферы действия соглашения.

Солсбери счел за благо уступить, ибо даже такое выхолощенное соглашение представляло для английских империалистов некоторую ценность, страхуя их от возможности сговора Германии с Россией, направленного против Англии. 16 октября 1900 г. англо-германское соглашение было заключено посредством обмена письмами между Солсбери и германским послом.

В последующем Бюлов публично с трибуны рейхстага заявил о германской интерпретации этого соглашения. Маневр английской дипломатии не удался: она не сумела втянуть Германию в борьбу против России, за Маньчжурию. Бюлов сорвал этот замысел, точно так же как

---

[1] См. *С. Б. Горелик.* Политика США в Маньчжурии, стр. 63—71; АВПР, фонд Канцелярия, 1900 г., д. № 109, т. I, л. 436. Телеграмма де Воллана от 28 июля 1900 г.; *A. Vagts.* Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd II, S. 1081, 1095—1096.

[2] *J. W. Pratt.* A history of United States foreign policy, p. 440.

[3] «Die Grosse Politik», Bd XVI, № 4701, S. 201.

ранее Солсбери ловко выбрался из сетей, расставленных немецкой дипломатией. Таким образом, новая попытка Англии подстрекнуть Германию на выступление против России на Дальнем Востоке опять не увенчалась успехом. Германское правительство на это не пошло. Само же оно усердно работало над тем, чтобы в борьбу против России втянуть возможно глубже Англию и Японию.

Японское правительство не меньше английского желало включить Германию в антирусский фронт. В этих целях в конце октября 1900 г. Япония присоединилась к англо-германскому соглашению. При всех немецких оговорках в Токио усматривали в этом соглашении средство для некоторого воздействия на немецкую политику в желательном направлении.

В англо-германском соглашении имелся пункт (третий), в котором предусматривалась возможность, что какая-либо третья держава воспользуется происходящими в Китае осложнениями, дабы совершать за его счет территориальные захваты. На этот случай Германия и Англия оставляли за собой право договориться заранее друг с другом относительно тех шагов, которые им надлежит предпринять для защиты их собственных интересов в Китае [1].

Это звучало двусмысленно. В самом деле: какие же шаги могли тут иметься в виду? Может быть, они должны были состоять в том, чтобы по взаимному сговору и Англии и Германии каждой отхватить по большому куску Китая? Правительство США поняло третий пункт именно в таком смысле и проявляло по этому поводу немалую озабоченность [2]. Возможность английских или германских захватов в Китае вызывала беспокойство также в России и во Франции.

Фактически ни Англии, ни Германии не удалось произвести захватов за счет Китая — именно в результате крайне острого соперничества между ними, а также другими империалистическими державами. Политическая и стратегическая обстановка была такова, что у Англии не было возможности покуситься на Шанхай или другие пункты Центрального или Южного Китая. Англия, писал германский посланник в Китае, «убедилась, что отправка английских войск в Шанхай легко может вызвать посылку туда других иностранных войск» [3].

Заключительный протокол и новое ограбление Китая

Цинская монархия, объявив официально войну империалистам, на деле все время вела двурушническую линию. Она предала народное антиимпериалистическое восстание, лишь только империалисты одержали военные успехи. По просьбе цинского правительства осенью 1900 г. начались мирные переговоры между Китаем и державами-интервентами. Германское правительство требовало в отношении Китая самых суровых репрессий. Русское и американское правительства — оба делали ставку на сближение с цинской монархией. Поэтому они выступали за более мягкие условия [4]. Остальные занимали промежуточные позиции. Русское правительство решительно воспротивилось проекту Вальдерзее силой доставить китайское правительство из Сиани в Пекин и ряду других немецких требований. Английское правительство стремилось затянуть оккупацию Чжили и Пекина сколько возможно дольше и не торопилось с урегулированием спорных вопросов.

[1] «Die Grosse Politik», Bd XVI, № 4744, S. 249—250.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1900 г., д. № 109, т. I, л. 256—258, 277—281. Депеша Кассини № 58 от 4 ноября (22 октября) 1900 г.; ср. его же депешу № 62 от 22(8) ноября; см. *С. Б. Горелик.* Политика США в Маньчжурии в 1898—1903 гг. и доктрина «открытых дверей», стр. 74—77; о сходных опасениях в Японии см. *A. Malozemoff.* Russian Far Eastern policy 1881—1904. Berkeley and Los Angeles, 1958, p. 163—164.

[3] «Die Grosse Politik», Bd XVI, № 4943, S. 453.

[4] АВПР, фонд Канцелярия, 1900 г., д. № 109, т. I, л. 278—280. Депеша Кассини № 62 от 21 (8) ноября 1900 г.; ср. «Die Grosse Politik», Bd XVI, № 4632—4634, S. 119—123.

Переговоры тянулись долго и закончились только 7 сентября 1901 г. подписанием заключительного протокола. Этот акт возложил на Китай контрибуцию в 450 млн. таэлей (около 650 млн. руб.). Эта сумма подлежала уплате в течение 39 лет с начислением четырех процентов годовых. Для покрытия этого долга выделялись точно обозначенные статьи государственных доходов. Тяжесть этого обязательства усугублялась тем, что китайские финансы шесть лет тому назад, после войны 1894—1895 гг., уже были обременены уплатой контрибуции Японии.

Но протокол этим не исчерпывался. Китай подвергался тяжелым унижениям. Китайское правительство должно было казнить руководителей восстания, воздвигнуть «искупительные памятники» пострадавшим иностранным дипломатам и т. д.

В протоколе констатировалось, что императорские эдикты, изданные в феврале 1901 г., уже установили наказания для ряда китайских государственных деятелей. Князь Дуань и еще один член императорского дома были приговорены к казни. Князь Чжуан, Ин Нянь — заместитель главы налогового приказа и Чжао Шу-цяо — глава уголовного приказа приговорены к совершению самоубийства. Юй Сянь — губернатор Шаньси, Цзи Сю — глава приказа церемоний и Сюй Чжэн-юй — сын члена императорского совета Сюй Туна осуждены на смертную казнь.

Протокол содержал длинный перечень подобных репрессий. В нем обстоятельно отмечалось, когда была совершена казнь над каждым из осужденных, когда совершили самоубийство те лица, которым была предоставлена «милость» расправиться с собой самим.

Чтобы оценить всю унизительность этих постановлений для китайского правительства, нужно учесть, что список включал много высших сановников, а князь Дуань был одной из наиболее влиятельных особ цинского двора. Казнь была ему заменена, впрочем, ссылкой в отдаленный район Западного Китая.

В Китай в течение двух лет по протоколу воспрещался ввоз оружия. Форты Дагу подлежали срытию. Согласно ст. 7 квартал, занимаемый в Пекине иностранными дипломатическими миссиями, предназначался только для них и был поставлен под их исключительный контроль и под охрану иностранной специальной полиции; селиться в этом квартале китайцы не имели права. Под страхом смерти запрещалось участие в организациях, враждебных иностранцам [1].

Россия приняла участие в мирных переговорах и подписала заключительный протокол. Однако русские войска не участвовали в карательных экспедициях германского фельдмаршала. Они оккупировали кроме Маньчжурии железную дорогу, ведущую туда от Тяньцзиня (линию Тяньцзинь — Нючжуань). Англичане, немцы и французы остались в Шанхае. Пекин был эвакуирован вскоре после подписания протокола, но иностранные оккупанты остались в Тяньцзине, Шаньхайгуане и еще в ряде пунктов провинции Чжили — якобы в целях обеспечения связи дипломатических миссий в столице с морем.

Борьба В. И. Ленина против колониальной политики

Война империалистических правительств против антиимпериалистического движения китайского народа является важной исторической вехой не только в плане развития империализма и колониальной политики. Не менее крупную веху представляет эта война и с точки зрения истории борьбы народов против империализма и колониализма. В связи с войной китайского народа В. И. Ленин возвысил свой голос против империалистиче-

[1] *J. V. A. MacMurray.* Treaties and agreements with and concerning China, vol. I, p. 278; «Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы». М., 1958, № 33, стр. 84—90.

ского грабежа. Именно этому событию посвящена его статья «Китайская война», напечатанная в первом номере «Искры» в декабре 1900 г.[1]

Конечно, более ранние работы В. И. Ленина уже во многом подготовили ту оценку международных событий, которая воплощена в этой статье: ведь эта оценка неотделима от ленинского мировоззрения в целом, и в частности от ленинского анализа капитализма. Это не умаляет значения статьи «Китайская война», в которой Владимир Ильич подверг беспощадному бичеванию политику всех правительств, участвовавших в войне против китайского народа. «Одно за другим, европейские правительства так усердно принялись грабить, то бишь «арендовать» китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая... Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери...»

Когда писалась статья «Китайская война», империализм только завершал свое становление. В те годы еще невозможно было дать цельной теории империализма как новейшей фазы капитализма. Но уже эта ранняя статья Ленина по вопросам международной политики по своему политико-теоретическому уровню на голову выше самых лучших антиимпериалистических выступлений лидеров II Интернационала, включая Бебеля, Либкнехта, Гэда, Лафарга, которые тоже выступили против кровавой авантюры империалистов в Китае.

Каковы отличительные черты анализа международной политики, вышедшего из-под пера В. И. Ленина?

Во-первых, Ленин объяснил войну интересами капитализма: «Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний». «Ради наживы кучки капиталистов, — продолжает Ленин, — буржуазные правительства вели бесконечные войны». «Вспомните, — пишет он далее, — восстания индийских туземцев против Англии и голод в Индии, или теперешнюю войну англичан с бурами».

Где найти у вождей западной социал-демократии такое разоблачение колониальной системы?

Даже лучшие из лидеров II Интернационала недопонимали капиталистической основы захватнической политики своего времени. Они не отдавали себе полного отчета в том, что колониальная политика является закономерным следствием развития капитализма. Они склонны были переоценивать роль разных случайных и личных факторов, а также роль архаических феодальных элементов в агрессивной внешней политике великих держав. А оппортунисты-предатели типа Бернштейна и Мильерана уже склонялись к прямой поддержке империалистической политики и ее оправданию.

Во-вторых, в статье «Китайская война» Ленин показал, что всю тяжесть грабительской внешней политики несут рабочий класс и крестьянство. Указывая на размеры вызванных войной расходов, он писал о политике русского царизма: «И эти бешеные деньги бросает правительство, которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на казенных заводах, из мелких служащих...»

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 4, стр. 378—383.

В-третьих, исходя из интересов трудящихся, Ленин в первых же своих выступлениях по международным вопросам предстает перед нами как активный борец против грабительской войны, поборник мира, свободы и независимости народов.

В-четвертых, Ленин подверг беспощадному разоблачению шовинистический или националистический подход к тому событию международной жизни, которое он рассматривал в своей статье, а вместе с тем и к вопросам международной политики в целом. Ленин обрушился на шовинистическую пропаганду, которая объясняла нападение китайцев на европейцев «враждой желтой расы к белой расе». «Да, — писал он, — китайцы, действительно, ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят, и за что? Не европейские народы ненавидят китайцы — с ними у них не было столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства». Классовый и интернационалистический подход к вопросам международной политики пронизывает эту статью Ленина, как и все другие его работы.

Ленин вскрыл в этой небольшой статье и другую сторону шовинистической пропаганды. Он показал, как реакционные правительства, «которые держатся только силой штыков», сознавая неустранимость народного недовольства, стараются отвлечь его от себя посредством натравливания одного народа на другой, в данном случае на китайский.

В-пятых, Ленин в первую очередь разоблачал политику правительства своей страны. Он клеймил политику царского правительства в Китае как преступную. Разоблачая политику держав в Китае, Ленин не делал скидок вообще ни для одного правительства. Между тем лидеры II Интернационала не умели освободиться от национальных пристрастий к собственному правительству, особенно же к правительствам «демократических» стран — Англии и Соединенных Штатов.

В-шестых, из своего анализа и критики Ленин делал практические выводы. Он предлагал русскому рабочему классу тактику борьбы против войны, приспособленную к конкретным условиям России кануна буржуазно-демократической революции, когда борьба против самодержавия составляла центральную задачу. «Чтобы избавиться от нового ярма, которое взваливает война на рабочий народ, — писал Владимир Ильич, — есть только одно средство: созыв народных представителей, которые положили бы конец самовластию правительства...» В партиях II Интернационала парламентские и газетные выступления против тех или иных актов захватнической политики сплошь и рядом не увязывались с практическими задачами массового рабочего движения. Ленин сразу же преодолел и этот недостаток.

На заре XX в., широко используя опыт Маркса, относившийся к прошлому этапу развития, Ленин и основанная им большевистская партия впервые начали вырабатывать внешнюю политику революционного пролетариата в условиях империализма и последовательно противопоставлять ее внешней политике господствующих классов. От ленинского протеста против грабительской внешней политики буржуазных правительств в статье «Китайская война» прямой путь ведет к могучей и всесокрушающей борьбе против империализма, развернутой русским рабочим классом в 1917 г., и к ленинскому Декрету о мире — первому акту внешней политики победившего пролетариата.

Русско-японская борьба за Маньчжурию в 1900—1901 гг.

Наиболее влиятельными в Китае державами были Россия и Англия. Но их положение после народного восстания было весьма различным. Англии было в высшей степени трудно добиваться новых привилегий и тем более прямых захватов в бассейне Янцзы. У России в Северо-Восточном Китае географическое и стратегическое положение было более благо-

приятным: в отличие от Шанхая, где английские войска оказались не одни, в Маньчжурии не было никаких других иностранных войск, кроме русских. Это различие в обстановке, сложившейся в бассейне Янцзы, от обстановки в Маньчжурии привело к тому, что Россия имела возможность развивать более активную экспансию, чем Англия. Последняя просто не имела физических возможностей произвести те захваты, к которым стремились английские империалисты.

Продолжая курс на сделку с пекинским правительством, царская дипломатия вступила с ним в сепаратные переговоры независимо от общих переговоров, которые велись с Китаем всеми великими империалистическими державами по поводу «компенсации» за ущерб, причиненный им народным восстанием. Русско-китайские переговоры завязались при обстоятельствах весьма своеобразных.

Во время народного восстания цинское правительство вело предательскую двойную игру. Внешне оно как бы поддерживало «Ихэтуань», но в то же время тайно искало контактов с империалистическими державами. Эта антинациональная политика велась с первых же дней восстания. Еще летом 1900 г. богдыхан обратился к президенту Соединенных Штатов с просьбой о посредничестве. Успеха он не имел, но Цинская династия продолжала свою преступную линию. В июне 1900 г. ею вновь был призван к общегосударственным делам Ли Хун-чжан — старый мастер гнилого компромисса с империалистами и самого бессовестного национального предательства. Со времени «ста дней» он прозябал вдали от центров политической жизни в качестве наместника Гуандуна. Получив вызов в Пекин, Ли сразу же, еще из Гуанчжоу, телеграфировал Витте. Он просил о приезде в Китай своего старого знакомого — председателя правления Русско-Китайского банка князя Ухтомского. Ли явно искал контакта с царским правительством.

В это время Россия практически держала Маньчжурию в своих руках: там стояли русские войска. Руководящие внешними делами министры Витте и Ламздорф готовы были их оттуда вывести. Но они не собирались делать это безвозмездно. Они намеревались выменять у Китая эвакуацию Маньчжурии на целый ряд уступок, которые создали бы там для России исключительно привилегированное положение, распространив его заодно и на весь застенный Китай. У военного министра Куропаткина была своя идея: аннексировать крайнюю северную часть Маньчжурии, а всю остальную вернуть Китаю. Однако практически Куропаткин вскоре согласился с линией Витте, который решительно возражал против аннексии.

В сентябре 1900 г. по призыву Ли Хун-чжана в Китай прибыл Ухтомский. В Шанхае он встретился с сыном Ли Хун-чжана, причастным к темным махинациям своего папаши. Ли-младший сообщил, что, по мнению его отца, Китай мог бы уплатить России значительное возмещение за убытки, причиненные повстанцами, и передать на концессионных началах русским капиталистам естественные богатства Монголии и Кашгарии. За это он настоятельно требовал уплаты хотя бы части взятки, обещанной Ли Хун-чжану русским правительством, но не полностью выплаченной. Он добивался также от царского правительства заявления о том, что оно не собирается «присваивать» Маньчжурию [1].

Эти колоритные переговоры были прекращены Витте: Ли Хун-чжан еще не вернулся к власти. Ведь он был только уполномоченным китайского правительства по переговорам с державами об урегулировании отношений, нарушенных восстанием ихэтуаней. При таких условиях расходоваться на него Витте считал несвоевременным. Да и взятку-то Ли

[1] См. *Б. А. Романов*. Россия в Маньчжурии, стр. 263.

просил за концессии в Монголии и Кашгарии, в то время как царское правительство интересовалось в первую очередь Маньчжурией.

В Петербурге было решено достигнуть намеченной цели другим путем. Через «главного начальника» Квантунской области адмирала Алексеева царское правительство начало переговоры с мукденским (фынтяньским) цзянцзюнем (командующим военным округом, фактическим наместником Северо-восточных провинций) Цзэном. 9 ноября 1900 г. с ним было заключено «местное соглашение» временного характера. Оно восстанавливало в провинции власть цзянцзюня и китайскую администрацию, но ставило их под контроль царских властей. Царское правительство получало по этому договору право держать в провинции свои войска. Китайские же войска обезоруживались и распускались.

Вслед за тем в Петербурге Витте, Ламздорф и Куропаткин разработали проект общего соглашения с центральным китайским правительством относительно Маньчжурии. Проект номинально предусматривал восстановление там суверенитета Китая. Но это обставлялось целым рядом таких условий, которые упрочивали русское влияние в северо-восточных провинциях. Предусматривались временное оставление там русских войск под предлогом охраны Китайско-Восточной железной дороги «впредь до водворения спокойствия» и вывод из Маньчжурии всех китайских войск впредь до завершения постройки КВЖД. Но и после этого численность китайских войск устанавливалась бы Пекином не суверенно: ее должно было определить особое соглашение с Россией. Китайское правительство должно было дать обязательство смещать цзянцзюней трех маньчжурских провинций по требованию русского правительства. Проект содержал также обязательство китайского правительства не предоставлять без согласия России иностранным державам или их подданным концессий «на всем пространстве областей Китая, сопредельных с Россией»[1]. Наконец, предусматривалась выдача русским концессии на железную дорогу от одного из пунктов южной ветки КВЖД до Китайской стены с направлением на Пекин. В основу проекта были положены соображения Витте. Он стремился обеспечить КВЖД и Русско-Китайскому банку в Маньчжурии прочное монопольное положение[2]. Ламздорф лишь несколько смягчил редакцию, кое в чем поумерив аппетиты министра финансов.

Несмотря на такое смягчение, программа царского правительства явно перешагивала за рамки, намеченные в циркуляре Ламздорфа от 25 августа 1900 г. Там речь шла об обеспечении русских «рельсовых путей» в Маньчжурии и о восстановлении «порядка». Теперь от Китая требовали монополии на эксплуатацию Маньчжурии (и всего застенного Китая) в интересах Русско-Китайского банка и связанных с ним предприятий, фактически руководимых царским министром финансов и банкиром Ротштейном. С такого рода программой нечего было и думать о проведении курса на сотрудничество с цинским правительством Китая, как это намечалось 25 августа и к чему русское правительство продолжало клонить в коллективных переговорах об урегулировании последствий «боксерского» восстания, смягчая некоторые требования, предъявляемые Китаю другими державами.

Между тем Ли Хун-чжан постепенно вновь прибирал к рукам руководство китайской политикой. Этот прожженный политикан торопил царское правительство с предъявлением проекта договора. Поспешность, проявлявшаяся Ли, на первый взгляд может показаться странной. Но старый хитрец знал, что делал. Во-первых, он хотел убедить царских сановников вернуться на путь переговоров с центральным правительст-

---

[1] Цит. по кн.: *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии, стр. 298.

[2] Кроме Романова, см., напр., *A. Malozemoff.* Russian Far Eastern policy, p. 156.

вом Китая. Соглашение с мукденским цзянцзюнем было со стороны царского правительства ловким ходом: цинские круги, и Ли в том числе, боялись, что посредством такого рода сделок с местными властями все три северо-восточные провинции уплывут из рук цинского правительства, и даже взятку за это дадут не им, а маньчжурским губернаторам!

Возвращение царизма на привычный путь отношений с цинским правительством позволило бы Ли Хун-чжану добиться и второй своей цели: выманить у царского правительства проект договора, который разоблачал бы его замыслы перед другими державами и западным общественным мнением. Именно такого рода проекта и добивался Ли от Ухтомского, когда они встретились непосредственно.

В переговорах с ним Ли Хун-чжан теперь не скупился на посулы уступок и льгот для России. И в то же время он тайно содействовал английской и японской дипломатии в организации противодействия русской политике. В январе 1901 г. через посредство самих же китайцев в «Таймс» было опубликовано соглашение Алексеева с цзянцзюнем. Не остался тайной и проект соглашения царского правительства с правительством богдыхана.

На Западе в печати поднялась невообразимая шумиха по поводу русской политики в Маньчжурии. Больше всего шума было в Англии, хотя сама-то она продолжала оккупировать Шанхай.

Впрочем, в Японии пропаганда против России по своей резкости превзошла даже английскую. Милитаристская самурайская клика, возглавлявшаяся маршалом Ямагата, тесно связанная с только что создавшимися в Японии капиталистическими монополиями, всемерно форсировала военную подготовку. Она нападала на правительство Ито, обвиняя его в уступчивости и слабости. Милитаристы требовали скорейшего нападения на Россию. Шовинистические организации вроде «Национального союза», руководимого князем Коноэ — председателем верхней палаты парламента, развивали бешеную антирусскую кампанию. Общество «Черный дракон», связанное с японской разведкой, сочетало пропагандистскую деятельность с диверсионно-шпионской.

Япония приступила к подготовке войны с Россией сразу же после пересмотра Симоносекского мира. Большая часть из 230 млн. лан, или 364 млн. японских иен, полученных с Китая в 1895 г. в качестве контрибуции, была затрачена Японией на военную подготовку. Ее государственные расходы с 84 млн. иен в 1893—1894 гг. выросли до 240 млн. иен с лишним в 1897 г. На средства, взысканные с Китая, и на налоговые поступления, выкачиваемые из японского крестьянства, была осуществлена принятая по окончании войны с Китаем так называемая послевоенная программа вооружений на суше и на море, а также железнодорожного строительства. Общая стоимость этой военной программы исчислялась в 516 млн. иен. Программа была в основном завершена в 1900—1901 гг. Во внешнеполитическом плане завершение программы вооружений означало готовность Японии к поединку с Россией; во внутриполитическом — выполнение этой программы укрепляло союз военно-феодальных кругов с крупным капиталом, быстро выросшим на дрожжах военных заказов. Этот блок самурайства и крупного капитала исходил в своей политике из предположения, что Японии выгоднее начать войну за захват Кореи и Маньчжурии возможно скорее, пока еще не закончена постройка Сибирской железной дороги. До завершения строительства дороги Россия, несмотря на подавляющее общее превосходство сил над Японией, на дальневосточном театре войны была значительно слабее со вследствие недостаточности коммуникаций. Япония на Дальнем Востоке находилась у себя дома. Она могла сосредоточить на театре военных действий все свои силы. Россия же была там лишена такой возможности ввиду удаленности этого района от ее жизненных центров.

Японских милитаристов сдерживали лишь опасения, как бы Россию не поддержали Германия или Франция. Ведь это уже случилось однажды — в 1895 г. Японская дипломатия старалась застраховать Японию от возможного выступления Германии и Франции на стороне России. И тут японское правительство уповало на помощь Англии. Именно она — так думали в Токио — могла бы оградить Японию от вмешательства третьих держав в русско-японскую войну.

Русское правительство сделало попытку поладить с Японией. В январе 1901 г. корейское правительство выступило с предложением «нейтрализации» страны под гарантией великих держав. Русский посланник поддержал эту идею в Токио. При этом со стороны царского правительства предусматривалось согласие на значительное расширение японского влияния в Корее. Ито первоначально изъявил готовность начать с Россией переговоры на этой основе. Но через несколько дней министр иностранных дел Като — представитель крайних милитаристов в кабинете «умеренного» Ито — сообщил Извольскому об отказе от переговоров. Очевидно, точка зрения Като взяла верх в японском правительстве. Оно не стало искать соглашения. 17 января 1901 г. японцы ответили русским, что предпочитают не вести никаких переговоров о Корее, пока не будет восстановлено прежнее положение в Маньчжурии, т. е. пока оттуда не уйдут русские войска [1].

Японские милитаристы покушались не только на Корею: они намеревались захватить также и Северо-Восточный Китай. В январе и вторично в феврале 1901 г. японское правительство предложило англичанам совместно заявить в Петербурге протест против сепаратных переговоров России с Китаем относительно северо-восточных провинций.

На это в Лондоне не согласились. Там выразили готовность протестовать только в Пекине: это было куда безопаснее. К Японии и Англии присоединились Германия, оба ее партнера по Тройственному союзу и Соединенные Штаты. Державы возражали против сепаратного соглашения между Китаем и Россией [2]. Они ссылались на то, что как раз происходят коллективные переговоры с Китаем по поводу ликвидации последствий народного восстания. Против России выступили, таким образом, все великие державы, за исключением Франции. Со своей союзницей Россия договорилась: в конце января 1901 г. Ламздорф заключил устное соглашение с французским правительством в лице его посла в Петербурге. Франция обязывалась поддерживать русскую политику в Маньчжурии, а Россия — французские интересы на Юге, в отношении Юньнаньской железной дороги [3].

Выступление держав против России свидетельствовало о возникновении напряженной обстановки на Дальнем Востоке. Хотя Шанхай был не менее лакомым куском, чем Маньчжурия, английская оккупация Шанхая не вызвала большого международного конфликта. Объясняется это тем, что соперничавшие державы легко смогли обезвредить Англию, послав в Шанхай свои вооруженные силы и противопоставив их английским. Ввести войска в обширную, занятую русскими Маньчжурию никто не решался. Соседняя Россия располагала там над странами Запада решающим превосходством сил. Казалось, что русский империализм действительно сможет овладеть этой областью. Конфликт из-за Маньчжурии обострился и в конце концов привел к войне.

Японское правительство пошло дальше других в своем противодействии России. Оно не ограничилось выступлением перед китайцами.

---

[1] См. «Красный архив», 1934, т. 2 (63), стр. 8—9; *А. Гальперин.* Англо-японский союз. 1902—1921 годы. М., 1947, стр. 81—82.

[2] См. *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 130—131.

[3] «Documents diplomatiques français», 2-e série, t. I, № 30, 62, p. 40—42, 77—80.

25 марта его посланник посетил российского министра иностранных дел и сделал ему заявление, которое сам посланник дипломатично именовал «дружеским представлением». На деле это было весьма враждебное предостережение: заключение сепаратного русско-китайского соглашения чревато большой опасностью, говорили японцы.

Ламздорф отказался принять японскую ноту. Он решительно отклонил вмешательство третьей державы в отношения России с Китаем и отказался вести переговоры на этот счет. Впрочем, выражая свое возмущение по поводу непрошенного вмешательства, русский министр все же не упустил случая немного успокоить и смягчить противника. Как бы мимоходом он заверил японского посланника, что соглашение с Китаем мыслится только как временное и оно якобы лишь должно помочь России как можно скорее очистить Маньчжурию [1].

Выступление Японии в Петербурге с деловой точки зрения было излишним: еще накануне, 24 марта 1901 г., китайское правительство, ссылаясь на возражения держав, отказалось подписать соглашение, предложенное ему царской дипломатией. Отказ последовал несмотря на то, что с русской стороны в первоначальный проект были внесены изменения, учитывавшие возражения, сделанные китайцами в ходе переговоров.

Но японскому правительству («миролюбивого» Ито) это показалось недостаточным, и 6 апреля 1901 г. оно направило в Петербург новую ноту, в которой было сказано, что Япония не может принять ответ Ламздорфа и резервирует свою точку зрения. Русский посланник в Токио Извольский — будущий царский министр иностранных дел — предупреждал об опасных замыслах японских военных кругов. Наступило резкое обострение русско-японских отношений.

Ли Хун-чжан, который подстроил разглашение русского проекта и протест держав, старательно заметал следы. Он лицемерно уверял царских дипломатов, что сделал все, что мог, дабы убедить «трон» в великой благодетельности соглашения с Россией.

Русско-китайские переговоры были прерваны. Русские же войска остались в Маньчжурии.

Политика США

Соединенные Штаты обладали в Маньчжурии довольно значительными экономическими интересами. В Ючжуане, единственном открытом порте в Маньчжурии, их торговля занимала первое место. Еще большими были надежды на будущую поживу. США активно участвовали в срыве русско-китайского соглашения и планов царизма в Маньчжурии. Но параллельно с этим государственный секретарь через русского посла Кассини намекал на желательность сделки. Целью американского империализма являлось при этом обеспечение широкого доступа в Маньчжурию для американского капитала. Из бесед с Хэем в марте 1901 г. русский посланник вынес впечатление, что правительство США «считает неприкосновенность Китая не непреложным политическим принципом, проведение коего должно быть достигнуто во что бы то ни стало, но гарантией, долженствующей обеспечить за обширной экспортной торговлей Соединенных Штатов почти нетронутый и выгодный рынок» [2]. В конце марта Хэй, как сообщал Кассини, прямо заявил ему, что США «не будут иметь ничего против наших начинаний в Маньчжурии, какого бы характера они ни были, пока ими не будут затронуты американские торговые интересы» [3].

---

[1] См. «Красный архив», 1934, т. 2 (63), стр. 21.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1901 г., д. № 105, л. 76. Депеша Кассини № 17 от 27 (14) марта 1901 г. Цит. в кн.: *С. Б. Горелик.* Политика США в Маньчжурии, стр. 90.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1901 г., д. № 106, л. 79. Телеграмма Кассини от 30 (17) марта 1901 г.

Русское правительство отнеслось к этому заявлению весьма положительно. Убедившись в этом, 20 апреля 1901 г. Хэй сделал следующий шаг. Он направил Кассини секретное письмо. В этом документе сообщалось о желании президента получить заверение русского правительства, «что в результате любого соглашения, которое могло бы состояться между русским и китайским правительствами о Маньчжурии и Северном Китае, права и привилегии граждан Соединенных Штатов на доступ, поселение и торговлю не потерпят ущемления ни в какой части Китая или Маньчжурии, которые будут этим соглашением затронуты»[1]. Заявить об этом публично Хэй, однако, не хотел.

Русское правительство поручило Кассини — тоже в устной форме — «дать положительное заверение вашингтонскому кабинету, что Россия вовсе не намерена препятствовать расширению в Маньчжурии торговых интересов Америки»[2]. Это и было сделано русским послом.

Царское правительство предупредительно воздерживалось от намечавшейся им одно время постановки вопросов о нарушении самими США принципа территориальной целостности государств в отношении Колумбии и принципа «открытых дверей» на Кубе и Филиппинах, почти наглухо закрытых американцами для мировой торговли.

Переговоры об англо-германском союзе (весна 1901 г.)

С первого взгляда может удивить участие Германии в протесте против сепаратного русско-китайского соглашения: германское правительство неоднократно заявляло в Петербурге, что Маньчжурия его не интересует. Не объясняет дела и крайняя по агрессивности позиция, занятая германским правительством в отношении Китая: ведь протест держав, хотя и был заявлен Китаю, по существу направлен был вовсе не против него, а против России. А между тем в Берлине многократно заявляли, что не намерены противодействовать России на Дальнем Востоке, не собираются таскать там каштаны из огня для Англии.

Германское правительство неустанно подстрекало русский царизм к агрессии в Восточной Азии. Одной из форм воздействия была личная переписка кайзера с царем. Вильгельм убеждал Николая взять на себя роль заступника Европы от «желтолицых». Он поносил японцев и обещал, что обеспечит безопасность русского тыла по европейской границе.

Двуличная политика германского правительства совершенно не устраивала британский кабинет. Из Японии в Лондон доносились воинственные призывы. Там требовали, чтобы Англия выразила готовность вместе с Японией развернуть борьбу против России. Английское же правительство не имело ни малейшего намерения рисковать войной ради того, чтобы Япония овладела Кореей или еще какой-либо областью на Дальнем Востоке.

В Лондоне добивались совсем другого: там очень хотели ослабить Россию в Азии, но предпочитали сделать это чужими руками. Однако осторожное английское правительство не было уверено в пригодности для этой цели Японии: справится ли она с Россией? На этот счет имелись сомнения. При таких условиях в Лондоне считали необходимым соблюдать величайшую осмотрительность, особенно пока не закончилась война в Южной Африке.

---

[1] АВПР, фонд Миссия в Вашингтоне, 1901 г., д. № 612, л. 94. Письмо Хэя Кассини от 20 апреля 1901 г. Цит. в кн.: *С. Б. Горелик.* Политика США в Маньчжурии... стр. 100—101.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1901 г., д. № 612, л. 97. Письмо Ламздорфа Кассини от 14 (1) мая 1903 г.; ср. *С. Б. Горелик.* Политика США в Маньчжурии, стр. 103. Ср. письмо Ламздорфа от 16 (3) мая 1901 г. АВПР, фонд Канцелярия, 1901 г., д. № 105, л. 340.

Но, с другой стороны, английское правительство очень боялось толкнуть своей пассивностью Японию на соглашение с Россией. А маркизу Ито как раз приписывали склонность к такого рода сделке. Для английского кабинета сложилось затруднительное положение. Лучшим выходом из создавшегося тупика была бы возможность завербовать против России кроме Японии еще другого, более сильного союзника. Им могла бы быть Германия, и только она одна. При этом условии и сама Англия могла бы стать гораздо более смелой.

Некий барон Эккардштейн, занимавший пост первого секретаря германского посольства в Лондоне, сообщает в своих мемуарах, будто еще в январе 1901 г., встретившись с ним в поместье герцога Девонширского, в обстановке неофициальной, Чемберлен заговорил о необходимости англо-германского союза. Британский министр заявил, что будет стремиться постепенно добиваться сближения. В качестве ближайшего шага он предлагал соглашение о разделе Марокко. Предложение сопровождалось на этот раз угрозой: в случае отказа от союза со стороны Германии Англия должна будет добиться соглашения с Россией [1].

Нет полной ясности, так ли именно обстояло дело, как утверждает Эккардштейн. Но что не подлежит сомнению, так это то, что английское и японское правительства настойчиво добивались от Германии ее включения в антирусский дипломатический фронт на Дальнем Востоке. Помимо участия в протесте против русско-китайского соглашения и в Лондоне и в Токио от Германии добивались по меньшей мере обязательства соблюдать нейтралитет в случае войны между Японией и Россией.

В Берлине, как и в Лондоне, ни за что не хотели примирения Японии с Россией. Германское правительство, с одной стороны, поощряло царизм к экспансии, стесняющей захватнические планы японского империализма. Но в то же время с цинизмом, редкостным даже в летописях буржуазной дипломатии, правительство кайзера обещало свою благожелательность самим носителям «желтой опасности». Кайзер и его советники делали ставку на разжигание войны на Дальнем Востоке. Главная цель Германии заключалась при этом в том, чтобы отвлечь русские силы от германской границы, сковать их на далекой окраине, ослабить Россию, а вместе с тем и франко-русский союз. В Берлине, как и в Лондоне, очень опасались поворота политики Ито к соглашению с Россией. Именно для того, чтобы поощрить Японию на борьбу против России, и решилось правительство кайзера присоединиться к протесту против русско-китайского соглашения о Маньчжурии.

Германское правительство сделало и еще один шаг к тому, чтобы удержать осторожного японского премьера от соглашения с Россией. Оно дало Японии устное заверение, что в случае русско-японской войны Германия сохранит по отношению к ней благожелательный нейтралитет. Таким образом, из Берлина японцев заверяли в том, что им не следует бояться повторения ситуации 1895 г. Германское правительство прямо заявило им, что у него нет никаких обязательств перед Россией на Дальнем Востоке.

Но японское правительство беспокоила не только позиция Германии. Ведь Франция была союзницей России! Французские капиталы были вложены в созданный Витте большой государственно-капиталистический комбинат, претендовавший на монопольную эксплуатацию Маньчжурии. И вот через своего посла Хаяси японское правительство запросило Лондон, готов ли он принять обязательство удержать Францию от вмешательства в случае войны между Японией и Россией?

---

[1] *H. Eckardstein.* Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten, Bd II, Leipzig, 1920, S. 236—239; «Die Grosse Politik», Bd XVII, № 4979, S. 14—16.

Английское правительство, раньше чем ответить, опять обратилось в Берлин. Ленсдаун сделал там запрос: присоединится ли германское правительство к английскому, если оно в случае кризиса на Дальнем Востоке выступит в Париже с заявлением о необходимости локализовать русско-японскую войну?

На этот раз Бюлов отказал самым решительным образом. Дальше предостережения Китаю и обещания соблюдать нейтралитет он идти отнюдь не собирался. Бюлов поощрял Японию на войну против России, но избегал всего, что могло бы втянуть в конфликт с нею саму Германию. На английский запрос германский канцлер ответил, что Франция и так не отважится выступить на стороне России, если этого не сделает Германия. А та будет соблюдать нейтралитет.

У германского правительства с русско-японской войной связывались цели, совершенно отличные от целей английского империализма. Ни Бюлов, ни все германское правительство вовсе не стремились к локализации войны, если бы она возникла на Дальнем Востоке. Напротив, чем шире полыхало бы ее пламя, тем больше, по их представлению, было бы пользы для Германской империи. Нечего и говорить, что предостережение со стороны Германии в адрес Франции — союзницы России, если бы Германия его сделала, открыто поставило бы ее в ряды антирусского фронта на Дальнем Востоке. Но включаться в этот фронт германское правительство ни в коем случае не намеревалось. Вместо того чтобы удовлетворить английское домогательство, Бюлов как раз в эти дни, 15 марта 1901 г., выступил в рейхстаге с сообщением, для Англии весьма неприятным. Он заявил, что англо-германское соглашение о сохранении «открытых дверей» в Китае и его территориальной целостности, заключенное в октябре 1900 г., ни в какой мере не распространяется на Маньчжурию.

В правящих английских кругах речь Бюлова была встречена с крайним неудовольствием. 18 марта 1901 г. у министра иностранных дел лорда Ленсдауна состоялась беседа с первым секретарем германского посольства Эккардштейном, который во время длительной болезни посла Гатцфельда выполнял обязанности поверенного в делах. Ленсдаун начал беседу с замечаний, касающихся позиции Германии в дальневосточном вопросе. «Я заметил, — сообщал об этой беседе Ленсдаун, — что речь графа Бюлова... кладет конец всякой идее о возможности для Англии и Германии объединиться ради локализации войны между Россией и Японией».

Эккардштейн согласился с этим. Но он высказал мнение, что германское правительство, хотя оно и не намерено вступить с Англией в соглашение, специально имеющее в виду нынешнее положение в Китае, «положительно отнеслось бы к идее соглашения более длительного и широкого характера», а именно «к чисто оборонительному союзу между обеими державами, направленному только против России и Франции».

Ленсдаун ответил, что он не может поддержать такой проект, не посоветовавшись с коллегами по кабинету. Лично он усматривает немалые трудности для его осуществления [1].

Если обратиться к немецким документам, то из телеграммы Эккардштейна Гольштейну от 19 марта о состоявшейся накануне беседе мы узнаем нечто совершенно противоположное тому, о чем сообщал Ленсдаун. Согласно версии немецкого дипломата, вовсе не он выступил с проектом заключить англо-германский союз. Как раз наоборот: сам Ленсдаун будто бы сделал ему такое предложение. Эккардштейн же, если верить его донесению, ограничился ответом, что он не в состоянии сообщить мнения германского правительства, но что если со стороны

[1] «British Documents», vol. II, № 77, p. 60—61.

Англии будет сделано определенное предложение, то он не преминет информировать Берлин [1].

Беспристрастный историк, внимательно сравнив обе версии, придет к выводу, что доверия заслуживает не немецкая, а английская, основанная на письме Ленсдауна послу в Берлине Лассельсу. Не вызывает сомнения, что британский министр иностранных дел, крупный государственный деятель, точно информировал посла о сообщении, сделанном германским дипломатом. К тому же содержание письма Ленсдауна подтверждается другими документами. Гораздо меньше доверия заслуживает Эккардштейн. Это был в дипломатии аристократический дилетант с миллионным состоянием, материально не зависевший от службы. Он был энтузиастом англо-германского союза, на заключении которого мечтал создать себе громкую карьеру. Эккардштейн пытался вести собственную политику. Он сознательно вводил в заблуждение свое правительство, сообщая, будто англичане сделали ему то предложение, которое на самом деле сделал не кто иной, как он сам, и притом вопреки директивам из Берлина, запрещавшим посольству проявлять инициативу по вопросу о союзе с Англией. Эккардштейн стремился посредством ложного донесения спровоцировать германское правительство на активные шаги по пути англо-германского сближения.

До опубликования английских дипломатических документов на основе версии Эккардштейна в историографии родилась целая легенда о якобы упущенной немецким правительством возможности английской дружбы. В настоящее время подавляющее большинство историков в различных странах пришло к выводу, что не британский кабинет, а всего лишь один Эккардштейн без всяких полномочий от своего правительства предложил Англии союз с Германией. Перед нами разительный пример дипломата, ведущего дипломатическую игру в своих собственных интересах и сознательно вводящего в заблуждение свое правительство ложными донесениями.

20 марта в германское посольство в Лондоне пришел ответ из Берлина на телеграмму Эккардштейна. Отвечал сам рейхсканцлер. Бюлов уведомлял посольство, что предложение заключить оборонительный союз с Англией германским правительством в принципе воспринято положительно. Но приходится считаться с тем, что такой союз может вовлечь в войну не только Германию, но и ее союзников. Вследствие этого, продолжал канцлер, Германия может вступить в союз с Англией не иначе как с согласия своих партнеров по Тройственному союзу. Лучше всего, если бы Англия сама обратилась в Вену. Согласится австро-венгерское правительство с англо-германским союзом — тогда и Германия, отбросив сомнения, согласна будет «ближе подойти к делу». В этом случае можно было бы подумать о привлечении к союзу также и Японии. Такова была позиция германского правительства в вопросе о союзе с Англией.

Позиция эта означала согласие, однако осложненное требованием о привлечении к переговорам Австро-Венгрии, а затем и Италии. «Идеалом было бы, если бы Тройственный союз в целом, а не только мы... заключили союз с Англией» [2], — пометил Бюлов на проекте вышеизложенной ответной телеграммы Эккардштейну. В этом смысле Эккардштейн и говорил с Ленсдауном. Германская дипломатия, спровоцированная своим представителем в Лондоне, выдвинула, таким образом, определенные предложения: она приглашала Англию присоединиться к договору о Тройственном союзе и при этом рекомендовала предварительно договориться с Веной [3].

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XVII, № 4994, S. 42.
[2] Ibid., № 4996, S. 45.
[3] Ibid., № 4997, S. 46—48.

Смысл этого германского проекта был совершенно ясен. В самом деле, чего же фактически добивалось от Германии британское правительство? Оно предлагало совместную борьбу против России на Дальнем Востоке, втягивало в нее Германию. Велась же борьба ради интересов Англии в Китае, до которых Германии было мало дела. Между тем самой Германии в конфликт с Россией легче всего было ввязаться из-за своего союза с Австро-Венгрией. Германская дипломатия и предлагала Англии такую форму договора, которая не позволила бы англичанам ускользнуть от участия в борьбе против России, если бы борьба эта возникла на почве австро-русско-германского, а не англо-русского конфликта. К этому у немцев добавлялось еще одно соображение, более общего порядка: не только не ссориться с Россией без самых надежных гарантий того, что Англия не уклонится от оказания военной помощи, но и вообще, раз Англии наконец понадобился союз с Германией, продать ей свою «дружбу» по максимально высокой цене.

Как же реагировало английское правительство на предложения Бюлова? Для него это были именно немецкие предложения, в то время как Бюлов передавал свой ответ через Эккардштейна в уверенности, что он только откликается на инициативу англичан.

Сначала Ленсдаун обнаружил было к сообщению из Берлина некоторый интерес — трудно сказать, по существу ли немецкого проекта или же только в информационных целях, ради лучшего выяснения намерений германского правительства. Но уже через несколько дней, 29 марта 1901 г., британский министр уклонился от дальнейших переговоров. Он заявил Эккардштейну, что они невозможны до выздоровления престарелого премьер-министра лорда Солсбери. Члены кабинета, добавил Ленсдаун, смотрят с известными опасениями на идею международного соглашения столь неопределенного и широкого характера, как то, которое предложил немецкий дипломат.

Эккардштейн, со своей стороны, начал бить отбой. Он понял, что из его прожекта ничего не получится [1].

Глава английского правительства, впредь до возвращения которого к делам Ленсдаун отложил обсуждение вопроса о союзе с Германией, безоговорочно отверг эту идею. 29 мая 1901 г. Солсбери представил кабинету меморандум, в котором решительно высказался против заключения англо-германского союза. «Ответственность за защиту германской и австрийской границ против России тяжелее, чем за защиту британских островов против Франции», — писал английский премьер. «Уже только в силу одного этого такая сделка будет невыгодной для нашей страны» [2], — заключил он. Английское правительство очень хотело бы втянуть Германию в борьбу против России из-за Дальнего Востока. Но оно не имело намерения заключить прочный союз с Германией — государством, которое сделалось наиболее опасным соперником Великобритании в мировом масштабе.

С английской стороны наблюдалась склонность вовлечь Германию в конфликт не только с одной Россией из-за Маньчжурии. Оно не прочь было втянуть ее также и в оживившуюся борьбу против Франции из-за Марокко.

Политика французских колонизаторов в годы англо-бурской войны в этой стране заметно активизировалась.

Французское правительство начало в эти годы постепенный натиск на Марокко. Захват его не только округлил бы французскую североафриканскую империю, но и усилил бы стратегические позиции Франции в западной части Средиземного моря.

---

[1] «British Documents», vol. II, № 79, p. 62.
[2] Ibid., № 86, p. 68.

Весной 1900 г. Франция захватила оазис Туат, на путях из Марокко в Сахару и дальше, в бассейн Нигера: французские колонизаторы производили охват Марокко с юга.

Одновременно велась дипломатическая подготовка. 14—16 декабря 1900 г. было заключено соглашение с Италией, которая предоставляла Франции свободу действий в Марокко в обмен на согласие Франции предоставить Италии то же самое в отношении Триполитании. По вопросу о судьбах Марокко Франция завязала переговоры также и с Испанией. Весной 1901 г. французское правительство под предлогом набегов пограничных племен на территорию Французского Алжира произвело против Марокко угрожающую военно-морскую демонстрацию.

Английское правительство бдительно оберегало свой контроль над Гибралтарским проливом. Оно в высшей степени ревниво наблюдало за французскими происками в Марокко и вокруг него.

Дипломатия султана Абдул Азиса основывалась на попытках противопоставить Франции Англию, Германию и Испанию. Подтолкнуть германских империалистов на противодействие французским было бы большим выигрышем также и для английской политики, тем более что с разных сторон выдвигалась идея франко-германского сотрудничества в Марокко. Опасаясь этого, Чемберлен еще в 1899 г., во время пребывания кайзера в Виндзоре, пытался достигнуть сотрудничества с Германией по марокканскому вопросу.

После того как Чемберлен потерпел тут неудачу, конкретных авторитетных предложений в отношении Марокко с английской стороны немцам больше сделано не было. Германская дипломатия тоже молчала: Бюлов полагал, что в марокканском вопросе Германия должна вести себя «подобно сфинксу» [1]. В Берлине выжидали, когда англо-французские противоречия в Марокко примут настолько острые формы, что Германия сможет до предела взвинтить цену за свое сотрудничество. А у германского империализма как раз усилился интерес к участию в разделе Марокко.

Чего германские правители никак не предвидели, так это того, что случилось на самом деле: вместо ожидавшегося в Берлине обострения англо-французских противоречий как раз по вопросу о Марокко состоялся англо-французский сговор.

Начало переговоров об англо-японском союзном договоре

Параллельно с неудачными англо-германскими переговорами происходили переговоры англо-японские. В момент, когда совместными усилиями держав производился срыв русско-китайского соглашения, 9 марта 1901 г., японский министр иностранных дел Като поручил японскому посланнику в Лондоне Хаяси запросить Ленсдауна, «в какой мере может Япония рассчитывать на помощь Великобритании в случае, если Япония найдет необходимым оказать противодействие России» [2].

Ответ был дан 16 марта. Английское правительство заявляло, что Англия намерена соблюдать нейтралитет. Ленсдаун добавил, впрочем, что Англия не склонна ограничивать свою свободу в выборе политического курса и что окончательно этот курс определится под влиянием обстановки, которую сегодня нельзя предвидеть [3]. Такой ответ ни в какой мере не мог удовлетворить японское правительство.

Английский кабинет явным образом готов был бы обещать Японии значительно больше, в случае если бы в борьбу против России удалось вовлечь Германию. Но речь Бюлова в рейхстаге устраняла на этот счет всякую надежду. С немецкой стороны вместо этого Англии предлагали

[1] «Die Grosse Politik», Bd XVII, № 5177, S. 332. Пометка Бюлова.
[2] «British Documents», vol. II, № 51, p. 41.
[3] Ibid., № 33, p. 26—27.

заключить общий союзный договор, да еще не с одной Германией, а также и с ее союзниками. Это оказывалось для английского кабинета совершенно неприемлемым. Такое решение не столько втянуло бы Германию в драку из-за Маньчжурии, сколько Англию в какие-либо русско-австрийские и русско-германские конфликты на Балканах и в Европе.

Японцы повторили английскому правительству свой вопрос. 17 апреля 1901 г. Хаяси заявил о желательности заключить с Англией «постоянное соглашение» для защиты обоюдных интересов. Определенного ответа он и на этот раз не получил.

Позиция английского правительства изменилась летом 1901 г. В июле Витте предпринял новые попытки достигнуть соглашения с Японией на базе уступок ей в Корее. Русско-японское сближение продолжало оставаться пугалом для английских правящих кругов. И вот 31 июля Ленсдаун заявил Хаяси, что, если бы этого пожелало японское правительство, он готов обсудить возможность соглашения между Англией и Японией. 14 августа 1901 г. Хаяси уведомил о согласии: «...он не сомневается, что его правительство было бы счастливо прийти к такому соглашению». Он просил Ленсдауна сообщить условия.

Английский министр возразил, что Япония является более заинтересованной стороной, и поэтому формулирование предложений является делом японского правительства [1].

К этому времени в Японии произошли крупные перемены. В июне 1901 г. пало правительство Ито. Ему на смену пришли крайние милитаристы во главе с графом Кацура, ставленником маршала Ямагаты, главы милитаристской клики. Курс японской политики стал еще более агрессивным. Правительство Кацуры считало необходимым заключить с Англией союз против России.

Ито высказывал сомнение в искренности англичан: действительно ли они готовы отказаться от традиционной политики самоизоляции ради союза с Японией? Бывший премьер сохранял большое влияние на императора и в буржуазной общественности страны. Не возражая против союза с Англией, переговоры с которой начались еще во время его пребывания у власти, он предлагал сделать попытку договориться с Россией, получив ее согласие на фактический захват Кореи Японией. Он мог в известной мере опереться на предложения, которые делались с русской стороны. На совещаниях, происходивших между Ямагата, Кацура, Ито и его сторонником Иноуэ, было решено, что Ито отправится в Петербург и попробует достигнуть соглашения с царским правительством. Есть сведения, что Ямагата и Кацура рады были спровадить Ито из Токио в длительное путешествие. Английскому кабинету японские дипломаты сообщили, что Ито якобы не уполномочен вести во время своей поездки переговоры о каком бы то ни было соглашении от имени японского правительства...

Видимо, внутренняя борьба в правящих кругах Японии несколько затянула развитие переговоров с Англией. Только 8 октября 1901 г. Хаяси получил указание возобновить переговоры об англо-японском соглашении, и только 16 октября он изложил Ленсдауну содержание японского предложения: Япония, сообщал посланник, всего более заинтересована в Корее. В Маньчжурии она заинтересована якобы лишь постольку, поскольку захват этой области Россией легко может привести к захвату ею также и Кореи. Японское правительство желало бы иметь с Англией такой союз, который обеспечивал бы каждому участнику военную помощь союзника на случай войны из-за интересов на Дальнем Востоке более чем с одним противником [2].

---

[1] «British Documents», vol. II, № 102—103, p. 90—92.
[2] Ibid., № 105, p. 96—98.

6 ноября Лепсдаун встретился с Хаяси и передал ему английский проект союзного договора. Британское правительство предложило расширить сферу действия союза за пределы Дальнего Востока. Оно желало иметь японскую помощь также и на случай войны из-за Индии. Зато в отношении Кореи английский проект предусматривал совместные действия только в целях предотвращения захвата ее Россией.

Японское правительство возражало. Оно не соглашалось расширить сферу союзных обязательств за пределы Китая и Кореи. С другой стороны, оно желало распространить «casus foederis» не только на случай покушения третьей державы на Корею, но и на войну из-за любых попыток какой-либо державы ограничить господствующее влияние Японии в этой стране [1]. Иными словами, Япония хотела получить поддержку Англии на тот случай, если Россия будет мешать Японии самой произвести фактический захват Кореи. Таким образом, японское правительство намеревалось придать союзу явно выраженный агрессивный характер [2]. Японское правительство предвидело возражения со стороны осторожного английского кабинета. Но тут японской дипломатии должна была помочь тревога, которую вызвала в Лондоне миссия Ито.

Этот японский сановник тем временем прибыл в Европу. Независимо от личных намерений Ито для правительства Кацуры его миссия явилась обходным дипломатическим маневром в целях преодоления сомнений британского кабинета.

Миссия Ито

Бывший японский премьер сначала посетил Париж. Он приехал туда 13 ноября 1901 г. и встретился с Делькассе. Французский министр был в высшей степени заинтересован в примирении Японии с Россией. Он всячески стремился избавить союзницу Франции от необходимости отвлекать свои силы от германской границы в Восточную Азию. Делькассе энергично высказывался перед Ито в пользу соглашения с Россией. Французский дипломат рассчитывал, что Япония нуждается в средствах и Ито будет просить о предоставлении займа. Этого, однако, не случилось.

Японский гость был сдержан. Он выразил надежду на то, что соглашение будет достигнуто, и обещал в случае необходимости прибегнуть к посредничеству Франции.

14 ноября по поручению своего правительства в Париж из Лондона прибыл Хаяси. Он информировал Ито о состоянии переговоров с Англией. Тот не ожидал, что во время его отсутствия Кацура заведет дело так далеко. Поездка Хаяси была дипломатическим приемом японского правительства: доклад посланника бывшему премьеру, которого считали сторонником сделки с Россией, призван был обеспокоить Форин-оффис.

24 ноября Ито прибыл в Петербург. Японский дипломат Исии сообщает в своих «Дипломатических комментариях», что «русские деятели... и сам царь устроили более чем королевский прием маркизу Ито. Они говорили с ним о политических вопросах и заняли чрезвычайно благожелательную позицию» [3]. Ито беседовал с царем, Ламздорфом и Витте. Он требовал полноты влияния в Корее. Ему было заявлено, что интересы России требуют обеспечения свободы плавания по Корейскому проливу. Если это условие будет принято, Россия признает промышленные и коммерческие интересы Японии в Корее. Царское правительство готово было предоставить Японии преимущественное право «подавать советы» и оказывать «помощь» корейскому правительству, включая военную. Правда, признавая за Японией «право» вводить в Корею свои войска, русское правительство настаивало, чтобы численность этих войск и сроки их пребывания в Корее были ограничены и чтобы Корея не исполь-

[1] «British Documents», vol. II, № 110, 115, 125, p. 99—100, 102, 115—117.
[2] Ibid., № 112—113, p. 100—101.
[3] *К. Исии.* Дипломатические комментарии. М., 1942, стр. 39.

зовалась Японией «для стратегических целей» против России. Японские войска не должны были переступать определенную зону вдоль русско-корейской границы. В обмен от японцев требовалось признание русского преобладания в Маньчжурии и в других областях Китая, граничащих с Россией. Япония должна была «ни в чем не стеснять там свободы действий России» [1].

В Петербург к Ито снова был послан сотрудник японского посольства в Лондоне, который привез ему проект англо-японского договора. Информировать Ито об этом можно было бы гораздо проще — по телеграфу из Токио. Но нарочито был избран способ более демонстративный.

Ито советовал своему правительству отложить подписание союза с Англией, пока не выяснится полностью вопрос о возможности заключить выгодное соглашение с Россией. Но лидеры военщины Ямагата и Кацура не последовали его совету. Завязывая через посредство Ито переговоры с Петербургом, японские милитаристы вовсе не стремились довести их до благоприятного конца. Миссия маркиза Ито была для них только средством нажима на Англию: страх перед русско-японской сделкой должен был побудить ее заключить союз на условиях, наиболее выгодных для Японии. Милитаристы одержали верх. 7 декабря совет генро принял решение подписать союзный договор с Англией. 19 декабря английский кабинет, в свою очередь, обсудил вопрос и постановил заключить союз с Японией. Создание англо-японского союза означало курс на войну против России.

Англо-японский договор

Маневр японской военной партии увенчался успехом: 30 января 1902 г. Ленсдаун и Хаяси подписали союзный договор. В первой его статье обе стороны признавали друг за другом право на охрану в Китае и Корее своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее, и потребуется интервенция какой-либо из договаривающихся сторон для защиты жизни и собственности ее подданных» [2]. Таким образом, договорные обязательства касались не только отпора покушениям третьей державы на захват Кореи или Китая. Они предусматривали также «право» на противодействие любым попыткам третьей державы — очевидно, России — «угрожать интересам» Японии или Англии в этих двух странах Восточной Азии. В высшей степени растяжимые формулировки ст. 1 предоставляли широкие возможности для изыскания поводов как для вмешательства во внутренние дела Китая и Кореи, так и для развязывания войны против России. Если бы, например, Россия воспротивилась каким-либо агрессивным действиям Японии в Корее, то японскому правительству было бы нетрудно подвести этот случай под формулировки первой статьи англо-японского договора. Оно могло бы заявить, что, противодействуя Японии, Россия «угрожает» японским интересам.

Ст. 2 обязывала каждую из договаривающихся сторон соблюдать строгий нейтралитет в случае, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется вовлеченной в войну с третьей державой. В случае войны одного из союзников с двумя или более державами договор (согласно ст. 3) обязывал другого его участника оказать союзнику военную помощь.

Англо-японский союзный договор был крупной победой японской дипломатии. Индия в нем не упоминалась, а в отношении Кореи и Маньчжурии договор обеспечивал Японии все, чего добивалось ее правительство. Он давал ей возможность начать войну против России, обладая уверенностью, что ни одна держава не окажет России воору-

[1] «Красный архив», 1934, т. 2 (63), стр. 44—53; *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии, стр. 333—339.

[2] «British Documents», vol. II, № 125, p. 114—118.

женной поддержки из опасения столкнуться уже не с одной Японией, но и с Англией — ее союзницей. Договор был одобрен парламентом и опубликован.

Заключение англо-японского союзного договора сопровождалось обменом секретными нотами. В них устанавливалось, что «в мирное время» военно-морские силы обеих сторон, «насколько это возможно», будут действовать согласованно и что будут предоставлены взаимные льготы в использовании доков и в снабжении углем военных кораблей каждого союзника в портах другого. В нотах констатировалось, что в данный момент Англия и Япония содержат на Дальнем Востоке силы, превосходящие морскую мощь любой другой державы. Обе союзницы заверяли друг друга, что они не имеют намерения ослаблять усилий к сохранению такого превосходства [1].

С подписанием англо-японского союзного договора Японии фактически обеспечивалась так же и финансовая помощь лондонского Сити. Нет необходимости пояснять, что, договариваясь о взаимном «праве» на вмешательство в дела Китая и Кореи, оба империалистических хищника не находили нужным спросить согласия народов или хотя бы правительств этих стран. Англо-японский союз был направлен одновременно и против России, и против Китая, и против Кореи. Он должен был служить, с одной стороны, подавлению национального движения, а с другой, интересам борьбы английского и японского империализма против империализма русского. Англия фактически обязывалась (согласно ст. 3 союзного договора) обеспечить Японию от образования против нее коалиции, какую бы авантюру Япония ни затеяла против России. Таков был смысл союза.

Англо-японский союз напугал царское правительство. Русская дипломатия немедленно обратилась к Франции с предложением совместно выступить с ответом на англо-японский союз. Французское правительство не одобряло отвлечения сил России на Дальний Восток. Все же оно согласилось на то, чтобы 20 марта 1902 г. оба союзных правительства опубликовали общую декларацию. Она гласила: «Будучи вынужденными учитывать возможность враждебных действий других держав, либо повторения беспорядков в Китае... оба союзных правительства оставляют за собой право озаботиться в такого рода случаях принятием мер, необходимых для охраны их интересов». Декларация намекала Японии и Англии на возможность франко-русского сотрудничества на Дальнем Востоке. Но она оставляла открытым вопрос, примет ли это сотрудничество военные формы. Декларация имела поэтому малообязывающий характер. Франция на этот раз не оказала своей союзнице существенной политической помощи на Дальнем Востоке.

Царское правительство пыталось привлечь к участию в декларации Германию и восстановить антияпонский континентальноевропейский блок 1895 г. Но это совершенно не входило в планы кайзера и его советников: поощряя царизм на дальневосточные авантюры, они вовсе не собирались втягиваться в них сами. Германское правительство отказалось примкнуть к франко-русскому выступлению против англо-японского союза, подобно тому как раньше оно уклонялось от присоединения к англо-японскому блоку, направленному против России.

Зато германское правительство охотно учинило антианглийскую манифестацию в виде свидания кайзера с царем в Ревеле. При расставании Вильгельм постарался поощрить честолюбие недалекого царя. В своей излюбленной театральной манере он послал Николаю морским кодом прощальный привет как «адмиралу Тихого океана» от «адмирала Атлантики».

---

[1] «British Documents», vol. II, № 125, p. 119—120.

Соглашение об эвакуации Маньчжурии

Во время переговоров между Англией и Японией о заключении союза развертывался второй тур русско-китайских переговоров об условиях эвакуации Маньчжурии. В начале августа 1901 г. Ли Хун-чжан предложил царскому правительству возобновить эти переговоры. На этот раз в Петербурге решили проявить бо́льшую уступчивость.

Что касается министра иностранных дел Ламздорфа, то он советовал эвакуировать Маньчжурию по собственному почину и отказаться от попыток добиться от Китая каких-либо уступок, зафиксированных в договоре. Из царских сановников Ламздорф лучше всех понял сложившуюся обстановку. После русско-японского конфликта, возникшего в конце марта 1901 г., Ламздорф пришел к выводу, что для Японии война против России является не средством, «а скорее прямо намеченной целью» [1]. Насчет идеи сепаратного соглашения с Китаем Ламздорф теперь заявлял, что руководимое им ведомство «никогда не считало особенно желательным его заключение до восстановления в Поднебесной империи нормального порядка вещей». Да и вообще «письменный документ» представлялся ему «маловажным» и даже «опасным». После восстановления в Китае нормального порядка договор тем более будет лишним: все вопросы можно будет уладить путем «сделок с китайскими правительственными лицами». Ламздорф высказывал сожаление по поводу того, что его коллеги, Витте и Куропаткин, настаивали на заключении сепаратного договора с Китаем, что только после долгих пререканий они согласились хотя бы смягчить предъявленные Китаю требования. Ламздорф отмечал, что даже и смягченный проект вызвал «агитацию» против России — особенно в Японии.

Несмотря на всю враждебность Японии, Ламздорф все же считал возможным договориться с ней — «если бы все дело сводилось исключительно к сфере вверенного мне ведомства». Все трудности, заявлял Ламздорф, исходят от военного министерства и министерства финансов. Мешает соглашению с Японией мелочь — «присутствие наших войск в Маньчжурии» и «разнообразные вопросы, связанные с постройкой железной дороги».

Из осторожности, считаясь с постоянной возможностью возникновения конфликта с Японией, Ламздорф в июне 1901 г. высказывался за «постепенное и осторожное приведение в боевую готовность войск Приамурского округа». Однако он безусловно предпочитал добиться смягчения отношений. По его убеждению, «наилучшим выходом из настоящих затруднений была бы скорейшая подготовка к... полной эвакуации Маньчжурии» [2].

Но когда сам Китай проявил инициативу, предложив возобновить переговоры, царское правительство вновь предложило ему уплатить за эвакуацию некую цену. Оно представило новый проект соглашения, хотя и значительно смягченного. Оно готово было полностью эвакуировать свои войска в три срока в течение 18 месяцев. В проекте отсутствовали статьи о недопущении в Маньчжурию китайских войск, но предусматривалась необходимость согласования с Россией их численности.

Витте был согласен с Ламздорфом, что Маньчжурию целесообразно эвакуировать [3]. Но Витте настоял на том, чтобы потребовать от Китая выдачи им еще до подписания соглашения об эвакуации Маньчжурии

[1] Циркулярное письмо Ламздорфа, утвержденное царем 4 июня (22 мая) 1901 г., в сборн. «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.» М.—Л., 1926, док. № 39, стр. 135. Приложение. Ср. *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 146.

[2] «Красный архив», 1934, т. 2 (63), стр. 31.

[3] См. *Б. Б. Глинский.* Пролог русско-японской войны. Материалы из архива гр. С. Ю. Витте. Пг., 1916, стр. 141—143.

обязательства Русско-Китайскому банку. В нем должно было содержаться обещание не предоставлять в Маньчжурии каких-либо концессий иностранцам, не предложив их предварительно Русско-китайскому банку. В случае удовлетворения царских требований Ли Хун-чжану была обещана новая взятка в 300 тыс. руб. Но старый пройдоха умер 3 ноября 1901 г., не дожив до завершения дела.

Под влиянием Англии, Японии и США китайское правительство опять отвергло русские предложения. 3 февраля 1902 г. Соединенные Штаты заявили в Петербурге и в Пекине официальный протест против проектируемой монополии Русско-Китайского банка в Маньчжурии, как нарушения принципа «открытых дверей». Царское правительство почти одновременно узнало о трех фактах, один неприятнее другого: о заключении англо-японского союза, о протесте США и о повторном отказе Китая. Русско-китайские переговоры вновь были прерваны.

Американская нота свидетельствовала о том, что после заключения англо-японского союза правительство США усилило нажим на Россию. Хэй заявил Кассини, что, по сообщению китайцев, русский проект соглашения с Китаем представляет серьезную угрозу для будущности американской торговли в Маньчжурии. Американских империалистов тревожил виттевский проект монополии Русско-Китайского банка. В Вашингтоне опасались также, что Германия и Япония в случае заключения русско-китайского соглашения потребуют и для себя сходных привилегий в Шаньдуне и Фуцзяни. В таком случае, заявил Хэй, Соединенные Штаты «потеряли бы почти все свои рынки в Китае».

Изложив все это русскому послу, государственный секретарь вернулся к обсуждению возможности русско-американской сделки за счет Китая. «Я всегда признавал совершенно исключительный характер отношений России к Маньчжурии, — заявил Хэй. — Мы отнеслись бы сочувственно к принятию Россией необходимых мер к предотвращению повторения событий последних лет», т. е. народного восстания. «Мы, конечно, предпочли бы в таком случае, чтобы Россия окончательно завладела Маньчжурией, так как тогда бы в этой стране была введена по крайней мере хорошая администрация»[1]. Этот провокационный намек в Петербурге подхвачен не был. В уплату за согласие США на захват Маньчжурии царской России пришлось бы допустить американский капитал к богатствам северо-восточного Китая, а самой подвергнуться риску войны.

После заключения англо-японского союза и вторичного отказа Китая Витте счел необходимым пойти на уступку. Он снял требование о предварительном обязательстве китайского правительства не предоставлять концессий иностранцам. Эта уступка решила дело: 8 апреля 1902 г. между российским и китайским правительствами было наконец подписано соглашение о порядке вывода русских войск из Маньчжурии в три срока в течение 18 месяцев, т. е. к осени 1903 г. Царская дипломатия настояла лишь на включении в договор оговорки о том, что эвакуация может быть приостановлена смутами в Маньчжурии или же такими действиями иностранных держав, которые не позволят России вывести свои войска. Включение этой оговорки стоило царскому правительству 40 656 руб. Эту сумму составили взятки, которые были даны уполномоченному цинского правительства Вань Вэнь-шао и некоторым другим сановникам. Преемники Ли Хун-чжана брали с царского казначейства меньше, чем привык получать старик!

Из всех требований, направленных на монополизацию экономической эксплуатации Маньчжурии, в подписанное соглашение вошло

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1902 г., д. № 107, л. 63. Депеша Кассини № 13 от 12 февраля (30 января) 1902 г. Цит. в кн.: *С. Б. Горелик.* Политика США в Маньчжурии, стр. 125—126; ср. стр. 138.

только обязательство Китая относительно железной дороги Шаньхайгуань — Синминтин. Любое продолжение этой дороги, единственной в Маньчжурии, не находившейся в руках России, Китай обязывался сооружать не иначе, как после предварительной консультации с царским правительством [1].

Первый этап эвакуации Маньчжурии был завершен русским правительством точно в установленный срок, осенью 1902 г.

Как раз в это время на Николая II стала оказывать большое влияние безответственная придворная клика авантюристов во главе с Безобразовым. Эта клика собиралась создать в Корее и в Маньчжурии свои промышленные предприятия в противовес руководимым Витте предприятиям Русско-Китайского банка. Безобразов и его друзья получали с помощью царя казенные деньги на свои сомнительные дела. Они убеждали Николая не выводить из Маньчжурии войска, вопреки заключенному с Китаем соглашению. Не довольствуясь Маньчжурией, они подстрекали царя проникнуть и в Корею, где Россия с 1898 г. терпела преобладающее влияние Японии. Безобразовская клика приобрела в Корее лесную концессию. Ее территория захватывала бассейны рек Ялу и Тумыни и тянулась на 800 километров вдоль китайско-корейской и русско-корейской границ, от Корейского залива до Японского моря. Формально концессия была приобретена частным акционерным обществом. Фактически оно работало на средства казны и удельного ведомства. Под видом лесной стражи на территорию концессии стали вводить солдат.

Министры протестовали против опасной деятельности проходимца Безобразова. Но влияние Витте на царя уже пошатнулось. Николаю нашептывали, что его министр забрал слишком много власти; договаривались до того, что Витте якобы мечтает стать президентом Российской республики.

Второй договорный срок эвакуации Маньчжурии наступал 8 апреля 1903 г. В связи с приближением этой даты 7 февраля в Петербурге состоялось особое совещание под председательством Ламздорфа с участием Витте, Куропаткина, управляющего морским министерством Тыртова и трех посланников — в Китае, в Японии и в Корее. На совещании стоял вопрос о гарантиях русских интересов в Маньчжурии, которых теперь опять вознамерились потребовать от Китая, перед тем как выполнить обязательство об эвакуации русских войск. Китай должен был обязаться не уступать никакой державе на началах аренды концессий или иначе территорий, возвращаемых ему Россией. От китайского правительства собирались также потребовать, чтобы в случае приглашения иностранцев для руководства тем или иным ведомством Китайской империи дела Северного Китая были бы изъяты из ведения того учреждения, во главе которого предполагалось поставить иностранца. Эти дела надлежало выделить в ведение особого органа, во главе которого Китай должен был поставить русского. Китай не должен был открывать в Маньчжурии новых пунктов для международной торговли. Намечались и другие условия. Военный министр Куропаткин потребовал задержки эвакуации. К договорному сроку, т. е. к 8 апреля 1903 г., он предлагал ограничиться освобождением одной только Мукденской (Фынтяньской) провинции. Эвакуацию же провинций Гиринской и Хэйлуцзянской он требовал обусловить согласием Китая на сохранение там известного количества русских войск — вдоль железной дороги, а также по течению рек Амура и Сунгари. Совещание приняло эти требования. Но оно решительно отклонило притязания Куропаткина на аннексию Северной Маньчжурии. И Витте и Ламздорф выступили против этого самым категорическим образом.

[1] *J. V. A. MacMurray.* Treaties and agreements with and concerning China, vol. I, p. 326—329.

Царь утвердил предложения совещания. 5 апреля 1903 г. Китаю были предъявлены русские условия. Уже через несколько дней они были отвергнуты [1].

Царское правительство затеяло опасную игру. Военная подготовка России на Дальнем Востоке значительно отставала и совершенно не соответствовала захватническим планам не только безобразовской группы, распространявшей свои притязания и на Корею, но и замыслам Витте, Ламздорфа, Куропаткина — «триумвирата», сплотившегося теперь на борьбу с «безобразовщиной».

Дальнейшее проникновение иностранного капитала в Китай

Заключительный протокол от 7 сентября 1901 г. в числе других постановлений содержал согласие китайского правительства на переговоры о дополнении торговых договоров Китая с державами. В результате были заключены новые договоры с Англией, Японией, США. В этих договорах устанавливалось повышение китайских импортных пошлин, предусмотренное в заключительном протоколе ради лучшего обеспечения платежей по наложенной на Китай контрибуции. В договорах содержался также ряд постановлений, направленных на дальнейшее расширение возможностей эксплуатации Китая иностранным капиталом, — уничтожение лицзина, предоставление иностранцам права приобретать земли, содержащие минеральные богатства, расширение прав иностранцев на пароходство по рекам Китая и т. д. Договоры, заключенные Китаем с Соединенными Штатами и Японией 8 октября 1903 г., содержали обязательство Китая об открытии новых пунктов для международной торговли, в том числе двух в пределах Маньчжурии [2]. Это постановление было прямо направлено против русской политики в Маньчжурии и означало подготовку мощного вторжения туда иностранного капитала в ущерб Русско-Китайскому банку и всем созданным там Витте и Ротштейном государственно-капиталистическим предприятиям.

Царское правительство пыталось противодействовать осуществлению этого требования или хотя бы ограничить его запрещением устраивать в этих открытых городах иностранные сеттльменты. Успеха оно не имело. Но эти его попытки вызвали дальнейшее резкое ухудшение отношений с США. «Любезный дипломат, светский человек преобразился в грубого и надменного янки» [3], — писал Кассини в Петербург о своей беседе с государственным секретарем Хэем.

Кассини одернул зарвавшегося американского дипломата. Но в Петербурге посол все время советовал уступить в вопросе об открытых городах (хотя и не в отношении сеттльментов) [4].

Царское правительство так и сделало. Однако это не уменьшило враждебности США и не предотвратило все более тесного сближения их с Англией и Японией. Кассини тщетно увещевал Хэя. Он заверял, что, «как только мы устроим собственные дела, мы не преминем заняться высказанными Соединенными Штатами пожеланиями относительно американской коммерческой деятельности в Маньчжурии» [5]. Нельзя не отметить, что нараставшая враждебность американского империализма к России объяснялась не только развитием обстановки в Китае, но и тем, что к 1903 г. у США освободились руки на Филиппинах, на Кубе и в Панаме.

[1] Ср. *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 216—219.

[2] *J. V. A. MacMurray.* Treaties and agreements with and concerning China, vol. I, p. 411 и сл.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1903 г., д. № 113, л. 196. Депеша Кассини № 60 от 1 июля (18 июня) 1903 г. Ср. *С. Б. Горелик.* Политика США в Маньчжурии, стр. 192.

[4] Там же, л. 199; см., кроме того, депешу Кассини № 56 от 17 (4) июня 1903 г. и другие его донесения.

[5] Там же, л. 196—197. Депеша Кассини № 60 от 1 июля (18 июня) 1903 г.

Попытка англо-русского сближения

Несколько иначе складывались у России отношения с Англией. С заключением англо-японского союза Англия наконец нашла, чьими силами ей бить своего русского соперника. Вскоре после этого, 31 мая 1902 г., Англия развязала себе руки в Южной Африке, заключив мир с бурскими республиками.

Заключение союза с Японией и подписание мира с бурами освободили английский империализм от затруднений, которые связывали его с середины 90-х годов. Для Англии отпала необходимость во что бы то ни стало ладить со своим опаснейшим противником — Германией. В то же время вторая германская морская программа открыла многим англичанам глаза на то, что именно немцы представляют самую серьезную угрозу для Англии. Переговоры об англо-германском союзе прекратились. Английский империализм готовился вступить в открытую борьбу с германским конкурентом. Перед лицом столь мощного врага Англия начинает искать примирения с Россией и Францией [1]. В 1903 г. английское правительство с охотой откликнулось на французскую инициативу: между Англией и Францией были начаты переговоры по всем спорным колониальным проблемам. В Англии усилилось также течение за сближение с Россией. В пользу него велась интенсивная кампания в печати. Особенно энергично высказывались за сближение с Россией органы, враждебно настроенные к Германии и усматривавшие в ней главного соперника Англии. Заручившись против России союзом с Японией, английская дипломатия проявляет возрастающую склонность разведать возможности сделки с Россией. Король Эдуард и Ленсдаун полагали, что заключение англо-японского союза достаточно напугало царское правительство. Они рассчитывали, что теперь Россия проявит больше уступчивости.

Об англо-русском сближении неустанно хлопотала французская дипломатия. Делькассе, летом 1903 г. побывавший в Лондоне, несколько раз намекал в Петербурге, что Англия готова заключить соглашение с Россией.

Ламздорф откликнулся на призыв Делькассе. Завязались англо-русские переговоры.

Главный узел англо-русских противоречий находился вовсе не в Маньчжурии. Северо-Восточный Китай интересовал Англию лишь потому, что, по мнению английского правительства, он мог послужить плацдармом, с которого России легко ударить по китайской столице, а затем забрать и остальной Китай. В ноябре 1903 г. король Эдуард высказал новому русскому послу Бенкендорфу пожелание об установлении «лучшего взаимопонимания» между русским и английским правительствами по имеющимся спорным вопросам. Через несколько дней Ленсдаун добавил к этому, что он готов обсудить эти вопросы с послом. Бенкендорф охотно согласился. Ленсдаун выразил готовность изложить основы возможного соглашения. Он немедленно приступил к делу: Россия, начал Ленсдаун, должна признать Афганистан полностью находящимся в сфере английского влияния. Россия может иметь с ним сношения только по вопросам местного и не политического характера. Россия должна была, по мнению британского министра, признать также Тибет сферой влияния Англии и не посылать туда своих агентов.

Переходя к Дальнему Востоку, британский министр выразил готовность признать «преобладающие интересы России, как соседней державы, в Маньчжурии». Ей должен принадлежать там контроль над железными дорогами, в ее руках будет находиться развитие железнодорожной сети,

---

[1] «The letters and friendships of Sir C. Spring Rice». Ed. by S. Gwynn. London, 1929, vol. I, p. 422.

и она должна иметь возможность принимать «разумные меры» для защиты железнодорожных линий. Но в Маньчжурии должны уважаться договорные права Англии, ее торговля должна вестись там на началах равноправия. Ленсдаун пожаловался на затяжку с эвакуацией русских войск, но намекнул на готовность отнестись к этому терпимо. Он требовал, однако, скорейшей эвакуации Ньючжуаня, как открытого порта.

Персию англичане предлагали поделить: глава британской дипломатии был готов признать за Россией «определенное преобладание» на севере страны. Он соглашался, правда, не препятствовать русской торговле в Южной Персии и Персидском заливе. Но если туда будет строиться железная дорога, то это должно совершиться не иначе, как на основе «дружественного соглашения» с Англией, за которой должен быть обеспечен контроль над южной частью линии и над ее выходом к морю. На юге Англия должна была располагать преобладающим влиянием. На востоке Персии Сеистан, прилегающий к границам Афганистана, Россия должна была признать сферой влияния Англии [1].

Царское правительство не имело намерений удовлетворить все эти притязания Англии. Оно не собиралось ни отказываться от установления прямых отношений с Афганистаном, ни отдавать англичанам южную часть Персии. В северной же части Персии его влияние доминировало и без их соизволения. Царское правительство сочло английские предложения невыгодными. Но оно готово было продолжать переговоры. Внезапное нападение Японии на Россию прервало их развитие.

Начало войны

Англо-русские переговоры явились лишним стимулом, побудившим Японию форсировать военную развязку русско-японских империалистических противоречий. Впрочем, еще 12 августа 1903 г. японское правительство, со своей стороны, возобновило переговоры с Россией. Помимо признания господствующего влияния в Корее и фактического протектората Японии над этой страной японцы требовали от России согласия на продолжение их корейской железной дороги на Ньючжуань до соединения с китайской линией Шаньхайгуань — Синминтин. Они настаивали также на соблюдении в Маньчжурии принципа «открытых дверей» для торговли всех паций. Выдвигая эти требования, японские империалисты явно обнаружили свое намерение проникнуть в Южную Маньчжурию.

Уже упомянутое особое совещание четырех министров и трех посланников, состоявшееся в Петербурге 7 февраля 1903 г., приняв постановление, означавшее задержку эвакуации русских войск из Маньчжурии, тут же единогласно высказалось в пользу соглашения с Японией, «хотя бы, — формулировал председательствующий Ламздорф, — и принимая исходной базой (для переговоров. — *В. Х.*) последние японские предложения».

Это постановление имело свою логику: если брался курс на продолжение осложнений с Китаем, то при неготовности к войне необходимо было застраховать себя посредством сделки с Японией. А для этого надобно было в чем-то пойти ей навстречу. Витте и Ламздорф предлагали царю изменить курс и принять японские предложения, за исключением пункта о продолжении корейской дороги на Ньючжуань.

Но Николай был не способен понять обстановку и не согласился. В царском правительстве произошли крупные перемены. Группа Безобразова брала верх над Витте. В августе 1903 г. на Дальнем Востоке было создано особое наместничество. Наместником был назначен адмирал Алексеев, близкий к Безобразову. Наместничество было изъято из подчинения каким бы то ни было министерствам. В центре все дела дальневосточной политики были возложены на вновь созданный Особый

[1] «British Documents», vol. IV, № 182, p. 186—188.

комитет по делам Дальнего Востока под председательством самого царя. Его заместителем был назначен новый министр внутренних дел Плеве, сменивший убитого Сипягина — друга Витте. Министерство иностранных дел было фактически отстранено от дальневосточных вопросов.

Плеве был вожаком самой крайней реакционной группировки внутри петербургских правящих кругов. Он сблизился с безобразовцами. Новый министр внутренних дел считал войну полезной с точки зрения предотвращения надвигавшейся революции: вся эта перетасовка в верхах происходила в условиях быстрого роста революционного движения в стране.

Ламздорф, Куропаткин и Витте, который в прошлом, собственно говоря, и был зачинателем экспансионистской политики царизма на Дальнем Востоке, считали теперь необходимым идти на уступки Японии, дабы избежать войны. Летом 1903 г. Витте, как и Ламздорф, склонился к безоговорочной эвакуации Маньчжурии. Но в августе Витте был уволен с поста министра финансов.

Деятельность Безобразова и Плеве еще больше осложнила положение России. Характерно, что эти представители крайней реакции, отвергая компромисс с Англией и ее союзницей, тем самым оказывались сторонниками всемерного сближения с Германией.

«Новый курс», подсказанный Безобразовым, требовал усиленной военной подготовки. Этого и добивались безобразовцы. Но время для серьезной подготовки к войне в значительной мере уже было упущено.

Ответ японскому правительству был дан 3 октября. Японский протекторат над Кореей в Петербурге по-прежнему готовы были признать, но с оговорками относительно свободы плавания по Корейскому проливу, запрета вводить японские войска в пограничную с Россией и Китаем зону (севернее 39-й параллели) и т. д. За это требовали, чтобы Япония признала Маньчжурию областью, находящейся «во всех отношениях вне сферы ее интересов» [1]. В дальнейшем русская дипломатия все время настаивала на том, что маньчжурский вопрос касается исключительно России и Китая и что Япония вообще не должна вмешиваться в маньчжурские дела. С этим японцы никак не соглашались. Они требовали, чтобы положение Маньчжурии тоже стало предметом русско-японского соглашения.

23 декабря 1903 г. японское правительство в лаконичных выражениях, по форме напоминающих ультиматум, сообщило, что «чувствует себя вынужденным просить императорское российское правительство пересмотреть свое предложение в этом смысле» [2].

Оказавшись перед требованием японского правительства, царское правительство пошло теперь на уступки: оно, включая самого Николая, наконец поняло серьезность положения и осознало свою военную неподготовленность. 28 декабря особое совещание под председательством царя приняло почти все японские требования.

Но уступка оказалась бесполезной. Японские милитаристы твердо решили воевать. 13 января 1904 г. Япония еще повысила свои притязания.

Чувствуя военную слабость, царское правительство сделало новые уступки и дало примирительный ответ. Он был послан по телеграфу 3 февраля. Об этом было официально сообщено японскому посланнику в Петербурге. Однако на японском телеграфе русскую депешу задержали до 7 февраля [3]. Тем временем 6 февраля японское правительство по-

---

[1] «Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны», т. I. Спб., 1910, стр. 36 и сл.

[2] Там же, стр. 57—58.

[3] См. там же, стр. 77.

спешило порвать дипломатические отношения с Россией. Но еще до этого японские эскадры вышли в море [1]. В ночь с 8 на 9 февраля без объявления войны Япония открыла военные действия внезапным нападением на русский флот на рейдах Потр-Артура и Чемульпо. «...Япония напала на Порт-Артур в 1904 году, — говорил Н. С. Хрущев, — напала без объявления войны и без всякого предупреждения» [2]. Военные действия были начаты с самым грубым нарушением норм международного права, без предварительного объявления войны, так же как против Китая в 1894 г. и так же как против США в 1941 г.

Так началась война между Россией и Японией. Это была с обеих сторон грабительская империалистическая война за передел сфер влияния на Дальнем Востоке.

Англия и США провоцировали Японию на войну. После того как она началась, они оказывали Японии финансовую помощь. Союзница России Франция не оказала России существенной политической помощи, однако ее финансовая поддержка была весьма значительной.

Германия гарантировала России свой нейтралитет. Правительство кайзера было чрезвычайно довольно тем, что на Дальнем Востоке наконец началась война. Россия была обеспечена также и от неожиданностей на Балканах со стороны Австро-Венгрии. В дополнение к австро-русскому соглашению 1897 г. осенью 1903 г. при свидании Николая II с Францем-Иосифом в Мюрцштеге была достигнута договоренность о совместной политике в Македонии, где происходили непрерывные волнения и нарастало национальное движение против турецкого гнета. Мюрцштегское соглашение устанавливало над Македонией совместный контроль России и Австро-Венгрии. К турецкому генерал-инспектору трех македонских вилайетов были приставлены два «гражданских агента» — русский и австрийский — для наблюдения за осуществлением реформ и «умиротворением населения». Соглашение должно было предотвратить столкновения обоих его участников на зыбкой почве Балканского полуострова. Россия вынуждена была избегать осложнений на Балканах, поскольку она была занята борьбой с Японией. Нуждалась в мире и Австро-Венгрия ввиду крайнего обострения национальной борьбы внутри страны, обозначившейся в конце 90-х годов XIX в. С точки зрения обеспечения западной границы русская дипломатия неплохо подготовилась к конфликту на Дальнем Востоке. Но эта область и была, кажется, единственной, где подготовку можно было признать удовлетворительной.

Общий характер дальневосточной политики русского царизма

В России, писал Ленин, «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» [3]. Русский «капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии», хотя «вообще в России преобладает военный и феодальный империализм» [4]. Русская империалистическая экспансия на Дальний Восток началась с постройки Великой Сибирской железной дороги — предприятия, имевшего крупнейшее значение для русского капитализма, равно как и для царизма. Сибирская дорога позволяла освоить огромные богатства Сибири и русского Дальнего Востока, использовать их гигантские пространства для расширения рынка товаров и в качестве поставщиков сырья. Значительно меньшее, но все же довольно серьезное значение

---

[1] См. «Русско-японская война 1904—1905 гг.», т. 1, стр. 75.
[2] *Н. С. Хрущев.* За прочный мир и мирное сосуществование. М., 1958, стр. 97.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 378.
[4] Там же, т. 26, стр. 318.

имела Сибирская дорога для расширения русского вывоза в Китай, стоимость которого с 3 млн. руб. в 1892 г. и 9 млн. руб. в 1902 г. с открытием движения по КВЖД возросла в 1903 г. до 22 млн. руб. Расширение капитализма «вширь» обещало, казалось, некоторую временную разрядку в крайне напряженном и противоречивом внутреннем положении царской России. Оно должно было укрепить самодержавие. Оно могло, в частности, содействовать крестьянской колонизации Сибири. Предполагалось, что таким путем можно ослабить недовольство в деревне и тем укрепить положение крепостников-помещиков и их коронованного главы.

Постройка Сибирской дороги дала выгодное помещение крупным французским капиталам и создавала большой рынок сбыта для русской тяжелой промышленности, поставлявшей рельсы и другие необходимые материалы для многих тысяч километров железнодорожного пути, мостов и тому подобных сооружений. Таким образом, гигантское государственно-капиталистическое предприятие, каким была Сибирская дорога, отвечало интересам как царизма, так и крупного капитала — притом и русского и французского.

С военной и международно-политической точек зрения Сибирская дорога повышала военную мощь России на Дальнем Востоке. Она позволяла защитить дальневосточные владения от возможной агрессии и в свою очередь угрожать соседним странам.

Китайско-Восточная железная дорога — продолжение Сибирской, — открывая для эксплуатации Северную Маньчжурию, выпрямляя путь на Владивосток, отвечала тем же самым военным, экономическим и политическим интересам тех же социальных сил. Для сооружения КВЖД были созданы Русско-Китайский банк и Общество Китайско-Восточной железной дороги. Истинным творцом этих предприятий был Витте. Формально предприятия носили частнокапиталистический характер. Фактически они были созданы на французские и русские капиталы с крупным финансовым участием русской казны и при иной многообразной помощи со стороны царского правительства. В лице своего министра финансов оно обеспечило себе на деле руководящую роль в совокупности дальневосточных предприятий, составивших как бы огромный государственно-капиталистический комбинат, в который, кроме банка и Общества КВЖД с двумя большими железнодорожными линиями, портовыми сооружениями в Дальнем и пароходством по Сунгари, вошло еще значительное число более мелких предприятий — Синдикат для исследования рудных богатств Китая, «Монголор», одно время — Русско-Корейский банк, Маньчжурское горнопромышленное товарищество и др. В Русско-Китайском банке три восьмых акционерного капитала находились в руках Петербургского международного банка во главе с банкиром А. Ротштейном, тесно связанным с Витте. Пять восьмых капитала находились в руках французской банковской группы [1], той самой, которая обычно занималась размещением русских займов на парижском денежном рынке, возглавлявшейся банкирами Пеплипом и Готтингером. В правлении Русско-Китайского банка заседали пять царских чиновников, назначенных министром финансов, во главе с председателем правления князем Ухтомским, Ротштейн, три французских банкира — два только что названных и Шабриэр. Французские банкиры и их правительство добивались увеличения числа своих мест в правлении. В 1902 г. последовал выпуск дополнительных акций Русско-Китайского банка, которые в условиях экономического кризиса полностью приобрело российское министерство финансов. Финансовое участие русской казны характеризуется также и тем, например, фактом, что она почти

[1] См. *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, изд. 2, стр. 198.

полностью приобрела облигации Общества КВЖД, акции которого принадлежали Русско-Китайскому банку. Тем самым она доставила Обществу необходимые средства. Перечисленные дельцы — Ротштейн, Нецлин, Готтингер и прежде всего сам российский министр финансов Витте были фактическими распорядителями всей этой группы крупнейших дальневосточных предприятий. «Царское правительство в лице министерства финансов шло во главе финансового капитала» [1]. Таким образом, налицо было тесное сращивание финансовой олигархии, русской и французской, с государственным аппаратом русского царизма.

Если Сибирская дорога отвечала коренным интересам русского капитала, то о маньчжурских предприятиях Витте, особенно о Южно-Маньчжурской дороге и о порте в Дальнем, этого сказать уже нельзя: здесь речь шла преимущественно об интересах узкой группы крупных капиталистических дельцов, тесно связанных с государственным аппаратом царизма и его дальневосточной политикой. Ее лидер Витте стремился обеспечить этой финансовой группе монополию на эксплуатацию Маньчжурии. По возможности он старался проторить ей пути и в другие районы Китая.

Захват Порт-Артура отнюдь не был инспирирован лично Витте или группой Русско-Китайского банка. Но объективно он послужил расширению сферы их деятельности. Когда царская Россия овладела Ляодунским полуостровом, то с постройкой железной дороги Порт-Артур — Харбин активность Витте, Ротштейна и их французских друзей-банкиров распространилась из Северной Маньчжурии в Южную. Именно эта активность и стремление обеспечить для Русско-Китайского банка и Общества Китайско-Восточной железной дороги монополию на эксплуатацию северо-восточных провинций Китая и обострили противоречия России с другими империалистическими державами — с Японией, которая сама претендовала на захват Маньчжурии, с Англией, которая использовала русско-японские противоречия для общего ослабления России как соперницы в Азии, с США, которые тоже претендовали на эксплуатацию Маньчжурии.

Экспансия в Китае и в Корее не пользовалась широкой поддержкой в среде русской крупной буржуазии, не говоря уже о более демократических кругах русского общества. Более того, даже в рядах царских министров имелись люди, ее не одобрявшие. К числу их принадлежали помещичьи элементы в правительстве, чуждые интересам Русско-Китайского банка. Прежде всего к таким людям принадлежали военный министр Куропаткин, вторая фигура в правительстве после Витте, и министр иностранных дел граф Ламздорф.

Экспансия в Маньчжурии проводилась русским царизмом в высшей степени легкомысленно, без должной военной подготовки. Это следует сказать и лично о Витте, который был уверен, что если в проведении дальневосточной политики не впадать в крайности и не делать глупостей, то войны можно будет избежать. Николай II до последнего момента воображал, что вопрос о войне или мире всецело находится в его собственных руках. Глупость последнего Романова проявилась тут во всей полноте.

Не менее странное впечатление оставляет политика Куропаткина. Военный министр, а с ним и все царское правительство непонятным образом пренебрегали должной военной подготовкой против Японии. Достаточно прочесть дневник Куропаткина, и станет ясным, что вплоть до 1903 г. все его внимание как военного министра было приковано к вопросам военной готовности на границах с Германией и Австро-

---

[1] *А. Л. Сидоров.* В. И. Ленин о русском военно-феодальном империализме. «История СССР», 1961, № 3, стр. 59.

Венгрией. Каждый рубль, затрачиваемый на Дальнем Востоке, он рассматривал как выброшенный на ветер. Такая позиция Куропаткина сама по себе имела смысл: только Германия могла угрожать жизненным центрам России. Но при такой позиции надо было проявлять полнейшую сдержанность на Дальнем Востоке. А как раз этого-то и не было. Не проявлял сдержанности и сам Куропаткин. Он, правда, в отличие от Витте готов был полностью оставить Южную Маньчжурию. Считая дальневосточную политику Витте (не говоря уже о Безобразове) обременительной и ненужной, он все же собирался захватить Северную Маньчжурию, считая это полезным для обеспечения обороны Приморья — впрочем, имея в виду свернуть после этого захватнического акта дальнейшую экспансию на Дальнем Востоке.

Министр иностранных дел Ламздорф считал необходимым умерить дальневосточную экспансию Витте и очистить Маньчжурию. Не разделял он и аннексионистских проектов Куропаткина. Ламздорф, однако, не имел силы настоять на том, что считал правильным.

Проводя политику империалистической агрессии без необходимой военной подготовки, царское самодержавие стало на путь политики авантюр и позволило Японии застать себя врасплох. Народ России заплатил жизнью своих сынов за легкомыслие и глупость Николая II и его советников, за их захватническую грабительскую политику в Китае и вообще на Дальнем Востоке.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ОБРАЗОВАНИЕ АНТАНТЫ (1904—1907 гг.)

Международная и стратегическая обстановка в начальный период войны

При развязывании войны против России японская дипломатия действовала грубо и не сумела замаскировать агрессивный характер своих действий. Впрочем, если бы она и сделала это, то внезапное нападение без объявления войны все равно сорвало бы маску с японской политики. Но Япония полностью добилась того, что война разразилась при благоприятной для нее стратегической обстановке, использовать которую давно собирались японские милитаристы. Война была начата Японией раньше, чем Сибирская железная дорога и КВЖД достигли полной провозоспособности, раньше, чем могла существенно повыситься возможность царской России сосредоточить и снабжать свои вооруженные силы на дальневосточном театре войны.

Не иначе обстояло дело и на море. Общие силы русского военно-морского флота превосходили японские подавляющим образом. У России было 20 броненосцев против 7 у Японии. Но на Тихом океане, т. е. на театре военных действий, Япония оказывалась сильнее России. Та вынуждена была делить свой флот между Балтикой, Черным морем и Тихим океаном. Да и в пределах Тихоокеанского бассейна приходилось дробить силы между Желтым и Японским морями. Япония же весь свой флот могла сосредоточить в один кулак.

Одна из важных услуг, которые оказал Японии ее английский союзник, заключалась в том, что еще до начала войны английское правительство предостерегло Турцию против пропуска через проливы военных кораблей русского черноморского флота.

Япония вела войну, опираясь на финансовую поддержку английского и американского капитала. Английские банки еще до войны финансировали Японию и ее военную подготовку. На нью-йоркский денежный рынок Японии до войны пробраться не удавалось, несмотря на поддержку президента Соединенных Штатов и еще более авторитетную в данном случае поддержку

банкиров лондонского Сити. Руководящие круги Уолл-стрита отказывались доверять Японии свои деньги или же выдвигали ростовщические требования — уплату невиданно высокого процента и т. п.

Но вскоре после начала войны против России настроение в Нью-Йорке изменилось. В апреле 1904 г. банкир Шифф и крупный банкирский дом «Кун, Леб и компания» вместе с синдикатом английских банков, включая Гонконг-Шанхайский, предоставили Японии заем на сумму 50 млн. долл. из высокого процента (6% годовых); половина займа размещалась в Англии, половина — в США. Недоверие к японскому кредиту было все же столь велико, что банкиры потребовали точного определения конкретного источника доходов японского правительства, который даст возможность исправно погашать платежи по займу. В качестве такого источника в контракте были указаны доходы от таможен.

В ноябре 1904 г. в Англии и США был размещен новый японский заем — на 60 млн. долл. — тоже из 6%. В марте 1905 г. последовал третий англо-американский заем, уже на 150 млн. долл. и всего из 4,5%, но опять-таки под конкретное обеспечение — на этот раз доходами от табачной монополии. Наконец, в июле 1905 г. Япония получила четвертый заем — снова 150 млн. долл. из 4,5%. В размещении займа на этот раз приняли участие и германские банки. Чистая выручка японского правительства от внешних займов за вычетом комиссионных и других расходов и потерь составила 697 млн. иен и покрыла свыше 40% всех военных расходов Японии, достигших 1730 млн. иен. Без английских и американских денег Японии было бы трудно воевать с Россией [1].

Важное значение имели также поставки из США, Англии и Германии оружия и других военных материалов. В 1920 г. В. И. Ленин говорил о японском империализме: «Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может» [2]. Тем более так обстояло дело в 1904—1905 гг. Япония одержала победу благодаря поддержке со стороны английского и американского империализма. Для финансовой олигархии США и Англии русско-японская война была большим и прибыльным бизнесом.

Президент Рузвельт был в высшей степени удовлетворен, когда узнал, что Япония напала на Россию. Россия представлялась ему в тот момент главной опасностью на Дальнем Востоке,

[1] О финансировании военных расходов Японии см. в кн.: *А. Добров.* Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952, стр. 146—161.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 31, стр. 202.

а Японию он с большой благожелательностью и самым лестным образом характеризовал как «хорошую сторожевую собаку».

Внутри антирусской группировки империалистических держав существовали острые противоречия. США и Англия следили друг за другом с величайшим недоверием. Рузвельт считал, что «Чемберлен совсем ненадежен и в любой момент может прыгнуть в долину Янцзы» [1]. А «хорошая сторожевая собака» к концу войны подвела хозяина. Она теперь американским империалистам показалась не только недостаточно послушной, но и чрезмерно злой, опасной.

С точки зрения международно-политической Японии была обеспечена возможность провести войну с Россией один на один. Главную роль сыграл тут союз с Англией, гарантировавший локализацию войны. Франция не имела намерения ввязываться в войну на Дальнем Востоке, рисковать столкновением с Англией и помогать там России иначе как деньгами. Чего японской дипломатии не удалось достигнуть, так это осложнения русско-германских отношений. Царское правительство вело войну при относительном спокойствии за свою западную границу.

Однако германский империализм использовал создавшуюся для него благоприятную обстановку для нажима как на Россию, так и на Францию. Русско-японская война давала Германии огромное преимущество в Европе вследствие того, что русское звено франко-русской империалистической коалиции оказалось существенно ослабленным. В результате весна 1905 г. ознаменовалась резким осложнением франко-германских империалистических противоречий.

В Париже давно предвидели, что Германия использует против Франции отвлечение сил России в Восточную Азию. Правда, борясь за Маньчжурию, русский царизм проторял туда пути французскому капиталу в большей мере, чем русскому. Но тем не менее правящие круги Французской республики с конца 90-х годов смотрели с недовольством и страхом на то, как союзная держава все глубже втягивалась в осложнения на Дальнем Востоке.

Французское правительство решило принять свои меры предосторожности. Оно предприняло шаги к сближению с Англией и Италией. Инициатором и руководящим деятелем этой политики был министр иностранных дел Теофиль Делькассе. Его главными сотрудниками в достижении сближения с Англией и Италией явились французские послы в этих странах, весьма способные дипломаты: в Лондоне — Поль Камбон, в Риме — Баррер.

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIX, T. II, № 6266, S. 542. Телеграмма Штернбурга от 27 сентября 1904 г.

Обстановка в обеих этих столицах благоприятствовала успеху французской политики.

Англо-французская Антанта

Во Франции наиболее активными сторонниками сближения с Англией были стоявшие у власти радикалы (Комб, Клемансо) и правые социалисты (Жорес). Переход власти в руки радикальной партии содействовал курсу на соглашение с Англией. Противниками сближения с Англией являлись раньше колониальные круги. Теперь руководители «колониальной партии» изменили свою позицию [1].

Что побудило их к этому? Скорее всего учет опыта фашодского конфликта, показавшего бесперспективность для Франции проведения колониальной политики враждебной Англии. Между тем на повестке дня французского империализма стояло ответственное дело: захват Марокко.

Алжирские колонизаторы, банки и промышленные компании, заинтересованные в Алжире, а также цитадель тяжелой и военной индустрии — концерн Шнейдера мечтали распространить сферу своей деятельности на Марокко. С точки зрения общих интересов французского империализма с захватом Марокко можно было повременить, пока имелась уверенность в том, что его не приберет к рукам никто другой. Но теперь поручиться за это стало совершенно невозможно. На Марокко точили зубы и Англия, и Германия, и Испания. Если бы в Марокко обосновалась другая держава, то уплыли бы из рук его богатства. Вместе с тем задача поддержания господства над Алжиром и Тунисом осложнилась бы для Франции. До тех пор эта задача сводилась к подавлению арабского народа, протест которого в ту пору был организован еще слабо. Но с появлением в Марокко конкурирующего империализма пришлось бы затратить немалые средства на оборону алжирской границы и считаться с возможностями попыток других империалистов использовать ненависть арабов против французских колонизаторов.

В августе 1902 г. по поручению Делькассе Поль Камбон сообщил Ленсдауну желание французского правительства «действовать в согласии с Англией». Между Англией и Францией, по мнению французского министра иностранных дел, нет настоящего соперничества. Франция не производит тех товаров, что Англия, и не является ее конкурентом на мировых рынках, подобно Германии или США. Англии и Франции необходимо только договориться по вопросам о Марокко и Сиаме. Совместно надо позаботиться о том, чтобы не пускать туда немцев [2].

---

[1] *P. Renouvin.* Histoire des relations internationales, t. VI. Le XIX-me siècle. 2-e partie. De 1871 à 1914. Paris, 1955, p. 215.

[2] «British Documents», vol. II, № 322, p. 264—266.

В эту пору британская дипломатия приступала к вербовке союзников против Германии. После того как в 1902 г. Англия заключила союз с Японией и обеспечила таким образом свои дальневосточные интересы, после того, как в том же 1902 г. она избавилась наконец от забот в Южной Африке, английская дипломатия взялась за подготовку к борьбе со своим главным конкурентом. Больше всего беспокоило английский империализм создание мощного германского флота. Уже в течение 90-х годов прошлого века Англия и Германия являлись антагонистами. Но тогда они еще искали путей к преодолению антагонизма и даже пытались говорить о союзе. Теперь речь шла уже о другом — о подготовке к решительной схватке в будущем.

Одним из первых симптомов этой перемены явился пересмотр официальной позиции Англии по отношению к Багдадской железной дороге. Между «Дейче банк» и английскими банкирами в начале 1903 г. велись переговоры об участии в Обществе Багдадской дороги английского капитала. Для немцев это было весьма желательным, ибо с финансированием строительства дороги «Дейче банк» испытывал немало затруднений. Но при этом руководители банка твердо решили, что ведущая роль должна остаться за германским капиталом. С ними были полностью согласны кайзер и его правительство.

Англичанам не удавалось достигнуть согласия немецкой стороны на передачу в английские руки последнего участка железной дороги, примыкающего к побережью Персидского залива. Английское правительство пришло к выводу, что условия, предложенные немцами, «не создают достаточно обеспеченного международного контроля над этой линией и не предотвращают привилегированного положения, предоставляемого одной державе»[1]. Разумелась, конечно, Германия. Об этом было публично заявлено в парламенте устами премьер-министра 23 апреля 1903 г.: соглашение между Турцией и Обществом Анатолийской дороги отдает развитие железных дорог в Турции в руки компании, находящейся под немецким контролем. В таком деле Англия участвовать не станет!

В лондонском Сити одержали верх противники сотрудничества с немцами в Малой Азии. Было сочтено нецелесообразным помогать в постройке дороги, распоряжаться которой стали бы самые опасные конкуренты английского капитала.

Переговоры между германскими и английскими банкирами были прерваны. Британская пресса настойчиво развивала мысль, что дорога на Багдад является прямым путем, выводящим германскую армию к Персидскому заливу и на подступы к Индии. Английское правительство стало чинить препятствия

[1] «British Documents», vol. I, p. 334.

осуществлению багдадского железнодорожного проекта. Отказ Англии от участия в Багдадской дороге укрепил позиции противников этого предприятия и во Франции. 23 октября 1903 г. совет министров отверг французское участие в Обществе Багдадской дороги и запретил котировку его акций на парижской бирже [1].

Во всей совокупности англо-германских противоречий Багдадская дорога была вопросом важным, но все-таки подчиненным. Между Англией и Германией шла борьба за коренной передел мира. Борьба эта толкала Англию на сближение с Францией, которая была давней соперницей Британии. Но Франция в то же время являлась исконным врагом той страны, которая в новых условиях становилась для Англии противником более страшным, чем все ее старые соперники, вместе взятые.

Английский империализм не желал уступать Германии своих колониальных владений. Он намеревался бороться не на жизнь, а на смерть за каждую пядь ранее захваченной земли, за свое колониальное и морское первенство. В первую очередь английская дипломатия стала хлопотать о том, чтобы посредством соглашений с Францией (а затем и Россией) лишить Германию возможности играть на англо-русских и англо-французских противоречиях и вымогать у Англии те или иные уступки.

С Францией договориться было проще, чем с Россией. Но, поддержав против России Японию, английское правительство рассчитывало сделать русский царизм более уступчивым. Отсюда недалеко было до мысли перетянуть его в свой лагерь следом за его союзницей — Французской республикой.

Русско-японская война задержала развитие переговоров Англии с Россией. Но зато она побуждала дипломатию английского империализма поторопиться со сближением с Францией. Ленсдаун полагал, что соглашение с Францией прочнее обеспечит французский нейтралитет в русско-японской войне. Ведь выступление какой-либо державы на стороне России по условиям англо-японского союза вынуждало воевать и Англию [2]. Соглашение с Францией помогло бы отстоять английские интересы в случае победы России. А многие думали, что именно она возьмет верх. В целом война ускорила перегруппировку империалистических держав вокруг двух противоположных центров — Англии и Германии.

Консервативная партия, когда-то искавшая у Германии и Австро-Венгрии поддержки против России, теперь выступала

[1] *Г. Л. Бондаревский.* Багдадская дорога.., стр. 269—289, 291—292.

[2] *E. W. Edwards.* The Japanese Alliance and the Anglo-French agreement of 1904. «History», vol. XLII, № 144, Febr. 1957, p. 23.

застрельщиком антигерманского курса. Впрочем, большая часть либералов была солидарна с консерваторами — либералы еще при Гладстоне выступали за сближение с Россией.

В прессе во главе ожесточенной антигерманской пропаганды стоял еженедельник «Нэшнл ревью», редактор которого Макси был лично близок к лорду Солсбери. Замена одряхлевшего премьера его племянником Бальфуром мало что изменила во внешней политике консерваторов.

Убежденным сторонником англо-французского и англо-русского сближения выступал король Эдуард VII. К его уверенности, что этого сближения требуют интересы Британской империи, присоединялась личная неприязнь к Вильгельму II. Эдуард давно усматривал в Германии главного врага Англии. Германия страшила короля своей мощью; она раздражала его беспокойной назойливостью, вымогательством колониальных уступок. Бюлов пишет в своих мемуарах, что «могучее развитие германской промышленности, торговли и судоходства возбуждало в короле те же самые чувства, которые испытывает владелец большой старинной банковой фирмы, когда перед ним вырастает молодой, менее родовитый, несимпатичный ему и очень деятельный конкурент» [1].

Английское государственное устройство оставляет немного места для вмешательства монарха в руководство политикой. Тем не менее Эдуард VII сыграл заметную роль в деле примирения Англии с ее старыми соперниками. Обширные связи облегчали королю выполнение дипломатических задач. В числе его друзей не последнее место занимали столпы финансовой олигархии лондонского Сити. Любитель пожить, законодатель мод, он пользовался особым расположением высшего света едва ли не во всех европейских столицах.

За соглашение с Францией выступал Эвелинг Бэрипг, получивший затем титул лорда Кромера, фактический правитель Египта и представитель крупнейшего банкирского дома Бэрингов. Руководитель этой фирмы лорд Ревельсток принадлежал к числу близких друзей короля Эдуарда. Кромер стремился устранить французское влияние из своей египетской вотчины и жаждал сделки с Францией, которая обеспечила бы ему осуществление этой цели.

Для Франции вопрос о сближении с Англией приобретал все бо́льшую остроту. С возникновением русско-японской войны Франция оказывалась наедине лицом к лицу со своим опаснейшим восточным соседом. Приходилось поскорее позабыть обиду за Фашоду!

Правда, в последние годы французская дипломатия успешно развивала свою работу по отрыву Италии от Тройственного союза.

[1] *B. Bülow.* Denkwürdigkeiten, Bd I, S. 341.

Со второй половины 80-х годов Франция непрестанно изматывала хилое народное хозяйство Италии посредством таможенной войны. Франция рассчитывала принудить Италию к разрыву Тройственного союза. Французское правительство и банки действовали при этом рука об руку.

От таможенной войны бедная Италия страдала куда больше, чем богатая Франция, что не мешало наживаться кучке капиталистов итальянского Севера. Французские банки начали кампанию против государственного кредита Италии. Они снизили курс итальянских ценных бумаг. В стране последовали массовые банкротства. И без того страдавшие хроническим дефицитом, государственные финансы Италии оказались еще более подорванными.

Италия не выдержала: в 90-х годах она стала делать попытки сблизиться с Францией; она явно шантажировала этим Германию, вымогая у нее экономическую поддержку и добавочные политические гарантии.

Но в 1896—1898 гг. экономическая и финансовая нужда, а также поражение в Абиссинии заставили Италию предпринять более решительные шаги к примирению с Францией. В 1896 г. Италия признала французский протекторат над Тунисом. За это через два года она получила от Франции торговый договор, который положил конец изнурительной таможенной войне. Кризис 1900 г. усилил нужду Италии в деньгах и в то же время лишил германский капитал возможности оказать Италии финансовую поддержку. Дипломатия Делькассе и воспользовалась этим моментом для воздействия на Италию: французский денежный рынок сохранил бо́льшие резервы, чем германский.

Французские кредиты спасли Италию от финансового краха. Тут же Делькассе предложил итальянцам соглашение о разделе Северной Африки. Он готов был признать итальянские «права» на Триполи в обмен за согласие на захват Марокко Францией. Как уже упоминалось, соглашение было заключено 14—16 декабря 1900 г.[1] Оно явилось в высшей степени ловким шагом французской дипломатии, ибо подготовляло захват такого лакомого куска, как Марокко, и в то же время ослабляло враждебный германский блок.

1 ноября 1902 г. Франция заключила новое соглашение с Италией. Каждая сторона обязывалась соблюдать строгий нейтралитет, в случае если другая «прямо или косвенно станет объектом нападения со стороны одной или нескольких держав». Более того, соглашение устанавливало, что «строгий нейтралитет» распространяется и на тот случай, если одна из сторон «вследствие прямого вызова окажется вынужденной принять

[1] «Documents diplomatiques. Les accords franco-italiens de 1900—1902». Paris, 1920, p. 3—4.

на себя инициативу объявления войны». При таких обстоятельствах та из договаривающихся сторон, которая станет жертвой провокации, должна была сообщить партнеру о своем намерении объявить войну, дабы он мог решить, действительно ли имеется в данном случае «прямой вызов» [1].

Не противореча букве Тройственного союза, соглашение 1902 г. обесценивало его по существу. По условиям союзного договора Италия обещала Германии военную помощь, в случае если та «без прямого вызова» окажется жертвой нападения со стороны Франции. Теперь та же Италия обязывалась соблюдать нейтралитет по отношению к Франции при наличии «прямого вызова» со стороны Германии. Право судить о наличии или отсутствии «прямого вызова», решать, кто кого провоцирует в любом франко-германском конфликте, Италия практически оставляла за собой. Нетрудно видеть, что участие Италии в Тройственном союзе стало отныне делом до крайности сомнительным и ненадежным.

Соглашение 1902 г. было важным достижением французской дипломатии в плане подготовки к войне с Германией. Понятно, однако, что вероятное исключение из числа противников отнюдь не сильной итальянской армии ни в какой мере не могло возместить Франции частичной утраты русской военной помощи.

Весной 1903 г. Эдуард VII приехал в Париж. Он придал своему визиту характер эффектной демонстрации англо-французского сближения. В Париже король много говорил о том, что время вражды ушло в прошлое и что должна наступить эра англо-французской дружбы.

Летом президент Французской республики Лубэ отдал визит английскому королю. Его сопровождал Делькассе — главный поборник англо-французского сближения с французской стороны. Теперь между Делькассе и главой Форин-оффис лордом Ленсдауном начались деловые переговоры. После отъезда гостей переговоры продолжались между Ленсдауном и послом Камбоном. Прежде всего требовалось устранить те острые колониальные разногласия, которые до тех пор разделяли Англию и Францию. К вопросам о Марокко и Сиаме, выдвинутым Делькассе, англичане добавили египетский. Англо-французский договор принял форму соглашения о разделе колоний. «Делят Африку» [2], — характеризовал В. И. Ленин англо-французскую сделку.

Соглашение было подписано 8 апреля 1904 г. Империалистическая печать прозвала его «сердечным согласием».

---

[1] «Documents diplomatiques. Les accords franco-italiens de 1900—1902», p. 7—9.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 669.

Договор Антанты (от французского entente, т. е. согласие) представлял собой один из любопытнейших документов, когда-либо выходивших из рук дипломатов. В нем были две части: одна — предназначавшаяся для опубликования, другая — секретная. В открытой декларации «О Египте и Марокко» английское правительство заявляло, что оно не имеет намерения изменять политический статус Египта. «Правительство Французской республики, — гласила далее ст. 1 этой декларации, — объявляет, что оно не будет препятствовать действиям Англии в этой стране (т. е. в Египте. — *В. Х.*), настаивая на том, чтобы положен был срок британской оккупации или каким-либо иным образом» [1]. Следовательно, Франция отказывалась от противодействия Англии в Египте.

В обмен на свободу рук, которую Франция давала ей в Египте, Англия предоставляла Франции возможность захватить большую часть Марокко. Ст. 2 публичной декларации гласила: «Правительство Французской республики объявляет, что оно не имеет намерения изменять политический статус Марокко. Со своей стороны, правительство его британского величества признает, что Франции надлежит следить... за спокойствием в этой стране и оказывать ей помощь во всех потребных ей административных, экономических, финансовых и военных реформах... Оно объявляет, что не будет препятствовать действиям Франции в этом смысле». Англия и Франция обязывались (ст. 9) оказывать друг другу дипломатическую поддержку в осуществлении постановлений декларации.

В статьях секретного соглашения, в полную противоположность статьям 1 и 2 публичной декларации, предусматривалась возможность изменения «политического статуса» как Марокко, так и Египта. Здесь речь шла уже о таком случае, когда «одно из обоих правительств увидело бы себя вынужденным в силу обстоятельств изменить свою политику в отношении Египта или Марокко». На этот случай, согласно секретному соглашению, другой договаривающейся стороне обеспечивались ее коммерческие интересы в отношении пошлин, железнодорожных тарифов и т. д., а также свобода судоходства по Суэцкому каналу. Обе стороны обязывались также «не дозволять» возведения укреплений на Марокканском побережье вблизи Гибралтарского пролива.

Ст. 3 секретного соглашения еще яснее вскрывала истинный его смысл. Она гласила, что область, «прилегающая к Мелилье, Сеуте и другим президам... [2] в тот день, когда султан (Марокко. — *В. Х.*) перестанет осуществлять над нею свою власть,

[1] «British Documents», vol. II, № 417, p. 385—392, 404—405.

[2] Президы — испанские поселения на Марокканском побережье Средиземного моря.

должна войти в сферу влияния Испании»[1]. Таким образом, тайное соглашение прямо предусматривало возможность ликвидации власти султана, что, очевидно, по условиям того времени означало ликвидацию марокканского государства. Чего же стоили в таком случае заявления о сохранении status quo, содержавшиеся в опубликованном документе?

Соглашаясь на переход Марокко под власть Франции, Англия оговоркой, содержавшейся в ст. 3 относительно «прав» Испании, ограждала свои интересы: она страховала себя от захвата французами южного побережья Гибралтарского пролива.

Отдельная декларация устанавливала раздел Сиама между Англией и Францией на сферы влияния по реке Менам. Западная часть страны, граничащая с Бирмой, составила сферу Англии, восточная, смежная с Индокитаем — Франции. Наконец, было улажено еще несколько спорных колониальных вопросов относительно меньшего значения. Таким образом, по соглашению 8 апреля 1904 г. Англия и Франция делили едва ли не последние «свободные» колониальные территории. Колониальная система империализма приближалась к высшей точке своего развития.

Антанта была призвана устранить давнее англо-французское соперничество в Египте, а также в Марокко и других районах. Устраняя взаимные распри, английские и французские империалисты создавали для себя возможность совместно действовать против Германии. В самом тексте договора ни единым словом не упоминалось о сотрудничестве против немцев. Между тем именно оно и сообщало договору 8 апреля значение исторического документа первостепенной важности. «Готовятся к войне с Германией»[2], — так характеризовал В. И. Ленин англо-французскую сделку.

Не удивительно, что германское правительство было уязвлено англо-французским соглашением и глубоко им встревожено. Германский империализм не мог примириться с тем, что уплывает такой соблазнительный, еще не поделенный кусок, как Марокко. Еще больше беспокоил германское правительство сам факт англо-французского сотрудничества. В нем оно усматривало препятствие для собственных захватнических планов. Хуже того, Антанта означала общий сдвиг в расстановке сил на международной арене, для Германии весьма опасный.

После соглашения с Францией английское адмиралтейство стянуло в отечественные воды около 160 военных кораблей, ранее разбросанных по многочисленным владениям Англии, но главным образом из Средиземного моря. Там после создания

[1] «British Documents», vol. II, № 417, p. 392—395, 406.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 669.

Антанты английские коммуникации оказывались в относительной безопасности: их теперь обеспечивал французский флот, оказавшийся не врагом, а другом Англии. Отныне основные силы британского военного флота были сосредоточены против Германии. Раньше главные базы английского флота находились на побережье Ла-Манша, против французских берегов. В 1903 г. Англия начала постройку крупных военно-морских баз на своем восточном побережье, обращенном в сторону Германии.

В английских военно-морских кругах зрела мысль, не лучше ли заблаговременно, посредством неожиданного нападения пустить ко дну германский флот, как это когда-то было сделано англичанами с датским флотом на Копенгагенском рейде. Слухи об этих замыслах дошли и до немцев. Впрочем, 18 ноября 1904 г. «Арми энд Нэви газетт» напечатала статью, в которой открыто доказывалась целесообразность уничтожения немецкого флота посредством внезапного нападения. 23 ноября 1904 г. Вильгельм писал Бюлову: «Я сегодня получил новое сообщение о все более ухудшающемся настроении, о статьях, которые прямо призывают к нападению, а также о разговорах с дамами из морских кругов. Они открыто заявляли, что нам вскоре должны объявить войну, так как наш флот пока еще настолько мал, что его можно уничтожить без опасности для Англии, а через два года будет уже поздно» [1].

Британское правительство не принимало подобного решения. Однако в морских кругах действительно думали о превентивной войне против Германии; адмирал Фишер и первый гражданский лорд адмиралтейства Ли держались того мнения, что внезапный удар по вражескому флоту был бы с военной точки зрения самым целесообразным способом действий. «Если возникнет война, — заявил Ли, — британский флот сумеет нанести первый и сокрушительный удар, прежде чем противная держава узнает из газет, что война объявлена» [2]. Таких замыслов, вынашивавшихся в недрах британского адмиралтейства, было вполне достаточно, чтобы довести напряженность международной обстановки до крайнего предела.

Попытка заключения русско-германского союза в конце 1904 г.

Сначала немецкая дипломатия внешне не реагировала на создание Антанты. Но по мере того как царская Россия терпела поражения в войне с Японией, германские империалисты стали смелеть. И вот в ответ на англо-французскую Антанту германская дипломатия задумала встречный дипломатический маневр. Она решилась на

[1] «Die Grosse Politik», Bd XIX, T. I, № 6126, S. 316.

[2] *M. Paléologue.* Un grand tournant de la politique mondiale, 1904—1906. Paris, 1934, p. 234.

попытку заключить союз с Россией. Хотя и поздно, но Бюлов и Гольштейн поняли, что их политика балансирования между Россией и Англией была грубой ошибкой.

Момент был для Германии благоприятен. Во время войны с Японией Россия, естественно, нуждалась в дружественных отношениях с Германией. 15 октября 1904 г. Россия и Австро-Венгрия, союзница Германии, в совместной декларации заявили о взаимном согласии соблюдать в отношении друг друга «лояльный и абсолютный нейтралитет» в случае «не спровоцированной войны» с третьей державой. Соглашение обеспечивало России тыл со стороны ее балканской соперницы.

Германское правительство не упустило случая использовать трудное положение России, чтобы добиться от русского царизма максимальных уступок. Борьба за разрушение Антанты и франко-русского союза сопровождалась возобновлением борьбы за овладение русским рынком. Первым средством оплаты немецкой «дружбы» стал для царского правительства торговый договор, который немцы навязали России летом 1904 г. Они использовали стесненное положение царского правительства, чтобы заставить его снизить пошлины на фабрикаты. Договор широко открывал путь в Россию для германских товаров и для германского капитала. Он способствовал росту немецкого засилья в народном хозяйстве России. Но вместе с тем подписание торгового договора сопровождалось предоставлением царизму возможности заключить заем на германских денежных рынках.

Когда осенью 1904 г. на Дальний Восток из Балтики была отправлена эскадра адмирала Рожественского, то германское правительство дозволило своим судовладельцам снабжать углем русские суда в походе. Глава Гамбургско-Американской компании А. Баллин предложил царскому правительству лучшие условия, чем французы. Германская «помощь» еще более увеличила зависимость России от Германии. Германский империализм предпринял на Россию натиск широким фронтом.

Неожиданный инцидент породил острый англо-русский конфликт. Адмирал Рожественский получил агентурные сведения, будто в Северном море его подстерегают японские миноносцы [1]. И вот там, близ Доггер-Банка, неподалеку от английского порта Гулль, в ночь с 21 на 22 октября 1904 г. с русских кораблей были замечены сигнальные огни каких-то судов, показавшихся подозрительными. Опасаясь нападения, Рожественский подверг их обстрелу, приняв за японские эсминцы. Тотчас же английские телеграфные агентства разнесли по

[1] Ср. *G. W. F. Hallgarten.* Imperialismus vor 1914, Bd I, S. 488.

всему миру весть о том, что русская эскадра напала на английские рыболовные суда. Так возник гулльский инцидент.

Подобные случаи бывали в военных условиях и раньше. Сам по себе гулльский инцидент был не столь уже серьезным. В 1900 г. во время народного восстания в Китае английские моряки убили там несколько русских солдат, приняв их за «боксеров». Этот инцидент был исчерпан выражением сожаления со стороны английского адмирала[1]. Однако английское правительство постаралось раздуть значение гулльского инцидента. Не довольствуясь дипломатическим протестом, оно приступило к некоторым подготовительным мероприятиям военного характера. Английские военные корабли следовали по пятам за эскадрой Рожественского. В английской печати раздались призывы к войне против России.

Германская дипломатия уже давно поджидала какого-либо удобного момента, подобно хищнику, подкарауливающему добычу. Теперь ей показалось, что настало время для прыжка. 27 октября кайзер лично телеграфировал царю, сообщая, что Англия намерена помешать Германии снабжать углем русский военный флот; он предлагал совместно положить конец этим поползновениям, образовать «мощную комбинацию» против Англии и сообща принудить Францию присоединиться к России и Германии для солидарного отпора ей.

Царь и его правительство были напуганы возможностью военных осложнений с Англией. Николай по телеграфу ответил Вильгельму согласием и попросил прислать проект соответствующего договора. Ответ Вильгельма гласил: «Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Я немедленно обратился к канцлеру, и мы оба *тайно,* не сообщая об этом никому, составили, согласно твоему желанию, 3 статьи договора. Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе».

К этому чувствительному посланию был приложен проект союзного договора. «В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, — гласил проект, — союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя согласно условиям договора франко-русского союза»[2]. Осуществление немецкого проекта означало либо создание антианглийского континентального блока под руководством германского империализма, либо разрыв франко-русского союза.

[1] См. *А. Гальперин.* Англо-японский союз. стр. 236.

[2] «Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914». М., 1923, стр. 72—75.

Французское правительство столь же бдительно следило за ходом событий, как и германское. Англо-русский конфликт был в высшей степени приятен немцам. Французам он доставлял величайшие опасения и был до крайности нежелателен. Французское правительство усматривало свою задачу в том, чтобы добиться англо-русского сближения, поскорее восстановить мощь России и полностью вернуть на германскую границу русские силы, отвлеченные на Дальний Восток. 28 октября Поль Камбон явился к Ленсдауну и заявил ему, что англо-французское «сердечное согласие» не переживет нападения Англии на союзника Франции. Камбон намекнул также, что может последовать изъятие из лондонских банков значительных французских капиталов. Такое мероприятие французских финансистов вызовет в Сити катастрофу [1]. В эту пору задолженность Англии Франции, по русским сведениям, достигала полутора миллиардов франков. Заявление Камбона побудило английское правительство проявить бо́льшую сдержанность.

Тем временем проект кайзера был доставлен царю. Он был составлен столь грубо, что даже Николай II раскусил подоплеку дела. Царь и Ламздорф предложили немцам поправки к их проекту. Но вскоре в Петербурге возникло сомнение: не лучше ли предварительно все же показать проект договора французам? Об этом царь сообщил Вильгельму [2].

Для германского правительства такое решение означало срыв всего его замысла: Германии как раз надо было поставить Францию перед совершившимся фактом русско-германского соглашения. «Дорогой Бюлов, — сообщал Вильгельм своему канцлеру, — при сем посылаю Вам только что полученную от царя шифрованную телеграмму, которую я расшифровал с помощью Куно и Гогенау. Его величество начинает прошибать холодный пот из-за галлов, и он такая тряпка, что даже этого договора с нами не желает заключить без их разрешения, а значит, не желает его заключать также и против них. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы Париж что-нибудь узнал, прежде чем мы получим подпись «царя-батюшки». Ибо если до подписания текст договора сообщить Делькассе, то он даст телеграмму Камбону, и в тот же вечер ее напечатают «Times» и «Figaro», а тогда делу конец... Такой оборот дела очень огорчает, но не удивляет меня: он (т. е. царь. — *В. Х.*) по отношению к галлам — из-за займов — слишком бесхребетен» [3].

---

[1] «Documents diplomatiques français», 2-e série, t. V, № 398, p. 475—476; «British Documents», vol. IV, № 21, p. 22.

[2] «Переписка Вильгельма II с Николаем II», стр. 83. Ср. *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 331—332 и *Л. Фейгина.* Бьёркский договор, М., 1929 г., стр. 21—45.

[3] «Die Grosse Politik», Bd XIX, T. I, № 6126, S. 316.

Дело ограничилось тем, что по категорическому требованию немцев 12 декабря 1904 г. им была гарантирована вооруженная помощь России в случае, если у Германии возникнет конфликт с Англией из-за угольных поставок русскому военному флоту.

Почему царское правительство отказалось заключить без ведома Франции союз с Германией?

Заключение такого союза было бы равносильно разрыву франко-русского союза. Союз с Германией почти неминуемо вовлек бы Россию в фарватер германской политики. А это означало ссору с Францией и углубление конфликта с Англией. Такой результат поставил бы Россию в полную зависимость от благоусмотрения Германии как в политическом, так и в экономическом отношениях. Очевидно, в случае односторонней ориентации на Германию пришлось бы покориться ей в вопросах Ближнего Востока. Торговый договор 1904 г. оказался бы недостаточным. Русский рынок пришлось бы еще шире открыть для германского экспорта. А это не могло не вызвать ярости русской буржуазии.

Царская Россия и французский капитал

Другой немаловажной причиной, препятствовавшей отходу от Франции, была финансовая зависимость русского царизма от французского капитала. 300 млн. руб., полученные в Париже в мае 1904 г., были быстро израсходованы. В дни переговоров с Германией министр финансов Коковцов представил царю доклад[1]. Министр сообщал, что при использовании всех трех доступных России крупных денежных рынков — парижского, берлинского и амстердамского — в течение 1905 г. удастся занять не более 500 млн. руб., которых хватит лишь на восемь месяцев войны. А между тем предвиделся еще дефицит в 40 млн. в обыкновенном бюджете. Из тех средств, на получение которых, по исчислению Коковцова, могла рассчитывать Россия, на германском рынке уже было добыто все, что возможно было оттуда выкачать. В декабре 1904 г. там только что приступили к реализации займа в 231 млн. рублей, заключенного через банкирский дом Мендельсона. Эти деньги должны были поступать царскому правительству небольшими суммами в течение всего следующего, 1905 года. Остальные 270 миллионов германский капитал дать уже не мог; их можно было получить лишь в Париже.

При таких условиях ссориться с Францией не приходилось. В течение 1904 г. было уже немало фактов, свидетельствовавших, что на каждый симптом русско-германского сближения Париж отвечает ударом по царским финансам. Когда русскому правительству пришлось заплатить Германии за ее нейтрали-

[1] См. *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии, стр. 508—509.

тет торговым договором, французское правительство в порядке компенсации выговорило передачу части русских военных заказов французским промышленникам, хотя их цены были выше германских. В результате Россия переплачивала на шрапнели, лишь бы не терять доступа к парижскому денежному рынку.

15(2) января 1905 г. после обороны, беспримерной по героизму бойцов, пал Порт-Артур. А затем наступило Кровавое воскресенье — 22(9) января. По всей России поднималась грозная революционная волна. Разложение русского царизма стало очевидным для всего мира.

Для спасения государственного кредита царское правительство ассигновало 235 тыс. франков в месяц на подкуп французской прессы. Зависимость царской России от французского капитала быстро возрастала — деньги были необходимы до крайности. Возросшую зависимость царского правительства от французской финансовой олигархии ярко иллюстрирует следующий эпизод. В марте 1905 г. в Петербург приехали Нецлин, Готтингер и другие французские банкиры. После долгого торга они договорились с Коковцовым о займе в 300 млн. руб. Контракт был окончательно составлен 13 марта. Вечером Нецлин и Готтингер отобедали у Коковцова, и было условлено, что на следующий день в 11 часов утра они приедут к нему для подписания контракта.

Но произошло нечто неслыханное: банкиры не явились! Они даже не сочли нужным принести личные извинения, а лишь прислали письмо, в котором сообщили, что ночью ими получено указание из Парижа воздержаться от подписания контракта [1]. Дело было как раз после поражения при Мукдене.

Такими приемами французский империализм пытался принудить Россию заключить мир с Японией. «Недавняя попытка самодержавного правительства занять, по-старому, у Франции не удалась», — писал В. И. Ленин в своей статье «Европейский капитал и самодержавие». «С одной стороны, капитал уже не верит самодержавию; с другой стороны, боясь революции, капитал хочет оказать давление на самодержавие в целях заключения мира с Японией и мира с либеральной русской буржуазией. Европейский капитал спекулирует на мир... в интересах противопролетарских и антиреволюционных» [2].

Давление «европейского капитала» возымело свое действие: после неудачи с заключением займа министр финансов Коковцов представил царю записку о необходимости немедленного мира.

Но в то время как в Париже стали скупиться на займы [3],

[1] См. *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии, стр. 512.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 9, стр. 372—373.
[3] См. «Русские финансы и европейская биржа», док. № 23, стр. 102.

германское правительство предоставило царской России возможность обратиться к немецкому денежному рынку. Оно стремилось предоставить царизму возможность продолжать войну с Японией и подготовляло почву для новой попытки оторвать Россию от Франции. Оказалось, что, вопреки ожиданию, в Берлине еще можно раздобыть немного денег; банкирский дом Мендельсона из ростовщических процентов ссудил русскому правительству еще 150 млн. руб. Война продолжалась, парижские банкиры изнывали от зависти, подсчитывая, какой барыш сорвал с русских их немецкий конкурент. Но французское правительство и его глава Рувье, сам являвшийся представителем финансовой олигархии, не торопились с предоставлением займа своей впавшей в беду союзнице.

Как бы то ни было, но заключить союз с Россией Германии все-таки не удалось. Таким образом, первая попытка германской дипломатии парировать англо-французское соглашение оказалась сорванной.

Однако Гольштейн и Бюлов не сложили оружия. Используя ослабление России, они решили нанести удар Франции. Цель заключалась в том, чтобы показать ей, что сближение с Англией является в высшей степени рискованным и совершенно бесполезным: Марокко Франции не получить, если Германия этого не захочет. Францию намеревались убедить, что идти с Англией против Германии — дело не только невыгодное, но и до крайности опасное, что ей необходимо разорвать Антанту.

Марокканский кризис 1905 г.

Между тем французская экспансия в Марокко развивалась быстрыми темпами. Летом 1904 г. в Париже был образован так называемый Комитет по делам Марокко, объединявший капиталистов, заинтересованных в эксплуатации этой страны. Большую активность проявляла фирма Шнейдер-Крезо. От Шнейдера не отставали капиталисты, связанные с Алжиром. Французские финансисты еще в 1903 г. предоставили марокканскому султану небольшой заем в 21 млн. франков. Теперь ему был дан второй — уже на сумму 62 млн.[1] 5 октября 1904 г. Франция заключила соглашение с Испанией о разграничении сфер влияния в Марокко. Испания обязалась никогда не прибегать к помощи какой-либо иностранной державы. Это условие исключало союз юго-западного соседа Франции с ее восточным соседом — Германией. В феврале 1905 г. французская дипломатия приступила к реализации своей сделки с Англией. Марокканскому султану был предъявлен проект «реформ». Его принятие означало бы «тунисификацию» Марокко, т. е. французский протекторат над ним по образцу Туниса.

---

[1] *G. W. F. Hallgarten.* Imperialismus vor 1914, Bd I, S. 513.

Германская дипломатия решила испортить англо-французскую игру, сохранить Марокко для немецкого капитала и при этом так запугать Францию, чтобы отвадить ее от всякой антигерманской или просто неугодной Германии политики. Гольштейн и начальник генерального штаба Шлиффен считали момент подходящим для войны против Франции. Бюлов склонялся к их точке зрения[1]. Германская дипломатия начала с того, что принялась подстрекать султана Марокко. Немцы уговаривали его отвергнуть французские домогательства.

Вслед за тем немецкая дипломатия организовала публичную демонстрацию против французских притязаний на захват Марокко и на установление там монополии французского капитала. По настоянию Бюлова Вильгельм II отправился на своей яхте в Средиземное море под предлогом обычного путешествия: было широко известно, что император — большой любитель морских прогулок. 31 марта 1905 г. кайзер высадился на берег в Танжере. Согласно принятым обычаям, ему была организована торжественная встреча. Марокканский султан послал в Танжер своего дядю, чтобы приветствовать германского императора, посетившего марокканскую землю. Встречать кайзера вышла также имевшаяся в Марокко небольшая немецкая колония. Ею предводительствовал представитель фирмы Крупп.

Отвечая на приветствия, кайзер выступил с речью, которая немедленно облетела всю мировую печать. Вильгельм заявил, что он прибыл приветствовать султана в качестве независимого государя. Он надеется, что под его властью Марокко останется открытым для мирной конкуренции всех наций — без монополий и без исключений для кого бы то ни было. Кайзер добавил, что он готов защищать германские интересы в Марокко и для этого будет сноситься непосредственно с султаном. Вильгельм закончил указанием на необходимость величайшей осторожности при проведении в Марокко реформ. Отвечая на приветствие французского дипломатического представителя, Вильгельм заявил, что он знает, как надо защищать права Германии, и надеется, что Франция будет их уважать[2].

Речь кайзера означала, что Германия обращается к Англии и в особенности к Франции с требованием отказаться от своей сделки насчет Марокко. Так все и поняли выступление Вильгельма. Это был дерзкий вызов, публично брошенный в лицо Франции и Англии.

Вслед за тем Бюлов обратился ко всем участникам Мадридского договора, предлагая поставить вопрос о Марокко на

---

[1] *O. Lancken-Wakenitz.* Meine dreissig Dienstjahre 1888—1918. Berlin, 1931, S. 54—60.

[2] *E. Anderson.* The first Moroccan crisis. Chicago, 1930, p. 193—194.

обсуждение международной конференции. Мадридский договор 1880 г. устанавливал в Марокко равенство торговых и иных прав всех иностранных государств и их граждан. Германское правительство в резкой форме протестовало против того, что статус Марокко, определенный международным договором, Франция и Англия сделали предметом двусторонней сделки. Предложенная Бюловом конференция должна была урегулировать положение в Марокко на началах, исключавших привилегии для Франции, на основе принципа «открытых дверей». Немецкое предложение сопровождалось неопределенными, но грозными намеками. Из них можно было понять, что если Франция его не примет, ей будет угрожать война.

Министр иностранных дел Делькассе, один из главных творцов Антанты, был тесно связан с Комитетом по делам Марокко. А во главе этого комитета стоял другой член правительства — министр внутренних дел Этьенн, представитель алжирских колонизаторов (депутат от Орана) и акционер Марокканской компании, связанной с концерном Шнейдера.

Делькассе решительно отклонил немецкие предложения. Он не верил, что Германия начнет войну, а ее угрозы считал блефом. Делькассе был убежден, что Вильгельм II не решится подвергнуть свой молодой флот опасности полного разгрома. «Европа на моей стороне, — заявил Делькассе своим сотрудникам. — Англия поддерживает меня полностью. Она тоже не остановится перед войной... Нет, конечно, не мне надо домогаться посредничества, мое положение превосходно». «Германия, — продолжал министр, — не может хотеть войны, и ее нынешнее выступление не более как блеф: она знает, что против нее выступит Англия. Я повторяю, Англия поддержит нас до конца и не подпишет мира без нас» [1].

Однако многие влиятельные французские политики во главе с председателем совета министров Рувье не желали ссоры с Германией и испугались возможности войны. Момент был слишком благоприятен для Германии. Рувье указывал, что английский флот не заменит Франции русскую армию, занятую на полях Маньчжурии: ведь флот «не имеет колес» и не сможет защитить Париж.

Германский посол в Париже князь Радолин демонстративно не явился в условленное время на прием к французскому министру иностранных дел. Несмотря на эту антифранцузскую демонстрацию, Рувье обедал у посла в тот же вечер. Он завязал с ним сношения в обход своего собственного министра иностранных дел. В последующие дни Рувье лично и через

---

[1] *M. Paléologue.* Un grand tournant de la politique mondiale, p. 307—308.

посредников уговаривал Радолина (т. е. собственно его правительство) уладить дело миром. Председатель совета министров республики обещал германскому послу, что Делькассе через некоторое время покинет свой пост. Рувье, крупный банковский деятель, был связан с капиталистическими кругами, стремившимися к сотрудничеству с германским капиталом. Он был заинтересован в Багдадской железной дороге и в допуске ее бумаг на парижскую биржу. Но на созыв конференции о Марокко даже и Рувье медлил дать свое согласие. Рувье предлагал заключить вместо этого двустороннюю франко-германскую сделку, которая урегулировала бы марокканский вопрос, а также установила бы сотрудничество германского и французского капитала в сооружении Багдадской дороги и в Камеруне [1].

Бюлов был склонен к установлению такого сотрудничества, но вместе с тем продолжал настаивать на созыве конференции. Он требовал скорейшей отставки Делькассе.

На поддержку создателю Антанты выступили влиятельнейшие заступники. В Берлине за него ходатайствовал лондонский Ротшильд, пытаясь воздействовать в его пользу на германского канцлера через крупных немецких банкиров Блейхредера и Швабаха; в Париже перед президентом республики за Делькассе просил король Эдуард VII, вновь навестивший французскую столицу проездом домой из Ниццы. С королем было солидарно все «правительство его величества» [2].

Английское правительство считало невозможным уступить германскому нажиму. Оно полагало, что вопрос идет о том, с кем пойдет Франция — с Англией или же с Германией? Многие в английских правящих кругах считали момент подходящим для того, чтобы покончить с германским военным и торговым флотом.

Взгляды английского правительства на существо марокканского кризиса хорошо изложены в памятной записке, направленной президенту США Рузвельту его другом английским дипломатом Спринг-Райсом, которого Рузвельт постоянно использовал для сношений с английским правительством, минуя обычные дипломатические каналы. Как указывается в начале этого документа, он представляет запись, сделанную со слов министра иностранных дел лорда Ленсдауна для сообщения президенту. «После 1870 г., — говорится в этом документе, — военная партия в Германии дважды (в 1875 и 1887 гг.) старалась довести до войны с Францией, имея в виду обескровить ее до смерти и таким образом раз и навсегда положить конец требованиям реванша. В обоих случаях государи России и

[1] *O. Hammann.* Zur Vorgeschichte des Weltkrieges. Berlin, 1919, S. 214.
[2] *G. W. F. Hallgarten.* Imperialismus vor 1914, Bd I, S. 522.

Англии обратились непосредственно к старому императору и побудили его не допускать подобного преступления, причем их обращения были поддержаны огромными морскими и наземными силами. Оба раза обращение было успешным. Однако ныне русской армии в Европе не существует. А английский флот не может предотвратить вторжения во Францию. Германское правительство через год после того, как оно публично объявило, что его интересы в Марокко не затронуты, и после того как совершилось поражение России, внезапно заявило, что его интересы находятся под жизненной угрозой и должны быть защищены даже с риском войны. Французский народ, который не имеет большой заинтересованности в Марокко или в дипломатическом триумфе французского министра иностранных дел, отказался идти на риск страшной войны... Он должен был уступить. В результате этого страшного предметного урока всему миру стало ясно, что едва только военная мощь России была сломлена внешним врагом... Германия преисполнилась готовности угрожать Франции войной шестидесяти миллионов против сорока. Англия не может допустить уничтожения Франции или ее превращения в провинцию Германии и в ее раболепного союзника против Англии. В случае такого акта агрессии Англия в интересах самозащиты должна будет воевать, и война, если только она разразится, явится ужасной. Она приведет к тому, что мы должны будем создать огромную сухопутную армию, чтобы помочь Франции против ее врага» [1].

Ленсдаун даже недооценивал размеров опасности. Германский империализм стремился не только к тому, чтобы поставить в зависимость от себя Францию. Иными методами, но той же самой цели он намеревался достигнуть и в отношении России. Об этом свидетельствуют попытки заключения русско-германского союза. Это означало бы консолидацию всего континента под водительством германского империализма против британского.

Английское правительство обещало Франции далеко идущую поддержку. 22 апреля 1905 г. Ленсдаун телеграфировал английскому послу в Париже, что, по имеющимся сведениям, германское правительство собирается потребовать для себя порт на Атлантическом побережье Марокко. Ленсдаун поручил послу заявить французскому правительству, что Англия готова присоединиться к Франции для оказания решительного сопротивления этому домогательству. Английское правительство выражало готовность согласовать с Францией те меры, которые потребуются для противодействия требованию немцев [2].

[1] «The letters and friendships of Sir Cecil Spring Rice», ed. by S. Gwinn, Boston — N. Y., 1929, vol. I, p. 476—477.

[2] «British Documents», vol. III, № 90, p. 72—73.

А еще через месяц, 24—25 мая, между французским послом и английским министром иностранных дел состоялся обмен официальными письмами. Если Франция будет иметь серьезные основания предполагать вероятность несправедливой агрессии со стороны «известной державы», британское правительство готово согласовать с французским те меры, которые необходимо предпринять. Так резюмировал французский посол в своем письме содержание обязательства, принятого на себя английской стороной. Ленсдаун подтвердил правильность всего изложенного. Но он добавил в своем ответном письме, что британское правительство желает, чтобы между двумя правительствами исчерпывающее и доверительное обсуждение необходимых мер состоялось заблаговременно «не столько в результате неспровоцированной агрессии, сколько в предварение каких-либо осложнений»[1]. Предлагая соглашение о мерах на случай будущих осложнений, английское правительство, по существу, предлагало Франции нечто близкое к настоящему военному союзу.

Между тем германский дипломатический представитель в Марокко фон Таттенбах из Танжера, где находился дипломатический корпус, отправился к султану в его столицу Фес. Там он удостоверился, что его французский коллега, навязывая султану программу реформ, выступал от имени «Европы». Державы не уполномочивали ретивого французского дипломата говорить от их имени. Таттенбах не упустил случая, чтобы немедленно дезавуировать француза.

Под влиянием Таттенбаха султан заявил, что он не давал и не даст Франции согласия на ее «реформаторскую» программу. Повелитель Марокко приветствовал подсказанный немцами проект международной конференции. 31 мая 1905 г. султан официально обратился к правительствам, подписавшим Мадридский договор 1880 г., с предложением собраться для обсуждения вопроса о реформах в его государстве.

Настаивая на своем, германское правительство стало угрожать Франции войной. 1 июня 1905 г. Бюлов телеграфировал германскому послу в Париже: «Граф Таттенбах сообщает, что французы непрерывно грозят марокканскому султану действиями с алжирской границы в том случае, если он отвергнет французскую программу. Однако 28 мая султан сообщил французскому представителю, что о принятии французских предложений относительно реформ может быть речь лишь после того, как эти предложения будут рассмотрены и одобрены державами — участницами договора»[2]. И Бюлов угрожающе добавлял: «Нам пришлось бы сделать соответствующие выводы в том

[1] «British Documents», vol. III, № 95, p. 77—78.
[2] Имеется в виду Мадридский договор 1880 г.

случае, если бы после заявления султана, которое неопровержимо с точки зрения международного права, Франция продолжала ту политику запугивания и насилий, которой до сих пор держался Делькассе и которая затрагивает не только интересы, но и достоинство государств, находящихся в одинаковом с нами положении... В интересах мира важно, — продолжал Бюлов, — чтобы вышеизложенные соображения были безотлагательно доведены до сведения премьера, дабы он не принимал предстоящего ему решения, не будучи вполне осведомлен о положении дела»[1]. Через несколько дней итальянское правительство информировало французское, что германский посол в Риме сделал ему еще более ясное заявление. Посол прямо предупредил, что, «если французские войска переступят границу Марокко, германские войска немедленно перейдут границу Франции»[2].

В эти же дни (30 мая) Бюлов направил к Рувье некоего Микеля. Это был советник германского посольства в Париже, который как раз покидал это место. Он был избран для данной миссии потому, что мог более резко говорить с главой правительства о министре иностранных дел страны своего пребывания, чем это было бы возможно для дипломата, остающегося на своем посту. Микель потребовал отставки Делькассе, дав понять, что тот не пользуется доверием Германии[3]. От великой державы требовали отставки ее министра иностранных дел из-за того, что он не нравится иностранному правительству! Это было нечто неслыханное!

Но дело происходило тотчас же после гибели русского флота у Цусимы. Напуганный Рувье прибег к помощи неофициального посредника. Он направил к германскому послу Радолину своего друга крупного капиталиста Дюпюи, владельца газеты «Пти паризьен», руководителя прогерманских и антианглийских элементов во Франции[4]. Дюпюи договорился с послом кайзера о немедленном отстранении Делькассе. Дюпюи подготовил президента республики к необходимости такого шага.

Теперь сам Рувье поспешил в Елисейский дворец. Он заявил президенту, что в корне не согласен с политикой министра иностранных дел. Заручившись согласием Лубэ, Рувье созвал 6 июня заседание совета министров. Он заявил, что уйдет со своего поста, в случае если его коллеги по кабинету солидаризируются с Делькассе[5].

---

[1] «Die Grosse Politik». Bd XX, T. II, № 6673, S. 392—393.

[2] *M. Paléologue.* Un grand tournant de la politique mondiale, p. 347—348.

[3] *E. Anderson.* The first Moroccan crisis, p. 224.

[4] Ibid., p. 249.

[5] «Documents diplomatiques français», 2-e série, t. VI, p. 601—604.

Большинство членов совета высказалось против министра иностранных дел. Делькассе подал в отставку. Рувье принял портфель министра иностранных дел и вступил в дальнейшие переговоры с Берлином.

Рувье заявил Радолину, что не одобряет идеи международной конференции. Но он намекнул, что готов договориться о способах компенсировать Германию в обмен за поглощение Марокко Францией.

Оказалось, что Рувье напрасно рассчитывал избежать таким путем конфликта с немцами. Гольштейн и Бюлов явно стремились обострить положение. Они настаивали на безоговорочном согласии Франции на созыв международной конференции. 11 июня германский посол заявил Рувье, что Германия поддержит марокканского султана «всей своею мощью». Франция была охвачена страхом перед войной, ожиданием нового вторжения германской армии.

Требование германского правительства о созыве международной конференции несколько неожиданно получило поддержку президента Рузвельта. 21 июня французское правительство наконец дало немцам ответ по вопросу о конференции. Оно сообщило, что окончательное решение сможет вынести лишь после того, как будет знать, чего именно потребует на конференции Германия [1]. Английское правительство поддержало французский ответ, хотя и предпочло бы более решительное заявление.

А германская дипломатия все продолжала запугивать. 23 июня 1905 г. германский канцлер предостерег французского посла против попыток затягивать решение. «Не следует, — угрожающе заявил Бюлов, — медлить на пути, по краям которого зияют обрывы и пропасти» [2]. Германская дипломатия продолжала вести дело к разрыву.

Бюлов сначала хотел настаивать на безоговорочном согласии Франции на участие в конференции; только после этого, заявлял он, можно будет говорить о ее программе и решениях. Кайзеру он советовал заключить союз с марокканским султаном.

В чем заключался смысл предложения Бюлова? Задуманный им или подсказанный Гольштейном германо-марокканский союз мог привести к одному из двух результатов: либо Франция отступит, откажется от Марокко; либо она продолжит свой натиск на эту страну, и тогда Германия начнет против нее войну. «Не надо шутить с огнем», — предостерег Бюлов французского посла 23 июня 1905 г. [3]

[1] «Documents diplomatiques français», 2-e série, t. VII, № 93, p. 97—100.

[2] «Documents diplomatiques français», 2-e série, t. VII, № 113, p. 120; *O. Hammann.* Zur Vorgeschichte des Weltkrieges, S. 213.

[3] «Die Grosse Politik», Bd XX, T. II, № 6725, S. 460.

И вдруг в германской тактике произошел неожиданный поворот: Бюлов взял более примирительный курс. Он, правда, продолжал настаивать на конференции. Но канцлер изъявил согласие предварительно согласовать с французами ее программу и даже признать за Францией наличие «особых интересов» в Марокко. Эта уступка позволила Германии и Франции 8 июля 1905 г. достигнуть предварительного соглашения об условиях созыва конференции.

Свидание Николая II и Вильгельма II в Бьёрке

Чем вызван был этот поворот в политике Германской империи? Некоторую роль мог сыграть совет Рузвельта. Президент вновь вмешался в дела чужих континентов, но на этот раз уже не в пользу Германии, а скорее против нее. Он посоветовал немцам удовлетворить просьбу Франции о предварительном согласовании вопросов конференции.

Но вмешательство Рузвельта было наносным моментом и далеко не главной причиной неожиданной уступчивости Бюлова. Имелись причины более веские: стремление разрушить вражескую коалицию.

Пока в Европе развертывалась дипломатическая битва вокруг англо-французского договора от 8 апреля 1904 г., в Восточной Азии продолжалась вооруженная борьба между Россией и Японией. Царизм терпел одно поражение за другим. За падением Порт-Артура последовал разгром при Мукдене. Прошло немногим более двух месяцев, и поступила весть о гибели русского флота при Цусиме в конце мая 1905 г. В России нарастала буржуазно-демократическая революция. Тяжелое положение царского правительства дало кайзеру повод к тому, чтобы совершить еще одну попытку разрушить франко-русский союз.

С одобрения Бюлова во время очередной морской прогулки Вильгельм предложил Николаю встретиться в Балтике. Свидание состоялось 23—24 июля 1905 г. в финляндских шхерах, около острова Бьёрке. Вильгельм предложил Николаю вернуться к прошлогоднему проекту союзного договора. Он убедил царя подписать документ, сходный с тем, который обсуждался в конце 1904 г. Николай согласился. Подписав договор, он вызвал морского министра Бирилева, сопровождавшего царя в этой поездке, закрыл ладонью текст и велел Бирилеву, не читая, поставить под ним свою визу. Тот подписал. Таким способом царская подпись была контрассигнирована министром — в соответствии с требованием основных законов империи.

Теперь Франция должна была стать более сговорчивой! Кайзер и Бюлов рассчитывали, что теперь они смогут добиться присоединения Франции к Бьёркскому договору. Ведь в течение апреля — июня они до смерти запугали ее угрозой

войны. А сейчас, удерживая военную угрозу в качестве резервного средства, они, казалось, могли бы купить Францию, предоставив ей широкие возможности в Марокко [1]. На это и содержался ясный намек в соглашении с Францией от 8 июля.

В случае успеха этого плана был бы создан с Германией во главе континентальный блок против Англии, как он замышлялся еще в период трансваальского кризиса 1895 г. Коварный Альбион был бы изолирован, проанглийские силы во Франции, возглавляемые Делькассе, обезврежены, англо-французская Антанта ликвидирована. Во Франции убедились бы, что интересами в Египте правительство пожертвовало совершенно понапрасну, ради, так сказать, прекрасных глаз Англии. Французская общественность должна была убедиться в том, что Англия попусту обещала Франции Марокко. Она должна была проникнуться сознанием, что вопреки Германии делать ничего нельзя, что и Марокко можно получить не иначе, как с соизволения Германии.

Замысел этот потерпел крах. По возвращении к себе в столицу царь после некоторых проволочек ознакомил с договором Ламздорфа. Министр пришел в смятение. Он все же поручил послу Нелидову позондировать Рувье — как бы тот отнесся к союзу континентальных держав. Ответ Рувье гласил, что Франции достаточно союза с Россией.

В то время (до 5 сентября) Витте вел мирные переговоры с Японией в Америке. На обратном пути он был принят Вильгельмом, который говорил с ним о желательности союза континентальных держав, к чему Витте отнесся с сочувствием. Он вернулся в Петербург 28 сентября, ознакомился с Бьёркским договором и счел его неприемлемым. После этого Витте и Ламздорф вместе с великим князем Николаем Николаевичем явились к царю. Все трое убеждали Николая II, что договор должен быть ликвидирован [2].

Николай уступил. Он написал Вильгельму, что необходимы длительные предварительные переговоры с Францией, до завершения которых договор не должен вступать в силу. Это было, конечно, дипломатической формой отказа: весь немецкий расчет строился на том, чтобы запуганную Францию поставить перед совершившимся фактом перебежки ее союзницы в германский лагерь. Напрасно кайзер взывал к царю: «Мы подали друг другу руки и дали свои подписи перед богом... Что подписано, то подписано» [3]. Призывы кайзера остались втуне.

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XX, T. II, № 6782, S. 531—532.

[2] См. *Л. Фейгина.* Бьёркский договор, стр. 45 и сл.; *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 488.

[3] «Переписка Вильгельма II с Николаем II», стр. 124.

К этому времени мир с Японией уже был заключен. Россия меньше стала зависеть от Германии. Мир открывал возможности и для переговоров в Париже о предоставлении займа. Эта задача в области международных дел теперь заслоняла для царского правительства любую другую. При этом предполагалось привлечь к выпуску займа не только французские банки, но и лондонский банкирский дом «Братья Бэринг», а может быть, и американца Моргана. Бьёркский договор сделал бы невозможным получение займа ни в Лондоне, ни в Париже. Между тем в целях подавления революции заем был нужен царизму более чем когда-либо. Если Вильгельм II и Бюлов рассчитывали использовать внутренние затруднения царизма для расторжения франко-русского союза, то они ошиблись: революция 1905 г. чрезвычайно усилила нужду царизма во французских деньгах. Убедившись в провале Бьёркского договора, в Берлине стали готовиться к возобновлению прерванной было атаки против Франции.

Посредничество президента Рузвельта

Одновременно с развитием марокканского кризиса происходил финальный акт дальневосточной кровавой драмы. После сражения под Мукденом и морской битвы при Цусиме встал вопрос о мире между Россией и Японией.

Над царским правительством довлели тяжкие поражения на фронте и подъем революционного движения в стране. С чисто военной точки зрения царское правительство, используя неисчерпаемые людские резервы России, имело возможность создать на маньчжурском театре значительный перевес сил. Отчасти оно уже и создало его после того, как, отступив от Мукдена, русская армия успешно закрепилась на Сыпингайских позициях. Русская армия имела шансы на достижение успехов в Маньчжурии и на существенное улучшение обстановки на этом участке театра войны.

Но даже и в этом случае Россия не смогла бы развить достигнутого успеха. Потеряв флот, она не могла надеяться отвоевать Порт-Артур, не говоря уже о перенесении войны на Японские острова. Даже на узком Корейском полуострове с флангами, открытыми с моря, вести наступательные действия без флота было бы в высшей степени трудно.

Но значительно хуже складывалась обстановка в других районах. Японцы угрожали устью реки Амура, Камчатке, Владивостоку, всему Приморью, острову Сахалин. Все огромное русское побережье морей Японского, Охотского и Берингова оказалось открытым для ударов противника. Для обороны побережья необходимы были военно-морские силы, а они покоились на дне морском. В случае если бы противник высадил десант на этом побережье с его гигантской протяженностью, то

подвезти силы, достаточные для отпора, при бездорожье этих мест оказывалось делом почти невозможным. Итак, грозило появление японцев на русской земле, и помешать этому было нелегко. Такова была стратегическая обстановка после Цусимского боя, т. е. к концу мая 1905 г.

Еще хуже складывалась для царизма общеполитическая обстановка: в России началась революция. Повсеместно происходили забастовки, развертывалось крестьянское движение. Революционные настроения проникли в армию и флот. Земля горела под ногами у царского самодержавия и правящих классов России, не говоря уже о финансовой нужде царского правительства. Оно побаивалось заключить мир — бесповоротное признание поражения могло бы еще сильнее подорвать его престиж. Однако продолжение войны было еще более опасным, особенно в случае удара японцев по Владивостоку и Приморью.

Но и Японии — казалось бы, победоносной — мир тоже стал необходим. В то время как у России имелись огромные резервы и проблема заключалась в их доставке на театр войны, Японии грозило абсолютное истощение сил. В особенности не хватало офицеров. В японской армии уже имели место случаи, когда солдаты отказывались идти в атаку. И если русское командование опасалось за Приморье, то у японского командования были свои страхи и заботы. Что если русские, обеспечив себе численный перевес, сумеют перейти в Маньчжурии в наступление? В этом случае Япония могла бы лишиться многих плодов своей победы. Финансовая нужда, так же как в России, в Японии давила на правительство тяжелым прессом.

8 марта 1905 г. японский военный министр Терауци, встретив на обеде американского посланника, обратился к нему с просьбой передать президенту Соединенных Штатов его, Терауци, мнение «как частного лица»: войну необходимо заканчивать [1].

Это выступление одного из лидеров военщины свидетельствует о чрезвычайных трудностях, с которыми было сопряжено для Японии продолжение войны.

Но японское правительство, так же как и русское, отказывалось официально поставить вопрос о мире, дабы не ослабить свои позиции в предстоящем торге относительно его условий. Японское правительство выжидало, пока побежденная сторона не будет вынуждена запросить мира. После выступления Терауци министр иностранных дел Комура говорил американскому послу о желательности добиться с помощью Рузвельта русского предложения о мире.

Японская «мирная» программа была программой большого

[1] См. *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 368.

грабежа Кореи, Китая и России. Она предусматривала обширнейшие захваты: всей Кореи под видом протектората над ней, Ляодунского полуострова с Порт-Артуром, русских железных дорог в Маньчжурии и даже русской территории — острова Сахалин. Японские империалисты намеревались запретить России укреплять Владивосток и держать флот на Тихом океане. Они претендовали на одностороннее право ловить рыбу в русских территориальных водах и требовали уплаты большой контрибуции.

Какова была позиция других империалистических держав в вопросах войны и мира между Россией и Японией? Американский империализм был заинтересован прежде всего в том, чтобы Россия и Япония максимально ослабили друг друга. Взаимное ослабление воюющих сторон должно было усилить влияние Соединенных Штатов в Восточной Азии и на Тихом океане. Это было главной целью Америки. «В программе ее империалистической политики, — справедливо писал русский посланник в Китае Лессар, — на первом плане стоит — добиться руководящей роли в исходе русско-японской распри и связанных с ней вопросов» [1].

Победа России сделала бы достижение этой цели невозможным. Американский империализм и его правительство всемерно стремились к поражению России. Именно для этого они и финансировали Японию. Но после падения Порт-Артура и начавшегося подъема революционной волны победа России стала менее вероятной. А после Мукдена и Цусимы такую перспективу можно было считать исключенной.

Чрезмерное усиление Японии также не входило в расчеты правительства США. В начале войны, в марте 1904 г., Рузвельт откровенно говорил германскому послу, что интересы США требуют затяжки войны между Россией и Японией. Надо, «чтобы обе державы возможно сильнее потрепали друг друга и чтобы после заключения мира не исчезли такие географические районы, в которых между ними имеются трения, так чтобы в отношении границ сфер их интересов они противостояли бы друг другу приблизительно так же, как и до войны. Это сохранит их в состоянии военной готовности и умерит их аппетиты в других районах. Япония в таком случае не будет угрожать Германии в Цзяочжоу, а Америке на Филиппинах» [2]. То же самое говорил Рузвельт и англичанам, а именно своему личному другу секретарю английского посольства в Петербурге Спринг-Райсу. В письме к нему от 19 марта 1904 г. президент высказывал опасения перед чрезмерным усилением Японии.

[1] Цит. по кн.: *А. Добров.* Дальневосточная политика США в период русско-японской войны, стр. 219; донесение Лессара от 11 ноября 1904 г.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XIX, T. I, № 5992, S. 112—113.

«Может статься, — продолжал Рузвельт, — что обе державы будут драться до тех пор, пока обе не будут полностью истощены, и тогда мир придет на условиях, которые не создадут ни желтой, ни славянской опасности» [1].

В декабре 1904 г. Рузвельту рисовались следующие условия будущего мира между Россией и Японией: «Возвращение Маньчжурии Китаю и при этом провозглашение ее нейтрализации заинтересованными державами». Корею президент готов был отдать Японии. «На оккупацию же Кореи Россией США никогда не согласятся. Укрепления Порт-Артура президент предпочел бы видеть срытыми» [2]. После падения Порт-Артура Рузвельт готов был оставить крепость за Японией — «если она будет продолжать противостоять России» [3].

Президент больше всего опасался, как бы после войны не установился русско-японский союз, которого якобы желал Ито. Рузвельт зондировал английское правительство по неофициальному каналу — через Спринг-Райса — относительно возможности англо-американского сотрудничества для предотвращения такой опасности [4].

По мере нарастания успехов Японии в войне Рузвельт все больше начинал страшиться усиления японской мощи. В июне 1905 г., в разгар своей посреднической деятельности по подготовке русско-японского мира, он писал своему другу сенатору Лоджу, выражая опасение, как бы переговоры о мире не сорвались и Япония не одержала новых успехов: «Для нашего покоя уничтожение России как восточноазиатской державы было бы... несчастьем». «Лучше всего было бы оставить ее лицом к лицу с Японией, так, чтобы одна могла бы оказывать умеряющее влияние на другую» [5]. Рузвельт до некоторой степени уже осознал нарастание противоречий между империалистическими интересами Америки и Японии в Китае и на Тихом океане.

Но это не значит, что во время переговоров о мире президент прекратил поддержку Японии, которую оказывал ей против России в ходе войны. Рузвельт считал, что пока Япония остается заинтересованной в Корее, Маньчжурии и вообще в Китае, Россия будет ее «естественным врагом». Если же Япония потеряет влияние на континенте Азии, тогда она объединится с Россией и обратится против американских, нидерланд-

[1] «Letters and friendships of C. Spring Rice», vol. I, p. 398.
[2] «Die Grosse Politik», Bd XIX, T. II, № 6274, S. 551.
[3] «British Documents», vol. IV, № 145, прим., p. 156.
[4] Письмо Рузвельта Спринг-Райсу от 27 декабря 1904 г. «Letters and friendships of C. Spring Rice», vol. I, p. 442—446; «Die Grosse Politik», Bd XIX, T. II, № 6285, S. 567—568.
[5] Цит. по кн.: *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 425.

ских и английских владений на Тихом океане[1]. Поэтому-то Рузвельт и не видел никакой выгоды умерять японские захватнические планы против России.

Исходя из всех изложенных соображений, Рузвельт признавал целесообразным выступить посредником между воюющими ради ускорения переговоров о мире. Президент оставил мысль о срытии укреплений Порт-Артура и нейтрализации Маньчжурии, хотя это казалось более выгодным с точки зрения интересов американского империализма. Рузвельт решил поддержать большую часть японских требований, дабы в дальнейшем Россия и Япония остались врагами. Попытка Соединенных Штатов отобрать у Японии плоды ее победы могла бы толкнуть ее на сближение с побежденным врагом — как это и в самом деле случилось несколькими годами позже, перед лицом попыток американского империализма поглубже проникнуть в Маньчжурию и вернуться к программе ее нейтрализации.

Жертвой политики Рузвельта, рассчитанной на обострение русско-японских противоречий, оказался в первую очередь корейский народ. Его независимость президент Соединенных Штатов принес в жертву Японии, подобно тому как это уже было сделано Англией. Рузвельт подавал японцам некоторые советы умеренности при определении своих требований, но в целом поддерживал их домогательства. Во время войны, и особенно после Мукденского сражения, Рузвельт неоднократно зондировал обе стороны, предлагая им свои «добрые услуги» для организации непосредственных переговоров между ними. После обращения к нему Терауци, а затем Комура Рузвельт в марте 1905 г. говорил с русским послом Кассини и пытался вызвать мирную инициативу со стороны царского правительства. Но последнее не желало проявить публично признаков слабости и действовало очень осторожно. Оно, естественно, предпочло обратиться сначала к своему союзнику и ответило Рузвельту уклончиво.

21 марта 1905 г. Ламздорф поручил послу в Париже Нелидову уведомить Делькассе о готовности заключить мир. Однако русское правительство, писал Ламздорф, может сделать это только при условии «исключения нижеследующих требований: 1. Уступки какой-либо части русской территории; 2. Уплаты военной контрибуции; 3. Изъятия из нашего владения железнодорожных линий по направлению к Владивостоку и, наконец, 4. Уничтожения военного флота на Тихом океане»[2]. Вы-

[1] Письмо Рузвельта Спринг-Райсу от 27 декабря 1904 г. «Letters and friendships of C. Spring Rice», vol. I, p. 445.

[2] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 237/238, л. 47. Телеграмма Нелидову от 21(8) марта 1905 г.

слушав все это, Делькассе 5 апреля обратился к японскому послу Мотоно. Он сказал послу, что мог бы содействовать началу мирных переговоров при условии, что Япония не будет настаивать на некоторых пунктах, неприемлемых для России.

Японское правительство ответило согласием начать переговоры, но заявило, что не будет считать себя связанным относительно условий мира, которые оно предъявит.

Из Токио предложение Делькассе было сообщено правительству США. Японского посланника, явившегося 18 апреля с этим сообщением, принял военный министр Тафт: Рузвельт проводил отпуск в далеком штате Колорадо. Японцы просили теперь уже не о том, чтобы вызвать инициативу России, а прямо о посредничестве президента.

Раньше чем предоставить свои «добрые услуги», Рузвельт указал японскому правительству, что оно должно дать обязательство придерживаться в Маньчжурии принципа «открытых дверей». 25 апреля 1905 г. японское правительство изъявило на это согласие. 27 апреля Рузвельт решил прервать отпуск и возвратился в Вашингтон. Японское правительство сообщило президенту свои условия мира [1].

Рузвельт одобрил эти условия, за исключением, однако, захвата Сахалина и уплаты контрибуции. Он не отверг ни того, ни другого, но заявил, что еще «не готов» высказать свое мнение, да пока еще и не чувствует в этом необходимости. Рузвельту были известны те русские условия, которые были сообщены из Петербурга французскому правительству. Президент был осведомлен, что Россия не согласна на уступку Сахалина и уплату контрибуции. Он не торопился связывать себя в этих вопросах, дабы не затруднить себе посредничества и не позволить Делькассе перехватить инициативу в деле подготовки русско-японского мира.

В это время эскадра Рожественского приближалась к японским водам. Еще нельзя было знать наверное, чем кончится ее столкновение с флотом противника. Одно время японское правительство, видимо, склонялось закончить войну до решающего морского сражения. Однако затем оно изменило свою тактику и начало затягивать переговоры с Соединенными Штатами относительно их выступления с добрыми услугами для заключения мира. Утвердилось ли оно в уверенности, что японский флот разобьет эскадру Рожественского, или же оно рассчитывало, что развитие марокканского кризиса вызовет давление Франции на свою союзницу и это сделает Россию более уступчивой? Влияло и то и другое.

[1] См. выше стр. 578—579. О последующем см. *А. Добров.* Дальневосточная политика США, стр. 257—291 и *Л. И. Кутаков.* Портсмутский мирный договор, М. 1961, стр. 13—27.

Позиции Германии и Англии существенно отличались от американской. Германскому империализму затяжка войны в Восточной Азии была выгодна. Она позволяла развить до максимальной напряженности нажим на Францию в вопросе о Марокко.

Английские империалисты стремились дополнить «сердечное согласие» с Францией соглашением с ослабленной Россией. Они не были заинтересованы в затягивании войны, ибо их партнер по Антанте — Франция — крайне нуждался в возвращении всей мощи русской армии на германскую границу.

И тем не менее английское правительство не желало вмешиваться в вопросы войны и мира или поощрять свою союзницу Японию к умеренности. Оно не хотело затруднять себе этим переговоры, которые вело с Японией об изменении условий англо-японского союзного договора. Кроме того, русский балтийский флот был на пути в дальневосточные воды. Эскадра Рожественского — последняя ставка, заявил Ленсдаун французскому послу Камбону 3 мая 1905 г. «Надо дать ее сыграть» [1]. Английский министр никак не хотел упустить случая для уничтожения русских военно-морских сил!

Французское правительство желало скорейшего мира на Дальнем Востоке [2]. Оно хотело этого по той же самой причине, по которой германское стремилось затянуть войну: мир означал, так сказать, возвращение России и ее армии в Европу. Франция страстно стремилась к этому, в то время как в Берлине всячески старались это возвращение оттянуть.

Рузвельт хотел, чтобы Англия делала в отношении Японии то же самое, что Франция действительно осуществляла в отношении России — толкала свою союзницу к миру и к некоторым уступкам. Но английское правительство решительно отказывалось от всякого воздействия на Японию, чем вызвало большое недовольство американского президента.

Практически до Цусимского сражения дело ограничивалось многочисленными взаимными зондированиями со стороны японского, русского, французского и американского правительств. Но мирные переговоры так и не начались.

После Цусимского боя Японии продолжать войну было незачем, ибо главные цели были достигнуты, а кроме того, не оставалось и ресурсов на ведение военных действий. 31 мая 1905 г. японский министр иностранных дел Комура телеграфировал послу в Вашингтоне Такахире и поручил ему попросить Рузвельта выступить как бы «всецело по своей инициативе» и

---

[1] «Documents diplomatiques français», 2-e série, t. VI, № 396, p. 468—470.

[2] О позиции Франции см. *Розенталь.* Дипломатическая история франко-русского союза в начале XX века. М. 1960, особ. стр. 91.

пригласить обе воюющие стороны для переговоров о мире непосредственно друг с другом.

5 июня Рузвельт поручил послу США в Петербурге Лангерке-Мейеру испросить аудиенцию у царя и передать ему предложение президента Соединенных Штатов о встрече представителей России и Японии для обсуждения вопроса о заключении мира.

6 июня 1905 г. под председательством царя в Петербурге состоялось военное совещание. «В случае продолжения войны, — заявил великий князь Алексей, — положение Владивостока, устья Амура и Камчатки будет весьма опасное». «Пока нам не нанесен решительный удар, надо зондировать почву относительно мира». Князь готов был отдать японцам южную часть Сахалина.

Тон задал дядя Николая, великий князь Владимир Александрович. Он решительно высказался за скорейшее начало переговоров о мире. Когда адмирал Дубасов и некоторые другие участники совещания высказались за продолжение борьбы, царский дядюшка решительно им возразил. «Мы зарвались в поспешном движении к Порт-Артуру», — заявил он. «Не зная броду, мы сунулись в воду», — продолжал Владимир. Преступная нелепость дальневосточной авантюры была наконец осознана.

Над совещанием довлела угроза надвигавшейся революции. И Владимир полагал, что «нам нужнее внутреннее благосостояние страны, чем победы». «Из двух бед, — заключил он, — надо выбирать меньшую». «Необходимо вернуть внутренний покой России», иначе говоря, подавить революцию. Николай согласился со своим дядей [1]. Но было также решено послать в Маньчжурию подкрепления, которых просил главнокомандующий генерал Линевич, заменивший после Мукдена Куропаткина, снятого со своего поста ввиду полной непригодности.

На следующий день, 7 июня, Николай принял американского посла. Тот передал настоятельный совет президента начать переговоры и скорее заключить мир. Царь сначала ответил, что он над этим подумает и вскоре же даст ответ. Но посол настаивал на немедленном решении, и Николай II, передумав, выразил послу согласие на предложение президента. Ламздорф пытался было изменить положение и обратиться к посредничеству Франции. Но после того как у Рузвельта оказалось в руках согласие царя, президент не собирался отступать. 8 июня он опубликовал официальное обращение к воюющим сторонам с предложением начать переговоры о мире и принять для этой цели его «добрые услуги».

---

[1] «Красный архив», 1928, т. 3 (28), стр. 200—201.

Рузвельт солидаризировался с японским правительством, которое возражало против участия Китая в портсмутских переговорах: об интересах Китая, видите ли, позаботится японская дипломатия! Правительство Соединенных Штатов тем более стремилось отстранить Китай, что там снова обнаруживалось нарастание антиимпериалистического движения, особенно заостренного против Америки, вызванного притеснениями китайских эмигрантов в Соединенных Штатах. Ненависть китайского народа к американскому империализму привела 1 мая 1905 г. к массовому бойкоту американских товаров в открытых портах Китая.

Соглашение Тафт — Кацура и конец независимости Кореи. Второй англо-японский союзный договор

Предпринимая посредничество, правительство США торопилось оградить свои интересы от усилившейся Японии — нового опасного соперника американских империалистов. Это целесообразно было сделать, пока силы Японии еще оставались скованными войной против России.

В июле 1905 г. Японию посетил Тафт — военный министр и один из руководящих деятелей республиканской партии, будущий президент Соединенных Штатов. 29 июля состоялась встреча Тафта с премьер-министром Кацура. Последний заверил своего гостя, что Япония не будет покушаться на захват Филиппинских островов. На это американский министр сделал встречное заявление. Установление японского протектората над Кореей, сказал Тафт, и лишение Кореи права самостоятельно заключать договоры с другими государствами будут содействовать установлению прочного мира на Дальнем Востоке. Таким образом, было заключено соглашение двух империалистических держав, взаимно гарантировавших друг другу свое согласие на порабощение двух стран Азии: Кореи и Филиппин. Тафт высказал все это своему собеседнику в качестве «личного мнения». Но он незамедлительно получил телеграмму Рузвельта: Тафту поручалось информировать Кацура, что президент одобряет каждое слово, сказанное ему военным министром США.

Соглашение Тафта — Кацура означало смертный приговор независимости корейского народа.

Через несколько дней, 12 августа 1905 г., этот приговор получил подтверждение со стороны Англии. В тот день состоялось возобновление англо-японского союза. Новый союзный договор существенно отличался от договора 1902 г. Целями союза теперь объявлялось поддержание мира, а также территориальных прав обеих договаривающихся сторон в районах Восточной Азии и Индии, защита их специальных интересов в этих районах, а также обеспечение «совместных интересов всех держав в Китае». Основное постановление нового договора

гласило: если бы в результате «неспровоцированного нападения» одна из договаривающихся сторон, «защищая упомянутые выше... территориальные права и специальные интересы, оказалась вовлеченной в войну с какой-либо державой или державами, другая договаривающаяся сторона незамедлительно придет на помощь своему союзнику, будет вести войну совместно с ним и заключит мир по взаимному с ним соглашению» [1].

Отличие от договора 1902 г. заключалось не только в том, что совместное ведение войны предусматривалось и в случае войны любой из союзниц с одной державой, а не с двумя, как это было раньше. Важное отличие заключалось также и в том, что исполнялось давнее пожелание английского правительства о распространении союза на Индию. За эту уступку, сделанную Японией, Англия уплатила ей безоговорочным признанием японского протектората над Кореей.

Прямое обращение корейского императора к Рузвельту с мольбой о «добрых услугах» ради защиты независимости Кореи не имело успеха. Президент и государственный секретарь упорно уклонялись от встречи с посланцем корейского императора до тех пор, пока японцы силой не заставили императора и его правительство отдать себя под протекторат Японии. 17 ноября 1905 г. был заключен японо-корейский договор, согласно которому Японии предоставлялось руководство внешними сношениями Кореи и контроль над ними. Договор этот был вырван японцами у корейского правительства посредством самого грубого насилия. Ночью японские офицеры и жандармы ворвались во дворец и предъявили императору проект договора, который означал конец всякой еще сохранявшейся независимости его страны. Японцы требовали от императора и доставленных ими во дворец министров немедленной подписи этого рокового документа. Император и все министры ответили отказом. Тогда японцы уволокли премьер-министра в другую комнату. Там уже известный посол Хаяси и маршал Хасегава вновь потребовали от премьера его подписи. Он не струсил и отказался вторично. Японский маршал обнажил саблю, но и это не помогло.

Оставив премьера в отдельной комнате под охраной, оба японца — генерал и посол — вернулись в зал, требуя подписей от других членов кабинета. Полагая, что премьер убит, и не желая разделить его участь, трое из числа министров капитулировали и предательски подписали договор, который должен был положить конец независимости их страны. Император этого не сделал, так же как и премьер. Таким образом, насильственно навязанный договор и с точки зрения стоявших под

[1] «British Documents», vol. IV, № 155, p. 166.

ним подписей юридической силы не имел. По некоторым данным, японцы выкрали государственную печать Кореи в министерстве иностранных дел и сами приложили ее к договору [1].

По американо-корейскому договору 1882 г. США обязаны были оказать Корее «добрые услуги» для полюбовного разрешения японо-корейского конфликта. Но правительство Соединенных Штатов нарушило свои договорные обязательства: оно не оказало никаких «услуг» покинутой и преданной им стране.

Портсмутский мир

Японское правительство назначило своими уполномоченными на предстоявшей русско-японской мирной конференции министра иностранных дел Комура и посланника в США Такахира.

Инструкция, данная японским представителям, различала три категории условий мира. Первую составляли «безусловно обязательные». Сюда входила вся сумма японских домогательств, за исключением тех, которые были выделены в две другие категории. Ко второй относились такие, удовлетворение которых должно было быть обеспечено делегацией в зависимости от обстановки. Сюда относились уплата контрибуции, выдача русских военных кораблей, интернированных в нейтральных портах, захват Сахалина, получение рыболовных прав у русского дальневосточного побережья. Всецело на усмотрение делегации предоставлялись требования о разоружении Владивостока и его превращении в чисто коммерческий порт, а также об ограничении военно-морских сил России на Тихом океане [2].

Царь, перебрав несколько кандидатур, назначил своими уполномоченными Витте и посла в Соединенных Штатах Розена. Витте пришлось, таким образом, расхлебывать результаты той самой дальневосточной экспансии, инициатором которой в 1895—1896 гг. он сам явился и которая до конца оставалась его политикой, хотя безусловно и была осложнена вопреки его воле захватом Порт-Артура, а затем предприятиями Безобразова. Инструкции, полученные русской делегацией, запрещали ей соглашаться на уже известные четыре требования японцев. В остальном же они предоставляли делегации значительную свободу инициативы. 26 июля 1905 г., т. е. непосредственно после бьёркского свидания, русская делегация отплыла из Шербура в Нью-Йорк.

Рузвельт принял обе делегации — русскую и японскую — на борту президентской яхты. Президент тщетно убеждал

[1] *H. Chung.* The Oriental Policy of the United States. N. Y. — Chicago, 1919, p. 250—251.

[2] *R. H. Akagi.* Japan's foreign relations. 1542—1936. Tokio, 1936, p. 252; о Портсмутской конференции см. *А. Добров.* Дальневосточная политика США, стр. 292—347 и *Л. Кутаков.* Портсмутский мирный договор, стр. 28—86.

Витте, что России необходимо согласиться на уплату контрибуции. Японским делегатам он советовал не предъявлять требование о разоружении Владивостока. Японцы послушались этого совета.

9 августа 1905 г. в курортном городке Портсмуте, на Атлантическом побережье США, открылась мирная конференция.

На первом заседании были согласованы только некоторые вопросы процедуры. В качестве официальных языков были приняты два — французский для русской делегации и английский для японской. Это было новшеством в дипломатической практике того времени: до того в ней обычно применялся один французский язык. Фактически Витте говорил по-французски, иногда восполняя по-русски недостававшие ему французские слова. Комура изъяснялся по-японски.

На следующий день, на втором заседании, японские представители вручили русской делегации текст японских условий мира. Они включали: во-первых, признание Россией преобладающих политических, военных и экономических интересов Японии в Корее и обязательство не препятствовать «мерам руководства, покровительства и контроля», которые Япония сочтет необходимым предпринять в этой стране. Иначе говоря, японцы требовали, чтобы Корея была отдана им на разграбление.

Второе требование предусматривало полную эвакуацию Россией Маньчжурии. В свою очередь Япония обязывалась возвратить Маньчжурию Китаю, но при условии установления там хорошей администрации. Это требование, очевидно, было рассчитано на то, чтобы обеспечить Японии постоянный повод для вмешательства в дела «возвращаемых» Китаю провинций. Обе договаривающиеся стороны должны были обязаться «не препятствовать никаким мерам, которые будут общими для всех наций и которые Китай предпримет для торгового и промышленного развития Маньчжурии». Этот пункт (четвертый) был включен японцами ради обеспечения благоволения американского империализма. Он содержал то немногое, что осталось от первоначальных замыслов Рузвельта относительно нейтрализации Маньчжурии под совместным контролем великих держав.

Далее следовали требования об уступке Россией Японии острова Сахалин (п. 5), арендных прав на Порт-Артур и Дальний с окрестной территорией, железной дороги Харбин — Порт-Артур, об обязательстве России использовать северную линию КВЖД (на Владивосток) исключительно для коммерческих, т. е. невоенных, целей (п. 6—8). Далее японское правительство требовало, чтобы Россия возместила Японии издержки войны, сумма которых не была, однако, названа (п. 9).

За понятием «возмещение издержек» скрывалось требование контрибуции. Россия должна была сдать Японии все корабли, интернированные в нейтральных портах (п. 10), ограничить свои военно-морские силы в водах Дальнего Востока (п. 11) и предоставить, без взаимности, японским подданным права рыбной ловли вдоль побережья русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом (п. 12). Это были грабительские условия. Из первоначальных японских притязаний отпало разоружение Владивостока.

12 августа 1905 г. Витте сообщил японцам ответ русской делегации. Принимались (с оговорками) все их требования, за исключением четырех: о Сахалине, о денежном возмещении, ограничении военно-морских сил на Тихом океане и о выдаче интернированных кораблей. «Россия не побеждена», — заявил Витте. Она не станет платить контрибуции и не уступит своей земли.

Южно-Маньчжурскую дорогу русская сторона готова была отдать не до Харбина, как этого требовали японцы, а только в той части, которая фактически была захвачена ими. Относительно Кореи Витте попытался включить оговорку: те меры руководства и контроля, которые Япония будет принимать в этой стране, не должны наносить ущерба суверенным правам корейского императора. Кроме того, эти меры не должны заключать угрозы для безопасности соседней русской территории. После этого заседание было прервано, дабы японская делегация смогла внимательнее ознакомиться с русскими условиями.

По вопросу о Корее японцы приняли предложение Витте о безопасности границы, оговорив только, что обязательство на этот счет будет взаимным. Но они решительно отказались упомянуть о суверенитете императора. Сошлись на том, что в протоколе конференции будет записано, что меры, ограничивающие суверенитет Кореи, будут Японией приниматься не иначе, как с согласия корейского правительства! Было хорошо известно, какими беззаконными методами насилия японское правительство умеет получать от правительства Кореи согласие на все, чего только Япония захочет. Впрочем, судьба Кореи уже была предрешена ранее соглашениями, заключенными Японией с Англией и США, — вторым англо-японским договором о союзе и соглашением Тафт — Кацура.

Последующие условия были согласованы без большого труда. Русская делегация настояла на своем в вопросе о конечном пункте передаваемой железнодорожной линии: она была уступлена японцам не до Харбина, а только до Чанчуня.

Трудности начались 15 августа, когда конференция перешла к рассмотрению судьбы Сахалина. Следует учитывать, что конференция работала в обстановке продолжавшихся военных

действий: японцы отказались заключить перемирие[1]. В июле они высадили войска на Сахалине. Витте заявил, что Россия не уступит этого острова. Решено было отложить этот спорный вопрос и перейти сначала к таким, по которым соглашение легко может быть достигнуто.

Такое решение было весьма удачным дипломатическим ходом Витте: если бы договориться о мире не удалось, то России было выгоднее, чтобы переговоры сорвались именно из-за наиболее агрессивных и наглых требований Японии при наличии уже достигнутого согласия по возможно большему числу статей.

Без особых трудностей были согласованы постановления о передаче Японии Порт-Артура и Дальнего — с формальной оговоркой о необходимости получить на это согласие Китая, о КВЖД, о рыболовных правах японских подданных. Русская делегация легко согласилась на последнее требование, даже не попытавшись придать этим правам характер взаимности, т. е. обеспечить и для русских аналогичные возможности рыбной ловли в японских водах.

Остались спорные вопросы — о Сахалине, о контрибуции (именуемой «возмещением»), об ограничении военно-морских сил России, о выдаче интернированных кораблей. В этих вопросах русская делегация не уступала. Витте ловко использовал американскую печать, с которой сумел завязать интенсивные связи. Он активно готовился возложить на Японию всю ответственность за срыв переговоров перед мировой общественностью. Витте инспирировал сообщения о том, что конференции грозит срыв из-за притязаний Японии на чужую территорию и на грабительскую контрибуцию.

Во время конференции общественное мнение США заметно охладело к Японии. Это было вызвано не столько распространившимся сознанием агрессивной природы ее требований, сколько страхом перед усилением нового и опасного империалистического конкурента Америки на Дальнем Востоке. Поворот в общественном мнении начался в тихоокеанских штатах и быстро распространился с запада на восток. Этот поворот создал, конечно, не Витте, однако русский дипломат очень умело его использовал и содействовал его усилению. Витте искусно разыгрывал роль человека демократических взглядов и манер: он жал руку паровозному машинисту, который его вез, охотно и много общался с журналистами и т. д. Напротив, японские делегаты держали себя чопорно и замкнуто.

---

[1] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 689/731, л. 6. Депеша Розена № 3 от 14(1) июля 1905 г.

На заседании 18 августа 1905 г. Комура выступил с предложением компромисса: Япония откажется от притязаний на ограничение морских сил России и на выдачу интернированных кораблей. Но за это русские должны выразить готовность решить «в примирительном духе» вопросы о Сахалине и о денежном возмещении [1].

Выслушав это, Витте удалил секретарей, и около часу четверо уполномоченных проговорили одни. Результаты этого секретного совещания были отрицательные: японская делегация выразила, правда, готовность «отказаться» от уплаты военных издержек, но при условии, что Японии будет уступлена южная половина Сахалина и что за сохранение северной части острова Россия выплатит Японии колоссальную сумму — один миллиард двести миллионов иен, что по курсу составляло приблизительно такое же количество рублей. Нетрудно видеть, что японцы теперь протаскивали требование контрибуции под видом уплаты за Северный Сахалин. Предложение Комура было продиктовано финансовой нуждой. Японии необходимы были деньги и она вознамерилась получить их с России. Витте платить отказался наотрез. Конференция зашла в тупик.

В тот же день, 18 августа 1905 г., американский президент предпринял вмешательство в русско-японские переговоры. Он пригласил в свою летнюю резиденцию Ойстер-бэй посла Розена — второго русского уполномоченного на мирной конференции. Рузвельт принялся убеждать его в необходимости отдать Японии Сахалин. Вопрос же о денежном возмещении он советовал передать на предварительное заключение двух лиц, из которых одно было бы представителем страны, дружественной России, а другое — страны, дружественной Японии. Мотивированное совместное заключение этих двух персон было бы потом рассмотрено обоими правительствами — тоже совместно. Все это заняло бы много времени; по мнению Рузвельта, было маловероятным, чтобы Япония решилась на возобновление войны явно из-за одних только денег.

Иначе говоря, Рузвельт хотел, чтобы Россия отдала весь Сахалин в обмен всего лишь за отсрочку решения вопроса о контрибуции. При этом русская делегация должна была бы отказаться от своей принципиальной позиции — категорического отказа что-либо платить (кроме возмещения за содержание военнопленных).

Оба предложения, и Комуры и Рузвельта, были переданы русской делегацией в Петербург по телеграфу. 22 августа 1905 г. оттуда пришло в Портсмут указание о прекращении перегово-

---

[1] «Протоколы Портсмутской мирной конференции». Спб., 1906, стр. 61.

ров ввиду безнадежности довести их до удовлетворительного завершения [1].

Японское правительство тоже стояло перед трудным вопросом: продолжать ли войну ради контрибуции и захвата острова Сахалин? Правительство неоднократно обсуждало создавшееся положение. 22 и 23 августа Рузвельт направил одно за другим два письма барону Канэко, японскому финансовому агенту и руководителю японского бюро печати в Соединенных Штатах. Барон руководил японской пропагандой в США и пользовался в Токио значительным влиянием. Президент настаивал, чтобы Япония отказалась от контрибуции. «По поводу продолжения войны из-за удержания Сахалина, — писал Рузвельт Канэко 23 августа, — я не говорю. Это, мне кажется, было бы правильным. Но я говорю о продолжении войны ради получения от России крупной суммы денег, что было бы, по моему мнению, неправильным» [2]. Президент просил Канэко передать его мнение японскому правительству.

В США имелись опасения по поводу того, что Япония затратит полученные с России деньги на усиление своего флота, которого в Америке стали побаиваться. «В Америке, — сообщал Витте 17 августа 1905 г., — серьезные люди и газеты признают требование уплаты расходов войны неправильным. Что же касается Сахалина, то, по-видимому, общественное мнение склонно признавать... что Японии... трудно будет отказаться от того, что приобретено успехами ее флота» [3].

Сами японцы, видимо, предпочитали обратное — лучше отказаться от Сахалина, чем от денег, если уже не удавалось получить и то и другое. Об этом говорил премьер Кацура английскому послу в Токио [4].

Двумя днями позже, 25 августа, на Японию было оказано и другое воздействие, еще более эффективное, чем демарш американского президента. Банкир Якоб Шифф направил Такахире многозначительное письмо. Шифф предупреждал, что в случае, если война будет продолжаться, Россия сможет ис-

---

[1] «Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора («Оранжевая книга»)». Спб., 1906, док. № 147, стр. 167—168; АВПР, фонд «Справочник», д. № 44, л. 154—155. Отчет секретаря Портсмутской конференции Плансона.

[2] АВПР, фонд Секретный архив, д. № 689/731, л. 25—29, 31—33. Копии писем Рузвельта Канэко от 22 и 23 августа 1905 г. Письма опубликованы в кн.: *T. Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese war. N. Y., 1925, p. 268—269, 274—275.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, «Портсмут», д. № 91, л. 354. Телеграмма Витте от 17 (4) августа 1905 г.

[4] «British Documents», vol. IV, № 95, 96, p. 102—104; *Б. А. Романов.* Портсмутская мирная конференция. «Исторические записки», 1954, № 46, стр. 107.

пользовать свой огромный золотой запас. С другой стороны, банкир выражал опасение, что денежные рынки Америки, Англии и Германии не склонны будут дальше финансировать Японию в сколько-нибудь значительном размере [1].

В те же дни Рузвельт еще раз оказал давление на царское правительство, стараясь склонить его к уступкам. 22 августа, в тот же день, когда президент отправил письмо Канэко, он передал Витте послание Николаю II. Одновременно он сообщил текст своего послания по телеграфу послу Мейеру, поручив ему лично вручить текст царю. Президент настойчиво советовал Николаю принять японское предложение — уступить половину Сахалина и уплатить возмещение за сохранение другой половины. Без флота, доказывал Рузвельт, Южного Сахалина все равно не вернуть. Затяжка войны, уверял он, может стоить России потери Восточной Сибири. Так запугивал Рузвельт царя.

Вслед за этой телеграммой 24 августа президент направил Витте вторую: он разъяснял, что в его предложении речь идет не о возмещении военных издержек, а о выкупе территории.

Всей этой бурной деятельности Рузвельту показалось недостаточно. Он в тот же день еще раз телеграфировал Мейеру, поручая сообщить царю, что согласно американскому предложению размер возмещения пока остается неопределенным. Мир может быть заключен при наличии одного лишь принципиального согласия России что-то уплатить. Определение «разумной» суммы будет делом уже последующих переговоров.

Рузвельт и на этом не успокоился. 26 августа Мейер получил новую телеграмму — все о том же. Следуя велению президента, посол потребовал новой аудиенции у царя. На этот раз Ламздорф не вытерпел и отказал назойливому американцу.

Таким образом, советуя японцам отказаться от своих денежных домогательств, Рузвельт одновременно с необычной настойчивостью требовал от царского правительства согласия на уплату денег Японии [2].

О чем говорила вся эта беспокойная и, казалось бы, противоречивая деятельность президента? Она свидетельствовала о том, что дальнейшая затяжка войны с точки зрения правительства США стала нежелательной и что соображения престижа заставляли Рузвельта заботиться об успехе его посредничества.

[1] *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 566—567.

[2] «Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора», док. № 163, 165, стр. 179—181; АВПР, фонд «Справочник», д. № 44, л. 168—170, Отчет Плансона.

Но каковы же были результаты давления, оказанного Рузвельтом? 23 августа 1905 г. Николай II принял американского посла — дело было, следовательно, еще до получения второй телеграммы президента. Сначала царь в беседе с наседавшим на него послом занял непримиримую позицию. Николай заявил, что он публично обязался не платить контрибуции и не уступать земли. Около двух часов собеседники горячо спорили. И в конце концов Николай трусливо сдался по вопросу о Сахалине. Царь дал согласие американскому послу отдать врагу русскую землю.

На уплату японцам каких-либо денег, кроме содержания военнопленных, согласия с русской стороны не последовало. Поток рузвельтовских телеграмм в этом смысле оказался безрезультатным.

В инструкциях японским уполномоченным Сахалин не значился в числе требований, абсолютно обязательных. Его поручалось добиваться лишь в зависимости от обстановки. Ясно, что если бы царь и его дипломаты проявили должную выдержку, то можно было бы Сахалин отстоять. Но антинародный царский режим был неспособен защищать интересы страны.

Согласятся ли японцы заключить мир без контрибуции? Вот в чем заключался теперь основной вопрос.

26 августа утром Витте приказал секретарю делегации расплатиться за гостиницу в предвидении отказа японцев. Возможно, что это было со стороны Витте рассчитанным дипломатическим жестом в целях демонстрации решимости покинуть Портсмут, более ни в чем не уступая. На заседании этого дня Витте объявил японским уполномоченным об отказе от дальнейших уступок. Японцы попросили отложить дальнейшие переговоры на два дня.

В Токио вследствие разницы во времени телеграмма Комура с сообщением о последнем слове русской делегации прибыла уже 27 августа. Тотчас же было созвано заседание правительства и совета генро. Оно затянулось до поздней ночи. Принято было решение не настаивать на уплате контрибуции. На следующий день в присутствии императора собралось объединенное совещание совета генро, правительства и высшего командования. Это высокое собрание согласилось с решением правительства. Соответствующая инструкция была тотчас же послана Кацуре в Портсмут [1].

Утром 29 августа возобновилась работа конференции. Этого заседания с напряжением ожидали во всем мире. Печать была полна самых разнообразных прогнозов. Едва открылось засе-

---

[1] *Л. Н. Кутаков.* Портсмутский мирный договор. М., 1961, стр. 72—73, 76.

дание, как японская делегация сообщила о принятии последних русских предложений: уступка половины Сахалина и полный отказ от выплаты денег, за исключением только обоюдного возмещения за содержание военнопленных, на что было дано согласие с самого начала переговоров.

После этого стороны договорились о взаимной гарантии свободы плавания в Лаперузовом и Татарском проливах. Несколько дней ушло на работу экспертов по редактированию договорного текста. 5 сентября 1905 г. Портсмутский мирный договор был подписан уполномоченными России и Японии.

Его содержание уже ясно из изложения тех переговоров, результатом которых он явился. Россия признавала Корею сферой исключительного влияния Японии. Ст. 2 Портсмутского договора гласила: «Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почесть необходимым принять в Корее» [1].

Ст. 3 содержала взаимное обязательство о полной и одновременной эвакуации Маньчжурии обеими сторонами и ее возвращении в «исключительное управление Китая» — кроме Ляодунского полуострова.

Согласно ст. 5 Россия уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, а по ст. 6 — Южно-Маньчжурскую железную дорогу от Чанчуня до Порт-Артура. Тем самым Южная Маньчжурия фактически оказывалась сферой влияния Японии. Ст. 7 Портсмутского мирного договора гласила: «Россия и Япония обязуются эксплуатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических». Россия уступала Японии южную часть Сахалина по 50-ю параллель (ст. 9). На Сахалине обе стороны обязывались не возводить укреплений и не препятствовать свободному плаванию по обоим омывающим остров проливам. Согласно ст. 11 Япония навязывала России заключение рыболовной конвенции: «Россия обязуется войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом. Условлено, что такое обязательство не затронет прав, уже принадлежащих русским или иностранным подданным в этих краях».

---

[1] «Сборник договоров России с другими государствами», № 57, стр. 338.

Русско-японская война началась нападением Японии, но велась обеими сторонами за империалистические цели — за долю в грабеже Китая и Кореи. Завершилась она миром тоже грабительским и империалистическим. По Портсмутскому договору победивший японский империализм ограбил не только те страны Дальнего Востока, за эксплуатацию которых он боролся с царской Россией, но и побежденного империалистического соперника. Тяготы войны пали, конечно, на народы России.

Оценку Портсмутского мира дал Н. С. Хрущев в письме к Икэда: «В 1904 г. Япония вероломно напала на Россию, развязала войну, причинила много горя русскому народу, отторгла у России половину Сахалина и навязала ей тяжелые, грабительские условия Портсмутского мирного договора. Этими своими действиями Япония нарушила договоры, заключенные с Россией в 1855 и 1875 годах, и тем самым лишила себя права ссылаться на них» [1]. Японские империалисты уничтожили правовую основу, на которой зиждился суверенитет Японии над другой русской землей — Курильскими островами.

В. И. Ленин дал замечательную характеристику русско-японской войны и ее исхода: «Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну... Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению» [2].

Заключение мира, казалось, открыло царской России возможность получить крупный заем. 13 сентября царский министр финансов обратился к Парижско-Нидерландскому банку с просьбой о размещении займа.

Вместе с тем царским правительством делались попытки освободиться от монополии французского денежного рынка. Тотчас по прибытии в Америку Витте установил связи с Морганом и Вандерлипом. Из Портсмута обратно в Нью-Йорк он прибыл в специальном поезде, любезно предоставленном Морганом. Как видно, уже завязались тесные деловые контакты!

В Нью-Йорке Витте снова встретился с Морганом. Витте спросил, как тот смотрит на размещение в США русского займа.

— Сколько? — лаконично спросил банкир.

— Около четырехсот миллионов долларов, — не моргнув глазом ответил Витте.

— Нет, — заявил Морган. — Американская публика должна сначала привыкнуть к русским бумагам. Для начала заем должен носить международный характер.

---

[1] «Международная жизнь», 1962, № 1, стр. 5.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 9, стр. 158.

Морган все же изъявил готовность разместить в Америке облигации на сумму от 50 млн. до 100 млн. долл.

Витте выразил сомнение в возможности привлечь к такому международному займу наряду с Францией также и Германию ввиду сложившихся между ними напряженных отношений.

— Зато, — возразил Морган, — можно привлечь Англию.

— Это было бы, конечно, очень желательно, но по политическим соображениям вряд ли возможно, — усомнился Витте.

Но Морган предложил свои услуги: «Я готов взять на себя соглашение с английскими банкирами» [1].

После заключения мира высшие представители финансовой олигархии — и не одной только Франции — направились в Петербург для совершения сделки по предоставлению займа царизму — сделки мировой реакции против русской революции. В числе других в Петербург прибыл лорд Ревельсток, директор банка «Братья Бэринг». Для царского правительства впервые после долгих лет открывался денежный рынок Лондона — величайший денежный рынок того времени. Договориться, впрочем, не удалось. Банкиры прибыли на берега Невы в момент октябрьской всеобщей забастовки. В гостинице «Европейская» они сидели без электричества, при свечах. Царский трон шатался, и банкиры не решились доверить ему деньги. Главное же, французское правительство считало нужным повременить с займом до разрешения марокканского вопроса: острая нужда царизма в деньгах служила лучшим залогом, обеспечивавшим Франции его энергичную поддержку против Германии на предстоявшей конференции в испанском городе Альхесирасе.

Окончательно вопрос о займе был урегулирован только в марте 1906 г., когда директор Парижско-Нидерландского банка Нецлин вновь прибыл в Россию, а затем в апреле в Лондоне, в переговорах между французским банкиром Нецлином, Ревельстоком (дом Бэрингов) и Фишелем (представителем берлинского Мендельсона). Из 2250 млн. франков во Франции было размещено 1200 млн., т. е. более половины, в России — 500, в Англии — 330 млн., в Голландии — 55 млн.

«Европейский капитал спасает русское самодержавие, — писал В. И. Ленин. — Без иностранных займов оно не могло бы держаться» [2].

Морган, однако, своего слова не сдержал. Он уклонился от участия в займе. Германские банки от участия в займе отказались по требованию правительства. Мендельсон был весьма

---

[1] *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 576.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 9, стр. 372.

опечален, что из рук уплыло прибыльное дело. «Месть за Альхесирас и за сближение с Англией» [1], — заявил Витте по поводу позиции, занятой германским правительством.

Расплачиваться за победу японского империализма пришлось не только русскому, но и китайскому народу, не говоря уже о корейском. Цинское правительство признало все постановления грабительского Портсмутского договора, включая переход к Японии аренды Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Южно-Маньчжурской железной дороги. Правительство сделало это по договору с Японией от 22 декабря 1905 г. По дополнительному соглашению, подписанному в тот же день, цинское правительство соглашалось на постройку Японией железной дороги от устья реки Ялу до Мукдена. Оно обязывалось открыть в Маньчжурии 16 городов для международной торговли, включая Гирин, Харбин, Хайлар и Айгун.

Это постановление широко «открывало двери» в Маньчжурию для иностранного капитала. Но кто же мог лучше всех воспользоваться этой дверью? Американцы были уверены, что именно они. В Японии на этот счет придерживались иного мнения, но до поры до времени о нем помалкивали. Как указывал русский посол в Вашингтоне, Япония «благодаря своему географическому положению и дешевизне рабочих рук поставлена в условия, обеспечивающие за произведениями ее промышленности всякие преимущества в борьбе за завладение маньчжурским рынком» [2].

Была создана компания Южно-Маньчжурской железной дороги для эксплуатации перешедших к Японии русских железных дорог, угольных копей и других предприятий в Южной Маньчжурии. Компания обладала широкими правами в полосе отчуждения. Акции ее могли находиться только в руках либо японского, либо китайского правительств или граждан этих же стран. Роль Китая на деле была номинальной. Японское правительство предоставляло компании половину акционерного капитала и обладало широкими правами по контролю над ее деятельностью [3].

---

[1] «Русские финансы и европейская биржа», № 179, стр. 298; *Б. А. Романов.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 633 и вся гл. 17; *Э. М. Розенталь.* Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960, стр. 164—182, 199—215.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1905 г., д. № 122, ч. 1. Депеша Кассини № 53 от 22 (9) декабря 1905 г.

[3] *J. V. A. MacMurray.* Treaties and agreements with and concerning China, vol. I, p. 549—565.

Ленин о русско-японской войне

Период русско-японской войны был важным этапом в выработке самостоятельной внешней политики революционного пролетариата. На Амстердамском конгрессе II Интернационала в 1904 г. состоялась замечательная демонстрация пролетарского интернационализма: произошел обмен рукопожатиями между Плехановым и Сен-Катаяма. Конгресс направил приветствия русским и японским рабочим. Однако предметом углубленного рассмотрения вопрос о русско-японской войне на конгрессе не стал.

В рядах социал-демократических партий имелись смелые борцы против войн. Гед, Бебель, Р. Люксембург выступали с революционным протестом против империалистической политики. Карл Либкнехт уже вынашивал свою книгу «Милитаризм и антимилитаризм», вышедшую в свет немногим позже (в начале 1907 г.). Взгляды К. Либкнехта, Р. Люксембург и ряда других деятелей рабочего движения, несмотря на их серьезные ошибки, приближались к революционно-пролетарской интернационалистической точке зрения на милитаризм и войны.

Но преобладал в партиях II Интернационала мелкобуржуазный пацифистский подход к вопросам международной политики. Представители же ревизионизма и других правооппортунистических течений скатывались на националистическую, социал-шовинистическую позицию. Амстердамский конгресс II Интернационала продемонстрировал усиление позиций оппортунизма в вопросах войны, милитаризма и колониализма. Так, по вопросу о колониальной политике в Амстердаме была принята реформистская резолюция Ван-Коля, призывавшая лишь к более культурной эксплуатации колоний и откладывавшая задачу их освобождения на неопределенное будущее.

Во время русско-японской войны Ленин развил и углубил взгляды большевиков на войну и империалистическую политику. Ленин рассматривал войну как империалистическую и грабительскую с обеих сторон. Он решительно отверг вульгарно-пацифистский подход к войне меньшевиков и большей части лидеров II Интернационала. Поражение царизма означало для Ленина в международном плане приближение пролетарской революции: «катастрофа правящей и командующей России» «означает гигантское ускорение всемирного капиталистического развития, ускорение истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата». Вывод Ленина из событий русско-японской войны гласил: «Да, европейской буржуазии есть чего пугаться. Пролетариату есть чему радоваться» [1].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 9, стр. 152.

Ленин обращал внимание и на другую сторону дела — на отношения Европы и Азии, как они проявились в русско-японской войне: «Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освященное исконное право на эксплуатацию азиатских народов». Поражение России — это «удар, нанесенный всей реакционной Европе»[1]. Ленин подчеркивал, что русско-японская война и русская революция разбудили народы Азии, подняв их на борьбу за национальное освобождение. За этой борьбой русские большевики с самого начала следили с величайшим сочувствием и вниманием.

Для самой России военный крах самодержавия был признаком «крушения всей нашей политической системы». «Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле, своей кровью, расплачиваться за самодержавие. Своей глупой и преступной колониальной авантюрой, — писал Ленин, — самодержавие завело себя в такой тупик, из которого может высвободиться только сам народ и только ценой разрушения царизма»[2]. Большевики выдвинули лозунг поражения правительства своей страны в империалистической войне[3]. Поражение царизма приблизило революцию.

Меньшевики в своем отношении к русско-японской войне скатились на позиции либеральной буржуазии. После войны в вопросах внешней политики они продолжали следовать за кадетами. Ленин настаивал на необходимости бороться не только против политики царского правительства, но и против политики либеральной буржуазии, как внешней, так и внутренней, беспощадно разоблачая ее классовую сущность.

Ленин развивал тактику революционного пролетариата по отношению к империалистической войне, намеченную им еще в связи с народным восстанием в Китае. «Революционный пролетариат должен неутомимо агитировать против войны», — писал Ленин. Но «банальными фразами о мире à la Жорес не поможешь угнетенному классу, который не отвечает за буржуазную войну между двумя буржуазными нациями, который все делает для свержения всякой буржуазии вообще»[4]. Ленин указывал, что продолжение войны с Японией «приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу»[5].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 9, стр. 152.
[2] Там же, стр. 155.
[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза». Госполитиздат, 1962, стр. 80.
[4] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 9, стр. 157—158.
[5] Там же, стр. 158.

Ленин, как и в дни «боксерского восстания», подчеркивал необходимость для революционного рабочего движения классового подхода к вопросам внешней политики, вопросам войны и мира. «Пролетарская постановка вопроса о мире, — писал он, — также неизбежно поэтому отличается и должна отличаться от буржуазно-демократической постановки этого вопроса, как это имеет место и по отношению к свободной торговле, к антиклерикализму и т. п.» И Ленин делал вывод: «Нельзя ставить лозунга «мир во что бы то ни стало», а лишь мир вместе с падением самодержавия...» [1].

Влияние большевистских взглядов на вопросы войны и мира уже тогда распространилось за пределы рабочего класса России и передовой русской интеллигенции. Это влияние перешагнуло границы России и вышло на международную арену. Об этом свидетельствует, например, роль В. И. Ленина в выработке резолюции по вопросу «о милитаризме и международных конфликтах» на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 г. Эта резолюция значительно превосходит по своему политическому уровню резолюцию о милитаризме, принятую Парижским конгрессом 1900 г., а также и все то, что говорилось на близкие темы на конгрессе 1904 г. в Амстердаме. Поправки В. И. Ленина (и Р. Люксембург) к проекту, внесенному Бебелем, предлагали «стремиться всеми средствами к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народных масс и ускорить падение капиталистического классового господства». В. И. Ленин решительно отверг в Штутгарте оборончество и буржуазный пацифизм Жореса. Он отверг также и догматизм Геда, отказывавшегося от борьбы против войн под предлогом, что войны все равно неизбежны, пока существует капитализм. Это последнее положение было правильным для своей эпохи. Но Гед не понимал, что неизбежность войн является следствием именно тогдашней слабости и недостаточной активности международного пролетариата и других антиимпериалистических сил. Не понимая этого, он готов был обречь пролетариат на пассивность, которая не позволила бы ему преодолеть эту слабость. Не менее энергично отклонял В. И. Ленин и «левые» фразы Эрве, а также его нигилистическое пренебрежение к судьбам своего отечества. Пролетариату, писал В. И. Ленин, «не могут быть безразличны и судьбы его страны» [2]. Ленин показал, что классовые интересы пролетариата совпадают с подлинными интересами всего народа.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 9, стр. 373—374.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 17, стр. 190.

Обострение империалистических противоречий и усиление угрозы войны в начале нашего века привели к огромному возрастанию значения международных проблем для рабочего класса. И Ленин звал рабочих овладеть тайнами международной политики.

Альхесирасская конференция

Важным результатом марокканского кризиса и провала Бьёркского договора явилась изоляция Германии. Германское правительство и его дипломатия убедились в провале Бьёркского договора, своей попытки разрушить франко-русский союз и оторвать Францию от Англии посредством ее включения в континентальный блок. Когда в Берлине это поняли, нажим на Францию был возобновлен.

Использовали снова тот же марокканский вопрос. В «Крейццайтунг» была опубликована инспирированная статья империалистического публициста историка профессора Шимана. В ней развивалась мысль, что если Англия начнет войну и уничтожит германский флот, то Франция сыграет роль заложника: с нее Германия сумеет взыскать возмещение за нанесенный ей ущерб. Изобретателем «теории заложника» был Гольштейн. Во французской печати поднялась кампания против «шиманизма» — так окрестили в публике идеи этой статьи.

В декабре 1905 г. начальник германского генерального штаба Шлиффен представил кайзеру докладную записку, в которой развивал новый вариант своего известного плана вторжения во Францию через Бельгию. Теперь он выделял всего лишь 10 германских дивизий на Восточный фронт. Шлиффен имел в виду временную слабость России. Он считал, что в связи с этим наступил наиболее подходящий момент для войны против Франции. Гольштейн по-прежнему был совершенно солидарен с мнением фельдмаршала. «Мы должны были, — говорил Гольштейн, — со всей энергией и решительностью, не отступающей даже перед самым крайним средством, попробовать прорвать кольцо раньше, чем другие державы окончательно сомкнут его вокруг нас» [1].

В январе 1906 г. разыгрался финал марокканского кризиса. В согласии с договоренностью, достигнутой в июле 1905 г. между Германией и Францией, в Альхесирасе собралась конференция участников Мадридского договора. Конференция собиралась в тревожной обстановке: ее участники подозревали, что Германия доведет переговоры до разрыва и, может быть, до войны.

Но вскоре же выявилось обстоятельство, крайне тревожное

---

[1] *O. Lancken-Wakenitz.* Meine dreissig Dienstjahre, S. 56—57. *P. Rassow,* Schlieffen und Holstein. Hist. Ztshr., кн. 172, 1952.

для Германии: она оказалась изолированной. Не только Англия, но и США поддерживали Францию. За Францией стояла Россия. Она много содействовала успеху своей союзницы в марокканском конфликте. Италия, формально остававшаяся членом Тройственного союза, в соответствии с франко-итальянским соглашением 1900 г. стала на сторону Франции. Лишь одна Австро-Венгрия поддерживала Германию. Да и та делала это вяло и неохотно.

При такой международной обстановке Бюлов и кайзер не решились начать войну, тем более что война из-за Марокко была бы заведомо непопулярна в Германии. Изобразить ее в качестве оборонительной было бы чрезвычайно трудно. Бюлов сообщает в своих мемуарах содержание письма, которое Вильгельм II прислал ему к рождественским праздникам 1905 г. В письме этом кайзер заявлял, что «не хочет войны до тех пор, пока не будет заключен союз с Турцией», а также «со всеми арабскими и мавританскими государями... Но главное, — продолжает Бюлов изложение монаршего послания, — из-за наших социалистов мы не можем взять в стране ни одного человека, если нет самой крайней опасности для жизни и имущества граждан». Отсюда кайзер делал свой вывод: «Сначала перестрелять, обезглавить, обезвредить социалистов, если нужно, с помощью кровопролития, и тогда — внешняя война, но не раньше и не сейчас!» [1]

В последние дни декабря 1905 г. Вильгельм II уволил Шлиффена. Несколько позже должен был уйти в отставку и Гольштейн. Он отомстил Вильгельму на свой лад: через журналиста Максимилиана Гардена он разоблачил противоестественные пороки, царившие в интимном кружке ближайшего друга кайзера графа Филиппа Эйленбурга.

Конференция закончила свою работу 7 апреля 1906 г. подписанием трактата, определявшего положение марокканского государства. Трактат устанавливал независимость султана, «целостность его государства», «свободу и полное равенство» в Марокко для всех наций в экономическом отношении. В соответствии с этим Марокканский государственный банк создавался под контролем иностранных банков: Английского («Bank of England»), Банка Франции, германского Рейхсбанка и Испанского государственного банка. Наиболее острый спор шел из-за организации полиции в Марокко. Германия не хотела отдавать в руки Франции контроль за поддержанием внутреннего порядка в стране. Немцы грозили было разрывом, но, оказавшись в изоляции, не могли помешать тому, что Франции и Испании — каждой в своей зоне — было поручено фактическое руко-

[1] *B. Bülow.* Denkwürdigkeiten, Bd II, S. 198.

водство марокканской полицией. «В помощь султану, — гласил Альхесирасский трактат, — для устройства... полиции будут командированы в его распоряжение соответствующими правительствами испанские и французские офицеры и унтер-офицеры, инструкторы». Правда, в порядке уступки немцам, в качестве верховного контролера над марокканской полицией был поставлен швейцарский офицер со званием генерального инспектора. Но на деле он не играл политической роли. Альхесирасский трактат устанавливал международный контроль над марокканскими таможнями. Однако на алжирской границе таможенный контроль переходил к одной Франции, а в Риффской области — к Испании.

Германии не удалось использовать благоприятную обстановку, создавшуюся вследствие ослабления царской России в 1904—1906 гг. Германская дипломатия не смогла ни оторвать Россию от Франции, ни расстроить англо-французскую Антанту. Наоборот, в результате марокканского кризиса Антанта окрепла, хотя так и не приняла характера формального военного союза.

Военное сотрудничество Англии и Франции

С апреля 1905 г. между Англией и Францией завязались переговоры о военном сотрудничестве против Германии. В дни своей борьбы против Рувье Делькассе ссылался на обещание лорда Ленсдауна оказать Франции военную помощь. Но в декабре 1905 г. в Англии пал консервативный кабинет и к власти пришли либералы; статс-секретарем Форинофис вместо Ленсдауна стал Эдуард Грей. Это обстоятельство породило сомнение относительно дальнейшего курса английской политики.

10 января 1906 г. французский посол в Лондоне Поль Камбон в связи с приближением Альхесирасской конференции запросил Грея, гарантирует ли он Франции английскую военную помощь «в случае агрессии Германии против Франции». Грей ответил, что если возникнет война, то английское общественное мнение будет настроено в пользу Франции, однако формальную гарантию он дать не в состоянии. Тогда Камбон попросил хотя бы начать переговоры между генеральными штабами; он доказывал, что нужно заранее подготовиться в военно-техническом отношении на тот случай, если Англия все же решится вступить в войну [1].

В ближайшие дни Грей переговорил с военным министром Холденом. Тот дал указание английскому генеральному штабу начать переговоры с французским военным атташе [2]. Велись эти переговоры в строжайшей тайне. Сам английский премьер

[1] «British Documents», vol. III, № 210, p. 170—171; *E. Grey of Fallodon.* Twenty years, vol. I. London, 1925, p. 77 ff.

[2] «British Documents», vol. III, № 214, p. 176—177.

Кэмпбелл-Баннерман не был о них полностью информирован. В результате в нескольких памятных записках в течение января — марта 1906 г. было зафиксировано, что если Англия вступит в войну, то она переправит во Францию в качестве первого эшелона всего четыре дивизии. Были определены сроки и способы перевозки и нанесены на карту рубежи, предназначенные для развертывания британских экспедиционных сил. 18 января 1906 г. английский генеральный штаб с разрешения Грея и Холдена начал аналогичные переговоры с бельгийским генеральным штабом [1].

Переговоры с Францией и Бельгией велись британской дипломатией весьма своеобразно. Стороны разрабатывали подробные планы военного и морского сотрудничества. Но планы эти принимались Греем с оговоркой, что в силу они войдут только в том случае, если это признает необходимым британский кабинет. Категорического обязательства воевать англичане на себя не брали, ссылаясь на невозможность дать его без санкции парламента. Эта линия поведения являлась продуманным дипломатическим приемом, который был рассчитан на то, чтобы создать во Франции некоторую неуверенность в позиции Англии. Таким образом, английский кабинет приобретал лишний рычаг для давления на своего французского «сердечного» друга. Вместе с тем для Англии обеспечивалась и возможность ускользнуть от сотрудничества с Францией, если бы она нашла это целесообразным. Как ни старался Камбон добиться от Грея заключения союзного договора, достигнуть этого он не смог.

20—21 апреля 1906 г. состоялась встреча начальников французского и русского генеральных штабов. Их совещания регулярно созывались в 90-х годах. После 1901 г. эти встречи прекратились в связи с маньчжурской авантюрой царизма, вызвавшей недовольство французов. Теперь они возобновились. В результате франко-русский союз все больше заострялся против главы враждебной коалиции: французы нажимали на русских, добиваясь, чтобы в случае войны максимальное число русских войск было сразу брошено против Германии. Против Австро-Венгрии Россия, по мнению французов, должна была направить возможно меньшее количество сил. В протоколе совещания 1906 г. было зафиксировано, что в случае мобилизации Германии Россия и Франция мобилизуются немедленно и автоматически, как это было предусмотрено в конвенции 1893 г. Но в случае мобилизации одной Австро-Венгрии или Италии (без Германии) для мобилизации России и Франции, согласно этому протоколу, требовалось предварительное соглашение между ними. От постановлений 1901 г., предусматривав-

[1] «British Documents», vol. III, № 221, p. 186—188 ff.

ших совместные действия против Англии, французы теперь отказались. Французский генеральный штаб настаивал на скорейшем восстановлении военной мощи царской России, пострадавшей в результате войны и революции [1]. Позже, 24 сентября 1908 г., когда в Париже снова состоялось совещание начальников генеральных штабов России и Франции, было решено, что в случае мобилизации Германии против Англии обе союзницы также мобилизуются [2].

Англо-русское соглашение

Соглашение с Францией английская дипломатия намеревалась дополнить договором с Россией. Эта задача была более сложной. Англо-русские противоречия были глубже англо-французских, и несколько попыток англо-русского сближения уже потерпели неудачу. Тем не менее по окончании русско-японской войны Англия сделала ряд шагов для установления сотрудничества с Россией.

Еще в 1905 г., особенно же на Альхесирасской конференции, английская дипломатия начала зондировать почву относительно возможности англо-русского соглашения. Вместе с Францией Англия приняла участие в займе, который в начале 1906 г. был предоставлен царскому правительству.

Русская революция 1905 г. укрепила английскую дипломатию в убеждении, что Англии нужно договориться с русским царизмом. Дальневосточный антагонизм между обеими державами был в известной мере притуплен японскими победами; соперничество на Ближнем Востоке также несколько ослабло: ведь у Англии и России оказался там общий враг в лице Германии. Прежнюю остроту сохраняли главным образом противоречия в Афганистане и Персии. Но английский империализм использовал русско-японскую войну и ослабление царизма для укрепления своих позиций в этих странах и в юго-западной части Китая — в Тибете. В Тибет была снаряжена в 1904 г. военная экспедиция. Лхасса была временно оккупирована английскими войсками. Приход к власти либералов несколько облегчал соглашение с Россией, ибо оно давно составляло лозунг либеральной партии. Новый министр иностранных дел сэр Эдуард Грей вскоре же после своего назначения сообщил русскому послу о желании достигнуть соглашения по неразрешенным вопросам, интересующим обе страны [3]. 13 марта Ламздорф выразил желание получить английские предложения.

Вскоре в России тоже произошла смена министра. В мае 1906 г. Ламздорф вышел в отставку. В его лице с дипломатиче-

[1] См. *А. Зайончковский.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926, стр. 344—349.
[2] См. там же, стр. 175—176.
[3] «British Documents», vol. IV, № 204, p. 218.

ской сцены исчез политический деятель, который, опираясь на франко-русский союз, стремился балансировать между Германией и Англией и несколько настороженно относился к одностороннему сближению с последней. Вместо него был назначен Извольский, посланник в Копенгагене, вращавшийся во враждебной Германии датской придворной среде. Извольский был склонен к англо-русскому сближению. Он очень боялся новых осложнений с Японией, которая вела себя вызывающе, и стремился предотвратить их посредством соглашения с Англией. Новый министр надеялся, что сближение с ней проторит пути также и к улучшению отношений с ее дальневосточной союзницей.

На сближение с Англией царскую Россию толкал целый ряд факторов. Экономическая экспансия германского капитала на русском рынке усилилась после заключения торгового договора 1904 г., а вместе с тем усилились и антинемецкие течения в русской буржуазии. В том же направлении, что и немецкая конкуренция на русском рынке, действовало бурное развитие германского натиска на страны Востока. Натиск этот теперь, кроме Турции, распространился и на Персию. «Дейче Банк» выдвинул проект продолжения Багдадской дороги на Тегеран, что сильно тревожило широкие круги русской буржуазии, заинтересованной в персидской торговле. Большая часть буржуазии и часть дворянства, а вместе с ними кадетская и октябристская партии, а также «умеренно правые» поддерживали нового царского министра в его стремлении к сближению с Англией. При дворе Извольского поддерживала императрица-мать и ее сторонники. Немалое значение имело тесное сближение с Англией Франции — союзницы России. Невозможность обойтись без финансовой поддержки со стороны французского капитала являлась одним из важнейших факторов, тянувших Россию к Антанте.

Но наиболее реакционные дворянские круги во главе с большей частью придворной камарильи оставались противниками сближения с Англией и требовали ориентации на Германию. От соседней германской монархии они ждали помощи и вмешательства на случай нового подъема революции [1]. От Германии русские аграрии по-прежнему зависели в сбыте своих продуктов, хотя и меньше, чем в конце XIX в. ввиду происшедшего ослабления мирового аграрного кризиса. Все же зависимость от германского рынка оставалась обстоятельством, побуждавшим ладить с Германией. И наконец, Германская империя была самым опасным из всех возможных противников

[1] Об этом см. в кн.: *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906—1910 гг. М., 1961, гл. I.

России. Учитывая состояние царской России и ее армии после русско-японской войны и революции, с Германией надо было жить в мире. Это соображение сделало теперь сторонниками сближения с Германией или по крайней мере величайшей осторожности в отношениях с нею русские руководящие военные круги, ранее в большинстве своем решительно враждебные Германии.

Николай II, хотя и с колебаниями, поддерживал политику Извольского. Заключалась она в том, чтобы, проводя линию на сближение с Англией, постоянно оглядываться на Германию. Извольский старался сохранить с ней достаточно тесные связи, чтобы обеспечить определенную свободу маневра и выиграть время для восстановления сил. Особенно настаивал на осторожности и на сохранении мира Столыпин, ставший решающей фигурой в царском правительстве. Новый председатель совета министров, сменивший в 1906 г. Витте на этом посту, требовал проведения политики, которая обеспечила бы по крайней мере «двадцать лет покоя внешнего и внутреннего» [1].

В конце мая 1906 г. в Петербург прибыл новый английский посол А. Никольсон, которому предстояло сыграть важную роль в создании англо-русской Антанты. Вскоре после его прибытия начались англо-русские переговоры. Они касались раздела сфер влияния в Персии, Афганистана, Юго-Западного Китая — Тибета, а также вопроса о проливах. В отношении Персии торг шел главным образом о том, где проводить разграничительную линию между русской и промежуточной нейтральной зонами. Англичане хотели отнести эту линию к северу, русские — отодвинуть подальше на юг. Наиболее острые споры вызывало разграничение в Восточной Персии, в Сеистане и Хорасане, стратегически важных районах, составлявших подступы к Афганистану с запада.

Будучи вынуждена признать Афганистан сферой влияния Англии, русская дипломатия стремилась не дать Англии больше того, что та уже имела, — не позволить ей аннексировать Афганистан, ликвидировав его как государство. Ввиду этого русское правительство требовало включения в договор обязательства соблюдать в Афганистане status quo.

В переговорах был затронут также и вопрос о режиме черноморских проливов. На зондаж с русской стороны Грей сначала в туманных выражениях намекнул русским на возможность значительных уступок [2]. 14 апреля 1907 г. Извольский вручил Никольсону меморандум по этому вопросу. В нем содержалось резюме состоявшегося обмена мнениями, как его

[1] *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 51.

[2] «British Documents», vol. IV, № 268, p. 280.

понимало русское правительство. Оно «с удовлетворением» констатировало, что английское правительство не считает «неизменным положением своей политики» поддержание существующего режима проливов. Особое удовлетворение выражалось далее по поводу того, что Грей не сделал принципиальных возражений против предоставления русским военным кораблям исключительного права прохода через проливы в двух направлениях, в то время как военно-морские силы других государств не будут иметь права входить в Черное море. Русское правительство соглашалось с мнением, высказанным Греем в предшествовавших переговорах, что в подготовляемое англо-русское соглашение не следует включать постановлений о режиме проливов. Оно готово было отложить пересмотр этого режима «до более благоприятного времени» [1].

Ответный английский меморандум был вручен русскому послу в Лондоне Бенкендорфу 27 апреля 1907 г. Этот документ рассеивал некоторые иллюзии. В нем Грей указывал, что в настоящее время он вообще не в состоянии поддержать какое-либо определенное предложение о новом режиме проливов. Он только изъявил готовность рассмотреть те или иные предложения в будущем [2]. Но по Персии и остальным вопросам, хотя и с трудом, общий язык был все же найден. Правда, достигнуто это было в результате переговоров, продолжавшихся свыше года!

В марте 1907 г. состоялся визит русского флота в Англию, в Портсмут. Группа русских офицеров по приглашению короля приехала в Лондон; здесь им устроили теплую встречу. На спектакле, организованном для русских моряков, присутствовал Грей. Визит был публичной демонстрацией достигнутого сближения.

Англо-русские переговоры происходили одновременно с русско-японскими. Опасения Извольского в отношении Японии имели под собой серьезную почву. Переговоры о рыболовной конвенции и торговом соглашении, начатые на основе Портсмутского договора, протекали негладко. В начале 1907 г. они привели к резкому обострению русско-японских отношений. Японские рыбопромышленники бесчинствовали у русского побережья. Русских промышленников японцы всячески притесняли. Японцы без всяких оснований требовали для себя права свободного судоходства по Амуру и Сунгари, о чем в Портсмутском договоре вовсе не упоминалось. Япония медлила с эвакуацией Маньчжурии и даже, напротив, угрожающим образом сосредоточивала там новые подкрепления. В Петербурге боялись, что Япония использует бессилие России, чтобы

---

[1] «British Documents», vol. IV, № 265, p. 287—288.

[2] Ibid., № 268, p. 290—291; ср. примечание Фицмориса к № 265, стр. 288.

возобновить войну и отнять у нее дальневосточные владения. Извольский полагал, что соглашение с Англией будет лучшим способом добиться известных гарантий против Японии. Британский Форин-оффис тоже понимал, что необходимо обеспечить России тыл на Дальнем Востоке. Без этого ее зависимость от Германии была бы слишком большой. Нечего и говорить, что русскую армию без обеспечения тыла нельзя было бы использовать против Германии!

Однако Англия и Япония оставались союзниками. Английская дипломатия дорожила японской страховкой: как против России, так и на случай войны с Германией. У Англии были обширные интересы и владения на Дальнем Востоке, и в войне с Германией она никак не могла пренебрегать позицией Японии. Теперь Англии приходилось налаживать русско-японские отношения, дабы распространить страховку дальневосточных тылов и на возможного будущего русского союзника.

28 июля 1907 г. наконец состоялось подписание рыболовной конвенции и торгового договора; 30 июля 1907 г. было заключено русско-японское политическое соглашение. Публично обе стороны договорились о сохранении status quo. Но одновременно была заключена и секретная сделка: Япония признала Северную Маньчжурию (к северу от линии Хуньчун — озеро Биртэн — устье реки Нонни) сферой влияния России. Со своей стороны, царская Россия признала сферой Японии Южную Маньчжурию и Корею. Соглашение это внесло разрядку в русско-японские отношения. Опасения русского правительства за безопасность Владивостока, Приморья и КВЖД если и не были окончательно рассеяны, то все же они были ослаблены. Незадолго до заключения русско-японского соглашения состоялось соглашение между Японией и Францией (10 июня 1907 г.), также посвященное согласованию интересов на Дальнем Востоке.

Наконец 31 августа 1907 г. было заключено англо-русское соглашение. С русской стороны его подписал Извольский, с английской — посол в Петербурге А. Никольсон. Соглашение касалось Персии, Афганистана и Тибета. Персию разделили на три зоны: северную — русскую, южную (точнее, юго-восточную) — английскую и среднюю — нейтральную. Признавался «специальный интерес» каждой стороны в поддержании мира и порядка в провинциях Персии смежных с их владениями. Каждая сторона обязывалась не искать концессий в «чужой» зоне и не препятствовать получению их партнером. В нейтральной зоне каждая сторона сохраняла за собой право добиваться концессий и обязывалась не мешать таковым же действиям другого участника договора. Было условлено, что доходы персидских таможен, обеспечивающие платежи по займам

у русского Учетно-ссудного банка Персии, по-прежнему будут служить этой цели. Исключение составляли таможни провинции Фарсистан и побережья Персидского залива. Эти последние, а также доходы от почты, телеграфа и рыбной ловли на Каспийском побережье оставались обеспечением платежей по займам у английского Шахиншахского банка. Таким образом, каждый из двух кредиторов располагал в качестве обеспечения платежей доходами, частично расположенными в чужой зоне. В случае неисправности персидского правительства в платежах и «необходимости» ввиду этого установить контроль над источниками доходов, обеспечивающих платежи и находящихся в зоне другой стороны, оба правительства обязывались «войти предварительно в дружественный обмен мнениями в видах определения по взаимному согласию означенных мер контроля».

Английское правительство заявляло, что оно «не имеет намерения изменять политический статус Афганистана». Оно обязалось не предпринимать в Афганистане никаких мероприятий, «угрожающих России», и не поощрять к таким мерам Афганистан.

В свою очередь Россия признавала эту страну находящейся «вне сферы русского влияния». Она обязывалась «пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством британского правительства» и не направлять туда «никаких агентов».

Английское правительство приняло обязательство не аннексировать и не оккупировать какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление страной, однако «с оговоркой, что эмир выполнит обязательства, уже принятые им по отношению к британскому правительству» по прежним договорам Англии с Афганистаном. Эта оговорка была чревата опасностью захвата афганского государства английским империализмом под предлогом невыполнения афганцами тех или иных условий англо-афганских соглашений. Захват Афганистана не только нес кабалу афганскому народу. Он и ухудшал стратегическое положение России в Средней Азии. В этом случае, говорил Извольский Никольсону, Афганистан превратился бы из «буферного государства», разделяющего владения России и Англии, «в авангард» Англии против России[1]. Лишь после долгих переговоров и с крайней неохотой дало русское правительство свое согласие на предложенную англичанами формулировку, принятие которой они объявили непременным условием. Русской торговле в Афганистане обеспечивались, впрочем, равные права с английской.

[1] «British Documents», vol. IV, № 473, p. 527.

И Россия и Англия признавали верховные права Китая на Тибет. Они давали взаимное обязательство не вмешиваться во внутреннее управление этой частью Китая, уважать территориальную целостность Тибета, сноситься с ним исключительно через китайское правительство и не добиваться там концессий. Однако английское правительство выговаривало себе право поддерживать прямые сношения через торговых агентов с тибетскими властями. Англия продолжала оккупировать в Тибете долину Чумби, т. е. контролировать подступы из Индии к Лхасе. Были, правда, обусловлены сроки окончания этой оккупации: она прекратится после того, как Тибет выплатит Англии денежное возмещение и т. п. Но тут же оговаривалось, что если по каким бы то ни было причинам оккупация к этому времени все же не прекратится, то Англия и Россия вступят в «дружественный» обмен мнениями по этому вопросу. Иначе говоря, не исключалось, что с согласия России оккупацию можно будет и затянуть.

Русское правительство не пожелало включить в соглашение вопросы о Багдадской дороге и Персидском заливе, не желая раздражать Германию [1]. О проливах в соглашении упомянуто тоже не было.

В. И. Ленин следующим образом оценивал англо-русское соглашение 1907 г.: «Делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)» [2].

Соглашение 1907 г. заложило основы так называемого Тройственного согласия — тройственной Антанты в составе Англии, Франции и России, противостоящей германо-австрийскому блоку. Германия оказалась под угрозой изоляции — вдвоем со своей союзницей Австро-Венгрией, находившейся в состоянии глубокого внутреннего кризиса.

В последующем членами Антанты не раз предпринимались попытки сблизиться с Германией. И Англия, и Россия, и Франция неоднократно пытались стать на этот путь.

Германский империализм в свою очередь упорно стремился привлечь на свою сторону то ту, то другую из трех держав Антанты и тем внести разложение в ряды противной группировки. Но империалистические противоречия так углубились и обострились, что, вопреки всем попыткам такого рода, объективно происходило постепенное сплочение обеих больших военных группировок, пока они не столкнулись в 1914 г. в решающей схватке.

---

[1] См. *А. Ф. Остальцева.* К вопросу об империалистических противоречиях между Англией и Россией. «Исторические науки», 1958, № 4.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 39, стр. 669.

Россия между Германией и Англией

Царское правительство, заключая с Англией соглашение, объективно направленное против Германии, предпринимало шаг, весьма популярный в среде русской буржуазии. Кадетские и октябристские круги являлись сторонниками сближения с Англией [1]. Только крайние крепостники-помещики противились ему и требовали дружбы и даже союза с Германией.

Однако, взяв курс на сближение с Англией, царское правительство делало все возможное, чтобы избежать осложнений с центральными державами. Оно было обеспокоено ухудшением русско-германских отношений в результате своей позиции в Альхесирасе. Царское правительство хотело бы избежать вовлечения в англо-германский конфликт и сохранить за собой возможность соблюдать нейтралитет в возможной войне между Германией и Англией — задача трудноразрешимая в случае участия в ней Франции.

К осторожности призывал не только страх перед возобновлением революции, но и состояние вооруженных сил России. На это обращал внимание правительства русский генеральный штаб. Он всегда к соглашению с Англией относился более чем сдержанно. Он сомневался в полезности англо-русского соглашения для обеспечения безопасности России от Японии на Дальнем Востоке. Генштаб опасался уступок, которые ухудшат стратегическое положение России в Средней Азии. Но главное сомнение генерального штаба проистекало из страха перед Германией: соглашение с Англией вызвало бы ее недовольство. Еще в начале англо-русских переговоров и. о. начальника генштаба Палицын в сентябре 1906 г. предупреждал правительство в лице министра иностранных дел: «Наше военное положение на Западе, — писал генерал, — ныне весьма опасное и более угрожаемое, чем на восточной окраине, так как на Западе в случае вооруженной борьбы ударам противника подставлены самые жизненные интересы государства и притом в условиях, что боевые решения могут последовать необыкновенно быстро». Пока не будет восстановлена армия, продолжал Палицын, «поневоле приходится считаться с нашей западной соседкой во всем, что может затронуть ее интересы». «Германия при современных условиях распределения и состояния сил имеет возможность насильственно... нарушить» те решения, о которых Россия сговорится с Англией.

Германский протест против англо-французского соглашения насчет Марокко, как видно, оказал на руководство царской армии сильное предостерегающее действие. Правда, в отношении

---

[1] См. *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики. М., 1961, стр. 45—50.

Персии не существовало никакого международного договора наподобие Мадридского, постановления которого противоречили бы условиям англо-русской сделки. Но разве не могли берлинские дипломаты измыслить какой-нибудь другой предлог, если бы они пожелали ее опротестовать?

Извольский ответил Палицыну, что он «безусловно разделяет мнение, что первейшей нашей задачей должно быть поддержание наилучших отношений с Германией и оберегание нашей западной границы от всяких случайностей. Несомненно, что сближение наше с Англией не может быть приятно Германии и что, стремясь к таковому сближению, мы должны всячески избегать не только прямого нарушения германских интересов, но также заботиться о том, чтобы не вызвать какою-либо неосторожностью в германском императоре и его правительстве возражений, подобно тому, которое вызвал известный марокканский инцидент. Забота эта ни на минуту меня не покидает» [1].

Эта забота побудила Извольского в октябре 1906 г. отправиться в Берлин. Русский министр заверял Бюлова, что переговоры с Англией ни в какой мере не направлены против Германии. К большому удовлетворению Извольского канцлер и его сотрудники не возражали против англо-русского соглашения. Они только напомнили о немецких торговых интересах в Персии: их не следует нарушать! Извольский дал самые успокоительные заверения.

Вместе с тем Извольский хотел достигнуть в Берлине соглашения, подобного тому, которое подготовлялось с Англией, с тем чтобы застраховать русские интересы в Персии от покушений также и со стороны Германии.

Царское правительство и заинтересованные в торговле с Персией круги русской буржуазии были обеспокоены проектами создания в Персии германского банка и постройки ответвлений от Багдадской магистрали к персидской границе. Сооружение этой ветки грозило затопить Персию германскими товарами и положить конец монополии русского капитала в северной части страны. Извольский упрашивал своих немецких собеседников не распространять немецкого железнодорожного предпринимательства из Турции на соседнюю Персию. Русский министр дал понять, что со своей стороны его правительство на известных условиях готово прекратить противодействие сооружению Багдадской дороги. Оно желает достигнуть на этот счет соглашения вдвоем с Германией. Германское прави-

---

[1] АВПР, фонд Персидский стол, д. № 4139, л. 136—138, 156. Письмо Палицина Извольскому от 26 (13) сентября 1906 г. и письмо Извольского Палицину от 3 октября (20 сентября) 1906 г.

тельство выразило готовность начать с Россией переговоры о Багдадской дороге и о Персии [1].

Такие переговоры шли вразрез с намерениями английской дипломатии, которая стремилась противопоставить Германии в вопросах Багдадской дороги единый фронт трех держав Антанты и совместными усилиями принудить немецкий капитал к отказу от единоличного хозяйничанья в этом предприятии. Тем не менее, вопреки англичанам, 20 февраля 1907 г. Извольский вручил германскому послу проект русско-германского соглашения: Россия обещала не чинить препятствий сооружению Багдадской дороги и содействовать участию в ней иностранных, т. е. негерманских, капиталов. Условия участия подлежали, правда, дополнительному обсуждению.

В обмен на это Германия должна была обязаться не строить железных дорог к персидской границе и по территории Персии. От Германии требовалось также заявление об отсутствии у нее в этой стране политических интересов, признание таких интересов за Россией в районах Персии, прилегающих к русской границе, обязательство не искать в этой части страны концессий для германских подданных [2].

Германский ответ был для царского правительства совершенно неприемлем: вместо ожидавшегося от Германии отказа от постройки железных дорог в Персии немцы требовали согласия России на сооружение дороги от Тегерана до Багдадской магистрали [3]. Соглашение достигнуто не было.

Таким образом, царское правительство смогло договориться о своих интересах в Персии с английским империализмом; с германским же это оказалось тогда невозможным. Весь эпизод с русско-германскими переговорами о Персии, происходившими параллельно переговорам с Англией, показал, с одной стороны, стремление царизма не порывать с Германией и его страх перед ней, а с другой — остроту русско-германских противоречий и силу натиска германского империализма на страны Востока и на интересы своих конкурентов в этом районе.

В 1900 г. германское правительство отказало русскому царизму в гарантии его интересов в проливах. Теперь германский империализм полез еще дальше на Восток. Царское правительство обратилось теперь в Берлин с просьбой обеспечить интересы русского империализма в Северной Персии, которые готовы были признать англичане. Оно вновь получило отказ!

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXII, № 7364, S. 38—41; Bd XXV, T. I, № 8649, S. 231—234.

[2] Ibid., Bd XXV, T. I, № 8580, S. 123—124.

[3] Ibid., № 8588, S. 137—140.

Свидание в Свинемюнде. Балтийский вопрос и гарантии неприкосновенности Норвегии

Когда подготовка англо-русского соглашения приблизилась к завершению, предотвращение каких-либо враждебных действий со стороны Германии представилось в Петербурге особенно необходимым: царизму надо было избежать во что бы то ни стало нового варианта танжерской демонстрации, которой германская дипломатия ответила на соглашение между Англией и Францией.

Для достижения этой цели царское правительство использовало свидание Николая с Вильгельмом в Свинемюнде 3—6 августа 1907 г. — впервые после встречи в Бьёрке, за которой последовал отказ царя от подписанного с кайзером договора. В Свинемюнде Извольский и Бюлов сопровождали своих коронованных повелителей. В политических беседах, состоявшихся во время этой встречи, было затронуто значительное число текущих политических вопросов, но по большей части беседы не имели существенных последствий. При первой же встрече Извольского и Бюлова царский министр начал с лицемерных сожалений по поводу неудачи попыток склонить Францию присоединиться к Бьёркскому договору, к чему царское правительство якобы прилагало все усилия. Бюлов сделал хорошую мину в плохой игре: он-де понимает, что привлечение Франции дело трудное...

Извольский вновь заверил Бюлова, что переговоры с Англией имеют в виду не цели общей политики, а только «разрешение конкретных вопросов на почве азиатских дел». Он, Извольский, тщательно избегал вводить в круг переговоров вопросы, способные затронуть интересы Германии, например о Персидском заливе и Багдадской дороге. Последний русское правительство хочет сделать предметом непосредственных переговоров с Германией. Так говорил царский министр.

Бюлов выразил удовлетворение по поводу сказанного, но от переговоров о Багдадской дороге уклонился: он будто бы позабыл подробности вопроса!

Извольский вскользь упомянул о желательности изменения режима проливов: пусть Россия получит право проводить через них свои военные корабли. Бюлов отделался замечанием, что вопрос этот может быть решен только с течением времени[1].

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1907 г., д. № 42, л. 204—218. Записка Извольского царю от 13 августа (31 июля) 1907 г.; фонд Секретный архив, д. № 262—263, л. 28—33, письмо Неклюдова Извольскому от 8 августа (26 июля) 1907 г.; л. 55—58, письмо Извольского российским представителям при великих державах от 15 (2) августа 1907 г. Ср. «Die Grosse Politik», Bd XXII, № 7375, 7376, 7378, 7379, S. 57—61, 67—72.

Извольский привез с собой в Свинемюнде проект русско-германского протокола по балтийскому вопросу. Царское правительство уже давно добивалось отмены русско-англо-французской конвенции 1856 г., по которой оно после проигранной Крымской войны обязалось не укреплять Аландских островов. Английское правительство было, напротив, заинтересовано в сохранении Аландской конвенции, облегчавшей западным державам вмешательство в балтийские дела. Поэтому Грей ответил предложением обсудить вопрос вчетвером, с участием Швеции, где боялись сооружения русских военно-морских баз на Аландах в непосредственной близости к Стокгольму.

Теперь Извольский избрал балтийский вопрос, в ту пору отнюдь не являвшийся особенно острым, чтобы накануне подписания англо-русского соглашения предложить обеспокоенному германскому правительству секретный договор, содержавший положения, направленные против Англии. Он заявил, что царское правительство не желает допускать вмешательство Англии в дела Балтики. Чтобы избежать такого вмешательства, оно временно «предпочитает снять с очереди» свое предложение об отмене конвенции 1856 г. Русское правительство, продолжал Извольский, договорится об этом непосредственно со Швецией [1]. Предложенный царским министром проект протокола провозглашал общую политику России и Германии в районе Балтийского моря: «сохранение ныне существующего территориального status quo», «полное устранение от дел, касающихся Балтийского моря, всякого иностранного влияния», обоюдное намерение сохранять в неприкосновенности права на свои владения, континентальные и островные, в бассейне Балтийского моря, не признавать в дальнейшем «в качестве имеющих интересы» на Балтике ни одного государства, за исключением четырех прибрежных (России, Германии, Дании и Швеции), готовность двух первых заключить с обоими малыми балтийскими государствами соглашение о признании их территориальной неприкосновенности. Под «иностранным влиянием», подлежащим устранению, разумелось английское.

Проект Извольского встретил своеобразный прием: германское правительство приняло в нем все, за исключением постановлений об «устранении Англии с Балтики». Извольский, включая их, видимо, думал успокоить своих немецких собеседников, продемонстрировав им свое недружественное отношение к Англии. Но немецкая сторона совсем иначе поняла целевое назначение антианглийских пунктов русского проекта: Извольский, решили немцы, хочет спровоцировать Германию на под-

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1907 г., д. № 42, л. 211. Записка Извольского царю от 13 августа (31 июля) 1907 г.

писание договора, враждебного Англии, дабы потом показать его англичанам и тем еще более осложнить англо-германские отношения. Германское правительство отказалось от всех положений проекта, заостренных против Англии, приняв в нем все остальное[1]. Царское правительство, узнав об этом, совершенно не стало настаивать на отвергнутых немцами фразах и без сожаления, без малейшего спора приняло немецкую редакцию. Протокол был подписан 29 октября 1907 г. В нем содержалось также заявление германского правительства о том, что возможную отмену в интересах России конвенции 1856 г. относительно Аландов Германия не будет считать противоречащей принципам подписанного протокола.

Балтийский протокол явился наиболее осязательным плодом всех попыток русско-германского сближения после окончания русско-японской войны (и вплоть до 1910 г.), плодом скудным, ибо практическое значение протокола оказалось невелико[2].

Одновременно с переговорами по балтийскому вопросу шло обсуждение гарантии Норвегии. В 1905 г. она отделилась от Швеции. Единое шведско-норвежское королевство с 1855 г., т. е. еще со времен Крымской войны, было участником договора, по которому Англия и Франция обещали ему помощь против России. В 1905 г. в связи с инициативой Швеции английское правительство предложило *обоим* государствам Скандинавского полуострова возобновить старый договор, однако уже с участием Германии и России. Реализация английского

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXII, T. II, № 8083, 8084, S. 463—466.

[2] В соответствии с русско-германским протоколом были начаты переговоры между четырьмя балтийскими государствами, которые закончились 23 апреля 1908 г. совместной декларацией, в которой объявлялось о их «твердом решении» сохранять в неприкосновенности территорию каждой из них «в странах Балтийского моря». В случае если бы появилась угроза «теперешнему территориальному порядку вещей» на Балтике, четыре правительства войдут в сношения друг с другом, чтобы договориться о необходимых мерах. В специальном меморандуме оговаривалось, что декларация не касается «свободного пользования правами верховенства» четырех держав над своими владениями. Это сохраняло за Россией право добиваться отмены ограничения ее суверенитета над Аландами. Одновременно с переговорами о соглашении между балтийскими странами, Германией были начаты переговоры с Англией и с другими государствами Северного моря, закончившиеся принятием декларации, подписанной в тот же день, что и балтийская (23 апреля 1908 г.), и сходной по содержанию. Ее подписали Германия, Англия, Франция, Дания, Нидерланды. Норвегию и Бельгию не привлекли, поскольку их неприкосновенность (для первой) и нейтралитет (для второй) уже были гарантированы ранее. Ввиду задуманного немцами нарушения бельгийского нейтралитета (план Шлиффена) германское правительство постаралось избежать подтверждения старых обязательств по нейтралитету Бельгии.

предложения привела бы к закреплению прав Англии на вмешательство в дела Балтики.

Между тем Россия первой из всех государств признала Норвегию «в качестве совершенно независимого государства во всей ее территориальной целостности» и установила с ней дипломатические отношения. Это произошло 29 октября 1905 г. Россия была заинтересована в независимости и нейтралитете Норвегии и в хороших отношениях с нею. Это лучше всего обеспечивало интересы России в Ледовитом океане и безопасность ее отдаленной северо-западной окраины[1]. Русское правительство еще в конце 1905 г. выдвинуло проект международной гарантии Норвегии взамен пережившего себя антирусского союза Швеции и Норвегии с Англией и Францией.

Такой союз противоречил интересам молодого норвежского государства. Создатели независимой Норвегии решительно предпочитали политику нейтралитета. Летом 1906 г. норвежское правительство поставило перед державами вопрос о замене договора 1855 г. соглашением четырех великих держав — не только Англии и Франции, но также России и Германии — о совместной гарантии ими территориальной целостности и нейтралитета Норвегии.

К этому времени былая напряженность англо-русских отношений уже миновала. Тем не менее английское правительство предпочитало дать гарантию не одной только Норвегии, но и Швеции, дабы сохранить свое влияние на Балтике. Но Швеция теперь решительно отклонила идею гарантий для своей территории. Видимо она не захотела связывать себе руки. Английскому правительству пришлось согласиться на гарантию одной Норвегии. Однако оно выразило готовность гарантировать только ее целостность, но не ее нейтралитет: английский империализм не желал отказываться от возможности использовать территорию Норвегии и особенно ее порты в случае войны против Германии.

Царское правительство хотя и с неудовольствием, согласилось с английской формулой гарантии. 2 ноября 1907 г. пять государств — Россия, Англия, Германия, Франция и Норвегия — заключили договор об обеспечении независимости и территориальной неприкосновенности Норвегии. Последняя обязывалась никому не уступать никакой части своей территории. Фиксируя это обязательство, участники договора взаимно страховались от возможности захвата норвежской территории противной стороной. В случае сообщения норвежского правительства о появлении угрозы для Норвегии все четыре великие державы были обязаны оказать ему поддержку в целях «со-

[1] См. «Признание Россией Норвежского независимого государства». М., 1958, № 38, 40, 43, стр. 51—54 и др.

хранения неприкосновенности Норвегии». Какими средствами? На этот счет ответ давался неопределенный: теми, «которые признаны будут наиболее подходящими». Соглашение о гарантиях неприкосновенности Норвегии являлось дополнительным шагом по пути сближения России и Англии.

Влияние революции 1905—1907 гг. на международную политику

Русско-японская война и буржуазно-демократическая революция в России имели огромные последствия, не только внутренние, но и международные. Массовое революционное движение оказало сильнейшее воздействие на международную обстановку и деятельность дипломатии. Произошло дальнейшее уменьшение международной роли русского царизма. Царская Россия осталась, правда, одной из великих империалистических держав, но ее зависимость от иностранного капитала, имевшая место и раньше, теперь значительно возросла. Поражения, понесенные в империалистической войне с Японией, подорвали военно-политический престиж царизма. Революция показала его внутреннюю слабость и непрочность.

Ослабление царизма содействовало некоторому смягчению англо-русских противоречий. Английский империализм не только искал в России союзника против Германии. Он меньше стал ее бояться в странах Азии, где сталкивались интересы русского и английского империализма. Более того, английский империализм усматривал теперь в царизме желанного союзника для подавления национально-освободительного движения на Востоке. Такой союзник был тем нужнее, что в конце 1905 г. в Персии началась революция, а в Османской империи, в Китае и в Индии угрожающе нарастало революционное движение.

Конечно, ослабление противоречий между Россией и Англией было относительное, далеко не полное. Эти страны и в рамках Антанты оставались соперниками. Но, невзирая на это, все-таки определенное сближение произошло. Английский империализм, продолжая видеть в русском царизме соперника в борьбе за Азию и за «право» эксплуатировать ее народы, отныне одновременно усматривал в царской России также и союзника. И притом сразу против двух врагов — против германского империализма, наступавшего на империалистические интересы Англии и России, и против проснувшихся народов Азии.

Другое, еще более важное, международное следствие русско-японской войны и первой русской революции и заключалось в том, что они ускорили пробуждение Азии. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средне-

вековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»[1]. За революцией в России буржуазная революция последовала не только в Персии. Вскоре она охватила и другие соседние страны Азии: в 1908 г. — Турцию, а в 1911 г. — Китай. То были первые удары по колониальной системе империализма, как раз достигшей зенита в своем развитии.

Западные империалисты, особенно английские, ценили в царизме контрреволюционную силу, враждебную национально-освободительному движению в Азии и пригодную для его подавления.

И наоборот, национально-освободительные, демократические силы народов Азии видели своего лучшего союзника в русском революционном движении.

Вследствие этого для английского империализма борьба против национально-освободительного движения на Востоке и борьба против русской революции стала задачей двуединой. Совместная борьба против национально-освободительного движения составила одну из основ англо-русской Антанты. Размежевываясь в Азии, оба империалистических соперника — царская Россия и Англия — становились союзниками в борьбе за сохранение колониальной системы империализма, против буржуазно-демократических революций в странах Востока.

Революция в России стимулировала освободительное движение угнетенных народов также и в Европе. Она оказала мощную поддержку борьбе славянских народов, находившихся под гнетом Австро-Венгрии и Турции. Тем самым русская революция также и вне России содействовала разложению архаических государственных образований феодального происхождения — Османской империи, самой жестокой и мрачной тюрьмы народов, и монархии Габсбургов — лоскутного многонационального конгломерата, в котором угнетенные народы теперь выше подняли голову. С надеждой смотрели они на подъем революции в России. Из разложения Турецкой и Австрийской империй проистекали новые международные проблемы большой важности.

Революционная борьба русского пролетариата дала сильнейший толчок всему международному рабочему движению. Ее влияние сказалось во всех капиталистических странах. Больше всего отразилась русская революция 1905 г. на рабочем движении в соседних государствах — Германии и Австро-Венгрии. Но и в других географических районах пример русских рабочих содействовал росту революционной тенденции в рабо-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 23, стр. 146.

чем движении, укреплению в нем левых сил. Эти последствия революции тоже не остались без влияния на международную политику держав, включая и деятельность их дипломатии. Еще 14 марта 1904 г. Германия, Австро-Венгрия, Россия, Швеция и 6 других государств заключили специальное секретное соглашение о совместном надзоре «за анархическим движением» [1]. Под «анархическим» понималось революционное движение различных направлений, а вовсе не анархисты в буквальном смысле. На случай победы русской революции германское правительство активно готовилось к вооруженной интервенции в России на помощь царизму. Оно закрыло русско-германскую границу для русских подданных. Летом и осенью 1905 г. правительство кайзера сосредоточило войска на русской границе на случай крайнего обострения обстановки в Российской империи. Оно планировало отправку военных кораблей в русские порты на Балтике. Целью интервенции должно было быть подавление революции в России, спасение царизма и лично царя от ярости народной, а попутно — грабеж России, вплоть до территориальных захватов, если обстановка позволит это. Кайзер Вильгельм злорадствовал по поводу несчастий, постигших его любезного кузена «Ники». Но вместе с тем кайзер и боялся за царя, хорошо понимая, что следом за Романовыми пробьет час династии Гогенцоллернов. Еще острее ощущали это в Вене: Гогенцоллерны, казалось, еще прочно сидели на престоле, а под троном Габсбургов почва уже колебалась. Интервенционистский пыл германских и австро-венгерских империалистов сдерживало противодействие рабочего класса. Карл Либкнехт призывал немецких рабочих к борьбе против попыток правительства «напасть из Германии с тылу на русскую революцию» [2].

Но не только восточноевропейские монархии почувствовали себя на вулкане. Президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт был «в высшей степени озабочен внутренним положением России» [3].

Не иначе обстояло дело и в Англии. Там тоже тревожились. Спринг-Райс очень ярко описывал своему другу американскому президенту «социальную опасность», которая грозит из России. «Нельзя пренебрегать, — писал он, — опасностью русской революции. И германская армия, — продолжал английский дип-

---

[1] «Archivalische Forschungen zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd 2, T. 1. Berlin, 1954, № 3, S. 19—21.

[2] «Первая русская революция и международное революционное движение», ч. II. М., 1956, стр. 22.

[3] «Die Grosse Politik», Bd XIX, T. II, № 6318, S. 613. Донесение Штернбурга от 5 июля 1905 г.

ломат, — это бесценный оплот для Европы»[1]. Если в царизме британский империализм теперь видел союзника для подавления народов Азии, то в прусско-германском милитаризме, несмотря на ожесточенное империалистическое соперничество, он уже тогда усматривал потенциального душителя революции в России.

Еще больший страх, чем в Англии, вызвала русская революция у французского империализма. Классовое чувство грозящей социальной «опасности» сочеталось со страхом потерять царскую Россию как союзника. Капиталисты, указывал Ленин, «сплачиваются под влиянием быстро развивающихся событий все теснее в один буржуазный противореволюционный союз, вопреки различиям национальностей...»[2] Ленин справедливо отметил, что «рост революционного движения в России вызвал у европейской буржуазии смертельный страх перед таким взрывом, который может зажечь и Европу»[3].

Таким образом, события 1904—1907 гг. оказали исключительно большое воздействие на международную обстановку. Они привели к ослаблению международной роли царской России, содействовали сближению Франции, а затем России с их вековым противником — Англией и сплочению этих держав против освободительного движения угнетенных народов, за укрепление капиталистического строя и колониальной системы империализма, против революционной борьбы пролетариата. Антанта стала, следовательно, орудием не только внешней, но и внутренней политики.

В то же время началась радикальная перестановка сил на арене мировой политики. До русско-японской войны франко-русская группировка противостояла германской, иначе говоря, Тройственному союзу. Вместе с тем каждый из этих двух военных блоков, объединявших державы континента, являлся противником Англии, которая, учитывая это, сблизилась с Японией и с Соединенными Штатами.

Теперь державы перегруппировались. Вместо трех группировок постепенно складывалось две. Англия, Франция, Россия, а отчасти и Япония все более сплачивались против Германии и Австро-Венгрии. Италия, оставаясь формально членом Тройственного союза, фактически лавировала между двумя блоками, гадая, к которому выгоднее примкнуть. США, несмотря на нараставшие англо-американские противоречия, оставались тесно связанными с Англией — своим главным креди-

---

[1] «The letters and friendships of C. Spring Rice», vol. I, p. 465 и сл.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 9, стр. 378.

[3] Там же, стр. 372.

тором и покупателем, хозяином морских путей. Все члены Антанты располагали соглашениями с Японией, которые в большей или меньшей мере обеспечивали их тылы на Дальнем Востоке. В случае войны с Германией это имело, безусловно, немаловажное стратегическое и политическое значение.

Обе группировки европейских держав, особенно Антанта, не были еще чем-то окончательно сложившимся: многие их участники, то один, то другой, или подумывали о перебежке в стан противника или же пытались добиться положения «вне блоков», открывающего виды на роль арбитра. Не были изжиты и все время проявляли себя глубокие противоречия внутри Антанты.

Но тем не менее в основных своих чертах новая группировка держав определилась. Дальнейший ход международных событий показал, что, невзирая на внутренние противоречия, попытки лавирования и перебежек, империалистические группировки, наметившиеся в 1904—1907 гг., оказались прочными и определили расстановку сил в назревавшей мировой войне. Первую радикальную «поправку» внесла в эту расстановку своей могучей рукой Великая Октябрьская социалистическая революция. Она вырвала Россию из рядов Антанты и из империалистической системы и противопоставила ее империализму в качестве первой социалистической страны.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

БОРЬБА ДЕРЖАВ АНТАНТЫ И АВСТРО-ГЕРМАНСКОГО БЛОКА. МОРСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО И БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС (1908—1909 гг.).

Англо-германское морское соперничество

Образование Антанты свидетельствовало о том, что для Англии англо-германские противоречия в конечном счете оказались глубже и опаснее англо-русских и англо-французских. Английский империализм должен был признать Германию главным своим врагом и перед лицом немецкой опасности договариваться с франко-русской группировкой. Один из руководящих чиновников лондонского Форин-оффис, Эйр Кроу, в меморандуме от 1 января 1907 г.[1] ярко обрисовал характер англо-германских отношений, как они представлялись британской дипломатии. «В то время как великий канцлер, — писал Кроу, разумея Бисмарка, — заставлял Англию уступать требованиям, которые были неприемлемы скорее по форме, чем по существу, и вел себя подобно Ричарду III, ухаживающему за леди Анной, — его преемники явно пришли к убеждению, что их основная цель заключается в том, чтобы добиваться от Англии важных уступок путем оскорбительных угроз и докучливого приставанья... Отношение Германии к нашей стране после 1890 г. может быть уподоблено действиям профессионального шантажиста, занимающегося вымогательством, угрожающего своим жертвам, в случае отказа, какими-то неопределенными, но ужасными последствиями... Первенство Германии на море, — продолжал Кроу, — не может быть совместимо с существованием Британской империи. Но даже если бы Великобритания исчезла, соединение величайшей военной мощи на суше и на море в руках одного государства вынудило бы весь мир объединиться, чтобы избавиться от этого кошмара. Приобретение колоний, пригодных для немецкой колонизации в Южной Америке, нельзя примирить с доктриной Монро, являющейся основным принципом политического символа веры Соединенных Штатов. Создание немецкой Индии в Малой Азии в конечном счете зависит от германского господства на море, либо от завоевания Германией Константинополя и стран, находящихся между Босфором и ее нынешними юго-восточными границами. Правда, каждый из этих грандиозных планов кажется невыполнимым при современных международных условиях; однако похоже на то, что Германия носится со всеми сразу, сама нагромождая, таким образом, на своем пути препятствия и развязывая силы сопротивления встревоженного мира».

Кроу был весьма невысокого мнения об искусстве германской дипломатии. Поведение Германии лишь доказывает, заключал он, «как мало логики, последовательности и целеустремленности содержится в этой бурной деятельности, в тех ошеломляющих выходках и в том пренебрежительном отношении к чувствам других наций, которые

[1] «British Documents», vol. III, p. 397—420 (особенно стр. 416—417).

столь типичны для последних актов германской политики». Кроу полагал, что Германию нельзя лишить возможностей для «мирной экспансии». Но необходимо ясно заявить, что ей будет оказано решительное сопротивление при первом же знаке того, что она задевает интересы Англии или ее союзников. Ни в коем случае нельзя делать Германии бесплатных уступок в целях ее умиротворения. Они только увеличат ее требовательность.

Министр иностранных дел Эдуард Грей выразил свое согласие с мыслями, изложенными Кроу в этом документе. Их одобрил и король Эдуард VII.

Англо-германские империалистические противоречия и конфликты не ограничивались колониальной и торговой сферой. Не исчерпывались они и борьбой Англии против германских притязаний на гегемонию в Западной Европе, помощью французскому империализму против германского. Большое беспокойство вызывали в Англии также и притязания германского империализма на Нидерланды и Бельгию. Германская угроза Бельгии стала особенно актуальной с 90-х годов XIX в., когда был принят план Шлиффена, предусматривавший наступление на Францию через бельгийскую территорию. План был, конечно, секретным, но сведения о нем имелись у правительств стран Антанты. Получены они были через посредство разведки, а также вследствие нескромности кайзера: в 1904 г. Вильгельм проговорился об этом даже непосредственно бельгийскому королю! Тот при этом с перепугу так разнервничался, что, прощаясь с кайзером, надел свою военную каску задом наперед — гербом назад [1].

В последующем, в 1905 и 1906 гг., в связи с марокканским кризисом и исходившей от Германии угрозой войны против Франции опасность для Бельгии надвинулась вплотную. Это и привело к ее участию в англо-французских военных переговорах. В них генеральные штабы стран Антанты исходили из предположения, что германская армия будет наступать через Бельгию, нарушив ее нейтралитет.

Но покушения германского империализма на Бельгию и Нидерланды диктовались не одними лишь военными целями, т. е. применением плана Шлиффена. Для рейнско-рурского промышленного района наиболее дешевый транспортный путь к морю идет по Рейну через территорию Нидерландов. Голландский Роттердам является для Рурского бассейна ближайшим экспортным портом. В бельгийском Антверпене в 1906 г. насчитывалось 40 тыс. немцев [2]. Проникновение германского капитала в Бельгию и Голландию в 1906 г. стало предметом ожесточенной полемики между германской и английской печатью. Орган рейнско-рурской тяжелой индустрии газета «Рейниш-Вестфалише цайтунг» и ее редактор Рейсман-Гроне, член Пангерманского союза, вели пропаганду за включение Бельгии и Нидерландов в таможенный союз с Германией. На деле это означало бы шаг к поглощению обеих малых стран германским империализмом. Рейсман-Гроне со своими планами не был одинок в рядах немецкой буржуазии. Из Германии получал поощрение фламандский сепаратизм, который мог представлять угрозу для единства и целостности Бельгии [3].

Бдительное внимание английского правительства к судьбам противоположного берега Па-де-Кале — факт давний и общеизвестный. Не говоря уже об империалистических интересах английского капитала в Бельгии и в Нидерландах, переход побережья Фландрии в германские руки облегчил бы вторжение на Британские острова. Не-

[1] *B. Bülow.* Denkwürdigkeiten, Bd II, S. 75.
[2] *G. W. F. Hallgarten.* Imperialismus vor 1914, Bd II, S. 17.
[3] Ibid., S. 15—18.

мецкое проникновение в Бельгию и Голландию рассматривалось в Англии как серьезная угроза для ее безопасности и ее великодержавного положения.

Но всего более беспокоило англичан развитие германского военного флота. После военно-морской тревоги осенью 1904 г. и марокканского кризиса 1905—1906 гг. Англия и Германия еще более усилили гонку морских вооружений. В 1905 г. в Англии был заложен броненосец нового типа, названный «Дредноут» (отсюда — общее название однотипных кораблей). Вместо обычных в то время четырех он нес десять орудий крупного (двенадцатидюймового) калибра и притом превосходил старые корабли размерами и скоростью хода. Британское адмиралтейство думало, что созданием более мощных кораблей оно усилит морское превосходство Англии. Оно полагало, что в течение ряда лет немецкие верфи не смогут начать постройку дредноутов. Предполагалось, что Кильский канал, позволявший немецкому флоту быстро и безопасно переходить из Северного моря в Балтийское и обратно, окажется для новых кораблей слишком мелководным.

Адмиралтейство ошиблось: Германия очень быстро приступила к сооружению дредноутов и углубила Кильский канал. Уже в 1906 г. германский рейхстаг принял закон об укрупнении вновь закладываемых линейных кораблей. Отныне все новые броненосцы должны были быть кораблями типа «Дредноут». Было также предусмотрено новое увеличение состава военно-морского флота на 6 больших крейсеров и одну минную флотилию.

Некоторым влиятельным элементам немецкой буржуазии и этого было мало. «Флотский союз», представлявший интересы кругов, наиболее заинтересованных в гонке морских вооружений, выступал с критикой закона 1906 г., как недостаточного. Крайние поборники германской военно-морской мощи из рядов буржуазии шли в своих проектах много дальше правительства. «К рейнско-вестфальской крупной промышленности, имевшей все основания стабилизировать расцветающую конъюнктуру посредством флотского закона, и к германской экспортной индустрии, требовавшей безопасности на море, в борьбе за увеличение флота прежде всего присоединились германские верфи. Хотя таможенное законодательство рейха во всех отношениях благоприятствовало им... верфи едва выдерживали конкуренцию с заграницей...» [1] — с английскими предприятиями. Казенные заказы должны были поправить их дела.

В рейхстаге после выборов 1907 г., которые прошли под лозунгом «мировой политики», господствовал «бюловский блок» — союз реакционных буржуазно-либеральных партий с консерваторами, крупного капитала с юнкерством. Блок именовался иначе «готтентотским», ибо он сплотился в ходе совместной поддержки колониальной политики и зверской расправы над восставшими племенами в Германской Юго-Западной Африке. «Бюловский блок» и стоявшая за ним крупная буржуазия стремились искусственно взвинчивать экономическую конъюнктуру, щедро размещая казенные заказы за счет бюджета, иначе говоря — налогового обложения народных масс. Эта практика приобрела особенно большое значение, когда в 1907 г. разразился очередной экономический кризис. Спасению конъюнктуры должны были служить железнодорожные и иные концессии в германских колониях. Но еще больше могли способствовать достижению этой цели крупные государственные заказы на строительство военных кораблей.

Но как было ослабить протест народа? Как убедить его в условиях экономического кризиса в необходимости новых налоговых тягот ради

[1] *G. W. F. Hallgarten.* Imperialismus vor 1914, Bd I, S. 536—537.

усиления военно-морской мощи империи? Заинтересованные капиталистические круги и имперское правительство продолжали идти по проторенному пути: они ссылались на смертельную опасность, грозящую немецкому «фатерлянду» со стороны Англии. Строительство военного флота влекло за собой дальнейшее разжигание англо-германской распри. Гонка морских вооружений не допускала попыток смягчения отношений с Англией: ведь если бы их напряженность ослабла, исчезло бы оправдание для траты огромных денег на военный флот. Консервативно-либеральный юнкерско-буржуазный блок оставался, как и в предшествовавшем десятилетии, носителем политики, систематически враждебной Англии. Финансовые связи с Лондоном и личные симпатии некоторых представителей буржуазных кругов не могли внести в это положение существенных изменений. Не смягчили напряженности англо-германских отношений и опасения канцлера, который наконец-то понял, что его игра на англо-русских противоречиях привела к англо-русскому сближению и грозила Германии «окружением» и изоляцией. Классовые силы, стоявшие у власти как в Германии, так и в Англии, форсировали постоянное нарастание англо-германского антагонизма — важнейшего из тех империалистических антагонизмов, которые привели человечество к великой катастрофе — к первой мировой войне.

В германском рейхстаге юнкерско-буржуазному блоку противостояла социал-демократия. Но, выступая против блока и его политики, она все чаще переходила с революционно-пролетарских позиций на буржуазно-пацифистские. Принципиальная революционная борьба против всякого империализма при этом подменялась требованием о сближении с Англией. Фактически социал-демократы все чаще добивались лишь примирения с английским империализмом и соглашения с ним, направленного против России. Ревизионисты-бернштейнианцы шли еще дальше: они выступали с откровенной защитой германского империализма и колониальной политики.

В 1908 г. в гонке морских вооружений был сделан новый важный шаг. Тирпиц внес в рейхстаг проект четвертого закона об усилении флота. В апреле 1908 г. законопроект был принят. Срок службы линейных кораблей сокращался с 25 до 20 лет. В связи с этим по новому закону на протяжении 1908—1917 гг. подлежало замене 17 линейных кораблей и 6 крупных крейсеров. Ввиду сокращения сроков службы темп строительства новых судов был ускорен. Раньше — на основе закона 1900 г. — в Германии в среднем ежегодно спускалось на воду по два броненосца: за 5 лет (с 1901 по 1905 г. включительно) их было спущено на воду 10 единиц. В 1907 г. на воду спустили сразу пять дредноутов. Отныне же, до 1911 г. включительно, предполагалось закладывать каждый год по 4 линейных корабля (включая 1 линейный крейсер) типа «Дредноут» с соответствующим числом легких крейсеров и миноносцев [1]. В течение 1908—1917 гг., согласно закону 1908 г., на флот требовалось около миллиарда марок сверх того, что было запланировано по прежним морским программам. Все буржуазные партии — не только «бюловский блок», но и католическая партия центра, в него не входившая, — голосовали за этот закон. Социал-демократы возражали. Но настоящей массовой кампании они не развернули, массы на революционную борьбу против милитаризма — не подняли.

Борьба против Англии, «натиск на Восток», т. е. на интересы не только Англии, но и царской России, гонка вооружений на суше и на море и оплата всех гигантских расходов, связанных с этой империа-

[1] *Tirpitz.* Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart und Berlin, 1924 (приложение).

листической политикой, за счет усиленной эксплуатации трудящихся — такова была программа германского империализма, самоуверенно, полным ходом наступавшего на позиции всех конкурентов под аккомпанемент воинственных речей кайзера и под бурные аплодисменты большей части представителей имущих классов.

В Англии все росла и росла тревога за свое морское первенство. Ненависть к Германии сочеталась со страхом перед ней. Печать крупных монополий без устали подливала масла в огонь.

Какую же политику приняло в такой обстановке правительство либеральной партии?

Оно решительно отстаивало позиции британского империализма, и в первую очередь его первенство на море. В цитированном выше меморандуме, одобренном Греем, Кроу отразил широко распространенное убеждение английских правящих кругов, враждебно настроенных по отношению к Германии: «Ничто так не способно вызвать в Германии впечатление практической безнадежности бесконечного следования дорогостоящим военно-морским программам, как основанное на наглядных фактах убеждение, что на каждый германский корабль Англия будет закладывать два, поддерживая таким образом свое нынешнее относительное превосходство» [1].

Такая программа вскоре и была фактически принята правительством. Ее осуществление требовало увеличения налоговых тягот и не могло не вызвать сильнейшего противодействия в стране, и без того переживавшей подъем стачечного движения. Внешняя политика, как и всегда, переплеталась с внутренней: правительство старалось показать английскому общественному мнению, будто в возрастании налогов и в усилении военной опасности виноваты немцы и только немцы.

В большой мере эту задачу решала антигерманская кампания в английской печати, периодически ею возобновлявшаяся. В этом смысле положение сложилось в Англии весьма сходное с тем, что наблюдалось в Германии.

Но немалый вклад должна была внести и дипломатия. И вот тут приемы английского правительства были отличными от германских. Английская дипломатия предложила правительству кайзера переговоры об ограничении военно-морских вооружений. Завязывая эти переговоры, английская дипломатия рассчитывала главным образом на пропагандистский эффект в самой Англии. После принятия в Германии военно-морского закона 1906 г. английское правительство обратилось в Берлин с предложением ограничить масштабы строительства новых судов. Расчет заключался в следующем: если немцы не согласятся с английским проектом, можно будет сказать английскому народу, что страдает он исключительно по вине германских милитаристов. Если же предложение будет принято — на что шансов, правда, мало, — тогда будет закреплено существующее соотношение сил на море, обеспечивавшее Англии безусловное преобладание. Таковы были расчеты английского правительства.

Английская дипломатия выступила с предложением об ограничении морских вооружений в наиболее эффектной форме и с трибуны весьма высокой: на второй Гаагской мирной конференции. Собралась конференция в 1907 г. — как и в 1899-м, инициатива ее созыва исходила от русского правительства. Но о постановке на конференции вопроса об ограничении вооружений больше всех заботился английский премьер Кэмпбелл-Баннерман. Глава либерального кабинета был крайне заинтересован в пацифистском прикрытии империалистической политики Англии и в возложении на Германию ответственности за растущие

[1] «British Documents», vol. III, p. 418.

военные расходы. Предварительно Кэмпбелл-Баннерман лично выступил на страницах лондонского журнала «Нэйшн» со статьей «Гаагская конференция и ограничение вооружений». Конечно, оно мыслилось британским правительством не иначе, как в форме, закрепляющей военно-морское первенство Англии. На самой конференции английский делегат выступил с речью, в которой призывал к ограничению новых вооружений и к сокращению военных расходов.

Германское правительство и его дипломатия действовали совсем иначе: на Гаагской конференции они крайне резко и грубо выступили против какого-либо ограничения вооружений. Германская делегация и провалила на конференции этот вопрос — при молчаливом сочувствии Франции.

Впрочем, английское правительство интересовала преимущественно возможность публично показать себя поборником мира и экономии. Оно ничего не имело против того, чтобы прусские милитаристы угробили его либеральные предложения. И оно заранее согласилось с тем, чтобы на конференции по выступлению английского делегата даже не объявлять прений, а сразу принять заранее согласованную со всеми делегатами малообязывающую резолюцию. В ней выражалось благое пожелание, чтобы правительства серьезно изучили вопрос о сокращении военных издержек.

И в Гааге и в других подобных случаях германское правительство отвечало на коварные английские предложения об ограничении вооружений неуклонным и грубым отказом — к великой радости английских империалистов. Особенно довольны были прямолинейным отказом немцев английские военно-морские круги и заинтересованные капиталистические фирмы. Пропагандистский материал для английского либерального кабинета немецкая дипломатия доставляла в изобилии и с неуклюжестью, встречающейся не часто. Немцы развязывали английскому империализму руки для нового увеличения флота и повышения налогов. Зато и у себя дома германская дипломатия подготовляла почву для форсированной гонки вооружений. Именно это от нее и требовалось кайзером, правительством и заинтересованными капиталистическими монополиями.

В августе 1908 г. Эдуард VII посетил Вильгельма II в Кронберге. Короля сопровождал постоянный заместитель статс-секретаря Форин-оффис Гардинг. Даже германофильски настроенные историки, как американец Фей, признают, что в переговорах с английскими гостями Вильгельм держал себя крайне непримиримо [1]. Гардинг пытался было уговорить кайзера ограничить темпы морских вооружений. «Надо положить конец этому соревнованию в строительстве (кораблей. — *В. Х.*),— убеждал он Вильгельма. — Должно быть заключено соглашение о замедлении темпов строительства, — продолжал он, — иначе наше правительство должно будет в следующем году внести программу нового строительства, на которое за недостатком средств потребуются новые налоги. Это будет очень непопулярным и может привести к свержению правительства». «Не можете ли Вы остановиться или строить меньше?» — спросил в заключение Гардинг.

Но кайзер вспылил, принял угрожающий тон и заявил своему гостю: «Тогда мы будем воевать, ибо это вопросы национальной чести и достоинства» [2]. Гардинг поспешил переменить тему разговора.

Но постепенно германская дипломатия все же сообразила, в какое невыгодное положение ставит Германию столь грубый отказ. В 1908—

---

[1] См. *С. Фей.* Происхождение мировой войны, т. I. М., 1934, стр. 176.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XXIV, № 8226, S. 127. Ср. «British Documents», vol. VI, № 116—117, p. 183, 185—186.

1909 гг. Бюлов и посол в Лондоне Меттерних прибегли к маневру, который должен был замаскировать нежелание ограничить гонку вооружений и в то же время заранее обрекал на неудачу всякие попытки к соглашению на этот счет. Вместо прямого отказа Бюлов и Меттерних стали запрашивать с англичан за ограничение морских вооружений непомерную цену: они требовали от Англии разрыва Антанты с Францией и Россией в качестве предпосылки для некоторого сокращения военно-морского строительства в Германии. Что это требование было лишь уловкой, явствует из признания германского посла в Лондоне. «Я обострил бы без надобности отношения, — писал граф Меттерних незадолго до свидания в Кронберге, — если бы обнаружил перед ними (перед британскими министрами. — *В. Х.*), что мы никогда и ни в коем случае не согласимся на заключение договора об издержках на флот. Но цену, которую я за него назначил, сэр Эдуард Грей заплатит нам не так-то легко» [1]. Зная, что кайзер и Тирпиц ни за что не согласятся на ограничение вооружений, Меттерних старался дипломатически замаскировать непримиримость немецкой политики.

Тирпиц и «флотский союз» были недовольны ухищрениями канцлера и немецкого посла в Лондоне: всякое смягчение отношений затрудняло выколачивание через рейхстаг денег у налогоплательщика, осложняло операцию по перекачиванию средств через государственный бюджет в кассы монополий. Кайзер квалифицировал английские попытки ограничения морских вооружений как «наглость, которая граничит с оскорблением германского народа и его императора». Так гласили пометки Вильгельма на донесении Меттерниха.

После неудачи попыток договориться с Германией английское правительство публично заявило о решении строить по два корабля на каждый германский — «два киля против одного». Это было торжеством тяжелой индустрии и судостроительных компаний. Уже к этому времени премьер-министр, Кэмпбелл-Баннерман, принадлежавший к левому крылу либеральной партии, покинул свой пост. Его заменил Асквит, представитель «либералов-империалистов». Гонка военно-морских вооружений пошла на всех парах.

Как ни бравировал кайзер в Кронберге, но англо-русское сближение напугало его не меньше, чем Бюлова. Нагрубив Гардингу, кайзер затем принялся заигрывать с Англией. Как это часто с ним случалось, Вильгельм при этом потерял меру. 28 ноября 1908 г. лондонская газета «Дейли телеграф» опубликовала содержание беседы некоего высокопоставленного англичанина, имя которого названо не было, с германским кайзером. В заметке, предпосланной в газете тексту интервью, указывалось, что цель публикации заключается в том, чтобы рассеять распространенное в Англии непонимание истинного, якобы весьма дружественного отношения Вильгельма II к этой стране. В интервью Вильгельм жаловался своему собеседнику на извращение частью английской печати смысла дружественных предложений, с которыми он многократно обращался к Англии. За сим следовали «доказательства» любовных чувств кайзера. Вильгельм рассказал, что во время бурской войны он отказался принять делегацию буров, которую чествовали во Франции. Когда Англии приходилось от буров плохо, он предупреждал принца Уэльского о кознях России и Франции. Он прислал старой королеве, своей «высокоуважаемой бабушке», специально для Англии разработанный по его поручению германским генштабом план кампании против буров. По странному совпадению, продолжал разглагольствовать кайзер, присланный им план оказался очень похожим на тот, который

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXIV, № 8217, S. 102.

позже был фактически с успехом применен против буров лордом Робертсом. Кайзер недвусмысленно намекал, что именно ему Англия обязана победой!

Вильгельм достиг результата, обратного тому, к которому стремился. Хвастливые слова не вызвали в английской общественности ничего, кроме раздражения, обиды и злых насмешек. Империалистические круги, наиболее заинтересованные в гонке морских вооружений и в разжигании англо-германской вражды, связанная с ними шовинистическая печать всемерно старались усилить озлобление, поднявшееся против царственного бахвала и довести страсти до белого каления. В России и во Франции отклики на интервью тоже были крайне неблагоприятными. Там были возмущены разоблачениями и инсинуациями Вильгельма на их счет.

В Германии империалистическая пресса ухватилась за кампанию, поднятую английскими газетами. В реакции английских шовинистов на интервью кайзера немецкие шовинистические журналисты усмотрели доказательство полной невозможности дружбы с Англией. Попытки сближения с ней приводят только к новым осложнениям, заключала германская пресса. Больше не следует таких попыток и предпринимать!

Не было недостатка и в критике допущенной Вильгельмом политической глупости. Социал-демократические органы использовали инцидент, чтобы показать несостоятельность монархии, канцлера и их аппарата. Верноподданные монархисты были возмущены легкомыслием кайзера, дискредитирующего монархическую идею.

В официальной «Норддейче альгемейне цайтунг» появилось путаное объяснение. Из него не без труда, но все же можно было понять, что кайзер, перед тем как согласиться на публикацию интервью, послал рукопись канцлеру на согласование. Тот, не читая, переслал ее в иностранное ведомство, где изучение рукописи было доверено второстепенному чиновнику. Последний сообщил, что не усматривает возражений против ее опубликования. Это заключение поступило к Бюлову. Канцлер — опять же не прочитав бумаги — переслал заключение кайзеру. Удостоверившись, что дипломатическое ведомство возражений не имеет, Вильгельм передал текст своего бестактного интервью в печать.

Дипломатическая ошибка Вильгельма и Бюлова послужила как бы катализатором, вызвавшим дальнейшее обострение англо-германских отношений. Результатом всей этой истории был повсеместный рост недоверия к германской политике.

Скандал с публикацией кайзеровского интервью совпал по времени с кульминационным пунктом ожесточенной борьбы Антанты и германо-австрийского блока за влияние на Ближнем Востоке.

Империалистическая борьба за Балканы и Турцию в начале XX в.

Одновременно с обострением англо-германской борьбы за господство на море развертывалась борьба за преобладание на Ближнем Востоке. Ее главными участниками являлись Германия, Австро-Венгрия, Англия и Россия. Однако Франция и Италия также не остались безучастными.

После греко-турецкой войны и получения концессии на Багдадскую железную дорогу германский империализм завоевал в Турции доминирующее влияние. Германская дипломатия старалась как можно прочнее закабалить империю султанов, дабы полностью превратить ее в немецкую колонию.

Со своей стороны султан Абдул-Гамид думал укрепить свой поколебленный трон с помощью германского правительства и германского капитала. В них он усматривал опору против освободительного движения угнетенных народов Османской империи: славян, армян, арабов. Такая

опора нужна была султану более, чем когда-либо: усилилась активность прогрессивных элементов в самой господствующей турецкой нации. После русской революции 1905 г. силы буржуазной революции в Турции, задавленные было султанским режимом, стали поднимать голову.

Главную опасность для своего государства султан в эти годы усматривал в Англии. К России он тоже относился с недоверием, но после русско-японской войны не считал ее столь опасным врагом, как раньше. Русское влияние, еще недавно способное соперничать с германским, быстро шло в Константинополе на убыль.

Если в Турции германский империализм торжествовал, то в малых государствах Балканского полуострова обстановка была менее определенной. В течение русско-японской войны и первое время после ее окончания в своей балканской политике Россия и Австро-Венгрия продолжали придерживаться соглашений 1897 и 1903 гг. Первое устанавливало принцип поддержания status quo, а второе (Мюрцштегское) — совместный контроль над Македонией и солидарное сдерживание болгарских и иных притязаний на эту область.

Австро-русское сотрудничество не устраняло борьбы русского и австрийского влияния в балканских столицах. Оно только смягчало соперничество, вводило его в определенные рамки, которые нельзя было преступать — по крайней мере до тех пор, пока австро-русские соглашения продолжали признаваться обеими сторонами. Под покровом соглашений о сохранении status quo австрийский капитал осуществлял широкую экономическую экспансию на Балканском полуострове, который представлял для промышленности Австро-Венгрии второй по значению рынок (после германского).

Во всей Юго-Восточной Европе — и на Балканах и в Австро-Венгрии — обстановка определялась нарастанием национально-освободительного движения. Оно становилось все более опасным и грозило гибелью для обеих многонациональных монархий этого района — и турецкой и австро-венгерской. В лице освободительного движения народов, преимущественно славянских, турецкие султаны и австрийские Габсбурги имели общего врага, и это обстоятельство укрепляло ту базу, на которой зиждился союз султанской реакции с германо-австрийским блоком.

Преобладающее положение австрийского капитала на Балканах (за исключением Греции) и эксплуатация, которой он подвергал страны Балканского полуострова, усиливали в них ненависть к Австро-Венгрии.

В Болгарии, после восстановления (в 1896 г.) отношений с Россией, антиавстрийские настроения продолжали нарастать. В 1902 г., во время пребывания князя Фердинанда в Петербурге, был сделан шаг к дальнейшему, более тесному сближению между Россией и Болгарией — была подписана русско-болгарская военная конвенция.

В этом документе указывалось, что конвенция «имеет в виду действия только против Австрии и Румынии». Она «не может быть направлена против Турции, ни против другой какой-либо балканской державы». Россия обязывалась всеми своими силами содействовать сохранению целостности и неприкосновенности территории Болгарии. В случае нападения на Болгарию одной Румынии Россия должна была оказать Болгарии дипломатическую поддержку. В случае же выступления против Болгарии Австро-Венгрии Россия также вступала в войну. «Равным образом, если Австро-Венгрия и Румыния или Тройственный союз, не начиная войны против Болгарии, нападут на Россию, то Болгария должна мобилизовать свои силы» и, «когда Россия того потребует, начать против австро-румынских войск наступательные действия». Военные планы должны разрабатываться совместно под руководством русского генерального штаба. Во время войны «главное начальствование»

над вооруженными силами России и Болгарии будет принадлежать русскому главнокомандующему. Под конвенцией стояли подписи военных министров обоих государств — русского и болгарского [1].

Утвердив военную конвенцию с Россией, князь Фердинанд на деле, однако, продолжал лавирование между ней и Австро-Венгрией. Князя связывали с Австро-Венгрией династические узы, многих крупных болгарских капиталистов — узы капитала. Если страна в целом терпела от эксплуатации со стороны австрийского капитала, то зато часть крупной болгарской буржуазии была с ним тесно связана.

К тому же конвенция с Россией, гарантируя целостность Болгарии, ничего не давала ей для войны против Турции. Русское правительство в разгар экспансии на Дальнем Востоке не имело интереса затевать с Турцией войну или поддерживать претензии болгарской буржуазии на Македонию. Это обстоятельство обесценивало конвенцию в глазах очень многих представителей болгарской буржуазии. Царское правительство в Европе в первую очередь было озабочено подготовкой к возможной войне с германо-австрийским блоком, а вовсе не подготовкой войны с Турцией. Этот факт и определил содержание военной конвенции. Но влиятельные круги болгарской буржуазии имели противоположные интересы. Их влекла именно война с Турцией ради освобождения славянских земель, остававшихся под ее властью, и присоединения Македонии к Болгарии. В мае 1903 г. в Софии к власти возвратились стамбуловисты — представители крупной буржуазии, связанной с австрийским капиталом, искавшие сближения с Австро-Венгрией.

Пока дунайская монархия придерживалась Мюрцштегского соглашения с Россией, от австро-венгерского правительства тоже не приходилось ожидать активной поддержки болгарских притязаний на Македонию. Положение изменилось, если бы Австро-Венгрия отказалась от этого соглашения и от политики сохранения status quo. В этом случае князь Фердинанд легче мог бы перетянуть основную часть болгарской буржуазии в австро-германский лагерь. А такая перемена политики как раз и назревала в Австро-Венгрии.

Иначе складывалось положение в Сербии. Там особенно чувствовалось засилье австрийского капитала. Оно крайне отрицательно отражалось на экономическом развитии страны и тормозило рост национальной буржуазии. В соответствии с этим и ненависть против Австро-Венгрии была в Сербии еще более сильной, чем в Болгарии. В отличие от Болгарии национальные чаяния Сербии были обращены не только на славянские области Турции, но также — и даже в первую очередь — на южнославянские земли, томившиеся под скипетром Габсбургов. В Хорватии, Словении, в Боснии, Герцеговине, Воеводине и в других южнославянских районах двуединой монархии народные массы жаждали освобождения и объединения всего южного славянства.

Из славянских народов северо-западной части Балкан только Сербия и совсем крохотная Черногория располагали национальной государственностью. Ввиду этого господствующие классы габсбургской монархии полагали, что Сербия представляет для них чрезвычайную опасность в качестве центра южнославянского освободительного движения. Австро-Венгрия стремилась держать Сербию в состоянии экономической отсталости и военной слабости. Она обрекала Сербию на прозябание в качестве своего аграрного придатка.

В 1903 г. в Белграде произошел государственный переворот. Династия Обреновичей была свергнута, и сербский трон перешел к Карагеоргиевичам. Эта династия издавна ориентировалась на Россию, так же как и Радикальная партия, ведущая политическая организация сербской бур-

[1] АВПР, фонд Политархив, д. № 2248, л. 7—11.

жуазии, как и ее популярный лидер Никола Пашич. В России они усматривали единственную державу, от которой при случае можно было ожидать активной помощи в борьбе против Австро-Венгрии. Австро-русское сотрудничество не вызывало в Сербии доверия к своей прочности и длительности.

Сербская буржуазия мыслила себе освобождение южного славянства от ига Габсбургов под руководством сербской монархии и в форме включения всех славянских областей в ее состав. Это означало бы превращение маленького сербского королевства в «Великую Сербию». В демократических слоях южного славянства такая перспектива не вызывала сочувствия. Особенно резкое противодействие встречали великосербские идеи в Хорватии. Внутренние разногласия в южнославянском движении, однако, временно смягчались крайней остротой общей борьбы против австро-венгерского гнета.

Переворот в Сербии повлек за собой резкое усиление антиавстрийского национально-освободительного движения во всем южном славянстве. Сербское правительство активизировало усилия, направленные на освобождение страны от экономической кабалы, в которой ее держал австрийский капитал. Оно начало переговоры с Болгарией о таможенном союзе. Заказы на вооружение для сербской армии от австрийского концерна Шкода не без содействия русского правительства перешли к французской фирме Шпейдера.

В начале 1906 г. правительство Австро-Венгрии начало против Сербии торговую войну. Австро-венгерская граница была закрыта для сербских товаров. Поскольку Сербия не имела собственного выхода к морю и почти весь сербский экспорт шел либо в саму Австро-Венгрию или же через ее порты, торговая война оказалась в руках австро-венгерского правительства сильнейшим средством давления на маленького соседа, навлекшего на себя его гнев.

Сербское правительство, однако, не без успеха искало выхода из создавшегося тяжелого положения. Оно заключило соглашение с Турцией, облегчавшее вывоз сербских товаров через Салоники. С русской помощью Сербия получила заем во Франции. Французский капитал усилил проникновение на Балканы в противовес австрийскому и германскому.

Австро-Венгрия требовала у Сербии отказа от поддержки национально-освободительного движения южных славян в Австро-Венгрии. Она добивалась восстановления былой своей монополии на снабжение Сербии оружием и кредитом, отказа Сербии от таможенного союза с Болгарией и других уступок.

Все усилия австро-венгерских правителей были тщетными. Сербское правительство продолжало вести свою линию на освобождение страны от австро-венгерской кабалы и не отказывалось от помощи южным славянам Австро-Венгрии, хотя и старалось доказать, что ни в чем не нарушает норм, принятых в отношениях между государствами.

Русская революция 1905 г. подняла еще выше волны национально-освободительной борьбы. «Лоскутная» монархия Габсбургов грозила расползтись по всем швам. Глубокий внутренний кризис, расшатывавший обветшалую империю, грозил самому ее существованию. Восстание южного славянства могло бы стать началом гибели реакционного габсбургского государства.

При таких условиях в правящих кругах Австрии возросло влияние военной партии. Партия эта полагала, что спасение Австро-Венгрии требует незамедлительного радикального решения южнославянского вопроса в интересах Габсбургской монархии и австрийских капиталистических монополий посредством силы. При этом рекомендовалось использовать наступившее ослабление России. Имелось в виду начать с аннек-

сии Боснии и Герцеговины, дабы ликвидировать юридическую неопределенность их положения: эти две области согласно ст. 25 Берлинского трактата были оккупированы войсками Австро-Венгрии и поступили ей в управление, оставаясь номинально частью Османской империи. Эта неопределенность поощряла надежды местного славянского населения на временный характер австро-венгерского владычества и на возможность от него избавиться.

Следующим шагом после аннексии Боснии и Герцеговины должно было явиться уничтожение военной силой независимого сербского государства и захват его территории Австро-Венгрией. В качестве следствия такого шага ожидалось полное торжество австро-венгерского влияния в центре и во всей западной половине Балканского полуострова, включая Албанию, Македонию, путь на Салоники — к важнейшему порту Эгейского моря. Произошло бы значительное расширение сферы деятельности австрийского капитала.

Развитие австрийской экспансии неизбежно привело бы Австро-Венгрию к конфликту с Италией. Итальянским правящим кругам отнюдь не улыбался переход в руки Австро-Венгрии восточного побережья Отрантского пролива. Ведь он является единственным выходом из Адриатического моря, омывающего восточное побережье Италии. Но австрийскую военную партию не смущало противодействие со стороны Италии. Она даже считала желательной войну против этой страны. В случае успеха эта война заодно ликвидировала бы и притязания итальянских ирредентистов на владения Габсбургского дома: на Трентино, Триест, Истрию, Далмацию.

Захват Сербии, Боснии и Герцеговины должен был бы сопровождаться коренной внутренней перестройкой: преобразованием «дуалистического» государства на началах «триализма» или федерализма. Новую, третью по счету, составную часть монархии составили бы южнославянские земли, объединенные под скипетром Габсбургов. То была давняя программа феодально-клерикальных кругов австрийской половины дунайской монархии, встречавшая теперь активную поддержку со стороны венской финансовой олигархии, заинтересованной в экономической эксплуатации Балканских стран.

Во главе военной партии и сторонников триализма стояли наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, генерал Конрад фон Гетцендорф, наиболее авторитетный представитель австрийской военщины, а из числа видных дипломатов — барон Эренталь.

Феодальной аристократии Австрии и блокировавшимся с нею крупным венским банкам внутри господствующих классов по-прежнему противостояло венгерское дворянство. Противоречия между двумя половинами Австро-Венгрии быстро нарастали. Перестройка двуединой монархии в триединую (или в федерацию из большего числа элементов) должна была ослабить влияние Венгрии в габсбургском государстве. При этом «триалисты» не только собирались противопоставить мадьярам третью, южнославянскую часть монархии, но и включить в эту часть Хорватию, изъяв ее из состава Венгрии. Сторонники триализма намеревались умалить влияние мадьярской аристократии, претендовавшей на господствующую роль во всей Австро-Венгрии. Они готовились подавить стремление некоторых буржуазных кругов Венгрии к разрыву унии с Австрией и к полной национальной независимости.

Торжество военной партии и ее программы принесло бы с собой полный отказ от политики поддержания status quo и от сотрудничества с Россией на основе Мюрцштегского соглашения. Победа Франца-Фердинанда и его единомышленников означала бы переход Австро-Венгрии к открытой и широкой агрессии на Балканском полуострове. Это не исключало попытки сговора с Россией, но уже, конечно, не на

основе сохранения status quo, а на базе того или иного соглашения насчет дележа добычи.

Решающие перемены в смысле усиления позиций военной партии произошли в 1906 г., когда Конрад фон Гетцендорф был назначен начальником генерального штаба на смену фельдмаршалу Беку, а Эренталь заменил Голуховского на посту министра иностранных дел.

Новый руководитель габсбургской дипломатии считал, что старая политика Австро-Венгрии, рассчитанная на удержание Сербии в состоянии политической покорности и экономической зависимости, потерпела полную неудачу [1]. Программа Эренталя гласила: «аннексия Боснии, Герцеговины и включение неболгарских (! — *В. Х.*) частей Сербии» в состав монархии Габсбургов. Так писал сам Эренталь новому начальнику генерального штаба [2]. В связи с этим вслед за аннексией Боснии и Герцеговины Конрад фон Гетцендорф планировал войну против Сербии. Он считал ее «превентивной»: эта война должна была предотвратить опасность давно предвидевшегося в Вене выступления Сербии в роли балканского Пьемонта, отпадения южнославянских областей от Австро-Венгрии и их сплочения вокруг сербского государства. Результатом войны должна была явиться «аннексия Сербии». «Если наши войска, — писал Конрад, — будут в Нише, если мы станем там господами, то наше влияние будет обеспечено — в северо-западной части Балкан в особенности, но также и на Балканах в целом» [3].

Эренталь был согласен с Конрадом насчет войны против Сербии. Он рассчитывал при этом натравить на нее князя болгарского Фердинанда и отдать ему часть сербской территории. И Эренталь не щадил усилий, чтобы настроить против Сербии австро-венгерского агента, восседавшего на болгарском княжеском троне. Он показал Фердинанду приманку — но только не турецкую Македонию, о которой тот думал более всего, а кусок Сербии. Пользуясь сербско-болгарским конфликтом «в момент благоприятной обстановки в Европе, пояснял Эренталь, мы наложим руку на оставшуюся часть Сербии. Тогда у нас будут надежные границы» [4]. Таковы были замыслы нового руководителя внешней политики Австро-Венгрии. Вместе с Конрадом Эренталь стремился стереть с лица земли Сербию как государство. Он посвятил в свои планы правительство союзной державы. Эренталь поведал статс-секретарю германского ведомства иностранных дел фон Шёну, что считает необходимым «полное уничтожение сербского революционного гнезда» [5]. Классовый смысл политики Эренталя — Конрада заключался в попытке консолидации габсбургской монархии посредством уничтожения Сербии, рассматривавшейся в качестве главного очага, от которого распространялось пламя национально-освободительной борьбы. Внутри государства предусматривалось усиление господствующих классов собственно Австрии за счет дворянства Венгрии.

Если бы Германии, опираясь на союз с султанской реакцией, удалось окончательно подчинить себе Османскую империю, а Австро-Венгрии осуществить планы Эренталя — Конрада на Балканском полуострове, тогда бы весь Ближний Восток со всеми его людскими и материальными ресурсами оказался бы под пятой германского империализма. Была бы обеспечена непрерывная территориальная связь Германии с Босфором и Персидским заливом через союзную Австро-Венгрию, подчиненные ей Балканы и закабаленную Османскую империю. Соседка Турции — Пер-

---

[1] *B. E. Schmitt.* The annexation of Bosnia. Cambridge, Mas., 1937, p. 6.
[2] *Conrad von Hötzendorf.* Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, Wien — Berlin etc., 1921, Bd I, S. 528.
[3] *Conrad von Hötzendorf.* Aus meines Dienstzeit. Bd I, S. 530.
[4] Ibid., S. 138.
[5] «Die Grosse Politik», Bd XXVI, T. 1, № 8927, S. 28.

сия — очутилась бы под непосредственной угрозой германской экспансии. А уже и без того русская и английская буржуазия чувствовали на персидском рынке усиливавшуюся конкуренцию германского капитала. Торжество германских и австро-венгерских планов привело бы не только к экономическому вытеснению английского и русского (а за ними и французского) империализма с большей части Ближнего Востока, не только к устранению оттуда английского и русского влияния, но и к крупному сдвигу в общемировом соотношении сил в пользу германо-австрийской группировки и в ущерб всем другим империалистическим державам Европы.

Уже одна эта перспектива сплачивала Англию, Россию и Францию и заставляла отодвинуть на второй план или отложить многие из разделявших их серьезных противоречий. Ни Англия, ни Россия не желали отказаться от собственных империалистических замыслов на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, от притязаний на господство в этих районах. Русский и английский империализм, вопреки разделявшим их противоречиям, оба оказывались заинтересованными в отпоре германскому проникновению на Восток, пресловутому «Drang nach Osten», важным направлением которого становилась теперь Османская империя — от Балкан до Шатт-эль-Араба.

Постройка Багдадской дороги и македонский вопрос

Одним из сильнейших орудий, служивших германскому империализму для проникновения в Турцию, была постройка Багдадской дороги. Она строилась немецким Обществом Багдадской дороги на средства, вырученные от займа, выпущенного турецким правительством в 1903 г. при посредстве «Дейче банк». Платежи по займу обеспечивались доходами от провинций Османской империи, расположенных вдоль трассы дороги [1].

Займа хватило на сооружение всего лишь 200 километров пути в направлении от Коньи на восток, к Багдаду. Тяготы, которые постройка дороги возлагала на Турцию, усугублялись необходимостью обеспечить немецким капиталистам километрическую гарантию, т. е. минимальную прибыль от эксплуатации дороги с каждого ее километра, причем незавершенная линия, оканчивавшаяся пока что тупиком в глухом районе, была убыточной — и, возможно, на длительный срок.

Продолжение строительства дороги требовало новых займов. Турция не могла их получить, не предоставив обеспечения платежей по ним конкретными и верными источниками дохода. А такие источники в султанском государстве уже давно были заложены и перезаложены! Турецкое правительство задумало получить нужные ему дополнительные источники дохода, повысив таможенные пошлины на товары, ввозимые в Османскую империю.

Однако полуколониальное положение Турции затрудняло осуществление такого мероприятия. Размер ввозных пошлин был установлен неравноправными договорами, которыми была опутана Турция. Договоры определяли высоту обложения в 8% ad valorem (т. е. от цены товара). Поднять пошлины суверенным актом Турция не могла. Требовалось согласие тех иностранных государств, с которыми Турция была связана этими кабальными обязательствами.

Нотой от 5 марта 1905 г. Порта поставила вопрос о повышении пошлин на 3%, до 11% цены товара. Просьба была мотивирована потребностью в средствах, которые нужны были на осуществление реформ в Македонии [2]. Такая мотивировка, по расчетам турецкого правительства, должна была затруднить отказ: реформ требовали от Турции сами

[1] «Bagdad Railway», № 1 (1911). Cd. 5635. London, Stationary office, 1911, p. 11.
[2] См. «Реформы в Македонии. 1903—1905». Спб., 1906, стр. 193—194.

же иностранцы — обе участницы Мюрцштегского соглашения при поддержке других держав на основе ст. 23 Берлинского трактата.

Германия, конечно, поддерживала Турцию: повышение турецких пошлин должно было обеспечить постройку железной дороги и прибыли немецкому капиталу. Также поддержала Турцию и Австро-Венгрия. Она была союзницей Германии, а формально в качестве участника Мюрцштегского соглашения являлась инициатором кое-каких реформ в Македонии.

Мюрцштегское соглашение затрудняло и русскому царизму выступление против получения Турцией средств на реформы, вытекавшие из соглашения, под которым стояла подпись его представителя. Однако царское правительство потребовало, чтобы целевое назначение доходов от таможенной надбавки было строго фиксировано: на Македонию и только на Македонию!

Еще более резкое противодействие удовлетворению турецкой просьбы исходило от Англии. Она была самым крупным поставщиком товаров в Турцию, и поэтому ее торговля больше всех была бы задета повышением таможенного обложения. Но главной причиной враждебной позиции английского империализма было стремление затруднить финансирование Багдадской дороги и дать Турции почувствовать невыгодные стороны пребывания в германском лагере.

Во время англо-русских переговоров о заключении Антанты английское правительство предлагало русским возобновить переговоры с немцами о Багдадской дороге — с тем, чтобы вести их всем трем членам Антанты совместно и добиваться равноправного участия в управлении предприятием. Английский империализм хотел вырвать Багдадскую дорогу из монопольного распоряжения Германии.

Царское правительство уклонилось, не желая ввязываться в спор с Германией. Оно предпочитало заключить с ней сепаратное соглашение, но потерпело фиаско. Во время пребывания кайзера в Англии в 1907 г. английское правительство дало понять высокому гостю, что противодействие сооружению дороги будет им прекращено в случае полной передачи в руки английского капитала конечного участка дороги от Багдада до Персидского залива. Немцы не соглашались, однако, на такое умаление сферы своего влияния [1].

Торг вокруг надбавки к пошлинам между Портой и державами, сопровождавшийся грызней в их собственной среде, продолжался около двух лет [2]. Только весной 1907 г. было достигнуто окончательное соглашение о повышении пошлин за ввоз товаров в Турцию до 11% ad valorem. Но согласие давалось не навсегда, а только на семь лет — по 1914 г. К этому сроку надбавка в руках империалистов снова могла сделаться средством нажима на Турцию. Главное же, Турция не получила права свободного распоряжения дополнительными доходами, которые доставляло повышение пошлин. 75% всех средств от новых поступлений Турция должна была обращать на покрытие дефицита в бюджете трех македонских вилайетов. Только из оставшихся 25% могло кое-что перепасть на гарантии для Багдадской дороги. Это было много меньше того, что норовили получить Порта и «Дейче банк».

Как бы то ни было, в феврале 1908 г. султан все же оказался наконец в состоянии дать согласие на постройку очередного участка Багдадской магистрали протяженностью 850 километров. Контракты были подписаны 2 июня. Доходы от таможенной надбавки позволили теперь заключить новый значительный заем на эту цель [3]. Германский импе-

[1] *Earle.* Turkey, the Great Powers and the Bagdad Railway, p. 108.

[2] См. *И. С. Галкин.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции. 1905—1912. М., 1960. стр. 202—209.

[3] «Bagdad Railway», № 1 (1911), p. 31—36.

риализм добился нового большого успеха в деле закабаления Турции.

Но и теперь дорога еще далеко не достигала Багдада. Она не доходила даже до Мосула. Вопросы о выходе магистрали к Персидскому заливу и о ее конечном пункте на побережье тоже остались открытыми.

В 1906—1907 гг., т. е. в те самые годы, когда германский империализм вел борьбу за продолжение постройки Багдадской железной дороги, в Вене подготовляли переход Австро-Венгрии к агрессии на Балканском полуострове. Австрийская военная партия считала необходимым торопиться: надо было осуществить агрессию на Балканах ранее, чем Россия вновь наберется силы. Австро-Венгрия спешила воспользоваться благоприятным моментом для укрепления своих позиций на Балканском полуострове. Лидеры военной партии — и престолонаследник и министр иностранных дел не раз высказывали желание проводить экспансию на Балканах в сотрудничестве с Россией, а не в борьбе против нее. Эренталь еще до назначения министром, в бытность послом в Петербурге, носился с идеей возобновления союза трех императоров на основе сделки за счет Турции: себе он хотел взять Боснию и Герцеговину, а России предложить благоприятствующее ей изменение режима проливов [1].

Проект железной дороги на Салоники

Вскоре после свидания в Свинемюнде и заключения англо-русского соглашения Извольский в сентябре 1907 г. посетил Вену, где встретился с Эренталем. Тот много лет был послом в Петербурге, и Извольский был информирован о его взглядах.

Русское правительство ввиду своей военной неподготовленности волей-неволей оставалось заинтересованным в сохранении на Балканах спокойствия и в предотвращении столкновения славянских государств друг с другом и с Турцией. Но подготовка Австро-Венгрии к захватническим действиям на Балканах была в Петербурге хорошо известна. Там боялись быть застигнутыми врасплох, оказаться перед совершившимися фактами захватов, произведенных соперником. И притом — что особенно неприятно — ничего не получить для себя! Во время своего визита в Вену Извольский принял меры к тому, чтобы в случае нарушения существующего положения, т. е. нового империалистического передела Балкан и Османской империи, царизм не вышел бы из игры с пустыми руками, а смог захватить крупную добычу.

Хотя Эренталь свою беседу с Извольским начал с заверений о приверженности Австро-Венгрии к status quo, его русский собеседник подозревал, что высказывания австро-венгерского министра не отличались «совершенной правдивостью». Извольский подозревал, что во время встреч Эренталя с итальянским министром иностранных дел Титтони (в Дезио и Земмеринге) сговор не ограничился взаимным обязательством «не искать в Албании никаких территориальных приобретений и возможно дольше поддерживать в этой стране нынешнее положение» (в чем заверял Эренталь). Извольский предполагал (и не ошибся) наличие тайных соглашений между Италией и Австро-Венгрией. И теперь Извольский торопился «заранее выяснить, возможно ли для России и Австрии продолжать действовать в полном единении», если бы существующее положение на Балканах оказалось как-либо нарушенным. Для этого, заявил Извольский, прежде всего необходимо, чтобы каждая сторона знала о «конечных целях и вожделениях другой». Россия, продолжал он, «не желает никакого территориального приращения, ни за счет Турции, ни за счет какой-либо из Балканских держав». Интерес ее «весь сосредоточивается на вопросе о свободном выходе из Черного

[1] *W. M. Carlgren.* Iswolsky und Aehrenthal vor der Bosnischen Annexionskrise. Uppsala, 1955, S. 62.

моря в Средиземное». Он просил Эренталя сообщить о планах Австро-Венгрии. Тот заявил об «искреннем сочувствии» высказанному Извольским стремлению к «всестороннему соглашению» и обещал подумать. Он, по сообщению Извольского, был «весьма склонен пойти по указанному мною (т. е. Извольским) пути». Но ему необходимо посоветоваться — в частности, с союзным германским правительством. Извольский был принят императором и виделся также с эрцгерцогом Францем-Фердинандом. Наследник австрийского престола высказался за самое тесное сотрудничество с Россией и возвращение к союзу трех императоров [1].

Практически обе стороны пока еще продолжали действовать в духе сохранения status quo. Ближайшим следствием беседы русского и австро-венгерского министров явились тождественные ноты России и Австро-Венгрии правительствам Болгарии, Сербии и Греции с предложением прекратить разжигание волнений в Македонии [2]. В совместном австро-русском публичном заявлении говорилось о продлении Мюрцштегского соглашения до 1914 г. Это было едва ли не последним совместным актом России и Австро-Венгрии в духе Мюрцштега. Таким образом, в сентябре 1907 г. руководителям австро-венгерской политики, уже подготовлявшим в это время ряд захватов на Балканском полуострове, царский министр предложил проводить их совместно, по взаимному соглашению.

Австро-венгерская сторона не сразу согласилась на это. Вопреки прежним выступлениям Франца-Фердинанда и Эренталя и как бы подтверждая подозрения Извольского, Австрия на практике повела экспансию на Балканах не вместе с Россией, а сепаратно и даже против России, в нарушение ее интересов.

В 1907 г. Эренталь выдвинул перед турецким правительством проект сооружения железной дороги от австрийской границы через Новобазарский санджак на Митровицу, откуда уже имелась дорога к Салоникам. Осуществление этого проекта должно было обеспечить Австро-Венгрии путь к Эгейскому морю, расширить австрийскому капиталу доступ в самое сердце Балкан. Постройка дороги должна была решить в пользу Австро-Венгрии и разгоравшуюся борьбу за Македонию: железная дорога закрепила бы экономическое господство Австро-Венгрии (и Германии) в этой области, что упрочило бы также и их политические позиции там. Австро-Венгрия требовала также от Турции монополии на концессии в македонских вилайетах. Учитывая влияние Германии на турецкое правительство, закрепление в Македонии обеспечило бы германско-австрийскому блоку гегемонию на большей части Балканского полуострова.

28 января 1908 г. Эренталь, выступая перед комиссией по иностранным делам венгерской делегации [3], публично заявил о проекте сооружения железной дороги до Митровицы. У султана было испрошено согласие на производство изыскательских работ, которые собирался осуществлять синдикат австрийских и венгерских банков.

За согласие выдать концессию на Митровицкую (иначе Санджакскую) железную дорогу австро-венгерское правительство тайно обещало туркам политическую поддержку. Русским дипломатам поступили сведения, что Эренталь выразил готовность «помогать Турции во всех вопросах, касающихся Балканского полуострова» [4]. Германия, как обычно,

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1907 г., д. № 42, л. 251—269. Записка Извольского Николаю II от 19 (6) ноября 1907 г.

[2] *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 187.

[3] В Австро-Венгрии парламенты обеих частей государства выделяли так называемые делегации для обсуждения вопросов, общих для всего государства в целом.

[4] *И. С. Галкин.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг., стр. 211.

поддерживала Австро-Венгрию. За выдачу концессий австрийским капиталистам и передачу в результате этого Македонии в монопольную эксплуатацию австрийскому капиталу Германия и Австро-Венгрия готовы были отказаться от реформ в Македонии и от ущемления турецкого суверенитета в этом районе [1]. Все это означало односторонний отказ Австро-Венгрии от Мюрцштегского соглашения с Россией и сотрудничества с ней и походило на попытку заменить австро-русский контроль в Македонии австро-германским, с вытеснением влияния России из македонских провинций.

Реакция царской России и Англии

Речь Эренталя вызвала в России крайнее возбуждение в правительстве и в буржуазных кругах. По выражению Извольского, «осуществление австрийского плана привело бы к германизации Македонии» [2]. Дух соглашения 1897 г. требовал предварительного согласования с Петербургом, чего Эренталь не сделал. Извольский был раздражен его сепаратными действиями [3].

К моменту выступления Эренталя царское правительство еще стояло на почве своего соглашения с Австро-Венгрией (от 1897 г.) о сохранении status quo. За два дня до речи Эренталя в российском министерстве иностранных дел была подготовлена записка под названием «Общее положение дел на Балканском полуострове» [4]. В этом документе обстоятельно доказывалось, что интересы России требуют сохранения status quo. В записке отмечалось, что все Балканские государства стремятся его опрокинуть и произвести раздел Турции. Предотвратить этот раздел, по мнению авторов записки, Россия может только в сотрудничестве с Австро-Венгрией. Такова была программа царской дипломатии.

Но переход Австро-Венгрии к политике прямой империалистической экспансии крайне затруднял для царского правительства осуществление такой программы, т. е. продолжение старого курса на сохранение Османской империи. Ведь Эренталь, выдвигая проект строительства австрийским капиталом железной дороги в Македонии, фактически порывал с австро-русскими соглашениями 1897 и 1903 гг., предусматривавшими совместную австро-русскую политику — первое — на Балканах в целом, второе — в Македонии. Он переходил к сепаратным агрессивным действиям.

Продолжай теперь царское правительство курс на сохранение status quo, оно вступило бы в резкое противоречие с Австро-Венгрией. Ряд других факторов также толкал царизм на отказ от старой политики. В России кадетская часть буржуазии энергично поддерживала английский проект реформ в Македонии, фактически направленных на ее постепенное отторжение от Турции, как это уже было сделано с островом Крит. Кадетская газета «Речь» и ряд других буржуазных газет после выступления Эренталя опубликовали статьи под заголовком «Конец Мюрцштегского соглашения» [5].

Нельзя забывать и о том, что после гибели балтийского и тихоокеанского флотов в войне с Японией военный флот сохранился у России только на Черном море. В связи с этим для царского правительства особенно возросло значение вопроса об открытии Босфора и Дарданелл для военных кораблей; открытие проливов позволило бы маневрировать единственно уцелевшей морской силой, накрепко запертой в Черном море.

---

[1] *И. С. Галкин.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг., стр. 212.

[2] «British Documents», vol. V, № 195, p. 242.

[3] «Die Grosse Politik», Bd XXV, T. 2, № 8733, S. 344—345.

[4] Излагается по кн.: *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 189.

[5] См. *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 188.

Положение осложнялось наличием турецко-персидского конфликта. В Персии началась буржуазная революция. В связи с этим Турция сосредоточивала военные силы на персидской границе. Цель заключалась в том, чтобы отторгнуть у Персии принадлежавшие ей части Азербайджана и Курдистана. Турецкое правительство ссылалось на неопределенность турецко-персидской границы и предъявляло претензии на некоторые пограничные территории. Еще в конце 1905 г. турки захватили у Персии большой район южнее озера Урмия [1]. Распространения турецких захватов в Персии русское правительство ни в коем случае не хотело. Такую же позицию занимали и в Лондоне.

В это время царское правительство по согласованию с британским само готовило вооруженную контрреволюционную интервенцию в Персии. В этой связи русское командование в Закавказье предприняло ряд мер военной подготовки, которые, однако, могли бы послужить и для противодействия Турции.

В такой обстановке Извольский предложил своему правительству присоединиться к Англии в ее антитурецкой политике. Он уже давно склонялся к тому, чтобы, не отставая от Австро-Венгрии, вступить на стезю открытой агрессии. На Особом совещании 24 (11) августа 1907 г. Извольский намекал на желательность такой политики. Столыпин, тоже, конечно, являвшийся империалистом, тем не менее решительно выступил против министра иностранных дел. «Наше положение не позволяет нам вести агрессивную политику», — заявил глава царского правительства. В эти же дни Извольский говорил прямо противоположное. В беседе с Сувориным, издателем «Нового Времени», наиболее влиятельной русской газеты, Извольский заявил: «В Европе назревают события. Мы должны быть свободны в Европе... Поднимемся мы только удачной войной с кем-нибудь, все равно с кем» [2]. 3 февраля 1908 г. снова состоялось Особое совещание, на котором Извольский обратил внимание собравшихся министров на обстановку, сложившуюся на турецко-персидской границе и вообще в Турции. Положение вызывало у него тревогу. Извольский предложил использовать сближение с Англией, дабы отказаться от чисто оборонительной политики, которой в основном придерживалась Россия на Ближнем Востоке после окончания русско-турецкой войны. Этой политике только что был нанесен серьезный удар Австро-Венгрией. Извольский и предложил в связи с этим установить сотрудничество с Англией в турецко-персидском конфликте и в вопросе о реформах в Македонии. Он считал, что Англия готова на совместное выступление против Турции — даже военного характера.

Резко агрессивная тенденция, проявившаяся в выступлении Извольского, а также в ряде буржуазных газет, получила исчерпывающую характеристику В. И. Ленина: «На такую политику, после Цусимы и Мукдена, могут бросаться только люди, у которых окончательно уходит почва из-под ног» [3]. Извольский предлагал политику опаснейших авантюр.

Планы Извольского были отвергнуты. Ген. Поливанов, выступавший на Особом совещании от имени военного министерства, указал на военную неподготовленность России, вооруженные силы которой не были еще реорганизованы после поражения на Дальнем Востоке. «Всякие контрмеры против военных приготовлений турок на кавказской границе, — заявил Поливанов, — могут быть осуществляемы лишь с большой осторожностью и, хотя наступательный образ действий в отношении турок способен, конечно, лучше гарантировать успех, тем не менее прибегнуть к нему в настоящее время было бы весьма опасным». Возражал

[1] См. *М. С. Иванов.* Иранская революция 1905—1911 годов. М., 1957, стр. 211.
[2] Цит. по кн.: *А. С. Суворин.* Дневник. М. — Пг., 1923, стр. 376.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 16, стр. 415.

Извольскому и министр финансов Коковцов. Но с особой решительностью восстал против воинственных замыслов Извольского Столыпин. Он заявил, что «в настоящее время министр иностранных дел ни на какую поддержку для решительной политики рассчитывать не может». В тех условиях, в которых находилась Россия, любая политика, «кроме строго оборонительной, была бы... бредом ненормального правительства». Через несколько дней, 10 февраля, Совет государственной обороны принял следующее решение: «Вследствие крайнего расстройства материальной части в армии и неблагоприятного внутреннего состояния необходимо ныне избегать принятия таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения» [1].

Таким образом, Извольскому приходилось пока ограничиться применением дипломатических средств. Он начал с того, что противопоставил австрийскому железнодорожному проекту собственный контрпроект. Извольский намечал сооружение железной дороги от одного из албанских портов на побережье Адриатики к Дунаю. Этого уже раньше добивалось сербское правительство. Такая линия должна была дать Сербии выход к морю, экономически и политически независимый от Австро-Венгрии. Тем самым ослаблялась кабала, в которой Австро-Венгрия держала Сербию.

Ясно, что проект Дунайско-Адриатической железной дороги для австрийцев был невыгоден. Но именно поэтому проект пользовался поддержкой Италии. Итальянский империализм был соперником австро-венгерского на Адриатике и в западной части Балканского полуострова, особенно в Албании и Черногории. Дорога от Адриатического побережья в глубь Балкан могла содействовать проникновению туда итальянских товаров и итальянского влияния. Намечалась почва для сотрудничества на Балканах русского империализма с итальянским.

Тогда же, в начале 1908 г., правительство Австро-Венгрии дало понять своим друзьям на Балканах, что оно отказывается от политики сохранения status quo и что они в свою очередь могут приступить к борьбе за свои цели. 13—14 марта состоялась встреча Эренталя с князем болгарским Фердинандом. Немецкий принц, человек чуждый болгарскому народу, ловкий авантюрист, Фердинанд был по существу агентом габсбургской монархии на княжеском престоле. Эренталь сообщил Фердинанду, что не ожидает агрессивных действий со стороны России. Австро-венгерский министр продолжал: «Венский кабинет не стремится ни к форсированию событий (на Балканах), ни к постоянству политики status quo. Если силою вещей события придут в движение, мы займем выжидательную позицию и не станем мешать Болгарии» [2].

Такое заявление являлось прямым и достаточно прозрачным поощрением болгарского князя к активной политике. Фердинанд тотчас же понял намек и прямо спросил мнение австро-венгерского министра — не встретит ли Болгария в случае перехода к агрессивной политике противодействия со стороны Румынии? На это Эренталь дал понять своему собеседнику, что Австро-Венгрия готова содействовать заключению болгарско-румынской сделки. Свидание Фердинанда с Эренталем явилось первой из числа международных встреч, посвященных подготовке передела Балкан и всего Ближнего Востока.

Наметившееся обострение русско-австрийских отношений было на руку Англии. Английское правительство почувствовало, что возможности для его ближневосточной политики значительно возросли. Этому содействовало также осложнение обстановки в Македонии и рост младо-

[1] «Вестник Народного комиссариата иностранных дел», 1919, № 1, стр. 19—26.
[2] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik 1908—1914. Diplomatische Aktenstücke des Österreich-Ungarischen Ministerium des Äussern», Bd I, № 1, Wien und Leipzig, 1930, S. 2.

турецкого движения. И английское правительство решило использовать обстоятельства, дабы нанести Османской империи новый удар. 3 марта 1908 г.[1] оно обратилось к великим державам с предложением потребовать от Турции далеко идущих преобразований в ее македонских провинциях. Осуществление английского проекта фактически означало бы отторжение этой страны, превращение там турецкой власти в чисто номинальную. Во главе Македонии предполагалось поставить генерал-губернатора, назначить и сместить которого султан мог не иначе как с согласия всех великих держав. Повторялось требование о сокращении турецких войск, увеличении жандармерии под международным командованием, о контроле не только над финансами, но и над судебными учреждениями и т. д. Британские проекты отнюдь не были рассчитаны на содействие освободительному движению. Напротив, они мыслились как средства его подавления. Грей мотивировал необходимость усиления жандармерии тем, что находящиеся в Македонии турецкие войска и полиция бессильны справиться с революционными отрядами («четами»), действовавшими в горах[2]. В обстановке происходившего тогда англо-русского сближения и нарастания австро-русских разногласий английская дипломатия стремилась окончательно оторвать Россию от Австро-Венгрии и добиться согласия с царским правительством по вопросу о Македонии. Вдвоем можно было сильнее нажать на султана, чтобы принудить его отойти от Германии в лагерь Антанты.

В Берлине и Вене тотчас раскусили смысл английского предложения: то был новый шаг в борьбе за господство над Турцией. И Германия и Австро-Венгрия отвергли британские проекты «реформ» для Македонии. Царское правительство выдвинуло компромиссное предложение: суть его сводилась к замене двойственного австро-русского контроля над Македонией многосторонним, с явным преобладанием Антанты, но без фактического отторжения страны от Турции.

9—10 июня 1908 г. в Ревеле состоялось свидание Эдуарда VII с Николаем II. Короля сопровождал постоянный заместитель министра иностранных дел Гардинг, а царя — Столыпин и Извольский. В центре внимания был македонский вопрос. Полной договоренности достигнуть не удалось. Гардинг пытался сильнее заострить против Турции ряд положений русского проекта в отношении Македонии. Извольский откладывал ответ: он объявил вопрос заслуживающим очень тщательного изучения! При этом Извольский подчеркивал перед Гардингом необходимость для России считаться с Германией. Она располагает, говорил царский министр, превосходящей военной мощью у русской границы. «Ввиду этого, — записал его слова Гардинг, — Россия должна действовать в отношении Германии с величайшей осторожностью». Нельзя создавать у немцев впечатление, что улучшение отношений России с Англией вызовет ухудшение отношений России с Германией[3].

Гардинг был настроен гораздо более решительно, нежели его российский коллега. Он заявил, правда, что английское правительство понимает необходимость избегать всего, что может без надобности раздражить Германию. «Но что касается правительства его величества, то это не означает, что оно готово пожертвовать своими законными интересами или интересами человечества ради того, чтобы избежать неудовольствия Германии». «Невозможно игнорировать тот факт, что необоснованно значительное увеличение германской военно-морской программы вызвало в Англии чувство глубокого недоверия к будущим

---

[1] Английская нота была датирована 3 марта 1908 г., но фактически вручена адресатам 4 марта.

[2] См. *И. С. Галкин.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции, стр. 209—210.

[3] «British Documents», vol. V, № 195, p. 238.

намерениям Германии». Это чувство усилится под воздействием новых расходов на ответные морские вооружения. «Через семь или восемь лет, — продолжал английский дипломат, — может возникнуть критическая ситуация, при которой Россия, если она будет сильна в Европе, может стать арбитром в сохранении мира и иметь в этом смысле большее влияние, чем любая Гаагская конференция. Ввиду этого совершенно необходимо, чтобы Россия и Англия сохранили друг с другом такие же сердечные и дружественные отношения, какие существуют ныне у Англии с Францией и которые, кроме того, диктуются тождественностью интересов, в числе которых разрешение македонской проблемы занимает не последнее место» [1]. Македонский вопрос, таким образом, оказывался тесно связанным с англо-германским антагонизмом в его целом.

Ревельское свидание породило чрезвычайные опасения и в Берлине и в Вене. Германские империалисты предприняли пропагандистскую кампанию против политического «окружения», которому подвергают Германию, сжимая вокруг нее кольцо враждебного военного блока. Ответственность за это в Германии возлагали в первую очередь на британскую дипломатию и лично на Эдуарда VII. Как и всегда, правительство кайзера использовало страх перед Антантой для выколачивания средств на вооружение и особенно на флот.

Антианглийская кампания не помешала, впрочем, немецкой печати вспомнить и о России. На страницах германского официоза («Норддейче альгемейне цайтунг») появилась многозначительная статья, в которой выражалось недовольство англо-русским сближением. Когда Извольский заговорил об этой статье с германским послом Пурталесом, тот заявил, что не следует удивляться недоброжелательной реакции пемецкой прессы: ведь Россия сближается с Англией, т. е. с государством, которое стремится вызвать осложнепия на Ближнем Востоке. Извольский возразил: русское правительство, сказал он, всегда лояльно выполняло условия Мюрцштегского соглашения, пока венский кабинет не изменил этому договору.

В другой беседе, в начале июля 1908 г., Извольский заявил послу, что направление курса русской политики зависит от Германии. Если Германия и Австро-Венгрия займут благожелательную позицию, тогда Россия сможет сотрудничать «с двумя консервативными империями». Иначе она выпуждена будет искать сближения с Англией.

Подготовка австро-русской сделки

Широко демонстрируя дружбу с Англией, царское правительство тем самым оказало серьезное давление на Австро-Венгрию. Теперь наступила очередь австро-венгерских правящих кругов и их германских друзей предаваться смятению по поводу положения на Балканах. Начали нервничать в Берлине и в Вене еще весной, задолго до ревельского свидания.

Подготовив таким образом почву в Австро-Венгрии и не прекращая переговоров с Англией по македонскому вопросу, 27 апреля 1908 г. царское правительство обратилось к австро-венгерскому с памятной запиской: оно просило поддержать проект Дунайско-Адриатической дороги в обмен за то, что само оно не станет мешать осуществлению австро-венгерского железнодорожного проекта. Австрийский ответ последовал с необычной быстротой: уже 1 мая. В нем предлагалось обсудить общий вопрос о возобновлении австро-русского согласия [2]. Эренталь теперь явно хотел втянуть Россию в какое-то новое соглашение с Австро-Венгрией. Он не оставлял своей давней идеи

[1] «British Documents», vol. V, № 195, p. 239.
[2] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 3, S. 5—6.

относительно размена аннексии двух турецких провинций, оккупированных Австро-Венгрией по решению Берлинского конгресса, на уступки царской России в вопросе о проливах. Извольский, будучи в Вене в сентябре 1907 г., в менее конкретной форме предлагал то же самое. Ныне ему протянули руку, и русский министр с поспешностью за нее ухватился.

Русское правительство ответило 2 июля. Оно подтверждало свое предложение насчет строительства железных дорог.

Что касается соглашения 1897 г. о совместном поддержании status quo на Балканах, то русское правительство сообщало, что оно по-прежнему стоит за сохранение там существующего положения. Русское правительство подтверждало свою старую точку зрения, выраженную в его ноте 1897 г., что всякое изменение ст. 25 Берлинского трактата, т. е. превращение оккупации Боснии, Герцеговины и Новобазарского санджака в их аннексию Австро-Венгрией, составляет вопрос общеевропейский. Он не может быть разрешен двусторонним соглашением между Россией и Австро-Венгрией. «Мы готовы признать, — говорилось далее в русской памятной записке, — что такое же ограничение относится и к вопросам о Константинополе, о прилегающей к нему территории и о проливах». Но русское правительство не отказывалось ввиду важности этих двух вопросов обсудить их «в духе дружественной взаимности». Таким образом, на намеки, содержавшиеся в австрийской записке от 1 мая, последовал сочувственный ответ. По вопросу о Македонии в русской записке содержалось приглашение сообща заняться редактированием совместных предложений Турции [1].

В этой ответной записке Извольский давал Австро-Венгрии недвусмысленное согласие на продолжение начатой ею политики экспансии. Более того. Он проявлял склонность сделать царскую Россию соучастницей Австро-Венгрии. У Эренталя сразу отлегло от сердца. Казалось, угроза англо-русского единого фронта на Балканах рассеялась. Казалось, что поддержка России обеспечена Австро-Венгрии.

Турецкая революция 1908 г. и ее влияние на дипломатическую борьбу

В этот момент хитросплетения империалистической дипломатии были нарушены революционными событиями в Турции. В те самые дни летом 1908 г., когда между империалистами шел торг из-за железнодорожных проектов и за влияние на Македонию, в Турции произошла буржуазная революция. Началось как раз в Македонии. 3 июля там в крепости Реста восстал гарнизон, поднятый офицерами-младотурками по сигналу комитета «Единение и прогресс», руководящего органа младотурецкого движения. Революция стала быстро распространяться. В ночь на 24 июля султан Абдул-Гамид вынужден был согласиться на восстановление конституции.

Одной из причин революции было возмущение турецкого народа засильем империалистов в стране и низведением Турции на положение полуколонии. Империалисты, справедливо указывал Ленин, *«боятся* успеха турецкой революции» [2]. Она оказывала революционизирующее воздействие на мусульманское население в Боснии, что вызывало большое беспокойство в правящих кругах Австро-Венгрии. Нельзя было не учитывать и возможного влияния турецкой революции на мусульманское население Российской и Британской империй. Особенно тревожились английские империалисты за Египет, поскольку он номинально оставался частью Османской империи. «Мусульмане, — писал Грей, — имевшие возможность сравнивать условия своей жизни под управлением султана с жизнью мусульман, управляемых нами, до сих пор

[1] АВПР, фонд Политархив, 1908 г., д. 88, л. 32—35. «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 9, S. 11.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 17, стр. 222.

обычно готовы были отдать нам предпочтение. Но если теперь Турция учредит парламент и улучшит управление, то требования конституции в Египте достигнут большой силы, а наша способность к сопротивлению этому требованию значительно уменьшится. Если при наличии правильно действующей турецкой конституции и хорошего положения дел в Турции нам придется подавлять силой и расстреливать в Египте восстание народа, также требующего конституции, то положение станет очень щекотливым» [1]. Что в Египте тоже можно было бы ввести конституцию — это в голове «либерального» империалиста сэра Эдуарда Грея просто не укладывалось.

Империалисты опасались не только воздействия турецкой революции на другие страны. Они боялись, как бы им не потерять и саму Турцию в качестве полуколонии. «Конституционное движение в Турции, — писал В. И. Ленин, — угрожает вырвать эту вотчину из лап европейских капиталистических хищников» [2]. Поскольку султанская Турция стала вотчиной по преимуществу германского империализма, то естественно, что больше всего революция задела именно немецких империалистов и их австро-венгерских союзников.

И русскому и английскому империализму в узкодипломатическом смысле горевать было не о чем: старый режим в Турции шел в ногу с их противником — Германией. Тревожила их возможность революционизирующего воздействия турецкой революции на их собственные владения.

Вскоре выяснилось, что страхи эти были преждевременными. Стало очевидным, что турецкая буржуазная революция носила верхушечный характер. Ленину уже 5 августа 1908 г. было ясно, что это «полупобеда или даже меньшая часть победы», хотя он и считал неизбежным в последующем ее углубление [3]. Революция в Турции не являлась народной [4]. «Младотурков, — писал В. И. Ленин, — хвалят за умеренность и за сдержанность, т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов» [5].

Ленин очень точно обрисовал положение дел. У английских империалистов течение турецкой революции очень скоро породило надежду на то, что им удастся договориться с новым турецким правительством. Они пришли к выводу, что имеется возможность сохранить Турцию на положении полуколонии и вместе с тем вырвать ее из-под влияния Германии и повернуть к ориентации на Англию. Некоторое время имелись основания полагать, что расчеты английских империалистов сбудутся: после революции великим визирем был назначен Киамиль-паша, давно и тесно связанный с англичанами [6]. В расчете на превращение Турции из германской полуколонии в английскую британское правительство решило поддержать правительство Киамиля [7]. С этой целью оно круто изменило курс и отказалось от всякого нажима на Турцию по поводу реформ в Македонии. Другим державам, раз они дорожили своим положением в Турции, пришлось последовать английскому примеру [8]. Англия предложила также новому турецкому правительству финансовую помощь.

[1] «British Documents», vol. V, № 204, p. 263; цит. в кн.: *А. Ф. Миллер.* Краткая история Турции. М., 1948, стр. 126—127.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 17, стр. 186.

[3] См. там же, стр. 177.

[4] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 33, стр. 39.

[5] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 17, стр. 223.

[6] См., например, донесение русского поверенного в делах в Турции, опубл. в «Красном архиве», 1930, т. 6 (43), стр. 41—42.

[7] «British Documents», vol. V, № 204, p. 263; Тарих (история) Турции, изд. Турецкого исторического о-ва, т. 3, цит. по переводу с турецкого. Подготовл. Ин-том Востоковедения в Москве. (Рукопись).

[8] Ср. *И. С. Галкин.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции, стр. 220—225.

Такая позиция английских империалистов объяснялась политикой новой турецкой власти: и Киамиль-паша и руководство младотурок боялись народа ничуть не меньше, чем иностранные империалисты. Комитет «Единение и прогресс» уже в сентябре 1908 г. изъял из своей программы наиболее радикальные требования [1]. Поэтому сотрудничество с новым турецким правительством оказывалось для английских и русских империалистов делом вполне возможным и даже желательным — как с точки зрения борьбы против немецкого конкурента, так и ради прекращения дальнейшего развития революции в Турции.

Наоборот, Австро-Венгрия решила нанести жестокий удар новому турецкому правительству, осмелившемуся перебежать в английский лагерь. Ударом таким должна была стать незамедлительная аннексия Боснии и Герцеговины.

Обе империалистические группировки — и Антанта и австро-германский блок — преследовали в Турции свои корыстные цели. Обе они ковали заговор против турецкой революции и турецкого народа [2]. Но каждая группировка хотела сделать это таким образом, чтобы у власти в Турции оказались именно ее люди. Германо-австро-венгерский блок стремился задушить революцию посредством восстановления султанского абсолютизма. Антанта намеревалась совершить то же самое, но руками нового, внешне либерального правительства.

Совещание австро-венгерских министров 19 августа 1908 г.

Турецкая революция побудила австро-венгерского министра иностранных дел и всю военную партию еще более поспешить с осуществлением своих давно задуманных планов. Эренталь боялся, что новое турецкое правительство, опираясь на Англию, потребует возвращения Боснии и Герцеговины. Он хотел подорвать его положение, нанеся ему звонкую пощечину — учинив захват турецких владений. Момент внутреннего кризиса в Турции австрийская военная партия считала наиболее удобным для покушения на турецкую территорию. 19 августа 1908 г. под председательством Эренталя (в качестве общеимперского министра иностранных дел) собралось совещание министров по общим вопросам обеих половин дуалистической монархии. В совещании участвовали председатели обоих советов министров — Австрии и Венгрии — фон Бек и Векерле, общеимперские министры военный и финансов, начальник генерального штаба. Эренталь предложил провести в ближайшее же время аннексию Боснии и Герцеговины. Он заявил, что не ожидает серьезного противодействия со стороны держав. И соперник Австро-Венгрии — Россия, и объект грабежа — Турция — переживали критическое положение, для войны отнюдь не подходящее. Начальник генштаба Конрад фон Гетцендорф также считал момент благоприятным для перехода к агрессии на Балканах. Россия, говорил он на совещании, «в настоящее время не в состоянии вести войну, военное положение Турции тоже не таково, чтобы с ее стороны можно было спасаться нападения». С одной же Италией Австро-Венгрия справится; «с чисто военной точки зрения война с Италией была бы в настоящий момент даже желательной», заключил начальник генерального штаба [3].

Возражал против аннексии только один из участников совещания — премьер австрийской половины монархии фон Бек. Он ссылался на опасность международных осложнений, но не получил поддержки.

На следующем совещании, состоявшемся 10 сентября, Бек снял свои возражения. Совещание приняло окончательное решение: настало

---

[1] См. *А. Ф. Миллер.* Краткая история Турции, стр. 127—128.
[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 17, стр. 221—232.
[3] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 40, S. 50.

время аннексировать Боснию и Герцеговину [1]. Кайзер Франц-Иосиф апробировал постановление своих министров.

Эренталь лелеял хитроумный план. Он решил захватить Боснию и Герцеговину с соизволения России. Если бы ему удалось убедить царское правительство согласиться на аннексию, то это, надеялся Эренталь, скомпрометирует Россию в глазах всего южного славянства и подорвет ее влияние на Балканах. Ради этого можно было обещать России согласие Австрии на изменение режима проливов: сделай только Россия серьезную попытку добиться свободного прохода через Босфор и Дарданеллы для своих военных кораблей — и, по расчетам Эренталя, конфликт с Англией и Турцией был бы налицо. А что могло быть приятнее такого конфликта для Австро-Венгрии и Германии? Особенно желателен был он в момент, когда Турция ускользала из-под немецкого влияния, а Англия и Россия установили общую линию поведения в целом ряде ближневосточных проблем. Памятная записка Извольского от 2 июля 1908 г. позволяла Эренталю надеяться на успех.

Австро-русская нотная переписка продолжалась. 27 августа 1908 г. правительство Австро-Венгрии констатировало согласие обоих правительств по вопросу о железных дорогах: Россия не будет возражать против австро-венгерской дороги на Митровицу, а Австро-Венгрия — против Дунайско-Адриатической. Австро-Венгрия требовала дополнительного согласия России на сооружение кроме Митровицкой еще одной линии, соединяющей австрийскую Далматинскую железную дорогу с турецким (в то время) городом Скутари, близ Адриатического побережья, через территорию Черногории. «Если крайние обстоятельства, — говорилось далее в австро-венгерской записке, — вынудят Австро-Венгрию аннексировать Боснию и Герцеговину, императорское (российское) правительство даст заверение, что оно будет соблюдать в отношении этой меры благожелательную и дружественную позицию». Главным предметом возобновлявшегося австро-русского «сотрудничества» должен был, таким образом, стать грабеж чужих земель. Австро-венгерское правительство изъявляло согласие (не очень-то определенное! — «если представится случай») произвести «доверительный и дружественный обмен взглядами» по поводу «Константинополя, прилегающей к нему территории и проливов» [2].

В Вене решено было одновременно с аннексией заявить об эвакуации австро-венгерских войск из Новобазарского санджака (и об этом тоже сообщили русскому правительству). Оккупация этой области, по мнению австро-венгерской дипломатии и генштаба, могла лишь втянуть Австро-Венгрию в опасные осложнения, а пользы приносила мало. Необходимо нечто более радикальное — захват Сербии. Надо «рубить зло под корень и положить конец великосербским мечтаниям» — полагало министерство иностранных дел Австро-Венгрии. Оно предполагало использовать сербско-болгарские противоречия, отдать кусок Сербии князю Фердинанду и «наложить руку на остальную часть Сербии». Конечные цели балканской политики Габсбургов «могут быть достигнуты не через Новый Базар, а через Белград» — посредством полной ликвидации сербского государства. Только уничтожив Сербию, Австро-Венгрия обретет «обеспеченные границы» на юге: «Албанию, получившую самостоятельность под нашим покровительством, Черногорию, с которой мы поддерживаем дружественные отношения, большую Болгарию, обязанную нам благодарностью» [3].

---

[1] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 75, S. 78—83.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1908 г., д. № 208, л. 10—14; «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 48, S. 60—61.

[3] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 32, S. 31—32. Записка советника министерства иностранных дел Музулина от 9 августа 1908 г.

5 сентября 1908 г. Эренталь встретился с итальянским министром иностранных дел Титтони в Зальцбурге. Сначала поговорили о македонских делах. Решили, что не следует так быстро отказываться от предъявления Турции требований о проведении реформ, как это теперь предложила Англия. Итальянец выразил пожелание, чтобы в случае интервенции против турецкой революции державы действовали не сепаратно, а совместно, подобно тому, как это имело место в Китае в 1900 г. Титтони явным образом боялся, что в случае сепаратного вмешательства итальянские интересы будут нарушены более сильными конкурентами. Титтони просил поставить его заранее в известность о решениях, которые венский кабинет возможно вздумал бы принять в отношении Турции: он, Титтони, хотел бы иметь время, чтобы подготовить итальянское общественное мнение. Эренталь обещал ему это. Но, вопреки обещанию, он и не подумал предупредить Титтони о том, что правительство Австро-Венгрии уже на самое ближайшее время подготовляет аннексию двух провинций Османской империи. Он говорил итальянскому министру об этом акте как о вероятном, но лишь в каком-то неопределенном будущем, и именно в такой форме и при условии заблаговременного предупреждения получил согласие Титтони на этот шаг.

После этого Эренталь перешел к вопросу о Сербии. Не исключено, заявил он, что Австро-Венгрия «будет вынуждена укротить этого нарушителя мира». Титтони, если верить записке Эренталя, и к этому замыслу отнесся «благожелательно».

В свою очередь итальянский министр просил своего австро-венгерского коллегу поддержать проект Дунайско-Адриатической дороги, в которой Италия была заинтересована нисколько не менее, чем Россия. Эренталь согласился, но обусловил это встречными услугами со стороны Италии: поддержкой ею проектов железных дорог на Митровицу (Санджакской) и на Скутари (Далматинской)[1]. Переговоры Эренталя с Титтони, так же как и с Фердинандом болгарским, свидетельствуют о том, что вслед за аннексией Боснии в Вене уже активно готовили захват Сербии.

Свидание в Бухлау

Извольский в эту пору отдыхал в Карлсбаде. Вскоре же после отправки в Петербург только что изложенной памятной записки Эренталь пригласил русского министра встретиться с ним в замке Бухлау, расположенном неподалеку от курорта и принадлежавшем графу Берхтольду, преемнику Эренталя на посту посла в России. Извольский принял приглашение, и 15 сентября 1908 г. состоялось их свидание. Между обоими министрами было достигнуто устное предварительное соглашение, которое ныне известно историкам в двух версиях: Эренталя[2] и Извольского[3]. Сопоставление двух версий позволяет установить довольно точную картину переговоров, продолжавшихся много часов — «целый день», по сообщению Извольского, и принимавших порой довольно бурный характер.

Извольский начал с упреков в адрес Эренталя: именно он виноват в том, что австро-русское сотрудничество было нарушено и Россия должна была искать сближения с Англией.

Его австрийский собеседник оправдывался. Он настаивал на правомерности своих действий минувшей зимой. Помирились на том, что

---

[1] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 67, S. 74—75.

[2] Ibid., № 79, S. 86—92. Записка Эренталя о встрече с Извольским в Бухлау (без даты).

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1908, д. № 210, л. 42—47, 78—79. Телеграмма посла в Вене Урусова от 17 (4) сентября 1908 г. с передачей сообщений Извольского и письмо Извольского Чарыкову от 16 (3) сентября; частично цитируется в кн. *И. В. Бестужева* «Борьба в России по вопросам внешней политики», стр. 206.

каждое правительство займет благожелательную позицию в отношении железнодорожных проектов другого.

Эренталь пошел дальше и дал понять Извольскому, что вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины — дело решенное. Извольский, по словам Эренталя, сначала попытался спрятаться за «формулу Муравьева», т. е. русскую ноту от 17 мая 1897 г. Формула эта гласила, что вопрос об аннексии двух провинций «потребует специального рассмотрения в надлежащее время и в надлежащем месте» [1]. Эренталь возразил, что такой ответ его не удовлетворяет; России уже пора занять по этому вопросу определенную позицию. Тогда Извольский якобы заявил, что Россия займет в отношении аннексии «дружественную и благожелательную позицию».

В сообщении Извольского этих слов не содержится. Тем не менее следует думать, что Эренталь записал правильно: в сущности такое отношение русского правительства уже было предопределено его памятной запиской от 2 июля 1908 г.

Эренталь доказывал, будто Австро-Венгрия владеет Боснией и Герцеговиной «по праву завоевания». Всему миру было, однако, известно, что эти области переданы ей по решению великих держав, зафиксированному в ст. 25 Берлинского конгресса. Между обоими собеседниками завязался горячий спор. Ссылка на «право завоевания», по мысли Эренталя, должна была обосновать «правомерность» аннексии посредством одностороннего самостоятельного акта Австро-Венгрии. «Право завоевания» должно было обосновать ее отказ от дискуссии на международном конгрессе, юридически неизбежной, если бы дело шло об изменении статуса, проистекшего из международного акта. «Право завоевания» избавляло и от необходимости что-либо платить России за ее согласие на изменение Берлинского трактата.

В споре с Эренталем Извольский юридически был прав: с правовой точки зрения аннексия Боснии и Герцеговины требовала изменения статьи международного договора, что нельзя было сделать без согласия всех, кто его подписал, т. е. в данном случае всех участников Берлинского конгресса. Ссылаясь на это, Извольский за согласие России на аннексию требовал «компенсаций» и для нее и для Сербии с Черногорией.

Эренталь предложил очистить Новобазарский санджак. Это ему ничего не стоило, ибо правительство Австро-Венгрии и так решилось его эвакуировать. Извольский тщетно добивался, кроме того, уступки в пользу Сербии и Черногории кусков Боснии и Герцеговины и согласия Австро-Венгрии на раздел между обоими южнославянскими государствами оставляемого австрийцами Новобазарского санджака. Эренталь соглашался компенсировать Сербию только за счет турецких областей, расположенных к югу от ее границ (т. е. за счет так называемой Старой Сербии), но не за счет Новобазара. «Компенсацию» он обусловливал хорошим поведением Сербии по отношению к Австро-Венгрии и откладывал до того, как наступит распад Османской империи. Для сербов эти унизительные требования и пустые посулы звучали как издевательство.

Лишь немногим лучше обстояло дело с «компенсацией» для самой царской России. Извольский потребовал согласия Австро-Венгрии на изменение режима черноморских проливов. «Россия, — заявил он, — не имеет в виду никаких территориальных приобретений ни в Константинополе, ни вокруг него». Дело идет о постановлении, «которое предоставило бы России возможность пополнять различные свои эскадры за счет Черноморского флота» — на Балтике после Цусимы почти не осталось военных кораблей. Царское правительство хотело получить право для всех кораблей, т. е. также и военных, принадлежащих России или другим

[1] «Сборник договоров России с другими государствами», стр. 307.

государствам, прибрежным к Черному морю, проходить поодиночке Босфор и Дарданеллы — при сохранении, однако, принципа закрытия этих проливов для военных кораблей всех других государств. Эренталь обещал «дружественное и благожелательное отношение» Австро-Венгрии в случае, если Россия предложит изменить в этом смысле существовавший тогда режим проливов, определявшийся Лондонской конвенцией 1871 г.

Не трудно видеть, что предложенное изменение режима проливов имело значение только до тех пор, пока в районах Ближнего Востока сохранялся мир. Турция оставалась обладательницей Босфора и Дарданелл и в случае войны сохраняла возможность установить там любой порядок, угодный ей или, скорее, ее могущественным покровителям из числа империалистических держав. В этом случае судьба проливов решалась бы вооруженной силой — что можно было делать и не меняя никаких юридических формул, определяющих их правовой статус. Короче говоря, значение выдвинутого Извольским проекта практически сводилось к возможности для царского правительства в мирное время перебрасывать корабли своего военно-морского флота из одного моря в другое.

Ценность обещания, данного Эренталем касательно проливов, умалялась тем, что согласия одной Австро-Венгрии было недостаточно для реализации русского проекта. Требовалось согласие всех участников Лондонской конвенции, иначе говоря, остальных великих держав Европы, а также Турции. «Европейский характер» вопроса о проливах был признан русской стороной, так же как и в отношении Боснии — Герцеговины, и зафиксирован в неоднократно цитированной памятной записке от 2 июля 1908 г.

При тождестве юридической стороны дела разница между двумя проблемами — проливов и аннексии Боснии и Герцеговины — политически была очень велика. Заключалась разница эта в том, что Босния и Герцеговина фактически находились у Австро-Венгрии в руках, в то время как Россия проливами не обладала. Австро-Венгрия могла, хотя и беззаконно, творить с Боснией и Герцеговиной все, что найдет нужным. Для России же это было невозможным. Обман, который Эренталь учинил в Бухлау, и заключался в том, что получил он там от Извольского вполне реализуемую услугу: согласие поддержать Австро-Венгрию в деле установления нового порядка в таком географическом районе, где Австро-Венгрия имела полную возможность фактически этот новый порядок установить. Извольскому же Эренталь обещал свое согласие на такую перемену, которую на деле царской России осуществить было крайне трудно или даже почти невозможно. Эренталь получал синицу в руки, а продавал он русским — журавля в небе.

Извольский отчасти понимал политическую слабость своей позиции. Он писал, что у России в результате достигнутого в Бухлау соглашения «при счастье и искусном ведении дела есть шансы ныне же, т. е. не дожидаясь ликвидации Турецкой империи, изменить в нашу пользу постановление о проливах. Во всяком случае мы приобретем формальное согласие на такое изменение со стороны Австрии, а может быть, и Германии». Из этой фразы ясно, что *фактическое осуществление* компенсации России за ее согласие на оккупацию Боснии посредством видоизменения режима проливов Извольский отнюдь не рассматривал как вполне обеспеченное (только «при счастье», «есть шансы»). Действительное изменение режима проливов не было для него conditio sine qua non, т. е. обязательным условием аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Обязательным условием было всего только ее «формальное согласие» не возражать против изменения порядка прохода кораблей через проливы.

В последующем развитии австро-русских отношений большое место занимал спор о том, была ли аннексия двух провинций Австро-Венгрией обусловлена в Бухлау необходимостью международного одобрения этого акта всеми участниками Берлинского трактата. По сообщению самого Эренталя, Извольский в Бухлау ему заявил, что задуманные изменения Берлинского трактата могут быть осуществлены путем переговоров с Турцией и между державами — участницами Берлинского трактата [1]. Таким образом, по собственному свидетельству Эренталя, Извольский оговорил, что вопрос об аннексии должен быть решен только на международной основе. Донесения Извольского подтверждают это. Через несколько дней после встречи в Бухлау Извольский сообщал в Петербург, что он говорил Эренталю во время их свидания о «возможности и даже неизбежности» созыва международной конференции для пересмотра положений Берлинского трактата. По словам Извольского, он не встретил со стороны своего австрийского собеседника «серьезного отпора» [2]. Эренталь впоследствии еще раз признал, что Извольский выдвинул идею конференции уже в Бухлау [3]. И это представляется несомненным, вопреки позднейшим отрицаниям со стороны австро-венгерского министра, и тем более бесспорным, что независимо от устных переговоров имелся официальный документ — русская памятная записка от 2 июля 1908 г., где «европейский характер» вопросов был подчеркнут и из которой необходимость международного обсуждения и международной апробации аннексии Боснии и Герцеговины вытекала с полной очевидностью.

Сам Эренталь тоже высказал в Бухлау мысль, что понадобится «заключительная конференция», где будут оформлены изменения, вносимые в Берлинский трактат. Но он тут же присовокупил, что о Боснии и Герцеговине при этом никаких дискуссий не должно быть допущено [4]. Конференция должна одобрить совершившийся факт — и делу конец!

Из всего сказанного вытекает, что у Эренталя не могло оставаться сомнений, что вопрос о превращении оккупации Боснии и Герцеговины в аннексию мыслится Извольским не иначе, как «европейский», подлежащий утверждению со стороны всех участников Берлинского трактата. С другой стороны, у Извольского тоже не могло быть неясностей насчет того, когда именно его партнер решил поставить вопрос об аннексии. Срок был назначен ясно и точно. Но где действительно не было внесено ясности, так это в вопросе о том, в какой форме будет преподнесено другим правительствам намерение Австро-Венгрии произвести захват двух провинций, статут которых был установлен международным договором. «Европейский» характер вопроса, подчеркнутый Извольским, естественно, наталкивал на мысль, что правительство Австро-Венгрии поставит перед державами, подписавшими Берлинский трактат, вопрос об их согласии на изменение соответствующей его статьи (25-й) в смысле замены оккупации Австро-Венгрией турецких провинций установлением над ними ее суверенитета. На деле Эренталь задумал нечто иное: он решил провозгласить аннексию односторонним заявлением австро-венгерского правительства и поставить державы перед совершившимся фактом. Но о том, что он собирается действовать именно так, Эренталь ни словом не обмолвился ни с Извольским в Бухлау, ни тем более с Титтони в Зальцбурге.

Министры условились, что Извольский изложит достигнутые в Бухлау результаты в письменной форме и пришлет Эренталю свою ре-

---

[1] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 79, S. 90.
[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1908 г., д. № 204, л. 37. Письмо Извольского Чарыкову от 24 (11) сентября 1908 г.
[3] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd 1, № 214, S. 176.
[4] Ibid., № 79, S. 86—92.

дакцию обсуждавшегося там соглашения. Из русских документов ясно, что это изложение мыслилось сделать в форме ответа русского правительства на австро-венгерскую памятную записку от 27 августа 1908 г. Из того факта, что за устными переговорами, состоявшимися в Бухлау, должен был последовать письменный документ, явствует с полной несомненностью, что договоренность, достигнутая в Бухлау, не рассматривалась участниками как уже заключенное устное соглашение. Это был лишь материал для соглашения или самое большее — проект его, но еще требовавший совместной редакции, а затем — доклада обоим правительствам и утверждения с их стороны. Иначе говоря, намеченное в Бухлау соглашение нельзя было считать уже формально заключенным, а тем более вступившим в силу.

Сообщая своему заместителю Чарыкову о содержании переговоров в Бухлау, Извольский поручил ему доложить о них царю. При этом Чарыков должен был представить Николаю соображения относительно общей линии политики: аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, писал Извольский, австрийцами предрешена. Россия может, конечно, протестовать. Если она станет на этот путь, то ей придется либо ограничиться «бесплодным протестом», что только уронит ее престиж, либо же сопроводить протест угрозой и, следовательно, рисковать войной, чего она делать не намерена и не в состоянии. Поэтому гораздо выгоднее стать на иной путь — выторговать у Австро-Венгрии компенсации за свое согласие на аннексию, т. е. на изменение Берлинского трактата. Компенсации должны быть даны и России, и малым славянским государствам, и Турции. Извольский указывал на то, что посягательство Австро-Венгрии на нарушение Берлинского трактата поссорит габсбургскую монархию с Турцией, с другими Балканскими государствами и, наконец, с великими державами, подписавшими этот трактат. «Это опять-таки может лишь поднять наш престиж и, может быть, даже сблизит нас с Турцией». Чарыкову министр поручал подготовить нужную реакцию русской печати [1].

Оба участника переговоров в Бухлау исходили из того, что будет соблюдаться секретность. Поэтому для печати выпущено было сообщение, полностью дезинформирующее публику. Для проникновения в методы империалистической дипломатии небезынтересно сравнить истинное содержание свидания в Бухлау с тем, как оно было преподнесено общественности: в совместном официальном коммюнике для печати сообщалось, что два государственных деятеля обменялись при своей встрече мнениями по поводу общего положения в Европе и особенно в Турции в связи с происшедшей там революцией. Оба констатировали при этом полное согласие взглядов на обстановку в Турции и решили якобы занять в отношении нового режима позицию «благожелательного выжидания» в надежде, что он консолидируется и станет одним из элементов европейского мира. Все это было чистейшей ложью. Коммюнике грубо извращало действительное содержание переговоров. В нем утверждалось нечто прямо противоположное истине.

Несколько позже, 24 сентября, появилось инспирированное Извольским сообщение Петербургского телеграфного агентства, где говорилось, что в Бухлау вопрос о Боснии и Герцеговине «был оставлен покуда открытым», а общность взглядов министров установлена лишь по отношению к внутреннему положению в Турции. Так использовалась печать дипломатией для дезинформации общественности!

Из всего сказанного явствует, что в Бухлау речь шла о подготовке империалистической сделки самого грабительского характера.

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1908 г., д. № 210, л. 45—47. Письмо Извольского Чарыкову от 16 (3) сентября 1908 г.

Там торговали землями — славянскими — по национальности, турецкими — по букве международных договоров. Но все это стало ясно историкам много лет спустя, когда явилась возможность заглянуть в секретные документы. В момент событий нужно было обладать гениальностью В. И. Ленина, чтобы по отрывочным и лживым сообщениям буржуазной печати разгадать истинное содержание происшедшего. Ленин тогда же, осенью 1908 г., разоблачил действительные замыслы империалистов: они, писал он, «продолжают политику, которая самым очевидным образом представляет из себя политику *раздела Турции*». «Достаточно, — продолжал Ленин, — сопоставить *факт* свидания и переговоров министров иностранных дел, глав некоторых государств — с последующими событиями, чтобы наивная вера в заявления дипломатов рассеялась, как дым».

Ленин раскрыл, что суть сговора империалистов состояла «в выступлении против младотурецкой революции». Таким выступлением и был захват Боснии и Герцеговины, а также вся бухлауская сделка. Она заключалась «в дальнейших шагах к разделу Турции, в пересмотре под тем или иным соусом вопроса о Дарданеллах...» [1]

Как же была воспринята бухлауская сделка царским правительством? Реакция Николая II была благоприятной для Извольского. Чарыков доложил донесения Извольского царю и получил от него полное одобрение позиции министра. Николай подтвердил Чарыкову, что России незачем добиваться обладания самим Константинополем. Он выразил пожелание о сближении с Турцией [2].

Лично у Чарыкова вызвал опасения вопрос о сроках предполагавшегося объявления независимости Болгарии. Он еще 10 сентября (т. е. до свидания в Бухлау) написал Извольскому, что если провозглашение независимости последует непосредственно за объявлением аннексии Боснии и Герцеговины, то Турция может обрушиться не на Австро-Венгрию, а именно на Болгарию, поскольку в отношении этой страны у турок гораздо больше военных шансов на успех. Реакция в Турции на аннексию в случае войны против Болгарии вместо антигерманского примет антиславянское и антирусское направление. Тогда, по мнению Чарыкова, «болгарам и нам, а не Австро-Венгрии, придется расплачиваться за австро-венгерские приобретения». Ввиду всего этого Чарыков полагал, что провозглашение независимости и присвоение князю королевского титула болгарам следовало бы несколько отложить [3].

Извольский разделил эти опасения. Он считал, правда, что князя Фердинанда трудно будет удержать от немедленного выступления. Тем не менее Извольский приложил старания к тому, чтобы побудить болгарское правительство к соблюдению максимальной осторожности.

Однако в Вене были весьма заинтересованы в том, чтобы отвлечь внимание и силы Турции от Австро-Венгрии на Болгарию. Советам осторожности, которые раздавались с русской стороны, австро-венгерский министр противопоставил подстрекательство к скорейшему выступлению. 23 и 24 сентября 1908 г. он встретился в Будапеште с князем Фердинандом. Эренталь дал понять князю, что теперь он может взяться за осуществление своих желаний и превратиться из вассального князя в независимого короля [4]. Фердинанд не заставил себя ждать: 5 октября 1908 г. он издал манифест, объявлявший Болгарию незави-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 17, стр. 225.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1908 г., д. № 204, л. 3. Письмо Чарыкова Извольскому от 21 (8) сентября 1908 г.

[3] Там же, д. № 210, л. 35—40. Частное письмо Чарыкова Извольскому от 10 сентября (28 августа) 1908 г.

[4] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 87, S. 97.

симым «царством». Провозглашение независимости было, конечно, по существу прогрессивным и необходимым шагом. Но совершен был этот шаг Фердинандом в такой момент, когда он способствовал империалистическим замыслам Австро-Венгрии и мог навлечь на маленькую Болгарию всю ярость Турции, раздраженной нанесенными ей ударами и бессильной дать отпор более крупной державе — Австро-Венгрии.

Через несколько дней после свидания в Бухлау в соответствии с достигнутой там договоренностью Извольский, оставаясь за границей, подготовил проект памятной записки, резюмирующей результаты переговоров с Эренталем. Документ этот должен был стать ответом на австро-венгерскую памятную записку от 27 августа 1908 г. В нем Извольский прежде всего указывал, что аннексия Боснии и Герцеговины нарушила бы status quo. Он подчеркивал «европейский характер» вопроса о Боснии и Герцеговине, «разрешение которого потребовало бы участия всех держав, подписавших Берлинский трактат. Частичная отмена этого договора в пользу Австро-Венгрии в той части, которая касается Боснии и Герцеговины, должна обязательно иметь последствием пересмотр других частей того же договора, обременительных для различных заинтересованных государств». Здесь мысль о необходимости согласия всех держав сочеталась у Извольского с идеей «компенсаций». Дальше в проекте Извольского выражалась лишь готовность «изучить условия», на которых Россия могла бы «занять благосклонную позицию по отношению к аннексии, предусмотренной венским кабинетом». После этого шло перечисление компенсаций для России и южных славян. Излагались они в русской интерпретации — т. е., например, предусматривался раздел Новобазарского санджака между Сербией и Черногорией, а не австрийская формула о расширении Сербии в южном направлении. Включен был также и пункт об исправлении границ Сербии и Черногории с Боснией и Герцеговиной, хотя это предложение было Эренталем определенно отвергнуто. Извольский послал свой проект в Петербург, и 2 октября 1908 г. он был утвержден Николаем II [1]. Для того чтобы австро-русское соглашение, о котором министры обоих государств договаривались в Бухлау, вступило в силу, оставалось совершить следующие акты: утвержденную царем памятную записку направить по адресу, т. е. правительству Австро-Венгрии, и получить от него ответ с сообщением о том, согласно ли оно с редакцией этой записки. Только в случае положительного ответа Австро-Венгрии соглашение могло считаться состоявшимся согласно общепринятой дипломатической практике. В случае же констатации расхождений потребовались бы дальнейшие дополнительные переговоры или нотная переписка.

Но до этого не дошло. Соглашение, в проекте намеченное в Бухлау, никогда не вступило в силу. Едва только успел Николай «начертать» одобрительную резолюцию на проекте Извольского, как произошли события, в результате которых на документе изменили адрес: вместо того чтобы направить его правительству Австро-Венгрии, его послали в архив российского министерства иностранных дел...

Судьба эта постигла проект Извольского 3 октября. Автор проекта находился в тот момент в дороге: из Бухлау русский министр отправился в круговую поездку по Европе, чтобы получить от других держав такое же согласие на изменение режима проливов, какого он только что добился от Эренталя. Он намеревался также подготовить созыв международной конференции, на которой надлежало пересмотреть

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1908 г., д. № 204, л. 80—81, 86а—88. Проект памятной записки правительству Австро-Венгрии, утвержденный царем 2 октября 1908 г., и докладная записка Чарыкова царю, помеченная той же датой.

Берлинский трактат [1]. По фантастическому замыслу Извольского, царская Россия должна была убить на конференции двух зайцев: ублажить Австро-Венгрию (и Германию), согласившись на захват славянских земель, и в то же время ухитриться выступить в роли защитницы славянства.

Путешествие главы царской дипломатии началось с того, что 25 и 26 сентября он встретился в Берхтесгадене с фон Шёном, статс-секретарем германского ведомства иностранных дел. Извольский сообщил Шёну, что, по его впечатлению, Эренталь в ближайшее время объявит об аннексии Боснии и Герцеговины. На вопрос Извольского относительно проливов Шён ответил русскому министру, что Германия не будет возражать против их открытия. Заявлено это было, впрочем, в выражениях мало обязывающих. Шён высказал предположение, что Германия за свое согласие потребует для себя компенсаций [2]. Иначе говоря, он хотел получить долю в задуманной империалистической сделке.

Из Берхтесгадена Извольский отправился в Дезио. Там 29—30 сентября он встретился с Титтони. Извольский заявил своему итальянскому коллеге, что согласие России на аннексию Боснии и Герцеговины обусловлено пересмотром режима проливов и компенсацией Сербии и Черногории. Австрийский проект незамедлительного осуществления аннексии двух провинций привел итальянского министра иностранных дел в чрезвычайное волнение: ведь он же просил Эренталя его предупредить заранее! И тот обещал это сделать. Теперь оказывалось, что Эренталь и не подумал держать свое слово. Титтони был возмущен. Что же касается русских планов в отношении проливов, то к ним итальянский министр отнесся благосклонно. Некоторое время спустя Титтони заявил в парламенте, что в Дезио была достигнута полная согласованность русской и итальянской точек зрения.

Внутренняя борьба в царском правительстве по вопросам балканской политики

Во время путешествия Извольского в Петербурге произошли важные события. Получив согласие Николая на подготовленный Извольским проект памятной записки австрийцам, Чарыков в тот же день по поручению своего министра ознакомил с содержанием австро-русских переговоров председателя совета министров Столыпина, нескольких министров и начальника генерального штаба.

Эффект получился для Извольского до крайности неприятный. Столыпин и большая часть его правительства после февральского Особого совещания не могли не понимать, что их политическая линия расходится с линией министра иностранных дел. Они были возмущены тем, что Извольский так долго держал от них в секрете переговоры с Австрией и что правительство так поздно узнаёт «о деле столь громадного национально-исторического значения, затрагивающего интересы внутреннего состояния империи и угрожающего возможными затруднениями предстоящему и необходимому заграничному займу» [3]. Срочно было созвано совещание посвященных лиц. Участники его решительно высказались против того, чтобы Россия дала согласие на аннексию Австро-Венгрией славянских областей. По их мысли, Россия должна была выступить на международной конференции «защитницей интересов своих, Турции и балканских государств, а отнюдь не пособницей или укрывательницей Австрии» [4]. На аннексию Боснии и Герце-

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1908 г., д. № 204, л. 40—45. Письмо Извольского Чарыкову от 24 (11) сентября 1908 г.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XXVI, T. I, № 8935, S. 40—42.

[3] Цит. по *Ф. И. Нотович.* Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 гг. «Красный архив», 1932, № 1—2 (50—51), стр. 173.

[4] *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 216.

говины Россия должна ответить протестом, а вовсе не вести торг о компенсациях. Столыпин и другие русские министры сочли политику Извольского чреватой опасностями и «настаивали на неуместности для России всякого риска внешних осложнений» [1]. Ответ австро-венгерскому правительству, невзирая на то что он уже был утвержден царем, решено было изменить. Он должен был содержать протест против аннексии, а вовсе не требования каких-то компенсаций. «Совещание находит недопустимым, — резюмировал Коковцов, — при заявленном нами сочувствии новому строю в Турции участвовать одновременно во враждебном движении против Турции» [2]. Коковцов выразился бы более точно, если бы он вместо «нового строя» сказал о новом правительстве, благоприятном для Антанты. Линии Извольского на экспансию в сотрудничестве с Австро-Венгрией Столыпин и его единомышленники противопоставили линию на сплочение балканских государств, включая Турцию, против Австро-Венгрии. Линия Столыпина (если исключить сближение с Турцией) оказалась более реалистической: вскоре же выяснилось, что никаких существенных компенсаций Эренталь не даст — ни России, ни Сербии с Черногорией и что Австро-Венгрия пожрет Боснию и Герцеговину, не заплатив за них ни гроша.

В тот же самый день Столыпин в сопровождении Чарыкова был принят Николаем на его яхте [3]. Давно ли скудоумный царь одобрил доклад Извольского? Но выслушав Столыпина, Николай, противореча самому себе, заявил о невозможности дать согласие на аннексию славянских областей.

Русское правительство принимало все меры, чтобы ослабить остроту турецко-болгарских отношений и предотвратить возможность болгаро-турецкой войны. «Признавая по существу независимость Болгарии естественным и отрадным завершением русских же подвигов и забот, нам подлежит теперь приложить все усилия к тому, чтобы, не только не втягиваясь самим ни под каким видом в столкновение с Турцией, по возможности предотвратить таковое и для Болгарии» [4]. Так гласила директива послу в Константинополе. Ему поручалось воздействовать в этом смысле на турецкое правительство. Порту соблазняли поддержкой, которую Россия окажет Турции на задуманной международной конференции в деле пересмотра стеснительных для Турции постановлений Берлинского трактата. Столыпин и Чарыков предполагали, что Турция в обмен согласится на независимость Болгарии и на пересмотр режима проливов. Последний вопрос, по их мнению, предварительно подлежал еще особому соглашению между Россией и Турцией [5].

Царское правительство имело бы для тревоги еще больше оснований, если бы оно знало о замыслах австро-венгерского правительства против Сербии. Однако эта часть агрессивных планов Австро-Венгрии оставалась для него тайной.

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1908 г., д. № 204, л. 93—96. Личная телеграмма Чарыкова Извольскому № 1 от 3 октября (20 сентября) 1908 г.

[2] Там же, л. 89—91. Проект телеграммы Чарыкова Извольскому, составленный Коковцовым от 3 октября (20 сентября) 1908 г. Ср. *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 214—216.

[3] См. *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 214—216.

[4] АВПР, фонд Политархив, 1908 г., д. № 91, л. 47—49. Записка Чарыкова царю от 5 октября (22 сентября) и телеграмма послу в Константинополе от 6 октября (23 сентября) 1908 г.

[5] См. *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 219—220.

Аннексия Боснии и Герцеговины

Еще 23 сентября 1908 г. Извольский уведомил своего австро-венгерского коллегу, что согласно договоренности, достигнутой в Бухлау, он представил царю на утверждение проект ответа на памятную записку Австро-Венгрии. Как только проект получит одобрение царя, он тотчас же будет направлен Эренталю [1].

Таким образом, австрийский министр был уведомлен, что достигнутое в Бухлау соглашение уже доложено, но еще не утверждено. Однако это обстоятельство не остановило бесцеремонного министра, и он начал действовать, не ожидая получения русской памятной записки, т. е. уведомления об утверждении бухлауского соглашения русским правительством. Главе австро-венгерской дипломатии не могло не быть ясным, что русское правительство в этот момент ни в какой мере не было связано результатами переговоров в Бухлау. Извольский напомнил австрийцам, что свое согласие на аннексию он обусловил рядом существенных оговорок и требований: указанием на европейский характер вопроса и необходимостью компенсаций для целого ряда государств.

Все это составляло, так сказать, формальную сторону вопроса. Важнее было реальное положение дел: Извольскому предстояло еще хлопотать для получения своей доли в австро-русской сделке, согласованной в Бухлау. Между тем Эренталь держал в руках австрийскую часть добычи, причем ему была обеспечена безоговорочная поддержка со стороны германского империализма [2]. Извольский позволил вовлечь себя в крайне невыгодную сделку.

В тот самый день, когда Столыпин восстал против действий Извольского и в Петербурге было решено изменить политический курс, совершилось разглашение тайны сговора, задуманного в Бухлау: 3 октября 1908 г. австро-венгерский посол в Париже Кевенхюллер передал президенту Французской республики предварительное уведомление о предстоящей аннексии, которое было направлено всем правительствам. Посол сделал это на два дня раньше предписанного срока, нарушив директивы начальства. При этом он заявил президенту, что Россия, Германия и Италия заранее выразили согласие на аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией [3].

«Ну и натворил же Руди дел» [4], — иронически заметил Вильгельм II по поводу болтовни Рудольфа Кевенхюллера. В данном случае кайзер не ошибся.

Новость тотчас же проникла в печать. В поезде, подъезжая к Парижу, Извольский на последней станции купил свежую газету и из нее узнал о том, что его партнер вот-вот поставит его и весь мир перед совершившимся фактом. Он все понял: австро-венгерское правительство торопилось реализовать свою долю в задуманной в Бухлау сделке, ссылается на его, Извольского, согласие и совершенно не заботится об осуществлении целей своего партнера. Извольский понял, что его обманули. И Россия и вся Европа узнали, что царский министр отдал (или продал) Австро-Венгрии обширные славянские земли.

5 октября 1908 г. австрийский император издал рескрипт, в котором объявлял о распространении своего суверенитета на Боснию и Герцеговину. 6 октября в Австро-Венгрии была объявлена частичная мобилизация: в боевую готовность приводились шесть армейских корпусов. 8 октября Эренталь публично заявил об аннексии на собрании делегации парламента австрийской половины государства как о совершившемся факте.

---

[1] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 86, S. 96—97.
[2] «Die Grosse Politik», Bd XXVI, T. I, № 8937, S. 46.
[3] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 118, S. 125.
[4] «Die Grosse Politik», Bd XXVI, T. I, № 8987, S. 105 (прим. 4).

Позиция держав

Как же реагировали державы на этот захватнический акт австро-венгерского империализма? Прежде всего, как повели себя союзники Австро-Венгрии?

Германское правительство безоговорочно поддержало ее. Другой союзник Австро-Венгрии — Италия — занял иную позицию. В лице своего министра иностранных дел итальянское правительство отмежевалось от Эренталя. Оно опровергло его ссылки на предварительное согласие Италии с аннексией Боснии и Герцеговины. В Зальцбурге, заявил Титтони, имел место чисто академический обмен мыслями. Итальянская печать заняла в своем большинстве позицию, враждебную Австро-Венгрии [1].

2 октября итальянское правительство поручило своему послу в Вене просить союзника отложить аннексию [2]. В случае если бы она произошла, Титтони ожидал против себя атаки со стороны ирредентистов — врагов Австро-Венгрии, противников Тройственного союза. Эренталь обманул не одного только Извольского. Титтони тоже стал жертвой коварства австрийского министра. Извещая Титтони об аннексии обеих турецких провинций, Эренталь сослался на согласие, которое тот якобы дал на переговорах в Зальцбурге. Итальянец резко и решительно опроверг утверждение Эренталя. «При наших переговорах в Зальцбурге, — писал Титтони, — вы мне сказали, что, с вашей точки зрения, проблема Боснии и Герцеговины должна быть разрешена между Австро-Венгрией и Турцией, не нося международного характера. Но вы не сообщили мне о вашем намерении осуществить аннексию. Я не считал ее ни вероятной, ни близкой и поэтому не высказался на этот счет» [3].

Просьба итальянского правительства об отсрочке аннексии не получила удовлетворения. Но в Вене решено было предоставить Италии некоторое вознаграждение. Австро-венгерское правительство согласилось распространить на Черногорию взаимное обязательство Австро-Венгрии и Италии об их обоюдной «незаинтересованности», принятое в 1900 г. в отношении Албании. Титтони важно было получить возможность сообщить парламенту, что другие державы с Италией советовались и согласовывали с ней свои действия — как с настоящей великой державой!

Что же предприняла Россия? В Париже незадачливого царского министра ждали еще и другие разочарования.

Сразу же по приезде Извольский отправился к министру иностранных дел Пишону. Он сказал ему, что, вопреки заявлению Кевенхюллера, он якобы не давал Эренталю согласия на аннексию. Он, Извольский, обусловил перед австрийским министром решение этого вопроса согласием участников Берлинского трактата. Последнее соответствовало действительности. Извольский предложил Пишону созыв международной конференции. Французское правительство одобрило эту мысль. Но оно порекомендовало Извольскому программу конференции согласовать с англичанами.

Затем Извольский поставил вопрос о проливах. Глава французского правительства Клемансо, как и министр иностранных дел, на словах сочувственно отнеслись к планам Извольского об открытии Босфора и Дарданелл для русских военных кораблей. Однако они не высказали ни малейшего желания активно помочь их осуществлению. Французские министры подчеркнули необходимость уважать суверенитет Турции и важность согласия Англии. Французское правительство как раз вело с Германией переговоры о Марокко. Оно готово было купить у нее уступки в этой стране ценой примирительного поведения Франции в начавшемся

---

[1] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 230, S. 186.
[2] Ibid., № 111, S. 119.
[3] Ibid., № 132, S. 130; «Die Grosse Politik», Bd XXVI, T. I, № 8941, S. 55.

боснийском кризисе в ущерб России и Сербии. Президент в благожелательном духе ответил Францу-Иосифу на уведомление об аннексии. Такая позиция союзной державы не предвещала для царского правительства ничего хорошего [1].

По прибытии в Париж на Извольского свалилось как снег на голову известие о позиции Столыпина и о состоявшемся совещании министров, где были приняты решения, столь для него неблагоприятные.

Об этих решениях Извольский был уведомлен по телеграфу. Он тотчас же (4 октября 1908 г.) телеграфировал в Петербург возражения. Извольский отвергал мысль о заявлении протеста против аннексии. Такой протест «либо остался бы бесполезным, либо привел бы нас к столкновению с Австрией» [2], — писал он.

7 октября Извольский дал интервью парижской газете «Тан». Он отрицал, что обещал Эренталю безоговорочное согласие на аннексию. Он высказал уверенность, что будет созвана международная конференция для пересмотра Берлинского трактата и компенсации других государств, особенно Турции. В результате этого выступления русского министра вопрос о передаче акта аннексии на рассмотрение международной конференции выдвинулся на авансцену международной дипломатической борьбы. Несколько позже (30 октября), уже по прибытии в Петербург, Извольский говорил австрийцам (послу Берхтольду), что ожидал со стороны Эренталя в соответствии с дипломатическими обычаями обращения к державам с вопросом: как они отнесутся к аннексии Боснии и Герцеговины? Он не ожидал, что Австро-Венгрия прибегнет к столь «грубым действиям» [3].

8 октября 1908 г. последовал официальный ответ русского правительства на уведомление об аннексии Боснии и Герцеговины. Он гласил, что действия Австро-Венгрии нарушают Берлинский трактат и поэтому подлежат рассмотрению участниками этого международного договора.

Из Парижа Извольский двинулся в Лондон. Он прибыл туда 9 октября 1908 г. вечером. Обстановка здесь была не та, что в Париже. Британское правительство с самого начала заняло в отношении акта аннексии позицию резко отрицательную. Как раз в день приезда Извольского Грей беседовал с австро-венгерским послом. Аннексия является нарушением международного договора, наставительно заявил Грей. Англия не может юридически признать содеянного Австро-Венгрией [4]. Грей принял суровый тон. Он словно читал лекцию по правилам международной морали. В Вене английским правительством был заявлен формальный протест. Оно уведомило австро-венгерское правительство, что «нарушение или изменение условий Берлинского трактата без предварительного согласия с другими державами, из которых Турция в данном случае затронута больше всех, никогда не может быть ни одобрено, ни признано правительством его величества» [5]. В Лондоне считают, доносил австро-венгерский посол, что аннексия наносит удар новому турецкому режиму и что это к удовольствию немцев: совершив захват Боснии, австрийцы как бы напомнили Турции, что, пока ею поддерживалась дружба с центральными державами, она была ограждена от насилий [6].

Извольский предложил в Лондоне проект программы конференции из девяти пунктов. После некоторой дискуссии проект был принят

---

[1] См. *Л. А. Нейман.* Франко-русские отношения во время боснийского кризиса (1908—1909 гг.). «Французский ежегодник. 1958 г.», стр. 375—407.

[2] См. *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 217.

[3] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 465, S. 357.

[4] «British Documents», vol. V, № 351, p. 420—421. «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 213, S. 175—176.

[5] *E. Grey.* Twenty-five years, vol. I, p. 176. Телеграмма Грея Гошену от 5 октября 1908 г. Ср. «British Documents», vol. V, № 302, p. 390.

[6] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 192, S. 162; ср. № 244, S. 193.

правительствами Англии и России в следующем виде: 1) Болгария, ее правовой статус и финансовые обязательства перед Турцией; 2) Босния и Герцеговина; 3) Новобазарский санджак; 4) постановления ст. 23 Берлинского трактата относительно Европейской Турции (на этой статье основывалось право держав на вмешательство в дела Македонии); 5) ст. 61 того же трактата касательно армянских провинций Турции; 6) постановления ст. 29, ограничивающие суверенные права Черногории на берегах Адриатики; 7) преимущества для Сербии и Черногории; 8) права балканских государств, прибрежных к Дунаю (их участие в Дунайской комиссии); 9) вопрос о капитуляциях и иностранных почтовых конторах в Турции [1]. Курс на сближение с Турцией нашел свое отражение в готовности освободить Турцию от вмешательства великих держав в дела Македонии и Армении, отменив соответствующие постановления ст. 23 и 61 Берлинского трактата, и в постановке вопроса о ликвидации режима капитуляций.

Извольский сразу же сообщил в Лондоне, что он не собирается ставить на конференции вопрос о режиме проливов. Он хочет предварительно договориться по этому вопросу с Турцией. Но он просил у английского министра обещания не противодействовать изменению режима проливов в желательном для России смысле.

Извольского и тут постигла неудача. Английское правительство не пожелало пойти ему навстречу. Грей сослался на общественное мнение Англии: оно не подготовлено к такому «одностороннему» урегулированию вопроса. Другое дело, если право прохода через проливы будет основано на началах взаимности. Пусть во время войны не только военные корабли России и черноморских государств, но и английские, как и все другие, получат право прохода в Черное море и обратно.

Позиция Грея объяснялась просто. Наличие англофильского правительства в Константинополе сулило английскому империализму усиление его влияния в Турции. Английская дипломатия рассчитывала, что теперь она сможет наконец вырвать эту страну из сферы влияния Германии. При таких условиях в Лондоне полагали, что поднимать вопрос о проливах было бы несвоевременно [2]. Что касается турецкого правительства, то оно было напугано и принялось вести двуличную игру: в Петербург сообщило о согласии с русским проектом открытия проливов для черноморских государств [3], но одновременно заявило англичанам, что Турция никогда не примет русских предложений касательно проливов! [4]

Убедившись в отсутствии поддержки со стороны собственного правительства, и особенно после переговоров с Греем, Извольский потерял надежду добиться своей цели в отношении проливов. Он оказался изолированным в своей дарданелльской политике — его не поддержали союзники, его не поддержали и в собственной стране. Советский историк, изучивший позицию русской печати и партий, пришел к выводу, что «почти все влиятельные органы буржуазно-помещичьей прессы России, за исключением некоторых кадетских газет, и, что самое главное, все близкие к правительству газеты высказались против включения в программу будущей конференции вопроса о проливах, считая более выгодным опустить его в целях обеспечения условий для создания антиавстрийской коалиции балканских государств, включающей и Турцию» [5].

---

[1] «British Documents», vol. V, № 390, p. 453—454; ср. первоначальный проект Извольского — № 363, p. 427—428.

[2] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 192, 228, S. 162, 183—185.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1908 г., д. № 94, л. 91. Телеграмма МИД Извольскому в Лондон от 9 октября (26 сентября) 1908 г.

[4] «British Documents», vol. V, № 382, 389, p. 447, 453.

[5] *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 229. На конференции кадетской партии в октябре 1908 г. большинство делегатов тоже выступило против постановки вопроса о режиме проливов (см. там же, стр. 236).

Известный американский автор придерживается сходной точки зрения: русская пресса «в общем придерживалась того взгляда, что Россия не должна добиваться для себя компенсаций» [1]. Но, потеряв все шансы в вопросе о проливах, Извольский продолжал усилия по созыву международной конференции и по предоставлению компенсаций Сербии, глубоко возмущенной аннексией.

Английское правительство живо подхватило мысль о передаче самочинных действий Австро-Венгрии на международный суд. Австро-Венгрия была союзницей Германии. Этого было достаточно, чтобы в Лондоне с удовольствием учинили над ней экзекуцию. Пара хороших пинков могла бы подсказать австрийским правящим кругам, что дружба с Германией не столь уж выгодна. Австрийская и германская дипломатия располагали сведениями, что Грей шел дальше Извольского во вражде к Австро-Венгрии и что царский министр иногда даже сдерживал его прыть.

Позиция Турции и Сербии

Казалось, что английский империализм добился в Турции серьезных успехов. Руководство младотурецкого движения — комитет «Единение и прогресс» объявил бойкот австро-венгерским товарам и судам. Рабочие в турецких портах отказались их разгружать. В прессе развернулась антиавстрийская и антигерманская кампания. Комитет был не прочь переключить экономическое и социальное недовольство широких слоев населения в русло национальной борьбы [2] против австро-венгерских захватчиков. Казалось, не только официальное правительство в лице Киамиля-паши, но и другая власть, более сильная, какой стал младотурецкий комитет, все глубже втягивалась во вражду с центральными державами. Английское правительство уже подготовляло почву для предоставления Турции займа, что должно было еще сильнее перетягивать ее на сторону Англии.

Турецкое правительство заявило официальные протесты в Вене и в Софии против нарушения его «прав» и международных договоров. Оно получило при этом поддержку со стороны Антанты. 12 октября 1908 г. послы Англии, России и Франции (а также Италии) уведомили турецкое правительство, что совершившиеся перемены их правительства не будут считать правомерными, покуда они не санкционированы всеми участниками Берлинского трактата [3].

Дипломатия австро-венгерского империализма, как ее проводил Эренталь, заключалась в том, чтобы использовать Болгарию и болгаро-турецкий конфликт в целях давления на Турцию. Осложнения с Болгарией должны были побудить младотурок поладить с Австро-Венгрией. Австро-венгерский министр стремился еще раз, как и при провозглашении аннексии, поставить державы, особенно Англию и Россию, перед совершившимся фактом — согласием самой Турции на отторжение ее номинальных владений.

Добиваясь для себя сближения с Турцией, австро-венгерское правительство стремилось довести до белого каления болгаро-турецкие отношения. 17 октября 1908 г. австро-венгерский посланник в Софии получил совершенно секретное указание: в условиях болгаро-турецкого конфликта поддерживать в Болгарии «уверенность, что она располагает в нашем лице надежной опорой и что политика монархии и дальше будет развиваться в направлении, совершенно дружественном Болгарии» [4].

---

[1] *B. E. Schmitt.* The annexation of Bosnia, p. 44.

[2] См. *А. Ф. Миллер.* Краткая история Турции, стр. 127.

[3] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 255, S. 199. АВПР, фонд Политархив, 1908 г., д. № 91 л. 69. Телеграмма послу в Турции Зиновьеву от 10 октября (25 сентября) 1908 г.

[4] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 319, S. 245—246.

Продолжалось поощрение новоиспеченного болгарского царя к обострению отношений с Турцией. Конфликт с Болгарией должен был отбить у Турции всякую охоту к противодействию Австро-Венгрии в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины. 11 января 1909 г. Австро-Венгрия предложила Фердинанду заключить военную конвенцию: проект предусматривал взаимный благожелательный нейтралитет в случае войны Австро-Венгрии против Сербии и в случае войны Болгарии против Турции; если бы возникла война одной из договаривающихся сторон сразу и против Турции, и против Сербии, то предусматривалась обоюдная военная помощь [1]. Таким образом, нажимом и угрозами Турцию стремились принудить к согласию на аннексию ее владений и загнать обратно в германо-австрийский лагерь.

Эренталю приходилось преодолевать противодействие английской и русской дипломатии, которые не покладая рук старались противопоставить Австро-Венгрии и Германии единый фронт всех остальных участников Берлинского трактата, включая Турцию. Но австро-венгерское правительство тем не менее не теряло надежды добиться договоренности с Турцией. Основания для этого имелись. В то время как Киамиль-паша занимал несговорчивую позицию, перед австро-германским блоком неожиданно открылись другие каналы для воздействия на турецкую политику. В Салониках австро-венгерский консул Рапопорт через местные буржуазные круги наладил своему правительству связи с Энвер-беем, будущим Энвер-пашой, одним из самых энергичных (и самых беззастенчивых) лидеров младотурок. Энвер стал деятельным и влиятельным проводником германского и австро-венгерского влияния [2]. Однако борьба завязывалась напряженная. Еще нельзя было предвидеть, каков будет финал.

Еще более резкую и сильную реакцию, чем в Турции, вызвала аннексия Боснии и Герцеговины в Сербии, Черногории и в южнославянских районах Австро-Венгрии, особенно же в самих захваченных провинциях. Аннексия клала конец не вполне определенному положению, созданному в Боснии и Герцеговине Берлинским конгрессом. Тем самым аннексия отнимала почву у надежд южного славянства на скорое освобождение этих земель.

Сербское и черногорское правительства заявили протест против насильнических действий Австро-Венгрии. Народ был охвачен крайним негодованием. Раздавались призывы к освободительной войне против захватчиков, угнетателей единоплеменных босняков и герцеговинцев. Едва поступила в Белград весть об аннексии Боснии и Герцеговины, как там начались массовые демонстрации. Клич «долой Австрию» гремел на улицах сербской столицы. Сербское правительство призвало под знамена некоторые категории запасных, в Черногории же была объявлена общая мобилизация. Слухи о согласии Извольского на захват Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией либо вызывали возмущение общественности, либо отвергались как неправдоподобные. От России ожидали помощи в борьбе против «врагов славянства».

В этот период в Сербии возникла организация «Народная одбрана», ставившая целью защиту интересов славянства в областях, захваченных Австро-Венгрией. Вскоре эта организация приобрела большое влияние. В глазах австро-венгерского правительства она сделалась центром опасной подрывной деятельности, направленной против целостности и безопасности двуединой монархии.

---

[1] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 835, 879, 882, 923 и др., S. 691—694, 731—732, 734—738, 768—769 и др.

[2] *B. Schmitt.* The annexation of Bosnia, Cambridge, 1937, p. 104—105.

Русское правительство советовало в Белграде соблюдать максимальную осторожность[1]. Сербии настоятельно рекомендовали во что бы то ни стало избежать войны: Россия еще не оправилась после поражения и воевать не может. В октябре 1908 г. в Петербург прибыл сербский престолонаследник и глава правительства Пашич. Через «Петербургское телеграфное агентство» было сообщено, что гостям обещали «нравственную поддержку», но при условии воздержания от всякого неосторожного шага. Сходные советы подавались и Черногории.

Вместе с тем Извольский продолжал попытки добыть для Сербии «компенсации». Он снова и снова просил австро-венгерское правительство согласиться на исправление границы в пользу Сербии и Черногории[2]. Но австрийцы и не думали уступать.

Царская политика определялась военной неподготовленностью и страхом перед революцией в России. Русская дипломатия старалась удержать Сербию и Черногорию от опасных шагов, способных поставить царскую Россию перед тягостным выбором: либо воевать, не будучи к тому готовой, либо же покинуть на произвол судьбы страну, составлявшую главную опору русского влияния на Балканах, и подорвать тем самым собственное положение и престиж. Английское правительство обещало Сербии, что оно присоединится к России в поддержке сербских пожеланий. Но оно заявило при этом, что дальше дипломатического содействия пойти не сможет. В Париже придерживались еще более осторожной позиции. При таких условиях Россия и Сербия в случае серьезных осложнений могли оказаться без существенной помощи со стороны других держав Антанты. Италия готова была к более энергичным действиям. Титтони пытался получить согласие Англии на морскую демонстрацию против Австро-Венгрии. Безрезультатно!

Поддерживая требования Сербии, царское правительство отвергало, однако, возможность предоставления Сербии и Черногории компенсаций за счет Турции[3]. Вместе с английским правительством оно стремилось вовлечь Турцию в лагерь Антанты. Сербское правительство даже предложило Турции заключить с ним союз, но не встретило в Константинополе сочувствия.

Австро-русский конфликт

Австро-Венгрия официально заявила (в ноте от 14 ноября 1908 г.), что отказывается передать вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины на международное обсуждение: этот вопрос должен быть решен между Австро-Венгрией и Турцией. Австро-венгерское правительство пояснило, что после того, как у него будет достигнуто соглашение с Турцией, оно могло бы пойти на созыв конференции, но лишь при условии, если бы все ее участники заранее обязались не возражать против акта аннексии и ограничились его регистрацией. Оно наотрез отказывалось дискутировать вопрос о территориальных компенсациях для Сербии[4]. В дальнейшем Эренталь выразил готовность на предварительное согласование вопроса об аннексии по дипломатическим каналам, но никак не на самой конференции. Русское правительство (17 декабря) приняло предложенный порядок в отношении Боснии и Герцеговины[5], но продолжало настаивать на компенсациях для Сербии.

---

[1] АВПР, фонд Политархив, 1908 г., д. № 12, л. 90—95. Памятная записка, врученная послу Австро-Венгрии 8 ноября (26 октября) 1908 г., и секретные телеграммы послам в Париже, Лондоне, Берлине и Риме от той же даты.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1908 г., д. № 136, т. III, л. 445—446. Донесение Свербеева от 29 (16) октября 1908 г.

[3] АВПР, фонд Политархив, д. № 93, л. 33. Телеграмма послам в Париже, Лондоне и Риме от 27 (14) ноября 1908 г.

[4] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd I, № 243, 276, 300, 304, 524, 576 и др., S. 192—193, 213, 229, 233, 400—402, 442—443.

[5] Ibid., № 769.

Уведомляя другие государства о согласии, достигнутом по вопросу о характере конференции, Эренталь разгласил секретные австро-русские переговоры. Он явно хотел скомпрометировать Россию и ослабить ее позиции в предстоящей борьбе. Эренталь вызвал в Петербурге крайнее раздражение. В декабре 1908 г. царское правительство решило отказаться от каких-либо «доверительных» отношений с венским кабинетом. Сношения с ним должны быть исключительно официальные — посредством нот [1]. После этого о созыве конференции замолчали обе стороны.

Германский империализм безоговорочно поддерживал Австро-Венгрию. Бюлов известил австро-венгерское правительство, что в случае осложнений оно может твердо рассчитывать на помощь Германии. В инструкции, направленной Бюловом германскому послу в Петербург 28 октября 1908 г., указывалось, что неудачи русской политики являются следствием поворота России в сторону Англии [2]. Эта инструкция свидетельствует о том, что Германия преследовала ту же цель, которую с самого начала не упускал из виду и Эренталь: оторвать Россию от Антанты, заставив почувствовать, какие тяжелые удары могут ей нанести центральные державы. То было повторением приемов германской дипломатии в отношении Франции в дни марокканского кризиса. Пурталес достаточно откровенно высказал Извольскому, что враждебная позиция Германии является последствием присоединения России к Антанте. Россия, выбирая между Германией и Антантой, склонилась на сторону последней. Это ее дело. Но пусть не удивляется, если Германия сделала из этого свои выводы. Вильгельм II на донесении Пурталеса об этой беседе сделал пометку: «Наконец-то Извольский услышал правду» [3].

Германия подстрекала Австрию, поддерживая партию эрцгерцога и Конрада фон Гетцендорфа. В январе 1909 г. состоялся обмен письмами между начальниками германского и австрийского генеральных штабов Мольтке (младшим) и Конрадом фон Гетцендорфом. В этих письмах австро-германский договор 1879 г. получил новое истолкование, в свое время решительно отвергнутое Бисмарком. Мольтке с ведома и согласия канцлера значительно расширил германские обязательства. Он обещал Австро-Венгрии, что Германия будет считать за casus foederis даже такой австро-русский конфликт, который был бы вызван не прямым нападением России на Австрию, а вмешательством России в австро-сербские осложнения [4]. Вот что Мольтке писал 21 января:

«Необходимо иметь в виду, что может наступить такой момент, когда придет конец долготерпению монархии (австро-венгерской. — *В. Х.*) по отношению к сербским провокациям. Тогда ей не останется иного выхода, кроме вторжения в Сербию. Я полагаю, что лишь такое вторжение может вызвать активное выступление России. В этом случае для Германии наступил бы casus foederis» [5], т. е. такой случай, когда ей необходимо было бы выполнить свои союзные обязательства — вступить в войну на стороне Австро-Венгрии. В том же письме Мольтке предвидит почти неизбежное вмешательство Франции в войну германо-австрийского блока против России. В переписке Мольтке с Конрадом фон Гетцендорфом намечался общий стратегический план войны против Франции, России и Сербии с учетом различных вариантов возможного поведения Италии. По существу обмен письмами между началь-

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1908 г., д. № 208, л. 38—39. Письмо Извольского Свербееву от 31 (18) декабря 1908 г.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XXVI, T. I, № 9074, S. 217.

[3] Ibid., № 9085, S. 239.

[4] *Conrad von Hötzendorf.* Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, Bd I, S. 379—393, 631 ff.

[5] Ibid., S. 380 ff.

никами генеральных штабов был равносилен военной конвенции[1]. Оба кайзера — Вильгельм и Франц-Иосиф, оба министра — Эренталь и Бюлов одобрили все условия, изложенные в письмах начальников генеральных штабов.

В Австро-Венгрии шли приготовления к войне. Русский генеральный консул сообщал из венгерской столицы: «Здесь в Будапеште все близко стоящие к военным сферам венгерцы продолжают утверждать, что война неизбежна и что более подходящего момента, как нынешний, Австрии не скоро дождаться, намекая этим на содействие Германии и на ослабление России»[2]. Военная партия в Австрии готовила нападение на Сербию. Конрад фон Гетцендорф с большой откровенностью рассказал в своих мемуарах о том, как протекали события.

«4 и 17 января 1909 г., — повествует он, — у меня были совещания с бароном Эренталем. На первом совещании барон Эренталь присоединился к моему мнению, что конфликт с Сербией должен быть решен силой оружия. Ведь через каких-нибудь 2—4 года Россия и Италия будут в состоянии прийти сербам на помощь. Тогда мы можем оказаться вовлеченными в войну с Россией, с Италией и на Балканах одновременно. Этого во что бы то ни стало надо избегать.

Однако на совещании 17 января Эренталь совершенно изменил свое мнение, заявив, что присоединение Сербии неосуществимо, так как мы не в состоянии переварить Сербию; он сказал, что задачей его политики является только всестороннее обеспечение аннексии Боснии и Герцеговины.

Он добавил, что дальнейшее могут сделать его преемники. Барон Эренталь не принял при этом во внимание, что не может быть и речи об обеспечении аннексии до тех пор, пока Сербия продолжает существовать в качестве второго Пьемонта. У меня не было никаких сомнений в том, что он изменил свое мнение под влиянием венгерских кругов. Последние противились присоединению к монархии новых южнославянских областей из страха, что это создаст опасный противовес мадьярскому элементу. Такая точка зрения постоянно и упорно отстаивалась с венгерской стороны и в последующие годы, в особенности графом Тисой»[3].

В угоду венграм Эренталь выдвинул видоизмененный план уничтожения Сербии. Он намечал ее раздел между Австро-Венгрией, Болгарией и Румынией.

Русской дипломатии удалось вырвать у Австро-Венгрии ее болгарский козырь. Она уладила турецко-болгарский конфликт, опасный для русских интересов. Главный спор шел о размерах турецких денежных претензий к Болгарии, включавших капитализированную сумму дани, которая причиталась султану в ознаменование вассальной зависимости болгарского князя, выкуп за железные дороги, принадлежавшие Турции, и др. Турция заломила сначала 650 млн. франков (около 260 млн. руб.). После долгого торга она умерила свои претензии до 300 млн. франков (около 120 млн. руб.). Болгары соглашались уплатить только 82 млн. франков (приблизительно 33 млн. руб.) и не больше. 2 февраля 1909 г. Извольский предложил способ урегулирования спора: Россия предоставит Турции 125 млн. франков, простив ей долг по невыплаченной части контрибуции, наложенной на нее после русско-турецкой войны. Часть этого долга будет переведена на Болгарию. Она обяжется в течение 50 лет вернуть России из этой суммы 82 млн. франков — то, что

---

[1] См. *Ф. И. Нотович*. Эпилог боснийского кризиса 1908—1909 гг. «Известия Акад. наук СССР», серия истории и философии, 1947 г., т. IV, № 1, стр. 66.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1908 г., д. № 136, т. II, л. 479. Письмо ген. консула в Будапеште Муравьева-Апостола от 25 (12) ноября 1908 г.

[3] *Conrad von Hötzendorf*. Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, Bd I, S. 138.

Болгария согласилась уплатить Турции. Разница — 43 млн. франков (около 17 млн. руб.) — составляла жертву, принесенную Россией для того, чтобы избавить и себя и Болгарию от опасностей, связанных с болгаро-турецкой войной. Соглашение было достигнуто. Царское правительство надеялось также затормозить австро-турецкую сделку, но тут его постигла неудача [1].

Киамиль-паша вынужден был покинуть пост великого визиря, к большому неудовольствию английского правительства. Его место занял Хильми-паша, долголетний генерал-инспектор Македонии, тесно связанный с австрийцами. В младотурецком движении брали верх сторонники германской ориентации [2]. 26 февраля 1909 г. австрийской дипломатии с германской помощью удалось добиться важнейшего успеха: соглашения с турецким правительством. За 2,5 млн. ф. ст. Турция отказалась от своего номинального суверенитета над Боснией и Герцеговиной. За это Австро-Венгрия в свою очередь отказывалась от оккупации Новобазарского санджака, право на которую было ей предоставлено Берлинским конгрессом. Австрия давала также свое согласие на дальнейшее повышение турецких пошлин с 11 до 15% стоимости товара и на отмену в будущем режима капитуляций. Обе последние уступки приобретали силу лишь после того, как все остальные заинтересованные державы изъявят свое согласие. А до этого было еще далеко.

Австро-турецкое соглашение на данном этапе развития событий клало конец малообоснованным расчетам Столыпина — Чарыкова на сближение России с Турцией и Турции с Сербией. Младотурки политикой насильственного отуречивания и жестокими насилиями вскоре же резко оттолкнули от себя нетурецкие национальности Османской империи, включая славян. Союз балканских государств с участием Турции оказался проектом мало реальным.

Между тем возбуждение в Сербии все возрастало. Военные мероприятия Австрии и протесты Сербии сопровождались ожесточенной австро-сербской и австро-русской полемикой в прессе и в дипломатической переписке.

Течение в пользу превентивной войны против Сербии в Австро-Венгрии усиливалось. Эренталь после некоторых колебаний вновь согласился с Конрадом фон Гетцендорфом. В своих мемуарах Конрад достаточно откровенно, без дипломатических околичностей обосновывал свое мнение о необходимости войны. «Корнем всех зол для австро-венгерской монархии, — писал начальник генерального штаба, — были ее отношения с Сербией и стоящей позади Сербии Россией... Все остальное имело второстепенное значение. Путь, который я себе всегда представлял, заключался прежде всего в достижении мирными средствами постоянного государственного объединения Сербии с габсбургской монархией. Если бы Сербия, однако, отклонила объединение и продолжала бы питать свои враждебные монархии замыслы, что и имело место, то тогда выходом должно было бы явиться военное разрешение вопроса в подходящий момент. Я указывал на это уже в 1906 г., при моем назначении начальником генерального штаба; в 1908—1909 гг. я считал момент подходящим для внесения ясности во взаимоотношения с Сербией, имея в виду, что с

---

[1] См. *А. К. Мартыненко.* Позиция России в связи с провозглашением независимости Болгарии в 1908 году. Сб. «Из истории русско-болгарских отношений». М., 1958, стр. 92—110. АВПР, фонд Политархив, 1909 г., д. № 95, л. 20—22. Телеграмма послам в Париже и Лондоне от 25 (12) января 1909 г. Подписан турецко-болгарский протокол был 19 апреля 1909 г.

[2] О значении падения Киамиля см. *Moukhtar-Pacha.* La Turkie, l'Allemagne et l'Europe. Paris, 1924, p. 99—101; *Mandelstam.* La Sort de l'Empire Ottoman. Lausanne — Paris, 1917, p. 18, 59.

течением времени шансы неизбежного, а значит и необходимого расчета с ней будут (для Австрии) лишь ухудшаться»[1].

Царское правительство обратилось к английскому и французскому с просьбой о совместном выступлении в Вене, дабы предотвратить агрессию против Сербии. Царским послам в Лондоне и Париже было поручено заявить, что, если державы Антанты не окажут умеряющего воздействия на Австро-Венгрию, будет «нанесен смертельный удар нынешней системе нашей внешней политики, т. е. союзу с Францией и соглашению с Англией»[2]. Таким образом, русская дипломатия заговорила со своими «друзьями» весьма решительным языком! Английское и французское правительства хотя и с неохотой, но все-таки поручили своим послам предпринять соответствующие шаги.

Какие именно? Они просили германское правительство оказать совместно с Англией и Францией умеряющее воздействие в Вене. Но Германия отказалась от приглашения присоединиться к давлению на союзную с ней Австро-Венгрию.

Тогда Франция отступила, фактически покинув свою союзницу. Только что состоялось франко-германское соглашение по марокканскому вопросу. Влиятельные капиталистические круги были заинтересованы в развитии сотрудничества с Германией в Африке. Главное же, война с Германией считалась невозможной, пока сама Россия не восстановит силы своей армии. В конце февраля Пишон заявил русским, что Франция не будет воевать из-за вопросов, «не затрагивающих жизненных интересов России»[3], — разумелась Сербия. Пишон согласился с германским предложением: пусть Сербия договорится непосредственно с Австро-Венгрией один на один, без чьего-либо вмешательства. Иначе говоря, он хотел выдать Сербию «на милость Австро-Венгрии, вооруженной до зубов»[4]. Русское правительство не могло принять такого предложения без ущерба для своего влияния на Балканах. Особенно громко жаловаться на союзника царскому правительству было, однако, невозможно: как раз в начале 1909 г. во Франции совершалась операция по реализации займа на 525 млн. руб. Тем не менее русское правительство отказалось подать в Белграде совет решить спор путем двусторонних переговоров с Австро-Венгрией. Англичане держались внешне менее капитулянтски, чем французы, но ссылались на позицию, занятую Францией.

20 февраля Эренталь известил Бюлова о намеченном им плане действий: он, Эренталь, намерен «внести ясность» в отношения с Сербией. Мобилизация и выступление против нее намечены на середину марта. Сначала Сербии будут предъявлены требования: прекратить вооружения, отказаться от притязаний на компенсации, от протеста против аннексии и дать заверения, что она не питает агрессивных замыслов против Австро-Венгрии. Если Сербия не удовлетворит этих требований, Австрия вручит их сербскому правительству уже в форме ультиматума. В случае его отклонения последует война.

Эренталь указывал, что огромное значение могло бы иметь воздействие из Берлина на русское правительство, чтобы обеспечить с его стороны невмешательство в австро-сербский конфликт. Иначе говоря, Германия должна была так припугнуть царское правительство, чтобы Россия не решилась воспрепятствовать австро-венгерской агрессии, хотя

---

[1] *Conrad von Hötzendorf.* Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, Bd III, S. 11.

[2] АВПР, фонд Политархив, 1909 г., д. № 96, л. 3—5, 8—11. Телеграмма Извольского Нелидову от 14 (1) февраля 1909 г.; доклад Извольского Николаю II от 16 (3) февраля; телеграмма послам в Париже и Лондоне от 19 (6) февраля 1909 г.

[3] «Международные отношения», серия II, т. XVIII, ч. I, № 341, прим. 1, стр. 352.

[4] АВПР, фонд Политархив, д. № 46, л. 43. Телеграмма Извольского Нелидову от 27 (14) февраля 1909 г.

она грозила свести на нет русское влияние на Балканах и во всем славянском мире. Эренталь предполагал использовать и Болгарию. Он досадовал, что русская инициатива по урегулированию болгаро-турецкого конфликта портила ему его игру.

Поддерживая Австро-Венгрию, Бюлов думал не только об укреплении союза с ней. Он рассчитывал, что Россия не устоит перед его угрозами, уступит и тем самым продемонстрирует свою слабость. Германское правительство надеялось таким путем ликвидировать влияние России на Балканах и в Турции. Итак, боснийский вопрос перерос в борьбу великих держав за преобладание на Ближнем Востоке.

Положение русского правительства было трудное: военная слабость, внутренняя неустойчивость, ненадежность союзника... 27 февраля русское правительство известило сербское, что «обстоятельства складываются ныне так, что Сербии нет никакой надежды рассчитывать на поддержку западноевропейских держав в вопросе о территориальных компенсациях» в Боснии и Герцеговине. Сербскому правительству из Петербурга посоветовали отказаться от территориальных требований. Оно ответило, что принимает этот совет. Нотой от 10 марта 1909 г. оно уведомляло державы, что не желает войны, подчинится их решению о судьбах Боснии и Герцеговины и не требует никаких компенсаций.

Германским и австро-венгерским империалистам этого показалось недостаточно. Никакого решения держав — участников Берлинского трактата они не допускали. Они требовали от Сербии безоговорочного и публичного признания перехода Боснии и Герцеговины под суверенитет Австро-Венгрии на основе австро-турецкого соглашения и торжественного отказа Сербии непосредственно перед Австрией, «без посредничества», от каких бы то ни было территориальных притязаний вне своих границ [1]. Такое заявление должно было, по мысли Эренталя, похоронить надежды на освобождение южных славян. Господствующие классы Австро-Венгрии и габсбургский двор под влиянием возмущения народа в Боснии, Герцеговине и в других славянских областях были охвачены паникой, они дрожали за свое существование. В дикой ненависти они готовы были растерзать соседнее небольшое славянское государство.

В Петербурге Эренталь потребовал, чтобы русское правительство побудило Сербию к полной капитуляции. Она должна была признать австро-турецкое соглашение как завершение боснийского кризиса. В противном случае он грозил Извольскому дальнейшим разоблачением секретных австро-русских переговоров о дележе Балкан летом 1908 г., имея, очевидно, в виду русскую памятную записку от 2 июля.

Извольский был возмущен. Он квалифицировал угрозы своего коллеги как «гнусность» [2]. Царский министр угрожал встречным разоблачением. Отношения между Россией и Австро-Венгрией были близки к разрыву. Положение настолько обострилось, что 17 марта в Петербурге в совете министров поставлен был на обсуждение вопрос о возможности войны. Правительство и на этот раз должно было прийти к выводу, что Россия не готова и воевать не может. Английское правительство в лице Грея вновь выдвинуло идею созыва международной конференции.

Но 21 марта 1909 г. Бюлов поручил германскому послу в Петербурге графу Пурталесу потребовать от Извольского ясного ответа: готова ли Россия безоговорочно согласиться на отмену параграфа 25 Берлинского трактата, признать аннексию Боснии и Герцеговины, добиться того же от Сербии и отказаться от требования конференции или же Россия намерена упорствовать дальше? «Вы должны, — писал Бюлов послу, — в

---

[1] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd II, № 1160, 1176.

[2] АВПР, фонд Политархив, д. № 96, л. 78—79. Записка Извольского царю от 12 марта (27 февраля) 1909 г.

твердой форме заявить Извольскому, что мы ожидаем точного ответа — да или нет». Уклончивый или неясный ответ будет рассматриваться как отказ. В случае же такового, угрожающе добавлял Бюлов, Германия «устранится», т. е., иначе говоря, предоставит Австро-Венгрии напасть на Сербию. «Ответственность за все дальнейшие события, — заключал Бюлов, — падет тогда исключительно на г. Извольского». Если Извольский будет продолжать настаивать на созыве конференции, то Германия сочтет это за попытку затянуть ответ, равносильную отклонению германского «предложения» [1].

22 марта Пурталес предъявил эти унизительные требования Извольскому. Форма их напоминала ультиматум. В тот же день, 22 марта, Австро-Венгрия объявила «состояние тревоги» для двух армейских корпусов: 7-го и 13-го.

Извольский ответил Пурталесу, что раньше, чем дать столь серьезный ответ, он обязан доложить царю. Министр ясно видел, что перед ним поставили альтернативу: или уступка, или же вторжение австро-венгерской армии в Сербию. Ответ был дан с поспешностью необычайной. Было созвано Особое совещание, которое высказалось за необходимость уступки. 22 марта Николай II телеграфировал кайзеру, что Россия принимает германские требования.

Так царское правительство капитулировало перед германским империализмом. Авантюра, затеянная царизмом в лице его министра иностранных дел, позорно провалилась. Говорили о «дипломатической Цусиме» — и не без основания.

Тем не менее, несмотря на капитуляцию царского правительства, 29 марта в Австро-Венгрии была объявлена мобилизация пяти корпусов. 31 марта 1909 г. сдала свои позиции и Сербия. Она сочла себя вынужденной признать аннексию Боснии и Герцеговины и заявить, что это не нарушает ее прав. Германская дипломатия торжествовала. Результатом борьбы, развернувшейся в 1908—1909 гг. за влияние на Ближнем Востоке, был крупный проигрыш Антанты: Сербия была унижена; не только состоялся захват Боснии и Герцеговины, но ограбленная Турция снова оказалась в фарватере германского империализма. Английское правительство быстро утеряло позиции, завоеванные было им в Османской империи после младотурецкой революции.

Германское влияние снова первенствовало в турецкой столице. В противовес ему в апреле 1909 г. английское правительство поддержало своего былого врага — султана Абдул-Гамида — в попытке произвести контрреволюционный переворот и избавиться от младотурок, быстро устанавливавших контакты с германским империализмом. Авантюра Абдул-Гамида потерпела крах. Султану она стоила трона, а английским империалистам — падения их влияния в Константинополе. Германский генерал Кольмар фон дер Гольц, вновь надевший мундир Гольц-паши, опять водворился на берегах Золотого Рога в качестве фактического руководителя турецкой армии.

Только славянские государства Балканского полуострова мешали созданию огромной сплошной зоны господства германского империализма от Северного моря и Балтики до Тигра и Евфрата.

Все же победа австро-германского блока была неполной: несмотря на отступление русского империализма перед германским, русское влияние в Сербии подорвано не было. Это понятно: сербскому правительству негде было искать поддержки, кроме как у России. Путь революционного решения национальной проблемы сербская монархия отвергала, а демократические силы южнославянских народов были еще слишком слабы, чтобы направить развитие южного славянства на революционно-

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXVI, T. II, № 9460, S. 694—695.

демократические рельсы и решить проблему национального освобождения и объединения, не ища помощи извне.

С другой стороны, царская Россия, не отказываясь от великодержавной политики, не могла не поддерживать Сербию. Болгария в это время была бы для России на Балканах менее надежной опорой: не говоря уже о личной политике Фердинанда, внимание болгарской буржуазии было обращено на Турцию, с которой Россия и вся Антанта искали сближения. С Сербией же был общий враг: германо-австрийский блок. «Корень зла нашей ближневосточной политики заключался всегда в том, — писала газета «Новое время», — что мы, освобождая единоверные и единоплеменные народы Балканского полуострова от политического ига турок, не принимали никаких мер, чтобы не ввергнуть их в менее осязательное, но гораздо более чувствительное экономическое ярмо германского капитализма». Если «падет Сербия», то «при почти вассальных отношениях нынешней болгарской династии к «апостолическому величеству» (т. е. к Австрии) германский поток свободно достигнет Солуни (Салоник), Царьграда и через Малую Азию будет не на шутку угрожать нашему Кавказу и Крыму. Наши кровные интересы на Юге заставляют нас поэтому оказать сербам нравственную поддержку» [1]. Боснийский кризис не решил вопроса о господстве на Ближнем Востоке. Он только закрепил за Австро-Венгрией Боснию и Герцеговину и вернул германскому империализму преобладающее влияние в Турции — пока его в 1911 г. снова не подорвало нападение на Турцию немецкого союзника Италии. Боснийский кризис привел к дальнейшему подъему освободительного движения южнославянских народов и росту ненависти в их рядах к угнетательнице — Австро-Венгрии.

Грубое вмешательство германского правительства в пользу Австро-Венгрии до крайности обострило отношения между Россией и обеими центральными державами. Разумеется, это было отнюдь не безопасно. И не только для того, кто на этот раз отступил в споре, но и для самих победительниц.

События 1908—1909 гг. на Балканах свидетельствовали о дальнейшем обострении империалистических противоречий и нарастании угрозы большой империалистической войны за передел мира. Для международного рабочего движения это делало особенно настоятельной борьбу против колониальной политики, милитаризма, империалистической войны. «Злободневная задача всех социалистических партий, — писал В. И. Ленин, — усилить агитацию в массах, сорвать маску с игры дипломатов всех стран и показать наглядно, воочию все факты, свидетельствующие о подлой роли *всех союзных держав*,..» [2].

---

[1] Цит. по кн.: *И. В. Бестужев.* Борьба в России по вопросам внешней политики, стр. 240—241.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 17, стр. 229.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ДЕРЖАВЫ АНТАНТЫ И АВСТРО-ГЕРМАНСКИЙ БЛОК В 1909—1912 гг.— ПОЛОЖЕНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Франко-германский антагонизм. Соглашение о Марокко 9 февраля 1909 г.

Франко-германские отношения все больше осложнялись новыми экономическими моментами: борьбой за железную руду и уголь в Европе и за колонии в Африке. Огромный рост германской тяжелой промышленности увеличивал потребность Германии в импортной железной руде. Она поступала в Германию из Швеции, Испании и из соседней Франции. Рейнско-рурские концерны совершали энергичное экономическое проникновение во Францию для овладения французской рудой. Особенно усилилось проникновение германского капитала во французскую железорудную промышленность во время промышленного подъема 1909—1914 гг. Концерны Тиссена, Рёхлинга, Штумма, Стиннеса, «Феникс», Хёша и другие скупили большое число рудников во французской части Лотарингии, не говоря уже о приобретении ими акций французских предприятий. Добычу железа в департаменте Мерты и Мозеля французский капитал крепко держал в своих руках. Но в других районах Лотарингии влияние германских фирм быстро увеличивалось. «Гельзенкирхенское общество» владело, например, в Лотарингии двумя тысячами гектаров рудных месторождений, Тиссен — 2155 гектарами. Сходное положение наблюдалось и в Нормандии. Там немцам принадлежало 7300 гектаров. Имеются данные, что в бассейне Брией в руках германского капитала уже в 1907 г. находилось свыше 28% всех разведанных месторождений железных руд [1]. В этой связи у германских империалистов — у руководителей монополий, в представляющих их политических организациях и в печати — постепенно зрело стремление присоединить руду французской Лотарингии к Германской империи. Тогда в ее пределах на политически единой хозяйственной территории соединился бы рурский и саарский уголь с лотарингской ру-

[1] *G. W. F. Hallgarten.* Imperialismus vor 1914, Bd II, S. 238.

дой и слился бы воедино промышленный потенциал Рурско-рейнского, Саарского и Лотарингского районов. Гигантские железорудные богатства французской Лотарингии лежали у самой германской границы. Усиление сепаратистских тенденций в Эльзасе и в немецкой Лотарингии также толкало германских империалистов к мысли о решении противоречий с Францией силой оружия.

Во Франции экономическое вторжение германского капитала порождало беспокойство и усиливало ненависть к Германии. К этому же вела конкуренция германских товаров на внутреннем рынке Франции. Магнаты французской металлургии в свою очередь думали не только о возвращении Эльзаса и Лотарингии, но и о захвате Саарского угольного бассейна. Идея реванша значительно оживилась во Франции и являлась дополнительным стимулом к гонке вооружений, в чем тяжелая промышленность имела также немалый интерес. Реваншизм возбуждал шовинистические чувства, которые французская реакция старалась противопоставить растущему проникновению социалистических идей в широкие массы народа. В результате действия всех этих факторов в начале XX в. происходило резкое обострение франко-германского антагонизма.

Одной из причин усиления этого антагонизма была также и продолжавшаяся борьба за Северо-Западную Африку.

После Альхесирасской конференции франко-германское соперничество в Марокко не прекратилось. Постановления Альхесирасского трактата давали там Франции преимущественное положение. А между тем у германских монополий возрастал интерес к этой стране, богатой железом. Марокко могло бы стать дополнительным его поставщиком для германской металлургии. Колониальный характер страны позволял крупным германским фирмам самим организовать там добычу руды, добившись у местного правительства необходимых для этого концессий. Это было здесь менее затруднительным и обходилось много дешевле, чем приобретение железорудных месторождений в экономически развитых государствах вроде Франции или Швеции. Кроме концернов Круппа и Тиссена, в Марокко проник третий немецкий металлургический концерн — фирма «Маннесман».

В развитии марокканского вопроса ожесточенная борьба перемежалась с попытками сговора между капиталистическими монополиями обеих стран — Франции и Германии — в целях совместной эксплуатации Марокко, а также и других районов Африки. Германские ведущие банки еще в 1906 г., вскоре после дипломатического поражения, испытанного Германией в Альхесирасе, стали стремиться к соглашению с Францией об экономическом сотрудничестве в Марокко. Они готовы были согласиться на отказ Германии от каких-либо «политических

целей» там. Соглашение должно было бы обеспечить немецкому капиталу участие во всех предстоящих в Марокко «более крупных общественных работах», которые были бы предоставлены марокканскими властями иностранным предпринимателям. Имелось в виду, что в концессиях, полученных французами, германскому капиталу будет предоставлено 30% акций вновь основываемых предприятий и такая же доля в производстве работ, в поставках оборудования и других товаров. Французские фирмы получили бы точно такое же участие в концессиях, доставшихся немцам [1]. Крупп и Тиссен связались в Марокко с французским концерном Шнейдера и в 1907—1908 гг. склонялись к сделке с французским капиталом, в частности по поставкам в Марокко оружия. Значительно бо́льшими были аппетиты концерна Маннесмана. Он находился с французскими властями в непримиримых отношениях.

Франция и Испания частью под покровом Альхесирасского трактата, частью в обход его постановлений, постепенно прибирали к рукам всю страну — каждая свою зону. Как это обычно делают империалистические колонизаторы в феодальных государствах, и французы и испанцы широко использовали междоусобицы марокканских феодалов для вмешательства во внутренние дела Марокко и оккупации отдельных его частей. Убийство одного французского врача дало правительству Третьей республики повод для оккупации района Уджды на пути из Алжира в столицу Марокко — город Фец. В 1907 г. летом в портовом городе Касабланке во время налета кочевников из племени шавиа было убито несколько французов и других иностранцев. Французское правительство и этим не преминуло воспользоваться: город был подвергнут бомбардировке кораблями французского военного флота. При этом перебито было много больше ни в чем не повинных людей, чем это сделали кочевники. Вслед за тем французы оккупировали Касабланку и окрестные районы под предлогом восстановления порядка и обеспечения безопасности иностранцев.

Когда-то, в 1905 г., султан Абдул-Азис искал помощи у германских империалистов. После Альхесирасской конференции он стал марионеткой французского правительства. В народе накипала ненависть к французскому империализму и к султану, продавшемуся «неверным». Этим воспользовался Мулай-Гафид, брат царствовавшего султана, для покушения на его трон. Мулай-Гафид опирался на феодалов и на племена Южного Марокко. Он пользовался также финансовой поддержкой германского капитала в лице Маннесмана.

В июне 1908 г. Мулай-Гафид взял Фец. Он продолжал

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXI, T. II, № 7333, 7334, S. 671—678.

борьбу против брата, спасавшегося в Рабате. Желая обеспечить себе поддержку империалистических держав, Мулай-Гафид обратился к дипломатии. Он направил посланцев в европейскпе столицы. Характерно, что только в Берлине они были приняты на правительственном уровне.

В то время как германские империалисты завязывали связи с новым хозяином марокканской столицы, французские пользовались внутренней борьбой в Марокко для расширения сферы вмешательства своих войск.

Дела Абдул-Азиса шли все хуже, и с германской стороны был официально поставлен вопрос о признании Мулай-Гафида султаном Марокко. Внося такое предложение, германское правительство рассчитывало укрепить свое влияние на будущего марокканского правителя в противовес французам. Итак, в Марокко не без содействия германских империалистов оказался новый, дружественный им султан. Он выдал Маннесману ценные концессии.

В результате успехов Мулай-Гафида французам уже трудно стало избежать признания нового монарха. Они, однако, обусловили признание предварительным согласием торжествующего претендента на марокканский престол со всеми кабальными обязательствами, принятыми перед Францией его предшественником. Мулай-Гафид удовлетворил домогательства французских колонизаторов, и его признание состоялось в декабре 1908 г.

Вскоре, опираясь на свои войска, французские империалисты опутали Мулай-Гафида нитями достаточно прочной зависимости.

В то же время, на рубеже 1908—1909 гг., было достигнуто перемирие между французским империализмом и его главным конкурентом в Марокко — германским империализмом. Германское правительство использовало в своих интересах борьбу феодальных клик и особенно восстание Мулай-Гафида. Но при этом оно после Альхесираса исходило из трезвого представления о своих возможностях в Марокко. Итоги первого марокканского кризиса показывали, что Германии трудно помешать французскому преобладанию в Марокко. Германское правительство обдумывало, какую цену и в какой момент запросить ему у Франции за предоставление ей в Марокко свободы действий. Речь шла о гарантии германских экономических интересов в Марокко, а также о предоставлении Германии компенсаций — или в виде куска этой страны или же в других колониальных районах [1].

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXIV, № 8290, S. 234, помета Бюлова, и № 8457, S. 440—441, особ. помета Вильгельма II и примечание к ней.

25 сентября 1908 г. в Касабланке возник крупный политический скандал между местным германским консульством и французскими оккупационными властями. Консул был связан с немецким журналистом, организовывавшим побеги дезертиров из французского иностранного легиона. Консул укрыл шесть дезертиров — трех немцев и трех подданных других государств. Он поручил своим сотрудникам посадить дезертиров на германское судно, стоявшее на рейде. За проведением этой операции работники консульства и были выслежены французской разведкой.

Французские офицеры не стали стесняться. Они пригрозили револьвером сопровождавшему дезертиров секретарю консульства, избили и связали находившегося при нем сотрудника охраны консульства, а дезертиров арестовали.

После инцидента и те и другие колонизаторы разыгрывали безвинно обиженных. С немецкой стороны возмущались нарушением консульской неприкосновенности, с французской — укрывательством дезертиров. Началась газетная перебранка и споры по дипломатическим каналам — через послов и министров иностранных дел. Германская дипломатия в грубой форме потребовала от французского правительства освобождения трех дезертиров — германских подданных. Она настаивала на принесении извинения за насилие, учиненное французами над персоналом германского консульства.

В Париже решительно отвергли эти домогательства. Казалось, что конфликт между Германией и Францией, возникший по мелкому поводу, примет серьезный оборот.

Однако момент для обострения отношений с Францией оказался неподходящим. Боснийский кризис был в разгаре. Австро-Венгрия боялась толкнуть западные державы на активную поддержку России. Из Вены настойчиво просили союзное германское правительство скорее уладить касабланкский инцидент, дабы на случай конфликта с Россией установить с ее союзницей возможно лучшие отношения и тем ослабить Антанту[1].

Германия вняла этим просьбам и умерила свои домогательства.

В октябре 1908 г. Крупп и Тиссен поладили со Шнейдером: был создан смешанный франко-германский синдикат «Общество марокканских копей». Немецкие фирмы удовлетворились 21% акций этого предприятия[2]. Соглашение магнатов капитала облегчило и примирение между правительствами. Обе стороны взаимно выразили друг другу сожаление по поводу дурного поведения своих чиновников и офицеров и передали дело на третейское разбирательство в Гаагский трибунал. Это судилище

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXIV, № 8364, 8399 и прим., стр. 332, 366—367.

[2] *G. W. F. Hallgarten.* Imperialismus vor 1914, Bd II, S. 114.

вынесло компромиссное решение, благоприятное скорее для Франции.

Течение боснийского кризиса показало, что расчет австрийской и германской дипломатии был правилен: Франция оказала союзной России совершенно недостаточную поддержку.

Но примирительный курс германской дипломатии имел и другую, более непосредственную цель, помимо обеспечения дружественного поведения Франции в австро-русско-германском конфликте. Этой целью было урегулирование франко-германских отношений в самом Марокко.

К сделке стремились и французы; поддерживая Мулай-Гафида, немцы кое-чего добились: они доказали, что способны причинить Франции в Марокко немало трудностей. С французской стороны первые зондажи провел Тардье, политический редактор газеты «Тан» и крупный делец, игравший вместе с Этьеном, лидером колониальной партии палаты депутатов, ведущую роль в марокканской политике французского империализма. От Тардье не отставал и его будущий враг — министр финансов Кайо, лидер тех буржуазных французских кругов, которые стремились к сотрудничеству германского и французского капитала. Марокко, говорил Кайо немецкому поверенному в делах, необходимо изъять из числа объектов соперничества Германии и Франции. Для Франции господство в Марокко является «вопросом жизни». «Положение в Алжире, — продолжал он, — причиняет метрополии больше забот, чем об этом узнаёт общественность. Если бы у алжирцев укрепилась мысль, что Франция недостаточно сильна, чтобы отстоять свое преобладание в Марокко, то это имело бы роковые последствия». «Я уверен, — заключил Кайо, — что через несколько месяцев наш друг Мулай-Гафид точно так же окажется у Франции в кармане, как раньше Абдул-Азис».

Фон дер Ланкен, германский поверенный в делах, ответил, что Германию интересует в Марокко только сохранение режима открытых дверей. Но Германия опасается, что Франция не хочет предоставить ей в Марокко даже и экономических возможностей. Поэтому-то Германия и вынуждена обороняться, а обороняя свои интересы, она неизбежно мешает осуществлению в Марокко многих французских целей.

Каких же гарантий желает Германия, чтобы признать свои экономические интересы обеспеченными? — спросил Кайо.

Ланкен ответил, что предложения должны исходить от Франции. Кайо заверил, что во Франции имеется к тому полная готовность. Лишь бы соглашение не запоздало для того, чтобы еще успеть оказать благотворное влияние на боснийский кризис![1]

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXIV, № 8471, S. 461.

Фактически переговоры завязались только в январе 1909 г. Они велись в Берлине — между статс-секретарем Шёном и французским послом Жюлем Камбоном [1]. Достигнуто было нижеследующее соглашение, целью которого было объявлено исполнение Альхесирасского трактата и предотвращение «недоразумений» между Германией и Францией: французское правительство подтверждало свою «приверженность» к поддержанию целостности и независимости Марокко (которую на деле оно быстро и успешно сводило к нулю!). Оно заявляло о своей решимости сохранять в Марокко экономическое равенство и «не нарушать коммерческих и промышленных интересов Германии».

В свою очередь германское правительство заявляло, что оно не преследует в Марокко никаких целей, кроме экономических. Оно признавало, что «особые политические интересы Франции тесно связаны с поддержанием в Марокко порядка и внутреннего мира». Обе договаривающиеся стороны обязывались не искать экономических привилегий и стараться объединить своих граждан в совместных предприятиях, которые могли бы быть основаны ими в Марокко. Говоря коротко, соглашение означало, что Франция может полностью подчинить себе Марокко, сохраняя, однако, видимость его независимости и обеспечивая немцам равные условия экономической деятельности. Соглашение поощряло смешанные франко-германские предприятия для совместной эксплуатации страны.

Этот акт, подлежавший публикации, дополнялся обменом секретными письмами между Камбоном и Шёном. В письме Камбона устанавливалось, что немцы впредь не будут претендовать на должности директоров, технических советников или инструкторов на марокканской государственной службе (services publiques), имеющие политический характер. В совместных предприятиях «в возможных пределах» будет учитываться, что французские интересы в Марокко более значительны, чем немецкие. В ответном письме Шён заявлял о своем согласии с этими положениями. Подписание соглашения и обмен сопровождавшими его письмами состоялись 9 февраля 1909 г. [2]

Эта демонстрация франко-германского сговора была произведена в разгар боснийского кризиса, когда австро-сербские и австро-русские отношения оказались напряженными до такого крайнего предела, за которым следует разрыв.

После заключения франко-германского соглашения в Марокко временно установилось некоторое сотрудничество германского капитала с французским. Делались попытки распростра-

---

[1] Братом французского посла в Лондоне Поля Камбона.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XXIV, № 8490—8492, S. 489—491.

нить его и за пределы Марокко — на колонии тропической Африки. Было намечено создать франко-германский консорциум для совместной эксплуатации каучуковых плантаций во Французском Конго. Германия рассчитывала проникнуть таким образом в чужую колонию. С французской стороны в создании консорциума была заинтересована компания «Нгоко-Санга», рассчитывавшая поправить этим свои дела. Ее каучуковым плантациям в долинах р. Санга (приток Конго) и ее притока Нгоко был нанесен ущерб налетчиками из соседнего Германского Камеруна. Компания обратилась в немецкий суд с иском о возмещении убытка, но в этом ей было отказано. Тогда ее руководители, связанные с Тардье, потребовали компенсации от французского правительства. Куш, который компания норовила сорвать с французской казны за ущерб, причиненный немцами, она предполагала передать немцам же в качестве своего пая в совместном франко-германском предприятии [1]. Однако задуманная Тардье жульническая афера была сорвана Кайо. В марте 1911 г. палата депутатов отказала компании в компенсации. Вместе с тем отпал и вопрос о создании консорциума.

Немцы попытались найти другую лазейку для проникновения во Французскую Экваториальную Африку. В апреле 1911 г. Ланкен в беседе с Кайо выдвинул идею постройки железной дороги Камерун — Конго. Для ознакомления с немецким проектом в Берлин был направлен доверенный человек Кайо — директор пароходной компании в Конго Фондер. Проект дороги, которая стала бы для германского капитала средством экономического завоевания французской колонии, не вызвал в Париже энтузиазма. Сам Кайо, хоть он и стремился к соглашению с Германией, «опасался немцев в качестве торговцев не меньше, чем в качестве солдат, и не верил, что у них торговая деятельность не будет связана с политикой» [2]. В июне 1911 г. французское правительство отвергло германский проект. Экономическое сотрудничество с Францией застопорилось! Не лучше складывались и отношения Германии с Англией.

Развитие англо-германского морского соперничества. Очередная попытка германской дипломатии разрушить Антанту

В Германии произошли некоторые перемены. «Бюловский блок» распался в 1909 г. Его буржуазная составная часть разошлась с юнкерством. Ссора произошла по вопросу о распределении налоговых тягот по покрытию хронического и все возраставшего дефицита в имперском бюджете. Главной причиной дефицита были расходы на флот. Положение, созданное расходами на морские вооружения, требовало прове-

[1] См. *А. Дж. П. Тэйлор.* Борьба за господство в Европе, стр. 470, прим.

[2] *R. Binion.* Defeated leaders. N. Y., 1960, p. 33.

дения финансовой реформы. Либерально-буржуазные партии считали целесообразным покрыть часть дефицита, введя налог на наследство. Этот проект вызвал яростный отпор со стороны тех, кого он задевал, — владельцев недвижимости, в первую очередь землевладельцев и их представительства — консервативной партии. Католическая партия центра, считаясь со своими кулацкими и мелкобуржуазными избирателями, не отставала в своем протесте от консерваторов.

Бюлов тем не менее внес в рейхстаг проект финансовой реформы, включавшей налог на наследство. В ответ консерваторы порвали с либералами, отстаивавшими правительственный проект, и сблизились с клерикальным центром. Они составили консервативно-клерикальный «черно-голубой» блок. 24 июня 1909 г. консервативно-клерикальная коалиция провалила проект финансовой реформы. Вместо налога на наследство консерваторы и центр провели налог на биржевые сделки.

Вместе с распадом своего блока и неудачей финансового проекта Бюлов вынужден был 14 июля 1909 г. покинуть пост канцлера. У кайзера положение Бюлова было подорвано еще в конце минувшего года: Вильгельм не мог простить ему поведения в деле «Дейли телеграф». А теперь канцлер потерял также и опору в рейхстаге. При таких обстоятельствах ему трудно было бы удержаться на своем посту.

Распад «бюловского блока» грозил отразиться на флотской политике. Консерваторы и центр в отместку за проект налога на наследство энергично выступили за экономию, в том числе и в строительстве флота. Такая позиция по вопросу о флоте, крайне важному для влиятельных монополий и лично для кайзера, была для обеих этих партий тактическим средством, рассчитанным на принуждение правительства к уступкам в налоговом и в других вопросах. С консерваторами заодно была и армия, теснейшим образом связанная с юнкерством. Генеральный штаб всей силой своего влияния настаивал на увеличении ассигнований на сухопутные силы — хотя бы ценой некоторого сокращения расходов на флот.

Распад «бюловского блока» означал ослабление национально-либеральной партии и вообще наиболее рьяных поборников строительства военного флота. Вместе с тем был слегка поколеблен и подчеркнуто враждебный Англии курс внешней политики рейха. Впрочем, и сам Бюлов под влиянием соображений международного порядка под конец своего пребывания на посту канцлера стал осознавать страшную опасность одновременного обострения противоречий и с Англией, и с Россией, и с Францией.

С последней Бюлову удалось смягчить напряженность посредством февральского соглашения о Марокко. Но надолго ли? В этом позволительно было усомниться. В обстановке боснийского кризиса Бюлов стал искать путей для сближения с Англией. В марте 1909 г. в состоянии тревоги, вызванной растущими вооружениями Германии, подогретой шовинистическими речами и статьями по обе стороны Северного моря, английский парламент принял военно-морской бюджет на 1909/10 бюджетный год. В течение его правительству предоставлялось построить до восьми дредноутов, не считая большого количества более мелких кораблей. Фактически дредноутов было заложено даже девять — один корабль этого типа был построен на средства Новой Зеландии.

Незадолго до дебатов в английском парламенте Тирпиц разместил заказы на два немецких дредноута ранее срока, предусмотренного в законе о флоте. Это особенно усилило тревогу в Англии. Там сложилось впечатление, что Германия ускоряет темпы закладки новых кораблей по сравнению с намеченными в законе 1900 г. и в дополнительных постановлениях закона 1908 г. В этом случае Германия имела бы к установленному законом сроку окончания своей морской программы больше кораблей, чем это было объявлено и зафиксировано в принятых рейхстагом законах о флоте. По просьбе англичан германское правительство дало заверение, что темпы строительства военных кораблей в Германии не превзойдут тех, что намечены во флотских законах.

Видимо, английские дипломаты, добиваясь такого заверения, рассчитывали получить отказ и намеревались использовать его в пропагандистских целях. Во всяком случае, получив от немцев на этот раз не отказ, а положительный ответ, британский премьер Асквит и морской министр Мак-Кенна в своих речах при обсуждении морского бюджета постарались свести значение германского заверения к минимуму. Они подчеркивали, что оно не является формальным обязательством, а только заявлением «о намерениях», что германское правительство может изменить свои намерения и планы, что производственная мощность немецких верфей позволяет к 1912 г. построить не тринадцать дредноутов, намеченных к этому сроку германским законодательством о флоте, а двадцать один. Случись это в действительности, немцы почти догнали бы английский флот, если только его увеличение не пошло бы отныне еще более ускоренными темпами. Империалистической пропагандой в Англии был порожден чрезвычайный страх, что германский военный флот сможет нарушить ее связи с колониями, отрезать Британские острова, не располагающие достаточным

сельским хозяйством, от подвоза жизненно необходимого продовольствия и сырья, обречь английский народ на голод.

Германский посол в Лондоне граф Меттерних указывал в своих донесениях, что гонка морских вооружений приведет к войне с Англией. Он следующим образом определял характер отношений, сложившихся к 1909 г. между Германией и Англией: до сих пор Англия, говорил он, была готова воспользоваться возможностью европейской войны, возникшей «без ее содействия», чтобы напасть на Германию. Но теперь, по мнению посла, положение ухудшилось: если только не состоится соглашение об ограничении строительства кораблей, то Англия отныне сама будет стараться вызвать войну [1]...

Весной 1909 г. кайзер, Бюлов и Тирпиц разработали программу поведения в отношении Англии. Они готовы были заключить соглашение об ограничении строительства кораблей только при условии заключения с Англией договора о союзе или хотя бы о взаимном нейтралитете в случае войны с другими державами. Иначе говоря, Англия должна была дать обязательство не поддерживать Францию и Россию в войне против Германии. Согласись на это британский кабинет — и последовал бы разрыв Антанты!

Могла ли Англия согласиться на это?

В начале мая 1909 г. в Лондон был направлен советник ведомства иностранных дел фон Штумм. Он заявил Грею и Гардингу, что соглашение об ограничении числа закладываемых новых кораблей возможно только при условии общего улучшения англо-германских отношений. Грей, помолчав, ответил на сделанный ему намек: «Сейчас ничего нельзя сделать, и оба правительства должны пока удовольствоваться лишь тем, чтобы сноситься друг с другом возможно более откровенно». Штумм обнаружил у обоих руководителей британской дипломатии «отрицательное отношение к любой попытке изменить существующие политические группировки держав». Положение, по мнению Штумма, могло бы измениться только в том случае, если бы Германия пошла на крупные уступки в вопросе о флоте [2]. Иначе говоря, только отказ Германии от покушения на английское господство на море, а значит в мировой торговле и в колониях, мог бы смягчить империалистические противоречия между Германией и Англией. Это условие германский империализм принимать отнюдь не намеревался.

Незадолго до своей отставки, 3 июня 1909 г., Бюлов созвал секретное совещание по вопросу о морских вооружениях. Участвовали, кроме канцлера, Тирпиц, начальник генерального

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXVIII, № 10288, S. 128.
[2] Ibid., № 10304, S. 165.

штаба Мольтке (младший), посол в Лондоне Меттерних, статс-секретарь по внутренним делам Бетман-Гольвег, вскоре сменивший Бюлова на посту канцлера. Меттерних отстаивал необходимость соглашения с Англией на основе замедления темпов строительства военных кораблей. Бюлов встал на его сторону. Оба они резко столкнулись с Тирпицем. Начальник генерального штаба поддержал канцлера и посла против адмирала. Глава же морского ведомства считал любые переговоры с Англией о морских вооружениях делом в высшей степени вредоносным.

За адмиралом стоял кайзер. За ним стояли также самые мощные концерны германской тяжелой индустрии.

Тирпиц соглашался на ограничение постройки новых линейных кораблей только при условии установления такой пропорции германского и английского строительства, которая была явно неприемлемой для Англии. Вместо четырех дредноутов он готов был строить в Германии три дредноута в год, но при условии, что Англия, предполагавшая заложить их восемь, сократит объем нового строительства до четырех, т. е. вдвое. И это в то время, когда Германия уменьшила бы свое кораблестроение по данному классу кораблей только на одну четверть! Но даже и эту «уступку» Тирпиц готов был сделать лишь в том случае, если инициатива соглашения будет исходить от английской стороны [1]. Было также очевидным, что, соглашаясь на сокращение темпов строительства кораблей на ближайшие годы, Тирпиц про себя имел в виду вновь ускорить эти темпы через несколько лет, дабы выполнить в срок всю программу, предусмотренную законами 1900, 1906 и 1908 гг.

После ухода Бюлова канцлером был назначен фон Бетман-Гольвег. Трудно было Вильгельму сделать менее удачный выбор. Положение Германии было не из легких. Своей вызывающей политикой она задевала и Россию и Англию. Она поставила себя в изолированное положение, если не считать союза с разваливавшейся Австро-Венгрией. В такой обстановке Германской империи нужен был умный и гибкий дипломат, способный подготовить более благоприятные международные условия для предстоявшей борьбы за передел мира. Вместо этого во главе правительства был поставлен посредственный бюрократ. Новый канцлер был усердным и знающим чиновником. Отличительными его чертами были педантизм и отсутствие гибкости. Бетман был лишен политического чутья и при этом чрезвычайно нерешителен. Он вечно колебался. «Сегодня папа менял свое решение всего только три раза», — иронически заметил однажды его сын.

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXVIII, № 10306, S. 168—178.

За спиной Бетмана внешней политикой Германии руководил вновь назначенный статс-секретарем иностранного ведомства фон Кидерлен-Вехтер. Он являлся прямой противоположностью своему шефу. Если Бетман был нерешителен и робок, то Кидерлен не останавливался перед самыми дерзкими приемами внешней политики. Он никогда не смущался юридическими затруднениями. Обладая известной гибкостью, Кидерлен, однако, был чересчур груб, заносчив и неосторожен, чтобы стать крупным дипломатом. Нового канцлера он презирал; он прозвал Бетмана-Гольвега «земляным червем» — в отличие от Бюлова, которого за изворотливость величал «угрем».

Бетман-Гольвег, робея перед Тирпицем, начал все-таки свою деятельность с попыток договориться с Англией. Что не удалось изворотливому Бюлову, тем более не получилось у «земляного червя». Кайзер лично занимался вопросами, связанными с флотом, его любимым детищем. Корона, морское ведомство и тяжелая промышленность дружно препятствовали сокращению флотского строительства, а тем самым и нормализации англо-германских отношений.

По ту сторону Северного моря английские крайние империалисты делали то же самое. Сторонники гонки морских вооружений оказались сильнее Бетман-Гольвега, равно как и «радикальных» членов английского кабинета. Не помогли сторонникам морского соглашения и усилия немецких социал-демократов, вкупе с английскими лейбористами весьма озабоченных улучшением англо-германских отношений.

Лейбористы, совершавшие тогда свои первые политические дебюты, заслужили признательность самого кайзера. Он весьма одобрительно отзывался о выступлениях Р. Макдональда. А Бетман-Гольвег в 1909 г. тепло приветствовал его вместе с Гендерсоном, когда оба лейбористских лидера прибыли в Берлин [1].

Германская дипломатия ввиду позиции кайзера, Тирпица и рурских магнатов могла предложить англичанам слишком мало. Она исходила во всех переговорах с ними из безусловной незыблемости флотских законов, иначе говоря, из неизменности общего объема немецкой программы строительства флота. Она предлагала только некоторое сокращение размеров ежегодного строительства новых линейных кораблей. Если бы это сокращение совершилось в пропорции, предложенной Тирпицем, то к 1914 г. соотношение количества немецких дредноутов к английским составило бы три к четырем [2]. Такое соотношение означало утрату Англией господства на море — учитывая необхо-

[1] *G. W. F. Hallgarten.* Imperialismus vor 1914, Bd II, S. 129.
[2] «Die Grosse Politik», Bd XXVIII, № 10325, S. 211—217.

димость для нее при разбросанности ее владений держать часть кораблей вне отечественных вод, в то время как Германия могла собрать весь флот в один кулак. Перспективы англо-германского соглашения умалялись также тем, что Германия одновременно с соглашением о морских вооружениях желала заключить общеполитическое, которое должно было бы содержать взаимное обязательство соблюдать нейтралитет в случае войны партнера с третьей державой. Для Англии такое соглашение по-прежнему оставалось абсолютно неприемлемым[1]. Самое большее, английский кабинет соглашался сделать заявление, что «изоляция Германии не является его задачей» и что соглашения, заключенные им с Россией и Францией, не преследуют подобной цели[2]. Переговоры были прерваны английским правительством в конце 1909 г. под предлогом парламентских выборов. Фактически они прекратились на длительный срок. Попытки их возобновления в следующем (1910) году не принесли серьезных положительных результатов.

Отказываясь наотрез от соглашения с Германией о нейтралитете, английское правительство в то же время не давало Франции и России твердых союзных обязательств. Объяснялось это, во-первых, стремлением английской дипломатии сохранить за собой свободу маневра и оставить своих партнеров по Антанте в некоторой неизвестности относительно намерений Англии. Это заставляло Россию и Францию чаще спрашивать ее мнение и больше заботиться о соблюдении английских интересов. Во-вторых, к соображениям внешней политики добавлялись соображения внутренние: укоренившееся традиционное отвращение демократических слоев общества и особенно рабочего класса к военным союзам оказывало давление на дипломатию. Демонстративный отказ Англии от официальных обязательств военного характера служил британскому правительству своего рода ширмой, несколько прикрывающей империалистический характер его политики. По существу политика эта была направлена именно на изоляцию Германии как главного империалистического конкурента и на создание против него военно-политического блока. Отказ английского правительства от оформления посредством союзного договора фактически уже образовавшейся коалиции позволял доказывать широкой малоискушенной публике, будто никакого военного блока вообще не существует и никакой изоляции Германии Англия якобы вовсе и не добивается.

Таким образом, попытки германской дипломатии разрушить Антанту посредством сделки с Англией, предпринятые в 1909 г.,

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXVIII, № 10355, 10356, 10358 ff. S. 259 ff. «British Documents», vol. VI, № 187, 191, p. 284, 286.

[2] «British Documents», vol. VI, № 193, p. 288.

окончились полной неудачей. Зато, заключив с Францией перемирие в Марокко и ухудшив ее отношения с Россией во время боснийского кризиса, германская дипломатия создала кое-какие предпосылки для новых попыток оторвать от Антанты Россию. Именно на Российскую империю снова были теперь перенесены главные усилия германской дипломатии по разрушению Антанты.

Русско-итальянское соглашение в Раккониджи

Между тем русская дипломатия в свою очередь добилась крупного успеха в работе по разложению тройственного союза. Боснийский кризис еще раз обнаружил глубокие противоречия между австро-венгерским и итальянским империализмом. Последний претендовал на западную часть Балкан, которая составляла также предмет вожделений Австро-Венгрии. Главный интерес Италии сосредоточивался здесь на балканском побережье Адриатики — в Черногории и особенно Албании, обладание которой обеспечило бы Италии господство над выходом из Адриатического моря. Между тем Адриатика была единственным морем, к которому имела непосредственный доступ Австро-Венгрия. Не удивительно, что австро-венгерский империализм с крайней подозрительностью следил за итальянской политикой в Албании и на Балканах вообще. Отрантский пролив, выводящий из Адриатического моря в Средиземное, был для Австрии тем же, чем Дарданеллы для России. Австро-Венгрия не желала допустить, чтобы восточный берег пролива оказался в руках той же державы — Италии, которая владела западным его побережьем. Не ослаблялись и претензии итальянских ирредентистов на австрийские владения — Трентино и Триест. Отношения двух «союзников» были отнюдь не дружественными.

Наличие общего врага в лице Австро-Венгрии сближало итальянский империализм с русским. Уже во время боснийского кризиса русское и итальянское правительства объединяло обоюдное раздражение против действий Австро-Венгрии и поведения Эренталя.

После отступления перед Германией и Австро-Венгрией русская дипломатия была рада взять некоторый реванш за понесенное поражение. Осенью 1909 г. в Италии, в Раккониджи, состоялось свидание Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом III. Здесь 24 октября Извольский и Титтони оформили ту сделку, основы которой были намечены еще в минувшем году во время их встречи в Дезио. Россия и Италия договорились совместно противодействовать дальнейшей австрийской экспансии на Балканах и сотрудничать в осуществлении собственных империалистических притязаний. На дипломатическом языке это было выражено следующим образом:

1. «Россия и Италия должны, в первую очередь, стремиться к сохранению status quo на Балканском полуострове»;

2. «В случае каких-либо событий, могущих произойти на Балканах, они должны настаивать на применении принципа национальности путем развития балканских государств, исключая возможность всякого иностранного господства»;

3. «Они должны сообща противиться всяким действиям, противоположным вышеуказанным целям».

Далее Италия обязывалась «относиться благожелательно к русским интересам в вопросе о проливах».

Со своей стороны, царская дипломатия обещала такую же «благожелательность» «к интересам Италии в Триполитании и Киренаике» [1]. Соглашение в Ракконидзи осталось секретным. Оно являлось сговором об империалистическом разделе колониальных территорий и симптомом дальнейшего отхода Италии от Тройственного союза.

Революция в Персии и империалистическая дипломатия

В это время (т. е. в 1909 г.) персидская буржуазная революция, начавшаяся в 1905 г., как раз достигла кульминационной точки. Шах Мозаффар-эд-Дин и его преемник Мохаммед-Али, задолжавшие Учетно-ссудному банку и пользовавшиеся поддержкой как русской дипломатии, так и русского капитала, охраняемые персидской казачьей бригадой под командованием царских офицеров, были проводниками влияния русского царизма в Персии. Поскольку центральная власть и ее носитель шах были в его руках, царское правительство поддерживало их против враждебных феодальных клик и племен, а когда началась буржуазная революция, то против нее тем более. Царское правительство старалось задушить в Персии все прогрессивные силы. До русско-японской войны и первой русской революции царизм стремился через шахскую власть распространить свое влияние на всю Персию. После русско-японской войны, русской революции и англо-русского соглашения царское правительство видело в шахе орудие господства хотя бы в пределах «своей» зоны, т. е. в северной части страны.

Персидская буржуазная революция началась под непосредственным влиянием русской революции 1905 г. Русские революционеры (в числе их были, например, большевики С. Орджоникидзе и Н. Нариманов) оказывали большое содействие персидским. Вся прогрессивная демократическая Россия была полна сочувствия к персидскому народу, поднявшемуся на борьбу против феодальной реакции, против русского и английского империализма. Для царизма подавление революции в

[1] «Сборник договоров России с другими государствами», № 63, стр. 402—403.

соседней Персии было как бы продолжением расправы с революцией в России [1].

Поскольку шах и центральное правительство были в руках царской России, английские империалисты еще в XIX в. выдвигали идею раздела Персии, которую Россия в ту пору отвергала. По той же причине англичане поддерживали в Персии всех противников шаха — в первую очередь сепаратистские и центробежные элементы Юга во главе с феодальными вождями кочевых племен. Едва ли не самыми влиятельными из них были ханы бахтиарского племени. Одна из важнейших задач английской дипломатии в Персии заключалась в поддержании связей с местными феодалами. Главными органами этих связей были многочисленные английские консульства, которые в Персии (как и в Китае) наряду с выполнением обычных консульских функций играли политическую роль — так же как и консульства царской России.

Когда в Персии началась буржуазная революция, направленная против шаха, то как царское правительство, так и английские империалисты встретили ее с величайшей враждебностью. Но в отличие от царизма английский империализм был склонен заменить шаха своими ставленниками из числа, например, бахтиарских ханов, выступавших против Мохаммеда-Али и пытавшихся использовать революцию в своих целях, хотя они и представляли самые реакционные элементы в персидском государстве. Враждебность англичан к Мохаммеду-Али позволяла им изображать из себя «либералов», как бы врагов шахского абсолютизма. В 1906 г., в начале персидской революции, английская миссия предоставила в своем саду бест (неприкосновенное убежище) тринадцати тысячам тегеранцев, восставших против шахской власти. Английский поверенный в делах согласился передать шаху требования сидевших в бесте политических деятелей, заключавшиеся в даровании конституции, созыве меджлиса, смене министерства и т. д. На деле «либерализм» английской политики в Персии объяснялся желанием поставить в этой стране у власти вместо русской марионетки свою собственную.

Вскоре английским империалистам пришлось отказаться от либеральной маски. В феврале 1907 г. в Тавризе начался бойкот иностранных товаров, преимущественно русского сахара и шелковых тканей. Бойкот распространился на Тегеран и Исфаган. Но он не миновал и южных районов Персии, где ударил уже по интересам Англии. В Персии начались выступления против иностранцев — не только против русских, но в не меньшей мере и против англичан. Несмотря на надетую английскими

[1] См. *М. С. Иванов.* Иранская революция 1905—1911 годов. М., 1957, стр. 220.

империалистами либеральную личину, народ видел в них таких же чужеземцев-угнетателей, как и в слугах русского царизма. В конце 1907 г. на юге начался бойкот английских пароходных компаний, произошли волнения на нефтеразработках д'Арси, вскоре приобретших серьезное значение в общей совокупности английской колониальной экономики и политики.

За шесть лет до этого времени, 28 мая 1901 г., англо-австралийский капиталист д'Арси получил у шаха концессию на эксплуатацию нефтепромыслов на всей территории Персии, за исключением пяти северных провинций, прилегающих к границам России и к Каспию. Для использования этой концессии д'Арси совместно с Бирманской нефтяной компанией основал так называемое «Первое эксплуатационное общество», позже, в 1909 г., преобразованное в «Англо-Персидскую нефтяную компанию». Тогда же Англия добилась аренды на остров Абадан, где был потом сооружен гигантский нефтеперерабатывающий завод. В связи с волнениями среди рабочих на нефтяные разработки были введены английские войска. Английские военные власти подвергли участников движения публичной порке в присутствии специально прибывшего британского консула. Засвидетельствование подобной операции явилось новым видом дипломатической и консульской деятельности...

Выступления народных масс против английских капиталистических интересов привели к тому, что английское правительство в 1907 г. начало вооруженную интервенцию в Южной Персии. Оно стало на этот путь даже раньше царской России. В октябре английская канонерка вошла в реку Карун, протекающую в районе нефтеизыскательных работ. Была также значительно усилена вооруженная охрана во всех британских консульствах в Южной Персии. К острову Хенджам в Персидском заливе прибыл крейсер британского флота. Другие английские крейсеры вошли в порты Бендер-Аббас и Чахбар. В первой половине 1908 г. английские войска оккупировали некоторые местности в персидском Белуджистане, близ границы английских владений, и в провинции Керман [1]. «Либеральные английские буржуа, — писал В. И. Ленин, — раздраженные ростом рабочего движения у себя дома, испуганные подъемом революционной борьбы в Индии, все чаще, все откровеннее, все резче показывают, какими *зверями* становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной системы, т. е. системы порабощения, грабежа и насилия» [2].

[1] *М. С. Иванов.* Иранская революция, стр. 131 и др.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 17, стр. 174—177.

После возникновения острого конфликта между шахом и меджлисом и русское и английское правительства совместно советовали шаху не отменять недавно дарованной им конституции: империалисты боялись, что такого рода провокационный шаг шаха может вызвать новый революционный взрыв [1].

22 (9) декабря 1907 г. русский и английский посланники посетили шаха. Заявив для приличия, что они не вмешиваются во внутренние дела Персии, посланники посоветовали ему сделать публичное торжественное заверение «в твердом решении» соблюдать конституцию. Оба посланника в таком случае «могли бы засвидетельствовать об этом перед некоторыми членами меджлиса. Таковые гарантии внесли бы успокоение» [2], т. е. помогли бы избежать углубления революции.

Но в дальнейшем империалисты изменили тактику. В страхе перед все нараставшей демократической революцией английские империалисты теперь уже сочли необходимым поддерживать шахскую власть, действуя в сотрудничестве с русским царизмом.

Русские офицеры персидской казачьей бригады на первых этапах революции (до начала 1908 г.), следуя указаниям из Петербурга, воздерживались от явного участия во внутренней борьбе в Персии. Но с нарастанием революции и в их поведении тоже совершилась перемена. Казачья бригада во главе с полковником Ляховым выступила в качестве главной вооруженной силы шахской реакции. Царское правительство шло все дальше по пути вооруженной интервенции, уже позабыв об осторожности. 23 июня 1908 г. с помощью персидских казаков и с согласия русского и английского правительств шах разогнал меджлис.

Хотя британское правительство было солидарно с царизмом в борьбе против персидской революции, активность Ляхова дала англичанам повод для недовольства: им не улыбалось, что в столице распоряжается русский, хотя бы он и был офицером персидской службы [3]. Бригада была персидской воинской частью, командовавшие ею русские офицеры официально служили шаху. Участие бригады в подавлении революции формально не могло считаться иностранной интервенцией в юридическом смысле этого слова. Но фактически оно не было бы возможным без согласия царского правительства. «...Николай Романов во главе черносотенных помещиков и запуганных

---

[1] См. *М. С. Иванов.* Иранская революция 1905—1911 годов, стр. 247.

[2] «Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии», вып. I. Спб., 1911, стр. 53.

[3] См. «Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии», вып. I, стр. 211. Телеграмма министра иностранных дел посланнику в Тегеране от 2 июля (19 июня) 1908 г.

стачками и гражданской войной капиталистов неистовствует против персидских революционеров...»[1], — писал Ленин. На Каспии русские военные суда вошли в порт Энзели. Воинские конвои при русских консульствах были увеличены, так же как и при английских.

В апреле 1909 г. царское правительство направило свои войска в Тавриз. «Предстоит новое избиение персидских революционеров войсками Николая Кровавого. За неофициальным Ляховым следует официальная оккупация Адербейджана...»[2]

Царские войска подавили народное восстание в Тавризе. В июне то же самое было произведено в Реште и Казвине. Ардебиль и Мешхед были ими оккупированы. Русская интервенция совершилась с одобрения Англии. «Обе европейские державы были озабочены судьбой своих подданных, — пишет апологет английского империализма Сайкс. — В конце концов в апреле 1909 г. было решено, что русские войска будут посланы для защиты иностранцев. Это решение было выполнено»[3].

Подавление революции в Тавризе и других городах Севера производилось царскими войсками с одобрения также и всех других империалистов. «Среди моих коллег, — доносил поверенный в делах в Тегеране Саблин, — замечается единение, единодушное одобрение принятых императорским правительством решений». Саблин подтверждал, что «успехи» русской интервенции были достигнуты «при полном согласии с английской дипломатией»[4].

В это же время турецкое правительство, действуя по наущению германского империализма, расширило захваченную им еще в 1905 г. зону персидской территории. Турки оккупировали теперь значительную часть персидского Азербайджана. Всякое революционное движение было там задавлено войсками младотурецкого правительства. Взаимное соперничество и грызня империалистов — английских, русских и германских — не мешали всем им сообща делать общее черное дело удушения персидской революции.

Вооруженное насилие русское и английское правительства сочетали с некоторыми дипломатическими маневрами. Стремясь воспрепятствовать росту народной революции, они через своих посланников снова требовали от шаха большей гибкости, советовали ему восстановить отмененную им конституцию.

Это и было шахом сделано, но не помогло ему. С революционного Севера двинулись на Тегеран федаи — вооруженные

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 17, стр. 174.
[2] Там же, стр. 228.
[3] *P. Sykes.* A History of Persia, vol. II, p. 417.
[4] АВПР, фонд Канцелярия, 1909 г., д. № 176, т. II, л. 104. Телеграмма Саблина от 9 июля (26 июня) 1909 г.

силы демократической революции. В то же время с юга на столицу пошли бахтиарские ханы во главе всадников своего племени, в свое время вооруженных на английские деньги. Совместными усилиями этих разнородных элементов шах Мохаммед-Али был низложен. Это произошло 16 июля 1909 г.

Во время движения бахтиарской конницы на Тегеран английские консульские представители вместе с русскими пытались уговорить предводительствовавших ею ханов не ходить на столицу. Это было продиктовано страхом перед возможным усилением «смуты» и ее последствиями, которые трудно было предвидеть. Но когда бахтиары оказались победителями, их появление в Тегеране вызвало явное удовлетворение у английской миссии. Она поддерживала Мохаммеда-Али, пока боялась народного восстания. Но английские империалисты были рады свергнуть шаха при условии, что власть перейдет не в руки народа, а в руки английских агентов.

Вождь бахтиар Сардар-Азад незадолго до похода на Тегеран побывал в Англии, где был принят Греем. Сайкс в своей «Истории Персии» признает, что Сардар-Азад втайне носился с мыслью основать бахтиарскую династию — на смену Каджарам[1]. Но для начала хану пришлось удовольствоваться влиятельным положением одного из министров в новом правительстве.

Мохаммеду-Али наследовал его малолетний сын. Регентом стал старейший из каджарских принцев Азад-эль-Мольк. Сепехдар, крупнейший рештский феодал, примкнувший к федаям, сделался премьером. Хан Сардар-Азад занял важнейший пост министра внутренних дел. После смерти Азад-эль-Молька в 1910 г. регентом стал другой каджарский принц — Насер-эль-Мольк, обучавшийся в Оксфорде и тесно связанный с англичанами. После свержения Мохаммеда-Али бахтиарские ханы стали весьма влиятельной, а затем и руководящей силой в новом тегеранском правительстве. А вместе с этими феодалами в Тегеране упрочилось влияние английского империализма — в ущерб русскому. Новое персидское правительство начало переговоры с английским Шахиншахским банком о предоставлении займа. Условия были поставлены кабальные, так же, впрочем, как и со стороны немецких финансистов, пытавшихся выступать в качестве конкурентов англичан.

Англо-русское соперничество обострилось, несмотря на совместную борьбу против революции. В сентябре 1910 г. английский посланник в Тегеране настаивал перед своим русским коллегой на отозвании отряда русских войск из Казвина[2]. Это

[1] *P. Sykes.* A History of Persia, vol. II, p. 418.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1910 г., д. № 126, л. 271. Телеграмма Поклевского-Козелл от 26(13) сентября 1910 г.

не мешало англичанам, со своей стороны, оккупировать персидские города на юге. Осенью 1910 г. английские империалисты пытались даже организовать в Южной Персии собственную вооруженную силу под командованием английских офицеров — якобы для охраны дорог от разбоя. В дальнейшем они добились создания жандармерии под командованием шведских офицеров. Жандармерия стала орудием английского империализма.

При подавлении персидской революции царская Россия ввела в Персию численно больше войск, чем Англия. «Если в Северной Персии, — пишет английский разведчик Сайкс, занявшийся историей Персии, — имелась более или менее определенная политическая программа, с подлинной энергией осуществлявшаяся довольно способными лидерами, пользовавшимися известностью, на юге народное движение ... не могло быть принято всерьез» [1]. В этих словах матерого колонизатора верно то, что на юге революционное движение было гораздо слабее — в соответствии с несравненно более низким уровнем экономического развития этой части страны. Центрами революционного движения были города Северной Персии — Тегеран, Тавриз и Решт. Подавление революции требовало на Севере бóльших сил.

Угроза дальнейшего порабощения Персии вызвала массовое движение народного протеста. Положение нового правительства было крайне трудным. Этим воспользовался бывший шах. При содействии русских властей и к негодованию англичан Мохаммед-Али прибыл в Персию летом 1911 г. Он попытался овладеть Тегераном и вернуться к власти, но потерпел поражение.

Персидское правительство и особенно представители так называемой демократической партии в меджлисе пытались противопоставить русскому и английскому империализму не только немцев, но и американцев. В 1911 г. по инициативе деятеля этой партии крупного феодала Кавама эс Салтане, действовавшего в согласии с миссией США, на персидскую службу были приглашены американские финансовые советники во главе с Морганом Шустером, занявшим должность главного казначея.

Едва прибыв в Персию, Шустер потребовал себе огромных полномочий. Он настоял, чтобы без его визы правительственными органами не производилось никаких бюджетных расходов. Он создал специальную вооруженную силу — жандармерию — под своим верховным руководством якобы для взимания налогов и обеспечения других бюджетных поступлений. Словом, Шустер повел себя неким финансовым диктатором. Он стал прибирать к рукам персидское правительство.

Начальником финансовой жандармерии Шустер собирался назначить Стокса — английского офицера, враждебного России.

[1] *P. Sykes.* A History of Persia, vol. II, p. 407.

Царское правительство повело борьбу против этой кандидатуры.

Политика Шустера была враждебна России. Решающий конфликт Шустера с русским правительством возник по внешне второстепенному поводу. Персидское правительство конфисковало имущество брата низвергнутого шаха. Шустер направил в его имение свою жандармерию. Но ее опередил местный русский генеральный консул. Он встретил жандармов Шустера и заявил им, что на имуществе тяготеет долг русскому Учетно-ссудному банку. Оно не может отойти в персидскую казну и должно быть обращено на покрытие обязательств перед банком. Опираясь на казаков своего конвоя, генеральный консул не допустил жандармов Шустера к имуществу шахского брата.

На следующий день шустеровские жандармы получили подкрепление и силой выгнали охрану из солдат персидской казачьей бригады, оставленную в имении. Двое русских консульских служащих были при этом подвергнуты жандармами обстрелу.

Русское правительство 5 ноября 1911 г. потребовало через своего посланника удовлетворения за «обиды», причиненные консульству. В случае отказа оно грозило послать войска на персидскую столицу. Когда это требование было удовлетворено, царское правительство пошло дальше. 29 ноября 1911 г. при поддержке Англии оно ультимативно потребовало удаления Шустера с его поста. Персидское правительство готово было его уволить. Однако в меджлисе Шустер создал свою группу. Меджлис воспротивился его увольнению. Тогда царское правительство двинуло из Решта через Казвин отряд своих войск на Тегеран. Испуганные персидские правители уволили Шустера.

Англичане, опасаясь фактического перехода Тегерана в руки русского царизма, грозили разрывом англо-русского соглашения. Они, со своей стороны, заняли Бушир силами кавалерийского полка, оккупировали также Шираз и ряд других пунктов Южной Персии. Удовлетворившись отставкой Шустера, царское правительство отказалось от оккупации Тегерана. «Наряду с столкновением разбойничьих «интересов» России и Германии существует не менее — если не более — глубокое столкновение между Россией и Англией»[1], — писал Ленин. Персия оставалась фокусом англо-русских противоречий.

24 декабря 1911 г. персидское правительство и регент, опираясь на бахтиар, разогнали меджлис, а вслед за тем и все демократические организации. Персидская революция была подавлена. Монархия и феодальное землевладение — все это уце-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 30, стр. 185.

лело в Персии при прямой поддержке царского и английского империализма — их войск и их дипломатии. Обострение англо-русских противоречий в Персии в 1909—1911 гг. не мешало царизму и английскому империализму совместно душить революцию и поддерживать силы реакции. Борьба против революций в странах Азии стала играть все возрастающую роль в деятельности империалистической дипломатии.

После подавления революции персидское правительство 20 марта 1912 г. признало официально англо-русское соглашение 1907 г. о разделе Персии на сферы влияния: до разгрома революционных сил оно не смело совершить этого акта национального предательства.

Расправа с демократическими организациями не надолго помогла феодально-племенной клике бахтиарских ханов удержаться у власти. В июне 1912 г. власть ушла из их рук. Новое правительство искало примирения с Россией, войска которой оставались в Казвине, в нескольких переходах от Тегерана. Вместо Шустера генеральным казначеем стал бельгиец Морнар, давно и тесно связанный с русским правительством.

Англо-русские противоречия в последующие годы продолжали нарастать. Одной из важных причин было развитие деятельности «Англо-Персидской нефтяной компании» в нейтральной зоне.

Персидская революция была подавлена при рукоплесканиях империалистов различных стран. В ее защиту возвысил свой голос только революционный пролетариат. Пражская конференция большевиков заклеймила русских и английских империалистов, задавшихся целью вкупе с персидской реакцией задушить революцию в Персии. «Российская социал-демократическая рабочая партия протестует против разбойничьей политики царской шайки, решившей задушить свободу персидского народа и не останавливающейся в этом перед самыми варварскими и гнусными актами», — говорилось в резолюции Пражской конференции. «Конференция констатирует, — указывалось далее, — что всячески рекламируемый и поддерживаемый русскими либералами союз российского правительства с правительством Англии направлен прежде всего против революционного движения азиатской демократии и что этот союз делает английское либеральное правительство соучастником кровавых зверств царизма.

Конференция выражает свое полное сочувствие борьбе персидского народа и, в частности, борьбе персидской с.-д. партии, понесшей столько жертв в борьбе с царскими насильниками» [1].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 21, стр. 154—155.

Экспансия германского капитала в Персии. Потсдамское свидание

Одновременно с задачами по организации интервенции в Персии дипломатии России и Англии пришлось заниматься ограждением собственных империалистических интересов в этой стране от германской конкуренции. В России эта задача выпала на долю нового министра иностранных дел. Провал авантюры, затеянной Извольским в Бухлау, означал конец его карьеры как министра. В сентябре 1910 г. он покинул этот пост и был назначен послом во Франции. В качестве главы министерства иностранных дел Извольского заменил Сазонов — зять Столыпина и его доверенное лицо. В 1909 г. Сазонов был вызван в Петербург с второстепенного поста посланника при Ватикане и назначен заместителем к Извольскому, которого постепенно отстраняли от дел. Теперь Сазонов стал его преемником. Хотя Сазонов до тех пор не занимал крупных должностей, у него оказалась достаточная дипломатическая сноровка. Новый русский министр был дипломатом куда более осторожным, проницательным и тонким, чем Извольский.

Сазонов начал свою деятельность с попытки несколько улучшить отношения с Германией, дабы выиграть время для восстановления сил армии и флота. К этому располагала также и недостаточность поддержки со стороны друзей — Англии и особенно Франции, с чем царское правительство столкнулось во время боснийского кризиса. К тому же с Англией у России отношения ухудшились на почве соперничества в Персии. В такой обстановке царское правительство вновь обращалось к мысли обеспечить свои интересы в проливах, Малой Азии и Персии от посягательств со стороны наседавшего германского империализма не посредством непосильной борьбы против него, а путем сделки. К сближению с центральными державами продолжала стремиться влиятельная придворная клика и крайне правые помещичьи круги.

Противодействовал сближению с Германией страх царского правительства остаться изолированным перед лицом германского империализма, перед его невероятно бурным «натиском на Восток» — на внутренний рынок России, на Турцию, Персию и на Балканы. Отказаться от Антанты — значило оказаться с Германией с глазу на глаз и позволить ей, только что показавшей свои когти на финальном этапе боснийского кризиса, сбить со всех позиций ослабленный русский империализм. Большая часть русской буржуазии, страдавшей от германской конкуренции, по-прежнему возражала против сближения с Германией.

В начале 1910 г. в своем стремлении расколоть Антанту германская дипломатия, однако, использовала опасения рус-

ской буржуазии и царского правительства за персидский рынок и за свое влияние в Северной Персии. Германская дипломатия воспользовалась тем, что как раз истекал второй десятилетний срок действия русско-персидского соглашения 1890 г. об отказе персидского правительства от строительства железных дорог в своей стране. Момент был подходящим для проникновения немецкого железнодорожного предпринимательства, а за ним и немецкой торговли в монопольную сферу русского капитализма, какой являлась Северная Персия. Предлагая заем персидскому правительству, немцы могли весьма многое от него получить за свои деньги, включая и железнодорожные концессии. Старого шаха, связанного с русским царизмом, больше уже не было на престоле. Выступать в роли тормоза железнодорожного строительства в Персии царскому правительству после персидской революции стало уже не столь легко, как раньше.

Английское правительство тоже было взволновано немецким проникновением в Персию и в бассейн Персидского залива. Вместе с русским оно потребовало от правительства Персии, чтобы оно не выдавало никому концессий без консультации с Россией и Англией. Германское правительство протестовало: англо-русское требование нарушало принцип экономического равноправия Германии в Персии. Оно потребовало переговоров по персидскому вопросу.

В Петербурге согласились. Но заинтересованные русские буржуазные круги подняли тревогу по поводу германской экспансии в Персии. В противовес германским проектам железной дороги от турецко-персидской границы к жизненным центрам Персии был вновь выдвинут русский проект Трансперсидской железной дороги. Он существовал в разных вариантах. Царское правительство предпочитало вести дорогу прямо в Британскую Индию, например, на Карачи. Но Англия решительно возражала. По мнению английских империалистов, Трансперсидская дорога должна была заканчиваться у Мохаммера или Бендер-Аббаса. Для царской России этот проект таил в себе немало опасностей: такая дорога угрожала наплывом в Северную Персию английских товаров через порты Персидского залива. Только бездорожье и мешало им проникать туда!

28 октября 1910 г. вопрос о соглашении с Германией обсуждался в Петербурге на Особом совещании. Сазонов считал, что трудно будет помешать Германии строить в Персии железные дороги. Ввиду этого он предложил, чтобы Россия взяла в собственные руки сооружение дороги от Тегерана на соединение с ответвлением Багдадской магистрали.

Министр торговли Тимашев возражал: дорога послужит

только немецкой торговле в ущерб русской. Сазонов не оспаривал слов Тимашева, но доказывал, что будет еще хуже, если дорогу построят немцы. Резюмируя прения, председательствовавший Столыпин предложил, чтобы Россия до того, как соединить Тегеран с Багдадской линией, предварительно построила железную дорогу от русских пределов до Тегерана. Такая дорога улучшила бы условия конкуренции для русских товаров в Персии и сделала бы германский натиск на русскую зону в этой стране несколько менее опасным [1].

В ноябре 1910 г. Николай II в сопровождении Сазонова посетил кайзера в Потсдаме. Здесь новые руководители внешней политики обеих держав — Бетман-Гольвег, Кидерлен и Сазонов — познакомились друг с другом. При первой встрече русский министр иностранных дел высказался в духе Столыпина: для России времена внешней экспансии якобы отошли в безвозвратное прошлое. Задача русской политики состоит в укреплении существующего режима. Россия заключила соглашение с Англией только для того, чтобы избавиться от трений с нею. Но Россия не намерена поддерживать Англию, если та будет вести враждебную Германии политику. Она хочет поддерживать с Германией добрые отношения. Так говорил Сазонов.

При последующих встречах Бетман и Кидерлен заявили о желательности общего улучшения русско-австрийских отношений. Сазонов ответил, что дружественных отношений с Австро-Венгрией у России в настоящее время больше быть не может. На Балканах Россия будет поддерживать status quo. Он выразил надежду на посредничество Германии в случае возникновения новых трудностей между Петербургом и Веной. Бетман и Кидерлен это ему обещали. Они уверяли, будто Германия не будет поддерживать Австро-Венгрию, если та возымеет на Балканах «экспансионистские планы».

Главным предметом потсдамской беседы была Персия. Сазонов жаловался, что Германия настраивает персов против России. Бетман это отрицал. Германия, говорил он, требует в Персии только коммерческого равноправия.

Сазонов заявил, что Германия не должна иметь в русской зоне Персии концессий на железные дороги, шоссе и телеграф. Если она обещает это, Россия перестанет чинить препятствия постройке Багдадской дороги. Если Россия приступит к сооружению железных дорог в Северной Персии, то она при этом пойдет навстречу немецким пожеланиям и сомкнет персидские дороги с будущей Багдадской магистралью в Ханекине — но только после постройки дороги от русской границы до Тегерана и после того, как вся Багдадская линия будет достроена. А до этого было еще далеко!

[1] См. «Красный архив», 1933, т. 3(58), стр. 52—57.

Сазонов заверил, что Россия не намерена стеснять германскую торговлю в Персии. За это Германия должна взять обязательство не добиваться севернее Ханекина (т. е. в русской зоне) других соединений Багдадской дороги с Персией. В Потсдаме ограничились устными беседами. Никакого соглашения подписано не было [1].

Вернувшись в Петербург, Сазонов прибег к замысловатому дипломатическому приему. Он дал интервью представителю газеты «Новое время», связанной с министерством иностранных дел. В интервью Сазонов постарался свести к минимуму свои уступки Германии, очевидно, с расчетом укрепить свое положение в России, а также попытаться кое-что добавочно выторговать у немцев. Сазонов объяснял германскому послу Пурталесу, что без некоторого преуменьшения русских уступок он не может отстаивать соглашение перед русским общественным мнением. В самом деле, сообщения о проектируемом соглашении с Германией вызвали целую бурю в московских торгово-промышленных кругах, опасавшихся вытеснения русских фабрикантов с прибыльного персидского рынка. Тузы московского торгово-промышленного мира заявили протест, собравшись на квартире банкира Рябушинского. Они требовали ограждения Персии от германской конкуренции, а вместо этого правительство поднесло им свое согласие на железную дорогу, облегчавшую подвоз германских товаров.

15 ноября германское правительство в развитие потсдамских переговоров направило своему послу в Петербурге проект русско-германского соглашения. В нем Германия изъявила готовность заявить официально, что она не имеет ни обязательств, ни намерений поддерживать Австро-Венгрию, если бы та стала на путь экспансионистской политики. За это Россия должна была обязаться не поддерживать враждебную Германии политику Англии. Дальше следовали пункты о сохранении status quo на Балканах и совместном ограждении «целостности Персии». В частности, ее предлагалось оградить от покушений Турции. О торговле в Северной Персии, концессиях там и о соединении железных дорог в проекте было записано в духе потсдамских переговоров. Предлагалось, однако, ускорить сооружение железной дороги Ханекин — Тегеран. Оно должно предшествовать постройке любых других русских дорог в Персии [2].

Для русского правительства такая сделка была совершенно неприемлемой. Она означала бы разрыв соглашения с Англией

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXVII, T. II, № 10152—10155, S. 835—842; «Красный архив», 1923, т. 3, стр. 7—8. Доклад Сазонова царю от 17(4) ноября 1910 г.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XXVII, T. II, № 10159, S. 846—848.

и признание за Германией в Персии политических «прав» по охране ее целостности. Чтобы не обострять отношений, Сазонов не отказал прямо, но стал затягивать переговоры.

Для Кидерлена главным было заявление России об отказе от поддержки Англии. «Если Россия не хочет дать даже обещания не участвовать во враждебной политике Англии против нас... тогда мы пустим в ход все оружие, каким мы располагаем против России», — пугал Кидерлен. Это он писал германскому послу в Петербурге для передачи русским. Лично для посла он добавлял: для успеха переговоров лучше расширить предусмотренные в проекте немецкие уступки, нежели ослабить русское заявление относительно Англии. «Оно должно быть так составлено, чтобы в тот день, когда оно будет доведено до сведения англичан, скомпрометировать русских». Кидерлен поручал послу сжечь это его письмо по прочтении[1]. Этот поучительный документ бросает яркий свет на методы империалистической дипломатии.

Сазонов раскусил замысел своего немецкого партнера — шантажиста и провокатора.

Бетман не отставал в усердии от Кидерлена. Он попытался иным способом загнать клин между Россией и ее союзниками. Он внезапно выступил в рейхстаге с заявлением, будто бы в Потсдаме русское и германское правительства взаимно обещали не принимать участия во враждебных друг другу комбинациях.

Этим провокационным выступлением германский канцлер лишь повредил своему делу. 11 декабря 1910 г. Сазонов заявил Пурталесу о неприемлемости германского предложения.

Заявление Бетмана тем не менее встревожило и Лондон и Париж. Вновь назначенный в Петербург британский посол сэр Джордж Бьюкенен при вручении верительных грамот выразил тревогу по поводу потсдамских переговоров. С русской стороны посла поспешили заверить, что Россия не заключала и не заключит соглашения с Германией, не ознакомив с ним предварительно британское правительство.

Было ясно, что общеполитического договора с Германией Сазонов не подпишет. Убедившись в этом, немцы решили удовольствоваться соглашением относительно Персии и Багдадской железной дороги.

Английская дипломатия попыталась было сорвать русско-германские переговоры и по этому вопросу. Ей ревностно помогал царский посол в Лондоне граф Бенкендорф. На русскую политику он нередко смотрел глазами Форин-оффис. И в данном случае он пугал Сазонова, уверяя, что Грей откажется от

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXVII, T. II, № 10167, S. 861—862.

сотрудничества с Россией, если русское правительство пойдет на сепаратное соглашение о немецком железнодорожном строительстве в Турции.

Сазонов не поддался паническим внушениям Бенкендорфа. Он продолжал переговоры с Бетманом о русско-германском соглашении по турецким и персидским вопросам. 19 августа 1911 г. оно было подписано.

Германия признавала в Персии за Россией «специальные интересы». Согласно ст. 1 она обязывалась не добиваться железнодорожных, дорожных, навигационных и телеграфных концессий в Персии в пределах русской сферы влияния.

За это Россия обещала не препятствовать постройке Багдадской железной дороги и участию в ней иностранных капиталов (ст. 3). Согласия на новое повышение турецких таможенных пошлин, которого добивались немцы, в договоре не содержалось. Русское правительство заявляло, что, как только немцы закончат постройку ветки от Садидже на Багдадской дороге до Ханекина на турецко-персидской границе, оно тотчас же испросит у персов концессию на продолжение этой линии до Тегерана. Работы должны были начаться не позднее чем через два года после окончания дороги Садидже — Ханекин (ст. 2) [1].

Русская дипломатия упорно добивалась, чтобы Германия обязалась не строить железных дорог к северу от Багдадской дороги и от линии Садидже — Ханекин, т. е., иначе говоря, вблизи русской границы и русской зоны Персии. Но Сазонову пришлось удовольствоваться лишь устным обещанием на этот счет германского кайзера и его канцлера.

Соглашение было выгодно для Германии, поскольку Россия отказывалась от противодействия сооружению Багдадской дороги и на будущее открыла путь для германского экспорта в Персию по линии Садидже — Ханекин — Тегеран. Царская Россия от этого соглашения не получила никакого барыша. Она только предотвращала для себя возможность много худших неприятностей. Все же главной цели Кидерлен не достиг: оторвать Россию от Антанты ему так и не удалось. Германия удовольствовалась соглашением о Багдадской дороге и о Персии и отказывалась от основных своих домогательств ввиду резкого ухудшения отношений с Францией и Англией. Причину такой неожиданной уступчивости разгадать было нетрудно: возник новый конфликт с Францией из-за Марокко. Германия оказалась «на волосок от войны с Францией и Англией» [2].

---

[1] См. «Сборник договоров России с другими государствами», № 64, стр. 405—407.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 28, стр. 668.

Агадир

Окончание русско-германских переговоров совпало с новым, уже третьим по счету, обострением марокканской проблемы.

Весной 1911 г. вспыхнуло восстание в окрестностях столицы Марокко — Феца. Воспользовавшись этим, французы под предлогом восстановления порядка и защиты французских подданных в мае 1911 г. оккупировали марокканскую столицу. Стало ясно, что Марокко переходит под власть Франции. Одновременно Испания направила войска в свою зону. Альхесирасский трактат был нарушен самым явным образом.

Франко-германские отношения в Марокко к этому времени снова стали далеко не дружественными. Соглашение от 9 февраля 1909 г. не предотвратило жалоб немецких капиталистов. Они заявляли, что страдают от произвола французов. В числе недовольных был Маннесман. Серьезных совместных франко-германских предприятий не налаживалось. Пангерманны и печать рейнско-рурских монополий вели кампанию против курса на сближение с Францией.

Среди германских империалистов зрело убеждение, что вся марокканская политика Германии, начиная с Танжера, была ошибочной. Наиболее крайние империалистические круги стали открыто нападать на свое правительство. Вильгельм II и его окружение были весьма чувствительны к этой критике. Они решили попытаться поправить дело: получить от французов часть Марокко или в крайнем случае взять за переход Марокко к Франции хорошую плату, которую еще в 1905 г. предлагал немцам Рувье. Тогда Бюлов отказался от такой сделки, рассчитывая, что достигнет большего. Теперь в Берлине спохватились и весьма сожалели о проявленной ранее излишней амбициозности.

Французским империалистам как раз в 1911 г. было выгодно вызвать в Марокко те или иные потрясения: истекал срок руководства марокканской полицией, предоставленного Франции по Альхесирасскому трактату. Новые осложнения в стране должны были помочь французам закрепить в Марокко господствующее положение, теперь терявшее старую юридическую основу.

Французская дипломатия еще в апреле 1911 г. предупреждала германское правительство, что Франция, возможно, временно введет свои войска в Фец — якобы для защиты европейцев.

Кидерлен не протестовал; он только ядовито заметил, что не сомневается в лояльности Франции, но что «события часто бывают сильнее, чем это представляется». Они иногда приводят к последствиям, которых люди не предвидят. Кидерлен добавил, что, если французские войска останутся в столице, о неза-

висимости марокканского султана, конечно, говорить уже не придется. Следовательно, и Альхесирасский трактат фактически утратит силу. Тогда и Германия не будет считать себя больше связанной им и возвратит себе свободу действий [1].

Вслед за тем Кидерлен предложил кайзеру оккупировать марокканские гавани Агадир и Могадор; заручившись этим залогом, можно будет спокойно выжидать, что предложат французы. «Оккупация Феца, — писал Кидерлен, — подготовила бы поглощение Марокко Францией. Мы ничего не достигли бы протестами и потерпели бы благодаря этому тяжкое моральное поражение. Поэтому нам следовало бы обеспечить себе для предстоящих переговоров такой объект, который склонил бы французов к компенсациям. Если французы водворятся в Феце из «опасения» за своих соотечественников, то и мы вправе охранять наших соотечественников, которым угрожает опасность. У нас имеются крупные немецкие фирмы в Могадоре и Агадире. Немецкие корабли могли бы направиться в эти гавани для охраны этих фирм. Они могли бы совершенно спокойно оставаться там лишь для предотвращения предварительного проникновения других держав в эти важнейшие гавани Южного Марокко... Обладая таким залогом, мы могли бы спокойно следить за дальнейшим ходом событий в Марокко и ждать, не предложит ли нам Франция подходящих компенсаций в своих колониях, в обмен за что мы покинем обе эти гавани» [2].

Вильгельм II принял этот план.

Первые недели после захвата Феца берлинское правительство хранило загадочное молчание. Зато немецкая пресса бесновалась: она требовала то самых широких компенсаций в других колониях, то раздела Марокко, то изгнания оттуда французов.

Поведение Германии не могло не волновать Париж. Французская дипломатия, как и в 1905 г., стала осторожно заговаривать с Германией о компенсациях вне Марокко. Особенно добивался франко-германского соглашения министр финансов Кайо, вскоре (27 июня 1911 г.) ставший председателем совета министров. Кайо намекнул германскому послу, что за свободу рук в Марокко Франция готова на большие уступки Германии в колониальной сфере [3].

Чтобы набить себе цену, продемонстрировав «незаинтересованность» в этих комбинациях, Кидерлен 15 мая уехал в месячный отпуск на курорт. Французский посол в Берлине Жюль Камбон, желая выяснить позицию Германии, решил

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXIX, № 10545, S. 97—98.

[2] «Die Grosse Politik», Bd XXIX, № 10549, S. 101—108. Меморандум Кидерлена от 3 мая 1911 г.

[3] *E. Brandenburg.* Von Bismarck zum Weltkriege, S. 321.

отправиться к Кидерлену в Киссинген, где тот проводил свой отдых. Беседа с министром состоялась 21 июня. Камбон искал соглашения, говорил о компенсациях, но не скрыл от Кидерлена, что о прочном утверждении немцев в Марокко не может быть и речи. Кидерлен отмалчивался, давая понять, что ждет конкретных предложений. «Привезите нам что-нибудь из Парижа» [1], — сказал он, расставаясь с Камбоном, который собирался поехать во Францию.

Не дожидаясь возвращения Камбона, германское правительство по инициативе Кидерлена решило по-настоящему припугнуть французов. 1 июля 1911 г. в Агадир прибыла германская канонерская лодка «Пантера». Следом за ней в марокканские воды шел легкий крейсер «Берлин». «Прыжок „Пантеры“» взволновал весь мир. То была дерзкая провокация, которая уже пахла порохом.

9 июля напуганный Камбон снова явился к Кидерлену. Посол только что прибыл из Парижа. В донесении об этой встрече Кидерлен отметил, что у Камбона был встревоженный вид. Поздоровавшись, оба сели. Воцарилось молчание. Его прервал Камбон:

— Ну, как? — спросил посол.

— Что нового? — как ни в чем не бывало осведомился Кидерлен.

— Вы имеете мне что-либо сказать? — повторил Камбон свой вопрос.

— Нет, мой дорогой посол, — продолжал издеваться Кидерлен.

— Я тоже, — парировал Камбон.

Вновь последовало тягостное молчание.

Так как Кидерлен не произносил ни слова, Камбон опять заговорил первым. Он заявил, что появление в Агадире «Пантеры» его крайне изумило. Кидерлен развязно ответил, что если французы охраняют своих подданных в Феце, то и немцы могут это делать в Агадире. Вообще же он советует лучше не сетовать на прошлое, а говорить о будущем. Камбон предложил продолжить разговор о компенсациях. Он назвал несколько возможных объектов: железнодорожное строительство в Турции, расширение немецкого участия в Управлении оттоманского долга и т. д. Кидерлен пренебрежительно отклонял все эти «мелочи».

Разговор затянулся. Оба дипломата порой умолкали: ни один из них не хотел первым выступить с окончательным предложением. Наконец в качестве возможного объекта ком-

[1] «Documents diplomatiques 1912. Affaires du Maroc», VI, № 399, p. 374.

пенсации было названо Французское Конго. Кидерлен дал понять, что об этом стоит поговорить.

Но дальше этого разговор не пошел. Осталось неясным, чего именно хочет Германия в Конго и какую долю готова предложить ей там Франция. Все же Камбон понял, что компенсацию Германии можно подобрать и вне Марокко и что там она готова предоставить Франции carte blanche — по буквальному заявлению Кидерлена [1] — при условии, что ей будет за это хорошо заплачено. Ко времени своей беседы с Камбоном Кидерлен уже знал, что Англия не допустит водворения Германии по соседству с Гибралтаром. Вероятно, это обстоятельство повлияло на его позицию.

15 июля Кидерлен наконец заявил Камбону, что Германия должна получить Французское Конго целиком. По сообщению Кидерлена Бетману, Камбон от ужаса и изумления «едва не упал навзничь». Французское правительство полагало, что от немецких вымогателей можно отделаться, бросив им какие-нибудь клочки своей колониальной добычи.

Овладев собой, Камбон заявил, что отдать все Конго Франция не может. После этого разговора Кидерлен сообщил Бетману, что «для достижения благоприятного результата, очевидно, придется выступить весьма энергично» [2].

В этот момент на арене дипломатической борьбы появилась Англия. Еще в начале июля Грей предупредил германского посла, что Англия не допустит утверждения Германии на западном побережье Марокко. В Лондоне боялись, как бы Франция не капитулировала и не заключила сделки с Германией. 21 июля по поручению кабинета канцлер казначейства Ллойд-Джордж публично выступил по марокканскому вопросу. Он заявил, что Англия не позволит решать этот вопрос без ее участия. «Я готов, — продолжал Ллойд-Джордж, — на большие жертвы, чтобы сохранить мир... Но если нам будет навязана ситуация, при которой мир может быть сохранен только ценой отказа от того большого и благотворного положения, которое Британия завоевала столетиями героизма и успехов; если Британию в вопросах, затрагивающих ее жизненные интересы, будут третировать так, точно она больше не имеет никакого значения в семье народов, тогда — я подчеркиваю это — мир, купленный такой ценой, явился бы унижением, невыносимым для такой великой страны, как наша» [3]. Эти слова оказали желаемое действие. Речь Ллойд-Джорджа затруднила проведение политики Кайо, склонного к далеко идущему соглашению

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXIX, № 10598, S. 173 ff.
[2] Ibid., № 10607, S. 184—186.
[3] «British Documents», vol. VII, № 412, p. 391.

с Германией. Речь вызвала вопли ярости в немецкой шовинистической печати. Но она напугала германское правительство. Кидерлен говорил, что не мог заснуть всю ночь... Английский флот был приведен в боевую готовность.

Бетман сообщил англичанам, что Германия вовсе и не претендует на западное побережье Марокко. С французами он повел переговоры о компенсациях более скромного масштаба. При этом германское посольство в Париже через неофициального посредника, уже известного Фондера, завязало переговоры с самим председателем совета министров Кайо [1]. Последний начал эти переговоры с немцами за спиной своего министра иностранных дел. После долгой торговли в ноябре 1911 г. было наконец подписано франко-германское соглашение. Германия безоговорочно признавала Марокко находящимся под протекторатом Франции; в обмен она получала лишь малую часть Французского Конго. Вместо большой и ценной колонии Германии пришлось удовольствоваться некоторым пространством тропических топей. Получилось, что немецкие империалисты подняли шум на весь мир только для того, чтобы в конце концов, испугавшись, удовольствоваться «клочком болот», по пренебрежительному выражению французского премьера. Это были две узкие полосы земли, связывавшие немецкий Камерун с рекой Конго.

В течение всего кризиса русское правительство в противоположность английскому сдерживало Францию и стремилось уладить конфликт миром: Марокко его не интересовало. «Для французского правительства не должно быть сомнения в том, — инструктировал Сазонов посла в Париже, — что военное столкновение из-за колониального вопроса не может вызвать у нас симпатичного Франции подъема настроения. С другой стороны, французскому правительству не может быть не известно, что предпринятые сравнительно недавно преобразования в нашем военном деле не могли еще быть доведены до конца. Следовательно, в техническом отношении и с точки зрения нашей военной готовности настоящий момент не может быть признан благоприятным для военных действий. Изложенное побуждает нас отнестись с крайним сомнением к выгодности прибегнуть теперь же к военным мерам... Поэтому старания как России, так и Франции должны быть направлены к улажению вопроса в миролюбивом смысле» [2]. Русское правительство отплатило союзнице за 1909 г., когда та заявила ему, что Сербия не мо-

[1] «Documents diplomatiques français», 2-e série, t. XIV, № 105, p. 114—118; *O. Lancken-Wakenitz.* Meine dreissig Dienstjahre 1888—1918. Berlin, 1931, S. 101—105.

[2] «Международные отношения», серия II, т. XVIII, ч. I, № 368, стр. 378.

жет стать для Франции поводом к войне. Но если бы, вопреки всем советам, франко-германская война началась, то Россия воевала бы на стороне Франции. Это было подтверждено 31 августа 1911 г. начальником русского генерального штаба своему французскому коллеге [1].

Австро-Венгрия очень вяло поддерживала Германию, высказывая недовольство русско-германским соглашением по персидским делам. Она переживала большие финансовые трудности и рассчитывала «хорошим поведением» в вопросе о Марокко заработать себе у французского правительства доступ на денежный рынок Парижа.

Пожалуй, ни один международный кризис предшествовавших лет не вызывал такой волны шовинизма, как агадирский инцидент. В Германии и пресса, и правительство, и кайзер пылали ненавистью — особенно к Англии. В рейхстаге сообщение канцлера о договоре с Францией было встречено гробовым молчанием. Германские империалисты обвиняли свое правительство в трусости и неспособности отстоять интересы Германии: пангерманцы вначале надеялись сохранить Агадир в качестве морской базы в противовес английскому Гибралтару.

Во Франции в атмосфере шовинизма пал кабинет Кайо и выдвинулась кандидатура Пуанкаре, ставшего в начале 1912 г. председателем совета министров, а затем президентом республики. То был ставленник тяжелой индустрии. Пуанкаре, уроженец Лотарингии, был адвокатом, поверенным концерна Шнейдера. Главной целью нового президента была подготовка к войне с Германией. В случае удачи Франция вернула бы себе Эльзас и Лотарингию, захватила бы Саарский бассейн — не говоря уже об общем ослаблении своего врага и о многих других выгодах.

Такое же действие оказал агадирский кризис и на Англию, где усилилась антигерманская агитация. Шовинизм служил борьбе против рабочего движения. Так, в августе 1911 г. Ллойд-Джордж, ссылаясь на опасность войны с Германией, сорвал стачку железнодорожников. Волна шовинизма помогала империалистам обосновывать «необходимость» новых вооружений и получать на них ассигнования в парламенте. Одним из важнейших последствий Агадира была целая серия мероприятий по усилению вооружений, проведенных всеми великими державами с начала 1912 г. по лето 1914 г. В гонке вооружений, обгоняя соперников, первой шла Германская империя.

---

[1] «Международные отношения», серия II, т. XVIII, ч. I, № 372, стр. 386.

Итало-турецкая война

С 1911 г. военная опасность грозной тучей непрерывно висела над Европой. Не успевал разрешиться один кризис, как уже возникал другой.

Едва миновал напряженнейший момент марокканского конфликта, как Италия начала захватническую войну против Турции. Итальянский империализм давно стремился наложить руку на Триполитанию. Эта пустынная область имела стратегическое значение: захватив ее и обладая Сицилией, Италия усиливала свои позиции на Средиземном море. Правда, значение Триполитании для Италии умалялось английским владычеством над Мальтой и французским — над Тунисом. Однако итальянские империалисты рассматривали Триполитанию не только как самоцель, но и как исходный плацдарм для дальнейшей экспансии. «Римский банк», связанный с Ватиканом и обладавший в Триполитании серьезными интересами, являлся одним из толкачей итальянской агрессии. Война за эту область была вызвана «корыстью итальянских финансовых тузов» [1].

Еще в 1900 г. Италия заручилась согласием Франции на захват Триполитании и Киренаики. Широкий подкуп французской прессы немало способствовал обеспечению благожелательной позиции Франции. В 1909 г. в Раккониджи Италия добилась и поддержки со стороны России. Итальянские империалисты рассчитывали, что Германия и Австро-Венгрия из опасения окончательно толкнуть Италию в объятия Антанты также не станут ей противодействовать и предадут интересы покровительствуемой ими Турции. Истинные отношения Германии к Турции хорошо вскрыл русский поверенный в делах в Константинополе Свечин: «Когда в боснийском конфликте Германия оказалась в необходимости высказаться недвусмысленно (так в подлиннике. — *В. Х.*) между Турцией и Австро-Венгрией, она не могла не стать на сторону последней. Если бы ход событий поставил ее перед необходимостью такого же выбора между Италией и Турцией, едва ли может быть сомнение в том, что перевес окажется на стороне Италии» [2].

Итальянская дипломатия выжидала момента, когда ее надежды превратятся в полную уверенность в нейтралитете других держав. Такой момент наступил при вспышке агадирского кризиса. Германия, Франция и Англия были поглощены взаимной распрей. Ясно было, что в эту минуту им не до Триполитании и что Италия может действовать.

28 сентября итальянское правительство почти без предисловий направило Порте ультиматум. То был один из поразитель-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 22, стр. 113.

[2] «Международные отношения», серия II, т. XVIII, ч. I, № 410, стр. 414.

нейших по цинизму документов. Он начинался с заявления, что Турция держит Триполитанию и Киренаику в состоянии беспорядка и нищеты. Далее шли жалобы на противодействие турецких властей итальянским предприятиям в Триполи. Вывод был ошеломляющий: «Итальянское правительство, вынужденное позаботиться об охране своего достоинства и своих интересов, решило приступить к военной оккупации Триполитании и Киренаики». Однако последнего предела наглости итальянская дипломатия достигла в заключительных строках ультиматума: в них Турции предлагалось не более и не менее, как самой способствовать захвату своей территории, приняв меры к тому, чтобы «предупредить всякое противодействие» итальянским войскам!

Как ни низко пало в это время турецкое правительство, но принять такое требование не смогло и оно. Началась война.

Итальянские войска без труда справились в Триполитании с незначительными турецкими гарнизонами. Но затем им пришлось вести тяжелую борьбу против местного арабского населения. Война затягивалась. Арабские племена продолжали стойкое сопротивление. Турция же не соглашалась на грабительские условия мира, которых требовали итальянские захватчики. Италия оккупировала острова Додеканез, бомбардировала с моря Бейрут и другие турецкие порты, но крупного ущерба нанести Турции вне Триполитании не смогла. В апреле 1912 г. итальянский флот подверг бомбардировке устье Дарданелл. Однако предпринять в проливах более серьезные операции Италия не решалась: военные действия в районе Дарданелл и их закрытие для коммерческой навигации нарушали экономические и политические интересы царской России. Это обстоятельство оградило проливы от итальянской агрессии.

В Австро-Венгрии очень боялись, что Италия использует войну, чтобы захватить Албанию. Конрад фон Гетцендорф добивался превентивной войны против союзной Италии, но потерпел неудачу и покинул пост начальника генерального штаба.

«Демарш Чарыкова»

Столыпин и Сазонов главную задачу России на Балканах усматривали в создании союза Балканских государств, по возможности с участием Турции, направленного против Австро-Венгрии. После боснийского кризиса Турция снова оказалась под влиянием Германии. Но когда на Турцию напал германский союзник — Италия, немецкое влияние пошатнулось. Русское правительство надеялось заменить его русским.

Царская дипломатия решила воспользоваться итало-турецкой войной, чтобы еще раз сделать попытку добиться открытия проливов для русского военного флота. В эти годы быстро возрастало экономическое значение проливов для царской России.

Причиной был бурный рост внешней торговли русского Юга. Наряду с хлебным экспортом, свободы проливов стала теперь требовать тяжелая промышленность Южной России, связанная с французским капиталом, а также хозяева бакинской нефти, включая Нобеля и Ротшильда. У русской промышленности впервые усилился интерес к рынкам Турции и малых государств Балканского полуострова. Временное закрытие проливов для торгового судоходства во время итало-турецкой войны весьма болезненно отразилось на экономических интересах русской буржуазии и помещиков.

В октябре 1911 г. Чарыков, ставший царским послом в Константинополе, получил предписание начать переговоры с Портой по целому комплексу вопросов, стоявших между Россией и Турцией. 12 октября посол вручил великому визирю Саидпаше проект русско-турецкого соглашения. Из предосторожности Чарыкову было предписано сделать предложение как бы от себя лично и выяснить реакцию турецкого правительства. Согласно этому проекту русское правительство выражало готовность отказаться от своих привилегий в области железнодорожного строительства в северной и северо-восточной частях Азиатской Турции, установленных русско-турецким соглашением 1900 г. и на деле представлявших возможность тормозить сооружение железных дорог в этом районе. Но согласие на постройку железных дорог в той части запретной зоны, которая непосредственно примыкала к границам России, царское правительство обусловливало заключением предварительного русско-турецкого соглашения об условиях их постройки и о соединении турецких линий с русской железнодорожной сетью в Закавказье. В железнодорожном строительстве в Северной Анатолии к этому времени оказались заинтересованными французские капиталисты. Царское правительство шло им навстречу. Еще большее значение имело русское предложение для Турции.

Царское правительство надеялось своей уступкой купить согласие Турции на другое условие задуманного договора. Оно гласило: «Российское императорское правительство обязуется, кроме того, оказывать оттоманскому правительству действенную поддержку для сохранения существующего режима в проливах Босфор и Дарданеллы, распространяя вышеупомянутую поддержку равным образом и на прилегающие территории, в случае если последние подвергались бы угрозе со стороны иностранных вооруженных сил. С целью облегчить выполнение вышеупомянутого условия оттоманское правительство обязуется со своей стороны не противиться проходу русских военных судов через проливы при условии, что эти суда не будут останавливаться в водах проливов, если это не будет особо

обусловлено. Применение такого истолкования конвенции, заключенной в Лондоне 13 марта 1871 г., находится в зависимости от предварительного согласия других держав, подписавших вышеупомянутую конвенцию».

Согласно директивам из Петербурга, предложения относительно проливов являлись «лишь факультативными придатками к основному соглашению о железных дорогах». Чарыкову предписывалось поставить этот вопрос или же оставить его «вне обсуждения» — в зависимости от хода переговоров по железнодорожному вопросу и общей обстановки. Нератов, временно управлявший министерством ввиду болезни Сазонова, советовал послу сначала «воздержаться от слишком широкой постановки» вопросов и перейти к ней лишь «понемногу, выслушав первое впечатление турок» [1].

Чарыков, однако, был менее осторожен. В своем письме великому визирю он поставил сразу и железнодорожный вопрос и вопрос о проливах. Он еще добавил предложение принять со стороны России меры к установлению прочных «добрососедских отношений» между Османской империей и Балканскими государствами на основе status quo.

Великий визирь уклонился от определенного ответа Чарыкову. Он принялся затягивать переговоры.

Демарш Чарыкова вызвал беспокойство не только на берегах Золотого Рога, но и в Париже и в Лондоне. Правда, французское правительство ответило согласием на русский проект. Но оно тут же, как и в 1908 г., сослалось на необходимость договориться с Англией.

В Англии же менее всего были расположены даром предоставлять России исключительное право прохода через проливы для ее военных кораблей. Осложнения, возникавшие между Россией и Англией в Персии, тоже не способствовали успеху царского правительства в вопросе о проливах. Как и в дни боснийского кризиса, Грей сообщил, что не возражает против открытия проливов, но только не для одной России, а для всех. Он придерживался того заявления, которое им было сделано Извольскому осенью 1908 г. Осуществление проекта Грея лишь ухудшило бы для России существующий режим проливов.

Турецкое правительство обратилось за поддержкой к германскому послу Маршалю; тот посоветовал своему правительству немедленно выступить против России. Однако в Берлине рассудили иначе. Там рассчитывали, что русские планы сорвет Англия, и не ошиблись. Грей действительно сообщил турецкому правительству, что считает русское предложение непри-

[1] «Международные отношения», серия II, т. XVIII, ч. II, № 509, 595 и 602, стр. 59, 137 и 144—146.

емлемым. Таким образом, царское правительство наткнулось на неодолимые дипломатические препятствия. Идти на открытую борьбу оно не решалось. Сазонов не нашел другого выхода, как дезавуировать выступление Чарыкова. Министр числился в отпуске, и это несколько развязывало ему руки. Он дал интервью сотруднику «Матэн», известному французскому журналисту Стефану Лозанну, и цинично заявил ему, что по вопросу о проливах «Россия ни о чем не просит, не начинала никаких переговоров, не пыталась предпринимать никакого шага» [1]. Был пущен слух, что Чарыков вышел за пределы данных ему инструкций. Да оно отчасти так и было на самом деле. Вскоре после этого, в марте 1912 г., Чарыков был отозван со своего константинопольского поста.

Миссия Холдена Марокканский кризис 1911 г. вновь обнаружил остроту англо-германского антагонизма и враждебность английской буржуазии к Германии. Но хотя германский империализм угрожал морскому первенству Англии, хотя он посягал на ее интересы на Ближнем и Среднем Востоке, тем не менее в рядах английской буржуазии имелись сторонники сближения с Германией. Наибольшим влиянием эти прогерманские элементы располагали в правящей либеральной партии, в которой существовало пацифистское крыло. Прогерманская группировка была представлена двумятремя своими членами в кабинете Асквита, где она составляла меньшинство во главе с лордом Морлеем. «В течение семи лет, — писал Грей 5 марта 1913 г., — некоторые пангерманцы обрабатывают наших прогерманцев. Пангерманцы — шовинисты, наши прогерманцы — пацифисты, но тем не менее они весьма подвержены влиянию первых» [2]. В числе пангерманцев Грей называл профессора Шимана. Этот балтийский немец известен был не только крайностями своего шовинизма, не только необузданностью захватнических вожделений, но и своей зоологической ненавистью к России. Спекуляция на англо-русских противоречиях, особенно из-за Персии, играла в этой обработке английских прогерманцев немаловажную роль. Сторонники примирения с Германией опирались в Англии на капиталистические круги, связанные с германским капиталом. Но вместе с тем эти либералы-пацифисты отражали миролюбивые настроения народных масс или, говоря точнее, страх буржуазии перед этими настроениями, не позволявший полностью пренебрегать стремлением трудящихся к миру.

Грей утверждал в своих мемуарах, будто пронемецким кру-

[1] «Международные отношения», серия II, т. XIX, ч. I, № 186, стр. 173, прим. 2.

[2] *E. Grey of Fallodon.* Twenty-five years, vol. I, p. 256. Письмо Гошену от 5 марта 1913 г.

гам никогда не удавалось оказывать влияние на внешнюю политику британского правительства. Вряд ли он был прав. Впрочем, сам он тут же указывал на необходимость позаботиться о том, чтобы не доставлять им пищи для интриг. На деле Грей считался с влиянием прогерманских элементов в кабинете. Он старался создавать впечатление, что не упускает ни единого случая «примирить» англо-германские противоречия. «Я всегда ощущал, — пишет он в своих мемуарах, — что прогерманский элемент страны был вправе требовать, чтобы наша внешняя политика до известного крайнего предела была направлена на дружбу с Германией. Этот предел оказался бы превзойденным лишь в том случае, если бы нам предложили нечто такое, что привязало бы нас к Германии и нарушило бы согласие с Францией... Было важно, чтобы эта политика поддерживалась именно теми, кто придавал величайшую ценность Антанте. Это было единственным средством сохранить в кабинете и в либеральной партии единство, необходимое для поддержания англо-французской Антанты»[1]. Грей добавлял, что именно поэтому он и не отверг предложения о поездке в Берлин одного из английских министров. Идея эта возникла в начале 1912 г.

Стало известно, что германское правительство имеет в виду новое увеличение судостроительной программы. Действительно, в Берлине было решено в течение 1912 г. внести в рейхстаг закон о постройке дополнительно трех дредноутов в период с 1912 по 1917 г. Бетман с неохотой подчинился требованиям кайзера, Тирпица и магнатов тяжелой индустрии. Он пытался сорвать морской закон, противопоставив ему требования о добавочных ассигнованиях на армию. Кончилось тем, что правительство Бетмана внесло в рейхстаг и то и другое, причем и то и другое было принято...

Английское правительство готовилось ответить на военные мероприятия Германии усилением собственных вооружений. Но оно считало тактически целесообразным предварительно произвести пацифистский маневр: ему важно было продемонстрировать, что ответственность за гонку вооружений ложится на Германию.

Переговоры начались через частных лиц — двух влиятельных крупных капиталистов. Одним был директор Гамбургско-Американской компании Баллин, раньше ожесточенный конкурент английского судоходства, а теперь поборник сближения с Англией; другим — английский банкир Эрнст Кассель, личный друг короля Эдуарда VII, в свое время выступавший за сотрудничество с «Дейче банк» в строительстве Багдадской дороги.

[1] *E. Grey of Fallodon.* Twenty-five years, vol. I, p. 252.

При посредстве Баллина у Касселя состоялось свидание с Бетман-Гольвегом.

Договорились о желательности приезда в Берлин Эдуарда Грея. Тот, однако, ехать отказался. Он лично не верил в возможность примирения с Германией и боялся, что поездка министра иностранных дел уж слишком напугает Париж и Петербург. Кабинет решил вместо Грея послать в Берлин военного министра Холдена. Перед его отъездом Грей известил французское правительство о задуманных переговорах. Он заверил, что не подпишет с немцами никакого документа, который связал бы ему руки, и добавил, что поездка Холдена имеет чисто информационный характер.

8 февраля 1912 г. утром британский министр прибыл в Берлин. В тот же день он встретился с Бетман-Гольвегом. Беседа коснулась прежде всего политического соглашения о нейтралитете. Это всего больше интересовало Бетмана, желавшего оторвать Англию от России и Франции. Бетман предложил следующую формулу: каждая держава обязуется соблюдать нейтралитет, если другая «окажется вовлеченной в войну». Согласие Англии на такого рода договор означало бы ее прямой отказ от Антанты.

Холден отклонил проект Бетмана, заявив, что Англия не может допустить разгрома Франции. Он выдвинул иную формулу: каждая из двух держав обязуется не участвовать в неспровоцированном нападении на другую. Бетман выразил сомнение в эффективности формулы Холдена. «Он ответил, — пишет Холден, — что очень трудно определить, что надо понимать под агрессией или неспровоцированным нападением. Я возразил, что нельзя определить количество зерен, составляющих кучу, но всякий, кто видит кучу, знает, что это такое». Бетман кончил заявлением, что он еще «подумает» над проблемой такого соглашения. После этого собеседники перешли к вопросу о флоте.

Холден высказал мнение, что соглашение о нейтралитете осталось бы мертвой буквой, если бы продолжалось соперничество в области морских вооружений. Бетман возразил, что Германия не может отказаться от нового морского закона. Тогда Холден поставил вопрос, нельзя ли хоть отложить срок закладки предусмотренных германским планом кораблей. На осторожный зондаж Бетмана Холден добавил, что в случае успешного разрешения обоих затронутых вопросов будет открыт путь для частичного удовлетворения колониальных требований Германии. При этом он дал понять, что можно будет вернуться к вопросу о разделе португальских колоний, а также обеспечить Германии и кое-какую другую добычу. Было упомянуто и о соглашении относительно строительства Багдадской

железной дороги, финансирование которого по-прежнему тормозилось Англией. Взамен Англия должна была бы получить контроль над последним участком дороги от Багдада до Персидского залива.

На другой день утром Холден встретился с кайзером и адмиралом Тирпицем. Разговор вращался вокруг морского вопроса. Тирпиц занимал непримиримую позицию. После долгой и бесплодной дискуссии Вильгельм предложил следующий выход: нужно сначала заключить договор о нейтралитете и соглашение по колониальным вопросам. В обмен за это его правительство отсрочит на один год выполнение нового морского закона, т. е. дополнительные линкоры будут закладываться не в 1912, 1914 и 1916 гг., а в 1913, 1915 и 1917 гг. Холден признал эту уступку совершенно недостаточной.

После встречи с кайзером Холден снова беседовал с Бетманом. Холден заявил канцлеру, что вряд ли британский кабинет что-либо даст Германии в обмен за столь ничтожные уступки. Бетман-Гольвег имел подавленный вид. Но Тирпиц был явно доволен неудачей переговоров [1].

Холден и большинство английского кабинета тоже не были огорчены. Жест был сделан, и данные для демонстрации английского пацифизма были налицо. Кроме того, Холден привез из Берлина ценную информацию о новом германском морском законе и вообще о германском флоте.

Вскоре Грей официально сообщил германскому послу, что соглашение о нейтралитете невозможно, раз продолжается соревнование в морских вооружениях. Бетман попытался добиться от Вильгельма и Тирпица более значительных уступок англичанам, но потерпел неудачу. После того как вопреки обычаю кайзер лично протелеграфировал послу в Лондон весьма жесткие инструкции, Бетман даже подал было в отставку, но по настоянию Вильгельма сейчас же взял ее обратно. Все же поездка Холдена не осталась безрезультатной: она послужила началом англо-германских переговоров по ряду колониальных вопросов и сдвинула с мертвой точки переговоры о Багдадской железной дороге. Эти результаты, как и самый факт приезда Холдена, создавали в Берлине впечатление, что германская агрессия вовсе не обязательно должна встретить такое решительное противодействие Англии, как в дни «прыжка „Пантеры“». Правильным ли было такое впечатление? И какое именно влияние оказало оно на направление политики германского империализма? Об этом сказали факты, но сказали несколько позже, в 1914 г.

---

[1] «British Documents», vol. VI, № 506, p. 676—681. Записи из дневника Холдена от 8 и 9 февраля 1912 г.

Упрочение англо-французской Антанты

Грей сообщил Камбону о результатах миссии Холдена и об отказе Англии подписать с Германией соглашение о нейтралитете. Но, по-видимому, окончательно успокаивать французов английская дипломатия не хотела. Некоторая неуверенность французского правительства в позиции Англии представлялась Грею отнюдь не излишней. Она должна была побудить Францию еще больше заботиться о поддержании дружественных отношений с Англией.

Впрочем, некоторые английские дипломаты не сочувствовали этой игре. Пуанкаре рассказывает в своих мемуарах о следующем своеобразном эпизоде. Он выразил в Лондоне удовлетворение по поводу того, что Англия отказалась гарантировать Германии свой нейтралитет. И вот, едва он сделал это, к нему 27 марта 1912 г. явился английский посол лорд Берти. Посол предупредил, что будет говорить в качестве частного лица и просил «забыть на мгновение, что он посол». После этого Берти заявил своему французскому собеседнику, что не совсем понимает, почему он успокоился. Правда, Англия отказала Германии в благожелательном нейтралитете, о котором просил Бетман. Но этот ответ, по мнению Берти, не следует рассматривать как отказ в нейтралитете в собственном смысле этого слова. Берти посоветовал президенту добиваться от Лондона более определенных заверений [1]. Посол действовал в согласии с Форин-оффис: оно уже не в первый раз толкало Грея и весь либеральный кабинет на дальнейшее укрепление Антанты.

В марте 1912 г. в английский парламент морским министром Уинстоном Черчиллем был внесен билль, предусматривавший закладку двух кораблей против каждого заложенного в Германии. В мае была намечена переброска большей части базировавшегося на Мальту «Атлантического флота» в отечественные воды. Это означало новый этап в сосредоточении военно-морских сил Великобритании в Северном море. Новая дислокация флота влекла за собой необходимость передать важнейшие коммуникационные линии Британской империи в Средиземном море под охрану французского флота. При этом приходилось позаботиться о том, чтобы совокупная морская мощь держав Антанты в Средиземном море не уменьшилась вследствие ухода английских кораблей. В этих целях в августе английский кабинет решил приступить к переговорам между английским и французским адмиралтействами. Французов убеждали перевести в Средиземное море свою Атлантическую эскадру, которая базировалась на Брест. Однако французское

[1] *R. Poincaré.* Au service de la France, vol. I. Paris, 1945, p. 170—171.

правительство не считало возможным обнажить побережье Ла-Манша и Атлантики без получения от Англии гарантии, что в случае войны Франция может быть уверена в ее военной помощи.

Серьезность этих военных соображений не подлежала сомнению. Но помимо них французская дипломатия руководствовалась желанием использовать потребность Англии во французском флоте, чтобы превратить Антанту в военный союз, скрепленный союзным договором. Именно таковы были планы Пуанкаре, который вскоре после избрания его президентом республики стал подлинным руководителем французской внешней политики. Его роль во французской дипломатии оказалась несравненно значительнее той, которую предоставляла президенту прежняя французская государственная практика.

Руководящие чиновники Форин-оффис Никольсон и Кроу также считали необходимым заключить с Францией союзный договор. Но Грей на это не соглашался. Он знал, что это вызовет кризис кабинета Асквита: ведь в кабинете имелась сильная прогерманская группировка. Грей предпочел своеобразную дипломатическую форму. Он обменялся письмами с французским послом в Лондоне Камбоном. Текст письма Грея, датированного 22 ноября 1912 г., гласил:

«Дорогой посол. За последние годы французские и британские морские и военные эксперты совещались время от времени. Всегда предполагалось, что такие совещания не ограничивают свободы каждого правительства решить в любую минуту в будущем, должно ли оно или нет помочь другому военной силой. Мы согласились, что совещания экспертов не рассматриваются и не должны рассматриваться как обязательство, которое может принудить какое-либо из правительств к выступлению при обстоятельствах, которые еще не наступили и, возможно, никогда не наступят. Так, например, расположение французского и английского флотов в настоящее время не основывается на обязательстве сотрудничать в войне. Вы, однако, отметили, что в случае, если одно из правительств будет иметь серьезные основания ожидать не вызванного им нападения со стороны третьей державы, то будет важно знать, может ли оно в этом случае рассчитывать на вооруженную помощь другого.

Я согласен, что в случае, если одно из правительств будет иметь серьезные основания ожидать невызванного нападения со стороны третьей державы или какого-либо события, угрожающего общему миру, то оно должно обсудить немедленно с другим, будут ли оба правительства действовать вместе для предупреждения нападения и для сохранения мира, и если так, то какие меры готовы они совместно принять. Если эти меры

включают военное выступление, то должны быть немедленно приняты во внимание планы генеральных штабов, и правительство тогда решит, в какой мере они будут приведены в действие.

Примите и пр. Э. Грей».

Ответ Камбона от 23 ноября подтверждал все положения, выдвинутые в письме английского министра [1].

Смысл обоих писем заключался в том, что Англия и Франция, подготовляясь к войне с Германией, планировали все свои военные мероприятия в расчете на совместное проведение этой борьбы. Но вопрос о том, будет ли эта борьба на самом деле совместной, оставался открытым: он предоставлялся свободному решению каждого правительства. Конечно, на деле письмо Грея в значительной мере превращало свободу этого решения в фикцию. Военная необходимость в решающую минуту, очевидно, должна была перевесить дипломатические оговорки английского кабинета.

В духе писем Камбона — Грея между морскими штабами была заключена англо-французская военно-морская конвенция. Согласно ей Англия брала на себя охрану Атлантического побережья Франции, французский флот — защиту английских интересов в Средиземном море.

Любопытно, что парламент ничего не знал об этом акте. Кабинет в целом точно так же не был о нем осведомлен. Знали о конвенции лишь отдельные министры: Грей, Черчилль, Асквит, Холден.

В отношении военно-морской подготовки англичане делали все, что требовалось для большой войны. Но на суше мероприятия Англии оставались скромными: для переброски на континент на помощь Франции в первом эшелоне подготовлялось всего до 6 дивизий.

Чтобы оценить эту цифру, стоит только вспомнить, что в августе 1914 г. немцы развернули на западе около 80 дивизий.

Дальневосточный вопрос в 1908—1912 гг. Японо-американские противоречия

Подготовка к войне против Германии требовала от Антанты обеспечения своих интересов и тыла на Дальнем Востоке. Особенно повелительно стояла эта задача перед Россией и Англией. России было необходимо оградить себя от опасности возникновения второго фронта на Дальнем Востоке, Англии — обеспечить неприкосновенность своих гигантских колониальных владений и экономических интересов в Китае и во всем бассейне Тихого океана.

---

[1] «British Documents», vol. X, part II, № 416, 417, p. 614—615; «Documents diplomatiques français», 3-e série, t. IV, № 534, p. 536—538.

После заключения русско-японского соглашения в 1907 г. русско-японские империалистические противоречия отнюдь не исчезли. У царского правительства не могло быть полной уверенности, что Япония не предпримет каких-либо агрессивных действий против России в Северной Маньчжурии. Но вместе с тем Россия и Япония в известном смысле являлись и союзниками. По соглашению 1907 г. они поделили Маньчжурию. Поэтому при всем взаимном недоверии они оказывались солидарными, когда третьи державы пытались нарушить их монополию в этой части Китая. Такие попытки имели место преимущественно с американской стороны. Если Англия после русско-японской войны и англо-русского соглашения осталась союзницей Японии, то США все больше рассматривали ее как своего опаснейшего врага.

Американский империализм рассчитывал, что победа Японии широко распахнет перед ним двери северо-восточных провинций Китая. Еще не кончилась русско-японская война, а американский железнодорожный магнат Эдуард Гарриман (отец Аверелла Гарримана, посла в Москве в годы второй мировой войны) пытался добиться в Токио широкого участия капитала США в эксплуатации Южно-Маньчжурской железной дороги. С ним объединил усилия главный организатор займов для японского империализма в целях войны против России банкир Яков Шифф. Обоих постигла неудача. Сначала им многое обещали, но после заключения мира с Россией, когда руки у Японии развязались, оставили ни с чем.

Едва японские милитаристы закрепились в Маньчжурии, они потеряли всякую охоту держать дверь туда открытой. Напротив, они поспешили ее за собой захлопнуть наглухо и запереть на замок. Водворившись в Южной Маньчжурии, японские милитаристы поспешили создать там нетерпимые условия для деятельности американских фирм. Со стороны государственного департамента один протест следовал за другим. Но его ноты оставались безрезультатными. Американский ввоз в Маньчжурию, достигший во время войны, в 1905 г., 23,5 млн. долл., упал в 1909 г. до 7,5 млн. В китайском импорте в целом доля американских товаров упала с 15% в 1905 г. до 7,6% в 1913 г.[1] Отчасти это было возмездием китайского народа за жестокую расовую дискриминацию китайцев в США. В 1905 г. ответом на нее явился массовый бойкот американских товаров в Китае. Однако другой причиной сокращения американской торговли с Китаем была иностранная конкуренция, и прежде всего япон-

[1] См. *П. П. Севостьянов.* Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905—1911 гг.). М., 1958, стр. 22—27 и 32—38.

ская. В США многие убеждались, что поддержка Японии против России была ошибкой. «Как сардонически вы должны смеяться» [1], — говорил Рузвельт русскому послу.

Натравливая с помощью Американской федерации труда одну часть рабочего класса на другую, разжигая расовую рознь, американская буржуазия преследовала важнейшую внутриполитическую цель: разъединить и ослабить пролетариат [2]. Расовая дискриминация не только осложняла Соединенным Штатам отношения с Китаем. Она точно так же влияла и на отношения с Японией. Притеснения японских иммигрантов, особенно жестокие и оскорбительные в Калифорнии, сыграли крупную роль в развитии японо-американской распри: эти притеснения позволили японским правящим кругам в своей грабительской империалистической политике использовать справедливое негодование, возбужденное в японском народе безобразными преследованиями единоплеменников в Америке. Американские империалисты со своей стороны использовали в целях антияпонской пропаганды, кроме расистского шовинизма, жалобы деловых людей на зажим американского бизнеса, «закрытие дверей», «нечестные методы конкуренции» — вроде подделки фабричных марок и т. п. Согласие японского правительства на ограничение количества паспортов, выдаваемых японским подданным на выезд в США, или соглашение о фирменных знаках временно ослабляли напряженность в отношениях, но не устранили основных противоречий.

И в США и в Японии империалистические круги использовали взаимный антагонизм для увеличения ассигнований по военному бюджету и новых вооружений. Так, Т. Рузвельт добился от конгресса начиная с 1907 г. закладки вместо одного, как это практиковалось ранее, двух дредноутов в год. В 1908 г. грозная американская эскадра, включавшая 16 броненосцев, из Атлантики, обогнув мыс Горн, появилась в Тихом океане. Ее с восторгом приветствовала буржуазия английских доминионов — Австралии и Новой Зеландии, где сильны были опасения перед японской агрессией.

В 1907 г. положение американского империализма на Дальнем Востоке и в Тихом океане серьезно ухудшилось: Япония, уже давно являвшаяся союзником Англии, теперь заключила соглашения с Францией и Россией. Державы Антанты дорожили отношениями с Японией ввиду антагонизма с Германией. США оказывались до известной степени изолированными перед лицом неожиданно возникшей на Дальнем Востоке четверной англо-франко-русско-японской комбинации.

---

[1] См. *П. П. Севостьянов.* Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905—1911 гг.). М., 1958, стр. 99.

[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 24, стр. 92.

Изоляцией США попыталось воспользоваться германское правительство. Кайзер и его советники носились с мыслью: нельзя ли противопоставить четверной Антанте в Восточной Азии германо-американский блок, втянув в него также в качестве подчиненного члена Китай?

Правительство США уклонилось от сделки, которую ему предлагала немецкая дипломатия. Оно предпочло принять предложение своего соперника — Японии и заключить с ней своего рода перемирие.

30 ноября 1908 г. последовало так называемое соглашение Рут — Такахира. По этому соглашению, заключенному в форме обмена нотами, США и Япония заявляли, что «политика обоих правительств, не руководимая никакими агрессивными тенденциями, имеет целью сохранение существующего status quo в вышеназванной области (т. е. в бассейне Тихого океана) и защиту принципа равных возможностей для торговли и промышленности в Китае». Иначе говоря, Япония как бы подтверждала свое согласие с американской доктриной «открытых дверей», а США, высказываясь за status quo, соглашались с положением, которое заняла Япония, и со всеми привилегиями, приобретенными ею в Маньчжурии и иных местах. Далее Япония и США заявляли, что «они... питают твердое намерение уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них в названной области». Соглашение предусматривало взаимную консультацию на случай каких-либо нарушений status quo в бассейне Тихого океана: «Если бы какое-либо обстоятельство стало угрожать вышеописанному status quo или вышеустановленному принципу равных возможностей, два правительства вступят в сношение друг с другом с целью прийти к соглашению насчет мер, которые они сочтут нужным принять» [1].

Невзирая на это соглашение, американо-японский антагонизм постепенно углублялся [2]. Проявился он, например, в новых попытках американского империализма проникнуть в Маньчжурию. В 1907 г. Гарриман выступил перед мукденским губернатором с проектом создания «Банка трех восточных провинций» и железной дороги, прорезывающей Маньчжурию по меридиану от Синьминтина до Айгуня на р. Амур. Юань Шикай, руководящая фигура цинского правительства, был склонен противопоставить американский империализм японскому в Маньчжурии. Проекты были, однако, сорваны японцами. Японо-китайское соглашение от 4 сентября 1909 г. отдавало железнодорожное строительство в Южной Маньчжурии в руки

[1] *W. M. Malloy.* Treaties, conventions... between the United States of America and other powers, vol. I, p. 1045—1047.

[2] См. *П. П. Севостьянов.* Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке, стр. 97.

японцев, так же как и эксплуатацию фушуньских угольных копей и минеральных богатств вдоль построенной японцами Мукден-Аньдунской дороги [1]. В последующем американский капитал пытается проникнуть в Маньчжурию под покровом проектов интернационализации маньчжурских железных дорог, к которой давно стремились американские деловые круги при прямой и официальной поддержке правительства США.

В 1908 г. наступило новое обострение русско-японских отношений. Царское правительство подумывало даже о ликвидации своих североманьчжурских интересов. Оно боялось захвата Северной Маньчжурии Японией. Агент министерства финансов, учитывая стремление американского капитала проникнуть в Маньчжурию, обратился к группе американских капиталистов с предложением организовать досрочный выкуп КВЖД Китаем. Американское правительство заинтересовалось этим планом [2]. В 1909 г. оно начало переговоры с Россией. Предполагалось образовать международный банковский синдикат, который предоставил бы Китаю заем для выкупа железных дорог в Маньчжурии: и русских и японских. После этого эксплуатация дорог была бы поручена тому же синдикату. 14 декабря 1909 г. государственный секретарь США Нокс официально обратился к державам с предложением о выкупе и интернационализации железных дорог в Маньчжурии. Проект этот сопровождался другим: правительство США предлагало построить железную дорогу через Маньчжурию с юга на север, от Цзиньчжоу (на дороге от Синьминтина на Пекин) до Айгуня на р. Амур. Такая дорога могла помочь японцам проникнуть в Северную Маньчжурию. Она была бы им полезна в случае новой войны против России. США пытались столкнуть двух хозяев Маньчжурии!

Однако тщетно. Японское правительство не намеревалось допускать США в Маньчжурию. Оно предпочло договориться с Россией. В 1910 г. царская Россия уже несколько оправилась от потрясений 1904—1905 гг. и 8 января 1910 г. в согласии с Японией тоже отклонила американский проект. Она стала на путь дальнейшего соглашения с Японией. Она предпочла его сотрудничеству с США. И это неудивительно, ибо США в Маньчжурии мало чем могли помочь России в случае конфликта с Японией.

Японское правительство относилось к проекту выкупа КВЖД резко враждебно, так же как и к американским попыткам купить ЮМЖД. Почти одновременно с предложением США об интернационализации маньчжурских дорог Япония

[1] См. *П. П. Севостьянов.* Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке, стр. 138—140, 144—146.

[2] См. *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии, стр. 564—565.

предложила царскому правительству дипломатическое соглашение и даже союз для совместной охраны их обоюдной монополии в Маньчжурии. Едва американский посол Рокхил, явившийся со своими прожектами, вышел из приемной Извольского, к нему в тот же день явился японский посол Мотоно и предложил «формальный союз», «перед которым должны будут преклониться не только Китай, но и все другие державы» и который позволит России сохранить ее положение на КВЖД [1].

4 июля 1910 г. было подписано новое русско-японское соглашение, шедшее еще дальше договора от 30 июля 1907 г. Оно состояло из публичных и секретных статей. В публичной части провозглашалось: «Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязываются оказывать друг другу дружественное содействие для улучшения их железнодорожных линий в Маньчжурии и для усовершенствования соединительной службы вышеуказанных железных дорог, воздерживаясь от всякого соревнования в достижении этой цели». Далее следовали пункты о поддержании в Маньчжурии status quo и о взаимной консультации, если он окажется под угрозой нарушения [2].

В секретных статьях подтверждался раздел Маньчжурии на сферы влияния, установленный договором 1907 г. При этом, однако, добавлялось (ст. 2): «Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах. Они признают, следовательно, за каждой из них право свободно принимать в ее сфере все необходимые меры ограждения и защиты этих интересов... В случае угрозы существующему в Маньчжурии положению обе державы условились вступить в переговоры о принятии совместных мер для защиты своих интересов» [3]. Это уже напоминало союз.

В том же 1910 г. Япония формально аннексировала Корею. Этот захватнический акт лишил корейский народ всякой независимости. Он попал в кабалу к японскому империализму до 1945 г., пока Советская Армия не разгромила японские войска в Маньчжурии.

Аннексия Кореи, завершив ее захват японским империализмом, сошла последнему с рук, не вызвав международных осложнений. Полная ликвидация независимости корейского

---

[1] См. *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии, стр. 567.

[2] *J. V. A. MacMurray.* Treaties and agreements with and concerning China, vol. I, p. 803—804; *Э. Д. Гримм.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке, стр. 176—177.

[3] *Э. Д. Гримм.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке, стр. 176—177.

народа еще более усилила его ненависть к японским захватчикам.

Одновременно с попытками проникнуть в северо-восточные провинции Китая американский империализм развертывал борьбу и за проникновение в центральную часть страны. Там происходила борьба империалистических держав вокруг строительства железных дорог в этом районе. Летом 1909 г. английская финансовая группа в составе Гонконг-Шанхайского банка, Британско-Китайской корпорации и Китайской центральной железнодорожной компании достигла после долгой и ожесточенной конкуренции и споров соглашения с французской и германской финансовыми группами. Французскую возглавлял Индо-Китайский банк, представлявший 8 других банков, а германскую — Германо-Китайское железнодорожное общество, организованное синдикатом немецких банков с Германско-Азиатским во главе. В результате этого соглашения образовался англо-франко-германский банковский консорциум для финансирования железнодорожного строительства в наместничестве Хугуан, в состав которого входили провинции Хубей и Хунань. В скором времени консорциум заключил контракт с цинским правительством Китая о предоставлении ему займа на строительство так называемых хугуанских железных дорог[1]. Между собой участники консорциума договорились о совместной эксплуатации будущих дорог и равномерном участии в займах, предоставляемых консорциумом Китаю.

Американский капитал организаторы консорциума игнорировали. Таким образом, он как будто оставался ни при чем: Северо-Восточный Китай поделили Япония и Россия, а теперь для эксплуатации Центрального Китая создавалось монополистическое объединение без участия США. Американское правительство заявило протест через своего посланника в Пекине против заключения с консорциумом контракта на заем без американского участия. Американская дипломатия отыскала кое-какое юридическое основание для этого протеста. Он остался без последствий, и тогда выступил сам президент. 6 июля 1909 г. Тафт, сменивший Теодора Рузвельта на посту президента США, направил личное послание регенту Китайской империи маньчжурскому принцу Чуню. Президент требовал участия США в финансировании хугуанских дорог. Англо-франко-германская группа долго противилась американскому участию. Только в мае 1910 г. она наконец уступила. В ноябре 1910 г. в связи с присоединением американских банковских групп (в составе дома Моргана, Гарримана, «Ферст

[1] *J. V. A. MacMurray.* Treaties and agreements with and concerning China, vol. I, p. 880.

нэшнл бэнк», «Нэшнл сити бэнк» и «Кун, Леб и К°») тройственный консорциум превратился в четверной. 15 апреля 1911 г. вопреки противодействию Японии и России консорциум заключил с цинским правительством соглашение о предоставлении займа в 10 млн. ф. ст., причем часть этой суммы предназначалась на финансирование предприятий в Маньчжурии. Контракт предусматривал (в ст. 16) преимущественное право консорциума на последующее финансирование этих предприятий.

Возобновление англо-японского союза (1911 г.)

Обширные коммерческие и финансовые интересы английского империализма в Китае порождали у него, так же как у США, противоречия с Японией. Однако англо-германский антагонизм вынуждал английское правительство поддерживать сотрудничество с Японией даже с риском возбудить недовольство США. Морское соперничество Германии заставило английское адмиралтейство увести из дальневосточных вод в отечественные броненосную эскадру, оставив в Тихом океане только крейсеры. 13 июня 1911 г. состоялось вторичное (досрочное) возобновление англо-японского союза. Оно сопровождалось пересмотром текста договора. В это время между США и Англией велись переговоры об общем арбитражном договоре, предусматривавшем решение споров путем согласительной процедуры. В текст нового англо-японского союзного договора была добавлена статья, согласно которой обязательства об оказании военной помощи не распространяются на случай войны с государством, с которым другой союзник имеет общий арбитражный договор.

Такой договор в самом деле был подписан между США и Англией. Если бы он вошел в силу, договор этот означал бы определенный шаг к дальнейшему сближению между обеими державами. Однако сенат США отказался его утвердить.

Таким образом, в англо-японском договоре новая статья пока оставалась без практического применения и лишь сигнализировала американцам о намерении Англии лишить союзный договор антиамериканского острия: только от США зависело ввести в действие арбитражный договор.

Другие изменения в англо-японском союзе сводились к устранению статей о Корее, потерявших смысл в связи с ее аннексией, и ст. 4, касавшейся защиты Индии: англо-русское соглашение делало эту статью менее важной, а Япония обусловливала ее сохранение требованием дополнительных обязательств в свою пользу: признанием за ней «права» принимать меры безопасности в районах, граничащих с Кореей (т. е. в Маньчжурии). Принятие такой статьи означало бы признание

за Японией новых преимуществ. Англия предпочла отказаться от японской помощи в Индии. Англо-японский союз продолжал свое существование, хотя и в ослабленном виде [1].

Империалистическая дипломатия и китайская революция

После русской революции 1905 г. в условиях общего пробуждения Азии в Китае совершался «переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение» [2]. «Вслед за русским движением 1905 года, — писал В. И. Ленин, — демократическая революция охватила всю Азию — Турцию, Персию, Китай» [3].

В октябре 1911 г. в Китае произошла буржуазно-демократическая революция. Центром революционного движения был Центральный и Южный Китай. После избрания Сунь Ят-сена временным президентом Китайской республики В. И. Ленин писал о нем: «Здешний, азиатский временный президент республики — революционный демократ, полный благородства и героизма...» [4]. «Китайская свобода, — указывал Ленин, — завоевана союзом крестьянской демократии и либеральной буржуазии. Сумеют ли крестьяне, не руководимые партией пролетариата, удержать свою демократическую позицию *против* либералов, которые только ждут удобного момента, чтобы перекинуться направо, — это покажет недалекое будущее» [5]. В этом действительно заключался большой вопрос развития китайской революции. Дипломатия империалистических держав в той мере, в какой это от нее зависело, сделала все возможное, чтобы помешать победе демократических сил в Китае и помочь торжеству реакции.

Если во враждебности к китайской демократической народной революции все империалисты были солидарны, то в вопросах о методах поддержки реакции единства между ними не было. Японское правительство, опасавшееся, что этот переворот поведет к сплочению национальных сил Китая и к усилению борьбы против иноземных империалистов, попыталось склонить Россию к интервенции для восстановления власти богдыхана.

Первыми заговорили с русскими об интервенции тогдашний лидер японской военщины Кацура и военный министр Исимото. Последний заявил русскому военному агенту, что для переговоров об интервенции он выделяет известного генерала Танака (в ту пору начальника департамента). На другой день Танака предложил русским детально разработанный план

---

[1] См. *А. Гальперин.* Англо-японский союз, стр. 243 и др.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 17, стр. 179.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 23, стр. 145.
[4] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 21, стр. 402.
[5] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 22, стр. 191.

совместной вооруженной интервенции России и Японии. Танака перечислял, какие воинские части и каким путем будут отправлены в Китай, предлагал России использовать Южно-Маньчжурскую железную дорогу и т. д. «Целью посылки отряда генерал-майор Танака выставлял поддержку, с согласия России и Англии, китайского императора»[1]. Ближайшей территориальной сферой интервенции он называл Пекин, Тяньцзинь и железную дорогу от этих пунктов до Шаньхайгуаня. Через несколько дней генерал Кацура, считавшийся закулисным руководителем японской политики, дал ясно понять русскому послу, что Танака действовал по его указанию. «При отсутствии крупных военных сил других держав на Дальнем Востоке интервенция в Китае могла бы быть осуществлена в широком масштабе главным образом японской армией, а это сулило, конечно, большие выгоды японскому империализму»[2]. Но именно поэтому в глазах других империалистов интервенция оказывалась связанной с немалыми опасностями. Она грозила доставить Японии преобладающее положение в Китае. Японский премьер и министерство иностранных дел (в лице министра Уцида) отнеслись, однако, сдержанно к этим планам «военной партии», возглавлявшейся Кацура и Ямагата[3]. Действовали японские милитаристы при подготовке интервенции по каналам тайной дипломатии: интересы японских фирм в Шанхае не позволяли слишком осложнять отношения с установившейся в бассейне Янцзы революционной властью. Всё же 23 декабря 1911 г. японское правительство заявило официально через своего посланника, что никогда не признает республики в Китае. Организовать интервенцию, однако, не удалось ввиду взаимного соперничества империалистов.

Англия, Франция и США с самого начала не считали целесообразным поддерживать Цинскую монархию. Они вскоре сделали ставку на Юань Ши-кая, который покинул Цинов, ставших непригодными для спасения китайской реакции, и установил контакт с либеральной буржуазией. Четырехсторонний банковский консорциум взял на себя финансирование Юань Ши-кая. Россия и Япония пытались разрушить монополию консорциума. Они боялись монополии «четверки» и ее проникновения в Маньчжурию. Потерпев неудачу, они обе решили вступить в консорциум, дабы иметь возможность оказывать влияние на его деятельность и не допускать ее в Маньчжурии и Монголии. И тут они добились успеха.

[1] «Международные отношения», серия II, т. XVIII, ч. II, № 787, 794, 802, стр. 293—294, 297, 301—305.

[2] «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)». Под ред. Е. М. Жукова, изд. 2. М., 1956, стр. 241.

[3] См. «Международные отношения», серия II, т. XVIII, ч. II, № 802, стр. 301—305.

В начале 1913 г. консорциум предоставил Юань Ши-каю заем в 25 млн. фунтов (около 250 млн. руб.) «для реорганизации управления» страной, так называемый реорганизационный. Условия займа предоставляли империалистам право контролировать расходование поступивших по займу средств и управлять взиманием соляного налога [1].

С вступлением в консорциум японцев он перестал служить орудием американской политики. Ввиду этого американские банкиры потеряли интерес к консорциуму. Они сообщили об этом государственному секретарю. Дело было через пять дней после того, как новый президент Вудро Вильсон вступил в должность. Банкиры заявили, что примут участие в реорганизационном займе, только если этого потребует правительство. После этого Вильсон выпустил заявление для печати, в котором сообщал, что правительство не будет настаивать на участии американских банкиров [2]. Вильсон сразу же выявил в этом документе свою манеру облекать дипломатические шаги в ханжеско-пуританскую лицемерно-гуманистическую фразеологию. Условия займа, указывал президент, предполагают вмешательство во внутренние дела Китая... Тут же президент заявил, что США желают широко участвовать в «открытии» «ресурсов Китая». Новая администрация указывала, что будет настаивать на проведении в Китае «законодательных мероприятий, которые предоставили бы американским купцам, промышленникам, подрядчикам и инженерам банковские и иные финансовые льготы, которых они в настоящее время лишены и без которых они находятся в неблагоприятном положении по сравнению с их конкурентами». Вильсон объявлял наступление на позиции других держав в Китае.

Отказываясь от участия в займе, американские финансисты и президент считали излишним помещать деньги в малонадежные обязательства не очень устойчивого правительства, тем более что они оказались в консорциуме в безнадежном меньшинстве и консорциум проводил за американские деньги вовсе не американскую политику. Кроме того, привилегированное положение четырех банков, являвшихся участниками международного консорциума, претендовавшего на монополию в финансировании Китая, вызвало недовольство других финансовых групп, многие из которых были связаны с демократической партией, ныне пришедшей к власти.

Очевидно, американский империализм рассчитывал укрепить свое влияние на Юань Ши-кая не через посредство консорциума, а самостоятельно и наперекор ему.

[1] См. «Международные отношения на Дальнем Востоке», стр. 244.

[2] Текст заявления Вильсона см. в «Foreign Relations of the United States, 1913», p. 170—171.

Последующие события в Китае развивались уже под влиянием мировой войны, начавшейся в Европе, но частично затронувшей и Дальний Восток. Эти события не принесли Вильсону успеха. Решающая роль в Китае перешла к Японии [1].

Шестерной консорциум являл попытку сговора империалистов о совместной полуколониальной эксплуатации самой населенной страны мира. Сговор оказался недолговечным, да и не мог быть иным. Вот что писал В. И. Ленин: «Допустим, что *все* империалистские державы составят союз для «мирного» раздела... азиатских стран, — это будет «интернационально-объединенный финансовый капитал». Фактические примеры такого союза имеются... например, в отношениях держав к Китаю. Спрашивается, «мыслимо» ли предположить... чтобы такие союзы были некратковременными? чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?» [2]. Ленин указывал, что ответ мог быть только отрицательным.

Автономия Внешней Монголии

Пробуждение Азии захватило и монгольский народ. Он стремился освободиться от китайского владычества и стать независимым. Господствующий феодальный класс Монголии стремился при этом опереться на царскую Россию. В августе 1911 г. в Петербург прибыла монгольская делегация. Затем в Урге начались русско-монгольские переговоры. Однако царская монархия, как и следовало ожидать, далеко не удовлетворила чаяния образовавшегося во Внешней Монголии правительства. Позиции сторон характеризует следующее донесение российского уполномоченного по переговорам с монгольским правительством:

«При обсуждении вступительной части политического договора опять подтвердилось принципиальное различие нашей и монгольской точек зрения. Сайн-Ноин опять повторил, что монголы стремятся получить путем договора признание Россией «внешней независимости монгольского государства» и не довольствуются признанием внутренней автономии. Они хотят, чтобы этот акт ясно выражал освобождение их от китайского сюзеренитета и вероятного вмешательства Китая в их дела. Дабы полнее закрепить такое признание и предупредить возможное сомнение в будущем, ургинское правительство желало бы ввести в договор постановление о всенародном избрании хутухты эцзэн-ханом, т. е. самодержавным государем, признанным Россией. Я, — писал далее царский дипломат, —

[1] *J. W. Pratt.* A History of United States Foreign Policy, p. 449—550; *Ив. П. Севостьянов.* Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке, стр. 296.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 417.

конечно, заявил Сайн-Ноину о невозможности для императорского правительства отступить от намеченной программы действия, причем привел аргументы, заключающиеся в телеграмме вашего высокопревосходительства от (12 октября) 29 сентября, подкрепив их еще общими соображениями и историческими ссылками на постепенную эмансипацию балканских государств и Египта. Князья, однако, с необыкновенным упорством продолжали твердить, что в Петербурге монгольским депутатам, приезжавшим в минувшем году, были даны положительные заверения в смысле признания Россией независимой, неделимой Монголии. К сожалению, прибавил Сайн-Ноин, Россия теперь отступает от своих обещаний и соглашается на дарование Монголии, и то лишь северной части, внутренней автономии, сохраняя сюзеренные права Китая, что, конечно, не может нас удовлетворить.

Я объяснил монгольскому премьеру, что во время приезда депутации в Петербург я состоял посланником в Китае и что, насколько мне известно, монголам не давали столь категорических обещаний, к тому же тогда не было речи ни о монгольской автономии, ни о договоре с Россией» [1].

3 ноября 1912 г. правитель Монголии (хутухта) заключил соглашение с Россией. Она обязалась оказывать Монголии помощь в сохранении «автономного строя» и получала ряд односторонних экономических преимуществ. Договор носил явно кабальный характер.

Закабаление Тибета английским империализмом

В 1912 г. Англия, пользуясь внутренней борьбой в Китае, попыталась отторгнуть от него Тибет и превратить его в сферу влияния Англии.

В октябре 1913 г. в Симле (в Индии) собралась конференция представителей Англии, Китая и марионеточных сепаратистских властей Тибета. Под видом широкой автономии от Китая англичане предполагали превратить Тибет на деле в английскую колонию. Китайский представитель под нажимом парафировал конвенцию (т. е. поставил под ней свои инициалы). Однако правительство Китая отказалось ее утвердить, опасаясь возмущения народа — и тибетцев, и китайцев [2]. Английское правительство добивалось от России пересмотра соглашения 1907 г. в смысле признания Тибета сферой влияния Англии.

---

[1] АВПР, фонд Китайский стол, 1912 г., д. № 566. Депеша уполномоченного для ведения переговоров с монгольским правительством Коростовца Сазонову № 5 от 18(5) октября 1912 г.

[2] Об английской экспансии в Тибете см. *Леонтьев*, Иностранная экспансия в Тибете, М., 1956.

Со своей стороны Англия признала русские интересы во Внешней Монголии. То же самое сделала и Япония. Во Внутренней Монголии сферы интересов России и Японии были разграничены секретным соглашением, подписанным Сазоновым и Мотоно 25 июня 1912 г. Часть Внутренней Монголии, расположенная к востоку от пекинского меридиана, признавалась сферой влияния Японии, а к западу от него — сферой России. По соглашению от 5 ноября 1913 г. Россия добилась от Китая признания национальной автономии Внешней Монголии.

Таким образом, на Дальнем Востоке после русско-японской войны в международной обстановке произошли большие изменения: в то время как англо-японские и русско-японские противоречия притуплялись вследствие того, что Россия и Англия были заняты подготовкой к борьбе с Германией, на Дальнем Востоке нарастал японо-американский антагонизм. С началом первой мировой войны зависимость России и Англии от Японии на Дальнем Востоке еще больше увеличилась. Тут-то Япония смогла в полной мере использовать те особые «удобства грабить Китай», о которых писал В. И. Ленин и которые обеспечивались ее географическим положением.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ (1912—1913 гг.)

Балканский блок

Итало-турецкая война ускорила наступление еще одного, давно назревавшего кризиса. Она послужила дополнительным стимулом, побудившим Балканские государства договориться между собой о союзе против Турции и начать против нее войну.

Русская дипломатия деятельно способствовала образованию балканского блока. Но при этом она рассматривала его как орудие борьбы не столько против Турции, сколько против Австрии и Германии. Иначе говоря, создание балканского блока было в ее глазах этапом подготовки к надвигавшейся мировой войне.

Правда, попытка вовлечь Турцию в состав этого блока, гарантировав ей добрососедские отношения со стороны Балканских государств, оказалась неосуществимой. Турция боялась царской России и тех Балканских государств, которые русская дипломатия прочила ей в союзники. Независимо от этого Турция была слишком закабалена Германией, чтобы иметь возможность согласиться на подобную комбинацию.

Впрочем, препятствия к созданию балканского блока с участием Турции исходили не только от нее. Болгария, выигрывая многое от союза против Турции, ничего не могла бы получить от союза с ее участием. Ведь ее целью как раз являлось сокрушение турецкого владычества над славянами в Македонии и Фракии! Младотурки, придя к власти, принялись за жестокое подавление национально-освободительного движения — и в Македонии и в других районах. Они полностью обманули надежды некоторых македонских кругов, ожидавших от младотурецкой революции улучшения участи угнетенных народов Османской империи.

В конце концов в Петербурге сочли возможным удовольствоваться образованием такого блока, который представлял бы собой объединение одних только христианских государств Балканского полуострова.

Из всех Балканских стран Сербия была наиболее заинтересована в подготовке к борьбе с Австро-Венгрией. Ее интересы, таким образом, целиком совпадали с интересами России. Но ни Болгарию, ни Грецию нельзя было склонить к союзу, направленному только против Австрии. Их национальные чаяния могли осуществиться лишь после победы над Турцией.

Жестокий национальный и социальный гнет и кровавые расправы турок сделали для балканских народов освобождение своих собратьев из-под турецкого ига неотложной задачей. Болгарские революционные социал-демократы — «тесняки», являвшиеся непримиримыми противниками буржуазного национализма и милитаризма, в августе 1910 г. совместно с сербскими социал-демократами обратились к Копенгагенскому конгрессу II Интернационала с меморандумом, в котором разоблачали

варварскую политику младотурок в отношении христианского населения. Они требовали, чтобы конгресс социалистических партий выступил против турецкого каннибализма и разоблачил младотурецкий режим. Рабочие Болгарии на своих митингах принимали резолюции протеста против этого режима [1].

Прогрессивные общественные силы в Балканских странах, и прежде всего передовые рабочие, усматривали путь к освобождению Балкан от турецкого гнета и феодальных пут в народной революции. Она смела бы ненавистное иго Османской империи, турецкий феодализм, а заодно и монархии в малых Балканских государствах.

Наиболее последовательные представители революционного пролетариата Балканских стран, например болгарские «тесняки», выдвигали идею балканской федеративной демократической республики как лучшей, наиболее демократической формы устройства свободных Балкан. Покончив с политической раздробленностью Балканского полуострова, соперничеством местных монархий, федерация пресекла бы и возможность вмешательства империалистических держав в дела балканских народов.

Народная революция и демократическая федерация положили бы конец прежней зависимости национального движения балканских народов от «помощи» великих держав. «И враждебное, и якобы дружелюбное вмешательство «держав» Европы означает для балканских крестьян и рабочих только прибавление всяческих пут и помех свободному развитию к общим условиям капиталистической эксплуатации», — писал В. И. Ленин. «Ничего, кроме поддержки гнилья и застоя, кроме бюрократических помех свободе, не несет Балканам даже самая «либеральная» буржуазная Европа» [2]. В. И. Ленин сравнивал «протежирование» славян тремя державами Антанты с охраной курятника лисами. В царской России «крики о «славянских задачах» России — все это, — говорил Ленин, — есть шитое белыми нитками стремление отвлечь внимание от внутренних дел России и «урвать кусок» Турции». Политика кадетской буржуазии, указывал он, *«тоже реакционная великодержавная* политика *империализма»*.

Шовинистическая пропаганда русской буржуазной печати сталкивалась с могучим революционным подъемом, охватившим в эти годы рабочий класс России. Эта пропаганда не оказывала большого влияния на рабочие массы. И от имени русского рабочего класса Ленин торжественно провозглашал на страницах «Правды»: «За полное самоопределение народов, за полную демократию, за освобождение славян от *всякого* протежирования «великими державами»» [3].

Но народные массы Балканских стран в начале нынешнего века еще не имели сил для успешного осуществления демократической революции. «Слабость демократических классов в теперешних балканских государствах (пролетариат немногочислен, крестьяне забиты, раздроблены, безграмотны) привела к тому, что экономически и политически необходимый союз стал союзом балканских монархий» [4]. В слабости демократических сил коренился источник множества трудностей и осложнений, препятствовавших освобождению балканских народов и усиливавших международные противоречия. «Если бы освобождение Македонии совершалось путем революции, — писал В. И. Ленин, — то есть посредством борьбы и сербских и болгарских и *турецких* крестьян против помещиков *всех* национальностей (и против помещичьих балканских

---

[1] См. *В. А. Жебокрицкий.* Болгария накануне балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1960, стр. 213.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 22, стр. 142.
[3] Там же, стр. 146.
[4] Там же, стр. 155—156.

правительств), то освобождение стоило бы балканским народам, наверное, во сто раз меньше человеческих жизней, чем теперешняя война. Освобождение было бы достигнуто неизмеримо более легкой ценой и было бы неизмеримо полнее» [1].

Соперничество балканских монархий и династических клик создавало наилучшие условия для вмешательства империалистов в дела Балкан. «Борьба за национальную свободу против одной империалистской державы, — справедливо указывал В. И. Ленин, — может быть, при известных условиях, использована другой «великой» державой в ее одинаково империалистских целях» [2].

Основная трудность в деле создания союза балканских монархий заключалась в определении судеб Македонии. На нее претендовали Болгария, Сербия, Греция. Кому же должна она достаться? Как достигнуть соглашения о разделе Македонии между претендентами?

Будущий дележ турецкого наследства сулил и другие осложнения. В частности, они должны были возникнуть из-за судеб Албании. Сербское королевство стремилось захватить Албанию, чтобы получить выход к морю. Именно поэтому Австро-Венгрия и не допускала передачи Албании сербам. Против сербских притязаний Австро-Венгрия выступала вместе с Италией. Тем не менее интересы двух союзниц были противоположны. Каждая из них боялась, как бы другая не овладела Албанией или частью ее. Стремясь к господству на Адриатике, Австрия и Италия оспаривали друг у друга преобладающее влияние в Албании. Положение осложнялось притязаниями Греции на южную часть страны.

Попытки создания балканского блока предпринимались давно и неоднократно. В 1911 г. переговоры на этот счет начались по инициативе сербского правительства. В апреле 1911 г., когда царская Россия еще проектировала договор с непременным участием Турции, сербский премьер Милованович предложил болгарскому посланнику Тошеву заключить соглашение о «полюбовном разделе сфер влияния в Македонии». Это соглашение, по мысли Миловановича, могло послужить основой для совместной войны против Турции: «...возможно наступление и такого момента, — говорил он, — когда мы вынуждены будем ускорить события» [3]. Болгарское правительство первоначально отнеслось к сербскому предложению отрицательно. Однако оно изменило свое отношение в связи с итало-турецкой войной. Предполагая, что война может создать благоприятную обстановку для выступления против Турции, болгарский кабинет на этот раз сам решил обратиться к Сербии с предложением начать переговоры. Русское министерство иностранных дел одобрило идею сербо-болгарского соглашения.

Среди русских дипломатов посланник в Сербии Гартвиг был едва ли ни самым активным поборником сербо-болгарского сближения. Идея Гартвига имела больше шансов на осуществление, нежели план Чарыкова: Сербия, Болгария и Греция желали раздела Турции, а вовсе не ее сохранения. Содействуя сербо-болгарскому сговору, русская дипломатия помимо других целей стремилась прекратить лавирование царя Фердинанда между Австрией и Россией. Оно стало правилом со времени восстановления русско-болгарских отношений, т. е. с 1896 г. Но русское правительство высказалось за сербо-болгарское сближение лишь с оговоркой: оно заявило, что «самовольное выступление» славянских держав не встретит сочувствия России. Несвоевременно затеянный конфликт с Турцией может вызвать вмешательство Австро-Венгрии, т. е. преждевременно развязать европейскую войну [4].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 22, стр. 187.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 258.
[3] «Международные отношения», серия II, т. XVIII, ч. I, № 6, стр. 4, прим.
[4] «Международные отношения», серия II, т. XVIII, ч. II, № 526, стр. 71—72.

Образование балканского блока представляло для России большой интерес: оно обеспечивало создание против германо-австрийского союза наряду с французским и русским еще третьего, балканского фронта — с юга. Это означало отвлечение сил Австро-Венгрии с русского фронта и общее увеличение военных ресурсов Антанты. Образование балканского блока отрезало также Германию и Австро-Венгрию от Турции.

Однако вместе с крупными выгодами создание балканского союза таило в себе для России и немалый риск. В чем именно — это еще весной 1911 г. изложил в своем донесении секретарь русской миссии в Софии Урусов. «Непризнанная теперь благоприятной политическая конъюнктура, — писал он, — может быть признана балканскими политическими деятелями таковой через некоторое... время» [1]. Если Сербия и Болгария договорятся друг с другом, они смогут начать против Турции войну, чреватую возможностью вмешательства Германии и Австро-Венгрии, раньше чем Россия закончит восстановление и реорганизацию своих вооруженных сил. «Прекрасно понимая, — продолжал Урусов, — что Россия на Ближнем Востоке имеет неистребимые великодержавные, исторические интересы, здешние политики учитывают то обстоятельство, что Россия от славянской политики никогда не сможет отказаться и не откажется и от защиты и поддержки своих славянских аванпостов на Балканах. Таким образом, Россия неизбежно... будет вовлечена в войну, начатую помимо ее желания славянскими державами» [2].

Все же выгоды балканского блока представлялись царской дипломатии настолько неоспоримыми, что перевешивали все опасения, связанные с его созданием: ведь австрийская военная партия собиралась приступить к захвату Западных Балкан, не дожидаясь завершения русских военных приготовлений. Посланник в Софии Неклюдов писал, что сербо-болгарское соглашение, «сплотив воедино до полумиллиона штыков — и притом великолепного войска», «поставит несомненно серьезную преграду всяким замыслам оккупации или захвата с северо-западной стороны полуострова» [3], т. е. со стороны Австро-Венгрии.

Во время осенних переговоров 1911 г. царь болгарский Фердинанд находился в своем венгерском поместье. Для принятия окончательных решений к нему выехал премьер-министр Гешов. Обратный путь Гешов совершал через Белград. Здесь к нему в вагон для личных переговоров должен был явиться Милованович. Когда Милованович поджидал болгарского коллегу, сербский министр был изумлен сообщением, что тот уже проехал через Белград. Но оказалось, что это была дипломатическая хитрость Гешова. Чтобы сохранить абсолютную тайну, он сначала отправил в Софию какого-то болгарина под своим именем. Через день под строжайшим инкогнито на станцию Белград прибыл сам Гешов. Милованович вошел в его вагон и проводил болгарского министра на протяжении нескольких перегонов.

Гешов сообщил, что Фердинанд одобрил мысль о соглашении с Сербией. После этого оба министра занялись размежеванием сербских и болгарских интересов в Македонии. Болгары требовали всей Македонии. Сербы настаивали на ее разделе. Сговориться было нелегко. Гешов описал в своих мемуарах эти дипломатические переговоры в поезде. «Не будем проводить никакой разграничительной линии теперь, — сказал ему Милованович. — Таким образом вы не подвергнетесь упрекам в том, что согласились на предварительный раздел Македонии. Когда наступит момент и когда... вы получите львиную часть, никто не возразит против той маленькой части Македонии, которую русский император, под чьим покровительством... совершится это великое дело, даст Сербии.

[1] «Международные отношения», серия II, т. XVIII, ч. I, № 6, стр. 4.
[2] Там же, стр. 6.
[3] Там же, ч. II, № 598, стр. 140.

О да! — продолжал Милованович. — Если бы одновременно с ликвидацией Турции могло наступить и распадение Австро-Венгрии, разрешение очень упростилось бы: Сербия получила бы Боснию и Герцеговину, Румыния — Трансильванию, и мы не боялись бы румынского вмешательства в нашу войну с Турцией» [1].

Пока, однако, приходилось довольствоваться разделом территорий Османской империи. Гешов и Милованович приблизительно определили те зоны, которые бесспорно должны были отойти к Болгарии и Сербии. Судьба спорной зоны, по мысли Миловановича, должна была решиться после будущей войны с Турцией; вопрос предоставлялся третейскому решению России.

Во второй половине ноября 1911 г. сербский король и Милованович побывали в Париже; там они почерпнули уверенность, что и французское правительство горячо одобряет проект сербско-болгарского союза.

Выдвинутая Миловановичем идея спорной зоны и русского арбитража сначала не встретила одобрения в Софии: там полагали, что Россия обязательно выскажется в пользу Сербии. Начались переговоры о непосредственном размежевании спорной зоны.

В течение всего конца 1911 г. и в начале 1912 г. между сербской и болгарской дипломатией велся ожесточенный торг. Главная трудность заключалась в решении судеб Ускюба (Скопле), Велеса и Струги в Македонии. Сербии этот район был нужен для прикрытия с юга будущего выхода к Адриатике и линии Дунайско-Адриатической железной дороги. Для Болгарии на Ускюб и Велес шли наиболее удобные пути в долину Вардара, к центру ее будущих македонских владений. Спорили из-за каждой деревни, особенно в окрестностях Ускюба и Струги. Русская дипломатия и военный агент в Софии полковник Романовский усердно мирили сербов с болгарами. Впрочем, оба русских посланника, Неклюдов и Гартвиг, сами перессорились друг с другом: они обменивались раздраженными письмами и телеграммами, минуя свое начальство. Министерство в Петербурге не знало, как разрешить спор. Оно то требовало от болгар принятия сербского проекта разграничения, то навязывало сербам болгарские предложения. Кончилось тем, что болгары все-таки согласились на установление «спорной зоны», судьба которой подлежала арбитражу России.

13 марта 1912 г. был наконец подписан следующий сербо-болгарский союзный договор:

Ст. 1: «Царство болгарское и королевство сербское гарантируют друг другу государственную независимость и целостность их территории, обязуясь... прийти на помощь друг другу всеми своими силами в случае, если бы одно из них подверглось нападению со стороны одной или нескольких держав».

Ст. 2: «Обе договаривающиеся стороны обязуются точно так же прийти на помощь друг другу всеми своими силами в случае, если какая бы то ни было великая держава сделает попытку присоединить, оккупировать своими войсками или занять, хотя бы даже и временно, какую-либо часть балканских территорий, находящихся в настоящее время под властью турок, если одна из договаривающихся сторон найдет подобный акт противным своим жизненным интересам и сочтет его за casus belli».

Обе изложенные статьи обеспечивали Сербии болгарскую помощь в случае нападения Австро-Венгрии на Сербию, либо в случае покушения австрийцев на Новобазарский санджак или другие турецкие области. Казалось, болгарский царь и его правительство входили в фарватер общей политики южного славянства. Казалось, они повертывали

[1] *И. Е. Гешов.* Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг., 1915, стр. 17.

фронт против злейшего врага славянской свободы — германо-австрийского блока. Так оно и было. Но только — не на долгий срок.

Договор сопровождался особым секретным приложением, которое вносило в него ряд существенных дополнений.

Ст. 1 этого приложения гласила:

«В случае, если в Турции наступят внутренние неурядицы, которые могли бы угрожать государственным и национальным интересам обеих договаривающихся сторон или одной из них, а равно и в том случае, если вследствие внутренних или внешних затруднений, могущих наступить для Турции, status quo на Балканском полуострове будет поколеблен, та из договаривающихся сторон, которая первая убедится в необходимости военных действий, обратится с мотивированным предложением к другой стороне, обязанной в свою очередь немедленно вступить в обмен мыслей и, в случае несогласия со своей союзницей, дать последней обстоятельный ответ.

Если соглашение о действиях состоится, то о сем будет сообщено России, и, в случае отсутствия препятствий со стороны последней, союзники приступят к действиям согласно состоявшемуся уговору, руководствуясь во всем чувствами солидарности и соблюдая обоюдные интересы. В противном случае, если соглашение не будет достигнуто, вопрос будет представлен на усмотрение России, мнение которой, каковым бы оно ни было, явится обязательным для обеих договаривающихся сторон. Если Россия не пожелает высказать своего мнения и если и после того соглашение между договаривающимися сторонами не будет достигнуто, то, в случае самостоятельного начала военных действий против Турции стороною, высказавшеюся за вооруженное вмешательство, другая сторона должна соблюдать по отношению к своей союзнице дружественный нейтралитет, немедленно приступить к мобилизации в размерах, предусмотренных военной конвенцией, и помочь всеми своими силами союзнице, если бы какая-либо третья держава стала на сторону Турции».

Суть этой пространной статьи была довольно проста. Она заключалась в том, что Сербия и Болгария в удобный для себя момент готовы напасть на Турцию. С точки зрения России, эта статья была наиболее опасной: она таила в себе риск ненужной или преждевременной для России войны. Однако обойтись без указанной статьи было невозможно: именно она и была той платой, за которую Болгария переходила в «общеславянский» лагерь и склонялась на сторону Антанты. Некоторую страховку против преждевременного выступления участников договора представляло их обязательство, перед тем как начинать войну, предварительно запросить согласие Петербурга. Однако легко могло случиться, что при наличии в Сербии и Болгарии национального подъема отказать им в разрешении начать войну было бы для царской России политически нелегко: отказ был бы сопряжен с риском потерять влияние в обеих славянских странах.

Ст. 2 приложения содержала условия того раздела будущей добычи, над которым так долго и упорно трудились сербские, болгарские и русские дипломаты.

«Вся территория, приобретенная совместными действиями согласно статьям 1 и 2 договора, равно и статье 1 сего секретного приложения, поступит в общее управление обоих союзников; ликвидация кондоминиума состоится не позже трехмесячного срока со дня заключения мира на следующих основаниях:

Сербия признает права Болгарии на территории на восток от Родопа и реки Струмы, а Болгария — права Сербии на территории к северу и западу от Шар-Планины.

Что же касается территории, лежащей между Шар-Планиной, Родопом, Архипелагом и Охридским озером, то буде обе стороны удостоверятся в невозможности образования из нее... отдельной автономной области, с этой территорией будет поступлено на основании следующих постановлений: Сербия обязуется ничего не требовать за линией... которая начинается от турецко-болгарской границы у Голем-Верха (севернее Кривой-Паланки) и следует в юго-западном направлении до Охридского озера... у монастыря Губовцы. Болгария обязуется принять эту границу, если его императорское величество русский царь, к которому будет обращена просьба быть верховным арбитром в этом вопросе, выскажется в пользу означенной линии. Разумеется, что обе договаривающиеся стороны обязуются принять за окончательную границу ту линию, которую... русский царь признает в означенных границах за наиболее отвечающую правам и интересам обеих договаривающихся сторон».

Ст. 4 устанавливала, что «всякий спор, который мог бы возникнуть по поводу толкования и исполнения какой-либо статьи сего договора, секретного приложения и военной конвенции, представляется на окончательное решение России».

О подписании сербо-болгарского договора были информированы французское и английское правительства, которые тотчас же выразили свое полное одобрение [1]. Французское правительство одобрило предоставление Болгарии займа.

12 мая 1912 г. союзный договор был дополнен подписанием сербо-болгарской военной конвенции. В ней устанавливалось, что в случае войны против Турции или Австрии Сербия должна выставить от 100 тыс. до 150 тыс., а Болгария — 200 тыс. человек. При этом было также определено, сколько войск выставляет каждая сторона в случае войны с Румынией.

Оценку болгаро-сербского союза дал поверенный в делах в Болгарии Урусов в донесении министерству иностранных дел. «Заря болгаро-сербского соглашения не есть заря мира, — писал он. — Соглашение это рождено войной и рождено для войны». Урусов указывал, что Болгария не станет ждать, пока договор понадобится ради бесполезной для нее защиты Сербии от Австрии. Она постарается использовать его скорее, форсируя войну против Турции [2].

Франко-русская морская конвенция и приезд Пуанкаре в Петербург. Греко-болгарский союз

После прихода к власти во Франции правительства Пуанкаре произошло укрепление ослабевшего было франко-русского союза. 16 июля 1912 г. была заключена русско-французская военно-морская конвенция. Морские силы России и Франции в случае войны должны были «действовать совместно во всех тех случаях, в которых союз предусматривает и предписывает совместные действия сухопутных войск». Характер совместных действий морских сил должен быть определен еще в мирное время, говорилось далее. С этой целью конвенцией устанавливался контакт между начальниками морских генеральных штабов. Они должны были отныне совещаться друг с другом лично не реже одного раза в год. Морскую конвенцию подписали морские министры и начальники морских генеральных штабов России и Франции [3].

9 августа 1912 г. в Петербург прибыл Пуанкаре. Поездка его была продиктована стремлением укрепить союз с Россией. Он пробыл в Петер-

[1] См. «Международные отношения», т. XIX, ч. II, №№ 708, 748, 752, 767, стр. 353, 391—393, 396—397, 410—411. *Helmreich.* The Diplomacy of the Balkan wars, L., 1938, p. 60—62.

[2] «Международные отношения», т. XIX, ч. II, № 777, стр. 423.

[3] См. «Сборник договоров России с другими государствами», № 65, стр. 408—409; *Г. М. Деренковский.* Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне первой мировой войны. «Исторические записки», кн. 29, стр. 96—101.

бурге целую неделю и беседовал с Сазоновым, председателем совета министров Коковцовым, преемником убитого Столыпина, военным министром Сухомлиновым и с царем. Во время пребывания Пуанкаре совершился обмен письмами между ним и Сазоновым об утверждении военно-морской конвенции. Пуанкаре использовал пребывание в русской столице, чтобы обеспечить наибольшую эффективность той военной поддержки, на которую претендовала Франция в случае войны. Он со всей настойчивостью напоминал своим русским собеседникам о необходимости усилить провозоспособность русских железнодорожных линий, ведущих к западной границе. Он «придает весьма важное значение исполнению нами» этого «пожелания французского генерального штаба», — записал Сазонов слова французского министра. Сазонов отвечал, что пожелания эти будут «по мере возможности приняты во внимание».

Председатель совета министров Французской республики подробно информировал царское правительство об англо-французских военных переговорах. Согласно записи Сазонова, Пуанкаре сообщил ему о заключении «устного соглашения, в силу которого Англия выразила готовность оказать Франции, в случае нападения со стороны Германии, помощь как морскими, так и сухопутными силами». Пуанкаре в своей записи об этом не упоминает.

Французский гость высказал пожелание, чтобы между Россией и Англией были начаты переговоры о совместных действиях их военных флотов. Сазонов ограничился замечанием, что вопрос требует внимательного обсуждения.

Беседы касались и балканского вопроса. Сазонов официально доверительно ознакомил Пуанкаре с текстом сербско-болгарского договора. Широкой известностью пользуется версия Пуанкаре, согласно которой он в беседе с Сазоновым назвал сербско-болгарский договор «соглашением о войне» (convention de guerre) и ограничился тем, что высказал по поводу него свое беспокойство. Его рассказ звучит несколько странно, поскольку хорошо известно, что французское правительство (как и английское) было в свое время подробно осведомлено о ходе и содержании сербско-болгарских переговоров и одобряло факт заключения сербско-болгарского договора.

Сазонов иначе излагает слова Пуанкаре. «Приветствуя это соглашение как фактор усиления мощи балканских государств, он (Пуанкаре) вместе с тем считает его имеющим более наступательный, чем оборонительный характер и усматривает в этом обстоятельстве серьезную опасность». Сазонов ответил, что русское правительство предупредило Болгарию и Сербию, что оно рассматривает заключенный между ними союз «исключительно как оборонительную меру, имеющую в виду обеспечение независимости и свободы этих государств от посягательств со стороны Австро-Венгрии». Россия, заверял Сазонов, «отнюдь не хочет содействовать каким-либо их наступательным замыслам». Оба министра порешили «зорко следить за происходящим на Балканах». В случае возникновения там осложнений они условились «тотчас устаповить... совместный образ действий для предотвращения дипломатическим путем дальнейшего обострения обстановки».

Но что же делать, если вопреки им обстановка все-таки осложнится?

Как докладывал царю Сазонов, Пуанкаре ему заявил, что Франция не может решиться на военные действия из-за чисто балканских вопросов, «если Германия останется безучастной и не вызовет по своему почину применения casus foederis, в каковом случае мы, разумеется, могли бы рассчитывать на полное и точное выполнение Францией связывающих ее по отношению к нам обязательств». Это заявление предусматривало гораздо более активную поддержку России в конфликте из-за Балкан, нежели это предполагало сделать французское правительство во

время боснийского кризиса: ведь практически, пока Германия не вмешалась, в военной помощи французского империализма царская Россия не нуждалась. Если бы Россия столкнулась с Австро-Венгрией, вмешательство Германии было бы несомненным. На этот случай Пуанкаре обещал военную помощь. Нет оснований сомневаться в правдивости доклада Сазонова, тем более что Пуанкаре еще раньше, в марте 1912 г., делал сходные заявления [1]. И в последующем Пуанкаре повторял эти мысли русскому послу Извольскому [2]. Но нельзя не отметить, что Пуанкаре в своей записке по поводу пребывания в Петербурге не воспроизводит этой части разговора. Это означает, что Пуанкаре не хотел доводить своих слов до сведения всего правительства и, очевидно, не был уверен в том, что все его коллеги с ним согласны. Сазонов со своей стороны сообщил французскому министру, что «всегда готовые стать на сторону Франции в случае наступления предвиденных нашим союзом обстоятельств, мы также не могли бы оправдать перед русским общественным мнением нашего активного участия в военных действиях, вызванных какими-нибудь внеевропейскими колониальными вопросами, до тех пор, пока жизненные интересы Франции в Европе останутся незатронутыми».

В беседе Пуанкаре и Сазонова был обсужден также вопрос о строительстве французскими капиталистами железных дорог в Малой Азии. Сазонов просил, чтобы постройку закончили не ранее чем через 15 лет. Пуанкаре согласился на тринадцать. Сазонов настаивал, чтобы дорогу не продолжали до Эрзурума, а окончили значительно западнее, например у Пикериджа. Пуанкаре отвечал уклончиво, но Сазонов вынес из беседы уверенность, что сможет добиться своего. Затрагивался вопрос и о французском после в Петербурге Жорже Луи, который вызвал неудовольствие русского правительства: оно подозревало, что посол приписывает Сазонову «неведомо какие воинственные замыслы против Турции». Пуанкаре отозвал посла несколько позже, после того как стал президентом республики. В целом Сазонов вынес впечатление, что в лице Пуанкаре «Россия имеет верного и надежного друга» [3]. Тот в свою очередь в такой же степени был доволен Сазоновым и Коковцовым.

Одновременно с сербо-болгарскими происходили и греко-болгарские переговоры, уже без активного участия русской дипломатии, но зато не без помощи англичан [4]. В мае 1912 г. Греция предложила Болгарии следующий проект союзного договора: обе стороны обязывались оказать друг другу военную помощь при нападении Турции на одну из них, а также в случае нарушения Турцией их прав, вытекающих из международных договоров или даже вообще из «основных принципов международного права». Это звучало достаточно неопределенно; можно сказать, что договор допускал ничем не ограниченный выбор предлога для войны. Проект был сообщен болгарами русскому правительству. Царская дипломатия попыталась несколько ослабить опасность греческого проекта и воздействовать в этом духе на болгар [5]. Напрасный труд! 29 мая греко-болгарский договор был подписан [6]. Он был дополнен 5 октября военной конвенцией: в случае войны с Турцией Греция выставляла 120 тыс. человек, Болгария — 300 тыс., больше чем было предусмотрено в ее конвенции с Сербией.

[1] См. «Международные отношения», серия II, т. XIX, ч. II, № 699, стр. 341—343.
[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1912 г., д. № 100, л. 177—178. Письмо Извольского Сазонову от 24 (11) октября 1912 г.
[3] «Международные отношения», т. XX, ч. II, № 489, стр. 34; «Documents diplomatiques français», 3-e série, t. III, № 264, p. 339—346.
[4] См. «Международные отношения», серия II, т. XX, ч. I, № 1, 64, стр. 1, 61—62, 87—89; *В. А. Жебокрицкий.* Болгария накануне балканских войн 1912—1913 гг., стр. 176—177.
[5] См. «Международные отношения», серия II, т. XX, ч. I, № 1 (с прим.), стр. 1.
[6] См. *И. Е. Гешов.* Балканский союз, стр. 96—98.

Параллельно с русской дипломатией на Балканах орудовала австро-венгерская. Она занималась сколачиванием другого блока — в составе Турции, Болгарии и Румынии; Австро-Венгрия не оставляла планов разгрома и раздела Сербии и готовила себе оружие для этой цели. Однако Болгарию привлекали не сербские, а турецкие владения, Румыния тоже претендовала не на Сербию, а на болгарскую Южную Добруджу. Поэтому у австрийцев из их затеи ничего не получилось.

Первая Балканская война

Русская дипломатия, создавая балканский блок, ковала орудие для надвигавшейся мировой войны. Но она переоценила свое влияние. Орудие вышло из повиновения у мастера.

Среди представителей господствующих классов России сколько угодно было охотников вести «азартную игру», развертывая пропаганду против Австрии и играя «кровью миллионов» [1]. Но балканский блок начал действовать раньше, чем завершилась военная и дипломатическая подготовка России, необходимая для того, чтобы она могла использовать этот союз в своих интересах. Если царская Россия поддерживала на Балканском полуострове реакционное status quo и отнюдь не торопилась с войной, то балканские правительства действовали иначе. На Балканах было неспокойно. В Албании происходило восстание. Македония кипела. Турки учинили там резню. Осенью 1912 г. Балканские государства вступили в острый конфликт с Турцией. Они требовали выполнения ст. 23 Берлинского трактата — реформ в Македонии и притом весьма радикальных, равносильных почти полному освобождению от турецкой власти.

Порта уклонялась. Она лавировала, хитрила, тянула время. В августе 1912 г. на коронном совете под председательством царя Фердинанда принято было решение: если Турция не согласится немедленно же приступить к реализации ст. 23 — начать против нее войну [2].

Царское правительство пыталось сдерживать болгар и сербов. Оно старалось ускорить заключение итало-турецкого мира. Он обеспечил бы свободу проливов для русской торговли и мог охладить военный пыл балканских союзников.

Не хотела в этот момент войны и Австро-Венгрия — главный соперник России в Балканских странах. К этому времени влияние австрийской военной партии после отставки Конрада фон Гетцендорфа несколько ослабло. Одно время австро-венгерское правительство думало в случае возникновения на Балканах войны помешать Сербии взять Новобазарский санджак и само захватить его: переход санджака в австрийские руки помешал бы объединению Сербии с Черногорией, приблизил бы Австро-Венгрию к Албании и Македонии, обеспечил бы возможность проникновения туда. Но затем этот план был оставлен. На совете министров 14 сентября 1912 г. решено было пока воздержаться от вторжения в Новобазарский санджак, ограничившись для начала дипломатическими средствами: указать Балканским государствам, что любые территориальные изменения на Балканах могут совершиться не иначе, как с согласия Австро-Венгрии [3]. На большее правительство не решалось: оно боялось вмешательства России и Италии [4] (с русской стороны предупреждали: Россия не потерпит австрийского вторжения в санджак [5]).

Но усилия России предупредить войну, поддерживаемые Францией, оказались тщетными; безуспешными остались и старания Австрии.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 22, стр. 115—116.

[2] См. *В. А. Жебокрицкий.* Болгария накануне балканских войн 1912—1913 гг., стр. 230.

[3] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd IV, № 3787, S. 429; ср. № 3771, 3928, S. 416, 528—531.

[4] Ibid., № 3771, 3928, S. 415—417, 528—531.

[5] См. «Международные отношения», серия II, т. XX, ч. II, № 844, 846, стр. 326—327; «Die Grosse Politik», Bd XXXIII, № 12256, 12264, S. 190, 205.

Не помогла и совместная австро-русская нота, врученная от имени великих держав в балканских столицах 8 октября. Утром 9 октября 1912 г. Черногория открыла военные действия. 17 октября Сербия, Болгария и Греция объявили войну Турции и также приступили к военным действиям.

Турецкая армия потерпела быстрое и сокрушительное поражение. Войска балканских союзников захватили большую часть Европейской Турции. Болгарская армия двигалась прямо на турецкую столицу.

В России широкая общественность приветствовала победы Балканских государств. Буржуазия рассчитывала извлечь из них выгоду, демократические круги сочувствовали делу национального освобождения славян и греков. Однако царское правительство было встревожено. Появление болгар на берегах Босфора легко могло привести к международному вмешательству. Царское правительство боялось, как бы падение турецкого владычества над Константинополем не дало повода другим великим державам ввести в проливы свои военно-морские силы. Да и могла ли доверять Россия Кобургской династии и лично царю Фердинанду? Из Петербурга в Софию направлялись настоятельные советы приостановить продвижение войск к Константинополю и вообще соблюдать умеренность. Болгарскому правительству обещали зато поддержку в остальных интересующих его вопросах.

Французское правительство, как и английское, напротив, не обнаруживало желания мешать болгарским войскам взять Константинополь. В недрах Антанты продолжали жить противоречия. Грей даже выдвинул проект нейтрализации проливов под международным контролем [1], для царской России заведомо неприемлемый. Бенкендорф сообщал, что, по его наблюдениям, Англия не расположена проводить политику, «которая могла бы иметь своим результатом постоянную оккупацию Россией» Константинополя, «этого пункта, одного из самых важных в мире» [2].

Пуанкаре уговаривал царское правительство не мешать наступлению болгар на Константинополь. Он указывал на непопулярность такой политики. Лучше будет вмешаться впоследствии, при мирном урегулировании «с целью пересмотра результатов войны», «повторив процедуру Берлинского конгресса». Резолюция Николая II гласила: «Вполне разделяю мнение Пуанкаре» [3]. Сазонов телеграфировал Извольскому: «Мы не желаем препятствовать союзникам временному занятию Константинополя». Однако, продолжал он, русская эскадра подойдет к городу еще до прибытия болгар и останется в проливах «столько же времени, сколько продлится оккупация турецкой столицы» [4].

К этому времени все великие империалистические державы уже направили военные корабли в Эгейское море, поближе к Дарданеллам. Империалисты готовились к дележу турецкого «наследства». Корабли должны были войти в проливы по первому сигналу послов. Англия и Франция располагали вблизи от Дарданелл тремя крупными кораблями каждая. Царское правительство, в свою очередь, привело в готовность Черноморский флот. 8 ноября русскому послу в Турции было предоставлено право вызвать в Босфор любое количество военных кораблей

---

[1] Телеграмма Бенкендорфа Сазонову № 308 от 7 ноября (25 октября) 1912 г. Опубл. в кн.: *B. Siebert.* Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre. Berlin und Leipzig, 1921, S. 570—571.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1912 г., д. № 79, л. 141. Письмо Бенкендорфа от 6 ноября (24 октября) 1912 г.

[3] Там же, д. № 101, л. 384. Телеграмма Извольского № 326 от 4 ноября (22 октября) 1912 г.

[4] Телеграмма Сазонова Извольскому № 2474 от 6 ноября (24 октября) 1912 г. Опубл. в кн.: *B. Siebert.* Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre. Berlin und Leipzig, 1921, S. 569.

Черноморского флота, минуя военное министерство, телеграммой, адресованной непосредственно командующему.

Между тем болгарская армия продолжала наступление на Константинополь. Турции не оставалось ничего другого, как запросить мира. 3 ноября 1912 г. Порта обратилась к державам, прося их принять на себя мирное посредничество. Но балканские союзники продолжали наступление. И лишь совершенно неожиданно, в последнюю минуту, вопрос о судьбах проливов и Константинополя разрешился в пользу Турции: на ближних подступах к столице, на чаталджинских позициях, турецкие войска к 20 ноября остановили наступление болгарской армии. 3 декабря было подписано перемирие.

Если русский царизм был озабочен возможным появлением армии царя Фердинанда на берегах Босфора, то Австро-Венгрия в еще гораздо большей мере была обеспокоена появлением сербов на берегах Адриатики: самостоятельный выход к морю усилил бы Сербию и сделал ее более независимой от империи Габсбургов. В начале войны правящие круги Австро-Венгрии и Германии надеялись на победу Турции. Когда эти надежды не оправдались, успехи Балканских государств в Берлине, Вене и Будапеште были встречены проклятиями. Австро-Венгрия, которая «десятилетия шла на Балканы, чтобы там душить...» [1], в ноябре провела мобилизацию значительной части своей армии. Она сосредоточила крупные силы на сербской границе, а также в Галиции против России на случай, если та вступится за Сербию.

Наседая на Сербию, требуя эвакуации побережья и угрожая ей, австро-венгерское правительство рассчитывало на помощь Германии. Германский империализм с самого возникновения конфликта на Балканах отнюдь не намеревался препятствовать распространению пожара. «Теперь конфликт для России некстати, ибо она не подготовлена к нему в военном отношении», — писал кайзер Вильгельм II. «Почему же мы, — заключал он, — должны противодействовать наступлению войны? Разве только для того, чтобы позволить России подготовиться к ней? Нет, пусть война начнется теперь же, когда Россия, Франция и Англия находятся в затруднении» [2]. Ввиду этого Германия поддерживала Австро-Венгрию: подстрекая ее на вооруженное выступление против Сербии, германское правительство обещало Австро-Венгрии свою помощь.

22 ноября 1912 г. наследник габсбургского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и генерал Шемуа, который в минувшем году заменил Конрада фон Гетцендорфа на посту начальника генерального штаба, прибыли в Берлин. Там они вели переговоры с кайзером, Мольтке и Бетманом. Все трое заверили гостей в неизменной союзнической верности. Мольтке и Шемуа согласовали друг с другом стратегические планы на случай европейской войны. Вильгельм II заявил Францу-Фердинанду, что отступать в сербском вопросе нельзя. Кайзер дал понять, что, если понадобится, он не побоится развязать войну европейского масштаба [3]. Очевидно, в Берлине пришли к выводу, что наступает подходящий момент для решительной борьбы за передел мира.

Русское правительство сочувствовало сербским притязаниям, и его дипломатия сначала поддерживала их. Вслед за Австро-Венгрией царская Россия тоже провела некоторые военные приготовления. 23 ноября 1912 г. на совещании под председательством Николая II военный министр Сухомлинов предложил мобилизацию Киевского и части Варшавского военных округов. Коковцов, Сазонов и министр путей сообщения Рухлов возражали. По предложению Коковцова решено было на полгода задержать

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 32, стр. 91.
[2] «Die Grosse Politik», Bd XXXIII, № 12202, прим., S. 148; см. также № 12225, S. 164—166.
[3] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd IV, № 4559, 4571, S. 971, 979.

под знаменами целый призывной контингент, подлежавший увольнению в запас, и тем самым «разом увеличить состав армии на целую четверть» [1].

Сазонов всячески стремился предотвратить необходимость открытого отступления перед германско-австрийским блоком. Не хотелось повторять печальный опыт боснийского кризиса! Он настойчиво советовал белградскому правительству уступить и не доводить дела до вооруженного столкновения. Чувствуя общую слабость своей военной подготовки и революционное брожение в стране, русское правительство вынуждено было избегать войны.

В отличие от России и от своей собственной недавней позиции французское правительство, руководимое Пуанкаре, осенью 1912 г. проявляло воинственное настроение. Сначала, правда, Пуанкаре содействовал русскому правительству в его попытках предотвратить балканскую войну. Но после того как на деле выявились высокие боевые качества болгарской и сербской армий, Пуанкаре склонился к тому, чтобы не отступать перед Австрией.

Французский генеральный штаб пришел к такому выводу еще раньше, чем правительство. Расчеты, которыми генштаб руководствовался еще до начала войны на Балканах, были изложены им в специальной записке.

«Ввязываясь в осложнения на Балканах, — говорилось в этом документе, — Австрия рискует вызвать значительное ослабление сил Тройственного союза по крайней мере на одном из главных театров войны (в Лотарингии или Польше). Если она ограничится оккупацией санджака, она уменьшит силы Тройственного союза на четыре корпуса. Если в этом случае Германия удовольствуется сохранением в Восточной Пруссии того же минимального количества войск, Россия сможет предпринять весьма опасное наступление в направлении Берлина. Если же Германия будет поддерживать в Польше равновесие сил, тогда Франция будет располагать в Лотарингии значительным превосходством». Генеральный штаб приходил к выводу, что интервенция Австро-Венгрии в Албании или в Македонии «могла бы вызвать всеобщий конфликт, который развертывался бы в самых неблагоприятных для Тройственного союза условиях... В такой обстановке Антанта имела бы наибольшие шансы на успех и могла бы одержать победу, которая позволила бы ей перекроить карту Европы...» [2] Обмен письмами Камбона с Греем тоже укрепил уверенность французского империализма в своих силах.

Австро-сербский конфликт все разгорался, но французское правительство отнюдь не призывало к уступчивости. Когда царское правительство заявило Сербии, что Франция якобы против обострения конфликта с Австрией, правительство республики сочло нужным опровергнуть это: Франция никогда не высказывала ничего, что позволяло бы предполагать ослабление помощи с ее стороны [3]. «России надлежит принять на себя инициативу в вопросе (балканском. — *В. Х.*), в котором она является главной заинтересованной стороной, — говорил Пуанкаре царскому послу. — Роль Франции сводится к оказанию ей самой действенной поддержки». «В целом, — добавил Пуанкаре, — все это позволяет повторить, что, если Россия будет воевать, Франция сделает то же самое, так как мы знаем, что в этом вопросе за Австрией будет стоять Германия» [4].

---

[1] См. *В. И. Бовыкин.* Из истории возникновения первой мировой войны. М., 1961, стр. 152.

[2] «Documents diplomatiques français», 3-e série, t. III, № 359, p. 440.

[3] АВПР, фонд Канцелярия, 1912 г., д. № 101, л. 427. Телеграмма Извольского № 368 от 17 (4) ноября 1912 г., содержащая текст ноты французского правительства.

[4] Телеграмма Извольского Сазонову № 369 от 17 (4) ноября 1912 г.; опубл. в «Материалах по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.». М., 1922, стр. 299—300; перевод исправлен по оригиналу, хранящемуся в архиве.

Французский военный атташе в Петербурге генерал Лагиш сообщил, что русский генеральный штаб не намерен «начинать войны, даже если Австрия нападет на Сербию» [1]. Это «успокоительное» сообщение не успокоило, а встревожило французское правительство. Оно еще бесцеремоннее стало нажимать на своего русского союзника, требуя более энергичной подготовки к войне. Лагишу было приказано «снова указать русскому генеральному штабу на важность приготовлений, которые производит Австрия, и запросить у военного министра, каковы его намерения» [2]. Характерный разговор произошел между военным министром Мильераном и русским военным агентом полковником Игнатьевым:

«Мильеран: Какая же, по-вашему, полковник, цель австрийской мобилизации?

Игнатьев: Трудно предрешить этот вопрос, но несомненно, что австрийские приготовления против России носят пока оборонительный характер.

Мильеран: Хорошо, но оккупацию Сербии вы, следовательно, не считаете прямым для вас вызовом на войну?

Игнатьев: На этот вопрос я не могу ответить, но знаю, что мы не желаем вызывать европейской войны и принимать меры, могущие произвести европейский пожар.

Мильеран: Следовательно, вам придется предоставить Сербию своей участи. Это, конечно, дело ваше, но надо только знать, что это не по нашей вине: мы готовы, и необходимо учесть это. А не можете, по крайней мере, мне объяснить, что вообще думают в России о Балканах?

Игнатьев: Славянский вопрос остается близким нашему сердцу, но история научила, конечно, нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлеченных идей.

Мильеран: Но вы же, полковник, понимаете, что здесь вопрос не Албании, не сербов, не Дураццо, а гегемонии Австрии на всем Балканском полуострове».

«Но вы все-таки кое-что да делаете по военной части?» — таким саркастическим вопросом закончил Мильеран свою нотацию [3].

Первый помощник начальника французского генерального штаба генерал Кастельно дважды повторил Игнатьеву, «что он не только считает лично себя готовым к войне, но даже желал бы ее. Последние слова, — пояснял Игнатьев, — надо понимать в том смысле, что для французов было бы наиболее выгодно, чтобы Германия начала свои военные приготовления против нас, имея французов как бы в тылу» [4].

Обострение агрессивных тенденций французского империализма нашло свое отражение в избрании Пуанкаре президентом Французской республики. Избрание произошло в январе 1913 г. и было проведено союзом крупной буржуазии и клерикальной реакции. Оно означало сплочение сил буржуазии против рабочего класса и одновременно усиление империалистической внешней политики [5]. Выборы президента во Франции совпали с принятием в рейхстаге закона об огромном усилении германской армии. Французские шовинисты требовали ответных вооружений. В них были крайне заинтересованы хозяева Пуанкаре — магнаты тяжелой индустрии.

---

[1] «Documents diplomatiques français», 3-e série, t. V, № 33, 61, p. 48, 74; ср. № 46, 52, p. 59, 65.

[2] Ibid., № 48, p. 60.

[3] Игнатьев сообщил об этом разговоре в письме от 19 (6) декабря 1912 г. См. *А. Зайончковский.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926, стр. 179—180.

[4] Цит. по архивным материалам в кн.: *В. И. Бовыкин.* Из истории возникновения первой мировой войны, стр. 150.

[5] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 22, стр. 293—294.

Как раз в это время, в конце 1912 г. и в начале 1913 г., французские рабочие многочисленными демонстрациями и стачками протеста проявили свое отвращение к империалистической политике.

Нажим со стороны французов не заставил русское правительство отступить от своей осторожной политики, продиктованной царизму чувством самосохранения. Правда, на заседаниях министров 12 и 18 декабря 1912 г. Сухомлинов доказывал, что военные приготовления Австро-Венгрии создают для нее «огромное военное преимущество» перед Россией. Он намечал ряд мероприятий по дальнейшему усилению военной готовности России, включая призыв запасных под видом учебных сборов в целях доведения до штатов военного времени частей Варшавского и Киевского военных округов и запрещение экспорта лошадей. В Австро-Венгрии призыв запасных нескольких возрастов был уже проведен в большой части военных округов.

Несколько министров поддержали Сухомлинова. Но Коковцов и Сазонов снова возражали, как и на Особом совещании 23 ноября: «Всякий неосторожный с нашей стороны шаг может привести к самым грозным последствиям — к вооруженному столкновению с Австрией, которое, в свою очередь, неминуемо поведет к столкновению с Германией, т. е. к общеевропейской войне». А она «явится для нас в настоящее время положительным бедствием». Коковцов и Сазонов считали необходимым «принять все меры к тому, чтобы не обострять событий». Их мнение взяло верх. Совет министров решил ограничиться передвижением в пределах пограничных Варшавского и Киевского округов кавалерийских частей ближе к границе, усилением конского состава артиллерии и кавалерии в тех же округах и усилением охраны мостов [1]. Русское правительство выступило с предложением разрешить спорные вопросы путем совместного их обсуждения представителями всех великих держав.

Английская дипломатия сначала заняла в австро-сербском конфликте уклончивую позицию: ей явно хотелось сохранить за собой роль арбитра между своими друзьями и австро-германским блоком. К тому же открытое выступление в пользу балканского блока против Турции было для Англии затруднительным по соображениям колониальной политики: оно лишило бы английские власти в Индии поддержки влиятельных мусульманских элементов, могло бы вызвать недовольство в Египте. Как свидетельствует русская дипломатическая переписка, царское правительство не имело уверенности, что в случае войны Англия выступит на стороне России. Но в 20-х числах ноября английское правительство в соответствии с пожеланиями Сазонова и Пуанкаре устами Грея предложило передать балканские вопросы на рассмотрение международной конференции. Итак, Антанта стояла за скорейшее открытие переговоров. Иначе повела себя Германия. Германское правительство ответило, что его точка зрения находится в зависимости от позиции, которую займет Австро-Венгрия. Последняя же медлила изъявить свое согласие на созыв международной конференции.

28 ноября сербские войска заняли Дураццо на берегу Адриатики. Австро-венгерское правительство требовало от Сербии ухода из албанских земель. 2 декабря 1912 г. германский канцлер публично заявил в рейхстаге, что если Австро-Венгрия, отстаивая свои жизненные интересы, подвергнется «нападению», которое будет угрожать ее существованию, то Германия, верная своим союзническим обязательствам, выступит на ее стороне и будет сражаться ради защиты своего собственного положения [2].

---

[1] АВПР, фонд Канцелярия, 1912 г., д. № 218. Особые журналы заседаний совета министров 12 декабря (29 ноября) и 18 (5) декабря 1912 г.

[2] Schulthess' Europäischer Geschichtskalender, 1912, S. 244.

«При той нервозности, — комментировал эту речь французский посол в Вене, — до которой доведено общественное мнение в австро-венгерской монархии, всякая манифестация, каковы бы ни были намерения ее виновника, усиливает беспокойство; такое впечатление производит теперь в Вене и речь германского канцлера. Многие усматривают провокацию по адресу тройственной Антанты в том, что для г. Бетман-Гольвега, может быть, является лишь демонстрацией мощи Германской империи и выражением желания, чтобы ее престиж управлял ходом событий... Многим австрийцам, — продолжал посол, — война, к которой здесь готовятся с лихорадочной поспешностью... к несчастью, представляется чуть ли ни желанным выходом из нестерпимых болезней габсбургской монархии» [1]. 10 декабря Конрад фон Гетцендорф был возвращен на пост начальника генерального штаба. Другой деятель военной партии, ген. Кробатин, был назначен военным министром. Оба они принялись за подготовку вторжения в Сербию. Через два дня после своего назначения, 14 декабря 1912 г., Конрад фон Гетцендорф подал записку, в которой доказывал необходимость немедленного нападения на Сербию. Эрцгерцог Франц-Фердинанд лично докладывал предложения Конрада императору Францу-Иосифу. Между кайзером и его наследником произошло бурное объяснение. Франц-Фердинанд со всей энергией защищал взгляды генерального штаба. Тем не менее старый кайзер отказал в согласии на планы Конрада: он считал их чересчур рискованными [2].

Недовольство австрийского рабочего класса и его многочисленные демонстрации в защиту мира явились одним из важнейших факторов, сдерживавших агрессивность правящих кругов двуединой монархии. Социал-демократические лидеры — Либерман, Реннер и др. пытались склонить рабочий класс к воинственной политике. Они утверждали, что война будет якобы вестись ради защиты свобод, завоеванных австрийскими рабочими, от угрозы со стороны царизма. И это в то время, когда в действительности война подготовлялась Австро-Венгрией ради империалистических захватов на Балканах! Большого успеха они не имели. Сдерживающим агрессию фактором явился и подъем освободительного движения славянских народов Австро-Венгрии. Если в Вене и Будапеште были взбешены победами балканских союзников, то в Праге и в Загребе (в Чехии и в Хорватии) царило величайшее ликование. И оно сопровождалось возрастающей уверенностью в уже недалеком крушении монархии Габсбургов.

Об агрессивных замыслах руководящих австрийских кругов Конрад фон Гетцендорф достаточно откровенно сам рассказал в своих мемуарах. В беседе с Францем-Фердинандом он доказывал целесообразность нападения на Сербию. Оттягивать начало войны невыгодно, утверждал генерал. «В 1909 году, — пояснял Конрад, — мы упустили благоприятный момент, и вследствие этого положение изменилось для нас к худшему. Я обращаю внимание на то, что теперь мы должны считаться с опасностью не только великосербской, но и великорумынской пропаганды».

Эрцгерцог со своей стороны выразил возмущение распространенным взглядом, будто австро-венгерская армия к войне не готова.

Гетцендорф поддержал его. «Армия, — заявил он, — в своем развитии *никогда* не бывает готова. То, что у ней теперь меньше шансов, чем в 1909 г., верно, но в конечном счете с тем, что у нас есть, мы и *теперь еще* можем рисковать. Это, безусловно, нелегкое решение, но раз положение этого требует, его надо принять, *пока не стало слишком поздно*» [3].

---

[1] «Documents diplomatiques français», 3-e série, t. IV, № 618, p. 637.

[2] *L. Chlumecky.* Erzherzog Franz Ferdinands Wirken und Wollen. Berlin, 1929, S. 138.

[3] *Conrad von Hötzendorf.* Aus meiner Dienstzeit, Bd III, S. 75—76. Беседа состоялась 2 января 1913 г.

Но не только внутреннее состояние Австро-Венгрии помешало успеху военной партии. Английское правительство в ответ на выступление Бетмана через посредство Грея дало понять германскому послу, что Англия тоже не останется нейтральной, если дело дойдет до европейской войны с участием Германии и Франции. Еще резче высказался в этом же смысле Холден. В начале декабря в Лондон приезжал брат Вильгельма принц Генрих и ему пришлось услышать то же самое из уст английского короля[1]. Заявление Грея произвело совершенно то же действие, какое в свое время оказало выступление Ллойд-Джорджа по поводу «прыжка „Пантеры"»: Германия сочла себя вынужденной изменить позицию. Теперь из Берлина оказали умеряющее воздействие на Вену. В том же смысле влияла и явная ненадежность Италии в качестве союзника.

Вместе с Германией Австро-Венгрия поспешила изъявить согласие на передачу спорных вопросов совещанию послов великих держав в Лондоне. Под воздействием русской дипломатии Сербия уступила. По существу она отказалась от выхода к Адриатическому морю: сербское правительство заявило, что подчинится решению великих держав.

Совещание послов в Лондоне

В середине декабря 1912 г. в британской столице приступили к работе одновременно две международные конференции. На одной встретились друг с другом представители воюющих сторон — Турции и государств балканского блока. На другой заседали представители шести великих европейских держав. Председателем этой конференции был Грей, делегатами — послы держав в Лондоне. Решения требовали, как обычно, единогласия; по принятии их на заседаниях конференции ее постановления передавались послами на утверждение своим правительствам. И Турция и ее балканские противники имели на Лондонской конференции покровителей из среды империалистических держав: Турция — в лице Германии и Австрии, государства балканского блока — в лице Антанты, и прежде всего России. Германия и Австрия обычно стремились урезать плоды побед балканских союзников, особенно Сербии. Россия и Франция оказывали поддержку Балканским государствам.

На первом же совещании послов, 17 декабря, в угоду Австрии и Италии было принято постановление создать автономную Албанию под верховной властью султана и под контролем шести великих держав. По замыслу австрийских империалистов, Албания должна была преградить Сербии выход к морю. Противодействие Италии и держав Антанты не позволило Австро-Венгрии полностью подчинить молодое албанское государство своему влиянию. К этому времени албанский народ с оружием в руках уже завоевал себе независимость. Она была провозглашена самими албанцами во Влоре еще 28 ноября. Вмешательство империалистов было непрошеным.

Невзирая на решение держав о создании Албании и на уступку со стороны сербского правительства, все же не имелось полной ясности насчет намерений австро-венгерского правительства. Удовольствуется ли оно тем, что не допустило Сербию к морю? Не начнет ли оно все-таки с благословения Берлина войну в целях полной ликвидации сербского государства? Австро-Венгрия отказалась демобилизоваться, пока Сербия фактически не очистит албанских областей. По совету России Сербия заявила, что эвакуирует свои войска тотчас по заключении мира. Лондонское совещание послов вынесло, однако, постановление, что Сербия должна вывести свои войска из Албании, как только этого потребуют

[1] British Documents, vol. X, part 2, № 452, 453, p. 658.

великие державы. В январе 1913 г. Сербия сообщила о готовности вывести свои войска.

Вопрос о выходе Сербии к Адриатике был, таким образом, ликвидирован. Тем не менее в декабре 1912 г. — январе 1913 г. австрийская военная партия опять стала добиваться вторжения в Сербию. Но на этот раз германское правительство возражало: вторжение в Сербию вызовет войну с Россией, а значит и с Францией и Англией [1]. Еще недавно это обстоятельство не смущало кайзера и его правительство. Теперь решили быть осторожнее! Но этим далеко не исчерпывался бесконечный ряд спорных проблем, которые всплыли на поверхность, едва лишь закипел балканский котел.

Целая сеть интриг сплелась вокруг «мирных» переговоров. Прежде всего на конференции участников войны развернулась борьба между Турцией и ее противниками. Победители требовали, чтобы границей Европейской Турции стала линия Мидия — Родосто; они настаивали на сдаче все еще сопротивлявшихся крепостей Адрианополя, Янины, Скутари и на отказе Турции от островов Эгейского моря. По этим двум последним вопросам Турция не шла ни на какие уступки.

По вопросу об Адрианополе Россия и Австрия оказались на одинаковой позиции. Странно, но такое единство взглядов было порождено ожесточеннейшим соперничеством. Обе державы ратовали за интересы Болгарии, претендовавшей на Адрианополь. Россия поддерживала болгарские притязания, дабы предотвратить переход Болгарии в австро-германский лагерь; не менее энергично выступала за Болгарию и Австро-Венгрия, чтобы оторвать ее от России. Таким образом, русская и австрийская дипломатия, преследуя противоположные цели, заняли одинаковые позиции. В дальнейшем развитии балканского кризиса встретятся и другие примеры подобного дипломатического «сотрудничества» между злейшими врагами.

Царское правительство 21 декабря 1912 г. сообщило Порте, что если она не уступит в вопросе об участи Адрианополя и военные действия возобновятся, то Россия не гарантирует сохранения своего нейтралитета. На кавказской границе уже сосредоточивались русские войска.

Англия и Франция не хотели сепаратного выступления России. По инициативе Грея и Пуанкаре державы Антанты предложили коллективное давление на Турцию — в виде совместного выступления послов в Константинополе и даже военно-морской демонстрации. Австро-Венгрия готова была присоединиться, дабы обеспечить Адрианополь Фердинанду болгарскому. Германия же поддерживала Турцию и старалась сорвать коллективное выступление. Она решительно отклонила предложение о морской демонстрации. Вмешательство «европейского концерта» ограничилось выступлением дипломатии. 17 января 1913 г. послы великих держав вручили Порте ноту, в которой указывалось, что Турция примет на себя ответственность за серьезные последствия, если она не согласится на заключение мира (на условиях победителя), т. е. не откажется от Адрианополя. Турецкое правительство склонно было уступить: оно не полагалось больше на силу своего оружия.

Но 23 января 1913 г. обстановка в Турции изменилась. В условиях подъема шовинистической волны произошел государственный переворот: к власти снова возвратились младотурки. Главой правительства стал Махмуд Шевкет-паша. Совершилось это не без содействия германской дипломатии.

Германское правительство многозначительно предупредило Петербург, что военное выступление России против Турции оно сочтет за угрозу для европейского мира. В Берлине не только оберегали своих протеже — младотурок. Там защищали немецкие капиталы. «В Марокко, — писал германский посол в Константинополе, — мы имели дело

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXXIV, T. I, № 12818, S. 346—348.

с незначительными ценностями, — в Малой же Азии мы обладаем сотнями миллионов, и, кроме того, наш престиж связан с Багдадской железной дорогой». Германские правители опасались, что Англия и Россия замышляют раздел Малой Азии. Хотя в Берлине не хотели раздела, надеясь подчинить своему влиянию всю ее целиком, но все-таки уже принялись заботиться о том, чтобы обеспечить себе кусок побольше на случай, если раздела не избежать [1].

Поощряемый Германией, новый турецкий кабинет занял непримиримую позицию. Ввиду этого 3 февраля 1913 г. балканские союзники возобновили военные действия.

Турок снова преследовала одна неудача за другой. Турция была вынуждена вторично запросить мира. В марте пали крепости Адрианополь и Янина. Черногорцы продолжали осаду Скутари.

Помогли Турции ссоры между ее противниками: Болгарией, Сербией и Грецией. Назревала грызня между союзными монархиями за раздел добычи. К тому же Румыния за свой нейтралитет требовала от Болгарии территориальных компенсаций в Добрудже. Когда же (26 марта) после падения Адрианополя болгары возобновили атаки у Чаталджи, вновь встревожилась царская Россия: опять создавалась угроза появления болгарской армии на побережье проливов и в Константинополе. Черноморский флот снова подготовился к отплытию в Босфор. Русский посол в Турции 28 марта вновь получил полномочия вызвать флот телеграммой на имя командующего.

Но французский империализм не торопился допускать своего союзника в турецкую столицу — место сосредоточия французского финансового влияния на всем Ближнем Востоке. Он не торопился отдавать даром возможную будущую премию за участие царской России в войне против Германии. 7 апреля французское правительство снова выдвинуло проект коллективной морской демонстрации [2]. Противоречия внутри франко-русского союза отнюдь не исчезли!

Царская дипломатия настаивала в Софии на немедленном прекращении военных действий, воздержании от штурма чаталджинских позиций и заключении перемирия. За это русское правительство обещало болгарам помочь в предстоящем торге с Сербией за дележ Македонии. В Константинополе царская дипломатия советовала туркам отступиться от Адрианополя. 5 апреля державы в лице своих посланников коллективно выступили в Софии в пользу перемирия. 16 апреля 1913 г. оно было наконец заключено между Болгарией и Турцией. 20 апреля состоялось перемирие между Турцией и другими союзниками. Только Черногория продолжала военные действия.

Мирные переговоры возобновились. Они опять происходили в Лондоне. И во время этого второго тура переговоров в конфликтах тоже не было недостатка. Греция стремилась провести свою границу с Албанией у Химары, захватив южную часть страны; Италия и Австро-Венгрия всемерно старались урезать греческие приобретения. Грецию энергично поддерживали Франция и Англия. Греция требовала себе, кроме того, все острова Эгейского моря; однако и это ее требование наталкивалось на сопротивление. Турция не уступала. Россия поддерживала многие притязания Греции, но опасалась отдать ей острова, прикрывающие выход из Дарданелл: Имброс, Лемнос, Тенедос и Самофракию. Царское правительство боялось, что, владея этими островами, Греция или ее покровители смогут запереть проливы. Германия, поддерживая Турцию, естественно, не шла на удовлетворение греческих притязаний.

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXXIV, T. I, № 12737 и прим., S. 256.

[2] См. Материалы по истории франко-русских отношений. М., 1922, стр. 359, 362. Ср. *В. И. Бовыкин.* Из истории возникновения первой мировой войны, стр. 158—159.

Вопрос об островах Эгейского моря осложнялся позицией Италии. По Лозаннскому мирному договору от 18 октября 1912 г., завершившему итало-турецкую войну, Италия обещала возвратить Турции острова Додеканез, оккупированные ею во время итало-турецкой войны. Но теперь она уже не думала о выполнении своего обязательства и вовсе не торопилась отдавать эти острова — ни туркам, ни грекам.

Пока между Турцией и балканскими союзниками происходила вся эта борьба, на крайнем западе Балкан из-за небольшого города разыгрывался новый конфликт, тоже поднявший на ноги всю европейскую дипломатию. Дело шло о северной границе Албании и о судьбе города Скутари, осажденного черногорскими войсками[1]. Австрия категорически настаивала, чтобы он перешел к Албании. Черногория отказывалась снять осаду. Россия ее поддерживала, а вместе с Россией и Франция. Между Россией и Австро-Венгрией снова стал назревать острый конфликт, снова закончившийся уступкой русского правительства.

Вопрос о Скутари Лондонская конференция послов решила в согласии с австрийскими пожеланиями. Впрочем, Австрия согласилась предоставить Черногории некоторые компенсации за отказ от злополучного городка.

Между Россией и Австро-Венгрией в начале 1913 г. происходили переговоры о взаимной отмене предпринятых ими военных приготовлений. Теперь, не без нажима со стороны Англии, Австрия в марте 1913 г. наконец вынуждена была демобилизовать войска в Галиции, сосредоточенные для действий против России. Одновременно и Россия распустила призывные возраста, задержанные сверх срока под знаменами в ответ на военные приготовления Австро-Венгрии. Однако австро-венгерские армейские корпуса, предназначенные для войны против Сербии, остались мобилизованными, в состоянии полной боевой готовности.

Вскоре выяснилось, что постановление великих держав, принятое после упорной борьбы, фактически еще не решало судьбы Скутари. Черногорские войска продолжали осаду города. Чтобы обуздать черногорцев, Лондонская конференция в начале апреля 1913 г. постановила провести против Черногории военно-морскую демонстрацию соединенными силами европейских великих держав и установить блокаду ее побережья. Однако на блокаду Черногория обратила столь же мало внимания, как и на дипломатические увещания. Черногорский король даже заключил сделку о приобретении Скутари с начальником осажденного турецкого гарнизона Эссадом-пашой, который был не только султанским генералом, но и одним из албанских феодальных вождей. За сдачу города черногорский король признал этого пашу королем Албании. Известно выражение Сазонова, что черногорский король готов был «разжечь пожар мировой войны, чтобы в нем зажарить для себя яичницу».

Лишь после долгих проволочек под давлением Австро-Венгрии и по совету русского правительства черногорцы наконец ушли из-под Скутари. К 14 мая город был занят международным отрядом, высаженным с соединенной эскадры, которая блокировала черногорское побережье.

В обстановке бесконечной грызни между балканскими монархиями, угроз Австро-Венгрии и ухищрений турецкого правительства мирные переговоры грозили затянуться до бесконечности. Наконец Грей заявил их участникам, что желающие приглашаются немедля подписать мирный договор; тем же, кто на это не согласен, лучше «покинуть Лондон»[2]. Такой язык подействовал, и мирный договор был наконец подписан. Это произошло 30 мая 1913 г.

---

[1] См. *А. А. Могилевич* и *М. Э. Айрапетян.* На путях к мировой войне 1914—1918 гг. М., 1940, стр. 145 и сл.

[2] «British Documents», vol. IX, part II, № 1006, p. 817.

Согласно Лондонскому договору, почти вся территория Европейской Турции переходила в распоряжение победителей. Константинополь и побережье проливов с небольшим хинтерландом по линии Энос — Мидия вместо линии Родосто — Мидия, которой добивались болгары, — вот все, что осталось в Европе от когда-то могучей Османской империи. Вопросы о границах и о внутреннем устройстве Албании, а равно об участи Эгейских островов, так и остались нерешенными: они передавались на последующее рассмотрение великих держав.

Победа Балканских государств означала падение турецкого владычества почти на всей территории Балканского полуострова. В. И. Ленин высоко оценивал значение этого факта. «Даже буржуазная печать всей Европы, — писал он, — защищавшая из реакционных и корыстных целей пресловутое status quo... на Балканах, признает теперь единодушно, что началась новая глава всемирной истории».

Какое же значение имеет эта новая глава? — ставил вопрос В. И. Ленин. Его ответ гласил: «Национальный вопрос на Балканах сделал громадный шаг вперед к своему решению». «Несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик, — несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции, — несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе» [1].

Вторая Балканская война

Соперничество балканских монархий использовалось империалистическими державами. Первая Балканская война ослабила позиции австро-германской группировки. Усиление Сербии вынуждало Австро-Венгрию в случае европейской войны отвлекать большее количество сил из Галиции, с русского фронта на балканский. Турция, на которую Германия и Австрия рассчитывали в случае войны с Россией, была ослаблена поражением: теперь она могла сковать в Закавказье уже меньшее число русских дивизий. Усилия Австро-Венгрии сосредоточивались на том, чтобы оторвать Болгарию от Сербии. Таким путем австрийская дипломатия рассчитывала расколоть балканский блок и создать для Сербии угрозу с тыла в лице враждебной ей Болгарии. Австрийцы уговаривали царя Фердинанда вернуться к австрийской ориентации.

В лице балканского союза на стороне Антанты стояла немалая военная сила. Задача австро-германской дипломатии заключалась в том, чтобы парализовать эту силу, внеся раскол в ряды участников балканского блока. Характеризуя политику германского империализма на Балканах, Г. М. Димитров говорил: «Это была политика вражды между Болгарией и ее соседями, политика противопоставления Болгарии ее освободительнице — великой России; это было осуществление макиавеллистского принципа прусских баронов и юнкеров «разделяй и властвуй!». С этой целью широко был использован великоболгарский шовинизм, великосербский шовинизм, великогреческий шовинизм и другие великодержавные шовинистические течения на Балканах» [2]. Австро-германская политика раскола облегчилась тем, что буржуазия Балканских стран сама готова была «заключать сделки с одной из соперничающих империалистских держав ради осуществления своих грабительских целей» [3].

Не получив выхода к Адриатическому морю, Сербия решила компенсировать себя в Македонии. Болгария требовала там разграничения в соответствии с сербо-болгарским договором. Сербия объявила его устаревшим. В феврале 1913 г. она обратилась к Болгарии с предложением

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 22, стр. 156.
[2] *Г. Димитров.* Съчинения, т. XI. София, 1954, стр. 406—407.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 258.

пересмотреть территориальные условия сербо-болгарского союзного договора.

Серьезные трения возникли также между Болгарией и Грецией. Не получив всего того, чего она хотела в Северном Эпире, Греция намеревалась вознаградить себя за счет Болгарии в Южной Македонии и во Фракии. С самого начала войны между Болгарией и Грецией шла борьба из-за судьбы Салоник. В ряде районов с осени 1912 г. стали возникать вооруженные столкновения между войсками союзников. Невзирая на то что Сербия и Греция еще продолжали совместно с Болгарией вести войну против Турции, они начали между собой переговоры о действиях против своего болгарского союзника. Русское правительство пыталось примирить Болгарию и Сербию и таким путем сохранить балканский блок. Тщетно! Через день после заключения Лондонского мира с Турцией, т. е. 1 июня 1913 г., был оформлен греко-сербский союз. К нему фактически примкнула Румыния.

В течение войны с Турцией Румыния требовала от Болгарии Южной Добруджи в качестве компенсации за свой нейтралитет. Сначала румыны добивались границы по линии Туртукай — Балчик, затем, несколько умерив свои притязания, — по линии Силистрия — Балчик [1]. Вмешательство России спасло Болгарию от потери этой области. Державы на конференции послов в Петербурге ограничились передачей Румынии города Силистрии. Но румынским правящим кругам было мало этого. Теперь они охотно откликнулись на приглашение Сербии и Греции совместно добиваться от Болгарии бóльших уступок.

Стремясь сохранить балканский блок, русская дипломатия прилагала все усилия, чтобы побудить Сербию и Грецию умерить свои притязания, а Болгарию — проявить уступчивость.

Наоборот, Австро-Венгрия всячески подталкивала Болгарию на войну. Австрийское правительство обещало предоставить ей заем и дать гарантию ее территориальной целостности. Оно обещало также организовать в Албании вооруженные отряды, которые беспокоили бы сербов с тыла.

Болгарское правительство сначала пыталось склонить Россию занять в болгаро-сербском споре решительную антисербскую позицию. На это русская дипломатия не шла. В Петербурге сознавали, что из всех Балканских государств именно Сербия является самым надежным союзником на случай войны с Австрией. Сазонов отверг болгарские предложения. Он заявил болгарам, что, пока они не договорятся с Сербией, никакие переговоры с Россией для них невозможны. Он предложил лишь русский арбитраж в соответствии с сербо-болгарским договором от 13 марта 1912 г.

Усилия русской дипломатии сохранить единство славянских государств успехом не увенчались. Болгария, руководимая военной партией во главе с царем Фердинандом и генералом Савовым, решительно повернула к сближению с Австро-Венгрией. 29 июня 1913 г. болгарские войска открыли военные действия против сербов и греков. Началась вторая Балканская война. То была война, порожденная соперничеством балканских монархий, а также конкуренцией болгарской, греческой и сербской буржуазии, каждая из которых стремилась расширить свою территорию. Война руководилась «буржуазными и династическими интересами» [2].

Совершая нападение на своих прежних союзников, болгарское правительство рассчитывало, что Германия и Австрия сумеют удержать

---

[1] См. *А. А. Могилевич* и *М. Э. Айрапетян.* На путях к мировой войне, стр. 141—143, 154—156, 180 и сл.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 23, стр. 38.

Румынию от вступления в войну. Этот расчет оказался ошибочным. 3 июля 1913 г. Румыния объявила мобилизацию, а 10 июля начала вторжение в принадлежавшую Болгарии Южную Добруджу.

Австрийское правительство было готово к вмешательству во вторую Балканскую войну. Сначала — в надежде на победу Болгарии — Австро-Венгрия собиралась воспрепятствовать возможным русским попыткам заступиться за Сербию. Но скоро стало ясно, что болгары будут разбиты. Теперь Австрия уже готовилась выступить на поддержку царю Фердинанду, напав на Сербию с тыла, хотя бы такое выступление и вызвало отпор со стороны России. При этом она надеялась на поддержку Германии. Германский посол сообщал из Вены нижеследующее:

«Граф Берхтольд пригласил меня сегодня к себе. Министр заявил, что считает своим долгом не оставлять германского правительства в неясности относительно серьезности положения монархии (Австро-Венгерской. — *В. Х.*). Вопрос о южных славянах, т. е. о беспрепятственном владении провинциями, населенными южными славянами, является для монархии, как и для Тройственного союза, вопросом жизни. Южнославянские провинции для монархии будет невозможно удержать при наличии на Балканах мощной Сербии, — в этом согласны все авторитетные круги. Поэтому в случае, если бы Сербия в союзе с Румынией и Грецией сокрушила Болгарию и получила территориальные приобретения, выходящие за пределы Старой Сербии, Австрия, возможно, была бы вынуждена вмешаться. Монастир ни в коем случае не может быть оставлен в руках Сербии.

На мой вопрос, в какой момент и какого рода вмешательство он себе представляет, министр заметил, что психологический момент, без сомнения, можно было бы найти. Относительно способа и рода вмешательства он, конечно, еще ничего не может сказать: это будет зависеть от обстоятельств. Он думает, что вмешательство должно будет начаться с дипломатического представления в Белграде; в случае безрезультатности оно будет подкреплено военным давлением. Если при этом выступит Россия, акция будет перенесена в Петербург. Министр еще раз подчеркнул, что в Берлине, он надеется, понимают затруднительное положение монархии... Маленькая, разгромленная противником Сербия явилась бы для него, естественно, наиболее приятным разрешением вопроса; он безусловно предпочел бы его оккупации Сербии Австрией. Но если первая альтернатива не будет иметь места, монархия будет вынуждена действовать, чтобы обеспечить свои владения» [1].

На этот раз германское правительство отказало Австро-Венгрии в поддержке. После того как в декабре 1912 г. прозвучал предостерегающий голос Англии, оно, так же как и в дни агадирского кризиса, предпочитало воздержаться от войны. Большое влияние на решение Германии оказал также военный фактор. Как раз в 1913 г. во исполнение нового военного закона были начаты чрезвычайные мероприятия по усилению германской армии. Они должны были дать эффект уже к концу года, но не ранее. Зачем же было начинать войну раньше этого срока?

Германское правительство учитывало также, что в данный момент Балканы снова оказались в лагере Антанты: Болгария была разбита, а Румыния и Греция стояли на стороне Сербии.

Русская дипломатия прилагала все усилия к тому, чтобы окончательно перетянуть Румынию в ряды Антанты; всего больше содействовали этому румынско-венгерские противоречия из-за Трансильвании.

5 июля 1913 г. кайзер решил предостеречь австрийцев. Вильгельм II поручил сообщить в Вену, что он «считает серьезной ошибкой графа Берхтольда его решение занять в отношении Монастира ту же позицию,

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXXV, № 13483, S. 122—124.

которая была в свое время занята им в отношении Дураццо[1], т. е. доступа Сербии к Адриатическому морю. Правительство Австро-Венгрии подчинилось указаниям Германии. Они звучали тем более повелительно, что немцев энергично поддерживала Италия.

Тяжелым положением болгар воспользовалась Турция. 16 июля она напала на Болгарию, присоединившись к двум балканским державам, против которых только что воевала. 20 июля турки отняли у болгар Адрианополь.

После предостережений со стороны Германии Австро-Венгрия не оказала Болгарии ожидаемой поддержки. Поэтому в Софии были, естественно, разочарованы в австрийцах.

Для русской дипломатии как будто намечалась возможность вернуть Болгарию в лагерь Антанты. Ради этого она попыталась возвратить ей Адрианополь. В Лондоне возобновились совещания послов. Они напомнили Турции об условиях Лондонского мирного договора касательно границы по линии Энос — Мидия. Но оказалось, что без применения реальной силы невозможно заставить Турцию выполнять решения Лондонского мира. Вернуть Болгарии Адрианополь русскому правительству не удалось. Оно не получило при этом поддержки от обоих западных участников Антанты — Англии и Франции. Более того, последняя оказала Турции финансовую помощь[2]. Все же Россия, не сохранив Болгарии Адрианополя, спасла ее от многих других грозивших ей потерь в той войне, на которую Болгарию толкнула Австро-Венгрия.

Бухарестский мир

В конце июля разбитая Болгария запросила мира. 30 июля в Бухаресте открылась мирная конференция[3]. Во время мирных переговоров самая острая борьба развернулась между Болгарией и Грецией из-за порта Кавалла. Россия и Австрия, наперебой зазывая Болгарию каждая на свою сторону, поддерживали болгарские притязания на этот город и гавань. Германия была гораздо сдержаннее, чем ее союзница: покровительством Болгарии она опасалась задеть Турцию и окончательно оттолкнуть Румынию. Вопрос о Кавалле германская дипломатия использовала как средство привлечь на свою сторону Грецию. Франция также поддерживала Грецию, не желая дать ей ускользнуть в германский лагерь и учитывая ее стратегическое значение в Средиземном море в качестве противовеса Италии. В пользу Греции говорили в Париже и тесные связи греческого капитала с капиталом стран Антанты — французским и английским. Итальянская дипломатия в пику грекам поддерживала Болгарию. Кончилось дело победой Греции, на сторону которой, кроме Германии и Франции, встала Англия.

В России споры из-за судьбы Кавалы сопровождались нападками на Францию. С точки зрения истории методов дипломатической работы небезынтересно отметить, что в этой связи новый французский посол — им стал вместо отозванного Луи известный Делькассе — возбудил в Париже вопрос о создании в России французской газеты. Делькассе хотел обзавестись средством воздействия на русскую буржуазную общественность.

Мир между Балканскими государствами был подписан в Бухаресте 10 августа 1913 г. Сербия получила не только «спорную», но и большую часть «бесспорной» болгарской зоны в Македонии; Греция, кроме Южной Македонии с Салониками, — часть Западной Фракии с Кавалой;

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXXV, № 13486, S. 125.

[2] См. *В. И. Бовыкин.* Из истории возникновения первой мировой войны, стр. 162—165.

[3] См. *А. А. Могилевич* и *М. Э. Айрапетян.* На путях к мировой войне, стр. 194 и сл.

Румыния приобрела Южную Добруджу. Таким образом, Болгария потеряла не только бóльшую часть своих завоеваний, но и некоторые давние свои владения. Между Турцией и Болгарией мирный договор был подписан в Константинополе 29 сентября 1913 г. Адрианополь был возвращен Турции.

Накануне второй Балканской войны ЦК партии тесняков опубликовал обращение к рабочему классу Болгарии, в котором говорилось: «Еще не окончена война с Турцией, а балканские правительства готовят братоубийственную истребительную войну. Балканская социал-демократия отстаивает политику Балканской федеративной республики, ибо только она может дать балканским народам свободу и независимость, национальное объединение и национальный прогресс» [1]. Вторая Балканская война отличалась от первой. Она велась не за национальное освобождение от турецкого феодализма и политического гнета Османской империи, а за дележ Балкан между тамошними монархиями, а следовательно, и между их империалистическими покровителями.

Большевистская ленинская «Правда» следующим образом характеризовала итоги второй Балканской войны:

«Сотни тысяч жизней и сотни миллионов народных денег брошены за несколько месяцев на алтарь войны... и каковы итоги? Самые красноречивые итоги — это трупы болгар, сербов и греков, растерзанных во взаимных схватках на тех самых полях, где они недавно рука об руку избивали турок.

Ни одна из целей войны не достигнута. Македония не освобождена, а вновь разорвана на несколько частей и подчинена чужому господству...

Турецкие войска вновь вступают в «освобожденные» области. Сербия как была, так и осталась без выхода к Адриатическому морю. «Единства» Балкан не только не существует, но оно стало почти невозможным на много лет вперед. Не только не созданы условия для экономического развития и экономической независимости, но истощение и разорение балканских народов делают их надолго данниками европейского капитала.

Освободившись от турок, — говорит балканская буржуазия, — мы раз навсегда обеспечим мир на Балканах. И это оказалось ложью. Разорвав на части Македонию и получив австрийскую Албанию, балканские правительства создали два постоянных источника всяческих внутренних осложнений и постоянный предлог для иностранного вмешательства.

А с другой стороны: Болгария, у которой вырвали не только плоды новых побед, но и старые ее земли и которая долго еще будет мечтать о мести; Сербия и Румыния, которым придется охранять от Болгарии оторванные у нее куски и служить предметом вожделений Австрии; Турция, которая не забудет о поражениях...

Не мир, а ряд столкновений, ряд кровавых драк, состязание в вооружениях, игра дипломатов, опасения иностранного вмешательства, интриги, иудины поцелуи и иудины предательства — вот что предстоит Балканам.

Вот итог войны: не будет ни свободы, ни единства, ни экономического расцвета, ни независимости, ни мира» [2].

Именно так и обстояло дело. Осталось, конечно, главное достижение первой Балканской войны: турецкий феодализм был сметен бесповоротно.

Вторая Балканская война означала новую расстановку сил на Балканах. Вместо единого балканского блока, сплотившегося под эгидой России, теперь наметились две группировки: Сербия, Греция и Румыния — с одной стороны, Болгария, вскоре завязавшая переговоры с Тур-

[1] «История Болгарии», т. I. М., АН СССР, 1954, стр. 495.
[2] «Рабочая правда» № 2 от 14 июля 1913 г.

цией, — с другой. Самый факт распада балканского союза был чрезвычайно выгоден для Германии и Австрии. Однако этот выигрыш умалялся наметившимся переходом Румынии в лагерь Антанты.

После Бухарестского мира державы повели лихорадочную работу, стремясь закрепить свое влияние на каждую группировку. Русское правительство старалось помирить Болгарию с Сербией и Румынией и восстановить прежний балканский блок, да еще усиленный Румынией, как орудие против германо-австрийского империализма. Германия и Австро-Венгрия продолжали усилия по расколу Балканских государств, стремясь противопоставить Сербии турецко-болгаро-румынскую комбинацию. Франц-Фердинанд, опираясь на Германию, тщетно добивался от правительства Венгрии уступок румынам в Трансильвании. Одним из главных средств империалистических держав в борьбе за политическую ориентацию Балканских государств было предоставление им займов и поставки оружия. Царская дипломатия проторяла новые пути на Балканы для французского капитала. Он не меньше русского царизма был заинтересован в приобретении крупного подкрепления в грядущей войне против Германии и Австро-Венгрии в виде союза Балканских государств.

Балканский вопрос в конце 1913 — начале 1914 г.

Вскоре на Балканах вспыхнул новый международный конфликт. Сербия, чрезвычайно усилившаяся после второй войны, решила еще раз попытаться добиться выхода к Адриатике, заняв часть Албании. Между тем летом 1913 г. Лондонская конференция послов приняла «Органический статут албанского государства». Албания объявлялась независимым княжеством «под гарантией шести держав». Выбор монарха предоставлялось произвести великим державам в шестимесячный срок. Контроль над гражданским управлением и финансами Албании согласно статуту поручался «международной комиссии, составленной из делегатов шести держав и делегата Албании».

В нескончаемых спорах и интригах конференция послов установила границы албанского государства, вопрос о которых был оставлен открытым в Лондонском мирном договоре от 30 мая и передан на усмотрение великих держав.

Царская Россия и Франция при проведении границы поддержали Сербию и Грецию; Германия, Австрия и Италия — Албанию, которую они мыслили не иначе как свою фактическую колонию. Англия несколько изменила позицию по сравнению с минувшей зимой: теперь она нередко становилась на сторону Германии, Австрии и Италии. 11 августа 1913 г. конференция вынесла решение об основном направлении границ. Были созданы две разграничительные комиссии; они выехали на место, чтобы реализовать постановления международной конференции. Это означало, что дипломатическая борьба из здания Форин-оффис, где заседала Лондонская конференция, переносится в палатки международных комиссий в Албанских горах. Там царили весьма своеобразные нравы. Из письма германского уполномоченного майора Лафферта, перехваченного русским уполномоченным генерал-майором Потаповым, можно составить некоторое понятие о приемах работы разграничительных комиссий.

25 октября Лафферт писал: «Теперь Союз (Тройственный. — *В. Х.*) стоит сплоченно против Согласия. Француз так обозлился, что уже грозил отъездом. Союз сегодня днем обработал англичанина, и мы должны перетянуть его к себе».

26 октября: «Мы переубедили англичанина. Большой конфликт. Правительства запрашиваются об информации... На обратном пути я прогалопировал мимо француза, чтобы испугать его лошадь, которая несколько упряма. Результат был великолепен сверх ожиданий. Теперь он хромает и на здоровую ногу тоже... В общем Союз хочет видеть

Албанию, елико возможно, большей. Согласие — елико возможно меньшей. Затем, как Италия, так и Австрия считают Албанию сферой своего влияния и благодаря этому ежеминутно ссорятся. Англию... мы перетягиваем на свою сторону...» [1]

Пока тянулась работа комиссий, между сербами и албанцами происходили непрерывные столкновения. В октябре после очередного инцидента сербское правительство провело частичную мобилизацию и оккупировало часть албанской территории. При этом оно заявило, что не освободит занятых областей, пока в Албании не будет установлен «порядок».

Тут австрийское правительство еще раз пришло к выводу, что нужно наконец воспользоваться сербским выступлением для превентивной войны и полного разгрома Сербии.

14 октября Берхтольд телеграфировал австрийской миссии в Белграде: «Мы должны поставить сербскому правительству вопрос, намерено ли оно прекратить военную подготовку к вторжению в Албанию, — вернее, готово ли оно отозвать в определенный краткий срок находящиеся на албанской территории войска. От ответа на этот вопрос и от выполнения прежних сербских заявлений должно будет зависеть дальнейшее отношение монархии к Сербии, так как мы решились обеспечить всеми способами, которые найдем подходящими, безусловное соблюдение лондонских решений» [2].

В Берлине снова изменили курс: на этот раз германское правительство опять заверило Вену в полной своей поддержке: осуществление мероприятий по усилению армии было закончено. Инструкция, посланная ведомством иностранных дел послу в Вене, гласила: «Вам следует сказать графу Берхтольду, что в стремлении к обеспечению жизнеспособной Албании мы твердо стоим на стороне Австро-Венгрии и предписали императорскому поверенному в делах в Белграде решительно поддерживать австрийский демарш. Кроме того, мы пригласили к сотрудничеству Англию, под председательством которой выносились поставленные под угрозу лондонские решения» [3]. Это было передано по телеграфу в Вену 16 октября. А в ночь на 18 октября 1913 г. австрийский министр иностранных дел граф Берхтольд отправил посланнику в Белграде предписание вручить сербскому правительству ультиматум: от Сербии требовали немедленного очищения Албании. В противном случае Австро-Венгрия грозила войной.

Сербское правительство, посоветовавшись с русским правительством, удовлетворило все требования ультиматума: оно вывело войска на 24 часа раньше указанного срока, к великому огорчению крайних австрийских империалистов из военной партии. Еще раз Россия и Сербия отступили под австро-германским нажимом.

Миссия Лимана фон Сандерса

Едва прошел месяц после австрийского ультиматума Сербии, как на Ближнем Востоке возник новый международный конфликт. В ноябре 1913 г. между Германией и Турцией было заключено соглашение о приглашении в Турцию германской военной миссии из 42 офицеров. Во главе миссии был поставлен генерал Лиман фон Сандерс. Миссия должна была заняться реорганизацией турецкой армии. При этом Лиман фон Сандерс по совместительству был назначен султаном на должность командующего корпусом, расположенным в Константинополе. 14 декабря Лиман прибыл к месту своей новой службы.

---

[1] Цит. по кн.: *А. А. Могилевич* и *М. Э. Айрапетян*. На путях к мировой войне, стр. 204.

[2] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd VII, № 8828, S. 435.

[3] «Die Grosse Politik», Bd XXXVI, T. I, № 14162, S. 388.

Миссия Лимана вызвала в Петербурге негодование. Получалось так, что у выхода из Черного моря оказывалась военная сила, которой командовали немцы. Председатель совета министров Коковцов проездом из Парижа остановился в Берлине и лично вел с германским канцлером и с самим Вильгельмом переговоры о миссии Лимана. Он требовал по меньшей мере отказа немецкого генерала от командного поста в столице. Германское правительство согласилось подумать, не может ли Лиман командовать корпусом, расположенным где-либо в другом месте [1]. Но Порта, по-видимому по тайному внушению тех же немцев, решительно отвергла вмешательство России в определение функций германского генерала в Турции.

Царское правительство обратилось за поддержкой в Париж и Лондон. Франция выразила готовность поддержать Россию. Англия же заняла уклончивую позицию. После долгих и острых переговоров русская дипломатия добилась от немцев и турок некоторой уступки. Лимана произвели в следующий чин: он стал муширом, т. е. фельдмаршалом. Это давало благовидное основание освободить его от должности командира корпуса. Таким образом, от командного поста в столице Турции Лиман отказался. Но он сделался генеральным инспектором турецкой армии, и фактически германская миссия все-таки стала играть руководящую роль в руководстве сухопутными вооруженными силами Турции. Германия все больше становилась хозяйкой черноморских проливов.

Во время русско-германских переговоров по поводу миссии Лимана газета «Тан», близкая к французскому министерству иностранных дел, разгласила их содержание. Достижение соглашения было этим затруднено. В рядах французских журналистов в стараниях сорвать русско-германское соглашение особенно усердствовал редактор «Тан» Тардье. На просьбы царского правительства о поддержке в Париже отвечали согласием, но требовали ясного ответа: «какие решения Россия считала бы необходимым предложить Франции и Англии» в случае, если Германия откажется удовлетворить их требования [2].

Проблема черноморских проливов накануне первой мировой войны

Конфликт из-за миссии Лимана фон Сандерса еще раз подчеркнул значение черноморских проливов. Борьба за проливы была основным вопросом политики русского империализма на Ближнем Востоке. Временное закрытие проливов во время итало-турецкой войны, ослабление Турции в результате первой Балканской войны, наконец, сама миссия германского генерала — весь этот ряд событий самым чувствительным образом напоминал царскому правительству и господствующим классам России об обострении проблемы проливов. Не случайно именно во время конфликта из-за миссии Лимана царское правительство весьма активно занялось проблемой проливов и выработкой линии поведения в этом вопросе.

С точки зрения российского империализма единственно радикальным решением этой проблемы было бы решение по образцу того, которое провели англичане в отношении Суэцкого канала: прямой военный захват побережья. Но практически для такого шага у русского царизма не имелось реальных возможностей. 6 декабря (23 ноября) 1913 г. Сазонов представил царю записку, в которой обращал внимание на неустойчивость положения на Ближнем Востоке. Неустойчивость порождала опасность перехода проливов из турецких рук в другие, для России куда менее спокойные. «Можно быть разных взглядов, — писал Сазонов, —

---

[1] «Die Grosse Politik», Bd XXXVIII, № 15451, S. 217.

[2] Памятная записка франц. правительства от 30 декабря 1913 г. «Материалы по истории франко-русских отношений», М., 1922, стр. 480—481, а также 686 и др.

насчет того, следует или нет России стремиться к завладению проливами. Если мы поставим вопрос о потребных для сего жертвах и о ценности такого приобретения, то мы неизбежно натолкнемся на противоположение одних аргументов другим. На спорных базах нельзя обосновывать направление внешней политики в столь первостепенной важности вопросе. За последнее время вопрос о проливах осложнился новыми условиями, которые, с одной стороны, усилили экономическое значение проливов для России, а с другой, осложнили политические и стратегические трудности на пути к возможному завладению ими. Вопрос так и остается открытым, и единственное заключение, к которому можно прийти в настоящее время, — это что едва ли в России найдется ответственный политический деятель, который не признал бы, что в случае изменения существующего положения Россия не может допустить разрешения вопроса вопреки своим интересам; иными словами, при известных условиях не может оставаться безучастной зрительницей событий...

Сложный и трудный вопрос охраны проливов в настоящее время разрешается в сущности довольно удовлетворительно с точки зрения наших непосредственных интересов. Турция представляется не слишком сильным, но и не слишком слабым государством, не способным угрожать нам и в то же время вынужденным считаться с более сильной Россией...

Но раз долговечность Турции не обеспечена, то нельзя не задаваться вопросом о том, можем ли мы не готовиться к наступлению событий, которые в корне изменят положение Константинополя и проливов... Проливы в руках сильного государства — это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству...»

Однако Сазонов приходил к выводу, что захват проливов в настоящее время с военной точки зрения не подготовлен и неосуществим: «Когда заходит речь о желательности той или иной крупной десантной операции, правительство останавливается перед почти невозможностью ее осуществить». Сазонов заключал, «что скорое распадение Турции не может быть для нас желательным и что в пределах дипломатического воздействия должно быть сделано все возможное для отсрочки такой развязки». Но на случай, если бы развязка все же наступила, руководитель царской дипломатии считал необходимым принять меры к скорейшему восполнению пробелов военной подготовки. Он считал, что практически «вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке общеевропейских осложнений». Они застали бы Россию «в союзе с Францией и возможном, но далеко не обеспеченном союзе с Англией или же доброжелательном нейтралитете этой последней». На Балканах в целях дипломатической подготовки он намечал привлечение Румынии на сторону России и Франции. Сазонов просил царя созвать совещание для обсуждения изложенных им вопросов [1].

5 января 1914 г. (23 декабря 1913 г.) Сазонов представил царю новую записку. В ней он обсуждал вопрос, поставленный французами: что делать, если на подготовлявшееся выступление Антанты с требованием относительно миссии Лимана турки ответят отказом. Сазонов считал, что в этом случае надо быть готовым «к подкреплению своего требования соответственными мерами понуждения». Он прямо указывал, что это может вызвать «активное выступление» Германии на защиту Турции. Сазонов предостерегал, что в случае отказа России от решительных действий «во Франции и Англии укрепится опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира». Если

[1] См. *А. Зайончковский.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926, стр. 392—398.

Англия и Франция придут к такому выводу, тогда не исключено, что они покинут Россию, как союзника, не представляющего ценности.

13 января 1914 г. (31 декабря 1913 г.) Особое совещание, собравшееся под председательством главы правительства Коковцова с участием Сазонова, Сухомлинова, морского министра Григоровича, начальника генерального штаба Жилинского, рассмотрело вопрос о линии поведения в связи с делом Лимана фон Сандерса и проблемой проливов. Совещание признало, что с точки зрения интересов России нельзя допустить, чтобы германский генерал командовал воинской частью в Константинополе или турецким военным округом. Решено было настаивать на недопустимости такого положения перед германским правительством, не возражая против поручения Лиману общей инспекции, не связанной командной должностью.

На случай неуспеха переговоров с Германией, на совещании обсуждались возможности нажима на Турцию — непременно в сотрудничестве с Францией и Англией. В качестве мер воздействия министр иностранных дел предлагал финансовый бойкот Турции, отзыв послов, временное занятие Трапезунда или Баязета. Но председатель совета министров Коковцов выразил опасение, что это могло бы вызвать вмешательство Германии. Сухомлинов и Жилинский заявили о «полной готовности России к единоборству с Германией». Однако они признали, что, вероятно, «дело придется иметь со всем Тройственным союзом». Коковцов считал, что война была бы «величайшим бедствием для России». Он подчеркнул «крайнюю нежелательность вовлечения России в европейское столкновение». С этим согласились и остальные участники совещания. В целях давления на Турцию Коковцов предпочитал ограничиться финансовым бойкотом [1].

Таким образом, было решено продолжать переговоры с Германией, которые и привели к компромиссу, выразившемуся в отказе от назначения Лимана на должность командира корпуса. Вернее сказать, это был не компромисс, а мнимая уступка Германии, позволявшая царскому правительству спасти лицо при отступлении.

21(8) февраля 1914 г. под председательством Сазонова с участием Григоровича, Жилинского, посла в Турции Гирса и др. состоялось новое совещание, которое обсудило «программу действий» на случай наступления событий, способных коренным образом изменить положение черноморских проливов. Конкретно речь снова шла о том, возможен ли захват проливов с военной точки зрения. Сазонов и Жилинский исходили из того, что действия против проливов могут потребоваться лишь в условиях «общеевропейской войны». И в то же время начальник генерального штаба считал, что войска для десантной операции могут быть выделены только «при отсутствии борьбы на западном фронте» (т. е. германском) «или благоприятном на нем положении». Оказалось также, что для погрузки на суда войск первого эшелона потребуется не менее десяти дней. При этом первый эшелон не сможет составить более 20 тыс. человек и самое большее до одного корпуса, в то время как у турок в районе проливов было семь корпусов! Для бо́льших сил у царизма не хватало судов. Положение с транспортными средствами морской министр охарактеризовал как малоудовлетворительное. Выяснилось даже, что к осени 1914 г. турецкий военный флот в течение некоторого времени будет на Черном море сильнее русского. При таких условиях отпадала всякая возможность десантной операции. Совещание наметило меры по устранению на будущее выявившейся неподготовленности сухопутных и морских сил и транспортных средств [2].

---

[1] «Вестник НКИД» № 1, 20 июня 1919 г., стр. 26—32.
[2] «Международные отношения», серия III, т. I, № 295, стр. 373—391.

Русско-германские противоречия накануне первой мировой войны

Россия и вся Антанта явным образом проигрывали борьбу за преобладающее влияние в Османской империи. Царское правительство не прекращало тем не менее этой борьбы против колоссально усилившегося германского влияния в Турции. Нужно было отыскать дополнительные рычаги для давления на Порту, поскольку она шла в немецком фарватере. И царское правительство их нашло. Повод предоставили многочисленные ходатайства армянских буржуазных партий и церкви о защите. В декабре 1912 г. царское правительство потребовало от турок проведения реформ, а в июне 1913 г. выступило с проектом автономии для турецкой Армении, что означало бы ее переход под фактический протекторат России. Ввиду сопротивления Турции, поддержанной Германией, царскому правительству пришлось удовольствоваться соглашением об учреждении в турецкой Армении должностей двух генеральных инспекторов из иностранцев для контроля над турецкой администрацией, юстицией и полицией. Инспектора назначались Портой, но не иначе как по согласованию с шестью великими державами. Предусматривались и некоторые другие преобразования. Соглашение относительно реформ в Армении было подписано 8 февраля 1914 г. Турецкое правительство не собиралось, однако, его выполнять. Оно осталось листом бумаги. Рычаг был приведен в действие, но не сработал!

В деле Лимана фон Сандерса, да и в ряде других вопросов русский царизм выступал в Константинополе против Германии в сотрудничестве с французским империализмом. Но это не значит, что между союзниками не было противоречий. Французский капитал добивался железнодорожных концессий в Малой Азии. Царское правительство предпочитало французские железнодорожные концессии германским. Но и тем и другим оно предпочло бы там полное бездорожье. Оно стремилось сохранить за Россией исключительное право на железнодорожные концессии хотя бы к востоку от линии Трапезунд, Харпут, Диярбекир. Намечая такую границу для своей зоны, царское правительство сократило территориально свои притязания по сравнению с демаршем Чарыкова, не говоря уже о русско-турецком соглашении 1900 г.

С помощью русских и французских банков царское правительство пыталось приобрести в русские руки контрольный пакет акций так называемого Салоникского банка, дабы создать для себя орудие финансового влияния в Турции и на Балканах.

Дело Лимана фон Сандерса совпало с подготовкой к переговорам о новом русско-германском торговом договоре. Он должен был заменить договор 1904 г., по которому Россия в трудную минуту односторонне, без взаимности сделала Германии большие уступки, дабы обеспечить ее благожелательный нейтралитет в войне на Дальнем Востоке. Германия прижимала русское сельское хозяйство и наносила ущерб помещичьему классу. Германская промышленность стала еще более опасным конкурентом русской на внутреннем рынке России. «Drang nach Osten» германского империализма проявлялся не только в постройке Багдадской дороги или в фактическом овладении турецкой армией. Он проявлялся в стремлении к экономическому завоеванию русского рынка. «Немец» становился все более ненавистным для российской буржуазии. Огромное значение вопроса о германской конкуренции определялось тем, что доля Германии во внешней торговле России была чрезвычайно высокой: она составляла в предвоенные годы около половины всего оборота.

Царское правительство хотело добиться снижения германских пошлин на продукты сельского хозяйства и повысить собственные пошлины на фабрикаты. Предстоявшие переговоры вызывали ожесточенную полемику между русской и германской печатью. Атмосфера русско-германских отношений накалялась.

Дело Лимана фон Сандерса было новой провокацией со стороны германского империализма. Она дополнила длинный перечень тех испытаний, которым Германия и ее союзница подвергли международный мир. Открылся этот перечень в 1905 г. танжерским выступлением кайзера. Он продолжился провокацией в Касабланке и ультиматумом Бюлова в дни боснийского кризиса, «прыжком „Пантеры"» и двоекратными австрийскими угрозами Сербии: на исходе 1912 г. и, наконец, спустя ровно год после этого.

Германский империализм с его быстро развивавшейся экономикой рвался в бой за коренной передел мира против империализма Антанты. А тот, в свою очередь, также готовился к империалистической войне ради уничтожения конкурента. События на Балканах с очевидностью свидетельствовали о том, что дело идет к большой войне. И английские и русские империалисты в случае войны одну из главных целей усматривали в разделе Турции. Англия стремилась захватить Месопотамию (Ирак), Аравийский полуостров, Палестину; царская Россия — Константинополь, проливы, Армению, вытеснить австро-германское влияние с Балканского полуострова.

Гонка сухопутных вооружений

В 1911 г. в Германии было осуществлено небольшое (приблизительно на 10 тыс.) увеличение личного состава армии мирного времени, усиление артиллерии, войск связи, пулеметных подразделений. Единовременный расход составил 82 млн. марок. В 1912 г. было проведено новое увеличение армии на 29 тыс. человек и дополнительное ассигнование 97 млн. марок. Особенно большие масштабы приняла гонка вооружений в 1913 г., когда рейхстаг принял закон об увеличении армии мирного времени на 136 тыс. человек. Единовременный расход выразился в колоссальной сумме 898 млн. марок. Общее увеличение численности германской армии за три года (1911—1913) составило около 175 тыс. человек, т. е. более чем на 32%. Германская армия была единственной, которая успела обзавестись полевой тяжелой артиллерией. Германская армия шла впереди в смысле насыщения пулеметами.

На германский закон 1913 г. Франция в том же году ответила переходом от двухлетнего срока военной службы к трехлетнему. Это означало увеличение численности постоянной армии почти наполовину. Повышая штатный состав мирного времени, мера эта облегчала мобилизацию. Для Франции того времени с населением всего в 40 млн. человек против 64 млн. в Германии и с ничтожным его приростом, когда весь контингент людей, годных к военной службе, полностью призывался в ряды армии, удлинение срока действительной службы составляло единственный способ увеличения численного состава армии.

Царская Россия тогда же — тоже в 1913 г. — приняла так называемую «большую военную программу». Она предусматривала огромное увеличение личного состава на 480 тыс., или на 39% штатного состава 1913 г., и значительное усиление артиллерии. Реализация программы требовала единовременного расхода в 500 млн. руб. Программа запоздала: она начала осуществляться в 1914 г. и была рассчитана на завершение к 1917 г. Германское правительство поторопилось начать войну до наступления этого срока. Вместо завершения большой военной программы 1917 год принес царизму нечто совсем иное: революцию и гибель.

Одну из слабых сторон русской армии составляла длительность ее мобилизации и сосредоточения к границам. Они занимали 45 дней (и то без восточносибирских корпусов) против 15 у Германии. Немцы грозили разбить Францию раньше, чем Россия закончит сосредоточение своих сил.

На совещании начальников генеральных штабов в 1913 г. французская сторона продолжала настаивать на том, чтобы русская армия начала

наступление на 15-й день по объявлении мобилизации, не дожидаясь окончания сосредоточения войск. Удовлетворение этого требования стесняло свободу действий русского командования, перед которым, кроме Германии, имелся второй противник — Австро-Венгрия. Ее разгром был очень важен: с ней куда легче было справиться, чем с Германией, а поражение лоскутной монархии и отпадение от нее славянских областей было весьма перспективным с точки зрения приближения общей победы.

Стремясь форсировать вооружения России и особенно заботясь о сокращении сроков ее готовности к наступательным действиям, французское правительство в августе 1913 г. предложило России заем на постройку стратегических железных дорог к германской границе. Для подписания контракта в Париж поехал Коковцов. Было достигнуто соглашение о предоставлении займа в размере 500 млн. франков ежегодно в течение пяти лет. Деньги должны были ускорить сосредоточение русской армии и служить безопасности Франции, обеспечивая скорейший переход русских войск в наступление, призванное сорвать наступление германской армии на Францию в соответствии с планом Шлиффена.

Гонка вооружений все набирала темпы. Лидерство оставалось за Германской империей: ее армия шла впереди по степени своей готовности.

В атмосфере непрерывных международных конфликтов и гонки вооружений чувствовалось приближение решающей схватки между двумя блоками империалистических держав.

Международное рабочее движение и угроза войны

В этой предгрозовой обстановке рабочий класс Европы делал попытки мобилизовать свои силы, чтобы сорвать преступные планы империалистов. В ноябре 1912 г. в Базеле был созван чрезвычайный конгресс II Интернационала. Конгресс торжественно заявил, что «рабочие считают преступлением стрелять друг в друга ради увеличения прибылей капиталистов, честолюбия династий или во славу договоров тайной дипломатии». Единогласно принятый конгрессом манифест призывал пролетариат приложить все усилия, чтобы не допустить развязывания империалистами кровавой бойни. «Рабочий класс и его парламентские представительства во всех странах, которым угрожает война... обязаны сделать все, чтобы с помощью средств, которые им представляются наиболее действенными и которые могут меняться в зависимости от обострения классовой борьбы и общей политической обстановки, предотвратить возникновение войны. Если же война все-таки разразится, — говорилось далее в манифесте, — долг рабочего класса — выступать за ее быстрейшее прекращение и всеми силами стремиться к тому, чтобы использовать порожденный войной экономический и политический кризис для пробуждения народа и тем самым ускорить свержение классового господства капиталистов» [1].

В Базельском манифесте, как указывали большевики, был намечен «единственно правильный пролетарский лозунг» — использование кризиса, создаваемого войной, для ускорения краха капитализма, превращение империалистической войны в гражданскую [2].

Однако этот правильный лозунг не был претворен в жизнь ни одной партией, кроме большевистской. Созыв Базельского конгресса был данью лидеров II Интернационала настроениям широких масс рабочего класса. Но в решительный момент оппортунистические лидеры изменили пролетарскому интернационализму, перешли на позиции своей буржуазии, оказались социал-шовинистами. Это облегчило империалистам развязывание и ведение мировой войны.

[1] «Ausserordentlicher Internationaler Sozialisten-Kongress zu Basel am 24.—25. November 1912». Berlin, 1912, S. 23, 26.

[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 26, стр. 22, 40.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Расстановка политических сил

К 1914 г. общее международное политическое положение определялось крайним обострением основных империалистических противоречий: англо-германских, русско-германских, русско-австрийских, франко-германских и других. Это происходило при наличии двух военных империалистических блоков. Несмотря на разделявшие их противоречия, три державы Антанты противостояли германо-австрийскому союзу. Антагонизм между британским и германским империализмом и невозможность одолеть немцев силами только России и Франции делали объективно неизбежным выступление Англии на их стороне, если бы война возникла между франко-русской и германо-австрийской группировками. Обстановка позволяла России и Франции на это рассчитывать; обмен письмами между Греем и Камбоном и особенно англо-французская военно-морская конвенция увеличивали надежность этих расчетов. И все же субъективно у руководителей русской и французской политики полной уверенности в позиции Англии не имелось.

Германия и Австро-Венгрия все больше должны были считаться с возможностью, что им придется встретить своих врагов вдвоем, не располагая помощью Италии, и даже при необходимости держать против нее некоторый заслон на австро-итальянской границе.

Из малых держав Сербия и Бельгия неизбежно оказывались в рядах Антанты. Первая — в силу глубины австро-сербских противоречий; вторая — из-за особенностей германского военного плана (плана Шлиффена), втягивавшего Бельгию в войну и при этом превращавшего ее во врага Германии.

Сотрудничество Англии с франко-русской группой более или менее обеспечивало нейтралитет Испании, Италии и Скандинавских стран. Во всех этих странах (кроме разве Дании и Норвегии) имелись сильные германофильские группировки в придворных кругах и среди представителей крупного капитала. Но зависимость от морского подвоза или же уязвимость с моря

были в большинстве этих стран столь велики, что при господстве англо-французского флота на морях выступление их против Антанты оказывалось маловероятным; что касается Италии, то австро-итальянские противоречия, независимо от экономических и военно-морских соображений, подталкивали Италию в лагерь Антанты.

Англо-японский союз обеспечил Антанте нейтралитет Японии, закрепленный также франко-японским соглашением и целой серией русско-японских.

Важное значение имела позиция США. Серьезные противоречия разделяли их не только с Японией, но и с Англией и с Германией. Вместе с тем американский империализм был связан с английским сетью сложных взаимоотношений. Англия не могла ссориться с США, не рискуя безопасностью Канады и Вест-Индии, а также своими гигантскими капиталовложениями как в самих США, так и в Латинской Америке. Но и США, невзирая на остроту англо-американского соперничества в Центральной и Южной Америке, вынуждены были ладить с Англией. Во-первых, несмотря на англо-японский союз, Англия для США все же объективно являлась противовесом Японии. Во-вторых, разрыв экономических связей с Англией означал бы страшный удар по экономическому процветанию США. Удар был бы настолько жестоким, что ни одному своему правительству американская буржуазия этого бы не простила. В Англию шло в 1913 г. американских товаров почти на 600 млн. долл. и в Канаду на 420 млн. — около $^2/_5$ всего экспорта Соединенных Штатов. Разрыв с Англией привел бы не только к закрытию английского рынка. Конфликт с державой, господствовавшей на морях, означал бы для США закрытие всех рынков земного шара, кроме Латинской Америки. Ведь британский флот в союзе с японским мог заблокировать все морские подступы к Европе, Африке, Южной Азии и Дальнему Востоку.

США не желали победы и усиления Англии или России. Но победа Германии, установление ее гегемонии во всей Европе их пугала еще больше. Руководящие круги США предпочитали победу трех друг с другом конкурирующих членов Антанты победе Германии, которая, сокрушив Антанту, стала бы безраздельным гегемоном не только Европы, но и большей части Старого Света. В итоге столкновения всех этих противоречивых факторов и сил получилась следующая равнодействующая, определявшая направление американской политики: Антанте был обеспечен по меньшей мере благожелательный нейтралитет США.

Нельзя не учитывать, что единственный верный союзник Германии — Австро-Венгрия — был крайне немощен и нацио-

нальная борьба все время грозила привести к окончательному кризису и развалу лоскутной монархии. Таким образом, мировая политическая обстановка грозила для Германии в ближайшие годы резко ухудшиться. Мог наступить давно ожидавшийся крах Австро-Венгрии. И если бы надвигавшаяся война началась уже после этого события, положение Германии было бы, конечно, неизмеримо более тяжелым, чем это было в 1914 г., когда Австро-Венгрия еще была цела.

Крупным политическим выигрышем для Германии за 10 лет, протекших со времени образования англо-французской Антанты, был переход на ее сторону Турции. После балканских войн это являлось несомненным фактом. Правда, первая Балканская война крайне ослабила этого нового немецкого союзника. Но зато вторая Балканская война принесла Германии некоторую выгоду. Если до 1913 г. Антанта могла бросить против центральных держав балканский блок, то вторая Балканская война уничтожила такую возможность, ибо блок этот перестал существовать. К концу 1913 г. в германских правящих кругах укрепилась надежда на лояльность Италии.

Болгария и Румыния превратились в объекты борьбы между Антантой и центральными державами. Обе группировки стремились привлечь их на свою сторону. Пожалуй, позиции этих двух стран являлись в 1914 г. наименее определенными величинами.

Большая часть представителей господствующих классов в рядах обеих империалистических группировок полагала, что война поможет предотвратить революционный подъем и сломить силу революционного рабочего движения. Но имелась и противоположная точка зрения. Так, в царской России не только Столыпин (убитый в 1911 г.), но и крайние крепостники, например крайне правые — депутаты Государственной думы Пуришкевич, Марков-второй, в Государственном совете Дурново, — возражали против войны. Война с Германией нужна Англии и Франции, но вовсе не России, утверждали они. России война не принесет никакой выгоды. Она лишь приведет к развалу народного хозяйства. Главное же, «в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая, силою вещей, перекинется и в страну-победительницу».Так писал царю в начале 1914 г. бывший министр внутренних дел Российской империи П. Н. Дурново[1]. Однако значительная часть русской буржуазии, представляемая октябристами и кадетами, думала иначе. Предполагалось, что победа, разгром противников и конкурентов, удовлетворение империалистических вожделений на Ближнем Востоке укрепят в России положение буржуазии.

[1] «Красная новь», 1922, № 6(10), ноябрь — декабрь, стр. 195.

В других империалистических странах тоже имелись политические деятели различных направлений, полагавшие, что война пролетарскую революцию не только не предотвратит, а, наоборот, приблизит. Однако их взгляды не возобладали к 1914 г. в правящих кругах ни в одной из империалистических держав. Напротив, торжествовало убеждение, что «патриотический подъем» укрепит «национальное единство» и положит конец классовой борьбе или хотя бы ослабит ее. В особенности правящие круги Австро-Венгрии были уверены в том, что победоносная война, и только она, может приостановить развал габсбургского государства и сломит хребет национально-освободительному движению.

Военная подготовка и военный потенциал обеих империалистических группировок

Следующие факторы военного порядка оказывали наибольшее влияние на решение вопросов внешней политики и на деятельность дипломатии.

Над Антантой тяготело ослабление военной мощи царской России. Но с другой стороны, для понимания международных событий, предшествовавших первой мировой войне и деятельности дипломатии, нельзя упустить из виду, что хотя в 1914 г. царская Россия и не была готова в военном отношении, но все же степень ее неподготовленности значительно уменьшилась. Ее подготовка стала несравненно лучшей, чем в дни боснийского кризиса или даже первой Балканской войны. Незавершенность военной подготовки России, главного источника человеческих ресурсов Антанты, побуждала последнюю несколько повременить с войной. Потребность в этом была тем настоятельнее, что уже явственно обрисовывались сроки, когда пробелы военной подготовки будут Россией восполнены.

Германия к 1914 г. обладала гораздо более высокой степенью военной готовности, нежели Россия и даже Франция. Важным преимуществом немцев было значительное превосходство в полевой тяжелой артиллерии. На их стороне было также и общее превосходство в военной технике и в организации вооруженных сил. Германия обладала огромным преимуществом в смысле качества резервных формирований, боеспособность которых в Германии гораздо меньше отличалась от армии действительной службы, нежели в России и во Франции. Высокая степень боевой подготовки резервных частей достигалась многочисленностью командирских кадров, а также и наличием запасов вооружения и соответствующей организацией. Что касается численности офицерских кадров, то тут Германия располагала превосходством над всеми другими государствами. Германия обладала самой густой железнодорожной сетью, наилучше подготовленной к военным перевозкам. Военная про-

мышленность Германии превосходила французскую и русскую, вместе взятые, и не уступала по своему потенциалу военной промышленности всей Антанты, включая Англию.

Об австро-венгерской армии можно сказать, что все ее свойства перекрывались одним доминирующим: моральное состояние войск было крайне низким, отсутствовали воля к победе, воинский дух. Славянские части не хотели воевать — особенно против русских.

Английская экспедиционная армия была невелика, всего 6 дивизий, хотя и высокого качества. В колониях и доминионах имелся большой запас живой силы, большей частью, однако, необученной. Исключение составляли индийская туземная армия, насчитывающая в мирное время около 160 тыс. человек, с некоторым резервом. Часть этих войск могла быть переброшена в Европу, но это требовало времени. Присоединение Англии к России и Франции уравнивало потенциал военной промышленности Антанты с промышленностью Германии.

На море к 1914 г. Германия, несмотря на все усилия, все-таки еще далеко не успела догнать Англию. Последняя располагала 30 дредноутами, да кроме того Франция и Россия по семи дредноутов каждая. Этим 44 линейным кораблям (включая крейсеры-дредноуты) Германия могла противопоставить 20, а вместе с австрийскими — 24. Преимущество в числе броненосцев додредноутного типа было у Антанты еще значительнее, но эти корабли уже не были полноценными. Англия и Франция имели, далее, 26 броненосных крейсеров, считая лишь суда со скоростью не менее 23 узлов. И это против 5 у германо-австрийского блока. Наконец, Англия и Франция имели 52 быстроходных легких крейсера, не считая более полусотни легких крейсеров со скоростью менее 25 узлов. Германия и Австрия имели только 28 крейсеров со скоростью свыше 25 узлов и 23 более тихоходных.

Превосходство на море обеспечивало Антанте возможность блокады Германии. А это в свою очередь приводило к тому, что Германия оказывалась вынужденной ориентироваться только на сырьевые и продовольственные ресурсы Центральной и Юго-Восточной Европы, а также Азиатской Турции, в то время как к услугам Антанты оказывались ресурсы всего мира. Господство на море превращало США в арсенал Антанты. Однако в 1914 г. эти важнейшие обстоятельства мало кто учитывал на континенте. Там генеральные штабы и правительства рассчитывали на короткую войну. И Германия торопилась ее начать, пока не была закончена большая военная программа России, пока еще не развалилась Австро-Венгрия, не окончательно отпала Италия и пользуясь распадом балканского блока, ослабившим силы Антанты. Германское правительство рассчи-

тывало на превосходство своей подготовки и на быстроту действий. Для Франции и России было целесообразно несколько лет подождать. Нужно было значительное время, чтобы преимущества Антанты в отношении количества живой силы и ресурсов смогли быть превращены в боевую мощь, способную оказать влияние на поле сражения.

Все говорило за то, что в ближайшие годы у Антанты будет куда больше возможностей изменить соотношение сил в свою пользу, чем у Германии. Не удивительно, что именно Германия торопилась скорее начать войну. «Удивительно ли, — писал Ленин, — что два разбойника напали раньше, чем *трое* успели получить заказанные ими новые ножи?» [1]

Международное положение к лету 1914 г. Ближний Восток

Балканские войны привели к еще большему обострению международной обстановки. Правда, они завершили освобождение балканских славян от гнета Турции. Но они же усилили противоречия между Балканскими государствами. Турецкий гнет был свергнут не революцией, а войной балканских монархических правительств. Это привело к ожесточеннейшей борьбе между победителями Турции. Болгария жаждала реванша за вторую Балканскую войну; Греция и Сербия не хотели примириться с границами, установленными для Албании; Италия не очищала занятого ею Додеканеза. В то же время Турция ждала благоприятного момента, чтобы отнять у Греции Эгейские острова. Но это не все: за балканскими монархиями стояли великие империалистические державы, оспаривавшие друг у друга влияние на Ближнем Востоке. Россия и Англия все еще стремились вырвать Турцию из-под германского влияния. В Софии, Бухаресте и Афинах шла ожесточенная борьба между Антантой и австро-германским блоком за политическую ориентацию балканских правительств, за их военные силы, необходимые ввиду надвигавшейся мировой войны. Австрия ждала случая расправиться с Сербией; южное славянство стремилось освободиться от ига Австро-Венгрии; сербское правительство жаждало создать «великую Сербию». Россия покровительствовала ему.

Правящие круги Австро-Венгрии видели в Сербии и южнославянской пропаганде опасность для самого существования Австро-Венгерской империи. Россия усматривала в Сербии лучшую свою опору против Австрии на балканском плацдарме. Стоило еще раз вспыхнуть австро-сербскому конфликту, достаточно было России не отступить перед центральными державами — и могла вспыхнуть австро-русская война. А тогда неизбежно заработал бы механизм союзов. Австрия не решилась бы

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 26, стр. 122.

начать войну с Сербией без санкции Германии. Если бы такая война возникла, это означало бы, что Германия признает момент подходящим для решительного боя за передел мира. Франция не могла не поддержать России, ибо разгром Российской империи не только уничтожил бы шансы на реванш, но и оставил бы Францию без поддержки перед лицом германского империализма. Наконец, и Англия не могла бы не оказать помощи Франции против своего опаснейшего германского соперника. Таким образом, Балканы превратились в пороховой погреб Европы. Стоило бросить в него спичку, чтобы произошел общеевропейский взрыв.

Весной 1914 г. дипломатия обеих группировок продолжала спешно работать над укреплением своих позиций в ожидании неизбежной схватки. В июне 1914 г. во время свидания Николая II с румынским королем в Констанце Сазонов приложил все старания, чтобы окончательно склонить Румынию на сторону Антанты. Ее дипломатия не складывала оружия и в Софии: она старалась восстановить балканский блок, да еще усиленный присоединением Румынии. В свою очередь и австро-германская дипломатия продолжала работу по привлечению Болгарии. При этом предполагалось добиться ее сближения с Турцией, чтобы объединенными болгаро-турецкими силами парализовать антантофильскую группу Балканских государств и прежде всего Сербию.

Румыно-венгерские противоречия в Трансильвании приобрели настолько острый характер, что венгры уже считали безнадежным делом добиваться соблюдения Румынией союзных обязательств по отношению к центральным державам. Германское правительство, напротив, полагало, что необходимо во что бы то ни стало удержать Румынию на своей стороне; поэтому оно требовало от венгров уступок трансильванским румынам. На этой же точке зрения стоял и эрцгерцог Франц-Фердинанд. Он не питал симпатий к венграм; они платили ему той же монетой. Во время свидания в Конопиште (в июне 1914 г.) Вильгельм II договорился с Францем-Фердинандом о следующей дипломатической программе: укрепление союза с Румынией; поощрение болгаро-турецкого сближения; наконец, примирение Румынии с Болгарией.

Англо-германские отношения в 1913—начале 1914 г.

В напряженной международной борьбе главными противниками оставались Германия и Англия. Англо-германский антагонизм был основным фактором в империалистической борьбе, приведшей к войне 1914 г. Однако в 1913 и в первой половине 1914 г. (почти до самого начала войны) усилия британской дипломатии были направлены на то, чтобы замаскировать остроту англо-германского антаго-

низма. В эти годы Англия, во-первых, заигрывала с Тройственным союзом при определении границ Албании, во-вторых, как бы в продолжение миссии Холдена, она вела с Германией переговоры о возобновлении известного договора 1898 г. о разделе португальских колоний. Наконец, английская дипломатия перестала чинить Германии препятствия по финансированию Багдадской дороги.

Договор от 30 августа 1898 г. о разделе португальских колоний был извлечен из пыли архивов и даже несколько изменен в пользу Германии. Теперь ей должна была достаться почти вся Ангола, в то время как в 1898 г. ей отводилась только часть этой страны. К португальским владениям в Африке Германию влекли не только их собственные ресурсы, но и возможность проникновения через эти колонии, расположенные на побережье, в глубь Африканского материка. В эксплуатации его богатств германский капитал стремился принять деятельное участие. Так, банк «Дисконто-гезельшафт» установил контроль над «Промышленным и горнорудным обществом Катанги». Он финансировал строительство железной дороги в Конго. Перед войной германская финансовая олигархия овладела железной дорогой, строившейся к Катанге от побережья через португальскую Анголу [1].

Переговоры о разделе португальских колоний в основном были завершены во время пребывания короля Георга V в Берлине в мае 1913 г. Визит этот и сам по себе имел значение демонстрации англо-германского «сближения». В августе 1913 г. соглашение о португальских колониях было парафировано. Впрочем, Грей затянул подписание и опубликование уже парафированного документа. Окончательная договоренность была достигнута только в конце июля 1914 г., всего за несколько дней до начала мировой войны.

Вопрос о Багдадской дороге решался параллельно с судьбой португальских колоний. Стоял вопрос о дальнейшей, 4-процентной надбавке к турецкому таможенному обложению, с тем чтобы довести его до 15% стоимости товара. Так как для Англии особенную важность представляли земли, прилегающие к Персидскому заливу, то в Берлине склонились к мысли получить ее согласие на повышение пошлин ценой отказа от постройки последнего участка Багдадской железной дороги, простирающегося от Басры до побережья Персидского залива (на что раньше немцы не соглашались).

Осенью 1912 г. Англия выразила готовность согласиться на 4-процентное повышение пошлин, в случае если Турция признает Персидский залив сферой английского влияния. Кроме

[1] *G. W. F. Hallgarten*, Imperialismus vor 1914, Bd II, S. 174—175.

того, Англия требовала, чтобы Багдадскую дорогу не продолжали за Басру без специального на то разрешения Англии. Она добивалась, далее, контроля над портами Багдада и Басры и подтверждения Турцией британских привилегий в вопросе о навигации по Тигру и по Шатт-эль-Арабу.

Наконец, в правление Багдадской дороги должны были войти два английских представителя.

После первой Балканской войны великий визирь приезжал в Лондон. Здесь, стремясь заполучить поддержку Англии в предстоявших мирных переговорах, он согласился удовлетворить английские пожелания. В свою очередь и Германия, соблазненная предложенной ей добычей в португальских колониях, обещала Англии без ее согласия не проводить железной дороги за Басру, к побережью залива и не строить на нем портов. Признав «специальные интересы» Англии на Шатт-эль-Арабе, немцы удовлетворили и другие ее пожелания, выполнение которых английская дипломатия считала необходимым условием для своего согласия на завершение Багдадской дороги. К этому времени уже стали известны нефтяные богатства Мосульского района. В создаваемых акционерных обществах для эксплуатации нефти и судоходства по Шатт-эль-Арабу доля английского капитала равнялась 50%. Другая половина акций нефтяной компании делилась поровну между немцами и голландцами. При тесных связях голландского нефтяного капитала с английским это соглашение означало, что мосульская нефть достанется Англии. Таково было содержание англо-германской конвенции, которая была подготовлена для подписи к 15 июня 1914 г. Но акт подписания был несколько отложен. И разразившаяся вскоре война помешала заключению этого договора о разделе богатств Ирака между английскими и германскими монополиями.

Грей искал оттяжки англо-германского столкновения прежде всего потому, что боялся прогерманской оппозиции в британском кабинете. Эта его слабость, а может быть, и лицемерие привели к тяжелым последствиям — к поощрению германской агрессии. В Берлине никогда не страдали избытком скромности. А в результате пацифистских жестов и маневров английской дипломатии в германской столице и в Вене укрепилась уверенность в том, что Англия не захочет участвовать в войне против Германии. Подобные иллюзии не делали чести проницательности австрийских и германских политиков; тем не менее они остаются историческим фактом [1]. Немалые надежды внушали в Берлине англо-русские противоречия в Персии.

[1] Ср. *F. Fischer.* Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961, S. 58, 64, 71, 78, 82, 83, 86; *B. E. Schmitt.* The origins of the first world war. 1958, p. 17—18.

Симптомы англо-германского сближения вызвали сильное беспокойство в Париже и в Петербурге. Английские дипломаты ничего не имели против того, чтобы посредством переговоров с Германией поднять цену Англии в глазах ее партнеров по Антанте. Но они вовсе не хотели отталкивать их от себя. Поэтому для некоторого успокоения французов весной 1914 г. был организован визит английского короля в Париж. Вместе с Георгом V отправился туда и Грей.

В Париже Пуанкаре стал убеждать Грея установить более близкие отношения с Россией. Для этого французы уговаривали англичан заключить с ней военно-морскую конвенцию. Вопрос о сотрудничестве флотов был поставлен Сазоновым еще в 1912 г., во время его пребывания в Англии по приглашению короля, в замке Бальморель. Теперь по просьбе Сазонова Пуанкаре возобновил разговор на эту тему. Грей согласился обсудить вопрос. Вскоре предстояло открытие англо-русских переговоров.

Но об этом немедленно стало известно немцам: они имели агента в числе секретарей царского посольства в Лондоне. В немецкой печати появились сенсационные разоблачения. Английское правительство воздержалось от переговоров. 11 июня 1914 г. Грей не моргнув глазом категорически отрицал в парламенте факт каких-либо переговоров о морской конвенции с Россией.

Германский империализм решается начать войну

Обе враждовавшие друг с другом группировки держав, и Антанта и Тройственный союз, вели империалистическую политику. «В течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран»[1] захватническую, империалистическую войну. «Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточноевропейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне»[2]. Виновниками войны, начавшейся в августе 1914 г., явились империалисты всех стран.

Но непосредственно развязала войну летом 1914 г. Германия. Германский империализм обладал наибольшими темпами развития среди высокоразвитых империалистических держав Европы. Германия была самой агрессивной державой и, вооружаясь наиболее поспешно, успела лучше и быстрее всех подготовиться к войне. Расчеты германского империализма достаточно ясно изложил в июле 1914 г. статс-секретарь ведомства иностранных дел Ягов. «В основном, — писал он послу в Лондоне, — Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также не захотят сейчас войны. Через несколько лет, по всем

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 26, стр. 15.
[2] Там же.

компетентным предположениям, Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа между тем все более слабеет»[1]. Этими последними словами Ягов намекал на прогрессировавшее разложение Австро-Венгрии.

«В России, — продолжал Ягов, — это хорошо знают и поэтому безусловно хотят еще на несколько лет покоя. Я охотно верю вашему кузену Бенкендорфу, что Россия сейчас не хочет войны с нами»[2].

Вряд ли кто-либо другой доказал более убедительно, что именно Германия начала войну в августе 1914 г., чем это сделал сам германский министр иностранных дел.

Соображения военного порядка в значительной мере определили позицию германского правительства, когда в конце июня 1914 г. возник очередной австро-сербский конфликт. Разыгралось это новое столкновение в связи с убийством наследника австрийского престола.

Сараевское убийство

В Сербии, как и в славянских областях Австро-Венгрии, имелся ряд организаций, боровшихся за объединение южных славян и за их освобождение от власти Австро-Венгрии. Политическое лицо этих организаций не было одинаковым. Среди офицеров сербской армии существовала тайная организация под наименованием «Черная рука». Целью ее было освобождение сербов, находившихся под властью Австро-Венгрии, и создание «великой Сербии». «Черная рука» была построена на основе строжайшей конспирации. Имена ее членов были известны только центральному комитету. Рядовые участники не знали друг друга. Каждый состоявший в обществе был обязан привлечь в него нового члена и отвечал своей жизнью за его верность. Вождем «Черной руки» был полковник Драгутин Дмитриевич, по кличке Апис, начальник сербской контрразведки. Правительство Пашича его побаивалось. Имелись, однако, многочисленные национальные организации, носившие демократический характер. К числу их принадлежала «Млада Босна».

Старый австрийский император Франц-Иосиф доживал свои последние годы. По мере того как он дряхлел, в политической жизни Австро-Венгрии все большее значение приобретал его племянник, наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Планы его, направленные на укрепление габсбургской монархии, были широко известны. В кругах южнославянского освободительного движения вынашивались планы убийства эрцгер-

[1] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd I, № 72, Berlin, 1921, S. 100.

[2] Ibidem.

цога [1]. В марте 1914 г. стало известно, что в июне он прибудет в Боснию на маневры. Сербская контрразведка полагала, что маневры эти явятся прямой подготовкой к нападению на Сербию. «Млада Босна» вынесла эрцгерцогу смертный приговор, как врагу славянства, и приступила к подготовке покушения. Непосредственными исполнителями террористического акта явились члены «Млады Босны» Гаврило Принцип и Неделько Габринович. Оба готовы были идти на верную смерть ради национального дела. А именно так оценивали они устранение крупнейшего и наиболее активного представителя габсбургского дома. Оружием убийц снабдила «Черная рука», располагавшая широкими связями с освободительным движением в Боснии.

Сербское правительство догадывалось о заговоре и не одобряло его. Оно опасалось его последствий в момент, когда еще не была закончена программа реорганизации русской армии, а Сербия не успела залечить ран, нанесенных балканскими войнами. Сербское правительство тщетно пыталось помешать убийцам, находившимся в Белграде, возвратиться в Австро-Венгрию. Оно распорядилось не пропускать их через границу. Но сербские пограничные власти, связанные с «Черной рукой», не выполнили этого распоряжения. Сербское правительство устами своего посланника в Вене предупредило австро-венгерского министра Билинского, на котором лежало управление Боснией, об опасности, которой подвергнется эрцгерцог, если он туда прибудет. Но странным образом это предостережение было оставлено без внимания.

28 июня 1914 г. Франц-Фердинанд был убит Принципом в боснийском городке Сараево, куда он приехал после происходивших поблизости маневров австро-венгерской армии.

Переговоры в Потсдаме

На другой день после убийства эрцгерцога в Вене царила полная растерянность. Начальник генерального штаба Конрад фон Гетцендорф требовал войны против Сербии. Его поддерживал министр иностранных дел, легкомысленный аристократ граф Берхтольд. Однако премьер Венгрии граф Тиса выступил против планов «военной партии» — а этот государственный деятель пользовался не малым влиянием. Престарелый император колебался. Опыт долгой жизни научил его одному: высшая политическая мудрость, по его мнению, заключалась в том, чтобы по возможности никогда не принимать никаких ответственных решений.

В этой обстановке колебаний и нерешительности, вполне понятных ввиду внутренней непрочности габсбургской монар-

[1] См. об этом *Ю. А. Писарев*. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962, стр. 302—318.

нии, было, конечно, совершенно естественным запросить мнение союзника. Даже Конрад фон Гетцендорф полагал, что без помощи со стороны Германии идти на риск войны невозможно. На этом первом этапе кризиса вопрос о войне и мире фактически решался в Берлине. Вильгельму II было послано личное письмо Франца-Иосифа и меморандум венского правительства по поводу балканской политики Австро-Венгрии. Эти документы повез начальник канцелярии министерства иностранных дел граф Хойос. В своем письме Франц-Иосиф допускал мысль, что в сараевском деле «будет невозможно доказать соучастие сербского правительства. Тем не менее, — продолжал император, — по существу нельзя сомневаться, что политика сербского правительства направлена на объединение южного славянства и, следовательно, против владений габсбургского дома». И император приходил к заключению, что Сербия должна быть «устранена с Балкан в качестве политического фактора» [1].

Австро-сербский конфликт не был новостью. Столкновений между Австрией и Сербией было немало в последние годы. Много раз мир висел на волоске, но войны удавалось избежать: либо Россия из-за своей военной неподготовленности убеждала Сербию уступить, либо сама Германия, считая момент неподходящим, удерживала своего австрийского союзника.

На этот раз германское правительство сочло положение благоприятным. В Берлине знали, что, с одной стороны, Россия еще не готова к войне, а с другой, что эта неподготовленность скоро отойдет в область прошлого. «Вооружаясь изо всех сил в расчете на войну, Россия не замышляет ее в настоящий момент или, лучше сказать, сейчас она еще недостаточно подготовилась к ней». Если Россия и решится выступить на защиту Сербии, которая является главной опорой ее политики на Балканах, то «она сейчас еще далеко не готова в военном отношении и еще не так сильна, как она предположительно будет через несколько лет» [2]. Так доносил своему правительству о настроениях германских правящих кругов австро-венгерский посол в Берлине граф Сегени.

В Берлине рассчитывали так: если Россия не вмешается в австро-сербскую распрю, Австрия уничтожит Сербию; это будет серьезным выигрышем для австро-германского блока. Если же Россия все-таки решится воевать, то развернется большая война в условиях, выгодных для Германии. Позже эти условия грозят измениться для германского империализма в худшую сторону. Саксонский военный агент 2 июля 1914 г. также доносил из Берлина в Дрезден, что германское военное руководство стремится начать войну. «У меня создалось впечатление, что

[1] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd VIII, № 9984, S. 251—252.
[2] Ibid., № 10215, S. 408.

большой генеральный штаб считал бы желательным возникновение войны сейчас», — писал он.

Позиция германской военщины и германской дипломатии была полностью разоблачена В. И. Лениным. «Немецкая буржуазия, — писал он осенью 1914 г., — распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией» [1].

5 июля 1914 г. Вильгельм II принял в Потсдамском дворце австрийского посла Сегени и дал ему ясный ответ: «Не мешкать с этим выступлением» (против Сербии). «Позиция России будет во всяком случае враждебной, но он (кайзер. — *В. Х.*) к этому уже давно подготовлен, и если даже дело дойдет до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем быть уверены в том, что Германия с обычной своей союзнической верностью будет стоять на нашей стороне» [2].

Сегени и Хойос встретились также с Бетманом и помощником статс-секретаря иностранных дел Циммерманом. Бетман заявил австрийцам, что в конфликте из-за Сербии Австрия «может с уверенностью рассчитывать на то, что Германия будет стоять за неё в качестве союзника и друга» [3]. Таким образом, германское правительство обеспечило победу военной партии в Вене; решающий шаг к мировой войне был сделан.

Одобрив австрийский план расправы с Сербией, Вильгельм II тут же вызвал к себе в Потсдам представителей военного и морского командования. Он предупредил их о вероятности войны. В ответ ему было заявлено, что все готово. «Мне нечего было делать после этой аудиенции, — сообщает генерал-квартирмейстер германского генерального штаба. — План мобилизации был закончен 31 марта 1914 г. Как всегда, армия была готова». Написавший эти строки генерал хвастался не понапрасну: Германия действительно была готова к войне.

После потсдамских бесед были приняты меры довольно примитивной дипломатической маскировки: руководящие германские политики отправились отдыхать, как будто на международной арене ничего чрезвычайного не происходило. Официозная пресса получила задание — заметки об австро-сербских отношениях редактировать «нарочито мягко». Так гласила директива, данная в середине июля ведомством иностранных дел газете «Норддейче альгемейне цейтунг». «Высокоофициозный

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 26, стр. 16.
[2] «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd VIII, № 10058, S. 306.
[3] Idid., № 10076, S. 320; «Die Deutschen Dokumente», Bd I, № 15.

орган, — писал Ягов об этой директиве, — не должен преждевременно бить тревогу».

7 июля 1914 г. по прибытии ответа из Берлина в Вене состоялось заседание совета министров. «Все присутствующие, — гласит протокол этого совещания, — за исключением королевского венгерского председателя совета министров (Тисы. — *В. Х.*), придерживаются мнения, что чисто дипломатический успех, даже в том случае, если бы он закончился полнейшим унижением Сербии, не имел бы ценности. Поэтому нужно предъявить Сербии настолько далеко идущие требования, чтобы можно было заранее предвидеть их отклонение, дабы приступить к радикальному же разрешению вопроса путем военного вмешательства» [1].

Однако в Вене к делу приступили не сразу. Пока Тиса возражал против войны, начинать ее было немыслимо. Нельзя было воевать, когда глава правительства одной из двух составных частей государства заявлял, что он на это не согласен. Позиция Тисы объяснялась тем, что в случае победы он опасался аннексии славянских областей, замены австро-венгерского дуализма австро-венгерско-славянским триализмом и умаления роли Венгрии. В случае поражения он ждал гибели старой габсбургской монархии. Лишь с большим трудом сторонникам войны удалось переубедить графа Тису. Когда этого добились, уже приближалась середина июля.

Эти проволочки вызывали недовольство в Берлине. Оттуда торопили, опасаясь, как бы Австро-Венгрия не стала бить отбой. Вильгельму казалось, что «дело тянется слишком долго». На донесении германского посла в Вене, в котором говорилось, что Берхтольд ломает себе голову над тем, какие требования предъявить сербам, Вильгельм сделал следующую пометку: «Очистить санджак! Тогда немедленно последует свалка!» [2] — такого рода советы летели в Вену из Берлина [3].

Пока австро-венгерское правительство раздумывало, дипломаты держав Антанты не теряли времени даром. Наиболее сложной была дипломатическая игра английского правительства.

Эдуард Грей как дипломат

Во главе британского министерства иностранных дел с конца 1905 и по декабрь 1916 г. стоял сэр Эдуард Грей. Историки немало спорили о том, что за человек скрывался под безукоризненной внешностью прекрасно воспитанного, изысканно

---

[1] *Conrad von Hötzendorf.* Aus meiner Dienstzeit, Bd IV, S. 51.

[2] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd I, № 29, S. 47.

[3] Ср. аналогичный вывод в новейшем исследовании: *F. Fischer,* Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961, S. 63, 77.

вежливого, спокойного, сдержанного джентльмена, возглавлявшего Форин-оффис. Сэр Эдуард не любил говорить много; то же немногое, что он говорил, он частенько предпочитал выражать неясно. Собеседник Грея часто не знал, как, собственно, надо понимать речи британского министра: усматривать ли в них многозначительный намек либо же полную бессодержательность, т. е. желание уклониться от выражения собственных мыслей.

Некоторые историки стремятся изобразить Эдуарда Грея как человека, который старался не раздражать германского соперника и тем надеялся спасти Англию и весь мир от надвигавшейся страшной войны. Но факты несколько иначе рисуют политику Грея.

Британское министерство иностранных дел было прекрасно информировано о положении вещей. Уже очень скоро после сараевского убийства Грей знал, что этот террористический акт будет использован венским правительством для агрессивного выступления против Сербии и что со стороны Германии Веца встретит поощрение. Несколько позже Грею стало известно, что и Россия не намерена еще раз отступать перед австро-германским блоком. Как же должен был действовать Грей, если он хотел спасти мир? Ответ на этот вопрос мог дать его собственный практический опыт. Когда в 1911 г., в момент агадирского кризиса, возникла угроза общеевропейской войны, английское правительство публично — устами канцлера казначейства Ллойд-Джорджа — и в секретно-дипломатическом порядке — через самого Грея — предупредило Германию, что Англия выступит на стороне Франции. И Германия ретировалась. Совершенно так же обстояло дело и в конце 1912 г.: заявление Англии, что она не останется нейтральной, вызвало умеряющее воздействие Германии на Австро-Венгрию.

Этот опыт подсказывал, что именно следовало сделать летом 1914 г., если Грей хотел спасти мир. Надо было рассеять в Берлине иллюзию, что Англия останется нейтральной в надвигавшейся европейской войне. Сделать это было тем более необходимо, что английская дипломатия в течение 1913—1914 гг. поддерживала в Берлине надежду на британский нейтралитет.

Как же повел себя сэр Эдуард Грей? 29 июня 1914 г. он публично выразил в парламенте сочувствие горю императора Франца-Иосифа. Это было актом вежливости. Дальше, в первые дни после сараевского убийства, Грей не предпринимал почти ничего. Он только собирал информацию.

6 июля 1914 г., на другой день после свидания Вильгельма с Сегени в Потсдаме, Грей виделся с германским послом князем Лихновским. Посол сообщил Грею о глубоком удовлетво-

рении, которое испытывает император Вильгельм по поводу визита английской эскадры в Кильскую гавань. Поговорив немного о пустяках, Лихновский попытался выяснить у Грея, какую позицию займет Англия в надвигающихся международных осложнениях. С этой целью он сообщил Грею, что австрийцы собираются предпринять выступление против Сербии. «Они, конечно, при этом не думают захватить какую-либо территорию?» — спросил Лихновского Грей. Лихновский заверил, будто цель Австрии заключается вовсе не в территориальных аннексиях. Затем он довольно откровенно разъяснил позицию Германии. Если Германия откажет Австрии в помощи, Австрия будет недовольна. Если она поддержит Австрию, возможны серьезные осложнения с Россией. Посла особенно беспокоило, не ведутся ли какие-либо переговоры между Англией и Россией о морской конвенции, которые могут поощрить Россию на сопротивление Австрии.

Грей убеждал Лихновского в миролюбии России. Если же осложнения все-таки надвинутся, то он обещал сделать все, чтобы «предотвратить грозу». Грей подтвердил предположение, высказанное Лихновским, что Англия «не может допустить уничтожения Франции». Дальше этого Грей не пошел [1]. А кайзер и его правительство и не подумали сделать из брошенного намека необходимые выводы.

Через два дня, 8 июля, Грей беседовал с русским послом Бенкендорфом. Он обрисовал ему всю серьезность положения. Когда Бенкендорф попробовал изобразить ситуацию в менее тревожном свете, Грей возражал. Он настаивал на вероятности австрийского выступления и всячески подчеркивал враждебность Германии к России.

9 июля состоялась новая встреча Грея с Лихновским, вторая после убийства эрцгерцога. Английский министр снова говорил о миролюбивом настроении России и заверил, что Англия, не связанная с Россией и Францией какими-либо союзными обязательствами, располагает полной свободой действий. Германский посол старался узнать, согласится ли Англия в случае австро-сербского конфликта оказать умиротворяющее воздействие на Петербург. «Я сказал, — сообщает Грей, — что если австрийские меры в отношении Сербии будут проведены в определенных рамках, то будет, конечно, сравнительно легко склонить Петербург к терпимости». Австрия не должна, однако, преступать определенный предел. Иначе славянские симпатии могут побудить Россию обратиться к Австрии с чем-либо вроде ультиматума. Грей снова заверил Лихновского, что сделает

[1] «British Documents», vol. XI, № 32, p. 24—25; «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», № 20, S. 40—42. Донесение Лихновского.

«все возможное, чтобы предотвратить войну между великими державами» [1].

Любопытно, что если в беседах с Бенкендорфом Грей выдерживал пессимистический тон, то в те же дни, при встречах с Лихновским, он был уже оптимистом. Лихновский сообщал в Берлин, что Грей «был настроен весьма уверенно и в бодром тоне заявил, что не имеет оснований оценивать положение пессимистически» [2]. Накануне же царского посла Бенкендорфа Грей настраивал в прямо противоположном духе: «...известия, получаемые им из Вены, ему не нравятся». «Я ответил... — сообщал Бенкендорф, — что если Австрия попытается извлечь пользу из содеянного убийства, общественное мнение в России не останется равнодушным». «Вот почему, — сказал Грей, — положение мне представляется очень серьезным». «Его впечатления относительно намерений Берлина, — заключал Бенкендорф, — впечатления, почерпнутые из многих источников, — являются в общем не особенно благоприятными» [3].

Достойно внимания, что, предупреждая Петербург, Грей не сделал предостерегающего заявления в Берлине. Он не попытался осадить германских империалистов, хотя и видел, что они берут курс на войну. Почему он не повторил опыта 1911 и 1912 гг.? Быть может, Грей боялся «пацифистского» крыла кабинета, которое подняло бы шум по поводу угроз по адресу Германии и вовлечения Англии в конфликт? Возможно, что эти соображения и заставили Грея медлить с предостережением по адресу Берлина. Во всяком случае, каковы бы ни были его мотивы, избранная Греем линия поведения отнюдь не способствовала сохранению мира. Напротив, политика Грея поощряла немецкую агрессию.

Впрочем, с английской точки зрения, момент для войны был не так уж неблагоприятен. «Ни разу в течение трех последних лет мы не были так хорошо подготовлены» [4], — писал Черчилль, занимавший в кабинете Асквита пост первого лорда адмиралтейства. Во всяком случае, на море Англия продолжала оставаться несравненно сильнее Германии. Нельзя упускать из виду и того, что поддержание этого превосходства год от года становилось все труднее.

Незадолго до вручения австрийского ультиматума Сербии Грей отклонил предложение Сазонова, чтобы Россия, Англия и Франция коллективно воздействовали на венское правитель-

---

[1] «British Documents», vol. XI, № 41, p. 33—34; «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd I, № 30, S. 51—52.

[2] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd. I, № 30, S. 52.

[3] «Международные отношения», серия III, т. IV, № 146, стр. 188—194.

[4] *W. S. Churchill*, The world crisis 1911—1914, vol. I, p. 194.

ство. 23 июля, в день вручения ультиматума, в первый раз за все время кризиса английский министр встретился с австрийским послом Менсдорфом. В Лондоне хорошо знали, какой провокационный документ заготовили австрийцы для Сербии. Накануне вручения ультиматума, 22 июля, «Таймс» довольно точно изложила его содержание. Конечно, не хуже редакции газеты знал его и Грей. Да и посол граф Менсдорф сообщил Грею основные пункты австрийской ноты. И тем не менее при встрече с ним Грей удовольствовался сожалением, что предъявляемая нота ограничивает срок для ответа; он отказался обсуждать ее по существу, пока не увидит документ воочию. Затем он стал распространяться об ущербе, который нанесет торговле война между четырьмя великими державами: Россией, Австрией, Францией и Германией. О возможности участия пятой державы, Англии, Грей не обмолвился ни словом. Донесение о беседе с Греем Менсдорф заключал следующими словами: «Он был хладнокровен и объективен, как обычно, настроен дружественно и не без симпатии по отношению к нам»[1]. Это ли не было поощрением агрессии?

Приезд Пуанкаре в Петербург. Австро-венгерский ультиматум Сербии

В первые дни после убийства эрцгерцога русская дипломатическая машина продолжала работать обычным своим ходом. От посла в Вене поступили успокоительные сообщения, и в министерстве были заняты такими предметами, как вопрос о 4-процентном повышении турецких пошлин, о предоставлении России места в управлении оттоманского государственного долга, о займе для Монголии и т. п.

Первый сигнал тревоги пришел в Петербург от Бенкендорфа из Лондона. Затем итальянское посольство информировало Петербург об угрожающей позиции австрийцев.

7 июля Сазонов направил указание русскому посланнику в Сербии Гартвигу: «Последние события в Австрии, вызвавшие столь резкое обострение антисербского настроения, побуждают нас советовать сербскому правительству с крайней осторожностью относиться к вопросам, способным еще более усилить его и создать опасное положение»[2]. Царское правительство действовало в сознании пробелов своей военной подготовки.

В последующие дни Сазонов отправился в свое имение. Вернулся он 18 июля. Советник министерства Шиллинг встретил его на вокзале и информировал о сложившейся опасной обстановке. Сазонов тут же повидал нескольких послов. Гер-

[1] «Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges», Bd I, № 59, S. 127—128; «Österreich-Ungarns Aussenpolitik», Bd VIII, № 10537, S. 602—603.

[2] «Международные отношения», серия III, т. IV, № 112, стр. 157.

манского — графа Пурталеса — он предостерег: если Австро-Венгрия решилась «возмутить мир», ей придется «считаться с Европой». «Россия не могла бы смотреть равнодушно на выступление в Белграде, направленное на унижение Сербии... Во всяком случае, не должно быть и речи об ультиматуме». Сазонов подчеркнул, что «политика России является мирной, но не пассивной» [1]. Это был прозрачный намек на то, что царское правительство не собирается повторять в австро-сербском конфликте своей тактики уступок и отступления по примеру боснийского кризиса или Балканской войны. Сазонов постарался внушить немцам, что поведение Австро-Венгрии осуждается в Англии. «Он заблуждается», пометил кайзер на полях донесения Пурталеса.

Итальянскому послу Сазонов заявил, что Россия не может позволить Австрии «говорить с Сербией угрожающим языком или применить к ней военные меры» [2]. В форме более мягкой, чем Пурталеса, Сазонов предупредил и австрийского посла Сапари. Но посол рассыпался в заверениях насчет миролюбия Австро-Венгрии. «Он был кроток как ягненок» и «вполне успокоил» Сазонова. Так гласит поденная запись российского министерства иностранных дел [3].

20 июля в Россию приехали президент Пуанкаре и председатель совета министров Вивиани. Они заверили, что в случае войны с Германией Франция выполнит свои союзнические обязательства [4]. Царское правительство решило на этот раз не отступать перед опасностью войны, как оно трижды делало это прежде: в 1909, 1912 и 1913 гг.

Между тем в Вене было решено с вручением ультиматума обождать, пока президент Французской республики не покинет русской столицы. Венские политики полагали, что без личного воздействия Пуанкаре царь и его министры легче примирятся с австрийским ультиматумом и, быть может, позволят Австро-Венгрии без помехи расправиться с Сербией. Дождавшись отъезда Пуанкаре из Петербурга, венское правительство поручило своему посланнику в Белграде передать 23 июля сербскому правительству ультиматум с 48-часовым сроком для ответа.

Ультиматум начинался с указания на попустительство со стороны сербского правительства антиавстрийскому движению и даже террористическим актам — вопреки обязательству, принятому Сербией в 1909 г. при ликвидации боснийского кризиса.

[1] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd I, № 120, S. 141.

[2] Ibidem.

[3] «Международные отношения», серия III, т. IV, № 272, стр. 329.

[4] «Международные отношения», серия III, т. IV, № 322, стр. 381; ср. т. V, № 172, 234, стр. 182, 224. «Documents Diplomatique Français», 3-e série, vol. XI, № 1, 19; *М. Палеолог*, Царская Россия в войне, стр. 35.

«Из показаний и признаний виновников преступного покушения 28 июня явствует, — гласил ультиматум, — что сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками... и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован и осуществлен начальствующими лицами сербской пограничной службы». Ввиду этого Австро-Венгрия требовала торжественного публичного осуждения сербским правительством всякой пропаганды и агитации против Австрии в официальном органе и особо — в приказе короля по армии. Далее следовали 10 требований более конкретного характера. В числе их были следующие: недопущение враждебной Австро-Венгрии пропаганды в сербской печати; закрытие антиавстрийских организаций; устранение из школьного обучения элементов антиавстрийской пропаганды; увольнение офицеров и должностных лиц, замешанных в антиавстрийской деятельности и пропаганде, причем списки этих лиц составлялись бы австро-венгерским правительством; участие австрийских властей в подавлении на территории Сербии движения, «направленного против территориальной неприкосновенности» Австро-Венгрии; в частности, представители австро-венгерского правительства должны были принять участие на сербской территории в следствии по сараевскому делу. Требовалось строгое наказание лиц, замешанных в сараевском убийстве; сербское правительство должно было дать австро-венгерскому правительству «объяснения» по поводу враждебных Австрии заявлений некоторых сербских «высших чинов», сделанных после сараевского убийства; наконец, сербское правительство должно было «без замедления уведомить» австро-венгерское правительство об осуществлении всех предписанных ему мероприятий.

Текст австрийского ультиматума нарочито был составлен так, чтобы государство, дорожащее своей независимостью и честью, не могло его принять. Документ этот был явной и преднамеренной провокацией.

Вручая ноту, австро-венгерский посланник барон Гизль заявил, что, если в установленный срок ультиматум не будет принят целиком, он потребует свои паспорта.

Сербское правительство тотчас же обратилось в Петербург с просьбой о защите; оно заявило, что ни одно правительство не может принять предъявленные Сербии требования, которые равносильны отказу от суверенитета и независимости.

24 июля, утром, Сазонову подали свежую телеграмму из Белграда с сообщением об ультиматуме. Прочитав ее, он воскликнул: «Это европейская война!». В тот же день состоялось заседание совета министров. Совет решил предложить Сербии

в случае вторжения австрийцев, если она своими силами не сможет защищаться, не оказывать сопротивления, но заявить, что уступает силе и вручает свою судьбу великим державам. Далее, было решено, «если того потребуют обстоятельства», объявить мобилизацию четырех военных округов — тех, войска которых предназначались для действий против Австро-Венгрии. После заседания Сазонов дал сербскому посланнику совет отвести войска от границы. Он рекомендовал проявить всяческую умеренность в ответе на австрийскую ноту.

Наоборот, с германским послом Сазонов говорил весьма твердым тоном [1]. Если он рассчитывал этим побудить Германию воздействовать на Австрию, то он ошибся: в Берлине были готовы идти не только на локализованную австро-сербскую войну, но и на вооруженную борьбу с Россией и Францией. Вильгельм II всецело одобрил текст австрийского ультиматума. «Браво», — заметил он по поводу «энергичного тона» этого документа. «Признаться, от венцев этого уже не ожидали» [2].

25 июля, в назначенный срок, сербский премьер Пашич привез барону Гизлю ответ сербского правительства. Сербская нота была составлена в духе максимального примирения и весьма дипломатично. Сербия не отклоняла наотрез провокационных требований Вены. Хотя и с оговорками, она принимала девять пунктов австрийского ультиматума. Только на одно требование Сербия отказывалась дать свое согласие: она не желала допустить австрийских представителей произвести на сербской территории расследование заговора на жизнь эрцгерцога. Сербское правительство объяснило, что это «было бы нарушением конституции и закона об уголовном судопроизводстве».

Барон Гизль бегло просмотрел ответ. Убедившись, что сербы чего-то не принимают, он немедленно затребовал паспорта. В тот же вечер австро-венгерская миссия покинула Белград: оказалось, что посланник, явно рассчитывая на разрыв отношений, заранее приказал упаковать архивы и прочее имущество.

25 июля Сазонов обратился к Грею с просьбой «ясно и твердо» осудить перед австрийцами их политику. «К сожалению, — писал он Бенкендорфу, — по имеющимся у нас сведениям, Австрия накануне своего выступления в Белграде считала себя вправе надеяться, что ее требования не встретят со стороны Англии возражений и этим расчетом до известной степени было обусловлено ее решение» [3]. Аналогичная просьба

---

[1] См. «Международные отношения», серия III, т. V, № 19 и 25, стр. 38—40, 45—48.

[2] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd I, № 159, S. 172—173.

[3] «Международные отношения», серия III, т. V, № 48, стр. 65.

поступила в Лондон и со стороны французского правительства. Английскому послу в Петербурге Сазонов в тот же день (25 июля) сказал, что ясное заявление Англии о своей позиции может оказать решающее влияние на политику Германии и предотвратить войну. Войны не будет, если Англия твердо заявит, что она поддержит Францию и Россию. Если же она этого не сделает, «прольются реки крови», и Англия в конце концов все-таки окажется втянутой в войну [1].

Грей раскрывает позицию Англии

24 июля австрийский посол в Лондоне Менсдорф привез Грею копию австрийской ноты. Грей выразил величайшее сожаление по поводу того, что предъявлен ультиматум — да еще со столь кратким сроком. Он заявил, что «это самый поразительный документ из всех, когда-либо порожденных какой-либо дипломатией» [2]. В тот же день, 24 июля, Грей принял и Лихновского. Он заявил ему, что, пока дело идет о локализованном столкновении между Австрией и Сербией, его, сэра Эдуарда Грея, это не касается. Иначе встанет вопрос, если бы общественное мнение России заставило русское правительство выступить против Австрии. «В случае вступления Австрии на сербскую территорию, — продолжал Грей, — опасность европейской войны надвинется вплотную». «Всех последствий подобной войны четырех держав, — Грей определенно подчеркнул число четыре, подразумевая Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию, — совершенно нельзя предвидеть». Затем Грей пустился в рассуждения об обнищании и истощении, которое вызовет война, о возможности революционного взрыва и об ущербе, грозящем мировой торговле. О том, что в войну может вмешаться пятая великая держава — Англия, Грей не упомянул и на этот раз [3].

Наконец, 26 июля король Георг V беседовал с братом кайзера принцем Генрихом Прусским. «Отдавая себе совершенно ясный отчет в серьезности настоящего положения, — сообщал принц, — король уверял меня, что он и его правительство ничего не упустят для того, чтобы локализовать войну между Сербией и Австрией». «Он сказал дальше, — продолжал Генрих, — дословно следующее: «Мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлеченными в войну и остаться нейтральными». Я убежден в том, что эти слова были сказаны всерьез, как и в том, что Англия сначала действительно останется нейтральной. Но сможет ли она остаться нейтральной долго, об этом, —

---

[1] «British Documents», vol. XI, № 125, p. 94.

[2] Ibid., № 91, p. 73; «Международные отношения», серия III, т. V, № 56, стр. 71—75.

[3] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd I, № 157, S. 169—171.

заключал принц, — я не могу судить»[1]. Впрочем, длительного нейтралитета Англии для Берлина и не требовалось. Германская дипломатия исходила из планов своего генштаба, а так называемый план Шлиффена, как известно, предполагал, что разгром Франции произойдет в течение нескольких недель. Следовательно, даже кратковременный нейтралитет Англии представлялся уже достаточным для целей германского империализма.

Если германским империалистам из Лондона подавали поощряющую надежду на нейтралитет, то русских ободряли, намекая на вероятную помощь. 25 июля Бенкендорф сообщил в Петербург о своих впечатлениях от позиции английской дипломатии. «Хотя я не могу представить вам, — писал он Сазонову, — никакого формального заверения в военном сотрудничестве Англии, я не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьезно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои наблюдения приводят к определенному впечатлению обратного порядка»[2]. Очевидно, не связывая себя окончательно, английская дипломатия стремилась внушить смелость России и Франции, подтолкнуть их на активное противодействие центральным державам.

Грей еще 24 июля предложил организовать посредничество четырех держав (Англии, Франции, Германии и Италии) для обсуждения способов разрешения кризиса[3]. Мотивы, которыми при этом руководствовалась английская дипломатия, раскрывает в своих мемуарах сам Грей. Он пишет, что обсуждение создавшейся обстановки за зеленым столом дало бы некоторую надежду спасти мир. Но если бы это не удалось, то и тогда конференция не принесла бы вреда Антанте. «Я полагал, — пишет он, — что германские приготовления к войне были продвинуты много дальше, нежели приготовления России и Франции; конференция дала бы возможность этим двум державам подготовиться и изменить ситуацию к невыгоде для Германии, которая сейчас имеет явное преимущество»[4].

Грей также предлагал через посла Лихновского, чтобы Германия воздействовала на Вену в духе умеренности. Он настаивал, чтобы Австро-Венгрия удовлетворилась сербским ответом на австрийский ультиматум. Но Грей по-прежнему не говорил немцам напрямик, что Англия будет воевать против Германии.

---

[1] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd II, № 374, S. 96—97; ср. Bd I, № 201, 207, S. 204, 211.

[2] «Международные отношения», серия III, т. V, № 56, стр. 73—74.

[3] «British Documents», vol. XI, № 98, p. 77.

[4] *E. Grey.* Twenty-five years, vol. I, p. 305.

Правда, Лихновский понимал, что, по-видимому, дело обстоит именно так[1]. Но канцлер и статс-секретарь остались глухи к его предупреждениям. Если бы Грей хотел спасти мир, ему с Берлином следовало говорить более твердым и ясным языком: тогда, быть может, еще были бы шансы, что поджигатели войны образумятся.

Кайзер, ознакомившись с запозданием, 28 июля, с примирительным ответом Сербии, понял, насколько это затрудняет развязывание войны. Он принялся советовать в Вене удовлетвориться занятием Белграда и начать переговоры.

Совет запоздал. 28 июля австро-венгерское правительство по телеграфу объявило войну Сербии и начало военные действия. Жребий был брошен.

Из Петербурга и Парижа настойчиво требовали, чтобы Англия наконец определила свою позицию. В ночь на 29 июля по приказу адмиралтейства британский флот вышел из Портлэнда и, с потушенными огнями пройдя Канал, направился на боевую базу в Скапа-Флоу.

29 июля Грей встретился с Лихновским дважды. Во время первой беседы он не сказал послу ничего существенного. Он лишь продолжал говорить о посредничестве четырех держав.

Но через некоторое время Грей известил Лихновского, что хотел бы его повидать еще раз. Министр встретил посла словами: «Положение все более обостряется». Затем он заявил Лихновскому, что вынужден в дружественном и частном порядке сделать ему некоторое сообщение. И тут Грей наконец впервые изложил германскому послу свою истинную позицию. «Британское правительство, — сказал министр, — желает и впредь поддерживать прежнюю дружбу с Германией и может оставаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией. Но, если бы в него втянулись мы (т. е. Германия.—*В. Х.*) и Франция, положение тотчас же изменится, и британское правительство, при известных условиях, будет вынуждено принять срочные решения. В этом случае нельзя было бы долго оставаться в стороне и выжидать»[2].

Заявление Грея произвело в Берлине потрясающее впечатление. Чувства германской дипломатии, вызванные этой телеграммой Лихновского, выразило колоритное замечание кайзера. «Англия открывает свои карты, — писал Вильгельм, — в момент, когда она сочла, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Низкая торгашеская сволочь стара-

---

[1] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd I, № 265, S. 255.

[2] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd II, № 357, 368, S. 74—76, 86—88, «British Documents», vol. XI, № 286, p. 182.

лась обманывать нас обедами и речами. Грубым обманом являются адресованные мне слова короля в разговоре с Генрихом: «Мы останемся нейтральными и постараемся держаться в стороне сколь возможно дольше». Грей «определенно знает, — продолжал кайзер, — что стоит ему только произнести одно серьезное предостерегающее слово в Париже и в Петербурге и порекомендовать им нейтралитет, и оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить это слово и вместо этого угрожает нам! Мерзкий сукин сын!» [1] Так неистовствовал взбешенный Вильгельм II.

В эти же дни в Берлине стало известно, что Италия и Румыния не собираются воевать на стороне своих союзников. Итальянская дипломатия высказывала обиду, что Австрия не посоветовалась с Италией по поводу выступления, предпринимаемого против Сербии, как того требовал один из пунктов Тройственного союза. Стремясь уклониться от участия в войне, итальянское правительство ссылалось на нарушение Австро-Венгрией условий союзного договора.

Все эти известия подействовали на кайзера и его правительство как холодный душ. Давно ли в Берлине досадовали на колебания Вены? Давно ли там возмущались медлительностью австрийцев в предъявлении ультиматума? Но вот в ночь на 30 июля поступила телеграмма Лихновского о беседе с Греем. Картина разом изменилась: в 3 часа ночи на 30 июля, несмотря на поздний час, предупреждения Грея были переданы в Вену. Австрийцев вдруг принялись уговаривать принять посредничество, предложенное английским правительством. В течение всего дня 30 июля Берлин бомбардировал Вену телеграммами. Однако было слишком поздно: война с Сербией уже началась... Правительство Австро-Венгрии отклонило немецкие предложения.

Германский ультиматум России

Трудно сказать, как бы в конце концов повели себя австрийцы, если бы германское правительство продолжало свой нажим. Но в тот же день 30 июля, поздно вечером, он уже был прекращен. Воздействие генерального штаба вернуло кайзера на прежний путь.

Стратегические планы Германии строились в расчете на молниеносный разгром Франции, облегчаемый медленностью мобилизации и сосредоточения русской армии, завершение которых требовало свыше 40 дней. До истечения этого времени Россия, по немецким предположениям, не могла оказать своей союзнице действенной помощи. Покончив с Францией, предпо-

---

[1] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd II, № 368, S. 88.

лагалось бросить все силы на Россию и, таким образом, разгромить противников порознь. Каждый лишний день русских военных приготовлений рассматривался как чрезвычайно опасный для Германии: он сокращал сроки, в течение которых предполагалось наступать на Францию без серьезных помех с востока. Ясно, что Германия должна была стараться во что бы то ни стало задержать русские мобилизационные мероприятия.

Решившись поддержать Сербию, царское правительство, однако, чувствовало себя неуверенно. Это и не удивительно: собственная неподготовленность была известна, позиция Англии оставалась не вполне ясной. Сазонов нервничал. То он предлагал, чтобы державы коллективно побудили Австрию продлить Сербии срок для ответа, то настаивал, чтобы Англия и Италия взяли на себя посредничество в австро-сербском конфликте. Все было бесполезно. Война надвигалась неотвратимо, ибо этого хотели германские правители. 28 июля в Австро-Венгрии началась мобилизация значительной части армии. Тогда русское правительство решило, что надо возможно скорее тоже провести мобилизацию. При ее длительности по сравнению с германской и австрийской военная целесообразность требовала от русского правительства мобилизоваться сколь возможно скорее. И это тем более, что Австро-Венгрия к мобилизации уже приступила. Однако, раньше чем ответить мобилизацией на мобилизацию в Австрии, русское правительство решило сделать попытку еще раз завязать переговоры. 28 июля царь обратился к Вильгельму с просьбой умеряюще повлиять на Австрию. Царь просил кайзера «помешать его союзникам зайти слишком далеко».

Германская дипломатия со своей стороны предприняла попытку оттянуть русские военные приготовления и тем продлить время для беспрепятственного наступления немецких армий на Францию. Вильгельм II в тот же день, 28 июля, поздно вечером, послал Николаю II ответную телеграмму[1], в которой обещал воздействовать на Вену «в целях достижения удовлетворительного соглашения с тобой». На следующий день, 29 июля, германский посол Пурталес пришел к Сазонову и прочел ему телеграмму Бетмана; тот грубо требовал, чтобы Россия прекратила всякие военные приготовления, иначе Германии придется объявить мобилизацию, а в таком случае с ее стороны последует немедленное нападение. «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости», — бросил Сазонов Пурталесу, выслу-

[1] Передана с берлинского телеграфа в 1 ч. 45 м. пополуночи 29 июля.

шав телеграмму канцлера. «Я всеми силами протестую, г. министр, против этого оскорбительного утверждения!» — вскричал Пурталес... Собеседники расстались весьма холодно[1]. Так гласит запись их беседы, сделанная в министерстве иностранных дел России. Вскоре после этой беседы в Петербург поступило сообщение о бомбардировке австрийцами Белграда.

В тот же день, 29 июля, по настоянию начальника генерального штаба Янушкевича Николай II утвердил указ о всеобщей мобилизации. В 9 часов вечера начальник мобилизационного отдела генерального штаба генерал Добророльский прибыл в здание петербургского главного телеграфа и лично привез туда текст указа о мобилизации для сообщения во все концы империи. Оставалось буквально несколько минут до того, как аппараты должны были начать передачу телеграммы. И тут вдруг Добророльскому было передано распоряжение царя: не передавать указ. Оказалось, царь получил новую телеграмму Вильгельма. В своей телеграмме кайзер опять заверял, что будет стараться достигнуть соглашения между Россией и Австрией, и просил царя не затруднять ему этого военными приготовлениями[2]. Ознакомившись с телеграммой, Николай сообщил военному министру Сухомлинову, что отменяет указ о всеобщей мобилизации. Царь решил ограничиться частичной мобилизацией, направленной только против Австрии.

Сазонов, Янушкевич и Сухомлинов были крайне обеспокоены тем, что Николай поддался влиянию Вильгельма. Они боялись, что каждый день промедления будет роковым: сокращалась возможность уменьшить неблагоприятный для России разрыв в сроках сосредоточения и развертывания русской и германской армий. Все трое встретились 30 июля утром и решили попытаться переубедить царя. Янушкевич и Сухомлинов попробовали было сделать это по телефону. Однако Николай сухо объявил Янушкевичу, что прекращает разговор. Генерал успел все же сообщить царю, что в комнате присутствует Сазонов, который тоже хотел бы сказать ему несколько слов. Помолчав немного, Николай согласился выслушать министра. Сазонов попросил аудиенции для неотложного доклада. Николай снова помолчал, а затем предложил приехать к нему в 3 часа. Сазонов условился со своими собеседниками, что если он убедит царя, то тотчас из Петергофского дворца позвонит Янушкевичу, а тот отдаст приказ на главный телеграф дежурному офицеру для сообщения указа во все военные округа. «После этого, — заявил Янушкевич, — я уйду из дома, сломаю телефон,

---

[1] См. «Международные отношения», серия III, т. V, № 224, стр. 212—215.

[2] «Международные отношения», серия III, т. V, № 238, стр. 226—227.

вообще сделаю так, чтобы меня уже нельзя было разыскать для новой отмены общей мобилизации».

В течение почти целого часа Сазонов доказывал Николаю, что война все равно неизбежна, так как Германия к ней стремится, и что при этих условиях мешкать со всеобщей мобилизацией крайне опасно. В конце концов Николай согласился: он обычно соглашался с тем, кто с ним говорил последний. Тотчас же Сазонов позвонил Янушкевичу и сообщил о полученном согласии царя. «Теперь вы можете сломать свой телефон», — добавил он. В 5 часов вечера 30 июля застучали аппараты главного петербургского телеграфа. Они разослали по военным округам указ о всеобщей мобилизации. 31 июля утром он стал достоянием гласности. Еще до получения в Вене известия о мобилизации в России всеобщая мобилизация была объявлена 31 июля в Австро-Венгрии [1].

В полночь 31 июля германский посол явился к Сазонову с сообщением, что если 1 августа к 12 часам дня Россия не демобилизуется, то Германия тоже объявит мобилизацию. Сазонов спросил, означает ли это войну. «Нет, — ответил Пурталес, — но мы к ней чрезвычайно близки». Россия не приостановила мобилизационных мероприятий. 1 августа Германия приступила к всеобщей мобилизации.

Германия объявляет войну

В тот же день, 1 августа, вечером, германский посол снова пришел к Сазонову. Он спросил, намерено ли русское правительство дать благоприятный ответ на вчерашнюю ноту о прекращении мобилизации. Сазонов ответил отрицательно. Граф Пурталес вынул из кармана сложенную бумагу и еще раз повторил свой вопрос. Сазонов снова ответил отказом. Посол при этом выказывал признаки все возрастающего волнения. Пурталес в третий раз задал тот же самый вопрос. «Я не могу дать вам иного ответа», — повторил Сазонов. «В таком случае, — произнес Пурталес, задыхаясь от волнения, — я должен вручить вам эту ноту». С этими словами он передал Сазонову документ. То были два варианта ноты с объявлением войны. Бетман прислал эти две различные редакции на случай возможных вариантов ответа Сазонова, а Пурталес, разволновавшись, дал Сазонову обе сразу... [2]

Началась русско-германская война. Военные соображения германского генштаба требовали только задержки русской мобилизации. Никакой особой надобности в столь спешном объявлении войны России немецкий план войны не предусматривал. Он требовал лишь скорейшего открытия военных действий

[1] *B. Schmitt.* The origins of the first world war, p. 21.

[2] См. «Международные отношения», серия III, т. V, № 396, стр. 326—327.

против Франции. Всякая отсрочка их на востоке могла принести немцам одну только выгоду. Для чего же понадобилось Бетману торопиться с актом объявления войны России? На этот вопрос ответ дает Бюлов в своих мемуарах. По его мнению, этот ход Бетмана диктовался внутриполитической обстановкой. Альберт Баллин передал Бюлову яркое описание сцены, разыгравшейся в его присутствии во дворце канцлера утром, в день объявления войны России.

«Когда Баллин вошел в салон, где были тогда приняты столь ужасные решения, то он увидел рейхсканцлера... который большими шагами в сильном возбуждении ходил взад и вперед по комнате. Перед ним, за столом, заваленным толстыми книгами, сидел тайный советник Криге. Криге был прилежным, честным и усердным чиновником... Бетман... от времени до времени обращал к Криге нетерпеливый вопрос: «Объявление войны России все еще не готово? Я должен сейчас же иметь объявление войны России!». Совершенно растерянный Криге копался между тем в наиболее авторитетных руководствах по международному и государственному праву, начиная с Гуго Гроция... вплоть до Блюнчли, Геффтера и Мартенса, выискивая прецеденты. Баллин позволил себе спросить канцлера: «Почему, собственно, ваше превосходительство так страшно торопится с объявлением войны России?». Бетман ответил: «Иначе я не заполучу социал-демократов»». «Он думал достигнуть этого, — заключает Бюлов, — заострив войну... против русского царизма» [1]. Бетман решил, что германскому правительству выгоднее начать войну под лозунгом борьбы с царизмом. Он был уверен, что германские социал-демократы ухватятся за этот лозунг, и это облегчит им поддержку немецкого империализма в мировой войне. С точки зрения внутренней политики канцлер не ошибся. «...Каутский и К°, — писал В. И. Ленин, — прямотаки обманывают рабочих, повторяя корыстную ложь буржуазии всех стран, стремящейся из всех сил эту империалистскую, колониальную, грабительскую войну изобразить народной, оборонительной (для кого бы то ни было) войной, и подыскивая оправдания для нее из области исторических примеров *не*империалистских войн» [2]. Таким оправданием и должна была служить идея «народной» войны против царизма, взятая из давно минувшей эпохи 1848 г.

Борьба в английском кабинете

Основное содержание политики руководящей группы британского кабинета и прежде всего его главы Асквита, министра иностранных дел Грея, а также стоявших за ним чиновников

[1] *B. Bülow.* Denkwürdigkeiten, Bd III, S. 167—168.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 26, стр. 215—216.

Форин-оффис было продиктовано интересами английского империализма и борьбы против Германии, как его смертельного соперника. С группой либералов-империалистов, занимавших руководящие посты в кабинете, были солидарны Сити и консервативная партия. Политика борьбы против Германии проводилась Греем весьма последовательно, но в то же время с большой осторожностью, часто вопреки советам и давлению чиновников дипломатического ведомства, которые охотно взяли бы курс на более открытое и полное сотрудничество с Францией и Россией.

Осторожность диктовалась Грею обострением национально-освободительной борьбы в Ирландии и настроением масс, с которым кабинету приходилось считаться — особенно в обстановке происходившего тогда подъема рабочего движения. Миролюбие масс могла использовать группа лорда Морлея, хотя представляла она отнюдь не рабочих, а часть буржуазии, разделявшую по тем или иным причинам нейтралистские настроения. Нейтралисты рассчитывали разбить Германию силами России и Франции, наживаясь на военных поставках. Были также среди них люди, связанные с Германией и немецким капиталом. Морлей и его сторонники могли вызвать раскол в среде либералов и падение правительства. Осторожность заставляла империалистическую группу Асквита — Грея тщательно избегать всего, что могло создать у общественности впечатление агрессивной политики.

Осторожность диктовалась не только тщательным учетом политических настроений в населении. Ее подсказывали и интересы английского империализма в его отношениях с союзниками. Всякое обострение англо-германских отношений усиливало бы зависимость Англии от России и Франции. Всякое улучшение этих отношений или видимость такого улучшения заставляли обе эти державы угождать Англии и увеличивали свободу маневра английской дипломатии.

Соотношение сил на море, развитие гонки вооружений, связанные с ней расходы и внутриполитические трудности не располагали английских империалистов к оттяжке войны, разрешения военными средствами глубокого конфликта, проистекавшего из империалистического англо-германского антагонизма.

Англия не могла допустить разгрома Германией Франции и России. Она не могла сделать этого по одной-единственной, но поистине повелительной причине: усиление германского империализма было гибельно для великодержавных интересов английского. Группа в кабинете, возглавляемая премьер-министром и руководившая политикой английского империализма, была твердо убеждена в неизбежности для Англии вступить в

войну на стороне Франции и России. Но она не торопилась заявлять об этом вслух. Лидеры британского империализма тщательно выжидали такого момента и такого повода, которые были бы для них наиболее выгодными. И они дождались их, проявляя незаурядную выдержку.

Только 27 июля 1914 г. британский кабинет в первый раз после начала кризиса занялся обсуждением международного положения. Грей начал свой доклад с изложения телеграммы посла в Петербурге Бьюкенена, в которой сообщалось, что в случае войны Сазонов рассчитывает на военную поддержку со стороны Англии. Наступила минута, заключил Грей, когда кабинет должен вынести определенное решение: примет ли Англия активное участие в общеевропейском вопросе рядом с двумя другими державами Антанты или же останется в стороне и сохранит абсолютный нейтралитет. Англия не может дальше откладывать решение. События надвигаются с большой быстротой. Грей предупредил, что в случае, если кабинет выскажется за нейтралитет, он подаст в отставку. Воцарилось молчание [1].

Первым нарушил его лорд Морлей. Он высказался против вступления Англии в войну. Такую же позицию заняло большинство членов кабинета — одиннадцать, считая самого Морлея. Грея поддерживали только трое: премьер Асквит, Холден и Черчилль; Ллойд-Джордж и еще несколько министров заняли выжидательную позицию.

Положение Грея было не из легких. Россия и Франция настаивали на недвусмысленном ответе, желая знать, поможет ли им Англия в надвигающейся войне. Чиновники Форин-оффис, особенно Никольсон и Кроу, адмиралтейство и генеральный штаб тоже торопили министра. За ними стояла «оппозиция его величества» — мощная консервативная партия. А группа Морлея, наоборот, требовала мира с Германией. Дискуссия в кабинете возобновилась на следующий день и продолжалась уже ежедневно. Соотношение сил в правительстве заставляло Грея соблюдать крайнюю осмотрительность. Ему надо было, по выражению Бенкендорфа, повлиять на «медлительное сознание» англичан и переубедить своих коллег по кабинету.

Грею помогало само же германское правительство и его дипломатия, проявив необузданность своих требований. Еще 29 июля в разговоре с английским послом Гошеном Бетман со свойственной ему неуклюжестью затронул вопрос о войне против Франции и о вторжении германских войск через Бельгию. Если в таком случае Англия обяжется соблюдать нейтралитет,

---

[1] *Y. Morley.* Memorandum on Resignation. London, 1928, p. 1—2.

Бетман обещал гарантировать неприкосновенность французской и бельгийской территории в Европе после войны. Отвечая на вопрос посла, канцлер, однако, тут же пояснил, что не может распространить эту гарантию на французские колонии [1].

Телеграмма Гошена о разговоре с Бетманом пришла в Лондон 30-го июля утром. Грей заготовил отрицательный ответ на это «неприемлемое» и «бесчестное» предложение. Ответ был составлен в тоне морального возмущения [2].

31 июля Грей запросил Германию и Францию, будут ли они уважать нейтралитет Бельгии [3]. Камбон дал самые категорические заверения, а Лихновский попытался парировать вопрос Грея. Он в свою очередь спросил его, обязуется ли Англия соблюдать нейтралитет в случае, если Германия обещает не нарушать нейтралитет Бельгии. Грей отказался дать такое обязательство. Но он добавил, что для самой Германии было бы крайне важно дать Англии гарантию бельгийского нейтралитета: это оказало бы влияние на английское общественное мнение в благоприятном для Германии смысле.

Тем временем Россия и Франция все настойчивее требовали от Англии определенных обязательств. Британский кабинет попрежнему откладывал решение.

Группа Морлея грозила расколом кабинета, и 1 августа 1914 г. сам Грей ненадолго поддался давлению прогерманцев. В этот день в противоположность тому, что он говорил немцам начиная с 29 июля, Грей предложил Лихновскому обсудить следующий проект: он гарантирует нейтралитет Англии и Франции при условии, что немцы обещают не нападать на эту последнюю [4]. Таким образом, Грей задумывал предательство России. Явный смысл его плана заключался в том, чтобы, натравив Германию на Россию, Англии остаться в стороне. Конечно, кайзер пришел в восторг от проекта Грея. Но осуществить его не удалось.

Вмешались оба партнера по Антанте. Камбон без стеснения разъяснил Грею, что если Англия предаст своих друзей, то после войны ей самой придется плохо, независимо от того, кто бы ни предстал перед ней в роли победителя: Германия или же Россия и Франция. Бенкендорф тоже грозил Грею: «...если настоящая война пройдет без того, чтобы Англия обнажила меч, это явится одним из величайших переворотов во взаимо-

---

[1] «British Documents», vol. XI, № 293, p. 185—186, Ср. *E. Grey.* Twenty-five years, vol. I, p. 325—326.

[2] «British Documents», vol. XI, № 303, p. 193—194. Ср. *E. Grey.* Twenty-five years, vol. I, p. 327—328.

[3] «British Documents», vol. XI, № 348, p. 218.

[4] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd III, № 562, S. 60—61.

отношениях народов, какие знает история»[1]. То был намек на грядущую месть... Грей не мог не понять, что замысел его не только вероломен, но и крайне недальновиден.

Объявление Германией войны Франции

Французские правящие круги в лице таких политиков, как Пуанкаре, давно решились на войну с Германией. Но при этом французское правительство желало переложить ответственность за войну на самих немцев. Сделать это было нетрудно. Стремясь к быстрейшему разгрому Франции, германский империализм торопился с началом военных действий на Западном фронте. Значит, стоило только французскому правительству проявить терпение и выдержку, и германское правительство само взяло бы на себя всю тяжесть ответственности за объявление войны. 30 июля 1914 г. французское правительство отвело войска на 10 километров от границы, тщательно стараясь предупредить пограничные инциденты, которые могли бы дать немцам повод для открытия военных действий.

Уже 31 июля, одновременно с предъявлением в Петербурге требования прекратить мобилизацию, германский посол в Париже вручил ноту французскому министру иностранных дел. Этой нотой германское правительство ставило Францию в известность о требованиях, предъявленных им России. Далее, оно задавало вопрос, готова ли Франция дать обязательство соблюдать нейтралитет. Для ответа был дан срок 18 часов. Бетман предусмотрительно сообщил послу Шену инструкции, как ему поступить, если бы французы дали удовлетворительный ответ. В этом случае посол должен был предъявить французам добавочное, заведомо неприемлемое требование: передать Германии крепости Туль и Верден для оккупации их немцами в качестве залога, что обещанный нейтралитет в самом деле будет соблюдаться. Так грубо провоцировали войну германские империалисты.

Но все ухищрения Бетмана были напрасны. Французы ответили, что ничего не могут заранее сказать о своем поведении и сохраняют свободу действий. 1 августа Пуанкаре отдал приказ о мобилизации. Придраться к этому немцам было трудно: в этот день проводила мобилизацию и сама Германия.

Начальник германского генерального штаба требовал скорейшего открытия военных действий на Западном фронте. Уже 1 августа Бетман составил текст объявления войны Франции. Для обоснования этого акта германский канцлер использовал ложные или специально сфабрикованные слухи о пограничных

---

[1] См. «Международные отношения», серия III, т. V, № 404, стр. 333—334.

инцидентах и мнимых налетах французской авиации на территорию Германии. Позже и сами немцы признали, что, объявляя войну Франции, они ссылались на причины, которые оказались ложными. Так «обосновывался» акт величайшего международного значения: объявление войны Франции. Нота была вручена французскому правительству под вечер 3 августа 1914 г.

Вторжение германских войск в Бельгию

В свое время Германия вместе с другими державами торжественно гарантировала нейтралитет Бельгии, вторжения на территорию которой требовал план Шлиффена. Бетману предстояло, таким образом, выполнить еще одно трудное дело: дипломатическое «оформление» германского вторжения в Бельгию. Это было сделано очень просто и столь же грубо, как и объявление войны Франции. Еще 29 июля Мольтке прислал в ведомство иностранных дел проект заявления бельгийскому правительству. В нем говорилось, что германское правительство имеет сведения, будто Франция концентрирует войска на Маасе для удара на Намюр. Бельгия, утверждалось далее, явно не сможет своими силами отразить это нападение; ввиду этого германские войска вынуждены будут вступить на бельгийскую территорию. Однако германское правительство предлагает не усматривать в этом враждебного Бельгии акта. Оно просит отвести бельгийские части к Антверпену и не мешать продвижению германских войск. За это Бельгии гарантируется ее целостность и независимость и даже территориальные компенсации за счет Франции. Германское иностранное ведомство вычеркнуло лишь фразу о компенсациях; в остальном оно ограничилось ролью переписчика текста, присланного генеральным штабом. Для ответа Бельгии давались одни сутки. В берлинских дипломатических канцеляриях всем было ясно, что никакого удара французов на Намюр не ожидается. Тем не менее 2 августа ультиматум был вручен бельгийскому правительству.

Бельгия мобилизовалась еще 31 июля. Получив ультиматум, брюссельское правительство отклонило его и обратилось к Англии за помощью.

И вот теперь Грей победил своих коллег-пацифистов. Значение бельгийского побережья для безопасности Англии истари известно было каждому англичанину. Вторжение немцев в Бельгию давало Грею и его единомышленникам самый удобный предлог для вмешательства в империалистическую войну. 2 августа лидеры консерваторов обещали Асквиту полную поддержку в том случае, если он решится на войну. С этого момента Морлей уже не представлял опасности для Асквита и Грея.

2 августа Грей дал Камбону письменное заверение, что английский флот будет защищать французское побережье канала и Атлантики в соответствии с условиями морской конвенции [1]. Вечером этого дня подал в отставку единственный в правительстве лейборист Джон Бернс, один из министров — противников войны. На заседании кабинета утром 3 августа было решено вступить в войну. Вслед за Бернсом о выходе из правительства заявили лорд Морлей и с ним еще два члена кабинета. Ллойд-Джордж решительно перешел на сторону военной партии.

Днем Грей выступил в парламенте. Весь мир с нетерпением ждал его речи. Особенно беспокоилось, конечно, германское правительство.

Грей начал свою речь заявлением, что, к несчастью, «европейский мир не может быть сохранен». Он заверил, будто вся его политика была направлена на сохранение мира. Однако все усилия спасти мир остались безуспешными, ибо «некоторые страны» стремились к войне — оратор разумел, конечно, Германию и Австрию. Огласив свое письмо к Камбону от ноября 1912 г., Грей обосновал необходимость вмешательства Англии в войну ради защиты Франции.

Конец своего выступления Грей посвятил Бельгии. Он доказывал, что Англия не может сохранить нейтралитет, если Бельгия подвергнется иноземному нашествию. Грей просил палату предоставить кабинету неограниченные полномочия для использования всех морских и сухопутных сил Великобритании [2]. И консерваторы и даже ирландцы выразили доверие правительству.

На следующий день, 4 августа 1914 г., британское правительство предъявило Германии ультиматум, требуя безоговорочного соблюдения нейтралитета Бельгии. Ответ предлагалось дать до 11 часов ночи по лондонскому времени.

Вечером этого дня кабинет собрался на Даунинг-стрит. Грей был уверен, что ответа не последует. И все же министры с волнением ожидали, не явится ли кто из германского посольства, чтобы вручить ответную ноту. Стрелка часов приближалась к назначенному часу. Срок истек, ответа не поступило. Грей послал в германское посольство Лихновскому письмо следующего содержания: «Правительство его величества считает, что между обеими странами с 11 часов вечера сего дня (т. е. 4 августа) существует состояние войны» [3].

Так началась первая мировая война.

---

[1] «British Documents», vol. XI, № 487, p. 274—275.
[2] *E. Grey*, Twenty-five years, vol. II, p. 308—326.
[3] «British Documents», vol. XI, № 643, p. 330.

* *
*

Мировая война 1914—1918 гг. явилась результатом крайнего обострения империалистических противоречий. В условиях свойственной капитализму и все обострявшейся неравномерности развития происходило изменение в соотношении экономических и политических сил государств, нарушалось равновесие между ними. Вся дипломатическая борьба конца прошлого и начала нынешнего века является проявлением общественных закономерностей, сформулированных Лениным в его теории империализма и в открытом им законе неравномерности развития при капитализме, обостряющейся на империалистической стадии развития капиталистической системы.

Вырвавшийся вперед германский империализм добивался радикального передела мира. Производство стали увеличилось в Германии с 300 тыс. тонн в 1870 г. до 14 млн. в 1914-м. Но Германия владела при этом колониями с населением всего около 12 млн. человек. В Англии за то же время производство стали возросло с 700 тыс. всего только до $6^1/_2$ млн. тонн. Германия, которая в 1870 г. чрезвычайно отставала по уровню промышленного развития не только от Англии, но и от Франции, теперь обогнала их и заняла первое место в Европе. Но в британской колониальной империи жило не 12 млн., а около 400 млн. человек! Эти цифры рисуют существо основного империалистического противоречия того времени, сыгравшего наибольшую роль в возникновении первой мировой войны. Германский империализм стремился лишить Англию ее колониального и морского первенства. Английский империализм хотел уничтожить конкурента. «Англия, — писал Ленин, — воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента» [1].

Английский империализм претендовал также на господство над Ближним Востоком, на захват возможно большей части Османской империи.

Другим важнейшим антагонизмом, приведшим к войне, был русско-германский (и русско-австрийский). Германский империализм стремился подчинить себе Балканские страны и Турцию, весь Ближний Восток. Германии противостояла империалистическая политика русского царизма.

Русский империализм стремился уничтожить своего германского конкурента, захватить Константинополь, проливы, турецкую Армению, разгромить Австро-Венгрию, что дало бы ему западноукраинские и польские земли, находившиеся под властью Габсбургов.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., изд. 5, т. 30, стр. 185.

Французский империализм стремился вернуть Эльзас и Лотарингию, отнять у Германии Саарский бассейн, а по возможности и Рейнскую область. Его германский соперник покушался на французскую Лотарингию и другие районы Восточной Франции, на Марокко и французские колонии в Африке, на Бельгию и на ее колониальные владения.

Война, явившись следствием всех противоречий империализма, в свою очередь способствовала дальнейшему их обострению. Она знаменовала начало общего кризиса капиталистической системы, продолжающегося и в наши дни.

Империалистическая дипломатия довоенного времени десятилетиями готовила войну, проводя политику колониальных захватов и сколачивая военные блоки. Дипломатия служила империализму, делала его политику и объективно содействовала тому финалу, к которому пришел капиталистический мир с возникновением первой мировой войны — к общему кризису господствовавшего общественного строя.

В трех империалистических государствах — в Германии, России и Австро-Венгрии, в трех военных полуабсолютистских империях, монархическая дипломатия, допустив до войны, вернее — ее подготовив и развязав, содействовала гибели монархии и династии, плотью от плоти и кровью от крови которых была она сама.

Вся история дипломатии предвоенных десятилетий — история грабежа, жадности, обманов, подавления свободы народов, жестокости и реакции — является поучительным примером того, на какие авантюры может пойти исторически обреченный класс, на какие бедствия он может обречь человечество. Этот урок истории и поныне сохраняет свою значимость.

Дипломатия конца прошлого и начала нынешнего века отнюдь не состояла из посредственностей. В ее рядах подвизалось немало одаренных людей, хорошо образованных и прекрасно владевших дипломатической практикой, техникой своего дела. Тем более серьезным является урок, вытекающий из результатов ее деятельности. Об этих результатах, стоивших жизни миллионам и миллионам людей, нельзя забывать и сегодня, когда империалистическая дипломатия в новую атомную эпоху, по известному выражению Дж. Ф. Даллеса, продолжает вести совсем не новую политику балансирования на грани войны, уже приведшую к двум мировым катастрофам.

История дипломатии и международных отношений конца XIX и начала XX в. является одним из самых поразительных свидетельств истинности марксистско-ленинской теории, силы марксистского научного анализа и общественно-научных прогнозов, из этого анализа вытекающих.

Еще в 80-х годах прошлого века Ф. Энгельс, наблюдая гонку вооружений и ожесточенное соперничество великих держав, предсказал неизбежность «всемирной войны». «И это была бы, — писал он, — всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу» [1]. Разве это не точная картина первой мировой войны и ее последствий? В свете этого гениального предвидения особенно очевидна полнейшая несостоятельность попыток Сталина умалить значение научного наследия Энгельса [2].

Партия большевиков раскрыла и показала массам империалистическую природу мировой войны, разразившейся летом 1914 г. «Захват земель и покорение чужих наций, — писал Ленин, — разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних полити-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 361.

[2] Письмо Сталина по поводу статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма» является примером недопустимого отношения Сталина к произведениям Энгельса. В своем письме Сталин приписывает Энгельсу непонимание новых явлений в развитии капитализма. Конечно, в 1890 г. никто не мог дать законченной теории империализма, в ту пору еще далеко не сложившегося. Но как раз Энгельс в ряде своих работ с большой проницательностью вскрыл процесс образования монополий, уже в 80-х годах приобретших весьма крупную роль в экономике Германской империи. Энгельс правильно оценил значение этого нового в ту пору явления.

В своем письме Сталин присвоил себе ряд положений, выдвинутых Энгельсом, как, например, о падении международной роли русского царизма после Крымской войны. При этом Сталин критикует Энгельса

ческих кризисов... разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны» [1]. «Национальный элемент в теперешней войне, — указывал Ленин, — представлен *только* войной Сербии против Австрии» [2].

В то время как оппортунистические лидеры II Интернационала и его партий стали на путь предательства интересов рабочего класса и поддержки «своих» отечественных империалистов в грабительской войне, большевики развернули против нее непримиримую борьбу. Они считали необходимым использовать вызванный войной кризис для ускорения низвержения старого общества. Они считали, что в этой империалистической войне интересы пролетариата, совпадающие с интересами огромного большинства народа, требуют поражения своего правительства. Большевики призывали массы к превращению войны империалистической в войну гражданскую и к решительному разрыву с оппортунистами.

В современную эпоху, когда коммунизм стал величайшей силой, «объединенными усилиями могучего социалистического лагеря, миролюбивых несоциалистических государств, международного рабочего класса и всех сил, отстаивающих дело мира, *можно предотвратить мировую войну*» [3].

Но в 1914 г. положение было иным. Империализм еще играл тогда доминирующую роль в международных отношениях. Пролетариат был относительно слаб по сравнению с нашим временем. Ряды его были расколоты оппортунистами, силы ослаблены этим расколом. Он еще нигде не стоял у власти. Не существовало ни одного социалистического государства. Рабочий класс в ту пору практически не мог предотвратить войну.

В 1917 г. в России «впервые возникло государство, которое выдвинуло великий лозунг мира и стало осуществлять новые принципы в отношениях между народами и странами» [4]. Эти новые принципы были выработаны Лениным на основе анализа

за то, что тот этого фактора якобы не понял. Сталин отошел в своем письме от ленинского понимания природы царского самодержавия и его политики. Он замолчал важнейшее положение Ленина о распространении капитализма вширь как средства укрепления реакционных порядков внутри страны и т. д.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 26, стр. 15.

[2] Там же, стр. 240.

[3] Программа Коммунистической партии Советского Союза — см. «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 363.

[4] Там же, стр. 327.

империализма, его политики и опыта рабочего движения предшествующего периода. Новые принципы международной политики явились плодом изучения Лениным международных отношений и дипломатии ряда десятилетий, предшествовавших первой мировой войне и Октябрьской революции. В ходе критики и разоблачения Лениным существа империалистической политики выковывались основы дипломатии социалистического государства. Они нашли свое отражение в первом акте внешней политики Советской власти — в декрете о мире. То было совершенно новое слово, дотоле не значившееся в скрижалях истории, в летописях дипломатии не стоявшее.

Новая политика и новая дипломатия Советского государства составят важнейший предмет третьего тома настоящего труда [1].

[1] Недостаток места потребовал перенесения в третий том главы, посвященной истории дипломатии в годы первой мировой войны, и библиографии по истории дипломатии в период с 1871 по 1914 г. — *Ред.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдаллах — 351, 421
Абдул Азис, султан турецкий — 93, 534, 676, 677, 679
Абдул-Гамид II — 98, 122, 283, 333, 344, 345, 346, 347, 442, 443, 444, 445, 447, 450, 632, 647, 672
Абдулл-хан — 64, 70
Абдуррахман — 199, 200, 201, 202, 203
Агинальдо — 397, 408, 410, 413, 414, 417
Агонсильо — 414, 415, 416, 417
Адлерберг — 105, 154
Авад-эль-Мольк — 694
Аксаков, И. С. — 88, 136
Александр I — 20
Александр II — 37, 38, 40, 46, 53, 66, 89, 94, 95, 99, 101, 102, 106, 111, 121, 124, 128, 136, 139, 140, 141, 146, 154, 157, 193
Александр III — 133, 146, 157, 185, 225, 237, 238, 242, 243, 248, 252, 260, 264, 275
Алексеев — 525, 526, 544
Алексей Александрович, великий князь — 319, 584
Альбрехт — 35
Амадор Герреро, Мануэль — 499, 501, 503
Андраши — 35, 36, 37, 39, 44, 45, 85, 86, 87, 89, 90, 91, 94, 95, 96, 112, 120, 123, 126, 129, 140, 141, 148, 149, 150, 151, 157, 238
Аното — 340, 341, 342, 343, 409, 425, 426, 428, 434, 436
Араби-паша — 173
Аранго — 499, 502
Аргайль — 65
Армстронг — 241
Арним — 264
д'Арси — 691
Асквит — 478, 683, 714, 719, 720, 784, 797, 798, 801
Аттила — 516
Ахмет-Араби — см. *Араби-паша*
Аюб-хан — 201

Балабанов, М. — 110
Баллин, А. — 562, 715, 716, 796
Бальфур — 483, 556
Баратьери — 352
Барджес — 389
Барнато — 293
Баррер — 552
Баттенбергский, Александр, князь болгарский — 153, 236, 237, 238, 239, 240, 244, 248, 258
Баттенбергский, Луи — 337
Баш — 361
Бебель — 290, 367, 480, 522, 599, 601
Беверидж — 418
Бегер — 82
Безобразов — 541, 544, 545, 549, 587
Бейт — 293
Бек — 637, 649
Бекон, Р. — 508
Бенкендорф — 543, 609, 702, 703, 744, 777, 783, 784, 785, 788, 790, 798, 799
Берг — 40
Берже — 445
Бернс, Джон — 802
Бернштейн — 367, 479, 480, 522
Берти — 718
Бертольд — 651, 662, 756, 760, 778, 781
Бетман-Гольвег — 685, 686, 700, 702, 703, 707, 708, 715, 716, 717, 718, 745, 749, 750, 780, 793, 795, 796, 798, 799, 800, 801
Биконсфильд — см. *Дизраэли*

Билинский — 778
Бирилев — 575
Бисмарк, Герберт — 248, 249
Бисмарк, Отто — 11, 20, 22, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 56, 90, 96, 97, 100, 101, 102, 103, 104, 108, 112, 113, 114, 115, 116, 126, 127, 129, 130, 131, 136, 137, 139, 140, 141, 142, 146, 149, 150, 151, 155, 156, 157, 170, 172, 178, 180, 181, 183, 184, 185, 187, 205, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 270, 272, 278, 283, 348, 379, 382, 457, 481, 625, 667
Бонапарт — 52
Буланже — 243, 250, 256
Буржуа — 342
Блейн — 385
Блейхредер — 116, 172, 250, 570
Бловиц — 51
Блюнчли — 796
Бразза, де — 182
Брайян — 417
Бреар — 179
Бриссон — 426, 427, 429, 437
Бройль, де — 33, 42, 44
Бэринг, Эвелин — 176, 284, 449, 556
Бэтлер — 73, 74
Бьюкенен — 702, 798
Бюлов — 20, 178, 290, 347, 350, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 380, 400, 401, 443, 444, 452, 453, 454, 455, 457, 468, 469, 470, 471, 472, 474, 479, 481, 482, 519, 531, 532, 533, 534, 556, 561, 562, 564, 567, 568, 569, 570, 572, 573, 574, 575, 577, 603, 614, 616, 631, 632, 667, 668, 670, 671, 672, 682, 683, 684, 685, 686, 704, 765, 796
Бюно-Варилья — 496, 499, 500, 501, 503, 504, 505

В
Ваддингтон — 129, 130, 178
Вальдерзее — 261, 263, 516, 520
Вань Вэнь-шао — 540
Вандерлип — 596
Ван-Коль — 599
Ванновский — 320
Вебер — 330, 331
Вейлер — 395
Векерле — 649
Вердер — 102, 103, 104, 111
Вельзерсхеймб — 348, 349
Верман, А. — 292, 378
Вивиани — 786
Виктор-Эммануил III, король итальянский — 688
Виктория — 44, 122, 338, 469
Вильгельм I — 36, 37, 38, 40, 44, 101, 139, 140, 141, 155, 248, 263
Вильгельм II — 22, 263, 278, 283, 290, 293, 295, 296, 323, 324, 326, 349, 354, 355, 358, 368, 373, 378, 382, 399, 441, 443, 444, 448, 454, 459, 466, 469, 470, 472, 473, 475, 516, 529, 538, 556, 561, 563, 564, 568, 569, 575, 576, 577, 603, 616, 622, 626, 630, 631, 632, 660, 667, 668, 682, 685, 704, 705, 717, 745, 756, 761, 773, 779, 780, 781, 782, 788, 792, 793, 794
Вильсон, Вудро — 730, 731
Вильсон, Риверс — 171, 386
Виндгорст — 139
Витте, С. Ю. — 225, 320, 325, 327, 328, 329, 330, 341, 342, 343, 345, 356, 357, 358, 399, 487, 491, 517, 524, 525, 530, 535, 536, 539, 540, 541, 542, 544, 545, 547, 548, 549, 576, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 596, 597, 608
Владимир Александрович, великий князь — 247, 584
Вогюэ — 254
Вольф, Друммонд — 394
Вудфорд — 394, 395, 396, 398, 399, 403, 405
Вэн Тун-хе — 303, 317

Г
абринович, Неделько — 778
Гаймерле — 157
Гамбетта — 33, 57, 173, 174, 179
Гамильтон, Сеймур — 175, 338
Ганземан — 184, 378
Гарриман, Эдуард — 721, 723, 726
Гарвин — 376
Гарден, Максимилиан — 603
Гардинг — 630, 631, 645, 684
Гартвиг — 736, 738, 785
Гаррисон — 385
Гатцфельд — 252, 294, 368, 369, 371, 372, 375, 408, 409, 468, 471, 531
Гауч — 255
Гед — 599, 601
Гендерсон — 686
Генрих, принц прусский — 355, 750, 789

Георг Греческий — 347
Георг V — 774, 776, 789
Гешов — 737, 738
Гивль — 787, 788
Гирс, Н. К. — 125, 146, 147, 148, 149, 151, 154, 156, 222, 238, 244, 251, 252, 254, 260, 275, 276, 277, 311, 319
Гирс, М. Н. — 763
Гогенау — 564
Гогенварт — 35
Гогенлоэ — 275, 295, 323, 349, 370, 378, 379
Годефруа — 281
Гольдсмит — 75, 76
Гольц, фон дер — 283, 334, 672
Гольштейн — 205, 249, 264, 271, 284, 294, 370, 371, 372, 453, 455, 457, 531, 562, 567, 568, 574, 602, 603
Голицын — 253
Голуховский — 349, 350, 401, 402, 637
Гонто-Бирон — 39, 40, 43, 51
Гордон — 176
Горчаков — 38, 39, 40, 41, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 67, 68, 80, 81, 87, 89, 90, 91, 93, 95, 97, 99, 100, 101, 103, 105, 106, 110, 111, 115, 117, 121, 124, 125, 126, 127, 129, 136, 137, 140, 146, 148, 154, 156, 194, 195, 197, 198, 238, 370
Готтингер — 547, 548, 566
Гошен — 336, 798, 799
Гуансюй — 303
Гульон — 395, 398, 399, 403
Гумберт I — 181
Гладстон — 37, 51, 64, 67, 97, 157, 158, 173, 175, 176, 185, 186, 187, 201, 424, 556
Грант — 493
Греви — 59
Гренвиль — 66, 158, 173, 185
Грей, Эдуард — 478, 604, 605, 606, 608, 609, 617, 626, 629, 631, 645, 647, 648, 662, 663, 671, 684, 694, 702, 707, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 744, 746, 748, 750, 751, 753, 767, 774, 775, 776, 781, 782, 783, 784, 785, 788, 789, 790, 791, 792, 797, 798, 799, 800, 801, 802
Григорович — 763
Гриффин — 199, 200
Гурко — 119
Гэд — 522

Даллес, *Дж. Ф.* — 496, 804
Даусон — 511
Деказ—33, 44, 45, 51, 52, 100, 114, 130
Девонширский, герцог — 369, 530
Делькассе, Теофиль — 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 435, 436, 437, 439, 440, 472, 474, 484, 485, 536, 543, 552, 553, 557, 558, 564, 569, 570, 573, 574, 576, 581, 582, 604, 757
Дерби, лорд — 52, 53, 68, 98, 99, 100, 101, 107, 113, 115, 116, 117, 118, 123, 127, 128, 165, 168, 185
Дерби, леди — 128
Деренталь — 519
Дерулед — 426
Диас — 513
Дизраэли — 51, 52, 67, 68, 69, 70, 73, 91, 92, 93, 97, 98, 99, 100, 106, 107, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 123, 124, 127, 128, 129, 131, 157, 158, 165, 166, 167, 168, 169, 173, 178, 186, 191, 192, 197, 199, 201, 203, 220, 329, 334
Дилк, Чарльз — 219
Димитров, Г. М. — 133, 754
Дингли — 399
Добророльский — 794
Домантович — 82
Дондуков-Корсаков — 152, 153
Дост Мохаммед — 65, 199
Дуань — 515, 521
Дубасов — 584
Думерг — 342
Дурново, П. Н. — 769
Джемсон — 294, 295, 296
Джонсон — 396
Дмитриевич, Драгутин — 777
Драго — 509
Дрейфус — 425
Дьюи — 397, 411
Дэй — 412
Дюк, Габриэль — 500
Дюпюи де Лом — 395, 396, 437, 573

Жилинский — 763
Жомини — 125, 257
Жорес — 553, 600, 601
Жун Хун — 363

Зиновьев — 456

Игнатьев, А. А. — 747
Игнатьев, Н. П. — 89, 105, 106, 107, 112, 115, 125, 127

Извольский — 527, 528, 607, 608, 609, 610, 611, 614, 615, 616, 617, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 671, 672, 688, 698, 713, 725, 742, 744
Измаил — 167, 172
Икэда — 596
Ин Нянь — 521
Иноуэ — 535
Иоанн — 351
Исии — 536
Исимото — 728
Ито — 21, 218, 300, 301, 314, 315, 317, 318, 362, 526, 527, 528, 530, 535, 536, 537, 580

Кавам эс Салтане — 695
Каваньяри — 198
Кайо — 679, 681, 705, 707, 708, 709
Кайроли — 180
Кальноки — 238, 239, 240, 244, 245, 255, 260
Камбон, Жюль — 340, 409, 410, 680, 705, 706, 707, 718
Камбон, Поль — 439, 552, 553, 558, 564, 583, 604, 605, 719, 720, 746, 767, 799, 802
Каниц — 379, 399
Канэко — 592, 593
Кан Ю-вэй — 367
Капнист — 341, 342
Капоте — 413
Каприви — 264, 268, 271, 272, 273, 274, 275, 282, 284, 293, 324, 360, 370, 379, 380, 480, 481
Кардорф — 360, 378
Карл XII — 267
Карнарвон — 123
Карнеги — 415
Кассель, Эрнст — 715, 716
Кассини — 306, 493, 528, 529, 540, 542, 581
Кастельно — 747
Кастро, Киприано — 509
Кастро, Фидель — 419
Катков — 137, 242, 243, 247, 251
Като — 362, 527
Катон — 382
Каульбарс — 245
Каутский — 796
Кауфман — 63, 73, 193
Кацура — 535, 536, 537, 585, 589, 592, 594, 728, 729
Кевенхюллер, Рудольф — 660, 661
Кейв — 168, 169
Керзон — 163, 208, 307, 447, 448
Кёрри — 245
Кеттелер — 515
Киамиль-паша — 648, 649, 664, 665, 669
Кидерлен-Вехтер — 290, 686, 700, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708
Кимберли — 306
Ким Ок Кюн — 297
Китченер — 421, 422, 423, 427, 428, 429, 432, 438
Кобден — 165
Коковцов — 565, 566, 644, 659, 741, 742, 745, 748, 761, 763, 766
Комб — 553
Комура — 302, 330, 331, 578, 581, 583, 587, 588, 591, 594
Конрад фон Гетцендорф — 636, 637, 649, 667, 668, 669, 711, 743, 745, 749, 778, 779
Констан — 445
Коноэ — 526
Конча — 498
Корти — 129
Корф — 207
Куно — 564
Курбе — 231
Куропаткин — 457, 458, 460, 485, 524, 525, 539, 541, 542, 545, 548, 549, 584
Курсель — 434, 436, 437, 438
Кэмпбелл-Баннерман — 478, 605, 629, 630, 631
Клемансо — 20, 553, 661
Кливленд — 386, 387, 390, 391, 393
Климент, митрополит — 240
Кнаппе, Вильгельм — 292
Криге — 796
Криспи — 270, 271, 273, 352
Кробатин — 749
Кромер — см. Бэринг, Эвелин
Кромвель — 496, 499
Кроу, Эйр — 625, 626, 629, 719, 798
Крупп — 241, 378, 479, 481, 568, 675, 676, 678
Крюгер — 291, 293, 295, 296, 358, 368, 369, 393, 464, 466, 477

Лабуле — 254
Лагиш — 747
Ладыженский — 224
Лайард — 119, 120, 122, 123
Лайонс — 43

Ламздорф — 146, 155, 251, 324, 341, 342, 354, 517, 524, 527, 528, 536, 539, 541, 542, 543, 544, 545, 548, 549, 564, 576, 581, 584, 593, 606
Лангер — 335
Лангерке-Мейер — 584
Ланкен — 679, 681
Лассельс — 470, 532
Лафарг — 522
Лаффферт — 759
Лев XIII — 270, 399
Леви — 178
Лейдс — 477
Ленин, В. И. — 6, 8, 9, 15, 21, 25, 27, 28, 30, 132, 163, 164, 182, 203, 310, 347, 366, 375, 405, 414, 417, 418, 435, 440, 508, 515, 521, 522, 523, 546, 551, 558, 560, 566, 596, 597, 599, 600, 601, 602, 612, 623, 643, 647, 648, 656, 673, 691, 693, 696, 728, 731, 733, 735, 736, 754, 772, 780, 796, 803, 806, 807
Ленсдаун — 448, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 543, 544, 553, 558, 564, 570, 571, 572, 583, 604
Леопольд II — 50, 182, 183, 184, 286, 287, 449
Лессар — 579
Ли — 396, 403
Ли, лорд адмиралтейства — 561
Лианозов — 207
Либерман — 749
Либкнехт, Карл — 27, 522, 599, 622
Ливис-Летайер — 6
Лиман фон Сандерс — 760, 761, 762, 763, 764, 765
Линч — 74, 449
Линевич — 516, 584
Литтон — 70, 71, 72, 73, 74, 194, 201
Лихновский — 348, 349, 782, 783, 784, 789, 790, 791, 792, 799, 802
Ли Хун-чжан — 212, 215, 218, 224, 228, 229, 299, 300, 303, 305, 306, 311, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 328, 329, 357, 361, 515, 524, 525, 526, 528, 539, 540
Ли (младший) — 524
Лобанов-Ростовский — 322, 323, 324, 325, 326, 331, 337, 339, 345, 349, 350
Лобенгула — 186
Лодж — 387, 388, 580
Лоанн, Стефан — 714
Ллойд-Джордж — 20, 707, 709, 750, 782, 798, 802
Лофтус — 106
Лубэ — 558, 573
Луи, Жорж — 742, 757
Людериц — 185
Люксембург, Р. — 478, 599, 601
Лю Юнь-фу — 227
Лявижери — 270
Ляхов — 692, 693

Майо — 63, 64, 65, 66, 70
Макдональд, Р. — 686
Мак-Кенна — 683
Мак-Кинли — 384, 385, 386, 387, 392, 393, 394, 399, 402, 403, 404, 410, 411, 412, 414, 415, 416, 467, 493, 496, 505, 513
Маклин — 500
Мак-Магон — 57, 114
Макси — 556
Мале — 445
Малета — 174
Мангаши — 423
Маннесман — 675, 676, 677, 704
Мантейфель — 101, 140, 155
Марков — 769
Маркс — 27, 28, 32, 133, 191, 523
Маррокин — 497, 499
Маршаль фон Биберштейн — 264, 293, 294, 295, 344, 380, 442, 445, 446, 450, 713
Маршан — 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438
Матаафа — 467, 468
Махди — 176
Махмуд-Недим-паша — 90
Махмуд Шевкет-паша — 751
Мейер — 593
Мендельсон — 487, 565, 567, 597
Мелелик II — 285, 351, 352, 423, 425
Менсдорф — 785, 789
Меттерних — 20, 631, 684, 685
Мидхат-паша — 107
Микель — 481, 573
Милан — 94, 98, 105, 237, 238, 347, 348
Мильеран — 425, 522, 747
Мильнер, А. — 463, 464
Милованович — 736, 737, 738
Милютин, Д. А. — 63, 94, 105, 110, 124, 127, 143, 146, 147, 148, 149, 154, 156, 221
Мины, династия — 211, 297, 299, 309, 330, 514
Миура — 330
Михаил Николаевич, великий князь — 127
Мозаффар-эд-Дин — 689

Мольтке — 22, 40, 43, 49, 50, 52, 261, 263, 745, 801
Мольтке (младший) — 667, 685
Монсон — 429, 430, 432, 433, 434, 435, 436, 439
Монтебелло — 342, 428
Моралес — 511
Моренгейм — 251, 252, 276
Морет — 398
Мори Аринори — 211, 212
Морган, Дж. П. — 392, 484, 487, 496, 505, 577, 596, 597, 726
Морген — 454
Морлей — 714, 797, 798, 799, 801, 802
Морнар — 697
Мотоно — 582, 725, 733
Мохаммед-Али — 689, 690, 694, 695
Муксин-хан — 77
Мулай-Гафид — 676, 677, 679
Муравьев — 349, 350, 355, 356, 358, 362, 373, 430, 431, 453, 454, 456, 458, 460, 473, 474, 475, 485, 491, 517
Мурад V — 93, 98
Мухаммед Афзаль-хан — 199
Муцу — 301, 302, 303, 306, 314
Мэхен — 388, 392, 418, 460
Мюнх — 104, 111

Наполеон I — 52, 267
Наполеон III — 58
Нариманов, Н. — 689
Наср Эд-Дин — 77, 80
Насер-эль-Мольк — 694
Неклюдов — 737, 738
Нелидов — 256, 336, 338, 340, 341, 342, 343, 344, 576, 581
Нератов — 713
Нецлин — 547, 548, 566, 597
Николай I — 338, 454
Николай II — 94, 322, 325, 326, 328, 338, 339, 341, 342, 343, 345, 349, 354, 355, 373, 454, 457, 492, 529, 538, 541, 544, 545, 546, 548, 549, 563, 564, 575, 576, 584, 593, 594, 608, 616, 622, 645, 655, 656, 657, 658, 659, 672, 688, 692, 693, 700, 744, 745, 773, 793, 794, 795
Николай Николаевич, великий князь (старший) — 121, 127, 576
Николай, князь черногорский — 94
Никольсон, А. — 265, 608, 610, 611, 719, 798
Писи — 366
Нобель — 712
Новиков — 112
Нокс — 724
Норсбрук — 70
Нубар-паша — 171, 172
Нур-Мухаммед — 71

Обручев — 243
О'Конор — 305, 358, 362
Олджер — 387
Олни — 390, 391
Орджоникидзе, С. — 689
Орлов — 114, 141, 178
Осман-паша — 119
Остен-Сакен — 452, 453, 454, 473, 474
Оттингер — 445
Отис — 413, 416, 417
Отори — 303, 309

Пальма, Э. — 507
Палицын — 613
Пальмерстон — 334
Паунсфот — 494, 495
Пашич, Никола — 635, 666, 777, 788
Пишон — 661, 670
Победоносцев — 343
Покотилов — 357
Поливанов — 643
Поляков — 207
Потапов — 759
Пуанкаре — 709, 718, 719, 740, 741, 742, 744, 746, 747, 748, 751, 776, 786, 800
Пулитцер — 389
Пуришкевич — 769
Пурталес — 646, 667, 671, 672, 701, 702, 786, 793, 794, 795
Платт — 507
Плеве — 545
Плеханов — 599
Пратт — 397
Принцип, Гаврило — 778

Радовиц — 45, 46, 47, 48, 51, 53, 256, 324
Радолин—454, 569, 570, 573, 574, 579
Разгонов — 193
Рапопорт — 665
Рассел, Одо — 38, 52, 113
Раулинсон — 60, 70
Ревельсток — 449, 556, 597
Рейс — 141
Рейсман-Гроне — 626

Рейтер, Ю. — 77, 78, 79, 80, 81, 82, 207
Рейтерн — 88, 105, 127
Ремингтон — 389
Реннер — 749
Рёхлинг — 674
Рехницер — 446, 450
Рибо — 276
Ристич — 109
Рихтгофен — 408
Ричард III — 625
Робертс — 199, 200, 201, 632
Родд, Реннел — 286
Родс, Сесиль — 164, 186, 187, 286, 291, 292, 293, 294, 295, 369, 373, 448, 449, 462, 463, 464, 468
Рожественский — 562, 563, 582, 583
Ровен — 366, 587, 591
Розбери — 274, 287, 307, 424, 478
Рокфеллер — 390, 393
Рокхил — 725
Романовский — 738
Ротштейн — 487, 525, 542, 547, 548
Ротшильд — 167, 171, 172, 275, 291, 368, 369, 373, 392, 448, 449, 463, 464, 469, 487, 570, 712
Рувье — 567, 569, 570, 573, 574, 576, 604
Рудини — 273, 352
Рузвельт, Теодор — 387, 388, 494, 496, 497, 498, 499, 500, 505, 507, 509, 510, 511, 512, 513, 551, 552, 570, 574, 575, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 591, 592, 593, 622, 722, 726
Рустан — 179
Рут — 506, 507, 508, 518, 723
Рухлов — 745
Рябушинский — 701

Саблин — 693
Сабуров — 155, 156, 157
Савов — 755
Сагаста — 395, 398, 399
Сазонов — 698, 699, 700, 701, 702, 703, 708, 711, 713, 714, 733, 741, 742, 744, 745, 748, 753, 755, 761, 762, 763, 773, 776, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 793, 794, 795, 798
Саид-паша — 712
Сайкс — 693, 694, 695
Сайн-Ноин — 731, 732
Саладин — 443
Сапари — 786
Сардар-Азад — 694
Саффет-паша — 107
Сацума — 298
Свечин — 710
Сегени — 779, 780, 782
Сеид Нур-Мухаммед-хан — 69
Сен-Катаяма — 599
Сепехдар — 694
Сильва Маринес — 498
Сименс — 292, 443, 445, 446, 448, 450
Сипягин — 545
Скачков — 221
Скобелев — 202, 243
Спринг-Райс — 570, 579, 580, 622
Спунер — 497, 499
Стааль — 338
Стамбулов — 240, 347
Стиннес — 674
Стоилов — 347
Стокс — 695
Столетов — 192, 193
Столыпин — 608, 643, 644, 645, 658, 659, 660, 662, 669, 698, 700, 711, 741, 769
Солсбери — 70, 107, 108, 112, 128, 129, 131, 143, 160, 166, 170, 172, 195, 196, 239, 245, 246, 252, 254, 255, 262, 263, 294, 305, 335, 336, 337, 338, 339, 343, 344, 358, 359, 361, 362, 364, 368, 369, 375, 409, 430, 432, 433, 434, 436, 437, 438, 468, 469, 470, 471, 483, 487, 519, 520, 533, 556
Стремоухов — 46, 47
Стронг — 388
Стэнли — 182
Стюарт — 200
Сунь Ят-сен — 367, 728
Сухомлинов — 741, 745, 748, 763, 794
Суэйн — 293
Сюй Тун — 521
Сюй Чжэн-юй — 521

Такахира — 583, 587, 592, 723
Талейран — 20
Тальбот — 207
Танака — 728, 729
Тань Сытун — 367
Тардье — 679, 681, 761
Татищев — 487
Таттенбах — 572
Тафт — 508, 582, 585, 589, 726
Тевфик — 172
Терауци — 578, 581
Тесю — 298
Тетуанский, герцог — 391

Тимашев — 699, 700
Тирпиц — 290, 354, 380, 381, 382, 479, 481, 482, 628, 631, 683, 684, 685, 686, 715, 717
Тиса — 668, 778, 781
Тиссен — 674, 675, 676, 678
Титтони — 640, 651, 654, 658, 661, 666, 688
Тотлебен — 152
Тошев — 736
Тыртов — 541
Третьяков — 207
Тхибав — 232, 233
Тьер — 33, 34, 41, 57, 114
Тэйлор — 474

У*айт* — 406, 408
Убри — 43, 44, 51, 138
Уркварт — 60
Урусов — 737, 740
Ухтомский — 524, 526, 547
Уцида — 729
Уэльский, принц — 475, 631

Ф*авр, Ж.* — 33
Фалькенгаген — 82
Фей — 630
Фердинанд, князь болгарский — 259, 260, 261, 347, 633, 634, 637, 644, 656, 657, 665, 673, 736, 737, 743, 744, 745, 754, 755
Ферри — 59, 164, 177, 179, 183, 230, 231, 243, 425
Филиппс — 293
Фишель — 597
Фишер — 561
Фондер — 681, 708
Фор, Ф. — 431
Форсайт — 65
Флуранс — 251, 253, 254
Франц-Иосиф — 36, 37, 44, 86, 95, 99, 148, 349, 484, 546, 650, 662, 668, 749, 777, 779, 782
Франц-Фердинанд — 636, 641, 745, 749, 773, 777
Фрейсинэ — 175, 247
Фридрих-Вильгельм IV — 454
Фридрих II — 135
Фридрих III — 263
Фурнье — 229

Х*абибулла* — 476
Ханна, Марк — 393, 496, 497
Харт, Роберт — 231
Хасегава — 586
Хаяси — 530, 534, 535, 536, 537, 586
Хенкель фон Доннерсмарк — 241
Хереддин — 178
Херст — 389
Хёш — 674
Хикс-Бич — 435
Хильми-паша — 669
Хойос — 779, 780
Холден — 604, 605, 716, 717, 718, 720, 750, 774, 798
Хольлебен — 400
Хом — 107
Хомяков — 207
Хорнби — 123, 124
Хрущев, Н. С. — 546, 596
Хуссейн-хан — 77, 81
Хэй — 392, 405, 415, 490, 491, 492, 494, 495, 498, 499, 500, 504, 505, 508, 518, 528, 529, 540, 542

Ц*андер* — 442, 450
Цанков, Д. — 110, 240
Цзай Тянь — 367
Цзен Цзи-цзе — 222
Цзи Сю — 521
Цзо Цзун-тан — 222
Цзэн — 525
Циммерман — 780
Цин — 303, 354
Цыси — 303, 515

Ч*арыков* — 655, 656, 658, 659, 669, 712, 713, 714, 736, 764
Чемберлен, Джозеф — 166, 194, 291, 361, 362, 368, 369, 371, 372, 373, 375, 376, 405, 425, 438, 439, 448, 449, 463, 464, 469, 470, 471, 530, 534, 552
Чемберс — 467, 468
Черняев — 94
Черчилль, Рандольф — 246
Черчилль, Уинстон — 718, 720, 784, 798
Чеффи — 518
Чжан Ин-хуан — 361
Чжао Шу-цяо — 521
Чжуан — 521
Чун Хоу — 221, 222
Чунь — 726
Чэн Юй-ин — 231

Ш*абризр* — 547
Шавров, Н. — 225
Шаспо — 51

Швабах — 570
Швейниц — 102, 103, 137, 253
Шемуа — 745
Шён — 637, 658, 680, 800
Шер-Али — 63, 64, 65, 69, 71, 72, 73, 191, 193, 194, 196, 197, 198
Шерман — 393, 399, 417
Шиллинг — 785
Шиман — 602, 714
Шифф — 551, 592, 721
Шишкин — 320, 321, 339, 341, 342, 345
Шкода — 635
Шлиффен — 568, 602, 603, 618, 626, 766, 767, 790, 801
Шнебеле — 255, 256
Шнейдер — 37, 553, 567, 569, 635, 676, 678, 709
Шредер — 487
Штенгель — 459
Штумм — 378, 674, 684
Шувалов, Павел — 241, 242, 247, 248, 249, 251, 252, 257, 258, 259, 323, 324
Шувалов, Петр — 34, 68, 89, 113, 114, 116, 117, 118, 125, 128 129, 132, 148, 149, 150, 151, 156, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 242, 247, 248, 249, 251, 252, 253, 256, 264, 266
Шустер, Морган — 695, 696, 697
Шуфельдт — 214, 215

Эдуард VII — 543, 556, 558, 570, 626, 630, 645, 646, 715
Эйленбург, Филипп — 603
Эккардштейн — 530, 531, 532, 533
Эллиот — 107
Энвер-бей — 665
Энгельс, Ф. — 27, 28, 32, 54, 177, 187, 230, 278, 805
Эрбетт — 254
Эрве — 601
Эренталь — 636, 637, 640, 641, 642, 644, 646, 647, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 664, 665, 667, 668, 669, 670, 671, 688
Эрран — 498
Этьенн — 569, 679

Юань Ши-кай — 217, 218, 299, 308, 515, 729, 730
Юй Сянь — 521

Ягов — 776, 777, 781
Якуб-бек — 62, 63, 68, 221
Якуб-хан — 69, 70, 198, 199
Ямагата — 331, 526, 535, 537, 729
Янушкевич — 794, 795

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Глава первая. **После Франкфуртского мира (1871—1875 гг.).** . . 32

Франко-германские отношения в 1871—1873 гг. — Соглашение трех императоров. — Франко-германский конфликт 1874 г. — Миссия Радовица (февраль 1875 г.). — Военная тревога 1875 г. — Классовая база внешней политики Германской империи и Третьей Французской республики.

Глава вторая. **Англо-русская борьба на Среднем Востоке в 70-х годах XIX в.** 60

Английская дипломатия в Западном Китае. — Англо-русские переговоры о разделе Средней Азии. — Переход английского правительства к усиленной экспансии в Средней Азии. Подготовка войны против Афганистана. — Английская и русская экспансия в Туркмении. — Англо-русское соперничество в Персии. — Концессия Рейтера.

Глава третья. **Ближневосточный кризис (1875—1877 гг.)** . . . 83

Герцеговинское восстание и европейская дипломатия. — Подавление болгарского восстания и сербо-турецкая война. — Рейхштадтское свидание. — Антитурецкая кампания в Англии. Дизраэли и вопрос о судьбах Турции. — Миссия генерала Вердера. — Миссия барона Мюнха. — Русский ультиматум. — Константинопольская конференция. — Дипломатия болгарского национально-освободительного движения. — Будапештская конвенция. — Франко-германская военная тревога 1877 г. и Лондонский протокол.

Глава четвертая. **Русско-турецкая война (1877—1878 гг.) и Берлинский конгресс (1878 г.)** 117

Русско-турецкая война. — Сан-Стефанский мир. — Берлинский конгресс 1878 г.

Глава пятая. **Австро-германский союз и возобновление договора трех императоров** 134

Предпосылки австро-германского союза. — Ухудшение русско-германских отношений. — Австро-германский союз (7 октября 1879 г.). — Международное положение и внешняя политика России после Берлинского конгресса. — Константинопольский мирный договор и эвакуация русских войск из Турции. Воссоздание болгарского национального государства. — Возобновление соглашения трех императоров.

Глава шестая. **Колониальная экспансия капиталистических государств в Африке** 162

Переход к империализму и усиление колониальной экспансии в конце XIX в. — Англия и Суэцкий канал. — Финансовое закабаление Египта. — Оккупация Египта. — Захват Туниса Францией (1881 г.). — Заключение Тройственного союза (1882 г.). — Захват Конго (1879—1884 гг.). — Берлинская конференция. — Колониальная политика Бисмарка. — Борьба за Южную и Западную Африку. — Египетский финансовый вопрос в 1884 г. — Сомали и Эфиопия.

Глава седьмая. **Борьба за раздел Азии в конце 70-х и в 80-х годах XIX в.** 189

Финансовый контроль над Турцией. — Англо-афганская война и миссия генерала Столетова в Кабуле. — Завоевание Туркмении. — Англо-русский конфликт 1885 г. — Англо-русское соперничество в Персии. — Начало японской агрессии. — Американская экспансия в Корее. — Развитие японской агрессии против Кореи. — Английская экспансия на Дальнем Востоке в 70—

80-х годах XIX в. — Конфликт царского и цинского правительств в Синьцзяне. — Англия, Россия и Китай. — Сибирская железная дорога. — Колониальная экспансия в Юго-Восточной Азии. — Французская экспансия в Индокитае. — Захват Верхней Бирмы. — Результаты борьбы за раздел Азии.

Глава восьмая. **Балканский вопрос и франко-германские противоречия (1885—1890 гг.). Заключение франко-русского союза** . . 236

Болгарский кризис 1885—1886 гг. — Русско-германские экономические противоречия. — Обострение франко-германских противоречий. — Крах «союза трех императоров». — Военная тревога в январе 1887 г. — Средиземноморская Антанта. — «Дело» Шнебеле. — Договор перестраховки. — Ухудшение русско-германских отношений. — Солсбери и английская политика «блестящей изоляции». — Отставка Бисмарка. — Бисмарк как дипломат. — «Новый курс» германской политики. — Таможенная политика Каприви. — Крах попыток англо-германского сближения. — Франко-русский союз (1891—1893 гг.).

Глава девятая. **Начало англо-германского антагонизма** 279

Англо-германский антагонизм. — Конфликт из-за железнодорожных концессий в Турции. — Германия и Англия в Центральной Африке. — Пангерманский союз и его агитация. — Германия и Англия в Южной Африке. Набег Джемсона и телеграмма Вильгельма II Крюгеру. — Последствия южноафриканского кризиса.

Глава десятая. **Японо-китайская война** 297

Японская экспансия и обострение дальневосточного вопроса. — Политика Англии и России на Дальнем Востоке в начале 90-х годов XIX в. — Японо-китайская война. — Вопрос о мирных переговорах и Симоносекский мирный договор. — Вмешательство России, Франции и Германии в японо-китайские отношения. — Успехи русской дипломатии в Китае.

Глава одиннадцатая. **Ближневосточный кризис 1894—1897 гг.** . . 333

Армянский вопрос и англо-русские отношения. — Политика Франции. — Давление английской дипломатии на Турцию. Проект Нелидова. — Греко-турецкая война. — Россия и Австро-Венгрия на Балканах в 90-х годах XIX в. — Австро-русское соглашение 1897 г. — Итало-эфиопская война (1895—1896 гг.).

Глава двенадцатая. **Борьба за раздел Китая. Переговоры об англо-германском союзе** 353

Захват китайских портов. Борьба за концессии. — Переговоры об англо-германском союзе. Чемберлен и Бюлов как дипломаты. — Англо-германское соглашение о разделе португальских колоний. — Германский военно-морской закон 1898 г.

Глава тринадцатая. **Испано-американская война (1898 г.)** 383

Таможенные тарифы на службе монополий и их дипломатия. — Цели американского империализма. — Пропагандистская подготовка конфликта с Испанией и роль дипломатии. — Деятельность американской дипломатии при Кливленде. Международное положение США. — Политика и дипломатия правительства Мак-Кинли. — Коллективное выступление европейских держав. — Испано-американская война. — Притязания германского империализма. — Переговоры о перемирии. — Испано-американская мирная конференция. — Дипломатия кубинского и филиппинского национальных правительств. — Характер и значение испано-американской войны.

Глава четырнадцатая. **Завершение борьбы за раздел мира** . . . 421

Раздел Судана и фашодский инцидент. — Политика сторон. — Переговоры между английскими и французскими колонизаторами о разделе Судана. — Багдадская железная дорога. — Паломничество кайзера к «святым местам» и прибыли германского капитала. — Сделка германских и французских банкиров. — Позиция английского империализма. — Переговоры о концессионном договоре. — Багдадская дорога и царская Россия. — Русско-турецкое соглашение. — Гаагская конференция 1899 г. — Начало англо-бурской войны. — Англо-бурская война и Германия. Раздел островов Самоа. — Интриги по поводу вмешательства в англо-бурскую войну. — Политика бурских республик. — Германская военно-морская программа. — Экономический кризис 1900 г. — Изменения в условиях франко-русского союза. — Царское правительство и международная биржа.

Глава пятнадцатая. **Доктрина «открытых дверей» и политика «большой дубинки» (1899—1904 гг.)** 489

«Доктрина Хэя» («открытые двери» в Китае). — Англо-американский договор о Панамском канале. — Фактический захват Панамского перешейка Соединенными Штатами. — Колониальное закабаление Кубы. — США и англо-германское выступление против Венесуэлы. — Закабаление Доминиканской республики.

Глава шестнадцатая. **На путях к русско-японской войне (1900—1903 гг.)** 514

Народное восстание в Китае. — Соперничество империалистов в бассейне Янцзы. — Заключительный протокол и новое ограбление Китая. — Борьба В. И. Ленина против колониальной политики. — Русско-японская борьба за Маньчжурию в 1900—1901 гг. — Политика США. — Переговоры об англо-германском союзе (весна 1901 г.). — Начало переговоров об англо-японском союзном договоре. — Миссия Ито. — Англо-японский договор. — Соглашение об эвакуации Маньчжурии. — Дальнейшее проникновение иностранного капитала в Китай. — Попытка англо-русского сближения. — Начало войны. — Общий характер дальневосточной политики русского царизма.

Глава семнадцатая. **Русско-японская война и образование Антанты (1904—1907 гг.)** 550

Международная и стратегическая обстановка в начальный период войны. — Англо-французская Антанта. — Попытка заключения русско-германского союза в конце 1904 г. — Царская Россия и французский капитал. — Марокканский кризис 1905 г. — Свидание Николая II и Вильгельма II в Бьёрке. — Посредничество президента Рузвельта. — Соглашение Тафт — Кацура и конец независимости Кореи. Второй англо-японский союзный договор. — Портсмутский мир. — Ленин о русско-японской войне. — Альхесирасская конференция. — Военное сотрудничество Англии и Франции. — Англо-русское соглашение. — Россия между Германией и Англией. — Свидание в Свинемюнде. Балтийский вопрос и гарантии неприкосновенности Норвегии. — Влияние революции 1905—1907 гг. на международную политику.

Глава восемнадцатая. **Борьба держав Антанты и австро-германского блока. Морское соперничество и боснийский кризис (1908—1909 гг.)** 625

Англо-германское морское соперничество. — Империалистическая борьба за Балканы и Турцию в начале XX в. — Постройка Багдадской дороги и македонский вопрос. — Проект железной дороги на Салоники. — Реакция царской России и Англии. — Подготовка австро-русской сделки. — Турецкая революции 1908 г. и ее влияние на дипломатическую борьбу. — Совещание австро-венгерских министров 19 августа 1908 г. — Свидание в Бухлау. — Внутренняя борьба в царском правительстве по вопросам балканской политики. — Аннексия Боснии и Герцеговины. — Позиция держав. — Позиция Турции и Сербии. — Австро-русский конфликт.

Глава девятнадцатая. **Державы Антанты и Австро-германский блок в 1909—1912 гг. Положение на Дальнем Востоке** 674

Франко-германский антагонизм. Соглашение о Марокко 9 февраля 1909 г. — Развитие англо-германского морского соперничества. Очередная попытка германской дипломатии разрушить Антанту. — Русско-итальянское соглашение в Раккониджи. — Революция в Персии и империалистическая дипломатия. — Экспансия германского капитала в Персии. Потсдамское свидание. — Агадир. — Итало-турецкая война. — «Демарш Чарыкова». — Миссия Холдена. — Упрочение англо-французской Антанты. — Дальневосточный вопрос в 1908—1912 гг. Японо-американские противоречия. — Возобновление англо-японского союза (1911 г.). — Империалистическая дипломатия и китайская революция. — Автономия Внешней Монголии. — Закабаление Тибета английским империализмом.

Глава двадцатая. **Балканские войны (1912—1913 гг.)** 734

Балканский блок. — Франко-русская морская конвенция и приезд Пуанкаре в Петербург. Греко-болгарский союз. — Первая Балканская война. — Совещание послов в Лондоне. — Вторая Балканская война. — Бухарестский мир. — Балканский вопрос в конце 1913 — начале 1914 г. — Миссия Лимана фон Сандерса. — Проблема черноморских проливов накануне первой мировой войны. — Русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. — Гонка сухопутных вооружений. — Международное рабочее движение и угроза войны.

Глава двадцать первая. **Начало первой мировой войны** 767

Расстановка политических сил. — Военная подготовка и военный потенциал обеих империалистических группировок. — Международное положение к лету 1914 г. Ближний Восток. — Англо-германские отношения в 1913—начале 1914 г. — Германский империализм решается начать войну. — Сараевское убийство. — Переговоры в Потсдаме. — Эдуард Грей как дипломат. — Приезд Пуанкаре в Петербург. Австро-венгерский ультиматум Сербии. — Грей раскрывает позицию Англии. — Германский ультиматум России. — Германия объявляет войну. — Борьба в английском кабинете. — Объявление Германией войны Франции. — Вторжение германских войск в Бельгию.

Указатель имен 808

Автор выражает благодарность за ценные замечания и советы, которые помогли ему в работе над книгой, следующим товарищам: *И. В. Бестужеву, Ю. В. Борисову, А. С. Ерусалимскому, А. В. Ефимову, П. В. Жогову, Л. И. Зубоку, Л. Н. Кутакову, М. П. Лесникову, Л. А. Леонтьеву, А. З. Манфреду, А. Л. Нарочницкому, И. И. Потехину, А. Л. Сидорову, С. Л. Тихвинскому, Н. А. Халфину, Е. Д. Черменскому,* а также сотрудникам сектора истории стран Америки Института истории АН СССР.

Автор благодарит Архив внешней политики России МИД СССР за предоставленные архивные материалы, а также *Е. Н. Гущину* и *В. М. Холодковского* за помощь на различных стадиях подготовки книги к печати.

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ, т. II

Редактор *Г. Вербицкий*

Художник *Н. Симагин*

Технический редактор *Н. Трояновская*

* * *

Сдано в набор 9 ноября 1961 г. Подписано в печать 29 мая 1963 г. Формат 60×92¹/₁₆. Физ. печ. л. 51¼. Условн. печ. л. 51,25. Учетно-изд. л. 57,77. Тираж 68 тыс. экз. А 07648. Заказ № 832. Цена 1 р. 50 к.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление целлюлозно-бумажной и полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Супер-обложка отпечатана на 1-й фабрике Офсетной печати. Ленинград, Кронверкская, 9.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
35	10-я снизу	Для германского правительства	Для врагов германского правительства
55	17-я снизу	национал-либералы, и обе консервативные партии сплотились	национал-либералы и обе консервативные партии, сплотились
90	22-я сверху	приурочив его	приурочив ее
112	16-я сверху	Рейхштадтского договора	рейхштадтского сговора
131	8-я сверху	20 июня	21 июня
135	17-я снизу	они способствовали бы	это способствовало бы
498	1-я сверху	Маринеса Сильва	Мартинеса Сильва

Зак. 832 «История дипломатии», т. II.

9
И90